Anal.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

Томъ седьмой.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ
1900.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

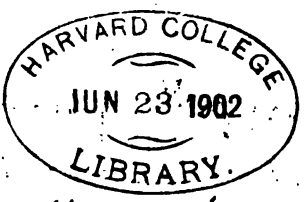
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Digitized by Google

Slav 4345.101
~~Slav 4342.1~~



Minot fund

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМАГО ТОМА.

	Стр.
Германцы-завоеватели Запада.—Ѳеодорикъ.—Царство Готовъ и Лонгобардовъ въ Италіи	1
Бургунды, Алеманны и Франки	5
Дружина Меровинговъ	10
Хлодовикъ	11
Внутренній характеръ державы Меровинговъ	13
Саксы.—Завоеваніе Британніи.—Христіанство въ Ирландіи	17
Саксы и Англы, завоеватели Британніи	24
Лонгобарды въ Италіи	32
Вестготы въ Испаніи.—Измѣненіе символа вѣры	33
Завоеваніе Меровинговъ на Востокѣ	37
Общій характеръ развитія Франціи и Западной Европы	40
Ходъ дѣлъ въ Византіи.—Религіозные споры	44
Значеніе соборовъ	49
Юстиніанъ	50
Языческая и христіанская стихіи въ Византіи	53
Авары и Болгаре.—Ихъ отношеніе къ Славянамъ	56
Маврикій, Ѳока и Ираклій.—Призывъ Славянъ за Дунай	62
Аравія.—Ея племенныя и религіозныя стихіи	67
Магомедъ.—Характеръ Ислама	71
Персія.—Манихейство.—Хозрой и Ираклій	77
Завоеваніе Персіи Исламомъ	84
Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки	86
Халифатъ	89
Византія въ VIII вѣкѣ.—Иконоборство	93

Digitized by Google

Переселеніе Болгаръ.—Хазары..... 98
Царство Хазарское..... 103
Царство Болгарское на Дунаѣ..... 109
Аббасиды..... 116
Обращеніе Славянъ въ Христіанство.—Василій Македонянинъ..... 117
Раздѣленіе церквей, разрывъ Запада съ Востокомъ..... 121
Событія въ Китаѣ..... 129
Начало Японскаго царства..... 142
Американскія государства.—Тольтеки..... 145
Индустанъ.—Вѣка его паденія..... 154
Абиссинія.—Борьба въ ней Іудейства и Христіанства..... 160
Мусульманскій міръ: Омміяды и Аббасиды..... 163
Распаденіе калифата..... 165
Процвѣтаніе мусульманскихъ областей; проявленіе въ нихъ мѣстныхъ стихій. 166
Персія.—Газневиды.—Завоеваніе Индіи мусульманами..... 173
Начало Турецкихъ завоеваній.—Сельджуки..... 176
Распространеніе Ислама между Хазарами и Болгарами Волжскими..... 182
Волжская Болгарія и Русь..... 186
Христіанство и Мусульманство.—Причины временнаго преобладанія послѣдняго..... 189
Римскій епископъ и Франки..... 193
Характеръ историческаго развитія Западной Европы.—Церковь западная въ сравненіи съ восточною..... 198
Государственная жизнь на Западѣ.—Франки и Галлы..... 213
Борьба меровъ съ духовенствомъ..... 229
Духовная борьба Кельтовъ съ Германо-римскими началами..... 232
Распространеніе Христіанства въ Германіи..... 235
Карлъ Великій..... 237
Значеніе Карла Великаго къ исторіи новой Европы..... 253
Преемники Карла Великаго..... 259
Мадьяры..... 279
Возрожденіе Германіи.—Генрихъ Птицеловъ.—Чехія..... 293
Оттонъ Великій.—Преобладаніе Германіи.—Его причины..... 296
Начало борьбы императорской власти съ папскою.—Преемники Оттона.. 302
Земли Славянскія.—Принятіе Христіанства Польшею..... 307
Генрихъ II, Конрадъ Салійскій и Генрихъ III..... 309
Франція при послѣднихъ Карловингахъ..... 313
Капетинги.—Политическое и нравственное преобладаніе Франціи..... 320
Англія подъ властію Англо-Саксовъ.—Ея племенныя стихіи..... 326

Digitized by Google

Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи..... 341
Христіанство въ Англіи..... 345
Саксонская гептархія..... 349
Земли Скандинавскія—Завоеваніе Норманновъ въ Англіи..... 354
Альфредъ Великій..... 362
Преемники Альфреда.—Умственное развитіе Англіи..... 368
Эдгаръ.—Присоединеніе Англіи къ Скандинавскимъ государствамъ.—Канутъ Великій..... 380
Эдуардъ Исповѣдникъ—Франко-норманское завоеваніе..... 391
Англія при первыхъ Нормансихъ корояхъ.—Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею..... 401
Италія послѣ Карла Великаго..... 413
Развитіе папства..... 440
Испанія послѣ завоеванія Арабами..... 451
Сѣверъ Европы: Швеція—Ея племенныя стихіи и миѳы..... 472
Примѣчанія издателя.

Digitized by Google

Digitized by Google

Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ, которыхъ было множество на Западѣ Европы, утратившей значительную часть своего народонаселенія. Они искали земель обитаемыхъ народовъ, надъ которыми можно бы было властвовать, людей, которыхъ можно бы было обратить въ орудіе и рабовъ. Исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами.

Въ концѣ V столѣтія пала имперія Западная. Завоеватели Италіи, дикіе выходцы изъ лѣсовъ Литвы, Герулы были вскорѣ побѣждены Остготами, основателями государства временно сильнаго, но недолговѣчнаго. Различіе между Вестготами и другими племенами, нахлынувшими на Римскій міръ, очень разительно; еще разительнѣе превосходство Остготовъ. Вождь ихъ Ѳеодорикъ, въ молодости поочередно слуга и врагъ Византійской имперіи, потомъ побѣдитель Геруловъ и Ругіевъ, спаситель Вестготскаго царства въ Галліи отъ напора Франковъ, покровитель и почти владѣтель Южной Германіи, представляетъ утѣшительное явленіе въ вѣкѣ глубоко развратномъ и дикомъ. Кротость нравовъ, любовь къ просвѣщенію и правдѣ, снисходительность къ побѣжденнымъ и уваженіе къ заслугамъ на поприщѣ мысли и знанія, ставятъ его въ рѣзкую противоположность съ бездушнымъ Франкомъ, Хлодовикомъ и съ свирѣпымъ Лонгобардомъ, Альбоиномъ. Побѣда вѣнчала его воинскія предпріятія; современные народы видѣли въ немъ миротворца и праведнаго рѣшителя ихъ судебъ. Гордая Византія почтила по неволѣ его силу именемъ и вѣнцемъ царскимъ, лѣтопись назвала его великимъ, и народное преданіе, котораго судъ часто бываетъ вѣрнѣе суда современниковъ и лѣтописцевъ, окружило его память негаснущими лучами поэзіи.

Должно однакоже замѣтить, что Восточная, полу-Славянская Германія выражаетъ въ своихъ преданіяхъ чувство враждебное Ѳеодорику (Дитриху Бернскому). Во многихъ мѣстностяхъ она называетъ его именемъ полуночнаго страшилища, дикаго ловца, духа бури и разрушенія. Лѣ-

Digitized by Google

тописецъ Новгородскій, очевидно свободный отъ Византійскаго вліянія и посредникъ Россіи съ Западомъ, также къ нему не благоволитъ. Такое враждебное чувство, кажется, должно приписать Ругіямъ и другимъ полуславянскимъ семьямъ, или побѣжденнымъ или изгнаннымъ Остготами изъ областей южныхъ.

Таковъ былъ первый царь Остготовъ въ Италіи, и его сподвижники были во многихъ отношеніяхъ достойны своего вождя. Въ нихъ видна готовность принять обычаи жизни образованной, подчинить закону свой личный произволъ, сострадать туземцамъ, отказаться отъ дикости быта военнаго и водворить миръ не только въ своей странѣ, но и въ странахъ сосѣднихъ. Благородная смѣлость, прямодушіе и славолюбіе являются въ характерѣ многихъ царей слишкомъ краткой династіи Ѳеодорика. Нравственное превосходство Готовъ объясняется довольно раннимъ христіанствомъ и долгимъ пребываніемъ въ странахъ просвѣщеннаго Востока; превосходство ихъ восточной вѣтви не объясняется ничѣмъ, кромѣ долгаго житія въ землѣ народа осѣдлаго, кроткаго и торговаго, Приднѣпровскихъ Полянъ.

Вестготы владѣли дикою областью Древлянскою.

Захваченные разливомъ Гунновъ, увлеченные ихъ неодолимою силою и подчиненные внутренней, не надолго проснувшейся жизни Славянскаго міра, Остготы не одичали; они облагородились, возвысились духомъ и мыслію и утратили рѣзкую суровость чисто-Германскаго племени.

Въ самомъ измѣненіи Остготовъ, прежде всѣхъ покорившихся Гуннамъ, долѣе всѣхъ остававшихся въ подчиненности и участвовавшихъ во всей борьбѣ Славянскаго освобожденія, отъ береговъ Днѣпра до береговъ Луары, виденъ характеръ Гуннскаго союза. Не таково было бы вліяніе Средне-азійскихъ дикарей.

Мы имѣемъ свидѣтельство Іорнанда о принятіи Остготами именъ Гуннскихъ; и разумная критика не можетъ предполагать, чтобы заемъ ограничился именами и не отозвался въ обычаяхъ и языкѣ. Дѣйствительно, характеръ Славянскій отзывается въ переводѣ Ульфилы почти столько же, сколько Гер-

Digitized by Google

манскій, и показываетъ въ нарѣчіи Готскомъ нарѣчіе переходное между вѣтвями Восточно - и Западно - Иранскою. Но сходство Готскаго языка съ Славянскимъ не можетъ считаться вполнѣ кореннымъ: оно происходило отъ вліянія Славянъ на Готовъ, своихъ побѣдителей, а потомъ подручниковъ. Это явно изо всѣхъ остальныхъ фактовъ и согласно съ доводами апріористическими. Такое же вліяніе было бы по всей вѣроятности замѣтно и въ нарѣчіяхъ другихъ семей, нѣкогда владѣвшихъ Славянскою землею, если бы у насъ сохранились памятники тогдашняго слова. Оно объясняетъ быстрое распространеніе Аріанства отъ Готовъ на всю систему восточныхъ (т. е. мѣшанныхъ) Германцевъ, между тѣмъ какъ оно остановилось, какъ скоро дошло до областей чисто-Германскихъ или не ославянившихся племенъ, слѣдовательно говорящихъ другимъ нарѣчіемъ. Точно тоже вліяніе замѣтно и во многихъ подробностяхъ законодательства и едва ли не въ самомъ свидѣтельствѣ Іорнанда, что древніе законы Готскіе были законами *Гетовъ* и назывались въ старину *Be Magines* (едва ли не Славянское слово *бѣлыгъ* т. е. запись).

Не должно забывать вѣчнаго педантства полу-ученаго Іорнанда, не позволяющаго себѣ ни простоты, ни даже правильной передачи словъ и именъ изъ нарѣчій варварскихъ.

Наконецъ тоже самое вліяніе народа пѣвучаго и дорожащаго словомъ видно въ возвышеніи героевъ Остготскихъ до значенія эпическихъ героевъ. Эта слава принадлежитъ только двумъ семьямъ Германскимъ (Остготамъ и Бургундцамъ), жившимъ между лучшими представителями Славянства, въ землѣ Прибалтійскихъ горожанъ и Приевксинскихъ землѣпашцевъ. Вожди Бургундцевъ и Готскіе Эрманарихъ и Дитрихъ одни сохранились сладко-звучною пѣснію для памяти народной, давно забывшей всю славу и всѣ имена Западно-Германскихъ завоевателей.

Очевидно, что въ этомъ явленіи, при соприкосновеніи двухъ міровъ, Славянскаго и Германскаго, повторился фактъ, уже замѣченный въ духовной исторіи Эллады, которой поэты и поэтическія преданія связаны съ Троею или областью Ѳракійскою. Вообще долж-

Digitized by Google

но замѣтить, что наука, принимающая языкъ Готскій за первобытную форму Германскаго, отправляется отъ предположенія совершенно произвольнаго и ложнаго. Чѣмъ далѣе отступаемъ мы къ древности въ вѣкахъ историческихъ, тѣмъ разнороднѣе являются нарѣчія и тѣмъ рѣзче ихъ зависимость отъ личности отдѣльныхъ семей. Обще-германская форма принадлежитъ къ эпохѣ несравненно древнѣйшей. Нарѣчія Славянскія представляютъ ходъ обратный. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу и къ формамъ, преобладающимъ въ языкѣ Великорусскомъ, менѣе другихъ принявшемъ примѣси чужой.

Блистательно было выступленіе на поприще историческое племени Остготскаго, перваго изо всѣхъ племенъ Германскихъ принявшаго начала человѣческой образованности; но непродолжителенъ былъ его подвигъ. Земля Италіи хранила еще слишкомъ много воспоминаній старины, чтобы покориться полу-варварамъ безъ ропота. Аріанство (христіанство, искаженное въ своихъ основахъ) слишкомъ рѣзко отдѣляло пришельца-побѣдителя отъ побѣжденнаго туземца и содержало въ себѣ слишкомъ мало силъ и зародышей логическаго развитія; наконецъ слишкомъ близка была Византія, еще не вполнѣ утратившая свои силы и сохранившая свои притязанія на Римское наслѣдство. Не прошло ста лѣтъ, и Остготы, также какъ и Вандалы въ Африкѣ, были уничтожены Византійскими ополченіями. Германцы сражались съ мужествомъ, достойнымъ ихъ воинственнаго племени; цари не помрачили славы, завѣщанной основателемъ царства, Осодорикомъ Великимъ по нелюбовь народа къ сѣвернымъ завоевателямъ, искусство Византійцевъ и военныя доблести Велисарія и Нарсеса одержали побѣду. Славное имя Остготовъ и грозные Вандалы исчезли безъ слѣда.

Еще короче было торжество древняго просвѣщенія надъ силою дикихъ народовъ, приливающихъ съ Сѣвера. Едва погибли Готы, и сѣверная Италія снова была вырвана изъ рукъ Византіи свирѣпыми Лонгобардами. Новые завоеватели были во всѣхъ отношеніяхъ хуже своихъ предшественниковъ, но они были счастливѣе. Исторія ихъ начинается отвратительною

Digitized by Google

смѣсью убійствъ и разврата, мало чѣмъ уступающею лѣтописямъ Меровингскимъ, и не представляетъ ни одной блистательной страницы; но нравы ихъ вскорѣ покорились благому вліянію земли нѣкогда просвѣщенной, и Византія, ослабѣвшая въ страшныхъ борьбахъ съ Аваро-Славянами, Персіею и Исламомъ, уже не могла нанести сильнаго удара новымъ завоевателямъ западнымъ. За всѣмъ тѣмъ внутренняя слабость Аріанства, духовный раздоръ между правителями и подданными, сила папскаго престола, представляющаго ученіе Никейскаго собора, и непокорное упрямство земли Итальянской приготовили паденіе Лонгобардовъ. Прошло съ небольшимъ два вѣка, и царство ихъ погибло подъ ударами Франковъ, возведенныхъ на высшую ступень могущества умомъ Пипина и мечомъ Карла Великаго. Готская вѣтвь Германцевъ, сломившая западную имперію въ бѣгствѣ своемъ передъ Гуннами и увлекшая за собою все Германское племя, исчезла вездѣ, кромѣ далекаго Пиренейскаго полуострова.

Бургундцы, Алеманны и Франки.

Другому народу было суждено править судьбами Европы. Жители западной Германіи находились долго подъ перемежающимся игомъ, подъ постоянною зависимостью отъ Рима. Войска Римскія доходили не разъ до Эльбы, съ Запада отъ Рейна или съ Юга отъ верховьевъ Дуная; Римскія крѣпости стояли на берегахъ Везера. Подвигъ Арминія, устранивъ, можетъ быть, полное и совершенное завоеваніе западной Германіи, не спасъ ея отъ состоянія подручности. Семьи, ближайшія къ Рейну, были мало-по-малу обращены въ полное подданство и вошли въ общую жизнь имперіи. Онѣ привыкли къ труду, внушавшему отвращеніе ихъ праздным предкамъ, къ житію въ большихъ селеніяхъ и наконецъ къ градожительству подъ законами, занятыми у Римскихъ муниципій, но не утратили ни своего языка, ни своей Германской физіономіи. Отъ городовъ, въ которыхъ они сперва были заключены поневолѣ Римскою властію и съ которыми они мало-по-малу свыклись, получили они названіе Бургундцевъ, точно такъ же какъ и другіе Германцы

Digitized by Google

получили такое же имя на Востокѣ Германіи отъ городовъ Славянскихъ. Вліяніе обычаевъ законныхъ и образованности было не безплодно для Бургундцевъ Прирейнскихъ; они впитали въ себя много благихъ началъ, облагораживающихъ душу человѣка и рано приняли христіанство отъ Галльскихъ проповѣдниковъ. Гибельнѣе было вліяніе Рима на другія воинственныя семьи западной Германіи. Слишкомъ отдаленныя отъ Рейна и слишкомъ сильныя, чтобы подпасть вполнѣ Римскому игу, слишкомъ близкія и разрозненныя, чтобы вполнѣ отъ него освободиться, онѣ въ вѣковой борьбѣ и къ вѣковой службѣ развили всю свирѣпость своего воинственнаго характера, всѣ буйные пороки празднаго дикаря, и присоединили къ нимъ весь развратъ древней образованности, все грубое себялюбіе, жажду къ корысти, которыми заклейменъ былъ Римъ цесарской и императорской эпохи. Необходимость защиты противъ общаго врага, сознаніе общихъ выгодъ и отчасти племенно сродство соединили ихъ въ одинъ могучій союзъ. Когда Римъ ослабъ и, уже не мечтая о завоеваніяхъ, едва находилъ въ себѣ довольно силъ для собственной защиты, тогда освободился союзъ Привезерскихъ Германцевъ, нѣкогда полурабовъ; радость новоприобрѣтенной свободы выразилъ онъ, придавъ себѣ названіе людей свободныхъ, *Франковъ*.

Новые критики искали въ потѣ лица своего много различныхъ объясненій для слова *франкъ*. Трудъ напрасный. Прежнее объясненіе (люди свободные), безспорно истинное, оправдывается не только вѣроятностію историческою, но и здравою филологіею. *Фрей*, *фрехъ* и *Франкъ* безспорно выросли изъ одного корня и близки другъ другу по значенію. Разница ихъ есть или слѣдствіе слившихся нарѣчій, или разныхъ оттѣнковъ одной основной мысли. Это подтверждается самою поговоркою *frei und frank*. Критики непремѣнно предполагаютъ коренное различіе между этими двумя словами, боясь плеоназма. Если бы они вникли въ общій характеръ народныхъ поговорокъ, они поняли бы несомнѣнность полу-плеоназма, усиливающаго выраженіе основной мысли. Самый же корень словъ *фрей*, *фрехъ* и *франкъ*, кажется, исчезъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ, но онъ уцѣлѣлъ въ Сла-

Digitized by Google

вянскомъ *пря* (война, Англ. *fray*). Идея войны должна была перейти въ идею свободы для воинственнаго дикаря, не понимающаго мирной человѣческой свободы.

Устья Рейна и сѣверо-восточная Галлія перешли мало-помалу въ руки Франковъ, и наступательное ихъ движеніе продолжалось постепенно далѣе и даляе на Западъ.

Юго-западная Германія, берега верхняго Рейна и верховья Дуная, долго составлявшія часть Имперіи, сдѣлались добычею восточнаго Германскаго племени, *Свевовъ*. Древняя земля Славянъ (Вендовъ Великихъ, Винделикія), покоренная Римомъ при Августѣ, была обращена въ военное поселеніе и наполнена изъ разныхъ областей (особенно изъ Галліи) выходцами, платившими вѣчною службою за земли, дарованныя государствомъ. Новое мѣшанное племя съ преобладающею Кельтскою стихіею вытѣснило Славянъ, которыхъ небольшіе остатки, пощаженные побѣдителемъ или уцѣлѣвшіе въ лѣсныхъ и горныхъ округахъ еще долго свидѣтельствовали о племени прежнихъ туземцевъ.

Ученость Германская немало имъ удивлялась, да и удивляться не перестанетъ, покуда не пойметь общаго заселенія всей средней Европы Восточно-Иранскою вѣтвію, вытѣсненною въ послѣдствіи Иранцами западными.

Военныя колоніи уступили въ свою очередь напору Германцевъ, и Свевы-побѣдители, припявъ имя Алеманновъ (до сихъ поръ необъясненное) вступили въ безпрестанную борьбу не только съ Имперіею, но и съ ея завоевателями.

Такова была купа Германскихъ народовъ, столпившихся на берегахъ Рейнскихъ и оспаривающихъ другъ у друга будущее обладаніе Галліею. Они отличались во многихъ отношеніяхъ отъ переселенцевъ Готскаго отдѣла, языкомъ, обычаями и характеромъ. Они не подверглись ни кроткому вліянію народовъ Славянскихъ, ни облагораживающему вліянію Эллинскаго просвѣщенія, ни еще высшему вліянію христіанства (за исключеніемъ Бургундцевъ). Но, уступая Готамъ въ отношеніяхъ духовныхъ, они далеко превосходили ихъ въ условіяхъ вещественной силы и вещественнаго успѣха. Франки и Але-

Digitized by Google

манны сохраняли ещё неизмѣнную воинственность, ставящую войну единственною цѣлію жизни; они сохраняли свѣжесть своей дикости и восторженное напряженіе односторонняго стремленія. Наконецъ всѣ они, не исключая Бургундцевъ, стояли на своей землѣ, близко къ своей братьѣ, почерпая безпрестанно новыя силы изъ глубины Зарейнской Германіи и крѣпчая послѣ временныхъ пораженій. Готы были бѣглецами, оторванными отъ народовъ единокровныхъ, дружиною безпрестанно таящею въ вѣчномъ странствованіи, слабѣющею даже отъ побѣдъ и гибнущею при пораженіяхъ.

Но не для всѣхъ Прирейнцевъ были равныя вѣроятности успѣха. Бургундцы, болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ, уступали своимъ соперникамъ въ числительной силѣ, не смотря на безсомнѣнное присоединеніе къ нимъ Бургундцевъ восточныхъ, которыхъ имя исчезаетъ изъ исторіи и изъ разсказа лѣтописцевъ о перехожденіи народовъ.

Тоже самое доказывается и слѣдами Аріянства и слѣдами Славянскихъ именъ. Самое вліяніе объясняется естественнымъ сходствомъ обычаевъ между племенами, привыкшими къ градожительству, тяготящимися странствованіемъ и, можетъ быть, обманутыми случайностью одноименности до вѣрованія въ родство или тождество племенное.

Бургундны были по своему положенію далѣе отъ источника дружинной силы Германіи; еще далѣе были они отъ сочувствія дикарей по своимъ полуобразованнымъ нравамъ и отъ союза съ идолоноклонниками по вѣковому христіанству. Имъ должно было пасть въ борьбѣ, по двойственности направленія и слабости началъ.

Равнѣе были силы Алеманновъ и Франковъ: равныя выгоды мѣстности, равная воинственность, равное отношеніе къ внутренней Германіи. Но равенство было только въ смыслѣ отпора, а не завоеванія. Алеманны находились еще вполнѣ въ эпохѣ народности; дружина была племенная, слѣдственно непостоянная. Франки уже переходили въ эпоху государственности.

Digitized by Google

Дружина племенная служила только опорою дружинѣ княжеской. Это очевидно изъ сличенія законовъ Салическаго и Алеманскаго. Другая причина, до сихъ поръ мало замѣченная, еще болѣе давала перевѣсъ Франкамъ. Давно уже ихъ рати переступили границы своей родины: земля прежнихъ Батавовъ, часть Бельгіи, населенной Кельто-Кумрійцами (Беолгами) и приморье Океана, земля Славянскихъ Поморянъ (Мориновъ, теперешній Зеландъ) уже были заняты выходцами изъ области Франкской. Но это завоеваніе не было дѣломъ народа. Смѣлые вожди съ дружиною, выбранною изъ единоплеменниковъ и признающею въ нихъ власть уже не стѣсненную законами общины, сдѣлались владѣтелями обширной страны, нѣкогда богатой и невполнѣ одичавшей. Многочисленные подданные или подручники составляли для новыхъ завоевателей силу отдѣльную отъ Зарейнскаго союза.

Значительность Кельтскаго начала доказывается слѣдами Кельтскаго нарѣчія въ примѣчаніяхъ на Салическій законъ. Хотя очевидно, что въ этихъ примѣчаніяхъ многія слова (какъ напр., *баранъ*, *хренъ* и др.) очень близки кореннымъ Славянскимъ (боровъ, хрянъ и др.); здравая критика не можетъ сомнѣваться въ чисто-Кельтской основѣ нарѣчія Прирейнскаго. Съ другой стороны здравая критика не можетъ также сомнѣваться въ чисто-Славянскомъ (Восточно-Иранскомъ) населеніи Приморья и устьевъ Рейна. Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю Славянскому въ древнихъ кладбищахъ, подтверждаютъ истину уже доказанную постоянною связью Менапіевъ и Мориновъ съ Венетами, общностью быта мореплавательнаго, остатками Славянскаго языка въ нарѣчіи Утрехтскомъ, именемъ многихъ рѣкъ и болѣе всего несомнѣннымъ свидѣтельствомъ всѣхъ мѣстныхъ преданій объ Вильцахъ (*Вильчій*—общее прозвище Вендовъ), объ имени Славянъ и ихъ войнахъ съ Римлянами и Саксами и о Богѣ *Белѣ*, котораго серебряный кумиръ сіялъ необыкновенною бѣлизною (явно Бѣлъ-богъ). Но Славяне, нѣкогда жившіе далеко вверхъ по Рейну и Шельдѣ, уже давно были отодвинуты къ устью рѣкъ и едва ли имѣли вліяніе на развитіе Франковъ. Ихъ вліяніе выразилось позже въ быстромъ развитіи торговли.

Digitized by Google

Дружина Меровинговъ.

Изъ князей, овладѣвшихъ Прирейнскою областію, одна семья получила особенное значеніе. Случай, какъ извѣстно, далъ поводъ къ первому морскому подвигу Франковъ; распространеніе ихъ по морскому берегу и по землѣ народа мореплавательнаго обратило временно ихъ помыслы къ морскому разбою. Берега Галліи, Британніи и далекой Испаніи были не разъ опустошаемы ихъ жадными дружинами; Римскіе флоты, устроенные въ гаваняхъ Океана, не могли достаточно охранить Римскую область и безполезно гонялись за легкими челноками Германскихъ разбойниковъ. Но мореплаваніе, случайное занятіе, не было врожденною страстію Франковъ; они скоро уступили морскому превосходству Саксонцевъ и обратили свою силу на завоеванія сухопутныя и на беззащитную Галлію. За всѣмъ тѣмъ богатства, собранныя въ прежнихъ набѣгахъ по берегамъ Океана и вѣроятно торговля, никогда вполнѣ неисчезавшая въ землѣ Поморской, дали князьямъ, владѣющимъ ею, огромный перевѣсъ надъ всѣми другими. Такова безъ сомнѣнія причина быстраго возвышенія Франкскаго рода владѣтелей Поморья, земли *Мерувe*, отъ которой они получили родовое прозвище *Меровинговъ* (Поморичей). Въ первый разъ съ ними является цѣлая исторія княжеской династіи и Германцевъ Прирейнскихъ и высказывается та разница въ ходѣ развитія Франковъ и Алеманновъ, которая замѣтна въ памятникахъ ихъ законодательства и объясняетъ разницу ихъ судебъ.

Меровинги вскорѣ поняли свое отношеніе къ другимъ слабѣйшимъ князьямъ, къ союзу Зарейнскому и къ народамъ, владѣющимъ судьбою міра. Князей сдѣлали они своими подручниками, союзу явились какъ его покровители и его передовое войско; признаніе своихъ правъ добыли временною покорностью, то отъ Рима, то отъ Приволжскихъ Славянъ, Гунновъ, тогдашней грозы всей Европы.

Просьбы Меровинговъ къ Гуннскимъ вождямъ объ утвержденіи въ княжеской власти доказываютъ вѣрность, съ которою представлены отношенія всѣхъ Германцевъ къ *Этцелю* (Аттилѣ) въ поэмѣ Нибелунговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальность Франковъ и естественная

Digitized by Google

крѣпость, ихъ области ставили ихъ въ меньшую зависимость, чѣмъ ихъ ближайшихъ единоплеменниковъ. Оттого-то, воспользовавшись уничтоженіемъ силы Бургундцевъ Гуннами, они стали на подяхъ Каталаунскихъ въ рядахъ Аэціева войска.

Въ окончательной борьбѣ съ Аттилою является уже не войско Франковъ, а дружина собственно Меровейская. Вскорѣ послѣ смерти Аттилы и совершеннаго распаденія Западной Имперіи власть княжескаго дома Франковъ Поморскихъ развивается еще болѣе и наконецъ достигаетъ всемірнаго значенія при завоевателѣ всей сѣверной Галліи, Хлодовикѣ.

Хлодовикъ.

Воинственные и хладнокровно-свирѣпые, безгранично-развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ однаго лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а, по словамъ другаго, любили клятву, чтобы наслаждаться клятвопреступленіемъ: таковы были Франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ. Гостепріимство оставалось у нихъ, какъ единственная добродѣтель, уцѣлѣвшая отъ старины. Таковы были Франки, таковъ былъ ихъ вождь Хлодовикъ, достойный представитель своего народа, душа могучая, исполненная великихъ замысловъ, достойная удивленія по необыкновенной силѣ своей и отвращенія по совершенному отсутствію всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Успѣхи его были приготовлены обстоятельствами; но и онъ умѣлъ пользоваться всѣми обстоятельствами для успѣха.

Движеніе народовъ отодвинуло Бургундцевъ къ Югу; Римская имперія уничтожена была въ самой Италіи; Вестготы ограничили свои завоеванія благословенными странами около Пиренеевъ и Средиземнаго моря; опасные соперники Франковъ, Саксы, обратили оружіе свое противъ Британніи; полу-Римская, полу-Кельтская страна въ сѣверной Галліи, малосильная и непривычная вѣрить въ свою силу, ждала завоевателя. На нее обратился первый ударъ Хлодовика, и послѣдняя, еще уцѣлѣвшая, Римская провинція покорилась послѣ недолгаго сопротивленія. Вскорѣ наступила борьба съ Алеманнами, рѣшенная

Digitized by Google

однимъ счастливымъ сраженіемъ. Побѣдитель почувствовалъ себя безспорнымъ владѣльцемъ Галліи. Онъ понялъ необходимость сближенія съ туземцами, онъ понялъ необходимость союза съ единственною еще живою властію народною, духовенствомъ, и принялъ крещеніе. Внѣшнія причины и расчеты, а не внутреннее убѣжденіе, не глубокая потребность духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ, преклонили колѣно Сикамбра передъ христіанскою святынею, и вѣра осталась для него внѣшнимъ обрядомъ безъ всякаго духовнаго плода. И Хлодовикъ, и его бездушные сыновья, и ихъ далекіе преемники, и все племя Франковъ оставались долго, долго тѣми же дикими язычниками, которые пришли изъ-за Рейна, чтобы заплатить грабежемъ и убійствомъ Риму за полученный отъ него развратъ. Но духовенство Западное и глава его, Римскій епископъ, протянули руку помощи новому союзнику; съ мирною проповѣдью пошли они впереди Франкской дружины, приглашая народъ къ покорности, приготовляя путь къ новымъ завоеваніямъ, торжествуя незаконныя торжества вмѣстѣ съ кровожадною дружиною Меровинга. Побѣжденные Хлодовикомъ, Бургундцы едва могли охранить свою независимость въ юго-западной Галліи; отодвинутые къ морю и Пиренеямъ, Вестготы, не смотря на присоединеніе къ нимъ новыхъ родственныхъ дружинъ съ Востока (Гепидовъ и др.), просили мира и спасены были отъ гибели только предстательствомъ великаго вождя Остготскаго. Царство Франкское заняло первое мѣсто между всѣми царствами западной Европы. Но грозная дружина, вышедшая изъ лѣсовъ Германіи, была уже сильнѣе своей родины и обратила на нее оружіе привычное къ побѣдѣ. Земля Алеманновъ и ихъ разрозненыя общины не могли противостоять противъ сосредоточенной силы дружины Меровингской. Сѣверная часть покорилась и приняла имя земли Франкской; южная едва сохранила на нѣкоторое время тѣнь независимости подъ сильною рукою Ѳеодорика, царя Остготской Италіи. Цѣлый рядъ обмановъ и злодѣйствъ уничтожилъ княжескіе домы въ области Франковъ При-рейнскихъ. Общины, устрашенныя или прельщенныя воинственнымъ ве-

Digitized by Google

личіемъ Хлодовика, поступили подъ его верховную волю: Германія, устоявшая противъ Рима, покорена была своими собственными сынами и навсегда утратила возможность свободнаго развитія. Торжество Хлодовика было торжествомъ дружины личной надъ дружинами народными. Его жизнь отвратительна, но подвигъ его огроменъ.

Внутренній характеръ державы Меровинговъ.

Христіанство получило на всемъ Западѣ, даже въ просвѣщенномъ Римѣ, характеръ внѣшности; этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе въ соприкосновеніи съ племенами Германскими. Духовенство грубое, непросвѣщенное, не знающее даже религіи, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину, въ томъ же смыслѣ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ древніе жрецы - заклинатели. Таково свидѣтельство современниковъ. Высшимъ во всѣхъ отношеніяхъ было духовенство туземное, полу-Римское, и особенно епископы, изъ коихъ многіе были рождены или воспитаны въ областяхъ не совсѣмъ одичавшаго Юга. Въ этомъ духовенствѣ сохранился почти единственный остатокъ власти и жизни народной. Къ нему примкнули вожди завоевательной дружины, осыпая его милостями и наградами. Но и оно не было неблагодарнымъ. Оно связалось тѣснымъ союзомъ съ вождями, чтобы найти противъ дружины надежную защиту для себя и для своей паствы (побѣжденныхъ Галло-Римлянъ). Оно терпѣло кровавыя измѣны Хлодовика, убійства Хлотара, свирѣпый развратъ Хильдерика, всѣ мерзости, всѣ преступленія Меровинговъ, требуя только внѣшней набожности, только поклоненія святынѣ и покровительства для служителей церкви, защищая, хваля и возводя почти въ степень святыхъ царственныя лица, о которыхъ исторія не можетъ говорить безъ отвращенія. Союзъ духовенства съ царями Франкскими не ограничивался областью Франкскою. Первый епископъ Запада, владѣтель престола, къ которому, какъ къ средоточію вѣры, тяготѣли невольно всѣ духовныя власти областей завоеванныхъ Германцами, аріянами или идолопоклонниками, папа Римскій видѣлъ въ преемникахъ Хлодо-

Digitized by Google

вика своихъ надежнѣйшихъ защитниковъ и, приготовляясь къ будущему, еще не развившемуся величію, возвеличивалъ воинственную силу, предлагавшую ему свой мечъ и щитъ противъ Гота, Лонгобарда и Сакса. Въ послѣдствіи духовенство отдѣлилось вполнѣ отъ народа; но въ то время оно представляло народъ; и, принося присягу вѣрности королю Франкскому вмѣстѣ съ дружиною (присягу службы, *леодесаміумъ*), оно создавало ему власть независимую отъ самой дружины. Такимъ образомъ объясняются огромное значеніе вождя и полная покорность непокорнаго Германца въ первую эпоху Меровинговъ. Отдѣленіе короля отъ войска выражается также и въ томъ, что право на завоеванную Галлію, право, пріобрѣтенное Германскимъ мечемъ, требуетъ утвержденія отъ законнаго владыки всего Римскаго міра, отъ императора Византійскаго; и Хлодовикъ, въ званіи патриція, получаетъ значеніе независимое отъ воли своихъ ратныхъ сподвижниковъ. Царь отдѣлился отъ своей дружины; но онъ не создалъ силы внѣ ея, и чрезъ нѣсколько вѣковъ наступило время, когда дружина отдѣлилась отъ царя, и сверженный Меровингъ уступилъ свой престолъ новоизбранному вождю воиновъ, побѣдоносному основателю Карловингской династіи.

Завоеватели Галліи не были ополченіемъ народнымъ, они были дружиною одного княжескаго рода, служителями, имѣющими право на награду, но и обязанными къ повиновенію. Области, уже завоеванныя другими Германцами или даже отдѣльными отрядами Франковъ, были снова взяты съ меча Хлодовикомъ и поступили подъ общій законъ новаго раздѣла. Но самая дружина состояла изъ двухъ отдѣльныхъ стихій: изъ родовыхъ или наемныхъ служителей князя, и ихъ союзниковъ Германцевъ, притекавшихъ подъ его знамена и ввѣрявшихъ свою судьбу его боевому счастію. Покоренныя земли раздѣлялись по извѣстному закону между побѣдителями. Князь получалъ свою долю, которою располагалъ какъ хотѣлъ, и эта доля была самая значительная. Ею награждалъ онъ своихъ слугъ, ею покрывалъ расходы своего двора и расходы своихъ частныхъ предпріятій противъ личныхъ враговъ. Другая доля

Digitized by Google

поступала вольной дружинѣ на правахъ наслѣдственныхъ, подъ условіемъ извѣстной службы въ общей войнѣ. Доли между воинами были неравныя, но права равны и владѣлецъ не признавалъ надъ собою никакого суда, кромѣ суда дружиннаго, никакой власти, кромѣ власти князя въ извѣстныхъ предѣлахъ. Таково начало системы аллодіальной. Въ ней были государство—дружина, король-вождь; общины не было. Свобода также какъ и зависимость были личныя. Не таково было устройство жизни Германской за Рейномъ. Тамъ была община родовая, хотя безспорно аристократическая, ибо подъ рукою властителя-Германца вездѣ еще жили и страдали племена побѣжденныя,—Славяне или Кельты, или даже другіе покоренные Германцы. Всѣ права принадлежали роду или общинѣ, и лицамъ только какъ членамъ родовъ и общинъ.

Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ безъ согласія не только общины, но и всѣхъ членовъ ея безъ исключенія, пришлецъ не могъ ни сѣсться, ни пріобрѣтать недвижимую собственность. Тамъ была взаимная отвѣтственность сосѣдей другъ за друга, отмѣненная позднѣйшими законами въ областяхъ завоеванныхъ народными ополченіями, какъ мы видимъ у Вестготовъ и другихъ.

Въ этой зависимости была высшая свобода; въ свободѣ Франка, получившаго долю свою изъ княжескаго завоеванія, была уже зависимость, развившаяся въ послѣдствіи до полнаго подданства. Власть Хлодовика, войны его за Рейномъ, ослабленіе Зарейнскихъ общинъ, выславшихъ большую часть своихъ удальцевъ на службу Меровинга, распространеніе христіанства вмѣстѣ съ новыми понятіями, составленными уже въ Галліи, и наконецъ усиленіе, естественное всякому преобладающему началу, уничтожили мало-по-малу весь прежній народный бытъ; волненія послѣдующихъ вѣковъ изгладили даже и слѣды его. Иначе и не могло быть ни у Алеманновъ, побѣжденныхъ Хлодовикомъ, ни у Привезерскихъ Тюрингцевъ, покоренныхъ его преемниками. Сравнительно-ничтожная область, родина Франковъ, сдавленная мало-по-малу то Тюрингцами, то Саксами и освобожденная снова королями Мero-

Digitized by Google

винами, подверглась общей участи. Дѣло было начато Хлодовикомъ. Онъ принудилъ всѣхъ Франковъ Прирейнскихъ признать его первенство; онъ подчинилъ себѣ обѣ вѣтви великаго союза: сначала ближайшихъ къ себѣ и единокровныхъ Салійцевъ, которыхъ имя происходитъ безспорно отъ *сала* (жилище вольнаго человѣка), слова тождественнаго съ Славянскимъ *село* (отъ *седло*, корень *сидѣть*), потомъ дальнѣйшихъ по племенному началу и слабѣйшихъ *Ripuariевъ* (т. е. береговыхъ). Начатое Хлодовикомъ было мало-по-малу совершено его преемниками.

Такъ исчезло древнее устройство Германской земли. Бѣдные остатки его сохранялись еще долго, и великій Гогенштауфенъ встрѣтилъ еще въ позднюю эпоху гордаго потомка древнихъ вольныхъ людей,—*ленника Солнца*, который не считалъ себя обязаннымъ никому, кромѣ Бога, за свою свободу и свое имущество.

Въ выраженіи *Sonnenlehn* вѣроятно жила еще память языческаго поклоненія.

Эпоха полной свободы (*зонненленства*) была эпохою общины Германской, общины дружинной. Она кончилась съ завоеваніемъ Германіи Франками и уступила мѣсто эпохѣ *аллодіальной*, въ которой земская община исчезала безъ слѣда и оставались только дружина и ея начальникъ, король. Дальнѣйшее измѣненіе системы аллодіальной произвело эпоху *феодальную* въ которой идея дружины уступила мѣсто идеѣ личнаго владѣнія и личнаго подданства, эпоха, въ которой люди перестали быть людьми, а сдѣлались только представителями владѣемой земли, а идеи государства и короля перешли въ идеи общаго владѣнія и общаго владѣтеля.

Впрочемъ общину Германскую не должно смѣшивать съ общиною Славянскою: между ними безконечное разстояніе. Одна есть община естественнаго братства, другая братства условнаго, дружиннаго. Оттого-то у Германца права женщинъ ничтожны, а права мужчинъ зависятъ отъ его значенія воинскаго, какъ оруженосца (werhaft), от-

Digitized by Google

того и слово, обозначающее *народъ*, показываетъ у Славянъ происхожденіе естественное, между тѣмъ какъ у Германцевъ слово *Volk* имѣетъ корень, указывающій на условную дружину. Оно соотвѣтствуетъ Славянскому *полкъ* и связывается съ корнемъ *füllen*, *voll*, какъ *полкъ* съ корнемъ *полнить*. Это коренное различіе отзывается во всѣхъ подробностяхъ развитія. Въ одномъ начало чисто-человѣческое, въ другомъ аристократическое, завоевательное. Также не должно искать рѣзкаго раздѣленія во времени между эпохами *зонненлехства* и *аллодія*. Онѣ сливаются другъ съ другомъ. Эпоха феодальная также сливается съ аллодіальною, но опредѣляется нѣсколько яснѣе, потому что Норманны въ Англіи и Италіи и крестоносцы въ Палестинѣ представляли опыты безпримѣсной феодальности во всей строгости ея логическаго развитія.

Саксы.—Завоеваніе Британіи.—Христіанство въ Ирландіи.

Между тѣмъ какъ Франки становились преобладательною силою на Западѣ, другое Германское племя усиливалось на Сѣверѣ и Сѣверо-востокѣ Германіи и клало основаніе государству, нынѣ державствующему во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣдніе выселенцы изъ Скандинавіи, Саксы, дружина слабая въ своихъ началахъ, также какъ и всѣ дружины, выселившіяся изъ сѣвернаго полуострова, сдѣлались основою великаго союза, въ которомъ сливались стихіи Германская и Славянская. Большинство числительное было безспорно Германское; но начало Славянское имѣло безспорно если не большее, то по крайней мѣрѣ равное участіе въ духовномъ развитіи народа.

Такъ, напр., царскія династіи въ Англіи вели себя иногда отъ *Водана* (Одина), иногда же считали его только однимъ изъ своихъ родовыхъ колѣнниковъ; но всегда весь народъ поклонялся Славянскимъ богамъ *Чернобогу* и *Сибѣ*, а, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ Германіи онъ поклонялся также *Бѣлъ-богу*. Религіозное же первенство не могло не быть сопряжено съ большимъ вліяніемъ на весь бытъ жизни, на строй и ладъ ума. Вліяніе Славянъ на самый языкъ древнихъ Англо-саксовъ совсѣмъ не оцѣнено; но оно является при самомъ поверхностномъ изученіи во множествѣ

Digitized by Google

словъ. Таковы напр., *вашъ* въ началѣ слова *wassail*, седло (жилища) въ *settle, сей* въ *se*, огромный въ *rumne*, опять въ *eft*, *лада* (жена) въ *lady*, *любовь* (любы) въ *lufu*, *самый* въ *same*, *онъ*, *вѣчный* въ *есе, всап; сутъ, сущій* въ *sooth* (*sothan*), *хлѣбъ* въ *hlaf*, *владыка* (котораго корень находится въ *ладить*—уладитель, т. е. миротворецъ, а не въ *воля* и *дѣлать*) въ Саксонскомъ *vledyk*, и т. д. Но одни имена боговъ уже представляютъ свидѣтельство, къ которому нечего и прибавлять.

Союзъ Саксонскій сталъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ многіе прежніе союзы (напр., Готы, Вандалы, Бургундцы и пр.) стали выселяться на Юго-востокъ, или подвигаться къ Западу, какъ Франки.

Вскорѣ съ ужасомъ узнала про Саксонъ слабѣющая Имперія. Иногда дружины ихъ, пробиваясь сухимъ путемъ между сильными племенами Прирейнскими, доходили до границъ Галліи, но гораздо чаще налетали ихъ корабли на беззащитные ея берега. Противъ Саксовъ были безсильны Римскіе флоты; вскорѣ безсильною оказалась и новоучрежденная береговая стража. Новая гроза явилась для Западной Имперіи изъ пучинъ океана, доселѣ охранявшаго ея предѣлы. Франки, лишенные своихъ прибыльныхъ разбоевъ морскихъ, видѣли со страхомъ возростающую силу Саксовъ на Западѣ. Сѣверный и западный берега Галліи уже носили имя берега Саксонскаго, и завоеватели врѣзывались глубже и глубже въ Римскую область, очевидно приготовляясь къ основанію сильнаго государства. Общая опасность и общая вражда соединили Римлянъ и Франковъ. Ихъ совокупныя усилія остановили успѣхи Саксонцевъ; но гроза еще не миновалась. Судьба отвела ее на Сѣверъ и опредѣлила другое поприще для славы и завоеваній морскихъ витязей.

Британнія (т. е. Англія и Шотландія) долго была подчинена Римскимъ законамъ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ оконечностей. Немногочисленные туземцы, по большей части Кельты и Кельто-кумрійцы или Беолги съ примѣсью Иберцевъ на Юго-западѣ и Славянъ (Менапіевъ, Мориновъ, а иног-

Digitized by Google

да и Венетовъ западныхъ) покорились послѣ небезславнаго сопротивленія. Провинція была романизована, также какъ Галлія, и получила новую жизнь просвѣщенія, градостроительства и законнаго порядка. Но и въ Британніи, какъ и вездѣ, эта жизнь полицейскаго благоустройства и тишины и даже роскоши осталась безплодною. Она создала города, башни и дворцы; она не создала духа и силы. Когда ослабла держава міровластительнаго Рима, наемныя дружины Германскихъ дикарей стали охранять заморскую провинцію, отражая другихъ сѣверныхъ дикарей, угнетая жителей, а иногда возводя на временный престолъ временныхъ императоровъ, которыхъ притязанія распространялись на близлежащую Галлію. Британнія повторяла въ своемъ тѣсномъ просторѣ тѣ жалкія явленія, которыя представлялъ весь современный Западъ. Наступило время паденія для Рима. Области его наводнены были племенами Германскими; борьба съ Гуннами нанесла ему смертельный ударъ. Въ то время остатки легіоновъ и военныхъ силъ въ Британніи возвели въ чинъ императорскій человѣка мужественнаго и предпріимчиваго. Онъ могъ бы по всей вѣроятности удалить еще надолго гибель провинціи. Безумное желаніе обширнѣйшаго царства, можетъ быть, безумная надежда спасти Западную Имперію, увлекли его на Югъ. Всѣ воинскія силы Британніи послѣдовали за нимъ, и уже не возвращались. Далекій островъ былъ предоставленъ собственному безсилію. Невелики были опасности, угрожавшія ему: Франки и Саксы были заняты Галліею; а сѣверные горцы (*Пикты* и *Скоты* или Каледонцы) были такъ ничтожны, что достаточно было одного легіона для ихъ укрощенія. Опасность была одна, неизбѣжная, неотвратимая, — внутренняя безжизненность.

Христіанство давно проникло въ Британнію изъ Галліи; но вѣроятно не изъ одной Галліи: ибо во многихъ отношеніяхъ развитіе его было богаче и плодотворнѣе у Кельтовъ Британскихъ, чѣмъ у Кельтовъ южныхъ. Оно проникло и за предѣлы Имперіи въ зеленый островъ, охраненный океаномъ отъ Римскаго меча. Такъ проповѣдь была не въ однихъ городахъ;

Digitized by Google

народъ былъ цѣльный, говорящій однимъ языкомъ и живущій одною жизнію; духовенство было съ народомъ и отъ народа; оно распространяло не нарѣчіе Римлянъ, а ученіе Евреевъ.

Тамъ христіанство не было связано съ властію и съ гражданскимъ порядомъ строгаго Римскаго права; оно не было и не могло быть институтомъ; оно шло отъ человѣка къ человѣку, отъ мысли къ мысли и сохраняло свой характеръ вѣры и мысли. Наконецъ, оно проповѣдывалось не однимъ учителями западнаго міра. Римъ не зналъ торговли, но сильное торговое движеніе происходило въ Римскихъ областяхъ мимо начальствъ и властей. Пристани Ирландіи (мы на это имѣемъ свидѣтельство современное) были чаще и болѣе посѣщаемы мореходцами, чѣмъ гавани Британніи и сѣверной Галліи; и нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ этихъ кораблей шли изъ той дальней области смѣлыхъ Семитовъ, нѣкогда бороздившихъ всѣ волны всѣхъ океановъ и никогда не забывавшихъ своей прежней славы и прежняго достоянія, до окончательнаго паденія своего передъ Средне-азійскою грозою. Таковы преданія Зеленаго Острова и западной Британніи, состоявшей съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. За то и христіанство получило въ немъ характеръ совершенно чуждый всему Западу и вполнѣ подобный восточному; за то жизнь духовная проявилась въ немъ въ своемъ личномъ величіи, а не въ принудительности внѣшней; за то Ирландія озаряла западную половину средней Европы свѣтомъ своей теплой и живой вѣры и заслужила отъ невольнаго удивленія современниковъ высокое прозваніе *Острова Святыхъ*. Безпристрастная оцѣнка духовнаго состоянія Ирландіи (еще не вполнѣ обращенной къ новой вѣрѣ, но глубоко проникнутой ею) одна только можетъ объяснить исторію Британніи послѣ удаленія Римской и отчасти провинціальной военной силы. Восточная и юго-восточная Британнія утратила всю самобытность жизни народной и усвоила себѣ всю внѣшность и всю мертвенность Римскаго міра. Обычаи были Римскіе, нарѣчіе и большая часть населенія городовъ, созданныхъ Римомъ, были Римскія. Когда удалилась защита легіоновъ и войска, образованнаго по общему образцу Имперіи,

Digitized by Google

Британнія явилась безсильною противъ ничтожныхъ враговъ своихъ, дикихъ жителей Каледоніи. Запылали села и города, кровь полилась струями съ конца въ конецъ несчастной области. Глубокое отчаяніе пробудило минутную энергію. Дикари были побѣждены и выгнаны; но долгая борьба была не по силамъ народу, привыкшему жить подъ чужимъ щитомъ и чужимъ разумомъ. Онъ призвалъ извнѣ защитниковъ, будущихъ владыкъ. Тогда явилось протидѣйствіе.

Христіанство обняло не только восточную и южную Британнію, вполнѣ подчиненную Римлянамъ; оно захватило также и полу-независимый Западъ ея и вполнѣ независимые округи гористаго Сѣверо-запада. Но характеръ его былъ разный по различію отношеній туземцевъ къ Риму. Романизованная область походила во всемъ на Галлію, съ тою только разницею, что близость Эрина и независимыхъ округовъ, принявшихъ христіанство, сообщала ученію церковному стремленіе болѣе духовное и внутреннее, жизнь болѣе свободную отъ политическаго вліянія всемірной державы. Въ Ирландіи христіанство, вполнѣ свободное отъ примѣси Римской, развивалось согласно съ характеромъ народа и смѣшивалось часто съ тайными ученіями древней мѣстной религіи, высокой и отвлеченной, но суровой и заклинательной, какъ всѣ религіи, принявшія на себя печать Палестинскихъ или Финикійскихъ Кушитовъ.

Вѣка и развитіе ученія очистили во многомъ христіанство Ирландіи прежде его вторичнаго искаженія; но всѣ свидѣтельства объ *кульдіяхъ*, какъ въ Ирландіи, такъ и въ Шотландіи, о многихъ святыхъ, о самомъ Патрикіи указываютъ на переходъ изъ друидизма въ христіанство и на преобладаніе заклинательнаго начала, замѣтнаго иногда, хотя въ меньшей степени (по причинѣ сосѣдства съ Иранскою Элладой) въ сказаніяхъ о жизни отшельниковъ или учителей области Кушитской, т. е. Египта и южной Сиріи.

Вліяніе Ирландіи на Британнію было полезно во многомъ: оттуда шли разумѣніе высшее, духовная рѣчь на языкѣ народномъ и желаніе вникнуть въ смыслъ вѣры, недоволь-

Digitized by Google

ствуясь обрядомъ и институтомъ. Британнія и земля Ирландскихъ Скотовъ обращали въ продолженіе многихъ вѣковъ взоры свои на Востокъ, какъ на источникъ просвѣщенія, пренебрегая темнымъ Западомъ. Личная мысль, долго подавленная исключительною государственностью Рима, пробуждалась и стремилась къ новымъ путямъ знанія; но пробужденная мысль дала на крайнемъ Западѣ, также какъ и на Востокѣ, поводъ къ раздорамъ въ мірѣ христіанскомъ. Пелагій и его сотрудники создали ученіе о свободѣ воли, долго волновавшее церковь. Оно было отвергнуто; оно противно основному положенію христіанства о необходимости утраты человѣческой личности для пріобрѣтенія высшей личности въ нѣдрахъ Божества; но оно важно какъ свидѣтельство о превосходной умственной жизни въ Кельтскомъ Сѣверѣ передъ романизованнымъ Западомъ; оно еще важнѣе какъ свидѣтельство объ юридическомъ направленіи самаго догмата въ мірѣ, болѣе или менѣе получившемъ первые зачатки просвѣщенія изъ чисто-юридическаго Рима. Патріархи Римскіе преслѣдовали пелагіанство, они посылали учителей своихъ на словесную войну въ области заокеаническія (напр. Палладія, смѣшаннаго впослѣдствіи съ древнѣйшимъ Патрикіемъ не безъ намѣренія); они побѣдили, изгладивъ, повидимому, пелагіанство; но прошли вѣка, и Римскій католицизмъ сталъ проповѣдывать и предписывать постановленія, въ которыхъ отзывается характеръ Пелагіева ученія.

Разбирать, до какой степени правъ Востокъ, когда онъ обвиняетъ Западъ въ полу-пелагіанствѣ, дѣло богослововъ, а не историковъ; но историкъ обязанъ замѣтить, что пелагіанство представляетъ стремленіе къ опредѣленію взаимныхъ юридическихъ отношеній Бога и человѣка, и что позднѣйшее ученіе Рима стремится къ тому же опредѣленію, строго и постоянно удерживая личность человѣка, какъ дѣйствующую самобытно и получающую права внѣ благодати или, по крайней мѣрѣ, сверхъ милосердія Божіяго (*acta meritoria, merita sanctorum* и т. д.). Историкъ обязанъ это замѣтить, дабы уразумѣть исторію: ибо развитіе судебъ человѣчества темно для того, кто не понимаетъ его духовнаго развитія.

Digitized by Google

Другое вліяніе Эрина, какъ средоточія независимой жизни Кельтской, выразилось въ горныхъ округахъ западной Британніи. Христіанство Валлійцевъ и Скотовъ, занявшихъ уже часть береговъ противоположныхъ Ирландіи, приняло направленіе совершенно чуждое своимъ началамъ. Оно сдѣлалось достояніемъ друидовъ, заклинателей и пѣвцовъ и перешло въ мистическое ученіе, принадлежащее во всѣхъ отношеніяхъ темному и страстному міру древнихъ миѳологій. Тутъ ярко пробудилась энергія воли и дѣйствія, тутъ загремѣла могучая пѣснь, которою Кельты могутъ гордиться, какъ древнѣйшимъ памятникомъ сѣверной словесности; тутъ раздались голоса *Аневрина*, *Лливаркъ-гена* и *Таліесина* и создался цѣлый сказочный міръ фантазіи, въ которомъ черпала вся Европа: міръ роскошный, дивныя пѣсни, первые листы того поэтическаго вѣнца, который назначенъ былъ островамъ Британскимъ. Эта таинственная поэзія съ ея кровожаднымъ восторгомъ, эта дикая сила воли и стремленіе къ жизни боевой были чужды христіанству и чужды романизованному Востоку Британніи. Они явились, какъ противодѣйствіе, въ ту эпоху, когда жители провинціи, привыкшей къ нѣгѣ и миру, утомились борьбою съ Каледонскими дикарями и призвали на защиту другихъ, болѣе опасныхъ дикарей.

Характеръ движенія Кумрійскаго во время нашествія Саксовъ выражается очень ясно въ современныхъ пѣсняхъ, полныхъ символовъ и заклинаній, и въ миѳическихъ лицахъ волхва-Мерлина (или *Мердина*) и особенно Артура, котораго исторія не смѣетъ до сихъ поръ ни принять, наперекоръ лѣтописцамъ, ни отвергнуть, наперекоръ поэтамъ и преданіямъ. Безпристрастная критика узнаётъ въ языкѣ пѣсень, такъ же какъ въ Мерлинѣ, въ Артурѣ и его кругломъ столѣ (эмблемѣ солнца или міра), въ разсказахъ о святомъ копьѣ, о чашѣ святого Грааля, о борьбѣ съ дракономъ и пр., тотъ языкъ древнихъ таинствъ, въ которомъ ничто не называется, а все облекается въ символъ (какъ напр. *Артуръ*—символъ Кумрійцевъ, *Мердинъ*—символъ самыхъ друидовъ); ту слѣпую мудрость жреческихъ кастъ, которая вкладываетъ въ ежедневный историческій міръ свой произвольный смыслъ, понятный только для посвященныхъ, и то урод-

Digitized by Google

ливое сочетаніе христіанства съ друидизмомъ, которое должно было развиться въ отдаленной области, не совсѣмъ утратившей своей народной друидической жизни и оторванной отъ благодѣтельной опеки остального христіанскаго общества. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ вѣроятно въ миѳологіи Артурова цикла много примѣси изъ другихъ миѳологій, распространившихся во всей Имперіи въ первые вѣка христіанства (напр. слѣды таинствъ Приевфратскаго *Митры*); но уже и теперь можно видѣть вліяніе Римской власти въ понятіи о вождѣ, какъ императорѣ, и во многихъ другихъ подробностяхъ. Точно также можно угадать и распространеніе этихъ новыхъ тайныхъ ученій Валлиса Кумрійскаго на Арморику (какъ видно изъ преданій города Тура) и сочувствіе съ ними приокеанской Венетіи, засвидѣтельствованное присутствіемъ князя *Передура* изъ племени Венетовъ (западныхъ Славянъ) въ рыцарскомъ кругѣ миѳическаго Валлійскаго героя.

Саксы и Англы, завоеватели Британніи.

Саксы, приглашенные на помощь изнѣженными жителями восточной Британніи, выговорили себѣ во владѣніе нѣсколько прибрежныхъ округовъ и мелкихъ острововъ. Они съ успѣхомъ служили князьямъ Кельто-романскимъ противъ Пиктовъ и Скотовъ и освободили область отъ набѣговъ съ Сѣвера; но они служили имъ также (это очевидно изъ лѣтописей) въ домашней распрѣ съ независимыми князьями гористаго Запада. Употребленные сперва полу-Римлянами, какъ орудіе противъ враговъ внѣшнихъ и противъ чисто-народнаго начала, они скоро узнали свою силу и безсиліе туземцевъ и сдѣлались завоевателями. Корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи; дружина за дружиною вступала въ несчастную область, и всѣ съ мечомъ и огнемъ и насиліемъ. Опомнились, но слишкомъ поздно, полу-Римскіе туземцы; они вступили въ битву съ Германскими пришельцами и были побѣждены. Тогда возстали въ силѣ своей народности вольнолюбивые горцы Валлиса, Корнваллиса и сѣверо-западной Кумріи. Восторженные, безстрашные, гордые народными воспоминаніями и никогда вполнѣ неутраченною вольностію, они начали вѣ-

Digitized by Google

ковую, печальную, но славную борьбу съ завоевателемъ. Часто бѣжали твердые ряды Саксовъ передъ пылкимъ налетомъ ополченій Кумрійскихъ; часто поэты Валлійскіе пѣли близкое освобожденіе края и надежду скораго торжества; но корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи, по дружина за дружиною приплывала изъ Галліи, отъ приморья Саксонскаго и изъ неистощенной Германіи; но въ Кумрійцахъ были раздоры между мелкими владѣльцами, въ вѣрѣ ихъ полу-христіанской, полу-друидической было внутреннее раздвоеніе, а дружины Саксонскія всегда были готовы соединиться противъ общаго врага подъ начальствомъ общаго вождя (*брейтвалда*); но Валлійцы-освободители были по причинамъ религіознымъ такъ же ненавистны полу-Римскому населенію Британніи, какъ и завоеватели-Саксонцы. Гибель была неизбѣжна.

Враждебныя отношенія между поэтомъ, наслѣдникомъ друидовъ, и духовенствомъ, между Кельто-кумрійцемъ, сохранившимъ большую часть своей народности, и тѣмъ же Кельтомъ романизованнымъ, выступаютъ очень ярко при сличеніи лѣтописцевъ современныхъ, писавшихъ на языкѣ Латинскомъ (напр. *Гильдаса* или *Неннія*) и легендъ о святыхъ съ поэмами *Лливаркъ-гена* или *Таліесина*. Этой вражды не должно смѣшивать съ другою враждою, принадлежащею позднѣйшей эпохѣ. Христіанство мало-по-малу одолѣло (хотя и не совсѣмъ изгладило) начало языческое, а споръ стихій Кельтской и Римской затихъ въ погибели всей романизованной (юго-восточной) области. Тогда началась новая вражда Кельта и его духовенства мѣстнаго противъ ново-пришлаго духовенства, принесшаго новое ученіе, созданное въ Италіи въ продолженіе VI-го и VII-го столѣтій. Но въ Гильдасѣ, во многихъ легендахъ и древнѣйшихъ поэзіяхъ, слышенъ отголосокъ первой борьбы между двумя противоположными началами народности и духовнаго развитія. Конецъ V-го и начало VI-го вѣка, героическая эпоха Валлиса и его системы союзныхъ племенъ представляютъ возстаніе всего народнаго противу всего пришлаго, и изъ внутренняго несогласія объясняется равнодушіе восточной, полу-Римской, городовой, чисто-христіанской (въ смыслѣ западномъ) части Британніи къ благороднымъ усиліямъ западной части, сомкнувшейся

Digitized by Google

къ систему клановъ и стремящейся равно къ освобожденію отечества отъ Саксовъ и къ уничтоженію всѣхъ Римскихъ стихій, какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ. Нѣкоторые новые критики видятъ въ преданіяхъ Кумрійскихъ слѣды сочувствія съ Гуннами и смутное ожиданіе свободы отъ побѣдъ Аттилы. Доказательство ихъ слишкомъ слабо, но предположеніе ихъ кажется вѣроятнымъ тому, кто пойметъ анти-Римское значеніе Кумрійскаго движенія въ V-мъ и VI-мъ вѣкѣ, явную враждебность Гунновъ къ Германцамъ и слѣдовательно общность цѣлей между великими завоевателями Востока и мелкимъ племенемъ, бодро отстаившимъ свою свободу въ горахъ крайняго Сѣверо-запада. Явный союзъ Кумрійцевъ съ Венетами западными, засвидѣтельствованный сказочными преданіями и легко понятный изъ присутствія Венджихъ, Моринскихъ и Менапскихъ торговыхъ колоній не только на западномъ берегѣ Британніи, но и на восточномъ берегѣ Ирландіи, служитъ также объясненіемъ тайнаго сочувствія Валлиса съ Гуннами.

Тщетны были всѣ усилія мужественныхъ Кельто-кумрійцевъ противъ безпрестанно возрастающаго напора Саксовъ и противъ равнодушія или вражды своихъ восточныхъ братьевъ. Пришельцы Германскіе стали твердою ногою въ Британніи и втѣснили туземцевъ въ западныя горы, гдѣ они успѣли сохранить свою свободу до временъ Норманскихъ, а свою народность отчасти до нашего времени.

Саксы, проникая въ Британнію по всему протяженію восточнаго и юго-восточнаго берега, подвигались впередъ твердымъ шагомъ и никогда не довольствовались набѣгами, но всегда основывали мелкія государства, связанныя между собою только общею обязанностью защиты противъ общаго врага. Каждое государство, основанное дружиною, признавало наслѣдственныя права потомковъ перваго ея вождя. Каждое было независимо отъ другихъ, но всѣ признавали также права котораго нибудь изъ мелкихъ князей на предводительство всенародной дружины въ войнѣ противъ Кумрійцевъ; слѣдовательно вся система носила на себѣ характеръ федераціи или условной общины. Внутреннее устройство княженій и весь складъ жизни, введенный Саксами, разнился также весьма много отъ устрой-

Digitized by Google

ства и быта другихъ государствъ, основанныхъ иными племенами Германскими въ западной Европѣ. Народонаселеніе туземное было немногочисленно; но оно нескоро покорилось. Вездѣ билось оно долго и мужественно противъ своихъ завоевателей. Побѣжденное, оно умирало или бѣжало въ горы еще свободныя или падало подъ иго полнаго рабства. Такимъ образомъ не осталось въ Британніи народа непокореннаго дружинѣ, не осталось тѣхъ двухъ слоевъ, которыхъ борьба отозвалась во всей исторіи Запада. Самые города, взятые приступомъ, опустошенные, расхищенные, лишились большей части своихъ жителей и наполнились новыми изъ племени завоевателей. За всѣмъ тѣмъ не всѣ жители городовъ погибли. Сохранились въ стѣнахъ древнихъ Римскихъ колоній остатки древняго мѣшаннаго населенія съ полу-Римскимъ нарѣчіемъ и съ памятью прежней полу-образованной жизни. Они участвовали вѣроятно въ позднѣйшемъ развитіи торговли, но мало участвовали въ общей народной жизни, и ихъ равнодушіе объясняетъ отчасти слабое сопротивленіе Саксонской земли во время Норманскаго нашествія и ту силу Римской стихіи въ Англійскомъ языкѣ, которую трудно приписать однимъ, слишкомъ малочисленнымъ, Норманнамъ.

Британнія перемѣнила свое имя: она назвалась Англіею по одному изъ завоевательныхъ племенъ.

Трудно сказать, какія семьи въ Саксонскомъ союзѣ принадлежали міру Германскому, какія Славянскому; по всей вѣроятности большая часть состояла изъ семей мѣшанныхъ. Самые Саксы, безспорно немногочисленные пришельцы съ Сѣвера, носили имя Германское, взятое отъ оружія. Юты носили грозное имя семьи Кимрской, прославленное въ долгой борьбѣ съ Азами-сарматами. Имена Англовъ и Варяговъ сомнительны; но частое ихъ соединеніе въ Германіи съ *Тюрингами* (*Thüring* или часто *Düring*) заставляетъ предполагать въ Англахъ и Тюрингахъ начало Славянское, скрытое измѣненіемъ звука *в* въ придыханіе и разложеніемъ буквы *у* въ звукъ носовой *ан*, именно названія нерѣдкія между семьями Славянскими — *Ульичей* и *Тверичей*. Впрочемъ имена не указываютъ еще на племенной составъ

Digitized by Google

народовъ. Побѣдители сплошь принимали новое имя отъ завоеванныхъ областей.

Религія Саксовъ представляетъ явные признаки Славянской примѣси; тѣже признаки замѣтны въ языкѣ, а еще болѣе въ исторіи и бытѣ. Отъ Славянъ, единственныхъ древнихъ мореходцевъ Сѣвера, быстрое развитіе мореплаванія, отъ Славянъ общинное устройство (хотя и не въ полномъ его развитіи); отъ нихъ же правленіе *вѣчевое* (*витена*) и судъ присяжныхъ (или цѣловальныхъ или поротниковъ), требующій единогласія, какъ все органическое требуетъ безусловнаго единства.

Суда присяжныхъ искали въ Германцахъ и не нашли; въ Кельтахъ и Кумрійцахъ, также безъ успѣха. Новые ученые наконецъ начали догадываться, что онъ могъ быть занятъ отъ Славянъ. Давно пора. Но справедливость новыхъ выводовъ, часто удивляющихъ своею неожиданностью самихъ писателей, остается еще сомнительною для просвѣщеннаго міра. Таково слѣдствіе гордаго пренебреженія къ племени теперь обладающему восточною Европою, нѣкогда жителю всей средней Европы. Безъ знанія быта и языка Славянскаго многое должно быть непонятнымъ въ исторіи Саксовъ, начиная съ религіи.

Саксонцы пришли въ Британнію дружинами и признали права тѣхъ родовъ, около которыхъ собирались первыя дружины. Этотъ характеръ остался за ними навсегда. Но въ тоже время всѣ вмѣстѣ составляли дружину народную, а не дружину одного князя и поэтому требовали вольности народной. Они пришли изъ страны, въ которой сохранилась простота общиннаго быта; они не приняли еще на себя печати аристократической; они требовали земли для житья, а не народа для порабощенья. Пахарями и труженикамп поселились они въ областяхъ взятыхъ съ боя. Земля была общинною, округъ представлялъ собою живое и органическое лицо. Таково было ихъ первоначальное устройство. Въ позднѣйшее время, очевидно богатство стало сосредоточиваться въ руки знатныхъ родовъ, и общины стали бѣднѣть; многое чисто-дружинное введено

Digitized by Google

было Датчанами, сперва завоевателями, потомъ побратавшимися съ Саксами; но побѣда Вильгельма Норманскаго не допустила ни полнаго искаженія, ни возврата къ старинѣ. Одно только вѣрно: все прекрасное, чѣмъ гордится современная Англія, завѣщано ей первыми пришельцами изъ Славяно-германской земли.

Бурно и кроваво, но не безславно было почти шести вѣковое владычество Англо-саксовъ въ Англіи. Твердостью и постояннымъ мужествомъ побѣдили они стремительное нападеніе Кельто-кумрійцевъ и заключили ихъ въ предѣлы горныхъ областей; долгою и жестокою борьбою пріобрѣли они себѣ новое отечество и распространили власть свою за границы Англіи до подошвы горныхъ твердынь Шотландіи; рядомъ блистательныхъ подвиговъ отстояли они свою свободу отъ Датчанъ и Норманцевъ, грозы всей Европы, и наконецъ, сражаясь въ продолженіе цѣлаго дня противъ несравненно-многочисленнѣйшаго ополченія Вильгельма Завоевателя на роковыхъ поляхъ Гастингса, они даже въ паденіи своемъ доказали превосходство свое передъ побѣдителями и дали залогъ будущаго величія и будущихъ торжествъ, добытыхъ для Англіи не мечомъ ея Норманскихъ рыцарей, но желѣзною крѣпостью ея Саксонскихъ стрѣлковъ, *іомановъ*. Цари Англо-саксонскіе, достойные представители благороднаго народа, неустрашимые въ брани, заслужили и другую, лучшую славу правдолюбіемъ и покровительствомъ наукѣ.

Даже свирѣпый старикъ Пенда, кровожадный гонитель христіанства, говорилъ: «я ихъ казню, не потому что они христіане, но потому что, исповѣдуя христіанство, они не исполняютъ его законовъ», и въ немъ это не было языкомъ лицемѣрія, но выраженіемъ внутренней, строгой правды.

Имена Альфреда Великаго, побѣдоноснаго Ательстана, воспитателя трехъ государей (Алена, освободителя Бретани, Людвига Заморскаго и Гакона Добраго) блестятъ кроткимъ блескомъ человѣческаго величія, неизвѣстнаго въ лѣтописяхъ дру-

Digitized by Google

гихъ современныхъ народовъ. Языкъ Англо-саксонскій служилъ покорнымъ орудіемъ мысли, выраженіемъ духовнаго созерцанія и голосомъ вдохновенной поэзіи. Жизнь развивалась цѣльна и могущественна, не смотря на смуты внутреннія и на безпрестанныя бѣдствія отъ нашествія иноплеменцевъ.

Медленно развилось христіанство между Англо-саксами. Они пришли въ Британнію ревностными идолопоклонцами, они вступили въ борьбу съ туземцами христіанами и долго питали вражду противъ народа и вѣры его. Но высокій разумъ племени Германскаго не могъ противиться высокому ученію, проповѣдуемому во всей его простотѣ. Учители изъ Ирландіи и даже земель Валлійскихъ обратили значительную часть побѣдителей и приготовили братское сближеніе между ими и побѣжденными. Къ этой проповѣди, медленной, но плодотворной, присоединилась скоро другая, прославившаяся своимъ быстрымъ успѣхомъ и памятная по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Римъ, еще не отдѣлившійся отъ Востока и не сомкнувшій церковь западную въ форму единодержавія, но уже быстро стремящійся къ цѣли не вполнѣ сознанной, послалъ учителей на дальній и почти забытый островъ. Блескъ и пышность сопровождали новыхъ учителей. Гордое сознаніе силъ и гордое стремленіе къ власти обозначили ихъ первые шаги. Слова мира и любви, принесенныя издалека, были приняты радостно Англо-саксами; но проповѣдники Римскіе видѣли враговъ въ прежнихъ христіанахъ, не признающихъ власти Римскаго епископа, и стремились также ревностно къ искорененію прежней церкви (по ихъ мнѣнію еретической), какъ и къ обращенію идолопоклонниковъ. Земля Британская была залита кровію христіанъ и духовныхъ лицъ, зарѣзанныхъ по приказанію властолюбивыхъ посланниковъ Рима. Мало-по-малу всѣ Англо-саксы приняли новое ученіе. Они приняли его не какъ внѣшнее учрежденіе, но какъ внутреннее сокровище мысли. Цари, смиряя гордость свою, вступали въ званіе иноковъ, шли на поклоненіе къ далекимъ святынямъ и чистотою жизни стяжали сами славу добродѣтели и

Digitized by Google

святости. Съ другой стороны вражда между Саксомъ и Кельтомъ, которая исчезла бы вѣроятно подъ вліяніемъ однаго общаго духа религіознаго, усиливалась враждою духовенства Римскаго и Кельтскаго, и церковь Саксонская, образуясь подъ правленіемъ проповѣдниковъ, принесшихъ изъ Италіи и Галліи характеръ правительственной внѣшности, приняла мало-помалу тотъ же внѣшній характеръ, который былъ общимъ на всемъ Западѣ; но она приняла его не вполнѣ.

Христіанство перешло къ Саксамъ не черезъ политическіе расчеты государей, не черезъ подражаніе другимъ соплеменнымъ народамъ или черезъ сожительство съ покоренными христіанами, но какъ живая мысль, высказанная и сознанная человѣческимъ разумомъ. Въ немъ было уже цѣлое просвѣщеніе. Грубой внѣшности Римской проповѣди противодѣйствовало полу-друидическое, но исполненное поэзіи и силы ученіе Скотовъ и сѣверныхъ Кумрійцевъ; еще болѣе противодѣйствовало ему почти первобытное ученіе церкви Ирландской и церквей, основанныхъ Ирландцами въ землѣ Саксонской. Борьба началъ поддерживала величіе вѣры и не допускала ее замертвѣть въ обрядѣ. Изъ Ирландіи гремѣли голоса, призывающіе всѣхъ христіанъ къ согласію, церковь къ чистотѣ и къ твердости въ преданіи, людей къ размышленію и созерцанію. Ирландскіе проповѣдники возставали противъ притязаній Римскаго епископа и, проходя всю западную Европу до предѣловъ Славянскихъ и Византійскихъ, пробудили духъ человѣческій изъ усыпленія, невѣжества и религіозной внѣшности. Новообращенные Англо-саксы, ревностные и безстрашные, завоевывали для христіанства землю Зарейнскихъ Германцевъ и переносили на свѣжую почву жаръ проповѣди, занятый у Кельта, и стремленіе къ государственному строенію церкви, занятое у Римлянина. Жизнь духовная кипѣла на сѣверо-западномъ концѣ Европы; но борьба разгоралась со дня на день. Безпрестанно возрастали притязанія Рима, безпрестанно приходили къ Англо саксамъ его посланцы съ новыми ученіями и новыми требованіями. Монашество Бенедиктинское вооружилось противъ духовен-

Digitized by Google

ства туземнаго; государство разрывалось внутренними междоусобіями, слѣдствіемъ разнородныхъ исповѣданій. Кровь лилась въ религіозномъ спорѣ, народъ и правительство враждовали другъ противъ друга. Страстная и свирѣпая дѣятельность епископа Одона, глубокое лицемѣріе Дунстана, бездушнаго орудія бездушнаго Іоанна XII, и одичаніе Ирландіи, затопленной Норманнами, доставили началу Римскому побѣду надъ туземнымъ. Государство ослабло; народная жизнь исказилась; Датчане временно завоевали наслѣдіе Альфреда Великаго, и наконецъ вся свобода, вся слава ослабшихъ Англо-саксовъ исчезли подъ налетомъ Норманцевъ Французскихъ; но умственная жизнь погибла не безъ слѣдовъ, и нынѣшняя владычица океановъ получила въ наслѣдіе отъ Славяно-германскихъ колонистовъ сокровище мысли вмѣстѣ съ сокровищемъ лучшей жизни общественной.

Лонгобарды въ Италіи.

Безплодно для человѣчества было завоеваніе Италіи Лонгобардами, хотя многое въ ихъ законахъ обличаетъ довольно близкое сходство съ Саксонцами. Сначала свирѣпые и развратные какъ Франки, но славолюбивые и мужественные, потомъ (вслѣдствіе вліянія Итальянскихъ и Византійскихъ нравовъ) изнѣженные и хитрые, они не оставили по себѣ ни однаго добраго или величественнаго воспоминанія. Формою правленія было дружинное безначаліе, покоряющееся по неволѣ власти королевской для сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. Но самая дружина не была ни чисто личною (какъ у Меровинговъ), ни вполнѣ свободною, ибо съ самаго начала являются герцоги какъ правители почти независимые. Внутренняя связь, уже сама по себѣ слабая, была еще ослаблена разницею вѣроисповѣданія; ибо часть Лонгобардовъ, принявшая христіанство до завоеванія Италіи отъ Готскихъ учителей, принадлежала Аріанскому, а другая часть, принявшая христіанство въ Италіи, Никейскому исповѣданію. Безсиліе Лонгобардовъ не могло покорить всей Заальпійской области. Югъ принадлежалъ Византіи и потомъ отчасти Сарацинамъ; Римъ и Равенна признавали также надъ

Digitized by Google

собою власть Восточнаго императора, или на дѣлѣ, или въ актахъ правительственныхъ. Дружина Германская находила враговъ въ подданныхъ угнетенныхъ до крайности (ибо рабы не имѣли даже законнаго брака), въ хитромъ и властолюбивомъ духовенствѣ, въ пронырливой Византіи, всегда старавшейся питать раздоры въ Италіи и сохранявшей надежду на будущее ея завоеваніе, въ глубоко-расчетливой политикѣ Римскихъ епископовъ, сознавшихъ свою силу и стремившихся къ ослабленію всякой государственной власти въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и къ основанію отдѣльной церковно-политической державы, во всемірной грозѣ Сарациновъ и, болѣе всего, въ собственномъ стремленіи къ распаденію на разныя княжества (Тосканское, Сполетское, Беневентское и др.). Безъ славы, безъ поэзіи, безъ языка писаннаго, безъ науки, прошли Лонгобарды, задавленные властію Франковъ и оставившіе по себѣ только сѣмена будущихъ раздоровъ для Италіи въ аріанствѣ и въ разобщенности жизни. Другое, важнѣйшее послѣдствіе почти трехвѣковаго Лонгобардскаго владычества было отдѣленіе Рима отъ Восточной имперіи и основаніе папскаго княжества, изъ котораго возникла громада Западно-церковнаго государства, полная внѣшней силы и величія, лишенная внутренней стройности и животворнаго организма духовнаго.

Вестготы въ Испаніи.—Измѣненіе символа вѣры.

Подобно Лонгобардамъ погибли и Вестготы въ Испаніи. Для царства ихъ были эпохи военной славы. Силою оружія побѣдили они соперниковъ своихъ, Сармато-алановъ и Свевовъ, изгнали Византійцевъ послѣ кровавой борьбы изъ областей приморскихъ, завоевали часть Мавританіи, нѣсколько разъ на морѣ побѣждали ополченія Аравійскія; но славы лучшей, человѣческой, они не пріобрѣли. Долгое пребываніе между народами кротконравными или просвѣщенными и христіанство, принятое еще на Востокѣ, смягчили отчасти ихъ воинственную дикость и поставили ихъ въ нравственномъ отношеніи далеко выше свирѣпаго Лонгобарда и бездушнаго Франка; но многовѣковое скитаніе по землѣ чужой, служба чужой (Ви-

Digitized by Google

зантійской) власти и смѣшеніе съ чуждыми стихіями отняли у нихъ часть прежняго характера и энергію свѣжаго, молодаго народа. Немногочисленна была дружина и завоевателей Испаніи, а земля обширна, богата и полна еще остатковъ древней роскоши и вещественнаго просвѣщенія, даннаго Римомъ побѣжденному міру. Слабая народность Готская не могла устоять. Забыты были древнія героическія пѣсни, исказился языкъ грубо-механическимъ смѣшеніемъ стихій съ туземнымъ полу-Римскимъ нарѣчіемъ, замерло стремленіе къ поэзіи, невозможное для обезъязыченнаго народа, замерла возможность развитія для науки, погибли благороднѣйшіе и лучшіе порывы души человѣческой. Точно также погибла и вся народная жизнь. Завоевательная дружина, раскинутая по лицу обширной и роскошной области, разъединенная, утратившая связь кровную и даже условную связь Германскихъ дружинъ, обратилась въ безсильную аристократію, гордую и богатую, но равнодушную къ своимъ правительственнымъ правамъ и мертвую даже къ народной славѣ. Но искаженіе жизни государственной и народной, развратъ нравовъ, въ одно время жестокихъ и изнѣженныхъ, равнодушіе къ отечеству и мертвенность души, всѣ глубокія и неисцѣльныя язвы, приготовившія паденіе Готскаго царства, были ничтожны въ сравненіи съ искаженіемъ церковнаго быта и христіанскаго ученія. Отъ первыхъ погибло царство (не первое и не послѣднее изъ погибшихъ зданій человѣческаго произвола), отъ вторыхъ погибло единство христіанской общины, и на многіе вѣка заразилась до сердца и мозга вся духовная жизнь Европы и міра.

Первые Готы-завоеватели были аріане; побѣжденный народъ принадлежалъ ученію Никейскаго собора. Внутренняя слабость аріанства, невѣжество его духовныхъ старшинъ, многочисленность послѣдователей древне-церковнаго преданія, духовная связь ихъ съ остальнымъ міромъ и внутренняя логическая сила мысли дали въ Испаніи побѣду ученію соборовъ надъ вѣроисповѣданіемъ завоевателей. Мало-по-малу вся Готская дружина отстала отъ аріанства, но побѣда была не легка и не безкровна. Аріанство защищалось не словомъ, а

Digitized by Google

мечемъ, и вызвало противъ себя не мысль, а политическую, вооруженную власть. Готы, новообращенные къ соборному символу, связывались тѣснѣе съ народомъ и особенно съ его единственнымъ представителемъ—духовенствомъ. Церкви и монастыри богатѣли, власть епископовъ возрастала со дня на день, и въ тоже время возрастало значеніе перваго изъ западныхъ епископовъ, епископа Римскаго, къ которому обращались глаза и надежды всѣхъ народовъ, угнетенныхъ игомъ аріанскимъ. Соборъ за соборомъ собирался для рѣшенія дѣлъ церковныхъ и вскорѣ дѣлъ государственныхъ; дружное и цѣльное сословіе лицъ духовныхъ захватывало всякій день болѣе и болѣе права всѣхъ другихъ сословій. Оно искажалось въ ожесточеніи борьбы; оно явилось ужаснымъ въ день торжества. Безнравственная и безсильная аристократія Германскихъ завоевателей утратила равнодушіемъ большую часть своихъ правительственныхъ правъ; эти права перешли къ епископамъ. Они возводили на престолъ и низводили царей, принуждая ихъ къ повиновенію страхомъ меча и мятежей; они издавали законы гражданскіе, смѣшивая ихъ съ законами церковными; они рѣшали судьбу государства. Но вся эта жизнь, возникшая изъ древне-Римской, грубо-государственной жизни, была жизнію внѣшнею, безъ всякаго внутренняго, живаго содержанія. Нигдѣ не была такъ безпредѣльна власть западнаго духовенства. Какіе же были ея плоды? Привычное къ кровавой борьбѣ, оно послѣ побѣды издало кровавые законы противъ иновѣрцевъ, постановленія ужасныя и безнравственныя, не уступающія ни въ чемъ позднѣйшимъ постановленіямъ свирѣпой инквизиціи *). Невѣжественное и гордое своимъ политическимъ значеніемъ и силою своихъ безпрестанныхъ соборовъ, оно, забывъ любовь и согласіе, неизмѣнность преданія и неприкосновенность вселенскихъ соборовъ, самовольно и безъ согласія другихъ церквей измѣнило всеобщій символъ вѣроисповѣданія. Не вдругъ согласился папа на такое измѣненіе, но онъ принужденъ былъ уступить угрозамъ гордаго духовенства и допустилъ измѣненный Символъ. Преемники слабаго папы пошли далѣе: они утвердили символъ Толедскаго собора,

*) Ср. т. II-й, 3-е письмо къ Пальмеру. *Изд.*

Digitized by Google

и христіанскій міръ былъ разорванъ на двѣ, доселѣ непримиримыя, половины, и вся исторія человѣчества измѣнилась, получивъ новыя сѣмена раздора и вражды. Таковъ подвигъ духовенства Испанскаго; таковъ подвигъ Готской Испаніи.

Послѣ преступнаго торжества наступилъ день тяжкаго наказанія. На берегахъ Гвадаледы, подъ холмами Хереса-де-ла Фронтера, сошлось небольшое войско восторженныхъ Аравитянъ (призванное Готскими бѣглецами) съ многочисленнымъ ополченіемъ дряхлаго царства. Восемь дней длился бой, на девятый архіепископъ и дѣти царя Витицы съ ихъ дружинами подняли знамя измѣны и бросились на христіанъ и единокровныхъ братьевъ. Царство погибло; въ болотной грязи погибъ его послѣдній царь, роскошный и развратный, явившійся на бранное поле въ великолѣпной колесницѣ, въ золотыхъ доспѣхахъ и въ пурпуровой мантіи. Почти безъ сопротивленія покорилась законамъ ислама Готская Испанія, какъ за два вѣка съ половиною покорилась Испанія Римская мечу Гота и Вандала. Города отворяли ворота свои побѣдителю, жители безмолвно преклоняли колѣна, и впереди завоевательной дружины шелъ измѣнникъ-архіепископъ, нѣкогда гонитель иновѣрцевъ, теперь проповѣдникъ непобѣдимаго ислама. Такъ сошли Вестготы съ поприща исторіи. Нѣсколько сотенъ храбрыхъ воиновъ ушли въ горы Арагоніи и въ прігорья Пиренейскія, гдѣ крутыя дебри и смуты Мавро-Аравійскаго царства спасли ихъ отъ гибели и отъ совершеннаго рабства.—И снова прошло нѣсколько вѣковъ. Исламъ ослабъ; христіанская Европа окрѣпла, и новое царство, но уже не Готское, а Романское, съ малою примѣсью Гота и Франка, образовалось на Пиренейскомъ полуостровѣ, и все прежнее исчезло безъ слѣда въ бытѣ и государственной жизни. Но сѣмя зла, какъ и сѣмя добра, не гибнетъ. Разрывъ церкви, начавшійся на Толедскомъ соборѣ, совершился вполнѣ, и духъ безнравственнаго гоненія, завѣщанный народу духовенствомъ Готской эпохи, развился во всей своей свирѣпости и зажегъ съ конца въ конецъ западной Европы позорные костры инквизиціи. Но подвигъ Испаніи еще не совершился. Великій

Digitized by Google

Генуэзецъ открылъ для нея Новый Свѣтъ, и она залила этотъ Новый Свѣтъ кровью туземцевъ и озарила его пламенемъ своихъ костровъ. И опять прошло нѣсколько вѣковъ, и Испанія, никогда не понимавшая вѣры иначе какъ религію внѣшнюю и христіанство иначе какъ какой-то новый брахманизмъ съ Кушитскими заклинаніями, бьется въ судорогахъ безсилія: полу-мертвое тѣло, брошенное на позоръ живымъ народамъ Европы.

Завоеванія Меровинговъ на Востокѣ.

Единство Меровейской Франціи, основанной дружиною личною, и всегдашній союзъ съ властію духовною и съ ея главнымъ представителемъ на Западѣ, епископомъ Римскимъ, дали Меровингамъ рѣшительный перевѣсъ передъ всѣми ихъ соперниками. Завоеваніе юго-западной и западной Германіи доставило преемникамъ Хлодовика огромную область и неистощимый источникъ дружинныхъ силъ. Отношенія ихъ къ другимъ, восточнымъ семьямъ Германскимъ открыли имъ въ тоже время легкое средство къ большему расширенію предѣловъ государства подъ видомъ покровительства. Освободившіеся Славяне не утратили еще завоевательнаго направленія, даннаго Гуннами. Они налегали съ Востока на окраины Германскаго міра и безпрестанно угрожали вторженіемъ. Новый толчекъ былъ данъ имъ чуждымъ племенемъ Аваровъ, угнетателей и въ тоже время внѣшнихъ совокупителей Славянскаго міра. Дружины Славянскія затопили Элладу и громили своихъ западныхъ сосѣдей; но этотъ напоръ, достаточный для уничтоженія или порабощенія мелкихъ Германскихъ семей, не имѣлъ того могучаго единства, которое при Гуннахъ сокрушило всю Европу, Римскую и Германскую. Авары были пришлецами, иноплеменниками и инокровниками, временно совокупляющими силу Славянскую для своихъ личныхъ выгодъ; Гунны были сами Славяне, единокровные и единодушные братья. Франки, явившись покровителями слабыхъ Германцевъ восточныхъ, побѣдили и отодвинули или покорили своихъ Славянскихъ противниковъ и расширили государство свое до Панноніи, Карпатовъ и Альповъ Норійскихъ. Но въ тоже время они поко-

Digitized by Google

рили и братьевъ своихъ, освобожденныхъ Германцевъ, (напр., Тюрингію) и замѣнили прежнюю жизнь народныхъ дружинъ Франкскою системою дружины королевской, искажая прежній организмъ и его естественное развитіе преобладаніемъ устройства условнаго или государственнаго. Упорнѣе была защита сѣверной и сѣверо-западной Германіи. Саксонцы продолжали расширять свою область и крѣпчали въ воинственныхъ силахъ. Приморскіе Фризы удерживали свободу своей болотистой и непроходимой стороны до самыхъ устьевъ Рейна. Общинная жизнь народа сохранялась еще въ лѣсахъ и между озеръ Голландіи, у Славянскихъ Вильцевъ (очевидно Венды *Вильцы* или *Великіе*) и Варновъ, по всей вѣроятности ихъ единокровныхъ братьевъ.

Самые Фризы, не смотря на ихъ безспорное Германское начало, кажется, принадлежатъ къ народамъ не чисто-Германскимъ и содержатъ весьма много Славянской примѣси. Таковъ выводъ изъ всего ихъ быта, отчасти изъ ихъ нарѣчія, изъ ихъ союзовъ съ Вильцами и Варнами, изъ склонности къ торговлѣ и устройству торговыхъ городовъ (напр., Ставоры, которой имя, вполнѣ Славянское, окружено сказками и миѳами, носящими также Славянскій характеръ, какъ-то о казни народной за гордость, богатство и за презрѣнье къ хлѣбу). Земля Фризонская была безспорно Славянскимъ поморьемъ, мало-помалу германизованнымъ отъ безпрестаннаго наплыва сосѣднихъ Германцевъ, можетъ быть завоевателей, но принявшихъ бытъ и характеръ прежняго племени туземнаго. Этимъ объясняются и долгое сопротивленіе Фризовъ противъ Франко-германскихъ царствъ, и глубокая взаимная ненависть между ими и Франко-германцами, и трагическая ихъ судьба во время среднихъ вѣковъ. Вообще нельзя не замѣтить упрямой близорукости въ критикѣ, которая не хочетъ или не можетъ догадаться о тождествѣ народныхъ стихій въ Вильцахъ или Велетабахъ (*Величавый*) и Варнахъ. Жилища ихъ одни и тѣже, жизнь политическая за одно. Самое же имя Варновъ происходитъ отъ *вѣра*, тоже что̀ *вара* въ словѣ *Гунниваръ*, или *вара*, т. е. община, согласіе или миръ. Тождество Варновъ и Вильцевъ указываетъ опять на общія Славянскія начала въ Фризахъ и Саксонцахъ. У обоихъ преобладаетъ, какъ у Славянъ, идея домовитости, хозяй-

Digitized by Google

ства, весьма далекая отъ военной основы общества чисто-Германскаго; названіе хлѣба (*hlaibs, laib* и т. д.) у этихъ народовъ происходитъ явно отъ Славянскаго *хлѣбъ* (корень *хлебать*, параллельное ему въ средпемъ *хлябать*), а отъ этого слова происходитъ множество словъ, означающихъ различныя гражданскія отношенія въ обществѣ Фризо-саксонскомъ. Впрочемъ имя хозяина *hlaford*, объясняемое въ смыслѣ хлѣбодателя, кажется нѣсколько сомнительнымъ; едва ли оно не происходитъ отъ слова *главарь* (корень *глава*). Въ обоихъ же случаяхъ оно одинаково основано на Славянскомъ понятіи и на Славянскомъ словесномъ корнѣ.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на упорное сопротивленіе Фризовъ, на возрастающее могущество Саксовъ, на соперничество Славянъ въ восточной Германіи и на частныя неудачи (какъ, напр., пораженіе Славянами союзнаго войска Франковъ, Баварцевъ и Саксовъ въ 630-мъ году), Франкское царство росло и крѣпчало. Оно мало-по-малу заключило въ себѣ почти всѣ силы Германскаго племени отъ Карпатовъ до Атлантики и заключило ихъ въ единство дружины королевской, системы аллодіальной, почти столь же способной къ завоевательной, какъ и оборонительной войнѣ и благопріятной для цѣльности государственной. Дальнѣйшее развитіе Франкскаго царства было остановлено междоусобіями, естественнымъ послѣдствіемъ понятія о равенствѣ правъ всѣхъ потомковъ короля (дружиноначальника) на его наслѣдство, какъ въ отношеніи къ его собственной огромной долѣ въ завоеванныхъ областяхъ, такъ и въ отношеніи къ предводительству надъ дружиною. Франція, раздѣленная и разорванная на части, лишилась временно силъ для внѣшняго дѣйствія; но мало-по-малу, послѣ кровавыхъ раздоровъ, послѣ ужасовъ, которымъ мало подобныхъ находится въ исторіи Европы и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ развратѣ, завѣщанномъ Римомъ своимъ вѣковымъ наемникамъ и рабамъ, идея единства государственнаго и дружиннаго восторжествовала. Королевскій домъ Меровинговъ принялъ новые законы престолонаслѣдія, устранявшіе причину прежняго раздора. Тогда выступило другое начало, дотолѣ еще не имѣвшее значительнаго вліянія на исторію, и до

Digitized by Google

нашего времени не замѣченное критикою историческою, но въ развитіи своемъ сгубившее Меровингскую династію и опредѣлившее отчасти весь ходъ исторіи Французской въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Общій характеръ развитія Франціи и Западной Европы.

Хлодовикъ былъ вождемъ дружины и передалъ это право своему потомству; но въ тоже время онъ принялъ званіе патриція (истинное коронованіе по всѣмъ обрядамъ) и благословеніе церкви. И то и другое относилось не къ дружинѣ, весьма равнодушной къ Римскому титулу и болѣе чѣмъ на половину чуждой христіанству, но къ туземцамъ завоеванной Галліи. И это значеніе короля-патриція и лица полудуховнаго перешло къ царственнымъ потомкамъ Хлодовика; церковь Римская продолжала ихъ называть своими любимыми чадами, покровителями церкви, не смотря на отвратительный развратъ ихъ кровавой жизни. Наступило время умиренія и единства царскаго для Франціи; но тогда ярче и живѣе выразилась двойственность королевскаго сана, соединяющаго въ одномъ лицѣ вождя и царя. Высокая человѣческая истина нравственной идеи превозмогла. Вождь уступилъ царю. Облагороженный потомокъ свирѣпаго и вѣроломнаго Меровинга явился царемъ тишины и духовной правды, промѣнялъ браннаго коня на мирную упряжь бѣлыхъ воловъ и мечъ воина на жезлъ патріарха. Его слуги, приказчики его домовитаго хозяйства (majores domus, вѣроятно тоже что̀ *Thuneinus, тіунъ* съ ключами) повели на бой его воинственныя рати и стали править дѣлами дружины полузабытой королемъ. Гордая сила дружины не стерпѣла своего униженія: она вспомнила свое древнее право выбирать себѣ вождя, право, принадлежащее собственно дружинамъ народнымъ, но присвоенное дружиною личною по слабости королей. Народъ завоевателей возвратился къ обычаю, засвидѣтельствованному великимъ историкомъ упадающаго Рима, къ обычаю ставить царя по роду, вождя по доблести (reges ex nobilitate, duces ex virtute); меры, избранники дружины, стали противъ короля, представителя завоеваннаго народа и духовенства, свободные и само-

Digitized by Google

властные, но признающіе еще по видимому власть мирныхъ своихъ владыкъ. Франція раздѣлилась на свои двѣ стихіи: на землю завоеванныхъ Римлянъ и завоевательныхъ Германцевъ, на Западъ и Востокъ, Невстрію и Австразію. Каждая половина избирала своего мера; и между мерами начались раздоры, какъ прежде между царями, и слабые короли по неволѣ благословляли побѣдителей, и нравственное лице мирнаго судьи величественно рабствовало передъ торжествующими начальниками дружины. Германская земля была сильнѣе Галло-римской. Австразія побѣдила. Великій родъ Пипина Геристальскаго получилъ наслѣдственное званіе мера и подавилъ почти вполнѣ родъ Меровинговъ. Безсильный народъ молчалъ; но духовенство не мирилось съ новою властію: оно проклинало Карла Мартеля, побѣдителя Мавровъ и спасителя Франціи, побѣдителя идолопоклонниковъ Фризовъ и распространителя христіанства. Оно понимало вражду, едва скрытую подъ личиною покровительства. Наступило время опасности для епископа Римскаго отъ грозы Лонгобардовъ. Онъ просилъ покровительства отъ Франціи; ничтожные короли не могли подать помощи; могущіе меры не хотѣли ее подать безъ видовъ личной выгоды. Глава Западной церкви отступился отъ своихъ любимыхъ чадъ Меровинговъ, и новыя любимыя чада были усыновлены. Короли Меровинги угасли въ монастыряхъ. Потомки Пипина—Карловинги вступили на престолъ, совокупляя въ себѣ и званіе мера и званіе царя.

Такъ въ VIII вѣкѣ кончилась первая династія; но двойственность началъ не исчезла, и нравственная идея снова превозмогла. Карловинги немедленно послѣ великаго Карла вступили въ тоже поприще, по которому шли ихъ предшественники и также исчезли какъ Меровинги. Новая династія, Капетинги, замѣнила ихъ и продолжала прежнее дѣло, но не утрачивая вполнѣ своего воинственнаго значенія.

Такъ объясняется особенно лице Людвига IX-го и безсознательное выраженіе Французскаго писателя: *Le Roy est le grand juge de paix du royaume de France.*

Digitized by Google

Быть можетъ, Капетинги подверглись бы той же участи, какъ и ихъ предшественники; но народъ окрѣпъ; но короли поняли, что нравственное значеніе мирнаго судьи недоступно грубымъ понятіямъ безнравственнаго племени. Вмѣсто духовнаго оружія началъ правды человѣческой они взяли оружіе Римскаго права, и Филиппъ Прекрасный и его преемники, бездушные крючкотворцы, стяжали побѣду, которую заслужили ихъ благородные предмѣстники. Таковы значеніе и характеръ первой Французской исторіи, рѣзко отдѣляющіе ее отъ исторіи Германской, основанной на другой почвѣ и подъ другими условіями.

Побѣды оружія, а еще болѣе союзъ съ Римскимъ епископомъ распространили Францію и прославили Меровинговъ. Франки, властители почти всего Запада, располагали его судьбою; но вся эта внѣшняя, мертвая жизнь оставалась безъ плода для человѣчества. Ни слово, ни пѣснь, ни наука не просыпались ни въ области погибшаго Галла, ни въ дикой странѣ Германца Зарейнскаго. Темные вѣка ждали новаго свѣта.

Племя Германское овладѣло Западомъ Европы. Иранское ученіе, сохраненное Израилемъ въ продолженіи двадцати вѣковъ и мгновенно развившееся во всемъ своемъ величіи, сдѣлалось ученіемъ и вѣрою свѣжихъ и сильныхъ народовъ, назначенныхъ къ всемірному владычеству. Но ни ученіе, полное жизни и силы, ни народы, одаренные неистощимымъ богатствомъ разумныхъ способностей, не могли принести плодовъ животворныхъ для человѣчества. Народы Германскіе, искаженные дикостью военной жизни въ своихъ родныхъ лѣсахъ, еще болѣе искаженные или развратнымъ владычествомъ Рима, или своимъ собственнымъ владычествомъ надъ Славяниномъ или Кельтомъ, сомкнулись окончательно въ форму условной дружины, въ форму касты безчеловѣчной и угнетательной, исполненной вражды и презрѣнія къ слабымъ народамъ Романскимъ или Кельто-кумрійскимъ, подпавшимъ ихъ игу. Ученіе мира, любви и просвѣтленія духовнаго, принесенное съ Востока проповѣдниками-страдальцами, исказилось въ торжествѣ

Digitized by Google

своемъ надъ Римскими началами. Въ побѣдѣ надъ религіею государственною и внѣшнею оно приняло характеръ религіи побѣжденной, характеръ внѣшній и государственный. Оно требовало не любви, а покорности, не вѣры, а обряда. Единство истинное, живое, единство духа, высказывающееся въ единствѣ видимыхъ формъ, замѣнилось единствомъ вещественной нормы, и понятіе объ этой нормѣ перешло мало-по-малу въ понятіе о власти, ставящей норму, въ понятіе о кастѣ, завѣдывающей духовнымъ дѣломъ, о духовенствѣ, признанномъ за церковь по преимуществу, и наконецъ объ одномъ епископѣ, епископѣ древняго Рима, выражающемъ и полное единство ученія, и полное единство духовной власти, и ея безусловную непогрѣшительность. Идея права лежала въ основѣ Римской жизни, и Римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія Германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго-логическаго права, не только въ бытѣ государственномъ, условномъ и слѣдовательно невозможномъ безъ подчиненія праву логическому, но и въ жизни духовной и религіозной. Кушитское начало логической необходимости проникло въ ученіе, завѣщанное Иранскою Іудеею, и придало отношеніямъ человѣка къ Богу значеніе вѣчной тяжбы, молитвѣ и таинству смыслъ заклинанія, любящей вѣрѣ характеръ принудительнаго закона. Жизнь внутренняя и духовная оставалась еще на Западѣ достояніемъ Кельто-кумрійцевъ Ирландіи и отчасти Саксонцевъ въ Британніи; но имъ суждено было призвать къ просвѣщенію Зарейнскую Германію, а самимъ погибнуть отъ внѣшняго насилія и отъ внутренняго раздора, принесеннаго изъ земель Романскихъ. Сѣмена зла, посѣянныя Римомъ, должны были привести плодъ свой въ искаженіи разума. Сѣмена вражды и ненависти, посѣянныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи духа, и Западъ долженъ былъ сомкнуться въ могущее цѣлое, извнѣ непобѣдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные въ первые вѣка христіанства на почвѣ Германо-римской, выросли и созрѣли исторіею осьмнадцати вѣковъ.

Digitized by Google

Другія были явленія на Византійскомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла, и только многовѣковая борьба противъ внѣшнихъ напоровъ продолжалась безъ надежды на торжество, безъ надежды на внутреннее обновленіе. Византійцы, заключивъ себя добровольно въ общественныя формы, завѣщанныя Римомъ, утратили возможность государственнаго развитія; но мертвенность общественная должна была мало-помалу отразиться и на отдѣльныхъ лицахъ и заковать объемъ ихъ помысловъ въ тѣсные предѣлы односторонности. Между тѣмъ великій подвигъ науки религіозной или наукообразнаго опредѣленія христіанскихъ ученій совершался мыслителями, преемниками Эллинскаго просвѣщенія, и совершался не для одной Византіи, но и для всего Европейскаго міра, принимающаго отъ нея свѣтъ разума и норму вѣрованія. Безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ, въ которыхъ участвовали духовные представители западныхъ областей и земель покоренныхъ дикими иновѣрцами; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущенныхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр., собраніе въ Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ Ефесскаго разбоя), была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ; они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. И такъ, само право представительства, также какъ и право приговора, не имѣло никакой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими поста-

Digitized by Google

новленіями формальными. Соборъ былъ не власть, а голосъ, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной.

Таково было всегда воззрѣніе Востока; таково было и понятіе Запада, покуда еще не расторглось его общеніе съ Востокомъ. Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, внѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго (т. е. обще-церковнаго). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какаго не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства. На этомъ основаніи понятно, какъ въ послѣдствіи Флорентинскій соборъ, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ законности (ибо слабодушіе не извиняетъ никого), былъ отверженъ Восточною общиною. Таково же было первоначальное понятіе о соборахъ и на Западѣ. Но въ послѣдствіи развитіе внѣшней или государственной религіи подавило прежнее ученіе, и учители Запада приняли внѣшнюю норму для сужденія о законности собора, норму, основанную на признакахъ внѣшнихъ, напр., на законности и правѣ лицъ, участвующихъ въ соборѣ, на числѣ ихъ, на согласіи съ Римскимъ епископомъ и т. д. *) Идея единства условнаго, правительственнаго (авторитета или власти) замѣнила идею единства внутренняго или органическаго (жизненнаго). Ясный взглядъ на этотъ вопросъ есть требованіе не догматики религіозной, но здравой исторической критики.

Самый ходъ развитія въ религіозной наукѣ представляетъ замѣчательную послѣдовательность и указываетъ на строгія требованія ума въ мірѣ Эллинскаго образованія. Великіе вопросы, волновавшіе Восточную имперію, скрываются теперь отъ поверхностнаго наблюдателя подъ формулами религіозной догма-

*) Обычная формула постановленій Западныхъ соборовъ: Sacrosancta Generalis synodus... in s. s. „legitime“ congregata etc. *Изд.*

Digitized by Google

тики и не находятъ безстрастныхъ цѣнителей; но формулы догматическія были неизбѣжны, ибо дѣло мышленія во время первыхъ вѣковъ отъ Константина было не созданіе новой науки на свободной силѣ человѣческаго разума, но наукообразное или разумное уясненіе преданія; а преданіе неразрывно связано съ формами и формулами, въ которыхъ оно переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Историческій же обзоръ соборной дѣятельности, отстраняя всѣ подробности и случайности споровъ и ихъ внѣшнія формы, открываетъ и глубокій смыслъ ея, и великій подвигъ, совершенный духовною жизнію Византіи.

Община, освобожденная отъ гоненія и вызванная ученіями Арія, Діоскора и другихъ, выражаетъ свое понятіе о Божествѣ. Она не остается при неразвитомъ единобожіи Іудеи, содержащемъ въ себѣ необходимо или отрицаніе внутренняго явленія (лица) въ Божествѣ, или признаніе явленія (лица), какъ обнимающаго собою всю сущность Божества. Она признаетъ три явленія, связанныя внутреннею живою связью, свободныя отъ всякой случайности, и слѣдовательно совершенно полныя, и въ тоже время признаетъ, что одно явленіе не можетъ обнять собою всю полноту первобытнаго духа. Далѣе, она отвергаетъ предположеніе, чтобы нравственное совершенство могло принадлежать какому-нибудь духу, кромѣ первобытнаго, и кладетъ переходъ къ вопросу объ отношеніи духа первобытнаго (Бога) къ созданному (человѣку).

Разумѣется, что вѣрность рѣшеній принадлежитъ анализу философическому; исторія разбираетъ только ходъ науки, а не удовлетворительность ея въ отношеніи къ отвлеченному мышленію.

Споры несторіанства и евтихіанства составляютъ вторую эпоху христіанской науки. Несторій отвергаетъ въ Мессіи-Искупителѣ божественность, обращая ее во внѣшнее вдохновеніе; Евтихій отвергаетъ человѣчество, обращая его въ видимый призракъ человѣчности.

Исторіи собственно нѣтъ дѣла до справедливости обвиненія, во сколько оно касается только до лицъ Несторія и Евтихія и до личнаго ихъ ученія. Она разбираетъ только школу и смыслъ ея.

Digitized by Google

Не смотря на видимую и прямую противоположность несторіанства и евтихіанства, окончательное значеніе обоихъ одинаково: оба удерживаютъ и утверждаютъ совершенное различіе Бога и человѣка и несовмѣстимость этихъ двухъ понятій въ одно.

Таже самая тождественность при прямомъ противорѣчіи или антагонизмѣ видна и въ отношеніяхъ первоначальнаго буддаизма къ шиваизму и протестанства къ романизму и вообще во всѣхъ ученіяхъ, отрицающихъ, но не исключающихъ другъ друга, будь они религіозныя или философскія: ни отрицаніе не освобождаетъ, ни примиреніе въ смыслѣ новѣйшей Германской науки.

Характеръ Несторіевой школы (точно также какъ и Евтихіевой) опредѣленъ былъ самой почвою, на которой развился. Онъ принадлежалъ по преимуществу Сиро-палестинской области и представлялъ въ себѣ несомнѣнный отзвукъ еврейства (а можетъ быть и мало извѣстныхъ религій Финикійскихъ), признавая въ Мессіи только человѣка. Евтихіанство, возникшее въ Египтѣ*), носило печать древне-Египетскаго ученія; ибо, отрицая человѣчество въ Мессіи, оно ставило самую сущность Божества въ страдательное отношеніе къ случайности и слѣдовательно подчиняло ее законамъ видимаго міра (какъ въ Кушитствѣ). Историческое изслѣдованіе прежнихъ вѣковъ связываетъ еще яснѣе этихъ двухъ мыслителей, такъ сильно волновавшихъ Востокъ, съ прежнею жизнію Палестины и Египта черезъ эбіонитовъ съ одной стороны, черезъ гностиковъ и Савеллія съ другой.

Преданіе церкви представляетъ на тотъ же фактъ довольно любопытное указаніе, приписывая Сиріи евангеліе, писанное подъ именемъ апостола Луки, а Египту евангеліе апостола Марка, и признавая въ одномъ преобладаніе Мессіи - жреца (обозначеннаго эмблемою быка и слѣдовательно разсмотрѣннаго со стороны человѣчества), а въ другомъ преобладаніе Мессіи - царя (обозначеннаго львомъ, символомъ небеснаго, пожирающаго земное, слѣдовательно Мессіи - Бога). Впрочемъ тѣсное соединеніе церкви Египетской и евтихіанства съ древнимъ Египтомъ видѣнъе еще въ Оригенѣ, чѣмъ въ Савелліи. Глубокомысленный Але-

*) Оно себя прикрывало авторитетомъ св. Кирилла Александрійскаго. *Изд.*

Digitized by Google

ксандріецъ, во многомъ учитель всѣхъ послѣдовавшихъ учителей, очевидно впадаетъ прямыми своими послѣдствіями въ пантеизмъ и въ ученіе о первоначальной необходимости, обращая самое зло нравственное въ призракъ. Таковы въ немъ слѣды аналитическаго язычества, не смотря на его борьбу съ окружающимъ его язычествомъ; точно также какъ лучшая слава Запада (за исключеніемъ Августина, ибо Ириней принадлежитъ Востоку), Карѳагенецъ Тертулліанъ, въ борьбѣ своей противъ языческаго Рима и Африки, сохраняетъ, самъ того не сознавая, характеръ Кушита Палестинскаго въ строгомъ ученіи о кровавомъ искупленіи, какъ заклинательномъ выкупѣ, и Римлянина—въ строгомъ понятіи о внѣшнихъ, правомѣрныхъ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о крещеніи, какъ дѣлѣ совершенномъ (opus operatum). Дальнѣйшія ошибки ихъ учениковъ и осужденія церкви очень понятны.

Арій, отстраняя внутреннія явленія въ Божествѣ, старался сохранить величіе его и въ тоже время безсознательно унижалъ его, допуская въ твореніи совершенство нравственное. Точно тоже было съ Несторіемъ и Евтихіемъ. Одинъ, приписывая человѣчеству почти исключительное участіе въ дѣлѣ искупленія, хотѣлъ его возвысить, и въ тоже время унижалъ человѣка, отвергая въ Богѣ возможность быть человѣкомъ. Другой, предоставляя Божеству дѣло искупленія вполнѣ, унижалъ Божество, подчиняя его законамъ случайности. Каждый впадалъ въ ту самую крайность, которой хотѣлъ избѣгнуть; оба, также какъ и Арій, полагали бездну между человѣкомъ и Богомъ, утверждая ихъ вѣчный разрывъ. Преданіе церкви, уясняясь, положило ихъ слiяніе въ одномъ лицѣ Мессіи Богочеловѣка. Далѣе, въ спорѣ съ полу-евтихіянцами (единовольниками) оно признало нераздѣльность нравственнаго опредѣленія (воли) съ логическимъ опредѣленіемъ (сущности) и утвердило для всѣхъ будущихъ вѣковъ возможность безконечнаго развитія, которое гибло въ признанномъ разрывѣ Божества и человѣка, опредѣленія нравственнаго и опредѣленія логическаго.

Повторимъ, что исторія опредѣляетъ только смыслъ догматическаго разрѣшенія, а не законность его передъ судомъ философскаго анализа.

Digitized by Google

Значеніе соборовъ.

Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго благотворные плоды питаютъ его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка, въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ, и церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой внѣшней формы поклоненія. Государственное торжество христіанства при Константинѣ дало свободу внѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этаго уклоненія отъ христіанства возстали мужи сильные ревностью и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ; но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно само часто беззакопно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей-иконоборцевъ. Но народное убѣж-

Digitized by Google

деніе, право и истина была на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея также теменъ, какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и достойно величія человѣческой исторіи, — болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны и мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго христіанство до идолопоклонства; но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы; но его торжество было бы приговоромъ не надъ одними иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла неприкосновенность церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго внѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло втораго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни. Этотъ подвигъ останется незабвеннымъ и будетъ оцѣненъ вполнѣ, когда западная Европа освободится сколько-нибудь отъ своей гордой непріязни къ Востоку, а наука отъ своей тупой односторонности.

Юстиніанъ.

Жизнь политическая Византіи не соотвѣтствовала величію ея духовной жизни, но и она была не безъ славы и не безъ подвиговъ. Ни одно государство въ мірѣ не выдерживало такихъ безпрестанныхъ, такихъ грозныхъ напоровъ; ни одно

Digitized by Google

такъ долго съ нимъ не боролось. Волна за волной набѣгала съ Сѣвера и Востока; бѣдствіе за бѣдствіемъ обрушивалось на ветхое зданіе Римской государственности, и оно держалось только живущимъ въ немъ духомъ Эллинскаго разума и просвѣщенія. Гроза Германіи и западной Европы, Аттила и его Гунны отступили передъ гордою смѣлостью Маркіана. Опустошительный потокъ обратился на Италію; но Маркіана не стало, и его недостойные преемники не умѣли поддержать честь государственную. Обломки Гуннскаго ополченія, Гепиды и Славяне (Венды и Анты) грабили сѣверную Придунайскую область; Вандалы грабили Пелопонесъ. Своевольные слуги и наемники Имперіи, Остготы вели междоусобную войну и наконецъ, соединивъ свои силы подъ предводительствомъ великаго Ѳеодорика, создали новое независимое царство въ Италіи. Кавказскіе горцы и Персіяне опустошали весь Востокъ, а будущіе завоеватели полміра, Арабы-сарацыны врывались съ Юга въ Сирію и Палестину. Въ первой половинѣ шестаго вѣка взошелъ на престолъ Византійскій государь, памятный въ исторіи человѣчества. Безпримѣсный Славянинъ, сынъ Славянскихъ родителей (какъ видно изъ ихъ именъ, а особенно изъ имени матери—Бѣгленицы), Управда былъ призванъ на царство. Имя свое онъ перевелъ на правительственный, Латинскій языкъ и назвалъ себя Юстиніаномъ.

Если бы нужно было еще доказывать, что Славяне были исконными жителями Придунайской стороны и опровергать нелѣпое мнѣніе о движеніи Славянъ, будто бы врѣзавшихся въ Европу вслѣдъ за Гуннами, то имена Управды и его родителей одни уже могли бы достаточно убѣдить самыхъ упорныхъ скептиковъ. Ни Гунны, ни Славяне не врывались въ Имперію до половины V-го вѣка, а Юстиніанъ родился отъ Славянскаго отца и Славянской матери въ 482-мъ году, и ни одинъ писатель, ни изъ Византійскихъ, ни изъ Западныхъ, не считалъ и не называлъ его варваромъ или иноземцемъ. Не явно ли, что онъ былъ Славянинъ-туземецъ, потомокъ старожиловъ Иллиріи и Ѳракіи?

Ни воинственныя доблести, ни крѣпость духа не отличали Юстиніана-Управды. Чуждый ратному дѣлу, игралище при-

Digitized by Google

дворныхъ интригъ и развратной жены, не внушающій ни страха народу по добросердечію, ни глубокаго уваженія по недостатку твердости и самостоятельности въ дѣлахъ правленія, Славянскій императоръ Византіи одною силою любви къ правдѣ и къ просвѣщенію, однимъ истинно-человѣческимъ сочувствіемъ съ человѣчествомъ пробудилъ стихіи мысли и жизни, заснувшія въ государствѣ, но еще уцѣлѣвшія въ членахъ его. Его эпоха была эпохою славы слишкомъ мимоходной, но она останется навсегда замѣчательною по своему вліянію на науку права и на религіозное искусство.

Дѣйствія Юстиніана въ подробностяхъ своихъ представляютъ часто или жестокость или безсиліе: въ общихъ начертаніяхъ и намѣреніяхъ они запечатлѣны величіемъ и глубокимъ чувствомъ христіанства и правды. Безъ уваженія нельзя вспомнить объ государѣ, требовавшемъ отъ Кавказскихъ дикарей, чтобы они впередъ не скопили плѣнниковъ, и рѣшившемся на войну для этой одной цѣли. Требованіе Юстиніана напоминаетъ отмѣненіе человѣческихъ жертвъ въ Карѳагенѣ по приказанію великаго сына Гистаспова. Чисто-нравственныя побужденія такъ рѣдко являются въ исторіи, что она не имѣетъ права миновать ихъ безъ вниманія.

Африка была снова вырвана у Вандаловъ, Италія у Вестготовъ. Велисарій и Нарсесъ напомнили міру о прежнихъ торжествахъ Римскаго оружія и Германскимъ дикарямъ о ничтожности ихъ нестройнаго мужества передъ образованною силою Рима. Персія была удержана въ своихъ границахъ, несмотря на предпріимчивое славолюбіе и воинственность Хозроя. Славянскіе Болгары отодвинуты за Дунай. Земля Византійская расширилась снова отъ Каспія и цѣпи Демавендской до Атласа и Западнаго океана. Зодчество вспомнило свое древнее величіе, и своды Софійскаго собора смѣло поднялись къ небу, какъ духовный гимнъ, въ урокъ будущимъ вѣкамъ и въ свидѣтельство неумирающей художественности на землѣ Эллады. Полное и величественное собраніе гражданскихъ законовъ, (лучшій памятникъ древняго общественнаго міра), составленное подъ надзоромъ самаго императора, спасло для потомства

Digitized by Google

выраженіе праводатной мудрости Рима, мудрости часто соблазнительной и вредной для новѣйшихъ народовъ, но еще чаще богатой наставленіями для всѣхъ временъ и безъ сомнѣнія никѣмъ не превзойденной. Таковъ былъ подвигъ Юстиніана, но онъ не могъ остановить паденія государственнаго.

Языческая и христіанская стихіи въ Византіи.

Слишкомъ силенъ былъ внѣшній напоръ и слишкомъ слабъ былъ внутренній составъ государства. Право, переданное Римомъ завоеванному Западу, было для него только полицейскимъ уставомъ благочинія; тоже право переданное Эллину, было для него только наукою, которую онъ разработывалъ наравнѣ съ другими, но которая, обогащая его разумъ, мало отражалась въ его жизни. Догматика закона дѣйствовала столь же слабо на общество, сколько и догматика религіозная; онѣ процвѣтали одинаково какъ отрасли частнаго знанія для каждаго отдѣльнаго лица и одинаково оставались безплодными для жизни народной. Сверхъ того, самое право Римское, чудно-логическое развитіе условныхъ и произвольныхъ данныхъ, не имѣло ничего общаго съ началомъ новаго вѣрованія, принятаго со временъ Константина. Раздѣленіе человѣка на христіанина-аскета, равнодушнаго ко всей внѣшней жизни, и на христіанина страдательнаго, покоряющагося случайнымъ законамъ государства, сохранилось. Право гражданское, точно такъ же какъ и право государственное (да едва ли они могутъ быть строго отдѣлены другъ отъ друга) было независимо отъ вѣры. Цари, наперекоръ христіанству, назывались *божественными* (*divus*) и величались *нашею вѣчностію* (*perennitas nostra*); законы о бракѣ, о рабахъ, о собственности и пр. сохраняли неизгладимую печать языческаго равнодушія къ началамъ нравственности. Церковь, сознавая себя совершенною, не прилагала и не старалась приложить себя къ вѣчно-несовершенному устройству общества, дозволяя ему пользоваться двусмысленнымъ правомъ называть себя христіанскимъ по вѣроисповѣданію лицъ, составляющихъ оное. Она была права, ибо черезъ такое равнодушіе ко всему временному сохраняла въ

Digitized by Google

неприкосновенности внутреннюю чистоту и свободу своего ученія; но съ другой стороны она не питала въ душѣ гражданина нравственнаго стремленія къ согласію между его обязанностями гражданскими и человѣческими, она не внушала ему надежды на лучшее будущее и не напоминала ему великой истины, что внѣшняя форма должна, поздно или рано, сдѣлаться выраженіемъ внутренняго содержанія, и что право должно наконецъ опереться не на условныя и произвольныя, но на вѣчныя и человѣческія начала. Признавалась просвѣтительная сила христіанства, но не сознавалась его строительная сила. Такое раздвоеніе удержалось до конца Византійской имперіи. Правда, христіанство не осталось безъ вліянія на науку гражданскую, многіе частные законы измѣнились; но не было во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ ни полноты, ни сознанія. Право сохранило свою независимость отъ вѣры и слѣдовательно отъ самой жизни народа или отъ ея лучшей части. Непримиренныя половины остались одинаково безсильными.

Государственное право не подвинулось ни на шагъ. Византія не знала, такъ же какъ и Римъ, законовъ престолонаслѣдія. Народное избраніе было истиннымъ, хотя и непризнаннымъ, основаніемъ права на престолъ, и самое наслѣдство по рожденію сопровождалось дѣйствительно или безмолвнымъ избраніемъ, или вѣнчаніемъ преемника еще при жизни предмѣстника. Точно тоже было и въ Римѣ.

Поэтому строгій судъ историковъ надъ возмутителями и притязателями на престолъ очень нелѣпъ, когда относится къ исторіи Римской имперіи. Въ немъ высказывается крайнее незнаніе коренныхъ началъ государства.

Со временъ Траяна вполнѣ освободились провинціи отъ столицы и утвердили за собою право на избраніе императора. Этотъ періодъ продолжается до окончательнаго раздѣленія Имперіи на восточную и западную. Западная пала; восточная должна была въ уменьшенномъ объемѣ повторить и дѣйствительно отчасти повторила явленія великой Римской державы; но новыя случайности жизни измѣнили выраженіе прежняго

Digitized by Google

начала. Провинціи, безпрестанно наводненныя, отчасти даже населенныя варварами, утратили память своего права или возможность имъ пользоваться. Граждане-христіане, раздвоенные въ душѣ своей непримиреннымъ разногласіемъ жизни частной, христіанской и жизни государственной, языческой и Римской, становились со дня на день болѣе равнодушными къ общегосударственному дѣлу и предоставляли свою судьбу области ближайшей къ средоточію правительства. Такимъ образомъ новая столица, Византія, богатая по своему положенію на торговомъ перепутіи, охраненная моремъ и стѣнами почти неприступными отъ нашествія иноплеменниковъ, средоточіе науки и просвѣщенія, а еще болѣе средоточіе всѣхъ честолюбій и своекорыстныхъ страстей, пріобрѣла права, вырванныя силою провинцій у своеволія Римскаго и снова утраченныя ихъ безсиліемъ и равнодушіемъ. Она сдѣлалась не столицею, а вполнѣ правительницею государства.

Ираклій, спаситель Имперіи, былъ едва ли не послѣднимъ императоромъ, даннымъ провинціею всей Имперіи. Другіе, пришедшіе также изъ областей, или поднятые на престолъ войскомъ, опирались всегда на партіи, существующія въ столицѣ; вообще же эти примѣры довольно рѣдки.

Жизнь Имперіи сосредоточивалась въ столицѣ. Возмущенія провинцій, часто справедливыя и благородныя, ибо возникали изъ потребности правды и доблести въ государѣ, замѣнились возмущеніями развратной столицы и заговорами всегда и вездѣ развратнаго двора. Избраніе народное было такъ же слѣпо, какъ и естественное преемство престола. Но и престолонаслѣдіе родовое было сопряжено въ Византіи съ бо́льшими неудобствами, чѣмъ гдѣ-либо. Раздвоеніе человѣка и гражданина убило жизнь нравовъ гражданскихъ; оно же убило и жизнь нравовъ христіанскихъ. Развратъ частный былъ такъ же великъ, какъ и развратъ гражданскій (хотя онъ безспорно былъ менѣе гнусенъ, чѣмъ на Западѣ въ эпоху средневѣковой простоты, хваленой пристрастіемъ и невѣжествомъ, или въ эпоху первыхъ Германскихъ государствъ до Карла Вели-

Digitized by Google

каго). Молодой государь, зараженный пороками города и двора, при восшествіи своемъ на престолъ не находилъ ни одной точки опоры, ни въ себѣ, ни внѣ себя; и всѣ его усилія, если онъ былъ (какъ часто случалось) одаренъ величіемъ ума и души, сокрушались объ мертвенность общественнаго тѣла, уже неспособнаго принять новый духъ жизни и силы. Иначе и быть не могло, ибо шаткая случайность естественнаго престолонаслѣдія исправляется только постоянствомъ живыхъ обычаевъ и нравовъ общественныхъ.

Такова была судьба государства, скованнаго въ формы, завѣщанныя язычествомъ, скованнаго великими воспоминаніями прошедшаго, скованнаго прежнею славою и своею народною гордостью, принявшаго христіанство, но не освобожденнаго христіанствомъ. Мертвое тѣло Эллино-римлянина давило христіанина. Жизнь духа и мысли, жаръ поэзіи, все лучшее и святое бѣжало изъ общества, которому не хотѣло покориться и котораго побѣдить не могло, въ пустынныя обители Египта, въ нагорные монастыри Эллады и Сиріи, оставляя государство на произволъ разврата и корысти, на добычу неизбѣжнаго и неисцѣлимаго гніенія.

Великая эпоха Юстиніана должна была скоро миновать. Ея величіе принадлежитъ кроткой и разумной личности императора, многія изъ ея бѣдствій принадлежатъ его слабодушію; ея безплодность для Имперіи принадлежатъ мертвенности самаго государства. Недостойные преемники слѣдовали за Юстиніаномъ.

Авары и Болгаре.—Ихъ отношеніе къ Славянамъ.

Между тѣмъ волненіе средней Азіи бросало все болѣе и болѣе народы ея на область племени Иранскаго. Воинственные жители Алтая, Турки, разрушили царство Гунновъ восточныхъ (Ефталитовъ), основали новую державу въ колыбели Славянскаго племени (Бактріи) и грозили Персіи, которую суждено было имъ впослѣдствіи завоевать; отряды ихъ проникали по сѣверному берегу Каспійскаго моря до Кавказа и прорывались черезъ его снѣжную преграду, или, дружась съ Византіею, нападали на Славянъ и Финно-турокъ Придон-

Digitized by Google

скихъ, или, ссорясь съ нею, опустошали ея владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря и разоряли Босфорскіе города въ Тавридѣ. Движеніе Гунновъ еще не кончилось. Во время великаго Аттилы они, оставляя въ покоѣ Византію, освободили своихъ братьевъ, западныхъ Славянъ, отъ ига иноземцевъ и, поколебавъ Римскую имперію, бросили испуганныхъ Германцевъ на землю Кельтовъ и Римлянъ и на край Европы. Тѣже Гунны подъ именемъ Болгаръ (Приволжцевъ, отъ Болги —Волги) стали мало-по-малу переселяться съ Волги на благодатные берега Дуная и набѣгать на область Византійскую. Слабѣе и слабѣе становилось населеніе Славянское на Волгѣ, сильнѣе и сильнѣе становился напоръ Финно-турецкихъ и Кавказскихъ народовъ. Болгаре, также какъ и Гунны, приняли уже (какъ мы видѣли и какъ засвидѣтельствовано Китайскими лѣтописями) въ составъ своего казачества Уйгуровъ, бѣглецовъ изъ средней Азіи; но въ нихъ еще преобладала Славянская стихія и, не смотря на враждебныя столкновенія съ Славянами-старожилами Придунайской стороны, они скоро стали жить и воевать съ ними заодно, все болѣе и болѣе очищаясь отъ незначительной чужеродной примѣси.

Другое бѣдствіе грозило міру Славянскому и Византіи.

Поверхностная критика нѣсколькихъ Нѣмецкихъ писателей утвердила или породила въ ученомъ мірѣ мнѣніе о жестокой, первоначальной враждѣ Болгаръ, иначе Волоховъ, противъ Славянъ, и о бѣгствѣ Славянъ передъ ними съ Дуная на Сѣверъ и т. д. Мнѣніе это почти не стоитъ опроверженія. Можно ли предположить сильное переселеніе семей Славянскихъ на Сѣверъ въ то время, когда наиболѣе является ихъ неудержимое стремленіе къ Югу? Можно ли думать, что они въ шестомъ столѣтіи ушли къ истокамъ Эльбы (или Лабы) и къ верховьямъ Днѣпра, когда въ концѣ пятаго и во все продолженіе шестаго они нападаютъ на землю Византійскую и на сѣверо-восточную Италію; когда, наконецъ, они въ концѣ шестаго вѣка составляютъ главную силу ополченій,- осаждающихъ Византію, а въ началѣ седьмаго переселяются по приглашенію императоровъ цѣлыми, большими племенами въ опустошенную Паннонію и Далмацію и мало-по-малу завоевываютъ всю Элладу и самый Пело-

Digitized by Google

понесъ, гдѣ доселѣ живутъ ихъ потомки, получившіе недавно новую жизнь и свободу подъ именемъ Грековъ? Мнѣніе о бѣгствѣ Славянъ съ береговъ Дуная на Сѣверъ передъ Болгарами (тѣми же Славянами, отдѣленіемъ древняго Сако-гуннскаго казачества) не выдерживаетъ разбора: оно основано на весьма простой ошибкѣ. Болгаре назывались также и Вологами (вѣроятно Вольгары по двумъ произношеніямъ имени Волги), а имя Вологъ ввело старыхъ лѣтописцевъ въ обманъ. Они смѣшали его съ именемъ Волоховъ или Влаховъ; т. е. Кельтовъ (отъ Гаэль, Гаэлахъ), завоевавшихъ въ древности часть Придунайской стороны, Чехію, гдѣ они оставили свое имя (Бойевъ) и землю Прикарпатскую (теперешній Галичъ и можетъ быть часть Волыни). Имя же Кельтовъ, вѣковыхъ владѣтелей сѣверной Италіи, было перенесено Славянами, также какъ и Германцами, на Итальянцевъ-римлянъ, и преданіе о бѣгствѣ передъ древними Влахами-кельтами и особенно Римлянами во дни Траяна и паденія Гетовъ было перенесено полу-ученымъ, полу-забывчивымъ потомствомъ на Болгаръ (Вологовъ), Славянъ, которые никогда своей братьи ни откуда не выгоняли. Кто не узнаетъ Римлянъ по ихъ языку въ переродившихся ихъ потомкахъ, Валахахъ? И кто замѣтилъ что нибудь неславянскаго въ Болгарахъ?

Отъ Востока и очевидно отъ Юго-востока теперешней Россіи двинулся воинственный народъ, свирѣпый и грабительный, враждебный всѣмъ другимъ народамъ и совершенно чуждый всякому просвѣщенію. Этотъ народъ явился подъ именемъ Аваровъ. По нравамъ своимъ онъ могъ бы быть приписанъ и доселѣ приписывается къ вѣтви Финно-турецкой; но восточныя лѣтописи не знаютъ его имени. Первое его появленіе на устьяхъ Дона нисколько не указываетъ на Средне-азійскую колыбель, и имена князей Аварскихъ и многія особенности въ ихъ обычаяхъ также не указываютъ на семью Тюркскую. При теперешнихъ данныхъ трудно и едва ли возможно опредѣлить истинное происхожденіе Аваровъ; одно только безпристрастное и ученое изслѣдованіе особенностей нарѣчія Аварскаго въ горахъ Кавказскихъ представитъ, можетъ быть, со временемъ данныя для разрѣшенія этаго темнаго вопроса.

Digitized by Google

Разумѣется, надобно будетъ отдалить всю стихію Тюркскую, занятую Аварцами отъ сосѣдей, и опредѣлить стихіи, принадлежащія въ особенности ихъ малой семьѣ.

Движеніе Аваровъ очевидно шло на перерѣзъ направленію, взятому Болгарами на Юго-западъ отъ средней Волги къ устью Дуная и само было направлено прямо на Западъ или даже на Сѣверо-западъ. Страна Прикавказская была точкою отправленія, далѣе которой невозможно прослѣдить ихъ. Возвратнаго движенія Аварскаго народа или отдѣленія отъ него какой нибудь вѣтви исторія не знаетъ, а между тѣмъ имя ихъ сохранилось съ ихъ воинственною славою въ неприступныхъ горахъ сѣверо-восточнаго Дагестана; слѣдовательно нѣтъ никакой разумной причины искать имъ отечества внѣ Кавказской области.

Смѣшно бы было предполагать тождество Аваровъ и мнимыхъ Абировъ Византійскихъ писателей. Абиры, какъ уже сказано, ничто иное, какъ простое искаженіе слова Сабиръ, Сіяпъ-бій (какъ Манджуръ—Манджуй и Татаръ—Татань).

По всѣмъ вѣроятностямъ Аваровъ должно считать остаткомъ первожителей Кавказскихъ, обломкомъ того великаго и завоевательнаго племени, которое грозою меча и дикаго мужества разгромило всю западную и среднюю Европу и бросило свои колоніи далеко на Югъ въ Испанію и Италію и сѣверную Грецію,—племени Кельто-кумрійскаго. Имя уже извѣстное въ далекой Галліи (напр., въ землѣ Битуриговъ городъ *Аварикумъ*), гремѣвшее въ Италіи и Панноніи подъ другою формою *Омбриновъ* и *Амбриновъ*, появляется снова въ своихъ обѣихъ формахъ,—Аваровъ у Византійцевъ и Обровъ у Славянъ, и оно является опять со всѣмъ прежнимъ ужасомъ неукротимой воинственности.

Разумѣется, не должно предполагать полнаго сохраненія Кельто-кумрійской стихіи во всей ея чистотѣ отъ VI-го вѣка прежде Р. Х. до VI-го послѣ Р. Хр. Это бы было предположеніе безумное, особенно при огромномъ и безпрестанномъ движеніи народовъ на Кав-

Digitized by Google

казѣ и при его подножіяхъ. Но нельзя не замѣтить, что и теперь въ сѣверномъ Дагестанѣ сосѣди и, кажется, одноплеменники Аварцевъ, Ингуши, называютъ себя Галами и что въ юго-восточной Венгріи, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ сохранились еще потомки древнихъ Аварцевъ, горный Шотландецъ узнаетъ еще свой пестрый тартанъ и слышитъ волынку, любимую музыку своихъ родныхъ долинъ. Можетъ быть, самое имя волынки, какъ и области Волынской, удержало память о Гальскомъ началѣ.

Отъ Кавказа двинулись Авары въ половинѣ VI-го вѣка на устья Дона, перехватили путь Болгарамъ, побѣдили ихъ, также какъ и ихъ союзниковъ Антовъ, разбили отдѣльныя семьи Уйгурскія, кочевавшія въ то время по всей степной области отъ Волги до Дуная, вѣроятно увлекли ихъ съ собою и, накопляя все новыя и новыя силы, завоевали или разгромили всю область Прикарпатскую, землю Чеховъ и Венедовъ и проникли въ Турингію и къ границамъ Меровингской державы. Множество народовъ (между прочимъ всѣ Уйгуры) въ то время бѣжали передъ восточными завоевателями изъ Средней Азіи въ Европу и прорывались черезъ Волгу въ древнюю область Славянскую. Безсильные и не связанные между собою постояннымъ союзомъ, они бродили по безпредѣльной землѣ, набѣгая на селенія, грабя ихъ или налагая на нихъ временныя дани. Возставалъ ли какой нибудь вождь смѣлый и предпріимчивый или новая семья приходила изъ другой страны: всѣ разрозненныя кочевья сливались волею или неволею въ одну могучую дружину и стремились неудержимо на области сосѣднія для завоеванія и грабежа. Слабѣла семья или орда, правившая всѣмъ союзомъ: части распадались и ожидали новаго средоточія для новой совокупной дѣятельности. Такова почти вся лѣтопись Средней Азіи, таковы явленія степей Приволжскихъ и Приднѣпровскихъ. Авары были по всѣмъ признакамъ народомъ немногочисленнымъ, но мужественнымъ и привычнымъ къ боевой жизни и, побѣдивъ разсѣянныхъ Уйгуровъ, они укрѣпили себя частью побѣжденныхъ дружинъ; побѣдивъ Славянъ, они стали въ ихъ главѣ для новыхъ завоеваній, обѣщая

Digitized by Google

имъ охрану отъ другихъ непріятелей, Франковъ, Тюрковъ или Византійцевъ, и новыя пространныя владѣнія въ богатыхъ странахъ Юга. Они дѣлались средоточіемъ Славянскаго казачества, постояннымъ войскомъ, около котораго стекались безсмѣнные удальцы, предпочитавшіе разгулъ боевой жизни мирному быту въ своей родной сельской общинѣ; они вскорѣ сдѣлались владѣльцами и угнетателями края и двинули цѣлыя племена Славянскія къ стѣнамъ Византіи и въ самую внутренность Эллады. Нестерпимы были оскорбленія, наносимыя Аварами Славянамъ, несносны ихъ поборы и грабительства (подъ видомъ зимняго постоя, продовольствія и т. д., по словамъ западныхъ лѣтописцевъ). Оскорбленія и грабежъ вызвали наконецъ сопротивленіе и возстаніе. Авары погибли, задавленные превосходною силою Славянскою; но во время своего полуторавѣковаго владычества они дали міру Славянскому завоевательное движеніе, не разъ угрожавшее царству Франковъ на Западѣ и Лонгобардовъ въ Италіи, уничтожившее въ Иллиріи Германское населеніе Гепидовъ, обхватившее всю древнюю Грецію, потрясшее Византійскую имперію, но въ тоже время влившее свѣжую и здоровую кровь въ ея ослабшія и истощенныя жилы. Первое направленіе Аваровъ, также какъ и ихъ предшественниковъ, Кельто-кимвровъ и Кавказскихъ Язъзиговъ (Адиге—жители западнаго, Авары—восточнаго Кавказа) было на Сѣверо-западъ. Остановленные сильными Вендами Приэльбскими или привлеченные богатствомъ древней Паноніи (теперешней Венгріи), они перенеслись въ роскошныя равнины страны Придунайской и тамъ основали свое главное кочевье, свой царскій или правительственный кругъ. Нѣкоторыя семьи Славянскія, предпочитавшія миръ битвамъ даже за свободу, покорились имъ и признали ихъ правительственную власть; другія, гордыя своею военною славою и давнишнею свободою, вступили въ борьбу и были побѣждены. Такъ погибли сильные Анты Прикарпатскіе, Сѣверяне (Себиры) и Эфталиты Придонскіе (очевидно тѣже Гунны, которые извѣстны подъ именемъ Эфталитовъ въ исторіи Персіи, и очевидно Славяне, по ихъ соединенію съ Сѣверянами); такъ Бол-

Digitized by Google

гаре послѣ безполезной борьбы прекратили переселеніе свое на Дунай и заключились на время въ области Приволжской. Владычество Аваровъ было непродолжительно. Многія Славянскія семьи освободились еще въ концѣ VI-го столѣтія; Венды и Сербы сѣверо-западные отложились въ началѣ VII-го; ихъ примѣру послѣдовали народы на Сѣверъ отъ Карпатовъ. Венды Гоританскіе (Каринтія) и Чехи подъ предводительствомъ какого-то Франкскаго купца *Само* (лица очевидно вымышленнаго и едва ли не родившагося отъ слова Славянскаго *сами*) основали не надолго самостоятельное государство, передъ которымъ бѣжали не только полчища Аварскія, но и дружины Франковъ, Саксовъ и Лонгобардовъ, побѣжденныхъ въ 630-мъ году при Вогастибургѣ. Болгаре Приевксинскіе вступили въ союзъ съ Византійцами, и одинъ изъ ихъ князей въ 619-мъ году уже принялъ христіанство (очевидное доказательство не-Тюркскаго происхожденія Болгаръ); Болгаре Паннонскіе (союзники Аваровъ) потребовали уже первенства и назначенія начальника всему союзу изъ ихъ племени; но время еще не наступило. Славяне сѣверо-западные дѣйствительно освободились, также какъ и западные, подчинявшіеся впослѣдствіи Аварамъ только по временамъ; но Прикарпатскіе Славяне были побѣждены и освободились уже позднѣе: Болгаре Паннонскіе были почти истреблены, Приевксинскіе снова принуждены къ покорности. Авары устремили всю силу Славянскаго міра на Византію.

Маврикій, Фока и Ираклій.—Призывъ Славянъ за Дунай.

Велика была гроза надъ Византіею. Царство Сассанидовъ въ Персіи клонилось къ упадку отъ безсвязности государственнаго состава изъ одичавшихъ и полунезависимыхъ народовъ, соединенныхъ только внѣшними узами царской власти, и отъ внутренней слабости государственной религіи, магизма, утратившаго свою чистоту и принявшаго въ себя весь характеръ заклинательнаго Кушитства. Христіанство проникло далеко въ древній Иранъ до самой Бактріи, ея сѣверо-восточной оконечности, гдѣ разсказы Китайскихъ путешественниковъ

Digitized by Google

указываютъ весьма ясно въ IV-мъ вѣкѣ на пасхальные обряды христіанъ; но древняя вѣра еще не утратила своихъ поклонниковъ. Они возстали мечомъ и муками противъ новаго исповѣданія. Раздраженіе народнаго фанатизма возвратило временную силу умирающей религіи и ослабшему государству. Знакомство съ Эллинскимъ міромъ и занятыя отъ него вещественныя усовершенствованія дали Персіи новыя силы для военной дѣятельности. Слабость Византіи, сдавленной напоромъ задунайскихъ Славянъ, управляемой ничтожными государями и потрясенной религіозными спорами, позволила Персидскимъ царямъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами для распространенія и укрѣпленія своей власти. Держава Сассанидовъ блеснула передъ своимъ конечнымъ паденіемъ славою, доселѣ не забытою на Востокѣ, и великими царями, которыхъ имена гремятъ еще въ народныхъ пѣсняхъ племенъ Заевфратскихъ. Гунны-эфталиты (очевидная смѣсь Восточно-иранской стихіи и Тюркскаго наплыва), долго владѣвшіе Персіею или разорявшіе ее данями и набѣгами, были побѣждены и почти уничтожены, пригорье Кавказское было завоевано или принято въ союзъ, нашествія Тюрковъ отражены, Сирія и часть Малой Азіи опустошены. Въ это время двинулись Авары черезъ Дунай и дружно двинули съ собою всю силу Придунайскихъ Славянъ. Войска императоровъ бѣжали, крѣпости были обойдены или взяты; потокъ дикарей затопилъ всю Мизію и Ѳракію, и стѣны Византіи едва могли спасти ее отъ Аваро-славянской дружины. Въ это время голосъ народа возвелъ на престолъ императора достойнаго и великаго полководца. Государство погибало, области Азіи были завоеваны или опустошены Персами; области Европейскія были въ рукахъ Славянъ и Аваровъ. Онъ купилъ золотомъ временный миръ у сѣверныхъ непріятелей и обратилъ оружіе противъ Персіи. Побѣжденные Персіяне просили мира и возвратили отнятыя области; покровительство Маврикія возвело на престолъ Персидскій законнаго наслѣдника, изгнаннаго придворною крамолою. Императоръ, усмиривъ Востокъ, ополчился противъ Аваровъ, нарушившихъ мирные договоры, и снова узнали дикари

Digitized by Google

превосходство Римскаго оружія при искусномъ вождѣ. Авары побѣжденные бѣжали; Славяне бѣжали или покорились. Цѣлость и честь Имперіи были возстановлены, но не надолго. Войско убило великаго государя и возвело на престолъ человѣка свирѣпаго, безразсуднаго и бездушнаго. Ужасны были бѣдствія государства отъ внѣшнихъ враговъ и отъ безчеловѣчнаго императора; безпримѣрно униженіе; гибель казалась неизбѣжною. Беззаконный и недостойный правитель, знавшій про народный ропотъ и про ропотъ духовенства, искалъ опоры въ благословеніи епископа Римскаго, перваго изъ западныхъ епископовъ и тогда уже почти получившаго значеніе главы всего западнаго духовенства. Признаніе первенства Римскаго престола передъ всѣми другими, увеличеніе его правъ духовныхъ и утвержденіе за нимъ правительственныхъ правъ въ Римской области, купили дружбу папы. Своекорыстная благодарность епископа освятила беззаконіе императора, и до нашихъ временъ позорный столбъ въ Римѣ напоминаетъ о дарахъ императора Ѳоки и представляетъ торжественное свидѣтельство о нагломъ подкупѣ и о безстыдной подкупности. Но ничто не спасло гнуснаго похитителя и убійцы. Возмутившійся Египетъ выслалъ ополченіе подъ предводительствомъ Ираклія, и побѣда вызвала на престолъ достойнаго владыку. Начала его царствованія были несчастны. У него не было ни войска, ни казны, а ему предстояла борьба съ одной стороны противъ Аваро-Славянъ въ полномъ развитіи ихъ силъ и подъ предводительствомъ вождя замѣчательнаго по предпріимчивости, мужеству и лукавству, съ другой стороны противъ величайшаго изо всѣхъ государей династіи Сассанидовъ, возведеннаго на престолъ Византіею какъ будто на гибель Византіи. Хозрой Парвизъ завоевалъ Сирію, Египетъ и Малую Азію и обложилъ Константинополь съ моря. Авары завоевали всю Мизію, Фракію и обложили Константинополь съ сухаго пути. Императоръ, лишенный государства, отчаялся въ спасеніи столицы; онъ хотѣлъ удалиться въ Африку. Патріархъ и народъ остановили его, и мужество подданныхъ нашло отголосокъ въ душѣ правителя. Неутомимое постоянство, многолѣтняя безпрерывная

Digitized by Google

война и рядъ подвиговъ почти невѣроятныхъ, въ которыхъ Ираклій показалъ не только искусство полководца, но и мужество единоборца, спасли Имперію. Побѣжденный Хозрой погибъ, Персія была сокрушена, всѣ утраченныя области на Востокѣ возвращены, Авары снова прогнаны за Дунай, нравственная сила государства выказалась въ полномъ блескѣ. Таково было дѣло Ираклія. Но вещественныя силы Имперіи были истощены. Востокъ опустѣлъ отъ грабительства Персовъ, Европейскія области опустѣли подъ бурею Аварскаго нашествія. Мѣра, принятая Ираклiемъ, удалила на многіе вѣка паденіе государства.

Онъ понялъ характеръ народовъ, окружающихъ Византійскіе предѣлы; онъ видѣлъ, что, при набѣгахъ дикихъ Задунайцевъ, Авары и другія племена имъ подобныя, Германскія (какъ Гепиды) и Финно-турецкія (какъ Уйгуры) стремились только за грабежемъ и, отягченныя добычею, возвращались въ свои пустыни до новаго набѣга; а Славяне оставались охотно въ обезлюдѣвшихъ областяхъ и, осѣдая какъ плодоносный илъ послѣ бурнаго наводненія, возвращали жизнь мертвому краю. Остатки древнихъ Эпиротовъ и вѣроятно обломки Кельтскихъ народовъ Придунайскихъ и Альпійскихъ, удаляясь передъ новыми нашествіями, заключались въ горахъ западной Греціи и сохраняли тамъ свою несмягчаемую дикость и свирѣпые нравы, переданные имъ своимъ потомкамъ Албанцамъ. Славяне вливались мало - по - малу въ Имперію мирными колоніями, даже тогда, когда приходили какъ вооруженные завоеватели, обхватывали ее сѣтью своихъ семейныхъ общинъ и принимали въ душу и жизнь начала просвѣщенія и разумной законности. Ираклій постигъ глубоко-человѣческую и правдолюбивую природу Славянина и пригласилъ Славянъ Прикарпатскихъ въ Придунайскую область. Сербы и Хорваты явились на зовъ его и заняли часть древней Панноніи и Иллиріи. Мало - по - малу отдѣленія ихъ, или Болгаръ, которые давно уже жили на нижнемъ Дунаѣ, или новыхъ пришельцевъ Болгаръ, основателей отдѣльнаго государства, проникли далѣе и далѣе на Югъ. Македонія и Ѳессалія наполнились ихъ колоніями. Области, рѣки и урочища приняли Славянскія имена, города приняли Славян-

Digitized by Google

ское населеніе. Наконецъ и древній Пелопонесъ сдѣлался землею Славянскою и принялъ новое имя земли *морской* или Морен. Но скоро и самые Славяне покорились высшему развитію Эллиновъ: они приняли отъ нихъ вѣру, просвѣщеніе и языкъ. Эллада ожила новыми жителями; Авары были навсегда заключены въ свою Задунайскую область; сѣверныя границы Имперіи были навсегда спасены отъ гибельнаго напора дикарей, ибо позднѣйшая война съ Болгарами была уже борьбою государства съ государствомъ и кончилась завоеваніемъ духовнымъ. Мысль Ираклія принесла богатые плоды: слѣды ея никогда не изгладятся, и ея великое значеніе ежедневно будетъ становиться яснѣе и яснѣе для просвѣщеннаго міра.

Ираклій, какъ и многіе другіе изъ Византійскихъ императоровъ, не оцѣненъ Европейскими историками. Западъ, влюбленный въ свою собственную славу, остается равнодушнымъ къ великимъ явленіямъ остальнаго міра и особенно не благоволитъ къ Византіи и къ Славянамъ, сохраняя безсознательно вражду, завѣщанную Германцами и католицизмомъ. Имя Ираклія и его подвиги для всякаго безпристрастнаго судьи должны стоять по крайней мѣрѣ на ряду съ Брюсомъ Шотландіи, съ основателемъ Габсбургскаго дома и съ Самсономъ, спасшимъ Германію отъ Венгровъ. Славяне, переселенцы въ Византійскую область, долго отстаивали ее отъ враговъ и въ Европѣ и въ Азіи, куда они были очевидно приглашены, а не насильно приведены Константиномъ Копронимомъ. Они не спасли Византіи, ибо ей должно было и невозможно было переродиться; но они положили основаніе будущей исторіи юговосточной Европы, исторіи, которой первая заря занялась только въ наше время, а день впереди. Не должно забывать, что самые такъ называемые Греки, недавно освободившіеся отъ ига Турецкаго, происходятъ по большей части отъ Славянскихъ предковъ и что въ нихъ безъ сомнѣнія выразится общечеловѣческое стремленіе племени Славянскаго, облагороженное великою личностью Эллина, но исправляющее ея гордую и излишнюю односторонность. Военныя пѣсни Клефтовъ и Армативловъ представляютъ разумной критикѣ свидѣтельство этаго соединенія двухъ началъ въ современномъ Грекѣ. Ихъ первообразъ на-

Digitized by Google

ходится въ Русской пѣснѣ, ихъ изящно-поэтическій очеркъ носитъ характеръ прекрасной Эллады. Пластическое совершенство подробностей (напр. въ спорѣ Олимпа съ Киссавомъ) завѣщано духомъ, создавшимъ Гомера и Пиндара; отрицательныя формы сравненія, признаніе разумной жизни во всей природѣ и весь практическій смыслъ принадлежатъ вполнѣ и неотъемлемо Славянской и по преимуществу Русской пѣснѣ. Если бы розысканія историческія и Византійскія лѣтописи не доказывали съ совершенною ясностью славянизаціи всей Эллады въ VI, VII и VIII-мъ вѣкахъ послѣ Р. Х., то одни пѣсни Клефтовъ могли бы служить достаточнымъ и болѣе чѣмъ достаточнымъ доказательствомъ этаго историческаго факта. Прибавимъ еще, что есть въ пѣсняхъ Клефтскихъ такіе отрывки, которые не только созданы духомъ Славянскимъ, но должны считаться простымъ обломкомъ старинныхъ пѣсень, предшествовавшихъ эллинизаціи южныхъ Славянъ въ Морѣ и Θессаліи. Такъ напр. конецъ пѣсни, въ которой Клефтъ велитъ сказать своей женѣ, «что женился онъ на другой женѣ, на сырой землѣ» и т. д. Этимъ самымъ порученіемъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ кончается извѣстная Русская пѣсня. И такъ мы имѣемъ не только свидѣтельство неоспоримое племеннаго тождества между теперешнимъ Грекомъ и Славянами, но еще свидѣтельство древности нѣкоторыхъ Русскихъ пѣсень, древности, восходящей ко времени, предшествующему Славянской колонизаціи Эллады, т. е. по крайней мѣрѣ къ V-му столѣтію послѣ Р. Х., а вѣроятно и далѣе. Такова важность Клефтскихъ пѣсень въ отношеніи историческомъ; но художнику и философу представляютъ онѣ еще для изученія чудный примѣръ сліянія двухъ народныхъ личностей въ одно органическое цѣлое, сохранившее явные признаки своихъ коренныхъ началъ. Только ясное пониманіе такихъ явленій можетъ объяснить и многія явленія глубочайшей древности, напр. образованіе наръчія Латинскаго изъ Славянскаго съ примѣсями Италійскими и Эллинопеласгскими.

Аравія.—Ея племенныя и религіозныя стихіи.

Во время побѣдъ Аваровъ и Персовъ и окончательнаго торжества Византіи надъ ними (т. е. въ началѣ VII-го вѣка послѣ Р. Х.) началось новое движеніе умственное и народное, пе-

Digitized by Google

редъ которымъ суждено было погибнуть и Персіи, и Византіи, и всѣмъ остаткамъ Эллинскаго міра. Въ это время родилось и стало крѣпчать ученіе Магомета; въ это время пробудилась воинственная энергія Аравіи, страны дотолѣ незамѣченной исторіею.

Вообще критика привыкла смотрѣть на Аравію, какъ на землю населенную однимъ племенемъ, раздѣленнымъ на нѣсколько вѣтвей. Нѣтъ сомнѣнія, что такое мнѣніе въ отношеніи къ Аравіи менѣе неразумно, чѣмъ въ отношеніи къ Индостану, въ которомъ двойственность духовнаго начала и тройственность начала народнаго совершенно ясны; за всѣмъ тѣмъ оно одинаково ложно въ обоихъ случаяхъ. Преданія мѣстныя содержатъ въ себѣ явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ южной Аравіи съ сѣверною (подобно борьбѣ Индостана и Декана); преданія Палестины указываютъ на колонизацію сѣверной Аравіи изъ областей При-араратскихъ, т. е. Иранскихъ. Исторія Египта и преданія, связанныя съ нею, содержатъ неоспоримое доказательство колонизаціи Африканской или Кушитской съ Юга по прибережью морей. Иначе и быть не могло. Безконечное расширеніе Кушитской власти, которымъ открываются историческіе вѣка, не могло миновать области ближайшей къ колыбели народовъ Кушитскихъ; но сухая и безплодная степь не привлекала завоевателей или колонистовъ, передъ которыми разстилался еще весь міръ во всей своей роскоши и безпредѣльности. Дѣти Куша и Мисраима заняли только часть береговой полосы и плодородныя долины или скаты горъ, прославившіеся издревле подъ именемъ блаженной страны. Безъ сомнѣнія, они проникли и далѣе вверхъ по Персидскому заливу, откуда они въ послѣдствіи переселились на берега Средиземнаго моря и основали великія торговыя колоніи Сидона и Берита, города полные богатства и разврата, подчинившіеся въ послѣдствіи первенству предпріимчиваго Тира, созданнаго воинственными племенами Прикавказской Иверіи. Отдѣльныя вѣтви Кушитовъ разселились и въ самыхъ горахъ сѣверной Аравіи, въ ея дикихъ ущеліяхъ и на окраинахъ ея песчаныхъ степей, связывая

Digitized by Google

почти безпрерывною цѣпью завоеванные берега Тигра и Евфрата и роскошь Кушитскихъ столицъ, Вавилона и Ниневіи, съ верховьями и берегами Нила, колыбелью всѣхъ великихъ доисторическихъ царствъ; и вездѣ, гдѣ основался поклонникъ органической необходимости, безмолвный художникъ, побѣдитель вещественной природы, вездѣ врѣзалъ онъ пещерные храмы въ стѣнахъ отвѣсныхъ скалъ, или обращалъ цѣлыя горныя ущелія въ чудные памятники смѣлаго зодчества, или пролагалъ водамъ новые пути въ нѣдрахъ упорнаго гранита, или заключалъ ихъ въ гигантскія хранилища, обезпечивающія плодородіе знойнаго и маловоднаго края. Такъ и теперь путешественникъ встрѣчаетъ въ горахъ Аравіи великолѣпныя развалины древнихъ забытыхъ городовъ, въ области уже снова засохшей и неспособной для человѣческаго жительства; такъ преданія Аравіи еще сохраняютъ память объ огромномъ искусственномъ озерѣ и его исполинской плотинѣ и объ рукозданномъ эдемѣ, разрушенномъ напоромъ водъ и землетрясеніемъ и обратившемся снова въ безплодную пустыню. Но между поселеній Кушитскихъ и по всей ширинѣ степей и по зеленымъ островамъ ея кочевали или селились древніе пришельцы съ Сѣвера, одноплеменники жителямъ земли Ханаанской, вѣроятно одноплеменники и Кушитовъ, но менѣе развившіеся въ ихъ художественномъ и ученомъ направленіи, и всѣ эти племена дружились или враждовали между собою, вступали въ одинъ кровный союзъ и сливались въ одну народную семью. Послѣ перваго торжества Кушитовъ возстала сила Ирана, вызванная угнетеніемъ, наученная вещественному знанію и государственной мудрости отъ своихъ завоевателей. Восточная Бактрія сплотилась въ государство, Приевфратскія столицы Кушитовъ перешли въ руки Иранцевъ; народы Прираратскіе завладѣли Палестиною; власть Египта заключена была въ тѣсные предѣлы; семьи пастырей проникли на самые берега Нила и пріобрѣли на время верховную власть въ царствѣ Фараоновъ; потокъ новопришлыхъ народовъ разлился по всей Аравіи, усиливаясь со дня на день, стѣсняя прежнихъ владѣльцевъ и смѣшиваясь съ старожилами. Такъ поселились

Digitized by Google

въ степи братья семьи Еврейской, Моавиты и Аммониты, и весь родъ Измаэлитовъ, и позднѣйшая семья Исавлянъ, и многія другія менѣе извѣстныя и вѣроятно древнѣйшія. Общее движеніе Сиро-аравійское создало вездѣ изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же стихій одни и тѣже племена и языки; но чистые или почти чистые Кушиты держались долѣе на поморьѣ южнаго океана и долѣе сохраняли свои древніе уставы и обычаи. Религіозная борьба и религіозный синкретизмъ отозвались и на Югѣ, но съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ области Приливанской. Ширина степей и невольная разъединенность отняли у столкновенія его рѣзкость и у борьбы ея свирѣпость. Прошли вѣка, и міръ Аравійскій, почти отдѣльный отъ остальнаго міра, развился по своимъ особымъ законамъ, довольно однообразнымъ для всей Аравіи, но нѣсколько различнымъ по различнымъ мѣстностямъ.

Такъ Сѣверъ удерживалъ болѣе основную идею единобожія и характеръ Ирана, Югъ идею многобожія и характеръ Кушитскій. Между тѣмъ отдѣльныя части Аравіи подпадали то власти Египта, то власти Ефіопіи, часто владѣвшихъ обоими берегами Чернаго моря и берегами Южнаго океана; сѣверныя области обращались въ подданство или царствомъ Еврейскимъ, или Ассиріею, или Персіянами. Но временное владычество иноземцевъ мало измѣняло характеръ и обычаи туземцевъ, вольнолюбивыхъ, отчасти кочевыхъ и несклонныхъ къ быту государственному. Нѣтъ сомнѣнія, что незначительное по пространству своему и недолговѣчное царство Іудейское, сильное внутреннимъ духомъ и возвышенностью своего религіознаго ученія, имѣло болѣе всѣхъ другихъ вліянія на родственныя ему племена Аравіи. Много идей религіозныхъ, много преданій и воспоминаній старины было пробуждено Израилемъ въ землѣ Измаэлитовъ и Исавлянъ и другихъ семей единокровныхъ съ ними. Паденіе царства Израильскаго бросило колоніи Еврейскія далеко на Югъ къ верховьямъ Нила, и тамъ возникло новое царство Еврейское въ одичавшей колыбели Кушитской мудрости. Окончательное паденіе Іерусалима усилило древнюю колонію. Между тѣмъ

Digitized by Google

изъ Египта вверхъ по Нилу проникло христіанство, и въ Абиссиніи возникло, рядомъ съ царствомъ Еврейскимъ, царство христіанское, и обѣ стихіи перенесены были на западные берега Аравіи съ ихъ взаимною борьбою, съ ихъ сильнымъ и духовнымъ ученіемъ. Ослабленіе Римской имперіи и паденіе Пароянъ открыли смѣлымъ племенамъ пустыни путь на Сѣверъ. Низовья Евфрата и Тигра, часть Палестины и Сиріи были ими опустошены. Царство, ими основанное, грозило Персіи и спорило о первенствѣ съ Римомъ во время Авреліяна. Общая жизнь человѣчества проникала все болѣе и болѣе въ южный полуостровъ, такъ долго отъ нея отчужденный. Къ концу VI-го столѣтія на берегахъ Чермнаго моря стали лицомъ къ лицу другъ противъ друга самыя разнородныя начала жизни духовной. Идолопоклонство, введенное или по крайней мѣрѣ усиленное торжествомъ южнаго племени Іоктанидовъ, остатки Іудейскаго царства, уже распавшагося послѣ кратковременной воинственной славы, но сохраненнаго еще въ нѣсколькихъ неприступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, остатки христіанства, ослабленнаго временною побѣдою Персіи, завоевавшей часть Аравіи вмѣстѣ съ Палестиною и Египтомъ, и остатки древняго звѣздопоклонства (поэтическаго очищенія многобожія), завѣта Ассирійской и Вавилонской старины. Великое религіозное броженіе происходило въ глубинѣ благородной и созерцательной природы народовъ Аравійскихъ.

Магомедъ.—Характеръ ислама.

Христіанство, униженное въ глазахъ иновѣрцевъ безпрестанными раздорами религіозными и глубокимъ развратомъ христіанскихъ народовъ, не было понято во всей своей простотѣ и строгой послѣдовательности своихъ положеній. Ревность его проповѣдниковъ остыла или была поневолѣ обращена на внутреннія междоусобицы церкви. Оно являлось многосложнымъ сборомъ ученій и обрядовъ случайныхъ и мало связанныхъ между собою. Еврейство, ученіе простое и строгое, связанное съ племенами Аравійскими общимъ преданіемъ и распространявшееся нерѣдко посредствомъ проповѣди (какъ

Digitized by Google

видно изъ обращеній къ мозаизму въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и особенно изъ обращенія Іеменскаго царя Тобба въ началѣ IV столѣтія), было неудовлетворительно по скудости загробныхъ обѣщаній, по излишеству законныхъ обрядовъ, и особенно по своему характеру религіи ожидающей, а не исполненной, и ожидающей уже не духовнаго совершенства, но вещественнаго торжества. Сабеизмъ и идолопоклонство, еще не погибшія, даже временно торжествующія, были слишкомъ грубы, вещественны и заклеймены неразумнымъ произволомъ для долгой борьбы съ другими высшими началами. Внутреннее броженіе мысли ожидало выраженія. Оно явилось около конца VI-го вѣка въ лицѣ Измаэлита Магаммеда. Бѣдный Аравитянинъ, хотя изъ весьма именитаго рода, одаренный рѣдкимъ мужествомъ, умомъ, необычайнымъ, восторженнымъ краснорѣчіемъ и высокимъ даромъ поэзіи, онъ былъ совершенно свѣдущъ во всѣхъ преданіяхъ своего племени, исполненъ презрѣнія къ многобожію, отчасти знакомъ съ христіанствомъ въ его Несторіянскомъ искаженіи и съ ученіемъ Евреевъ. Съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ стремленіе къ преобразованію своей родины, къ слитію въ одно цѣлое разнородныхъ началъ, которыхъ борьба волновала всю Аравію. Въ началѣ VII-го вѣка явился онъ проповѣдникомъ новаго ученія, основаннаго, какъ мозаизмъ, на преданіи рода Авраамова и на единобожіи, богатаго надеждами на блаженное безсмертіе, признающаго себя за исполненіе всѣхъ прежнихъ обѣщаній, проникнутаго и облагороженнаго многими уроками, занятыми у христіанства, особенно же глубоко и во всѣхъ своихъ подробностяхъ согласнаго съ жизнію и требованіями племени, изъ котораго оно возникло.

Коранъ, возведенный въ религію быта Аравійскаго въ его простотѣ и Аравійскаго характера со всѣми его оттѣнками, долженъ былъ найти ревностныхъ послѣдователей; онъ долженъ былъ сдѣлаться религіею всего народа и всѣхъ народовъ кочевыхъ, воспитанныхъ подъ условіями жизни, похожей на жизнь Аравитянина. Такимъ образомъ объясняется огромное распространеніе магометанства между Тюр-

Digitized by Google

ками, Берберами, Иранцами Заевфратскими и въ самой внутренности Африки.

Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Магомеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израиля, его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изо всѣхъ концовъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя, и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія, и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константина, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

Исторія судитъ по дѣлу и ученію въ связи съ судьбами народовъ и съ ходомъ человѣческой мысли: ей нѣтъ дѣла до личностей. Но нельзя не замѣтить, что едва ли когда нибудь былъ произнесенъ безпристрастный судъ надъ Магомедомъ. Религія, имъ основанная, боролась съ христіанствомъ въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ, и теперь еще, уже внутренно умершая, не исчезла съ лица земли передъ торжествующимъ напоромъ государствъ христіанскихъ. Поэтому отношенія писателей къ христіанству опредѣляли постоянно ихъ взглядъ на Аравійскаго учителя. Безпристрастной критикѣ пора выразить свое мнѣніе безъ любви и безъ гнѣва. Многіе поступки Магомеда выказываютъ въ немъ человѣка лукаваго, способнаго къ обману, къ преступленію и къ низкому лицемѣрію. Ему нельзя приписывать ни высокой чистоты душевной, ни глубокой любви къ истинѣ, ни безусловной вѣры въ святость нравственнаго закона, ни безкорыстнаго благородства въ побужденіяхъ. Съ другой стороны не должно забывать, что практическая жизнь, кровавая борьба и свирѣпая вражда единокровныхъ часто искажали лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, и что первая эпоха его дѣятельности

Digitized by Google

не заслуживаетъ никакихъ строгихъ упрековъ. Колѣно Измаилитовъ сохраняло почти одинаковыя преданія съ колѣномъ Исаака. Въ обоихъ жили ожиданія мессіаническія, принесенныя родомъ Авраама изъ Прираратской родины, исконнаго жилища Иранцевъ, ожиданія свѣтлой эпохи лучшаго богознанія и лучшей человѣческой жизни. Поэтическая душа Магомеда любила пламенно и преданія народной старины, и гордую надежду на возрожденіе человѣческаго рода изъ Измаильскаго колѣна Авраамидовъ; пламенно ненавидѣлъ онъ многобожіе, принесенное иноплеменными побѣдителями и распространившееся посредствомъ насилія и соблазна. Ни христіанство съ его глубокимъ и чисто-человѣческимъ отреченіемъ отъ личности, ни Іудейство, огрубѣвшее отъ разрыва съ христіанствомъ и заклейменное исключительною народностью, не удовлетворяли страстной природы Аравитянина. Магомедъ чувствовалъ стремленіе къ осуществленію надеждъ своего народа, сознавалъ въ себѣ силу для этаго подвига и повѣрилъ въ призваніе свыше. Годъ его рожденія былъ эпохою значительною для его роднаго города по пораженію великаго войска христіанскихъ завоевателей южной Аравіи и извѣстенъ былъ подъ именемъ *года слона*. Въ молодости своей самъ Магомедъ былъ призванъ жребьемъ къ возстановленію священной Каабы. Всѣ эти случайности, воспламеняя его воображеніе, усиливали его вѣру въ самаго себя. Но эта вѣра была вѣрою поэтическою, а не глубокимъ, невольнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ какого нибудь нравственнаго или духовнаго начала. Онъ самъ былъ не мыслитель, а поэтъ: оттого происходила и его восторженная энергія, источникъ его побѣдъ, и его нравственная шаткость, источникъ его явныхъ обмановъ и даже преступленій. Но въ Магомедѣ добро и зло одинаково служили къ успѣху, потому что были одинаково связаны съ характеромъ народа, на который онъ дѣйствовалъ. Добро и зло, соединенныя въ его лицѣ, отразились и на его прямыхъ ученикахъ, и на всемъ мусульманскомъ мірѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что самъ основатель ислама былъ въ нравственномъ отношеніи далеко ниже многихъ своихъ послѣдователей. Исторія человѣчества можетъ гордиться именами Алія и его дѣтей, Омміада Омара II-го и нѣкоторыхъ Аббасидовъ.

Digitized by Google

Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ христіанство у Израиля: подобно христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, изъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, обѣщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ Авраамидовъ и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ; но дѣйствительное христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ, заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и пріобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ—Мессіи, между тѣмъ какъ исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеймены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничтожена въ исламизмѣ, и будущая побѣда христіанства обусловливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Магаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе монооѳистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія и вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мирились съ страстями человѣческими, съ любовію къ чувственному наслажденію и къ воинской славѣ; ученіе было просто и доступнѣе темному невѣжеству, чѣмъ христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немно-

Digitized by Google

ихъ мыслителей (какъ видно изъ хода развитія ересей); всѣ учрежденія были вполнѣ согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Магомедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее—сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

Нельзя не удивиться недосмотру историковъ, которые не замѣтили еще прямой связи между Магомедомъ, Баркохабою и другими псевдо-мессіями земли Араво-палестинской. Очевидно, ихъ существованіе, также какъ и стремленіе, объясняется общностью преданія Авраамидовъ о Мессіи и самообольщеніемъ, происходящимъ отъ потребности осуществить обѣщанное царство. Сильнѣе было преданіе въ домѣ Израиля, и онъ ранѣе выступилъ съ своими притязаніями; преданіе въ колѣнѣ Измаила было слабѣе и темнѣе. Оно долго спало, не замирая, и проснулось отъ прикосновенія христіанства и іудейства. Успѣхъ Магомеда и неудача псевдо-мессій Еврейскихъ могли бы объясняться случайными обстоятельствами, силою Рима въ его полномъ развитіи и слабостью Византіи, малочисленностью Евреевъ и многочисленностью всѣхъ Аравійскихъ племенъ и т. д.; но истинная причина лежитъ гораздо глубже, а именно въ большей человѣчности ислама и въ исключительной гордости Іудеевъ. Еще страннѣе то, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра, т. е. явленіе

Digitized by Google

религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Ахеменидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На Западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила свое окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противодѣйствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ ислама и получило отъ него новый завоевательный характеръ; но, принимая чуждое начало, оно осталось ниже своего восточнаго соперника. Аравитянинъ-завоеватель ставитъ побѣжденнаго наравнѣ съ собою подъ условіемъ единовѣрства, крестоносецъ требуетъ покорности кресту и рабства гражданскаго. Аравійская природа очевидно стоитъ выше Германской и исламъ выше папства. На поприщѣ борьбы военной Сарацины восторжествовали; такъ и должно было быть: они оставались вѣрными своему началу; христіанство измѣняло самому себѣ. Позднѣе побѣдили христіанскіе народы: таково послѣдствіе высокопросвѣтительнаго христіанскаго начала, развивающаго человѣческую личность. Но побѣда, возможная христіанскимъ народамъ, была невозможна ложному христіанству воюющему. Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завоевываетъ міръ для христіанства, и исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

Персія.—Манихейство.—Хозрой и Ираклій.

Персія и Византія должны были первыя почувствовать силу ислама и отразить его воинственный напоръ; но ни та, ни другая не были способны къ великимъ напряженіямъ, Персія

Digitized by Google

еще менѣе Византіи. Древнее ученіе Ирана не умирало въ области Индо-персидской съ самой реформы Зердушта; оно пережило державу Кеанидовъ и Гистаспидовъ; оно уцѣлѣло въ народѣ подъ владычествомъ Эллиновъ, вступило снова, хотя въ грубыхъ и искаженныхъ формахъ, въ свои государственныя права при дикихъ потомкахъ Пареянина Арсака и явилось во всемъ своемъ первобытномъ блескѣ, хотя не безъ примѣси полу-Кушитскаго поклоненія Астартѣ Бактрійской, при династіи Персидскихъ Сассанидовъ. Сассаниды не были дикарями, не смотря на свирѣпость многихъ законовъ и на обычность кровавыхъ казней. При нихъ цвѣли искусства; древне-Зендскій языкъ, посвященный (какъ Санскритъ въ Индустанѣ) предметамъ религіознымъ, обогащался новыми произведеніями; языкъ Пехлеви (какъ кажется, западно-Иранскій, судя по великой примѣси Семитическихъ началъ) создалъ новую словесность поэтическую и историческую, нынѣ погибшую, но оставившую слѣды въ преданіяхъ. Многія начала образованности Эллинской были приняты народами Иранскими, многія начала мысли древнѣйшей уцѣлѣли на Бактрійскомъ Востокѣ, гдѣ они впослѣдствіи слились съ мыслію и поэзіею Аравіи при Газневидахъ и Саманидахъ; любовь къ наукѣ и отвлеченному мышленію продолжала еще оживлять потомковъ великой Средне-Иранской семьи; но живѣе всѣхъ другихъ стремленій выражалось еще стремленіе къ уясненію религіозныхъ понятій. Такъ, въ самомъ началѣ Сассанидской династіи, торжественнымъ собраніемъ маговъ было установлено ученіе о зависимости злаго начала отъ свободнаго творческаго духа, согласно съ древнимъ преданіемъ, и отвержено позднѣйшее, сильно распространившееся ученіе о равносильности и равновѣчности началъ добра и зла. Но утраченная чистота преданія уже никогда не возстановляется. Внутренняя слабость Зороастризма (неясное понятіе о свободно-творящемъ духѣ Зеруана-Акерене, пелотическое отношеніе духа злаго къ его необходимо-злымъ созданіямъ и слѣд. законъ эманаціонный; произвольность міровъ и, кажется, отчасти примѣсь женскаго

Digitized by Google

антропоморфизма) осталась. Землѣ Иранской не суждено было развить вполнѣ и увѣнчать древнее Иранское ученіе; но возстановленный магизмъ Зердушта еще не былъ уличенъ во лжи: онъ могъ бороться и боролся съ ученіемъ дома Израильскаго, уже обнявшимъ всю южную и западную Европу, всю Сирію и Египетъ. Медленны были успѣхи христіанства за Тигромъ, упорны сопротивленія магевъ и древнихъ народныхъ повѣрій. Въ послѣдствіи внутренніе раздоры церкви еще болѣе замедлили ея распространеніе на Востокѣ, а политическое торжество ея въ Римскомъ мірѣ подняло противъ нея политическую вражду и политическія гоненія въ области Индо-персидской, очевидно не безъ собственной вины христіанъ, утратившихъ чистоту христіанскаго духа. За всѣмъ тѣмъ христіанство росло и проникало далѣе и далѣе. Въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. оно, кажется, уже открывало себѣ пути въ Китай и основывало мелкія общины въ Индустанѣ, а въ третьемъ уже безъ сомнѣнія считало многихъ послѣдователей, а вскорѣ и мучениковъ, не только въ среднемъ, но и въ восточномъ Ираиѣ и въ Бактріи, старой колыбели кроткаго Индо-славянскаго племени. Трудно было завоеваніе міра восточнаго: въ немъ древняя вѣра еще не умерла, какъ въ мірѣ Эллино-римскомъ. Разумъ не уяснилъ себѣ внутренняго противорѣчія въ основѣ своихъ ученій, и человѣкъ не требовалъ Бога, ибо еще не лишился его. Учители же церковные, прельщенные видимою своею побѣдою на Западѣ, уже не довольствовались проповѣдью слова, не только лучшимъ, но и единственнымъ своимъ оружіемъ, а искали внѣшней опоры въ связяхъ съ міромъ Римскимъ и призывали на себя справедливое гоненіе дерзкою нетерпимостью, разрушающею древніе храмы народовъ еще необращенныхъ, или доброжелательствомъ Имперіи, близкимъ къ государственной измѣнѣ. Христіанство, торжествующее послѣ Константина, слабѣло отъ соблазна своего политическаго торжества. Правители Персіи послѣдовали примѣру прежнихъ императоровъ и ужасными казнями стали останавливать распространеніе враждебнаго ученія.

Digitized by Google

но гонимые христіане уже не были невинными страдальцами Декіевыхъ временъ. Вступивъ въ неразумный союзъ съ вещественною силою и властію, они часто были или по крайней мѣрѣ казались преступниками, и нравственное чувство народа не вступалось за мучениковъ искаженнаго ученія. Вскорѣ раздоры церкви дали новое оружіе противъ нея. Расколы, гонимые въ Имперіи, искали убѣжища въ предѣлахъ Персіи, и расчетливое гостепріимство Персіи покровительствовало бѣглецамъ, естественнымъ врагамъ своего прежняго отечества. Несторіанство, ученіе, не примиряющее въ себѣ Божества и человѣчества, слѣдовательно логически слабое и неспособное къ безконечному развитію, но возникшее очевидно изъ односторонности древне-Иранскаго взгляда на преданіе, утвердилось въ Иранской сторонѣ и вытѣснило почти совершенно живое и глубокомысленное ученіе соборовъ. Такимъ образомъ распространеніе христіанства на Востокѣ было остановлено на многіе и многіе вѣка; но не безъ слѣдовъ осталось его вліяніе на Персію. Въ ней пробудилось на время живое стремленіе къ вопросамъ духовнаго знанія; прежнія вѣрованія ослабли и возникли новыя, распространившіяся со временемъ далеко на Западъ, сильно проявлявшіяся въ имперіи Византійской, сливавшіяся съ политическими смутами южной Европы въ продолженіе среднихъ вѣковъ, и теперь еще не совсѣмъ исчезнувшія, не смотря на временное торжество магометанства и окончательное торжество христіанства. Таково ученіе Манеса. Рожденное въ западномъ Иранѣ и довершенное во время пребыванія Манеса на границахъ Индустана и въ пещерахъ Гиммалаи, оно соединило въ нестройный синкретизмъ христіанство, магизмъ, Ассирійскую и Египто-палестинскую гнозу съ древнѣйшею гнозою, — буддаизмомъ Индустанскимъ. Въ этомъ смѣшеніи исчезало начало христіанское: отъ него оставались только имена и символы съ утраченнымъ смысломъ. Магизмъ, входящій въ составъ манихейства, былъ уже далекъ отъ древне-Иранскаго преданія (Зердуштова и Израильскаго): онъ содержалъ въ себѣ, по ученію Магузеевъ, вѣрованіе въ

Digitized by Google

безусловное начало зла, слѣдовательно идею вѣчнаго и необходимаго двойства. Гноза юго-западной Азіи, которой слѣды въ манихействѣ явны во многихъ положеніяхъ, особенно же въ символѣ ладей (общемъ всѣмъ миѳамъ Египта, Ираклу Тирскому и, какъ кажется, Хону Ассирійскому) была уже переходомъ изъ ученія Иранскаго въ ученіе Кушитское *). Она замѣнила начало творчества началомъ полу-свободной, пантеистической эманаціи, содержала скрытое положеніе объ органическихъ, слѣдовательно двойственныхъ, эонахъ и разрѣшалась въ необходимомъ очищеніи и возвратѣ эоновъ къ божественному самопознанію. Наконецъ, буддаизмъ, протестантство шиваитское, полное признаніе законовъ необходимости во всякомъ мірѣ явленій, допускалъ возможность свободы только въ ничтожествѣ и слѣдовательно совершенно уничтожалъ миѳо-Иранскую основу новой вѣры. Манихейство принадлежало вполнѣ Кушитскому міру и, повинуясь законамъ этого міра, обращало молитвы, символъ, таинство, и даже всю жизнь со всѣми ея подробностями въ безконечное заклинаніе. Главное же начало манихейства (какъ уже замѣтила ученая Германія) заключалось или, сказать вѣрнѣе, невольно разрѣшалось въ буддаизмѣ. Это древнее, строгое, глубокомысленное и логически твердое ученіе по своей внутренней послѣдовательности способно ко всѣмъ примѣсямъ, потому что оно окончательно перерабатываетъ и подавляетъ всякую чуждую стихію, и манихейство было ничто иное, какъ западный буддаизмъ съ меньшею строгостью логическою (ибо замѣняло внутреннюю необходимость явленія свободнаго духа въ рабскомъ веществѣ внѣшнею случайностью плѣненія вѣчнаго духа въ вѣчномъ веществѣ), но съ бо́льшими притязаніями на стремленіе нравственное (ибо признавало въ вещественномъ явленіи не только страданіе, но прямое нравственное зло).

Несокрушимая твердость и всепретворяющая сила древняго шиво-буддаизма обличились въ манихействѣ, какъ и во всѣхъ религіяхъ, къ которымъ онъ примѣшался, какъ и во всѣхъ философскихъ ученіяхъ, которыя приняли его въ свой составъ, и особенно какъ въ

*) Ладья связана съ фаллическимъ культомъ. *Изд.*

Digitized by Google

новѣйшихъ школахъ философской Германіи, когда они отъ аналитическаго процесса критики рѣшились перейти въ творческій синтезисъ. Иначе и быть не могло; ибо шиво-буддаизмъ, не смотря на всѣ свои прихотливые символы, есть ничто иное, какъ признаніе наукообразной логики міра. Онъ, и онъ одинъ, заслуживаетъ имя науки, точно также какъ одно Израиле-христіанское преданіе носитъ на себѣ истинный характеръ преданія. Всѣ прочія вѣрованія или ученія представляютъ только болѣе или менѣе жалкую и нестройную смѣсь науки съ преданіемъ, и ихъ развитіе въ самопознаніи человѣческомъ ведетъ за собою необходимое освобожденіе науки, предоставляемой своимъ собственнымъ силамъ.

Новая религія, основанная Манесомъ, не могла имѣть великаго торжества по явной произвольности своихъ основъ, по недостатку послѣдовательности и по многимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, и особенно по явной многосложности своего синкретизма; но многихъ соблазнила ея таинственность, духовная гордость и затѣйливая символика, и она распространилась быстро не только въ Иранѣ отъ Гималаи до Евфрата, но даже въ областяхъ имперіи Византійской. Въ самомъ Иранѣ она сдѣлалась предметомъ гоненія, и Манесъ кончилъ жизнь въ жестокихъ казняхъ, какъ мученикъ невольнаго самообольщенія или какъ жертва правосудія, наказывающаго предумышленный обманъ. Многіе послѣдователи его отступились отъ учителя и возвратились къ прежнимъ вѣрованіямъ или разбились на мелкія секты, почти незамѣченныя исторической критикою, хотя можно бы было прослѣдить ихъ вліяніе въ современныхъ намъ Друзахъ и Курдахъ и въ исторически-важныхъ Измаэлитахъ, грозѣ всего халифата и даже Европейскихъ государей. Скоро прошло волненіе, произведенное манихействомъ; но его явленіе, также какъ многосложность стихій, вошедшихъ въ его составъ, показываютъ, какъ сильно и разнообразно было религіозное движеніе въ Персіи при династіи Сассанидовъ. Это движеніе не успокоилось въ окончательномъ примиреніи и слѣдовательно не могло упрочить государства, но оно было признакомъ великой умственной

Digitized by Google

дѣятельности и объясняетъ временное усиленіе царства Персидскаго. Съ одной стороны на него тяготѣла уже ослабѣвшая, но еще неистощенная громада Рима, съ другой такъ называемые Гунны или Скиѳы, остатки древняго Бактрійскаго или Индо-славянскаго міра, временно окрѣпшаго подъ вліяніемъ Эллады, снова упавшаго и окрѣпшаго въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. отъ примѣси воинственныхъ Финно-турецкихъ семей, вытѣсненныхъ изъ Средней Азіи другими сильнѣйшими семьями того же племени. Долго страдала Персія; долго платила она дань своимъ восточнымъ сосѣдямъ или тратила свои силы въ утомительной и безплодной борьбѣ съ безпрестанно наростающимъ напоромъ Турокъ, будущихъ ея завоевателей; наконецъ, пользуясь раздорами Гунно-турецкихъ народовъ и паденіемъ собственно-Гунскаго царства (Гунновъ Эвфалитовъ), она свергла съ себя ихъ тяжкое иго, освободилась отъ дани, завоевала многія области на Востокѣ и обратила силы свои на Римскую имперію, уже почти задавленную сѣверными дикарями. Жестока была борьба, и съ трудомъ уцѣлѣла Византія. Двое Хозроевъ, блистательнѣйшіе и послѣдніе цари изъ воинственной династіи Сассанидовъ, подняли Персію на давно забытую высоту. Нуширванъ, сокрушивъ надолго сѣверо-восточныя племена Гунно-турковъ, отнялъ у Византійцевъ много областей при Евфратѣ и Кавказѣ, подчинилъ власти своей или по крайней мѣрѣ державному союзу многія семьи Аравійскія, дотолѣ признававшія владычество Рима, и едва могъ быть удержанъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній силою Византіи, окрѣпшей при Юстиніанѣ, и его великими полководцами (изъ которыхъ славнѣйшій, Велисарій, былъ Славянинъ, также какъ и самъ императоръ). Парвизъ, возведенный на престолъ помощію Маврикія, пользуясь сильнымъ напоромъ Аваро-славянскихъ полчищъ при Ѳокѣ и Ираклiи, завоевалъ Арменію, Сирію и Палестину, разгромилъ Египетъ, сокрушилъ христіанскихъ союзниковъ Имперіи въ южной Аравіи, овладѣлъ Малою Азіею и нѣсколько лѣтъ сряду держалъ въ осадѣ Царьградъ, обложенный въ тоже время съ сѣверной стороны Аварскими дружинами.

Digitized by Google

Превосходя дѣда своего Нушірвана въ хитрости, въ предпріимчивости воинственной и въ честолюбіи, Парвизъ уступалъ ему въ государственной мудрости, въ любви къ просвѣщенію и въ доблестяхъ человѣческихъ. Ужасна была схватка одряхлѣвшей Византіи съ духовно-дряхлою Персіею. Всѣ области Имперіи, даже и тѣ, которыя издавна не видали врага (какъ Египетъ) были опустошены и разграблены, покрыты развалинами и залиты кровію; но когда неустрашимый Ираклій, откупясь на время отъ Аваровъ и связавъ ихъ навсегда цѣпью Славянскихъ поселеній (Хорватовъ, Сербовъ и др.), призванныхъ имъ съ Сѣвера отъ Карпатскихъ горъ, обратилъ всѣ силы свои на Востокъ, древнее искусство Римскаго воина восторжествовало снова, какъ и всегда и во всѣхъ войнахъ. Вся страна отъ моря до Тигра признала снова власть императора; торжествующія войска Византійскія проникли въ сосѣдственныя области Хозроя и въ его роскошную столицу; старый Парвизъ погибъ безъ славы, и Персія купила постыдный миръ уступкою всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній и покорностью всей волѣ побѣдителя.

Завоеваніе Персіи исламомъ.

Такъ кончилась вѣковая борьба. Оба государства были утомлены и обезсилены; но Византія съ своимъ Эллинскимъ просвѣщеніемъ, съ своею Римскою государственностью и съ своимъ животворнымъ христіанствомъ могла еще, не смотря на внутреннее разногласіе духовнаго и государственнаго начала, залѣчить свои раны и собрать новыя силы для отпора новымъ врагамъ. Персія, обезсиленная упорною борьбою и лишенная вѣры въ свое духовное начало, не могла выдержать новой бури. Когда исламъ, возникшій отъ временнаго торжества Персіи, давшей въ Аравіи побѣду древнему народному началу надъ христіанствомъ, потребовалъ покорности отъ всѣхъ народовъ міра, Византія уцѣлѣла, утративъ только Сирію и Месопотамію, Приаравійскую Палестину, Египетъ и Африку; Персія же послѣ двухъ-трехъ сраженій пала къ стопамъ побѣдителя, и имя ея исчезло надолго изъ исторіи. Большая часть народонаселенія,

Digitized by Google

охладѣвшая къ прежнему вѣрованію, приняла законъ торжествующей Аравіи вслѣдствіе естественнаго стремленія Иранца къ вѣрованію, основанному на началахъ Иранскихъ, вслѣдствіе побѣдъ, повидимому оправдывающихъ божественность исламизма и особенно вслѣдствіе согласія Корана съ пастушескимъ бытомъ Ирана. Немногочисленные послѣдователи древняго ученія искали убѣжища въ неприступныхъ горахъ и погибли послѣ мужественнаго сопротивленія или бѣжали изъ своей родины на Юго-востокъ, въ области Индустанскія, куда не скоро еще проникъ мечъ мусульманскій. Исчезла вся прежняя Персія, затопленная разливомъ магометанскаго, какъ нѣкогда разливомъ Эллинскаго, міра. Изъ перваго наводненія она возстала не только къ независимости, но и къ самобытности; изъ второго она уже къ самобытному существованію не возвращалась; но черезъ нѣсколько вѣковъ получила она снова значеніе государственнаго тѣла, съ правами на полную независимость, и дала Исламу характеръ отличный отъ характера исламизма западнаго (*Шіитство*, въ противоположность *Сунит*). Таковы значеніе и сила древняго міра: онъ воскресаетъ, измѣненный въ мірѣ новомъ. Дѣленія народовъ и государствъ, которыя являются въ самомъ началѣ человѣческихъ бытописаній и даже въ доисторическомъ періодѣ преданія, сохраняются почти неизмѣнными до нашего времени (кромѣ нѣкоторыхъ примѣровъ полнаго истребленія), не смотря на всѣ бури человѣческой исторіи. Безпристрастная критика не можетъ приписать этаго постоянства въ безпрерывномъ волненіи вліянію причинъ вещественныхъ, какъ-то границъ и т. д.: ибо часто граница двухъ жизненныхъ системъ нисколько не соотвѣтствуетъ границамъ, указаннымъ физическою географіею, и, пренебрегая широкія рѣки или горныя цѣпи или даже морскіе проливы, очерчивается какимъ нибудь незначительнымъ потокомъ или почти невидимою чертою на поверхности земли. Духовное начало народовъ не исчезаетъ: оно принимаетъ новое просвѣщеніе и новыя начала мысли, но даетъ особенное значеніе своему мысленному пріобрѣтенію и не пропадаетъ въ мертвомъ однообразіи. Всякая

Digitized by Google

подпочва народная соединяется съ наплывомъ (хотя бы и общимъ) посредствомъ особеннаго жизненнаго процесса и проявляется новыми произведеніями, отдѣляющимися отъ всѣхъ другихъ въ вѣрованіи, языкѣ, бытѣ и исторической жизни.

Таковъ законъ общій. Межи, отдѣляющія Германца и Галла, Галла и Иверца, Галла и Италійца, уцѣлѣли и называются въ наше время государственными границами. Это всѣми замѣчено, хотя можетъ быть никѣмъ не оцѣнено вполнѣ. Древнихъ Славянъ, уже погибшихъ въ Германіи, Италіи и Галліи, забывшихъ всю свою старину и свой языкъ, еще можно отслѣдить по физіономіи народной жизни въ Вандеѣ и въ Тиролѣ, и въ низинахъ Голландіи и Фризіи, и въ Балтійскомъ поморьѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, которыя носили въ древности имя земель Венедскихъ. Чувство человѣческой, художественной истины необходимо для историка, а объ немъ-то и не думаетъ весь ученый цехъ, завладѣвшій исторіею въ наше время, и есть еще смѣлые буквоѣды, которые отрицаютъ старожитность Славянъ въ Европѣ потому, что не отыскали подлинныхъ межевыхъ книгъ и плановъ скрѣпленныхъ и засвидѣтельствованныхъ какимъ нибудь древнимъ земскимъ судомъ.

Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки.

Первый налетъ мусульманъ на Имперію отнялъ у нея всѣ ея юго-восточныя области. Утомленная борьбою съ Персіею и торжествомъ, купленнымъ многолѣтнею бранію, она не могла противопоставить сильныхъ ополченій свѣжей силѣ восторженнаго ислама; старый императоръ и спаситель государства, Ираклій, занятый церковными спорами (въ которыхъ онъ, бывшій правитель Египта, держался Египетскаго стремленія къ Евтихіянству), не имѣлъ уже достаточной энергіи или надежды на побѣду, чтобы вступить въ упорную борьбу съ новымъ врагомъ. Онъ согласился уступить Аравитянамъ южную Сирію, ожидая, можетъ быть, что порывъ новаго вѣрованія будетъ недолговѣченъ, а отдохнувшая Имперія будетъ со временемъ крѣпче для войны. Области, завоеванныя Аравійскимъ мечемъ, были уже отчасти населены племенемъ полу-

Digitized by Google

Аравійскимъ или Аравійскими выходцами; онѣ были опустошены Персіянами, мало привязаны къ слабому организму Византіи, лишены духовной силы и духовнаго единства безпрерывными спорами религіозными, готовы къ покорности всякому побѣдителю, нѣсколько человѣколюбивому, и даже къ принятію всякаго ученія, нѣсколько разумнаго: а воины первыхъ халифовъ, непобѣдимые въ сраженіяхъ, были кротки съ побѣжденными, вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы принять въ свое вооруженное братство всякаго новообращенца; ученіе же, проповѣданное ими, было исполнено поэтическаго восторга и вещественнаго соблазна, оправдано побѣдами и проповѣдано живою и пламенною вѣрою. Аравитяне нашли сначала мало сопротивленія и много союзниковъ. Исламъ пріобрѣлъ не только пространныя области, но и множество послѣдователей внѣ Аравіи.

Тоже самое было въ послѣдствіи и въ Испаніи.

Такъ погибли для Имперіи и для общенія съ христіанскимъ міромъ Сирія, Египетъ и сѣверная Африка. Болѣе другихъ уцѣлѣло ученіе христіанское въ Сиріи: оно уже отчасти слилось съ самою жизнію, не смотря на развратъ городовъ и полуидолопоклонническій бытъ деревень. Вѣроятно оно удержалось бы съ большею силою (ибо разумное пониманіе христіанства было удѣломъ не однихъ Эллинскихъ жителей, но и Сиріянъ и природныхъ Палестинцевъ) и, можетъ быть, освободилось бы отъ ига мусульманскаго; но значительная часть народонаселенія погибла въ войнахъ Персидскихъ; многія области были наполнены Аравійцами, чуждыми и Имперіи и христіанству; раздоры религіозные поставили большую половину народа во враждебное отношеніе къ государству и въ разъединеніе съ остальною церковью, и глубокій развратъ нравовъ отнималъ и силу и желаніе сопротивляться чуждому игу. За всѣмъ тѣмъ нѣсколько горныхъ округовъ и приморскихъ городовъ долго сохраняли свою независимость и отбивались мужественно отъ мусульманъ; но эта безплодная борьба не могла быть увѣнчана побѣдою, и скудные остатки про-

Digitized by Google

свѣщенія погибли, не принесши плода для остальнаго міра. Полнѣе было паденіе Египта. Въ немъ разумное пониманіе христіанства ограничивалось только Эллинскою или эллинизованною частью народонаселенія. Темная религія туземцевъ была ничто иное, какъ древнее идолопоклонство въ христіанскихъ формахъ, и даже у просвѣщеннѣйшихъ сословій гораздо менѣе было истинно-христіанскихъ вѣрованій, чѣмъ гностической философіи, скрытой подъ оболочкою христіанства. Наконецъ, въ сѣверной Африкѣ, отъ границъ Египта до дальнихъ береговъ Атлантическаго океана, христіанство было очевидно принадлежностью городовъ и Эллино-римскаго народа. Туземцы покорялись ему, но никогда не принимали его.

Они находились въ томъ же положеніи, въ которомъ теперь находятся въ Россіи Черемисы, Чуваши, Мордва и другія Финно-турецкія семьи, которыхъ безъ сомнѣнія не трудно бы было обратить въ какое угодно вѣрованіе (что̀ не приноситъ, между прочимъ, великой чести апостольской ревности Русскаго народа).

За то христіанство и исчезло безъ слѣда со всего южнаго берега Средиземнаго моря. Отъ него не уцѣлѣло ни малѣйшаго слѣда, и отечество Августина и Тертулліана сдѣлалось гнѣздомъ самаго фанатическаго, самаго изступленнаго мусульманства.

Впрочемъ не безъ боя покорилась сѣверная Африка. Ея полукочевые жители, *Амазирги*, *Шеллухи* и *Кабайлы*, не разъ отбивали завоевателей или изгоняли ихъ изъ завоеванныхъ областей. Утомленные долгимъ сопротивленіемъ, Аравитяне обратились къ внутреннему сочувствію туземцевъ и къ преданіямъ (безспорно справедливымъ) о племенномъ единствѣ жителей сѣверной Африки съ колѣнами Арабо-палестинскими.

Свидѣтельства писателей до-магометанскихъ доказываютъ существованіе такихъ преданій. Очевидно, что кромѣ вліянія Карѳагена и другихъ Палестинскихъ колоній было уже издавна много общаго между Гетулами, Нумидіцами, Маврами и пр. и Палестиною. Добросовѣстное изученіе современныхъ намъ нарѣчій Шелуховъ. Амазирговъ и др.,

Digitized by Google

также какъ ихъ физическихъ очерковъ, подтверждаетъ туже истину, а самое существованіе многочисленныхъ колоній Палестинскихъ на сѣверномъ берегу Африки совершенно совпадаетъ съ общимъ правиломъ первоначальной торговли, т. е. гостьбы у братьевъ-единоплеменниковъ.

Законъ и жизнь Аравійцевъ совершили то, чего не могло сдѣлать оружіе. Сѣверная Африка, сохраняя свою самобытность, вошла въ общее движеніе міра мусульманскаго и, слившись съ нимъ неразрывно, сдѣлалась точкою опоры и орудіемъ для новыхъ завоеваній. Сила иноначальнаго Рима подавляла Африку, не покоряя себѣ ея внутренней жизни. Сила ислама покорила ее не только въ смыслѣ вещественномъ и гражданскомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Аравійцы сдѣлались братьями туземцевъ, сохраняя только то неотъемлемое первенство, которое зависѣло отъ ихъ прежней исторической жизни и отъ высшаго умственнаго, особенно же словеснаго развитія. Что было при первыхъ Омміядахъ, то сохранилось неизмѣнно и до нашего времени.

Халифатъ.

Задача ислама, казалось, разрѣшилась его блистательными успѣхами. Едва родившись, уже обнималъ онъ безконечную область отъ береговъ Инда до береговъ Атлантики; но убіеніе третьяго калифа и междоусобія, возникшія послѣ его смерти, доказывали, что этой задачѣ не суждено было никогда разрѣшиться вполнѣ. Всякій халифъ былъ преемникъ Мухамеда; но это преемство имѣло по необходимости двойственное значеніе: значеніе власти государственной и духовнаго начальства. Въ обоихъ отношеніяхъ проявилась вскорѣ шаткость, доказывающая внутреннюю слабость началъ. Какъ духовный властитель, халифъ не былъ облеченъ въ святость непогрѣшимости догматической (такъ какъ позднѣйшіе папы) и слѣдовательно не представлялъ ручательства въ неизмѣнности ученія. Поэтому могли и должны были возникнуть ученія новыя и противоположныя другъ другу, для которыхъ лицо

Digitized by Google

халифа не имѣло никакаго духовнаго значенія. Какъ власть государственная, халифъ не находилъ твердой опоры въ неизмѣнномъ законѣ престолонаслѣдія, будь оно избирательное въ опредѣленномъ порядкѣ, будь оно исключительно наслѣдственное. Сверхъ того, если бы даже нашлась такая опора, то ея характеръ, чисто условный, могъ бы имѣть силу только мѣстнаго, а не всемірнаго учрежденія. Халифату оставалось только одно: быть символомъ, и только символомъ, единства въ мірѣ ислама. Такимъ онъ и былъ. Весь исламъ по духу Корана преставлялъ одну безконечно-многочисленную семью, одушевленную однимъ началомъ вѣрованія въ мессіанство Измаэлитскаго колѣна. Этой семьѣ, по духу патріархальнаго быта Аравійскаго, нужна была глава, живое олицетвореніе роднаго или духовнаго единства. Главою былъ халифъ. Простыя явленія быта патріархальнаго не могутъ вполнѣ удовлетворять многосложнымъ требованіямъ быта государственнаго, и единство духовное не подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ единство родовое. Внутреннее раздвоеніе духовно-государственнаго міра магометанскаго должно было вскорѣ нарушить плавный ходъ его первоначальнаго развитія. Чисто-духовныя стремленія должны были прійти во враждебное столкновеніе съ чисто-вещественными, исключительно государственными потребностями и расчетами. Они нашли себѣ великаго и достойнаго представителя въ поэтическомъ лицѣ великаго Алія. Хитрый, но сильный духомъ Моавія сталъ представителемъ государства, государства завоевательнаго и дружиннаго. Случайность рѣшила въ пользу Моавіи. Али погибъ подъ кинжаломъ убійцы.

Впрочемъ случайность смерти Аліевой представляетъ довольно ясный примѣръ общей случайности исторической въ ея противоположности съ общею историческою необходимостью. Али могъ побѣдить: его неустрашимость и воинственное превосходство казались даже залогами побѣды; но слабость духовнаго начала и духовнаго значенія въ халифатѣ при его преемникахъ уступили бы необходимо практическимъ и неотразимымъ требованіямъ завоевательнаго государства.

Digitized by Google

Исламъ, какъ вѣрованіе, былъ побѣжденъ въ лицѣ Али. Торжество государственнаго начала выразилось въ побѣдѣ Моавія, человѣка невѣрующаго и бездушнаго, котораго отецъ былъ самымъ упорнымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Мухаммеда и его ученія.

Исторія представляетъ множество такихъ аки-символовъ; но, случайно упоминая объ нихъ, мы не видимъ въ нихъ важности. Иное дѣло тѣ символы, по видимому случайные, въ которыхъ безсознательно выражается скрытая или еще неуясненная мысль. Они безконечно важны для исторіи и рѣдко обращали ея вниманіе. Въ возстаніи Моавія его бездушность не случайна. Высокій духъ покорился бы великой личности Али; но происхожденіе Моавія отъ врага Мухаммедова есть прямая случайность, заманчивая для поэта, ничтожная для историка. Самое же лицо Алія и весь родъ его окружены такимъ блескомъ поэтическаго вдохновенія, безкорыстнаго великодушія, пламеннаго и веселаго мужества, глубокой любви къ нравственному совершенству, кроткаго и истинно-человѣческаго величія, что передъ ними темнѣютъ всѣ многопрославленные герои рыцарскихъ вѣковъ въ Европѣ. Они важны для исторіи, потому что въ нихъ выражается вся красота вольной пустыни и Иранскаго преданія, т. е. вся художественная красота Аравіи и вся нравственная чистота Корана. Важны побѣжденные Алиды, еще важнѣе глубокое сочувствіе народа и самихъ побѣдителей Омміядовъ къ побѣжденнымъ. Очевидно любили въ Али не зятя Мухаммедова, но поэтическую его личность и нравственное достоинство, и эта любовь народа доказываетъ, что Али и родъ его не были исключеніемъ, но истинными представителями Аравійскаго идеала. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подробностяхъ исторіи, явно превосходство Аравійца-мусульманина, опредѣлившаго судьбу Востока, надъ Германцемъ-христіаниномъ, создавшимъ всѣ державы Запада. Различіе въ дальнѣйшемъ развитіи и торжество Европейскихъ народовъ зависятъ отъ внутренняго совершенства, логической стройности и духовной силы начала, принятаго Европою извнѣ. Впрочемъ торжество Омміядовъ и паденіе Алидовъ показываютъ, что народы мусульманскіе были движимы внутреннимъ сознаніемъ двойственности въ религіозно-госу-

Digitized by Google

дарственномъ исламѣ, малосилія въ началѣ духовнымъ и неизбѣжнаго первенства начала политическаго.

Моавія начинаетъ собою блистательнѣйшую эпоху халифата. Безпрестанный рядъ побѣдъ соединилъ въ одно могучее цѣлое всѣ области отъ береговъ Инда, отъ древней Бактріи, уже затопленной Турками, и Кавказскаго пригорія, гдѣ Турки (будущіе побѣдители Аравитянъ) были сначала покорены первымъ пламеннымъ порывомъ Аравіи,—до Атлантическаго океана и пригорій Пиренейскихъ. Ни древній Иранъ Персидскій, ни Эллада въ минуту своего блестящаго торжества при Македонцѣ не равнялись съ халифатомъ Омміядовъ. Римская имперія при Траянѣ (явленіе единственное въ исторіи человѣчества) немногимъ чѣмъ превосходила его.

Италія, Галлія, Британнія и Эллада были лишнія у Рима; лишними были у халифовъ Аравія и Персія, которыхъ пространство равняется почти половинѣ Европы.

Величественно было царство халифовъ. Ихъ отдѣльныя дружины на Западѣ сокрушали однимъ ударомъ царство Вестготовъ (около 710-го года), затопляли южную Францію и едва могли быть удержаны отъ дальнѣйшихъ завоеваній всею силою Меровингскаго царства и воинственнымъ геніемъ основателя Карловингской династіи. Въ тоже время другія дружины на Востокѣ проникали въ глубь средней Азіи и грозили войною или предлагали дружбу вѣковѣчной державѣ Китая, окрѣпшаго при династіи *Тіанговъ*. Но халифатъ не имѣлъ внутренней крѣпости, упрочившей на многіе вѣка величіе Рима. Въ немъ не было стройнаго механизма, соединяющаго всѣ вещественныя силы государства подъ единствомъ одного логическаго закона (Римскаго начала внѣшней правды или права). Онъ не имѣлъ также и той полноты духовной жизни, которая могла бы собою замѣнить совершенство условнаго механизма. Исламъ хотѣлъ быть въ одно время и церковью и государствомъ (также какъ нѣкоторыя царства буддаистскія и позднѣйшій католицизмъ Запада). Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ на соединеніе духовнаго начала (совершеннаго по своему опредѣленію) съ государственнымъ (необ-

Digitized by Google

ходимо несовершенным) заключался внутренній раздоръ. Жизнь практическая должна была подавить жизнь мысленную. Такъ и случилось въ исламѣ, какъ и вездѣ. Японскій первосвятитель сдѣлался куклою Японскаго царя. Королевство побѣдило Римскій престолъ, и султанство подавило халифатъ. При Омміядахъ еще не наступало время полнаго разрыва; но онъ уже явился въ лицѣ Моавіи, скрытый для современниковъ, явный для потомства. Духовный халифъ былъ уже побѣжденъ государемъ свѣтскимъ; ибо въ исторіи важна не побѣда лица надъ лицемъ, но побѣда начала надъ началомъ, а она можетъ совершиться въ одномъ лицѣ, какъ и во многихъ. Халифу, утратившему свою религіозную святость, осталось только значеніе родовой главы въ великомъ мусульманскомъ семействѣ. Этотъ призракъ родоваго единства, святыня взятая изъ жизни Аравитянъ и понятная всѣмъ ихъ кочевымъ братьямъ, долго еще ростилъ и живилъ міръ мусульманскій и противился напору многихъ бурь и многихъ вѣковъ.

Византія въ VIII вѣкѣ.—Иконоборство.

Византія не умѣла или не могла воспользоваться междоусобіями Аравитянъ. Радуясь временному отдыху, она не думала снова завладѣть утраченными областями и довольствовалась незначительною данью, которою Моавія откупился отъ войны во время своей борьбы съ Алидами. Окрѣпшій исламъ скоро отомстилъ за временную уступку. Царьградъ, осажденный Аравитянами, отстоялся; но императоры обязались платить дань халифамъ. Ничтожные и свирѣпые властители губили Византію. Подавленная съ Сѣвера и Юга иноземными врагами, она тратила послѣднія силы въ междоусобіяхъ. Вслѣдъ за междоусобіями политическими наступили снова раздоры религіозные. Великій вопросъ объ иконахъ (дѣйствительно же вопросъ о правѣ церкви на свободное выраженіе своего духовнаго содержанія) взволновалъ государство столько же, сколько прежніе споры о догматическомъ опредѣленіи вѣровапія. Мысленное движеніе, сходное съ позднѣйшимъ протестантствомъ, шло съ Востока. Въ этомъ движеніи выражалось требованіе

Digitized by Google

духа на религію духовную, требованіе вполнѣ христіанское; но въ тоже время отвергалось право духа человѣческаго на выраженіе своего религіознаго чувства, право общины, какъ единицы живой, на живое и художественное выраженіе своего единства. Это восточное протестантство заключалось въ такой же скудной односторонности, какъ и позднѣйшее иконоборство Запада; но церковь сама еще не впадала въ односторонность и должна была восторжествовать надъ всякимъ одностороннимъ нападеніемъ. Иконоборство было вызвано и слѣдовательно оправдано мѣстными злоупотребленіями и частнымъ невѣжествомъ, доходившимъ до идолопоклонства; его стремленіе было исполнено разума и благородства. Но церковь отреклась отъ всякаго участія въ мѣстныхъ или частныхъ ошибкахъ: она выразила свои разумныя требованія и права. Иконоборцы, уже обратившіеся въ секту, упорствовали въ своей односторонности и погибли въ борьбѣ, не оставивъ по себѣ никакаго слѣда, погубивъ много великихъ памятниковъ древности, разорвавъ живую цѣпь художественнаго преданія, но вызвавъ церковь къ сознанію или къ выраженію своего сознанія въ отношеніи къ иконѣ (т. е. къ образу вообще). Таково значеніе спора объ иконахъ, волновавшаго Имперію безъ малаго въ продолженіе двухъ вѣковъ.—Вопросъ былъ поднятъ на Востокѣ, или, по крайней мѣрѣ, выходцами съ Востока, призванными на управленіе Византіею. Новѣйшая критика (отчасти оправданная преданіями) связываетъ его съ ученіемъ Мухаммеда; но другое объясненіе (также не чуждое нѣкоторымъ ученымъ) гораздо вѣроятнѣе. Востокъ не имѣлъ стремленія къ пластикѣ, которымъ отличалась Эллада. Въ немъ слѣдовательно и требованіе выраженія художественнаго (въ смыслѣ пластики) не могло быть слишкомъ сильнымъ и общимъ.

Просвѣщеніе Сиріи и Палестины (за исключеніемъ Іудеи) было произведеніемъ борьбы между строительнымъ Кушитствомъ и чисто-духовнымъ Ираномъ. Оно должно было ограничиться символомъ. Просвѣщеніе Эллады было по преимуществу произведеніемъ того же Кушитства, встрѣтившагося съ міромъ Восточно-иранскаго Славянства. Оно должно было

Digitized by Google

создать художество во всемъ его разнообразіи, въ поэзіи, какъ и въ ваяніи и живописи.

Съ другой стороны, начала эбіонитскія преобладали въ юго-западной Азіи, быть можетъ вслѣдствіе древнихъ погибшихъ религій и безъ сомнѣнія вслѣдствіе іудейства, широко распространившагося по всей землѣ отъ Евфрата до моря. Тоже самое вліяніе, которое уже замѣтно въ несторіанствѣ (отвергавшемъ возможность Божества въ образѣ человѣческомъ), замѣтно и въ отверженіи всякаго поклоненія образу или изображенію человѣка. Тутъ явны слѣды іудейства, и легко объясняется преданіе о Львѣ Исаврійцѣ, околдованномъ Жидами. И такъ, эпоха иконоборства въ Византіи была собственно эпохою преобладанія Восточной стихіи надъ Эллинскою, а торжество соборнаго ученія (2-го Никейскаго) освобожденіемъ стихіи Эллинской. Большая часть церковныхъ вопросовъ возникала отъ самихъ представителей церковнаго правленія, отъ лицъ духовныхъ. Вопросъ объ иконахъ былъ поднятъ свѣтскими лицами и властью. Духовные противники иконъ были всѣ или почти всѣ робкими орудіями императоровъ. Убѣжденіе же и выгоды духовенства были противны иконоборческому движенію.

Быть можетъ, это одна изъ причинъ, почему оно погибло безъ слѣда.

Но всякое новое движеніе мысли, стремящейся къ возможному разрѣшенію, также какъ и всякое пробужденіе духовныхъ потребностей человѣка, обозначаетъ скрытую силу жизни и даетъ ей новое напряженіе. Династія восточныхъ иконоборцевъ на престолѣ Византійскомъ заслужила благодарность Имперіи, не смотря на распри и раздоры религіозные, и пробужденная ими энергія продолжала еще проявляться нѣсколько времени послѣ ихъ прекращенія.

Такова разница между раздорами, проистекающими изъ какаго бы то ни было движенія мысли религіозной нравственной или общественной, и раздорами, возникающими изъ частныхъ выгодъ и требованій. Споры мелкихъ Итальянскихъ династовъ или Нѣмецкихъ князей губятъ Италію

Digitized by Google

и Германію, Англійская и Французская революціи возвышаютъ Англію и Францію *).

Тяжелъ былъ трудъ Исаврійцевъ. Халифатъ нагнеталъ на нихъ въ полномъ своемъ развитіи. Имъ приходилось бороться со всѣми силами, такъ сказать, съ главою чудовища, которое однимъ ударомъ хвоста сокрушило Вестготовъ Испаніи и только что не сокрушило Франковъ Меровингскихъ, и они выдержали эту борьбу не безъ славы. Не-разъ побѣждали они могучія ополченія и флоты Омміядовъ, и когда эта династія стала клониться къ упадку, знамена Византійскія явились съ торжествомъ на берегахъ Евфрата. Когда новая династія, Аббасиды, взошла на престолъ халифовъ съ новыми силами и новымъ завоевательнымъ стремленіемъ, когда великіе государи, которыхъ имена заслужили безсмертіе, Аль-Мансуръ, Гарунъ и Аль-Мамунъ окружили исламъ блескомъ, котораго не имѣли, можетъ быть, и лучшіе изъ Омміядовъ, Византія оспоривала у нихъ каждую область, каждый шагъ земли и ставила неодолимыя препоны ихъ воинственному властолюбію. Въ свою очередь, ослабли Аббасиды, и снова гроза Византійскаго оружія загремѣла на берегахъ Евфрата, вырвала изъ рукъ мусульманъ часть давно покоренной Сиріи и покорила горы Арменіи и Иверское пригорье Кавказа. Въ этой славной борьбѣ болѣе всѣхъ прославился второй изъ владыкъ Исаврійскаго дома, ревностнѣйшій изо всѣхъ гонителей иконъ, человѣкъ свирѣпый и развратный, но государь, заслуживающій почетное мѣсто въ исторіи, Константинъ Копронимъ. Его развратный нравъ подалъ поводъ къ сомнѣнію о томъ, сочувствовалъ ли онъ дѣйствительно съ ученіемъ религіознымъ, которое поддерживалъ, и не былъ ли онъ гонителемъ иконопоклонниковъ и духовенства изъ одного властолюбія. Вопросъ не разрѣшимъ. Очевидно зависть власти свѣтской противъ независимости церковной въ смыслѣ ученія и противъ огромнаго вліянія духовенства участвовала въ гоненіяхъ Копронима и его преемниковъ; очевидно, во всемъ движеніи иконоборства выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять

*) Говорится лишь о формальныхъ послѣдствіяхъ. *Изд.*

Digitized by Google

мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви; но, не смотря на политическія побужденія, дѣйствовавшія въ Копронимѣ, не смотря на грубое безстыдство его разврата, нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для обвиненія его въ совершенномъ равнодушіи къ вопросу церковнаго вѣрованія. Многосторонность души человѣческой выражается въ порокахъ также какъ и въ добродѣтели, и часто ревностнѣйшіе поборники или ревнители религіозныхъ реформъ предавались грубой чувственности, какъ будто уже удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ христіанства своею дѣятельностію на поприщѣ догматики и церковнаго устройства. Таковъ, можетъ быть, былъ и Копронимъ, человѣкъ сильный духомъ, волею и разумомъ, которому бы трудно было не имѣть совершенно никакаго сочувствія съ вопросами, волновавшими Византійскій міръ. Какъ бы то ни было, Константинъ Копронимъ былъ безъ сомнѣнія достойнымъ преемникомъ прежнихъ великихъ государей, распространявшихъ Имперію и налагавшихъ ея желѣзное иго народамъ иноплеменнымъ. Его царствованіе было безконечною борьбою, его походы—рядомъ побѣдъ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ Аравитянъ, онъ нанесъ ихъ власти тяжелые удары въ Азіи и, возвративъ Имперіи нѣсколько областей, поставилъ на ихъ границу, какъ воинственную стражу, вѣрную Имперіи и впослѣдствіи долго останавливавшую напоръ мусульманъ колонію изъ двухъ сотъ тысячъ Славянъ, согласившихся на переселеніе изъ Европы въ благодатныя долины Сиріи.

Исторія говоритъ весьма мало объ этой колоніи. Погибла ли она въ неровной борьбѣ или, утомленная, возвратилась къ своей Европейской братьѣ, трудно опредѣлить. Самая причина переселенія (будто бы Копронимъ перевелъ побѣжденныхъ, какъ плѣнныхъ, въ Азію) очевидно вымышлена тщеславіемъ Византійцевъ. Переселеніе было безспорно слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ императоромъ; но оно не могло исполниться, и Копронимъ не могъ предвидѣть добра отъ него безъ согласія самихъ переселенцевъ, раздѣлявшихъ общее въ то время движеніе Придунайскихъ Славянъ, которые искали себѣ

Digitized by Google

новыхъ привольныхъ жилищъ. Судьба этой Славянской колоніи въ Азіи представляетъ особенную важность. Съ нею, вѣроятно, связано религіозное движеніе, отозвавшееся въ послѣдствіи далеко въ Западномъ мірѣ раздорами, войнами, ужасами первой инквизиціи и еще бо̀льшими ужасами крестовыхъ походовъ. Болгарія, страна, изъ которой вышли Богомилы, родоначальники Патареновъ, Катаровъ и Альбигойцевъ, была та самая страна, изъ которой Копроними выселилъ колонію въ Азію. Границы Сиріи, куда она была переселена, были областью, въ которой долго гнѣздились Манихеи-Павликіяне, воинственные враги Аравитянъ и непокорные слуги Имперіи. Не очевидно ли, что эти обстоятельства поясняютъ другъ друга и что выселенцы Славянскіе, завлеченные въ манихейство своими Сирійскими сосѣдями, передали это ученіе своимъ Европейскимъ братьямъ или посредствомъ миссіонеровъ, или незамѣтнымъ возвращеніемъ на свою родину Прибалканскую, или во время обратнаго ихъ переселенія во Ѳракію при Василіи. Таково самое вѣроятное объясненіе начала секты Богомильской или Патаренской, легко связавшейся съ остатками прежнихъ Манихеевъ въ Италіи, долго первенствовавшей и, можетъ быть, еще не совсѣмъ исчезнувшей въ Боснійской области, и отзывающейся донынѣ въ Россіи въ общинѣ Духоборцевъ или въ общинахъ связанныхъ съ ними. (Не должно забывать, что Манихеи, Патарены, Катары и др. называли себя по преимуществу людьми духовными, а это собственно значеніе слова Духоборцы).

Тѣмъ славнѣе были успѣхи или, по крайней мѣрѣ, подвиги императоровъ-иконоборцевъ и особенно Константина противъ могучихъ Аравитянъ, что въ тоже время на Имперію напирали другіе враги не менѣе сильные по числу своему и мужеству, но къ счастію еще не соединенные между собою тѣсными узами политическаго единства или единствомъ мысли религіозной.

Переселеніе Болгаръ.—Хазары.

Авары, нѣкогда двигатели и угнетатели Славянскаго міра, погибли. Возставшіе Славяне образовали отдѣльныя самобытныя общины на началахъ, которыми они жили съ давнихъ временъ, на началахъ семьи, рода и родовой общины, подчи-

Digitized by Google

ненной въ иныхъ мѣстахъ одному начальнику, главѣ родовыхъ общинъ, въ другихъ мѣстахъ совершенно свободной и правимой родовымъ вѣчемъ. Но приливъ съ Сѣвера-Востока еще не прекращался: безпрестанно приходили оттуда новыя колѣна, требующія новыхъ жилищъ и подвигающія старожиловъ далѣе на Югъ. Но и это движеніе не было стремленіемъ народа завоевательнаго: оно было простымъ слѣдствіемъ неудержимаго напора съ Востока, напора кочевыхъ дикарей изъ внутренней Азіи, слѣдствіемъ бурь поднятыхъ Сянъ-бійцами и Гіонг-ну, перемѣщеніемъ Уйгурскаго союза и особенно расширеніемъ Китая при великихъ государяхъ династіи Тіангъ. Поднятые Аварцами и раздвинувшіе свои предѣлы далеко на Югъ и отчасти на Западъ, Славяне стали успокоиваться. Новое сильное переселеніе взволновало ихъ и потрясло Византію. Это было переселеніе Болгаръ, послѣднее изо всѣхъ Славянскихъ переселеній, послѣдній приливъ изъ Азіи древняго восточно-Иранскаго племени, тѣснимаго и придавленнаго средне-Азійскими ордами. Налетъ Гунновъ (сѣверо-восточнаго Приволжскаго казачества) освободилъ міръ Славянскій отъ его Германскихъ насильниковъ и отбросилъ ихъ, какъ извѣстно, далеко на Западъ, гдѣ они сокрушили Римскую имперію и образовали новую западную Европу. По совершеніи подвига исчезла сила, совершившая его: имя Гунновъ пропало. Остатки племени, перемѣнившаго судьбу міра, удалились на Востокъ въ свою родину, въ землю, неизвѣстную ни одному географу, Гуниваръ.

Очевидно, просто земля или союзъ Гунновъ, также какъ и по Индійскимъ памятникамъ земля Гунновъ есть Гуна-вара, отъ корня *вѣра* въ смыслѣ союзъ или *варять* (тоже, что Латинское *morari*, варять, предварять и т. д.).

Родина Гунновъ и ихъ великій городъ Гунабъ (о которомъ гремѣла такая слава у западныхъ лѣтописцевъ) являются подъ иными именами, взятыми уже отъ имени великой рѣки, которая отъ глубочайшей древности до нашего времени была главнымъ торговымъ путемъ всего Сѣвера, отъ *Волги* или *Болги*. Съ ея береговъ продолжается къ Юго-западу тихое пересе-

Digitized by Google

леніе (продолженіе Гунскихъ походовъ), и вскорѣ толпы Болгаръ собираются на Дунаѣ, грозя Византіи и ея областямъ. Византійцы дали отпоръ, а вскорѣ воинственные Авары, превосходствомъ своего чисто-дружиннаго устройства, подавили на время Славянскую самобытность, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ жизни политической. Недолговѣчна была Аварская держава. Отдѣльныя общины Славянскія возставали противъ нея съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ и окончательно сокрушили ее (ибо походы Карловинговъ были уже направлены на царство совершенно безсильное и утратившее даже свою военную значительность). Изъ первыхъ возстаній противъ Аваровъ особенно замѣчательно возстаніе Болгаръ, поселившихся на Югѣ отъ Дуная: оно показываетъ отношеніе Славянскихъ народовъ къ Аварамъ, очевидно отношеніе союзниковъ, мѣстами угнетенныхъ, но не подданныхъ и не рабовъ; ибо Болгары вооружились не для сверженія ига, а для утвержденія за собою права быть старшими въ союзѣ и назначать общаго начальника всѣмъ союзникамъ, не исключая и Аваровъ. Попытка Болгаръ была неудачна, но она показываетъ уже силу ихъ; побѣжденные, они погибли или бѣжали въ разныя стороны; многіе, спасшіеся на землю Баварскую, тогда покорную Франкамъ, были приняты съ притворнымъ радушіемъ и потомъ уничтожены вѣроломствомъ Нѣмцевъ.

Это возстаніе Болгаръ, о которомъ упоминаютъ почти всѣ историки, осталось до сихъ поръ незамѣченнымъ историческою критикою, а между тѣмъ оно вполнѣ разрѣшаетъ споръ, которому давно уже не слѣдовало быть споромъ. Оно относится къ началу VII-го вѣка, слѣдовательно къ такому скорому времени послѣ перваго переселенія, что самому легковѣрному легковѣрію еще нельзя предполагать перерожденія народа; при этомъ оно представляетъ намъ Болгаръ еще не первенствующими въ союзѣ и не грозными завоевателями, которыхъ имя могло бы быть по ошибкѣ перенесено на побѣжденные или подчиненные народы. И такъ Болгары этаго возстанія суть и безспорно Болгары, и безспорно еще не переродившіеся Болгары.

Digitized by Google

Какая же была причина ихъ гибели? «Баварцы, говорятъ лѣтописи, принимая Болгаръ по языку, обычаямъ и наружности за Славянъ» (а кажется Баварцамъ трудно было не знать Славянъ, но тутъ подразумѣвается за тѣхъ Славянъ, съ которыми они издавна привыкли сражаться), «представили королю Франкскому опасность, которая могла послѣдовать изъ поселенія враговъ на землѣ Франкской и испросили позволенія ихъ перерѣзать», что и было исполнено во вкусѣ Сицилійскомъ. Трудно повѣрить, чтобы критика, еще сомнѣвающаяся въ славянствѣ Болгаръ, читала лѣтописи; а еще труднѣе повѣрить, чтобы при столькихъ доказательствахъ могла еще такъ долго держаться упорная вѣра въ слова, когда-то сказанныя какимъ-то (положимъ и почетнымъ) ученымъ. Должно еще замѣтить, что при вторичномъ движеніи Болгаръ на Юго-западъ отдѣлилось отъ нихъ значительное ополченіе подъ предводительствомъ *Азека* (быть можетъ Слав. *Языкъ*) и двинулось въ Италію, гдѣ оно мирно было принято, мирно поселилось и мирно исчезло, слившись въ общей массѣ Германо-романскихъ туземцевъ. Похоже ли это на Финно-турецкое племя? Гдѣ же слѣды этихъ Финно-турковъ въ сѣверной Италіи? Гдѣ языкъ или остатки языка? А слѣды Славянскаго языка, жизни, народа, безконечны и всякому, кромѣ слѣпыхъ, бросаются въ глаза. Дѣло такъ ясно, что объ немъ почти совѣстно говорить.

Во время паденія Аварскаго владычества зе́мли при Карпатахъ и Дунаѣ, свободныя отъ угнетателей и слабо охраненныя имперіею Византійскою, представляли легкую добычу Славянамъ, а усиленіе Финно-турецкаго племени на Приволжьѣ пробуждало въ нихъ желаніе удалиться въ страну менѣе подверженную нападеніямъ съ Востока. Уже въ первыхъ вѣкахъ послѣ христіанства стихія средне-Азійская (по свидѣтельству Китайцевъ) вошла значительною примѣсью въ восточныя общины Славянъ. Она дала особенный характеръ союзу Гунновъ и особенную силу ихъ военной дѣятельности. Со дня на день усиливалось вліяніе этой стихіи вмѣстѣ съ приливомъ восточныхъ ордъ. Коренное начало (Славянское) слабѣло со дня на день и переходило мало-по-малу на степень подчиненности. Уйгуры, съ ихъ разными развѣтвленіями,

Digitized by Google

Онигурами (или Унигурами), Кутригурами и т. д., нѣкогда полу-невольные союзники Гунновъ, становились все болѣе и болѣе владычествующимъ племенемъ, старые Гунны Приволжскіе (Болгары) все болѣе и болѣе народомъ порабощеннымъ, порабощеннымъ можетъ быть безъ войны. Болгарія не мѣняла своего имени, но она измѣнила всю свою внутреннюю жизнь. Турокъ царствовалъ и называлъ себя Болгаромъ, Славянинъ рабствовалъ и называлъ себя также Болгаромъ. Сосѣди, соплеменники рабовъ, не замѣчали своей угнетенной и безъ сомнѣнія переродившейся братіи, признавая собственно народомъ только народъ правящій; но сами властители помнили свое завоеваніе и называли себя владыками Славянъ (Саклабовъ). Таковъ выводъ изъ показаній Нестора и Ибнъ-Фоцлана. Такова исторія Приволжья. Эта безконечная страна, нѣкогда главное торговое перепутье первыхъ восточно-Иранскихъ поселенцевъ въ ихъ движеніи отъ Бактріи до береговъ Океана и Галльской Вендіи, потомъ вырванная изъ ихъ рукъ западно-Иранскими Кельто-кимврами, потомъ затопленная кочевою ордою сѣверо-восточныхъ пришельцевъ, Финно-турецкихъ Сколотовъ (мнимыхъ Скиѳовъ), потомъ захваченная средне-Иранскими Аланъ-азами (Сарматами), потомъ вырванная снова изъ власти Сарматской новымъ наплывомъ восточно-Иранскихъ Гунно-славянъ, перешла окончательно около конца седьмаго вѣка по Р. Х. во власть Финно-турецкихъ Уйгуровъ и народовъ имъ соплеменныхъ, и только уже послѣ многихъ вѣковъ, послѣ многихъ бурь, послѣ утраты всѣхъ слѣдовъ славянства, возвратилась во владѣніе великой Русо-славянской семьи. Но въ седьмомъ столѣтіи еще не совсѣмъ погибла самостоятельность Славянскихъ Болгаръ на Волгѣ: они составляли отдѣльное государство, котораго широкіе предѣлы обнимали большую часть Юго-восточной Россіи. Только средняя часть Вояжскаго теченія около Камскаго устья подпала подъ власть Уйгуровъ; но напоръ и насилія иноземцевъ уже становились нестерпимыми, и власть эта, распространяясь далеко на Сѣверъ, Сѣверо-западъ и Сѣверо-востокъ, подавляя старожиловъ Финновъ и отчасти Славянъ,

Digitized by Google

давала всей области между средней Волгой, Уральскимъ хребтомъ и лѣсами, окружающими источники Двины имя земли *Уйгурской*, *Угріи*, по-славянски *Югры*. Но подъ этимъ общимъ именемъ сохранялись стародавнія, частныя имена Болгаріи Славянской, Финской Перми или Біарміи и другія, столько же древнія, но менѣе извѣстныя.

Пространство области Югорской, по большей части покрытой лѣсами и болотами и весьма мало перехваченной горами, явно показываетъ, что ея названіе происходитъ отъ Уйгуровъ завоевателей, а не отъ Славянскаго корня, Угорской земли.

Царство Хазарское.

Слабѣйшая и менѣе воинственная часть народа Болгарскаго осталась на прежнихъ жилищахъ подъ рабствомъ пришельцевъ. Вольнолюбивая и воинственная часть народа двинулась на Югъ и Юго-западъ, захватывая большую часть Придонья, берега Днѣпра и раскидываясь отдѣльными поселеніями до Дуная и Карпатовъ; но главная сила еще держалась въ привольныхъ областяхъ между Дономъ и Волгою. Нашествіе новаго непріятеля двинуло ее впередъ. Этотъ непріятель является въ исторіи подъ именемъ *Хазаръ*.

Имя *Хазаръ* слышится довольно долго въ исторіи (не менѣе трехъ вѣковъ, отъ начала седьмаго до начала десятаго). Оружіе ихъ грозило въ одно время Славянамъ Придунайскимъ и Прикарпатскимъ, и державѣ халифовъ въ долинахъ Тигра и Евфрата; мирные договоры связывали ихъ то съ Византіею (съ которою они были довольно постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ), то съ послѣдними Сассанидами въ Персіи, то съ торжествующими Аравитянами; держава ихъ обнимала всю теперешнюю южную Россію отъ устьевъ Волги до Буга и среднюю до лѣсовъ Чернигова и едва ли не до истоковъ Дона; столицы ихъ (Атель и Саркелъ) были выстроены и укрѣплены искусствомъ иноземныхъ художниковъ, Персіянъ и Византійцевъ. Княжны изъ ихъ племени сидѣли на престолѣ императоровъ, торговцы, путешественники и проповѣдники изъ раз-

Digitized by Google

ныхъ народовъ, разныхъ исповѣданій и разныхъ государствъ посѣщали ихъ область; наконецъ памятникъ ихъ умственной жизни и ихъ обширныхъ сношеній сохранился для потомства въ перепискѣ властителя Хазарскаго съ Евреями Испанскими, а критика не разрѣшила еще вопроса, къ какому именно племени принадлежалъ народъ Хазарскій. Этотъ вопросъ не будетъ никогда разрѣшенъ, покуда критика не освободится отъ дѣтскаго предразсудка, по которому государство и народъ считаются за одно и тоже всегда, когда нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ въ противномъ.

Эта ошибка, вредная для всей исторіи вообще, становится особенно важною, когда дѣло идетъ объ исторіи племени Славянскаго: отъ нея происходятъ вся темнота и запутанность изслѣдованій и постоянная разногласица между учеными.

Первая данная для опредѣленія племени Хазарскаго находится въ его имени. Къ нему относится общее правило о томъ, что сходство отдѣльнаго имени, встрѣчаемаго въ двухъ областяхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, ничего не доказываетъ, но что цѣлая купа именъ не можетъ случайно повторяться и слѣдовательно даетъ критикѣ явное указаніе на племенное тождество народовъ. Имя Хазаровъ не представляется какъ имя отдѣльное, но составляетъ часть великой купы именъ, и эта купа извѣстна въ лѣтописяхъ или поэтическихъ преданіяхъ съ отдаленнѣйшей древности гораздо прежде великой эпохи, положившей начало исторіи новаго міра. Въ воспоминаніяхъ Индустана, не смотря на разногласіе разновременныхъ сказокъ, является одна великая масса народовъ враждебныхъ Индустану, но нечуждыхъ ему по своему происхожденію, вѣчно грозящихъ ему войною и связанныхъ между собою невидимыхъ родствомъ. Имена этихъ народовъ болѣе или менѣе извѣстны изъ лѣтописей Армянскихъ, Персидскихъ и Китайскихъ, но нигдѣ не встрѣчаются они во всей полнотѣ своей группировки, кромѣ Индустана. Это *великіе Венды* (Мага-Ванада), *Анты* (Андгру), *Гунны* (Гуна), *Геты и Саки* (Сака) и *Хазары* (Кхаса). Изъ нихъ многіе, именно Венды великіе, Ан-

Digitized by Google

ты и Саки (или Даки) покрыли своими безконечными колоніями всю пустыню средней Европы еще до переселенія Кельтовъ и братьевъ ихъ Кумріевъ и до вторженія Германцевъ. Они принадлежали безспорно Иранскому племени, составляя его восточный (Славянскій) отдѣлъ. Гунны явились позднѣе; но Персія издавна знала ихъ тождество съ Саками (какъ видно изъ клинообразныхъ надписей), и ихъ первыя колоніи въ Европѣ вѣроятно скрываются подъ именемъ *Хаоновъ* и *Униловъ*, часто сопровождающихъ Вендовъ и Антовъ. Позже всѣхъ явились *Хазары*. Хазары исчезли безъ слѣда въ Европѣ; но потомки ихъ живутъ еще въ ущеліяхъ Гиммалаи, въ землѣ древнихъ Аза-вановъ (Авганистанѣ), гдѣ еще недавно они вступили въ неравную борьбу съ громами побѣдоносной Англіи. Въ потомкахъ Хазаровъ Англія узнала Иранцевъ; потомки Вендовъ, теперешніе Славяне, принадлежатъ безспорно къ тому же племени и (какъ видно изъ языкознанія) составляютъ его главную вѣтвь, самую близкую къ великому общему корню. И такъ свидѣтельство древности, выводы изъ лѣтописей и современныя намъ остатки древняго міра согласны въ своихъ показаніяхъ. Вся группа опредѣлена. Это группа народовъ Восточно-иранскихъ, за исключеніемъ Индустана: это океанъ Славянскихъ народовъ. Тѣмъ самымъ опредѣлены и *Хазары* какъ Славяне, какъ часть Славянской семьи.

Съ другой стороны это опредѣленіе опровергается выводами изъ именъ княжескихъ, изъ именъ городовъ, наконецъ изо всѣхъ скудныхъ остатковъ, по которымъ можно сколько нибудь судить объ языкѣ Хазарскомъ; и эти выводы приписываютъ Хазаръ безспорно къ племени Финно-турецкому, и вѣроятно къ одной изъ его среднихъ вѣтвей. Таково дѣйствительно рѣшеніе всѣхъ или почти всѣхъ изслѣдователей, изучившихъ вопросъ о Хазарахъ; но очевидно изслѣдователи были введены въ обманъ односторонностью взгляда и особенно неяснымъ понятіемъ о пространствѣ Славянскаго міра и объ его тѣсной связи съ Востокомъ. Отличительныя черты Хазарскаго царства замѣтны въ характерѣ его завоеваній, въ его бытѣ, въ его религіи. Оно основано и распространено оружі-

Digitized by Google

емъ, какъ и всѣ другія государства того времени, нашествіемъ племени на другое племя, имъ покоренное или сдвинутое съ мѣста; но съ другой стороны завоевательное стремленіе у Хазаръ весьма слабо и переходитъ очень скоро въ новое стремленіе къ жизни государственной и торговой. Войны ихъ имѣютъ гораздо болѣе характеръ борьбы съ сосѣдями за первенство или за спорныя области, чѣмъ характеръ набѣговъ. Бытъ градостроительный отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ Финно-турецкихъ племенъ, и желаніе укрѣплять города неприступными твердынями указываетъ на народъ полуосѣдлый, дорожащій своимъ жилищемъ, торговый и готовый къ образованной жизни. Имена городовъ (Атель-Болангіаръ) представляютъ замѣчательную двойственность. Наконецъ въ отношеніи къ религіи Хазарія представляетъ едва ли не единственный въ мірѣ примѣръ народа, принимающаго почти въ одно время три ученія совершенно различныя, христіанство, магометанство, болѣе же всего еврейство. Изъ этихъ особенностей легко можно вывесть заключеніе о томъ, что Хазары не были народомъ одностихійнымъ, но сплавомъ изъ двухъ, а можетъ быть и болѣе народныхъ стихій, соединенныхъ въ одно государство перевѣсомъ одного племени надъ другимъ. Съ одной стороны мы видимъ имя, принадлежащее Восточному Ирану или группѣ Славянской, съ другой остатки языка Финно-турецкаго, и должны слѣдовательно допустить въ Хазаріи одни и тѣже отношенія, которыя ясно выводятся изъ показаній о Болгаріи Приволжской въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ. Славянская стихія представляется какъ начало подчиненное, и Финно-турецкое какъ начало правящее и властительное. За всѣмъ тѣмъ полная подчиненность Славянской стихіи гораздо сомнительнѣе въ землѣ Хазарской, чѣмъ въ области Приволжской. Двойственность именъ, подъ которыми извѣстны Хазарскія столицы, первая, Приволжская (Атель) и вторая, степная (Саркелъ), уже замѣчательная сама по себѣ, даетъ выводъ весьма ясный. Второе имя Ателя, *Болангіаръ* довольно сомнительнаго происхожденія, и на немъ трудно основать какую бы то ни было догадку. Оно легко можетъ быть искаженное повтореніе слова *Болгаръ* (т. е.

Digitized by Google

города Приволжскаго), извѣстнаго какъ названіе столицы сѣвернаго Приволжья; точно также оно можетъ содержать въ себѣ корень *бѣлый*, повторенный въ словѣ *Бѣловѣжа* и безпрестанно повторяемый въ именахъ Славянскихъ городовъ. Какъ бы то ни было, второе имя города Саркелъ (*Бѣловѣжа*), уже безспорно Славянское и понятное всякому Славянину, вполнѣ соотвѣтствуетъ общему названію Бѣлгорода. Его нельзя считать простымъ переводомъ настоящаго Финскаго имени. У Славянъ не было обычая переводить имена городовъ или народовъ сосѣднихъ; по крайней мѣрѣ такому обычаю нѣтъ примѣра ни въ живой Русской рѣчи, ни въ лѣтописяхъ. *Царьградъ* есть не переводъ, а прозвище.

Самое же слово *Бѣловѣжа* извѣстно не однимъ Русскимъ, но и иноземцамъ. Очевидно, оно было истинное имя города, принадлежащее ему столько же, сколько и *Саркелъ*, имя, подъ которымъ самъ народъ (т. е. его Славянская, истинно-Хазарская часть) зналъ свою столицу, такъ же какъ другая, Финно-турецкая (вѣроятна Уйгурская) знала ее подъ названіемъ *Саркелъ*. Точно такое же заключеніе можно вывесть и изъ многовѣрія Хазаровъ. Конечно намъ неизвѣстна ни одна Славянская семья, принявшая въ одно время разныя религіи, но сказанія о избраніи вѣры Владимиромъ Русскимъ и Богорисомъ Болгарскимъ, болѣе или менѣе повторяемыя въ другихъ Славянскихъ земляхъ, указываютъ на возможность такаго явленія у Славянъ; они показываютъ высокую идею терпимости и понятія о правѣ каждаго лица на отыскиванье истины религіозной и на пріобрѣтеніе вѣры по крайнему разумѣнію. Эта черта не встрѣчается ни у кого кромѣ Славянъ, по крайней мѣрѣ она ни у кого не перешла въ народное преданіе. Во всякомъ случаѣ сводъ всѣхъ обстоятельствъ приводитъ къ одному положительному выводу: о Славянской подпочвѣ народа Хазарскаго, сплоченнаго въ одно цѣлое властительною примѣсью Финно-турецкихъ пришельцевъ, подчинившихъ себѣ древнюю восточно-Иранскую (Славянскую) семью, но принявшихъ имя и вещественныя силы отъ подчиненныхъ.

Побѣда Хазаръ на Дону двинула Болгаръ на Юго-западъ,

Digitized by Google

а Хазары-побѣдители наложили иго или дань на всѣ окрестные народы далеко вверхъ по теченію Волги, по Дону и Днѣпру, процвѣтая торговлею и силою, не чуждаясь просвѣщенія, но и не принимая въ себя никакихъ живыхъ началъ, упрочивающихъ государственный бытъ. Побѣжденные Болгары придвинулись къ Карпатамъ и къ Дунаю, бросая отдѣльныя дружины еще далѣе во внутрь Панноніи и даже въ Италію. Скоро погибло въ борьбѣ съ ними уже ослабшее царство Аварское, не выдержавшее почти единовременнаго напора съ Запада отъ Франковъ и съ Востока отъ Славянъ Болгарскихъ; скоро другія слабѣйшія общины Славянскія (напр. Сѣверяне Придунайскіе) были принуждены либо удалиться, либо слиться съ побѣдителями; скоро наконецъ Византія стала трепетать своихъ новыхъ сосѣдей. Сильнѣе и сильнѣе росло царство Болгарское по обоимъ берегамъ Дуная отъ границъ Хазарскихъ до твердыни Гемскихъ (Балканскихъ) горъ. Прежнія имена Мизіи и Дакіи и пр. исчезли. Явилось новое имя Болгаріи и утвердилось навсегда.

Новая Болгарія была названа Черною. Трудно опредѣлить причину такого произвища, которое впрочемъ столько же принадлежитъ обычаямъ Славянскимъ (напр. Бѣлоруссія, Черная Русь и т. д.), сколько же и обычаямъ Турецкимъ (напр. Черные Клобуки и Бѣлые и множество другихъ подобныхъ названій); но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на это обстоятельство. По свидѣтельству лѣтописей и по всѣмъ вѣроятностямъ прежнее Приволжское жилище Болгаръ называлось и должно было называться Великою или Бѣлою Болгаріею. Во-первыхъ, тождество бѣлаго и великаго вообще ясно у Славянъ; оно основано на ихъ первоначальныхъ идеяхъ религіозныхъ, и можетъ быть даже на коренномъ тождествѣ словъ *бѣлый* и *велій;* оно отражается даже и на противоположныя слова *черный* и *малый*, которыхъ значеніе опять тождественно (напр. люди малые и люди черные). Такимъ образомъ въ имени *Болгаріи Черной* мы получаемъ прямой смыслъ *Малой Болгаріи*, названной такимъ образомъ вѣроятно по сравненію съ прежнею, почти безграничною областью Приволжскою. Во-вторыхъ, вѣроятно въ этомъ же про-

Digitized by Google

звищѣ находится объясненіе двухъ другихъ географическихъ названій, до сихъ поръ необъясненныхъ: имени *Саклабовъ*, подъ которымъ извѣстны Аравитянамъ *Славяне* Приволжскіе, и *Лебедіи* или *Лебедяни*, подъ которыми является земля между среднею Волгою и верхнимъ Дунаемъ. Предположеніе, будто Аравитяне назвали Славянъ Саклабами потому, что неудобно произносили слогъ *сла*, довольно произвольно; кажется, имъ также легко было сказать *Салавы*. Извѣстно, что въ древности имя *Саковъ* слышится на Востокѣ, и тогда окончаніе *лабъ* обращается въ вѣроятное произвище. Этому прилагательному соотвѣтствуетъ, съ измѣненіемъ гласной, имя стороны между Волгою и Дономъ *Лебедянь* (до сихъ поръ сохранившееся, можетъ быть, въ названіи Придонскаго города). Здравая филологія позволяетъ догадку сводящую эти оба слова съ произвищемъ Болгаріи *бѣлой*. Тутъ видна только таже перестановка, какъ и въ словѣ *Лебедь*, происходящемъ, по всей вѣроятности, отъ *беледь*, какъ *бакалдина* отъ *калдобина*, *ведмедь* отъ *медвѣдь*, *ладонь* отъ *долонь* (длань) и т. д. Понятно тогда, что имя *Саковъ бѣлыхъ* (*бѣлыхъ Болгаръ* — Саклабовъ), перваго Славянскаго народа, узнаннаго Аравитянами, сдѣлалось для нихъ общимъ именемъ Славянъ, особенно при сходствѣ звуковъ *Саклабъ* и *Славянинъ*. Въ прозвищѣ *бѣлый*, можетъ быть, также скрывается и причина искаженія имени *Болгаръ* у народовъ восточныхъ, которые называютъ ихъ *Белирами*, словомъ довольно далекимъ отъ слова *Болгаръ*.

Царство Болгарское на Дунаѣ.

Побѣды Болгаръ и преимущество ихъ передъ другими Славянскими семьями въ основаніи государства зависѣли отъ примѣси чуждаго начала, соединившаго ихъ въ твердую дружину и сосредоточившаго ихъ силы какъ для завоеваній, такъ и для устроенія государственнаго порядка. Это чуждое начало было безспорно то самое, которое уже проявилось въ Гуннахъ (тѣхъ же Болгарахъ) и которое извѣстно изъ свидѣтельствъ Китайскихъ лѣтописей, начало Средне-азійское. Въ племени Болгарскомъ примѣсь не имѣла того значенія, что у Хазаровъ; она не ввела въ народъ новую народную, властительную стихію, но она измѣнила быть общинный, подчинивъ

Digitized by Google

свободную родовую или естественную общину новому условному или военному строю. Такое измѣненіе объясняется легко самымъ положеніемъ Гунно-Болгаръ на границѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ Финно-турецкихъ и необходимымъ перевѣсомъ казачества надъ общиною. Точно также объясняется и то обстоятельство, что всѣ слѣды не-Славянскаго начала встрѣчаются въ высшемъ, правительственномъ кругѣ, въ названіи должностей, въ имени князей и т. д., ибо стихія военная или дружинная должна по превосходству своихъ вещественныхъ силъ захватывать власть и начальство въ мирной общинѣ, неосторожно довѣрившей ей свою безопасность. Понятна ошибка критиковъ, принявшихъ Гунновъ и ихъ потомковъ Болгаръ за племя Турецкое: она оправдывается нѣкоторыми показаніями древнихъ писателей, обращавшихъ свое вниманіе единственно на высшее или военное сословіе, въ которомъ преобладала Средне-азійская стихія, а еще болѣе изъ младенческаго состоянія исторической науки, въ то время когда ошибка эта вкралась въ исторію. Упрямство позднѣйшихъ писателей было необходимымъ послѣдствіемъ суевѣрной покорности ученой Германіи ученымъ авторитетамъ, силы преданія, робости многихъ ученыхъ, а отчасти и вражды просвѣщеннѣйшаго изо всѣхъ народовъ Европы къ сильнѣйшему изо всѣхъ Европейскихъ племенъ, у котораго онъ не можетъ отнять современнаго могущества и отнялъ бы охотно по крайней мѣрѣ все его историческое значеніе.

Средне-азійское начало было вѣроятно сильнѣе у Болгаръ, чѣмъ у самихъ Гунновъ, не только потому, что оно крѣпло отъ времени и отъ безпрестаннаго прилива кочевыхъ народовъ, но и потому, что самые Болгары, несомнѣнные потомки Гунновъ (какъ видно изъ тождества городовъ Болгаръ и Хунабъ и изъ самаго сознанія Болгаръ, называющихъ *гунками* могилы своихъ предковъ), составляя только часть и именно восточную или Волжскую часть великаго Гунскаго союза.

Отъ того самаго и Германцы не давали никогда названія Болгаріи всей Славянской области, между тѣмъ какъ они весьма часто называли

Digitized by Google

ее всю Гунеплайдъ и даже приморскихъ Славянъ, съ которыми сражались на Балтійскихъ водахъ — *Гунами*.

За всѣмъ тѣмъ чуждая примѣсь была незначительна у самихъ Болгаръ. Въ этомъ свидѣтельствуютъ чистота ихъ нарѣчія, вполнѣ Славянскій бытъ и отсутствіе всѣхъ преданій, повѣрій или памятниковъ, которые бы могли быть отнесены къ Турецкому началу. Она исчезла мало-по-малу при крѣпчаніи жизни народной, отдѣленной огромнымъ пространствомъ отъ Средне-азійскаго центра, при увеличивающемся просвѣщеніи и при неизбѣжномъ превосходствѣ того племени, которое болѣе способно было къ принятію просвѣщенія; наконецъ, она исчезла совершенно тогда, когда прекратилась или погибла династія первыхъ дружиноначальниковъ, и на ея мѣсто стали цари, избранные уже изъ окрѣпшаго народа, цари чисто-Славянской крови и съ Славянскими именами (напр. *Телецъ*, *Громъ* и пр.).

Изъ нихъ только одинъ является опять будто бы не съ Славянскимъ именемъ, но имя это такъ различно пишется (Мортагонъ, Критогонъ, Омортагъ), что объ немъ и говорить нельзя.

Страшная поднялась гроза на Византію, когда вся сила Болгаръ нахлынула на берега Дуная. Славянскія общины, успокоившіяся на привольныхъ равнинахъ древней Мизіи и Дакіи, пришли въ новое волненіе. Повинуясь волею или неволею силѣ сѣвернаго потока, онѣ двинулись на Югъ. Вся древняя Эллада покрылась сѣтью переселеній Славянскихъ; ни горы, ни крѣпости, ни слабыя ополченія опустѣвшихъ Эллинскихъ областей, ничто не могло остановить движеніе безчисленныхъ общинъ, временно обращенныхъ въ мелкія дружины, завоевывающія мечемъ мѣсто для мирнаго плуга. Македонія, Ѳессалія, древняя Беотія обратились въ земли Славянскія; далекій Пелопонесъ принялъ новое Славанское имя Мореи. Съ тяжелою скорбію увидѣли Греки свою славную родину въ рукахъ иноземцевъ, христіанскую землю въ рукахъ язычниковъ. Таковы слова и чувства лѣтописцевъ: они не предвидѣли, что эта новая народная стихія сживется съ древнею, приметъ отъ

Digitized by Google

ней вмѣстѣ съ языкомъ жизнь мысли и просвѣщенія и что потомки Славянъ-завоевателей, забывъ своихъ предковъ по крови, будутъ гордиться новыми предками по духу и возвратятъ свободу Элладѣ послѣ долгихъ бурь, тяжкихъ страданій и тяжкаго рабства.

Полная колонизація всей Эллады съ Сѣвера, начавшаяся съ пятаго вѣка по Р. Х. и совершившаяся около временъ нашествія Болгаръ на Дунайскую область, такъ ясно доказана свидѣтельствами современными, что ученая Германія должна была по неволѣ ее признать за фактъ неопровержимый; и въ этомъ случаѣ особенно выражается способность, принадлежащая единственно Славянамъ, отрекаться отъ своей народной личности и даже отъ своего языка при встрѣчѣ съ высшимъ просвѣщеніемъ. Упорные и несокрушимые передъ насиліемъ, они всѣмъ существомъ готовы покориться высшей мысли. Скорая и полная эллинизація Славянъ-побѣдителей свидѣтельствуетъ и объ ихъ безкопечной воспріимчивости и безконечной силѣ Эллинской стихіи. Впрочемъ нашествіе Славянъ на Элладу показываетъ въ нихъ тоже стремленіе, которое видно и во всѣхъ ихъ переселеніяхъ и которымъ они рѣзко отличаются отъ Германцевъ. Они просятъ земли; Нѣмцы ищутъ рабовъ. Колонизація Англіи Саксами и въ этомъ отношеніи сближается болѣе съ явленіями Славянскаго, чѣмъ Германскаго міра и приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, которыя выведены изъ религіи и языка Англосаксовъ.

Славяне заняли новую область не безъ боя. Старожили не охотно уступали пришельцамъ свою полупустынную землю. Были мѣстами жестокія сраженія, кровопролитія, истребленіе селъ и городовъ; но не было рѣшительной и постоянной войны. Пришельцы, не имѣя своего собственнаго государственнаго быта, подчинялись охотно государственному быту Имперіи и покорялись ея законамъ. Мудрые правители Исаврійскаго дома очевидно были рады новымъ и мужественнымъ подданнымъ; они въ ихъ силѣ видѣли будущую опору Имперіи и не ошиблись. Они не думали выгонять ихъ изъ предѣловъ государства (чувствуя вѣроятно невозможность такаго предпріятія), но признавали законность самовольныхъ пріобрѣтеній,

Digitized by Google

подчиняя только новыхъ владѣльцевъ условіямъ жизни государственной и наказывая силою меча излишнее своевольство или буйство ихъ дружинъ или неуспокоившихся общинъ. Таково безъ сомнѣнія значеніе многихъ войнъ и побѣдъ императоровъ надъ Славянами; но и этотъ подвигъ былъ не безтруденъ, и силы Имперіи, едва достаточныя для охраненія сѣверной и особенно восточной границы, истощались въ борьбѣ почти междоусобной. Труды Исаврійцевъ увѣнчались успѣхомъ, и безпрерывныя побѣды Копронима возвратили внутреннее спокойствіе государству. Славяне, побѣжденные и въ тоже время расчетливо принятые въ составъ Имперіи, оживили ея опустѣвшія области трудами мирныхъ поселенцевъ, пополнили ея слабыя ополченія мужественными воинами и стали на ея границахъ твердымъ оплотомъ отъ иноземныхъ завоеваній.

Еще труднѣе была борьба съ Болгарами. Ихъ многочисленныя дружины уже соединились въ государственное цѣлое и не могли подчиниться новымъ законамъ и чуждому устройству. Они не только похищали Придунайскія области у Имперіи, но грозили всѣмъ ея остальнымъ областямъ, ея столицѣ и ея существованію. Вѣковая война загорѣлась почти у стѣнъ Царьграда, война жестокая, на жизнь и смерть, поддержанная съ равнымъ упорствомъ обоими враждующими народами, ознаменованная многими великими подвигами, обезчещенная многими примѣрами дикой свирѣпости, но не безславная ни для Болгаръ, у которыхъ явились цари заслужившіе имя въ исторіи, какъ Громъ *), Симеонъ, Самуилъ и др., ни для Имперіи, спасенной могучею рукою Исаврійцевъ, Льва Армянина, Славянина Василія (извѣстнаго подъ именемъ Македонянина) и Василія II-го. На этомъ поприщѣ, также какъ и вездѣ, явился со славою воинственный Копронимъ и почти первый изъ Византійскихъ владыкъ нанесъ тяжелые удары новому Славянскому царству. На морѣ и на сушѣ побѣдилъ онъ сѣверныхъ враговъ и наложилъ на нихъ даже временную дань; но они снова распространили власть свою при его преемникахъ, осаждали Царьградъ, владѣли всей Македоніей, часто побѣжденные всегда возставали снова и, погибнувъ наконецъ уже не задолго прежде

*) Крумъ. *Изд.*

Digitized by Google

паденія самой Византіи, сохранили, если не какъ государство, то по крайней мѣрѣ какъ самостоятельное племя, предназначенное на будущую историческую жизнь, область Мизійскую, искони Славянскую, изъ которой прежніе жители удалялись на Югъ въ продолженіе седьмаго вѣка и, заселивъ Элладу, положили въ ней корень ея новаго, намъ современнаго населенія.

Добросовѣстное изученіе всѣхъ фактовъ нашествія Болгаръ опровергаетъ вполнѣ весь разсказъ о бѣгствѣ Славянъ передъ ними на Сѣверъ, разсказъ, основанный или на двойной формѣ словъ Болгаръ и Волохъ (въ обоихъ случаяхъ отъ Волги) или на перенесеніи имени Волоховъ Придунайскихъ (племени Романскаго или Гало-римскаго) на завоевателей ихъ Болгаръ. Въ обоихъ случаяхъ преданія о Волохахъ, угнетателяхъ Славянъ Придунайскихъ во время нашествія Кельтскаго и позже при Траянѣ, перешли вмѣстѣ съ именемъ на Болгаръ. Выводъ апріорный изъ направленія Болгарскаго прилива указываетъ ясно на то, что, удаляясь отъ пришельцевъ, жители Дунайскихъ береговъ (Сѣверяне и другія Славянскія семьи) должны были двинуться къ Югу. Тотъ же самый выводъ подтверждается неопровержимо a posteriori сличеніемъ времени Болгарскаго нашествія, переселенія многихъ Славянскихъ семей (между прочимъ Сербовъ) въ Македонію и заселенія Славянами всей Эллады даже до южной оконечности Пелопонеса. Наконецъ, самый разсказъ о бѣгствѣ Славянъ на Сѣверъ очевидно, по отсутствію всѣхъ подробностей, относится къ эпохѣ весьма древней; а сильное нашествіе Болгаръ предшествуетъ началу Руси не болѣе какъ двумя вѣками. Ошибка такъ ясна, что она почти не требуетъ возраженій. Сверхъ того должно замѣтить, что между тѣмъ какъ на Югѣ видно огромное движеніе народовъ въ эпоху Болгарскую, на Сѣверѣ всѣ племена остаются на своихъ мѣстахъ и не представляютъ никакихъ признаковъ волненія, неизбѣжнаго при сильномъ приливѣ съ Юга. Такъ напр. земли уже извѣстныя Геродоту подъ именемъ польной и лѣсной, населенныя Полянами и Древлянами во время Готѳовъ, находятся и послѣ того въ рукахъ старожиловъ Полянъ и Древлянъ. Сѣверяне (Сабиры) все-таки живутъ, какъ и прежде, между среднимъ Дономъ и Днѣпромъ, Радимичи на своихъ старыхъ жилищахъ. Сѣверъ неподвиженъ со

Digitized by Google

времени Іорнанда и т. д. Вообще самый напоръ Болгарскій не представлялъ характера завоевательнаго, но дѣйствовалъ какъ толчокъ на Придунайскихъ Славянъ и подвинулъ ихъ по тому самому направленію, по которому они уже давно стремились при Аварахъ и еще прежде, все далѣе и далѣе на Югъ. Собственно войны и завоеванія не было, еще менѣе было порабощенія, котораго и слѣда нѣтъ. За всѣмъ тѣмъ были мѣстами столкновенія враждебныя, и потому что успокоившіяся общины не желали новаго переселенія, и потому что Византійцы очевидно уговаривали ихъ не уступать земли своей новымъ пришельцамъ, болѣе опаснымъ для Имперіи. Такъ объясняется война Болгаръ съ Сѣверянами (Себерены) Придунайскими и гибель этихъ Сѣверянъ, которыхъ остатки вѣроятно переселились съ другими глубже въ область Византійскую. Самое имя Сѣверянъ, слышное въ одно время на Дунаѣ и на Придоньѣ, показываетъ, что Дунайскіе Сѣверяне были ничто иное какъ выселокъ Сѣверянъ Придонскаго и Приднѣпровскаго центра, о которомъ упоминается во время до-Болгарскаго движенія народовъ. Имя же Сѣверянъ соединяется въ разсказахъ объ ихъ пораженіи на берегахъ Дона съ другимъ весьма важнымъ именемъ, съ именемъ Эфталитовъ, такъ долго гремѣвшимъ на Востокѣ, гдѣ они налагали иго свое на Персію, и потомъ на сѣверныхъ пригорьяхъ Кавказа, откуда они прорывались въ Грузію и Арменію. Тутъ опять видно торжество всей великой Славянской семьи, переносящей имена своихъ вѣтвей съ Востока на Западъ. Нельзя даже не предположить не только сродства, но почти тождества Сѣверянъ и Эфталитовъ (вѣроятно составлявшихъ только двѣ вѣтви одной семьи) не только потому, что имена ихъ соединены въ разсказахъ о пораженіи на Донскихъ берегахъ, но и потому, что мы встрѣчаемъ тѣхъ же Сѣверянъ (*Сабиры*) на сѣверномъ скатѣ Кавказа, вскорѣ послѣ разсказовъ о Прикавказскихъ Эфталитахъ. Впрочемъ не должно, кажется, смѣшивать этихъ Сабировъ *(Сѣверянъ)* Придонскихъ и братьевъ ихъ около Кавказа и Каспія съ тѣми Сабирами, о которыхъ прошли въ старинѣ темные слухи, какъ объ народѣ подвинувшемъ всѣ племена Уйгуровъ съ Востока на Западъ. Вѣроятно тогда молва шла о дальнихъ завоевательныхъ Тунгузахъ Сянбійцахъ (которыхъ имя должно было перейти въ *Сабиръ*, какъ *Киза* въ *Хазаръ*, *Тато* или *Татанъ* въ *Татаръ*, *Манчжу* въ

Digitized by Google

Манджуръ и т. д.), и случайное сходство именъ съ великими завоевателями сѣвернаго Китая и средней Азіи дало небольшому племени Славянъ лишнюю историческую славу.

Аббасиды.

Напоръ Славянъ и особенно Болгаръ спасъ, можетъ быть, халифатъ, или отнялъ по крайней мѣрѣ у Византіи возможность воспользоваться раздорами мусульманскихъ народовъ для возвратнаго завоеванія всей Сиріи и Палестины. Вскорѣ послѣ этихъ раздоровъ новый рядъ великихъ властителей, Аббасидовъ, заступилъ мѣсто одряхлѣвшей династіи Омміядовъ и возвратилъ утраченную славу престолу халифовъ. Пріобрѣтенія Исаврійцевъ въ Азіи были снова отняты Аравитянами, Имперія стѣснена, многія области и острова, до тѣхъ поръ принадлежавшіе ей, покорены халифами, Царьградъ осажденъ. Но это возрожденіе халифата продолжалось недолго, и Имперія устояла; въ самомъ магометанскомъ мірѣ стали развиваться сильнѣе и сильнѣе начала раздора. Религіозныя секты, неизбѣжныя послѣдствія всякаго ученія, которое стремится обнять собою весь духовный міръ человѣка, а не довольствуется, подобно Эллино-римскому идолопоклонству, требованіемъ внѣшней покорности, разрывали внутреннее единство ислама, распадаясь на два главные отдѣла, изъ которыхъ одинъ строго придерживался буквы и формы закона, а другой искалъ въ немъ только кореннаго и духовнаго смысла, дробясь снова на множество подраздѣленій и свирѣпѣя въ упорной борьбѣ. Единство же государственное или патріархальное ислама, примиряющее разногласіе сектъ въ понятіи о халифѣ, какъ представителѣ всѣхъ людей признающихъ небесное посланіе Мухаммеда, потеряло все свое значеніе при насильственномъ паденіи дома Омміядовъ. Права ихъ преемниковъ Аббасидовъ очевидно основаны были на чисто-условномъ и произвольномъ признаніи и не носили на себѣ никакого обязательнаго характера. Испанія, самая западная и отдаленная земля въ мусульманскомъ мірѣ, признала надъ собою власть уцѣлѣвшаго остатка изъ дома Омміядовъ, мужественнаго Абдеррахмана и оторвалась отъ державы

Digitized by Google

Аббасидовъ. Вслѣдъ за нею оторвалась западная Африка и признала надъ собою владычество династіи Эдризидовъ; потомъ середина Африканскаго поморья подъ знаменемъ Аглабидовъ, потомъ Египетъ подъ династіею Тхолунидовъ, завоевателей Палестины и Сиріи. Государственный міръ ислама распадался на части. Халифатъ, утративъ нравственную власть и желая возобновить свои вещественныя силы, окружилъ себя наемниками изъ воинственныхъ племенъ Сѣверо-востока, изъ дикихъ выходцевъ средней Азіи, Тюрковъ, недавно еще побѣжденныхъ Аравитянами. Наемники скоро сдѣлались господами и проложили на Западъ и на благословенные берега Средиземнаго моря путь своимъ воинственнымъ братьямъ, которымъ суждено было измѣнить всю жизнь юго-восточной Европы. Царство Аббасидовъ клонилось къ упадку; начала просвѣщенія, ими возращенныя и лелѣянныя, гибли во внутреннихъ смутахъ, и Византія могла бы отдохнуть въ ожиданіи будущей Турецкой грозы; но сама Имперія носила уже, какъ сказано, сѣмя своей смерти въ раздвоеніи жизни христіанской и государственности Эллинской. Она не могла воспользоваться слабостью халифата и, будучи еще довольно сильною для отпора, уже была вовсе неспособна къ прочнымъ завоеваніямъ.

Обращеніе Славянъ въ христіанство.—Василій Македонянинъ.

Точно также не могла она воспользоваться и счастливыми перемѣнами въ самомъ близкомъ своемъ сосѣдствѣ. Славяне, полумирные завоеватели Эллады, подчинившись сначала ея общественнымъ законамъ, скоро покорились всѣмъ духовнымъ своимъ существомъ ея духовному превосходству и приняли вмѣстѣ съ полупросвѣщеніемъ и ученіемъ христіанскимъ глубокую и искреннюю любовь къ странѣ и къ государству, въ которомъ взяли насиліемъ право гражданства. Бывшіе враги сдѣлались вѣрными слугами и защитниками. Болѣе воинственные и вольнолюбивые Славяне-Болгары, завоевавшіе Придунайскую область послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ которой они также часто были побѣдителями, какъ и

Digitized by Google

побѣжденными, искали дружбы и мира. Къ нимъ проникло христіанство и было принято съ добросердечнымъ радушіемъ. Они, также какъ и большая часть Славянъ, не были (подобно Германцамъ и другимъ народамъ) обращены случайнымъ усердіемъ проповѣдниковъ иноземныхъ; они сами, вѣроятно побужденные глубокимъ и внутреннимъ сознаніемъ ничтожности своихъ вѣрованій, просили обращенія, просили истины высшей и отвѣчающей на всѣ вопросы ихъ души. Еще прежде вступленія ихъ въ землю Византійскую, одинъ изъ ихъ князей приходилъ въ Царьградъ и, принявъ крещеніе, возвратился на родину, гдѣ погибъ въ смутахъ. Наконецъ около половины девятаго вѣка царь Богорисъ пригласилъ къ себѣ учителей изъ Византіи и, принявъ христіанство, скоро передалъ всему народу новое свое исповѣданіе. Очевидно, одни и тѣже побужденія жили во всѣхъ семьяхъ Славянскихъ. Моравія и Русь, точно также какъ и Болгарія, хотя нѣсколько позже, призвали къ себѣ христіанство, и всѣ они одинаково обратились къ имперіи Восточной, вѣроятно потому, что многіе изъ ихъ Славянскихъ братій уже приняты были въ общину церкви Восточной и потому что только тамъ и оттуда могли они слышать проповѣдь на своемъ языкѣ; можетъ быть, и потому, что они чувствовали бо̀льшую крѣпость Восточнаго духовенства и бо̀льшую общечеловѣчность Восточныхъ обрядовъ, допускающихъ всякую народность и всякій народный языкъ. Разсказъ о Богорисѣ и его обращеніи, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣренъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, точно также какъ и разсказъ о нашемъ Владимирѣ; но важность ихъ одинаково велика, будь они основаны на событіи или на вымыслѣ народа, выражающемъ внутреннее событіе духовное. Оба носятъ одинъ и тотъ же характеръ; оба выражаютъ одну и туже мысль. Неудовлетворенная душа ищетъ высшей истины, допрашиваетъ всѣ народы и всѣ вѣрованія и рѣшается въ выборѣ не по слѣпой случайности, а по сознанію нравственнаго, разумнаго и общечеловѣческаго превосходства одпаго вѣрованія надъ другими. Народъ, обращенный такими путями, или по крайней мѣрѣ понявшій та-

Digitized by Google

кимъ образомъ свое обращеніе, былъ очевидно готовъ къ христіанству и способенъ къ быстрому развитію своего нравственнаго существа: онъ былъ способенъ къ дружескому и братскому союзу съ единовѣрцами. Къ несчастію Византія, давшая Болгаріи добрые уроки въ христіанствѣ, дала ей вредные уроки въ жизни государственной и посѣяла сѣмена зла, гибельныя для Славянъ Придунайскихъ и еще гибельнѣйшія, можетъ быть, для нея самой. Имперія Восточная была страною христіанскою, но государствомъ языческимъ: Эллинъ не оторвался отъ своего прошлаго величія, гордо глядѣлъ онъ на весь такъ называемый варварскій міръ, не признавая въ немъ правъ на равенство съ собою. Полнаго и совершеннаго братства онъ еще не понималъ. За всѣмъ тѣмъ была въ Эллинскомъ характерѣ истинно-человѣческая черта: онъ признавалъ, облагороживалъ и возвышалъ всякую народную личность. Таково было отношеніе Эллады къ Сиріи, къ Ирану, къ Египту во время ея торжества при Македонцѣ; таково было отчасти ея вліяніе на Славянъ. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ высоко развитаго поклоненія человѣческой личности у древнихъ Эллиновъ, и Византіецъ-христіанинъ охотно питалъ и развивалъ просвѣщеніе во всякомъ народѣ, но просвѣщеніе личное, а не государственное; ибо самъ, какъ христіанинъ, онъ былъ чуждъ своему государству. Государство было еще Римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу или государству. Оно не хотѣло ни союза, ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности. Слишкомъ слабое для прямаго насилія, для завоеванія вооруженною рукою, оно дѣйствовало хитростію, обманомъ, подкупомъ, прижимками въ торговлѣ и возбужденіемъ внутреннихъ междоусобій. Такъ отвергла безумная Византія дружбу народа еще свѣжаго, еще мало развращеннаго жизнію историческою и готоваго вступить въ братскій союзъ съ тою страною, откуда получилъ онъ новую жизнь духа въ ученіи христіанства; такъ разжигала она вражду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ склоннѣе были Болгары къ единенію и братству, по тому же

Digitized by Google

закону, по которому ненависть между братьями и междоусобныя войны отличаются особенною жестокостью. Оскорбительна была Эллинская гордость Византійцевъ, враждебна Римская политика Имперіи. За всѣмъ тѣмъ благодарность за просвѣщеніе и особенно за христіанство, благоговѣніе передъ умственною и художественною жизнію Греціи, вліяніе духовенства, соблазнъ усовершенствованной жизни частной и гражданской, и можетъ быть кротость, врожденная въ народѣ, дѣйствовали такъ сильно, что въ самой Болгаріи многочисленная партія готова была отступиться отъ народности и подчиниться чужой общественной жизни.

Подобный этому фактъ видѣли мы отчасти въ Россіи въ недавнюю эпоху ея борьбы съ міромъ Запада.

Но Византія переполнила мѣру народнаго терпѣнія, и Болгаре готовились къ мщенію. Бѣдствія Имперіи были удалены на время восшествіемъ на престолъ государя, соединявшаго доблести воина съ достоинствами правителя мудраго и дальновиднаго, Василія Македонянина. Родомъ Славянинъ, смолода прославленный борецъ (извѣстный особенно по искусству своему въ ударѣ подъ-ножку, что́ Греческіе лѣтописцы выражаютъ Славянскимъ словомъ *ката подрѣзанъ*), онъ явился на престолѣ вполнѣ достойнымъ своего неожиданнаго величія. По примѣру Юстиніана обратилъ онъ особое вниманіе на законодательство и пополнилъ прежнія собранія новыми постановленіями, необходимыми по перемѣнамъ, происшедшимъ въ обществѣ, менѣе запечатлѣнными прежнимъ Римскимъ характеромъ и отчасти уже обличающими почти невольное и несознанное вліяніе христіанства на гражданскую жизнь. Такимъ образомъ двое Славянъ положили послѣдній вѣнецъ въ зданіи древней юриспруденціи и воздвигли въ Византіи великолѣпнѣйшій памятникъ права, которому ни одинъ народъ не можетъ представить подобнаго.

Разумѣется, что въ этомъ мнѣніи не отвергаются нестройность многихъ пополненій Василіевыхъ и явная потребность новаго труда, сливающаго древнюю логику права съ новыми христіанскими началами;

Digitized by Google

но этого труда не совершила Византія, да и послѣ нея не совершили новые образованнѣйшіе народы.

Подобный Юстиніану по любви къ законодательству, Василій былъ выше его какъ государь. Воинственный духъ его не покорился вліянію двора и низкимъ страстямъ развращенной столицы. Самъ предводительствовалъ онъ войсками Имперіи и предводительствовалъ ими со славою. Правда, онъ не могъ спасти далекую Сицилію отъ Аравитянъ; но полководцы его отразили ихъ нападенія на Италію и нанесли имъ жестокія пораженія, а онъ самъ не только отбилъ ихъ попытки на западный берегъ Греціи, но перенесъ войну за границы Имперіи, одерживалъ блистательныя побѣды надъ ослабѣвшимъ халифатомъ въ Сиріи и на берегахъ Евфрата, разбилъ и переселилъ снова въ Европу Манихеевъ, бѣжавшихъ въ область мусульманъ и служившихъ имъ съ мужествомъ противъ Византіи, и принудилъ многихъ эмировъ Сарацинскихъ подчинить себя и свои владѣнія верховной власти Имперіи.

Переселеніе Манихеевъ - Павликіанъ во Ѳракію положило вѣроятно начало Болгарскимъ ересямъ. Въ составѣ народа, переведеннаго Василіемъ въ Европу, вѣроятно находились остатки Славянъ, переселенныхъ Копронимомъ въ Азію и потомъ легко распространившихъ это ученіе въ народахъ, съ которыми они были связаны единствомъ крови и языка.

Счастливо было царствованіе Василія. Его мудрое управленіе укрѣпило на время государство, улучшило финансы и удалило взрывъ вражды сосѣднихъ Болгаръ; его подвиги военные сохранили и отчасти распространили предѣлы Имперіи; но царствованія Василія и его злаго предшественника Михаила III-го особенно замѣчательны въ исторіи человѣчества по двумъ событіямъ, которыхъ всемірная важность опредѣлила всю жизнь послѣдующихъ вѣковъ.

Раздѣленіе церквей, разрывъ Запада съ Востокомъ.

Давно уже епископы Римскіе изъявляли притязаніе на вселенскую власть. Первенство почета имъ было вообще уступ-

Digitized by Google

лено по обширности ли ихъ епархіи (такъ какъ на всемъ Западѣ не было ни одной апостольской церкви), по уваженію ли къ городу, который давалъ сперва законы, а потомъ имя всей Имперіи, по преемству ли апостола Петра (хотя и Антіохія могла тѣмъ же похвалиться); но первенство власти не было никогда имъ предоставлено ни другими епископами, ни соборами, всегда отвергавшими ихъ притязанія на верховный судъ въ дѣлахъ правленія церковнаго или въ рѣшеніяхъ вопросовъ догматическихъ.

Такъ напр. Гонорій былъ преданъ анаѳемѣ, Либерій признанъ полуаріанцемъ за согласіе на символъ Медіоланскій, власть Рима отвергнута Мало-азійскими церквами въ назначеніи Пасхи и т. д.

Но мало-по-малу Западъ отдѣлился отъ Востока своими историческими судьбами. Византія уцѣлѣла, а Западная имперія сдѣлалась добычею Германскихъ дикарей. Борьба угнетеннаго народа съ побѣдителями и соборнаго исповѣданія съ аріанствомъ и союзъ Франковъ дали престолу Римскому новое значеніе. Первенство почета обратилось въ прямое первенство власти, не смотря на сопротивленіе многихъ просвѣщенныхъ епископовъ, сохранявшихъ преданіе и ученіе первыхъ вѣковъ о церковной свободѣ. Мнѣніе народа было въ пользу Рима; требованіе силы и независимости въ духовенствѣ указывало на необходимость отдѣльнаго и независимаго средоточія, которое не покорялось бы никакой мѣстной власти и могло бы сопротивляться злоупотребленіямъ и вещественной силѣ всякаго отдѣльнаго государства; наконецъ болѣе всего дѣйствовали преданія и духъ древняго Римскаго просвѣщенія, не развивавшаго ни личности человѣка, ни нравственнаго, ни разумнаго его существа, и заключавшагося единственно областью правомѣрной и государственной жизни. Римская государственность опредѣляла неизбѣжно характеръ церкви въ Римскомъ Западѣ, созданномъ Римскою мыслію. Единство жизни церковной на Востокѣ и Западѣ полагало предѣлы частной ошибкѣ мѣстной церкви, противопоставляя

Digitized by Google

одному мѣстному направленію другія направленія противоположныя.

Такъ, напр., Египетъ, Сирія, Эллада и Римъ во время великаго спора соборныхъ опредѣленій отвергали поочередно ученія, происходящія не изъ сущности апостольскаго преданія, но изъ мѣстныхъ толкованій, созданныхъ прежнею исторіею, прежними вѣрованіями и прежнимъ просвѣщеніемъ народовъ міра Кушитскаго, Семитическаго или Эллино-римскаго, и въ этой борьбѣ мѣстныхъ стихій сохранилась неприкосновенность и чистота преданія во всей его первобытной глубинѣ.

Но Римъ отрывался все болѣе и болѣе отъ Византіи и получалъ характеръ самобытный и опредѣленный. Бездушный императоръ Ѳока купилъ покровительство и дружбу Римскаго епископа признаніемъ его независимости и власти, и даръ ненавистнаго убійцы легъ основаніемъ новаго Римско-церковнаго права. Вскорѣ раздѣленіе, таившееся въ духѣ двухъ общинъ Западной и Восточной и проявлявшееся только въ разницѣ направленій и обрядовъ, выразилось рѣзче и опредѣленнѣе вслѣдствіе прибавленія, сдѣланнаго въ символѣ самовольнымъ толкованіемъ Испанскихъ епископовъ въ соборѣ Толедскомъ. Долго это прибавленіе было не одобрено, но только терпимо епископами Римскими, какъ частное мнѣніе, не противное ученію церковному, но и не облеченное въ значеніе вселенской истины. Наконецъ совершился великій шагъ. Римъ принялъ исповѣданіе Толедское, усвоилъ себѣ новый символъ и облекъ его всею своею властью и своею непогрѣшимостью, разрушая такимъ образомъ равенство правъ между отдѣльными общинами и значеніе единенія духа и любви, на которомъ основаны были всѣ понятія первобытной христіанской общины. Римъ опредѣлилъ себя какъ власть духовно-государственную. Западъ покорился власти, созданной его же внутреннимъ развитіемъ. Востокъ не принялъ ея и остался ей чуждымъ. Раздѣленіе становилось неизбѣжнымъ, ибо ни Римъ не могъ отступить отъ своихъ притязаній, ни Византія покориться имъ.

Digitized by Google

Слабость Восточной имперіи была главною причиною независимости престола Римскаго отъ императоровъ. Завоеваніе Италіи Лонгобардами-аріанами утвердило эту независимость, принудивъ Римскихъ епископовъ прибѣгнуть къ покровительству завоевателей Галліи. Царская династія Меровинговъ, всегдашнихъ союзниковъ папскихъ, ослабла. Папы продали право на престолъ новой и сильной династіи Карловинговъ, а Карловинги въ свою очередь спасли Римъ отъ Лонгобардовъ и освободили его окончательно отъ власти Византійской. Царство Лонгобардовъ пало. Великій Карлъ присоединилъ Италію къ своему королеству, кромѣ ея юго-западныхъ областей, которыя еще оставались въ рукахъ Византійцевъ; онъ захотѣлъ къ блеску побѣдъ своихъ прибавить блескъ титула, который казался высочайшимъ изо всѣхъ титуловъ, какъ въ глазахъ побѣжденныхъ потомковъ древнихъ гражданъ Имперіи, такъ и въ глазахъ ихъ побѣдителей, долго трепетавшихъ при имени Имперіи или служившихъ наемниками въ ея побѣдоносныхъ легіонахъ. Онъ захотѣлъ быть императоромъ, также какъ основатель Меровейской династіи захотѣлъ быть патриціемъ. Папа Левъ III-й благословилъ его охотно на имперію, понимая, что такимъ благословеніемъ возвышалось не столько лицо новаго императора, сколько папство, возсозидающее имперію и слѣдовательно содержащее въ себѣ всѣ законныя права древняго Рима. То, что предвидѣлъ Левъ, сбылось. Великій Карлъ удерживалъ сильною рукою излишнія притязанія епископа Римскаго и сохранялъ надъ нимъ всѣ права императора и верховнаго судіи; но послѣ смерти его имперія Карловинговъ ослабла и стала клониться къ паденію, а папство сохранило и расширило всѣ свои пріобрѣтенія какъ въ области духовной, такъ и въ значеніи политическомъ. Въ первой половинѣ IX-го вѣка появилось собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, на которомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ основывалъ Римскій престолъ всѣ свои права и которое было составлено если не по повелѣнію папъ, то безъ сомнѣнія въ духѣ и по внушенію ихъ политики; вскорѣ послѣ того выдумана и обнародована мнимая дарственная

Digitized by Google

запись, данная будто бы Константиномъ Великимъ епископу Римскому на городъ и область его. Папство окружало себя цѣлою тучею подложныхъ актовъ, изъ которой оно могло бросать громы на все и на всѣхъ, и Западъ по невѣжеству вѣрилъ всѣмъ подлогамъ и радовался торжеству начала, которое связано было со всѣмъ его скуднымъ просвѣщеніемъ; Востокъ же, занятый своими ежедневными тревогами, своими тяжкими страданіями внѣшними и внутренними, не зналъ про большую часть этихъ перемѣнъ, происходящихъ на Западѣ; или, зная, пренебрегалъ ими, быть можетъ, въ надеждѣ, что духъ церковнаго единенія восторжествуетъ надъ временною и мѣстною ошибкою епархіи Римской, также какъ онъ восторжествовалъ надъ ошибками другихъ мѣстныхъ церквей.

Во второй половинѣ IX-го вѣка взошелъ на Римскій престолъ человѣкъ страстный, властолюбивый, смѣлый и лукавый, не робѣющій ни передъ какимъ предпріятіемъ, не стыдящійся никакихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей (какъ видно изъ того, что онъ первый сталъ безъ стыда употреблять ложныя декреталіи, зная безъ сомнѣнія ихъ подложность). Папа Николай 1-й пожалъ плоды хитрой дѣятельности своихъ предшественниковъ. Онъ сокрушилъ и остатки сопротивленія, таившагося еще въ высшемъ духовенствѣ на Западѣ; онъ положилъ незыблемое основаніе той безмѣрной власти, которой достигли позднѣйшіе папы, и рѣшился однимъ ударомъ покорить себѣ Восточную церковь, сохранявшую до тѣхъ поръ неприкосновенность своей духовной свободы. Этотъ ударъ долженъ былъ пасть на престолъ Царяградскій, издавна соперничествовавшій съ Римомъ и уцѣлѣвшій въ гибели другихъ престоловъ, Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, захваченныхъ разливомъ мусульманской силы. Борьба была неизбѣжна и для Царьграда, и для Рима. Причины ея лежали въ разногласіи непримиримыхъ началъ; ближайшимъ поводомъ было обращеніе въ христіанство нѣсколькихъ Славянскихъ семей, а особенно Болгаръ. Богорисъ принялъ крещеніе и ученіе христіанское отъ Византіи; оттуда получилъ онъ и священниковъ, и епископовъ, и обряды, и

Digitized by Google

слово Писанія; но вражда къ ненавистнымъ сосѣдямъ и страхъ подпасть подъ политическое иго своихъ духовныхъ учителей заставили его обратиться къ Западу. Онъ просилъ новыхъ наставниковъ у церквей земель Франкскихъ и у епископа Римскаго, и скоро явились новые учители, жадные къ легкому завоеванію и готовые пожать плоды чужаго посѣва. Побѣда осталась за Римомъ, но не надолго. Въ это время произошла великая смута въ Царьградѣ. Святой патріархъ Игнатій былъ беззаконно сверженъ гнусными страстями двора, и на его мѣсто возведенъ былъ Фотій. Между ихъ приверженцами загорѣлся споръ, котораго не могла прекратить ни хитрость новаго патріарха, ни власть жестокаго императора Михаила. Епископъ Римскій былъ приглашенъ въ посредники. Онъ явился судіею; но папа Николай встрѣтилъ страшнаго соперника: Фотій былъ не менѣе его властолюбивъ и лукавъ. Онъ равнялся съ нимъ силою ума, превосходилъ его краснорѣчіемъ и далеко превосходилъ всѣхъ современниковъ своей огромною ученостью и своими заслугами въ наукѣ.

Его номоканонъ или собраніе церковныхъ постановленій, его библіотека, заключавшая въ себѣ выписки изъ 280-ти сочиненій, теперь утраченныхъ, и строго-ученый отчетъ объ нихъ, его разсужденіе о Павликіанахъ и многіе другіе памятники ставятъ его безспорно въ первомъ ряду между церковными писателями того вѣка и даютъ ему неоспоримыя права на безсмертіе.

Тяжела была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями Византійскаго двора. Онъ понялъ невозможность сопротивленія въ вопросѣ чисто-личномъ и перенесъ споръ въ область догматики, въ которой его ученость и явное отступленіе Западной церкви отъ преданія могли ему доставить побѣду. Долго длился споръ. Партіи мѣнялись при дворѣ, императоры на престолѣ, папы въ Римѣ; Фотій былъ заключаемъ въ темницу, бросаемъ въ изгнаніе, преслѣдуемъ и мучимъ, снова облекаемъ въ ризы патріарха и че-

Digitized by Google

ствуемъ всѣмъ Востокомъ; не слабѣя, не утомляясь, продолжалъ онъ борьбу, которой всемірную важность понималъ, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ епископовъ Греческихъ. Онъ умеръ въ изгнаніи, удрученный скорбями и бѣдствіями, но умеръ побѣдителемъ. Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что́ касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что́ касалось до общихъ законовъ Церкви, онъ отстоялъ свободу Востока, вырвалъ снова Болгарію изъ рукъ Западныхъ епископовъ, бросилъ сѣмена христіанства въ безконечную область новорожденной Руси и совершилъ безсмертный подвигъ, дѣло, которому пылкость однаго изъ его преемниковъ, Михаила Керулларія, дала только окончательную форму.

Много было спорено и писано о борьбѣ патріаршества съ папствомъ, Фотія съ Николаемъ и его преемниками, и многое искажено страстями общинъ, народовъ и лицъ. Иначе и быть не могло сначала, ибо всѣ писатели принадлежали къ одному изъ ученій, споривших въ между собою. Казалось, безпристрастная оцѣнка должна была быть предоставлена протестантамъ; но на дѣлѣ оказалось иное. Они вопросъ обошли; они оставили безъ вниманія самую сущность дѣла. Забывая необходимость борьбы, чисто оборонительной со стороны Царьграда и нагло наступательной со стороны Рима, забывая, что патріархъ отстаивалъ свободу Церкви и епископовъ, защищалъ безспорное преданіе многихъ вѣковъ, произвольно измѣненное на Западѣ, отвергалъ власть незаконную и право какой бы то ни было мѣстной общины налагать свое мнѣніе какъ обязательный символъ общинѣ вселенской, былъ наконецъ поборникомъ единственнаго истинно-разумнаго единенія, единенія духа и любви, они обратили всѣ свои разъисканія на самое лицо Фотія и на характеръ двора Византійскаго, какъ будто бы весь вопросъ заключался въ случайныхъ личностяхъ, а не въ великихъ всемірныхъ началахъ, требовавшихъ и требующихъ разрѣшенія. Жалкая личина безпристрастія, прикрывающая скрытую страсть, ненависть Запада къ Востоку, и обличающая взаимную, хотя и несознанную, отвѣтственность протестанта и паписта!

Digitized by Google

Всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что какъ въ вопросѣ о догмѣ, такъ и въ дѣлѣ о власти, Востокъ былъ вѣренъ преданію, и что защитники Рима имѣли на своей сторонѣ только малое число сомнительныхъ текстовъ и множество явныхъ и безстыдныхъ подлоговъ, а Византія почти всѣ писанія, всѣ свидѣтельства св. отцевъ и рѣшеніе Ефесскаго собора, одобрившаго анаѳему Ѳеодорита на прибавленіе «*и отъ сына*». Эта истина уже слишкомъ явно доказана Церникавомъ и Ѳеофаномъ и никогда не была опровергнута сколько нибудь разумно. Подлоговъ Востоку приписывать нельзя. Не было общей власти; списковъ было много, и секты, хранящія ихъ, враждовали другъ противъ друга. Подлоги были возможны только при единствѣ и невѣжествѣ Запада.

Какъ бы то ни было, міръ Эллино-римскій распался на свои двѣ составныя части: на міръ древняго лично-человѣческаго просвѣщенія и на міръ новѣйшаго просвѣщенія государственнаго. Міръ Римскій опредѣлился въ отношеніи вещественномъ, чисто географическомъ, какъ область города Рима; въ отношеніи государственномъ—какъ епархія или область Папы; наконецъ, въ отношеніи духовномъ — какъ признающій двойственность начала: ибо Духъ (сознаніе) происходитъ по символу Испанскому не отъ первобыта токмо (Отца), но и отъ его проявленія (Сына), а проявленіе не есть уже только подчиненное, хотя необходимое, но и безусловное начало сознанія.

Въ другомъ отношеніи (чисто-богословскомъ) явно-вещественное понятіе Запада обличается тѣмъ, что онъ никогда не могъ различить посланія въ міръ (феномена внѣшняго и основаннаго на безспорномъ преданіи) отъ происхожденія, феномена внутренняго, которое всегда приписывалось Отцу. Даже въ Августинѣ (хотя мнѣніе лица, и особенно такаго ограниченнаго, какъ Августинъ, ничего не значитъ), слова *principaliter a Patre* не значатъ «и особенно же отъ Отца, но: «по началу своему отъ Отца». Важнѣйшее свидѣтельство, къ несчастію не замѣченное никѣмъ, о преданіи о Духѣ, какъ сознаніи, находится въ полу-апостольскомъ словѣ Иринея, ученика Поликарпа, ученика Іоанна: «Духъ же полагаетъ вѣнецъ, называя Отца—Отцемъ и Сына—Сыномъ»,

Digitized by Google

чѣмъ полагается въ одно время тождество и различіе. Глубже ничего сказано не было. Какъ бы то ни было, двойственность начала въ сознаніи, явно принятая Западомъ, объясняетъ все его послѣдующее развитіе.

И пышно разцвѣлъ этотъ Западный міръ, гремя и пламенѣя, подвигая сознаніе человѣческое словомъ и дѣломъ, кривдою и правдою, и развиваясь въ своихъ двухъ формахъ, положительной—Римскаго католицизма (папизма) и протестантства (отрицанія вообще). И тихо осѣлъ по себѣ Востокъ, дотолѣ волнуемый ересями, съ тѣхъ поръ успокоенный, какъ будто ожидая отъ жизни народовъ полнаго своего сознанія. Но неподвижный Востокъ, утративъ единеніе Запада, пріобрѣлъ зачатокъ Славянъ, Болгарію, и имя его будущей союзницы Руси явилось въ лѣтописяхъ.

Вообще нельзя не замѣтить (какъ ни равнодушна наука къ случайностямъ лѣтосчисленія), что десятилѣтіе отъ 860-го до 870-го года соединяетъ въ себѣ сочетаніе огромнѣйшихъ явленій въ мірѣ человѣческомъ: окончательное торжество церковно-государственнаго начала (отчасти слѣдствіе Римскаго просвѣщенія, отчасти противодѣйствіе халифату) въ спорѣ о бракѣ Лотара II-го, споръ и разрывъ Запада и Востока, утвержденіе (хотя и не изобрѣтеніе) Славянской азбуки и переводъ писанія, явленіе Руси съ Рюрикомъ и первое крещеніе ея съ Аскольдомъ и Диромъ.

Событія въ Китаѣ.

Между тѣмъ какъ Западъ Азіи и Европа вступали въ новое поприще силы и умственной дѣятельности подъ вліяніемъ Иранскаго преданія въ его окончательномъ развитіи (христіанствѣ) и произвольной реформѣ (исламѣ), Востокъ и Югъ Азіи коснѣли въ своихъ древнихъ формахъ мышленія, не подаваясь впередъ, но и не обличая еще полнаго оскудѣнія жизненныхъ началъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ прекращенія династіи *Хань*, и Китай страдалъ въ войнахъ междоусобныхъ. Нѣсколько царствъ сильныхъ и великихъ (по нашимъ Европейскимъ понятіямъ) составилось изъ развалинъ

Digitized by Google

прежней колоссальной державы, но всѣ они признавали тотъ же внутренній законъ, которымъ жилъ Китай во время своего величія. Никакое новое начало духовное не возникало, и высшимъ понятіемъ религіознымъ оставалось (какъ и до сихъ поръ остается) понятіе о государствѣ. Анализъ, такъ блистательно развитый на Западѣ и разрушившій всѣ произвольныя вѣрованія Эллино-римскаго міра, не проникалъ на Востокъ; или, лучше сказать, просвѣщеніе внѣшнее и поклоненіе этому внѣшнему просвѣщенію (возникшія изъ первоначальнаго возстанія анализа противъ преданія и изъ шиво-буддизма) обратились тамъ въ неколебимое преданіе, не допускавшее новаго анализа. Всѣ династіи, раздѣлявшія наслѣдство *Хановъ*, не исключая иноземныхъ (какъ напр. Сян-бійская династія *Вей*) жили остатками старой жизни и не потрясали кореннаго начала, образовавшаго Китай. Можно даже сказать, что ослабѣвшая и разорванная держава продолжала свои завоеванія въ самомъ своемъ видимомъ униженіи и продолжала ихъ оружіемъ своихъ побѣдителей. Могущественная Тунгузская династія Вей, владѣя всею восточною, южною и отчасти юго-западною Сибирью (которой она вѣроятно оставила свое имя) распространяла далеко тѣ начала государственнаго просвѣщенія, которыя сама получила отъ коренныхъ жителей Китая. Конечно, слѣды ея вліянія изгладились въ волненіяхъ Тюркской и Монгольской бури; но память объ нихъ сохранилась и часто облегчала Китаю побѣды и завоеванія въ позднѣйшія эпохи; а новый Индустанскій буддаизмъ, уже тогда сильный въ Китаѣ, расширился и утвердился въ Средней и Сѣверной Азіи подъ чистою формою ламаизма и мѣшанными формами, въ которыхъ онъ сливался съ древнею полу-фетишскою вѣрою шамановъ. Очевидно, такъ какъ внутренняго разногласія не было, видимое единство должно было возстановиться, и дѣйствительно оно явилось снова въ полномъ блескѣ при великой династіи *Тханг*, въ началѣ седьмаго вѣка.

Три вѣка царствовала эта династія, прославленная въ лѣтописяхъ особенно кротостью своею при восшествіи и безсмертнымъ именемъ Тай-цунга, одного изъ величайшихъ за-

Digitized by Google

воевателей и царей, когда нибудь основавшихъ государства или правившихъ судьбами народовъ. При Тхангахъ Китай возвратилъ себѣ всю славу, пріобрѣтенную династіею Хановъ и утраченную въ послѣдовавшихъ междоусобіяхъ: владѣнія его на Югъ распространились даже далѣе прежняго. Но на Западѣ, сколько можно судить по скуднымъ даннымъ, сообщеннымъ изъ Китайскихъ сказаній Европейскими учеными, область его была болѣе стѣснена сопротивленіемъ Тюркскихъ семей и особенно завоевательнымъ мечомъ Аравитянъ.

Ихъ называютъ Китайцы *Та-ши*. Иные полагаютъ, что такое имя дано имъ по смѣшенію съ прежними жителями Приаральской области, *Таджиками*, которые еще до сихъ поръ сохранили свое названіе подъ властію семей Туркменскихъ и которые суть очевидно остатки народа, извѣстнаго древности подъ именемъ *Дадиковъ*, приписываемыхъ то къ Иранцамъ, то къ Средне-азійцамъ. Иранское происхожденіе *Дадиковъ*, теперешнихъ *Таджиковъ*, не подвержено никакому сомнѣнію, и извѣстно также, что они упоминаются Китайцами; но именно потому, что они уже были извѣстны издавна, нельзя предполагать, чтобы ихъ смѣшали съ новыми завоевателями. По всей вѣроятности имя, данное Аравитянамъ, *Та-ши*, составлено такъ же какъ и *Та-тсинъ* и *Та-ванъ* и значитъ *великіе шейхи;* ибо званіе шейха Аравійскаго было въ то время извѣстно и громко по всему міру.

Впрочемъ, при величайшемъ изъ государей династіи Тханъ, Тай-цунгѣ, Аравія только еще вступала въ поприще своей исторической дѣятельности. Глухо доходили до дальняго Востока звуки великой грозы, разгоравшейся на Юго-западѣ Азіи. Сила Китая не находила еще на истокахъ Сыръ-Дарьи равнаго ей сопротивленія и могла угрожать всей Азіи. Вскорѣ разрослась новая держава и пришла въ соприкосновеніе съ древнѣйшимъ изо всѣхъ государствъ міра. Были между ними вражды, и восторженное мужество Аравитянъ торжествовало почти всегда противъ Китая, такъ же какъ и противъ Европейцевъ; были и союзы, и въ VIII-мъ вѣкѣ войска халифовъ спасали пре-

Digitized by Google

столъ Китайскій отъ возмущеній народныхъ и нашествія Средне-Азійскихъ племенъ; но Китай не стремился и не могъ стремиться къ завоеваніямъ въ областяхъ Иранскихъ, живущихъ иною и сильною жизнію; Аравійскіе завоеватели пренебрегали холодными и дикими пустынями, отдѣляющими ихъ отъ богатаго Китая, или, слабѣя мало-по-малу въ роскоши Юга, боялись проникать въ область, наполненную кочевьями желѣзныхъ Тюрковъ, будущихъ своихъ побѣдителей. Но міръ Востока знакомился съ Западомъ, и міръ Западный чаще сталъ оглашаться слухами о дальнемъ Востокѣ, откуда онъ долженъ былъ получить много новыхъ открытій и познаній, перемѣнившихъ впослѣдствіи и характеръ войны, и мирныя сношенія народовъ другъ съ другомъ.

Такъ напр. Аравіи передалъ Китай и порохъ, и магнитную стрѣлку, уже давно извѣстные тамъ, но до тѣхъ поръ безполезные и получившіе свои великія приложенія отъ практической догадливости Европейцевъ; такъ черезъ Аравію пришли изъ Китая многія другія изобрѣтенія и усовершенствованія въ области торговли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде Аравійскаго владычества въ Персіи сношенія довольно частыя соединяли между собою народы, живущіе на берегахъ Средиземнаго моря и Тихаго океана. Послы приходили къ Тай-цунгу отъ императора Ираклія изъ Греціи (по-китайски *Фу-мень*, слово замѣнившее *Та-тсинъ*, имя Римской Имперіи и происходящее, такъ же какъ Стамбулъ или Истамболъ, изъ искаженнаго Константинополисъ. Грецію или Грекію называлась, кажется, *Ли-кіянъ* въ Китайскихъ географіяхъ). Надъ могилою великаго возстановителя Китая плакали князья покоренныхъ народовъ, пограничныхъ съ Персіею и находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ Европою. Поклонники Будды и Брамы, послѣдователи Зердушта и хранители древняго Еврейскаго преданія благословляли терпимость государя кроткаго и просвѣщеннаго; наконецъ, христіане строили свободно въ его столицѣ храмъ для вѣры, давно уже проникшей въ глубину Азіи, но которой волненіе народовъ по-

Digitized by Google

ложило въ послѣдствіи преграды непреодолимыя и до нашего времени.

Нельзя сказать утвердительно, какая именно форма христіанства тогда получила временное право гражданства въ Китаѣ, несторіанство или соборное исповѣданіе. Надпись, найденная въ тогдашней столицѣ Китая, носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, но слишкомъ темна для опредѣленія догматическаго. Впрочемъ сомнѣнія, выраженныя нѣкоторыми учеными о томъ, дѣйствительно ли относится она къ христіанству, совершенно нелѣпы: слова, употребленныя въ ней *О-ло-и* и *Мисси-о* не могутъ очевидно имѣть никакаго другаго значенія кромѣ *Мессіи* и *О Логосъ* (Слово).

Но за всѣмъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Аравійская эпоха сблизила гораздо болѣе прежняго Китай съ остальнымъ человѣчествомъ, и дѣйствительно велика была эта эпоха для умственнаго сближенія всѣхъ народовъ. Одинъ и тотъ же крѣпкій міръ ислама обхватывалъ всю землю отъ Атлантическаго океана до крайняго Востока Азіи; одни и тѣже знамена вѣяли на берегахъ Луары и Желтой рѣки, и мысль проходила безпрепятственно отъ столицы Аравійскаго владыки Испаніи до столицы Китая, спасенной Аравійскимъ мечомъ. Распался въ послѣдствіи этотъ міръ ислама отъ внутренней слабости, и мало оставилъ онъ замѣтныхъ слѣдовъ въ умственной жизни народовъ; но все-таки онъ погибъ не безъ слѣдовъ и въ свое время представлялъ величественное зрѣлище, слишкомъ мало замѣченное и слишкомъ мало изученное гордостью Европейской науки.

Незамѣтность этаго сближенія Востока и Запада въ цѣломъ полушаріи и на исторической памяти объясняетъ и тотъ фактъ, какъ могли исчезнуть и память о прежнемъ братствѣ народовъ, и слѣды ихъ мысленнаго общенія, и даже преданія о томъ, какъ великъ міръ земной и какъ много на немъ раскинуто человѣческихъ семей, забывшихъ другъ про друга. Если бы грамотность не воскрешала старины уже грамотной, кто бы помнилъ въ Китаѣ про Аравію и

Digitized by Google

кто бы зналъ, что неразрывная цѣпь одной жизни, вѣры и государства соединяла его предѣлы съ берегами Эбра и Гвадальквивира? А послѣ той эпохи не было же однако вторичнаго полнаго одичанія человѣчества.

Династія Тхангъ также упала, какъ и предъидущія, какъ и многія династіи въ Европѣ и Азіи, вездѣ, гдѣ внутренняя жизнь народовъ не развивается постепенно и не поддерживаетъ собою жизни царственныхъ родовъ. Долго пьянѣя на престолѣ, она въ нравственномъ безсиліи свалилась съ него.

Это перерожденіе многихъ царскихъ родовъ, замѣтное также и въ аристократіяхъ, объясняется, можетъ быть, изъ того же самаго закона, по которому цѣлые народы лишаются наконецъ нѣкоторыхъ способностей, не развивавшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ (такъ напр., Евреи, музыканты и литераторы, не показываютъ до сихъ поръ никакого дара къ пластикѣ). Семья, освобожденная отъ необходимости умственнаго напряженія, лишается способности къ умственному напряженію. Къ этому должно однакоже прибавить и порчу, производимую развратомъ.

Однакоже въ продолженіи трехъ столѣтій Тхангскаго владычества много великаго и прекраснаго было совершено и для распространенія государственнаго, и для мирной славы народа. Корея и прилегающія къ ней области, долго сопротивлявшіяся силѣ Китая, отразившія покушенія великой Ханской династіи и даже отстоявшія свою свободу противъ Тай-цунга, покорились и вошли въ составъ Китайскаго государства, не смотря на многія самобытныя начала просвѣщенія, которыя заняты были Кореею (сколько можно судить при недостаточныхъ данныхъ) не изъ Китая, а изъ центральной Азіи и областей прилегающихъ къ міру Иранскому.

По всѣмъ вѣроятностямъ даже часть народонаселенія въ Кореѣ жила нѣкогда въ средней Азіи и передвинулась на край Востока довольно поздно.

Digitized by Google

Эта побѣда была побѣдою не силы, но государственнаго разума и строгой системы, внушавшихъ невольное уваженіе и любовь всѣмъ сосѣдямъ и даже врагамъ Китая, а самому Китаю глубокую и постоянную увѣренность въ мирныя торжества надъ неустроенными народами.

Эта сильная и религіозная увѣренность выражается почти во всѣхъ мыслителяхъ Китайскихъ, особенно въ наиболѣе практическомъ изъ нихъ Менг-тсеу. Дѣйствительно, государство, какъ порядокъ всѣхъ человѣческихъ силъ, было искони единственнымъ божествомъ вѣковѣчнаго царства, начавшагося въ эпоху доисторическую и пережившаго всѣ другія царства міра. Вѣра въ его совершенство и въ его внутреннюю правду, неизбѣжно покоряющую всякій разумъ человѣческій, есть чувство совершенно религіозное для Китайца и соотвѣтствуетъ тому живому чувству, которымъ распространялись возобновленный буддаизмъ Индійскій и исламъ, и теперь еще распространяется христіанство.

Многое было сдѣлано и для наукъ. Исторія и философія нашли представителей, достойно продолжавшихъ труды прежнихъ вѣковъ. Астрономія и математика двинулись впередъ съ помощію не только Индійскихъ буддаистовъ, сохранившихъ остатки прежняго знанія и знанія посѣяннаго Эллинами въ восточномъ Иранѣ, но и Аравитянъ, недавно ознакомившихся съ наукою Эллады, но вступившихъ въ новое поприще съ энергіею ума и воли, отличающею эту даровитую семью въ человѣческомъ братствѣ. Было кое-что сдѣлано и для искусствъ, если только можно назвать искусствомъ живопись, зодчество и поэзію такаго народа, который ставитъ красоту въ затѣйливой побѣдѣ воли и ума человѣческаго надъ трудностями и упорствомъ вещественнаго міра.

Это возрѣніе на искусство есть очевидный завѣтъ древняго Кушитства, понимавшаго всю религію въ торжествѣ человѣка надъ грубымъ веществомъ или, лучше сказать, въ устроеніи вещества силою разума человѣческаго.

Digitized by Google

Но какъ ни гостепріименъ былъ Китай къ иноземцамъ и иноземной мысли, дѣйствительно онъ не принималъ никакого новаго начала и оставался при своихъ коренныхъ и основныхъ вѣрованіяхъ. Его умственная жизнь началась отъ первоначальнаго буддаизма и слѣдовательно отъ начала чисто-аналитическаго; но, заключившись въ религію общественнаго, т. е. государственнаго устройства, она приняла характеръ чистаго синтеза, основаннаго на несомнѣнномъ вѣрованіи или преданіи. Приливъ чужой мысли не измѣнялъ этого характера: она являлась также въ видѣ синтеза и не колебала прежнихъ основъ, ибо только анализъ можетъ поколебать синтезъ вѣрованія и преданія. Синтезъ же новыхъ вѣрованій, когда онъ принимается народомъ, не утратившимъ своихъ прежнихъ вѣрованій, прилагается къ нимъ въ видѣ подчиненномъ и удерживаетъ за собою только тѣ области, которыя не входили въ кругъ прежней народной мысли. Всѣ понятія о высокомъ нравственномъ значеніи человѣка, по крайней мѣрѣ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ людямъ, вошли уже въ составъ синтетической философіи Китайскихъ мыслителей, слѣдовательно самая идея нравственнаго добра въ его высшемъ отвлеченномъ началѣ уже была постигнута и усвоена. Анализъ не обличалъ условности и произвольности этой нравственной философіи, и она оставалась непоколебленною ни въ отвлеченномъ своемъ значеніи, ни въ значеніи государственномъ. Всѣ новыя религіозныя ученія прилагались къ ней только какъ пополненія, какъ ученія объ образахъ невидимаго духовнаго міра, котораго внутренній смыслъ былъ уже, повидимому, постигнутъ. Очевидно, всѣ они по необходимости лишались своего высокаго значенія и получали характеръ темнаго и произвольнаго мистицизма, переходящаго окончательно въ безсмысленный фетишизмъ. Такая участь постигла возрожденный буддаизмъ Индійскій, когда онъ укоренился въ Китаѣ подъ именемъ поклоненія *Фо*. Онъ выдержалъ долгую борьбу и тяжелыя гоненія, имѣлъ эпохи блистательнаго торжества, видѣлъ въ числѣ проповѣдниковъ своихъ великихъ государей изъ разныхъ династій, считалъ тысячами свои бо-

Digitized by Google

гатые монастыри и сотнями тысячъ своихъ монаховъ; но никогда не достигалъ онъ той высоты, которую имѣлъ на родинѣ своей при берегахъ Ганга и Инда. Ни одно великое произведеніе не прославило его ни въ эпоху борьбы, ни въ эпоху торжества; онъ не блеснулъ ни поэтической восторженностью, ни тонкостью мистическаго синтеза, уносящаго мысль человѣка далеко за предѣлы всякаго возможнаго міра, въ область духа, отрѣшающаго себя отъ цѣпей вещественнаго проявленія и завоевывающаго свободу посредствомъ самоуничтоженія; онъ не блеснулъ ни однимъ великимъ подвигомъ практической любви или самоотверженія, не развилъ ни однаго сильнаго или плодотворнаго начала, а дряхлѣлъ и ветшалъ, принимая всѣ безсмысленныя примѣси Персидской и Брахминской миѳологіи, и даже христіанства, которыми уже наполненъ буддаизмъ Средней Азіи, прибавляя новыя, взятыя изъ мѣстнаго суевѣрія, или изъ ученія Лао-тзеу, съ которымъ часто дѣйствовалъ заодно, спускаясь все ниже въ своемъ значеніи духовномъ и общественномъ, переходя отъ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ слоевъ общества къ низшимъ и невѣжественнѣйшимъ и обращаясь наконецъ въ ту нелѣпую вѣру въ колдовство, талисманъ и фетишъ, въ ту жалкую пародію религіи, которую видитъ теперешній путешественникъ въ Китаѣ, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ религіи дикарей средней и южной Африки. Почти тоже самое случилось и съ Несторіанскимъ христіанствомъ, далеко проникнувшимъ въ Среднюю Азію. Оно распространилось по западному Китаю, было (какъ видно изъ разсказовъ путешественниковъ) сильно числомъ своихъ послѣдователей, сильно богатствомъ, а иногда дружбою съ властями; но оно подверглось внутреннему разрушенію отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ отвлеченнымъ вѣрованіемъ, еще не уличеннымъ въ произволѣ и односторонности, и пало безъ шума, безъ славы и безъ слѣда, ибо не могло, вслѣдствіе своего первоначальнаго характера, дойти до того униженія, до котораго дошелъ буддаизмъ. Наконецъ тоже самое повторилось и съ христіанствомъ Римской церкви, когда оно было принесено Іезуитами и Доминиканцами при династіи Минъ и

Digitized by Google

Манджурахъ. Его успѣхи казались блистательными, число его послѣдователей росло со дня на день; но оно погибло послѣ небольшаго преслѣдованія и ничтожной борьбы. Это паденіе было, очевидно, не послѣдствіемъ самаго гоненія или внѣшняго напора, сокрушившаго христіанскую общину (ибо число христіанъ въ Китаѣ и въ наше время еще не совсѣмъ ничтожно), но послѣдствіемъ внутренней слабости и грубой обрядности христіанства, посѣяннаго въ Китаѣ миссіонерами Римскими. Анализъ сокрушилъ Эллино-римскія вѣрованія и очистилъ путь христіанству; но синтезъ нравственной философіи въ Китаѣ еще не сокрушенъ анализомъ, и безуспѣшность христіанской проповѣди въ наше время подаетъ намъ въ одно время и примѣръ и объясненіе того неподвижнаго сопротивленія, которымъ Китай сокрушилъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ всѣ нападенія всякаго иноземнаго религіознаго начала.

Послѣ паденія Тханговъ наступили новые раздоры и междоусобія; но тѣже самыя причины, которыя до тѣхъ поръ всегда возстановляли единство государственное, возстановили его снова. Въ послѣдней половинѣ десятаго вѣка династія *Сунговъ* взошла на престолъ безъ кровопролитія, волею народа, войска и ученыхъ, которые дѣйствительно въ Китаѣ сотвѣтствуютъ духовенству другихъ государствъ. Прежній объемъ Китая былъ возвращенъ не безъ войны и не сполна. Царство Сунговъ не равнялось уже пространствомъ прежнимъ царствамъ Тханговъ и Хановъ, Средняя Азія окрѣпла и не покорялась власти Китая; сильныя орды колыхались въ ней, готовясь къ эпохѣ своихъ всемірныхъ завоеваній. За всѣмъ тѣмъ династія Сунгъ царствовала не безъ блеска, и держава ея, обнимающая Корею и часть восточной Загангесской Индіи, была все еще великою и славною въ мірѣ. Но уже Китай клонился къ упадку. Сила сосѣднихъ племенъ уже становилась слишкомъ грозною для его ветшающаго организма. Послѣ двухвѣковаго владычества Сунги, угрожаемые Ки-таискими Татарами, призвали на помощь племя восточныхъ Ю-етчи (кажется, Тюрко-Монгольское) и, освобожденные отъ прежняго врага, были принуждены уступить новымъ союзникамъ весь Сѣверъ

Digitized by Google

своего государства. Ю-етчи, подъ именемъ династіи *Кинъ*, продолжали свои завоеванія, стѣсняя все болѣе прежнихъ властителей, но въ тоже время принимая, также какъ Сян--бійская (Тунгузская) династія *Вей*, все болѣе и болѣе характеръ и обычаи мѣстные, однимъ словомъ, покоряясь побѣжденному народу и сливаясь съ его безконечною массою. Прошло еще столѣтіе; новое грозное явленіе, которому подобнаго не представляла исторія міра ни прежде ни послѣ, возникло въ пустыняхъ Средней Азіи. Взошла кровавая звѣзда Темуджиновыхъ Монголовъ, и Сунги, стѣсненные сѣверными своими соперниками, въ безуміи междоусобной вражды прибѣгли къ покровительству ненасытимыхъ завоевателей. Династія Кинъ погибла, но и династія Сунгъ раздѣлила туже участь. Послѣ борьбы кровавой и отчасти не безславной для побѣжденныхъ, *Кубилай* истребилъ всѣхъ враговъ своихъ на морѣ и на сушѣ; и въ первый разъ послѣ независимаго существованія, продолжавшагося слишкомъ три тысячи лѣтъ, Китай въ концѣ XV-го вѣка покорился весь съ края въ край иноплеменнымъ завоевателямъ.

Но и завоеваніе, бѣдствіе, уничтожающее всякое другое государство, не измѣнило Китая. Монголы, какъ и предшественники ихъ Сян-бійцы и Кинъ, какъ и позднѣйшіе Манджуры, поддались силѣ мѣстнаго начала, этому неотразимому обаянію государственнаго устройства, возведеннаго въ религіозное значеніе. Если бы даже туземная династія *Минъ* не свергла ига иноплеменнаго, историческая судьба государственной жизни не подверглась бы никакой перемѣнѣ. Потомки Темуджина, олицетвореннаго кочевья въ его дикомъ восторгѣ, переродились бы (и уже начали перерождаться) въ присѣдающую куклу мандарина.

Точно такое же стремленіе замѣтно въ современной намъ Германіи, въ которой философія, окончательное развитіе религіознаго протеста, приводитъ людей путемъ холоднаго *нигилизма* къ идеѣ отвлеченнаго порядка и механическаго государства. Такова особенно Пруссія съ ея гофъ-и штатсъ-ратами. Впрочемъ, разумѣется, это на-

Digitized by Google

чало не можетъ вполнѣ окаменить Европейскій народъ, уже глубоко проникнутый христіанствомъ.

Китаю суждено было, вслѣдствіе коренныхъ его началъ и ихъ громаднаго развитія, пройти невредимо черезъ длинный рядъ вѣковъ и представить торжество древней односторонности, создавшей колоссъ государственный на дальнемъ Востокѣ такъ же, какъ она создала неразрушимые колоссы зодчества въ Египтѣ, слова въ Индустанѣ и быта въ областяхъ Славянскихъ. Династія Сунгъ повторяла съ незначительными измѣненіями всѣ явленія предшествовавшихъ династій; но въ ея исторіи, какъ и въ исторіи Тханговъ и Хановъ, является фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный и совсѣмъ необъясненный историками. Это странное явленіе, безконечная власть евнуховъ, проходитъ черезъ всѣ династіи въ продолженіе почти полуторы тысячи лѣтъ, часто потрясаетъ всѣ основы государства, иногда перерывается на время силою великихъ государей, воскресаетъ снова, борется небезуспѣшно противъ воли царей, ученыхъ и отчасти народа, и доходитъ почти до эпохи современныхъ намъ Манджуровъ, переживая всѣ потрясенія и бѣдствія государства, связываясь какою-то странною связью съ его жизнію и между тѣмъ противорѣча его основнымъ началамъ. Поверхностная критика объясняла мимоходомъ это явленіе развратомъ двора и примѣрами болѣе или менѣе неудачно взятыми изъ исторіи юго-западной Азіи (Персіи и Турціи). Не нужно доказывать неудовлетворительность такого объясненія. Стоитъ только вспомнить, что эта власть евнуховъ проникала въ самую середину Азіи, въ кочевья полудикихъ и еще неизнѣжившихся племенъ (какъ видно напр. изъ исторіи великаго Сян-бійца *Тоба-дао*), что она боролась противъ власти царей, управляла войсками самовольно, не измѣнялась при государяхъ отличавшихся великими доблестями, составляла такъ сказать государство въ государствѣ, сопротивлялась государственому ученію *Конг-фу-тсеу*, имѣла свой судъ, выходящій изъ общаго порядка судовъ, и по преимуществу имѣла притязанія на верховно-судебное значеніе; и

Digitized by Google

можно уже ясно уразумѣть, что евнухи составляли въ Китаѣ сословіе или общество, котораго основу должно искать въ мнѣніи или идеѣ религіозной, а не въ случайномъ развратѣ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что дворъ многоженнаго императора, окруженнаго сотнями и тысячами наложницъ, становился естественною областью, въ которой двигалась и развивалась сила евнуховъ, точно также какъ дворы Персидскихъ Ахеменидовъ или Турецкихъ Оттомановъ. Быть можетъ (и это даже вѣроятно), что евнухи явились въ Китаѣ по примѣру юго-западной Азіи и была сначала признаны только для придворной услуги; но изъ сличенія всѣхъ данныхъ, и особенно изъ того, что они считались хранителяли таинственнаго знанія и питія безсмертія, должно заключить, что они, пришельцы съ береговъ Евфрата, были на дальнемъ Востокѣ представителями религіознаго начала, которое развилось изъ первоначальной кровавой борьбы между ученіемъ Куша и преданіемъ Ирана, между поклоненіемъ свободному духу и признаніемъ вещественной необходимости въ ея двупольномъ олицетворенія. Евнухи, жрецы Великой Матери (Кивелы), всегда хвалились своими глубокими знаніями и волшебствомъ, т. е. заклинательной властію надъ природою; по всей вѣроятности тѣже притязанія были и у ихъ сосѣдей, евнуховъ, правившихъ государственною судьбою Персіи до Македонца; тѣже самыя притязанія являются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ Китаѣ. Ихъ сопровождаютъ притязанія на святость; они являются какъ естественное послѣдствіе мнимо-духовной, дѣйствительно же заклинательной (т. е. чисто-вещественной) побѣды надъ требованіями вещественной природы человѣка. Этимъ объясняется успѣхъ евнуховъ въ Китаѣ, не имѣвшемъ религіи (кромѣ государства и произвольно-нравственной философіи) и всегда искавшемъ религіи внѣшней въ формахъ талисмана и фетиша. Этимъ объясняются и частые ихъ союзы съ ученіемъ стоическаго Лаотсеу (иногда соединявшимся на время и съ буддаизмомъ), и ихъ вѣковая сила, сокрушенная едва ли не новыми завоевателями, Манджурами. Таково значеніе явленія, о которомъ еще письменныхъ данныхъ не имѣетъ Европа и смыслъ котораго ускользнулъ отъ ея исторической критики.

Digitized by Google

Эта идея святости, достигнутой путемъ заклинанія или жертвы, проникала, какъ извѣстно, и въ христіанство, заражая многихъ и великихъ его учителей. Противъ нея возставали соборы, отказывая въ извѣстныя эпохи евнухамъ въ священствѣ; но она еще не совсѣмъ исчезла изъ христіанскаго міра, сохраняясь въ Россіи въ великомъ расколѣ Хлыстовъ.

Начало Японскаго царства.

Въ тоже время, какъ династія за династіей мѣнялась на престолѣ Китая безъ всякаго измѣненія его началъ, опредѣленныхъ жизнію за двадцать слишкомъ вѣковъ и наукою за шесть или семь вѣковъ до Р. Х., какъ вѣрованія Южной и Западной Азіи (буддизмъ, христіанство и пр.) проникали въ него, подчиняясь кореннымъ и туземнымъ ученіямъ и теряя всю свою жизненную силу: тѣже самыя начала шли далѣе на Востокъ и основывали новое великое царство на островахъ, окруженныхъ волнами Тихаго океана и до нашего времени почти недоступныхъ для благородныхъ усилій Европейской науки и для дикой ненасытимости Европейскаго корыстолюбія. Старожилы Японіи принадлежали по всѣмъ вѣроятностямъ къ тому же племени, которымъ до нашего времени населены острова на Сѣверъ отъ нея, къ племени, котораго сродство съ Финскимъ корнемъ не подвержено никакому сомнѣнію. Начало же религіозное имѣло всю неопредѣленность, замѣтную вообще у народовъ сѣверныхъ, не завлеченныхъ въ умственное движеніе кушитства и въ тоже время сохранившихъ только неясные остатки общаго преданія, которое сохранилось по преимуществу въ Иранскомъ центрѣ.

Присутствіе этого преданія въ старину у всѣхъ сѣверныхъ народовъ явно изъ памяти о потопѣ, изъ разсказовъ о лучшей участи человѣка въ его младенчествѣ, объ антагонизмѣ зла и добра и даже иногда о Мессіаническихъ обѣщаніяхъ. Впрочемъ всѣ эти слѣды также слабы, какъ и самое чувство религіозное у кочевыхъ страдальцевъ негостепріимнаго Сѣвера, всегда занятыхъ тяжелою борьбою съ природою, ихъ окружающею.

Digitized by Google

За всѣмъ тѣмъ въ остаткахъ древней религіи Японцевъ можно открыть также несомнѣнные признаки Кушитскаго ученія и поклоненія шиваитскому *линаму*, какъ символу производящей необходимости. Такая примѣсь шиваитства въ области далекой отъ его Африканской колыбели представляла бы довольно трудную задачу, если бы наука не имѣла уже столько данныхъ для опредѣленія умственной и племенной колонизаціи Кушитской по всѣмъ южнымъ морямъ отъ Южной оконечности Аравіи до самыхъ отдаленныхъ острововъ, затерянныхъ въ безконечности Тихаго океана и до береговъ долго забытаго материка Американскаго. При этихъ данныхъ легко понятны и слѣды шиваитства въ Японіи.

Анализъ историческій, какъ мы видѣли, объясняетъ прекращеніе всемірныхъ сношеній между разсѣянными семьями человѣчества и упадокъ древняго мореплаванія усиленіемъ борьбы народной въ первыхъ центрахъ человѣческаго рода и наступленіемъ героической эпохи, т. е. эпохи военнаго одичанія. Впрочемъ, кромѣ распространенія Кушитскаго ученія по южнымъ поморьямъ, можно еще угадать и другое его распространеніе на Сѣверъ черезъ Гималайскій хребетъ и среднюю Азію изъ земель При-индскихъ. Миѳологія Финскихъ и Летскихъ племенъ въ Сѣверной Россіи представляетъ, при явныхъ слѣдахъ Индостанской мысли (напр. въ преданіи о *Сампо*), такіе же явные намеки на Шиво-озиризское ученіе. Таковъ разсказъ въ Калевалѣ о разрубленномъ божествѣ, которое отыскано и оживлено другимъ божествомъ женскимъ (Сѣверною Изидою), таково поклоненіе змѣѣ даже у полу-Славянской Литвы и пр. Сверхъ того должно замѣтить, что остатки Индустанскаго шиваизма (поклоненіе *линаму*) сохраняются очень рѣзко до нашего времени у Сѣверныхъ Славянъ, особенно по близости великаго торговаго пути Волги, въ праздникахъ Ярилы и Костромы.

Усиленная жизнь Китая, его возрастающее народонаселеніе и внутреннія волненія заставляли многихъ Китайцевъ, даже изъ царскихъ родовъ, искать убѣжища на Сѣверо-восточныхъ островахъ. Богатая и прекрасная природа Японіи привлекала

Digitized by Google

бѣглецовъ; тамъ основали они колонію, со дня на день возраставшую въ силѣ и значеніи. Юго-западная часть острова подчинялась мало-по-малу законамъ Китайскаго просвѣщенія; остальныя области покорились послѣ продолжительной борьбы. Весь обширный островъ слился въ одно могучее государство, составленное изъ народной стихіи, совершенно чуждой Китаю, но движимое вполнѣ умственными началами, принесенными оттуда. Таковы показанія Японскихъ ученыхъ и лѣтописцевъ, и нѣтъ никакой причины въ нихъ сомнѣваться; ибо они не льстятъ самолюбію народа и существуютъ издавна, не смотря на постоянную вражду съ Китаемъ. Вѣроятно, малоизвѣстная намъ Корея служила посредствующимъ звеномъ между материкомъ Азіи и Японіи какъ въ отношеніи племеннаго начала, которое наука опредѣлитъ со временемъ посредствомъ языкосравненія, такъ и въ отношеніи просвѣщенія. Какъ бы то ни было, въ теченіи шестаго вѣка проникъ и въ Японію буддаизмъ, эта глубокая и сильная вѣра, созданная борьбою духа, требующаго свободы, съ ученіемъ, положившимъ въ начало міра законъ логической (т. е. органической) необходимости, вѣра, которой распространеніе равняется распространенію магометанства и христіанства.

Должно замѣтить, что въ историческія времена только эти три вѣрованія и распространялись далеко за предѣлы областей, въ которыхъ родились. Въ глубокой древности точно также распространялось и шиваитство, но завоеванія шиваитства относятся къ эпохѣ почти до-исторической и погибли безъ слѣдовъ. Фактъ этотъ довольно понятенъ. Въ христіанствѣ выразилось окончательно Иранское преданіе во всей силѣ своихъ вѣрованій и въ своей логической полнотѣ. Тоже самое преданіе, хотя искаженное, составляетъ и силу магометанства; въ шиваизмѣ и въ буддаизмѣ живетъ первобытное ученіе Куша почти въ полной своей чистотѣ. Въ этой строгости началъ лежитъ возможность мирныхъ завоеваній. Среднія и мѣшанныя вѣры почти никогда не переходили границъ области, въ которой были созданы случайными обстоятельствами, ибо разумъ человѣческій покоряется только общечеловѣческимъ, а не мѣстнымъ и произвольнымъ началамъ.

Digitized by Google

И новоявившійся буддаизмъ овладѣлъ довольно скоро новою областью, не безъ нѣкотораго сопротивленія (ибо нѣсколько разъ буддаистскіе кумиры были разбиваемы народомъ и правительствомъ подъ предлогомъ гнѣва прежнихъ боговъ), но, какъ кажется, безъ жестокихъ гоненій и безъ большаго насилія; по крайней мѣрѣ таковъ, кажется, разумный выводъ изъ извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ. Впрочемъ въ Японіи скоро характеръ ламаизма принялъ особенный оттѣнокъ. Священное значеніе государей добудданстскаго времени отозвалось и по принятіи новой вѣры. Государи (даирін) сосредоточили въ себѣ всю власть свѣтскую и въ тоже время высшее духовное священство. Они повторяли на Востокѣ явленіе халифата Магометанскаго; но въ Японіи повторился также и тотъ раздоръ между непогрѣшимостью духовной власти, предполагающей совершенство въ основѣ своей, и вѣчно измѣняемыми и волнующимися требованіями жизни государственной, который, какъ уже сказано, потрясъ и окончательно разрушилъ халифатъ и который сдѣлалъ невозможнымъ разрѣшеніе папской задачи на Западѣ. Въ концѣ XI-го столѣтія, какъ кажется, утвердилась новая, независимая свѣтская власть, сіогуновъ, возникшая изъ отношеній похожихъ на отношенія королей Французскихъ къ мерамъ и халифовъ къ визирямъ и эмирамъ *алъмуменинъ*. Сіогуны сдѣлались дѣйствительно единственными государями Японіи. Государство нашло свою божественность въ самомъ себѣ, также какъ въ Китаѣ и вѣроятно въ самой Японіи до буддаизма; а духовный государь, даири, былъ заключенъ въ золотыя оковы своей духовной и безсильной святости, властвующей только надъ невидимою областью талисмановъ; ибо въ Японіи, также какъ въ Китаѣ, величіе и смыслъ буддаизма исчезли въ грубой безсмысленности поклоненія талисману и фетишу.

Американскія государства.—Тольтеки.

Въ это время еще далѣе на Востокѣ происходили великія перемѣны; зарождались государства новыя и государственныя преданія, по крайней мѣрѣ такія преданія, которыя въ послѣд-

Digitized by Google

ствіи времени сдѣлались достояніемъ науки. Въ тропическую область, соединяющую сѣверный и южный материкъ Америки и отдѣляющую Тихій океанъ отъ великаго Антильскаго залива, въ область надѣленную отъ природы всѣми дарами богатства и красоты, пришелъ съ Сѣвера, около VII-го вѣка послѣ Р. Х., народъ Тольтековъ, повидимому кроткій и просвѣщенный, и основалъ пространное и могущественное царство. Это царство не дожило до прихода Европейцевъ. Испанскіе дикари нашли уже въ Мексикѣ Азтековъ, народъ такой же свирѣпый и кровожадный какъ и самая дружина рыцарей-завоевателей, а царство Тольтековъ пало отъ внутреннихъ междоусобій и слабости еще въ концѣ X-го или началѣ XI-го столѣтія, и разсказы объ немъ дошли до насъ только черезъ Азтековъ, сохранившихъ скудныя воспоминанія о прежнихъ владыкахъ области Мексиканской. По этому трудно опредѣлить характеръ этаго исчезнувшаго народа. Изъ разсказовъ можно предполагать, что вѣра Тольтековъ была кроткая и человѣколюбивая и далеко разнилась отъ свирѣпой и кровожадной вѣры Азтековъ. Цвѣты и плоды были едва ли не единственными жертвами, приносимыми богамъ; кротость вѣрованія выражалась и на нравахъ народа; но самое религіозное ученіе было, также какъ и ученіе позднѣйшихъ Азтековъ, чистымъ остаткомъ древняго Кушитства, развитаго въ формѣ двухъ органическихъ полюсовъ. Не безъ слѣда прошли Тольтеки по лицу земли. Великолѣпные памятники, водохранилища, гранитныя плотины, огромные храмы, полные таинственнаго мрака и величія, остались какъ свидѣтельства ихъ четырехвѣковой славы и просвѣщенія, носящаго на себѣ весь характеръ древняго царства Фараоновъ. Такова была держава Тольтековъ; таково ихъ умственное и государственное развитіе; но было ли это развитіе созданіемъ самобытной народной мысли, сказать невозможно. Древнѣйшая эпоха Тольтекскаго царства и все ему предшествовавшее были чужды Азтекамъ. Самое имя Тольтековъ, быть можетъ, не принадлежало имъ вовсе. На нарѣчіи Азтековъ оно имѣло значеніе каменосѣчцевъ и служитъ только доказательствомъ того, что строительное искусство было уже

Digitized by Google

усовершенствовано въ Мексикѣ и удивило новыхъ пришельцевъ-завоевателей. Наука разрѣшитъ, можетъ быть, многія задачи о древностяхъ Америки; но уже и теперь, хотя не сохранилось никакихъ преданій о переселеніи Тольтековъ, хотя у насъ нѣтъ еще никакихъ положительныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса, были ли они завоевателями или пришельцами въ пустыню, гдѣ создали царство, уже и теперь можно по всѣмъ вѣроятностямъ утверждать, что искусство строительное не было ими принесено съ Сѣвера, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ памятниковъ, или памятники принадлежатъ къ особенному роду (къ насыпямъ похожимъ на наши Русскіе и Сибирскіе курганы и городки), и что оно также не было создано самобытнымъ развитіемъ ихъ мысли; ибо уцѣлѣвшія зданія не представляютъ постепеннаго усовершенствованія зодчества, и сверхъ того область памятниковъ далеко переходитъ на Югъ границы Тольтекской державы, распространяясь не только по всему Юкатану и Гватемалѣ, но и захватывая часть южно-Американскаго материка. Очевидно, что зодчество было принято Тольтеками отъ сосѣдей или отъ старожиловъ Мексиканской земли; ибо вѣроятно, что въ древности одно и тоже племя, можетъ быть теперь уже погибшее, занимало всю страну отъ сѣверной части Мексики до теперешней Колумбіи, и точно также можно и должно предполагать, что съ этимъ зодчествомъ было соединено и преданіе наукообразнаго и общественнаго просвѣщенія. Характеръ художества, котораго великолѣпные памятники сохранились до нашего времени и долго еще могутъ сопротивляться разрушительной силѣ климата, указываетъ на развитіе подобное развитію Египта и Индіи. Пирамидальныя формы зодчества, іероглифическое письмо, огромная важность жреческой касты (важность, извѣстная по сказаніямъ Испанцевъ объ Азтекахъ, и несомнѣнно доказанная у Тольтековъ колоссальностью религіозныхъ зданій), все представляетъ намъ область, соединяющую южную и сѣверную Америку, какъ часть великаго Кушитскаго міра, связанную духовнымъ родствомъ съ народами, населявшими берега Нила. Но это родство духовное было ли слѣдствіемъ родства

Digitized by Google

племенъ, колонизаціи, древнихъ сношеній, или общихъ законовъ въ развитіи ума человѣческаго, опредѣлить невозможно при тѣхъ данныхъ, на которыя теперь можетъ ссылаться наука. За всѣмъ тѣмъ, если вспомнить преданіе Азтековъ (или полученное Азтеками отъ Тольтековъ) о бѣломъ и бородатомъ просвѣтителѣ, пришельцѣ изъ заокеаническаго Востока, если обратить вниманіе на типъ многихъ, хотя и неотчетливо исполненныхъ скульптуръ, на сходство многихъ миѳовъ Мексиканскихъ съ миѳами Финикіи, на безспорное пребываніе бѣлаго племени на Антильскихъ островахъ (ибо Карибъ, названіе властвующаго племени, значило бѣлый) и на разительное сходство многихъ религіозныхъ обрядовъ у Гванчей Африканскихъ и у жителей Антильской островной купы: кажется, нельзя будетъ даже подвергать сомнѣнію, что просвѣщеніе Мексики и ближайшихъ къ ней областей было плодомъ прямаго сношенія съ великими центрами древняго просвѣщенія или даже прямой колонизаціи изъ юго-западной Азіи или Нильской долины. Впрочемъ эти сношенія или колонизація должны во всякомъ случаѣ относиться къ глубокой, почти доисторической древности, къ тому времени, когда мореплаваніе, остатокъ первоначальной эпохи всечеловѣческаго общенія, еще не погибло или не упало отъ усиленныхъ распрей народныхъ. Не даромъ хранилась такъ долго память объ Атлантидѣ, и не даромъ памятникъ на Азорскихъ островахъ указывалъ моряку путь на далекій Западъ.

Сомнѣнія о возможности такой колонизаціи были бы уже смѣшны въ наше время. Давно ли узнали мы, что въ X-мъ вѣкѣ Скандинавскіе Норманны приставали къ берегамъ Лабрадора, Канады и даже теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что Кельты Ирландскіе уже предупредили ихъ въ заокеаническихъ плаваніяхъ? Преданія умолкли, память исчезла, и только письменные памятники, отысканные учеными тружениками, возстановили фактъ, давно заброшенный въ число самыхъ неправдоподобныхъ басень. А моряки Финикійскіе далеко превосходили Норманновъ смѣлостью предпріятій, постоянствомъ въ торговомъ и вѣроятно разбойническомъ ремеслѣ, обширностью морской области, захватывавшей всѣ берега

Digitized by Google

морей отъ Ирландіи до Индіи, огромностью флотовъ (напр., Ганнонъ бралъ съ собою въ путешествіе около Африки нѣсколько тысячъ колонистовъ) и особенно многовѣковымъ развитіемъ искусства. Но тайны Финикіи, строго охраняемыя ея торговымъ эгоизмомъ, погибли съ нею. Письменность не сохранила намъ ничего; но безпристрастная критика историческая можетъ и должна возстановлять по признакамъ вѣка отжитые человѣчествомъ и только подъ этимъ условіемъ заслуживаетъ имя науки. Такъ явные слѣды указываютъ на высокое просвѣщеніе и на великія знанія въ первомъ младенчествѣ человѣческаго рода. Пиѳагоръ по преданіямъ зналъ движеніе земли, за которое пострадалъ Галилей, а Греки хотѣли казнить философа, сказавшаго, что мѣсяцъ больше Пелопонеса. Древнѣйшіе циклы были вѣрнѣе Гиппарховыхъ, и едва послѣ двадцати слишкомъ вѣковъ осмѣлились Португальцы возобновить попытку Финикійцевъ, оплывшихъ Африку при Фараонѣ Нехао. Но все это просвѣщеніе, наслѣдіе древняго синтеза, еще не возмущеннаго позднѣйшимъ анализомъ, можетъ быть угадано, должно быть признано, но не можетъ уже быть опредѣлено съ точностію. Таковы же и древности средней Америки. Возстановить ихъ вполнѣ мы уже не можемъ; признать ихъ Шиваитскій характеръ по изображенію боговъ, по обрядамъ и т. д., признать ихъ иноземное начало по темному преданію о просвѣтителяхъ иноземцахъ и по многимъ подробностямъ рисунка въ древнѣйшихъ памятникахъ, наконецъ признать ихъ многовѣковое преемство по великому развитію художества, по смѣлости предпріятій, по громаднымъ размѣрамъ и множеству зданій, невозможному въ короткій срокъ и при безпрестанныхъ войнахъ, мы должны.

Но это просвѣщеніе, принесенное съ Востока, встрѣтило безъ сомнѣнія другую стихію, стихію мѣстную. Народъ, населявшій Мексику, принадлежалъ Американскому материку. И тутъ, какъ почти вездѣ, мысль явилась не какъ уже готовая наука, прививаемая въ школахъ малолѣтнимъ ученикамъ, но какъ закваска мѣстной мысли, пробуждая ее и направляя, но въ тоже время сливаясь съ нею въ одно органическое цѣлое.

Это доказывается общимъ типомъ Американской физіономіи, который принадлежитъ Мексикѣ, также какъ и всему древне-Американ-

Digitized by Google

скому племени (разумѣется исключая сѣверныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ Финскаго корня, Эскимосовъ и другихъ), многими общими преданіями (какъ напр. память о потопѣ принадлежитъ всей Америкѣ и гораздо глубже срослась съ ихъ миѳами, чѣмъ во всѣхъ народахъ Кушитскаго образованія) и наконецъ преобладающимъ характеромъ туземства во всѣхъ символахъ и преданіяхъ.

Вѣроятно, что кромѣ прилива съ Востока (т. е. отъ Европы или береговъ Средиземнаго моря) былъ еще и другой приливъ съ Запада (т. е. изъ Азіи). Это мнѣніе получило уже право гражданства въ наукѣ. Есть неоспоримое сходство въ физіономическомъ очеркѣ между племенами такъ называемаго Американскаго корня и многими племенами Полинезіи или Океаніи; есть явное сходство въ мѣдномъ цвѣтѣ тѣла тѣхъ и другихъ, отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ міра и обличающемъ тоже смѣшеніе племенъ, которое замѣтно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ великой Малайской семьи и основано на присоединеніи желтой Средне-Азійской крови къ мулатту отъ бѣлаго и чернаго племени; есть опредѣленный и неоспоримый слѣдъ религіознаго зодчества по мелкимъ и разрушеннымъ моремъ островамъ отъ Сунды до береговъ Америки; есть точно такой же несомнѣнный слѣдъ религіознаго поклоненія разрушительному началу вещественной природы, олицетворенному въ крокодилѣ или акулѣ и символизированному въ ожерелін изъ череповъ, которымъ украшаются равно кумиръ Мексиканскаго бога и таинственныя изображенія Шивы Индустанскаго; наконецъ, есть рѣзкая и за всѣмъ тѣмъ слишкомъ мало замѣченная черта, опредѣляющая народное и духовное сродство между островами южной Азіи и Американскимъ материкомъ, которой одной достаточно для указанія на колонизацію или на цѣлый рядъ миграцій черезъ безконечность океана: это общій обычай людоѣдства, принадлежащій исключительно народамъ мѣдноцвѣтнымъ, Полинезійскимъ и (однакоже въ меньшей степени) такъ называемымъ Малайскимъ.

Людоѣдство являлось, быть можетъ, и у многихъ народовъ дикихъ; въ немъ обвиняли и Германцевъ и (хотя явно несправедливо) Сла-

Digitized by Google

вянъ и нѣкоторыхъ дикарей Азіи и Африки; но даже тамъ, гдѣ оно доказано (а оно почти нигдѣ не доказано), оно вездѣ является какъ рѣзкое исключеніе, не заслуживающее никакаго вниманія. Иногда это слѣдствіе нищеты, иногда страстей, доведенныхъ до ихъ крайняго ожесточенія и т. д.; но въ народахъ мѣдноцвѣтныхъ, кромѣ сѣверной и крайней южной Америки, это обрядъ постоянный, религіозный и неизмѣнный. Онъ принадлежитъ семьямъ кроткимъ, точно также какъ и самымъ свирѣпымъ; онъ выражаетъ столько же любовь, сколько ненависть: ибо многіе народы считаютъ обязанностью съѣдать ближайшихъ родственниковъ, тогда какъ другіе съѣдаютъ только побѣжденныхъ непріятелей, другіе только преступниковъ. Во всѣхъ случаяхъ это слѣдствіе вещественнаго пантеизма и желанія—или дать безсмертіе соединеніемъ стихій умершаго человѣка съ стихіями другаго, живаго человѣка, или отнять безсмертіе, подчиняя стихію разрушеннаго организма другому, живому и сильнѣйшему. Начало же этого страннаго и для насъ отвратительнаго обычая ясно въ жертвоприношеніяхъ человѣческихъ Молоху, Тифону или Теутатесу и въ ожесточеніи религій при первоначальной борьбѣ Ирана и Куша.

Итакъ, въ Америкѣ встрѣчались два прилива просвѣтительнаго начала, отъ Востока и Запада; различные во многихъ подробностяхъ, сходные въ главныхъ чертахъ и основахъ, они дѣйствовали на туземную стихію народную, по всѣмъ вѣроятностямъ происходящую изъ Азіи. На краяхъ великаго материка вліяніе ихъ отзывалось незначительно. Дикая природа и полная разъединенность мелкихъ семей уничтожали всякій зародышъ умственной жизни; вліяніе племенной примѣси отзывалось нѣсколько болѣе на Югѣ, но художественное и религіозное вліяніе проникало также мало въ южныя пампы, какъ и въ сѣверныя саванны. Вся жизнь умственная и общественная, произведенія мысли и началъ, родившихся и созрѣвшихъ на другомъ материкѣ, сосредоточивались въ притропической области и производили великія государственныя явленія, которыхъ исторія погибла для міра безъ славы и звука, но въ свое время не была лишена вѣроятно ни блеска, ни величія.

Digitized by Google

И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ, большая часть явленій) также ничтожны, также обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣческій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города. Правда, взятая отдѣльно, она еще имѣетъ свою высокую занимательность, ибо представляетъ природу человѣческую въ минуту высокой напряженности и односторонней восторженности; но эта занимательность принадлежитъ болѣе къ интересу художественному, чѣмъ къ интересу науки исторической. Такова бы была занимательность и лѣтописи Американской, если бы можно было ее воскресить по древнимъ памятникамъ; ибо бѣдный Индѣецъ, рабъ Европейскихъ завоевателей, будущій христіанинъ, быть можетъ, даже будущій народъ, ничѣмъ уже не связанъ съ своими прошедшими вѣками и съ безплодными волненіями своихъ прошедшихъ государствъ.

И въ Мексикѣ, и въ Гватемалѣ, и вѣроятно въ области Перувіанской, и можетъ быть далѣе на берегахъ Ореноко и безконечнаго Мараньона, стройныя государства смѣняли другъ друга и погибали, оставляя по себѣ развалины, теперь уничтоженныя сокрушительною силою тропической природы или поглощенныя буйной роскошью ея растительности. Европейцы застали въ Мексикѣ людоѣдовъ-Азтековъ; тѣ помнили своихъ предшественниковъ, кроткихъ Тольтековъ. Критика памятниковъ обличаетъ существованіе другихъ древнѣйшихъ государствъ; но въ тоже время критика узнаетъ и тождество началъ, создавшихъ эти государства, и отсутствіе туземной самобытности въ просвѣщеніи, и явную зависимость его отъ дру-

Digitized by Google

гихъ, далекихъ, всемірно-историческихъ средоточій Азіи и Африки. Періодически возникали въ Америкѣ явленія государственной жизни въ слѣдствіе вѣроятно періодическаго же прилива иноземныхъ вліяній. Испанцы, дикіе похитители святаго подвига Генуезца Колумба, застали просвѣщеніе Америки уже въ минуту упадка и нанесли ему послѣдній ударъ; но оно погибло бы и безъ нихъ, потому что все возникающее на почвѣ Кушитскаго произвольнаго ученія произвольно и обречено гибели. Времеупорная сила принадлежитъ міру преданія.

Почти такое же безплодное волненіе происходило въ то время и въ той области, откуда Шиваитское ученіе съ его художественнымъ развитіемъ проникло въ Америку. Слѣды этаго переселенія религіозныхъ ученій можно, какъ уже сказано, отыскать по всей длинной цѣпи океаническихъ острововъ по разнымъ обрядамъ, по разнымъ формамъ поклоненія и особенно по морямъ. Ближе къ самой Индіи эти слѣды становятся яснѣе и несомнѣннѣе въ священномъ языкѣ *Кави*.

Розысканія Германскихъ ученыхъ объ этомъ почти исчезнувшемъ остаткѣ Санскритскаго языка, нѣкогда посвященнаго религіозному служенію, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ плодовъ современной науки. Они представили въ ясномъ свѣтѣ фактъ, котораго нельзя бы было доказать, и даже можетъ быть отгадать никакимъ инымъ путемъ. Впрочемъ *Кави* былъ связанъ не съ шиваитствомъ, а съ мѣшаннымъ брахманствомъ; онъ принадлежитъ вѣроятно къ позднѣйшей эпохѣ и только указываетъ на тѣ пути, по которымъ раннее вліяніе и умственная колонизація шли изъ Индіи на Востокъ и въ безконечность океанической пустыни. Слѣды же самой ранней эпохи отыщетъ безъ сомнѣнія сравнительное языкознаніе въ сличеніи *Тонга* и другихъ нарѣчій съ Индустанскими нарѣчіями, не принадлежащими къ Иранской семьѣ; ибо никогда не должно упускать изъ вида двойственнаго состава всего Индустанскаго міра какъ въ племенномъ, такъ и въ народномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Розысканія объ языкѣ Тонга также принесли безконечную пользу, доказавъ несомнѣнно тождество Полинезійскихъ и Океаническихъ племенъ, слѣдовательно ихъ забытыя миграціи и нѣкогда су-

Digitized by Google

ществовавшее, но постоянно упадавшее и тому лѣтъ сто совершенно погибшее мореходство. Таже самая истина выходитъ явно и изъ преданій, мѣстныхъ и изъ того важнаго, но слишкомъ мало замѣченнаго факта, что племя первыхъ жителей на островѣ Пасхи исчезло и замѣнено другимъ уже послѣ открытія этаго острова Европейцами. Непонятно, какъ скудное мореходство дикарей могло отыскать этотъ островъ, точку незамѣтную въ безпредѣльности Тихаго океана и удаленную на огромное разстояніе отъ всякой обитаемой земли; но оно такъ было, и догадливая наука должна понять, что мы, избалованные вещественнымъ просвѣщеніемъ, уже не можемъ себѣ ясно представить ни отважности, ни инстинктивной сметки младенчествующихъ народовъ.

Индустанъ. Вѣка его паденія.

Въ Индустанѣ всѣ явленія жизни были тѣсно связаны съ идеями религіозными. При распаденіи и разрывѣ міра религіознаго должны были распадаться самыя общества и государства, явленія міра политическаго, подчиненнаго высшимъ законамъ вѣрованія и философскаго мышленія, возведеннаго въ вѣру. Индія представляетъ намъ странное и единственное зрѣлище страны, издавна просвѣщенной, издавна богатой литературою во всѣхъ отрасляхъ и художествомъ, но не имѣющей не только исторіи, но даже сколько нибудь связныхъ историческихъ преданій. Исключеніемъ являются отчасти Цейлонъ и Кашмиръ, двѣ крайнія оконечности Индустанской страны, гдѣ оскудѣніе религіознаго интереса и вѣроятно вліяніе трезваго буддаизма произвели что-то похожее на лѣтопись, бросающую слабый свѣтъ на происшествія въ сосѣднихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, возсоздать древнюю исторію Индіи даже въ эпоху послѣ христіанства.

Труды ученыхъ Англичанъ, разбиравшихъ древнія надписи въ южной Индіи, остались впрочемъ не совсѣмъ безплодными. Многое прочтено, и наукѣ открылись нѣкоторые просвѣты въ темную глубину прошедшаго.

Digitized by Google

Съ помощію тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми уже овладѣла критика, можно только сказать, что лучшія историческія столѣтія для Индіи, именно первыя столѣтія нашего лѣтосчисленія, были сильно подчинены вліянію буддаизма. Этотъ безспорный фактъ можно уже вывести изъ ничтожности границъ, отдѣлявшихъ въ то время касту отъ касты; ибо многія и самыя громкія имена царей, владѣвшихъ всею сѣверною Индіею, принадлежатъ къ низшимъ кастамъ, къ вайсіямъ и даже судрамъ. Не должно однакоже искать эпохи, въ которой торжество буддаизма было бы полное.

Въ эту ошибку впадаютъ многіе, если не всѣ, критики и отъ того безпрестанно сбиваются на ложные пути и ложные выводы.

Буддаизмъ въ своей родинѣ, Индіи, имѣлъ очевидно такое же значеніе, какъ и въ Китаѣ. Онъ всегда стремился къ преобладанію, но никогда не достигалъ цѣли своей вполнѣ. Онъ находился въ противуположности съ брахманствомъ, также какъ съ конфуціанствомъ въ Китаѣ, былъ терпимъ, иногда даже первенствовалъ, но никогда не торжествовалъ окончательно и не могъ ни вытѣснить, ни побороть своихъ противниковъ. Впрочемъ его внутреннее противорѣчіе съ брахманствомъ было сильнѣе, чѣмъ съ государственною философіею, замѣняющею религію въ Китаѣ. Противъ него должны были враждовать и враждовали гордость и выгоды высшихъ кастъ, особенно же брахмановъ, и окончательный кровавый разрывъ былъ неизбѣженъ. Трудно опредѣлить, когда и по какому поводу онъ произошелъ. Хронологическія вѣроятности относятъ его къ концу четвертаго или къ пятому вѣку послѣ Р. Х. По крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ принадлежитъ сильное выселеніе буддаистовъ изъ Индіи, указывающее на гоненія, претерпѣнныя ими отъ брахмановъ. Какъ бы то ни было, но прежнее мнѣніе о быстромъ и совершенномъ торжествѣ брахмановъ въ это время уже обличено въ ошибкѣ. Борьба продолжалась долго, и гибель буддаизма была не мгновеннымъ паденіемъ, слѣдствіемъ одной какой нибудь войны, но постепен-

Digitized by Google

нымъ замираніемъ, продолжавшимся въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ. Еще въ X-мъ, XI-мъ и едва ли не до XIII-го в. видны слѣды буддаизма на Востокѣ Индустана, но они слабѣютъ и исчезаютъ постоянно. Это паденіе, бывшее сначала очевидно слѣдствіемъ насилія, связано было въ послѣдствіи съ огрубѣніемъ самаго народа, съ усиліемъ суевѣрія, любящаго блескъ и обрядную пышность искаженнаго брахманства, и съ внутреннимъ обезсмысленіемъ буддаизма, переходившаго въ Индіи, какъ и въ Китаѣ, изъ высокой своей философской области въ темное и грязное поклоненіе талисману и фетишу. Буддаизмъ удалялся отъ постояннаго напора брахманства и искалъ, какъ видно, убѣжища по оконечностямъ и окраинамъ Индустана. Такъ видимъ мы, что горы Кашмира, южныя Гауты и прибережье Гангеса населяются поклонниками Гаутамы. Преслѣдуемые неутомимою враждою торжествующихъ соперниковъ, они наконецъ оставляютъ навсегда свою родину. Сѣверные бѣглецы спасаются въ Тибетъ, южные удаляются въ Цейлонъ и за моря; долѣе всѣхъ остаются буддаисты Гангесскаго прибережья, опираясь вѣроятно на единовѣрцевъ Заганесскаго полуострова. Наконецъ и тѣ удаляются въ область теперешнихъ Бирманцевъ, гдѣ они соединяются съ бѣглецами южной Индіи и кладутъ твердое основаніе тому искаженному буддаизму, который и теперь сохраняетъ еще свою формальную силу, утративъ свое духовное значеніе и обратившись въ нестройное смѣшеніе безсмысленныхъ обрядовъ.

Таковъ былъ ходъ борьбы двухъ вѣрованій въ Индустанѣ, духовнаго брахманства, слившагося вполнѣ съ человѣкообразнымъ вишнуизмомъ и съ вещественнымъ шиваизмомъ и буддаизма, который, какъ уже сказано, былъ ничто иное какъ реформа древняго шиваитскаго протестанства. Брахманство восторжествовало. Побѣжденный буддаизмъ перемѣнилъ во многомъ судьбу средней Азіи и дальняго Востока; но во время самой борьбы внутри Индустана не основалось ни одно могучее царство, которое бы могло достигнуть истинно историческаго значенія. Сколько можно судить по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя наука могла до сихъ поръ почерп-

Digitized by Google

нуть изъ мѣстныхъ преданій, изъ скудныхъ разсказовъ иноземныхъ путешественниковъ и изъ недавно разобранныхъ надписей, Индія дѣлилась на двѣ народныя и государственныя системы съ весьма неопредѣленными границами, попрежнему исконному раздѣленію, на Индустанскую систему (сѣверную) и на Деканскую (южную). Обѣ были опять подраздѣлены на множество мелкихъ и независимыхъ областей, которыя то соединялись непрочными союзами, то вели между собой кровавыя распри. Иногда являлись люди съ сильнымъ духомъ или съ военными способностями, и тѣ, взявъ временное первенство надъ сосѣдями или дѣйствительно расширивъ далеко предѣлы своихъ родныхъ владѣній, величались *магараджами*, великими царями или владѣтелями всего Индустана. Но это громкое названіе никогда не было заслужено вполнѣ, и по большей части гордыя притязанія, то переходящія отъ одной области въ другую, то передаваемыя по наслѣдству цѣлымъ рядомъ владѣтелей въ одной какой-нибудь области, не стремились даже оправдать себя на дѣлѣ. Важнѣе царскихъ лицъ были въ то время проповѣдники религіозныхъ ученій. Изъ нихъ многіе достигли истинно историческаго значенія; и хотя трудно опредѣлить ихъ существованіе въ строго хронологическомъ порядкѣ или даже отдѣлить подлинные разсказы объ ихъ жизни отъ миѳическихъ или сказочныхъ прикрасъ, можно однакоже утвердительно сказать, что ихъ слова и воля бросали народы сѣверной Индіи на Югъ и южной на Сѣверъ для окончательнаго уничтоженія ненавистныхъ буддаистовъ. Впрочемъ вообще замѣтно (хотя есть примѣры и противному), что главная сила брахманства держалась на Сѣверѣ и что Югъ, опираясь на Цейлонскихъ буддаистовъ, сильныхъ своимъ богатствомъ и неприступностью острова, отстаивался довольно долго отъ напора брахмановъ.

Вѣроятно, большее преобладаніе шиваитства на Югѣ и память о прежнемъ братствѣ его съ буддаизмомъ (доселѣ непонятая критикою) помогали также буддаистамъ въ ихъ борьбѣ противъ брахмановъ.

Digitized by Google

Весь Индустанъ, съ его раздѣленіемъ на системы государственныя, съ его независимыми раджами и съ вѣчно продолжавшимися притязаніями котораго нибудь изъ раджей на прозваніе и власть магараджи, представлялъ нѣчто похожее на позднѣйшую Россію въ эпоху ея удѣльныхъ смутъ; но ни въ политическихъ, ни въ бытовыхъ, ни въ религіозныхъ ея стихіяхъ не было ничего, что могло бы основать крѣпкое и плодотворное единство. Стихія государственная была уничтожена по своей подчиненности высшему значенію жреческой касты. Стихія народная была точно также ничтожна по своей разностихійности, ибо народонаселенія Сѣвера, Юга и горъ, пересѣкающихъ Индустанъ, различныя еще въ наше время, должны были представлять еще болѣе различія въ древности; наконецъ, преобладающая надъ другими и созидающая нѣчто похожее на единство, стихія религіозная была въ дѣйствительности также ничтожна, какъ и всѣ остальныя. Брахманство, принявъ въ себя враждебный шиваизмъ и мелкій безсмысленный вишнуизмъ, перешло въ несвязный синкретизмъ ученій, кое-какъ скрытый призракомъ тождества боговъ въ ихъ общей основѣ — непроявленномъ божествѣ. Это насильственное примиреніе непримиримыхъ началъ отнимало у религіи всю ея внутреннюю силу и слѣдовательно всякую возможность развитія. Она должна была постоянно грубѣть и унижаться до безсмысленнаго многобожія, заключеннаго въ обрядахъ и заклинаніяхъ. Съ другой стороны, разумъ человѣческій, безспорно богатый въ Индіи и рано развитый наукою и художествомъ, долженъ былъ постоянно освобождаться отъ формы религіозной и создать системы философскія, въ которыхъ старался онъ осмыслить слова ученія, все болѣе и болѣе терявшія свое первоначальное значеніе. Но многобожіе Индустана лежало на глубоко-разумныхъ (хотя и противоположныхъ другъ другу) основахъ; поэтому и философія не могла никогда освободиться отъ религіи, такъ какъ она освободилась отъ мелкаго синкретизма Эллинскаго. Сверхъ того, наука принадлежала высшимъ сословіямъ, которыхъ вещественныя выгоды были обезпечиваемы и охраняемы религіозными мнѣніями; необходимымъ

Digitized by Google

послѣдствіемъ этихъ отношеній было безсиліе самой философіи, не смотря на безконечную умственную силу, замѣтную въ произведеніяхъ философскихъ школъ Индустана. И въ этомъ тяжкомъ и болѣзненномъ бореніи началъ, равно неспособныхъ на созданіе какаго-нибудь могущаго цѣлаго, тратилась духовная и общественная жизнь Индустана. Она продолжала волноваться, но она замирала въ этомъ безплодномъ волненіи. Первая эпоха Индустанской древности была борьба между Сѣверомъ и Югомъ, между Иранскимъ брахманствомъ и Кушитскимъ шиваизмомъ. На помощь побѣжденному брахманству явился человѣкообразный вишнуизмъ, созданіе Бактро-славянской семьи, и Сѣверъ побѣдилъ; но за побѣдою наступило религіозное смѣшеніе, и брахманство и вишнуизмъ слились съ шиваитствомъ. Паденіе народа было неизбѣжно, но оно отсрочилось на многіе вѣка. Духовная и въ тоже время отрицательная сторона шиваитства, буддаизмъ не нашла и не могла найти мѣста въ новой синкретистической системѣ: она отдѣлилась и получила самостоятельное значеніе. Ея борьба съ мѣшаннымъ брахманствомъ дала смыслъ и жизнь послѣдующимъ столѣтіямъ. Торжество брахманства было въ тоже время его смертнымъ приговоромъ, ибо въ немъ не было ни разумнаго существа, ни силы для созданія новыхъ живыхъ началъ. Дѣйствительная исторія Индіи кончилась. Послѣдующіе вѣка были вѣка постепеннаго паденія и почти безпрестанныхъ бѣдствій. Ничего истинно-великаго уже не создала она ни въ мірѣ быта общественнаго, ни въ мірѣ художества. Раздѣленіе кастъ дошло до отвратительныхъ и почти невѣроятныхъ крайностей; наука ограничилась комментаріями надъ прошедшею наукою, художество изысканными и безвкусными подражаніями прошедшему художеству. Самые памятники древности были въ то время безъ сомнѣнія искажены расчетливыми подлогами брахмановъ, старавшихся увѣрить народъ въ древности новыхъ общественныхъ и религіозныхъ формъ, выдуманныхъ ихъ властолюбіемъ.

Отъ того-то происходятъ безпрестанныя противорѣчія въ показаніяхъ древней поэзіи объ отношеніи кастъ другъ къ другу и необ-

Digitized by Google

ходимость приступить къ разбору памятниковъ съ строгой недовѣрчивостью.

Съ тѣхъ поръ уже исторія Индіи получаетъ значеніе только по вліянію иноземныхъ народовъ на Индустанъ и по ихъ завоеваніямъ. Мирное христіанство давно уже проникло на берега Гангеса и до южной оконечности полуострова; когда именно, это трудно опредѣлить, но безспорно въ первыя уже столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Но христіанство, удерживаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ и сохраняясь посредствомъ сношеній съ несторіанцами средней Азіи, Персіи и даже Сиріи, не могло расширить свою область. Несторіанство по внутренней слабости не способно къ могучему развитію, а Индустанъ, еще не переставшій питать вѣру къ своимъ прежнимъ богамъ, представлялъ трудное поприще для мирныхъ завоеваній иноземнаго вѣрованія. Иному ученію было предоставлено измѣнить всю судьбу Индіи и связать ея исторію съ исторіею другихъ народовъ. Страшная гроза собралась въ концѣ X-го вѣка на сѣверо-западномъ скатѣ Гинду-кху, въ области магометанъ Газневидовъ.

Абиссинія.—Борьба въ ней іудейства и христіанства.

Вообще можно сказать, что христіанство еще было недоступно большей части народовъ, до которыхъ доходила его проповѣдь. Персія, Индія и Средняя Азія не приняли его, не смотря на многовѣковое существованіе христіанскихъ колоній. Но даже и тѣ народы, которые приняли христіанское ученіе внѣ предѣловъ Европы, доказали своею послѣдующею исторіею, что новое ученіе оставалось для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ, не проникавшимъ въ глубину ихъ духовной жизни. Многіе отступились отъ него при напорѣ магометанства; многіе, сохранивъ его, не умѣли развить его началъ ни въ общественномъ, ни въ духовномъ отношеніяхъ. Такова судьба страны, нѣкогда имѣвшей такое огромное вліяніе на всю судьбу человѣчества, страны бывшей нѣкогда колыбелью аналитическаго просвѣщенія и строительнаго художества, страны Кушъ при верховьяхъ Нила или его главныхъ притоковъ. Племена Иранскія или Семитическія проникли, какъ уже сказано,

Digitized by Google

изъ древнихъ временъ въ долину Нила и составили въ Египтѣ мѣшанное народонаселеніе.

Это видно изъ имени *Мицраимъ* (смѣшеніе) и изъ свидѣтельства Геродотова о томъ, что низшіе классы въ Египтѣ представляли многія особенности Африканскихъ племенъ, между тѣмъ какъ высшіе почти ничѣмъ не разнились отъ сосѣдей своихъ въ юго-западной Азіи.

Точно также проникли издревле, хотя позже чѣмъ въ Египетъ, племена Азійскихъ Семитовъ и въ горную область Абиссиніи, гдѣ они смѣшались съ туземцами, безъ сомнѣнія принадлежавшими къ великой отрасли Кушитовъ, но спасенными строгимъ горнымъ воздухомъ отъ того искаженія наружной организаціи, которымъ опредѣляется Африканское племя. Притокъ народовъ Аравійскихъ и Палестинскихъ въ Абиссинію усиливался все болѣе и болѣе. Прибережье великаго Нила, Нубія и Эѳіопія подпали власти всепобѣждающаго Рима и отчасти наслѣдницы его, Византіи; но народонаселеніе измѣнялось въ нихъ весьма незначительно, какъ по малочисленности завоевательныхъ дружинъ и по кратковременному ихъ пребыванію на Югѣ отъ Египетскихъ границъ, такъ и по безпрестанному наплыву чистыхъ выходцевъ изъ Африканскихъ пустынь. Горная твердыня Абиссиніи не подпадала чуждой власти; но съ другой стороны она наполнялась все болѣе и болѣе выходцами изъ южной Азіи, и ея народонаселеніе и языкъ отклонялись болѣе отъ древнихъ своихъ Африканскихъ первообразовъ. Приливъ Евреевъ былъ такъ значителенъ, что они могли (вѣроятно съ помощью туземцевъ, обращенныхъ въ іудейство) основать независимое государство въ древнемъ Саманѣ. Съ другой стороны черезъ Египетъ проникло въ Абиссинію и христіанство. Оно мало-по-малу вытѣснило древнее язычество (котораго слѣды впрочемъ и теперь еще не вездѣ изгладились) и сдѣлалось преобладающею и почти единственною вѣрою Абиссинцевъ. Имъ окрѣпло царство, существовавшее уже издревле; имъ достигло оно до нѣкоторой значитель-

Digitized by Google

ности въ исторіи и могло распространить свои завоеванія далеко за предѣлы горной области. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, вело оно войны вообще довольно успѣшныя съ жителями юго-восточной Аравіи и даже могло на время основать въ ней колоніи и утвердить свою державу посредствомъ прочныхъ завоеваній. Завоеванныя области освободились снова при пробужденіи чисто. Аравійскаго начала въ магометанствѣ, и впослѣдствіи Абиссинія съ трудомъ отстоялась отъ напора магометанъ-побѣдителей; но около седьмаго вѣка она была сильна внутри, грозна сосѣдямъ и извѣстна даже далекимъ государствамъ, искавшимъ ея союза. Христіанство проникло въ Абиссинію въ самыя первыя времена апостольской проповѣди (иначе и быть не могло по безпрестаннымъ сношеніямъ Абиссиніи съ Іудеею); утвердилось же оно, какъ преобладающее вѣроисповѣданіе, въ началѣ четвертаго вѣка. Но духъ народа не былъ, вслѣдствіе прежней заклинательной религіи, приготовленъ къ высокому значенію христіанства. Вѣра осталась дѣломъ внѣшнимъ, не проникла въ глубину мысли народной и не развилась богатыми плодами разумѣнія и жизни. Іудейское царство сражалось безпрестанно и не всегда безъ успѣха противъ христіанскаго. Соперники боролись въ Аравіи также, какъ и въ самой Абиссиніи. Побѣда оставалась по большей части на сторонѣ христіанъ; но около десятаго вѣка внутреннее ослабленіе христіанскаго царства, потрясеннаго торжествомъ магометанъ, вырвавшихъ всю Африку изъ рукъ христіанъ-Византійцевъ, упадокъ религіознаго духа вслѣдствіе несогласія Абиссиніи на Халкидонскій и послѣдующіе соборы и общественные раздоры дали перевѣсъ Іудеямъ. Побѣжденные цари христіанскіе бѣжали въ Шою, и въ продолженіе около 400 лѣтъ Іудеи владѣли почти всею горною областью Абиссиніи. Впослѣдствіи Икон-Амлакъ, изъ древняго царскаго рода, побѣдилъ снова своихъ соперниковъ, и побѣжденное іудейство исчезло мало-по-малу изъ области, въ которой оно жило въ продолженіе столькихъ вѣковъ; но народъ, не принявшій вполнѣ духа христіанскаго и далеко оторванный отъ сообщества съ христіан-

Digitized by Google

скимъ міромъ, стѣсненный мусульманами съ Сѣвера и Востока, воинственными дикарями съ Запада и Юга, не достигъ уже и не могъ достигнуть великаго историческаго значенія. Счастливый еще тѣмъ, что отстоялъ свою независимость, онъ ожидаетъ новой жизни отъ сообщества съ великимъ міромъ Европейской образованности для полнаго развитія своего духа, котораго энергія уже доказана такою тяжкою и многовѣковою борьбою.

Мусульманскій міръ: Омміады и Аббасиды.

Міръ магометанскій, оторвавшій Абиссинію отъ общенія съ остальными христіанскими народами, слабѣлъ повидимому со дня на день. Его первое расширеніе было такъ быстро, его побѣды такъ постоянны, что ему, казалось, предопредѣлено было полное торжество надъ христіанствомъ. Слабость государствъ, основанныхъ Германцами, и необъятная сила ислама доказаны были паденіемъ Готовъ почти безъ боя передъ ничтожною залетною дружиною Аравитянъ, удаленныхъ цѣлою ширіною Африканскаго материка отъ своего Аравійскаго центра. Лонгобардская Италія была очевидно также ничтожна, какъ и Готская Испанія. Безспорно сильнѣе обѣихъ была держава Франковъ, не смотря на внутренніе раздоры и слабость выродившейся династіи Меровинговъ. Мужество Карла Мартеля и торжество Франковъ надъ Аравитянами на поляхъ Пуатьерскихъ спасли западную Европу; но самое это торжество, стоившее такихъ великихъ усилій и все-таки не вырвавшее всей южной Франціи изъ рукъ мусульманъ, доказывало, какъ мало былъ въ состояніи вещественный Германскій міръ бороться противъ духовнаго могущества ислама. Борьба была возможна только тамъ, гдѣ вся сосредоточенная сила Германскаго Запада встрѣчалась съ отдѣльнымъ и сравнительно-ничтожнымъ ополченіемъ Аравитянъ, и указывала на безконечное превосходство Аравіи. Очевидно, Европа и ея будущее величіе были спасены крѣпкимъ отпоромъ Византіи, встрѣтившей всю громаду ислама, весь пламенный натискъ его свѣжихъ, молодыхъ и восторженныхъ силъ. Неспособ-

Digitized by Google

ная уже къ завоеваніямъ, Восточная имперія доказала всю несокрушимую крѣпость Эллинскаго просвѣщенія, сплотившагося въ государственныхъ формахъ, созданныхъ Римомъ; но заслуга Византіи не была никогда признана и до сихъ поръ не признается гордымъ Западомъ, спасеннымъ Византіею и всегда ругавшимся надъ своею спасительницею. Наступило и для ислама время внутренняго разслабленія. Государство въ лицѣ Моавіи восторжествовало надъ общиною духовною. Халифъ утратилъ часть своей первоначальной святости, въ которой заключалась главная опора его случайной власти; правда, что онъ пріобрѣлъ, можетъ быть, большую власть государственную и далъ державѣ своей болѣе твердую администрацію, но эти чисто-вещественныя пріобрѣтенія не замѣняли утраты духовнаго значенія. Потомки Алія и его рода, представители первоначальной религіозной мысли, были постояннымъ упрекомъ для властолюбивыхъ Омміядовъ, иногда предметомъ жестокаго гоненія, иногда сочувствія, иногда такаго глубокаго уваженія, что Омаръ II-й хотѣлъ имъ отдать престолъ, который онъ полагалъ ихъ законнымъ достояніемъ.

Едва ли какая нибудь царская династія можетъ представить лица столь чистыя въ нравственномъ отношеніи, какъ нѣкоторые изъ первыхъ халифовъ. Такъ напр. этотъ Омаръ, владыка безконечнаго царства отъ береговъ Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашняго расхода суммою, которою пренебрегъ бы даже небогатый частный человѣкъ. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанину, которому законъ разрѣшалъ многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью, были единственною роскошью его царской палаты. Отравленный, какъ кажется, родственниками, онъ отвѣчалъ приближеннымъ, предлагавшимъ ему врачебную помощь: «Къ чему мнѣ лѣчиться? Развѣ не благъ мой Богъ да пойду къ Нему?» а тѣмъ, которые предлагали ему отыскать отравителей, онъ отвѣчалъ: «Я не хочу ихъ знать, чтобы не быть въ необходимости ихъ казнить.» Многіе другіе халифы были подобны этому царственному отшельнику; но самыя ихъ добродѣтели были несовмѣстны съ новымъ государственнымъ значеніемъ халифата.

Digitized by Google

Распаденіе халифата.

Въ половинѣ VIII-го вѣка династія Омміядовъ пала. На престолъ взошелъ домъ Аббасидовъ, связанныхъ родствомъ съ основателемъ ислама, но не имѣвшихъ никогда такаго духовнаго значенія какъ Аліевы потомки. Новая и крѣпкая династія стала покровительствовать художествамъ и просвѣщенію, раздвигать на Востокъ предѣлы государства (ибо торжествующія войска Аравійскія доходили до предѣловъ Азіи и рѣшали судьбу Китая) и стѣснять слабѣющую Византію; но всѣ эти побѣды и слава, принадлежность нѣсколькихъ великихъ государей, Альмансура, Гаруна и др., царствовавшихъ другъ за другомъ, не вносили никакаго новаго начала жизни въ слабѣющую державу: за непродолжительнымъ блескомъ (отъ половины VIII-го до половины IX-го столѣтія) наступило время упадка. Изъ прежняго дома халифовъ, перебитаго Аббасидами, спасся молодой Абдеррахманъ, бѣжалъ въ Испанію, и Испанія, оторванная отъ халифата, начала съ половины VIII-го столѣтія подъ правленіемъ Омміяда новую государственную жизнь, не скоро побѣжденную всѣми усиліями западной Европы. Около конца того же столѣтія мнимый потомокъ Алія основалъ независимое государство на западной оконечности Африки подъ правительствомъ династіи, принявшей отъ родоначальника своего названіе Эдризидовъ. Въ началѣ IX-го столѣтія, рядомъ съ царствомъ Эдризидовъ Фецданскихъ, возстало въ Каирванѣ царство свирѣпыхъ и воинственныхъ Аглабитовъ, прославленныхъ завоеваніемъ большей части сѣверной Африки, Сициліи, гдѣ они надолго утвердили власть ислама, Сардиніи и многихъ городовъ южной Италіи и счастливыми набѣгами на окрестности Рима и Неаполя, гдѣ они часто находили союзниковъ въ мелкихъ владѣльцахъ свѣтскихъ и даже въ епископахъ, уже забывшихъ духъ и смыслъ христіанства. Въ концѣ IX-го столѣтія богатый Египетъ былъ вырванъ изъ рукъ Аббасидовъ Тулунидами, потомками Турецкаго раба, завоевавшими также Палестину и часть южной Сиріи. Наконецъ въ въ началѣ IX-го столѣтія возникла знаменитая династія Фатимидовъ. Къ концу того же столѣтія она уже покорила всѣ за-

Digitized by Google

падныя области магометанскаго міра кромѣ Испаніи, нанесла тяжелые удары христіанамъ нѣсколько оттѣснившимъ Аглабитовъ въ Италіи и Сициліи, покорила Египетъ и часть Сиріи, уничтожила или подчинила своей верховной власти мелкія династіи въ западной Африкѣ и противупоставила древнему халифату и исламизму При-евфратскому новое ученіе, отличавшееся особенною духовностью и таинственностью, и новый халифатъ, соединявшій въ себѣ притязанія религіозныя съ властію государственною. Въ тоже время около столицы халифовъ изъ смѣшенія исламизма и христіанства возникали другія ученія, нестройныя и безумныя, но исполненныя страстнаго восторга (таково напр. ученіе дикихъ *Карматовъ*, противъ которыхъ халифатъ едва могъ отстоять свое существованіе). На берегахъ Тигра и въ среднемъ Иранѣ Тагериды властвовали въ IX-мъ вѣкѣ независимо, то признавая, то отвергая первенство Аббасидовыхъ потомковъ. Еще далѣе на Востокъ къ концу IX-го вѣка Саффариды основали сильное царство, захватившее весь восточной Иранъ, Сѣверо-западную окраину Индіи и часть пустынь на Востокъ отъ Каспія, нѣкогда населенныхъ Славяно-Бактрійскими Саками и Гетами, но въ то время уже наполненныхъ Тюркскими выходцами изъ средней Азіи. Около Каспійскаго моря и на Западѣ властвовали независимо мелкія династіи Дилеймитовъ и Гамаданидовъ. Вскорѣ Саффаридовъ вытѣснили просвѣщенные и мудрые Саманиды; въ десятомъ же вѣкѣ Буиды, уничтоживъ или подчинивъ себѣ всѣхъ мелкихъ властителей при Евфратѣ и Тигрѣ, поработили самихъ халифовъ, а въ юго-восточномъ Иранѣ возстала династія Газневидовъ, основанныхъ великимъ Махмудомъ, родомъ изъ Турокъ, завоевателемъ Индустана и покровителемъ ново-Персидской словесности. Такъ распалось все государственное зданіе, воздвигнутое первыми преемниками Мухаммеда.

Процвѣтаніе мусульманскихъ областей; проявленіе въ нихъ мѣстныхъ стихій.

За всѣмъ тѣмъ эта эпоха государственнаго паденія не была еще эпохою паденія для самого ислама. Правда, что, отор-

Digitized by Google

вавшаяся отъ Востока Испанія могла уже предвидѣть окончательное торжество христіанства; ибо мусульмане, сперва изгнанные Карловингами изъ Франціи, потомъ отодвинутые ими же отъ Пиренеевъ, были принуждены уступать шагъ за шагомъ новымъ княжествамъ, основаннымъ въ сѣверной горной области воинственными туземцами, смѣсью, составленною изъ Готовъ, Франковъ, полу-Римскихъ потомковъ Римскихъ колонистовъ и изъ остатковъ древнихъ Иверскихъ старожиловъ; правда, что въ южной Италіи Аравитяне уступали мало-по-малу завоеванія, сдѣланныя Аглабитами, временному превосходству Византійцевъ и даже были почти совершенно изгнаны изъ Сициліи въ началѣ IX-го вѣка мужественнымъ Маніякомъ; правда, что великіе Византійскіе полководцы, какъ Іоаннъ Курквасъ, и цари, которыхъ воинственная слава заслуживала бы быть сохраненною въ памяти народовъ не менѣе славы дикихъ Германскихъ завоевателей и ихъ рыцарскихъ потомковъ (какъ напр., Василій, Никифоръ и Цимисхій), нерѣдко проникали далеко за Евфратъ, вытѣсняли Аравитянъ изъ сѣверо-западной Сиріи и обращали князей и эмировъ Сарацинскихъ въ подданство имперіи; но міръ ислама, утративъ свое единство и слѣдовательно внѣшнюю силу, еще далеко не утрачивалъ своей силы внутренней. Испанія цвѣла богатствомъ, роскошью, художествомъ, наукою и блескомъ рыцарской доблести. Сѣверная Африка и Египетъ, разоренные и погруженные въ нищету и темное невѣжество въ эпоху ближайшую къ нашему времени, тогда цвѣли и благоденствовали при великихъ Фатимидахъ. Богатство Сициліи послѣ ея завоеванія Аглабитами напоминало счастливую эпоху Эллинскаго владычества и свободы Сиракузской и Агригентинской. Вездѣ пустыня наполнялась новыми цвѣтущими городами, покрывалась веселыми садами, красилась великолѣпными дворцами и мечетями; умственная жизнь развивалась съ новымъ блескомъ и силою, передавая часть своихъ богатствъ и своего движенія загрубѣлому и мертвому Западу. Еще сильнѣе и плодотворнѣе была внутренняя дѣятельность ислама на Востокѣ. Борьба съ Византіею, въ которой мусульмане послѣ своихъ первыхъ по-

Digitized by Google

бѣдъ были такъ часто побѣждаемы, внушила имъ почтеніе къ непріятелю, которымъ они долго принебрегали за его изнѣженность и роскошь. Воспріимчивый духъ Аравитянина понялъ всю красоту памятниковъ, которыми еще усѣяны были завоеванныя имъ области при берегахъ Нила и Средиземнаго моря; онъ понялъ всю прелесть искусства, всю возвышенность науки; онъ понялъ отчасти даже достоинство христіанства (это замѣтно изъ многихъ писателей магометанскихъ и изъ разсказовъ о халифахъ Фатимидахъ); но къ несчастію онъ не могъ понять всего его величія, скрытаго въ развратѣ и порокахъ христіанъ. Аравитянинъ сдѣлался ученикомъ побѣжденныхъ имъ Византійцевъ: онъ сталъ призывать къ себѣ ученыхъ изъ Восточной имперіи, оказывать почести тѣмъ, которые еще уцѣлѣли въ странахъ уже покоренныхъ имъ, собирать, скупать, списывать и переводить рукописи; онъ сталъ учиться не только у современниковъ, но и у великихъ двигателей древней науки. Имена Платона и Аристотеля сдѣлались для него предметомъ поклоненія разумнаго, но страстнаго почти до суевѣрія, и это поклоненіе спасло много обломковъ древняго просвѣщенія для позднѣйшей науки, и лучи Эллинскаго знанія озарили далекій Востокъ, можетъ быть, даже тѣ области, въ которыя оно еще не проникало даже во время побѣдъ Македонца. Съ наукою вмѣстѣ воскресло и искусство; но разумъ народовъ Восточныхъ понялъ рабство науки, связанной предѣлами существующаго, и свободу художества, вызывающаго несуществующее къ бытію. Довольствуясь ученіемъ и подражаніемъ въ наукѣ, которой область они не могли или не успѣли расширить, они открыли новые пути въ искусствахъ доступныхъ мусульманину, въ зодчествѣ и поэзіи (ибо ваяніе и живопись были запрещены его закономъ, обличающимъ свою вещественность въ робости, съ которой онъ избѣгаетъ подражанія вещественной природѣ). Прекрасныя произведенія ихъ своеобразнаго и фантастически-затѣйливаго зодчества, отличающагося легкостью очерковъ, разнообразіемъ и богатствомъ подробностей, свидѣтельствуютъ и въ наше время о живомъ развитіи воображенія и художественнаго вкуса, про-

Digitized by Google

бужденныхъ въ Аравитянахъ соприкосновеніемъ ихъ съ Византіею и, можетъ быть, съ остатками древней Персіи и Индустана. Въ одно время съ зодчествомъ расцвѣла и поэзія: героическое настроеніе души, религіозный восторгъ и роскошное стремленіе къ художественной красотѣ вылились въ одѣ и эпосѣ, исполненныхъ какой-то юной силы и величія, напоминающаго первые вѣка поэтической Эллады или Индіи. Таково было блистательное развитіе умственное въ мірѣ мусульманскомъ, не смотря на безпрестанныя войны, раздоры, набѣги, на шумъ войны и разгаръ страстей. Еще страннѣе и неожиданнѣе въ этой боевой тревогѣ поражаютъ человѣка, не изучившаго исторію всего человѣчества, современныя свидѣтельства о процвѣтаніи промышленности, объ изысканной роскоши жизни, объ усовершенствованіи торговыхъ путей, о частыхъ и быстрыхъ сообщеніяхъ между отдаленнѣйшими странами и о смѣлыхъ и предпріимчивыхъ путешественникахъ; но тотъ, кто вникъ въ смыслъ исторіи, не удивляется этимъ явленіямъ, повидимому рѣзко противурѣчащимъ другъ другу. Тамъ, гдѣ живъ духъ, жизнь кипитъ во всѣхъ его проявленіяхъ и во всемъ многообразіи общественнаго организма. Исламъ еще не совершилъ своихъ путей и не обличилъ себя въ безысходной лжи. Человѣчество еще черпало въ немъ вдохновеніе и надежду: отъ того-то и области его цвѣли богатствомъ вещественнымъ и духовнымъ, не смотря на вѣчную войну, а эти самыя области (Испанія, Персія, Африка, Сицилія и др.) въ наше время въ рукахъ тѣхъ же мусульманъ и христіанъ обратились, не смотря на долгій миръ, въ пустыню для глаза и въ пустыню для души. Безчувственная дремота убійственнѣе меча для народовъ и для человѣчества.

Въ новой жизни, данной міру исламомъ, казалось, не было никакой связи съ прошедшимъ; тѣмъ болѣе замѣчателенъ фактъ, рѣзко выступающій изъ безпристрастнаго изученія магометанскаго просвѣщенія. Первый налетъ Аравійцевъ сломилъ всѣ мѣстныя сопротивленія; первымъ дѣйствіемъ ихъ власти было всеобщее уравненіе и уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей, въ преобладаніи Аравійскаго начала, въ

Digitized by Google

крѣпкомъ единствѣ ислама. Въ скоромъ времени стали освобождаться мѣстныя начала. Великая держава распалась; возникли мелкія государства, проникнутыя ученіемъ Аравіи, но въ тоже время проявляющія въ себѣ особенности прежней мѣстной жизни. Крѣпость и, такъ сказать, не умирающая жизненность историческаго и народнаго преданія выказались вполнѣ. Прежнія границы, сглаженныя Римомъ, снова сглаженныя Аравійскимъ завоеваніемъ, выступили снова на свѣтъ, и въ этихъ границахъ проявились не требованія физической географіи, но слѣды старины давно прошедшей и въ то время давно забытой. Такъ въ Испаніи, на почвѣ нѣкогда славившейся Римскимъ просвѣщеніемъ, погибшимъ почти безъ слѣда въ Готскомъ нашествіи, просвѣщеніе возникло снова гораздо сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ Африки, исконно упорныхъ въ своей кочевой дикости, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же областяхъ торговля и мореплаваніе, нѣкогда процвѣтавшія при Финикійскихъ колонистахъ, возникли снова не безъ блеска.

Наука не чуждалась и Африканскаго приморья во время Римлянъ и Эллиновъ, но она была только скуднымъ достояніемъ городскихъ жителей и никогда не пускала глубокихъ корней. Впрочемъ во время цвѣтенія ислама даже туземные языки, пробужденные истинно-человѣческимъ духомъ Аравіи, возвысились до литературнаго значенія. До насъ дошли остатки письменности Берберовъ или Амазирговъ; эти начала погибли скоро, но и тутъ, какъ почти во всемъ другомъ, видно превосходство Аравитянина передъ Германцемъ.

Такъ въ Египтѣ науки получили большее развитіе, чѣмъ въ остальной Африкѣ и даже чѣмъ въ Испаніи, представляя тотъ же характеръ таинственности и стремленія къ раскрытію вещественныхъ силъ невидимаго міра, которымъ отличались старый Египетъ Фараоновъ, гноза и неоплатонизмъ Эллинской и Эллино-римской эпохи, и тоже стремленіе къ практическимъ приложеніямъ, которое видно въ древнихъ гидравлическихъ работахъ временъ почти доисторическихъ. Почти такой же характеръ замѣтенъ и въ Сиріи. Но во всѣхъ этихъ

Digitized by Google

областяхъ, болѣе или менѣе получившихъ свои первыя умственныя начала отъ Кушитовъ, жила только наука, безъ сомнѣнія облеченная въ слово, но только какъ въ необходимую оболочку мысли, и эта наука осталась въ состояніи рабства или подчиненности наукѣ древнѣйшей. Нѣсколько болѣе самостоятельности получила только математика и еще болѣе астрономія.

Причина этому явленію довольно ясна, хотя едва была замѣчена до сихъ поръ. Истинною религіею древняго Эллинскаго міра было собственно человѣкопоклоненіе (антрополатрія). При такой религіи человѣкъ и тотъ маленькій шарикъ, на которомъ онъ вертится около солнца, получали слишкомъ великое значеніе, и поднятый кверху взоръ не хотѣлъ и не могъ понимать тѣхъ безконечныхъ пространствъ, въ которыхъ слишкомъ яснымъ становится ничтожество человѣка и его земли. Олимпъ исключалъ возможность неба и по необходимости ограничивалъ науку, хотя наука давно уже его отвергла. Отъ того-то погибло высокое знаніе о движеніяхъ земли-планеты около неподвижнаго солнца, полученное Пиѳагоромъ отъ жрецовъ Востока, и небознаніе оставалось въ состояніи дѣтства сравнительно не только съ другими науками Эллады, но даже съ астрономіею другихъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ; это видно изъ превосходства древнихъ Восточныхъ цикловъ передъ Эллинскимъ. Исламизмъ раздвигалъ предѣлы міра и человѣческаго духа. Небеса становились шире и свободнѣе. Астрономія Аравитянъ могла открыть и открыла себѣ новые пути.

На Востокѣ жизнь явилась сильнѣе и разнообразнѣе. Тамъ была древняя земля Иранская, древнее преданіе живаго слова. И тутъ развилась наука, и развилась богаче, чѣмъ на Западѣ.

Такъ напр. Авицена (Эбнъ-сина), признанный въ позднѣйшее время свѣтиломъ мудрости мусульманской на Западѣ, считался далеко не первымъ изъ пяти ученыхъ, которые посланы были шахомъ Ховарезискимъ вмѣсто дани ко двору великаго Махмуда Газнійскаго.

Но кромѣ науки на Востокѣ проснулось и художество слова, и проснулось именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ издревле было наслѣдственное просвѣщеніе отъ доисторической Бактріи

Digitized by Google

черезъ эпоху Зендской реформы и Эллино-Бактрійскаго царства до нашествія Аравійскаго. Давно уже исчезли или выселились или перемѣшались съ другими племенами коренные жители восточнаго Ирана, Бактро-Славяне; но кроткій духъ этого племени, любившаго всякое просвѣщеніе, вѣялъ надъ страною, въ которой они жили, и надъ народами, въ которыхъ текла еще ихъ кровь и отзывалась ихъ давно забытая жизнь. При дворѣ Сассанидовъ разцвѣла поэзія, уже не связанная съ Аравійскимъ началомъ, но свободная, самостоятельная, говорящая языкомъ народа. При дворѣ Газневидовъ Фердоуси въ своемъ Шахъ-Наме воскресилъ память о древнемъ героическомъ мірѣ Персіи, и языкъ, изъ котораго онъ выгонялъ сколько возможно примѣсь Аравійскаго слова, сдѣлался впослѣдствіи языкомъ всей Персіи. Такъ древній міръ отзывался въ просвѣщеніи новаго магометанскаго міра: мѣстныя начала оживали съ силою только тамъ, гдѣ они нѣкогда жили крѣпкою, самобытною жизнію.

Въ другихъ областяхъ или совсѣмъ не было поэзіи, или она оставалась чистымъ отзывомъ завоевательной Аравіи и связанною съ ея языкомъ.

Точно также древній міръ отзывался и въ явленіяхъ государственной исторіи. Испанія отдѣлилась отъ Африки; въ Африкѣ новыя царства охватывались границами весьма близкими къ границамъ старыхъ погибшихъ царствъ. Египетъ получалъ снова свое великое значеніе, Аравія снова впадала въ свое государственное ничтожество. Сирія, бывшая долгое время центромъ халифата, теряла свое случайное первенство и попрежнему обращалась въ черезполосное владѣніе, дробимое между Египтомъ и новыми Заевфратскими государствами. Наконецъ Персія, уничтоженная Аравитянами и стертая съ лица земли, воскресала снова и брала прежнее свое мѣсто между народами Востока. Большая часть новыхъ династій вышли изъ Персидскаго племени; многіе хвалились происхожденіемъ отъ прежней династіи Персидскихъ Сассанидовъ,

Digitized by Google

которые сами считали себя только продолженіемъ древнихъ Кеанидовъ.

Это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и между прочимъ изъ показаній Китайцевъ во время Сассанидовъ, что въ столицѣ Азовъ (*Ламъ-ми*) царствуетъ государь изъ рода *Као-ву*, очевидно *Кайкавуса* (едва ли не *Камбиза*).

Персія.—Газневиды.—Завоеваніе Индіи мусульманами.

Древній Иранъ Мидо-персидскій былъ еще разорванъ на части соперничествомъ болѣе или менѣе ничтожныхъ династій (Дилеймитовъ, Гамаданидовъ, Бундовъ, Саффаридовъ и др.), но онъ стремился снова слиться въ государственное единство, и это единство было даже на время возстановлено кроткою, но слишкомъ недолговѣчною династіею Саманидовъ. Многое еще грознѣйшее должно было пронестись надъ Персіею прежде ея возрожденія.

Внѣшняя завоевательная дѣятельность ислама должна была ослабнуть послѣ распаденія халифата; внутренняя, какъ уже сказано, развивалась съ неожиданнымъ блескомъ, несмотря на смуты и междоусобія; но и внѣшняя была не совсѣмъ убита. Саффариды, а еще болѣе Саманиды, распространили власть свою на Сѣверо-востокѣ за предѣлы древней Персіи и подчинили себѣ многія Турецкія племена. Правда, что въ первые вѣка Аравійской силы еще гораздо далѣе ходили дружины халифовъ (напр. войска Аль-Мансура доходили до столицы Китая); но власть Саманидовъ была положительнѣе и вліяніе ихъ на Турецкое племя сильнѣе.

Свидѣтельство важности державы Саманидовъ и безпрестанныхъ сношеній съ нею народовъ на Сѣверо-востокъ, Сѣверъ и Сѣверо-западъ отъ Каспія находится уже и въ томъ, что большая часть монетъ, находимыхъ по Волжскому торговому пути и на его крайнихъ предѣлахъ около Казани, Новгорода, на берегахъ Балтійскаго моря, въ Швеціи и Вендскомъ приморьѣ, принадлежатъ Саманидамъ. Есть при нихъ и монеты первыхъ временъ халифата; но изъ того, что монеты Саманидовъ многочисленнѣе всѣхъ другихъ, можно заключить,

Digitized by Google

что главное торговое движеніе по Волгѣ шло отъ Востока и отъ Пригималайскихъ областей и слѣдовательно должно было усилиться во время усиленія и новой самостоятельности восточнаго Ирана. Впрочемъ смѣшно бы было предположить, что это торговое движеніе началось съ эпохи Аравійскихъ завоеваній. Въ первые вѣка Аравитяне не думали еще о торговлѣ и могли только вступить въ путь, уже издавна проложенный другими народами. Дѣйствительно, Волжскій торговый путь современенъ самому началу историческихъ вѣковъ; но торговля долго производилась размѣномъ, а не монетою, и не могла оставить по себѣ такихъ несомнѣнныхъ памятниковъ, какъ въ послѣдующіе вѣка.

Еще грознѣе и блистательнѣе было поприще недолговѣчной династіи Газневидовъ. Основанная въ пригорьяхъ Гималая Махмудомъ, сыномъ Себектегина, Турецкаго наемника въ войскахъ Саманидовъ, она не долго пережила своего основателя; но при немъ она достигла могущества и славы, которыя даютъ ей почетное мѣсто въ исторіи. Рядомъ побѣдъ и подвиговъ военныхъ покорилъ онъ власти своей всѣ области, принадлежавшія Саманидамъ до западныхъ границъ Персіи, отодвинулъ на Сѣверо-востокъ Турецкія орды, уже готовившіяся затопить всю Юго-западную Азію, и нанесъ окончательный ударъ самобытности сѣвернаго Индустана. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія пала гроза на Индію, въ продолженіе десяти вѣковъ, т. е. со времени Сако-Бактрійскаго нашествія, избѣгшую иноземнаго ига. Страшенъ былъ ударъ ислама, безсильно, но небезславно сопротивленіе Индустанцевъ. Въ продолженіе слишкомъ 20-ти лѣтъ длилась неравная борьба. Слабое племя Индустанскихъ равнинъ собиралось несмѣтными толпами умирать за родину и за святыню своихъ храмовъ; но войско Махмуда было немного чѣмъ малочисленнѣе этихъ нестройныхъ ополченій, привычно къ войнамъ и къ побѣдамъ, составлено изъ народовъ крѣпкихъ духомъ и тѣломъ (какъ напр. Турки и Афганы), исполнено фанатической ревности къ исламизму и страстной ненависти къ идолопоклонству, жадно къ добычѣ и къ славѣ и управляемо желѣзною волею всевластнаго и искуснаго вождя. Побѣда была несомнѣнна. Жестоко

Digitized by Google

опустошены были всѣ области сѣвернаго Индустана, расхищены всѣ его сокровища, разрушеные великолѣпные храмы, перерѣзаны или уведены въ плѣнъ милліоны жителей, и исламизмъ сталъ надолго твердою ногою во всей прекрасной странѣ между Гангомъ и Индомъ. Силы духовныя Индіи были уже истощены. Борьба брахманства и буддаизма, кончившаяся побѣдою брахмановъ, была послѣднимъ усиліемъ внутренней жизни, усиліемъ безплоднымъ и столько же гибельнымъ для религіи побѣдителей, сколько и для побѣжденныхъ. Ни одно новое живое начало не возникло, ни одна держава не могла укрѣпиться на безжизненной землѣ; религія, нѣкогда исполненная глубокихъ взглядовъ на міръ и высокихъ стремленій, дошла до своего крайняго развитія и огрубѣла въ безмысленныхъ обрядахъ заклинанія у народа, въ безстыдныхъ обманахъ у жрецовъ. Исторія Индіи была кончена: она должна была покориться иноземнымъ началамъ и ждать отъ другихъ народовъ рѣшенія судьбы своей. Газневиды основали въ Индустанѣ царство, которое существовало около двухъ столѣтій; ихъ смѣнила Персидская династія Гуридовъ; за нею послѣдовали династіи Хильджитовъ, Афгановъ и другія; наконецъ Бабериды. Южный Деканъ, прежняя земля Кушитовъ, уже давно подчинившаяся превосходству Иранской стихіи, никогда не входитъ вполнѣ въ составъ великихъ государствъ, основанныхъ Турецкими или Монгольскими завоевателями. Его спасали цѣпи горъ, воинственный духъ жителей, частые раздоры внутри сѣверныхъ державъ и особенно разслабляющее вліяніе климата и нѣги Пригангесской стороны на мусульманскихъ властителей; но ничто не могло спасти его отъ частыхъ набѣговъ отдѣльныхъ дружинъ. Мало-по-малу вторгались съ Сѣвера воинственныя племена, укрѣпляясь въ горахъ или на берегахъ морскихъ, подчиняя власти своей окрестныхъ туземцевъ, основывая мелкія царства, губя многое, не создавая ничего. Такова была грустная судьба Индустана въ продолженіе осьми вѣковъ. Наконецъ и исламъ утратилъ всѣ силы свои. Христіанскія державы управляютъ судьбами всего міра. Просвѣщенная Англія замѣнила расчетливою властію грубое иго магометанъ. Индустанъ сталъ понесчастнѣе прежняго.

Digitized by Google

Въ землѣ брахмановъ эра ислама началась съ великаго Газневида: ему повиновалась вся Персія; его столица была чудомъ Востока; кругомъ его цвѣли поэзія, художества и науки. Но это царство было послѣднимъ усиліемъ Персо-аравійскаго міра. Держава, основанная Махмудомъ въ Персіи, распалась уже при дѣтяхъ его. Неизвѣстно, кто первый, онъ ли или сынъ его Массудъ, принялъ титулъ султана, столь прославленный впослѣдствіи; но во всякомъ случаѣ этотъ султанатъ былъ весьма непродолжителенъ.

Есть еще другой титулъ, который встрѣчается въ исторіи Востока и особенно въ исторіи Газневидовъ и заслуживаетъ вниманія. Это титулъ князей горняго Гарджестана, *Шаръ*. Онъ стоитъ очевидно какъ посредствующее звено между титуломъ *Царь* и титуломъ *Шахъ* и доказываетъ восточное происхожденіе всѣхъ этихъ названій, которыхъ корень, повидимому, долженъ находиться въ Зендскомъ словѣ *серъ* голова. Трудно рѣшить, не есть ли самое слово *Шейхъ* только дальнѣйшее искаженіе слова *Шахъ*.

Начало Турецкихъ завоеваній.—Сельджуки.

При Массудѣ пала гроза на Персію отъ новаго народа, еще не являвшагося до тѣхъ поръ въ исторіи міра, но призваннаго къ великимъ судьбамъ. Исламизмъ торжествовалъ при Аббасидахъ не одною силою меча: онъ торжествовалъ еще болѣе силою слова и проповѣди. Новое ученіе было занесено далеко въ глубь Азіи. Отвергнутое упорнымъ невѣжествомъ Индустанцевъ, не сомнѣвающихся еще въ своемъ произвольномъ синкретизмѣ, и самодовольнымъ философствованіемъ Китая, не потрясеннаго еще силою аналитическихъ вопросовъ, не принятое Монгольскими племенами, къ которымъ уже проникъ сильный ламаизмъ, оно нашло ревностныхъ послѣдователей въ Тюркскихъ вѣтвяхъ Финно-турецкаго племени. Рожденное въ народѣ кочевомъ и воинственномъ, оно быстро овладѣло душою кочеваго и воинственнаго народа. Турки, пробужденные Аравіею, были призваны принять наслѣдство отъ ослабѣвшихъ Аравитянъ и продолжить жизнь ислама съ меньшимъ блескомъ и достоинствомъ (ибо они всегда оставались чуж-

Digitized by Google

дымъ просвѣщенію, человѣчности и поэтическому восторгу Аравіи), но съ болѣе упорною силою односторонней и желѣзной воли. На Востокѣ побѣды Аббасидовъ распространили власть ихъ далеко за предѣлы древняго Ирана: многія Тюркскія семьи платили имъ дань и служили въ ихъ войскахъ, но покоренные вскорѣ свергли временное иго. Въ областяхъ за Сыръ-Даріею, гдѣ въ пятомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. уже было кочевое средоточіе великой державы, охватывавшей большую часть Средней Азіи и сѣверо-восточные берега Чернаго моря, стали возникать новыя царства съ неопредѣленными границами, съ вѣчно измѣняющимся составомъ, по большей части основанныя единственно на случайномъ преобладаніи однаго какого-нибудь рода или лица передъ другими, всегда готовыя пасть, но за то и всегда готовыя скопиться въ огромные союзы или ринуться неудержимымъ потокомъ на страны благодатнаго Юга. Въ концѣ X-го вѣка одинъ изъ этихъ полу-вольныхъ полу-невольныхъ союзовъ достигъ необыкновенной силы и громадныхъ размѣровъ подъ правленіемъ Багракъ-хана (болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаруна) и сына его Илекъ-хана. Ревностные къ исламизму, смѣлые и искусные въ дѣлѣ военномъ, они подчинили власти своей почти всѣ другія племена Тюркскія и даже Монгольскія до самыхъ границъ Китая, снова слабѣющаго подъ державою Сунгъ. Столкновеніе съ Аравійскимъ міромъ, борьба и дружба съ народами просвѣщенными (Китаемъ и Персіею) развивали мало-по-малу въ Средней Азіи бо́льшую способность къ устройству государственному и готовили ту грозу, которая должна была позднѣе обрушиться на всю западную Азію и восточную Европу. Гарунъ, кочевой владыка кочевыхъ племенъ, не былъ уже дикаремъ. Вмѣстѣ съ религіею проникли въ пустыню начала просвѣщенія и если не любви къ наукамъ, которая никогда не была доступна Тюркскимъ семьямъ, то по крайней мѣрѣ нѣкотораго уваженія къ трудамъ человѣческой мысли. Гарунъ распространялъ мечемъ не только власть свою, но и вѣру, или по крайней мѣрѣ преобладаніе народовъ, исповѣдующихъ ее, надъ народами, не принимающими ея; его побѣды были тор-

Digitized by Google

жествомъ исламизма, дѣйствіемъ силъ, пробужденныхъ Аравійскою мыслію; но въ тоже время онѣ обозначили начало эпохи, въ которую ослабѣвшія Персія и Аравія должны были уступить превосходству Тюркскихъ племенъ. Раздоры восточнаго Ирана призвали Илекъ-хана къ завоеваніямъ на Югъ. Нѣсколько разъ рѣшалъ онъ властнымъ словомъ или силою дружинъ споры между слабыми преемниками Саманидовъ, Буидовъ и другихъ Персидскихъ династій. Наконецъ онъ двинулъ свои несмѣтныя полчища съ очевиднымъ намѣреніемъ утвердить уже не чужую, а свою собственную власть надъ восточною Персіею. Военное превосходство и душевная сила Турецкаго племени были уже давно доказаны. Турецкіе наемники долго правили судьбою халифовъ. Турокъ Тулунъ основалъ династію, временно правившую Египтомъ; другія мелкія династіи въ Персіи также вели свое начало отъ Турецкихъ выходцевъ. Торжество Илекъ-хана казалось несомнѣннымъ; но паденіе Персіи было отстрочено еще на нѣсколько лѣтъ. Представителемъ ея въ то время былъ великій Махмудъ Газневидъ, родомъ Турокъ, также какъ и Илекъ-ханъ, но уже принявшій въ себя всѣ начала и всю духовную жизнь своего новаго отечества. Сотни тысячъ встрѣчались съ сотнями тысячъ въ равнинахъ восточнаго Ирана. Одно войско шло изъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ пустынь, другое изъ знойныхъ равнинъ Индіи и изъ горъ неукротимаго Афганистана. Въ обоихъ сражались воинственные Турки. Вожди ихъ были оба грозные, до тѣхъ поръ непобѣжденные, завоеватели. Махмудъ одолѣлъ; Илекъ-ханъ бѣжалъ за Джигунъ въ свои родныя степи. Персія была спасена, но ненадолго. Едва умеръ Махмудъ, и царство его распалось. Восточное пригорье досталось въ руки новой династіи Персидскихъ Гуридовъ, которые впослѣдствіи разрушили и царство, основанное Газневидомъ въ Индустанѣ. Главная же часть державы Махмудовой, т. е. всѣ владѣнія его въ Персіи, перешла въ руки новыхъ пришельцевъ, Турокъ-Сельджукидовъ. Сельджукъ, давшій имя свое новому царству, былъ выходецъ съ Сѣвера и родомъ едва ли не Монголъ. Его семья искала убѣжища отъ преслѣдованія родовыхъ

Digitized by Google

непріятелей въ области Турокъ на берегахъ Джигуна и скоро составила отдѣльную дружину или орду. Сельджукъ вступилъ въ службу къ Махмуду и толпы Турецкихъ наемниковъ окружили вождя, отличавшагося мужествомъ и искусствомъ. Послѣ смерти перваго Газневида родъ Сельджуковъ, пользуясь раздорами его сыновей и потомъ удаленіемъ султана Массуда въ Индустанъ, основалъ независимую державу. Массудъ возвратился, но уже слишкомъ поздно. Персія давно уже была покрыта дружинами Тюркскими, служившими во всѣхъ войнахъ и всѣмъ династіямъ. Эти дружины примкнули къ Тогрулю, сыну Сельджукову. Несмѣтное множество новыхъ воиновъ спѣшило изъ-за Джигуна присоединиться къ нимъ на поприщѣ, гдѣ ихъ ожидали власть, слава и особенно корысть. Массудъ былъ побѣжденъ. Побѣдители Сельджукиды покорили всю Персію, часть Сиріи и Малой Азіи, взяли подъ свою опеку дряхлое ныя халифовъ, которымъ впрочемъ въ своей простодушной ревности къ исламизму они оказывали гораздо болѣе уваженія, чѣмъ его прежніе покровители Буиды или Гамаданиды, и основали сильную державу, прославленную блистательными именами Тогруля, Альпъ-арслана, Алекъ-шаха и Санджара. Эта первая Турецкая династія отличалась во многихъ отношеніяхъ отъ всѣхъ послѣдующихъ. Предпріимчивая и воинственная какъ позднѣйшіе Оттоманы, она соединяла кротость и какое-то рыцарское благородство съ своими воинскими достоинствами; она покровительствовала наукамъ и искусствамъ; наконецъ она показывала склонность къ просвѣщенію, которой нѣтъ и слѣда въ другихъ Турецкихъ династіяхъ. Это различіе не трудно объяснить. Сельджуки прорвали оплотъ, который сдерживалъ Тюркское племя въ пустыняхъ Заджигунскихъ. Неудержимымъ потокомъ устремились орды одна за другою на давно желанныя, но долго недоступныя страны, тѣсня другъ друга, опустошая и губя, осѣдая на завоеванныхъ областяхъ, но не плодотворя ихъ, всегда готовясь къ кочеванію даже послѣ вѣковой осѣдлости, удивляя міръ желѣзною крѣпостью и упорствомъ воли, ужасая его своею жестокостью и отсутствіемъ сочувствія съ другими

Digitized by Google

племенами. За Турками братья ихъ Узы (безъ сомнѣнія наши Половцы), за ними обломки мѣшаныхъ Уйгурскихъ союзовъ, за ними оторванныя семьи Киданьскихъ Татаръ, и за ними наконецъ Монголы, самое страшное явленіе всемірной исторіи. Всѣ эти позднѣйшіе завоеватели юго-западной Азіи приходили изъ безконечной пустыни, гдѣ кочевали ихъ предки, чуждые всякаго просвѣщенія и государственнаго устройства по своему характеру и образу жизни, всегда равнодушные, а по невольнымъ столкновеніямъ почти всегда враждебные ко всему остальному міру. Но Сельджуки или ихъ дружины, открывшіе путь завоеваній, давно уже ворвались въ область, нѣкогда принадлежавшую народу кроткому и просвѣщенному (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытоваго просвѣщенія). Они жили въ продолженіе осьми или девяти вѣковъ въ родинѣ восточнаго Славяно-Бактрійскаго племени Саковъ, великихъ Гетовъ и Вендовъ; они безъ сомнѣнія приняли въ свой составъ часть древняго народонаселенія, не истребленнаго войною или не выселившагося далѣе на Сѣверо-западъ подъ именами Гунновъ или Болгаръ, и вмѣстѣ съ этой примѣсью народной стихіи они приняли часть ея умственной и духовной жизни. Впослѣдствіи тѣже самыя семьи, подвигаемыя впередъ нажимомъ другихъ Средне-Азійскихъ племенъ и пользуясь паденіемъ Персидскихъ и Арабскахъ династій, стали твердою погою въ междурѣчіи Аму- и Сыръ-Дарьи, въ древней колыбели всего восточнаго просвѣщенія. Тутъ снова подверглись они по необходимости тому вліянію древняго міра на новый, который замѣтенъ во всѣхъ явленіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ явленій историческихъ; и когда паденіе Саманидовъ открыло путь на Юго-западъ, Сельджукиды-завоеватели (напр. Альпъ-арсланъ и Малекъ-шахъ) явились не совсѣмъ недостойными преемниками своихъ просвѣщенныхъ предшественниковъ. Это вліяніе восточнаго Ирана не могло быть замѣтнымъ въ другихъ племенахъ, проходившихъ черезъ него съ быстротою потока; но оно всегда отзывалось на всѣхъ его постоянныхъ владѣльцахъ отъ Саффаридовъ и Самапидовъ до потомковъ Тимуръ-аксака, изъ которыхъ вышла династія Баберидовъ, быть можетъ са-

Digitized by Google

мыхъ просвѣщенныхъ властителей, когда-лобо сидѣвшихъ на какомъ-нибудь престолѣ.

Разумѣется, это просвѣщеніе царскихъ родовъ должно быть судимо только въ сравненіи къ подданнымъ, а не къ общему просвѣщенію человѣческаго рода. Точно также должно замѣтить, что движеніе къ наукамъ въ правителяхъ Тюркскаго племени нисколько не противорѣчитъ общей характеристикѣ Турокъ, всегда враждебныхъ къ просвѣщенію. Государи въ завоеванной землѣ скоро принимаютъ характеръ всей земли и отдѣляются отъ своей правительственной дружины. Такъ Меровинги принадлежатъ болѣе Галло-римлянамъ, чѣмъ Франкамъ, и дружина Монголо-турецкая Тимуридовъ сохраняетъ свою родовую дикость, между тѣмъ какъ государи становятся во главѣ просвѣщенія и окружаютъ себя учеными, вышедшими почти безъ исключенія изъ побѣжденнаго Иранскаго племени.

Недолго властвовали и Сельджуки. Съ небольшимъ черезъ столѣтіе послѣ Тогруля, въ половинѣ XII-го вѣка, погибла и держава его потомковъ. Побѣжденные новою династіею Хоарезмскою и выгнанные изъ всѣхъ своихъ восточныхъ владѣній, они были заключены въ тѣсные предѣлы своихъ западныхъ завоеваній, въ горную середину Малой Азіи, вырванную ими у Византійцевъ во время ихъ краткаго могущества; но явленіе Сельджуковъ составляетъ важную эпоху во всемірной исторіи. Побѣды ихъ нанесли Византіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться, дали народамъ мусульманскимъ твердую опору у самыхъ границъ Европы, въ гористой и почти неприступной области, откуда они могли уничтожать и дѣйствительно уничтожали безчисленныя полчища Крестоносцевъ, наконецъ открыли путь всѣмъ другимъ племенамъ западной Азіи и положили предѣлы преобладанію и почти всей исторической дѣятельности народовъ, которыхъ наука назвала весьма произвольно Семитическими, и всего Персо-аравійскаго міра.

Конечно, послѣ Сельджуковъ еще нѣсколько времени живетъ царство Гуридовъ, изрѣдка проявляется не безъ славы имя Афгановъ, и династія Хоарезмская (едва ли не Персидская по крови) дости-

Digitized by Google

гаетъ временнаго величія, не уступавшаго ни Сельджукамъ, ни Газневидамъ; но царство Гуридовъ представляетъ только слабый остатокъ умирающей жизни Ирана. Афганы составляютъ незначительный эпизодъ въ исторіи, а Ховарезмійцы, какое бы ни было ихъ происхожденіе, опираются на дружину безъ сомнѣнія Турецкую. Въ позднѣйшее время Персія возстала снова въ силу законовъ историческихъ, о которыхъ уже сказано; но она въ своемъ возрожденіи уже не имѣла дѣятельной энергіи прежнихъ эпохъ, едва могла отстоять свое собственное существованіе и осталась до нашего времени землею полу-Турецкою.

Распространеніе ислама между Хазарами и Болгарами Волжскими.

Сила Мусульманской проповѣди и сродство ученія Аравійскаго съ духомъ племенъ Турецкихъ проявились не въ одной Закаспійской области; Хазары (вѣроятно высшія и правительственныя сословія, которыя были безъ сомнѣнія отдѣленіемъ Финно-турецкихъ семей) приняли радушно магометанство. Этотъ народъ представляетъ фактъ почти единственный въ исторіи, почти единовременное принятіе трехъ разныхъ вѣрованій: исламизма, еврейства и христіанства.

Эпоху всѣхъ этихъ обращеній опредѣлить нельзя съ достовѣрностью, но можно усмотрѣть изъ случаевъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, что введеніе различныхъ религій у Хазаровъ происходило въ эпохи недалекія одна отъ другой.

Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающее вѣроисповѣданіе у Хазаровъ было еврейское. На это сохранились неоспоримыя доказательства не только въ лѣтописяхъ, но и въ перепискѣ Евреевъ Испанскихъ съ іудействующими царями Хазарскими; но точно также мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства о Хазарахъ-христіанахъ, подтвержденныя и тѣмъ обстоятельствомъ, что императоры Византійскіе вступали въ брачные союзы съ владѣтелями Хазаріи, а при тогдашней строгости религіозныхъ понятій невозможно предполагать брачный союзъ императора съ еврейкою или магометанкою. Быть можетъ, христіанство

Digitized by Google

введено было къ Хазарамъ изъ остатковъ Греческихъ колоній, завоеванныхъ ими; быть можетъ, оно принадлежало болѣе народу побѣжденному или увлеченному въ невольные походы, кореннымъ Бактрійцамъ или Индо-славянамъ (*Хаза* или *Хазарахъ*), чѣмъ владѣтельному племени Финно-турецкому; но нѣтъ никакого сомнѣнія изъ вышесказаннаго факта въ томъ, что и царскій домъ и слѣдовательно высшія сословія не вполнѣ оставались чуждыми этому вѣрованію. Магометанство введено было, по видимому, нѣсколько позднѣе и распространилось не сильно; оно вѣроятно сдѣлалось ученіемъ тѣхъ воинственныхъ отдѣловъ народа, которые, сохранивъ болѣе другихъ кочевой бытъ свой и дикіе нравы пустыни, не были захвачены еще ни ученіемъ Моисея, ни вѣрою христіанскою. Какъ бы то ни было, эти особенности народа Хазарскаго указываютъ въ одно время и на многостихійность его и на нѣкоторую кротость нравовъ и на силу религіозныхъ началъ, вышедшихъ изъ Иранскаго корня.

Меньшій успѣхъ христіанства въ сравненіи съ еврействомъ и магометанствомъ въ землѣ Хазарской объясняется вѣроятно большею видимою многосложностью его и склонностью племенъ Тюркскихъ къ неразвитымъ понятіямъ единобожія, сходнаго съ ихъ древнею вѣрою и преданіемъ.

Еще важнѣе былъ успѣхъ исламизма у другаго народа, который властію, долговѣчнымъ существованіемъ и историческимъ значеніемъ далеко превосходитъ Хазаръ, у Болгаръ Приволжскихъ или Великихъ. Въ IX-мъ вѣкѣ приняли они Аравійскихъ проповѣдниковъ и покорились ихъ вдохновенному краснорѣчію. Самый этотъ успѣхъ магометанства доказываетъ (если еще нужны доказательства) Тюркскій составъ народа и соотвѣтствуетъ общему движенію умовъ во всемъ Тюркскомъ племени. Новое ученіе не проникло къ другимъ народамъ или не было ими принято.

Причина такаго явленія можетъ заключаться не только въ отвлеченной сущности разныхъ племенъ, или въ нравахъ, исторіи и прежней

Digitized by Google

религіи, которыми они были приготовлены къ такой-то или другой новой формѣ религіи, но и въ самихъ проповѣдникахъ, знакомыхъ только съ нѣкоторыми нарѣчіями ближайшихъ народовъ. Такъ напр., Аравитяне были безъ сомнѣнія весьма свѣдущи въ языкѣ Турокъ, составлявшихъ охранную дружину и значительную часть войскъ у халифовъ, и по всей вѣроятности чужды нарѣчіямъ далекихъ Финновъ и мѣшанныхъ Финно-турецкихъ семей. Такая простая причина служитъ еще лучшимъ объясненіемъ и доказательствомъ историческаго факта, чѣмъ выводъ изъ характеристики народной.

Введеніе исламизма въ Болгарскую землю и записки Аравитянъ объ ней бросаютъ новый свѣтъ на исторію Приволжья. Во-первыхъ, мы видимъ, что имя Болгаръ или Волгаръ, котораго истинное произношеніе не подлежитъ сомнѣнію по множеству свидѣтельствъ разноязычныхъ (Франкскихъ, Византійскихъ и Русскихъ) не было именемъ властвующаго племени Турецкаго, ибо оно само не умѣло даже сохранить его въ чистотѣ, называя себя то Белирами, то Булярами, то другимъ названіемъ, болѣе или менѣе искаженнымъ. Во-вторыхъ, выводы о славянствѣ той подпочвы, на которую легъ Турко-уйгурскій наплывъ, основанные, какъ уже сказано, на сличеніи свидѣтельствъ многихъ народовъ (между прочимъ Китайцевъ) подтверждаются вполнѣ собственнымъ сознаніемъ властвующаго племени и Славянскимъ титуломъ царя. Наконецъ торговое движеніе, которое Аравитяне не создали, но уже нашли на Волгѣ, слава складочнаго мѣста Ладоги на Сѣверѣ и всѣ разсказы ученыхъ путешественниковъ представляютъ темную эпоху древней Русской земли въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ не привыкла ее разсматривать современная намъ ученость.

Напр., свидѣтельство о томъ, что Русскій гость, умершій въ Болгаріи, былъ похороненъ по языческому обычаю своей земли и что на его могилѣ поставленъ былъ столбъ съ надписью, явно свидѣтельствуетъ о существованіи письменъ (безспорно не Кирилловскихъ) въ языческой Руси.

Торговое значеніе и процвѣтаніе Великихъ Болгаръ очевидно совпадаетъ съ преданіями Германцевъ о существованіи на

Digitized by Google

Востокѣ (и именно въ той же странѣ, въ которой былъ городъ Болгары) города *Хунабъ*, точно также какъ разсказы о богатой Біарміи подтверждаются остатками нѣкогда процвѣтавшихъ Пермскихъ городовъ, на пепелищѣ которыхъ и теперь еще находятся слѣды промышленности и какой-то роскоши, съ монетами, свидѣтельствующими о сношеніяхъ съ Аравійскими просвѣтителями или завоевателями Каспійскаго приморья. Съ другой стороны приписывать всю эту торговую дѣятельность очевидно нельзя ни Туркамъ, племени кочевому и градоразорительному, которое обращается въ городовое и отчасти торговое населеніе только подъ долговременнымъ вліяніемъ другихъ, болѣе мирныхъ и просвѣщенныхъ племенъ, ни Финнамъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ отъ воинственнаго Мадьяра до кроткаго Карела не представляютъ ни малѣйшей склонности къ жизни промысловъ и расчетливыхъ заботъ. Властвующее сословіе у Болгаръ принадлежитъ безспорно племени Тюркскихъ Уйгуровъ; Финны могли бы составлять только труженическую и мирную подпочву, сохранившую всѣ древнія привычки общенія съ Югомъ Закаспійскимъ и Сѣверомъ Прибалтійскимъ; но, во-первыхъ, такое предположеніе, допускающее исключеніе изъ общей характеристики народа, носитъ уже въ себѣ признаки невѣроятности; во-вторыхъ, оно опровергается всѣми данными, дошедшими до насъ съ разныхъ сторонъ. Оно опровергается славянствомъ Гунновъ, предшественниковъ Болгаръ на Волгѣ, яснымъ показаніемъ самихъ владѣтелей Болгарскихъ, носившихъ Славянскій титулъ и имя владѣтелей Саклабовъ (Славянъ); свидѣтельствомъ Китайцевъ о поочередномъ властвованіи Аланъ-ми (Сарматовъ), Веннаша (Сако-гетовъ Бактрійскихъ и Чшесе (Уйгуровъ); наконецъ оно опровергается совершенно всѣми показаніями о Болгарахъ Придунайскихъ въ первое ихъ проявленіе (напр., тѣмъ, что ихъ принимаютъ за Славянъ и убиваютъ въ Баваріи, давно знакомой съ Славянами, что они поселяются въ Италіи и никакихъ слѣдовъ, ни Финскихъ, ни Турецкихъ, не оставляютъ, но сливаются немедленно съ мѣстною стихіею, въ которой,

Digitized by Google

какъ извѣстно, въ то время и очевидно даже искони славянство было весьма сильно).

О безспорной примѣси Финно-турецкаго начала даже въ раннюю эпоху Болгаріи можно бы было догадаться даже a priori по движенію Уйгурскихъ семей изъ средней Азіи на Приволжье; но кромѣ апріористическаго доказательства мы уже видѣли свидѣтельство Китайцевъ, которое относится ко всѣмъ восточно-Славянскимъ племенамъ и, очевидно, болѣе всего къ позднѣйшимъ переселенцамъ на Западъ—Гуннамъ и ихъ потомкамъ Болгарамъ. Слѣдовательно слѣды именъ Тюркскихъ или Финно-турецкихъ, и слѣды нѣкоторыхъ пе-Славянскихъ обычаевъ не только могутъ, но и должны проглядывать между явными признаками славянства, тѣмъ болѣе что примѣсь иноплеменная была особенно сильна или въ высшемъ сословіи или въ дружинѣ, слѣдовательно должна была рѣзко выдвигаться впередъ при всякомъ соприкосновеніи съ другими народами и при всякой исторической дѣятельности. Этимъ не можемъ смущаться просвѣщенная критика, не довольствующаяся однимъ сводомъ Европейскихъ и одновременныхъ лѣтописей.

Волжская Болгарія и Русь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что принятіе исламизма Болгарами должно было дать народу и сильнѣйшую дѣятельность, и большее стремленіе къ завоеваніямъ, особенно при общемъ движеніи Тюркскихъ племенъ на Западъ; и дѣйствительно, замѣтны нѣкоторыя попытки Болгаръ на распространеніе области своей (напр., при взятіи Мурома). Но эта дѣятельность была остановлена учрежденіемъ новаго государства Славянскаго, призваннаго къ великимъ историческимъ судьбамъ. Учрежденіе этого государства или совокупленіе всѣхъ Славянскихъ семей отъ Балтики до Чернаго моря въ одинъ общественный союзъ подъ именемъ и предводительствомъ князей изъ рода Руссовъ совпадаетъ съ обращеніемъ Приволжской Болгаріи къ исламизму. Болгары встрѣтили на Западѣ противниковъ, съ которыми долго боролись, но которымъ они должны были окончательно уступить побѣду, и новорожден-

Digitized by Google

ная Русь удержала въ то время напоръ Тюркскихъ племенъ въ Приволжьи, точно также какъ и послѣ удержала ихъ напоръ съ береговъ Каспія и Чернаго моря (во время Половецкаго нашествія), какъ еще позже она отстоялась отъ другихъ Тюркскихъ семей (во время Татаръ) и какъ наконецъ почти въ наше время уничтожила силу Турокъ дома Османова.

Всѣ эти происшествія, принадлежащія къ ясно-исторической эпохѣ, объясняютъ намъ другія происшествія ранней эпохи; именно нашествіе мнимыхъ Скиѳовъ (Финно-турецкихъ *Сколотовъ*) на землю дѣйствительныхъ Скиѳовъ (Сакъ-іеѳа или Сако-гетовъ), т. е. Славянъ, временное владычество этихъ завоевателей и послѣдовавшее ихъ истребленіе или изгнаніе изъ великой Славянской страны. Точно также объясняется и еще древнѣйшій прорывъ Западно-Иранскихъ Кимвровъ-іотуновъ съ Юга въ область искони Славянскую, и позднѣйшій прорывъ Средне-Иранскихъ Сарматовъ (*Аланъ-азовъ*, у Китайцевъ *Аланъ-ми*), помогавшихъ сперва Славянамъ въ изгнаніи Сколотовъ, потомъ первенствовавшихъ въ землѣ Славянской, и наконецъ изгнанныхъ въ свою очередь старожилами и новымъ приливомъ Бактро-славянскихъ племенъ, Гунновъ Приволжскихъ и Прикавказскихъ Антовъ, Венедовъ и Сѣверянъ, семей удалившихся изъ своей восточной родины передъ напоромъ Тюркскихъ племенъ и передъ грозою далекихъ восточныхъ завоевателей Тунгузовъ. Сянбійцевъ (мнимыхъ *Сабировъ*).

Соперничествомъ Болгаръ съ новою Русью объясняется, иначе необъяснимое, прекращеніе торговыхъ сношеній между пригорьемъ Гималайскимъ и Балтійскимъ поморьемъ. Въ одно и тоже время возникали въ Болгаріи новая дѣятельность, пробужденная магометанствомъ, а у сосѣднихъ Славянъ новая сила и новое властолюбіе воинственнаго правительства, приводящаго въ единство разрозненныя семьи Придонскихъ, Приднѣпровскихъ, Приволжскихъ и Приволховскихъ старожиловъ. Неизбѣжная вражда замѣнила прежнія торговыя и полудружескія сношенія, наслѣдство древняго міра, часто возмущаемое нашествіями съ Востока, но всегда возстановлявшееся

Digitized by Google

до тѣхъ поръ силою привычекъ и преданія въ народахъ, еще не подчинявшихся произволу и себялюбію государственнаго устройства. Торговля Приволжья съ Персіею, Бухарою и Индіею не прерывалась; она вѣроятно еще усилилась отъ единства религіознаго; между тѣмъ всѣ слѣды этой торговли исчезаютъ въ областяхъ сѣверо-западныхъ, по берегамъ Волхова и Балтики. Очевидно, преграды возникли не на Югѣ, а на Сѣверѣ Болгаріи, т. е. на чертѣ, гдѣ она встрѣчалась съ Варяжскою Русью. Нельзя предполагать въ началѣ одиннадцатаго столѣтія открытіе какого-нибудь новаго пути, перетянувшаго къ себѣ древнюю Поволжскую торговлю. Кіевъ охваченный съ Востока Половцами и другими племенами воинственныхъ дикарей, не могъ подорвать Новогородскаго торга; онъ и не представляетъ слѣдовъ значительныхъ сношеній съ областями Закаспійскими. Персія и поморье Палестины точно также не представляли никакихъ новыхъ удобствъ въ концѣ X-го, въ XI-мъ и XII-мъ столѣтіяхъ. Напротивъ того всѣ эти страны, безпрестанно опустошаемыя внутренними и свирѣпыми междоусобіями, опустошаемыя еще болѣе дикимъ своеволіемъ Крестоносцевъ, сдѣлались менѣе чѣмъ когда-либо доступными мирной торговлѣ. И такъ, очевидно, не внѣшнія, но внутреннія причины прекратили или по крайней мѣрѣ значительно убавили торговыя сношенія Новогородской области съ Востокомъ. Эти причины находятся безъ сомнѣнія въ новомъ и воинственномъ устройствѣ государства и въ естественномъ неразумѣ властвовавшихъ Варяговъ, учредившихъ пограничныя заставы для временныхъ и худо разсчитанныхъ выгодъ. Умъ и расчетъ торговый уступили мѣсто насилію и дикости полувоеннаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе торговли съ Греціею черезъ Кіевъ могло также повредить торговлѣ съ Востокомъ черезъ Болгарію; но оно не могло ни прекратить, ни даже значительно уменьшить ее.

Древняя Славянская подпочва Приволжскаго населенія была уже почти уничтожена многовѣковымъ преобладаніемъ постоянно усиливавшихся Уйгуровъ. Новое вѣроисповѣданіе (исла-

Digitized by Google

мизмъ), не чуждое многихъ истинно-человѣческихъ началъ, проникло во всѣ слои общества, возвысило просвѣщеніе, умягчило взаимныя отношенія людей и тѣмъ самымъ окончательно уничтоживъ всѣ видимые признаки племеннаго различія между побѣжденными и побѣдителями, слило ихъ въ одно цѣлое, запечатлѣнное почти исключительно языковымъ и народнымъ характеромъ высшаго Уйгурскаго сословія.

Такова простая причина, почему нашъ Несторъ уже, рѣшительно не могъ признать ничего общаго между своею Славянскою родиною и землею Приволжскою. Какой Русскій не книжно ученый-угадаетъ свою Славянскую братью въ жителяхъ Ольденбурга — Старграда или Бранденбурга—Бранибора? Племенное начало Славянское держалось долго противъ Германскаго насилія въ сѣверо-восточной Германіи. Этому доказательствомъ служатъ пѣсни и проповѣди Славянскія, еще понятныя въ томъ краю тому лѣтъ сто съ небольшимъ. Нѣмецкое просвѣщеніе въ короткое время уничтожило преграду, сопротивлявшуюся многовѣковому угнетенію дикихъ рыцарей и ихъ потомковъ. Тоже самое должно было происходить и на Приволжьи, ибо магометанство, какъ извѣстно, сливаетъ въ весьма скорое время побѣжденныхъ и побѣдителей, если оно принято и тѣми и другими; а основаніе и сила позднѣйшаго царства Казанскаго доказываютъ, что почва, на которой оно было создано, была уже глубоко проникнута Исламизмомъ. Впрочемъ самое начало Уйгуро-болгарскаго царства было таково, что между властителями и народомъ не могло быть той жестокой вражды, какая была между Турками-Османліями или Германцами и завоеванными ими народами. Тутъ было прямое насиліе и завоеваніе, а на Приволжьи болѣе было тихаго наплыва и медленнаго нагнета, чѣмъ военнаго насилія.

Христіанство и мусульманство.—Причины временнаго преобладанія послѣдняго.

Такъ послѣ X-го столѣтія стала мало-по-малу исчезать вся историческая дѣятельность міра Аравійскаго; онъ уступилъ мѣсто свое міру народовъ Тюркскихъ. Но новые дѣятели всемірной исторіи подчинились вполнѣ духовному закону, полученному ими отъ своихъ великихъ предшественниковъ,

Digitized by Google

Иранское преданіе дома Авраамова, колѣна Измаэлитскаго, измѣненное вліяніемъ христіанства и еврейства, опредѣлило судьбу воинственныхъ ордъ Средне-Азійскихъ.

Еще большія перемѣны происходили на Западѣ въ области христіанской; но эти перемѣны были болѣе внутреннія, чѣмъ внѣшнія. Народы дѣйствующіе оставались тѣже; жизнь ихъ и характеръ дѣятельности измѣнялись.

Христіанство сдѣлалось вѣрою Римскаго міра; но, проникнувъ въ совѣсть и сознаніе частныхъ лицъ, очистивъ отчасти и облагородивъ ихъ домашній бытъ, оно не выразилось и не старалось выразиться въ цѣломъ составѣ общества, въ государствѣ. Древнія формы сохранились, не смотря на явную обветшалость, и заковали въ жалкое безсиліе новую духовную жизнь. Великая исторія языческаго Рима тяготѣла надъ Римомъ христіанскимъ. Восточная имперія уцѣлѣла, спасенная силою издревле развитаго просвѣщенія и личностей, соединавшихъ въ себѣ наслѣдство Эллинской науки съ духовнымъ просвѣщеніемъ христіанства; но и она должна была клониться къ упадку и погибнуть отъ внутренняго раздора между мыслію и совѣстію всѣхъ частныхъ лицъ со смысломъ и духомъ всего общества. Западная имперія, никогда не имѣвшая самобытной жизни умственной, пала съ обветшаніемъ древнихъ государственныхъ формъ, создавшихъ ее. На развалинахъ ея осѣли завоеватели Германцы, созидая новыя государства, угнетая завоеванныхъ, но въ тоже время мало-по-малу смѣшиваясь съ ними, принимая отъ нихъ начала просвѣщенія и въ смѣшеніи своемъ составляя новые народы для будущей исторіи. Завоеванія народовъ Германскихъ, даже принявшихъ уже христіанство, представляютъ характеръ несравненно болѣе жестокій и безчеловѣчный, чѣмъ завоеванія Аравитянъ и даже Турокъ-магометанъ. Гордая наука Европейская не замѣтила или не смѣла высказать это различіе; но оно несомнѣнно. Великія злодѣянія были конечно совершаемы и завоевателями магометанскими, особенно Турками (ибо Аравитяне гораздо менѣе другихъ подвергаются этому упреку); но эти злодѣянія сопровождали только первый пылъ борьбы или первое опья-

Digitized by Google

неніе побѣды. Съ возстановленіемъ мира они прекращались и замѣнялись братскимъ отношеніемъ между мусульманиномъ побѣдителемъ и мусульманиномъ побѣжденнымъ. Превосходство народовъ мусульманскихъ, Турокъ и Аравитянъ, передъ Германцами-христіанами объясняется въ эпоху Аравитянъ превосходствомъ самаго племени Аравійскаго передъ племенемъ Германскимъ, вслѣдствіе очевидно высшаго духовнаго просвѣщенія и лучшаго историческаго воспитанія (ибо Аравитяне не были искони завоевателями, какъ Германцы, почти вездѣ вытѣснявшіе Славянъ или Кельтовъ, а первожилами пустыни и менѣе подверглись развратительному дѣйствію постоянныхъ войнъ и Римскаго владычества); превосходство же всѣхъ мусульманъ передъ христіанами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они завоевывали землю единовѣрческую, происходитъ отъ разницы самыхъ вѣроисповѣданій и ихъ первоначальнаго проявленія. Христіанство не составляло ни государства, ни общества (въ государственномъ смыслѣ); поэтому христіане воевали и покоряли непріятелей не какъ христіане, но какъ отдѣльные народы, исполненные народнаго эгоизма, и еще болѣе какъ военныя дружины, исполненныя гордой и корыстолюбивой свирѣпости. Исламъ имѣлъ съ самаго начала своего значеніе общественное и государственное, и его побѣды были запечатлѣны кротостію государственнаго разума.

Народъ по своему вещественному значенію не можетъ принимать иноплеменцевъ въ свои нѣдра, дружина по своему началу враждуетъ противъ всего міра. Государство принимаетъ въ число гражданъ и слѣдовательно подъ свой покровъ всякаго, кто признаетъ его законы; а исламъ былъ государствомъ.

Кромѣ этаго различія должно признать, что вліяніе магометанства на своихъ послѣдователей было сильнѣе, чѣмъ вліяніе христіанства. Догматическое богатство и всеобъемлющія требованія соборнаго ученія менѣе доступны темному уму народовъ необразованныхъ, чѣмъ простота и односторонность Корана. Слова логическаго вѣроизложенія да пышные обряды, созданные художественнымъ воображеніемъ Эллино-

Digitized by Google

Римлянина, были повторяемы или перенимаемы тупыми и дикими выходцами Германіи; высокое ученіе, духовныя требованія христіанства нисколько не были имъ извѣстны. Народы магометанскіе (особенно же Аравитяне) были вполнѣ магометанами, выражая собою все добро и всѣ недостатки своего ученія. Народы христіанскіе, особенно же Германцы, были христіанами только по имени.

Должно замѣтить еще, что самое обращеніе Германцевъ изъ язычества было таково, что оно должно было по необходимости оставить дурные и нелегко изгладимые слѣды. За исключеніемъ Англо-саксовъ почти всѣ приняли свою новую вѣру отъ побѣжденныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Римскаго государства, и слѣдовательно вліяніе дурныхъ примѣровъ и развратъ полупросвѣщенія должны были проникнуть въ душу завоевателей вмѣстѣ съ религіею. Германцы не были обращены къ христіанству апостоловъ, но соблазнены христіанствомъ развратнаго Рима. Это явно изъ современныхъ и почти невѣроятныхъ свидѣтельствъ о грубомъ невѣжествѣ, духовномъ уничиженіи и гнусной жизни большей части духовныхъ людей, сопровождавшихъ походы Франкскихъ и другихъ дружинъ. Англо-саксы составляютъ исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковы причины явнаго превосходства первыхъ и отчасти даже позднѣйшихъ мусульманскихъ завоевателей передъ христіанскими. Зло, посѣянное или допущенное вначалѣ, должно было принести свои плоды; вѣка должны были пройти надъ этими новыми народами, прежде чѣмъ могли изгладиться слѣды перваго и такъ сказать незаконнаго допущенія ихъ въ общину христіанскую, которой они нисколько не принадлежали. Эти слѣды не изглажены и до нашего времени. Но разъ допущенное, хотя и не понятое, христіанство должно было также принести свои плоды, и оно принесло ихъ въ постепенномъ развитіи и облагороженіи западнаго, Германо-романскаго міра.

Не христіанствомъ и не его человѣческими началами созданы государства западной Европы; но христіанство присут-

Digitized by Google

ствовало при ихъ основаніи; оно могло дѣйствовать и дѣйствовало сильнѣе и свободнѣе въ общественномъ отношеніи на новыя державы, еще не принявшія положительныхъ и опредѣленныхъ формъ, чѣмъ на имперію Римскую, уже заматерѣвшую и окристаллизовавшуюся въ упорныя и неизмѣняемыя формы, созданныя древнею, языческою исторіею.

Впрочемъ это относится только къ общему государственному или общественному строенію, а не къ подробностямъ внутренняго гражданскаго быта, гдѣ духовная жизнь отдѣльныхъ лицъ проявляется въ соприкосновеніи съ обществомъ. Тутъ высшее просвѣщеніе Византійца и Эллино-римлянина очевидно сохраняетъ свои права, и отношенія владѣльца къ рабу, крѣпостному, арендатору или наемнику, въ уцѣлѣвшей половинѣ Римской имперіи безспорно чище и ближе къ христіанству, чѣмъ въ первыхъ царствахъ Германо-романской области.

Римскій епископъ и Франки.

Союзъ Римскаго епископа, признаваемаго, въ силу обычая и правъ данныхъ двумя императорами (слабымъ Граціаномъ и ненавистнымъ Ѳокою), за главу всѣхъ церквей западной имперіи, далъ племени Франковъ рѣшительный перевѣсъ между всѣми Германскими семьями, завоевавшими западную Европу. Причины этаго союза ясны: Римскому епископу необходимо было, какъ для собственныхъ выгодъ, такъ и для поддержанія на Западѣ ученія соборнаго, опереться на единственную изъ завоевательныхъ дружинъ свободную отъ Аріанскаго вліянія. Франкамъ было полезно опереться на единственнаго свободнаго представителя Церкви и пріобрѣсть такимъ образомъ союзниковъ во всемъ духовенствѣ и въ племенахъ Галло-римскихъ противъ своихъ Аріанскихъ соперниковъ, Готовъ или Лонгобардовъ. Самая дружина Франковъ была сильнѣе всѣхъ остальныхъ Германскихъ дружинъ. Болѣе искусная въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ Лонгобарды, болѣе многочисленная и воинственная, чѣмъ Готы, уже полюбившіе роскошь и нѣгу Римской жизни, она превосходила всѣхъ

Digitized by Google

особенно силою своего внутренняго единства, ибо остальныя были дружинами народными, а Франки были личною дружиною Меровинговъ.

Это различіе доказывается всѣми обстоятельствами исторіи, болѣе же всего тѣмъ, что власть вождя или царя, безпрестанно переходившая насильственно или законно изъ однаго рода въ другой у Лонгобардовъ и Готовъ, оставалась всегда неоспоримымъ правомъ рода Франковъ Поморскихъ или дома Моровейскаго.

Готы и Лонгобарды были побѣждены; слабые, хотя мужественные и отчасти даже образованные, Бургундцы поглощены разливомъ Франковъ и вошли въ составъ ихъ державы; Германія, родина завоевателей, была ими же завоевана и обращена въ состояніе подвластной области; Славяне Юго-западные отражены и отодвинуты, не смотря на бодрое сопротивленіе и на блистательныя побѣды. Имя и государственная система Франковъ сдѣлались преобладательными въ западной Европѣ, и новое великое царство возникло на развалинахъ Римскаго міра. Лонгобарды и Готы приняли ученіе, противъ котораго они такъ долго боролись; но Римскій епископъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ союзникамъ. Высвободившись мало-по-малу изъ прямой зависимости отъ ослабѣвшей Восточной имперіи и присвоивъ себѣ нѣкоторую государственную самостоятельность посредствомъ временныхъ союзовъ съ Франками и даже Лонгобардами и постояннаго сочувствія Итальянскихъ старожиловъ съ своею древнею столицею, папа никогда не доброхотствовалъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, Лонгобардамъ. Многіе изъ нихъ еще оставались вѣрными аріанству, многіе приняли ученіе Никейское изъ простаго политическаго расчета; всѣ были отчасти подъ вліяніемъ политики Византійской и Восточнаго ученія, никогда не признававшаго законности папскихъ притязаній на независимость въ дѣлахъ гражданскихъ и на управленіе Церковью въ дѣлахъ духовныхъ. Такіе сосѣди угрожали постоянною опасностью Риму и находились съ нимъ въ постоянной враждѣ. Готы, хотя и принявшіе Никейское исповѣданіе, были слишкомъ слабы, далеки и волнуемы внут-

Digitized by Google

ренними раздорами для сопротивленія напору Лонгобардовъ. Вступая въ Испанію, они имѣли еще отчасти значеніе народа, ищущаго себѣ осѣдлости, и сохраняли общинное устройство. Въ скоромъ времени утратили они всѣ эти остатки народной старины и обратились въ нестройную аристократическую дружину.

Это доказывается отмѣненіемъ старыхъ законныхъ обычаевъ, по которымъ округа или община составляла живое и органическое цѣлое съ правомъ суда надъ своими членами и съ отвѣтственностію за нихъ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Но при этой перемѣнѣ они лишались своей прежней силы народной и не пріобрѣтали новой, дружинной силы, ибо не были связаны ни неоспоримымъ единствомъ родоваго дружинноначальника, какъ Франки, ни правильными и вѣрно расчитанными условіями, которыхъ строгая формальность можетъ отчасти замѣнять живой духъ народнаго единства. Наконецъ, по привычкамъ, почерпнутымъ ими во время долгаго странствованія въ областяхъ Римскихъ, они не имѣли ни той строгой аристократической исключительности, которая впослѣдствіи придавала силу Германскимъ и Норманскимъ завоевателямъ въ другихъ странахъ (это доказывается процвѣтаніемъ городовъ, сравнительною свободою подвластнаго народа и излишнею властію духовенства въ дѣлахъ правительственныхъ), ни того постояннаго властолюбія и стремленія къ управленію государствомъ, которое могло бы возвысить частныя лица до сознанія своихъ общественныхъ правъ и до безусловной покорности своимъ общественнымъ обязанностямъ. Готская держава истлѣвала и распадалась. Ударъ внѣшней силы долженъ былъ ее разрушить почти безъ сопротивленія. Этотъ подвигъ былъ совершенъ Аравитянами. Но еще слишкомъ за столѣтіе прежде своего окончательнаго паденія, Готы лишились всякаго историческаго значенія и не могли служить опорою епископу Римскому противъ Лонгобардовъ. Папа оставался постоянно вѣрнымъ союзу своему съ Франками и находилъ въ нихъ постоянно вѣрныхъ защитниковъ.

Digitized by Google

Вся исторія западной Европы, за исключеніемъ островной области Англо - саксовъ (или Угло - саксовъ), заключается въ продолженіе слишкомъ пяти вѣковъ единственно въ постепенномъ измѣненіи двухъ властей, Римскихъ епископовъ и Франковъ, давшемъ смыслъ, направленіе и характеръ всей послѣдующей исторіи Европы и міра; ибо область Вестготовъ Испанскихъ, завоеванная Аравитянами, получила вещественныя силы для будущаго освобожденія и большую часть своего характера отъ наплыва изъ свободной и спльной области Франковъ, а Лонгобардская Италія и особенно коренные жители Германіи, завоеванные династіями Франкскими, сохранили навсегда, даже въ своей возвращенной самостоятельности, печать, наложенную на нихъ временнымъ владычествомъ потомковъ Меровея или Карла.

Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судіи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ западныхъ епархіяхъ. Впрочемъ эта власть была ограничена рѣшеніями соборовъ частныхъ (какъ видно изъ многихъ спорныхъ случаевъ), вполнѣ подчинена рѣшеніямъ великихъ, такъ называемыхъ вселенскихъ, соборовъ, и никогда не касалась до рѣшенія споровъ догматическихъ или даже обрядныхъ. Это явствуетъ изъ неуваженія къ подписи папы Либерія подъ символомъ Аріанскаго собора, изъ анаѳемы, произнесенной противъ папы Гонорія, изъ долгихъ споровъ о времени Пасхи, и даже изъ собственныхъ показаній властолюбивѣйшаго изо всѣхъ папъ, Николая I-го, въ письмѣ его къ Фотію. Постепенное ослабленіе Византіи и политическій разрывъ между Восточною имперіею, уцѣлѣвшею, и Западною, завоеванною Германцами, возвысили значеніе Римскаго престола. Власть его въ дѣлахъ церковныхъ становилась болѣе и болѣе неоспоримою, тѣмъ болѣе что онъ служилъ единственнымъ покровителемъ духовенства, угнетеннаго Аріа-

Digitized by Google

нами, и что Меровинги въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ охотно слушались голоса и исполняли приговоръ могущаго союзника, которому они были обязаны многими побѣдами и пріобрѣтеніями. Но за всѣмъ тѣмъ единство ученія догматическаго и память жизненнаго единства Церкви удерживали папъ въ постоянной связи и невольной зависимости отъ цѣлой церковной общины и отъ ея духовныхъ представителей на ослабѣвшемъ, но еще просвѣщенномъ и мыслящемъ, Востокѣ. Мысль Римская не отрывалась отъ опеки Эллинскаго міра.

Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о вѣрѣ и церкви. Для Эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства, доступнаго человѣку, лишенному наслѣдства преданія, вѣра была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины переданной Богочеловѣкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ божественнымъ Духомъ: изъ жизненнаго единства всѣхъ одновѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и внѣшняя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина создавшаго самое могущее изо всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ Римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

Эти притязанія, не признанныя Церковію, ясно выражены еще въ III-мъ вѣкѣ въ спорѣ между восточными и западными общинами о

Digitized by Google

времени Пасхи, а доказательство того, что первенство Римскаго епископа основывалось на значеніи города, а не на преемствѣ Петра находится во всѣхъ рѣшеніяхъ соборныхъ, ибо Антіохія считалась наравнѣ съ Римомъ—престоломъ Петра.

Характеръ историческаго развитія западной Европы.—Церковь западная въ сравненіи съ восточною.

Древній Римъ налагалъ свою печать на новое христіанство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри; но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ Римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о Церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была не что иное какъ односторонность самаго западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный Западъ еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли: онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя Германскія семьи силою Римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе; кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ от-

Digitized by Google

ношеніи къ жизни государственной и гражданской Германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще,—Церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленія человѣческой мысли.

Это стремленіе ясно не только въ развитіи церкви Запада, но и въ ея ересяхъ, Пелагіанизмѣ и Адопціанизмѣ, которыя одни только и принадлежатъ ей, ибо всѣ прочія заняты ею у Востока. Обѣ по своей сущности могли получить характеръ догматико-философскій (ибо Пелагіанизмъ имѣлъ предметомъ своимъ волю, т. е. самодѣятельность духа, а Адопціанизмъ заключалъ въ себѣ вопросы, пробудившіе на Востокѣ расколы Несторія и Евтихія), но обѣ приняли на Западѣ характеръ чисто-юридическій, отчасти доведенный до смѣшной крайности.

Поэтому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, были построеніе Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною, съ логическою ясностію, доставляло собору всю его силу и неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На Западѣ тѣже соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ приговоромъ.

Разумѣется, это различіе не можетъ быть доказано свидѣтельствами современниковъ, ибо оно было только въ зародышѣ мысли, а не въ ясномъ сознаніи; но оно доказывается всѣмъ послѣдующимъ раз-

Digitized by Google

витіемъ, всѣми позднѣйшими писателями и всѣмъ богословскимъ міромъ Европы и даже многоученой Германіи, который и до сихъ поръ не можетъ иначе смотрѣть на соборы какъ съ старой Римской или юридической стороны. Отъ этаго взгляда и происходили всѣ споры о формальной законности соборовъ и вся жалкая полемика объ ихъ правахъ.

Но случайность соборовъ, ихъ возможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ почти безъ ихъ воли въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Разумѣется, папы старались ускорить развитіе этого всеобщаго стремленія. Ихъ винить нельзя не только по снисхожденію, но по справедливости; ибо они должны были раздѣлять всеобщее убѣжденіе и признавать обязанностію своею устроеніе всего міра согласно съ нимъ. Сопротивленіе кое-какихъ епископовъ, общинъ или правительствъ было только случайностью, споромъ о предѣлахъ, а не о началѣ власти и должно было уступить болѣе строгому и вѣрному развитію общей западной мысли въ лицѣ папъ.

Освобожденіе отъ Византіи, союзъ съ Франками и другія историческія происшествія (какъ напр. учрежденіе калифата, обращеніе нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ проповѣдниками, изъ Рима и великія личности на Римскомъ престолѣ) ускорили неизбѣжное возвеличеніе епископовъ Римскихъ; но оно было

Digitized by Google

во всякомъ случаѣ неизбѣжно при разрывѣ Запада съ Востокомъ. Причины разрыва были внутреннія, происходящія отъ различія умственной жизни и отъ взаимнаго недоброжелательства или презрѣнія между областями Римскаго образованія и областями образованія Эллинскаго, тѣ самыя, которыя въ прежніе вѣка раздѣлили Имперію на двѣ половины. Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

Готы, повинуясь невольно вліянію завоеваннаго Иверо-римскаго народа и его духовенства, сохранившихъ нѣкоторые остатки прежняго просвѣщенія, отступили отъ Аріанства. Это отступленіе разумѣется было не всеобщее и повлекло за собою раздоры и междоусобія, но торжество осталось за послѣдователями соборнаго ученія. Нестройная аристократія Готовъ, сохранявшая нѣкоторую военную и государственную дѣятельность, покуда еще боролась съ мелкими царствами Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ и съ Византійцами, временно завладѣвшими юго-западнымъ берегомъ Испаніи, потеряла силу свою и единство стремленій послѣ побѣды, тратя жизнь и природное мужество въ частныхъ междоусобіяхъ или кровавыхъ спорахъ о преемствѣ престола. Духовенство, пользуясь безпечностью аристократіи и ея подозрительною ревностью къ власти царской, а еще болѣе рвеніемъ новообращенныхъ послѣдователей вселенскаго ученія, овладѣло всѣми государственными правами, собирая частые соборы, на которые приглашало кого хотѣло, полагая на нихъ рѣшенія о дѣлахъ правительственныхъ, измѣняя законы гражданскіе и установляя новые почти безъ согласія остальныхъ сословій. Государство приняло отчасти характеръ церковной республики. Таково было послѣдствіе западнаго стремленія, выразившагося съ особенною силою въ странѣ далекой отъ міра восточнаго, болѣе другихъ напитанной характеромъ Римскимъ и завоеванной дружиною менѣе сильною чѣмъ Франки и менѣе дикою чѣмъ Лангобарды. Готы повиновались охотно своимъ духовнымъ правителямъ, раздѣляя отчасти мысли завоеваннаго народа и болѣе другихъ Германцевъ уважая въ духовенствѣ высшее просвѣщеніе, съ которымъ сами уже нѣсколько ознакомились во время своего

Digitized by Google

долгаго странствованія отъ Дуная до Гибралтарскаго пролива, когда они въ областяхъ Имперіи искали сперва убѣжища отъ мстительнаго меча Славянъ-гунновъ, а потомъ осѣдлости и привольныхъ жилищъ. Правда, по временамъ церковная власть возставала противъ излишнихъ правъ епископовъ, но почти всегда безуспѣшно; а восторжествовала она только въ послѣднюю эпоху Готскаго царства, когда самое торжество ея сдѣлалось гибельнымъ, породивъ скрытую вражду и наконецъ явную измѣну части духовенства, для которой иго Аравитянъ показалось менѣе нестерпимымъ, чѣмъ своевластіе царей.

Это явно изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и изъ ожесточенія, съ которымъ духовные лѣтописцы говорятъ о послѣднихъ? Готскихъ правителяхъ.

Неотрадно было явленіе этой правительственной власти въ рукахъ духовенства. Преобладаніе идеи государственной, завѣщанной Римомъ, создало стремленіе къ облеченію Церкви въ государственныя формы и къ подчиненію всего гражданскаго общества ея верховной власти; но успѣхъ долженъ былъ исказить Церковь. Она приняла весь условный и принудительный характеръ государства въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно было древности и какъ оно отчасти представляется даже до нашихъ дней. Римъ посылалъ христіанъ на костры потому, что они отвергали право верховной власти на опредѣленіе общественной религіи и ея боговъ. Готская Испанія подъ правленіемъ епископовъ должна была опредѣлить казни всѣмъ иновѣрцамъ, ибо они отвергали самое начало церковно-государственной власти. Явилась первая инквизиція, обращенная противъ Аріянъ и многочисленныхъ Евреевъ, и эта инквизиція мало уступала въ угнетеніяхъ и жестокости позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ Доминиканцевъ и папъ *).

Таковъ былъ выводъ, сдѣланный Готами изъ Римскаго начала, и возстановленіе инквизиціи въ позднѣйшее время и даже вся позднѣйшая исторія Испаніи доказываютъ, какъ упорна жизнь мысли

*) Ср. примѣч. къ письм. Пальмера, II томъ. *Изд.*

Digitized by Google

разъ принятой народомъ и какъ долго она можетъ противиться дѣйствію времени и государственныхъ перемѣнъ. Семивѣковое иго Аравитянъ тяготѣло надъ Пиренейскимъ полуостровомъ, и едва сокрушилось оно передъ усиліями Фердинанда и Изабеллы, какъ уже воскресла Испанія до-Аравійской эпохи. Только тѣ ошибки исправляются, которыя сознаны или доведены до своей крайней нелѣпости; только тѣ изглаживаются безъ слѣда, въ которыхъ народъ или человѣкъ принесъ покаяніе.

Но вмѣстѣ съ мечемъ карающей власти поднятъ былъ противъ иновѣрцевъ и мечъ слова. Соборы, издавая кровавые законы противъ Аріянъ, старались въ тоже время опровергать ихъ ученіе и опредѣлять со всевозможною точностью ученіе признаваемое своею мѣстною Церковію. Это стремленіе принесло плоды гибельнѣе самой инквизиціи и ея ужасовъ.

Отъ полупросвѣщеннаго духовенства, почти совершенно незнакомаго съ богатою словесностью восточной Церкви, нельзя было ожидать глубокихъ богословскихъ познаній и тонкости въ логическихъ опредѣленіяхъ; отъ духовенства, глубоко зараженнаго развратомъ народа, а еще болѣе кровавымъ развратомъ власти, нельзя было ожидать той свѣтлой простоты мысли, которая часто человѣку безграмотному открываетъ смыслъ и истину, недоступные многоученому книжнику; наконецъ, отъ людей, живущихъ исключительно внѣшнею жизнію, нельзя было ожидать ни яснаго пониманія писаній, опредѣляющихъ внутреннюю сущность духовнаго міра, ни даже строгаго вниманія къ нимъ. Въ отношеніяхъ между проявленіями личности въ Божествѣ рѣшеніе вселенскихъ соборовъ признавало зависимость двухъ лицъ, Сына и Духа, отъ перваго— Отца, опредѣляя отношеніе Сына къ Отцу словомъ *рожденіе*, а Духа словомъ *происхожденіе*.

Разумѣется мы не входимъ въ разборъ философской истины и даже смысла догматовъ; но логическій разборъ соборныхъ опредѣленій и ихъ выраженія необходимы для разумѣнія великихъ историческихъ происшествій, точно также какъ разборъ Аріянскаго или Несторіянскаго раскола.

Digitized by Google

Такимъ образомъ опредѣлялось совершенное единство начала въ Божествѣ и, такъ сказать, внутренній образъ Божества; съ другой стороны явленіе божественнаго Духа или его схожденіе въ міръ приписывалось (хотя не соборнымъ рѣшеніемъ, но общимъ признаніемъ) Отцу и Сыну. Немногіе изъ святыхъ отцовъ, говоря о Духѣ Божіемъ, употребили выраженія, которыя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означали происхожденіе Духа отъ Отца и Сына.

Число этихъ церковныхъ писателей весьма ограничено. Это доказано до очевидности, ибо большая часть авторитетовъ, приводимыхъ многими западными писателями до нашего времени, созданы безстыдною фальсификаціею текстовъ.

Тѣ, которые признавали, по видимому, двойственное происхожденіе Духа и, такъ сказать, двуначаліе въ Божествѣ, обращали единственно вниманіе на отношеніе Божества и Духа Божественнаго къ міру твореній.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно допускали ложное толкованіе, изучивъ только внѣшнія явленія, а не внутреннія опредѣленія Божества, признанныя соборами; но и этого доказать нельзя, а значительнѣйшіе явно говорили объ исхожденіи въ міръ (ad extra). Такъ напр., Августинъ, говоря: «procedit a Patre et Filio, principaliter autem a Patre», безспорно употребляетъ выраженіе равносильное выраженію «quoad principium», т. е. происходитъ отъ Отца и Сына, происходитъ же отъ Отца.

Какъ бы то ни было, но въ спорѣ между духовенствомъ Испанскимъ и Аріянами, желаніе возвеличить второе лицо въ Божествѣ, отвергаемое Готами-аріянами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцовъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго Запада недостаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутрен-

Digitized by Google

нимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ Греческой церковной словесности, усилило ошибку; обстоятельство рѣшительное въ этомъ дѣлѣ было оставлено безъ вниманія, именно то, что ученіе о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына было названо богохульствомъ и предано Ѳеодоритомъ въ спорѣ его съ Кирилломъ анаѳемѣ, одобренной и слѣдовательно утвержденной вселенскимъ соборомъ; и это презрѣніе къ рѣшенію соборному не можетъ быть приписано ничему кромѣ незнанія. Духовенство Испанское, облеченное въ неслыханныя государственныя права и привыкшее рѣшать судьбу народа, не могло въ своемъ гордомъ самодовольствѣ быть остановлено сомнѣніями о законности своихъ приговоровъ и памятью о зависимости каждой частной мысли (личной или областной) отъ общей мысли всего христіанства. На Толедскомъ соборѣ въ VII-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе *«и отъ Сына»* къ изложенію вѣры или символу Никео-константинопольскому. Мало-по-малу это прибавленіе стало вкрадываться во всѣ общины Запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства Вестъ-готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе восточной имперіи, до половины завоеванной мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивали самоувѣренность и гордость Германо-романскихъ областей; наконецъ, бѣгство многихъ изъ Испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ, (Франкскаго и Гото-романскаго) ускорили принятіе символа Толедскаго почти во всемъ Западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніею прежде другихъ; оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣ же начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ Западѣ была таже чистовнѣшняя жизнь, таже неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ

Digitized by Google

опредѣленій, наконецъ двуначальность Запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ, созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ Римскомъ правѣ (единственной основѣ всей западной мысли), заставляли невольно переносить туже самую двуначальность земную въ міръ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія—*Духа* не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли—*Отца* и отъ перваго ея проявленія или факта—*Сына*. Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Италія и самый Римъ имѣли менѣе Римскаго характера, чѣмъ западныя области Имперіи. Это положеніе, по видимому, странное, объясняется довольно просто. Области ближайшія къ сильнымъ центрамъ Эллинскаго мышленія находились подъ могущимъ вліяніемъ Греціи. Многостороннее и высшее просвѣщеніе Италіи въ сравненіи съ завоеванными странами Кельта или Иверца скрывали въ ней то одностороннее направленіе, которое должно было возникнуть изъ исключительно-государственнаго характера Рима. Эта односторонность, которая проявлялась рѣзко въ странахъ, получившихъ свое историческое значеніе отъ Римскаго завоеванія, была только въ зародышѣ и робко выступала въ своей родинѣ. Римъ, всегда стремившійся къ самостоятельности въ силу историческихъ воспоминаній и мѣстнаго эгоизма, съ самаго перенесенія столицы въ Византію находился безсознательно подъ опекою Греческой мысли. Сѣверная Италія, нѣкогда затмившая самый Римъ въ послѣднее время западныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Равеннѣ, была тѣснѣе связана съ Востокомъ, чѣмъ съ Западомъ. Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ Востокомъ. Западныя общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ Римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще шатки. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный, папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ,

Digitized by Google

нуждаясь въ Греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть перемѣну въ символѣ и, желая дать Востоку явное доказательство своего православія, велѣлъ выставить въ главномъ Римскомъ соборѣ Никео-константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ. Но неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принесть свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на Западѣ не вслѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вслѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго Римскимъ епископомъ. Дружескія сношенія и согласія съ Востокомъ продолжались, повидимому, также какъ и прежде. Востокъ, полузадавленный Аравитянами и занятый тогда своимъ собственнымъ вопросомъ о свободѣ обряда или художественнаго выраженія мысли церковной (споромъ объ иконахъ), или не зналъ нововведенія западнаго или не обращалъ на него вниманія. Рѣшеніе седьмаго вселенскаго (2-го Никейскаго) собора подало поводъ къ новымъ распрямъ. Сообщенное западнымъ общинамъ и одобренное епископомъ Римскимъ, оно было сначала отвергнуто духовенствомъ и епископами Франкскими. Пополнительныя объясненія епископовъ Греческихъ устраняли отчасти эти несогласія, но за всѣмъ тѣмъ рѣшеніе Никейскаго собора нескоро еще было признано всѣмъ Западомъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выражалось коренное различіе двухъ понятій о Церкви. Востокъ Греческій отстаивалъ свободу и святость свободнаго художественнаго выраженія въ обрядѣ и былъ правъ. Западъ Римскій, обрадованный мыслію о правѣ и положительной пользѣ, видѣлъ въ иконахъ и слѣдовательно въ обрядѣ вообще положеніе законное, содержащее въ себѣ признаніе какой-то заклинательной пользы. Онъ отвергалъ такое признаніе и былъ правъ; впослѣдствіи онъ принялъ приговоръ соборный, но это принятіе было уже признакомъ развивающагося искаженія религіозной мысли. Между тѣмъ временное разногласіе, хотя отчасти и умягченное посредничествомъ папъ, усилію давно уже существующій, но еще не обнаружившійся раздоръ.

Digitized by Google

Восточныя общины обращались къ западнымъ съ желаніемъ единенія и согласія, прося ихъ участвовать въ общемъ вопросѣ; но западныя, принимая на себя должность судей, не думали предлагать восточной своей братіи вопросы, возникающіе изъ ихъ новой умственной жизни. Важное измѣненіе символа было обще принято и признано безъ всякаго сообщенія съ епископами тѣхъ странъ, отъ которыхъ, по собственному сознанію всѣхъ западныхъ писателей, была почерпнута вся наука Христіанскаго міра. Такова была естественная гордость молодаго просвѣщенія, опиравшагося на огромное развитіе вещественныхъ силъ. Папы, нескоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ перемѣну собственною властію своею*). По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; по притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современные лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Новая Имперія воздвигнута была на Западѣ. Новый императорскій вѣнецъ положенъ былъ на голову Карла Великаго. Міръ западный выразилъ свою самостоятельность и свои гордыя притязанія на наслѣдство міродержавнаго Рима. Папа, возрастившій силу Франковъ и призвавшій ихъ въ Италію, вѣнчавшій императора, благословившій его всею святынею Христіанства и всѣми воспоминаніями великой древности, признавшій его меченосцемъ христіанскаго міра и главою всѣхъ вѣнчанныхъ главъ, возросъ по необходимости въ глазахъ всего Запада. Безъ сомнѣнія замѣтно въ Карлѣ Великомъ желаніе полагать предѣлы папской власти, произносить надъ нею судъ по обычаю императоровъ Римскихъ и сохранять самостоятельную свободу епископовъ; послѣ него тоже самое направленіе замѣтно и въ его преемникахъ и въ самыхъ епископахъ, стремившихся къ увеличенію своей власти въ дѣлахъ гражданскихъ и государственныхъ (особенно при мягкодуш-

*) Соборъ въ Bari 1097 (у Hefele, 98 года) при Урбалѣ II-мъ. *Изд.*

Digitized by Google

номъ Людовикѣ) но въ тоже время старавшихся удержать какую-то республиканскую форму церковнаго правленія. Всѣ эти усилія должны были остаться безъ успѣха. Общее мнѣніе, уступки сдѣланныя давно всѣмъ Западомъ Римскому епископу, историческое значеніе его престола и логическое развитіе мысли Германо-римской о Христіанствѣ, должны были доставить папѣ окончательную побѣду и правительственное первенство въ церкви. Нужны были только человѣкъ сильный духомъ и счастливый случай, который никогда не измѣняетъ такимъ людямъ, когда они вѣрно служатъ общей мысли. Около половины IX-го вѣка взошелъ на Римскій престолъ Николай 1-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостію, которая не боялась никакой борьбы и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготовлялъ свои орудія. Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія; временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго, исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано вслѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное вслѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное на перекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ; но все принято съ ровною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Италіи, въ которой Греки и восточная церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и оче-

Digitized by Google

видно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковных правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею западною Европою въ продолженіе многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ. Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимости высшаго духовенства въ земляхъ Прирейнскихъ и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ; ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на Западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами Константинопольской эпархіи, которая одна изо всѣхъ первенствующихъ эпархій не впала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ склонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его, часть новообращенныхъ Славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму, императоры готовы были покориться Римскому духовному владыкѣ; но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможною, и все перемѣнилось: западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, Славянскія области возвращены Цареградской эпархіи,

Digitized by Google

самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ восточной церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: ибо позднѣйшая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ церкви раздѣлился, духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился пріобрѣтеніемъ безконечной страны Славянской. Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

Всякая отдѣльная община имѣла свой особенный характеръ; всѣ удерживались въ предѣлахъ общаго единства взаимнымъ противодѣйствіемъ и взаимною опекою.

Такъ были устранены начала Іудейскія (Несторіянство) въ Сиріи, гнозиса (Савеллianство) въ Египтѣ, заклинательнаго кушитства (Гонатизмъ) въ Африкѣ и другія. Освободившись отъ противодѣйствія Востока, Римское начало Запада должно было придти къ своимъ логическимъ выводамъ въ области догмата и обряда и въ области государственнаго и правительственнаго устроенія. Духовная община церкви исчезла въ государственномъ обществѣ церкви. Народъ (міряне) исчезалъ въ правительствѣ (духовенствѣ), а духовенство въ своей постоянной главѣ, въ монархѣ-папѣ; языки народные, мѣстные должны были уступить мѣсто языку государственному, всеобщему—Латинскому; папа, постоянный правитель въ силу права даннаго ему Божественнымъ Основателемъ церкви и источникомъ истины Христомъ, долженъ былъ быть безошибочнымъ хранителемъ истины и догматическаго толкованія ея. Всѣ выводы эти были неизбѣжны. Николай I-й, основатель папства, еще не думалъ о введеніи однаго церковнаго языка и о порабощеніи мѣстныхъ нарѣчій, и его первый преемникъ осуждалъ еще исключительныхъ поборниковъ писаній и молитвъ на языкахъ Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ и назвалъ ихъ учениками не Христа, а Пилата (въ посланіяхъ къ землямъ Славянскимъ); но позднѣйшіе папы поняли необходимость обще-церковнаго слова и дали это значеніе искаженной

Digitized by Google

латини. Николай, утверждая за папами право суда безспорнаго, еще не признавалъ за ними безошибочности въ дѣлахъ вѣры и говорилъ, что послѣдній мірянинъ въ спорѣ о догматахъ имѣетъ одинаковый голосъ съ первымъ изъ епископовъ (въ письмѣ къ Фотію). Позднѣйшіе папы признали свою непогрѣшимость, и весь Западъ покорился этому рѣшенію. Наконецъ, Римскій епископъ долженъ былъ не только освободиться отъ всякой свѣтской власти и отъ утвержденія мірскими правителями, но и отъ всякаго мѣстнаго вліянія. Избраніе папы должно было перейти къ совѣту свободному и отторгнутому отъ всего остальнаго міра. Оно сдѣлалось въ половинѣ XI-го вѣка дѣломъ кардиналовъ и позднѣе еще совершенно независимымъ отъ согласія императоровъ. Всѣ эти измѣненія совершались быстро силою принятыхъ уже началъ и не смотря на развратъ и слабость преемниковъ Николая I-го. Безсознательно и невольно совершилось дѣло, начатое его смѣлымъ духомъ.

Община естественная управляется преданіемъ и инстинктомъ духа въ ней живущаго, всегда оставаясь вѣрною себѣ, не смотря на случайныя противорѣчія тѣсно-логическимъ выводамъ. Государство по необходимости управляется своею законною логикою, правитель самовластный подчиняется ей поневолѣ. Такимъ образомъ раціонализмъ или тѣсно-логическій анализъ сдѣлался характеромъ западной церкви, въ противоположность созерцательнаго разумѣнія, сохранившагося на Востокѣ. Понятіе о правомѣрности, перенесенное въ церковь изъ Римскаго права, развилось и не могло не развиться въ видѣ полезности (утилитаризма). Молитва, обрядъ, таинство, доброе дѣло получили, въ отношеніяхъ человѣка къ Божеству, характеръ заслуги и силы заклинательной, совершенно соотвѣтствующій Кушитскому волхвованію.

Всякая мѣстная справедливость въ общемъ государствѣ христіанскомъ должна получить начало и утвержденіе отъ правды общей; папа, какъ глава всей церкви, долженъ былъ изъявить притязанія на судъ надъ государями, и въ этомъ притязаніи былъ строгій логическій выводъ. Все это исполнилось;

Digitized by Google

но такъ какъ основаніе всей мысли Римской было односторонее, то позднѣйшее противодѣйствіе было неизбѣжно также, какъ и временное торжество.

Раціонализмъ долженъ былъ кончиться отрицаніемъ протестантскимъ, ибо анализъ идетъ путемъ разложенія и отрицанія. Въ своемъ окончательномъ выводѣ протестантство должно перейти въ анализъ чисто-философскій со всѣми его послѣдствіями: въ своемъ религіозномъ періодѣ онъ долженъ былъ сохранить и сохранилъ характеръ правомѣрности или полезности, т. е. Кушитскаго заклинанія.

Это же называется въ большей части случаевъ Пелагіянствомъ. Его нельзя не замѣтить и въ Римскомъ католикѣ, и въ его противникѣ протестантѣ, который дѣйствительно принялъ всѣ опредѣленія Римскія и остался въ зависимости прямаго отрицанія отъ Рима, какъ буддаизмъ отъ шиваизма.

Притязаніе на верховный судъ въ дѣлахъ свѣтскихъ должно было кончиться борьбою со свѣтскими властями и отрицаніемъ права духовной власти надъ свѣтскою, и эта борьба, начатая императорами Германскими, кончена была всѣми государями Запада.

Таково было позднѣйшее развитіе Римскаго понятія, приложеннаго къ церкви; но и въ первое время оно безспорно связало всѣ западныя государства въ одно цѣлое государство или общество христіанское, въ такъ названное Tota Christianitas. Это приложеніе Христіанства къ жизни, не смотря на свою односторонность, было ново въ мірѣ и подѣйствовало не безполезно на внутреннее развитіе частныхъ державъ, хотя это дѣйствіе было недостаточно и слабо. Множество новыхъ задачъ было задано человѣчеству; всѣ они не разрѣшены по односторонности первоначальныхъ данныхъ, но стремленіемъ къ разрѣшенію ихъ волновалось и двигалось все человѣчество до нашего времени.

Государственная жизнь на Западѣ. Франки и Галлы.

Другая великая власть, двигавшая Западъ, власть Франковъ, не заключалась, какъ папство, въ идеѣ религіозной. Поэтому

Digitized by Google

измѣненія ея судьбы не представляютъ на первый взглядъ той строгой, логической послѣдовательности, которая такъ ясна въ исторіи Римскаго престола; но и исторія Франковъ была также, какъ и всякая другая исторія, развитіемъ мысли; слѣдовательно и она должна была управляться и управлялась законами логической необходимости, болѣе или менѣе скрытой подъ покровомъ человѣческихъ случайностей.

Франки, завоевавъ Галлію, основали государство на правѣ сильнаго и на понятіи о дружинѣ. Въ этомъ отношеніи они поступили также, какъ и всѣ другіе Германскіе завоеватели Запада (за исключеніемъ Угло-саксовъ); но дружина Франкская отличалась отъ всѣхъ дружинъ тѣмъ, что она была личною дружиною князей поморскихъ (Меровинговъ), а не вольницею или дружиною народною. Это отличіе дало имъ несравненно бо́льшую крѣпость и при союзѣ Римскаго престола рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми соперниками. Въ составъ ихъ царства вошли кромѣ Галліи западная Германія, за исключеніемъ устьевъ Рейна, вся южная Германія, часть Славянскихъ земель до Адріатическаго моря и значительная часть средней Германіи, Тюрингія (которой имя, происходящее отъ слова *Тверичи*, свидѣтельствуетъ о первоначальномъ или, что́ вѣроятнѣе, о временномъ Славянскомъ заселеніи во время Гунно-славянскаго разлива).

Къ слову Тюрингенъ и къ его производству отъ *Тверичей* прилагается тоже правило разумной критики о характерѣ народныхъ или поколѣнныхъ именъ, которое въ имени Англовъ указываетъ на Угличей.

Побѣды личной дружины Франкской надъ дружинами народными очень понятны. Остается другой вопросъ: откуда произошла эта отличительная черта Франковъ и почему они составили не народную, а личную дружину въ то время, когда всѣ другія семьи Германскія представляли характеръ дружинъ народныхъ? Различіе было безспорно дѣломъ случая, ибо оно не имѣло корня въ какой нибудь особенности Прирейнскихъ

Digitized by Google

Германцевъ (какъ видно изъ сказаній Римскихъ); но съ другой стороны возможность этаго случая была обусловлена особенными обстоятельствами ихъ жизни. Народная стихія была слабѣе у Франковъ, чѣмъ у многихъ Германскихъ племенъ (напр. у Готовъ, Лонгобардовъ и др.), потому что, хотя всѣ ополченія Германскія были отчасти сплавами разныхъ народовъ, но почти во всякой дружинѣ преобладалъ какой нибудь народъ, дающій ей имя и характеръ. У Франковъ же большее равенство между составными стихіями допускало большее вліяніе случайнаго преобладанія личности. Такая преобладающая личность явилась въ домѣ князей поморскихъ (Меровинговъ), безспорно отъ ихъ огромнаго обогащенія вслѣдствіе морскихъ разбоевъ (прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ) и по всей вѣроятности также вслѣдствіе особенной торговой важности самаго Поморья и устьевъ Рейна, всегдашняго и теперешняго перепутья южной и сѣверной торговли.

Этотъ край, древнее наслѣдіе братьевъ и союзниковъ Венетовъ, Славянъ-Менябовъ и Моранъ, купцовъ и мореходцевъ, давно уже перешелъ въ руки Германцевъ, Батавовъ и Франковъ; но нелѣпо бы было думать, что всѣ слѣды прошедшаго могли такъ скоро изгладиться, и что старые торговые пути могли быть такъ скоро забыты. Розысканіе Германскаго ученаго о примѣчаніяхъ къ Франкскимъ законамъ доказало, какъ долго и ясно сохранилась Кельто-беолгская стихія въ земляхъ Прирейнскихъ послѣ четырехъ-вѣковаго порабощенія Римлянамъ и двухъ-вѣковаго подданства Франкамъ. Точно тоже или почти тоже должно было случиться и съ Славянскою стихіею, которой долгое сохраненіе доказывается именемъ Вильценбургъ, преданіями мѣстными о Славянскомъ лѣсѣ, о поклоненіи Белъ-богу и т. д. Въ самыхъ изслѣдованіяхъ объ глоссѣ можно бы указать на многія слова (напр. *боровъ*), которыя принадлежатъ Славянскимъ нарѣчіямъ, и даже имя *Батавіи* происходитъ отъ чисто-Славянскаго корня (*батять*, отъ чего *батва, батогъ* и т. д.) и означаетъ богатыя пастбища приморскія. Но, не входя въ подробности, этаго намека достаточно, чтобы понять накопленія бо-

Digitized by Google

гатствъ у Франковъ-поморянъ, занявшихъ область торговыхъ Славянъ Поморскихъ.

Начало дома Меровингскаго неизвѣстно; но миѳическія преданія, которыми онъ окруженъ съ колыбели (преданіе о происхожденіи отъ морскихъ боговъ), также какъ и многія черты позднѣйшія, указываютъ, по видимому на древнюю славу и какъ будто святость рода. Такимъ образомъ соединены были въ немъ два значенія царскаго и дружиннаго величія (rex ex nobilitate, dux ex virtute). Къ этому должно прибавить безпрестанныя сношенія съ міромъ Римскимъ, которому Франки были подручниками до своего освобожденія, и привычка къ государственной политикѣ, занятой у Римлянъ, но доведенной бездушными Франками до крайней степени обмана и безстыдной игры словомъ и клятвою (по свидѣтельству всѣхъ современниковъ и по всѣмъ позднѣйшимъ историческимъ событіямъ). При такихъ данныхъ легко могла и должна была составиться въ Поморьи сильная личная дружина, которая въ своемъ единствѣ нашла зародышъ будущихъ завоеваній. То Гунны, то Римляне, поочередно призванные какъ покровители и поочередно обманутые, помогали усиленію дома Меровингскаго, который мало по малу распространялъ свои завоеванія безъ большой славы, но съ расчетомъ и большою осторожностью. Нужна была одна сильная личность для его возвышенія, и эта личность явилась въ Клодвигѣ. Онъ завоевалъ большую часть Галліи и Германское прибережье Рейна. Какъ начальникъ личной, а не народной дружины, онъ большую часть своихъ завоеваній оставилъ въ собственность себѣ и своему роду и слѣд. создалъ первое наслѣдственное царство на Западѣ, поставивъ себя несравненно выше и въ совершенную независимость отъ своей дружины.

Многіе приписывали отношенія Меровинговъ къ ихъ дружинѣ и явную подчиненность дружины богатству поземельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Клодвигомъ: это значитъ принять слѣдствіе за причину. Какая народная дружина допустила бы такое огромное обо-

Digitized by Google

гащеніе своего начальника и его рода? Но безъ сомнѣнія прежняя власть князей Поморскихъ, уже и прежде признанная всею ихъ дружиною, усилилась ихъ завоеваніями, обращавшимися въ ихъ собственность.

Клодвигъ раздавалъ свои новыя владѣнія своимъ вѣрнымъ дружинникамъ; но онъ отдавалъ ихъ, какъ свою собственность, на условіяхъ личной службы ему и его роду, а не какъ собственность цѣлаго народа, отдаваемую членамъ дружинъ народныхъ (Готской или Лонгобардской) на правахъ людей совершенно-свободныхъ. Въ этомъ различіи заключалась цѣлая новая государственная система, которой развитіе составляетъ большую часть западной исторіи. Въ одно время съ Клодвигомъ и даже прежде его въ Галлію врывались другія дружины изъ Франкскаго же племени, иныя вольныя, т. е. ополченія народныя съ избранными начальниками, иныя личныя или принадлежащія наслѣдственнымъ вождямъ (кажется, родственникамъ Меровинговъ) или вождямъ, набравшимъ себѣ дружину, а не избраннымъ дружиною. Значительная часть сѣверной Галліи досталась въ руки этимъ случайнымъ союзникамъ Клодвига; но все таки его часть была несравненно значительнѣе, и борьба между независимыми дружинами и его дружиною была невозможна. Владѣльцы свободные, т. е. люди, составлявшіе ополченія народныя, были принуждены примкнуть къ новому, сильному средоточію, сохраняя только нѣкоторую часть изъ своей прежней вольности, напр. право отказываться отъ дальнихъ походовъ, въ которыхъ военные арендаторы королевской земли участвовали почти по неволѣ; но и это отличіе должно было изглаживаться все болѣе и болѣе.

Отъ того-то мы и не находимъ во Франціи ничего похожаго на совершенно свободное владѣніе, которое долго еще существовало въ Германіи и называлось (быть можетъ въ слѣдствіе какого нибудь языческаго мнѣа) Sonnen-Lehn.

Точно также исчезли и дружины набранныя временными начальниками; отъ нихъ остались слѣды только въ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

преимуществахъ, сохраненныхъ потомками этихъ герцоговъ, сдѣлавшихся богатыми владѣльцами. Дружины родовыя, уже привыкшія къ повиновенію герцогамъ родовымъ, вошли еще легче въ составъ великой дружины, съ которой они бороться не могли. Клодвигу стоило только перерѣзать роды княжескіе (что онъ и сдѣлалъ съ удивительною скоростію и почти комическою безсовѣстностью) и объявить ихъ владѣнія своими, чтобы получить всѣ права законнаго наслѣдника отъ страха или удивленія дикаго войска, которое (какъ извѣстно) цѣнило лукавство и измѣну наравнѣ съ блистательнѣйшимъ мужествомъ. Такова была основа Франкскаго царства въ Галліи; но дальнѣйшее развитіе этаго царства зависѣло отъ самой почвы, на которой оно утвердилось.

Галлія еще до Римскаго завоеванія не представляла населенія сплошнаго и одностихійнаго. Югъ былъ заселенъ помѣсью Славяно-лигурскаго народа (какъ видно изъ именъ При-альпійскихъ мѣстностей и городовъ Антіумъ, Вендіумъ и др.) съ позднѣйшими пришельцами Кельтами, заселенъ Иверцами (около Пиринеевъ), Славяно-иверцами (какъ уже показано изъ именъ Бѣлъ-горы, Коло-горья и др.), Кельто-иверцами и сомнительнымъ племенемъ Басковъ (которыхъ языкъ, не смотря на рѣзкія особенности грамматическія, представляетъ корни чисто-Иранскіе, отчасти Славянскіе, отчасти Гаэлическіе съ примѣсью третьей стихіи, вѣроятно Иверской, т. е. Гаэлической, уже измѣненной Симптическими нарѣчіями). Западъ Галліи (или по крайней мѣрѣ значительная часть его) былъ заселенъ Славянами Венедской вѣтви (которой сродство съ При-альпійскими Славянами, *Лигурами*, доказано сходствомъ народныхъ именъ Вендовъ, Антовъ и др. и самымъ именемъ главной рѣчи *Лигера*, Лигура). Нѣтъ сомнѣнія, что эти Славяне дальняго Запада уже отчасти слились съ своими прежними утѣснителями, Кельто-галлами и, можетъ быть, многое приняли отъ нихъ, также какъ и сами многое передали имъ изъ своего характера, вѣрованія и, можетъ быть, языка.

Digitized by Google

Вліяніе Славянъ на Кельтовъ, несомнѣнное уже a priori, подтверждается особенною святостью западнаго острова, на которомъ жили однѣ только жрицы и который носилъ имя *Сена* или *Зена* (теперешній *Сейна*), происходящее по видимому отъ слова *жена*, и святостью растенія *самолусъ*, очевидно *жимолость*.

Въ самой чисто-Кельтской Галліи были двѣ различныя стихіи: ранняя Кельто-галльская, въ которой, кажется, преобладалъ характеръ родоваго класса, и позднѣйшая Кельто-кимрская, переселенцевъ VII-го и VI-го вѣка до Р. Х., въ которой по видимому преобладала религіозная іерархія друидовъ. Къ Кимрской стихіи, разселившейся по всей Галліи, принадлежала значительная часть сѣверныхъ жителей, еще поднѣйшихъ пришельцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Беолговъ (святыхъ или чистыхъ) или Брезговъ, прославившихся особеннымъ мужествомъ своимъ. Вообще Галлія, по собственному показанію Римлянъ, оказала имъ менѣе сопротивленія, чѣмъ другія области дикихъ или полу-дикихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Имперіи. Ея борьба продолжалась недолго, не смотря на многочисленность и даже мужество жителей, ея возмущенія были ничтожны; частыя измѣны въ самое время борьбы разсказаны (хотя очевидно не всѣ) побѣдителемъ-Кесаремъ. Изъ всего этаго ясно, что въ ней стихіи не слились и находились еще въ междоусобной враждѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Римское владычество неровно налегло на побѣжденную страну и что вліяніе побѣдителей не вездѣ было одинаково. Южная Галлія, издавна покоренная и приготовленная къ просвѣщенію уже Греками Марсилійскими, пропиталась вполнѣ Римскою образованностью, Римскими обычаями, словомъ и бытомъ Римскимъ. Слѣды этой полной романизаціи, несокрушенной Германскимъ нашествіемъ, опредѣлили всю судьбу края въ продолженіи среднихъ вѣковъ и не изгладились до нашего времени. Цѣльнѣе сохранилось Славянское прибережье Атлантическаго океана, бѣдное и мало заселенное Римлянами и ихъ колоніями. До сихъ поръ, хотя оно утратило языкъ предковъ и слилось по видимому со всею остальною Франціею,

Digitized by Google

сохранивъ только старое и великое имя Вендовъ, оно еще отличается не только простотою нравовъ, но и особенною твердостью преданія, большою близостью сословій между собою (доказанною во время революціи) и страннымъ соединеніемъ несокрушимаго мужества съ миролюбіемъ (доказаннымъ также во время революціи, ибо главное возмущеніе Вандеи было слѣдствіемъ требованія ея жителей на войну). Арморика, мало принявшая въ себя Римскаго владычества, была снова возвращена къ чистотѣ Кельтскаго начала новымъ наплывомъ выходцевъ изъ Британіи. Почти тоже случилось, хотя нѣсколько позднѣе, съ. При-пиренейскою Аквитаніею; ибо переселеніе Басковъ или по крайней мѣрѣ ихъ усиленное движеніе на Сѣверъ вскорѣ послѣ паденія Римскаго владычества и потомъ при началѣ Сарацынской власти въ Испаніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію и дало краю особый характеръ, положивъ отчасти оплотъ противъ Франкскаго напора и отдѣливъ во многихъ мѣстахъ села, занятыя Басками, отъ городовъ, куда скрылось и гдѣ спаслось прежнее полу-Римское народонаселеніе. Остальная Франція также представляла въ составѣ своемъ и въ отношеніяхъ къ завоевателямъ Франкамъ великое разнообразіе. Часть, первоначально захваченная Бургундцами и въ послѣдствіи слившаяся съ областью Франкскою, не только была просвѣщеннѣе остальной Галліи и болѣе пропитана Римскимъ началомъ, но сохранила эти особенности даже подъ новымъ игомъ, которое было тяжелѣе и враждебнѣе народу, чѣмъ власть Бургундцевъ (союза, составленнаго изъ Германцевъ-горожанъ При-рейнскихъ) слѣдов. уже полупросвѣщенная, привыкшая къ идеѣ права и къ уздѣ писаннаго закона. Франки, завладѣвъ Бургундскимъ царствомъ, вступили по неволѣ въ тѣже отношенія къ народу, въ которыхъ были и Бургундцы, или лучше сказать Бургундія примкнула къ дружинѣ Меровингской, не потерпѣвъ значительнаго измѣненія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Отъ того-то въ числѣ историческихъ лицъ, принадлежащихъ къ юго-западной Франціи во время первыхъ Меровинговъ, едва ли Галло-римляне не составляютъ большинства и отличаются

Digitized by Google

безспорнымъ превосходствомъ личной доблести даже въ дѣлѣ воинскомъ.

Стоитъ только вспомнить Муммола, величайшаго изо всѣхъ современныхъ полководцевъ.

Сѣверная Галлія была покорена полнѣе и совершеннѣе; въ ней менѣе всего сохранилось Римскаго начала и народной самостоятельности; среднія же области, особенно тѣ, которыя перехвачены горными цѣпями, подпали Франкской власти не вдругъ. Многія округи, напр., въ Оверни и въ странахъ Прилуарскихъ примкнули къ Меровингамъ сперва какъ союзники (хотя, разумѣется, невольные), потомъ какъ данники, были часто опустошаемы и грабимы и наконецъ захвачены въ общую массу Меровингскаго королевства безпрестанными набѣгами королевской дружины скорѣе, чѣмъ правильнымъ и сплошнымъ завоеваніемъ. Дружина была разносоставная, ибо въ нее вошло множество выходцевъ изъ разныхъ Германскихъ племенъ, и сверхъ того множество Галло-римлянъ, особенно въ первое столѣтіе Меровингской династіи. Народъ не представлялъ никакого единства ни въ обычаяхъ, ни въ нравахъ, ни въ языкѣ. Во Франціи не могло возникнуть ничего цѣльнаго и органическаго. Она была страною чистыхъ отвлеченностей народа покореннаго вообще (т. е. безъ народнаго единства) и завоевательной дружины вообще (т. е. людей не связанныхъ между собою ничѣмъ кромѣ дружинныхъ условій подъ зависимостью отъ однаго рода дружиноначальниковъ). Тутъ уже была готовая система совершенно условнаго государства. Ей оставалось только развиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, и она развилась сперва въ формѣ аллодіальной, потомъ въ феодальности, неизбѣжномъ послѣдствіи аллодіальности при наслѣдственности дружиноначальника.

Клодвигъ послѣ завоеванія Галліи (или по крайней мѣрѣ большей части ея) принялъ новое значеніе. Онъ получилъ отъ императоровъ восточныхъ званіе патриція, званіе по себѣ ничего не значащее, но почетное и лестное для Герман-

Digitized by Google

скихъ дикарей. Византія, слишкомъ высоко цѣнившая свои силы и надѣясь со временемъ возвратить себѣ Галлію (какъ она дѣйствительно на нѣсколько лѣтъ покорила Африку и берега Испаніи), хотѣла, можетъ быть, сохранить тѣнь власти на Западѣ и напоминать о себѣ народамъ нѣкогда принадлежавшимъ къ Имперіи; быть можетъ, она надѣялась въ Франкахъ найти союзниковъ противъ ближайшихъ Готовъ; во всякомъ случаѣ ей не должно было отказать Клодвигу въ ничтожной почести. Клодвигъ принялъ эту почесть съ величайшею радостью; онъ ее принялъ какъ званіе царское: онъ вѣнчался на патриціатъ. Желаніе Меровинга и его радость не должно приписывать единственно политическому расчету: въ нихъ явны слѣды прежнихъ, еще не забытыхъ отношеній Рима къ Германцамъ, прежнихъ побѣдъ и прежняго подданства. Германецъ благоговѣлъ передъ Имперіею даже тогда, когда разрушалъ ее, и одѣвался съ дѣтскою гордостью въ Римскіе чины, какъ будто облекаясь въ историческую святыню.

Такъ точно Вестъ-готскіе цари называли себя *Флавіями*, и независимые цари дикихъ ордъ средней Азіи выпрашивали отъ Китайскаго двора царскіе или княжескіе титулы въ то время, когда готовились разгромить или завоевать Китай. О такихъ мелкихъ побужденіяхъ не должно бы было и говорить, если бы въ нихъ не было, кромѣ явнаго свидѣтельства о вліяніи Рима на душу побѣдителей его, и объясненія многихъ фактовъ позднѣйшей исторіи. За всѣмъ тѣмъ, понимая дѣтскую сторону въ мысли Клодвига, критика историческая не можетъ не допустить, что въ немъ было сознаніе, хоть неясное, хоть инстинктивное, новаго значенія, которое онъ пріобрѣталъ черезъ патриціатъ и, такъ сказать, черезъ свое усыновленіе Имперіей. Дѣйствительно Клодвигъ дѣлался въ глазахъ народа законнымъ преемникомъ прежнихъ правъ государства и какъ будто продолжителемъ Римской эпохи; ему принадлежала новая сила, независимая отъ силы воинственной дружины, ему усвоивались мысли чуждые его Германскому происхожденію и быту. Но силой этой нескоро съумѣлъ воспользоваться король Франковъ, и мысль эта не скоро могла развиться въ его головѣ и въ его государствѣ.

Digitized by Google

Главнымъ представителемъ народа или по крайней мѣрѣ общества Римскаго было духовенство; тоже духовенство было и главнымъ орудіемъ торжества Франковъ надъ ихъ Аріанскими соперниками. Клодвигъ принялъ все духовенство въ свою дружину, сдѣлавъ епископовъ своими людьми (левдами). Точно также поступилъ онъ и съ высшими родами въ городахъ и съ родовыми начальниками сельскихъ округовъ, когда они добровольно покорялись ему. Такова причина, почему первая эпоха Меровингской власти представляетъ намъ много Римскихъ именъ. Но многіе потомки Галло-римлянъ, будучи разъ приняты въ Германскую дружину, скоро примкнули къ ней всею душею своей и оторвались отъ угнетеннаго народа. Духовенство по своему обыкновенному свойству, по своей всегдашней связи съ остальнымъ христіанствомъ, по зависимости отъ Римскаго епископа, по своему Римскому, просвѣщенію и по избранію изъ народной среды, составило въ самой дружинѣ стихію новую, государственную и отчасти народную. Въ позднѣйшее время, когда епископства стали домогаться потомки Германцевъ завоевателей, они по неволѣ подчинились общему характеру сословія и хотя внесли въ него нѣкоторое искаженіе, но придали ему также новую силу. Народъ въ Галліи былъ слабъ и почти ничтоженъ; онъ изстрадался въ законномъ угнетеніи. Такова была его судьба почти во всей Римской имперіи; но такова она была по преимуществу въ Галліи, что̀ доказывается частыми и жестокими возмущеніями Багодовъ передъ Германскимъ завоеваніемъ. Населеніе страны было весьма рѣдко, города опустѣли; многіе исчезли безъ слѣда, поглощенные въ новыхъ и безконечныхъ лѣсахъ; поля обратились въ лѣсныя пустыни. Таковы были явленія государственной ветхости Рима, ибо Имперія пала не отъ ничтожнаго напора Германцевъ, всегда побѣждаемыхъ, не отъ собственнаго гніенія. Даже самое опустѣніе областей, приписываемое обыкновенно безпорядкамъ и неразумности финансовой системы, было только послѣдствіемъ общей безжизненности.

Digitized by Google

Это видно изъ исторіи сѣверной Африки, Персіи, Италіи, Испаніи и особенно Сициліи, опустѣвшихъ безъ войнъ и внѣшнихъ страданій; это же видно и изъ современнаго намъ вымиранія дикихъ племенъ въ Полинезіи. Таковъ законъ, связующій жизнь физическую народовъ съ ихъ жизнію духовною. Финансовая система Римская была особенно гибельна потому, что она не хотѣла признавать опустѣнія областей и согласоваться съ нимъ. Она усиливала бѣдствіе, но не была его первоначальною причиною.

. . . . . .

При такой слабости народной стихіи ея вліяніе должно было долго оставаться ничтожнымъ; но оно жило, оно дѣйствовало, сохраненное духовенствомъ, готовя будущую жизнь и будущую исторію, готовя борьбу въ обществѣ и внося борьбу въ самое сердце королей Французскихъ. Повидимому вся страна принадлежала одной и той же религіи—христіанству; но христіанство въ своемъ совершенствѣ никогда еще не было религіею никакого народа: оно принимаетъ характеръ той области или того племени, которыми оно усвоено, а Галло-франкская область заключала въ себѣ два жизненныя начала, двѣ религіи. Одна изъ нихъ, религія дружины, соединяла съ христіанствомъ безусловную вѣру въ право силы какъ дара Божьяго, въ безграничную свободу личности (ограниченную только отношеніями владѣнія), въ законы личнаго мщенія и личности и въ святость кровнаго превосходства; но безуміе этой вѣры было отчасти смягчено темными понятіями о законахъ правды внутренней и родоваго обычая. Другая религія, народа и духовенства, представляющаго съ сознаніемъ неясные инстинкты народа, принимала себѣ наслѣдство Рима, т. е. законъ правды внѣшней, полное порабощеніе личности волѣ общества, т. е. его большинства, равенство передъ обязанностью и святость формы. Таковы были два вѣрованія, раздѣлявшія съ самаго начала весь составъ Меровингской Франціи; они принадлежали отчасти всему Западу, но нигдѣ не были такъ рѣзко опредѣлены какъ въ ней и только отъ сношеній съ нею получили свою опредѣленность въ другихъ странахъ. Эти вѣрованія не имѣли наукообразной формы; они

Digitized by Google

были только живыми зародышами, которых развитіе предоставлялось исторіи. Каждое отдѣльное лице принадлежало отчасти къ обѣимъ религіямъ; король же, какъ глава всего общества, представлялъ въ себѣ самое полное ихъ сочетаніе. Религія дружины завоевательной была яснѣе, опредѣленнѣе и по видимому ближе къ торжеству; но тайная религія народа была разумнѣе, болѣе вѣрна логикѣ человѣческаго мышленія, логикѣ условнаго государства и логикѣ Римскаго просвѣщенія, которое было единственнымъ началомъ просвѣщенія на Западѣ: она должна была окончательно овладѣть исторіею. . . .

Франки, въ изображеніи, оставленномъ намъ всѣми современниками, представляются самымъ развратнымъ и, можно сказать, глупымъ народомъ, людьми, въ которыхъ трудно найти какую нибудь добродѣтель (за исключеніемъ гостепріимства), въ которыхъ свирѣпость была доведена до крайности и которымъ клятвопреступленіе казалось наслажденіемъ и почти закономъ. Таковы были на нихъ слѣды Римскаго вѣковаго ига и вѣковаго наемничества на Римской службѣ. Родъ князей Поморскихъ (Меровинговъ) былъ достойнымъ представителемъ своего народа и своей дружины. Едвали какая нибудь исторія равняется ужасами и особенно гнусностью съ ихъ исторіею. Христіанство долго не могло ни смягчить, ни облагородить ихъ дикаго нрава: они оставались равнодушными къ нему точно также, какъ были по видимому равнодушными къ своимъ Германскимъ богамъ. За всѣмъ тѣмъ духовенство и Римскій престолъ ласкали этихъ развратныхъ дикарей, своихъ защитниковъ противъ Аріанства другихъ племенъ Германскихъ. Въ особенности же ласкали они королей, которые охраняли права церкви, права духовенства и отчасти, можетъ быть, права народа отъ беззаконныхъ и наглыхъ утѣсненій не только другихъ народовъ, но и своей собственной дружины. Братоубійцевъ, сыноубійцевъ, кровосмѣсителей, клятвопреступниковъ, явныхъ и нераскаянныхъ нарушителей всякаго церковнаго постановленія, всякаго нравственнаго или духовнаго закона, духовенство и Римскіе епископы величали своими защитниками, своими покровителями, своими любимыми чадами, своими стар-

Digitized by Google

ними сыновьями, боголюбивыми и благодатными королями, надеждою и радостью церкви. Таковы были ласкательства, расточаемыя самому Клодвигу, Клотару, Хильперику и даже Фредегондѣ. Союзники не измѣняли другъ другу, и царство Франкское и власть Римская шире и шире раскидывались на Западѣ. Первые цари были заняты безперерывными борьбами съ сосѣдями, безперерывными междоусобіями, безперерывнымъ подвигомъ военнымъ: они болѣе принадлежали своей воинственной дружинѣ, чѣмъ государству; но внѣшніе непріятели удалялись все болѣе или по крайнѣй мѣрѣ менѣе вызывали Франковъ на бой своимъ напоромъ. Вестъ-Готы, слабѣющіе мало по малу въ своей За-пиринейской области, не думали о возвратѣ земель, утраченныхъ ими въ Галліи; Лонгобарды, побѣжденные всякій разъ какъ переходили Альпійскую преграду и всегда счастливые противъ Франкскаго нашествія, жили съ своими сосѣдями въ отношеніяхъ почти мирныхъ, помышляя только о завоеваніяхъ противъ Византіи и полусвободнаго Рима; Саксы перебросили большую часть своихъ силъ въ завоеванную Британію; Славяне, отчасти подавленные Аварами, отчасти брошенные ими на Востокъ, перестали грозить Западу и съ трудомъ отстаивались отъ его завоеваній: наступило время сравнительнаго покоя извнѣ. Тоже самое было и внутри государства. Родъ Меровинговъ самъ себя истребилъ въ своихъ безпощадныхъ междоусобіяхъ: короли, истощенные развратомъ, оставляли мало законныхъ наслѣдниковъ. Потребность или выгоды единства были отчасти поняты народами и дружиною, и раздѣлъ государства допускался уже не столь охотно, а борьба между восточною, Германскою Франціею (Австразіею) и западною, полу-Романскою Франціею (Невстріею), борьба, которая въ послѣдствіи разорвала пополамъ Франкскую державу, еще не разгоралась во всей силѣ. Значеніе короля упадало, и новыя начала выступали въ историческую жизнь. Съ одной стороны духовенство и чрезъ него древняя мысль и преданіе Романское получили бо́льшій вѣсъ, участвуя въ дѣлахъ государства и въ законодательныхъ постановленіяхъ посредствомъ соборовъ (concilia) и ихъ рѣшеній (placita); съ

Digitized by Google

другой стороны дружина, отвыкая мало-по-малу отъ короля, уже рѣдко ратующаго съ нею въ бранномъ полѣ, стала чувствовать свою самостоятельность или присвоивать себѣ самостоятельность, которая въ прежнее время ей не принадлежала. Послѣдній изъ королей не совсѣмъ недостойныхъ носить вѣнецъ Клодвиговъ, Дагобертъ (при которомъ, какъ извѣстно, происходила неудачная борьба съ Славянами и были перерѣзаны въ Баваріи Булгары, признанные народомъ за Славянъ), былъ уже тѣснѣе связанъ съ народомъ, чѣмъ съ войскомъ. Не даромъ имя его хранится въ пѣсняхъ, положимъ глупыхъ, положимъ позднихъ, сопровождается прозвищемъ *добраго* и соединяется съ именемъ великаго духовнаго лица епископа *Элиія*; въ этихъ позднихъ пѣсняхъ отзывается древнѣйшее преданіе. Его эпоха замѣчательна; она представляетъ самое полное развитіе Меровингской державы и первую попытку къ возвышенію народной стихіи или къ подчиненію дружины силѣ государственной. Но вскорѣ ослабла сила королей. Развратные Меровинги умирали рано; они оставляли дѣтей малолѣтнихъ, и эти малолѣтные правители, истощенные развратовъ съ молодости, росли въ безсиліи духа и тѣла. Воспитаніемъ правили лица духовныя, дворъ принималъ характеръ духовнаго полу-народнаго двора, въ которомъ военныя упражненія замѣнены были церковною службою и въ которомъ только гнусное растлѣніе нравовъ напоминало о жизни мірской. Тихая упряжь воловъ, прежняя принадлежность языческихъ жрецовъ, перевозила Меровинга изъ монастыря въ монастырь; церковныя пѣсни сопровождали и встрѣчали его повсюду, народъ любилъ его безсильную святыню, угадывая, можетъ быть, ея будущее значеніе, когда она впослѣдствіи ополчилась при Капетингахъ; но тогда она не могла еще вступиться за права и мысль народа. Мечъ Клодвига выпалъ изъ рукъ его потомковъ; преданіе заклеймило ихъ именемъ царей-лѣнивцевъ. Народъ и духовенство, которыхъ представителями стали эти короли, были сами слишкомъ слабы, чтобы своею силою замѣнить безсиліе своихъ владыкъ. Сильная дружина освободилась вполнѣ.

Digitized by Google

Уже при первыхъ Меровингахъ должности придворныя приняли названія Латинскія. Начальникъ двора или дома королевскаго (въ смыслѣ дома, какъ прислуги), слѣдовательно начальникъ вооруженной стражи, назывался Maior Domus. Этотъ человѣкъ сдѣлался естественно начальникомъ войска, которое состояло по большей части изъ личной дружины Меровинговъ, когда короли сами перестали являться въ битву передъ своими полками. Но Германцы, побѣдители Галліи, еще не забыли своихъ прежнихъ обычаевъ. Они помнили древнее правило: *Царь по крови, вождь по духу* (regem ex nobilitate, ducem ex virtute) и поэтому стали сами себѣ выбирать вождей, не смотря на то, что только меньшая часть дружины имѣла дѣйствительное право на такой выборъ, особенно въ Невстріи. Нововыбранный вождь носилъ два названія, которыя отчасти встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ: онъ былъ герцогомъ для вольныхъ Франковъ или государственныхъ ленниковъ; онъ былъ маіоръ домусъ для гораздо многочисленнѣйшихъ арендаторовъ или ленниковъ короля, которые не имѣли истиннаго права на выборъ вольныхъ герцоговъ. Послѣднее названіе болѣе извѣстно въ исторіи, писанной въ то время Невстрійскими или полу-Римскими лѣтописцами. Такимъ образомъ при другихъ началахъ повторялся фактъ (извѣстный по калифату, Японіи и даже древнему Египту) раздѣленія власти на дѣйствительную, военную, и религіозную. Но на Востокѣ власть военная была въ тоже время государственная; а во Франціи военноначальство было только начальство надъ властвующею дружиною, а власть государственная, безсильная противъ дружины, имѣла характеръ религіозный. Такова вся исторія послѣднихъ Меровинговъ. Какъ скоро дружиноначальство сдѣлалось избирательнымъ, мѣстныя условія и различіе областей должны были потребовать дѣятельнаго выраженія. Такъ и случилось. Германская область (Австразія) стала въ соперничество съ полу-Романскою *Невстріею*. Дѣйствительно, Невстрійская дружина, особенно въ южной Франціи, уже приняла почти вполнѣ характеръ, обычаи и отчасти языкъ древней Римской провинціи. Въ ней начинали изглаживаться слѣды германства,

Digitized by Google

и по этому наступившая борьба, хотя происходила въ дружинѣ, получила значеніе борьбы между двумя народностями, Германской и Романской. Духовенство оставалось нечуждымъ борьбѣ; оно, принадлежа, какъ уже сказано, побѣжденному народу, вошло уже отчасти въ дружину (ибо епископы были королевскими ленниками) и во многихъ мѣстахъ имѣло значительную силу, какъ по родовымъ связямъ и по дѣйствію на совѣсть народа и вождей, такъ и по огромнымъ богатствамъ, пріобрѣтеннымъ отъ щедрости развратно-набожныхъ королей. Но время великой силы еще не наступило для него. Не отъ него зависѣло рѣшеніе борьбы, и примѣръ маіоръ-домуса (мера) изъ духовенства въ лицѣ *Леодегарія* (котораго Римское преданіе причислило къ лику святыхъ, а исторія едвали можетъ положить въ числѣ своихъ благородныхъ дѣятелей) не имѣлъ послѣдствій. Побѣда осталась и должна была остаться за Австразіею, болѣе воинственною, болѣе цѣльною въ своемъ внутреннемъ составѣ и очевидно болѣе благородною по своему характеру. Меръ Австразійскій достигъ званія общаго мера всей Франкской державы, т. е. ея дружиннаго короля.

Борьба меровъ съ духовенствомъ.

Преемство этихъ меровъ, сперва зависѣвшее отъ избранія, скоро сдѣлалось наслѣдственнымъ вслѣдствіе огромныхъ богатствъ и великаго характера рода Пипинова и еще болѣе въ слѣдствіе общаго стремленія къ единству государственному и къ успокоенію въ родовомъ преемствѣ; соперничество короля и мера было неизбѣжно, но паденіе безсильныхъ Меровинговъ было отсрочено союзомъ ихъ съ духовенствомъ и Римскимъ престоломъ. Вопервыхъ, меръ былъ представителемъ дружины, а король представителемъ народа и началъ духовнаго и гражданскаго; вовторыхъ, родъ Пипиновъ, одержавшій верхъ надъ своими соперниками, принадлежалъ Австразіи, землѣ мало покорной Риму, не вполнѣ христіанской и по своему Германскому характеру враждебной всему Римскому просвѣщенію и Римской мысли. Духовенство и Римъ не могли отступиться отъ своихъ любимыхъ чадъ, Меровинговъ, и благословить на ихъ

Digitized by Google

мѣсто враговъ своихъ или по крайней мѣрѣ представителей враждебнаго начала; а меры не могли овладѣть престоломъ и принять званіе короля иначе какъ съ согласія и благословенія представителей Римскаго начала. Такимъ образомъ соперничество между меромъ и королемъ обращалось въ соперничество между меромъ и папою, и это враждебное отношеніе ихъ другъ къ другу выразилось со стороны Пипина и его преемниковъ въ угнетеніи духовенства, часто въ разграбленіи церковныхъ имуществъ и даже церквей, а со стороны духовенства въ приговорѣ проклятія надъ мерами, приговорѣ, который разумѣется не былъ высказанъ торжественно и всенародно, но памятенъ народу и переданъ потомству.

Это особенно замѣтно въ отношеніи къ Карлу Мартеллу, величайшему изъ людей того времени, побѣдителю Фризонцевъ-язычниковъ на Сѣверѣ, и ислама на Югѣ, спасителя Франціи, западной Европы и, можетъ быть, христіанства на Западѣ. Послѣ всѣхъ его подвиговъ, вмѣсто вѣнца святости, которымъ западное духовенство такъ охотно награждало своихъ слугъ, преданіе, очевидно составленное духовенствомъ и сообщенное народу, опредѣлило ему мѣсто въ аду. Этотъ фактъ, давно извѣстный и всегда объясняемый изъ частныхъ случаевъ или личныхъ отношеній, есть только одно изъ выраженій неизбѣжной вражды между мерами и Римомъ; но до сихъ поръ ихъ соперничество и смыслъ ихъ борьбы не были еще поняты или по крайней мѣрѣ объяснены вполнѣ.

Трудно было дружинному началу побѣдить начало духовное; ибо христіанство владѣло не только совѣстью народа, но и совѣстію самой дружины; трудно было Римскому духовенству побѣдить дружину, въ которой заключалась единственная вещественная сила на Западѣ. Торжество было невозможно, и борьба должна была кончиться примиреніемъ на условныхъ положеніяхъ; но этотъ выводъ могъ быть понятенъ только послѣ упорной и безполезной борьбы. Пипинъ, Карлъ и его дѣти, не отрываясь отъ христіанства, стали въ немъ самомъ искать опоры противъ Римскаго престола и нашли, что церковь Кельто-британская, основанная отчасти на началахъ восточныхъ и во всякомъ случаѣ основанная въ такое время,

Digitized by Google

когда односторонность Римскаго Запада еще не отозвалась въ устройствѣ церкви и въ опредѣленіи вѣры, была оторвана отъ общаго движенія Запада бурею народовъ, нахлынувшихъ на Имперію и перервавшихъ всякое сообщеніе между далекимъ Сѣверомъ и южными областями. Въ ней самой не могли развиться тѣ начала, которыя преобладали въ Галліи, Испаніи и Италіи, ибо Британскій островъ былъ менѣе романизированъ и болѣе другихъ областей сохранилъ самостоятельность стихіи народной. Этому служатъ яснымъ доказательствомъ процвѣтаніе поэзіи, сохраненіе друидизма и его переходъ въ мистическое и полу-языческое христіанство, котораго существованіе видно изъ преданій Гаэлическихъ и не подлежитъ никакому разумному спору. Христіанство, перенесенное изъ Рима Августиномъ, посланникомъ Григорія Великаго и принятое Саксонцами, было уже глубоко проникнуто односторонностью Римской или обще-западной мысли: оно не могло оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ къ духовенству Кельто-британскому, уже восторжествовавшему надъ друидизмомъ, но нисколько не склонному подчиниться Римской власти. Дѣйствительно между духовенствомъ пришлымъ и духовенствомъ туземнымъ загорѣлась жестокая вражда, ознаменованная со стороны Римско-саксонской церкви ужаснѣйшими гоненіями и кровопролитіемъ, достойнымъ самыхъ свирѣпыхъ язычниковъ. За всѣмъ тѣмъ Кельтская церковь устояла: она сохранялась у ненокоренныхъ Гаэлическихъ племенъ въ гористыхъ областяхъ западной Британіи, была сильна своимъ просвѣщеніемъ, вѣрностью древнему преданію и еще сильнѣе связью своею съ совершенно-независимыми церквами, процвѣтавшими въ Ирландіи и юго-западной Шотландіи. Въ Ирландію христіанство было перенесено въ теченіи первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. вѣроятно по тѣмъ старымъ океаническимъ путямъ, которые были посѣщаемы смѣлымъ парусомъ Семитовъ Финикійскихъ и никогда не были вполнѣ забыты, даже во время паденія морской торговли при Римскомъ міродержавствѣ. На это указываетъ множество преданій также, какъ и на происхожденіе Кельто-эринскаго христіанства съ Востока, а не изъ западныхъ областей Римскихъ.

Digitized by Google

Таковы разсказы о посѣщеніи Британскихъ острововъ Апостолами, о прибытіи Іосифа Аримасійскаго или его потомковъ, о святомъ Граалѣ и др.

Духовная борьба Кельтовъ съ Германо-римскими началами.

Но эти преданія, сами по себѣ сомнительныя, подтверждаются въ особенности явнымъ и сильнымъ стремленіемъ духовенства и народа Кельтскаго къ удержанію обрядовъ восточной церкви, къ сношеніямъ съ ней и къ предпочтенію ея свидѣтельствъ передъ свидѣтельствами церкви западной. Здравая критика не можетъ, даже при скудныхъ данныхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и прочихъ письменныхъ памятникахъ, не узнать въ отношеніяхъ церкви Ирландской и ея дочери, церкви Скотовъ и Пиктовъ, къ церквамъ Эллады и Азіи характера духовной зависимости или духовнаго сыновства. Подробности происшествія изгладились изъ человѣческой памяти, но происшествіе несомнѣнно. Тщетны были усилія Рима и Римско-саксонскаго духовенства проникнуть въ область Кельтскую и подчинить себѣ ея независимую церковь. Высокое просвѣщеніе, чистота жизни, вѣрность основнымъ преданіямъ давали перевѣсъ Кельтскому духовенству передъ его могущественными, но уже полу-свѣтскими противниками, и въ этой борьбѣ, повидимому, столь неровной, между слабымъ и бѣднымъ остаткомъ племени почти подавленнаго и огромнымъ западно-церковнымъ государствомъ сила духовнаго начала выразилась въ невольномъ почтеніи всего Запада къ своимъ строгимъ обличителямъ. Забытый и темный уголъ міра, не замѣченный завоевательнымъ Римомъ, не замѣченный исторіей, но къ счастію еще также не захваченный разливомъ Германскихъ дикарей, зеленый островъ Эрина прославился на всемъ Западѣ какъ жилище чистаго христіанства, какъ *островъ святыхъ*. Борьба разгоралась болѣе и болѣе. Духовные борцы Кельтскаго племени, отчасти стѣсненные угнетеніями отъ Саксонцевъ въ предѣлахъ Британіи, отчасти гонимые жаждою обширнѣйшей дѣятельности и бо́льшого поприща, стали переселяться въ области Кельто-галльскія, еще не захвачен-

Digitized by Google

ныя Франками и вскорѣ въ область самихъ Франковъ. Тамъ воздвигали они строенія, монастыри и духовныя училища, разсадники знанія и вѣры; тамъ боролись въ одно время и противъ уцѣлѣвшаго язычества и противъ возникающей односторонности западно-церковнаго государства. Около нихъ толпились ученики, къ нимъ припадалъ народъ, и передъ ними преклонялись даже ихъ враги по ученію, побѣжденные ихъ истинно-христіанскимъ величіемъ. Эта эпоха славна для Кельтской и Ирландской церкви. Имена или біографіи великихъ дѣйствователей того времени на поприщѣ науки или духовной жизни доказываютъ, что въ области Франкской они всѣ принадлежали къ Кельтамъ или по происхожденію или по ученію. Пламенный Колумбанъ, основатель двухъ монастырей, важныхъ въ церковной исторіи (*Luxueil* и *Bobbio*) гремѣлъ словомъ противъ Рима, призывалъ народы къ чистому христіанству, переходилъ изъ страны въ страну, проповѣдуя и обличая, торжествуя въ гоненіяхъ, пробуждая ревность въ усыпленной и омраченной душѣ своихъ современниковъ и полагая трудами своими начала къ водворенію христіанства въ Германіи. Его ученики и преемники продолжали его дѣло и его апостольскую проповѣдь. Многіе погибли въ мученіяхъ но кровь ихъ пролилась небезплодно. Христіанство проникло въ лѣсистыя пустыни за-Рейнскія, и имя Кельтской церкви увѣнчалось новымъ блескомъ. Такова была въ самомъ духовенствѣ стихія, на которую оперлись мужи дома Пипинова въ борьбѣ противъ Рима и Меровинговъ.

Это явно изъ вражды папскаго престола противъ Ирландскихъ проповѣдниковъ и изъ покровительства, оказаннаго имъ Франкскими мерами.

Но временное торжество стихіи свободной въ западной церкви не могло быть продолжительнымъ. Міръ Германо-римскій долженъ былъ подчиниться законамъ того просвѣщенія, на которомъ онъ возникъ. Успѣхи Кельтскихъ проповѣдниковъ могли произвести въ немъ потрясеніе непродолжительное; вражда меровъ и угнетеніе церкви Карломъ Мартелломъ мог-

Digitized by Google

ли произвести въ духовенствѣ временный безпорядокъ, усилить развратъ и даже испугать западный міръ возвратомъ къ прежней дикости. Все это могло случиться и случилось; но сила Римскаго престола и церковно-государственнаго начала должна была снова возстать и развиться во всѣхъ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ. Это было неизбѣжно.

Борьба Кельтскаго духовенства противъ Германо-римскаго началась въ островной Британіи. Тамъ продолжалась она съ наибольшимъ упорствомъ, тамъ произвела она самыя грустныя явленія; но тамъ же повела она за собою самыя утѣшительныя послѣдствія. Духовенство Саксонское, сперва преслѣдовавшее своихъ соперниковъ съ свирѣпостью дикихъ звѣрей, убивавшее ихъ цѣлыми тысячами и вооружившее противъ нихъ кровожадную вражду язычниковъ, облагородилось и возвысилось духовными примѣрами Кельтскихъ мучениковъ; оно приняло отъ нихъ науку, которой скудные остатки сохранялись еще въ далекомъ уголкѣ Запада (это доказываютъ имена Англійскихъ ученыхъ, напр., Беды и Алькуина); оно приняло отъ нихъ святость жизни (въ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя черты изъ исторіи Англо-саксовъ); оно приняло наконецъ и ту ревность проповѣди христіанской, которой отличались Колумба, апостолъ Пиктовъ, Колумбанъ, апостолъ сѣверной Швейцаріи, Галлъ, его преемникъ, и множество другихъ. Саксонцы вступили въ поприще открытое Кельто-ирландцами. Ихъ призывала на проповѣдь любовь къ вѣрѣ, которую они понимали какъ высшее сокровище человѣческаго духа; ихъ призывала въ Германію любовь къ братіямъ по крови и по языку. Множество Саксонскихъ монаховъ явилось на святой подвигъ, и быстрый успѣхъ увѣнчалъ дѣло, предпринятое чистою любовію. Имена этихъ проповѣдниковъ незабвенны; но первое мѣсто между ними принадлежитъ Вильфриду (болѣе извѣстному подъ именемъ Бонифація), истинному апостолу Германіи. Меры не смѣли полагать имъ явныхъ преградъ въ ихъ великомъ дѣлѣ, хотя и старались замѣнять ихъ другими, болѣе покорными дѣятелями (это видно изъ многихъ случаевъ и между прочимъ, кажется, изъ соперничества

Digitized by Google

Франкскаго Вульфрама противъ папскаго проповѣдника Вильброда въ землѣ Фризонской); но успѣхи духовныхъ лицъ, служившихъ Римскому престолу, далеко превосходили успѣхъ Кельто-франкскихъ учителей. Это превосходство объясняется многими причинами, большимъ единствомъ въ дѣйствіи Римскомъ, большимъ блескомъ наружнаго богослуженія, а особенно благорасположеніемъ Германцевъ къ проповѣдникамъ, не приносившимъ съ собою ничего кромѣ христіанскаго ученія и основавшимъ новыя независимыя общины церковныя, и враждою къ Франкамъ и къ проповѣдникамъ, происходившимъ изъ ихъ области и приносившимъ съ собою вмѣстѣ съ ученіемъ новую зависимость отъ Франкской дружины и какъ будто отягченіе ненавистнаго ига. Въ ново-христіанской землѣ началась опять борьба между преемниками Колумбана и Галла и слугами Римскаго престола; но эта борьба была непродолжительна; Бонифацій и его сподвижники одержали скорую и совершенную побѣду. Быть можетъ, употребляли они не всегда чистое оружіе, быть можетъ прибѣгали они иногда къ клеветамъ (какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ Кельтскіе проповѣдники, люди вообще жизни весьма строгой, обвинялись въ развратѣ); быть можетъ давали они чужому ученію ложное толкованіе (называя напр. прелюбодѣями духовныхъ женатыхъ или дозволявшихъ бракъ духовнымъ людямъ); но очевидно, что торжество ихъ было неизбѣжно и что ихъ противники, несогласные другъ съ другомъ въ подробностяхъ ученія и поневолѣ подчиненные мірской власти своихъ покровителей, меровъ, не имѣли внутренней силы, достаточной для продолжительной борьбы.

Распространеніе христіанства въ Германіи.

Успѣхъ Римскихъ проповѣдниковъ и особенно Бонифація, умершаго мученикомъ, распространилъ христіанство по всѣмъ берегамъ Рейна и Везера, по всей южной и большей части средней Германіи. Римскій престолъ воспользовался обстоятельствами. Проповѣдниковъ своихъ и черезъ нихъ всѣхъ ихъ преемниковъ на епископствѣ привязалъ онъ къ себѣ особенною присягою, которая до тѣхъ поръ обозначала только отношенія

Digitized by Google

Римскаго престола къ епископамъ подгороднымъ; перемѣнялъ даже имена ихъ, какъ будто даруя имъ новую жизнь (напр. Вильбродъ получилъ имя Клемента, а Вильфридъ Бонифація); основалъ епископства и связалъ ихъ (отчасти по требованію Бонифація) узами митрополитовъ, освобождая ихъ вполнѣ отъ всякой власти и вліянія со стороны Франко-галльскаго духовенства; наконецъ, утвердилъ новую провинцію церковную или новую церковь, независимую отъ всѣхъ другихъ властей и совершенно подчиненную Риму. Это дѣло было великое и сильно противодѣйствующее завладѣніямъ и неограниченнымъ требованіямъ дружины и ея короля-мера.

Многіе историки обвиняли папъ, требовавшихъ присяги подданства, и новыхъ епископовъ, принесшихъ ее. Обвиненіе это нелѣпо. Смыслъ присяги былъ совершенно согласенъ съ законнымъ или обычнымъ отношеніемъ юныхъ церквей къ церквамъ-родительницамъ (примѣръ такому отношенію находимъ въ донесеніи церквей Галльскихъ къ Мало-азійскимъ о своихъ мученикахъ): слѣдоват. и папы, и Бонифацій были правы. Ложна и законопротивна только форма *присяги*, но этаго не понимали ни современники, созданія Римскаго духа, ни историки, его безсознательные наслѣдники.

Духовнымъ завоеваніемъ Германіи было возстановлено равенство между папою и меромъ (религіозно государственнымъ началомъ и дружиною); но этаго равенства не понимали меры. Смѣлый ударъ папы Захаріи открылъ имъ глаза. Онъ поднялъ противъ Франковъ всю южную Германію и прислалъ своего легата съ благословеніемъ Петра въ народное ополченіе. Дѣти Карла Мартелла, Пипинъ и Карломанъ, одержали блистательную побѣду, но поняли всю опасность борьбы. Они искали мира. Папа согласился. Посредникомъ былъ Бонифацій, сохранявшій всегда свою нравственную чистоту и отчужденіе отъ политическихъ смутъ и козней мірскихъ. Вражда кончилась перемиріемъ. Новая церковь сохранила свою независимость, короли свое право, меры свою силу, и Кельтская церковь принесена была въ жертву примиренію. Но этимъ не могъ кончиться тайный споръ двухъ враждебныхъ властей.

Digitized by Google

Дружинный Германскій король хотѣлъ и долженъ былъ стать на мѣсто короля народнаго и Римскаго. Лонгобарды тѣснили Римъ. Папы прибѣгли къ мечу Франковъ. Меры продали свою помощь на томъ условіи, чтобы папы продали своихъ духовныхъ чадъ Меровинговъ. Престолъ папскій былъ спасенъ, и новая династія сѣла на престолъ Франкскій; но, принявъ благословеніе отъ папъ; она вступила въ туже стезю, по которой шли первоначальные Меровинги и приняла въ себя ихъ двойственное значеніе. Начатое Пипиномъ было кончено сыномъ его, Карломъ Великимъ.

Карлъ Великій.

Карлъ по происхожденію рода своего и по началу власти былъ представителемъ дружины; но односторонность этаго значенія была въ немъ умѣрена новымъ положеніемъ, въ которое сталъ отецъ его Пипинъ, пріобрѣтшій уже посредствомъ союза съ Римскимъ дворомъ право считать себя преемникомъ Клодвигова патриціата, т. е. царства на Римскомъ правѣ, заключающаго въ себѣ идею духовно-народной державы. Задача, доставшаяся Карлу, была не только велика, но и неисполнима, и его высокій геній истомился въ безплодныхъ усиліяхъ къ достиженію недостижимой цѣли. Царство Франковъ было на Западѣ единственнымъ представителемъ христіанства, побѣжденнаго Маврами въ Испаніи, ничтожнаго въ неустроенной области островныхъ Англо-саксовъ и подавленнаго другими стихіями и враждою съ Римскимъ дворомъ въ Лонгобардской Италіи. Міръ, заключенный Пипиномъ и братомъ его съ папою Захаріей, погубивъ самостоятельность Кельтской церкви, далъ на Западѣ Римскому католицизму не только полный перевѣсъ, но и исключительное существованіе и право считаться единственнымъ воплощеніемъ христіанской мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ міръ, соединивъ Франковъ съ Римомъ, породилъ въ нихъ и въ ихъ владыкахъ и мало-помалу въ народахъ, получившихъ черезъ нихъ и образованіе и умственную жизнь, мысль объ единствѣ христіанскаго міра, какъ державы политической. Въ этомъ смыслѣ Карлъ Великій былъ меченосцемъ христіанства, и борьба его съ народами

Digitized by Google

иновѣрными получила значеніе не только борьбы политической, рѣшающей первенство Франковъ надъ другими Германскими племенами, но и борьбы религіозной, подчиняющей побѣжденныхъ ученію западнаго христіанства. Смѣшеніе политическихъ интересовъ и особенно политической идеи съ идеею чисто-духовною въ державствѣ и дѣятельности Карла дало характеръ и направленіе всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ, крестовымъ походамъ, стремленію императоровъ Германскихъ къ всемірному владычеству и т. д. Отъ того-то въ мысли Германской Оттонъ связывается прямымъ (никогда не существовавшимъ) преемствомъ съ Карломъ Великимъ, и поэзія народная представляла себѣ всю исторію Пипинова сына рядомъ крестовыхъ походовъ, а его бароновъ и богатырей крестоносными паладинами. Впрочемъ все это воззрѣніе на тождество церкви и государства и на принудительное право религіозно-духовной мысли, въ началѣ своемъ, истекало по необходимости изъ Римско-христіанской мысли. Развитіе же его было ускорено и отчасти измѣнено ходомъ историческихъ случайностей. Такъ напр. страшное усиліе магометанства, обусловленное единствомъ калифата, породило въ народахъ западныхъ потребность единства для сопротивленія враждебному единству; а съ другой стороны то внутреннее, незамѣченное, но неизбѣжное раздвоеніе между идеею государственною и духовною, которое выразилось вездѣ, гдѣ эти двѣ идеи бывали насильственно стягиваемы въ одну (въ магометанствѣ, въ чистомъ буддизмѣ, въ мѣшанномъ буддизмѣ Японіи и въ древнѣйшемъ Египтѣ и Эѳіопіи), получило особый характеръ на Западѣ, потому что вещественные дѣйствователи принадлежали одному племени Германскому, а духовная сила истекала изъ другаго племени Романскаго. Борьба идей, слившаяся съ борьбою племенъ, становилась тѣмъ упорнѣе, и разумное разрѣшеніе или по крайней мѣрѣ торжество однаго какого нибудь начала тѣмъ невозможнѣе.

И такъ значеніе имперіи Карла Великаго соотвѣтствовало свѣтскому калифату, и стремленіе присвоить себѣ всѣ права калифата духовнаго въ немъ выражалось по необходимости.

Digitized by Google

Таково объясненіе его ревности къ обращенію невѣрныхъ, ревности посившей на себѣ характеръ воинственной дикости и завлекшей его въ мѣры жестокости неизвинительной и несообразной даже съ его впрочемъ несвирѣпымъ нравомъ. Должно однакоже замѣтить, что эта жестокость обращена была по преимуществу противъ Саксонскаго союза, издавна враждебнаго Франкскому союзу, похитившаго у Франковъ, какъ я уже сказалъ, владычество надъ морями и прибыльное ремесло морскаго разбоя. Вражда народная, незамѣтно можетъ быть для самаго государя, имѣла по вѣроятности великое вліяніе на его поступки. Тѣже самыя причины объясняютъ его воинственное проповѣдничество, объясняютъ также его постоянное занятіе церковными дѣлами, вмѣшательство въ споры церковные и въ улучшеніе и возвеличеніе церковнаго обряда. Безполезно бы было входить въ подробности Карловой дѣятельности по этой части; но должно замѣтить, что его дѣйствія были всегда, вѣроятно безъ его вѣдома, подчинены расчету политическому. Такъ напр. живое участіе его въ спорѣ Адопціанистовъ и рѣшеніе его противъ Феликса и Элипанда было безъ сомнѣнія связано съ желаніемъ помѣшать развитію свободной церкви Мозарабской (т. е. христіанъ, признающихъ власть Аравитянъ въ Испаніи) и подчинить эту церковь общимъ законамъ, рѣшающимъ судьбу и ученіе остальной западной церкви; но въ другомъ случаѣ вліяніе Карла на дѣла церковныя отозвалось на всей судьбѣ христіанства въ слѣдующихъ вѣкахъ до нашего времени. Испанія, какъ уже сказано, измѣнила символъ, прибавивъ къ нему *Filioque*; это измѣненіе долго оставалось незамѣченнымъ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что оно было принято въ иныхъ церквахъ южной Франціи. Во всякомъ случаѣ, это принятіе было весьма ограниченно и встрѣчало даже иногда явное сопротивленіе, какъ видно изъ Алькуина. Войны и побѣды Карла Великаго, бросивъ много стихій Франкскихъ въ Испанію, имѣли также послѣдствіемъ значительное движеніе изъ Испаніи во Францію и особенно переселеніе многихъ духовныхъ лицъ. Вопросъ о символѣ возникъ съ новою си-

Digitized by Google

лою, сдѣлался всеобщимъ вопросомъ Галло-испанской церкви и былъ перенесенъ на судъ папскаго престола. Папа былъ явно склоненъ къ ученію, выраженному измѣненнымъ символомъ. Причины этаго направленія, отчасти объясненныя выше, объясняются въ особенности тѣмъ, что второе лицо божества, по ученію всѣхъ церквей и богослововъ, представляетъ по преимуществу характеръ факта въ самомъ божествѣ; и Римская мысль, сдѣлавшаяся представительницею Запада, должна была по своему чисто-практическому характеру стремиться къ расширенію его значенія и, такъ сказать, круга дѣйствія. Папа, по своему западному характеру, склонялся по необходимости къ этому же ученію; но съ другой стороны историческая древность епископства Римскаго и связи преданія объ единствѣ (мало уважаемомъ гордостью новыхъ Германскихъ народовъ) удерживали его отъ согласія съ измѣненіемъ самовольнымъ, противнымъ постановленіямъ прежнихъ соборовъ, и въ особенности предлагаемымъ самымъ законопротивнымъ образомъ, т. е. безъ истребованія не только согласія, но даже мнѣнія древней братіи, восточной церкви и ея представителей. Двусмысленный отказъ папы и почти явный протестъ не устояли противъ рѣшительной воли его покровителя и владыки Карла. Измѣненный символъ былъ допущенъ хотя и не каноническимъ путемъ, вскорѣ утвержденъ обычаемъ и признанъ несомнѣннымъ исповѣданіемъ вѣры на всемъ Западѣ. Церковь была разорвана пополамъ.

Нѣкоторые историки въ рѣшеніи Карла видѣли желаніе польстить Испаніи, оскорбленной рѣшеніемъ объ Адопціанизмѣ. Причина сомнительная и слишкомъ мелкая; причина же истинная не могла быть угадана западною критикою, невольною преемницею стремленій и страстей, волновавшихъ колыбель западныхъ племенъ. Она заключалась, какъ сказано, въ характерѣ Римской мысли съ одной стороны, а съ другой — въ скрытномъ, но несомнѣнномъ стремленіи западныхъ церквей къ отдѣльной самостоятельности и въ невольномъ желаніи Карла поставить христіанскій міръ, котораго онъ былъ представителемъ и главою, на степень неподсудимой державы.

Digitized by Google

Воля великаго меченосца рѣшила церковный вопросъ и опредѣлила все направленіе будущей исторіи; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже безъ этого факта, принадлежащаго къ историческимъ случайностямъ, рѣшеніе было бы тоже, хотя послѣдовало бы, можетъ быть, позже и инымъ образомъ: ибо въ Карлѣ выразился не произволъ личности, но неодолимый ходъ мыслей и стремленій цѣлаго новаго Германо-римскаго міра. Робкое сопротивленіе папъ, нерѣшительныхъ хранителей преданій единства, вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ и желаніямъ, не могло долго устоять противъ общей воли и стремленія, тайно управляющаго развитіемъ папскаго престола.—Ихъ сопротивленіе было смѣлѣе и успѣшнѣе въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ они не побоялись стать противъ мнѣнія Карла Великаго. Опредѣленіе втораго Никейскаго собора возстановило поклоненіе иконамъ и сообщено было по древнему обычаю Римскому двору и всѣмъ западнымъ эпархіямъ. Папа присталъ къ нему; сѣверная Италія возстала противъ него, также какъ и большая часть Галліи. Соборъ всѣхъ главныхъ епископовъ средней Европы на берегахъ Рейна отвергъ рѣшеніе Востока, не смотря на объясненія, данныя патріархами. Карлъ согласился съ своими епископами, но папа не уступилъ. Въ епископахъ, не понявшихъ свободы обряда, спасенной въ Никеѣ, выражалось желаніе сохранить духовность христіанства; въ папѣ, кромѣ памяти объ единствѣ, такъ слабо сохраненномъ имъ въ вопросѣ о символѣ, выражалось другое стремленіе къ возведенію обряда въ значеніе принудительнаго закона, не совсѣмъ чуждое нѣкоторымъ учителямъ Востока и сдѣлавшееся впослѣдствіи преобладающимъ на Западѣ. Конечно это направленіе не выказалось сначала съ опредѣлительною ясностью; но въ теченіе вѣковъ, когда Никейское рѣшеніе получило силу повсемѣстнаго закона, поклоненіе иконамъ и уваженіе къ обрядамъ приняли заклинательный характеръ древняго Кушитства и оправдали такимъ образомъ епископовъ западныхъ, предвидѣвшихъ вредныя послѣдствія, но не могшихъ понять глубокаго смысла втораго Никейскаго собора. Папскій престолъ, оставшійся вѣрнымъ сво-

Digitized by Google

ему ученію, не скоро побѣдилъ упорство Галло-германской церкви, поддержанной сильною рукою Карла Великаго, и вопросъ объ иконахъ оставался неразрѣшеннымъ еще около ста лѣтъ. Такимъ образомъ привычка разъединенія съ Востокомъ присоединилась къ причинамъ разъединенія, опредѣленнаго уже измѣненіемъ символа, и великій императоръ Франковъ явился хотя и не причиною, но безъ сомнѣнія главнымъ дѣйствователемъ въ разрывѣ церквей и слѣдов. въ разрывѣ всей жизни Запада и Востока.

Геній Карла повершилъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣло Франковъ и ихъ рѣшительное торжество надъ другими западными народами. Послѣ долгой и упорной борьбы сокрушилъ онъ Саксонцевъ, единственныхъ соперниковъ Франкской власти въ Германіи, и уничтожилъ жизнь, которою Саксонцы (какъ уже сказано, племя Германское съ примѣсью Славянской стихіи) отличались отъ остальной своей Германской братіи, втянувъ ихъ въ общее, чисто-военное устройство Франкской державы. Соперничество Баварцевъ, само по себѣ ничтожное, на время получившее нѣкоторое значеніе отъ хитрой политики папскаго престола, потомъ побѣжденное Пипиномъ и братомъ его, было совершенно и навсегда уничтожено мечемъ Карла, лишившаго навсегда Баварію самостоятельности и даже тѣни независимости. Фризонцы приморскіе и Прирейнскіе, ожесточенные и часто счастливые враги Карловыхъ предковъ, пали передъ его силою и сохранили только на берегахъ океана, въ болотистыхъ убѣжищахъ своихъ, нѣкоторую свободу и старую народную жизнь, указывающую во многихъ подробностяхъ (какъ уже сказано) на Славянскую стихію, о которой память сохранилась въ преданіяхъ о Вендскомъ Лѣсѣ, о Славянскомъ Белъ-Богѣ, о торговомъ бытѣ, о баснословномъ Ставорѣ (Святогорѣ), о святомъ значеніи пшеницы и о многомъ другомъ. Эти остатки мирной народной жизни предоставлено было уничтожить позднѣйшимъ вѣкамъ и дикому желѣзу рыцарей; но жесточайшіе и рѣшительные удары нанесены были мечемъ Карловинговъ. Далѣе на Востокѣ, куда еще не проникали ни торжествующія дружины Меровинговъ, ни стихія

Digitized by Google

Германская (кромѣ временнаго переселенія народовъ), прогремѣло грозою и славою имя Франковъ подъ знаменами Пипинова сына. За предѣлами Саксонской земли воинственные Датчане узнали его силу и покорились ей. Сосѣди ихъ Славяне вступили съ нимъ въ дружескіе союзы противъ своихъ враговъ Саксонцевъ, признавъ его верховное державство, или вступили въ тѣже отношенія поневолѣ, претерпѣвъ нѣсколько частныхъ пораженій. Славяне при-Дунайскіе подверглись той же участи, также какъ часть Славянъ Иллирійскихъ на Югѣ и Прикарпатскихъ на Сѣверѣ. Наконецъ слабые остатки прежней Аварской силы, нѣкогда сосредоточивавшей и предводившей, потомъ угнетавшей Славянъ и сокрушенной ими, исчезли съ лица земли передъ ополченіемъ Франковъ, разрушившихъ на берегахъ Тиссы и Дуная ихъ военныя становища (или округи), гдѣ тучнѣли въ роскоши и лѣни развратные потомки нѣкогда грознаго племени.

Послѣ походовъ Карла Великаго гибнутъ безъ слѣда и имя, и народъ Аварскій, не оставивъ никакого памятника, по которому бы можно опредѣлить его родовыя начала. Въ именахъ, въ названіи царскаго сана и въ другихъ примѣтахъ отзывается явная примѣсь Средне-азійской (Финно-тюркской крови); съ другой стороны отсутствіе слѣдовъ ихъ имени на Востокѣ, Прикавказское ихъ жительство и слѣды ихъ на Кавказѣ, время ихъ движенія, соотвѣтствующее движенію другихъ Кавказскихъ или Прикавказскихъ народовъ Сѣверянъ, Авъ-зиговъ (*Азиги*, *Адиге*) и др. и предшествовавшее движенію истинныхъ средне-Азіатскихъ ордъ, наконецъ самое ихъ народное имя указываетъ, какъ кажется, несомнѣнно на остатокъ Кавказскихъ Кельто-кимвровъ, принявшій въ себя нѣсколько чуждыхъ ему стихій. Такимъ образомъ объяснилось бы весьма естественное сродство, уже замѣченное нѣкоторыми путешественниками между горными Шотландцами и жителями нѣсколькихъ Придунайскихъ округовъ въ Венгріи, гдѣ сохранялись безъ сомнѣнія обломки Аварскаго племени. Это сродство проявляется безспорно въ весьма мелкихъ подробностяхъ, въ пляскѣ, въ народности волынки, какъ любимаго музыкальнаго орудія, въ пестротѣ клѣтчатыхъ платій (тар-

Digitized by Google

тановъ) и тому подобныхъ чертахъ; но значительныхъ признаковъ трудно ждать при такихъ ничтожныхъ остаткахъ и такой разностихійной смѣси народа.

Такимъ образомъ въ средней Европѣ Карлъ положилъ не только начало, но и прочное основаніе всей системѣ Германо-римскаго міра, захвативъ почти всѣ области, въ которыхъ впослѣдствіи утвердились власть и населеніе Германской вѣтви народовъ, и давъ ей тотъ не только вещественный, но и нравственный перевѣсъ надъ разрозненными Славянами, который подавилъ со временемъ самостоятельность Краинцевъ, Чеховъ, Моравцевъ и отчасти Ляховъ, и который вѣроятно со временъ великаго Франкскаго императора выражается тѣмъ, что его имя сдѣлалось наименованіемъ верховной, царской власти въ словѣ *король*.

Таково самое вѣроятное происхожденіе этого слова, хотя можно бы также предположить, что слово *Карль* (*Н. Керль, А. Лорлъ, Черлъ и Карль*) было когда-то общимъ у Славянъ и Германцевъ, но приняло въ каждомъ племени разный смыслъ, какъ напр. слово *кмѣть* въ двухъ семьяхъ Славянскихъ.

Въ южной Европѣ Византія, ослабѣвшая, снова поднятая сильнымъ умственнымъ движеніемъ, котораго представителями были императоры-иконоборцы, и снова клонящаяся къ паденію, но все-таки предметъ соперничества и даже зависти для Карла Великаго (что доказывается его желаніемъ вступить съ нею въ брачные союзы и всѣмъ направленіемъ его церковной политики), не подверглась его нападеніямъ и отчасти даже воспользовалась его побѣдами, сокрушившими нѣкоторыхъ хотя и незначительныхъ, но враждебныхъ сосѣдей восточной имперіи. Но судьба Италіи перемѣнилась вполнѣ. Лонгобарды, уже побѣжденные Пипиномъ, но все еще неутратившіе ни силы своей, ни надежды на полное владѣніе Италіею, навлекли на себя бурю Франкской мести. Призванный утѣсненнымъ епископомъ Рима, Карлъ разрушилъ Лонгобардское царство несравненно легче, чѣмъ сопротивленіе вольнолюби-

Digitized by Google

выхъ Саксонцевъ и подчинилъ Италію Франкской системѣ, хотя и не могъ уничтожить Лонгобардской стихіи, которая сохранилась еще на время въ видѣ мелкихъ княженій въ южной Италіи и вообще долго боролась съ стихіями Франко-германскими. Папа, спасенный отъ угнетенія Лонгобардскаго, подпалъ новой, болѣе грозной власти; но временное уничиженіе папскаго престола заключало въ себѣ зародышъ будущаго торжества и величія: ибо въ глазахъ народовъ, мало обращающихъ вниманія на мелкіе факты въ жизни вѣнценосцевъ, было явно только одно то, что Карлъ получилъ императорское званіе, высшее изъ всѣхъ званій въ мірѣ политическомъ и уравнившее Западъ съ Востокомъ, въ городѣ Римѣ и отъ благословляющей руки апостольскаго преемника. Сверхъ того замкнутость и отдѣльность западнаго міра, окончательный выводъ изъ всей дѣятельности Карла, однѣ могли дать полное развитіе папству и возвысить епископовъ Римскихъ до значенія духовныхъ калифовъ въ христіанствѣ. Менѣе блистательны были успѣхи Карла Великаго въ Испаніи, не смотря на нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Маврами. За всѣмъ тѣмъ безспорно съ его времени сѣверная Испанія полнѣе примкнула къ общей системѣ Франкской Европы. Сильный приливъ Франкскихъ воинственныхъ пришельцевъ въ Запиринейскую область, основаніе или по крайней мѣрѣ утвержденіе независимаго графства Барцелонскаго (корня Аррагонскаго королевства), блескъ побѣдъ, вѣнчавшихъ имя христіанъ, гроза Имперіи, напоминавшей силу древняго Рима и представляемой въ Испаніи самымъ сыномъ императора, добродушнымъ и слабымъ, но мужественнымъ Лудовигомъ, все вмѣстѣ связываетъ колыбель новой христіанской Испаніи съ царствованіемъ великаго создателя западной Европы, того человѣка, которому суждено было укрѣпить и привести въ нѣкоторую стройность ея могущественныя стихіи, стремившіяся къ своей зрѣлости и долженствовавшія вызвать великаго дѣятеля для осуществленія своихъ необходимыхъ результатовъ.

Вліяніе Карла и Франковъ на Испанію еще мало оцѣнено. Безпристрастная критика замѣтитъ всю ничтожность мѣстныхъ началъ

Digitized by Google

свободы до Карла и быстрый ихъ подъемъ послѣ него и, отдавая полную справедливость мужеству и доблестямъ Гото-романскаго населенія, поймемъ, что аристократическая стихія, всегда носившая въ Арагоніи и Каталоніи характеръ чуждый, была слѣдомъ Франко-германскаго прилива. Испанцы въ своей безумной гордости старались скрыть услуги, оказанныя имъ болѣе сильными и счастливыми сосѣдями; и высоко-комическое изобрѣтеніе лица Бернарда ди Карпіо, акибы задушившаго неуязвимаго Роланда (явно древняго и народнаго героя), перешедшее въ пѣсню народную, свидѣтельствуетъ о геніальной хвастливости Испанцевъ; но наука не должна ослѣпляться страстями народными. Впрочемъ должно признать, что уже въ самое время Карла Великаго вражда народная существовала между спасенными Испанцами и ихъ спасителями Франками. Это доказывается преданіемъ и несомнѣнною повѣстью о пораженіи сторожеваго полка Карлова войска въ горахъ Пиренейскихъ тамошними горцами; эта вражда легко объясняется старымъ отношеніемъ Франковъ къ Готамъ, дикимъ характеромъ тогдашнихъ войскъ, равно угнетавшихъ друга и недруга; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она могла быть усилена и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время стихіи христіанская и магометанская въ Испаніи отчасти сливались другъ съ другомъ и, что слѣд., нашествіе Франковъ, рѣзко отрывающихъ одну отъ другой, могло быть ненавистно многимъ, даже по видимому союзнымъ, областямъ.

Даже и на дальнемъ Сѣверѣ, за предѣлами своей великой имперіи, Карлъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на историческую судьбу другихъ народовъ. Такъ напр. федерація Саксонская въ Британіи (эптархія) была впослѣдствіи соединена въ одно царство умомъ и счастіемъ Экберта, воспитаннаго при дворѣ императорскомъ и получившаго безъ сомнѣнія многія начала мысли, развившейся подъ системою Франковъ Карловинговъ. Впрочемъ должно однакоже признать, что судьбы царства Саксонскаго носятъ на себѣ характеръ довольно самобытный, и что Франкская стихія получила въ землѣ Англо-саксовъ значительное вліяніе только въ послѣднее время туземныхъ царей, а окончательное преобладаніе только послѣ торжества Вильгельма Норманскаго и его Франко-норманской дружины.

Digitized by Google

Повидимому полуостровъ Скандинавскій испыталъ еще менѣе Англіи вліяніе Карла; но не такъ было на дѣлѣ. Съ одной стороны его побѣды надъ сѣверной Германіею и надъ Датчанами открыли христіанству болѣе свободный доступъ къ народамъ, до тѣхъ поръ отдѣленнымъ отъ народовъ христіанскихъ преградою сильныхъ языческихъ племенъ, и въ этомъ отношеніи какъ Скандинавія, такъ и сѣверо-западные Славяне безъ сомнѣнія получили нѣкоторыя сѣмена новой умственной жизни съ начала 9-го вѣка, хотя этимъ сѣменамъ суждено было развиться гораздо позднѣе подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, счастливыхъ для Скандинавіи, гибельныхъ для Славянъ. Съ другой стороны эти самыя побѣды имѣли другое послѣдствіе, мало и едва ли даже до сихъ поръ замѣченное исторической наукою. Паденіе Саксонцевъ послѣ упорной и кровопролитной войны, можетъ быть единственной со временъ Римскаго владычества, не только уничтожило всѣ силы нравственныя и вещественныя сѣверной Германіи, но уничтожило единственный народъ, знакомый съ морями и хотя уже утратившій прежнюю склонность къ морскому разбою, но все еще готовый бороться съ опасностями океана и съ его воинственными наѣздниками Скандинавами. Это обстоятельство, почти современное ослабленію восточной Славянской стихіи, побѣжденной въ Скандинавіи мѣстною, почти чисто-Германскою стихіею въ битвѣ при Бравалле и потрясенной въ самомъ поморіи Вендскомъ, нѣкогда царствовавшемъ надъ Балтикою, объясняетъ быстрое и почти мгновенное развитіе Норманскаго морскаго удальства въ самые первые годы послѣ Карла Великаго, уже плакавшаго въ глубокой старости при видѣ смѣлыхъ сѣверныхъ парусовъ, грозившихъ Франкскимъ берегамъ.

Законы Карла Великаго, имѣющіе цѣлію уничтоженіе Балтійской торговли въ пользу Адріатической и Средиземной, остались вѣроятно также не безъ послѣдствія и могли имѣть вліяніе на ослабленіе мирнаго мореходства Поморянъ. Во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ объ его глубокомъ пониманіи отношеній между народами и предвѣдѣніи

Digitized by Google

борьбы, предстоящей Германцамъ съ Славянами; быть можетъ, они представляютъ также и доказательство вражды естественной въ душѣ Германца Карла къ потомкамъ мирнаго племени, нѣкогда почти порабощеннаго дикими выходцами изъ Германіи, въ послѣдствіи жестоко отмстившаго имъ подъ предводительствомъ своего восточнаго казачества—Гунновъ. Какъ бы то ни было, борьба Саксонцевъ въ Англіи противъ Датчанъ и огромное, хотя временное развитіе морскихъ силъ Англійскихъ при преемникамъ Альфреда Великаго, доказываютъ, что Саксонцы служили и продолжали бы служить Европѣ сильнымъ оплотомъ противъ Скандинавскихъ погромовъ.

Военная дѣятельность Карла, вездѣ увѣнчанная побѣдою, опредѣлила почти всѣ границы будущаго Германскаго развитія; по его дѣятельность законодательная, не уступавшая его подвигамъ военнымъ, была гораздо менѣе успѣшна и оставила менѣе слѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроенныя имъ системы пограничныхъ графствъ и герцогствъ, входившія болѣе въ кругъ военныхъ, чѣмъ гражданскихъ распоряженій, пережили его, укрѣпили область Германскую, приготовили ея торжество надъ Славянами и измѣнили жизнь многихъ народовъ, введя чисто-дружинный бытъ на мѣсто прежняго, отчасти общиннаго, быта.

Эти послѣдствія особенно замѣчательны въ восточной и сѣверо-восточной Германіи, хотя рѣзкое отдѣленіе сословія отъ сословія у Саксонцевъ и древнее запрещеніе браковъ между людьми разныхъ сословій доказываютъ уже прежнее завоеваніе и смѣсь двухъ системъ, дружиннаго и общиннаго, и двухъ разнородныхъ началъ племенныхъ.

Точно также небезполезны были старанія Карла о водвореніи науки въ его темной и невѣжественной Франціи. Призванные имъ ученые изъ Британскихъ областей, преемники древнихъ школъ, никогда вполнѣ не исчезавшихъ, и ученики великаго Беды не только бросили нѣсколько лучей свѣта въ этотъ мракъ дикой и безсмысленной жизни, но положили осно-

Digitized by Google

ваніе новымъ школамъ, которыхъ развитіе имѣло сильное вліяніе на будущность наукъ въ западной Европѣ, и опредѣлило отчасти ихъ направленіе. Но въ другихъ отношеніяхъ вся законодательная дѣятельность Карла осталась безплодною и не могла устоять противъ историческихъ началъ, которыми онъ думалъ управлять, но которыя потребовали своего собственнаго развитія, неотвратимаго никакимъ частнымъ величіемъ и никакими человѣческими усиліями. Такимъ образомъ великій императоръ, предвидя направленіе аллодіальности или государственной дружинности (хотя и личной по началу Меровингскому) перейти въ феодальность или въ самостоятельную дружинность (въ которой прежнее равенство уступило мѣсто постепенной зависимости, и нижнія ступени дружинныхъ рядовъ совершенно отрывались отъ державной главы подчиненностью своею отъ посредствующихъ степеней), напрасно старался отстранить или хоть замедлить зло, запретивъ бѣднымъ дружинникамъ поступать въ ленныя обязательства къ другимъ болѣе могущимъ и богатымъ. Постоянныя войны, слишкомъ отяготительныя для неимущихъ и внутреннее стремленіе личной дружины (какова была Франкская), не связанной никакимъ народнымъ или разумнымъ единствомъ, пріобрѣсти самостоятельность и создать въ себѣ хоть призракъ жизненнаго начала посредствомъ іерархіи владѣнія, взяли верхъ надъ сильною волею царственнаго лица. Развитіе феодальности начинается дѣйствительно съ царствованія ея перваго противника, увѣнчавшаго дѣло предковъ своихъ, Пипиновъ и Карла, представителей Германскаго дружиннаго начала, которому они доставили торжество не только надъ Римскимъ, но и надъ всякимъ народнымъ началомъ въ областяхъ западной Европы. Безсознательно окончивъ начатое великими мерами Австразіи, Карлъ тщетно боролся противъ послѣдствій подвига, совершеннаго его родомъ и имъ самимъ. Также тщетно желалъ онъ въ многихъ случаяхъ сохранить Германскую народную стихію и остановить романизацію своего двора. Германское начало, торжествовавшее въ родѣ Меровинговъ, было единственно дружиннымъ, и народность во всѣхъ отношеніяхъ

Digitized by Google

(языкѣ, нравахъ и пр.) была случайностью, съ которою оно нисколько не связывалось. Между тѣмъ просвѣщеніе, поощряемое Карломъ и основанное на жизни, словесности и языкѣ древняго Рима, дѣйствовало постоянно противъ народности Германской (въ областяхъ нѣкогда Римскихъ) и стремилось къ быстрому романизированію завоевателей. Дѣйствительно, уже при ближайшихъ преемникахъ Карла (внукахъ или правнукахъ его) языкъ новый, неорганически составленный изъ смѣшенія стихій Галло-римской и Нѣмецкой (съ преобладаніемъ первой) сталъ придворнымъ языкомъ и слѣдовательно языкомъ всей дружины, доказывая такимъ образомъ торжество Романской стихіи въ одной области жизни тогда, какъ она была побѣждена въ другой.

За всѣмъ тѣмъ явныя свидѣтельства о нарѣчіи, употребляемомъ при дворѣ самаго Карла, его старанія о сохраненіи не только языка Нѣмецкаго и памятниковъ его древней поэзіи, но и нравовъ старо-Германскихъ, все доказываетъ, что онъ самъ принадлежалъ еще вполнѣ Зарейнской области, въ которой возникла Франкская дружина и связываетъ его славу съ Германіею, а не Франціею, которая себѣ присвоиваетъ ее также несправедливо какъ и славу другаго непобѣдимаго полководца, явившагося тысячу лѣтъ позднѣе. Нельзя не замѣтить этаго особеннаго отношенія Франціи къ величайшимъ дѣйствователямъ въ ея судьбѣ. Она была способнымъ орудіемъ величія, котораго произвести не могла вѣроятно вслѣдствіе мелкости и безсвязности своихъ внутреннихъ началъ. Въ отношеніи къ Карлу чувство народное выразилось отчасти въ позднѣйшемъ развитіи; ибо усвоеніе императорства Германскаго въ родѣ Оттоновъ нельзя считать простою случайностью, слѣдствіемъ завоеванія Италіи: оно основывалось на преемствѣ преданія, связывающаго императорскій титулъ Великаго Карла съ народностью Германскою. Несправедливо бы было однакоже совершенно отрывать Карла отъ Франціи, не смотря на его тѣснѣйшую связь съ Германіею. Въ его законодательствѣ многое относится собственно къ Франціи (что̀ доказывается даже словами изъ старо-Галльскаго языка, сохраненными въ его капитуляріяхъ, въ которыхъ страннымъ образомъ слышны часто чисто-Славянскія

Digitized by Google

созвучія, напр. *дусъ*, злой духъ, слѣд. духъ; мн. *дуси*, *дѣдичьё*— поминки по родителямъ и др.). Кромѣ того сказки рыцарскія, конечно болѣе принадлежащія дворянству, чѣмъ городамъ или народу и связывающія съ Карломъ цѣлый богатырскій циклъ, доказываютъ, что Франція, или по крайней мѣрѣ ея высшее сословіе, не теряли памяти о великомъ вождѣ. Впрочемъ должно замѣтить, что въ этихъ сказкахъ императоръ является не какъ лице народное, не какъ Владиміръ Красное Солнышко, а какъ глава христіанства и священная власть.

Другая борьба Карла противъ начала, которому безсознательно служилъ онъ самъ и предки его, была точно также неуспѣшна. Это борьба противъ папства. Прежняя вражда между папами и меровами, присмирѣвшая послѣ бунта Баварскаго, подавившаго въ пользу папства слабые зачатки свободной западной церкви и повидимому совершенно забытая послѣ того, какъ Пипинъ получилъ вѣнецъ Меровингскій въ уплату за побѣду надъ Лонгобардами, приняла совершенно новый видъ. Первая борьба происходила между меромъ, представителемъ дружины, и королемъ, принявшимъ на себя значеніе Римской государственности подъ преобладаніемъ церковнаго начала; новая борьба приняла значеніе болѣе широкое и важное. Пипинъ и Карлъ (какъ преемникъ его) уже получили вслѣдствіе царскаго вѣнчанія тотъ двойственный характеръ, который принадлежалъ первымъ Меровингамъ; но завоеваніе Италіи, паденіе Лонгобардскаго царства и вѣнчаніе Карла императорскимъ вѣнцемъ (дѣло очевидно невольное со стороны папы, откупившагося этой уступкою отъ справедливаго суда) поставили западнаго императора въ новыя отношенія къ папскому престолу. Свобода отъ далекой Византіи, смѣло отстоянная прежними епископами Рима, замѣнялась прямою и тяжелою зависимостью отъ близкаго и сильнаго владыки. Миръ не могъ быть продолжительнымъ. Два начала встрѣтились въ лицѣ папы и императора съ ровными притязаніями на всеобъемлющее значеніе. Папа былъ уже не только не однимъ изъ епископовъ, но и не первымъ изъ епископовъ. Онъ самъ признавалъ

Digitized by Google

себя и былъ признаваемъ общимъ мнѣніемъ (хотя еще неуясненнымъ) какъ верховный судія церкви и хранитель правды общей и христіанской. Онъ представлялъ въ христіанствѣ духовную сторону калифата. Съ другой стороны императоръ (таковъ былъ смыслъ его помазанія) былъ уже не просто какъ меръ дружиноначальникъ Германскій или какъ король, народный, глава извѣстной области по понятію, перешедшему изъ Римскаго права, или какъ первые Меровинги, лицо соединяющее оба значенія, онъ былъ уже главою христіанскаго міра: ибо Востокъ былъ очевидно терпимъ поневолѣ и непризнаваемъ ни папою, ни императоромъ, и слѣд. представлялъ въ христіанствѣ свѣтскую сторону калифата. Столкновеніе было неизбѣжно, ибо папа долженъ былъ, какъ духовный глава, присвоить себѣ верховный судъ, по необходимости зависящій отъ общей и высшей правды, которой онъ былъ хранителемъ; а императоръ, какъ глава хотя и свѣтская, не области, а цѣлаго христіанскаго міра, получающаго свое значеніе и предѣлы не отъ случайностей народовъ и земель, а отъ самаго христіанства, долженъ былъ точно также себѣ присвоивать верховный судъ во всемъ и считать себя полновластнымъ хранителемъ общей правды. Первыя отношенія Римскаго престола къ императору были очень невыгодны. Побѣды Карла, его огромная власть, его могучій геній, его неограниченное господство въ сѣверной и средней Италіи и въ Римѣ самомъ поставили папу въ прямую зависимость отъ него. Прежній союзникъ, освободитель отъ враговъ Лонгобардовъ, сдѣлался владыкою. Папа и все духовенство Итальянское покорились, протестуя рѣдко и робко; но Карлъ понималъ и предвидѣлъ будущую борьбу: онъ старался ее предупредить. Для этаго искалъ онъ и дѣйствительно нашелъ самую твердую опору (если бы что нибудь могло устоять противъ логическаго развитія уже допущенныхъ началъ) въ церковной іерархіи и въ ея законахъ. Нельзя сказать, чтобы его законодательство ввело въ церковныя учрежденія новыя начала или новыя постановленія; но возстановленіе старыхъ положеній, отчасти ослабѣвшихъ и забытыхъ, отчасти утратившихъ свое прежнее значеніе, со-

Digitized by Google

единяло въ себѣ выгоды священной старины и вѣрно расчитаннаго нововведенія. Таковъ смыслъ законодательныхъ правилъ Карла Великаго, опредѣлившихъ взаимныя отношенія между епископами и возвысившихъ власть и санъ митрополитовъ или епископовъ верховныхъ надъ нѣсколькими епархіями. Власть папская была ограничена и связана митрополитскими правами, ихъ сравнительною независимостію отъ Рима (ибо аппеляція на ихъ рѣшенія допускалась только съ большими ограниченіями) и особенно частымъ собираніемъ соборовъ областныхъ или помѣстныхъ. Эта мѣра оказалась очень дѣйствительною. Карлъ умеръ, царство его распалось, слабые преемники не умѣли охранять ни правъ своихъ противъ Рима, ни областей противъ дикихъ пришельцевъ съ Сѣвера, ни власти противъ подданныхъ, и долго еще возвеличенные Карломъ митрополіи и соборы боролись противъ папскихъ притязаній, и епископы съ сильнымъ духомъ и знаніемъ (какъ наприм. Гинкмаръ Реймскій) не преклоняли главы своей передъ Римскимъ судомъ. Но престолъ, возвышенный Меровингами, пользовавшимися его союзомъ противъ народовъ иновѣрныхъ, еще болѣе, хотя и нехотя, возвышенный Карловингами, получившими отъ него сперва королевскій, потомъ императорскій вѣнецъ постановленный внѣ ряда всѣхъ другихъ престоловъ на Западѣ, оторвавшихся отъ патріарховъ Востока, окруженный неприкосновенною святостью въ общественномъ мнѣніи и логически развивающій начала, которыми проникнуть былъ весь западный міръ, долженъ былъ восторжествовать надъ случайными препонами, не основанными ни на какомъ высокомъ понятіи (ибо метрополіи имѣли и могли имѣть значеніе только при основахъ мысли восточной, а на Западѣ не имѣли никакого смысла). Смѣлый Николай I-й сокрушилъ слабыхъ противниковъ, и Римскій епископъ вступилъ въ свое великое историческое поприще.

Значеніе Карла Великаго въ исторіи новой Европы.

Значеніе Карла въ исторіи новой Европы заключается въ слѣдующемъ. Имъ совершилось дѣло Франковъ Меровейскихъ,

Digitized by Google

которыхъ составъ, какъ дружины личной, а не народной, и слѣдов. основанной на устройствѣ чисто-военномъ, былъ способенъ къ принятію въ себя всякой стихіи, но по своему Германскому началу особенно склоненъ къ принятію стихіи Германской. Отъ того-то его торжество было собственно торжество всѣхъ Нѣмецкихъ поколѣній, и имъ опредѣлились почти во всей ширинѣ своей границы области, въ которой должна была развиться сила Германскаго племени (за исключеніемъ Британскихъ острововъ и полуострова Скандинавскаго). Имъ также завершилось дѣло меровъ Австразійскихъ, т. е. вторичное завоеваніе Галло-романской Франціи (Невстріи), очевидно находившейся во время послѣднихъ Меровейцевъ подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстнаго начала, противустоящаго не безъ успѣха началу Германскому.

Это видно изъ многихъ именъ великихъ историческихъ личностей въ Невстрійской Франціи до торжества рода Пипинова. Память же о борьбѣ съ Германскимъ (Австразійскимъ) началомъ и о торжествѣ его сохранились въ народныхъ сказкахъ о родѣ Аймоновомъ изъ Монтельбана (Бѣлогорія), слѣд. изъ юго-восточной, нѣкогда полу-Славянской Невстріи - Рено и братья его олицетворяютъ въ себѣ мягкость, полупросвѣщеніе, безпечность и разъединенность Галло-романской стихіи, блистающей безполезнымъ блескомъ личной доблести, но очевидно безсильной противъ плотной и могущей дружинности Сѣвера. Въ Вивіянѣ и Можисѣ (или Малагизѣ), добрыхъ волшебникахъ и родственникахъ побѣжденнаго рода, высказывается память о Римской наукѣ, которою Невстрія гордилась передъ темною Австразіею. Вѣрный дружинникъ Роландъ, равно прославленный въ Германіи и въ Пиринеяхъ (хотя вѣроятно лице историческое) есть чистое олицетвореніе самой личной дружины, равнодушной къ областнымъ раздѣленіямъ и неуклонно служащій своимъ грознымъ мечемъ своему ленному владыкѣ. Роландъ готовъ бы былъ дружиться съ Невстрійцемъ Рено и часто даже является его родственникомъ, но сражается противъ него съ ожесточеніемъ по чувству долга. Быть можетъ, въ его грубоватой добротѣ (также какъ и въ назначеніи его родины) можно замѣтить какой-то далекій отзывъ

Digitized by Google

Славянскаго племени и сходство съ великимъ идеаломъ Русскихъ Славянъ, Ильею Муромцемъ, хотя Илья стоитъ гораздо выше его, также какъ и выше всѣхъ другихъ народныхъ олицетвореній, будучи полнымъ типомъ силы, управляемой единственно нравственною правдою и чуждой всякому эгоистическому или случайному побужденію. Но въ лицѣ Роланда безспорно замѣтны слѣды Германскаго происхожденія или по крайней мѣрѣ Германскихъ миѳовъ. Такова его неуязвимость, связывающая его съ Зигфридомъ и отдѣляющая его отъ Бельтскихъ, также какъ и Славянскихъ богатырей (напр. круга Артурова или Владимирова), такова почти волшебная сила его меча и рога и пр. Явные признаки древности и народности въ Роландѣ уличаютъ хвастовство Испаніи въ выдумкѣ его побѣдителя Бернарда ди Карпіо, ничѣмъ не связаннаго ни съ какимъ преданіемъ или фактомъ историческимъ. Роландъ — это сама дружина Франскаго короля, Германскаго по происхожденію, уже свыкшаяся и сжившаяся съ Невстріею и только случайно поставленная во враждебныя отношенія къ ней. Побѣжденный Галло-римляниномъ Рено ищетъ и долженъ искать спасенія въ нѣдрахъ церкви и въ службѣ Богу; другъ его и благодѣтельный волшебникъ, Малагизъ, посвятилъ себя также Богу и умретъ святымъ или взойдетъ по инымъ преданіямъ на Римскій престолъ. Въ нихъ эта религіозная кончина не случайная пристанка позднѣйшихъ вѣковъ или внѣшняго направленія Карловой дѣятельности, какъ проблеска религіознаго значенія въ Роландѣ, но отзывъ историческаго факта. Ихъ побѣдители, богатыри при-Рейнскіе (Майнцкіе), имѣютъ свой поэтическій циклъ, менѣе извѣстный и не столь чисто сохраненный, и этотъ циклъ отличается особымъ характеромъ. Отстраняя позднѣйшую примѣсь, часто соединяющую богатырей при-Рейнскихъ (какъ напр. Дулина, Герарда и др.) съ представителями Невстріи, Монтальбанцами, можно замѣтить въ Австразійцахъ болѣе дикости и суровости, больше преобладанія грубой силы, характеръ чисто-Германскій, бытъ кастелановъ-завоевателей, гордыхъ богатствомъ и владѣніями, связь съ силами міра невидимаго, принадлежащаго Германской миѳологіи и презрѣніе къ Галло-романскому міру. Къ этому кругу примыкаетъ, хотя случайно, Датчанинъ Окьеръ. Въ преданіяхъ о Невстрійцахъ, Монтальбанцахъ при-Рейнскіе Австразійцы являются племенемъ лукавымъ, коварнымъ и лишеннымъ всѣхъ доблестей,

Digitized by Google

низкими обманщиками и льстецами, съ которыми императоръ связанъ своею случайною слабостью. Разумѣется, въ этомъ замѣтно выраженіе народной вражды; но впрочемъ не должно забыть, что Австразійцы, какъ представители чисто-Франкскаго племени, должны были соединять въ себѣ тѣ пороки, которыми было обезчещено это племя и по свидѣтельству исторіи, и по свидѣтельству современныхъ писателей, свирѣпость и корыстолюбіе, которыхъ доказательство можно найти въ самихъ героическихъ сказаніяхъ о Прирейнскихъ витязяхъ (семьи Дулиновой) съ тѣмъ бездушнымъ коварствомъ, которое внушило извѣстное слово: «Франки любятъ произносить клятвы потому, что наслаждаются клятвопреступленіемъ.» Иначе и быть не могло (какъ уже сказано) по историческому происхожденію и судьбѣ Франкскаго союза. До сихъ поръ значеніе вражды между Монтальбанцами и Майнцянами не понято критикою историческою. Эта недогадливость происходитъ отъ того, что вторичное завоеваніе Франціи при Австразійскихъ мерахъ мало обратило на себя вниманія историковъ. Послѣднее торжество того же Австразійскаго начала (хотя уже много измѣненнаго) есть крестовый походъ противъ Альбигойцевъ.

Еще важнѣйшее, можетъ быть, по послѣдствіямъ своимъ, дѣло Карла Великаго (начатое уже отцемъ его, но совершенное имъ съ необычайною энергіею) есть обратное завоеваніе всей Германіи Германо-франкскою дружиною. Нѣтъ сомнѣнія, что первые Меровинги уже проложили путь Карловингамъ; но хотя и нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ въ темныхъ лѣтописяхъ Меровейскаго времени, явно во-первыхъ, что владычество Меровейцевъ было болѣе первенствомъ, чѣмъ истиннымъ владычествомъ во многихъ частяхъ южной Германіи, гдѣ сохранялась еще нѣкоторая народная независимость, уничтоженная мечемъ Пипина и дѣтей его; и во-вторыхъ, что, пользуясь внутренними раздорами Франковъ, Саксонцы распространились далеко по всей сѣверной Германіи, основывая государство, если и не на общинныхъ началахъ (какъ видно изъ рѣзкаго раздѣленія сословій), то по крайней мѣрѣ на началахъ дружины народной. Карлъ Великій доставилъ полное и рѣши-

Digitized by Google

тельное торжество Франкской системѣ дружины личной, обративъ завоевательницу Запада, Германію, въ страну завоеванную и опредѣливъ такимъ образомъ всю будущую исторію Европы съ развитіемъ феодальности, униженія народнаго и окончательной личной разъединенности. Начало, котораго онъ былъ представителемъ, было безспорно сильнѣе побѣжденныхъ имъ неясныхъ началъ (что впослѣдствіи было доказано Норманнами въ Англіи), и слѣд. торжество его было неизбѣжно, и нельзя не удивляться непобѣдимому генію, желѣзной волѣ и искусству державнаго полководца.

Менѣе важно, хотя вообще болѣе оцѣнено вліяніе Карла на исторію Запада распространеніемъ области христіанской и основаніемъ политической или, лучше сказать, общественной идеи Цѣлаго Христіанства (Tota Christianitas). Но должно замѣтить съ одной стороны, что успѣхъ Христіанства былъ неизбѣженъ и что земли Саксонцевъ и другихъ язычниковъ, по необходимости, вошли бы въ составъ христіанскаго міра даже безъ побѣдъ Карла, не смотря на вражду этихъ народовъ къ ученію, которое въ ихъ глазахъ сливалось съ ненавистною народностью Франковъ, а съ другой стороны, что идея Цѣлаго Христіанства по западному понятію получила гораздо болѣе и болѣе нормальное развитіе отъ основныхъ началъ самаго католицизма Западнаго и папскаго престола, чѣмъ отъ случайнаго совокупленія всего христіанскаго міра подъ однимъ императорскимъ скипетромъ. Въ обоихъ случаяхъ подвигъ Карла имѣлъ значеніе второстепенное, ускоряя явленія, которыя сами по себѣ были необходимы; но это вліяніе принесло плоды неожиданные для его современниковъ и незамѣченные ихъ учеными потомками (Нѣмцами). Система вооруженной проповѣди, чуждая Христіанству, введенная первоначально Франками, но получившая свое развитіе безъ сомнѣнія отъ Карла Великаго, съ одной стороны наполнила исторію Европы и всего міра ужасами, которые были бы позоромъ для людоѣдовъ (таковы завоеванія Испанцевъ въ Америкѣ и, можетъ быть, еще болѣе крестовые походы противъ Славянъ сѣверныхъ и южныхъ), съ другой положила начало или приготовила зародыши

Digitized by Google

протестанству: ибо должно замѣтить, что оно вообще распространилось и укоренилось въ странахъ обращенныхъ въ Христіанство насиліемъ. Конечно, самый католицизмъ Римскій по своей односторонности долженъ былъ вызвать противоположную односторонность протестантства; но память о первоначальномъ насиліи, хотя и заглаженная вѣками, незамѣтно сливалась съ жизнію народовъ, не призванныхъ, но вкученныхъ въ Христіанство, и дѣлала ихъ готовыми и способными сосудами для будущаго протеста и возстанія. Основаніе же государства, заключающаго въ себѣ всю цѣлость христіанскихъ народовъ (хотя это государство распалось почти немедленно послѣ смерти основателя), имѣло то послѣдствіе, что оно примѣшало новую и неразумную стихію къ идеѣ Цѣлаго Христіанства, вытекающей изъ Римскихъ началъ католицизма, и заготовила призракъ всемірнаго обладанія, къ которому стремились преемники Карла по духу, императоры Германскіе, и который (кромѣ чисто-мѣстныхъ причинъ) обратилъ на нихъ всѣ силы папства и облилъ кровію большую часть Средней и Южной Европы. Безъ сомнѣнія и въ отношеніи къ распространенію христіанской области, и въ отношеніи къ одностороннему развитію идеи всехристіанской державы, Карлъ является великимъ историческимъ дѣйствователемъ; но такъ какъ эта идея въ своей односторонности разрѣшилась въ ничто борьбою папъ съ императорами, такъ какъ Христіанство необходимо должно было распространиться по всей Европѣ и протестантство возникнуть изъ односторонности латинства, то нельзя приписать Карлу въ развитіи всемірныхъ идей той важности, которую онъ имѣетъ безспорно въ отношеніи политической и общественной жизни западной Европы. Имъ заключается и утверждается въ ней полное торжество Франкской системы (дружины личной) и опредѣляется вся послѣдовавшая за нимъ феодальность, уничтожившая всякое понятіе о жизни общинной и до нашего времени слившаяся неразрывно съ бытомъ и даже умственнымъ развитіемъ всего Запада по обѣ стороны Атлантическаго океана.

Царствованіе Карла Великаго составляетъ безъ сомнѣнія великую эпоху въ исторіи міра. Имъ кончились вѣка нестрой-

Digitized by Google

наго хаоса, послѣдовавшаго на Западѣ за ослабленіемъ Римской державы; имъ кончилась политическая и государственная исторія новой, Галло-германской Европы; съ нимъ связаны первыя начала возрождающаго просвѣщенія, подавленнаго и погибавшаго во время волненія народовъ, и онъ былъ достоинъ своего великаго историческаго значенія не по одной силѣ воли, неутомимой дѣятельности, военному генію, какому мало равныхъ явилось въ теченіе вѣковъ, и по возвышенности помысловъ и цѣлей, но и по многимъ добродѣтелямъ, къ несчастію помраченнымъ нѣсколькими пороками (каковы развратъ нравовъ, а иногда и личная жестокость), быть можетъ неизбѣжными для Франка. Утѣшительное и поучительное явленіе въ исторіи міра, онъ дожилъ если не до глубокой старости, которой могъ надѣяться по желѣзному тѣлосложенію, то по крайней мѣрѣ до такихъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенно истощается человѣческая дѣятельность, и, совершивъ безконечно много, доказалъ своимъ примѣромъ въ борьбѣ противъ папства и начинающейся феодальности, какъ безсильна самая сильная личность и какъ мало можетъ человѣкъ противъ логической строгости историческихъ началъ. Онъ служитъ имъ даже тогда, когда борется противъ нихъ до тѣхъ поръ, покуда они сами не совершатъ своего поприща и не дойдутъ до крайняго развитія, обличающаго ихъ односторонность и слабость.

Преемники Карла Великаго.

Карлъ умеръ. На его мѣсто вступилъ сынъ его, Людвигъ Добродушный, котораго царствованіе было рядомъ униженій и несчастій. За всѣмъ тѣмъ Людвигъ не былъ недостоинъ престола. Его доброта, доходящая до слабости, его набожность, слишкомъ готовая покоряться духовнымъ властямъ, его нѣжность къ семьѣ, подчинявшая его волѣ честолюбивѣйшей жены и щадившая преступныхъ дѣтей, были соединены съ просвѣщеніемъ, съ благими и благородными стремленіями, съ любовію правды, съ мужествомъ и воинскими доблестями. Но имперія Карла возможна была только для его могущественнаго генія; она носила въ себѣ уже совершенно зрѣлыя сѣмена

Digitized by Google

разрушенія. Главнымъ началомъ бѣдствій была взаимная вражда народовъ, подавленная силою Франкской дружины, но всегда готовая снова вспыхнуть и разорвать на части искусственное зданіе государства; но это начало не могло еще развиться, покуда самое государство сохраняло силу своей сосредоточенности. Эта сосредоточенность была первоначально потрясена другими стихіями. Первые года Лудвигова царствованія были не безславны: военныя предпріятія вообще успѣшны, Имперія довольно покойна. Раздоръ въ императорской семьѣ подалъ знакъ къ междоусобицѣ. Сыновья Лудвига ополчились противъ отца изъ властолюбія и зависти къ младшему брату отъ втораго брака; ихъ безнравственная вражда нашла опору въ возникающемъ феодализмѣ.

Вообще должно замѣтить, что вся исторія Запада наполнена возмущеніями сыновей противъ отцевъ, что эти возмущенія часто получали благословеніе церкви, пользовались сочувствіемъ народовъ и одобреніемъ дружины (дворянства). Критика историческая должна обратить особенное вниманіе на такой фактъ, въ которомъ явно высказывается ничтожность семейнаго начала въ Западной Европѣ, низкая степень, на которой стояло нравственное чувство, и преобладаніе начала дружиннаго. Если иногда и высказывается въ обычаяхъ и въ законодательствѣ что либо противорѣчащее общему закону, то это противорѣчіе должно признать мнимымъ и объяснить тѣмъ только, что безземельный сынъ подчинялся власти отца не какъ отца, а какъ законнаго дружиноначальника или леннаго владѣльца. Важно не то, что дѣти возмущались, а то, что сочувствіе народовъ признавало за ними право возмущенія.

Лудвиговы дѣти явились на битву противъ отца съ сильною дружиною. Тщетна была надежда Карла Великаго подчинить ополченіе Имперіи ея главѣ. Начала феодальности развивались, не смотря на всѣ законы; герцоги и графы пограничныхъ областей владѣли огромною военною силою, которая была по необходимости поручена имъ для охраны государства. Эта сила почти не признавала надъ собою никакой власти, кромѣ ближайшихъ своихъ дружиноначальниковъ, а выгоды дружиноначальниковъ (графовъ и герцоговъ) были всегда на

Digitized by Google

сторонѣ возмущенія, которое ослабляло узы ихъ зависимости отъ государей и упрочивало или доставляло имъ права наслѣдственности. Не менѣе опасны свѣтскихъ властей были власти духовныя. Укрѣпленныя и возвышенныя Карломъ, который имъ покровительствовалъ для пользы просвѣщенія и для отпора Риму, они искали власти самостоятельной и независимости отъ государственнаго начала. Еще короли Меровингскіе ввели епископовъ въ свою дружину, связывая ее такимъ образомъ съ народомъ, который не имѣлъ дѣйствительно никакихъ другихъ представителей кромѣ духовенства; но такое сліяніе высшихъ духовныхъ лицъ съ дружиною оторвало ихъ мало-по-малу отъ народа и дало имъ характеръ дружины, тѣмъ болѣе, что значительная часть епископскихъ престоловъ уже была занята потомками побѣжденныхъ Галло-Римлянъ, но родственниками Германскихъ вождей. Отъ того-то видимъ мы такъ много епископовъ въ рядахъ мятежнаго войска Лудвиговыхъ дѣтей, и этотъ союзъ былъ для нихъ весьма важенъ не только потому, что епископы владѣли огромными имѣніями, данными церкви набожностью прежнихъ королей, но еще болѣе потому, что полуримская идея государственной власти теряла все свое значеніе и свою святость, когда противъ нея возставали епископы, представители Римской церковной гражданской власти. Наконецъ, народы охотно брались за оружіе противъ короля, представителя Франкскаго первенства и когда сыновья Лудвига возставали противъ отца, вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ начальствомъ полукоренные Саксонцы, Баварцы, не совсѣмъ забывшіе свое Готское происхожденіе, Итальянскіе Лонгобарды и При-пиринейскіе Васконцы шли противъ преемника Клодовига и Пипина.

Кстати о Васконцахъ должно замѣтить, что это безспорно мѣшанное племя, котораго начала повидимому связаны съ Кельто-иверцами, почти незамѣтно въ первое время Франкской власти и очень важно въ послѣднее время Меровинговъ и при Карловингахъ. Такая перемѣна, кажется, объясняется сильнымъ переселеніемъ изъ

Digitized by Google

Испаніи послѣ Маврскаго завоеванія, опустѣніемъ пограничныхъ равнинъ, давшимъ большую важность непокореннымъ племенамъ горной твердыни и отчасти союзомъ Галло-романскихъ жителей съ чуждыми и даже ненавистными Васконцами противъ еще болѣе ненавистныхъ утѣснителей, Германцевъ. Баски утрачиваютъ свою историческую важность по мѣрѣ романизаціи Германской стихіи въ южной Франціи.

Побѣда дѣтей Лудвига была необходима при множествѣ началъ, содѣйствующихъ ихъ успѣху и при слабости самаго Лудвига; но торжество ихъ было непродолжительно. Раздоръ между самыми побѣдителями, ихъ взаимная зависть, человѣческое чувство состраданія въ народахъ, не совсѣмъ еще забытое почтеніе къ императорскому сану, невольное уваженіе къ частнымъ добродѣтелямъ слабаго государя и особенно къ памяти его великаго отца, освободили Лудвига и снова возвели его на престолъ; но судьба Имперіи была рѣшена. Она не могла оставаться федераціею подъ главнымъ начальствомъ императорскаго престола, переходящаго въ наслѣдство по закону сеньоратства; она должна была распасться и распалась, образовавъ три главныя системы государственныя: Францію, Германію и Италію съ ихъ сомнительными украйнами (Бельготарингскою, Бургундо-провансальскою и При-альпійскою). Мало доблестей гражданскихъ и еще меньше добродѣтелей человѣческихъ было въ ближайшихъ преемникахъ Лудвига. Большая часть изъ нихъ замѣчательны по слабоумію, слабодушію или разврату; иные (какъ напр. императоръ Лотаръ, обѣщавшій сѣверной Германіи возстановленіе язычества какъ цѣну за союзъ противъ короля Германскаго) соединяли въ себѣ почти всѣ пороки; но развитіе западной исторіи было необходимо и приняло бы тѣже самыя формы даже при другихъ, болѣе благородныхъ властителяхъ. Распаденіе царства было неизбѣжно, и его составныя части были опредѣлены предыдущею исторіею.

Эти части были Галло-франкская, Ломбардо-итальянская и Германская (Гото-испанская, почти столько же чужда Имперіи, какъ и острова Англо-саксовъ).

Digitized by Google

Но во всѣхъ разъединившихся частяхъ исторія должна была развиваться одинаково, хотя разумѣется съ частными измѣненіями, обусловленными характеромъ мѣстныхъ стихій. Вездѣ религіею въ тѣсномъ смыслѣ было Христіанство въ его Римскомъ опредѣленіи, вездѣ общественный составъ основанъ на завоеваніи и опредѣленъ завоеваніемъ. И такъ къ догматическому Римскому христіанству присоединялась религія дружины столько же увѣренной въ законности своихъ правъ, сколько и церковь. Но дружина сама перемѣнила свой характеръ. Изъ личной дружины Франковъ Меровейцевъ и первыхъ Карловинговъ при распаденіи Карловой семьи и державы возникла идея дружины самостоятельной, мало-по-малу распредѣляющей свою наслѣдственную іерархію по владѣніямъ; позднѣе эта наслѣдственность привела къ понятію о правахъ и преемствѣ крови, чуждому ранней эпохѣ. Эта религіозная вѣра въ права дружины принадлежала столько же побѣжденнымъ, сколько и побѣдителямъ; но въ побѣжденныхъ сверхъ того таилась и ждала развитія вѣра въ законность правъ порядка и правды по понятію Римскому, завѣщанная въ Италіи и Галліи прежнею исторіею и переданная народамъ Германскимъ духовенствомъ и Римскою стороною императорскаго и королевскаго сана.

Должно впрочемъ замѣтить, что эти понятія о правомѣрности и полиціи Римской не могли никогда такъ развиться въ Германіи, гдѣ онѣ были прививкою, какъ въ Италіи и Франціи до позднѣйшей и почти современной намъ эпохи, въ которой Германія подверглась другимъ и новымъ вліяніямъ, ведущимъ свои начала отъ протестантства.

Сама дружина со временемъ распалась на свои составныя части или приняла въ себя чуждыя начала (напр. идею о правахъ крови); но личность, лежавшая въ основѣ дружины и совершенно согласная съ началами Римскаго права, развилась впослѣдствіи во всѣхъ отрасляхъ жизни, права и науки. Такъ какъ она развивалась не изъ случайностей, но изъ са-

Digitized by Google

маго корня всѣхъ стихій, составлявшихъ основу западныхъ державъ, то она получила въ душѣ народовъ всю силу и несомнѣнность религіознаго убѣжденія. Впрочемъ личность, которая сдѣлалась предметомъ вѣрующаго поклоненія на Западѣ, не была тою высокою, очищенною человѣческою личностью, которая такъ сильно выходитъ изъ христіанскихъ началъ; она была личностью во всѣхъ ея случайностяхъ (личностью, раннимъ поклоненіемъ молодой Гомеровской Эллады) или, лучше сказать, уже не личностью, а совокупностью случайностей, которыми судьба окружаетъ личность человѣка. Сила была предметомъ поклоненія, красота предметомъ истиннаго обожанія, власть святынею; по этому самому личность въ сопровожденіи безсилія, безобразія, скудости была предметомъ пренебреженія и угнетенія законнаго. Конечно Христіанство не даромъ просвѣтило умы и сердца: лучшія струи чувства и мысли всегда протекали черезъ міръ, основанный на Романо-германскихъ началахъ дружины и правды внѣшней. Духовенство поднимало иногда робкій голосъ въ пользу угнетенныхъ; папство въ полномъ цвѣтеніи своихъ силъ вспоминало иногда про долгъ, завѣщанный первоначальнымъ ученіемъ Іудейскихъ рыбаковъ; протестантство не забыло нищеты и страданій человѣческихъ; но эти частныя явленія, разногласящія съ общими основами западнаго міра, не могли измѣнить его логическаго развитія и дать истинной личности человѣка правъ, которыми пользовалась узаконенная случайность. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ вѣренъ всей предыдущей исторіи.

Освобожденіе отъ личнаго рабства кажется на первый взглядъ явленіемъ несогласнымъ съ изложенными нами положеніями. Въ немъ безспорно высказывается вліяніе Христіанства уже и тѣмъ, что отпускныя почитались дѣломъ душеспасительнымъ и искупленіемъ грѣховъ; но въ тоже время должно признать, что онѣ нисколько не имѣли цѣлію уравненія личности передъ обществомъ и никогда не достигали этой цѣли даже косвеннымъ путемъ. Общества продолжали свое развитіе, замѣняя только рабство пролетарствомъ, слегка уступая высшему, уже признанному началу, но не измѣняя своихъ

Digitized by Google

логическихъ путей. Въ этомъ достаточнымъ убѣжденіемъ служатъ ужасы Америки и рабство негровъ. Освобожденіе рабовъ въ Европѣ было дѣломъ частнаго благодѣянія въ большомъ объемѣ, дѣломъ совѣсти, пробужденной Христіанствомъ, а не общественнаго начала, сознающаго права личности. На это явленіе имѣли безспорное вліяніе въ иныхъ случаяхъ усиленіе государственности, основанной на Римскомъ правѣ, въ другихъ вѣрно разсчитанная выгода или необходимость, сознанная въ борьбѣ властвующихъ стихій, искавшихъ себѣ опоры и союза въ стихіяхъ порабощенныхъ; но никакого вліянія нельзя приписать идеѣ объ нравственномъ лицѣ человѣка. Впрочемъ уничтоженіе рабства не имѣетъ слишкомъ важнаго значенія въ большей части Германской Европы. Рабство было не всеобщимъ явленіемъ: оно съ самаго начала соприкасалось съ вассальствомъ и сливалось съ нимъ посредствомъ безчисленнаго ряда незамѣтныхъ степеней, которыя разумѣется облегчили его уничтоженіе. Не должно забывать также и того, что *колонатусъ* Византійскій далеко опередилъ западную эманципацію и безспорно истекалъ изъ болѣе чистыхъ и яснѣе сознанныхъ началъ.

Западъ Европы былъ по своимъ стихіямъ духовнымъ и общественнымъ еще болѣе чуждъ понятію о народѣ, чѣмъ понятію о личности. Славянскія общины (и, можетъ быть, тоже должно сказать и о Кельтскихъ) переселялись изъ области въ область, предпочитая ненаселенныя, обращая иногда населенныя въ пустыню, а иногда сливаясь съ туземцами или разселяясь между ними; но цѣль ихъ была пріобрѣтеніе земли плодородной, къ которой они приносили свой неутомимый трудъ, вызывающій спящее богатство, присужденное человѣку. Такъ было на Востокѣ Европы, и какіе бы ужасы ни сопровождали первое вторженіе незванныхъ хлѣбопашцевъ, уже въ древнихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, историческая критика не находитъ ни вассаловъ, ни угнетеннаго народа, ни рабовъ кромѣ военноплѣнныхъ, часто отпускаемыхъ на свободу или принимаемыхъ въ нѣдра братской общины. Не такъ было на Западѣ. Дружина Германская, исторически воспитанная на войну и грабежъ, выходила изъ своихъ лѣс-

Digitized by Google

ныхъ пустынь не для мирнаго труда, а для корысти и власти. Ей нужны были рабы или вассалы для ея прокормленія и лѣса для ея забавы. Пустынныя земли обращались въ непроходимыя чащи, приволье для празднаго охотника, а населенныя въ обитель рабовъ, приволье для свирѣпаго господина. Народа не было: были одни вассалы и рабы. Не было земли для народа, земля какъ и трудъ земледѣльца были собственностію дружинника-завоевателя. Уцѣлѣли отчасти города; хотя и тѣ были по большей части такою же собственностью дружиноначальника и его сподвижниковъ, но по крайней мѣрѣ города сохранили еще какую-то внутреннюю жизнь, особенно въ южной Франціи и Италіи, гдѣ сильны еще были остатки Римскаго права и Римскаго устройства. Сначала милость завоевателей была дѣломъ чистаго расчета потому, что имъ нужна была промышленность и торговля, которую находили они только въ городахъ и которой сами создать не могли; отчасти была она предписана необходимостью дружиноначальникамъ или конунгамъ, которые въ остаткахъ Римскаго быта находили нѣкоторую опору противъ произвола своей дружины; иногда была слѣдствіемъ уваженія къ святынѣ храмовъ или мощей, которыя хранились въ городскихъ соборахъ. Позднѣе, города окрѣпли собственною внутреннею силою своего промышленнаго общежитія, нашли сильную опору въ корояхъ, которымъ платили деньгами или военною службою за покровительство и достигли свободы. Но города не были друзьями селъ. Сомкнувшись въ отдѣльныя и эгоистическія общества, они представляютъ исторической критикѣ тотъ же феодальный характеръ, какъ и замки бароновъ. Вся западная Европа покрылась сѣтью мелкихъ феодальныхъ князьковъ и такихъ же феодальныхъ республикъ, подчиненныхъ другимъ высшимъ князьямъ или королямъ феодальнымъ. Внутреннее устройство городовъ было завѣщано Римомъ, и Римское право (сохранившееся или въ писанныхъ памятникахъ или въ обычаѣ и преданіи) было ихъ главною нормою; къ этому праву присоединились отчасти мѣстныя обычаи и понятія, разныя по разнымъ мѣстностямъ, но нигдѣ не перевѣшивавшія Рим-

Digitized by Google

ского вліянія и духа. Изъ городовъ развились впослѣдствіи сѣмена права и порядка, которымъ суждено было вслѣдствіе ихъ высшей разумности подавить дружинную стихію, принесенную Германцами; но земля продолжала оставаться безъ народа: во-первыхъ, потому, что городовой житель (среднее сословіе) былъ чуждъ и часто даже болѣе враждебнымъ народу, чѣмъ самые бароны; во-вторыхъ потому, что идея народа не могла никогда развиться изъ права Римскаго, для котораго существовали искони только лицо и государство, такъ же какъ для права Германскаго существовали только лицо и дружина.

Эти двѣ черты опредѣляютъ все развитіе западной Европы: въ ней не были никогда признаны ни права личности въ ея высшемъ значеніи, ни права народа, котораго самое существованіе сдѣлалось невозможнымъ.

Земля Англо-саксовъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе; но народная стихія была скоро подавлена Норманскимъ завоеваніемъ и усиленіемъ Римскаго права, и отъ того-то Англія до нашего времени не узнала и не могла узнать своей истинной силы и ея сокровенныхъ источчиковъ.

Первая эпоха Карловинговъ управлялась еще простыми законами дружины. Стихія Римская казалась подавленною, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ эпоху Меровейцевъ и Лонгобардовъ, особенно въ Италіи и даже въ самомъ Римѣ; но ея начала были живущи, потому что были разумны. Распаденіе Западной Имперіи, основанной Карломъ на полжизни человѣка, было, какъ сказано, повидимому, слѣдствіемъ раздора между его войсками, а дѣйствительно слѣдствіемъ прежней исторической жизни и трехъ различныхъ почвъ, на которыя налегъ общій наплывъ Франкской дружины. Долгія распри волновали три державы, уже дѣйствительно вполнѣ отдѣлившіяся одна отъ другой, но составлявшія еще какъ будто общую государственную систему. Въ продолженіе этихъ распрей возросла и окрѣпла сила Римскаго престола и положила основаніе своего послѣдующаго владычества, какъ уже сказано. Между

Digitized by Google

тѣмъ императорское званіе и безсмысленный вѣнецъ переходили съ одной головы на другую, не доставляя своимъ временнымъ владѣльцамъ ни власти истинной, ни даже почета (за исключеніемъ недолгаго царства Карла Толстаго), но сохраняя въ народахъ и въ властителяхъ понятіе о верховной власти, выражающей полное развитіе Римской стихіи въ ея государственномъ значеніи и въ ея тѣсномъ соединеніи съ единствомъ духовнаго міра на Западѣ.

Отъ того-то всегда вѣнчаніе императора является какъ бы неотъемлемымъ правомъ общаго духовнаго пастыря всѣхъ западныхъ народовъ.

Италія, не вполнѣ завоеванная Карломъ Великимъ, дѣлилась на двѣ половины, на южную Греческую и Лонгобардскую и на сѣверную, Франкскую. На Югѣ безпрестанныя и безсмысленныя войны мелкихъ владѣльцевъ или ссоры Грековъ и Лонгобардовъ и набѣги Африканскихъ Магометанъ уничтожили всякую жизненную дѣятельность, хотя въ тоже время заготовляли много сѣмянъ будущаго развитія. На Сѣверѣ бывшая Лонгобардскою, съ недавняго времени Франкская, Италія не принадлежала вполнѣ ни той, ни другой системѣ, и слѣд. не могла развивать въ себѣ стихій, которыя не составляли еще органическаго цѣлаго и носили на себѣ характеръ частей, случайности. Франція была почти въ томъ же положеніи какъ и сѣверная Италія. Невстрійское (Романское) начало, побѣжденное Австразійскимъ (Германскимъ), должно было снова стремиться къ равновѣсію и даже къ преобладанію, котораго оно достигло впослѣдствіи; но земля была осуждена на долгое ничтожество внутреннею борьбою, безъязычьемъ и безнародностію. Цѣльнѣе была Германія. Не смотря на то, что она была страною завоеванною, что она была раздѣлена на различныя племена, довольно самостоятельныя (Саксонцевъ, Швабовъ, Франковъ, Байерцевъ и др.), что она заключала въ себѣ начала вражды и междоусобій, что была сравнительно съ Франціей и Италіей землею дикою и необразованною и по-

Digitized by Google

лучила начало единства государственнаго извнѣ, она очевидно должна была занять первое мѣсто между государствами Запада и быть преемницею державства Карла Великаго. Начало, завоевавшее ее, хотя и было въ формѣ чисто-дружинной, слѣд. какъ бы безнародной, происходило изъ нея же и поэтому находилось во внутренней гармоніи съ ея духомъ. Языкъ завоевателей разнился только діалектически съ языкомъ завоеванныхъ. Гордость отдѣльныхъ семей была оскорблена побѣдою союза семей Франкскихъ (что и повело къ борьбѣ), но гордость общаго племени была возвышена и напряжена. Такимъ образомъ, не смотря на дружинность и феодальность, уничтожающія возможность народнаго быта, нѣкоторыя силы народности сохранились и могли дѣйствовать въ языкѣ и чувствѣ одноплеменности. Возможно было слово: въ его возможности находилась возможность просвѣщенія словесности и поэзіи. Наконецъ отношенія церкви къ Германіи какъ къ государству были особенно выгодны. Еще недавно въ дѣлѣ Кельтской церкви боролась она съ мерами и принудила ихъ къ уступкѣ; но, побѣдивъ и потомъ помирившись съ ними, она сдѣлалась союзницею ихъ преемника, императора Карла. Распря между властями духовною и государственною была прекращена, духовенство облагодѣтельствовано императорами. Тогда началась новая эпоха. Въ старо-христіанскихъ земляхъ духовенство, не чувствуя нужды въ сильномъ покровительствѣ, приняло участіе въ спорахъ возникающаго феодализма съ государствомъ, становясь почти всегда и вездѣ (особенно при Благодушномъ Лудвигѣ, во Франціи) въ рядахъ возмутителей. Не такъ было въ Германіи, землѣ новообращенной и съ двухъ сторонъ сжатой народами языческими. Тутъ нужна была духовенству сила государства; тутъ нужно было ему покровительство противъ враговъ нѣшнихъ и внутреннихъ; тутъ служило оно вѣрно и ревностно королямъ и императорамъ, и имена многихъ епископовъ блестятъ наравнѣ съ именами самихъ государей въ исторіи созиданія Германскаго государства. Таковы причины, почему изъ трехъ отдѣленій Имперіи Германія предупредила своимъ развитіемъ остальныя и сдѣлалась преемницею Франкскаго первенства.

Digitized by Google

Исторія до сихъ поръ разсказываетъ этотъ фактъ, но не потрудилась надъ его объясненіемъ.

Бѣдственны были для западной Европы первыя времена распаденія имперіи Карла Великаго. Сила Мусульманская, распавшаяся, но еще не истощенная и временно даже получившая мѣстное напряженіе отъ возникшихъ новыхъ мѣстныхъ центровъ, налегала на Югъ Италіи и грозила даже Франціи. Вырвавшееся на волю удальство Скандинавскихъ моряковъ, до тѣхъ поръ очевидно подавленное самостоятельностію Саксонскихъ племенъ и вѣроятно преобладаніе чуждаго, менѣе воинственнаго начала въ самой Скандинавіи (до Бравалльской битвы), бросало тысячи смѣлыхъ разбойническихъ судовъ на всѣ сѣверныя и западныя берега распавшаго царства. Гибельнѣе же всѣхъ внѣшнихъ бѣдствій было бѣдствіе безперерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Отъ этихъ-то раздоровъ дѣлались возможными нашествія внѣшнихъ враговъ. Сила Магометанъ-африканъ не была бы въ состояніи бороться съ ополченіемъ Романскихъ народовъ (Франціи и Италіи), а смѣлые наѣздники моря, корабли Норманскихъ разбойниковъ, были бы легко отражаемы правильною береговою стражею, и самое гнѣздо ихъ, Данія, не могло бы укрыть ихъ отъ преслѣдованія. Всякій отпоръ внѣшнему врагу былъ невозможенъ при распаденіи имперской державы. Западная и особенно сѣверная Франція были опустошены. Норманны, вездѣ побѣдители, присоединяли къ своимъ немногочисленнымъ дружинамъ тысячи бѣглецовъ и раззоренныхъ жителей опустошенныхъ береговъ.

Отъ того-то эти ничтожныя ополченія являются часто двадцати и сорока-тысячными войсками. На это обстоятельство, кажется, слишкомъ мало обращали вниманія. Безспорно главные вожди и, такъ сказать, сердцевина дружины, были Скандинавскіе, но очевидно не вся дружина. Истина объясняется отчасти именами дворянскихъ родовъ въ Нормандіи и скорою утратою языка Скандинавскаго въ земляхъ, завоеванныхъ Скандинавами.

Digitized by Google

Изъ грабителей Норманны скоро сдѣлались завоевателями во Франціи, но не скоро еще могли они утвердиться въ новыхъ областяхъ. Между тѣмъ они проникали отдѣльными эскадрами далеко на Югъ, долго гнѣздились около устьевъ Гаронны, грабили бѣдный Сѣверъ Испаніи и являлись даже въ Средиземное море, ужасая мужествомъ и свирѣпостію области давно уже знакомыя съ мужествомъ и свирѣпостію. Самый замѣчательный изъ ихъ набѣговъ не по послѣдствіямъ, которыя были ничтожны, но по историческому намеку, былъ безъ сомнѣнія погромъ береговъ Испаніи и устьевъ *Тага*. Тутъ Мавры узнали и передали вѣкамъ имя желѣзныхъ витязей,— *Руссовъ*, имя, которому суждено было сдѣлаться такимъ великимъ въ послѣдующихъ судьбахъ міра.

Если сообразимъ начало морскихъ разбоевъ Норманскихъ, колоніи ихъ бѣглецовъ на сѣверномъ берегу Германіи и на Вендскомъ прибрежіи и начало Рюрикова княженія съ великою эпохою Бравалльской битвы, то по необходимости приходимъ къ тому заключенію, что разбои начались отъ побѣжденной и изгнанной стихіи, къ которой, разумѣется, примѣшивалось немало и мѣстной, увлеченной вслѣдъ за нею. Тогда объясняется и имя *Варягъ*, являющееся въ многихъ нарѣчіяхъ Германскихъ (простѣйшая форма едва ли не *варгъ*) въ смыслѣ изгнанника и слѣд. соотвѣтствующіе Итальянскому *bandito*, не понятое ни Греками, ни Несторомъ и случайно являющееся у западныхъ анналистовъ, которымъ тѣже удальцы были извѣстны подъ другими именами. Съ другой стороны разсказъ о Бравалльской битвѣ, не смотря на противорѣчія въ разныхъ источникахъ, всегда согласенъ въ одномъ обстоятельствѣ: побѣжденный царь Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Инглинговъ, т. е. рода Фреева (Ванскаго), преемникъ, правда, незаконный, но находящійся въ нѣкоторой связи съ ними и по крайней мѣрѣ очевидно не выходящій изъ той же системы народной. Эта система опредѣляется двумя обстоятельствами: принадлежностію Инглинговъ къ роду Вассовъ съ одной стороны, а съ другой составомъ войскъ побѣжденнаго Гаральда изъ Вендовъ, Гунновъ и людей Гардарика. Итакъ побѣжденная стихія была стихіею Славянской. Добросовѣстная

Digitized by Google

критика не допускаетъ тутъ никакого сомнѣнія. Вслѣдъ за пораженіемъ и бѣгствомъ побѣжденныхъ является на всѣхъ моряхъ и на берегахъ ближайшихъ къ Скандинавіи имя, котораго Скандинавія позднѣйшая уже не знаетъ, но которое по старой памяти дается ей Финнами до нашихъ дней, имя *Русь*. Это имя принадлежитъ очевидно той же изгнанной Славянской стихіи. Дѣйствительно имя Русь во многихъ мѣстахъ сопровождаетъ Славянское племя: оно находится по всѣмъ примѣтамъ въ прямой связи съ вѣтвію Антовъ. Такъ на Югѣ Франціи земля Русильонъ составляетъ оконечность полосы, въ которой корень *Антъ* служитъ основою многихъ городовыхъ именъ (напр. древній *Антіумъ*, Антибъ и др); такъ имя *Русиновъ* или *Руснаковъ* въ Карпатскихъ горахъ обозначаетъ ту самую мѣстность, которую писатели V-го и VI-го вѣка считаютъ жилищемъ Антовъ; такъ около устьевъ Волги, около Кавказа и Чернаго моря, слово *Русь* отзывается у писателей Аравійскихъ и Византійцевъ, между тѣмъ какъ мѣстныя преданія Кавказа помнятъ богатырей Антовъ; такъ въ сказаніяхъ Германскихъ о погибели рода Эрманарикова тѣже бѣдствія или таже измѣна приписываются двумъ братьямъ изъ племени Антовъ и двумъ братьямъ Росманамъ, т. е. изъ племени *Русь*; такъ, наконецъ, первая война между Гуннами и Готами приписывается Іорнандомъ убіенію Гетами Антскаго князя *Боксы*; пѣсни и преданія Кавказа разсказываютъ о томъ же убіеніи князя Боксы *Гутами* и о томъ, что по его имени рѣка Альтуда названа *Боксаною*. Эти преданія возводятся до несомнѣнности Греческою надписью на скалѣ на берегахъ Боксаны надъ прахомъ Антскаго князя (имени нѣтъ) сына Давова (по моему чтенію Давидова). Теперь эта самая земля, которой Антское имя несомнѣнно по надписи и преданію, называется жителями Кавказа *Урусъ* или *Урускія* (общая форма слова Русь на Востокѣ). Такимъ образомъ тождество двухъ названій *Антъ* и *Русь* дѣлается яснымъ для добросовѣстной критики: объясняется присутствіе имени Русь въ стихіи (Славянской) изгнанной изъ Скандинавіи, прекращается споръ о происхожденіи Руси съ Юга или Сѣвера; причины почему южная Русь (въ которой жили Анты Кавказа и Карпатовъ) называлась у лѣтописцевъ Русью по преимуществу, дѣлаются понятными; открывается корень слова *Русакъ* (степной заяцъ, очевидно не

Digitized by Google

отъ шерсти) и начало государства Русскаго (Рюрикова) является въ новомъ, болѣе разумномъ свѣтѣ. Самое имя *Русь* по сходству съ словами *ручей*, *ряса* (болотная рѣка по мѣстному Рязанскому наречію) и по присутствію своему какъ корень въ словѣ *русло* (какъ *горло*, *жорло*, *мыдло* и пр.) даетъ явный смыслъ *воды*, *водяно*, народа прирѣчнаго или приморскаго, мореходнаго, какъ онъ и является въ исторіи IX, X и XI вѣковъ, поклоняющагося водамъ и живущаго въ водѣ такъ же свободно какъ на сухомъ пути, что̀ свидѣтельствуютъ Византійцы V-го вѣка объ Антахъ и Славянахъ вообще. Изъ этаго, разумѣется, не слѣдуетъ заключать, чтобы въ выходцахъ Скандинавскихъ стихія Славянская сохранилась въ чистотѣ или языкъ ихъ былъ языкомъ Славянскимъ. Такое предположеніе было бы явною нелѣпостію послѣ десятивѣковаго пребыванія и многовѣковаго властвованія этой Славянской вѣтви въ Скандинавіи. Имя семейное, древнія преданія, нѣкоторые обычаи, сочувствіе и союзы съ Славянскимъ материкомъ сохранялись; отъ языка могли и должны были сохраниться только обломки, вкрапленные въ мѣстное нарѣчіе, что̀ уже и показано выше въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *сарж* (сорока), *міольниръ* (молнія) и др. Также нелѣпо было предполагать, что всѣ Норманны принадлежали изгнанной стихіи. Путь былъ открытъ, примѣръ указанъ. По тому же примѣру и въ тотъ же путь устремился всѣ удальцы воинственной Скандинавіи, и богатыри, сражавшіеся ожесточенно на родинѣ, дружились въ грабежѣ чужихъ береговъ.

Норманнамъ въ Германіи не такъ посчастливилось какъ во Франціи. Не смотря на близость родины и на первоначальный успѣхъ, они вскорѣ потерпѣли такое рѣшительное пораженіе, что имъ не приходило уже въ голову искать завоеваній и осѣдлости въ землѣ, населенной воинственнымъ народомъ. Неудача ихъ объясняется легко характеромъ прибережья Балтики, Фризонскаго племени и Саксовъ. Прибережная страна долго давала отпоръ всѣмъ силамъ феодальства въ его полномъ развитіи; а Саксы, сломленные Карломъ и подведенные подъ условія Франкской системы (очевидно не безъ измѣны высшихъ родовъ, понявшихъ выгоду дружиннаго устройства) сохраняли

Digitized by Google

еще всю свою энергію, доказанную впослѣдствіи первенствомъ ихъ въ судьбахъ имперской Германіи. Тутъ Норманны не встрѣчали ни безсмысленныхъ илотовъ, ни нищихъ союзниковъ, какъ въ Галло-романскомъ населеніи большей части Франціи, и были отбиты навсегда. Но Германіи грозила другая, гораздо бо́льшая опасность. Славянскіе народы, давно уже успокоившіеся и отвыкшіе отъ наступательной войны, тратившіе силы своихъ мелкихъ и вообще мирныхъ общинъ на частныя распри и междоусобія (болѣе похожія на семейныя ссоры, чѣмъ на историческія происшествія), были отчасти пробуждены напоромъ Меровейцевъ, которымъ они дали довольно счастливый отпоръ, и наконецъ вызваны къ условіямъ совокупнаго дѣйствія и слѣдовательно государственной жизни завоевательнымъ духомъ новой Западной Имперіи. Мелкія общины стали срастаться въ союзы, еще рыхлые, но уже выказывающіе нѣкоторый успѣхъ въ историческомъ развитіи.

Быть можетъ, каждый подобный успѣхъ сопровождается утратами лучшихъ человѣческихъ достояній; но такова до сихъ поръ вездѣ историческая необходимость, и не должно забывать, что тамъ, гдѣ утрата невольна и происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ, тамъ она неполна и можетъ быть вознаграждена будущими вѣками. Сѣмена глохнутъ и засыпаютъ, но не гибнутъ. Онѣ гибнутъ тамъ, гдѣ порча происходитъ изнутри и обусловливается свободнымъ развитіемъ самаго народа.

За союзами послѣдовало возникновеніе сильныхъ центровъ. На Сѣверѣ они приняли болѣе религіозный, на Югѣ болѣе политическій характеръ. Въ этихъ центрахъ стали выказываться великія дотолѣ не предполагаемыя силы. Борьба, начатая съ отчаяніемъ и съ постояннымъ неуспѣхомъ (это видно изъ продолжительнаго расширенія Карловой державы на Востокѣ, даже при его слабыхъ преемникахъ) стала ровнѣе. Отпоръ Славянъ былъ часто удаченъ. Пріобрѣталась опытность, духъ возвышался, гордость народовъ пробуждалась, вѣсть о побѣдѣ переходила отъ общины къ общинѣ, слагались пѣсни торже-

Digitized by Google

ственныя, важныя для современниковъ, не совсѣмъ безплодныя для потомства.

Такова пѣснь о Славоѣ, Забоѣ и Людекѣ (Людвигѣ побѣжденномъ Чехами). Сомнѣнія въ подлинности рукописи кажутся мнѣ вовсе неосновательными. Языкъ носитъ на себѣ характеръ древности, и многіе обычаи, не совсѣмъ похвальные (какъ напр. множество) едва ли бы нашли мѣсто въ подлогѣ. Впрочемъ этотъ вопросъ не имѣетъ большой исторической важности. Вообще должно замѣтить, что имперія Карла подѣйствовала на Славянъ, такъ же какъ Римъ на Германцевъ и отчасти на Славянъ При-дунайскихъ (Гетовъ и Даковъ), такъ же какъ Китай на племена Средне-азійскія и такъ же какъ въ глубочайшей древности напоръ Кушитовъ на Иранскія семьи.

Самый сильный центръ возникъ у Карпатскихъ горъ. Область богатая, издревле торговая и слѣд. не чуждая просвѣщенію, населенная народомъ мужественнымъ и отчасти даже воинственнымъ (ибо таковъ былъ характеръ Антовъ), испытанная многими тяжкими борьбами съ Аварами, которыхъ сила была сокрушена При-карпатскими Славянами, еще прежде съ Германскими, дружинами во время переселенія народовъ и еще ранѣе съ тѣми же Германцами во время Маркоманскаго царства, и въ тоже время съ Римлянами (ибо часть народовъ При-карпатскихъ входила въ составъ Дакскаго союза, и безспорно побѣжденные остатки Даковъ удалились въ горы), крѣпкая по мѣстности, представляющей сильные преграды нашествію врага, богатая плодами земли, ибо въ ея составъ входили неистощимыя равнины Венгріи и Галиціи; наконецъ готовая къ новой высшей духовной жизни и принявшая ея зачатки отъ проповѣдниковъ восточныхъ, принесшихъ съ вѣрою письменность, развитіе народнаго слова и, разумѣется, также развитіе общественной жизни.

Вообще трудно отыскать начало отдѣльныхъ народовъ Славянскихъ; но пѣсни, свидѣтельствующія о приходѣ Чеховъ въ ихъ теперешнія жилища, доказываютъ, что по крайней мѣрѣ часть ны-

Digitized by Google

нѣшняго народонаселенія въ Чехіи переселилась не въ весьма глубокой древности. Этаго населенія нельзя отнести къ эпохѣ Гунской, когда произошло послѣднее движеніе Славянъ съ Востока; ибо характеръ языка носитъ на себѣ признаки Западно-славянскихъ вѣтвей, жившихъ издревлѣ въ Европѣ. По всей вѣроятности эти переселенцы были пришельцы съ береговъ Дуная и изъ Паннонін и Иллиріи, гдѣ они участвовали въ великой борьбѣ Даковъ и Паннонцевъ съ Римомъ отъ Августа до Трояна. Самое имя Чеховъ неизвѣстно древней исторіи; но было ли бы оно извѣстно и теперь, если бы не сами Славяне сказали его міру? Иноземцы знаютъ Чеховъ подъ именемъ Богемцевъ. Тоже самое могло быть и въ древности. При ясномъ разумѣніи движенія южныхъ Славянъ на Сѣверъ во время Римской силы и ранѣе еще, во время нашествія *Влаховъ* (*Гаэлахъ*, Галловъ) на нижній Дунай, Иллирію и При-карпатію, позволительно искать имя Чеховъ въ сильномъ народѣ *Чихиновъ* (Сигины) извѣстныхъ Геродоту и съ тѣхъ поръ забытыхъ исторіею. Впрочемъ откуда ни пришли новые переселенцы, безспорно нашли они ни берегахъ Влатавы и истокахъ Лабы Славянское населеніе, порабощенное нѣкогда Галлами, а потомъ отчасти Германцами, съ которыми они сроднились по своему коренному племенному родству.

Велико-моравскій центръ, образовавъ могучее царство, составилъ важную эпоху въ жизни Славянскихъ народовъ. Борьба съ Германцами приняла новое значеніе. Распадающаяся Германія слабѣла. Славяне крѣпли. Война оборонительная и почти безнадежная перешла въ наступательную. Побѣда, не смотря на мужество Германскихъ государей (потомковъ Карла) и на временные успѣхи ихъ, клонилась въ пользу Славянъ.

Это видно изъ разсказовъ Германскихъ лѣтописцевъ, не смотря на естественное пристрастіе ихъ къ своимъ землякамъ.

Блистательныя историческія имена стали появляться между Славянскими вождями: таково въ особенности имя грозы Германцевъ Святополка или Святовлада (ибо его называютъ Sven-

Digitized by Google

tibaldus). Предѣлы области Славянской, долго сжимавшіеся отъ напора Германцевъ, стали значительно расширяться. Успѣхъ южныхъ братій отозвался и на Сѣверѣ. Мало-по-малу общины сѣверныя стали освобождаться отъ ига чужеземнаго и отодвигать своихъ враговъ. Опасность, угрожавшая Славянамъ, стала угрожать Германіи, уже съ трудомъ отбивавшей ихъ напоръ. Прежнее презрѣніе замѣнилось чувствомъ равенства и уваженія.

Это доказывается ясно принятіемъ Славянскихъ именъ (напр. сынъ императора Арнульфа, бывшій нѣсколько времени герцогомъ Лотарингскимъ, назывался Святоплукомъ), союзами герцоговъ Германскихъ съ княжескими Славянскими родами (одинъ изъ этихъ союзовъ положилъ начало роду Бабенберговъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи было столько императоровъ) и многими другими признаками въ современныхъ лѣтописцахъ и въ ихъ разсказахъ объ отношеніи двухъ народовъ другъ къ другу.

Но этой счастливой эпохѣ не суждено было продлиться. Война, какъ постоянное наступленіе, какъ завоеваніе, не была въ Славянскомъ духѣ; самый центръ Велико-моравскій не былъ еще довольно значителенъ для основанія великой державы: ибо Славянскій народъ по своему характеру не способенъ обратиться въ дружину. Правда, этотъ центръ могъ найти еще точки опоры въ окружающихъ его племенахъ, Сербскомъ, Хорватскомъ, Ляхскомъ и даже Велико-вендскомъ (въ послѣдствіи Велико-русскомъ): разницы нарѣчій хотя уже существовали, но были еще незначительны и рѣдки (это видно изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ и составляетъ рѣзкую противоположность съ разрозненностью нарѣчій Германскихъ), но такая опора была ненадежна. Южные Славяне принадлежали вполнѣ всею жизнію своею системѣ Византійской исторіи, сѣверные (Ляхи) стремились составить свой отдѣльный центръ, а восточные были еще совершенно чужды потребностямъ политической жизни, хотя и имѣли у себя довольно сильное развитіе семейно-общественной жизни. Такимъ

Digitized by Google

образомъ можно сомнѣваться, были ли въ Велико-моравскомъ центрѣ вещественные зародыши великой государственной силы. Еще болѣе можно сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ въ себѣ нравственныя основы, достойныя того великаго дѣла, на которое онъ казался призваннымъ. Первыя княжескія имена являются въ распряхъ и междоусобіяхъ, свидѣтельствующихъ не только о весьма слабомъ составѣ общественномъ, но и о неуваженіи къ началу семейному. Возстанія сына противъ отца, племянника противъ роднаго дяди, раздоры безнравственные и безразсудные: таковы первыя происшествія краткой лѣтописи великаго Моравскаго царства. Введеніе Христіанства сопровождается безпрестанными и, кажется, не совсѣмъ добросовѣстными переходами народныхъ начальниковъ отъ церкви Греческой къ проповѣди Латинской и обратно. (Впрочемъ эта шаткость вѣроятно зависѣла отъ неяснаго пониманія церковнаго ученія и слѣд. не можетъ быть предметомъ слишкомъ строгаго обвиненія, хотя и не можетъ быть извиненною вполнѣ). Самыя отношенія этого перваго Славянскаго центра къ Германіи были очевидно таковы, что продолжительная борьба была невозможна. Велико-моравскіе государи даже во время побѣдъ своихъ не могутъ оторваться отъ Германской системы. Какая-то умственная и духовная зависимость видна въ томъ, что они безпрестанно порываются принимать неразумное участіе во внутреннихъ дѣлахъ западнаго, Германскаго міра, въ выборѣ и престолонаслѣдствѣ послѣднихъ Карловинговъ, въ ихъ семейныхъ спорахъ, въ ихъ походахъ по Германіи и Италіи, наконецъ во всей тревожной дѣятельности своихъ бурныхъ сосѣдей. Конечно, Святополкъ въ продолженіи нѣкотораго времени является едвали не рѣшителемъ судебъ Германской имперіи, и его воинская слава гремитъ по всей средней Европѣ; но за то всякая война дѣлаетъ его снова плѣнникомъ или по крайней мѣрѣ подручнымъ союзникомъ императора. Добросовѣстная критика не находитъ никакихъ признаковъ истинной самостоятельности въ исторіи Моравскаго царства, а основаніе долговѣчнаго и историческаго Славянскаго государства было невозможно безъ этой самостоя-

Digitized by Google

тельности, безъ полнаго и совершеннаго разрыва съ міромъ Германскимъ, безъ развитія своихъ независимыхъ духовныхъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми духовными началами, которыя были свойственны Германіи и которыя она проявляла и развивала въ теченіи столькихъ вѣковъ. Таковы причины паденія великой Моравіи, а не случайное нападеніе весьма несильной орды Финно-турецкихъ Уйгуровъ, какъ вообще полагаютъ.

Мадьяры.

Ложное мнѣніе историковъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Германскіе писатели охотно преувеличиваютъ силу Венгерскихъ полчищъ, чтобы скрыть слабость и стыдъ Германскаго міра, такъ долго страдавшаго отъ нихъ. Славянскіе находятъ менѣе стыда во внѣшнихъ причинахъ паденія, чѣмъ во внутреннихъ; и тѣ, и другіе охотно останавливаются на вещественной сторонѣ исторіи и не чувствуютъ всей важности ея духовной стороны. Для историка безпристрастнаго и понимающаго логическій ходъ мысленнаго развитія ясно, что держава Славянская, возстающая на самой границѣ огромнаго Германо-романскаго міра, должна была ему подчиниться въ вещественномъ и политическомъ отношеніи, если она не умѣла сохранить полной духовной свободы. Проповѣдь христіанская проникла въ Моравію съ двухъ сторонъ почти въ одно время; съ Латинскаго Запада и Византійскаго Востока; но значеніе ученія являлось въ двухъ различныхъ видахъ. Западная проповѣдь была іерархическая и отчасти политическая, восточная была народная и духовная. Западъ требовалъ покорности своимъ властямъ и своимъ началамъ; онъ былъ поработителемъ и въ замѣнъ непонимаемаго Христіанства и обѣщаемыхъ благъ загробныхъ налагалъ вещественное иго на новообращаемыя племена Славянъ. Востокъ приносилъ свѣтъ духовный, пониманіе вѣры и мысленную свободу, не требуя отъ новообращенныхъ ничего кромѣ ихъ собственнаго улучшенія. Таковъ явный выводъ изо всей дѣятельности великихъ тружениковъ Христіанства, Кирилла и Меѳодія, когда ее сравниваемъ

Digitized by Google

съ дѣятельностью Германскихъ проповѣдниковъ, и изо всего спора Меѳодія и учениковъ его съ высшимъ духовенствомъ Германскимъ. Очевидно, народъ былъ почти весь на сторонѣ Византійскихъ учителей, и побѣда должна была остаться за ними. Римскій дворъ предупредилъ опасность. Преемники Николая, не успѣвшаго кончить дѣло, приняли народно-Славянскую проповѣдь, Церковно-славянскій языкъ и самостоятельность Славянскихъ эпархій подъ свое покровительство или по хитрому расчету, предпочитающему уступку совершенному разрыву, или съ намѣреніемъ не допустить излишняго усиленія Германскаго духовенства, котораго покорность была не совсѣмъ еще вѣрна, или можетъ быть по началамъ и побужденіямъ болѣе возвышеннымъ и христіанскимъ: ибо въ самомъ Римѣ не успѣлъ еще развиться папизмъ въ смыслѣ опредѣленной и вполнѣ сознательной системы. (Его логическое развитіе было впереди). Но при всей склонности народа, отчасти и самыхъ правителей, къ ученію Византійскому и къ его народнымъ формамъ очевидно и Латинская проповѣдь была не безъ послѣдователей. Границы языческаго міра давно уже не могли сохранять неприкосновенность язычества: Христіанство проникло съ Запада въ область Славянскую гораздо прежде того времени, къ которому свидѣтельства письменныя относятъ начало обращенія. Люди уже обращенные проповѣдью западною и дѣти ихъ оставались вѣрными направленію ими принятому. Съ другой стороны высшіе и богатѣйшіе семьи и роды, въ которыхъ уже таились зародыши аристократіи, склонялись по безсознательному влеченію къ аристократическому направленію папизма. Западная церковь въ противоположность духовному и народному ученію Востока являлась въ сопровожденіи цѣлаго политическаго устройства, соблазнительнаго для многихъ и временно, можетъ быть, почти необходимаго для всѣхъ; наконецъ, сношенія съ Западомъ были постояннѣе и чаще; общеніе житейское влекло за собою и ученіе духовное тѣмъ болѣе, что самая церковь Восточная не вполнѣ еще сознавала отпаденіе Запада. Такимъ образомъ даже въ великой Моравіи церковь Латинская была весьма сильна, не смо-

Digitized by Google

тря на рѣшительный перевѣсъ Византійской. Еще сильнѣе было начало Латинское въ западной половинѣ царства Святополкова, въ Чехіи, управляемой древнимъ родомъ Премысловичей и присоединенной къ Моравіи не задолго до нашествія Уйгуровъ; а начало Латинское въ церкви вездѣ сопровождалось Латино-германскимъ началомъ въ жизни, началомъ враждебнымъ жизни Славянской и убійственнымъ для нея: ибо (какъ уже сказано) всякая вѣра обнимаетъ весь духъ человѣка и общества, а не ограничивается какою-нибудь долею мысленной области въ лицѣ или народѣ.

Великая Моравія была разъединена внутри себя. Ея внѣшняя дѣятельность вслѣдствіе историческихъ отношеній прежней эпохи была обращена на Западъ; она не умѣла и не думала искать опоры и родной почвы на Востокѣ, а опора на Западѣ была ничтожна, почва ненадежна и даже враждебна.

Этому положенію служитъ исключеніемъ почти единственнымъ завоеваніе При-карпатскаго Галича, котораго предѣлы очень неопредѣленны, и нѣкоторое расширеніе на Юго-востокъ въ равнинахъ полупустынной Паннонiи (теперешней Венгріи).

Держава не могла быть долговѣчною.

Дѣйствительно она не простояла и столѣтія. Основатель ея Моймиръ является въ первой четверти IX вѣка; послѣдній ея владыко, Моймиръ же, исчезаетъ изъ исторіи вмѣстѣ съ своимъ царствомъ около 907-го года. Не слабая орда Уйгуровъ-Мадьяръ разрушила Моравію. Призванная на помощь императоромъ Арнульфомъ противъ грозы Святополкова оружія, не много послужила она своему неосторожному союзнику, претерпѣла сама нѣсколько пораженій и была бы снова принуждена или удалиться въ восточныя пустыни или ограничиться весьма небольшою областію около Дуная и Карпатовъ, когда умеръ Святополкъ. Царство, не имѣвшее внутренней жизни, держалось только духомъ великаго владыки. Послѣ него возникъ раздоръ семейный. Чехія отдѣлилась подъ начальствомъ двухъ Премысловичей, чтобы начать многовѣковую страдальческую борьбу противъ ига чуждыхъ началъ духовныхъ и

Digitized by Google

вещественныхъ, безъ надежды на побѣду и безъ возможности побѣды, но не безъ славы (ибо ей суждено было произвести Гуса, Жижку и Подибрада). Тогда уже Уйгуры-Мадьяры захватили почти безъ сопротивленія всю прекрасную страну при Дунаѣ и Тиссѣ, окрѣпли новымъ приливомъ родственныхъ племенъ, поразили ополченіе слабой Германіи и стерли царство Моравское съ лица земли.

Слабость Моравіи явна и доказана самымъ ея паденіемъ; но въ ней, можетъ быть, заключалась истинная опасность для Германіи. Если бы успокоенная на время владыками сильными и разумными и продолжая святой трудъ Солунскихъ апостоловъ (Кирилла и Меѳодія), она пронесла проповѣдь свободнаго Христіанства и церкви народной (разумѣется связанной съ великою церковью Востока) на Сѣверъ по берегамъ Лабы и Одера до Балтійскаго поморья, она могла бы возрасти въ державу великую, самобытную и грозную для западнаго міра. Повидимому это было возможно, хотя духовное двуначаліе не легко побѣждается. Какъ бы то ни было, съ паденіемъ Моравіи опасность миновалась, и Венгры, заступившіе мѣсто Моравцевъ, могли быть, и дѣйствительно были, бѣдствіемъ временнымъ, требовавшимъ отпора и, слѣд., скрѣплявшимъ Германію, но не истинною опасностью для нея.

Въ общемъ обзорѣ всемірной исторіи Венгры почти не занимаютъ да и не заслуживаютъ мѣста. Ихъ значеніе чисто-вещественное не представляетъ ни развитія, ни даже зародыша какого-нибудь духовнаго начала. Составляя часть христіанскаго міра, они не стали ни въ какомъ отношеніи выше своихъ Средне-азійскихъ земляковъ Турокъ, съ которыми имъ предопредѣлено было впослѣдствіи выдерживать долгую и неровную борьбу. Дѣйствіе отрицательное на судьбу Славянскихъ народовъ: таково, повидимому, единственное призваніе Венгерскаго племени, единственной Средне-азійской стихіи, врѣзавшейся глубоко въ сердце Индо-европейскихъ племенъ. Впрочемъ болѣе внимательное и безпристрастное изученіе этаго вопроса приводитъ къ иному заключенію. Венгерцы, т.-е. коренные Мадьяры, очевидно, въ продолженіе всей своей исто-

Digitized by Google

ріи дѣйствовали далеко не одними собственными силами. Половина ихъ ополченій состояла изъ Славянъ; многіе изъ ихъ лучшихъ полководцевъ были Славянской крови. Изъ этаго видно, что Венгерцы, поработители и враги Славянъ, имѣли отчасти значеніе первыхъ, грозныхъ Аваровъ; они отчасти сосредоточивали Славянскую силу. Тоже самое должно сказать и о сосѣдяхъ, временныхъ завоевателяхъ Венгріи, Оттоманскихъ Туркахъ.

Извѣстно, что съ самаго усиленія Турокъ въ Европѣ гораздо болѣе половины ихъ правителей и военачальниковъ (исключая царствующій родъ) и именно самые побѣдоносные и прославленные, были Славяне по происхожденія. Любопытна эта борьба окованныхъ Славянъ другъ противъ друга. Вспомнимъ Соколія и Ринія.

И такъ нашествіе Средне-Азійцевъ, не смотря на всѣ несказанные ужасы, сопровождающіе его, не смотря на многовѣковыя бѣдствія, которымъ оно подвергло Славянъ, было не совсѣмъ для нихъ безполезно. Можно даже сказать болѣе. Царство Велико-моравское не могло устоять долго вслѣдствіе своей внутренней духовной разъединности. Германія должна была окрѣпнуть и возвыситься. Грубая вещественная сила Мадьяра спасла часть Славянъ отъ германизаціи, также какъ грубая сила Турка, уничтоживъ Византію, спасла другую часть Славянъ отъ эллинизаціи. Сокровище духовное, возможность самобытной, духовной жизни, куплено вещественнымъ страданіемъ.

Очевидно, въ наше время Сербо-хорватская область и даже Словаки и Русины Венгерскіе здоровѣе и цѣльнѣе области Чехо-моравской, и не будь случайной охраны Мадьярской, При-дунайскіе, отчасти При-карпатскіе и Иллирійскіе Славяне подпали бы вѣроятно власти Германской и безъ сомнѣнія подпали бы соблазну Германскаго и Германо-романскаго духовнаго начала.

Венгры или Угры, между которыми первое мѣсто занимало племя Мадьярское, безъ сомнѣнія выходцы Средне-азійской

Digitized by Google

горной твердыни. Происхожденіе это доказывается ихъ языкомъ и засвидѣтельствовано ихъ именемъ. Финнскія и Турецкія начала, найденныя въ ихъ нарѣчіи учеными изслѣдователями, относятъ ихъ ясно къ переселенію Финно-турецкихъ племенъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Уйгуровъ (Китайскіе *Уейо* или *Чешу*). Имя это сохранилось у Вешгровъ въ чистотѣ и сдѣлалось ихъ собственнымъ, хотя оно принадлежало цѣлой системѣ или союзу народовъ, котораго они составляли весьма незначительную часть. Мѣсто ихъ исхода было въ сѣверной Россіи, въ землѣ, которая издавна была извѣстна подъ названіемъ Угріи, или Югріи или Югры. По ближайшему указанію свидѣтелей едва ли опровержимыхъ это мѣсто называлось землею Суздальскою. Прозваніе главнаго племени, Венгерскаго—Маджаровъ—сохранилось и до сихъ поръ во множествѣ урочищъ и деревень низовой стороны, гдѣ большія и малыя Маджары и Маджаровки и т. п. встрѣчаются весьма часто и гдѣ Мещера сохранила свою самобытность и племенное имя. Отношеніе ихъ къ другимъ племенами того же края было различно. Къ нимъ примыкали колѣна Финнскія древняго переселенія, народы тихіе и не воинственные, хотя не лишенные мужества, какъ извѣстно изъ исторіи Финляндіи, дававшей лучшіе полки великому Густаву-Адольфу и до сихъ поръ отличающейся искусствомъ и безстрашіемъ своихъ стрѣлковъ, также какъ и изъ борьбы Черемисовъ (выходцевъ изъ Мери) и Мордвы съ разлитіемъ Русской силы при Іоаннѣ IV и его преемникахъ.

Нѣкоторыя колѣна тѣхъ же Финновъ, древней отрасли (т.-е. ранѣе оторвавшейся отъ общаго Финно-турецкаго корня) были даже не чужды промыслу войны наступательной. Финны пиратствовали на Балтикѣ, и При-уральцы дѣлали разбойничьи набѣги на сосѣдей. Впрочемъ это исключенія, объясняемыя обстоятельствами и вѣроятно закономъ возмездія.

Кромѣ Финновъ чистыхъ, къ Уграмъ на Сѣверѣ примыкали другія еще болѣе имъ родственныя колѣна Финно-турецкія

Digitized by Google

(Уйгурскаго переселенія), далеко проникнувшія по При-волжью. Главное изъ нихъ было Уйгурское племя, властвовавшее въ то время въ землѣ древнихъ Славянскихъ Болгаръ и принявшее свое имя и вѣроятно торговое направленіе отъ покореннаго народа. Тутъ же были еще и остатки стараго прирѣчнаго населенія Славянскаго, остатки стараго Гунскаго казачества, уже перемѣшанные съ Уйгурскими пришельцами и подчиненные имъ, но не утратившіе еще вполнѣ своего отдѣльнаго существованія.

Таковъ смыслъ Китайскихъ свидѣтельствъ о преобладаніи дикихъ *Као-тзе* и *Туколо* въ области осѣдлыхъ народовъ на далекомъ Сѣверо-западѣ и еще яснѣйшее ихъ свидѣтельство о томъ, что земля *Веннама* (Вендовъ - Славянъ), нѣкогда подчиненная *Алан - ми* (Сарматамъ, Азо - Аланамъ) подпала власти *Чешу* (Уйгуровъ). Нѣтъ сомнѣнія, что стихія Славянская уже была весьма слаба и несвободна въ При - волжіи; но она не совсѣмъ еще исчезла. Царь Болгарскій назывался еще царемъ Славянскимъ (Саклабовъ). Не далеко отъ Болгаръ еще былъ (кажется, по свидѣтельству Ибнъ - Фоцлана) городъ Руссовъ (Анто - славянскій) *Хунай*, слѣд. въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Нѣмецкіе лѣтописцы ставятъ городъ *Хунабъ*, описанный ими въ видѣ цѣлой огражденной страны; наконецъ, когда Русь Рюриковская мало по малу начинаетъ расширяться на Сѣверо - востокѣ, она беретъ силою города, которыхъ основаніе нельзя приписать сѣвернымъ Финнамъ, никогда не бывшимъ градостроителями. Къ такимъ городамъ должно приписать Кострому. Ея мѣстность не входила въ предѣлы первой языческой Руси, Рюриковской. Приписать же ея построеніе Руси христіанской нельзя потому, что самое имя ея принадлежитъ язычеству, что̀ видно изъ народныхъ пѣсенъ, славящихъ вмѣстѣ *Кострому* и *Ярила*, боговъ языческихъ. Старыя торговыя мѣста, основанныя Сѣверо-восточными Славянами, были захвачены впослѣдствіи государствомъ Славяно-русскимъ и введены въ его составъ, иныя съ сохраненіемъ, другія, кажется, съ перемѣною прежняго имени.

Отношенія Угровъ-Маджаровъ (или Мадьяровъ) къ сосѣдямъ были вѣроятно не совсѣмъ дружелюбны. Это можно заключить

Digitized by Google

изъ характера самаго народа и изъ стремленія другихъ Уйгурскихъ племенъ (напр. Болгаръ) къ распространенію своей области. Мадьяры были выдвинуты изъ своего сѣвернаго становища, земли Суздальской, или изъ земли лежащей на Сѣверовостокѣ отъ нея.

Сомнѣнія о томъ, было ли уже тогда имя Суздаль и земля Суздальская, довольно нелѣпы въ наше время, хотя они могли имѣть свою разумность въ первую эпоху исторической критики. Конечно въ нашихъ лѣтописяхъ Суздаль является гораздо позднѣе Ростова; но онъ является какъ древній самостоятельный городъ, а не какъ пригородъ, на правахъ равенства, если не старшинства съ Ростовомъ. Позднѣйшее его появленіе объясняется легко или тѣмъ, что онъ отчасти утратилъ свою значительность, или еще вѣроятнѣе тѣмъ, что онъ вошелъ въ систему Рюриковской Руси послѣ Ростова. Имя его носитъ на себѣ характеръ древнихъ именъ безъ ясной этимологіи; лѣтописи же Венгерскія, хотя и весьма недостовѣрныя, но все таки основанныя на преданіяхъ народныхъ, не имѣли никакой причины выдумать неизвѣстную землю Суздальскую, если бы имя этой земли не сохранялось въ народной памяти. Это имя дѣйствительно же было извѣстно на Западѣ не однимъ Мадьярамъ. Сказанія Скандинавовъ (весьма важныя въ отношеніи древняго Сѣвера) называютъ *Аттилу* (Этцеля) царемъ Суздальскимъ (*Сузатль* по *Вилькина-Сагѣ*). Критика, сбитая съ толку упрямой и дѣтской вѣрою въ уйгурство Гунновъ, не замѣтила этаго обстоятельства, какъ и многихъ другихъ (напр. того, что Гунны не Алтайскіе *Гіонъ-ну*, а При-аральскіе *Унао* Китайскихъ лѣтописей и географовъ, *Гуна* Индѣйцевъ). Древніе народы или народы, принявшіе свое знаніе отъ старожиловъ, часто не знаютъ новыхъ прославленныхъ именъ, а помнятъ старыя, забытыя или почти забытыя имена. Такъ Булгарская торговля не передала Арабамъ имени Новгорода, а дала имъ на удивленіе критиковъ имя *Алдоги* (Ладоги, *старой* Ладоги, вѣроятно матери новой Ладоги, новаго города, хотя и этотъ Новой Городъ уже извѣстенъ Іорнанду подъ именемъ *Новаго* и древнѣйшимъ пѣснямъ Скандинавовъ подъ именемъ *Неотунъ*, родины бога—*Ніордра*). Такъ и лѣтопись Мадьяр-

Digitized by Google

ская не знаетъ ни Ростова, ни Владимира, а знаетъ древнѣйшее имя Суздаля.

Изъ земли Суздальской двинулись Венгры на Югъ, и часть ихъ бродящей дружины, перешедъ Днѣпръ, проникла черезъ земли Полянъ и юго-восточныя области нынѣшней Россіи, взяла съ боя привольныя пастбища при Карпатахъ до Дуная. Другая часть, многочисленнѣйшая, спустилась на берега Дона и начала кочевать между нимъ и Волгою въ состояніи полусвободномъ, полузависимомъ отъ Казаръ. Къ ней примкнули, по обычаю Средне-азійскому, другія слабѣйшія орды или родовыя дружины, отдѣлившіяся отъ болѣе сильныхъ племенъ или союзовъ вслѣдствіе междоусобія или изъ желанія найти лучшее кочевье.

Такъ напр. отъ Казаровъ пристала къ Мадьярамъ часть *Кабаровъ*, которыхъ имя вѣроятно дало начало имени Кавказской *Кабарды*

Земля, временно занятая Мадьярами на Востокъ отъ Дона, называлась *Лебедія*, разумѣется не отъ какаго-то Мадьярскаго князька Лебеда, гостившаго въ ней нѣсколько лѣтъ (какъ разсказываютъ Мадьярскіе писатели), а отъ мѣстныхъ причинъ, не совсѣмъ доступныхъ критикѣ. Въ имени города *Лебедяни* на берегу Дона слышится отзывъ стараго областнаго названія; самое же названіе, по созвучію напоминающее и *Лыбедь* и *Лебедь* (любимый предметъ Русскихъ пѣсенъ) и множество Славянскихъ словъ и именъ, принадлежатъ безъ сомнѣнія древнѣйшей эпохи, когда Славянскія племена были еще полными хозяевами междурѣчія Волги и Дона.

Вѣроятнѣйшее начало имени Лебедія заключается въ словѣ *Бѣлый* (изъ котораго слово Беледь, по перестановкѣ буквъ *лебедь*, какъ *ладонь* отъ *долонь*, *бакалдина* отъ *колдобина* и другія). Въ продолженіе многихъ вѣковъ При-волжіе и земли лежащія между Волгою и Дономъ были населены народами, носившими прозвище Великихъ или Бѣлыхъ. Таковы *Саки*, *Гунны*, *Болгары древнѣйшіе*. Ихъ отдѣленія, переселявшіяся на Юго-западъ, принимали часто прозвище

Digitized by Google

Малыхъ или *Черныхъ*, оставляя своей родинѣ славу силы, блеска (бѣлизны). Такъ въ самой Руси имя Бѣло-Руссіи тождественно съ именемъ Великой Руси въ противоположность Мало-Россіи. Многовѣковое прозвище сдѣлалось принадлежностью области *Бѣлой* по преимуществу (*Бѣляди* или *Лебяди*).

Недолго кочевали Мадьяры въ При-донской *Лебядіи*. По стопамъ ихъ, или вѣроятнѣе по Заволжью и вдоль скатовъ Урала, двигалась съ Сѣвера другая, еще болѣе дикая кочевая дружина—Печенѣги.

Происхожденіе этого народа, вѣроятно разносоставнаго, составляетъ неразгаданную загадку, для разрѣшенія которой не осталось никакихъ данныхъ. Конечно совершенная гибель его уничтожаетъ важность его исторической дѣятельности, и отсутствіе всякихъ слѣдовъ доказываетъ, можетъ быть, рыхлость состава, въ которомъ не было ничего цѣльнаго и органическаго; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что уясненіе вопросовъ объ этихъ мелкихъ дружинахъ, временно прогремѣвшихъ по восточной Европѣ, было бы не безполезно для полнѣйшаго понятія о другихъ сильнѣйшихъ и уцѣлѣвшихъ дружинахъ и народахъ. Признаніе единства между *Канкамы* (Тюрко-Уйгурами) и Печенѣгами не основано ни на чемъ и не стоитъ возраженія; движеніе же Печенѣговъ (иначе *Бессовъ* или *Вессовъ*) по слѣдамъ Мадьяровъ наводитъ на мысль, что оно было однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ переселеніе дружинъ или союзовъ народныхъ изъ сѣверной Угры на Югъ. На Сѣверѣ же находимъ мы и имя сильнаго Финскаго племени *Веси*, совершенно соотвѣтствующее главной дружинѣ Печенѣговъ (*Бесси* или *Весси*), и многія созвучія самому названію *Печенѣговъ* (*Печора*, *Печенга* и др). Быть можетъ, въ позднѣйшихъ За-волжскихъ *Бессерменахъ* сохранялось прежнее имя *Бессермаа*, которому Славяне прибавили только окончаніе *не* (*Турки—Турчане*, *Нѣмцы-Нѣмчины* и т. д.). Одичаніе чисто-Финнской стихіи *Веси* въ продолжительномъ и боевомъ кочеваніи при смѣшеніи съ другими Финно-турецкими ордами не представляетъ ничего невѣроятнаго.

Digitized by Google

Не выдержали Мадьяры удара Печенѣговъ: разбитые на голову, они бѣжали на Югъ къ берегамъ Чернаго моря и кочевали нѣсколько времени по степямъ При-днѣстровскимъ, признавая надъ собою власть Казаровъ (какъ видно изъ свидѣтельства ихъ собственныхъ лѣтописцевъ). Печенѣги, которымъ грозили другія восточныя орды, слѣдовали за ними по пятамъ. Прорѣзавъ съ Запада область Казарскую и занявъ низовье Днѣпра, они отдѣлили Мадьяровъ отъ Казарскаго центра и откинули ихъ далѣе на Западъ въ нынѣшнюю Молдавію. Нѣсколько лѣтъ удаляющіеся Угры вели неравную борьбу съ сосѣдями, Болгарами, Печенѣгами, Сербами и даже Византійцами, то находясь съ ними во временныхъ союзахъ, то въ жестокой и нещадной войнѣ, то дѣлая набѣги на ихъ земли, то терпя жестокія наказанія въ своей собственной, особенно отъ Болгаръ и Печенѣговъ. Тѣснимые съ Востока и Юга, отбитые съ Запада силою царства Велико-моравскаго, они казались опредѣленными на погибель, не смотря на приглашенія и союзъ императора Арнульфа, когда умеръ Святополкъ. Междоусобія возгорѣлись въ Моравіи, оплотъ былъ прорванъ, и вся теперешняя Венгрія сдѣлалась въ концѣ IX-го вѣка и началѣ X-го добычею Мадьярскихъ дикарей.

Первый ихъ налетъ былъ ужасенъ, и едва ли какой-нибудь народъ превосходилъ ихъ въ свирѣпости, за исключеніемъ Аваровъ и Печенѣговъ. Славяне и Румуны (Волоки), жители роскошныхъ равнинъ древней Паннониі, погибли или бѣжали, кто въ лѣсистыя горы, кто въ непроходимыя болота. Широко и привольно расположился кочующій Мадьяръ на неистощимомъ богатствѣ пажитныхъ долинъ и гладкихъ, травянистыхъ степей.

Это нашествіе Мадьяровъ на Славянскую землю представляетъ въ маломъ видѣ повтореніе того, что происходило въ огромныхъ размѣрахъ слишкомъ за XX вѣковъ по всей средней Европѣ, когда Кельто-кимрійцы и Германцы выдвинули отовсюду Вендо-славянскія семьи и откинули ихъ или въ Альпійскія горы и Пиринейскія предгорія или въ приморскія болота на берегахъ Балтики и на устьяхъ Луары и Рейна. Замѣненіе старыхъ Славянскихъ имент

Digitized by Google

большей части городковъ и урочищъ именами Уйгурскаго нарѣчія, не смотря на близость Славянскихъ поселеній и на остатки народа, поступившаго въ рабство или тяжелое вассальство, объясняетъ полное исчезновеніе древне-Славянскихъ названій въ При-волжіи и въ степяхъ восточной Россіи, гдѣ гибель старожиловъ была гораздо полнѣе и совершеннѣе. Отрицательныя доказательства, взятыя изъ этаго обстоятельства, на которыхъ такъ спокойно и самодовольно отдыхаетъ старая критика, только слегка встревоженная глубокомысленною догадкою Венелина, не значатъ ничего передъ сравненіемъ группировки народныхъ и племенныхъ именъ и передъ безпристрастнымъ изученіемъ движенія этихъ группъ.

Ужасы, сопровождавшіе первое нашествіе Уйгурское, прекратились не вдругъ и даже не скоро; страданія Славянъ и Волоковъ были довольно продолжительны; борьба и сожительство съ дикарями дали характеръ дикости народамъ уже полуобразованнымъ и склоннымъ къ жизни мирной и кроткой. Но время совершило свою умирительную работу. Венгры обратили свою жадность и воинственное корыстолюбіе на Западъ. Побѣдители саморушившейся Моравіи, союзники неосторожной Германіи стали ее наказывать за безразсудное приглашеніе. Весь Югъ, вся средняя полоса и даже часть сѣверной Германіи запылали и были залиты кровью. Сѣверная Италія, берега Рейна, даже южная Франція страдали отъ неожиданныхъ и непостижимо быстрыхъ набѣговъ. Удалыя толпы наѣздниковъ Уйгурскихъ, недавно выгнанныхъ изъ При-волжія, разбойничали на Ронѣ и даже въ Пиринейскихъ долинахъ. Западная Европа дрожала и молилась. Германія молилась и откупалась богатою данью.

Необыкновенные и едва вѣроятные успѣхи Мадьяровъ, слабость отпора, оказаннаго имъ почти во всей западной Европѣ, общій страхъ, постоянная безнаказанность набѣговъ, не смотря на то, что они совершались во всякое время года и въ странахъ весьма неудобныхъ для движенія конницы, все указываетъ на ничтожность тогдашнихъ государствъ Европейскихъ, на слабость и рыхлость ихъ состава и на обманчивость той

Digitized by Google

военной славы, которою хвастливость новыхъ лѣтописцевъ окружила своихъ предковъ въ первыя времена Германской эпохи.

Въ противоположность этой хвастливой лжи можно поставить то гордое пренебреженіе, съ которымъ говорятъ писатели всѣхъ народовъ (не исключая и Русскихъ) о первой эпохѣ земли Русской и о среднихъ временахъ Византіи. Очевидно, что Половцы, побѣдители Печенѣговъ, прогнавшихъ Венгровъ изъ При-донской степи, были, какъ народъ или какъ союзъ народовъ, несравненно сильнѣе Мадьяровъ. Русь у нихъ была подъ бокомъ, открыта со всѣхъ сторонъ ихъ набѣгамъ, не защищена отъ нихъ никакими естественными или искусственными преградами, и за всѣмъ тѣмъ отпоръ они встрѣчали постоянный, почти всегда счастливый, и сами почти погибли, когда Мономахъ и его могущественный сынъ пронесли грозу своего оружія въ Заволжскія степи до Каспія и Урала. Что же касается до Византіи, отстоявшейся отъ враговъ истинно могучихъ, отъ всего напора сѣверныхъ племенъ и отъ восторженной силы Аравіи, то ея крѣпость кажется едва понятною въ сравненіи съ слабостью Германскихъ державъ западной Европы, дрожавшихъ передъ налетомъ немногочисленныхъ Венгерскихъ удальцовъ.

Побѣды Венгровъ и побѣды ихъ предшественниковъ Норманновъ взаимно объясняютъ другъ друга. И тѣ и другія служатъ объясненіемъ еще раньшихъ завоеваній Аравитянъ въ Испаніи и по берегамъ Средиземнаго моря. Всѣ вмѣстѣ указываютъ разумному читателю на мелочность началъ, управлявшихъ западною Европою, и явленій, которыя составляютъ ея исторію отъ паденія Римской имперіи до полнаго развитія папской и императорской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ нашествія Мадьяровъ были одинаково ничтожны. Толпы, налетавшія на сѣверную Италію, на берега Рейна и на Францію, были, конечно, весьма малочисленны и обязаны своимъ успѣхомъ только слабому сопротивленію туземцевъ; но Венгрія могла бросать и бросала ополченія довольно сильныя въ страны сопредѣльныя съ ней, и хотя стотысячное войско, уничтоженное на Лехѣ великимъ Оттономъ, было явленіемъ необы-

Digitized by Google

чайнымъ, за которымъ послѣдовало временное безсиліе, хотя многочисленныя дружины, пораженныя Птицеловомъ при Мерзебургѣ, были уже исключеніемъ изъ общихъ правилъ,—нельзя однакоже не признать, что Мадьяры являлись не разъ въ Германію не шайками, а цѣлыми, довольно значительными ордами. Усиленіе Мадьяровъ въ короткое время и въ землѣ, куда они вошли врагами и разорителями, показываетъ справедливость правила выше изложеннаго нами, что часто ничтожная дружина, бѣгущая предъ другою ничтожною дружиною (какъ Венгры предъ Печенѣгами) развиваетъ мгновенно неожиданныя силы въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ. Причины этаго явленія были уже изложены. Въ первой же исторіи Венгріи нельзя не признать, что такъ называемыя ополченія Мадьярскія, нападавшія на среднюю и западную Европу, были составлены изъ разнородныхъ стихій, изъ которыхъ большая часть нисколько не принадлежала племени Мадьярскому. Развалины царства Велико-моравскаго, Румуны и въ особенности Славяне составляли въ войскѣ Мадьярскомъ едва ли не бо́льшую численную половину, точно также какъ тѣже самыя стихіи составляли главную часть силы Аварской въ прежніе вѣка. Быть можетъ, этому преобладанію народности Славянской должно приписать обстоятельство, весьма ясно выступающее изъ разсказовъ лѣтописцевъ и пропущенное безъ вниманія историками, именно то, что ближайшіе сосѣди Венгровъ, Славяне Богемскіе, За-карпатскіе, Днѣстровскіе и Дунайскіе находились по большей части съ Мадьярами въ обычныхъ отношеніяхъ сосѣдства того времени, иногда въ дружбѣ, иногда во враждѣ, но никогда не были подвержены постояннымъ набѣгамъ, какъ области Германскія.

Только тотъ, кто понимаетъ исторію Венгріи, какъ исторію земли безъ народности, можетъ понять происшествія нашего времени и смыслъ такъ называемой Венгерской революціи. Она была не что иное, какъ безразсудная попытка утвердить первенство и правительственную власть за народностью Мадьярскою, и эту попытку начали не усатые потомки Арпада, а близорукая политика и слѣпая

Digitized by Google

ненависть къ Славянамъ Нѣмецкаго министра, долго пользовавшагося незаслуженною славою и оправдавшаго весьма заслуженнымъ паденіемъ святыню нравственныхъ законовъ въ исторіи.

Паденіе Велико-моравскаго царства было, какъ уже сказано, обусловлено внутреннимъ его раздвоеніемъ, раздвоеніемъ въ строго-религіозномъ отношеніи (ибо оно столько же принадлежало Восточной, сколько и Западной церкви) и раздвоеніемъ въ отношеніи политическомъ (ибо въ немъ боролись начала аристократизма, или лучше сказать, дружинности Германской, шедшія, какъ зараза, вслѣдъ за духовенствомъ Римскимъ, и начала чисто-Славянской общины). Государство не могло устоять. Соблазнъ Западнаго міра былъ слишкомъ силенъ и слишкомъ близокъ: чистая духовная идея и кроткая сила общины (идея также религіозная) не могла восторжествовать надъ нимъ. Цѣльность была невозможна, и Велико-моравіи не могло быть суждено быть представительницею Восточно-Славянскаго міра. Но въ ней заключались духовныя силы и отчасти возможность пробудить духовныя силы Славянъ отъ Карпатовъ до Бальтики; слѣдовательно Германіи могла предстоять опасная борьба, что и доказало въ послѣдующемъ времени могущество Польши, которой внутренняя жизнь была еще менѣе стройна и менѣе согласна съ характеромъ Славянскимъ, чѣмъ жизнь самой Велико-моравіи. Случайныя побѣдители ея, Мадьяры, исполнили надежду Арнульфа; они были бичемъ тяжелымъ для Германіи, но бичемъ кратковременнымъ, а ихъ успѣхъ спасъ ее отъ борьбы вѣроятно еще болѣе тяжкой и безъ сомнѣнія гораздо болѣе многолѣтней.

Возрожденіе Германіи. Генрихъ Птицеловъ. Чехія.

Отбившись на Сѣверѣ отъ Норманновъ, которые обратили свой опустощительный набѣгъ на Англію и Францію, избавившись съ помощію Венгровъ отъ грозы Славянской на Юго-западѣ, Германія отъ края до края почувствовала необходимость скрѣпить свой общественный составъ, чтобы положить конецъ общему бѣдствію, страшному разгулу Мадьяровъ, отъ котораго берега Рейна и Нѣмецкаго моря были также мало безопасны,

Digitized by Google

какъ и области Баварскія и Франконскія. Къ общему желанію народа или, лучше сказать, властвующей дружины присоединялось еще болѣе разумное желаніе духовенства, понимавшаго всю нестройность тогдашняго быта общественнаго и стремившагося къ созданію крѣпкаго политическаго тѣла, въ которомъ можно бы было находить болѣе безопасности для сословій безоружныхъ и лучшую точку опоры для распространенія христіанскаго ученія за предѣлами тогдашняго христіанскаго міра.

Эти два побужденія и, можетъ быть, привычка къ мысли о законности, невольно принимаемая всякимъ воспитанникомъ школъ, знакомыхъ съ Римскою древностью, были причиною того сильнаго и благодѣтельнаго стремленія епископовъ къ утвержденію императорской власти, которое дало такое могущество дому Саксонскому и первымъ Салійцамъ и часто полагало препоны стремленію папъ къ политической власти. Вообще нельзя не замѣтить большой разницы между дѣйствіями высшаго духовенства Германскаго и того же сословія во Франціи при послѣднихъ Карловингахъ и при первыхъ императорахъ Саксонскаго дома. Духовенство во Франціи, повидимому, раздѣляло общее желаніе всѣхъ областей и сословій разорвать на части несчастную державу; духовенство Германское употребляло всѣ мѣры, чтобы укрѣпить императорскую власть и единство государства. Вѣроятная причина этаго различія заключается въ томъ, что духовенство въ Галліи, уже давно развращенное богатствомъ и роскошью, раздѣляло стремленія всего остальнаго общества, съ которымъ сливалось и интересами и образомъ жизни; духовенство же недавно обращенной Германіи боролось съ остатками идолопоклонства, сохраняло нѣкоторые зачатки истинно-христіанской жизни и апостольскаго рвенія и по этому самому еще не утратило отвлеченныхъ общечеловѣческихъ интересовъ. Притомъ должно замѣтить, что духовенство Германское было гораздо могущественнѣе и независимѣе, и мелкія страсти, которыми волновались высшіе духовные сановники во Франціи, уступали мѣсто въ Германіи тому широкому объему мысли и видовъ, къ которому невольно привыкаетъ человѣкъ, поставленный высоко и почти независимо въ іерархіи людскаго общества. Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя Германія того вре-

Digitized by Google

мени и вѣковъ ближайшихъ къ нему представляетъ во многихъ явленіяхъ силу и величіе, которыхъ и слѣда нѣтъ въ тогдашней Франціи. Германія, не смотря на завоеваніе и послѣдовавшее за нимъ дружинное устройство, основана была на народѣ. Во Франціи онъ не существовалъ.

Общее стремленіе цѣлаго народа, если это стремленіе не пустая вспышка, а слѣдствіе искренней и глубоко сознаваемой потребности, всегда достигаетъ своей цѣли. Оно находитъ себѣ достойнаго представителя и производитъ великія историческія явленія. Германія избрала Конрада по совѣту его недруга. Умирая вскорѣ послѣ избранія, онъ завѣщалъ власть свою семейному недругу Гейнриху Саксонскому. Въ этомъ завѣтѣ, въ которомъ отстранены были и личныя чувства, и соперничество племенное Франка къ Саксонцу, выражается ясно вся важность эпохи и общая готовность жертвовать мелкими страстями требованіямъ всей Германіи. Птицеловъ понялъ свою задачу и исполнилъ ее. Мелочные споры о томъ, завелъ ли онъ турниры, такъ или иначе укрѣплялъ онъ города и какіе именно, не значатъ ничего. Весь характеръ его дѣятельности указываетъ на то, что онъ военнымъ силамъ Германіи старался придать болѣе сосредоточенности и напряженности, а людскимъ жилищамъ болѣе крѣпости и внѣшней безопасности. Тихо приготовлялъ онъ Германію къ рѣшительной борьбѣ, удаляя, сколько возможно было, часъ борьбы. Мадьярамъ, сосредоточеннымъ и готовымъ къ бою, дѣлалъ онъ великія уступки; Славянъ, Сѣверо-восточныхъ своихъ сосѣдей, разъединенныхъ и устроенныхъ мирными общинами, а не дружинами военными, утѣснялъ онъ и безпрестанными нашествіями заставлялъ уступать часть своихъ родимыхъ полей или подчинять ее владычеству Германскому. Птицеловъ дѣйствовалъ послѣдовательно: мелкими войнами укрѣплялъ онъ военный духъ подданыхъ, распространеніемъ власти своей на Сѣверо-востокѣ обезпечивалъ онъ всю Германію и увеличивалъ значеніе своей родной Саксоніи. Сперва побѣжденный Мадьярами, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ одержалъ надъ ними

Digitized by Google

побѣду и за выкупъ плѣннаго князя взялъ съ нихъ обѣщаніе не тревожить Сѣверной Германіи своими ежегодными набѣгами.

Таково показаніе историковъ. Повидимому, это обѣщаніе относилось и къ южнымъ Германскимъ областямъ; по крайней мѣрѣ набѣги и на эти области въ это время перемежаются.

Отъ царства Велико-моравскаго прежде его конечнаго паденія оторвалась его западная область, богатая и со всѣхъ сторонъ природою огражденная Чехія. Въ ней сохранялась нѣкоторая самобытность, слабая по преобладанію Римскаго ученія и полу-Германскаго быта, но не совсѣмъ еще чуждая Славянскимъ началамъ. Гейнрихъ понималъ важность Чехіи для Германіи и необходимость удержать ее въ нѣкоторой подчиненности. Успѣхъ увѣнчалъ его начинанія, и внутреннее разъединеніе Чехіи заставило ея князя сдѣлаться подручникомъ главы Германскаго племени.

Таковъ былъ всегда исходъ борьбы Чеховъ съ Имперіею и такова всегдашняя причина ихъ порабощенія. Внутренняя жизнь племени Чешскаго, жизнь Славянская, никогда не могла себѣ создать приличную внѣшнюю форму и воплотиться въ крѣпкое и стройное общество, потому что сама рабствовала чуждому духовному началу: ибо, не говоря уже о соблазнѣ государственныхъ формъ Германскихъ, самое Христіанство, принятое Чехіею, было не общечеловѣческое, но мѣстное, измѣненное духомъ Германо-романскимъ. Таже причина впослѣдствіи уничтожила всѣ великіе зачатки Польши.

Оттонъ Великій. Преобладаніе Германіи. Его причины.

За Птицеловомъ слѣдовалъ на престолѣ сынъ его Оттонъ, не даромъ прозванный Великимъ. Онъ исполнилъ въ бо́льшихъ размѣрахъ все начатое отцомъ. Мадьяры были окончательно сломлены на Лехѣ въ кровавой и долго сомнительной битвѣ. Славяне Поморскіе и При-одерскіе подавлены послѣ упорной и небезславной для нихъ борьбы; единство государства скрѣплено на многіе вѣка. Нелегкое дѣло досталось великому

Digitized by Google

Оттону. Страсти мѣстныя и личныя, уступившія временно передъ общимъ требованіемъ соединенія, снова проснулись, когда временный отдыхъ скрылъ всегдашнюю близость внѣшней опасности. Оттонъ сталъ выказывать требованія государя яснѣе, нежели Генрихъ, котораго дѣятельность была обращена болѣе на область Саксонскую, чѣмъ на всю Германію. Онъ встрѣтилъ сопротивленіе весьма сильное. Гордая независимость отдѣльныхъ герцоговъ и графовъ и самолюбіе племенъ, оскорбляемое первенствомъ саксонцевъ, нашли представителей могущихъ духомъ, смѣлыхъ и искусныхъ въ дѣлѣ военномъ; самая семья Оттона, его родные братья, возстала противъ него. Борьба была кровава и упорна. Оттоновъ духъ былъ равенъ задачѣ, доставшейся ему на долю: опасность возвысила его и показывала во всемъ величіи его внутреннія силы, его неутомимую дѣятельность и дальновидную прозорливость. Побѣда его была полная, и онъ умѣлъ ею воспользоваться. Всѣ значительные лены отдалъ онъ своимъ ближайшимъ родственникамъ; всѣ враждебныя семьи удалилъ или ограничилъ ничтожными владѣніями и даже самыя народности, Франкскую, Свевскую (Швабскую) и Баерскую (безспорно Готскую, какъ видно изо всѣхъ раннихъ союзовъ и еще прежде изъ ихъ участія съ Остъ-готами въ военныхъ подвигахъ Восточно-славянъ, т. е. Гунновъ Аттилы) ослабилъ онъ перемѣщеніемъ ленныхъ границъ во многихъ случаяхъ. Разумѣется, всѣ эти средства были средства временныя; народности, при рыхломъ составѣ государства Германскаго, легко и свободно возстановляли свои границы; родственныя связи не ручались нисколько за продолжительную вѣрность и подчиненность въ будущихъ поколѣніяхъ и мало обезпечивали даже современную покорность и любовь. Оттонъ испыталъ это, встрѣтивъ въ рядахъ враговъ родныхъ своихъ братьевъ и даже сына. Иначе и быть не могло. Семейность не лежала въ основѣ быта Франко-германскаго (этотъ бытъ сдѣлался преобладательнымъ вслѣдствіе завоеванія Германіи Меровейцами и Карловингами): дружинность была его единственною основою. Всякій ратникъ, сознавшій въ себѣ или получившій отъ обстоятельствъ силу

Digitized by Google

быть дружиноначальникомъ, становился немедленно на мѣсто, слѣдующее ему въ общей феодальной іерархіи, еще шаткой въ подробностяхъ, но уже установившейся въ своихъ общихъ чертахъ, и признавалъ за собою всѣ права и обязанности дружиноначальника, какъ высшія и почти единственныя свои обязанности, за исключеніемъ кое-какихъ законовъ плохо понятаго Христіанства. Все это содержало для Германца той эпохи истину несомнѣнную и слѣдовательно входило въ религію въ широкомъ смыслѣ этаго слова. Такимъ образомъ объясняются войны между родными братьями и дѣтей съ отцами, весьма обыкновенныя въ исторіи всѣхъ западныхъ государствъ и почти нормальныя въ исторіи Норманской Англіи, въ которой феодальность была въ полномъ развитіи: явленіе отвратительное для насъ, весьма естественное для тогдашней Европы, но весьма рѣдкое, а въ своихъ крайностяхъ почти неизвѣстное средневѣковой Руси, сильно проникнутой характеромъ быта семейнаго. Итакъ, мѣры, принятыя Оттономъ, могли достигнуть только временной цѣли, но они дали его державѣ великую временную силу.

Успѣхъ его въ Германіи долженъ былъ имѣть и имѣлъ великія послѣдствія для исторіи всемірной. Причины, почему изъ трехъ частей Карловой имперіи (Франціи, Италіи и Германіи), Германія первая должна была достигнуть значенія историческаго, уже объяснены. Главная изъ нихъ безспорно та, что въ одной только Германіи общество политическое было основано на подпочвѣ народа, и она отзывается безпрестанно во всѣхъ явленіяхъ исторіи. Эта же самая причина впослѣдствіи помѣшала Германіи вполнѣ поддаться системѣ государственности совершенно условной, а съ другой стороны различіе между народностями (Швабскою, Франкскою, Саксонскою и Баварскою) и приблизительное равенство ихъ силъ не позволили ни одной взять надъ другими рѣшительное первенство и основать государство цѣльное и органическое. Но въ то время Германія въ сравненіи съ другими западными областями имѣла и огромный перевѣсъ силы и жизненныя начала, дающія ей неоспоримое первенство.— Всѣхъ слабѣе и

Digitized by Google

несчастнѣе была Италія. Разорванная на части преемниками Карловинговъ, остатками независимыхъ Ломбардцевъ, византійцами, отчасти Сарацинами и полуреспубликанскою вольницею Римскаго народа, она не имѣла въ себѣ ни цѣльности народной, ни сильной и вполнѣ преобладающей дружины, ни общихъ учрежденій, ни общаго языка (ибо разница нарѣчій была почти также велика, какъ во Франціи), ни общихъ вещественныхъ интересовъ. Города и области, давно уже привыкшіе къ жизни отдѣльной, питали другъ къ другу взаимную ненависть, племена взаимное презрѣніе. Всѣ эти чувства перешли, какъ бѣдственное наслѣдство, отъ согнивавшаго Рима до нашихъ дней, разрушая и губя всѣ начала добра и жизни разумной. За всѣмъ тѣмъ въ Италіи сохранялась память объ единствѣ Римскаго міра болѣе чѣмъ гдѣ-либо, и съ Италіею была связана идея этого единства. Значеніе папы было сознано во всемъ его величіи нѣсколькими Римскими епископами (по преимуществу Николаемъ I-мъ), и такое сознаніе, основанное на общемъ, хотя еще и неясномъ убѣжденіи Запада, не могло пропасть безъ слѣда, не развившись вполнѣ. Повидимому, папство должно было пасть навсегда; ибо едва ли найдется въ лѣтописяхъ человѣческихъ другой примѣръ того глубокаго уничиженія, до котораго дошло это учрежденіе, высокое само по себѣ и изъявлявшее притязаніе на всемірное духовное владычество. Развратники, люди заклейменные всѣми пороками и преступленіями, мальчишки безъ имени, безъ просвѣщенія и безъ заслугъ, смѣняли другъ друга на престолѣ вселенскаго епископства; ихъ возводила сила вооруженной толпы, которою правили или отъявленный разбойникъ или непотребная женщина, гордящаяся своею продажною красотою; ихъ низводила обыкновенно насильственная смерть. Во время Оттона это униженіе дошло до крайности, также какъ и всѣ бѣдствія Италіи. Двѣ знаменитыя развратницы, мать и дочь (Ѳеодора и Маруцція), управляли выборомъ папъ; ихъ мужья или любовники и родственники владѣли вѣчнымъ городомъ. Тоскана и Ломбардія были опустошаемы и угнетаемы то герцогами (иначе королями) Бургундіи, то

Digitized by Google

семьею владѣтелей Прованса, то мѣстными дружинниками, каковы были герцоги Тосканскіе и маркграфы Иврейскіе; нигдѣ не было безопасности для жизни и достоянія частныхъ людей, нигдѣ суда и права, нигдѣ защиты для невинныхъ, или наказанія для преступниковъ. Сама религія, униженная и оскверненная, казалась совершенно забытою. Германія поднималась съ силою и славою. Лучшіе люди въ Италіи обратились къ ней. Оттонъ былъ призванъ. Бракъ его со вдовою сомнительнаго короля Ломбардіи далъ ему тѣнь какихъ-то, болѣе чѣмъ сомнительныхъ правъ; но этотъ бракъ связалъ его, повидимому, съ туземнымъ населеніемъ и утѣшилъ мѣстное самолюбіе. Оттонъ вступилъ въ Италію съ войскомъ, закаленнымъ и привыкшимъ къ побѣдѣ; онъ являлся полузавоевателемъ, полузаконнымъ государемъ, привѣтствуемый всѣми утѣсненными и встрѣчая сопротивленіе совершенно ничтожное въ безсиліи утѣснителей. Королевство сѣверной Италіи присоединилось къ королевству Германіи, и это соединеніе повлекло за собою неизбѣжныя послѣдствія. Идея Римскаго міра никогда не умирала на Западѣ и особенно въ Италіи. Временно осуществленная Карломъ Великимъ, она получила большую силу и свѣжую жизнь. Римскій вѣнецъ долженъ былъ быть вѣнцемъ всемірнымъ, какъ и Римскій епископскій престолъ. Оттонъ, владѣтель Италіи, долженъ былъ принять императорское званіе. Такъ и было. Онъ дѣлался прямымъ преемникомъ Карла, и Германія удерживала за собою по праву величіе, пріобрѣтенное силою Германской стихіи въ Австразіи. Императоръ былъ выше королей: его титулъ отрѣшалъ его отъ тѣсной мѣстности и народности. Онъ былъ главою цѣлаго двойственнаго міра, феодальнаго по своему Германскому устройству, Римскаго по своей политической идеѣ. Императоры Германскіе владѣли только двумя третями Карловой державы; но они сохраняли на Францію притязанія, отъ которыхъ не разъ ей приходилось отбиваться силою, хотя въ тоже время она всегда признавала превосходство Римской имперіи надъ королевствомъ Французскимъ.

Возобновленіе Карловой имперіи было необходимо потому, что она представляла высшую идею того времени. Это возоб-

Digitized by Google

новленіе должно было сдѣлаться удѣломъ Германіи вслѣдствіе внутренняго превосходства ея надъ другими областями Запада. Вся исторія вѣковъ, послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ Оттона, была развитіемъ этого начала.

Нѣкоторые изъ ученыхъ Нѣмцевъ въ наше время, жаркіе патріоты заднимъ числомъ, говорятъ съ горемъ о пріобрѣтеніи Италіи Оттономъ, какъ о причинѣ великихъ бѣдствій для ихъ отечества. Ошибка ихъ зависитъ отъ непониманія историческаго закона, управлявшаго западною Европою въ X-мъ вѣкѣ и отъ тѣснаго патріотическаго самолюбія. Достоинство императорское въ домѣ Саксонскомъ не только было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ прошедшаго, но и оно же одно возвысило Германію до истинно-историческаго значенія въ мірѣ. Отдѣльная Германія не могла имѣть государственнаго величія. Ея внутреннее разъединеніе и равновѣсіе стихій, составляющихъ ее, не позволяли ей быть государствомъ. Предоставленная самой себѣ, она должна была распасться и дѣйствительно распалась, когда исторія уличила во лжи идею императорства. Она могла быть и дѣйствительно была великою только тогда, когда она носила въ себѣ эту великую идею, завѣщанную древностью, но разумѣется измѣненную понятіями христіанскими съ одной стороны и феодальными, слѣд. чисто-Германскими съ другой. Цѣльной исторической Германіи не было; для нея не было даже провинціальной исторіи, какъ для цѣлой Галліи, сдѣлавшейся потомъ Франціею. Разъединенію ея составныхъ частей могло помѣшать и долго мѣшало только одно: императорскій вѣнецъ на головѣ ея государя. При немъ могли быть раздоры, усобицы, бѣдствія внѣшнія и внутреннія; разрыва быть не могло.

Торжество Оттона было торжествомъ отвлеченной идеи, общей всему Западу, но которой начало было въ Италіи, а центръ въ Римѣ. Это идея имперіи Римской, перешедшая, какъ уже сказано, въ форму Всехристіанства (Tota Christianitas). Торжество идеи было въ тоже время возвеличеніе ея единственнаго символа, ея древней столицы. Было время послѣ Траяна, когда понятіе о Римской имперіи жило отдѣльно отъ

Digitized by Google

воспоминанія о городѣ и заключалось въ понятіи о правѣ Римскомъ (или лучше сказать о Римскомъ правомѣрномъ мірѣ); но такое понятіе было выводомъ изъ Римской жизни, понятнымъ только внутреннему чувству гражданъ Римскихъ; оно было недоступно Германцу и слишкомъ отвлеченно для дикости среднихъ вѣковъ. Послѣдствіе вѣнчанія Оттонова было тоже, что и вѣнчанія Карлова: возвышеніе Римскаго престола. Это возвышеніе было еще рѣзче потому, что униженіе было глубже прежде Саксонца, чѣмъ прежде Австразійца, и потому, что значеніе папства было уже ясно сознано послѣ побѣды Карла Великаго и опредѣлено Николаемъ I-мъ. Такимъ образомъ явленія, повидимому, совершенно противоположныя, обусловливали другъ друга. Имперство сдѣлало возможнымъ папство, скрѣпляя вещественными узами тотъ міръ, въ которомъ оно должно было дѣйствовать.

Взаимная зависимость двухъ главныхъ явленій средне-вѣковой жизни ускользнула отъ вниманія историковъ; но она дѣлается явною при сравненіи папъ до Оттона и послѣ него. Можно сказать, что Имперія западная создала папство; но не должно забывать, что они были одинаково необходимыя послѣдствія древнѣйшихъ началъ.

Начало борьбы императорской власти съ папскою. Преемники Оттона.

Побѣда Оттона создала вдругъ двѣ державы и приготовила ихъ неизбѣжную борьбу. Сначала держава свѣтская казалась преобладающею, держава духовная робкою, смиренною и почти ничтожною; но такія отношенія не могли продолжаться: они были ложны въ своихъ основаніяхъ. Въ общемъ мірѣ государственнаго Христіанства значеніе свѣтскаго единоначальника могло быть и было оспорено многими мѣстными владѣльцами; значеніе духовной главы не имѣло соперниковъ. Въ воскресшемъ величіи Римской имперіи папа былъ тѣснѣе связанъ съ Римомъ, чѣмъ императоръ; въ понятіяхъ о Всехристіанствѣ власть первосвященника была разумнѣе, чѣмъ власть имъ же вѣнчаннаго мірянина. Оба, императоръ и папа, должны были имѣть притязаніе на всемогущество; оба должны были счи-

Digitized by Google

тать себя единственными хранителями общей правды. Но притязанія папы были законнѣе притязаній его соперника: Римскій епископъ былъ помазанникъ высшей, небесной правды, и, по понятіямъ Запада, представитель самаго Христіанства. Германецъ, удостоенный Римскаго императорскаго вѣнца былъ только случайностію, хранителемъ правды временной и слѣд. только второстепеннымъ лицемъ въ іерархіи всемірной.

Западные писатели нашего времени, осуждая гордость и высокомѣріе папъ, теряютъ изъ вида самую основу средне-вѣковой жизни: государство всехристіанское, безъ котораго ни одно явленіе цѣлыхъ двухъ столѣтій не имѣетъ смысла. Въ словахъ папы, говорящаго, что Богъ послалъ на землю двѣ власти, духовную и свѣтскую, но что свѣтская должна рабствовать передъ властью духовною, была истина глубокая и логика неоспоримая. Всехристіанство или церковь, понятая какъ государство, обусловливаетъ богоправленіе; выводъ дѣлается еще яснѣе тамъ, гдѣ логически развитыя ложныя данныя заключили самую церковь въ одномъ духовенствѣ, которое само исчезало въ лицѣ папы. Ошибка была въ самомъ понятіи о церкви. Она по своему внутреннему опредѣленію, ясно сознанному на Востокѣ, исключаетъ всякую случайность. По своему западному опредѣленію она вся погружена въ случайность, какъ всякое государство. Папа, вѣрный западному понятію, былъ всегда правъ противъ всѣхъ государей. Онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ изъ кровавой борьбы; но онъ не побѣдилъ и не могъ побѣдить потому, что самое опредѣленіе, вслѣдствіе котораго онъ дѣйствовалъ, заключало въ себѣ ложь, непонятую средними вѣками, и не замѣченную ученостью нашего времени, — соединеніе случайнаго съ безусловнымъ. Внутренняя истина жизни обличила во лжи логику и обличила ее тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ логика сама была строже и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ данныхъ. Отъ этаго соединенія правоты въ логикѣ, отправлявшейся отъ ложныхъ данныхъ, и лжи сокрытой въ самыхъ данныхъ произошло то, что папство упало необыкновенно быстро въ то самое мгновеніе, когда оно достигло крайняго своего величія, и тѣже причины предоставили рѣшительный ударъ,

Digitized by Google

сокрушившій власть Римскаго епископа, не императору, котораго власть основывалась также на идеѣ еще менѣе логической свѣтскаго калифата, но королю, представителю строгаго права государственнаго и нужды вещественной.

Таковы были въ близкомъ будущемъ послѣдствія Оттоновой дѣятельности. Для современниковъ она только возвеличила Германію и отчасти успокоила Италію.

Надѣвъ на свою голову императорскій вѣнецъ, Оттонъ обратилъ взгляды на Востокъ. Тутъ опять и повторилось явленіе, сопровождавшее вѣнчаніе Карла Великаго, и показало полную зависимость средне-вѣковыхъ понятій отъ преданія древней исторіи.

Эта зависимость, признаваемая всѣми, еще не вполнѣ оцѣнена во всѣхъ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ и въ отношеніяхъ къ средне-вѣковымъ идеаламъ жизни общественной.

Семисотлѣтній Царьградъ былъ представителемъ несомнѣннаго преемства Римской имперіи. На Западѣ она погибла безъ слѣда, и память объ ней хранилась только въ духовной власти самаго Рима. Грекъ былъ предметомъ презрѣнія для воинственнаго Германца; Грецію все была краемъ величественной исторіи и славныхъ воспоминаній. Для ученыхъ тогдашняго вѣка Востокъ былъ собственною страною науки и художества; для политическаго книжника Грецію была хранительницею права государственнаго и гражданскаго. Западъ ненавидѣлъ и презиралъ ее, но во многомъ еще болѣе завидовалъ ей. Она сохраняла свои права надъ мыслію и воображеніемъ своихъ враговъ, не смотря на свое униженіе, не смотря на слабость, не смотря на церковный раздоръ Запада и Востока. Дѣйствительно, когда сильныя державы, основанныя Германцами, были неизвѣстны остальному міру, когда калифъ Испанскій принималъ посланниковъ Оттона-завоевателя точно также, какъ пословъ отъ мелкихъ Славянскихъ князьковъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, горькимъ для самолюбія Нѣмецкихъ историковъ нашего времени, отъ Испаніи до средней

Digitized by Google

Азіи въ пѣсняхъ и сказкахъ у Аравитянина и Мавра, у Персіянина и Египтянина, у Славянина и Скандинава, имя Царьграда и его владыки звучало какъ отголосокъ величавой древности, какъ символъ роскоши и могущества. Тщетнымъ казалось усвоеніе императорскаго титула, неполнымъ вѣнчаніе, если вѣнчаніе не было признано, и титулъ не былъ допущенъ Византійскимъ императоромъ на правахъ полнаго равенства.

Этаго вліянія нравственныхъ причинъ, повидимому, не понимаютъ тѣ поверхностные писателя, которые смѣются надъ Карломъ Великимъ и осуждаютъ Оттона за постоянное стремленіе къ сближенію съ Византіею.

Оттонъ искалъ, также какъ и Карлъ, родственнаго союза съ полунаслѣдственными династами Царяграда и не безъ труда достигъ своей цѣли: гордость Греческая неохотно допускала иноземныхъ властителей къ чести такого союза, и роскошное воспитаніе царевенъ заставляло ихъ бояться житья въ странахъ варварскихъ. Обстоятельства помогли Оттону, и сынъ его женился на царевнѣ Греческой. Этотъ бракъ, болѣе пріятный нѣсколько просвѣщенной Италіи, чѣмъ полудикой Германіи, былъ не безъ вліянія на современную исторію и безспорно весьма много способствовалъ распространенію науки на Западѣ Европы.

Любовь Оттона III, сына Гречанки, къ міру древнему, къ художествамъ и къ идеаламъ ложно понимаемаго государственнаго строительства, свидѣтельствуетъ о великомъ вліяніи его матери, и также любовь возвела на папскій престолъ ученѣйшаго и геніальнѣйшаго изъ его современниковъ, хитраго и безнравственнаго Герберта (Сильвестра), котораго дѣятельность оставила неизгладимые слѣды и который своими огромными замыслами и обширностью видовъ достойно продолжалъ дѣло начатое Николаемъ I-мъ и конченное Григоріемъ VII-мъ и его преемниками. Преданіе и память народная видѣли въ немъ колдуна. Исторія видитъ въ этомъ великомъ дѣятелѣ любопытное соединеніе твердаго служенія правамъ Римскаго престола съ полнымъ невѣріемъ въ эти права, пламеннаго стремленія къ порабощенію западнаго міра и удивительной хитрости и рѣдкаго

Digitized by Google

постоянства въ достиженіи этой цѣли съ явнымъ и глубокимъ презрѣніемъ къ тому міру, который онъ хотѣлъ поработить. Лицо слишкомъ темное для удивленія потомства, слишкомъ удивительное для строгаго осужденія.

Преемники Оттона (Оттонъ II-й и III-й), умершіе въ лѣтахъ весьма молодыхъ, исчезаютъ въ блескѣ предшественника; но они были не совсѣмъ недостойны своего высокаго сана. Дѣло, начатое Оттономъ, продолжали они не безъ успѣха и поддерживали величіе императорскаго титула. Вообще даже можно замѣтить, что Италія, также какъ и Германія, были покорнѣе при нихъ, чѣмъ при Оттонѣ I-мъ ибо то повиновеніе, которое при немъ было только невольною данью его силѣ и генію, было при нихъ уже слѣдствіемъ признанія ихъ государскихъ правъ. Идея Римская въ ея Византійской формѣ получила значеніе при дворѣ Оттона II-го и начала оскорблять чисто Германскія понятія его феодальныхъ вассаловъ. Она сдѣлалась преобладающей при Оттонѣ III-мъ, котораго воспитаніе почти вполнѣ зависѣло отъ матери Гречанки. Этою идеею воспользовалась геніальная хитрость Герберта. Оттонъ въ его рукахъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ папскаго властолюбія. Около молодого императора строился міръ, подчиненный всей строгой формальности Византійскаго двора, но весь этотъ міръ и его мнимый центръ, императоръ, должны были окончательно подпасть власти истиннаго центра— папы. Расчетъ былъ глубокій и хитрый. Сильвестръ (Гербертъ) понималъ, что сила его престола могла править міромъ уже готовымъ и цѣльнымъ, что общество раздробленное на мелкія и другъ отъ друга независимыя части не способно было къ полному повиновенію духовной главѣ (чему служила доказательствомъ Италія), но что этаго цѣльнаго міра не могла создать сила чисто духовная безъ помощи власти свѣтской. Готовя императоровъ въ вассалы своимъ преемникамъ, онъ употреблялъ все свое вліяніе на усиленіе императора и имперіи и только изрѣдка и подъ рукою дѣйствовалъ противъ ихъ выгодъ (какъ въ дѣлѣ Венгріи), пріу-

Digitized by Google

чая новообращенные народы къ мысли, что только Римъ одинъ можетъ освящать власть и окружать ее законнымъ почетомъ. Такимъ образомъ, какія бы ни были послѣдствія дѣятельности Сильвестра II-го (имя принятое Гербертомъ не безъ цѣли, ибо оно напоминало Сильвестра I-го и мнимую дарственную Константина и было тонкою лестью для Оттона III-го), но союзъ его съ императоромъ служилъ весьма много къ возвышенію императорскаго званія. Смерть прекратила рано начинанія двухъ великихъ союзниковъ; но они оставили по себѣ глубокіе слѣды. Императорство достигло высочайшаго значенія, что̀ доказывается исторіею Гейнриха II-го, не смотря на его личную слабость, и еще болѣе царствованіями Конрада Салійскаго и полновластнаго Гейнриха III-го; папство достигло высоты, съ которой оно уже болѣе не сходило до своего полнаго торжества при Гильдебрандтѣ и паденія при Бонифаціи.

Земли Славянскія.—Принятіе христіанства Польшею.

Безспорно важнѣйшій слѣдъ союзной дѣятельности двухъ начальниковъ западнаго міра остался въ исторіи племени Славянскаго. По всей западной украйнѣ Славянскихъ народовъ въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ происходило двоякое броженіе: броженіе мысли религіозной, недовольной своею вѣрою и стремящейся къ Христіанству, и броженіе мысли политической, стремящейся къ образованію могучихъ государственныхъ центровъ. И то и другое движеніе проявилось въ равной силѣ у Славянъ восточныхъ, и причины этаго новаго явленія потребуютъ полнѣйшаго объясненія въ своемъ мѣстѣ; но теперь слѣдуетъ замѣтить, что на западной украйнѣ встрѣчались двѣ формы Христіанства, Римская и Восточная, почти въ равной силѣ. На Югѣ отъ вліянія Болгаръ, принявшихъ просвѣщеніе духовное отъ Византіи, восточная форма получила сперва несомнѣнный перевѣсъ. Такъ значительнѣйшая часть Велико-моравской державы, теперешняя Венгрія и самая Моравія примыкали если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно къ восточнымъ патріархамъ. Далѣе на За-

Digitized by Google

падъ, въ Чехіи, не смотря на вражду къ безпокойнымъ сосѣдямъ Нѣмцамъ, вліяніе Римскаго міра было сильнѣе. Соблазнъ сравнительно бо́льшаго просвѣщенія склонялъ Чеховъ къ подражанію Германцамъ.

Это можно угадать *a priori* и видѣть изъ суда Любуши, гдѣ Хрудошъ уже проситъ Германскаго маіоратства.

Религіозная мысль и религіозная проповѣдь получали направленіе Романо-германское; жизнь получала направленіе сообразное съ религіей, ибо она никогда не можетъ отъ нея отдѣляться. Далѣе на Сѣверъ жестокая борьба съ воинственными грабителями Саксами удерживала Славянъ отъ Христіанства и ожесточала ихъ идолопоклонство. Ляхи, болѣе отдаленные отъ непріятеля и слѣд. не ожесточенные противъ него, находились по торговымъ связямъ въ нѣкоторой зависимости отъ Германіи и получали постоянный приливъ стихіи Нѣмецкой черезъ всю западную и юго-западную границу, особенно черезъ Чешскую грань, до того неопредѣленную, что она обратилась въ поговорку: между Чехи и Ляхи, чтобы сказать неизвѣстно гдѣ.

Они приняли Христіанство почти исключительно въ его Римской формѣ. Первый изъ великихъ Польскихъ державцевъ, достойный памяти по блеску своихъ подвиговъ и по обширности замысловъ, Болеславъ Храбрый вступилъ въ полную зависимость отъ западнаго міра. Ревностно распространялъ онъ вѣру христіанскую не безъ насилія и въ тоже время, судя по Русскимъ источникамъ, крайне былъ неблагосклоненъ къ ученію восточному. Задумавъ сдѣлать ничтожную еще Польшу могущею державою, въ чемъ онъ и успѣлъ, онъ просилъ для будущаго своего величія позволенія отъ императора Германскаго и благословенія отъ папы. И то и другое получилъ онъ. Въ послѣдствіи окрѣпнувъ, онъ боролся съ Имперіей и почти всегда счастливо, наводилъ страхъ и трепетъ на всю Германію, опустошалъ ея поля, тысячами уводилъ въ плѣнъ ея жителей и лучшихъ воиновъ, стремился сознательно къ

Digitized by Google

созданію великой Славянской державы, но клеймо однажды положенное на Польшу признаніемъ правъ императора и папы, просьбою о титулѣ и вѣнцѣ королевскомъ, просьбой о позволеніи воевать и завоевывать сѣверныхъ идолопоклонниковъ Славянъ и вступленіемъ въ вассальство уже не изглаживалось и не могло изгладиться. Нравственная подчиненность и несамостоятельность, такъ сказать, нравственное неполноправіе народа и государства были допущены и признаны навсегда. Польша принадлежала Западу во всемъ своемъ будущемъ развитіи, и достиженіе самобытной Славянской нормы дѣлалось невозможнымъ. Борьба двухъ стихій должна была со временемъ сгубить Польшу также, какъ она сгубила Велико-моравію.

Одни только поверхностные наблюдатели могутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на эти повидимому мелкія явленія въ жизни народовъ, каковы просьба о признаніи титула или временное вступленіе въ вассальскія отношенія, или принятіе званія или прозвища (которое встрѣчается такъ часто въ отношеніяхъ Средне-азійскихъ народовъ къ Китаю). Покорность передъ силою есть дѣло чисто временное, хотя и то не пропадаетъ безъ слѣда. Покорность передъ правомъ свободно признаннымъ оставляетъ слѣды неизгладимые: она вводитъ народъ въ систему другаго народа, какъ вѣчно подчиненную планету; она порабощаетъ мысль и душу народную. Нравственныя причины въ мірѣ историческомъ тоже, что невѣсомыя силы въ мірѣ физическомъ: онѣ ничего для слѣпца науки и почти все для ея разумнаго созерцателя.

Это дѣло подчиненія Польши Романо-германскому міру, безъ сомнѣнія обусловленное причинами внутренними и, можетъ быть, неотвратимыми, все-таки принадлежитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ его ясному и опредѣлительному выраженію, союзной дѣятельности императора и папы, Оттона III-го и Сильвестра II-го.

Генрихъ II, Конрадъ Салійскій и Генрихъ III.

И такъ Германія вступила въ наслѣдство Карла Великаго. Далеко не владѣя всѣмъ пространствомъ земли, нѣкогда по-

Digitized by Google

виновавшимся Австразійскому вождю, Оттоны дѣйствовали на Сѣверо-востокѣ и Востокѣ на области, которыя при Карловингахъ еще не были захвачены въ предѣлы Германскаго вліянія, и одни только продолжали историческое значеніе Запада, ибо разорванная и неустроенная Франція не имѣла ни внутреннихъ силъ, ни самобытной исторической жизни. Ея очередь еще не наступила и могла наступить только въ ту эпоху, когда ложь общихъ началъ, представляемыхъ имперіей и папствомъ, должна была вызвать отрицаніе, т. е. усиленіе началъ мѣстныхъ. Слабое царство Генриха II-го не уничтожило и даже не потрясло зданія, воздвигнутаго Оттономъ. Самое избраніе его безъ особенныхъ заслугъ, безъ славы воинской или государственной, единственно по близкому родству съ Оттономъ III-мъ, показываетъ, какъ велико было значеніе императора и какъ сильна была привычка повиновенія царствующему дому. До восшествія на престолъ Генрихъ былъ мелкимъ владѣлемъ, до того ничтожнымъ, что по разсказамъ современниковъ былъ когда-то битъ батогами по приказанію своего родственника императора. Едва на престолѣ, онъ уже былъ первымъ изъ государей Европейскихъ.

Историки не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, обличающее и дикость тогдашнихъ нравовъ, которую Нѣмецкій патріотизмъ скрываетъ слишкомъ охотно, и всю историческую важность Оттонова царствованія, оцѣненную до сихъ поръ далеко не вполнѣ. Само происшествіе, можетъ быть, сомнительно или даже вымышленно: все равно, вымыселъ современный характеризуетъ эпоху не менѣе истины.

Силы императора были тогда весьма значительны. Земля Саксонская до Птицелова уже далеко расширилась на счетъ сосѣднихъ Славянъ; она еще далѣе расширилась при немъ и его преемникахъ и сдѣлалась безспорно первою изо всѣхъ Германскихъ областей. Съ другой стороны самыя права герцоговъ въ землѣ Саксонской были особенно велики, во первыхъ потому, что Карлъ, завоеватель Саксовъ, долженъ былъ

Digitized by Google

дать своимъ намѣстникамъ въ землѣ завоеванныхъ Саксовъ гораздо бо́льшую власть чѣмъ въ другихъ частяхъ государства, и его преемники еще увеличили ее для сопротивленія Славянамъ; во вторыхъ потому, что эти герцоги, распространяя область свою войною, правили въ новоприобрѣтенныхъ округахъ еще самовластнѣе, чѣмъ въ старой Саксонской землѣ. По этимъ причинамъ Генрихъ Птицеловъ уже какъ герцогъ равнялся могущественнымъ государямъ. Силу свою онъ передалъ сыну, который, разумѣется, ее еще увеличилъ. Оттонъ отстранилъ отъ себя отчасти должность герцога, передавши ее одному изъ своихъ полководцевъ, который сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго княжескаго дома; но онъ ничего не утратилъ изъ своихъ правъ, ибо назначенный имъ герцогъ былъ только прямымъ его намѣстникомъ. Тоже самое продолжалось и при его преемникахъ, которые были его прямыми наслѣдниками по закону феодальному. Отношенія Саксоніи къ Генриху II-му гораздо менѣе ясны въ своей законной основѣ; кажется очевиднымъ только то, что Генрихъ сохранилъ въ качествѣ императора тѣ права, которыя принадлежали Оттонамъ въ качествѣ герцоговъ. Безспорно Генрихъ былъ ближайшимъ родственникомъ Оттона III-го; но домъ Салійскій, хотя и связанный съ нимъ также недальнимъ родствомъ, не имѣлъ надъ Саксоніею наслѣдственныхъ правъ по обычаю феодальному, а между тѣмъ Конрадъ и Генрихъ III-й владѣли Саксоніею какъ собственностію. Изъ этого очевидно, что назначеніе намѣстника Саксонскаго Оттономъ было не что иное какъ перенесеніе на Оттона-императора правъ, которыя принадлежали Оттону-герцогу, или иначе прямое присоединеніе Саксоніи къ званію императорскому. Такимъ образомъ объясняется право Конрада и его сына на Саксонію не какъ на упраздненную лену (ибо никто на нее не смѣлъ изъявить притязаній), но какъ на императорскую собственность, и послѣдовавшій бунтъ Саксонцевъ противъ Генриха IV-го за злоупотребленіе его власти въ дѣлахъ гражданскихъ. Итакъ, нравственное могущество императора опиралось въ то время на значительную силу веще-

Digitized by Google

ственную. Неудачный въ борьбѣ съ Болеславомъ Храбрымъ, который почти вездѣ былъ побѣдителемъ и не разъ громилъ оба берега Эльбы, слабый во внутреннемъ управленіи и особенно въ дѣлахъ Италіи, которая не любила грубоватаго Нѣмца такъ, какъ любила полу-Византійца Оттона, монашески богомольный, за что и признанъ святымъ, и легко уступавшій требованіямъ духовенства, Генрихъ II-й передалъ императорскій титулъ нисколько не утратившимъ своего блеска преемнику своему Конраду Салійскому. Конрадъ былъ вполнѣ достоинъ Оттонова вѣнца и престола. Твердою рукою усмирялъ онъ Италію, крѣпко держалъ въ повиновеніи Римъ и его епископа, почти безспорно рѣшалъ дѣла Бургундскаго королевства, т. е. областей, лежащихъ между Германіею и Италіею, жестоко казнилъ сѣверныхъ и за-Эльбскихъ Славянъ за возмущеніе, Чехіею правилъ самовластнѣе своихъ предшественниковъ и снова принудилъ Польшу къ вассальству, отъ котораго освободилъ ее на время Болеславъ, слишкомъ неосторожно признавшій въ молодости феодальное главенство императора. Наконецъ, сынъ Конрада Генрихъ III-й довелъ значеніе императора до высшей точки величія, которой оно не достигало ни прежде, ни послѣ него. На голову разбитый Чехами, неуспѣшный въ походѣ противъ Венгровъ, которыхъ отношенія къ Германіи были полу-вассальскими, воинъ повидимому неискусный въ такомъ вѣкѣ, когда воинственныя доблести цѣнились выше всѣхъ другихъ, человѣкъ нравственности невысокой, часто непослушный голосу правды, крутой и даже склонный къ жестокости, онъ не былъ любимъ и даже не былъ лично уважаемъ (какъ видно изъ словъ современныхъ лѣтописцевъ); но онъ былъ государемъ вполнѣ. Его слушались и трепетали. Неправда, утвержденная его волею, встрѣчала менѣе сопротивленія, чѣмъ правда другихъ императоровъ. Очевидно идея Имперіи развилась вполнѣ, и это развитіе было независимо отъ самой личности вѣнценосца.

Темный идеалъ, къ которому стремились X-й и XI-й вѣкъ, состоялъ въ соединеніи феодальныхъ учрежденій и императорскаго единства. По крайней мѣрѣ таковъ былъ идеалъ ари-

Digitized by Google

стократической дружины. Но въ этомъ соединеніи было скрытое противорѣчіе, которое ярко выступало при всякой попыткѣ къ осуществленію его. Карлъ боролся противъ начинающейся феодальности, Оттонъ нарушалъ ее обычаи, Генрихъ III-й безпрестанно попиралъ ихъ, распоряжался ленами съ неимовѣрнымъ своеволіемъ, и такова была сила императорской власти, что это своеволіе всегда оставалось ненаказаннымъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что въ Италіи феодальность никогда (до Норманновъ) не развивалась вполнѣ и что она сначала не пустила въ Германіи такихъ глубокихъ корней, какъ во Франціи. Ей мѣшала жизнь народностей и большіе остатки аллодіальности, или лучше сказать древнихъ помѣстныхъ правъ или родовитости, которую можно легко узнать подъ именемъ солнечныхъ ленъ (Sonnenlehen).

Франція при послѣднихъ Карловингахъ.

Очевидно впереди была та борьба между іерархіей феодальной дружины и государственнымъ единствомъ, которая въ послѣдствіи произошла во всѣхъ странахъ Европы и положила конецъ феодальности и начало новой исторіи. Но высокое и священное значеніе императора, стоящаго выше всякой мѣстной ограниченности и признаннаго свѣтской главою Всехристіанства, давало ему въ такой борьбѣ огромное преимущество передо всѣми королями и владѣтелями. Торжество его было несомнѣнно, если бы ему не предстояло еще другой, труднѣйшей борьбы, въ которой онъ палъ, увлекая съ собою своего противника; но то внутреннее противорѣчіе, которое, хотя и не сознанное, заставляло императоровъ попирать феодальный обычай, вооружило противъ нихъ почти всю феодальную дружину, какъ скоро было поднято новое и враждебное имъ знамя власти духовной.

Темнѣе и тяжеле были начала исторіи Французской послѣ раздѣла дѣтей Людовика Благодушнаго. Случайная ничтожность первыхъ королей изъ династіи Карла Великаго не объ-

Digitized by Google

ясняетъ нисколько ничтожности самой земли и государства. Послѣдніе короли Карловинги во Франціи были очевидно достойны престола по мужеству, предпріимчивости и дарованіямъ, а королевство гибло въ ихъ рукахъ, тогда какъ въ Германіи оно обращалось въ великую имперію. Франція не имѣла тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя подняли Германію и по своему характеру не могла сдѣлаться подобію ей сосудомъ великой всемірной идеи. Вѣнецъ переходилъ безъ славы съ головы Карла Лысаго на Карла Толстаго или Карла Простаго, съ одного слабоумца на другаго, все болѣе и болѣе утрачивая блескъ и значеніе. Иногда на той же слабой головѣ вѣнецъ императорскій (впрочемъ всегда связанный хоть съ минутнымъ владѣніемъ Италіею) соединялся съ вѣнцомъ королевскимъ, потѣшая наслѣдственную гордость Карловинга, но нисколько не возбуждая сочувствія въ его подданныхъ. Власть королевскихъ чиновниковъ, герцоговъ или графовъ, при ослабленіи власти королевской, получила самостоятельность, и то, что прежде было должностью, возлагаемою главою государства на подданнаго за службу и для службы, дѣлалось собственностью и наслѣдственнымъ правомъ. Чиновники обратились во владѣльцевъ. Эту перемѣну приписываютъ Карлу Лысому, и не смотря на то, что ее нельзя доказать письменными памятниками его законодательства, очевидно, что она при немъ обратилась въ законный обычай съ его добровольнаго или невольнаго согласія. Съ этой эпохи должно признавать полное развитіе феодальности во Франціи. Въ Германіи таже перемѣна наступила позже и не столь рѣзко. Ясно, что перемѣна была неизбѣжна, и не менѣе ясно, почему она началась во Франціи и быстрѣе проникла во весь составъ общества. Всѣ завоеванія племени Германскаго въ мірѣ Римскомъ были дѣломъ дружинъ; но большая часть дружинъ были дружинами народными (это видно отчасти изъ законовъ Бургундскихъ и Лонгобардскихъ, и совершенно явно изъ законовъ Весть-готскихъ, въ которыхъ нѣкоторыя положенія общинныя отмѣнены не ранѣе 80-ти лѣтъ послѣ завоеванія Испаніи), а дружина Меровейцевъ была дружиною лич-

Digitized by Google

ною богатаго и сильнаго княжескаго дома. Безъ сомнѣнія къ ней присоединилась и племенная дружина Франковъ Салійскихъ, но дружина личная была началомъ преобладающимъ и опредѣляющимъ весь характеръ общества. Аллодіальность была тою общею формою, которую принимали всѣ новыя Германскія государства. Туже форму приняла и Франція Меровейцевъ, потому что одна эта форма была доступна понятію тогдашняго Германца. Аллодіальное устройство заключало въ себѣ нѣкоторое равенство и прямую зависимость каждаго дружинника отъ дружиннаго государства или общаго дружиноначальника. Во Франціи воинственный характеръ дружины былъ гораздо явнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Долго послѣ завоеванія Галліи удалыя шайки завоевателей еще сохраняли свою подвижность и всегдашнюю готовность бросаться на всѣ сосѣднія области, если только имъ представлялась надежда на поживу или на разгульное насиліе, между тѣмъ какъ Лонгобардъ и Вестъ-готъ повидимому обрадовались найденной осѣдлости. Нравственныхъ основъ жизни не зналъ и знать не могъ Франкъ, трехвѣковой наемникъ и вооруженный слуга развратной Имперіи. Онъ, какъ уже сказано, не принялъ ихъ даже когда принялъ Христіанство. Двойственное значеніе Французскаго короля-патриція и военачальника долго сохранялось по невозможности обратить Франка въ гражданина и разрѣшилось отдѣленіемъ значенія военнаго и его торжествомъ въ лицѣ королевскаго дворецкаго (мера). Меры сперва сдѣлались королями и патриціями, потомъ императорами, и прежняя двойственность сохранилась. Дружина не сливалась съ государствомъ, и король снова сталъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе сталъ въ себѣ сознавать свое государственное призваніе; это замѣтно въ преемникахъ Карла Великаго. Дружина должна была снова отдѣлиться отъ нихъ и слѣдов., теряя прежнее единство, выражаемое общимъ начальникомъ, должна была стремиться къ созданію внутри себя новой и самостоятельной организаціи. Эта необходимость, общая всему Германскому міру, должна была прежде всего обнаружиться во Франціи. Въ ней

Digitized by Google

самое духовенство, долго служившее представителемъ стихіи завоеванной, перешло въ дружину и раздѣляло всѣ стремленія и всѣ страсти дружины, хотя разумѣется въ нѣкоторыхъ лучшихъ духовныхъ лицахъ и въ монастыряхъ хранилось отчасти преданіе о Римской государственности, выразившееся въ позднѣйшее время, при Капетингахъ, въ явномъ вліяніи Сюжера на исторію Франціи. Ничто не могло уже остановить паденія Французскихъ Карловинговъ, ибо самое стремленіе, наслѣдованное ими отъ великаго родоначальника, заставляя ихъ напрягать свои силы къ цѣлямъ отдаленнымъ, ослабляло ихъ власть необходимыми уступками возникающей и развивающейся феодальности. Между тѣмъ какъ Германія была поприщемъ опустошительныхъ набѣговъ Мадьярской конницы, всѣ берега Франціи и даже ея внутреннія области были поприщемъ грабительства Норманновъ, наѣздниковъ моря, на которомъ уже не развѣвались паруса Саксонскіе и Вендо-славянскіе. Ничтожны были дружины Норманскія; это доказывается частымъ пораженіемъ ихъ въ схваткахъ съ мѣстными ополченіями (напр., при Рейнѣ и въ Бретани), не смотря на чудную храбрость; но отразить ихъ навсегда или наказать ихъ однимъ ударомъ было трудно потому самому, что они всегда являлись неожиданно и малыми отрядами. Охранять берега Франціи постоянною стражею было невозможно потому что Франція утратила всякое единство государства и не имѣла, какъ Германія, хоть нѣкотораго единства народнаго. Наконецъ, самыя дружины Норманскія, по большой части бѣглецы изъ родины или малочисленныя шайки удальцовъ подъ начальствомъ какого нибудь пресловутаго ярла, жаднаго къ добычѣ и славѣ, или ярлова сына, не получившаго никакого удѣла послѣ смерти отца, очень хорошо понимая невозможность значительныхъ успѣховъ при свой числительной слабости, пользовались тѣми стихіями, которыя могли увеличить ихъ силу въ мѣстахъ избранныхъ ими для набѣговъ или для временной осѣдлости. Бѣдность народа, угнетаемаго и грабимаго мѣстными владѣльцами, дѣлала его совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ, которая происходила собственно

Digitized by Google

между пришлымъ и туземнымъ грабительствомъ. Отчаяніе и удаль, мщеніе или желаніе корысти собирали около сотенъ Норманскихъ тысячи и десятки тысячъ туземцевъ, готовыхъ дѣлить съ ними опасность въ надеждѣ раздѣлить съ ними и добычу. Таково объясненіе тѣхъ многочисленныхъ ополченій, о которыхъ упоминаютъ хроники подъ общимъ именемъ Норманновъ на устьяхъ и берегахъ Рейна, Луары и Гаронны. Норманны, соединявшіе въ равной степени желѣзное мужество и постоянное двоедушіе (ибо по нравственнымъ своимъ достоинствамъ они едва ли стояли выше Франковъ) умѣли цѣнить своихъ союзниковъ, не смотря на ихъ чуждую кровь, и принимали ихъ въ свои ряды какъ соратниковъ и братій. Ничтожный вассалъ утѣснителя Франка дѣлался съ помощію Норманновъ дружинникомъ или вождемъ дружины, человѣкомъ равнымъ прежнему своему владыкѣ или даже высшимъ въ анархической іерархіи того вѣка. Такова причина, почему Норманны во Франціи, получивши осѣдлость, утратили такъ скоро языкъ и обычаи родины; такова причина, почему прежде, чѣмъ они получили эту осѣдлость, они могли распоряжаться такими великими силами и почему ихъ набѣги были такъ неотразимы для безсильной Франціи Карловинговъ.

Этимъ же объясняются и частыя ихъ неудачи въ областяхъ, гдѣ ленный владѣлецъ и вассалъ были одной крови, или гдѣ они были связаны между собою не одною вещественною силою, или гдѣ наконецъ не было ни феодальности, ни аллодіальной системы, какъ напр., въ Бретани или въ нѣкоторыхъ областяхъ Фризонскаго и Саксонскаго племени. Успѣхи ихъ въ Ирландіи объясняются совершеннымъ разъединеніемъ ея мелкихъ князьковъ, но и тутъ они не могли стать твердою ногою, ибо противъ нихъ постоянно возставало единство народной стихіи.

Погромы Норманновъ были столько же гибельны для Франціи, какъ набѣги Мадьяровъ для Германіи; но они не возбудили въ ней (какъ то было въ Германіи) стремленія къ государственному единству, потому что въ ней самой не было стихій единства народнаго. Напротивъ, они, повидимому,

Digitized by Google

ускорили общее ея разложеніе, возвысивъ значеніе ополченій мѣстныхъ, необходимыхъ для охраненія областей, безпрестанно ожидавшихъ Норманской грозы и усиливъ власть сильнѣйшихъ ленниковъ, около которыхъ поневолѣ толпились слабѣйшіе, промѣнивая охотно независимость на покровительство и защиту. Это стремленіе, совпадая съ обращеніемъ государственныхъ должностей въ право и званіе наслѣдственное, дало полное развитіе феодальности и положило начало могущимъ, полу-независимымъ владѣніямъ великихъ ленниковъ позднѣйшаго времени. Но тоже самое, отъ чего ускорялось разложеніе Карловингской Франціи, служило зародышемъ новой Франціи Капетинговъ, и косвенныя послѣдствія Норманскихъ разбоевъ совпали съ прямыми послѣдствіями Мадьярскихъ налётовъ. Изъ борьбы съ удалыми наѣздниками моря, прославившись этою борьбою, возникъ домъ, который въ сѣверной Франціи пріобрѣлъ королевскую власть, а потомъ уже и королевскій вѣнецъ. Переходъ династіи Карла къ династіи Капета есть только повтореніе въ иномъ видѣ перехода династіи баснословнаго Меровея къ династіи Карла. Иныя были формы, начала тѣже. Потомки Клодвига подверглись вліянію Римской государственной стихіи, которую они приняли подъ свое покровительство въ качествѣ патриціевъ, утратили свое значеніе Германскихъ дружиноначальниковъ и были принуждены уступить свою власть, а потомъ и престолъ, новымъ дружиноначальникамъ - мерамъ, дому Карла. Потомки Карла Великаго, принявъ императорскій титулъ, точно также приняли и значеніе королей по Римскому понятію и сдѣлались начальниками стихіи, въ то время еще безсильной и не способной обуздывать вонственную дикость Германскаго начала. Достаточно поверхностнаго просмотра тогдашнихъ лѣтописцевъ, чтобы видѣть склонность Карловинговъ къ наукѣ, къ духовенству, къ мирнымъ занятіямъ, завѣщаннымъ просвѣщеніемъ древняго міра и охотно принятымъ просвѣщеніемъ христіанскимъ. Это стремленіе, не чуждое всему дому Карла, выразилось съ особенною силою въ Карловингахъ Франція, никогда не терявшей вполнѣ ни памяти, ни нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ обычаевъ, ни учрежденій до-Германской эпохи. Завоеваніе ея силою Австразійцевъ не уничтожило ни значенія Невстріи, ни ея духовной жизни. Французскій языкъ, скудный, но почти чистый отпрыскъ Латинскаго корня, былъ уже при внукахъ Людовика Благодушнаго языкомъ горожанъ, духовныхъ, письменныхъ чиновниковъ, королевскаго двора и значительной части аллодіальныхъ и феодальныхъ землевладѣльцевъ; но феодальный воинъ, принимая эту чуждую стихію, остался вслѣдствіе своего положенія, особенно въ сѣверной Франціи, вѣрнымъ своимъ Германскимъ понятіямъ и быту. Король же, вслѣдствіе своего положенія склонный подчиняться вполнѣ идеѣ государственной, которую онъ призванъ былъ осуществлять, отрывался по необходимости отъ почвы Германской и мало-по-малу утрачивалъ способность управлять ею. Она возстала на него, воспользовалась всѣми его несчастіями, особенно же его безполезными усиліями ухватиться за императорскій вѣнецъ, вытребовала уступку за уступкою, лишила всѣхъ правъ и всѣхъ коренныхъ владѣній и наконецъ свергла его съ престола. Замѣчательно по преимуществу въ эту эпоху согласіе дѣйствій высшаго духовенства съ военною аристократіею. Характеръ духовнаго сана, его просвѣщеніе, его преданія были завѣщаны древнимъ міромъ; но духовенство было принято въ дружину и почти на положеніи военныхъ дружинниковъ еще первыми королями Франціи, и всѣ милости, льготы и дары королевской набожности усиливали въ немъ стремленіе къ соединенію съ дружиною, со всѣми ея выгодами и страстями. Духовные возстали на королевскую власть заодно съ аристократіею феодальною и ускорили ея паденіе. Безполезно бы было слѣдить за разрушеніемъ дома Французскихъ Карловинговъ: быстрое, но постепенное истощеніе силъ, ничтожество почти всѣхъ королей, безплодныя усилія немногихъ, и наконецъ жалкая, но не безславныя борьба послѣднихъ вѣнценосцевъ великаго рода, занимательная для спеціалистовъ или для самихъ Французовъ, не представляютъ ничего поучительнаго или достойнаго памяти для просвѣщеннаго міра вообще. Въ общемъ своемъ итогѣ судьбы Карловин-

Digitized by Google

говъ служатъ только повтореніемъ судьбы Меровейцевъ и развитіемъ той двойственности, которая лежала въ основѣ королевства Французскаго.

Капетинги.—Политическое и нравственное преобладаніе Франціи.

Изъ всего предыдущаго ясна необходимость паденія прежней Франціи; труднѣе уразумѣть необходимость возникновенія новой. Начало династіи Капетовой не представляетъ дѣйствительно ничего общаго съ началомъ династіи Карла и Пипина. Въ возведеніи меровъ въ достоинство королевское проявлялось существенное единство Франкской дружины и право, данное ей мечемъ, быть правительницею и владѣтельницею всей Галліи и значительной части Германіи. Вождь Австразійской дружины, болѣе другихъ сохранившей свой первобытный характеръ, долженъ былъ занять мѣсто ослабѣвшихъ Меровейцевъ (т.-е. князей поморскихъ, положившихъ начало единству Франковъ). Всякое существенное единство успѣло разрушиться во время упадка Карловой династіи. Германія отдѣлилась, а по лѣвой сторонѣ Рейна весь Германскій характеръ исчезъ, оставивъ за собою только развитіе нестройной и разнообразной феодальности и скрытную борьбу началъ Римскихъ и мѣстныхъ. Не было причины быть королевству Французскому и королю. Но была еще память объ единствѣ и желаніе не подпадать чужеземной власти, могущей обуздать своеволіе феодальности, какъ было видно въ общемъ ополченіи противъ Оттоновъ. Естественно возродилась въ сильнѣйшемъ изъ владѣтелей сѣверной Франціи мысль о присвоеніи себѣ королевскаго званія. Гуго Капетъ провозгласилъ себя королемъ съ согласія весьма немногихъ слабѣйшихъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ отдаленныхъ ленниковъ (какъ напр., графъ Барцелонскій), которымъ единство королевской власти было не опасно и могло быть полезнымъ; но онъ ни въ какомъ отношеніи не былъ королемъ Франціи. Его преемники создали себѣ королевство завоеваніемъ, но это завоеваніе уже не было похоже на завоеваніе Германскихъ дружинъ.

Франція не существовала какъ государство послѣ паденія Карловинговъ; народной жизни она также не имѣла. Много-

Digitized by Google

численныя области, отдѣленныя другъ отъ друга обычаями, законами, не составляли государства: разносоставныя, мѣшанныя племена, говорящія безконечнымъ множествомъ различныхъ нарѣчій и не понимающія другъ друга, не составляли народа. Но раздѣленіе не было такъ рѣзко во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ явленіяхъ жизни. Дворянство, т.-е. властвующее сословіе и города имѣли одинъ и тотъ же языкъ во всей сѣверной части Франціи (исключая совершенно отдѣльную Бретань). Преданія были общія; память о величіи первыхъ Карловинговъ, богатырскія сказки, самое имя Франціи, составляли еще нѣкоторую духовную связь между разрозненными частями. Гораздо сильнѣйшую связь составляли общія начала просвѣщенія и науки, сохраняемыя въ тишинѣ монашескихъ обителей, въ школахъ духовенства и въ сильномъ, хотя неуважаемомъ и часто угнетаемомъ, сословіи законниковъ и правовѣдовъ. Въ этихъ-то общихъ началахъ нашли потомки Капета орудія для завоеванія своего королевства.

При послѣднихъ Карловингахъ Норманны, завоевавъ значительную часть сѣверной Франціи, стали въ ней твердою ногою. Короли признали ихъ законными владѣтелями завоеванной области и приняли ихъ вождя своимъ ленникомъ и герцогомъ, надѣясь, можетъ быть, найти въ этихъ новыхъ подданныхъ опору противъ непослушныхъ графовъ и герцоговъ средней Франціи; но союзъ продолжался недолго, и вражда съ герцогомъ Норманскимъ ускорила паденіе царскаго дома, мало-по-малу лишившагося всякой поземельной собственности. Герцоги Норманскіе, скоро принявшіе всѣ обычаи и языкъ своего новаго отечества и ставшіе во главѣ сильной дружины, почти совершенно чуждой Скандинавіи не только по образу жизни, но даже и по происхожденію, вошли въ общее движеніе королевскихъ вассаловъ, уничтожавшихъ власть королевскую. Они содѣйствовали Капету, когда онъ возставалъ противъ послѣдняго Каролинга и присвоилъ себѣ королевскій титулъ. Первымъ дѣйствіемъ новаго короля былъ подкупъ духовенства значительною раздачею бенефицій и подкупъ свѣтскихъ ленниковъ узаконеніемъ наслѣдственности ленъ, уже давно при-

Digitized by Google

знанной обычаемъ, но еще не утвержденной закономъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ многихъ союзниковъ; но за всѣмъ тѣмъ король Гуго умеръ едва ли не менѣе сильный въ вещественномъ отношеніи, чѣмъ былъ графъ Гуго до восшествія на престолъ королевскій. Власть новой династіи еще болѣе ослабла при его первыхъ преемникахъ: Робертѣ, Генрихѣ и Филиппѣ, не смотря на ихъ необыкновенно долголѣтнее правленіе (продолжавшееся слишкомъ столѣтіе, 996—1108), не смотря также на ихъ военныя доблести, на многія нравственныя достоинства и на хитрость, съ которою они всячески старались увеличить свои владѣнія и богатства.

Такъ, напр., Генрихъ взялъ себѣ жену изъ далекой, недавно устроившейся въ государство земли, Россіи, явно только потому, что получилъ приданое по тогдашнему понятію весьма значительное за дочерью богатаго хозяина Волжскаго и Днѣпровскаго торговаго пути, Ярослава Владимировича.

Два разнородныя начала составляли, какъ уже сказано, сущность королевской власти во Франціи: званіе конунга дало еще королю право начальства надъ Французскою дружиною, и званіе патриція, давшее тому же королю законныя права по Галло-римскому праву на повиновеніе городовъ и сельскихъ туземцевъ.

Разумѣется не слѣдуетъ приписывать слишкомъ великой важности самому титулу патриція. Онъ былъ отчасти случайностію, но въ тоже время онъ былъ проявленіемъ отношеній, въ которыя вступалъ почти по необходимости дальновидный Меровеецъ къ своимъ новымъ подданнымъ. Титулъ патриція и потомъ императора, данный Римомъ дѣтямъ Карла Мартелла, былъ еще важнѣе. Онъ заключалъ въ себѣ какъ бы усыновленіе древнимъ Римомъ Германскаго вождя.

Долго первенствовало первое, Германское начало. Оно выразило свое превосходство въ побѣдѣ меровъ-дружинниковъ надъ королями, вступившими въ тѣснѣйшіе союзы съ Рим-

Digitized by Google

скимъ міромъ. Тоже самое повторилось, хотя и не столь явно, въ паденіи Каролинговъ, утратившихъ отчасти, по крайней мѣрѣ въ первыхъ поколѣніяхъ послѣ Лудвига Добродушнаго, качества воинственныхъ своихъ родоначальниковъ. Возведеніе на престолъ Капетова рода было опять дѣломъ дружины. Но прежняя цѣльная дружина уже не существовала. Время строгой аллодіальности прошло: она была замѣнена нестройною феодальностью, въ которой рыхлая іерархическая связь была всегда готова къ разрыву. Напрасно старались первые Капетинги укрѣпить ее и ввести въ феодальность строгій судъ и законную послѣдовательность. Суду рѣдко повиновались, и расправа удавалась только тогда, когда король могъ опереться на силу герцоговъ Норманскихъ; но эта опора, всегда ненадежная, скоро обратилась въ новую опасность, страшнѣе другихъ. Герцогъ Норманскій сдѣлался королемъ Англійскимъ; вассалъ сдѣлался гораздо сильнѣе своего леннаго начальника, и слѣд. совершенно независимъ. Точно также была независима вся южная Франція и Бретань; почти столько же Фландрія и вся сторона за-Луарская и всѣ гористыя области средней Франціи. Властолюбивые вассалы расширяли свои владѣнія мечомъ. Вассалы-разбойники, подобные Фулько-де-Нера, смѣялись надъ королями и грозили имъ самимъ. Короли истощались въ безплодныхъ усиліяхъ къ водворенію порядка или лучше сказать къ отысканію въ области Германскихъ понятій и дружинныхъ учрежденій начала, на которомъ могъ бы утвердиться порядокъ или устроиться распадающееся государство. Франція приближалась къ совершенному паденію, и король, утрачивая мало-по-малу свои владѣнія, какъ послѣдніе Каролинги, былъ почти плѣнникомъ въ своемъ Парижѣ. Прежнія начала не могли возстановить его власти; но міръ перемѣнился, и жизнь народовъ была уже не та, что при первыхъ Каролингахъ.

Воинственный міръ дикихъ завоевателей подчинялся началамъ просвѣщенія. Духовныя силы боролись съ силами вещественными и побѣждали ихъ. Слово Римскаго пастыря не разъ сгибало упрямую шею самыхъ гордыхъ дружинниковъ

Digitized by Google

и ихъ королей. Письмо и законъ дѣлались властію. Формальность Римскаго суда примѣшивалась къ грубой простотѣ суда Германскаго, феодальнаго. Съ властію Римскаго епископа и духовенства возрастала, какъ случайное и въ тоже время необходимое ея послѣдствіе, важность Латинскаго слова, всякой науки и всякаго образованія умственнаго и особенно нововозраждающейся науки Римскаго права. За эти новыя начала стояло все духовенство съ сознаніемъ или безъ сознанія, всѣ города, которымъ феодальность была враждебна и отчасти всѣ нисшія сословія, которыя ждали лучшей участи отъ покровительства верховной власти, замѣняющей личный произволъ постоянными формами неизмѣннаго закона. Къ этимъ же новымъ началамъ обратились Французскіе короли, искусно подводя феодальныя учрежденія подъ формальность законовъ писанныхъ, призывая къ жизни тѣ общественныя силы, которыя готовы были сразиться съ феодальностію и опутывая мало-по-малу всѣ области Франціи и всѣхъ ея дружинниковъ-дворянъ желѣзною сѣтію судовъ и тяжебъ, основанныхъ то на обычаѣ феодальномъ, то на правѣ Римскомъ. Завоеванія были медленны, но постепенны, мечь исполнялъ почти безъ труда приговоры пера, и полное торжество увѣнчало кляузничество и ябеду, неутомимо веденныя въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Этотъ союзъ ябедника и воина уже видѣли мы въ исторіи самаго Рима и его завоеваній.

Такимъ-то образомъ и такими путями создали Капетинги новую Францію; но, какъ уже сказано, первая эпоха этой династіи, соотвѣтствующая по времени сильнѣйшему развитію имперіи Германской, была эпохою безплодныхъ усилій со стороны королей, слабости и ничтожества государственнаго.

Франція въ это время едва бы заслуживала упоминанія какъ государство; но ея значеніе въ нравственномъ мірѣ было огромно. Самый поверхностный обзоръ ея исторіи съ самаго Римскаго завоеванія до времени Капетинговъ показываетъ, что,

Digitized by Google

въ ней не было ничего своего, живаго, идущаго отъ корня. Отъ языка до обычаевъ и учрежденія все было смѣсь, все было приносное, прививное, случайное или условное; но должно замѣтить, что условное и безжизненное (построенное) имѣетъ въ исторіи міра большія преимущества передъ естественнымъ и живымъ (растущимъ или органическимъ).

Это было показано въ самой ранней эпохѣ человѣчества многовѣковымъ торжествомъ и процвѣтаніемъ начала кушитскаго.

Условное, какъ созданіе разсудка (сознательное или безсознательное, плодъ глубокомысленнаго расчета или инстинктивной сдѣлки, все равно) легко приводится въ видъ стройности, легко совокупляетъ около себя вещественныя силы и прямо идетъ къ своей цѣли, всегда односторонней. Изобрѣтеніе одной мѣстности или однаго народа, оно легко принимается и перенимается другими, потому что оно не носитъ на себѣ признаковъ и печати мѣстныхъ или народныхъ. Оно плодъ разсудка вездѣ одинакаго, а не цѣльнаго организма, вездѣ различнаго. Его сила и соблазнъ въ его слабости и безжизненности. Это правило относится ко всѣмъ учрежденіямъ и обычаямъ, ко всѣмъ модамъ въ одеждѣ, ко всѣмъ искаженіямъ художества; но оно всего явнѣе въ отношеніи къ языку. Слово, звучный образъ внутренней души цѣлаго народа, проникнутый всѣми его чувствами, страстями, преданіями и вѣрою, принадлежитъ такъ неотъемлемо каждому народу, что другой не легко усвоиваетъ себѣ его и никогда вполнѣ его усвоить не можетъ. Чѣмъ своеобразнѣе народъ, тѣмъ своеобразнѣе его слово; чѣмъ многостороннѣе народъ, тѣмъ богаче слово. Чѣмъ простѣе и ближе къ природѣ народъ, тѣмъ менѣе слово его поддается мысли другого народа. Скуденъ и безцвѣтенъ языкъ мѣшанныхъ племенъ; тѣмъ скуднѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ болѣе далекъ онъ отъ селянина, живущаго подъ кровомъ Божьяго неба, и чѣмъ болѣе склеился въ нѣдрахъ человѣческихъ ульевъ-городовъ. Но эта самая

Digitized by Google

скудость и безцвѣтность, самая эта условность, которая лежитъ въ его основѣ и создала его не какъ вдохновенное выраженіе духа, а какъ орудіе почти дѣловой бесѣды, даютъ ему великое преимущество передъ языками, кипящими всею духовною жизнію человѣка. Онъ легко обращается въ орудіе размѣна житейской и бытовой мысли между народами.

Такъ точно и орудіе размѣна торговаго, представленіе всего продажнаго, не взято изъ міра органическаго. Человѣческій инстинктъ, глубоко разумный въ своей безсознательности, возвелъ въ это достоинство мертвый металлъ, да перегнившую тряпку.

Таковы были недостатки и преимущества Французскаго языка и Французскаго быта. Они должны были сдѣлаться достояніемъ всего западнаго міра. Норманны, завоеватели сѣверной Франціи, приняли ихъ отъ туземцевъ; Норманы, разсѣявшіеся какъ завоеватели по всей южной Европѣ, разнесли ихъ вездѣ съ собою. Крестовыя ополченія, сборище всѣхъ народовъ, нуждались въ однихъ общихъ законахъ, въ одной умственной монетѣ. Языкъ французскій сдѣлался общимъ, а съ языкомъ вездѣ былъ усвоенъ и бытъ Французскій.

Этотъ безконечно важный фактъ, отзывающійся во всей послѣдующей исторіи Европы до нашихъ дней, нигдѣ еще не былъ вполнѣ оцѣненъ, и причины его не обратили на себя ничьего вниманія.

Такимъ образомъ въ концѣ перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. Франція, почти не существующая какъ государство, стала въ иныхъ отношеніяхъ во главѣ всѣхъ народовъ, точно также какъ, за пять вѣковъ передъ тѣмъ, обстоятельства отчасти случайныя и союзъ Рима и духовенства съ личною дружиною приморскихъ князьковъ Франковъ, принявшихъ Никейское исповѣданіе, отдали въ ихъ рукн судьбу всей западной Европы.

Англія подъ властію Англо-Саксовъ. Ея племенныя стихіи.

Важнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ занимательнѣе ранняя исторія Англіи. Въ самую первую эпоху ея положены въ ос-

Digitized by Google

нову общества многія начала, которымъ она до сихъ поръ обязана своею силою и процвѣтаніемъ, а Европейскій міръ самыми утѣшительными своими явленіями. Для того, чтобы понять всю послѣдующую исторію Англіи, надобно со вниманіемъ разсмотрѣть ея жизнь до Норманнскаго завоеванія, т. е. принять трудъ, вообще слишкомъ пренебрегаемый историками.

Вообще первыя эпохи всѣхъ государствъ изучаются слишкомъ поверхностно и даже самые добросовѣстные писатели, отдѣливъ сомнительныя и баснословныя происшествія отъ истинныхъ, думаютъ, что они дѣло свое покончили, мало заботясь о томъ, поняли ли они или нѣтъ общую характеристику и жизнь народа въ его первой молодости. Всѣ эти разсказы напоминаютъ преподаваніе древней исторіи въ кадетскихъ корпусахъ въ первые годы нынѣшняго столѣтія, если вѣрить современникамъ. Дешево нанятый учитель (говорятъ, что директоръ пользовался частію его законнаго жалованья) диктовалъ ученикамъ древнюю исторію слѣдующимъ образомъ: «Раздѣлили ли вы тетради на красныя и черныя строки?» «Раздѣлили». «Пишите въ красной строкѣ: Исторія Египтянъ темна и баснословна. Написали?» «Написали». «Конецъ исторіи». И такъ изучалась вся древность. Почти тѣмъ же довольствуются историки Англіи и много если сведутъ и сличатъ свидѣтельства о томъ, жили ли и когда жили король Артуръ и поэтъ Мердвинъ или Мерлинъ, плутъ ли или фанатикъ былъ Дунстанъ и гдѣ именно происходило сраженіе Брунцабургское.

Британія была въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ Риму какъ и Галлія и Испанія. Элементы племенные были тѣже какъ и въ Галліи, и они были романизированы въ той же степени за исключеніемъ горныхъ областей Валлиса и, можетъ быть, сѣверо-западныхъ округовъ, теперешняго Кумберланда. Точно также выросли подъ Римскою державою большіе и торговые города съ Римскимъ великолѣпіемъ и роскошью и муниципальными учрежденіями; точно также какъ

Digitized by Google

и въ Галліи поля были обработаны съ нѣкоторымъ искусствомъ и тщаніемъ, богатые загородные дома красовались на берегахъ живыхъ водъ, окруженные рощами и нивами, украшенные изнутри изящною утварью и всѣми изобрѣтеніями древней нѣги; точно также были вызваны на свѣтъ нѣкоторыя богатства почвы, тонкія глины, металлы и даже каменный уголь для выплавки металловъ (хотя древніе писатели молчатъ объ немъ). Быть можетъ степень просвѣщенія была нѣсколько ниже въ далекой Британіи, но значительной разницы не было и быть не могло. Прекращеніе власти Римской въ Галліи и Британіи сопровождалось нѣсколько различными обстоятельствами, оставшимися не совсѣмъ безъ послѣдствій. Галлія была вырвана варварами у Рима; отъ Британіи отказался самъ Римъ, вызвавъ оттуда войска свои и предоставивъ ее собственнымъ ея силамъ. Стихіи народонаселенія, оставшагося безъ Римской защиты, были: сельскіе жители отчасти романизованные, гораздо болѣе романизованное и отчасти даже Римское по происхожденію населеніе городовъ и почти чисто-Кельтское населеніе горныхъ округовъ. Были ли всѣ эти слои проникнуты Христіанствомъ? Этотъ вопросъ остается сомнительнымъ у всѣхъ историковъ, и недавно онъ рѣшенъ отрицательно Англійскими писателями, основавшими свое отрицаніе на отсутствіи христіанскихъ памятниковъ въ ископаемыхъ остаткахъ Римскаго владычества. Выводъ, основанный на такой данной, едва стоитъ опроверженія, ибо въ то время, къ которому относится прекращеніе Римской власти въ Британіи, мало еще существовало храмовъ христіанскихъ по всей Имперіи и тѣ въ развалинахъ не могутъ быть отличены отъ другихъ зданій; главные же памятники, оставшіеся отъ Рима въ Англіи, алтари со вставными надписями, не могли принадлежать христіанамъ по своему характеру и носятъ дѣйствительно туже печать язычества во всѣхъ областяхъ Имперіи. Не только отрицаніе Христіанства въ тогдашней Британіи, но и самое сомнѣніе въ немъ совершенно неразумны. Мы имѣемъ пѣсни бардовъ Галльскихъ, безъ сомнѣнія современныя первой эпохѣ Саксонскаго завоеванія, и какъ бы ни считали эти пѣсни интерполированными

Digitized by Google

или измѣненными, ни одинъ критикъ не можетъ сомнѣваться въ Христіанствѣ болѣе или менѣе просвѣщенномъ ихъ слагателей. Мы имѣемъ Гильдаса и его свирѣпыя ругательства на князей Галльскихъ, отстаивавшихъ свободу своего племени. Можетъ ли кто нибудь сомнѣваться, что сочинитель былъ христіаниномъ и писалъ о христіанахъ? Мы имѣемъ свидѣтельства о множествѣ церквей и монастырей Британскихъ, о многочисленномъ Гаэльскомъ духовенствѣ, о сотняхъ и тысячахъ монаховъ у Гаэлей въ то время, когда едва началось обращеніе Саксовъ, слѣдов., о Христіанствѣ, какъ общей вѣрѣ всего міра Британскаго, кромѣ нѣкоторыхъ, можетъ быть, далекихъ областей. Когда же совершилось обращеніе, о которомъ никто не пишетъ? Когда началась проповѣдь, которой никто не запомнилъ? Наконецъ, вѣроятна ли ревность Палладія и Патрикія къ обращенію Ерина, если Британія еще коснѣла въ язычествѣ? Явно, что Христіанство обняло уже всю Римскую Британію прежде, чѣмъ она была оставлена Римлянами, проникнувъ въ нее обычными путями Римскими, и обняло уже почти всю область свободныхъ Кельтовъ, проникнувъ въ нее вольнымъ путемъ океана, не забытымъ потомками предпріимчивыхъ Семитовъ, какъ уже было сказано прежде. Но строительная сила Христіанства не могла проявиться ни у чистыхъ Кельтовъ (отчасти сливавшихъ съ нимъ свои языческія воспоминанія), ни у романизованныхъ жителей Римской провинціи. Печать древняго міра слишкомъ глубоко врѣзалась во всѣ мысли и учрежденія у однихъ, Христіанство было слишкомъ поверхностно у другихъ, хотя оно долго еще приносило прекрасные плоды въ Ирландіи, доставило ей много золотыхъ дней, сдѣлавшихся теперь баснословными и, можетъ быть развилось бы еще богаче, если бы могло избѣгнуть окончательнаго измѣненія отъ прикосновенія и духовнаго завоеванія Западнаго міра.

Не вдругъ отстала отъ Рима оставленная Римомъ Британія. Она сама еще пыталась вмѣшиваться въ дѣла Имперіи и своимъ нестройнымъ безсиліемъ дать помощь обезсиленному и падающему великану (какъ видно въ разсказѣ о Констан-

Digitized by Google

тинѣ); но эти безплодныя попытки, свидѣтельствующія только о прочности внутреннихъ, мыслеяныхъ связей, еще болѣе истощали бывшую провинцію. Когда потокъ варваровъ затопилъ окончательно ближнюю Галлію, а дикіе Пикты и Скотты (неутратившіе своихъ языческихъ обычаевъ въ новомъ Христіанствѣ) стали бурно врываться въ одинокую провинцію Британіи и грозить ей совершеннымъ разгромомъ, пришло время напряженія для всѣхъ стихій ея населенія; но не всѣ были къ нему одинаково способны. Сельскіе жители, потомки туземцевъ, утратили отчасти свой языкъ и обычаи, утратили вполнѣ всѣ начала самостоятельности общественной или народной и были готовою добычею для всякого вооруженнаго пришельца или готовыми помощниками его въ грабежѣ въ Британіи, точно также какъ въ Галліи и Испаніи. Жители городскіе, племя мѣшанное, имѣли еще менѣе началъ народныхъ, но за то они получили отъ Рима нѣкоторое просвѣщеніе, учрежденія городскія, правильно устроенный бытъ, понятіе о законности и гражданственности, слѣд. нѣкоторую сосредоточенность или способность къ ней. Города дѣйствительно заключали между собою союзы, вооружались и давали отпоръ, часто весьма счастливый, дикимъ насильникамъ; но отсутствіе всякой внутренней жизни уничтожало всякое единство, всякую силу, дѣлало успѣхи ничтожными, а неудачи неисправимыми. Тогда воспрянула снова подавленная сила горнаго Кельто-Кумрійца, исполненная поэзіи и восторга, рьяной храбрости и гордости народной; она въ скоромъ времени стала на первое мѣсто и сдѣлалась началомъ преобладающимъ въ Британіи. Для критики сколько-нибудь просвѣщенной и нерабствующей передъ старыми недогадками явно, что еще гораздо прежде Саксонскаго нашествія сѣверные непріятели были или вполнѣ отдвинуты въ свои предѣлы или настолько стѣснены, что уже не могли ни грозить истинною опасностью, ни быть великимъ бѣдствіемъ для своихъ южныхъ сосѣдей; но сила Кельтская, никогда не умѣвшая обуздать себя и построиться въ стройное общество, еще болѣе утратила эту способность подъ желѣзною рукою Рима всесокрушавшаго и ничего не облагораживавшаго.

Digitized by Google

Въ этомъ великая разница полицейской образованности Рима и личнаго просвѣщенія Эллады и Магометанской Аравіи.

Бывшая провинція покрылась сѣтью мелкихъ княженій, другъ другу враждебныхъ, безпрестанно волнуемыхъ внутренними распрями, родовыми враждами и личными крамолами, безсильныхъ на добро и на утвержденіе чего бы то ни было прочнаго и самостоятельнаго, и гибельныхъ для всей земли не менѣе непріятельскаго нашествія. Дикій горецъ уже не могъ быть правителемъ желаннымъ въ области не забывшей Рима. По временамъ, быть можетъ даже и постоянно (ибо это дѣло неясно) одинъ изъ князьковъ считался начальникомъ всѣхъ другихъ (кажется, даже иногда съ притязаніями на императорскій титулъ); но почетъ не былъ сопровожденъ повиновеніемъ и не давалъ старшему князю возможности учредить въ землѣ своей порядокъ и устройство, о которыхъ, быть можетъ, и самъ онъ не мечталъ. Личная доблесть впрочемъ вообще не безъ свирѣпства, древность рода и богатое угощеніе воиновъ и особенно пѣвцовъ сытными яствами и крѣпкими медами, только вотъ чѣмъ могъ похвалиться этотъ императоръ или пендрагонъ или пенъ-тейрнъ, или глава Кельтовъ. Его значеніе очевидно ничтожно во время Саксонскаго нашествія, и мы даже не видимъ его имени въ достовѣрныхъ разсказахъ о борьбѣ туземцевъ съ пришельцами.

О баснословномъ Артурѣ говорить нечего, а историческій Артуръ былъ, кажется, княземъ въ горной области юго-западной Англіи.

Очевидно новые владѣльцы Британіи, Кельтскіе горцы, не были въ ней любимы: ихъ сподвижники, нечуждые по крови населенію романизованной области, были совершенно чужды ему по своимъ обычаямъ и составляли охранную дружину, нестройную аристократію, отъ которой охотно избавилась бы охраняемая ими страна, а особенно города, еще полные Римскими стихіями. Вѣроятно и духовенство, болѣе просвѣщенное, не благоволило ни къ дикимъ своимъ освободителямъ, ни

Digitized by Google

къ друидическимъ ученіямъ и символамъ, отъ которыхъ не освободились ни они сами, ни вѣроятно ихъ духовенство.

Стоитъ только прочесть легенды о нѣкоторыхъ Кельтскихъ святыхъ, чтобы замѣтить особый характеръ на нихъ запечатлѣнный и совершенно чуждый современному имъ духовенству Римскихъ областей.

Все это ясно изъ жестокой діатрибы Гильдаса, которую не вполнѣ понимаетъ критика, добровольно допустившая въ исторію какую-то одностихійную Англію Британскаго времени, никогда не существовавшую. Полуримскимъ городамъ не былъ и не могъ быть чуждъ двухъ-вѣковой обычай Римской имперіи нанимать варваровъ для отраженія другихъ варваровъ и для службы внутри государства. Они готовы были обратиться къ ближайшему изъ Германскихъ племенъ съ просьбой о вооруженной, разумѣется не безкорыстной, помощи, въ надеждѣ найти защитниковъ менѣе для нихъ тяжелыхъ, чѣмъ ихъ незванные покровители Бритты. Такова простая исторія призванія Саксовъ.

Участвовалъ ли въ признаніи князекъ по имени Вортигернъ или Гвортигернъ, имя котораго мы находимъ въ князькахъ того времени, опредѣлить нельзя, но допустить можно, ибо преданіе много сохраняетъ такого, чего не упомнитъ документальная исторія. Очень можетъ быть, что слабый князекъ юго-восточной Британіи вздумалъ опереться на иноземную силу, плохо надѣясь на свою собственную; это могло быть тѣмъ скорѣе, что само преданіе приписываетъ Вортигерну нравы изнѣженные и мирные, слѣд. указываетъ на сходство съ нравами горожанъ, которыхъ мысли и совѣты онъ легко могъ принять. Какъ бы то ни было, очевидно что Кентскому князю не было крайней необходимости призывать на помощь кого бы то ни было противъ Пиктовъ и Скоттовъ, которыхъ набѣги едва ли до него могли доходить. Очевидно, что цѣль Вортигерна, если онъ дѣйствительно пригласилъ Саксовъ, была или охрана береговъ отъ морского разбоя или составленіе дружины

Digitized by Google

для защиты отъ другихъ, болѣе могущихъ князей. Сама же исторія слабаго Гвортигерна и его мужественнаго сына есть не что иное какъ сплетеніе басенъ и переиначенныхъ преданій. Такъ напр., самый разсказъ о томъ, какъ Саксы убили на пиру беззащитныхъ и загулявшихъ Бриттовъ, представляетъ явно перенесеніе на сцену Кента бѣдственнаго происшествія, случившагося въ сѣверной части Британіи и засвидѣтельствованнаго поэтомъ, бывшимъ его жертвою. Пиръ и крѣпкій медъ и число жертвъ, одинакое въ обоихъ случаяхъ, не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Прибавлена только измѣна, о которой современный страдалецъ не знаетъ. Да надобно же что нибудь предоставить воображенію, враждѣ и народному самолюбію позднѣйшихъ разскащиковъ. Впрочемъ, что значеніе Гвортигерна въ призваніи Саксовъ было довольно ничтожно, видно изъ молчанія поэтовъ, которые не оставили бы его памяти безъ проклятій. Таковъ характеръ тогдашнихъ поэмъ Аневрина, Таліессина и другихъ звучныхъ предвѣстниковъ богатѣйшей изо всѣхъ словесностей новой Европы. Вся исторія призванія заключается въ отношеніяхъ романизованной Британіи къ ея тогдашнимъ владѣльцамъ, горнымъ Кельтскимъ племенамъ.

Романизованная стихія въ Британіи обратилась за помощью столько же противъ иноземцевъ, сколько и противъ своихъ дикихъ одноземцевъ, къ ближайшему племени Германскому.

Такая мысль разумѣется не могла придти нероманизованнымъ Бриттамъ и ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ исторіи народовъ необразованныхъ. Нѣчто похожее находимъ въ началѣ Русскаго государства, но тамъ это странное явленіе объясняется весьма просто, какъ увидимъ позже, и свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ развитіи городской и обще-гражданской стихій, котораго не было въ чистыхъ Кельтахъ.

Ближайшее изо всѣхъ племенъ воинственной Германіи для городовъ Британскихъ были тогда Саксы. Ихъ могучій союзъ, слитый изъ стихій неоднородныхъ, занималъ сперва небольшой участокъ берега Германскаго, потомъ съ ослабленіемъ дру-

Digitized by Google

гихъ народовъ и союзовъ, выселившихся или выдвинутыхъ изъ своихъ жилищъ во время великаго движенія дружинъ Германскихъ на Югъ Европы, онъ занялъ все низовье рѣкъ и все не-Славянское поморье Балтики и Сѣвернаго моря и сталъ громокъ въ мірѣ. Мало участвовалъ онъ въ войнахъ сухопутныхъ, и лѣтописи сохранили память только объ одномъ невесьма значительномъ и весьма неудачномъ походѣ Саксонской дружины въ Италію вмѣстѣ съ Лонгобардами; за то рожденные на берегу бурнаго моря и принявъ въ себя смѣлыхъ Фризовъ и издавныхъ мореходцевъ, Славянъ приморскихъ, Саксы скоро перебили у Франковъ выгодный промыселъ морскаго разбоя и сдѣлались грозою береговъ Галліи и Британіи. Но эти разбои приняли новый характеръ. Коренное племя Саксовъ, послѣднихъ выходцевъ изъ полуострова Скандинавскаго, не приходило въ прямое соприкосновеніе съ Римомъ, но приняло въ свой союзъ мелкія приморскія племена, нѣкогда посѣщенныя легіонами и кораблями всемірныхъ завоевателей во время ихъ великой славы при Друзѣ, Тиверіѣ и Германикѣ. Оно осталось также неприкосновеннымъ въ эпоху того громаднаго столкновенія народовъ, когда восточное казачество Славянъ, Гунны, отбросило на Западъ Германцевъ, двигавшихся до тѣхъ поръ на Юго-востокъ. За всѣмъ тѣмъ и они не остались чуждыми общему движенію. И имъ, увлеченнымъ пѣснями поэтовъ, разсказами о другихъ благословенныхъ краяхъ и примѣромъ сосѣдей, опостылила родина. И они стремились къ лучшимъ жилищамъ. Разбои обратились въ переселеніе. Таковъ выводъ изъ названія *Litus Saxonicum*, даннаго части сѣверныхъ береговъ Франціи и юго-восточной оконечности Англіи. Въ отношеніи къ Англіи онъ подтверждается неоспоримыми доказательствами.

Эти доказательства находятся по преимуществу въ ископаемыхъ остаткахъ городовъ Кельтскихъ и въ монетахъ самаго мелкаго достоинства (sceattas), употреблявшихся у новыхъ германскихъ горожанъ того края.

Digitized by Google

Итакъ, Саксы не были племенемъ неизвѣстнымъ для приглашавшаго ихъ народа; по свычкѣ, по склонности къ осѣдлой жизни, по сравнительной мягкости нравовъ они не были имъ непріятны. Не догадывались только хозяева, что именно по этой склонности къ осѣдлости званые гости сдѣлаются незванными владѣльцами земли. Что нѣкоторыя изъ первыхъ переселившихся дружинъ служили туземцамъ въ ихъ войнахъ, несомнѣнно; что они помогли Бриттамъ одержать при Стамфортѣ рѣшительную побѣду надъ Пиктами и Скоттами, весьма можно допустить. Яснымъ остается то, что горсть Саксовъ (всего три корабля) не были нужны для спасенія жителей Британніи, которые впослѣдствіи могли бороться, и часто съ успѣхомъ, противъ многочисленныхъ войскъ Англосаксонскихъ царей. Они были нужны юго-восточной Британніи (наиболѣе романизованной) для того, чтобы съ помощью этаго войска немноготребовательнаго (ибо таково оно было сначала) и нанятаго на опредѣленныхъ условіяхъ, освободиться отъ тягостнаго покровительства своихъ горныхъ единоземцевъ-дикарей. Плата за службу была болѣе землею чѣмъ деньгами, и это нравилось новой дружинѣ; понравились плодородныя нивы Британніи трудолюбивому Саксу, понравились ея вѣковыя дубовыя рощи, темныя, широковѣтвистыя, народу, котораго главное богатство состояло въ свиныхъ стадахъ. Генгистъ и Горса, первые дружиноначальники (если дѣйствительно они такъ назывались, что весьма сомнительно по смыслу именъ, указывающихъ или на знамена, или на названіе кораблей, коней морскихъ) стали насильно захватывать береговую область привольнаго Кента, не безъ боя и призывая на помощь своихъ единоплеменниковъ, которые охотно являлись на призывъ. Легка была борьба съ невоинственнымъ населеніемъ, легокъ успѣхъ; но самая легкость успѣха скоро усыпила энергію пришельцевъ и Кентское королевство никогда не достигало значительныхъ размѣровъ. О столкновеніи его съ туземцами мало осталось ясныхъ воспоминаній и ни однаго достовѣрнаго свидѣтельства (хотя кажется, что Генгистъ былъ выгнанъ лѣтъ на пять и скитался по берегамъ

Digitized by Google

Голландіи). Такъ и слѣдовало быть, ибо Кентская сторона была готова къ покорности или къ мирному согласію. Скоро явились новые колонисты-завоеватели съ одинакимъ успѣхомъ и основали восточно и южно-Саксонскія королевства; за ними скоро сильнѣйшіе, сперва на Юго-западѣ, потомъ на Сѣверо-востокѣ. Но тутъ они уже встрѣчали мало доброжелателей и сильныхъ враговъ. Цердикъ, основатель Вестъ-саксонскаго королевства, которое впослѣдствіи дало единство Англіи, пришелъ въ столкновеніе съ горными племенами, и долгая и кровавая борьба завязалась между соперниками, борьба ничтожная въ исторіи міра дѣйствительнаго, но памятная въ мірѣ поэзіи: ибо соперникъ Цердика былъ Артуръ. Князекъ, или глава нѣсколькихъ князьковъ на Западѣ Англіи, часто истощавшій силы свои въ войнахъ съ другими сѣверными князьками (напр. съ Гюэлемъ), мало замѣченный современниками, даже поэтами, но по преданіямъ самъ поэтъ (ибо ему приписываютъ нѣсколько стиховъ, сохранившихся доселѣ), Артуръ сдѣлался со временемъ центромъ цѣлаго героическаго цикла и миѳическимъ олицетвореніемъ упорныхъ надеждъ Кельтскаго народа. Былъ ли онъ сыномъ пен-тейрна *Утгера*? Былъ ли его отецъ соперникомъ другого пен-тейрна Римской крови, Аврелія Амброзія? Былъ ли онъ самъ пен-тейрномъ, сомнительно; послѣднее даже невѣроятно, ибо въ современной пѣснѣ, гдѣ онъ представленъ вождемъ въ битвѣ, въ которой прославился и палъ Герейнтъ (лице не забытое въ сагахъ), ему не приписывается никакаго особаго званія. Все равно. Должны были быть въ этомъ человѣкѣ и блистательныя доблести, и многое увлекательное для народной фантазіи, когда онъ могъ сдѣлаться впослѣдствіи царемъ такаго прекраснаго героическаго цикла и кумиромъ цѣлаго племени. Съ нимъ-то боролись Цердикъ и его ближайшій преемникъ, и конечно борьба была не безъ сильнаго напряженія и не безъ великихъ опасностей.

Отзывъ Гильдаса объ Артурѣ, что онъ кровожаденъ былъ сызмала, показываетъ ясно опять отношенія, существовавшія между разными стихіями народнаго населенія.

Digitized by Google

Немного легче досталась задача и Англамъ, пришельцамъ Сѣверо-восточнаго берега. Гористыя области, пограничныя Шотландіи и отроги горъ, сходящихъ въ Англію, были краемъ негостепріимнымъ для непрошенныхъ гостей. Безпрерывныя битвы кипѣли въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между завоевателями Берникіи и Дейры съ мужественными Кумрійцами (Кимри), которыхъ главная сила была на берегахъ Клейда. Аневринъ, Таліессинъ и Аливаркъ-Генъ прославили своихъ соотечественниковъ или оплакали ихъ бѣдствія въ пѣсняхъ, которыя дышатъ вдохновеніемъ и страстію. Невольно сострадаетъ читатель этимъ пламеннымъ душамъ даже и тогда, когда сознаётъ неизбѣжность и законность ихъ гибели. Прекрасны являются защитники родины, Уріенъ Ригедскій и Овенъ въ восторженной пѣсни Кимрскихъ бардовъ, и неоднократныя ихъ побѣды надъ Фламмдвиномъ (пламенопосецъ, прозвище, данное Англійскому вождю *Идѣ*) доказываютъ, какой тяжелый достался ему подвигъ. На Сѣверѣ, также и въ Валлисѣ, не было романизованной стихіи или она была очень слаба. Мнимаго народа Британскаго не было въ Британіи. Тамъ, гдѣ онъ былъ, на Западномъ берегу и на границахъ Шотландіи, онъ уцѣлѣлъ или навсегда, какъ въ Валлисѣ, или надолго, какъ на берегахъ Клейда, гдѣ находимъ князька Кимрскаго Евгенія еще въ X-мъ столѣтіи.

Безъ сомнѣнія по всей или почти всей Британіи были какъ будто острова чистыхъ Гаэлей, но они были незначительны и еще оказывали долгое сопротивленіе.

При томъ положеніи Британіи, которое очевидно изо всѣхъ памятниковъ письменныхъ и ископаемыхъ и которое нисколько не похоже на описанія позднѣйшихъ историковъ, понятно завоеваніе ея Саксами. Горцы или нероманизованные Бритты, составлявшіе въ продолженіи нѣкотораго времени послѣ ухода Римлянъ нѣчто похожее на вооруженную аристократію, подъ начальствомъ родовыхъ династовъ въ прежней провинціи, были отодвинуты въ свои горы, и Саксонское племя заняло

Digitized by Google

все то пространство, которое оно занимаетъ и въ наше время. Надобно дать себѣ ясный отчетъ въ прежнемъ и новомъ населеніи того края, чтобы вполнѣ уразумѣть его внутреннюю жизнь и исторію.

До нашествія Римлянъ всю область Великобританіи можно считать Кельтскою, принадлежащею отчасти рыцарскимъ Кельто-кумрійцамъ (Кимри) и отчасти болѣе теократическимъ Кельто-беолгамъ (которыхъ имя у Римлянъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ формѣ *Бульги*, что указываетъ на выказанное мною тождество формъ *Беолгъ*, *Бульги* и *Вольга*). Сильное развитіе друидизма указываетъ, кажется, на преобладаніе стихіи жреческой, хотя отсутствіе жестокости въ религіозныхъ обрядахъ обличаетъ весьма раннюю колонизацію съ Востока. Въ преобладающей массѣ Кельтской были примѣси иноплеменныя, о которыхъ впрочемъ свидѣтельства вообще неясны: такъ говорится о выходцахъ изъ Германіи, но они могли принадлежать къ племени Кимбрскому, и слѣд., къ тѣмъ же Кельтамъ въ ихъ позднѣйшемъ переселеніи. Говорится о Силурахъ, какъ выходцахъ изъ Иверскаго полуострова, и это показаніе подтверждается ихъ наружностью; но оно указываетъ только на сродство съ Іерномъ (Эриномъ), въ которомъ Кельты по многимъ наружнымъ признакамъ кажутся принадлежащими къ племенамъ южнымъ и сохраняется много преданій, указывающихъ на долгія сношенія съ землею Иверцевъ и на колонизацію Семитическую. Ясные слѣды Славянства въ именахъ мелкихъ приморскихъ общинъ Менаніевъ и Мориновъ, торговыхъ колоній, пришедшихъ съ устьевъ Рейна и связанныхъ по древнимъ свидѣтельствамъ съ Венедами Прилуарскими. Самое имя Вендовъ также не неизвѣстно въ Британіи: оно слышно въ *Виндоланѣ* (Little Chester) и *Виндобалѣ* (But-Chester). Имя Гунновъ звучитъ въ названіи *Гуннумъ* (теперешнемъ Halton Chester). Даже слышно Славянское слово *блато* въ Blatum Bulgium (Middleb). Такимъ образомъ объясняются нѣкоторыя указанія, найденныя мною въ цитатахъ малоизвѣстной Англійской книги (кажется, подъ заглавіемъ Druidism in England, 2 тома, 4°) о сочувствіи Британіи и

Digitized by Google

Кельтовъ съ торжествами великаго вождя Гуннов. Такимъ же образомъ объясняется и то, что *Передуръ* (имя упоминаемое современными бардами въ борьбѣ туземцевъ съ Англами Фламандина или Иды) называется въ сказаніяхъ Британскихъ и Кельтскихъ сподвижникомъ Артура и княземъ Вендскимъ. И такъ въ Англіи память о Славянствѣ сохранилась довольно долго, какъ и во всей Западной Европѣ сохранялись долго слѣды ея первожителей, втѣсненныхъ въ горы и болота позднѣйшими пришельцами, и ея древнѣйшихъ торговцевъ, смѣло ходившихъ по волнамъ Атлантики и Сѣвернаго океана. Всѣ эти мелкія примѣси не измѣняли нисколько общаго и цѣльнаго Кельтскаго характера всей земли. Римляне завоевали ее послѣ упорнаго сопротивленія во многихъ мѣстахъ, и нелегко было ихъ завоеваніе въ Британіи также какъ и въ Галліи. Племена наиболѣе непокорныя были избиты, обращены въ жестокое рабство, выселены, проданы въ дальнюю неволю; другихъ медленно сокрушало Римское иго; всѣхъ, кромѣ горцевъ, соблазнило Римское просвѣщеніе. Провинція покрылась городами и военными поселеніями, которыхъ составъ былъ также разнообразенъ, какъ составъ всей Имперіи.

И такъ Саксы, Юты и Англы не застали никакого народа въ Британіи. Они вступили въ борьбу съ дружинами Кельтскими и послѣ долгаго сопротивленія вытѣснили ихъ изъ романизованной области и вогнали въ горы. Кровопролитенъ былъ бой многолѣтній, и невольное сочувствіе позднѣйшихъ вѣковъ трагической судьбѣ побѣжденныхъ свидѣтельствуетъ объ ихъ упорномъ мужествѣ и блистательныхъ подвигахъ; но они должны были пасть. Упорнѣе ихъ, терпѣливѣе и крѣпче сомкнуты были Германскіе пришельцы. Ряды ихъ пополнялись безпрестанно новымъ приливомъ ихъ соотечественниковъ. Тысячи падали подъ мечемъ Бриттовъ; но вѣтеръ южный и юго-восточный гналъ сотни Саксонскихъ кораблей отъ Фризскихъ и Саксонскихъ береговъ къ бѣлому берегу Альбіона, и тысячи свѣжихъ бойцовъ пополняли ослабѣвшую дружину, и временные побѣдители, Кельты, снова отступали передъ напоромъ завоевателей. Но завоеванія Саксовъ, сна-

Digitized by Google

чала жестокія, также какъ и завоеванія во многомъ съ ними схожихъ Славянъ, были въ послѣдствіяхъ своихъ благодѣтельны. Они очищали почву, испорченную Римомъ; они населяли народомъ безнародную землю. Саксы не были бродячею дружиною народною, какъ Готы или Аланы, или личною, какъ воины Меровейцевъ, уже до костей развращенные трехвѣковымъ соприкосновеніемъ и наемничествомъ Римлянъ. Они были народною колоніею.

Отъ того-то такъ твердо хранили они общинные обычаи и придавали всегда такую важность своему вѣчу, *Виттена-Гемотъ*.

Имъ, трудолюбивымъ и не знающимъ роскоши пахарямъ, не нуженъ былъ рабъ для корысти или для невольнаго труда; имъ не нужна былъ рука низкаго, иноплеменнаго наемника. Имъ нужна была земля, надъ которой самимъ бы можно было трудиться въ добромъ согласіи съ природою и съ гордымъ чувствомъ своей свободы. Разумѣется для этого прежніе жители селъ должны были или бѣжать, или погибнуть, или поступить въ число земледѣльческихъ орудій - рабовъ. Но за то села и поля, населенныя рабами или полу - рабами, отпущенниками, работавшими на отсутствующихъ и немногочисленныхъ землевладѣльцевъ Римской эпохи, бездушнымъ и безнравственнымъ сбродомъ изо всѣхъ племенъ, получили новое, многочисленное, честное и свободное населеніе. Обращенные въ рабство прежніе жители, оставшіеся въ старыхъ жилищахъ и избѣгнувшіе меча, приняли мало-по-малу и языкъ побѣдителей, простодушныхъ и близкихъ къ нимъ по своему состоянію, и созрѣли для будущей свободы. Города не привлекали къ себѣ селянина Саксонца или Англа. Малые, они погибали и потомъ снова отстроивались остатками своихъ прежнихъ обывателей, составляя новыя общины въ неопредѣленной зависимости отъ завоевательнаго племени. Большіе, они долго сопротивлялись или совершенно отстаивались и заключали мирные договоры, обезпечивающіе ихъ свободу.

Digitized by Google

Такова была, между прочимъ, судьба Йорка и особенно Лондона, болѣе всѣхъ сохранившаго свои права.

Безъ сомнѣнія и за стѣны городскія проникала мало-помалу стихія Саксонская; но этотъ приливъ былъ мирный и условный. Нравы, мысли, обычаи, законы и языкъ горожанъ измѣнялись медленно, принимая въ себѣ много доброй простоты отъ грубыхъ пришельцевъ и передавая имъ въ тоже время начала просвѣщенія и науки. Римское право преподавалось въ Йоркѣ еще въ концѣ VIII-го вѣка; ученость и знаніе Латинскаго языка, права каноническаго и философіи хранились въ монастыряхъ, и неиспорченная душа Саксонца умѣла имъ сочуствовать.

Эринскіе Кельты и ихъ духовенство имѣли въ этомъ отношеніи весьма полезное вліяніе на Англію и отчасти черезъ нее, отчасти прямо — на остальную Европу. Стоитъ только вспомнить Эригену и проповѣдниковъ слова Евангельскаго въ Германіи, о которыхъ уже говорено.

Такимъ образомъ создавалась Германская основа Англіи, та крѣпкая, здоровая и нравственная основа, на которой выросла великая держава для славы и пользы человѣчества и для храненія многихъ высокихъ и добрыхъ началъ, утраченныхъ Романо-германскимъ міромъ.

Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи.

Впрочемъ, признавая главную составную часть новаго народонаселенія Германскимъ, не должно терять изъ вида и другую стихію, вошедшую въ него. Достаточно назвать двухъ боговъ, отъ поклоненія которымъ отрекались Саксы при принятіи Христіанства въ самой Германіи, чтобы узнать эту стихію. Эти боги Чернобогъ и Сива (быть можетъ, Жива, хотя такое чтеніе сомнительно). Ихъ Славянское происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію.

Кажется Эйнгардъ называетъ Бѣлбога у Саксонцевъ въ Германіи. Вальтеръ-Скотъ въ Гарольдѣ представляетъ Чернобога богомъ волшебства.

Digitized by Google

Свидѣтельства современныя не называютъ того племени, у котораго требовалось отреченіе отъ Чернобога; но критикѣ, не трудно опредѣлить то, объ чемъ умалчиваютъ современники. Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ Саксовъ могло быть, вслѣдствіе заемнаго вѣрованія—поклоненіе богу чуженародному; но конечно начало этаго вѣрованія должно искать у Германскихъ Саксонцевъ. За ними остаются Юты, Варны и Англы, давшіе имя свое Англіи. Имя Ютовъ указываетъ на Кимврское происхожденіе, какъ уже показано изъ сличенія Ютланда съ Кимврскимъ полуостровомъ, Ютунгейма и миѳовъ касающихся до него (напр. стѣны) съ сказаніями о преградѣ между Азами, Сарматами и Кимврами на Кавказѣ и т. д.; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Юты были племя не-Германское, хотя Кимры или Кумры безспорно Кельты. Германцы, завоевавшіе землю Ютовъ-кельтовъ, приняли имя отъ завоеваннаго края, какъ Маркоманы отъ Краинцевъ, Остъ-и Вестъ-готы (Гріютунги и Тервинги) отъ Полянъ и Древлянъ, Франки Меравскіе (или Меровейцы) отъ Мориновъ, Вандалы отъ Вендовъ, Пруссія и Помернъ отъ прежнихъ туземцевъ. У Ютовъ искать примѣтъ Славянства нечего. Иное дѣло Варны и Англы, которыхъ можно считать за одно. Славянскія названія урочищъ хранятся вездѣ, гдѣ были Варны. Англы первоначально являются на Славянскомъ поморіи Бальтики, потомъ переселяются (вѣроятно не всѣ) въ сосѣдство и въ союзъ Тюринговъ, въ которыхъ Славянская стихія крайне вѣроятна, по окончанію имени ихъ на *ингъ* (ичь: Тюрингъ,—Тверичь) и по ихъ раннему союзу съ Гуннами еще прежде усиленія этого мстительнаго казачества; потомъ снова являются они на берегахъ Бальтики и переселяются съ Саксами въ Англію, которой и даютъ свое имя. Самое имя это Англы или (по весьма обыкновенному закону перехода звуковъ) Углы (Угличи) носитъ на себѣ характеръ Славянскій (названіе по мѣстности), чуждый чисто-Германскому міру. Съ ними и по всей вѣроятности отъ нихъ являются въ Саксонскомъ союзѣ имена Славянскихъ боговъ, которыхъ нельзя считать чистымъ религіознымъ займомъ, ибо такого рода фактъ нигдѣ не встрѣчается въ исторіи Европы

Digitized by Google

безъ племенной примѣси. Если дѣйствительно Англы были отдѣленіемъ великаго Славянскаго народа, должны бы встрѣчаться въ памятникахъ объ ихъ первомъ вторженіи въ землю, назначенную имъ судьбою, слѣды ихъ происхожденія. Дѣйствительно это указаніе находится и въ такой формѣ, которая не подлежитъ сомнѣнію для критика, ознакомившагося съ памятниками Сѣвера и преданіями о движеніи Вендскихъ (Ванскихъ) племенъ изъ Русскаго Востока въ Скандинавію. Мы уже видѣли, что эта стихія миѳически олицетворяется въ мудрыхъ Ванахъ Фрейрѣ (Пріѣ), богѣ При-донскомъ; Брагурѣ (богѣ заздравныхъ чашъ) и Ніордрѣ изъ Неотуна (Новгорода).

Замѣчательно, что въ Англійской заздравной чашѣ сохранилась Славянская форма мѣстоименія вашъ (вашъ-гейль, wassayle).

Всѣ родословныя царей Саксонскаго союза согласны въ одномъ. Родъ *Иды*, перваго царя Англовъ, ведется, какъ и всѣ роды вождей Саксонскихъ, отъ Водана; но онъ одинъ идетъ отъ Водена черезъ *Фрейра*, котораго находимъ подъ весьма важнымъ именемъ.

По Саксонской лѣтописи *Ангенвитъ* (окончаніе слова замѣчательно) и *Ингинъ*, по Гейнриху Гунтингдонскому *Ангенвитъ* и *Ингіуни*, по Симеону Дургамскому *Ангенви* и *Ингви*, по Неннію *Ингветъ*. Тотъ же Фрейръ болѣе еще извѣстенъ подъ именемъ Геатъ. Ихъ тождество видно изъ имени Фрегегеатъ и изъ ихъ пріапическаго характера, а можетъ быть еще болѣе изъ повѣсти о любви Фрейра къ *Гердрѣ* и Геата къ *Мадчильдѣ*.

Таже самая форма встрѣчается въ Норвежской линіи Гаральда Гарфагра въ именахъ *Ингви* и *Ингви-Фрейръ* и даетъ намъ объясненіе названія *Инглинговъ* (т. е. *Фрейровичей)* и вѣроятное происхожденіе слова *Инглъ* отъ имени народа *Англовъ* или Угличей. Во всякомъ случаѣ это прямое и исключительное происхожденіе *Иды* отъ Вана-Фрейра есть фактъ рѣшительный для человѣка знакомаго со смысломъ миѳовъ сѣ-

Digitized by Google

верныхъ. Быть можетъ, что подъ именемъ *Фрейра* или *Ингви* видимъ мы котораго нибудь изъ тѣхъ боговъ, отъ которыхъ отрекались Саксы, переходящіе въ Христіанство.

Уже прежде говорено о вѣроятномъ тождествѣ Фрейра-Прія съ Бѣлбогомъ (о которомъ говоритъ Егингардтъ) и Беленомъ. Разумѣется изъ всѣхъ этихъ примѣтъ критика не имѣетъ еще никакого права считать дружину *Иды* чисто-Славянскою (такое предположеніе было бы даже невѣроятнымъ); но она должна ее признать сборищемъ или сплавомъ Германскимъ около Славянскаго ядра и понять возможность и смыслъ многихъ позднѣйшихъ явленій. Такъ напр., признаніе этой стихіи и пониманіе ея образовательнаго характера объясняютъ явленіе въ Англіи суда присяжныхъ (ротниковъ, цѣловальниковъ), совершенно чуждаго стихіямъ Римскимъ, Германскимъ и Кельтскимъ, и особенно основу этого суда, единогласность, совершенно непонятную и непонятую внѣ Славянскаго міра и его безусловной простоты. Преобладаніе Юга чисто-Саксонскаго, восторжествовавшаго въ династіи Вестъ-сакскихъ королей, подавило стихію Славянскую, числительно слабую; но слѣды умственнаго или духовнаго ея вліянія (какъ сказано) отзываются въ духовномъ построеніи Англійской земли, смягчая дикость Германскую (также какъ и по всему поморью Балтики и даже Германскаго моря), между тѣмъ какъ племенное различіе, можетъ быть, служило объясненіемъ нетвердой привязанности сѣверныхъ областей къ линіи Эгберта и готовности ихъ принимать къ себѣ новыхъ пришельцевъ, Датчанъ или Норвежцевъ.

Замѣчательно-малое число рабовъ въ областяхъ сѣверныхъ сравнительно съ южными при послѣдней переписи народа Саксонской эпохи было приписано вліянію новыхъ завоевателей, Датчанъ. Не оспаривая этой догадки, можно замѣтить, что она не подтверждается законами Датскихъ царей, и хотя и согласна съ обычаемъ Норманновъ въ другихъ земляхъ, но тотъ же самый фактъ объясняется также легко особенностью Славянскаго характера въ племени Англовъ.

Digitized by Google

Христіанство въ Англіи.

Саксы явились язычниками въ землѣ христіанской; но Христіанство въ мірѣ Римскаго образованія долго было почти безплоднымъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя, объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ современныя сказанія (напр. Сальвіанъ). Собственно провинція, т. е. земли населенныя романизованнымъ сбродомъ людей и города, держалась какого-то Христіанства догматически чистаго, но не проникшаго нисколько въ общественные нравы.

Римское полицейское просвѣщеніе было слишкомъ грубо для духовнаго вѣрованія и нисколько не развило мысли и души человѣческой.

Другое Христіанство было преобладающимъ въ областяхъ населенныхъ Кельтскимъ племенемъ, т. е. въ горныхъ округахъ Валлиса и Кумбріи. Соединенное съ дикостью нравовъ, съ буйствомъ страстей, смѣшанное съ сильными остатками друидизма въ символахъ и миѳахъ, оно представляло характеръ темнаго, полу-языческаго суевѣрія.

Это видно изъ легендъ Кельтскихъ о святыхъ, изъ современной поэзіи бардовъ, изо всѣхъ сказаній и преданій объ Артурѣ и его сподвижникахъ. Западная Азія, ея язычество и по преимуществу солнцепоклонство еще слышны во всемъ. Многое напоминаетъ Финикію вслѣдствіе общаго религіознаго настроенія при-Кавказскихъ Кельтовъ и Иверцевъ и Полу-иверскою Финикіею.

Между Христіанствомъ романизованной провинціи и Христіанствомъ горныхъ племенъ было такое же враждебное отношеніе, какъ и между образованіемъ ихъ и всѣмъ ихъ бытомъ. Правда, что нѣкоторое вліяніе Римскаго четырехъ-вѣковаго владычества отозвалось и на горныхъ дикаряхъ, прямо ли или чрезъ посредство ихъ единоплеменниковъ горожанъ (такъ напр. сильнѣйшіе князьки добивались званія императорскаго); но эта ничтожная примѣсь не измѣнила ни языка, ни обычаевъ горцевъ, и гордый полу-Римлянинъ городовъ, слиш-

Digitized by Google

комъ слабый, чтобы что нибудь создать, слишкомъ изнѣженный, чтобы даже отстоять что нибудь, смотрѣлъ на чистаго Бритта, дикаря еще не утратившаго силъ своихъ, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія. Въ обоихъ стихіяхъ вѣрованіе христіанское подверглось сильному искаженію; но должно сознаться, что оно было живѣе и плодотворнѣе у дикаря, чѣмъ у полупросвѣщеннаго его соотечественника. Не въ школахъ Гильдасовъ и Ненніевъ выростали Колумбы и Колумбаны, горячіе проповѣдники слова, ревностные очистители обряда, блюстители ученія, обличители папъ, зажигатели церковнаго свѣтильника у себя и въ чужихъ земляхъ. Не изъ городовъ, не изъ романизованной области выходили неутомимые апостолы, которые разносили сѣмя духовнаго просвѣщенія по темнымъ пространствамъ Средней Европы, въ полу-Кельтской Швейцаріи, по Германскимъ низовьямъ Рейна, по лѣсистымъ горамъ земли Байерской, Тюрингской и Франконской и даже по Фризскому поморью, страдая сначала отъ языческаго упорства, отъ страстей и отъ фанатической вражды народовъ, которыхъ они стремились просвѣтить, страдая впослѣдствіи можетъ быть еще болѣе отъ гоненій и клеветы своихъ соперниковъ, проповѣдниковъ Саксонскихъ, подчинившихъ свою христіанскую дѣятельность службѣ папскому престолу. Всѣ эти великіе двигатели просвѣщенія выходили изъ неромапизованной стороны, изъ чисто-Кельтскаго Эрина, прозваннаго Островомъ святыхъ, изъ церкви еще свободной отъ мѣстнаго характера Запада и связанной крѣпкими узами съ просвѣщеніемъ Востока. Но ни развращенные города, ни дикіе и враждебные Кельты не могли передать христіанства Саксонцамъ. Явилась проповѣдь другая. Великій епископъ Рима, Григорій, исполненный состраданія къ землѣ нѣкогда христіанской и снова обращенной въ язычество и къ самимъ завоевателямъ, язычникамъ, въ которыхъ сохранялись многія добродѣтели неиспорченной природы, послалъ къ нимъ своихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ особенную славу заслужилъ, какъ извѣстно, Августинъ. Успѣхи проповѣдниковъ были весьма быстры: ученіе ихъ принималось охотно народомъ, очевидно не

Digitized by Google

крѣпко державшимся своей прежней вѣры; но сама проповѣдь Христіанства, присланнаго Римомъ, обозначена была враждою къ мѣстному Христіанству племени Кельтскаго. Съ глубокимъ ужасомъ и съ невольнымъ отвращеніемъ встрѣчаемъ мы неоспоримыя свидѣтельства, что новое духовенство, просвѣщавшее Саксовъ, часто вызывало ихъ на уничтоженіе прежняго духовенства въ горныхъ областяхъ и особенно на кровавое преслѣдованіе Кельтскихъ монаховъ. Какое бы ни было ученіе этихъ несчастныхъ жертвъ, какъ бы ни было они оподозрѣны въ догматическихъ ошибкахъ (впрочемъ нисколько не доказанныхъ), жестокость ихъ враговъ указываетъ на глубокую порчу служителей Западной церкви и на кровожадность, совершенно противную той вѣрѣ, которую они проповѣдали.

Разумѣется, нѣтъ никакой причины обвинять Великаго Григорія въ дѣлахъ, совершенныхъ или допущенныхъ его миссіонерами и ихъ преемниками; но вражда двухъ церквей въ Англіи объясняетъ ихъ позднѣйшую борьбу въ Германіи и уличаетъ одностороннее направленіе, принятое уже въ началѣ VII-го вѣка Западною половиною христіанскаго міра.

Мало гоненій встрѣтила евангельская проповѣдь въ землѣ Англо-саксовъ, и это замѣчаніе повторяется вездѣ, гдѣ она не вмѣшивалась въ дѣла политическія, или гдѣ ея не сопровождала вражда народная или гроза чужеземнаго ига. Одно только жестокое испытаніе и выдержала она, когда на нее ополчился свирѣпый старикъ Пенда, лицо поэтическое въ своей дикости, дѣйствовавшее въ тѣсномъ пространствѣ, но сосредоточивавшее въ своей рукѣ всю силу и въ душѣ своей всю энергію великихъ вождей народнаго движенія, сокрушившаго грани обветшавшаго Рима. Къ чести племени Саксонскаго должно однакоже прибавить, что грозный старикъ не былъ безусловнымъ или неразумнымъ гонителемъ. Въ его бурной душѣ жило чувство правды, и онъ говорилъ: «Я убиваю не тѣхъ искреннихъ людей, которые поклоняются Христу, но тѣхъ лжецовъ, которые проповѣдуютъ Христово ученіе, а жи-

Digitized by Google

вуть въ противность ему». Со смертію Пенды торжество Христіанства было повсемѣстно, и оно принесло много прекрасныхъ плодовъ.

Англо-саксы приняли проповѣдь Евангелія съ глубокимъ и простодушнымъ убѣжденіемъ. Они не были, какъ многія другія Германскія дружины и по преимуществу Франки, поселившіеся на развалинахъ Римскаго міра, вовлечены и, такъ сказать, соблазнены въ Христіанство. Строго проповѣдывалось оно имъ, строгимъ голосомъ говорило оно съ ними. Безъ сомнѣнія оно не вполнѣ овладѣло ихъ душою, оно не заковало ихъ дикихъ страстей; но безпристрастная критика не можетъ не отличить первой эпохи христіанской въ Британскихъ островахъ отъ соотвѣтствующихъ ей эпохъ въ другихъ странахъ Запада. Она представляетъ явленіе истинно утѣшительное. Между дѣяніями, обличающими еще свирѣпость и нѣкоторый развратъ, слышится безпрестанно кроткій голосъ вѣры, искреннее покаяніе очищаетъ сердца грубыхъ воителей, глубокое смиреніе сгибаетъ гордую шею царей и ведетъ нхъ въ монашескую келію или украшаетъ ихъ вѣнецъ лучшимъ вѣнцомъ добродѣтельнаго и праведнаго житія.

На это обстоятельство еще слишкомъ мало обратили вниманіе, а между тѣмъ оно во многомъ объясняетъ позднѣйшую исторію Англіи.

Мало-по-малу самая вражда между проповѣдью Римскою и мѣстнымъ Христіанствомъ стала угасать, точно также какъ и ненависть Сакса и Кельта, которую, какъ кажется, въ послѣдствіи возобновили Норманны. Хотя два духовныя начала, встрѣтившіяся на спорной почвѣ, никогда не примирились вполнѣ, но ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга имѣло вліяніе благодѣтельное и во многомъ ослабило ихъ односторонность. Кельтское Христіанство умягчилось; Саксонское получило свободу. Для Рима нужно было впослѣдствіи новое завоеваніе, которое совершено его оруженосцемъ Дунстаномъ; но свобода, едва подавленная, снова потребовала своихъ правъ, и Виль-

Digitized by Google

гельмъ Завоеватель бился подъ знаменемъ и съ благословенія папы. Но сѣмя разъ брошенное въ землю не пропало.

Эпоха Саксонская вообще въ высшей степени замѣчательна и рѣзко отличается отъ всей исторіи остальной Европы. Земля ими покоренная получила въ нихъ народъ, языкъ и начала разумной и человѣческой жизни. Составъ государственный былъ слабъ, кажется слабѣе чѣмъ гдѣ либо: такъ и должно было быть; ибо общество было основано не дружиною, а народною колонизаціей (къ которой конечно примѣшивалось немало и дружиннаго начала, но съ значеніемъ второстепеннымъ). Семи- или осьмицарствіе связывалось только по временамъ и то въ весьма рыхлый союзъ, всегда готовый распасться. Власть временнаго главы, *Бретвальда*, была и незначительна, и почти всегда оспориваема; но учрежденія народныя были сильны. *Виттена* рѣшалъ всѣ важные вопросы, и мы видимъ, что отъ его благоусмотрѣнія зависѣло почти все, что́ касалось до внутренней жизни Англо-сакскаго племени.

Такъ напр. мы находимъ, что самый религіозный вопросъ при переходѣ въ Христіанство рѣшается въ Виттенахъ во многихъ областяхъ, и склонность самыхъ жрецовъ къ новой вѣрѣ (явно засвидѣтельствованная писателями, которыхъ риторическія украшенія не могутъ поколебать довѣренности исторической критики къ самой сущности ихъ разсказовъ) показываетъ, что нравственное и духовное убѣжденіе въ народѣ могло управлять его дѣйствіями и дѣлало его достойнымъ свободы.

Саксонская гептархія.

Безпрестанныя междоусобія подрывали силы государства, доставляя поочередно то одной то другой области, то одному то другому корольку временное первенство надъ соперниками, уничтожая чувство государственной цѣльности и готовя путь для будущихъ завоевателей-иноземцевъ. Правда, что предѣлы Саксонскіе все еще продолжали расширяться мало-по-малу по милости еще бо́льшаго разъединенія Кельтовъ; но успѣхи были медленны, и въ иныя времена сами Кельты грозили уни-

Digitized by Google

чтоженіемъ Саксонской власти какъ напр. при мужественномъ Кадваллонѣ въ 630-хъ годахъ. Правда, что всегда на которомъ нибудь изъ Саксонскихъ престоловъ сидѣлъ какой-нибудь правитель сильный разумомъ и волею и преобладалъ надъ другими, но эти неправильныя случайности не придавали силъ государству.

Это явленіе объясняется тѣмъ же закономъ, которымъ объяснено необыкновенное множество великихъ государей на престолѣ падающаго Рима. Тамъ, гдѣ нѣтъ твердыхъ положеній и хранительныхъ формъ, преобладаетъ личная доблесть и сила, но не на пользу общества въ его государственномъ значеніи.

Очевидно въ самой основѣ семицарствія (гептархіи) лежала коренная болѣзнь, которая должна была уничтожить его. Оно могло перейти и переходило то въ пяти, то въ трехъцарствіе, то наконецъ въ единодержавіе, но внутренней причины существовать навсегда въ немъ не было. Не было стремленія къ единству, не было чувства единства; не было достаточно народнаго характера, чтобъ отвергнуть всякое внѣшнее владычество, не было организаціи довольно твердой и опредѣленной, чтобы всѣ могли или хотѣли стать за каждаго или каждый за всѣхъ. Общество, какъ собраніе людей болѣе или менѣе однокровныхъ другъ съ другомъ и живущихъ подъ условіями взаимной правды и любви, существовало въ Англіи тогда, когда оно не существовало нигдѣ въ остальной Европѣ; но общество, какъ государство, т. е. какъ организмъ имѣющій какой нибудь центръ (король или соборъ, все равно) не существовало вовсе или существовало въ видѣ самомъ хаотическомъ. Равнодушіе къ государству есть преобладающая черта Саксонской эпохи.

Мы встрѣтимъ позднѣе туже самую черту въ другой землѣ; но земля эта спаслась отъ завоеванія сперва вслѣдствіе дикаго нрава и кочеваго быта однихъ завоевателей, а потомъ вслѣдствіе религіознаго разногласія съ другими.

Digitized by Google

Много добраго и прекраснаго было совершено во время семицарствія владыками Саксонскими, такими каковъ былъ напр. Ина Законодатель; много высокихъ человѣческихъ чувствъ являлось на престолахъ въ такихъ лицахъ, какъ Освальды, Альфреды, Эдвины и другіе. Все это свидѣтельствуетъ о человѣческомъ развитіи самаго народа; ибо никогда правители не могутъ возвышаться значительно надъ тѣмъ обществомъ, котораго судьба поручена ихъ правленію. Они сами—созданіе общества; орудія ихъ и совѣтники — члены его, и всѣ дѣйствія ихъ подчиняются его законамъ; все то, что́ противно этимъ законамъ, будь оно ко злу или къ добру, исчезаетъ безъ слѣда или гибнетъ еще въ зародышѣ вслѣдствіе положительнаго отпора или безчувственной апатіи массъ.

Оттого-то всякая историческая критика, отдѣляющая правительства отъ народовъ въ исторіи человѣчества, впадаетъ въ безсмысленную ошибку. Личныя случайности народныхъ вождей имѣютъ безспорно свое значеніе, онѣ ускоряютъ или замедляютъ развитіе общихъ или частныхъ началъ въ государствѣ, производятъ временныя смущенія или потрясенія въ его нормальномъ ходѣ, но никогда не могутъ нарушить этаго хода. Сила духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ его основъ прорѣзываетъ историческій путь для каждаго народа и для каждаго общества, возвышая или губя его или опредѣляя его судьбу до тѣхъ поръ, покуда не дастся ему другой высшій законъ, или покуда не встрѣтятся съ нимъ другія высшія или сильнѣйшія начала, олицетворенныя въ другомъ обществѣ или народѣ, которымъ принадлежатъ по справедливости историческое первенство и право на временное торжество. Такъ, напр., идея правды въ Римѣ должна была побѣдить идею красоты Эллинской, хотя впослѣдствіи идея правды Римской (т. е. внѣшней) по своей односторонности уступила болѣе многосторонней идеѣ Эллинской въ дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго духа и въ истинно-разумномъ вліяніи на его нравственное возвышеніе.

Христіанство принято было, какъ уже сказано, въ землѣ Англо-саксовъ въ формахъ весьма близкихъ къ своему пер-

Digitized by Google

воначальному характеру: оно дѣйствовало своею духовною проповѣдью и поэтическимъ образомъ на сердца неиспорченныя ни сосѣдствомъ Римлянъ, ни преобладаніемъ дружиннаго устройства и облагораживало ихъ. Оно имѣло прямое вліяніе даже на отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ туземцамъ и къ ихъ единоплеменникамъ. Строгая жизнь Ирландскихъ монастырей призывала многихъ къ переселенію въ ихъ мирныя нѣдра изъ бурной среды, въ которой волновались еще неукрощенныя страсти недавнихъ язычниковъ. Духовныя сношенія связывали область Англовъ съ землями новообращенныхъ Кельтовъ (Скоттовъ и Пиктовъ въ Шотландіи) и Кумрійцевъ Юго западной Англіи. Часто осиротѣвшіе князьки искали убѣжища, воспитанія и защиты у племенъ еще недавно враждебныхъ. Чувства человѣчества и благоволенія, чувства общенія умственнаго и духовнаго пробивались вездѣ, развивая тѣ духовныя силы, которыя впослѣдствіи подняли Англію такъ высоко между Европейскими народами; но имъ не дано было развиться вполнѣ, потому что самой землѣ предстоялъ кровавый и крутой переломъ.

Мелкія царства гибли мало-по-малу въ междоусобной борьбѣ. Первенство осталось за двумя областями, за полу-англійской Меркіей и чисто-Германскимъ Вестъ-сексомъ.

Нѣмецкій патріотизмъ заднимъ числомъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что судьба доставила окончательное торжество области, въ которой будто бы Германская стихія была затемнена стихіями чуждыми. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Безпрестанная борьба съ Валлійцами и съ горцами западными имѣла разумѣется нѣкоторое вліяніе на Вестъ-саксовъ; но это вліяніе было незначительно, и почти вся остальная Англія была гораздо болѣе измѣнена примѣсью отъ довольно сильнаго и сравнительно образованнаго населенія городовъ.

Споръ Меркіи и Вестъ-секса кончился въ пользу послѣдняго, и видимая случайность была дѣйствительно не случай-

Digitized by Google

ностью. Въ ней проявился законъ, который такъ часто повторяется въ исторіи, по которому области наиболѣе окрѣпшія въ военной борьбѣ и наиболѣе принявшія дружинный бытъ, первыя вырываются на историческое поприще. Въ Вестъ-саксонскомъ королевствѣ преемство людей сильныхъ духомъ было обезпечено самою опасностью, въ которой постоянно находилась область, шаткостью престолонаслѣдія и нѣкоторою дикою энергіею нравовъ. Эгбертъ и его ближайшіе преемники соединили въ одно цѣлое разрозненныя части осьмицарственнаго союза.

Безполезно разсматривать хронологію присоединенія каждой отдѣльной части. Это нужно только для спеціальныхъ исторій. Въ самомъ же дѣлѣ присоединенія не выступаетъ ни одно характеристическое обстоятельство.

Новое царство не имѣло уже той рыхлости, которою обозначенъ былъ весь союзъ, даже въ то время, когда онъ находился подъ главарствомъ *Бретвальдовъ*. Эти верховые вожди имѣли только одно значеніе — сосредоточивать до нѣкоторой степени силы осьмицарствія противъ свободныхъ туземцевъ и перестали являться въ лѣтописяхъ задолго до Эгберта и именно въ то время, когда Кельты были окончательно вдвинуты въ свои родныя горы. Борьба коренныхъ жителей противъ пришельцевъ, давно уже невозможная, какъ по превосходству дружины Саксонской, такъ и по тѣснѣйшему союзу Англо-саксовъ въ сравненіи съ разъединенностью Кельтовъ, сдѣлалась уже просто не чѣмъ инымъ, какъ обороною горныхъ твердынь противъ осаждающаго непріятеля; но оборона была ведена съ рѣдкимъ упорствомъ, достойнымъ удивленія. Большую часть горъ успѣли отстоять потомки древнихъ Бриттовъ не только противъ Англо-саксовъ, но и противъ еще сильнѣйшихъ Норманновъ и противъ еще сильнѣйшихъ вѣковъ. Уже съ самаго начала нашествія Англо-саксовъ туземцы, очевидно раздѣленные тѣмъ духомъ кланства, который еще недавно сталъ погасать въ горной Шотландіи, всегда готовые на кро-

Digitized by Google

вавыя междоусобія, рѣдко соединялись (и то разумѣется не всѣ) подъ начальствомъ одного какого-нибудь вождя, каковы были: Натанлеодъ и болѣе или менѣе сомнительный Амвросій, Пендрасонъ или Артуръ. Впослѣдствіи эти союзы сдѣлались еще рѣже, хотя отчасти еще проявляются при Кадваллонѣ и сынѣ его Кадвалладурѣ. Позже они исчезаютъ почти вовсе, между тѣмъ какъ единство непріятеля дѣлается постояннѣе и крѣпче.

Оттого-то Кельты и не могли воспользоваться страшными нашествіями Скандинавовъ, хотя часто дѣйствовали съ ними заодно.

Но царство Англо-саксовъ получило болѣе видимое, чѣмъ коренное единство. Случайности военной борьбы и, можетъ быть, смутное пониманіе необходимости сліянія всѣхъ мелкихъ областей въ одно цѣлое доставили Вестъ-секской династіи власть надъ Англіею или по крайней мѣрѣ полное преобладаніе надъ слабѣйшими соперниками; но внутреннія сѣмена раздора не были уничтожены, память о независимости отдѣльныхъ областей, племенное и дружинное соперничество были еще живы и должны были принести горькіе плоды. Наконецъ, очевидное смѣшеніе общинности и дружиннаго строя не допускали правильнаго развитія общественныхъ силъ, а многочисленность населенія несвободнаго была постоянною причиною слабости и зародышемъ паденія. Великій основатель Карловингской династіи не закрылъ еще глазъ и уже быстрыя суда Сѣверныхъ хищниковъ грозили берегамъ Средиземнаго моря, и побѣдоносный императоръ проливалъ слезы, предвидя бѣдствія своихъ потомковъ. Эгбертъ, основатель единства Англо-саксонскаго, не сошелъ еще во гробъ, а уже царство его видѣло первые набѣги своихъ будущихъ завоевателей.

Земли Скандинавскія.—Завоеванія Норманновъ въ Англіи.

Въ концѣ VIII-го вѣка появились на всѣхъ западныхъ моряхъ страшные паруса Скандинавіи. Развитіе ихъ грозной силы и смѣлой предпріимчивости не было медленнымъ дѣломъ времени и давняго обычая. Казалось, что огромное старое морское

Digitized by Google

ополченіе, окрѣпшее въ борьбѣ съ волнами Океана, было чѣмъ-то задержано въ своихъ родныхъ пристаняхъ и съ первымъ попутнымъ вѣтромъ полетѣло почти единовременно ко всѣмъ берегамъ. Такое явленіе было бы безпримѣрно въ исторіи и противно всѣмъ ея законамъ, если бы оно не объяснялось, какъ уже сказано, двумя происшествіями почти современными другъ другу въ самой Скандинавіи и въ средней Европѣ. Великіе дѣятели исторіи, невольное орудіе ея логики, часто служатъ цѣлямъ, которыя или чужды ихъ соображеніямъ или даже противны ихъ намѣреніямъ. Карлъ Великій своими безпрестанными и широко объемлющими походами развивалъ сѣмена феодальности, противъ которой хотѣлъ бороться. Карлъ, принимая императорскій вѣнецъ отъ папы, котораго тоже хотѣлъ удержать въ строгой подчиненности, ставилъ папство выше имперіи. Карлъ, разрушая силу Саксонцевъ, до тѣхъ поръ владѣвшихъ Сѣверными морями и нанося войною и торговыми законами сильный ударъ Вендо-славянской морской торговлѣ, очищалъ путь морякамъ болѣе воинственнымъ, но до тѣхъ поръ еще слабымъ и избавлялъ ихъ отъ соперничества, которое до тѣхъ поръ ихъ обуздывало. Въ тоже время въ самой Скандинавіи происходилъ великій переворотъ. Мы видѣли, что двѣ стихіи съ Юго-востока проникли въ нее вѣроятно вѣка за два до Р. Х.: стихія Азо-сарматская и Вендо-славянская (олицетворенныя въ божествахъ Азахъ и Ванахъ) и сдѣлались въ одно время властительницами и просвѣтительницами всего края. Превосходство ли численное или духовное, или какая-нибудь случайность доставила первенство Вендамъ надъ ихъ союзниками, сказать невозможно. Вѣрно то, что потомки Фрейра, Инглинги, были въ продолженіе многихъ вѣковъ главою всѣхъ сѣверныхъ областей.

Собственно царствовали они въ Швеціи, но Данія была имъ безспорно подвластна (это видно изо всѣхъ сказаній), а родословная Гаральда Гарфагра показываетъ его происхожденіе также отъ Ингви-Фрейра, слѣд., отъ рода Инглинговъ. Выше было сказано, что выселеніе изъ Скандинавіи Готовъ (заключающихъ въ себѣ Лонго-

Digitized by Google

бардовъ и сѣверныхъ Бургундовъ) выселеніе несомнѣнное по ихъ собственнымъ сказаніямъ, по преданіямъ При-балтійскихъ Пруссовъ, Леттовъ и даже Литвы, также какъ и по языку, и позднѣйшее выселеніе Саксовъ были по всей вѣроятности слѣдствіемъ напора иноземныхъ стихій. Первенство же Вендовъ объясняется тѣмъ, что Азо-сарматы были оторваны отъ роднаго корня и братскаго вспоможенія, между тѣмъ какъ Вендо-славянское начало, оставаясь въ безпрестанныхъ дружескихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ При-волховскими братьями (Новгородомъ или Неотуномъ) долго могли почерпать новыя силы изъ страны одноплеменной. Оттого самого мы и видимъ, что Венды и Гунны (Славяне При-балтійскіе и Русскіе) являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ Скандинавіи. Впрочемъ можно, кажется, предполагать изъ сличенія памятниковъ, что южная часть ея, т. е. Данія и принадлежащія ей области, болѣе подчинялись или мѣстному началу *Водену* или Сарматскому Тору, признавая только первенство Инглинговъ.

Но власть Инглинговъ была основана не твердо. Противъ нея нерѣдко возставали мелкіе, подвластные имъ корольки и часто даже удальцы, прославившіеся своими подвигами. Наконецъ она пала передъ смѣлымъ и свирѣпымъ Гаральдомъ Гильдетандомъ, который прекратилъ ихъ династію и похитилъ ихъ власть. Впрочемъ это похищеніе не переносило власти и первенства въ другую стихію. Тѣже самыя силы, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ служили Инглингамъ, поддерживали потомъ державу ихъ губителя. Можно даже предполагать, что Гаральдъ стремился дать восточному началу полнѣйшее преобладаніе или на немъ основать неограниченную власть своего дома и черезъ то самое вызвалъ сильное сопротивленіе другихъ мѣстныхъ стихій. Эти стихіи нашли себѣ предводителя въ Сигурдѣ Рингѣ, отцѣ славнаго Рагнара Лодброка. Между врагами закипѣлъ великій Бравальскій бой, прославленный и воспѣтый всѣми скальдами Сѣвера. Борьба была очевидно не между лицами, не между династіями, принадлежащими къ одному и тому же началу. Такая борьба не настроила бы лиры всѣхъ поэтовъ; для нея не сошли бы боги

Digitized by Google

на землю; не возстали бы или не продлили бы вѣка своего далѣе предѣловъ жизни человѣческой древніе герои Сѣвера. Для разумной критики не можетъ даже быть сомнѣнія. Поля Бравальскія видѣли конецъ цѣлой системы народной, цѣлой вѣковой жизни и торжество или освобожденіе другой, до тѣхъ поръ порабощенной или угнетенной. Войска побѣжденнаго Гаральда состояли по большей части изъ Вендовъ и Гунновъ, по сказанію сагъ и лѣтописцевъ (т. е. изъ дружинъ Славянскихъ); но они были безъ сомнѣнія только союзниками, а не основною силы Гаральдовой. Послѣ его пораженія его побѣжденные сподвижники оставили родину, въ которой владычествовали много вѣковъ и искали убѣжища на Балтійскомъ поморьѣ. Лишенные земли они искали владѣнія на моряхъ и сдѣлались смѣлыми хищниками. Силы Саксовъ съ одной стороны уже были истощены переселеніями въ Англію и обратились тамъ на земледѣліе, на войну противъ Кельтовъ и на междоусобія, съ другой были сокрушены меченосцемъ Западнаго Христіанства, Карломъ. Пустыня морская оставалась безъ хозяевъ. Ею овладѣли Скандинавскіе бѣглецы. Примѣру побѣжденныхъ послѣдовали побѣдители, еще горящіе пыломъ недавней борьбы, и въ началѣ IX-го вѣка уже корабли ихъ, переплывъ волны Океана, огибали южную оконечность Испаніи и громили берега Италіи и Франціи. Такимъ-то образомъ объясняется мгновенное развитіе морскихъ разбоевъ Скандинавскихъ. Близкіе берега Англіи, разумѣется, были въ числѣ первыхъ странъ, посѣщенныхъ страшными гостями. На нихъ погибъ Рагнаръ, сынъ Сигурда, побѣдителя при Браваллѣ, идеалъ морскаго витязя, гроза всей Западной Европы, вдохновенный пѣвецъ, ненасытный грабитель, кровожадный и неумолимый воинъ. Онъ погибъ, какъ извѣстно, смертію жестокою, но вполнѣ заслуженною (если только позволено казнить лицо за обычаи его народа). Мщеніе за Лодброка было началомъ многолѣтнихъ бѣдствій для земли Англо-саксовъ.

Что пѣснь, извѣстная подъ именемъ Лодброка, была сложена не имъ, едва ли кто можетъ сомнѣваться; но сходство самой его смер-

Digitized by Google

ти съ смертію Гунтера въ Нибелунгахъ наводитъ сомнѣніе на самое происшествіе, развѣ предположить, что Элла знакомый, съ древнею эпопеею, позабавился жестокимъ подраженіемъ. Замѣчательно, что въ поэмѣ Гунтеръ, изъязвленный змѣями, умираетъ также съ пѣснію на устахъ.

Дѣти Лодброка подняли на Эллу и его область всю силу разбойничьихъ вольницъ Сѣвера; хитрость соединили они съ отвагою, усыпили подозрѣнія, избрали удобное время и вполнѣ отмстили за отца.

При этомъ случаѣ обнаруживается все лукавство Норманновъ, черта отличительная почти всей ихъ позднѣйшей исторіи, порокъ, въ которомъ они далеко превосходили Византійцевъ, слишкомъ часто обвиняемыхъ въ немъ, но который не разъ доставлялъ имъ нежданные успѣхи. Этотъ глубокій развратъ души, явный во всѣхъ ихъ дѣлахъ, доказываетъ, что ремесло морскаго разбоя дѣйствовало на нравственный бытъ Норманна также гибельно, какъ Римское наемничество и жизнь въ Римскихъ областяхъ дѣйствовали на Франка. Франкъ и Норманнъ, великія явленія въ исторіи, равно замѣчательныя по энергіи воли и отвратительныя по духовному искаженію. Худшая сторона ихъ души дѣйствовала, можетъ быть, также долго, какъ и лучшая.

Гибель Эллы и страшное опустошеніе его царства, успѣхъ добытый легко и обѣщавшій также легкіе успѣхи впереди, внушили дѣтямъ Рагнара мысль о завоеваніи всей страны, и эту мысль они едва не осуществили. Борьба ихъ съ двумя предшественниками Альфреда и съ нимъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо она объясняетъ позднѣйшіе успѣхи Кнута и непонятное завоеваніе Вильгельма.

Исторія вообще довольно пристрастна къ военнымъ успѣхамъ; исторія, обработанная потомками Германцевъ, особенно пристрастна къ подвигамъ ихъ предковъ, а Норманны, кажется, пользовались едва ли не двойною мѣрою пристрастія въ сравненіи съ другими народами. Смѣшно бы было отка-

Digitized by Google

зывать въ блестящемъ мужествѣ этимъ предпріимчивымъ наѣздникамъ моря, которые въ буряхъ Океана, страшнаго даже и теперешнему мореходству, не вооруженные силою паровъ, видѣли только удалую борьбу, которые на своихъ мелкихъ корабляхъ безъ компаса стремились вдаль отъ береговъ отыскивать сквозь туманы Сѣвера и пловучія громады льдовъ новыхъ и неизвѣстныхъ земель, которые наконецъ открыли Америку прежде Колумба безъ помощи науки, устраняющей препятствія, и безъ того вдохновенія религіознаго, которое пренебрегаетъ ими. Но должно также вспомнить, что такая смѣлость мореплавателей не чужда была и другимъ народамъ, передъ мужествомъ которыхъ не сгибаются колѣна ни у одного историка: Финикійцамъ, предупредившимъ Гаму и посѣщавшимъ постоянно Западную оконечность Европы, отдаленную отъ нихъ бурями Атлантики; Малайцамъ, населившимъ или завоевавшимъ острова, разсѣянные на безконечномъ лонѣ Тихаго Океана, племени Тонга еще прежде Малайцевъ и, наконецъ, даже Кельтамъ Эрина, вѣроятно наслѣдовавшимъ нѣкоторыя преданія Финикійцевъ и предварившимъ Норманновъ (по свидѣтельству самихъ Норманновъ) въ открытіи Америки. Всѣ эти явленія, которыя вѣроятно были еще обыкновеннѣе въ младенчествѣ рода человѣческаго, еще не посвятившаго своихъ силъ взаимному уничтоженію, принадлежатъ только къ тѣмъ признакамъ невѣроятной энергіи, происходящей отъ односторонности направленія, о которыхъ говорено при анализѣ первой исторической и до-исторической эпохи.

Таково зодчество Египтянъ, государственность Китая и храненіе слова и быта у Славянъ.

Не мужество Норманновъ дало имъ побѣду надъ Англосаксами. Войско Гаральда было въ трое малочисленнѣе дружины Вильгельмовой, отстаивало побѣду почти цѣлый день и едва не вырвало ея изъ рукъ завоевателя. Точно также мы видимъ въ самомъ началѣ борьбы Саксонцевъ противъ пер-

Digitized by Google

выхъ преемниковъ Лодброка, что горсть Саксонцевъ (или Англичанъ) въ чистомъ полѣ нерѣдко побѣждаетъ сильное войско пришельцевъ или по крайнѣй мѣрѣ уступаетъ со славою только огромному превосходству силъ. Честь военной доблести принадлежитъ по всѣмъ вѣроятностямъ Англо-саксамъ, и по крайней мѣрѣ самая осторожная критика можетъ допустить только равенство. Правда, что бо́льшая опытность и большій навыкъ къ хитростямъ воинскимъ доставляли часто побѣду Норманнамъ, иногда уже почти побѣжденнымъ; но такое ничтожное превосходство ничего не значило въ сравненіи съ выгодами представляемыми туземцамъ войною на родинѣ, гдѣ всякая потеря могла вознаградиться немедленно новымъ приливомъ силъ и гдѣ численное превосходство должно было всегда быть на ихъ сторонѣ. Успѣхи Норманновъ въ Англіи очевидно зависѣли отъ внутренней слабости Саксонскаго королевства. Ударъ ихъ былъ направленъ на Сѣверныя области заселенныя Англами, и тутъ были первыя ихъ завоеванія, которыхъ они уже никогда не утрачивали. Альфредъ, побѣдитель Гудруна, не старался, очевидно не могъ ихъ изгнать потому, что не было народной стихіи враждебной Норманнамъ, на помощь которой онъ могъ бы надѣяться. Альфредъ въ продолженіе многолѣтней борьбы съ Гастингсомъ не только никогда не находилъ союзниковъ, но постоянно находилъ враговъ въ сѣверо-восточныхъ Англахъ. Такое явленіе не объясняется вполнѣ отсутствіемъ государственнаго чувства: оно свидѣтельствуетъ о равнодушіи племенномъ, или даже о племенной враждѣ. Города̀ не были и не могли быть за грабителей. Сочувствіе встрѣчали они очевидно въ сельскомъ населеніи.

Быть можетъ, они пріобрѣтали это сочувствіе освобожденіемъ рабовъ, что̀ можно предположить по тому обстоятельству, что Скандинавская часть Англіи во время Вильгельма представляла сравнительно съ Саксонскою гораздо большее число свободныхъ сельскихъ обывателей; но мы не можемъ этаго утверждать и не имѣемъ доказательствъ, чтобы тѣже отношенія не существовали еще при преемникахъ *Иды*.

Digitized by Google

Слова сѣверныхъ лѣтописцевъ, на которыя критика не обращала никакого вниманія, даютъ кажется полнѣйшее объясненіе. Они говорятъ о завоеваніи пятой части Британіи ихъ соотечественниками въ то время, когда еще ни одинъ Скандинавскій корабль не бороздилъ Германскаго моря и когда еще только созидалось семицарствіе въ Англіи. Отношенія Англовъ и ихъ вождя Иды къ Инглингамъ Скандинавскимъ поясняетъ это недоразумѣніе. Англы принадлежали къ тому народному союзу или, лучше сказать, къ той народной системѣ, которая обнимала весь Сѣверъ Европы, связанная единствомъ торговыхъ выгодъ и отчасти единствомъ племеннымъ, опирающимся на могучую массу при-Волховскихъ старожиловъ Славянъ и Балтійскихъ Вендовъ, крайними своими колоніями, Варнами и Англами, захватывающая устья Рейна и часть Фризонскаго берега и преобладающая въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Преданія о Славянахъ и Славянскомъ лѣсѣ долго жили въ Голландіи особенно подлѣ Утрехта (Вильценбурга).

Тѣмъ же самымъ объясняется и легкое завоеваніе сѣверной Англіи Норманнами и легкость, съ которою завоеванные сживаются съ своими завоевателями. Инглингъ (Англъ или Угличъ) Ида увлекъ въ своей дружинѣ, кромѣ своего собственнаго племени, часть тѣхъ племенъ, которыя тогда составляли съ нимъ одну систему народную, и эта дружина вступила въ союзъ съ Саксонцами только случайно и безъ всякаго внутренняго сочувствія.

Впрочемъ не было между ними и вражды. Не говоря о признакахъ Славянской примѣси въ Саксахъ, можно видѣть изъ ихъ сожительства съ Англами и Варнами существованіе дружескихъ отношеній между этими равноплеменными сосѣдями.

Но первоначальное равнодушіе и даже дружелюбіе не могло существовать въ продолженіи долгаго времени. Оно должно

Digitized by Google

было перейти или въ тѣсный и полный союзъ, или въ раздоръ. Междоусобія и борьба мелкихъ королевствъ, кончившаяся торжествомъ Вестъ-саксовъ дала ему это послѣднее направленіе. Дѣти Лодброка нашли уже сѣверо-восточную Англію враждебную южной, властвующей.

Это видно не только изъ ничтожности отпора на Сѣверѣ и изъ позднѣйшихъ отношеній восточныхъ Англовъ къ Альфреду, но и изъ того, что хотя Вестъ-сакскіе короли, лучше понимавшіе опасность, помогали Мерціи, Мерція никогда не хотѣла имъ оказать ни малѣйшей помощи.

Съ другой стороны, хотя вожди новыхъ завоевательныхъ дружинъ и были въ своей родинѣ врагами Англьской стихіи Инглинговъ и изгнали ее изъ Скандинавіи, эта новая междоусобица была неизвѣстна давнишнимъ выходцамъ, и у нихъ хранилась только память объ единоземствѣ и вѣковой дружбѣ, вѣроятно многіе одинакіе обычаи въ бытѣ частномъ и общемъ. Сверхъ того, какъ уже сказано, движеніе Иды и его дружинъ увлекло многія изъ тѣхъ началъ народныхъ, которыя при Сигурдѣ-Рингѣ одержали верхъ надъ династіей Инглинговъ. Очевидно все помогало завоевателю, все грозило паденіемъ Вестъ-сакскому престолу.

Очевидно, критика, не обративъ вниманія на явную разноплеменность дружинъ Саксонскихъ и на темныя, но весьма важныя показанія сагъ и лѣтописей Скандинавскихъ, утратила возможность понять все движеніе исторіи Англійской до самаго Вильгельма.

Альфредъ Великій.

За всѣмъ тѣмъ Вестъ-сакское королевство устояло не только по случайности, возведшей на престолъ великую душу Альфреда, но и потому, что дѣйствительно чисто-Саксонская стихія была преобладающая и значительно сильнѣйшая во всемъ союзѣ. Временныя побѣды Норманновъ послужили даже отчасти къ временному скрѣпленію державы, уничтоживъ всѣ мелкія и полу-независимыя королевства сѣверной и средней

Digitized by Google

Англіи; но разумѣется, онѣ не только не могли искоренить внутреннихъ началъ раздора и будущаго паденія, но еще усилили ихъ число и будущій кругъ ихъ дѣйствія, вслѣдствіе котораго впослѣдствіи новое племя, новая династія, новое жизненное начало должны были со временемъ овладѣть судьбою Англіи и стать на первомъ или самомъ видномъ мѣстѣ въ ея внутреннемъ организмѣ съ тѣмъ, чтобы не прежде многихъ вѣковъ уступить снова несокрушимой силѣ стихіи Саксонской. Мужественъ былъ отпоръ королей Саксонскихъ, не недостойныхъ преемниковъ Эгберта, успѣхъ долго сомнителенъ. Наконецъ, молодой Альфредъ утратилъ повидимому всю надежду на побѣды, всѣ силы для сопротивленія; онъ, съ раннихъ лѣтъ закаленный въ военной тревогѣ и прославившійся запальчивою отвагою, бѣжалъ теперь отъ борьбы, отъ враговъ своихъ и даже отъ подданныхъ, скрываясь въ глуши лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, безъ крова и часто почти безъ пищи. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, и грабители хозяйничали въ землѣ Вестъ-саксовъ, губя и разоряя, нигдѣ не основывая себѣ осѣдлости, но почти нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, хотя еще случались частныя стычки, въ одной изъ которыхъ палъ послѣдній изъ дѣтей Рагнара.

Замѣчательна разница въ дѣйствіяхъ Скандинавовъ на Сѣверѣ и Югѣ Англіи. Очевидно они не находятъ въ южныхъ областяхъ тѣхъ союзныхъ стихій, которыя дали имъ на Сѣверѣ возможность овладѣть вполнѣ землею и сдѣлать ее своею.

Альфредъ въ своемъ тяжкомъ скитаніи безспорно получилъ уроки, которые подѣйствовали на всю его жизнь. Онъ бѣжалъ не отъ недостатка въ мужествѣ, не отъ вещественной невозможности противиться врагу, но вслѣдствіе отношеній своихъ къ подданнымъ. Рано почерпнулъ онъ изъ источниковъ просвѣщенія не-домашняго, въ первомъ уже дѣтствѣ нѣсколько разъ жилъ и путешествовалъ въ областяхъ прежняго Римскаго міра и въ самомъ Римѣ, котораго величественныя развалины неизгладимо врѣзались въ его дѣтскую память и бла-

Digitized by Google

городное сердце. Строгій и послѣдовательный въ требованіяхъ правды, страстный ко всякому умственному свѣту и привязавшійся всей силою своего молодаго ума къ дознанному имъ превосходству другаго уже отжившаго просвѣщенія, онъ, какъ кажется, до нѣкоторой степени презиралъ жизнь и бытъ своего роднаго племени или по крайней мѣрѣ чуждался ихъ. Неумолимо держался онъ своихъ самосозданныхъ законовъ въ правдѣ гражданской, казня безъ милосердія ихъ нарушителей, и вводя насиліемъ своей власти и могущей личности новыя правила и формы, которыя не истекали естественно изъ жизни Саксонскаго народа и, можетъ быть, отчасти противорѣчили ей. Его молодая горячность дала началу его царствованія направленіе благодѣющаго деспотизма или благонамѣреннаго тиранства. Безнравственности такого направленія не сознавалъ онъ; онъ узналъ ее изъ народной холодности и народнаго безучастія въ годину борьбы и опасности. Въ Вестъ-саксомъ королевствѣ были силы болѣе чѣмъ достаточныя для отпора Норманнамъ; но эти силы не хотѣли служить самовластному произволу Альфреда, и онъ бѣжалъ.

Таковъ выводъ изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, хотя ни одно изъ нихъ не высказываетъ опредѣлительной причины бѣгству короля. Неудовольствіе было; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго обвиненія въ порокахъ, объясняющихъ это неудовольствіе. Есть упреки въ излишней и торопливой строгости, но ни однаго въ неправдѣ. Великая душа Альфреда была виновна только въ одномъ, — въ неумѣренной и нетерпѣливой любви къ добру; но и то немалая вина, когда власть, гордая сознаніемъ своей высокой нравственности, осмѣливается казнить подчиненное ей общество насиліемъ добрыхъ началъ, которыхъ она еще не уразумѣла. Въ этомъ насиліи выражается преступное самосознаніе власти, которая въ себѣ не признаетъ возможности ни личныхъ страстей, ни личныхъ ошибокъ, ни личнаго неразумія.

Въ бѣдствіи своемъ пріобрѣлъ Альфредъ то, что утратилъ въ величіи, любовь и довѣренность народа, и умѣлъ ихъ вполь-

Digitized by Google

нѣ оправдать всею послѣдующею своею жизнію. Спеціальнымъ исторіямъ предоставлено разсказывать объ его побѣдахъ надъ Норманнами, уже поселившимися въ Англіи, и разумномъ пользованіи этими побѣдами, объ его многолѣтней борьбѣ съ Норманномъ-пришельцемъ, славою царей морскихъ, Гастингсомъ, котораго историческая судьба какъ будто создала, чтобы испытать всю нравственную силу и военную доблесть Саксонскаго короля и который, побѣжденный, отступилъ отъ береговъ, охраненныхъ великою душею Альфреда, но завѣщалъ свое имя мѣстности гибельной для Саксонцевъ. Общей исторіи нѣтъ дѣла до этихъ подробностей.

Упорство Гастингса въ его покушеніяхъ на Англію и всѣ разсказы объ его подвигахъ ведутъ къ заключенію, что морской витязь былъ движимъ не столько корыстью и желаніемъ завоеваній, сколько поэтическимъ славолюбіемъ, которое не было чуждо Норманнамъ. Это славолюбіе въ немъ не было чувствомъ личнымъ, но чувствомъ племеннымъ. Скандинавъ ратовалъ за честь своего народа, побѣжденнаго Саксами и уступившаго поле брани ихъ непобѣдимому королю. Дань — и онъ уступилъ бы; признаніе въ страхѣ и уничиженіе, и онъ счелъ бы свой подвигъ совершеннымъ; но онъ не могъ и не хотѣлъ терпѣть гордаго сознанія силъ въ народѣ, съ которымъ его единоплеменники вступили въ соперничество, и въ вождѣ этаго народа. Въ этомъ объясненіи могучаго характера Гастингсова есть художественная истина, которая при вѣрной оцѣнкѣ данныхъ всегда совпадаетъ съ истиною человѣческою и историческою.

Дѣла и царствованіе одного какого-нибудь государя не имѣютъ общаго, всемірнаго значенія, какъ бы ни былъ широкъ кругъ его дѣйствія. Все значатъ народы и мысли, ими управляющія или воплощаемыя въ нихъ; но безконечно важны тѣ державныя лица, которыя представляютъ въ себѣ высшее развитіе духа и воли своего народа въ полнотѣ или хоть въ одномъ направленіи, какъ сынъ Германіи, Карлъ Великій, или Людвигъ XIV во Франціи, или Петръ въ Россіи. Къ такимъ

Digitized by Google

лицамъ принадлежитъ Альфредъ. Кругъ его дѣйствія былъ сравнительно ничтоженъ и повидимому не отозвался внѣ Англіи; но въ немъ повторяются съ большею полнотою лучшіе изъ его царственныхъ предшественниковъ (каковы Инъ, Цеадваллы, Оффы, Эгберты и др.) и въ немъ проявляются тѣ разумныя и прекрасныя силы мысли и духа, которыя впослѣдствіи дали его племени, хотя и побѣжденному временемъ, первое мѣсто въ исторіи новыхъ народовъ и даютъ ему въ наше время первенствующій голосъ въ дѣлахъ и судьбѣ всего міра. Многіе великіе дѣятели внушаютъ невольное удивленіе. Альфредъ внушаетъ благоговѣніе и глубокое сочувствіе, и въ тоже время добросовѣстная критика признаётъ его личныя достоинства не личною только доблестію, но и достояніемъ всего народа.

Это доказывается всею позднѣйшею исторіею Англіи, такъ какъ и сличеніемъ Альфреда со многими изъ королей седмицарствія и съ ближайшими его преемниками.

Ни одно изъ благородныхъ стремленій души человѣческой не осталось чуждымъ его великой душѣ. Собиратель памятниковъ древне-Саксонскаго слова, самъ литераторъ и поэтъ, поклонникъ древняго міра, котораго превосходство онъ понималъ, поклонникъ науки, которой главный центръ въ Англіи, Оксфордъ, гордится преданіемъ, хотя и сомнительнымъ, связывающимъ его основаніе съ именемъ Альфреда, мыслію и сочувствіемъ обнималъ онъ почти весь тогда извѣстный міръ. Имъ отправленные путешественники проникали одинъ въ отдаленные и темные концы Балтики, другой въ едва доступную Индію, открывая то необъятное поприще, на которомъ прославились дальніе потомки тогдашнихъ Англо-саксовъ. Имъ созданный флотъ боролся уже съ успѣхомъ противъ наѣздниковъ моря, Норманновъ и, доказывая прежнюю важность мореплаванія у Саксовъ и значеніе его какъ силы обуздывавшей сѣверныхъ грабителей, предсказывалъ будущее величіе того флота, который въ наше время властвуетъ на всѣхъ мо-

Digitized by Google

ряхъ и имѣетъ такое огромное вліяніе на судьбу всего міра. Имъ утвержденные, или приведенные въ болѣе правильное устройство суды присяжныхъ служатъ самою твердою опорою, самымъ незыблемымъ основаніемъ великой западной державы, примѣромъ и училищемъ правды для всѣхъ народовъ; имъ скрѣпленныя общины служили долго спокойствію и безопасности королевства и положили, вѣроятно, начало сельскому быту, гордости и благословенію Англіи.

Очевидно общины существовали въ ней издавна, но падающій бытъ общинный былъ снова укрѣпленъ Альфредомъ. Большая часть западныхъ историковъ говорятъ о взаимной отвѣтственности членовъ общины, какъ о мѣрѣ полезной въ отношеніи къ государственной крѣпости, но весьма стѣснительной для личностей. Таковъ взглядъ міра, отвыкшаго отъ общины и непонимающаго уже ея живой и органической цѣльности. Форма раздѣленія на численные порядки, сотни и тысячи, указываетъ отчасти на смѣшеніе устройства дружиннаго и общиннаго; но названіе тысяцкихъ въ земляхъ чисто-общинныхъ отстраняетъ это сомнѣніе. Впрочемъ очевидно, что въ Англіи оба начала были перемѣшаны и слиты въ какое-то нестройное цѣлое.

Рѣдкая чистота нравовъ, правдолюбіе, обратившееся въ прозвище (потомство называло его *правдословъ*), ясность и нѣжность души и разумная богобоязненность, исполненная любви и благоговѣнія, соединялись въ Альфредѣ съ его высокими умственными качествами; но самая эта нравственная высота принадлежала не ему одному. Христіанство было для земли Англо-саксовъ источникомъ живымъ и чистымъ, въ ней овладѣло оно всею полнотою народнаго духа, въ ней глубоко бросило оно плодотворныя сѣмена, которыя дали и даютъ до нашего времени неистощимые плоды. Остальной міръ, видя еще въ Англіи борьбу партій и вопросовъ религіозныхъ, не можетъ понять ни важности, ни искренности ихъ и легкомысленно готовъ признать ихъ за маску другихъ, чисто-вещественныхъ интересовъ. Слѣпота понятная, но обличительная

Digitized by Google

не только для обществъ современныхъ намъ, но и для всего ихъ прошедшаго. Вообще должно сказать, что личность Альфреда представляетъ одно изъ утѣшительнѣйшихъ явленій во всемірной исторіи какъ по собственному его характеру, такъ и по явной зависимости этаго характера отъ народной стихіи, которой онъ былъ представителемъ.

Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прекрасная, но исключительная личность Лудвига Благочестиваго, явленія прекраснаго безъ сомнѣнія, но рѣзко отдѣляющагося ото всей исторіи Франціи и представляющаго исключительное вліяніе ученія христіанскаго на человѣка, одареннаго высокими нравственными стремленіями почти независимо отъ среды его окружавшей. Дѣйствительно, эта среда благоговѣла передъ нимъ, но не понимала его, не сочувствовала и не приняла отъ него никакого направленія. Къ тому же должно прибавить, что самое Христіанство въ Лудвигѣ также какъ и его нравственная и внѣшняя жизнь носятъ на себѣ печать односторонности и служенія ложному началу, разумѣется вслѣдствіе лжи и односторонности всей эпохи его; между тѣмъ какъ едва ли какой нибудь справедливый упрекъ можетъ пасть на память и дѣла великаго Англо-сакса. Ему не суждено было дѣйствовать на обширномъ поприщѣ, двигать огромными массами народовъ, проявить свою энергію и разумъ въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые предоставлены были Германцу Карлу; но чистота и возвышенность нравственная, кротость и отсутствіе личныхъ страстей ставятъ его выше этого великана средне-вѣковой Европы и обличаютъ въ мірѣ, изъ котораго онъ возникъ и которымъ правилъ, зачатки духовной силы, которой развитіе продолжается до нашихъ дней.

Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи.

Достойные преемники заняли престолъ освободителя Англо-саксовъ, Эдвардъ и Ательстанъ, къ несчастію обезчещенный страшнымъ дѣломъ братоубійства, но семилѣтнимъ, глубокимъ раскаяніемъ омывшій преступленіе, въ которое его ввергли и собственная подозрительность, и ядъ придворной клеветы. Выше и выше возрастала держава островнаго королевства, блиста-

Digitized by Google

тельныя побѣды Эдварда, въ военномъ дѣлѣ сравнявшагося съ отцомъ, торжество Ательстана надъ Анлафомъ, достойнымъ преемникомъ прежнихъ Норманскихъ завоевателей и главою могучаго союза, въ которомъ Кельты Валлійскіе и Шотландскіе стали заодно съ грозными Скандинавами, дали Англіи силу и временную цѣльность. Другія царства Европы обращали глаза къ этой неизвѣстной странѣ, мало-по-малу выходящей изъ своего вѣкового мрака. Но не одна слава побѣдоноснаго меча и непобѣдимаго мужества вѣнчала преемниковъ и землю Альфреда: ей принадлежала еще высшая слава—просвѣщенія. Кельтское духовенство первое принялось за обращеніе Германскихъ народовъ подъ покровительствомъ меровъ Австразійскихъ; дѣло ихъ повершено было Англо-саксонскими проповѣдниками подъ покровительствомъ папскаго престола. Съ одной стороны Кельтскій Эринъ назывался Островомъ Святыхъ; съ другой семицарствіе Саксонское прославлялось множествомъ боголюбивыхъ мужей и отшельниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали королевскимъ домамъ и носили королевскій вѣнецъ. Такова была слава Британскихъ острововъ въ области вѣры. Еще прежде, чѣмъ окрѣпла Вестъ-саксская династія и взяла при Эгбертѣ рѣшительный перевѣсъ надъ своими соперниками, Римское право преподавалось въ городахъ (разумѣется, не безъ Римской науки). Беда не только славился самъ своимъ Латинскимъ краснорѣчіемъ и своею ученостью, но и окруженъ былъ учениками, которымъ передавалъ свои познанія и основывалъ школу, имѣвшую сильное вліяніе на Францію черезъ Алькуина, человѣка души слабой, но высокаго просвѣщенія. Еще выше поднялось просвѣщеніе при Альфредѣ и послѣ него. Собираніемъ старыхъ пѣсень и сказаній своего народа, а еще болѣе собственными трудами на родномъ языкѣ онъ возвышалъ значеніе его и полагалъ начало цѣлой словесности, которой не суждено было развиться, но которая не оставалась безъ вліянія на умственную жизнь Англіи и соединялась съ живымъ движеніемъ народной поэзіи. . . . . .

Digitized by Google

Существованіе такой народной поэзіи не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напримѣръ при Эдгарѣ ходили сатирическія пѣсни объ его развратной жизни.

Всѣмъ этимъ зачаткамъ, повидимому, пришлось погибнуть впослѣдствіи при нашествіи новой, инокровной стихіи, захватившей на долго всю правительственную власть; но сѣмена, брошенныя любовью Вестъ-сакской династіи къ слову и просвѣщенію, не погибли. Богатство народныхъ пѣсень и поэтическія достоинства Чосера, опередившаго всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія новѣйшей словесности, доказываютъ ихъ животворную силу. Наконецъ, около того же времени Англія въ лицѣ Эригены положила начало той философіи многотомной, мертвящей, но въ тоже время крайне напряженной въ своей діалектической напряженности, которую привыкли называть схоластикою и которой Англія же въ лицѣ великаго Бэкона *)...

Родомъ Кельтъ, воспитанникъ земли Англо-саксовъ, прославившійся во Франціи, Эригена представляетъ лицо весьма замѣчательное для своего времени по обширности задачи, которую онъ хотѣлъ разрѣшить, по новости и смѣлости своего предпріятія и по знакомству съ наукою Эллинскою и восточно-церковною, котораго ни прежде его, ни въ эпоху близко слѣдовавшую за нимъ, не встрѣчаемъ ни въ комъ. Обнять цѣлый міръ въ одну стройно-логическую систему, разрѣшить столько же нравственную, сколько и мысленную загадку его, такова была задача Эригены. Обвиненіе въ пантеизмѣ, которое часто на него взводили, имѣетъ безспорно много вѣроятности, и всѣ оправданія писателей, взявшихся защитить его память, весьма неудовлетворительны; но самое обвиненіе содержитъ болѣе похвалу, чѣмъ осужденіе мыслителя. Исклю-

*) Авторъ не досказалъ начатой имъ мысли. Подобная недомолвка объясняется тѣмъ, что рукопись не была имъ самимъ пересмотрѣна. Ясно впрочемъ, что авторъ хотѣлъ сказать, что какъ схоластическая философія, такъ и новѣйшая философія получили свое начало въ Англіи: первая въ лицѣ Эригены, вторая въ лицѣ Бэкона.

Digitized by Google

чительно логическое построеніе всего сущаго, извлеченіе, такъ сказать, не только его возможности, но даже и существованія изъ одной познавательной силы (разсудка) не можетъ имѣть и не имѣло никогда другаго исхода. Это было доказано всѣми попытками позднѣйшей философіи и ея геніяльныхъ представителей въ школѣ великаго Канта. Чѣмъ задача строже и шире, тѣмъ выводъ пантеистическій неизбѣжнѣе. Эригена самъ чувствуетъ свое направленіе и его законные выводы; но рожденный и воспитанный въ эпоху еще религіозную, страшась своей собственной свободы, онъ безъ лицемѣрія, но разумѣется и безъ послѣдовательности, даетъ своему ученію видимыя формы Христіанства, совершенно чуждыя его характеру. Впрочемъ, нельзя не удивляться въ одно время и обширности его умственныхъ требованій, и тонкости діалектическихъ уловокъ, которыми онъ самъ себя обманывалъ. Лицо его, не смотря на темноту, иногда запутанность и сухость его мысли, стоитъ какъ образъ исполинскаго вождя передъ рядомъ схоластиковъ его послѣдователей, изъ которыхъ ни одинъ не достигаетъ его размѣровъ, хотя многіе (какъ Абелярдъ, Ансельмъ и др.) превосходятъ его отдѣльными качествами, въ отношеніи къ остроумію, строгости въ опредѣленіяхъ или поэзіи чувства и выраженія. Никто изъ нихъ уже не задавалъ себѣ столь всеобъемлющей задачи; никто не требовалъ отъ мысли отвѣта на столь глубокіе вопросы: всѣ довольствовались діалектическимъ, болѣе или менѣе строгимъ построеніемъ заданныхъ напередъ формулъ, взятыхъ изъ міра христіанскаго, т. е. не изъ міра чистаго анализа, а изъ міра преданія, построеніемъ, въ которомъ предвзятая формула теряла свою чистоту и самостоятельность, а силлогизмъ терялъ свою независимость и строгость. Безспорно, Эригена подлежитъ обвиненію въ той же ошибкѣ: мысль у него далеко не независима, но она имѣетъ большія притязанія на свободу и, такъ сказать, предчувствуетъ высшій философскій или логическій міръ, въ послѣдствіи заманившій и обманувшій умственныя силы Германіи. Таковъ онъ, не смотря на мистическую темноту и спутанность слова и мысли. Замѣчательный по своимъ умственнымъ

Digitized by Google

достоинствамъ Эригена замѣчателенъ и по преданіямъ объ его нравственной ничтожности. Въ немъ будто бы ожилъ софистъ древней до-христіанской эпохи, паразитъ и бездушникъ, не понимавшій взаимной отвѣтственности между пониманіемъ и жизнью. Онъ составляетъ какой-то переходъ отъ древности къ новому міру и, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что нравы Римской провинціи не вымирали въ Англіи во все время Англо-саксказго семицарствія и въ первую эпоху Вестъ-сакскаго владычества.

Таково было умственное значеніе Англіи при ближайшихъ преемникахъ Альфреда; такова причина ихъ славы въ Европѣ. Возстановитель силы Германской, мудрый родоначальникъ дома Саксонскаго, Гейнрихъ Птицеловъ искалъ невѣсты для сына, будущаго освободителя Германіи отъ Маджарскихъ набѣговъ и будущаго императора западнаго, Оттона, въ домѣ Ательстана. Сильнѣйшій изъ князьковъ Норвегіи и временный ея единодержавникъ посылалъ сына своего Гакона для воспитанія при его дворѣ, и этотъ сынъ возведенъ былъ на престолъ, помощію Ательстана и на престолѣ вполнѣ оправдалъ предусмотрительность отца и попеченія воспитателя. Прекрасный собою, непобѣдимый въ единоборствѣ, всегда счастливый на войнѣ, слишкомъ рано погибшій Гаконъ былъ образцомъ царской доблести, и много вѣковъ послѣ его смерти пѣвцы славили Гакона мужественнаго, а народы помнили Гакона добраго, и это лучшее изо всѣхъ прозваній осталось за нимъ въ исторіи. Единственный наслѣдникъ Карловинговъ во Франціи Лудвигъ былъ также воспитанъ при дворѣ Ательстана и его помощію возведенъ на престолъ, котораго онъ былъ не долговѣчный, но не недостойный владѣлецъ. Наконецъ въ Британіи, древней Арморикѣ, искони заселенной Кельтами Галльскими и снова послѣ паденія Римской имперіи колонизованной Кельтами Британскими, отчасти бѣжавшими отъ Саксовъ, временная тишина и процвѣтаніе были возстановлены воспитанникомъ Ательстана, Аленомъ. Таково было значеніе мелкой области не за долго едва не завоеванной горстью сѣверныхъ грабителей; таково общее уваженіе къ ея умственному пре-

Digitized by Google

восходству; ибо она очевидно не могла еще хвалиться большою силою вещественною. Но ей грозила близкая и неотвратимая бѣда, внутреннее распаденіе, ускоренное однимъ изъ тѣхъ потрясеній въ духовномъ мірѣ, которыхъ важность вообще не вполнѣ оцѣняется исторической критикою. Послѣ смерти Ательстана снова выказалась внутренняя слабость государства. Сѣверъ (Нортумбрія), уже покоренный Англосаксонскими королями, управлялся постоянно князьками, кажется Скандинавской крови, наслѣдственными или имѣющими притязаніе на наслѣдственность, а отчасти и на независимость. Часто возмущались эти князьки и всегда звали на помощь своихъ единокровцевъ, грабителей моря. Такъ возмутился Анлафъ при Ательстанѣ и составилъ противъ него могущественный союзъ, противъ котораго едва устояли мужество и искусство короля. Анлафъ бѣжалъ; послѣ смерти побѣдителя онъ возвратился и велъ такъ счастливо войну противъ его преемника, Эдмунда, что заключилъ миръ на правахъ почти полнаго равенства, съ условіемъ о взаимномъ наслѣдованіи двухъ королей другъ послѣ друга, такъ что пережившій долженъ былъ получить престолъ умершаго прежде него. Анлафъ умеръ первый; но возможность такаго договора доказываетъ шаткость Саксонской династіи и отсутствіе опредѣленной народности въ государствѣ. Почти тоже самое повторилось при Эдмундовомъ преемникѣ Эдредѣ; ибо хотя Эрикъ, его противникъ въ сѣверной Англіи, бывшій владѣтель Норвегіи, и является сначала просто намѣстникомъ Англійскаго короля, но попытка на независимость есть очевидно только продолженіе прежнихъ историческихъ происшествій. Вообще въ этой борьбѣ Сѣвера съ Югомъ, Сѣверъ всегда дѣйствуетъ повидимому силою иноземныхъ союзовъ; но вожди не могли бы стремиться къ независимости безъ сочувствія народа или безъ его полнаго равнодушія къ царствующей династіи. Иноземный союзъ при явномъ превосходствѣ Юга служилъ только къ уравненію сильныхъ (sic) неравныхъ силъ. За Анлафа и Эрика вступается постоянно Скандинавская стихія, и это можно бы легко объяснить изъ колонизаціи Сѣвера

Digitized by Google

при дѣтяхъ Лодброка; но самая возможность и легкость колонизаціи, постоянное отчужденіе всей сѣверо-восточной области отъ Вестъ-сакскихъ королей, и самыя дѣйствія этихъ королей, всегда правившихъ ею какъ землею получужою черезъ инокровныхъ и полновластныхъ намѣстниковъ, показываютъ, что подпочва народная (старожилы, покорившіеся Скандинавамъ и скоро слившіеся съ ними) не имѣла ничего общаго съ Саксами, какъ уже сказано объ Англахъ и Варнахъ.

Коротки были царствованія Саксонскихъ королей. Въ теченіе 14-ти лѣтъ послѣ смерти Ательстана промелькнули два царствованія, и при третьемъ его преемникѣ, слабомъ Эдвинѣ, явилась новая причина разрушенія, быть можетъ еще сильнѣйшая, чѣмъ раздвоеніе народнаго начала.

Островное положеніе Англіи и особенности ея исторической жизни дали ей духовное воспитаніе во многомъ различное отъ остальной Европы. Англо-саксы получили Христіанство изъ Италіи; но они получили его въ то время, когда Римъ подавленный Лонгобардскою властію и весь Западъ, недавно еще завоеванный Германцами, изъ которыхъ большая часть принадлежала Аріянству, не выразили своего особеннаго характера въ сферѣ религіи. Конечно уже и тогда особенное ихъ стремленіе къ перенесенію въ понятіе о вышнемъ мірѣ законовъ міра гражданскаго или юридическаго было замѣтно (разумѣется, не современникамъ); но оно еще было въ зародышѣ и едва вступило въ первую эпоху своего развитія. Враждебно встрѣтилось Христіанство новыхъ проповѣдниковъ съ болѣе восточнымъ характеромъ Христіанства Кельтскаго; но эта вражда не была непримиримою. Первоначальный раздоръ повелъ за собою постепенное сближеніе: и, Кельтъ и Саксъ стали въ ряды одной и той же церкви. Общіе были обряды, общія молитвы; общее ученіе: общее чувствованіе однихъ и тѣхъ же подвижниковъ духовныхъ. Правда, проповѣдники Саксонскіе въ Германіи противодѣйствовали проповѣдникамъ Кельтскимъ, преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ и называли ихъ учителями прелюбодѣянія (за ложное ли ученіе по языку богослововъ того времени, или за дозволеніе

Digitized by Google

брака духовнымъ), но такое исключительное явленіе доказываетъ только существованіе въ Англійской церкви стихіи болѣе романизованной и враждебной свободѣ Кельтскихъ общинъ. Между тѣмъ Саксонскіе духовные безпрестанно уходили въ Ирландскіе монастыри искать совершеннѣйшаго иночества, называли Эринъ островомъ святыхъ и получали изъ него учителей и богослововъ. Такимъ образомъ по всей землѣ Англо-саксовъ происходило умственное движеніе совершенно противоположное тому, которое происходило во всей Западной Европѣ. Стихія Римская находила сильное и побѣдное противодѣйствіе въ свободѣ мысли народа не романизованнаго, и духовная и церковная независимость возрастала въ народѣ Саксонскомъ въ то самое время, когда идея церкви государственной или государства церковнаго усиливалась и развивалась въ Италіи, Франціи и Германіи. Такое состояніе было невозможно. Оно должно было или прекратиться въ покорности, или пополниться въ совершенномъ разрывѣ; но время и мысль не созрѣли для разрыва. Созданіе прежнихъ вѣковъ, въ началѣ своемъ безсильное и невинное, сдѣлалось орудіемъ для вѣка новаго. Монашество Бенедиктинское, первая и удачная попытка сильной монастырской организаціи, твореніе Западнаго духа, совершенно различное отъ аскетическаго иночества Восточнаго міра, оставалось почти незамѣченнымъ въ продолженіе двухъ столѣтій: пора его дѣйствія еще не приходила. Конецъ VIII столѣтія и начало IX призвали его къ новой дѣятельности. Епископство Римское созрѣло. Свобода епархій и ихъ пастырей со дня на день слабѣла передъ престоломъ древней всемірной столицы. Въ тиши готовились псевдо-Исидоровы декреталіи; въ Захаріи и ему подобныхъ владыкахъ пробивались уже Николаи и Гильдебрандты. Монашество Бенедиктинское было призвано на службу папству и двинулось могучею, почти непобѣдимою дружиною подъ его знаменемъ. Вся Западная Европа охватилась почти мгновенно обителями этой духовной дружины. Со дня на день возрастало число монастырей, ихъ богатство, нравственная и политическая ихъ сила. Новообращенная Германія и особенно

Digitized by Google

Сѣверъ ея наполнились Бенедиктинскими колоніями, которыхъ власть, права и вліяніе, независимыя отъ мѣстнаго духовенства, служили вездѣ орудіемъ Римскаго владычества. Внѣшнею ихъ силою приготовлялось поле для ученія; самое ученіе росло и крѣпло въ ихъ тихихъ нѣдрахъ неутомимыми трудами и одностороннею ученостью отшельниковъ отъ міра, его незамѣтными завоевателями.

Бенедиктинство перешло въ Англію. На новой почвѣ, въ обществѣ не прожившемъ той жизни, которая созидала мало по малу юридическій міръ Западно-церковнаго государства, Бенедиктинцы, его представители, встрѣтили, сильное сопротивленіе въ духовенствѣ, воспитанномъ свободою Кельтской церкви, въ народѣ не привыкшемъ къ вмѣшательству духовенства въ мірскія дѣла и въ общемъ настроеніи мысли чуждой Римской формальности и Римской централизаціи. Съ другой стороны они нашли и ревностныхъ помощниковъ во всѣхъ тѣхъ духовныхъ стихіяхъ, которыя издавна получали свое воспитаніе изъ Рима, глубоко сочувствовали ему (какъ видно изъ союза проповѣдниковъ Саксонскихъ въ Германіи съ папскою властію) и стремились болѣе или менѣе сознательно къ одной цѣли со всѣмъ Западнымъ просвѣщеніемъ. Эти стихіи, всегда готовыя сомкнуться для совокупнаго дѣйствія въ форму церковныхъ дружинъ и подчинять свои стройныя и могущественныя движенія одному знамени и одному правленію, находили постоянное сочувствіе во всѣхъ склонностяхъ непросвѣщеннаго ума къ суевѣрію и къ вещественному пониманію вѣры или къ воплощенію ея въ видимые и осязаемые образы. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли большое преимущество передъ началами свободы духовной, неспособными къ условной совокупности въ дѣйствіи и къ союзу съ грубо-вещественными требованіями темнаго суевѣрія. Эпоха мыслящаго отрицанія еще не наступала, и протестантство должно было получить свое раціоналистское воспитаніе отъ юридическаго раціонализма папской эпохи. Церковная свобода (т. е. равенство епископовъ и эпархій въ отношеніи дисциплинарномъ и равенство всѣхъ вѣрующихъ въ отношеніи къ догмату) съ трудомъ

Digitized by Google

удержалась на Востокѣ, не смотря на то, что она стояла на твердой основѣ стародавняго просвѣщенія, освящена была всею гордою славою древней Эллады и всею новою славою учителей, выработавшихъ мыслію и многострадальною борьбою всю христіанскую догматику. Ей невозможно было устоять въ уединенномъ и темномъ углу Западнаго міра, черпающемъ поневолѣ всю свою насущную умственную пищу изъ могучаго широкаго и блестящаго простора древней Римской области и изъ ея жизни, постепенно и стройно развивающейся въ направленіи къ одной цѣли неизбѣжно положенной ей вслѣдствіе односторонности ея основъ, т. е. юридическихъ началъ Римскаго права и Римской мысли, перенесенныхъ въ вѣру. Побѣда Римскаго направленія была неизбѣжна и съ нею вмѣстѣ побѣда дружины Бенедектинцевъ, знаменоносцевъ папскаго престола; но эта побѣда была ускорена слабостью короля Эдвина, который стучайно былъ въ то время представителемъ мѣстныхъ началъ, и энергіею представителей начала завоевательнаго, Одона и Дунстана.

Дунстанъ былъ предметомъ многихъ ученыхъ и критическихъ трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлію раскрыть тайну его загадочной души; онъ былъ предметомъ многихъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ современное намъ художество ставило себѣ туже задачу въ другомъ, болѣе осязательномъ видѣ. Многія изъ этихъ попытокъ были неудачны въ отношеніи поэтическомъ и многія болѣе или менѣе вѣрны въ отношеніи психологіи; всѣ недостаточны и невѣрны въ томъ, что Дунстанъ постоянно отрывается отъ своей эпохи. Лицо это принадлежитъ Англіи: около него изучаютъ и рисуютъ современную Англію. Забываютъ, что онъ знаменоносецъ и вождь дружины не Англійской, мысли не мѣстной и что изъ-за него и въ немъ должны видѣться и жить всѣ тѣ умственныя силы, которыя росли и крѣпли въ тогдашнемъ Западномъ мірѣ. Его темный и страстный фанатизмъ могъ принадлежать ему и землѣ, воскормившей его; его жестокость могла быть плодомъ бурной жизни и жестокихъ нравовъ тогдашней Англіи (хотя она въ этомъ отношеніи еще уступала и Германіи, и Франціи), но его лукавство и

Digitized by Google

безсовѣстность, его наглая ложь и безпрестанные обманы принадлежали той религіозной школѣ, которая кончила его воспитаніе и которой онъ служилъ всею силою своего духа и своей воли. Эта школа была та самая, которая создала декраталіи Исидора и небывалыя дарственныя императоровъ и королей, и понимать Дунстана, забывая Захарій, Николаевъ и Іоанновъ VIII-го и IX-го вѣковъ, особенно же современнаго ему бездушника, духовнаго правителя Запада [1]), значитъ толковать о какомъ-нибудь Гаюкѣ или Мангу, не сказавъ ни слова о Чингисѣ и всѣхъ Монголахъ. Ошибка критиковъ и поэтовъ состояла въ томъ, что никто еще не понялъ завоеванія Англіи Бенедиктинскою дружиною. Нельзя не замѣтить, что Русскіе лѣтописцы говорятъ объ отторженіи Англіи отъ Востока въ X-мъ вѣкѣ [2]). Случайное ли это сказаніе или темное сознаніе современниковъ о значеніи Дунстана и его дѣла? Послѣднее вѣроятнѣе, хотя должно казаться менѣе вѣроятнымъ людямъ не вполнѣ понимающимъ ясновидѣніе мысли или инстинктовъ, живущихъ въ массахъ общественныхъ или народныхъ.

Одонъ, старый воинъ Норманской крови, дикій, какъ тогдашняя война, вступившій въ ряды дружины духовной, послѣ молодости, проведенной въ дружинахъ ратныхъ, посреди хищничества и кровопролитія, былъ тогда епископомъ Кантербюрійскимъ и примасомъ Англіи. Дунстанъ, съ раннихъ лѣтъ напитавшій умъ свой ученостью возможною въ то время, потомъ вѣроятно вслѣдствіе той ненасытности ума и воли, которую видимъ во многихъ великихъ дѣятеляхъ исторіи, пріобрѣтшій значительное совершенство въ образовательныхъ художествахъ или ремеслахъ близкихъ къ нимъ, потомъ вступившій съ успѣхомъ и блескомъ въ жизнь двора и правительственнаго общества, позже оставившій ее вслѣдствіе неудачъ

---

[1]) Іоанна XII (956—964). *Изд.*

[2]) Видѣвшіе же Латыни изнеможеніе Греческое, пришедше изъ Рима удобно глаголемін Угри къ своей прелести приложиша; такоже и ближняя ихъ языки... приложиша къ своей прелести; и *Вретанійскій островъ, аще издавна крещенъ, но и того приложиша къ своей прелести...* Полн. Собр. Р. Лѣтоп. IX, 71. *Изд.*

Digitized by Google

и вражды, пробужденной можетъ быть его нравомъ, а можетъ быть и его умственнымъ превосходствомъ, и наконецъ вступившій въ духовенство послѣ сильнаго волненія страстей, управлялъ уже епископами, отказавшись отъ епископства, и былъ однимъ изъ любимыхъ совѣтниковъ недолговѣчнаго Эдреда. Оба приверженцы Рима, при восшествіи на престолъ Эдвина, увидѣли власть въ рукахъ враждебной имъ стихіи. Они не убоялись борьбы и смѣло напали на короля. Молодой, неопытный и, можетъ быть, слишкомъ склонный къ жизни вещественныхъ наслажденій, Эдвинъ (или Эдви) былъ женатъ на красавицѣ, женщинѣ страстно любимой, но близкой его родственницѣ по тогдашнимъ понятіямъ. Этою-то слабою стороною и воспользовались для нападенія ратники Римскаго престола; сочувствіе и совѣсть многихъ почетнѣйшихъ Саксонцевъ были съ ними заодно. Оскорбленіе за оскорбленіемъ посыпались на короля и его несчастную жену. Ее лишили чести, назвавъ бракъ ея любодѣяніемъ, а ее наложницею короля. Бракъ расторгли, ее изгнали, изуродовавъ ея лицо раскаленнымъ желѣзомъ; потомъ когда, выздоровѣвши отъ язвъ, она возвратилась съ прежнею красою, ей разрѣзали сухія жилы и уморили мучительною смертію. Эдвинъ пытался сопротивляться, но сопротивленіе безсилія сопровождается всегда неосторожными вспышками страсти. Онъ изгналъ Дунстана и, кажется, хотѣлъ избавиться отъ него посредствомъ убійства. Вскорѣ Дунстанъ, съ помощію своихъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ примасъ Одонъ, начальникъ всего Англійскаго духовенства, и первые государственные сановники, возвратился съ удвоенными силами, и вся сѣверная Англія взбунтовалась подъ предводительствомъ ревностныхъ служителей церковной реформы, которой знамя было поднято Бенедиктинцами. Безсильный Эдвинъ уступилъ и отдалъ половину своего царства малолѣтнему брату своему, Дунстанову воспитаннику, Эдгару. Смерть короля вскорѣ отдала Эдгару и всю Англію.

Замѣчательно то обстоятельство, что противъ Эдвина возстала за духовныхъ реформаторовъ сѣверная Англія, именно та страна, кото-

Digitized by Google

рая безпрестанно вооружалась противъ Вестъ-саксихъ королей за свою независимость. Было ли это возмущеніе проявленіемъ того же стремленія къ независимости или слѣдствіемъ особеннаго сочувствія къ духовному ученію Римскихъ проповѣдниковъ? Вѣроятнѣе всего соединеніе обѣихъ причинъ. Наплывъ Скандинавскихъ дикарей, колонизовавшихъ сѣверную Англію и принявшихъ крещеніе въ своей новой осѣдлости, долженъ былъ въ этой области перервать прежнее движеніе мысли и сдѣлать край менѣе способнымъ къ свободѣ духовной и болѣе готовымъ къ принятію формальныхъ и юридическихъ началъ. Въ немъ должно было быть сочувствіе съ новою стихіею, принесенною или укрѣпленною бенедиктинцами. Другое, весьма замѣчательное, обстоятельство въ исторіи Саксонской Англіи есть слѣдующее: перевѣсъ силъ всегда былъ на сторонѣ ея южной части. Она дала государству единство, но сѣверная постоянно боролась противъ нея и никогда не признавала ея власти вполнѣ; когда же вслѣдствіе случайностей или союзовъ иноземныхъ власть переходила къ сѣверной Англіи или ея представителямъ, южная покорялась безропотно и безъ попытокъ на освобожденіе. Такое различіе не можетъ быть случайнымъ и должно быть приписано вліянію населенія Скандинавскаго, менѣе общиннаго, чѣмъ Саксонское, но за то гораздо болѣе дорожащаго государственною жизнію въ тѣсномъ смыслѣ и слѣдовательно независимостью политическою.

Эдгаръ. — Присоединеніе Англіи къ Скандинавскимъ государствамъ. — Канутъ Великій.

Царствованіе Эдгара представляетъ минуту обманчиваго блеска въ эпохѣ Англо-саксонской. Никогда, казалось, Англія не была такъ сильна и такъ тверда; никогда не казалась она болѣе способною противиться всякой опасности и всякому внѣшнему напору. Доходы были значительно болѣе противъ прежняго, берега охранялись флотами, которыхъ числительная сила кажется невѣроятною. Короли и князья (напр. Шотландскій, Кумбрійскій, Валлійскій и др.) составляли дворъ Эдгара: внутри была тишина, спокойствіе и повиновеніе безусловное, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти всесильнаго короля династія его погибла или скиталась въ изгнаніи, опу-

Digitized by Google

стошенная Англія покорялась желѣзной власти иноземца, а еще нѣсколько лѣтъ спустя Саксонское племя навсегда подчинялось другому племени, которое оно превосходило всѣми нравственными качествами и даже доблестью воинскою, и отъ царствованія Эдгара и его блеска оставалась только одна память,—уничтоженіе волковъ въ землѣ, нѣкогда признававшей его своимъ царемъ.

Все великое и прочное, на чемъ основывалось еще благосостояніе Англіи при Эдгарѣ, было ей дано предшествующими царями, Альфредомъ и его преемниками: правильное отправленіе военной службы, устройство флота для охраненія береговъ, болѣе же всего правосудіе и образованность. Все внесенное при немъ, его наставниками, было обманомъ; который не могъ выдержать пытующей руки времени. Издавна, какъ уже сказано, скрывалась въ Англіи причина политическаго паденія, заключающаяся въ различіи сѣвернаго и южнаго населенія и въ ихъ внутреннемъ разъединеніи. Эта рана была усилена вторженіемъ на Сѣверѣ чужеземнаго народнаго начала, энергическаго и многотребовательнаго. Вторженіе новаго религіознаго начала прибавило къ прежней ранѣ новую неисцѣлимую рану, которая сокрушила всѣ внутреннія силы общества. Правда, полное торжество Дунстана и его духовныхъ дружинъ дало, повидимому, необычайное единство всему царству, подчинивъ всю внѣшнюю его жизнь одному стройному и желѣзному единству; но начала побѣжденныя жили въ сердцахъ, въ совѣстяхъ и въ обычаѣ. Внутренняя и духовная дѣятельность была перервана, но требованія ея существовали и обращались въ тайную вражду или по крайней мѣрѣ въ совершенное равнодушіе къ власти, которая перешла къ стихіи враждебной мѣстной свободѣ. Такъ, вслѣдствіе временнаго торжества Римскаго ученія, сильнѣе выразился и выдвинулся впередъ іерархическій духъ, созидая обманчивый призракъ крѣпкаго единства государственнаго и въ тоже время введеніемъ внутренняго разъединенія и мертвенности нанося рѣшительный ударъ обществу, уже слабому по недостатку внѣшняго государственнаго устройства, по отсутствію

Digitized by Google

стремленія къ внѣшнему единству и по недоброжелательству воинственныхъ областей Сѣвера къ династіи своихъ южныхъ правителей. Точно также было обманчиво все въ царствованіе Эдгара: покорность народа безъ любви и уваженія (какъ доказано множествомъ сатирическихъ народныхъ пѣсень объ его развратѣ), покорность народовъ подручныхъ ему, оказываемая болѣе случайной силѣ и случайному преобладанію (какъ видно изъ анекдота о Кенестѣ Саксонскомъ) чѣмъ признанному праву или превосходству первенствующаго народа надъ другими, и наконецъ полицейская правильность условнаго государственнаго строя, которой всѣ повиновались изъ равнодушной слабости, но которой необходимость не была никѣмъ сознаваема или продолженіе желаемо (какъ видно изо всѣхъ послѣдующихъ происшествій). Самъ Эдгаръ былъ царствующій обманъ. Воспитанникъ новаго духовенства, его ревностный покровитель, множитель монашескихъ обителей, любимецъ Римскаго дружиннаго монашества, совершенно противоположнаго прежнему отшельническому иночеству Кельтскихъ Колумбанскихъ монастырей, созданіе мнимой религіозности и Римскаго Христіанства, роскошный и гордый король былъ предметомъ безчисленныхъ насмѣшливыхъ пѣсень и источникомъ соблазна для своего народа по необузданному разврату своего женолюбія.

За это Дунстанъ наказывалъ его легкими эпитимьями, хотя Эдгаръ для удовлетворенія своихъ страстей не избѣгалъ ни насилія, ни нарушенія монастырскихъ обѣтовъ. Союзъ между королемъ и монахами бывалъ нерѣдко признаваемъ въ письменныхъ документахъ: Такъ въ одной хартіи они обязуются защищать короля отъ дьявола, а онъ обѣщается защищать ихъ отъ людей.

Театральная пышность отличала дворъ его и окружала его торжества: князьки и мелкіе владѣльцы сопровождали его въ путешествіяхъ, украшали его морскіе поѣзды и были гребцами на его лодкѣ. Онъ хвалился не только властію, которая ему досталась отъ доблести предшественниковъ и союза съ духо-

Digitized by Google

вѣнствомъ Римскимъ, но и тѣмъ, что покорилъ сосѣднія области, а между тѣмъ ни одной войны его не помнятъ лѣтописи кромѣ незначительнаго набѣга на Валлисъ. Онъ разъѣзжалъ по королевству для суда и расправы; но этотъ признакъ правдолюбія служилъ только покровомъ для своеволія и гордаго деспотизма, а голосъ народа и общеніе съ нимъ были ему болѣе чужды чѣмъ кому нибудь изъ Саксонскихъ владыкъ. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и ремесламъ и перезывалъ въ Англію цѣлыя колоніи иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развращая ихъ пороками своихъ подданныхъ (такъ говорятъ современники); но это покровительство было основано на той же любви къ блеску, которая составляла главную черту его характера и на пристрастіи ко всему иноземному, котораго нельзя не замѣтить во всѣхъ его дѣйствіяхъ и которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чужеземности началъ, создавшихъ и поддерживающихъ его власть.

Такъ напр. разсказъ о томъ, какъ Эдгаръ вызвалъ Кеннета Шотландскаго на единоборство безъ свидѣтелей только для доказательства мужества своего и, такъ сказать, рыцарской чести, показываетъ въ немъ не столько Саксонца и несокрушимую стойкость его племени, сколько хвастливую храбрость Нормансихъ удальцовъ и Французскихъ дуэлистовъ.

Дѣйствительно, склонность къ принятію вліянія Французскаго и Франко-норманскаго выказывалась съ самаго царствованія Эдгарда до паденія Саксовъ и вызывала по временамъ продиводѣйствіе довольно сильное, но которое не могло быть всеобщимъ: ибо духъ Саксонской земли былъ уже зараженъ въ духовенствѣ и высшихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ временное возвеличеніе государства Англо-саксонскаго посредствомъ введенія началъ ему чуждыхъ, при царѣ-деспотѣ, освящавшемъ свой деспотизмъ союзомъ съ Римскою іерархіею и въ тоже время удалявшемся отъ народа и жизни народной, бросило сѣмена гибели близкой и неизбѣжной въ землю уже готовую, и эти сѣмена принесли плодъ свой съ быстротою

Digitized by Google

непонятною для тѣхъ, которые судятъ о преуспѣяніи государствъ только по внѣшнимъ его примѣтамъ или признакамъ.

Саксонское завоеваніе дало Англіи народъ сперва сельскій, а потомъ послѣ покоренія городовъ и городской; ибо мало помалу городовое населеніе, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій получая безпрестанный приливъ изъ селъ, сдѣлалось почти вполнѣ Саксонскимъ. Села были устроены общинами, въ которыхъ общее владѣніе землею, какъ-то выгонами, лугами, а отчасти и пашнею, было повсемѣстнымъ обычаемъ, а равенство членовъ и подсудность каждаго всѣмъ были закономъ. Эти общины платили извѣстную повинность государству или его слугамъ (по положенію помѣстному) или наслѣдственнымъ дружинникамъ (по праву вотчинному); но съ другой стороны при этомъ свободномъ населеніи было значительное число рабовъ, захваченныхъ во время завоеванія или обращенныхъ въ рабство вслѣдствіе дикихъ законовъ, наказывавшихъ многія преступленія лишеніемъ свободы и дававшихъ право гражданамъ отчуждать свою свободу и свободу дѣтей. Общины свободныя, безъ постояннаго ополченія, мало склонны были къ вооруженной защитѣ своей родины, предпочитая мирный свой трудъ опасностямъ и лишеніямъ жизни ратной. Рабы были равнодушны къ землѣ, въ которой рабствовали и всегда готовы къ измѣнѣ.

Что число рабовъ превосходило число людей свободныхъ, въ томъ нельзя сомнѣваться; но историки, принимавшіе всѣхъ виллановъ и бордаріевъ за рабовъ, также не правы: иначе бы число свободныхъ было слишкомъ ничтожно. Они находились очевидно въ зависимости и не считались людьми совершенно свободными; но эта зависимость законная не имѣла ничего общаго съ обыкновеннымъ понятіемъ о рабствѣ. Она могла относиться столько же къ общинѣ или сотнѣ (по закону Альфреда), сколько и къ лицу высшаго сословія. Такъ свободные поселяне древней Руси не назывались *людьми вольными*, а это названіе часто соотвѣтствовало слову *гулящіе* и слѣд. было нисколько незавидно. Отъ того-то и владѣніе свободнымъ помѣстіемъ (Freehold) не давало свободы,

Digitized by Google

т. е. не отдѣляло лица отъ обязанностей, въ которыхъ оно родилось.

Но рядомъ съ общиннымъ устройствомъ довольно слабымъ было дружинное устройство или, лучше сказать, сильный дружинный бытъ; ибо дружина не имѣла никогда въ Англіи правильнаго устройства какъ въ другихъ областяхъ Западной Европы. Первые дружиноначальники, не только тѣ, которые стали во главѣ цѣлыхъ колоній, но и тѣ, которые вели отряды подъ начальствомъ старшихъ вождей, и всѣ лучшіе воины, составлявшіе какъ бы отдѣльную и высшую аристократію въ дружинѣ, сдѣлались вслѣдствіе значительнаго надѣленія землею. аристократіею землевладѣльческою, сильною богатствомъ, рабами, вѣсомъ надъ единокровцами и влаытію болѣе или менѣе законною. Права на наслѣдственное правленіе цѣлою областію или графствомъ (округомъ судебнымъ или военнымъ, или подраздѣленіемъ округа) утверждались обычаемъ за потомками первыхъ удальцовъ) или вождей или за другими высшими дружинниками или за людьми, пріобрѣтшими славу и извѣстность новыми подвигами, если только имъ удавалось захватить поземельную собственность, съ которою въ началѣ были соединены преимущества первыхъ владѣльцевъ. Права законныя, соединенныя съ большою вещественною силою при слабомъ государственномъ строѣ, влекли за собою безконечный рядъ дѣйствій незаконныхъ и злоупотребленій, которыхъ ничто остановить не могло. Свободныя общины вступали въ невольную зависимость отъ сильныхъ сосѣдей; церкви и монастыри были ограблены насиліемъ или покупали покой признаніемъ правъ патронатства, часто не основаннаго ни на чемъ кромѣ страха съ одной стороны и дерзости съ другой. Вѣча областныя (виттены или Гемоты), составленныя по большей части изъ тѣхъ же богатыхъ земловладѣльцевъ (имѣвшихъ болѣе средствъ и досуга для участія въ общественныхъ дѣлахъ) и слѣд. пристрастныя, а иногда слишкомъ слабыя для сопротивленія, не могли удержать разраставшагося зла.

Digitized by Google

Оно разумѣется было не такъ значительно въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ число свободныхъ было гораздо значительнѣе въ слѣдствіе ли освобожденія рабовъ Норманнами или преобладанія прежней общинности. Послѣднее вѣроятнѣе по относительно большему числу свободныхъ людей въ графствахъ, колонизованныхъ Англами, передъ графствами, колонизованными Саксами, хотя и тѣ и другія были потомъ подъ властію Скандинавовъ. Такъ въ Эссексѣ число вполнѣ свободныхъ (не считая вилановъ и бордаріевъ) составляетъ $^1/_{20}$, а въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствахъ болѣе одной трети всѣхъ жителей.

Правительственныя должности, которыя были связаны съ огромными выгодами, разумѣется всегда доставались въ руки тѣхъ же могучихъ домовъ, и сила ихъ возрастала все болѣе и болѣе. Болѣе и болѣе пріобрѣтали они независимости, и возстанія противъ королевской власти сдѣлались дѣломъ столь обыкновеннымъ, что казались почти законными поступками.

Это видно изъ легкаго наказанія виновныхъ и изъ весьма нерѣдкаго возврата ихъ къ прежнему сану и даже большимъ почестямъ.

Такъ, въ послѣднее время Саксонскаго царства, дома Эдрика, Сиварда, Леофрика и особенно Годвина достигаютъ почти невѣроятнаго могущества. и нѣкоторые вступаютъ въ успѣшную борьбу противъ королей.

Число вольныхъ общинъ уменьшалось со дня на день, и начало общинное очевидно слабѣло все болѣе и болѣе, уступая какой-то нестройной и беззаконной феодальности (которую въ другихъ земляхъ можно замѣтить при паденіи системы аллодіальной), феодальности не сомкнувшейся въ цѣльную систему, не составившей правильной дружинной лѣстницы, и по тому самому исполненной внутренняго волненія и безпрестанныхъ смутъ, не способной къ добру и къ защитѣ государства и безпрестанно подрывающей его силу измѣнами и крамолами. Вообще Саксонская эпоха при весьма богатомъ

Digitized by Google

развитіи закона гражданскаго, который передан былъ ею Норманской Англіи, при сильной жизни умственной и религіозной, которой неугасимый свѣтильникъ она зажгла для будущихъ вѣковъ, отличается полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла и какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ къ построенію государства. Въ ней были силы для многовѣковаго существованія. Хитрый король могъ обуздать на время безпокойную аристократію посредствомъ ея же раздоровъ, возвышеніемъ новыхъ лицъ; ибо ея ряды не были замкнуты, какъ видно изъ многихъ примѣровъ и особенно изъ жизни Годвина, посредствомъ энергической администраціи и строгаго полицейскаго порядка въ союзѣ съ іерархическимъ духовенствомъ, какъ при Эдвинѣ и Дунстанѣ; ибо буйство аристократическое не было основано на какой нибудь общей вѣрѣ въ его законность. Мудрый и дальновидный король могъ дать прочность и незыблемость всему обществу возстановленіемъ и укрѣпленіемъ общины законами для постепеннаго освобожденія рабовъ (дѣло начатое Альфредомъ, но оставшееся безъ продолженія) и устроеніемъ законной силы, основанной на жизни народной; но историческое движеніе Запада не давало времени для такого жизненнаго развитія, а движеніе мысли религіозной уничтожало его возможность. Для него нужна была цѣльность убѣжденій и цѣльность духовной жизни и ея свобода; а условно-юридическое строеніе Западнаго Христіанства не допускало ни того, ни другого. Оно уже внесло раздоръ въ островную область Англо-саксовъ и, разорвавъ окончательно ея единство духовное, оставило только возможность условно-юридическаго развитія мысли и слѣд. самаго общества; но на этомъ пути уже первенствовали другіе народы, и Англія должна была уступить ихъ вліянію и положительной власти, счастливая уже и тѣмъ, что никогда не могла утратить и своихъ живыхъ *), которыя послѣ долгой борьбы должны были создать ей неслыханное историческое величіе.

---

*) Вѣроятно пропущено: *начала*. *Изд.*

Digitized by Google

Прежде этаго окончательнаго паденія передъ завоевательною силою Западно-Европейской образованности, королевство Саксонское выдержало новый и сокрушительный ударъ отъ своихъ давнишнихъ враговъ, Скандинавовъ. Со смертію Эдгара исчезла слава царства. Сынъ его Эдмундъ не долго пережилъ его. При немъ возстала партія народная, оскорбленная и угнетенная Бенедиктинцами. Дунстанъ восторжествовалъ съ помощію двора, ему преданнаго, и посредствомъ мнимыхъ чудесъ; но скоро погибъ король, убитый мачихою, которую развратный отецъ его взялъ въ жены, умертвивъ ея мужа. На престолъ взошелъ малолѣтній сынъ бездушной женщины подъ ея опекою. Она подняла опять народную партію и удалила Дунстана; но нравственная ея низость дала ему снова торжество. Онъ возвратился въ силѣ и чести и потомъ передалъ умирая свое мѣсто и вліяніе избранному имъ преемнику. Торжество этой иноземной партіи было гибельно для государства. Король, развратный красавецъ, любившій лесть и пышность какъ Эдгаръ, но лишенный отцовскихъ способностей и энергіи, постоянно заслуживавшій ненависть и никому не внушавшій страха, покровительствовавшій папскимъ служителямъ и не умѣвшій однакоже дать посредствомъ ихъ единство своей правительственной дѣятельности, приготовилъ свободный доступъ внутрь королевства первому смѣлому врагу. Въ Скандинавіи наступила тоже новая эпоха. Мелкіе князьки мало-по-малу стали терять свою независимость, побѣжденные болѣе могучими соперниками, и послѣ многихъ колебаній стали возникать три отдѣльныя государства Швеціи, Даніи и Норвегіи. Морской разбой съ одной стороны усиливался вслѣдствіе множества изгнанниковъ и подвергался сильному противодѣйствію въ самой своей колыбели, Скандинавіи, отъ зачинающагося Христіанства, отъ измѣненія общественнаго мнѣнія (sic), обратившагося къ торговлѣ, и отъ расчета новыхъ королей, которымъ нельзя было дозволить вольный разгулъ на моряхъ своимъ изгнаннымъ соперникамъ, хотя они сами, короли, безпрестанно предпринимали набѣги, которыхъ цѣлію было столько же грабительство, сколько завоеваніе. Это вре-

Digitized by Google

мя изобилуетъ замѣчательными характерами. Таковы Гаральдъ Гарфагръ, собравшій Норвегію; потомокъ Инглинговъ, Гаконъ добрый, чистѣйшій идеалъ сѣвернаго витязя, веселый, неустрашимый и беззлобный, предметъ уваженія и любви даже для враговъ, питомецъ Адельстана; Гаральдъ Блатандъ, свирѣпый царь Даніи и основатель Юмбурга; Эрикъ шведскій, Олафъ, сынъ Тригвы, блистательнѣйшій изъ витязей моря послѣ Рагнара, нѣкогда слуга въ дружинѣ св. Владимира, потомъ любимецъ народной молвы, котораго подвигами восхищался весь Сѣверъ, котораго смерти никто не хотѣлъ вѣрить; Свейнъ, убившій отца своего Гаральда рукою своего воспитателя Пальнатоке (первообраза Вильгельма Теля) и потомъ завоевавшій Англію, сынъ его Канутъ Великій и св. Олафъ. Опять вспомнили удальцы сѣверные путь къ Англійскимъ берегамъ, на которыхъ при Альфредѣ и его преемникахъ погибли ихъ лучшія дружины; начались набѣги почти безпрерывные. Слабый король не умѣлъ защищать своей державы; ненавистные народу совѣтники его—духовенство, предложили ему откупиться отъ набѣговъ, т. е. деньгами зазывать хищниковъ, и со дня на день дружины Скандинавскія становились наглѣе и многочисленнѣе, земля бѣднѣе, выкупы тяжелѣе и огромнѣе. Главными лицами явились поэтическій Олафъ Тригвезонъ и Свейнъ. Перваго задобрили подарками и ласковымъ гостепріимствомъ, и обращенный въ Христіанство, онъ перевезъ въ Норвегію проповѣдниковъ Христіанства; ибо Англіи было суждено принимать живое участіе въ обращеніи всѣхъ Германскихъ племенъ. Отъ Свейна, болѣе властолюбиваго и оскорбленнаго во время бѣдствій его молодости, не спасали ни дары, ни выкупы. Его окончательно раздражила безумная жестокость слабодушнаго короля Этельреда, предписавшаго избіеніе всѣхъ Датчанъ въ южной Англіи, въ то время, когда Свейнъ оставлялъ ее въ покоѣ и удалился на время въ свою родину. Свейнъ отмстилъ за оскорбленіе всѣхъ человѣческихъ законовъ завоеваніемъ всей Англіи и изгнаніемъ Этельреда. Народъ охотно принялъ мужественнаго иноземца вмѣсто бездушнаго и ненавистнаго воспитанника Бенедиктинцевъ. Скоро умерли оба вра-

Digitized by Google

га, и торжествующій Свейнъ и Этельредъ, пытавшійся возвратить себѣ королевство посредствомъ обѣщаній и ряды, заключенной съ подданными. Тогда началась ожесточенная борьба между двумя достойными соперниками, Эдмундомъ Желѣзныя Ребра и Канутомъ Великимъ. Канутъ принужденъ былъ уступить противнику половину царства, завоеваннаго отцемъ, и такимъ образомъ возобновился миръ, заключенный между Эдмундомъ I и Анлафомъ на тѣхъ же условіяхъ. Постоянныя измѣны то флота, то сухопутнаго войска были причиною успѣха Датчанъ. Измѣна прекратила жизнь великаго воителя, Эдмунда, и Канутъ взошелъ безъ спора на Англійскій престолъ. Дикій, страстный и безсовѣстный въ молодости, Канутъ выкупилъ свою славу въ потомствѣ мудростью и правдолюбіемъ остальной жизни, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ подданнымъ и друзьямъ; ибо въ отношеніи къ врагамъ онъ никогда не отказывался отъ лукавства, общей черты Норманскаго характера. Три королевства, Данія, Норвегія и Англія повиновались Кануту. Три прозванія, великаго, благочестиваго и богатаго даны были ему современниками въ прославленіе его подвиговъ и власти, его усердія къ вѣрѣ и его неистощимой благотворительности. Правленіе его въ Англіи было счастливо и привлекло къ нему любовь народа. Мужество Англійскихъ войскъ завоевывало ему другія страны (между прочимъ Норвегію, гдѣ дружина Годвина дала побѣду Кануту надъ с. Олавомъ), доказывая тѣмъ самымъ, что только равнодушіе или нелюбовь подданныхъ къ правительству дѣлало возможнымъ завоеваніе Саксонскаго острова иноземцами. Хитрость Канута указала ему на всегдашнюю опасность отъ аристократіи богатой и непокорной. Многіе богатѣйшіе и любезнѣйшіе народу дружинники были или казнены или изгнаны (въ томъ числѣ одинъ Эдвигъ, извѣстный подъ именемъ «короля простолюдиновъ»); но всѣ эти мѣры относятся къ началу его царствованія и были заглажены счастіемъ послѣдовавшихъ годовъ. За всѣмъ тѣмъ иноземецъ-завоеватель, чуждый землѣ и народу и его внутренней жизни, могъ доставить государству только временное процвѣтаніе, основанное на условныхъ началахъ и

Digitized by Google

на мѣрахъ временныхъ. Онъ не могъ понять коренныхъ началъ земли, которою владѣлъ, не могъ имъ сочувствовать и подавно усилить ихъ развитіе. Новые аристократы и землевладѣльцы, созданные и обогащенные Канутомъ, готовили для его преемниковъ смуты, подобныя тѣмъ, которыя предшествовали его завоеванію. Власть деспотическая продолжала уничтожать остатки народной свободы и народоправленія; духовенство, подъ покровительствомъ набожнаго короля, продолжало увеличивать свое значеніе и тѣснѣе связываться съ Римомъ, государство продолжало клониться къ упадку, не смотря на видимое преуспѣяніе. Едва кончилъ жизнь свою предпріимчивый и мудрый король, уже сыновья его перессорились за наслѣдство и раздѣлили Англію. Аристократія разумѣется воспользовалась раздоромъ, чтобы помогать то одному, то другому сопернику, и когда послѣ кратковременнаго царствованія прекратился въ Англіи царственный домъ Канута и призваны были снова на престолъ внуки Эдгара, Годвинъ уже былъ равносиленъ королю, и многіе другіе землевладѣльцы почти равнялись съ нимъ властію и богатствомъ.

Эдуардъ Исповѣдникъ.—Франко-норманское завоеваніе.

Слабъ былъ духомъ преемникъ Саксонскихъ королей, преданъ духовенству іерархическому по женской набожности, преданъ иноземному быту вслѣдствіе молодости, проведенной въ Норманской Франціи и способенъ только ускорить паденіе своей династіи и своей родины. Таковъ былъ Эдуардъ Исповѣдникъ, причтенный къ святымъ благодарностью Римской власти, которой онъ покровительствовалъ и благодарностью народа, котораго онъ погубилъ, но который любилъ въ королѣ своемъ мягкость безсильной души и сострадательность къ бѣдствіямъ и нищетѣ подданныхъ своихъ.

Трогателенъ, хотя едва ли достоинъ короля, разсказъ о томъ, что онъ отмѣнилъ дененгельдъ (Датскую подать) вслѣдствіе испуга при видѣ массы звонкой монеты, выплаченной ему всею Англіею и при мысли о слезахъ, потѣ и лишеніяхъ, которыми были добыты эти деньги. Эта черта, принадлежащая безспорно христіанскому

Digitized by Google

духу, вообще носитъ на себѣ нѣкоторый особый отпечатокъ Англо-саксонской земли и напоминаетъ многіе подобные разсказы о прежнихъ ея короляхъ, раздававшихъ даже свою собственную трапезу и дорогіе приборы въ порывахъ состраданія; съ нею согласны и многіе законы Альфреда и его династіи и многія мѣры въ ихъ управленіи своимъ имуществомъ. Вообще благотворительность и милостыня были признаны какъ бы прямою ихъ обязанностью, и едва ли Канутъ. Завоеватель не занялъ этихъ качествъ отъ народа завоеваннаго. По крайней мѣрѣ не видать, чтобы они принадлежали его соотечественникамъ.

При Эдуардѣ проявляется движеніе новое въ землѣ Англо-саксовъ: противодѣйствіе Франко-норманамъ. Это не вражда къ иноплеменнымъ. Ея никогда не было въ эпоху Саксонскую. Это вражда къ иному началу жизни. Подданные Альфреда готовы были покориться дѣтямъ Лодброка, Эдмундъ готовъ признать Анлафа своимъ наслѣдникомъ, и Свейнъ и Канутъ предпочтены Этельреду и его дѣтямъ; но Датчанинъ и Норвежецъ были близки къ Германцу Саксонскому: они не вносили съ собою никакихъ новыхъ стихій, не измѣняли общаго строя жизни и готовы были подчиниться тому строю, который находили уже вкорененнымъ и окрѣпшимъ. Они сами были только правительственною случайностью, къ которой Англо-саксъ оставался равнодушнымъ. Не то было значеніе Франко-норманновъ. Они вполнѣ напитались общимъ западнымъ просвѣщеніемъ, болѣе стройнымъ, крѣпкимъ и богатымъ, чѣмъ просвѣщеніе тогдашней Англіи; они развивали обще-западную мысль во всей ея строгости, полнѣе даже чѣмъ тѣ народы, у которыхъ она возникла; это видно изъ ихъ совершеннѣйшей феодальности, изъ особенной связи съ Римомъ и даже изъ ябедничества, которымъ они всегда славились и которое осталось за ними до нашего времени. Противъ ихъ-то вліянія, противъ новаго быта, вводимаго ими, возстала народная партія въ Англіи. Во главѣ ея, вѣроятно не безъ личныхъ цѣлей, сталъ графъ Годвинъ, могущественнѣйшій изъ Англо-саксонскихъ аристократовъ, хотя вышедшій изъ самаго низкаго сословія людей свободныхъ, человѣкъ смѣлый и хитрый, богатый сво-

Digitized by Google

ими огромными помѣстьями и еще богаче — любовью и почтеніемъ Англіи къ его цвѣтущимъ и мужественнымъ сыновьямъ; измѣнникъ прежнимъ королямъ, созданіе Датской династіи, гонитель законныхъ наслѣдниковъ престола и по всѣмъ вѣроятностямъ низкій убійца однаго изъ нихъ, едва ли не лучшаго изо всѣхъ, молодого Альфреда, но искуплявшій свои преступленія и гнусныя измѣны въ глазахъ народа тѣмъ, что заступался за его обычаи и объявлялъ себя врагомъ ненавистныхъ нововведеній. Онъ потребовалъ отъ короля изгнанія его многочисленныхъ любимцевъ-Норманцевъ и требованіе свое поддерживалъ военною рукою. Король созвалъ общую витте-ну, и она объявила себя противъ Годвина, хотя очевидно сочувствовала съ его направленіемъ. Годвинъ былъ временно изгнанъ, но снова возвращенъ былъ съ большей силою, чѣмъ прежде и со славою защитника правъ народныхъ. Онъ скоро умеръ, но его могущество перешло еще въ большихъ размѣрахъ къ сыну его Гарольду, юному, прекрасному, благородному, славному мужествомъ и искусствомъ военнымъ и ничѣмъ не запятнавшему свою дѣятельную жизнь. Мало-по-малу Гарольдъ, нѣсколько разъ водившій народныя дружины и наказывавшій Валлійцевъ, нарушителей тишины и границъ Саксонскаго царства, сталъ считаться будущимъ королемъ, хотя извѣстно было, что Эдуардъ назначалъ престолъ герцогу Норманскому Вильгельму. Наконецъ слабый потомокъ Вестъ-саксской династіи умеръ, и часъ давно угрожавшей борьбы наступилъ; но ея историческій исходъ былъ неизбѣженъ. Съ обѣихъ сторонъ были равно достойные вожди, равно опытные и смѣлые, равно извѣстные личною силою и искусствомъ (качествами весьма важными въ этотъ дикій вѣкъ), равно прославленные своими побѣдами и любимые своими дружинами; но дѣло Саксонской Англіи должно было погибнуть. Какъ будто для того, чтобы показать всю ея безпомощность и внутреннюю слабость, за нѣсколько дней до нашествія Вильгельмова явился на берегахъ Англіи съ своею страшною дружиною одинъ изъ тѣхъ грозныхъ великановъ Скандинавскаго Сѣвера, передъ которыми такъ долго трепетала западная Европа,

Digitized by Google

одинъ изъ тѣхъ наѣздниковъ моря, для которыхъ самъ океанъ не имѣлъ ужасовъ, одинъ изъ тѣхъ ненасытимыхъ бойцовъ, которымъ смерть ничего не внушала, кромѣ улыбки и пѣсни, — Гарольдъ, Гардрада. Его велъ на родину (тѣмъ самымъ обнажая ея политическое безсиліе) Тостигъ, братъ Гарольда, изгнанникъ, оскорбленный правосудіемъ короля-брата. Страшно было столкновеніе Сакса и Норманна. Никогда, можетъ быть, не было битвы болѣе напоминавшей вдохновенныя пѣсни Гомера и эпосъ древней Эллады. Громко раздавалась пѣсня Нормана, и страшно сверкалъ въ лучахъ яснаго утра его тяжелый мечъ; въ грозномъ молчаніи наступалъ желѣзный Англосаксъ и неутомимо трудился его двуручный топоръ; всѣхъ впереди самъ король Гарольдъ съ одной стороны, а съ другой братъ его Тостигъ и великанъ Гардрада; наконецъ палъ прилелецъ и измѣнникъ, призвавшій его и стягъ сѣверныхъ дружинъ. На костяхъ сталъ Гарольдъ, взявъ побѣду мужествомъ, украшая ее великодушіемъ; но корабли Вильгельма уже пристали къ берегамъ Англіи, и Гарольду пришлось спѣшить на Югъ противъ новаго и опаснѣйшаго врага съ утомленною и ослабѣвшею дружиною.

Ему попрекаютъ въ торопливости; но Вильгельмъ сжегъ свои корабли, и ему (sic) не упрекаютъ въ безразсудной отвагѣ. Оба дѣйствовали вѣроятно вслѣдствіе однаго и того же болѣе или менѣе сознаннаго убѣжденія въ неизбѣжной гибели Саксонскаго царства. Неотвратимость приговора выражалъ Вильгельмъ, показывая всѣмъ упорство своей рѣшимости; неотвратимость приговора надѣялся Гарольдъ измѣнить быстротою своего рѣшенія. Великія историческія минуты приносятъ съ собою свое ясновидящее вдохновеніе, какъ истинная поэзія. У Вильгельма было до 60-ти тысячъ войска отборнаго, храбраго, жаднаго къ добычѣ, составленнаго изъ всѣхъ удальцовъ Франціи, выславшей цвѣтъ своего воинственнаго рыцарства на зовъ славнаго герцога Норманскаго и на завоеваніе Англіи. У Гарольда не было и двадцати тысячъ отчасти на скоро набранной дружины; но это были люди съ мужествомъ почти несокрушимымъ, съ порывомъ недавней побѣды, истинные

Digitized by Google

Англо-саксы, и въ ихъ главѣ любимый король. Побѣда была возможна, и это было доказано самымъ ходомъ сраженія при Гастингсѣ; а при замедленіи неизбѣжно должны были разыграться всѣ начала раздора, которыя лежали уже въ глубинѣ Саксонскаго общества, и всѣ они были въ союзѣ съ Вильгельмомъ. Аристократическія вражды и соперничества, нелюбіе областей другъ къ другу, всегдашняя склонность сѣверныхъ графствъ къ возстаніямъ, надежда рабовъ на свободу, еще большая надежда землевладѣльцевъ на составленіе отдѣльнаго, вполнѣ властительнаго и сомкнутаго сословія на подобіе Французской феодальности, болѣе же всего уже сильно развившееся стремленіе къ обще-европейскому быту, доказанное самымъ возстаніемъ народной партіи противъ него, и проповѣдь духовенства Латинскаго, которая подъ ничтожнымъ предлогомъ успѣла уже возмутить всѣ совѣсти противъ Гарольда, даже въ его войскѣ, которая благословляла подвигъ его противника и вручала ему знамя, благословенное словомъ Римскаго пастыря. Дѣло Дунстаново приходило къ концу. Походъ Вильгельма, предпринятый его личнымъ властолюбіемъ, былъ въ тоже время родъ крестоваго похода, которому сочувствовала большая часть народа, противъ котораго онъ былъ направленъ. Торжество Бенедиктинцевъ и ихъ партіи при Эдгарѣ и его преемникахъ было полное; на нѣсколько времени Англія находилась подъ ихъ правленіемъ, но въ немъ Англія не нашла ни славы, ни спокойствія. Она была завоевана иноземцами и истерзана внутренними смутами. Партія противная Риму жила и крѣпла; духъ свободы церковной захватывалъ и проникалъ даже и ея противниковъ. Риму и Западной Европѣ нужно было снова завоевать Англію, и Вильгельмъ былъ ихъ оружеосцемъ, а въ нѣдрахъ земли, которую онъ шелъ завоевать, онъ находилъ готовыхъ и ревностныхъ союзниковъ. Борьба продолжительная была невозможна, и поле Гастингское рѣшило судьбу Англіи, такъ какъ она непремѣнно должна была рѣшиться ранѣе или позднѣе, но во всякомъ случаѣ въ непродолжительномъ времени.

Digitized by Google

Самая покорность Англіи почти безъ сопротивленія послѣ однаго сраженія доказываетъ неотразимо истину этого положенія.

Страшна была битва при Гастингсѣ, но не такого характера какъ сраженіе при берегахъ Гумбера. Не пѣли пѣсень богатырскихъ дружины Вильгельма, но становились на колѣна съ молитвою, полулицемѣры въ душѣ, но безъ всякаго сознанія своего лицемѣрія. Благословенія духовенства освящали ихъ будущій подвигъ и наводили невольное уныніе на ряды Саксонцевъ. Темною тучею стояли Гарольдовы полки на верху укрѣпленнаго холма, готовясь къ рѣшительной и малонадежной борьбѣ. И вотъ вспрянули пришельцы, и раздалась послѣ молитвы воинственная пѣсня Роланда, славы Французскихъ паладиновъ. Сошлись враги, и началась битва. Съ утра до поздняго вечера рвались пришельцы пробить крѣпкій строй Саксонцевъ; градомъ сыпались стрѣлы Норманновъ, желѣзнымъ вихремъ налетала ихъ конница, закованная въ тяжелыя латы; но щиты Саксовъ отбивали стрѣлы непріятеля, и двуручный топоръ истреблялъ все, что приближалось въ мѣру его удара. Два раза клонилась побѣда на сторону Саксонцевъ, но двѣ неосторожности дружины непослушной голосу короля и случайная смерть его рѣшили судьбу сраженія. Полное торжество увѣнчало Франко-норманцевъ, но слава мужества по праву принадлежитъ побѣжденнымъ Саксамъ, и войны слѣдующихъ вѣковъ доказали, что это мужество никогда не было утрачено ихъ долго угнетенными потомками и два раза отдавало почти всю Францію въ руки преемниковъ Вильгельма.

Паденіе Гарольда было паденіемъ царства. Очевидно, не внутреннія силы измѣнили народу; онъ ихъ сохранилъ надолго, навсегда: государство разошлось съ народомъ. Оно стало совершенно чуждымъ ему. Таково значеніе легкаго завоеванія Норманскаго; таково послѣдствіе нестройнаго соединенія быта общиннаго, свойственнаго Саксамъ, а еще болѣе Англамъ, Варнамъ и Вильцамъ (Wiltshire) съ богатымъ дружиннымъ,—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ завоеванія, особенно заморскаго; таково послѣдствіе розни постоянно существовавшей между съ-

Digitized by Google

вернымъ населеніемъ, въ которомъ сильную примѣсь составляли Англо-славяне, приведенные Инглингомъ, Идою, и сплошнымъ Саксонскимъ населеніемъ Юга; таково особенно послѣдствіе духовнаго разъединенія, введеннаго сперва встрѣчею Римской проповѣди у Саксовъ съ свободною церковью Кельтовъ, и окончательно утвержденнаго завоеваніемъ Англіи Бенедиктинцами при Дунстанѣ.

Сознавая все важное и гибельное значеніе Дунстанова дѣла и глубокую безнравственность средствъ, употребленныхъ имъ и его сподвижниками, и сравнительную чистоту свободнаго направленія Кельтской церкви, нельзя въ тоже время не признать необходимости успѣха въ этой борьбѣ могучей и логической стихіи, представляемой Западною Европою надъ неполнымъ и неразвитымъ началомъ свободы духовной, представляемымъ малою группою Британскихъ острововъ, отдѣленныхъ моремъ и всею шириною Европы отъ Востока, гдѣ былъ его корень и откуда онъ могъ черпать силу просвѣщенія и мысли. Доказательствомъ этой необходимости служитъ то обстоятельство, что самая Кельтская церковь, которая Саксамъ давала духовную свободу, сама подпала владычеству Римскаго направленія полнѣе и невозвратнѣе, чѣмъ Саксы. Особенность, отличающая въ этомъ случаѣ Кельтовъ Эрина отъ Саксовъ Англіи, происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ отъ того, что начало Римское входило въ Кельтскую землю медленно, соблазномъ мысли безъ примѣси насилія вещественнаго и слѣд. безъ ожесточенной борьбы; во-вторыхъ, отъ того, что самый характеръ Кельта, случайно сохранявшаго формы церкви первыхъ вѣковъ, вслѣдствіе своего удаленія отъ историческаго движенія Европейской мысли, былъ болѣе сроденъ, чѣмъ характеръ Саксонскій, предаться обаянію вещественной и пышно-обрядовой вѣры, которую приносили Римскіе проповѣдники.

Трудно опредѣлить участіе, какое принимали города въ защитѣ Англіи противъ Франко-норманновъ. Города уже тогда имѣли важное значеніе въ государствѣ, ибо около ста лѣтъ послѣ Гарольда въ одномъ Лондонѣ считалось до 300 т. жи-

Digitized by Google

телей (число едва вѣроятное при населеніи всей Англіи, которое считается въ 2 милліона во время завоеванія). Правда, что въ Лондонѣ набралъ Гарольдъ часть своего войска, но такой наборъ еще не доказываетъ особеннаго сочувствія горожанъ къ дѣлу Саксонскаго короля. Лондонъ и нѣкоторые другіе большіе города сохраняли свою независимость и муниципальное устройство, завѣщанное Римомъ, до конца Саксонской эпохи; другіе — утратили свои права ранѣе, но не вдругъ и не безъ борьбы.

Населеніе ихъ происходило по большей части отъ Римскихъ провинціаловъ и только впослѣдствіи получило сильный приливъ Саксонскій, который мало-по-малу измѣнилъ ихъ бытъ и народный составъ. Поэтому едва ли могла быть сильна привязанность горожанъ къ царственному дому Саксовъ и къ ихъ самостоятельности народной. Общее равнодушіе къ политической независимости, которое замѣтно во всю Саксонскую эпоху, было вѣроятно еще сильнѣе въ стѣнахъ городскихъ, и стремленіе къ новому быту и иноземнымъ обычаямъ, противъ котораго при Эдуардѣ возставала народная партія, должно было найти въ нихъ сильный отзывъ и содѣйствовать легкому успѣху Норманской дружины. Нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ завоеванія города сохраняли многое, если не все, изъ своихъ правъ, и что Норманская династія оказывала имъ покровительство. По крайней мѣрѣ они совсѣмъ не являются во всей Англійской исторіи въ той полной зависимости отъ баронства и даже правительства, въ которой они находились во Франціи. Англія не знаетъ освобожденія городскихъ общинъ, которое для Франціи началось со времени Людовика Толстаго, и освобожденіе Англійскихъ общинъ послѣ борьбы Генриха III съ баронами и при Эдуардѣ I относится почти единственно къ населенію сельскому (или къ графствамъ). Вильгельмъ былъ столько хитеръ, что онъ не могъ отдать сильныхъ и богатыхъ торговыхъ городовъ своего новаго королевства въ руки дружины, которой повиновеніе было всегда сомнительно, какъ онъ самъ зналъ изъ своихъ отношеній къ своему феодальному государю.

Digitized by Google

Разумѣется, это относится только къ значительнымъ городамъ; разумѣется также, что свобода всѣхъ городовъ (такъ же, какъ и права сельскаго населенія) была сильно распространена и обезпечена во время споровъ баронства съ королевскою властію, когда обѣ партіи искали закупить союзъ городовой силы. Городъ Лондонъ имѣлъ свою, такъ сказать, государственную жизнь съ самаго начала Англійской исторіи; во Франціи же нѣчто похожее на внутренній бытъ Англійскихъ городовъ находимъ мы только на Югѣ, въ старой, искони полу-Римской Невстріи.

Эта особенная свобода и послѣдовавшее за нею процвѣтаніе городскаго населенія въ Англіи весьма важны въ ея умственной исторіи. Не полное и, такъ сказать, некоренное саксонство городовъ давало въ нихъ свободый доступъ Романской стихіи въ бытѣ и языкѣ. Города, принимая новое начало, дѣйствительно возстановляли только старину свою, быть можетъ, не совсѣмъ забытую. Они романизовались несравненно скорѣе и полнѣе селъ. Такова причина огромной примѣси словъ, т.-е. понятій (ибо они нераздѣльны для историка), взятыхъ изъ языковъ Романскихъ въ ново-Англійскомъ языкѣ. Ее объяснить изъ одного вліянія дворянства и Латинскаго духовенства было бы крайне неразумно, хотя въ это неразуміе впадаютъ всѣ историки, не понимающіе Римской провинціальности Англіи до Саксонцевъ и Англійскихъ городовъ при Саксонцахъ. Все условное, все общежительное, все рукодѣльное (особенно утонченное) получило имя себѣ изъ языка Латинскаго. Все живое, сельское, духовное, природное, такъ сказать, Божіе, взято изъ Германскаго источника, и эти двѣ струи проходятъ по всей исторіи Англійскаго слова. Характеръ автора или его эпохи опредѣляетъ относительное преобладаніе Латинской и Германской стихіи въ ихъ языкѣ. Счетъ словъ на любой страницѣ, происходящихъ отъ того или другого корня, даетъ вѣрное познаніе направленію писателя; и съ другой стороны достаточно знать это направленіе, чтобы опредѣлить напередъ, какая лексическая стихія преобладаетъ въ его языкѣ.

Digitized by Google

Сильное и можно сказать преобладающее значеніе Саксонской стихіи въ Англійскомъ языкѣ показываетъ всю важность народнаго начала, особенно сельскаго во всей ея умственной исторіи. Ему должно приписать блескъ ея поэзіи, безспорно богатѣйшей въ новомъ мірѣ; ему — и ту свѣжесть слова, въ которомъ такъ сумрачна тѣнь лѣсовъ, такъ благоухаютъ луга, такъ золотятся нивы. Никогда не могъ Англо-саксъ разлюбить вольную природу и рабски подчиниться мертвымъ законамъ городскаго общества и городской прихоти. Много прекрасныхъ садовъ и веселыхъ парковъ раскинулось теперь по Европѣ; они уже и въ дальней Сибири обхватываютъ зелеными поясами грубо-роскошные дома быстро нажившихся золотопромышленниковъ. Доброе слово благодарности Англіи и ея народной любви къ вольной красѣ Божьяго міра за всѣ эти тихія и задумчивыя сѣни, за свѣжесть луговъ, за естественныя очертанія водъ. Все это отстояла Англія противъ стриженныхъ садовъ Франціи и Италіи. Римъ уже полюбилъ, если не выдумалъ это уродованіе природы и ея заковываніе въ безобразныя формы какой-то мнимой архитектуры. Китай, надъ которымъ смѣется гордость нашего просвѣщенія, весь въ этой чисто-Китайской прихоти XVII-го и отчасти XVIII-го вѣка. Сама по себѣ она ничего, — одна изъ тѣхъ глупостей, которыми человѣчество такъ щедро украшаетъ свой историческій путь на землѣ; но корень ея глубоко скрытъ въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, и это направленіе есть завѣтъ до-исторической древности. Въ Китаѣ и въ Европѣ оно есть не что иное, какъ отголосокъ тѣхъ условныхъ вѣрованій, той условной жизни, которыя отрицаніемъ свободнаго духа устремили всѣ физическія и умственныя силы человѣка къ одной цѣли, къ подчиненію видимаго міра правильному строю и условной симметріи. Торжество Кушитства — храмы Египта, его чудная гидравлика, его вѣчныя пирамиды и его гробовые дворцы. Карикатура его — сады Китайскіе и Французскіе: но духъ и его настроеніе одни въ великомъ и смѣшномъ.

Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи Саксонскаго времени. Она была въ народѣ и не записана на дорогомъ пергаментѣ. Перемѣна языка погубила ее. Знаемъ мы только

Digitized by Google

то, что она существовала и что она не чуждалась жизни политической, славя или осмѣивая ея дѣятелей; знаемъ, что она имѣла и свои эпическія сказанія, въ которыхъ она сохраняла память о борьбахъ внѣшнихъ (особенно съ Скандинавскимъ Сѣвером). Этому сохранились доказательства въ разсказахъ объ Гвидонѣ Варвикскомъ и о Бевисѣ Гамптонскомъ (перешедшемъ и въ Россію черезъ Италію); но самые разсказы въ ихъ поэтической формѣ погибли. За то Ново-Англійская поэзія просыпается не въ городахъ или замкахъ, въ которыхъ торговецъ и рыцарь лепетали какое-то варварское Французское нарѣчіе, а въ глуши лѣса Шервудскаго съ Робинъ Гудомъ и его веселыми товарищами, и во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ смѣлый стрѣлокъ Саксонскій (перещеголявшій своихъ учителей Норманцевъ въ стрѣльбѣ) борется съ утѣснительнымъ закономъ и съ утѣснительнымъ сословіемъ иноземныхъ властителей.

Англія при первыхъ Норманскихъ корояхъ.— Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею.

Тяжело было это иноземное иго. Хитеръ былъ Вильгельмъ. Сначала много еще оставилъ онъ простора Саксонскому быту: щадилъ его особенности и въ свою пользу даже вызывалъ его сердечную энергію, обращаясь въ часъ нужды къ чувству чести народной; но это продолжалось не долго. Народныя возмущенія подали поводъ или предлогъ къ строгости и къ жестокимъ наказаніямъ. Цѣлыя области были опустошены; села и города уничтожены и уступили мѣсто свое лѣсной пустынѣ, приволью для дикихъ звѣрей и широкому поприщу для охоты, къ которой Франко-норманцы были также страстны какъ къ войнѣ и корысти. Эти возстанія не могли вести ни къ какой доброй цѣли, ни къ какой народной пользѣ; ибо самъ народъ не видалъ передъ собою ни пути разумнаго, ни предмета, къ которому онъ могъ бы напрячь и направить свои силы. Онъ не имѣлъ искони любви къ условности политическаго быта и привычки къ самоправленію въ смыслѣ государственномъ; онъ не стремился къ независимости и самостоятельности племенной; онъ не могъ скликнуться съ одного конца

Digitized by Google

на другой по всей Англіи для дружнаго возстанія на иноземнаго насильника, а частныя возстанія были легко подавлены феодальною дружиною, всегда готовою къ бою и всегда сосредоточенною, когда дѣло шло объ ея правахъ на собственность и объ самомъ ея существованіи. Мужество не измѣняло Саксонцу: представитель прежней его аристократіи, Геревардъ, баснословными подвигами внушалъ почтеніе и удивленіе своимъ Норманскимъ врагамъ, долго отстаивалъ отъ нихъ силою руки и меча свою личную свободу и убѣжище, выбранное имъ въ глуши лѣсовъ и болотъ, и наконецъ принудилъ ихъ принять его въ свои ряды на правахъ полнаго равенства. Но частные подвиги не служили ни къ чему и отягощали только общую судьбу народа. Правильно и безъ остатка раздѣлилъ Англію Вильгельмъ между своими дружинниками; къ раздѣлу допустилъ онъ только немногихъ изъ прежнихъ землевладѣльцевъ и то въ низшей степени или въ состояніи утѣснительной подчиненности. Аристократію Саксонскую уничтожилъ онъ совершенно. Феодальность, введенная имъ въ Англіи на почвѣ новой, отличалась отъ феодальности всей остальной Европы совершенною строгостью и стройностью вполнѣ выдержанной системы. Такое отличіе было послѣдствіемъ самаго отношенія Англіи къ остальному Западу. Въ Европѣ Романо-Германской феодальность была плодомъ вѣковъ, дѣломъ медленно и неправильно выработаннымъ обстоятельствами и жизнію дружины, созидавшей себѣ лѣстницу чиноначалія, которая замѣняла чуждыя ей идеи отечества и государства въ смыслѣ временъ древнихъ и новыхъ. Какъ всякое произведеніе жизни и неотвлеченной мысли, она вездѣ была исполнена неправильностей и случайностей часто несогласныхъ съ ея духомъ и затрудняющихъ ея стройное движеніе. Въ завоеванную землю Вильгельмъ переносилъ готовую и выработанную уже систему, и ничто не мѣшало ея совершенству въ приложеніи.

Тоже самое находимъ мы и въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ феодальными дружинами, особенно же въ королевствѣ Іерусалим-

Digitized by Google

ском, котораго положеніе было полнѣйшимъ образцомъ феодальности.

Но, перенося готовое учрежденіе, герцогъ Нормандскій направлялъ его къ новой цѣли, которая была до тѣхъ поръ совершенно чужда самому учрежденію, къ основанію сильнаго государства. Сохраняя лѣстницу взаимной подчиненности, которая составляетъ необходимое условіе феодальной дружины, онъ связывалъ всѣхъ ея членовъ въ полнѣйшемъ единствѣ и въ прямой зависимости отъ ея главы, феодальнаго короля. Такова безспорно одна изъ главныхъ причинъ, почему сила Англіи, несравненно болѣе сосредоточенная чѣмъ въ другихъ земляхъ, поставила ее на такую высокую степень между западными державами еще прежде, чѣмъ высказалось ея умственное и духовное превосходство. Тотъ же самый расчетъ, который руководствовалъ Вильгельма въ этомъ отношеніи, не допускалъ его черезъ мѣру унижать туземцевъ. Правительство должно было ихъ охранять противъ феодальныхъ владѣльцевъ для того, чтобы они съ своей стороны служили ему опорою въ возможныхъ борьбахъ съ непокорною дружиною. Дѣйствительно, состояніе туземцевъ при Вильгельмѣ и его ближайшихъ преемникахъ далеко не было такъ тяжело, какъ оно стало послѣ войнъ Стефана, когда вся Англія съ конца въ конецъ покрылась укрѣпленными замками, притонами Норманскаго своеволія, наводнилась наемными войсками изо всѣхъ странъ Западной Европы и была предана вполнѣ всякому насилію и всякому разбою, какія только могла злость сильнаго придумать противъ беззащитности слабаго. За всѣмъ тѣмъ и въ это время еще часто партіи Стефана и его противника Генриха прибѣгали къ помощи народа и поддерживали въ немъ поневолѣ желаніе свободы и надежду на нее. Язва Саксонской Англіи, многочисленность рабствующаго сословія, стала исчезать при Норманахъ, и мало-по-малу рабство личное сельскаго населенія исчезло вполнѣ, сливаясь съ общимъ вассальствомъ и наполняя основу будущей народной силы. Освобожденіе всѣхъ низшихъ сословій и возведеніе ихъ въ степень участниковъ въ дѣлѣ правитель-

Digitized by Google

ственномъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ Вильгельмѣ, а еще болѣе при его мудромъ сынѣ Генрихѣ Книжникѣ (ибо такъ, кажется, слѣдуетъ перевести Beau-clerc), женатомъ на Саксонкѣ царскаго происхожденія, народъ вообще пользовался правами, какихъ тогда не имѣлъ ни одинъ народъ въ Западной Европѣ, если только можно говорить объ народахъ тамъ, гдѣ ихъ почти не было (какъ напр. во Франціи). Царствованіе рыжаго тирана Вильгельма II было только мимоходящимъ бѣдствіемъ. Но Генрихъ, восходя на престолъ, обѣщалъ и довольно вѣрно сохранилъ обѣщаніе, что онъ не будетъ посягать на тѣ права, которыми пользовались всѣ его поданные во времена Эдуарда. Это обѣщаніе относилось очевидно только къ Англосаксамъ. Тяжкое угнетеніе пало на нихъ, какъ сказано, въ эпоху борьбы рыцаря Стефана съ Матильдою и въ царствованіе Генриха II, не смотря на заступничество духовенства и Беккета; тяжко было имъ и при безумно воинственномъ Ричардѣ и при бездушномъ Іоаннѣ; но тутъ уже они нашли заступниковъ въ рядахъ аристократіи, взявшей мечомъ права, извѣстныя подъ названіемъ Magna Charta, а вскорѣ при Генрихѣ III великій герцогъ Лейчестерскій положилъ прочное основаніе правамъ низшаго сословія, и Эдуардъ поневолѣ утвердилъ ихъ, чтобы имѣть возможность вести свои страшныя войны противъ Валлиса, который онъ сокрушилъ, и Шотландіи, которую онъ на время покорилъ, какъ будто для того только, чтобъ вызвать на свѣтъ ея энергію въ лицѣ безсмертнаго мученика Валласа и счастливаго освободителя Брюса. Не королевская власть положила начало народной свободѣ въ Англіи, какъ она во Франціи служила освобожденію городской общины; нѣтъ, эта свобода съ одной стороны коренилась въ древности, съ другой она получила свое конечное утвержденіе отъ союза дружины, и отъ того-то Англія представляетъ на Западѣ почти единственный примѣръ земли, въ которой аристократія была и до сихъ поръ продолжаетъ быть связана искреннею любовью съ низшими сословіями.

Digitized by Google

Также какъ зло нравственное, когда проявлятся въ формѣ исторической вражды и оскорбленія, сильнѣе дѣйствуетъ на виновнаго чѣмъ на страдальца, заражая его душу цѣлымъ рядомъ логически развивающихся пороковъ и особенно порождая въ ней неугасимую злобу (какъ напр. въ Нѣмцѣ противъ Славянина и въ Янки противъ краснокожаго), такъ и нравственное добро воздѣйствуетъ благодѣтельно на то лицо или сословіе, которое дало ему историческое проявленіе: Англійская аристократія, утвердивъ свободу народа, дѣйствительно связалась съ нимъ глубокою и сердечною любовію.

Причина, почему ходъ освобожденія сельской общины (или сельскаго населенія, ибо общинный характеръ совершенно утратился при Норманцахъ) въ Англіи совершенно противоположенъ освобожденію городской общины во Франціи, очень проста. Дружина феодальная была во Франціи стихіею преобладающею. Король долженъ былъ поневолѣ искать противъ нея опоры въ городахъ. Король былъ безъ всякаго сравненія сильнѣе вассаловъ своихъ въ Англіи при систематическомъ устройствѣ ея Вильгельмомъ и при частомъ употребленіи наемныхъ войскъ (Брабансоновъ и другихъ) Англійскими королями. Вассалы искали союза съ народомъ для равновѣсія. Къ этому должно прибавить и слѣдующія обстоятельства. Королевской родъ не только вслѣдствіе своего происхожденія, но и вслѣдствіе значительныхъ владѣній во Франціи былъ совершенно чуждъ своимъ Саксонскимъ подданнымъ. Потомки Франко-норманскихъ дружинниковъ постояннымъ пребываніемъ своимъ между людьми Саксонской крови и родственными связями съ прежнею Саксонскою аристократіею были мало-помалу пересозданы въ Англичанъ. Выгоды и необходимость опоры въ борьбѣ съ королемъ, совпадая съ внутреннимъ влеченіемъ и бытовою привычкою, навели ихъ на прекрасное дѣло быть освободителями своихъ соотечественниковъ; а благодѣяніе предковъ, хотя и своекорыстное, вознаграждается еще до нашихъ дней изумительною силою потомковъ, если не по крови, то по сословію.

Digitized by Google

Духовенство вооружало Вильгельма для исполненія своихъ цѣлей; оно достигло ихъ. Духовенство Саксонское было или изгнано или порабощено Римской власти; но это должно разумѣть о началахъ свободной церкви, племенная же стихія Саксонская сохранила свою важность въ духовной іерархіи, во сколько она сочувствовала съ Римомъ или служила ему. Эта стихія племенная, давшая въ скоромъ времени великаго примаса Англіи въ Ѳомѣ Беккетѣ, служила сильнымъ покровительствомъ всякому народному началу и ручалась за его сохранность и цѣлость, готовя его будущее значеніе въ политической жизни. Въ отношеніи къ королевской власти она скоро вступила въ ту борьбу, въ которую болѣе или менѣе вступало въ тоже время все духовенство Западной Европы. Было, правда, непродолжительное время, въ которое рыжій Вильгельмъ смѣлъ сказать: [1]) «Тотъ только и папа, кого я признаю; а въ дѣлахъ Англіи духовныхъ также какъ и свѣтскихъ, хозяинъ я одинъ», и находилъ поддержку въ бездушномъ Фламбардѣ [2]); было время, что глава королевства и представители духовенства вмѣстѣ грабили духовное достояніе, оставляя многія епархіи вовсе не замѣщенными; но это не могло продлиться. Общій характеръ духовенства былъ измѣненъ завоеваніемъ Франко-Норманскихъ, и свободная церковь была подавлена не только въ своихъ сановникахъ, но и въ убѣжденіяхъ правительственной аристократіи мірянъ. Смерть Беккета рѣшила побѣду въ пользу Рима. И за всѣмъ тѣмъ прежніе зародыши свободной мысли не должны были гибнуть. Точно также какъ прежніе проповѣдники Западнаго направленія у Саксонцевъ послѣ жестокой вражды противъ Кельтской свободы духовной мало-по-малу сроднились съ нею и болѣе

---

[1]) Ансельму, желавшему признать Урбана II-го, а не антипапу Климента III-го. *Изд.*

[2]) Епископъ Дургамскій Ральфъ Пассе Флаберъ или Фламбардъ, Норманецъ по происхожденію, былъ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ Вильгельма. Объясненіе его прозвища даетъ Ансельмъ: „propter crudelitatem similem flammae comburenti praenomine Flambardus“ (Ep. IV, 2). *Изд.*

Digitized by Google

или менѣе стали подъ ея знамена, новые оруженосцы церковнаго государства заразились тою же свободою, которую усердно подавляли. Конечно, когда Іоаннъ вздумалъ отдать Англію въ полную подчиненность и въ вассальство Римскому престолу, сопротивленіе дворянства и народа истекало изъ другихъ причинъ; но духъ свободы проявлялся въ многочисленности лоллардовъ, которыхъ помощь доставила почти полный успѣхъ Йоркской партіи во время междоусобія Двухъ Розъ, въ безпрестанныхъ попыткахъ опредѣлить яснѣе права Рима на повиновеніе и дань и въ постоянномъ сопротивленіи народа духовенству всякій разъ, когда оно, по образцу другихъ странъ, старалось окружить себя признаками власти свѣтской и ограждать свои жилища укрѣпленными стѣнами.

Въ Шотландіи торжество Брюса, отлученнаго отъ церкви, имѣло также немалую важность; но вообще въ обѣихъ странахъ замѣчательна одна отличительная черта. Во Франціи и Германіи, за исключеніемъ древней области Невстрійской, наполненной Альбигойцами, сопротивленіе Риму шло отъ правительства и имѣло значеніе спора о власти. Въ землѣ Англо-Саксовъ и приселившихся къ нимъ Датчанъ сопротивленіе шло отъ народа и даже духовенства и имѣло значеніе спора о самомъ ученіи. Оно имѣетъ не столько характеръ вещественнаго возстанія, сколько стремленія къ удержанію вѣры въ той области духа и мысли, которая ей принадлежитъ. Такъ напр. мы видимъ, что, не смотря на многія преслѣдованія, протестующіе мыслители подобные Оккаму находили защиту и убѣжище въ самыхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей и удерживали за собою спокойствіе жизни и даже общественный почетъ.

Норманцы принесли въ Англію глубокое презрѣніе къ простотѣ жизни Саксонской и къ ихъ мнимой дикости. Дѣйствительно, бытъ Европейскій отличался отъ Англійскаго роскошью и утонченностью внѣшнихъ привычекъ; да иначе и быть не могло. Съ одной стороны преобладалъ бытъ придворный и аристократическій; съ другой бытъ народный. Самое это превосходство внѣшнее объясняетъ соблазнъ, вслѣдствіе котораго

Digitized by Google

Саксонская земля стремилась еще прежде Норманцевъ къ подражанію странамъ Романскимъ.

Тоже самое въ позднѣйшую эпоху видимъ мы въ сильнѣйшей и самобытнѣйшей изъ земель Славянскихъ.

Въ сущности же просвѣщеніе Англо-Саксонское было несравненно выше Франко-Норманскаго. Всякое начало слова и сознательной мысли шло отъ стихіи туземной. Еще прежде завоеванія, какъ уже сказано, словесность Саксонская, писанная и неписанная, получила значительное развитіе: не рѣдки были духовные гимны и поэмы полу-ученыя и дидактическія, многочисленныя народныя пѣсни и сказки. Самая проза, обыкновенно появляющаяся послѣ поэзіи, считала немалое число произведеній, и всѣ эти творенія были на языкѣ Англо-Саксонскомъ (за весьма небольшимъ количествомъ Латинскихъ сочиненій не только духовнаго содержанія, но и писанныхъ духовенствомъ). Слово Норманское не оставило и не имѣло памятниковъ кромѣ весьма немногихъ подражаній Французскимъ современнымъ трубадурамъ или труверамъ, и объ нихъ едва ли стоитъ труда вспоминать. Эпическая сказка была однакоже не совсѣмъ чужда дружинному обществу, но не въ себѣ почерпнуло оно ея начало. Вражда противъ Саксонскаго племени сближала Норманцевъ завоевателей съ врагами Саксовъ, Кельтами, не смотря на то, что Кельтскій Валлисъ несравненно болѣе страдалъ отъ новыхъ властителей Англіи чѣмъ отъ прежнихъ. Лѣнивое и сонное воображеніе пришельцевъ схватилось за поэтическія сказанія объ эпохѣ, когда горцы оспоривали у Саксовъ владѣніе Римскою провинціею или, какъ вообще говорится, защищали свободу родины противъ Германскихъ завоевателей. Эти сказанія, перестроенныя на новый ладъ въ подражаніе сказкамъ Невстрійской и отчасти Австразійской дружины о Карлѣ Великомъ, составили извѣстный циклъ Артура и его круглаго стола и мало-по-малу сдѣлались обще-Европейскимъ достояніемъ. Ладъ этихъ сказокъ безспорно уже обличаетъ ихъ передѣлку Франко-Норманскими переводчиками; но основный характеръ ихъ сохранился и принадлежитъ несравненно выс-

Digitized by Google

шему поэтическому настроенію. Глубина страсти и нѣжность, какая-то особенная свѣжесть чувствъ, соединенная съ простотою, тяжкая скорбь, слышная даже въ самыхъ затѣйливыхъ и почти веселыхъ разсказахъ и постоянно ощущаемая тѣнь трагической судьбы, грозящей этому фантастическому міру, все это дано Кельтскою душою языку Французскому, а не имъ создано и не изъ него почерпнуто. Наконецъ, въ сказаніи объ Сангреалѣ примѣсь богословской мистики и древнецерковныхъ преданій, связывающихся съ еще древнѣйшими преданіями о связи, нѣкогда существовавшей между туманною областью Кельто-Кумрійца и жаркими берегами, на которыхъ Семитъ-Финикіецъ строилъ свои торговыя столицы, указываетъ на ту духовную стихію мѣстной свободной церкви, нѣсколько искаженной друидизмомъ, которую не могла искоренить ни словесная дружина Дунстана, ни желѣзная дружина Вильгельма. За исключеніемъ этихъ займовъ, сдѣланныхъ скукою и праздностью замковъ и королевскаго двора у народной поэзіи Кельта, область слова и мысли у Норманскихъ завоевателей не представляетъ ничего кромѣ безплодной пустыни. Начало просвѣщенія принадлежало стихіи Англо-Саксонской. Но не совсѣмъ безъ художественнаго слѣда прошла эпоха завоевателей. Безмолвное просвѣщеніе Римскаго Запада (ибо мы должны назвать безмолвнымъ то просвѣщеніе, которое по своему языку совершенно чуждо народамъ, а по содержанію лишено всякой свободы) связывалось корнями съ тѣмъ просвѣщеніемъ Кушитскаго начала, которое лежало въ основѣ самаго Рима, его условной государственности и его невысказаннаго, но логически присущаго признанія необходимости какъ высшаго міроваго закона. Односторонность этаго просвѣщенія выражалась всегда и всегда старалась выражаться въ великолѣпіи памятниковъ зодчества. Тоже самое повторилось и въ Англіи. Англо-Саксонскій народъ пѣлъ и мыслилъ, Норманецъ строился и, глядя на великолѣпіе Йоркскаго собора, на строгую послѣдовательность архитектурной задачи въ Вестминстерской церкви, на смѣлыя и легкія стрѣлы многихъ старыхъ храмовъ и монастырей, незлобивый потомокъ дол-

Digitized by Google

женъ сказать слово благодарности за добро, завѣщанное этою эпохою, прощая зло невольное и безъ сомнѣнія неизбѣжное; ибо на Западѣ отдѣльная жизнь однаго племени не могла устоять въ своей цѣльности и свободѣ.

Совершился великій переворотъ. Живой, подвижный, предпріимчивый и гордый Франко-Норманъ на время подавилъ вещественною связностью своей дружины и своимъ внѣшнимъ просвѣщеніемъ тихую и неустроенную энергію Англо-Сакса, но въ тоже время научилъ ее сосредоточиваться для практическаго направленія. Земля Англо-Саксовъ вступила Англіею въ исторію Западной Европы, получивъ имя и нѣкоторыя начала общиннаго быта и общиннаго суда отъ небольшаго племени Славянскаго, силу постояннаго труда отъ Германскихъ Саксовъ, живую стремительность дѣйствія и политическаго движенія отъ Норманской Франціи. Великая историческая будущность, огромное развитіе могущества, блескъ славы, чудные подвиги, первенство передъ всѣми народами въ художествѣ слова и въ ясности мысли: таковы были для Англіи плоды Норманскаго завоеванія. Но за то ей предстояли вѣка тяжелой и кровавой борьбы, ложное направленіе мысли и неравенство въ состояніяхъ, которыхъ она до сихъ поръ преодолѣть не можетъ. Болѣе цѣльная и разумная чѣмъ вся Западная Европа, она не имѣетъ той цѣльности и простоты, которыя были бы ея вѣроятнымъ достояніемъ, еслибы болѣе благопріятныя обстоятельства и сношеніе съ просвѣщеніемъ менѣе одностороннимъ, чѣмъ просвѣщеніе Романо-Германское, дозволили Саксонскому началу уцѣлѣть и помогли ему достигнуть своего полнаго развитія.

Много бѣдствій и много тяжкихъ эпохъ страданія вещественнаго и уничиженія духовнаго перенесла уже Англія; но она вышла изъ нихъ съ торжествомъ и можетъ надѣяться на такое же торжество въ будущемъ, если только сохранитъ неприкосновеннымъ сокровище неизсякаемой силы, завѣщанное ей издавна Кельтами и Саксами, свободу духа и мысли

Digitized by Google

религіозной и истекающія изъ нихъ свѣжесть чувства, важность помысловъ и ту сосредоточенность душевныхъ силъ, которая нелегко прельщается ложью, недолго поддается обману и не позволяетъ человѣку утратить любовь къ истинѣ и надежду на ея пріобрѣтеніе.

Эпоха Саксонская миновалась; но она оставила слѣды не въ одной Англіи (ибо сѣверо-западная Франція получила свое населеніе отъ Кельтовъ, бѣжавшихъ передъ Саксонскимъ мечемъ) и даже не въ одной Европѣ: ибо мы имѣемъ преданіе о бѣгствѣ Валлійскихъ Кельтовъ за океанъ и вѣрное свидѣтельство о томъ, что ихъ единородцы Ирландцы, сторонясь отъ бури, поднятой движеніемъ Германскаго и Скандинавскаго міра, удалились на далекій Западъ, въ пустыни сѣверной Америки, и основали тамъ колоніи въ послѣдствіи исчезнувшія, но безъ сомнѣнія измѣнившія во многомъ и племенной составъ и даже духовное настроеніе туземцевъ [1]).

Показанія первыхъ Скандинавскихъ мореплавателей, посѣтившихъ берега Винланда, неопровержимы, и когда изгнанникъ съ Славянскаго поморья, Йомсбургскій витязь, Біорнъ Асбрандсонъ [2]), князекъ маленькаго Американскаго княжества, сказалъ своимъ соотечественникамъ, что на Юго-Западѣ живутъ Ирландцы и что земля ихъ называется великая Ирландія, критика не имѣетъ ни права, ни даже возможности оподозрить слова, въ которыхъ не слыхать ни хвастливости, ни сказочнаго вымысла. Замѣчательно то обстоятельство, отчасти случайное, что племя, посѣтившее берега Америки прежде всѣхъ другихъ, теперь почти цѣликомъ переселяется въ ея плодоносный просторъ. Другое переселеніе Кельтовъ во Францію снова сблизило ихъ съ землею *Вендовъ*, *Вендеею*, возобновляя древнюю ихъ черезполосность, объ которой никогда память не исчезала, сохра-

---

[1]) Ср. Antiquitates Americanae sive scriptores Rerum Ante Columbianarum in America ed. Soc. Regia Antiquariorum Septentrion., стр. 200 и слѣд. *Изд.*

[2]) Авторъ ошибся, приписавъ Біорну Асбрандсону разсказъ, сообщенный Ирландцемъ Біорномъ Гримольсономъ, спутникомъ Торхина Карлсефанія. Тамъ же, стр. 162—5. *Изд.*

Digitized by Google

няясь въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Такъ въ народномъ циклѣ Артура и его сподвижниковъ одно изъ самыхъ поэтическихъ и оригинальныхъ лицъ, первообразъ граціознаго Персеваля, называется *Передуромъ*, *княземъ Вендскимъ* и носитъ на себѣ весь характеръ сказачнаго Русскаго героя Ивана Дурачка.

Наука не можетъ не представить слѣдующаго вопроса: почему Германія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ гораздо менѣе Германскаго народнаго характера, чѣмъ Англія? Причины этого явленія очень просты: сѣверная Германія, которой стихіи были особенно чисты и безпримѣсны, была постоянно подавлена силами средней и южной полосы и завоевана ими, утрачивая подъ гнетомъ рыцарскихъ завоевателей простоту своей народной жизни. Западныя и южныя области, искаженныя и перешедшія въ форму быта дружиннаго сперва отъ вліянія Рима, потомъ отъ наплыва Готскихъ, Свевскихъ и Бургундскихъ дружинъ, были окончательно закованы въ эту форму завоеваніемъ Франковъ поморскихъ (Меровеевъ) и устройствомъ государственности императорской. Вражда и борьба народовъ, составляющихъ Германскую имперію, заставляли каждую область замыкаться все болѣе и болѣе въ сосредоточенный строй военный и жертвовать народною свободою; аллодіальная система, соединившись съ огромною важностью должностей, истекающихъ отъ дворовъ королевскихъ и императорскихъ, рано перешла въ могучій феодальный организмъ. Вѣча, областныя и общія, скоро потеряли все свое значеніе и перешли въ съѣзды феодальныхъ владѣльцевъ, не имѣя ничего общаго съ виттенами Саксовъ и Англовъ. Сочетаніе Германіи, Италіи и земель Романскихъ ввело въ устройство Германіи и въ ея бытъ вещественный и умственный преобладаніе стихіи Римской или романизованной; наконецъ, главная причина та, что Христіанство было введено на Британскихъ островахъ въ его простотѣ и многосторонности первыхъ вѣковъ, а въ Германію перешло оно уже со всею односторонностью своего Римскаго развитія. Таковы причины, убившія живую самобытность народнаго міра Германскаго.

Digitized by Google

Италія послѣ Карла Великаго.

Изъ трехъ частей, на которыя распалась имперія Карла, первая получила историческую важность Германія. Франція въ значеніи государства скоро впала въ ничтожество, изъ котораго вышла только послѣ своего новаго сосредоточенія Капетами, но за то имѣла весьма важное вліяніе на образованность и особенно на общежительность всей Европы. Италія въ отношеніи къ государственному устройству пала еще ниже, но за то служила средоточіемъ мысли, давшей направленіе всей исторіи Европы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Лонгобарды, завоеватели средней Италіи, отчасти проникшіе въ южную, не были народомъ, какъ Саксы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣли притязанія быть единственными жителями завоеванныхъ областей, вольными тружениками земли взятой ихъ мечемъ; не были они и крѣпкою личною дружиною, какъ Франки поморскихъ князей; они составляли племенную дружину, и первоначальныя отношенія ихъ къ Италіи были таковы же, какъ и отношенія предшествовавшихъ имъ Остъ-Готовъ. Владѣли они всѣмъ на правѣ наслѣдственныхъ помѣщиковъ, получая половину или треть всѣхъ плодовъ земли, обработываемой не ихъ трудами, а трудами побѣжденнаго племени. Держава ихъ была ограниченнѣе и безъ сомнѣнія слабѣе Готской, но они уцѣлѣли потому, что для Восточной Имперіи не возвращалась эпоха Юстиніана. Она сама едва сохраняла свое ослабѣвшее существованіе противъ натиска Аваровъ и Персіи, а потомъ Славянъ и Сарациновъ.

Очевидно завоеваніе Италіи Германскими племенами было необходимостью; ибо мы не видимъ въ ней самой ни малѣйшей способности къ отпору. Развращенная своимъ прежнимъ величіемъ, которому служилъ весь Римскій міръ, она вслѣдствіе чисто общественнаго просвѣщенія своего не развила въ своихъ жителяхъ личныхъ силъ разума, какъ Востокъ, и гибла внутреннимъ безсиліемъ, называющимъ на себя иноземное иго. Тоже самое относится ко всему Западно-Римскому міру; но Италія стояла еще ниже всѣхъ другихъ областей по привычкамъ своимъ къ нѣгѣ и эпикурейской роскоши.

Digitized by Google

Лонгобарды въ отношеніи къ просвѣщенію и нравственности стояли ниже Готовъ, къ которымъ они принадлежали по началу племенному: они не имѣли ни многовѣковой славы, ни богатства поэтическихъ преданій, облагороживающихъ душу, ни знакомства съ образованностію Востока, ни выгодъ долгаго (хотя отчасти насильственнаго) сожительства съ мирнымъ племенемъ Славянъ, какъ сподвижники Ѳеодорика. Они были дружиною Готскаго начала, но съ огромною примѣсью другихъ Германскихъ семей. Жизнь и отдѣльную и историческую получили они внутри Германіи во время того народнаго броженія, которое сдвигало всѣ племена съ мѣста на мѣсто, устремляя ихъ на Юго-востокъ до тѣхъ поръ, покуда возстаніе восточныхъ Славянъ не бросило ихъ на Западъ. Въ этой бурной и военной жизни возрастала полу-разбойничья дружина Лонгобардовъ, кочуя подобно другимъ съ мѣста на мѣсто, но по недостатку силъ не устремляясь на дальнія предпріятія, а стараясь только по возможности расширять свою область на счетъ слабѣйшихъ мечемъ или коварствомъ. Такимъ образомъ пріобрѣла она нѣкоторую важность, нѣкоторую славу мужества, а еще болѣе славу безпощадной жестокости. Рыхлый аристократическій союзъ Лонгобардовъ замѣнилъ въ Италіи кратковременное владычество Восточной имперіи. Дикіе пришельцы, отчасти язычники, но большей части Аріяне, были разумѣется равно ненавистны и народу и духовенству; но безсильный край не могъ сопротивляться и только съ помощью Византійской имперіи спасъ еще на время независимость нѣкоторыхъ областей (какъ то Экзархата, Генуезскаго поморья, Рима и южныхъ провинцій), защищенныхъ или искусственными укрѣпленіями и водою или горами и непроходимыми лѣсами. Долго, слабые Лонгобарды не старались распространять своей власти, находя просторъ болѣе чѣмъ достаточный въ сѣверной и отчасти средней Италіи. Первымъ дѣломъ ихъ было разрушеніе или разграбленіе городовъ, которыхъ пользы они не понимали, и война противъ всякой образованности; но это не могло продолжаться. Образованность была уже допущена тѣмъ, что города не были разрушены и что уцѣлѣлъ

Digitized by Google

сельскій народъ, необходимый для лѣнивой дружины, не желающей питаться собственными трудами, какъ Славянинъ и Саксъ. Первымъ признакомъ возрастающей образованности вслѣдствіе того юридическаго стремленія, которое принадлежало Римской почвѣ, было законодательство. Первый кодексъ, основанный безспорно на прежнемъ неписанномъ обычаѣ, заключаетъ въ себѣ законы, относящіеся единственно до владѣтельной дружины: о подчиненномъ народѣ почти нѣтъ и помина; онъ существовалъ очевидно только какъ фактъ необходимый, но не имѣющій правомѣрнаго опредѣленія.

Это дало нѣкоторымъ близоруким критикамъ поводъ утверждать, что прежнее народонаселеніе было почти вовсе истреблено. На это достаточно отвѣчаютъ нарѣчія сѣверной Италіи, въ которыхъ Германская стихія такъ слаба.

Позднѣйшіе памятники Лонгобардскаго законодательства уже показываютъ отношенія болѣе правомѣрныя между племенами властвующимъ и подвластнымъ, также какъ и значительное смягченіе нравовъ. Общія же черты Лонгобардской исторіи представляютъ довольно низкую степень нравственности, готовность принять пороки Византійскаго и Римскаго быта безъ того стремленія къ просвѣщенію, которое отличало Аравитянъ первыхъ династій и Саксовъ Альфредова времени. Точно также незамѣтно въ завоевателяхъ Италіи и той воинственной энергіи, которою отличались Франки и многіе изъ королей Вестъ-Готскихъ. Распространеніе ихъ области было медленно и происходило болѣе отъ крайней слабости Византіи, чѣмъ отъ собственной ихъ силы; къ концу же ихъ независимаго существованія оно происходило уже отъ значительнаго сближенія съ туземными стихіями и въ тоже время представляло ясные признаки приближающагося распаденія.

Попытки отдѣленія южныхъ герцогствъ и стремленіе ихъ къ независимости, подавленныя отчасти силою, отчасти хитростью, указываютъ уже на слабость общей государственной связи.

Digitized by Google

Иначе и быть не могло. Съ самаго начала Лонгобардскаго владычества исторія ихъ представляетъ болѣе характеръ союза между князьями (герцогами) равноправными и мало зависящими отъ общаго вождя, чѣмъ характеръ крѣпко сплоченнаго и сосредоточеннаго общества. Зародышъ раздоровъ существовалъ отъ первой минуты существованія самаго царства. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что сильное сближеніе съ прежними стихіями, смягчая нравы, приготовляло переходъ къ эпохѣ новаго просвѣщенія полнѣе, чѣмъ во Франціи, и особенно значительное развитіе городовой жизни, которая дѣйствительно въ скоромъ времени стала оказывать признаки большей дѣятельности и процвѣтанія, чѣмъ на всѣмъ остальномъ Западѣ, можетъ быть за исключеніемъ южной Франціи. Самые законы Лонгобардскіе показываютъ (по крайней мѣрѣ въ первую эпоху) бо́льшую связность дружиннаго устройства, не въ общемъ государственномъ смыслѣ, а въ отношеніи взаимной отвѣтственности дружинниковъ внутри мелкихъ округовъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ Германцами, за исключеніемъ Англіи.

У Вестъ-Готовъ Испанскихъ эта отвѣтственность уже почти вполнѣ отмѣнена около 60-ти лѣтъ послѣ полнаго ихъ переселенія за Пиренеи.

Эта самая связь дружинниковъ внутри округовъ должна была приготовить легкій переходъ къ быту муниципальному при переселеніи ихъ потомковъ внутрь городовъ. И дѣйствительно, можно замѣтить еще прежде Франкскаго завоеванія сильные зачатки муниципальнаго устройства, въ которомъ критикѣ трудно отличить начало Германское отъ начала древне-Римскаго. Но царству Лонгобардовъ невозможно было сохранить цѣльность и самостоятельность. Кромѣ явныхъ, внутреннихъ причинъ паденія была внѣшняя причина, которой сила должна была сокрушить власть Лонгобардовъ, какъ она впослѣдствіи сокрушила всѣ самостоятельныя государства Италіи. Это была обще-западная идея церковнаго государства, мало-по-малу вырабатывающаяся въ папскомъ престолѣ.

Digitized by Google

Городъ Римъ, какъ уже сказано, задолго до паденія имперіи, утратилъ свое владычество (собственно со времени Траяна, перваго изъ сознательныхъ государей всей имперіи, ибо Веспасіанъ еще не понялъ своего значенія). Онъ еще нѣсколько времени сохранялъ призракъ почетнаго первенства, но и тотъ исчезалъ все болѣе и болѣе и разсѣялся наконецъ вовсе. Сама Италія никогда не имѣла провинціальнаго устройства и слѣдовъ цѣльности административной (такова причина, почему она никогда не давала императоровъ имперіи): разрозненность и безсвязность всѣхъ частей отличали ее отъ всѣхъ провинцій. Она не могла подготовить цѣльнаго государства; его создать не могъ и Римъ, который способенъ былъ къ значенію центра всемірнаго, но не способенъ былъ быть центромъ провинціальнымъ. Съ другой стороны Римъ, исполненный своихъ великихъ воспоминаній, возвеличенный первенствомъ въ іерархіи духовной и окруженный какимъ-то миѳическимъ блескомъ въ глазахъ Германцевъ, нѣкогда дрожавшихъ передъ его именемъ, не могъ пасть въ ничтожество. Онъ собиралъ въ себѣ и около себя новыя силы для будущаго своего призванія — стать во главѣ всего Западнаго Христіанства. Слабый вещественными средствами, онъ удерживался противъ напора Лонгобардскаго помощію Византійцевъ и между тѣмъ, мало-по-малу отрываясь отъ Византіи, старался въ самой Италіи вводить нѣкоторое устройство городовое и областное и особенно искалъ себѣ союзниковъ и покровителей въ областяхъ Запада, завоеванныхъ Германцами. Эти защитники нашлись ему въ народѣ Франковъ. Лонгобарды, также какъ и Готы, были ревностными аріанами при вступленіи въ Италію; и такъ взаимная вражда ихъ съ Римомъ имѣла двойной характеръ, государственный, духовный. Мало-по-малу Никейское исповѣданіе замѣнило Аріанство, но вражда не угасла. Лонгобарды усиливались все болѣе и болѣе; а Римъ, чувствуя увеличивавшуюся низависимость Византіи и свое возрастающее значеніе въ мірѣ духовномъ, менѣе чѣмъ прежде могъ покориться чужому владычеству, тѣмъ болѣе, что это владычество по близости своего центра должно было тяжелѣе лечь на его

Digitized by Google

плеча чѣмъ власть дальней Византіи, и что самый народъ Лонгобардскій, хотя уже присоединившійся къ церкви, считалъ еще въ своихъ нѣдрахъ огромное число Аріанъ (отъ которыхъ впослѣдствіи произошли Патарены и Катары, принявшіе впрочемъ большую примѣсь Манихейства, никогда неисчезавшаго въ Италіи). Чѣмъ болѣе угрожала Риму сила Лонгобардовъ, тѣмъ тѣснѣе старался онъ соединяться союзомъ съ Франками; но Франки сами были тогда раздвоены. Преемники Клодвига по крови были уже въ то время только преемниками его патриціата, т.-е. его значенія покровителя духовенства и начальника Галло-Римскаго населенія; значеніе же начальника дружины перешло къ мерамъ. Король, съ которымъ духовенство было связано узами много-вѣковаго покровительства, былъ безсиленъ и не могъ защитить папскаго престола. Меры не хотѣли спасать власть, которая была имъ враждебна и отчасти доказала имъ свою вражду въ дѣлахъ Германскихъ. Папа купилъ необходимый союзъ, отдавъ всѣ права королевскія меру Пипину. Пипинъ спустился съ Альпійскихъ горъ въ равнины Ломбардіи и однимъ ударомъ сломилъ силу Лонгобардовъ. Римъ былъ спасенъ, но Лонгобарды еще не погибли. Осторожно скрывая свои замыслы, они выжидали времени болѣе благопріятнаго. Смерть Пипина возвратила имъ надежду. Молодость Карла еще не выказала его будущаго величія, и имя его не внушало того страха, которымъ сопровождалось имя его непобѣдимаго отца. Лонгобарды снова попытались тронуться къ Югу и захватить Римъ въ своемъ завоевательномъ движеніи. Эта попытка рѣшила участь Лонгобардовъ. Бурею налетѣли Франкскія дружины, и рушилось царство слишкомъ слабое для сопротивленія и слишкомъ безосновное для будущаго возстанія. Отъ самаго Карла до Оттона I-го, возстановителя имперіи, Сѣверная Италія была поприщемъ смутъ, которыхъ смыслъ почти исчезаетъ даже для спеціальнаго историка и не заслуживаетъ вниманія въ исторіи всемірной. Франкское начало пустило крѣпкіе корни въ почвѣ, на которой ничего прочнаго оно не застало. Движеніе, измѣнившее учрежденія аллодіальныя въ феодальныя, отозвалось и въ Италіи, но не могло получить развитія вслѣдствіе

Digitized by Google

крайней раздробленности области, не позволявшей никакого значительнаго сосредоточенія. Государи, преемники и потомки Карла, пользовались еще меньшимъ повиновеніемъ чѣмъ Карловинги Французскіе, находясь въ безпрестанной борьбѣ нетолько съ непокорными ленниками, но и съ городами, которые въ послѣднее время Лонгобардской независимости получили свое новое значеніе. Развратъ нравовъ въ это время смутъ доходилъ до крайности, соединяя склонность къ изнѣженной утонченности и роскоши съ какою то изысканною жестокостью, которая впослѣдствіи породила въ Сѣверной Италіи явленія едва ли не безпримѣрныя въ мірѣ, не смотря на то, что его лѣтописи богаты разсказами о хладнокровной злобѣ людской. Война не имѣла благородства, ибо никогда не имѣла высокой цѣли; побѣда не знала пощады, миръ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ залоговъ. За всѣмъ тѣмъ, въ одномъ отношеніи Италія стояла выше другихъ западныхъ народовъ: аристократія не преобладала исключительно; она была тѣсно связана съ городами. Это началось еще во время Лонгобардовъ и не могло быть вполнѣ измѣнено кратковременнымъ владычествомъ Франковъ. Такимъ образомъ являлся призракъ народной жизни, но слишкомъ глубоко развращенной и слишкомъ разорванной въ самомъ своемъ историческомъ корнѣ, чтобы принести богатые плоды. За всѣмъ тѣмъ, ей безъ сомнѣнія должно приписать раннее процвѣтаніе науки и искусства.

Тоже самое отчасти относится и къ Южной Франціи, которой развитіе было послѣдствіи остановлено новымъ завоеваніемъ во время Альбигойскихъ войнъ.

Тоже самое повторялось и въ Лонгобардскихъ частяхъ Южной Италіи. Онѣ никогда не были вполнѣ завоеваны Франкскою дружиною, но мало-по-малу внутреннею жизнію примкнули къ ея системѣ вслѣдствіе естественнаго стремленія аллодіевъ переходить въ феодальное сочлененіе при ослабленіи центральной власти.

Digitized by Google

Впрочемъ, истинная эпоха феодальности, возведенной почти до наукообразной отвлеченности, начинается на Югѣ съ Норманами.

Южные города собственно Лонгобардской области никогда не достигали той важности, которую они получили на Сѣверѣ; а всѣ стихіи жизни были еще мелче, еще разрозненнѣе вслѣдствіе характера гористой мѣстности и недостатка силъ въ какой нибудь изъ нихъ для одолѣнія другихъ. Въ обезсмысленномъ кипѣніи личныхъ страстей человѣкъ не могъ дойти ни до идеи отечества, ни до высшаго понятія о человѣчествѣ.

Нѣсколько счастливѣе было Византійское приморье (ибо все владѣніе Византійское въ Италіи ограничивалось почти единственно приморьемъ). Безъ сомнѣнія и въ немъ жизнь личная, также какъ и жизнь общественная, стояла на весьма низкой степени; но сравнительно съ другими частями Италіи было менѣе смутъ, болѣе личной безопасности, болѣе просвѣщенія и сильнѣйшее развитіе торговли.

Такова вѣроятно причина, почему нѣсколько позже города этаго поморья ранѣе другихъ получили значительность въ мореплаваніи по Средиземному морю; еще позже они погибли, будучи подавлены сосредоточеніемъ власти въ рукахъ Норманской династіи, тогда какъ сѣверные развились вслѣдствіе своей независимости.

Особенное устройство городовое, не лишенное нѣкоторой свободы и нѣкоторой самостоятельности, замѣтно въ этихъ городахъ. Основы его безъ сомнѣнія Римскія или туземныя. Византія мало имѣла вліянія на ихъ внутреннюю жизнь; въ своихъ восточныхъ областяхъ она скорѣе подавляла, чѣмъ возвышала самобытность городовыхъ учрежденій; но она должна была ихъ допускать въ Италіи потому, что поневолѣ искала помощи въ туземцахъ, чтобы защитить владѣнія, недостаточно охраненныя постоянными войсками, которыхъ пересылка и содержаніе обходились дорого, а присутствіе всегда требовалось на границахъ восточныхъ и сѣверныхъ. Нельзя не замѣтить глубокаго антагонизма между началами просвѣщенія Византій-

Digitized by Google

ского и западнаго въ томъ обстоятельствѣ, что, не смотря на постоянное сосѣдство Византійскихъ владѣній съ Лонгобардами, потомъ Франками, а позже Германцами и не смотря на огромное превосходство міра Греческаго въ отношеніи къ знанію, вліяніе его на Западъ менѣе замѣтно, чѣмъ вліяніе Аравитянъ. Дряхлѣющее просвѣщеніе повидимому не могло уже ничего оплодотворить и едва охраняло свое собственное существованіе отъ завоеваній невѣжества.

Лонгобарды южные, хотя и подвластные Франкской имперіи, получили большое значеніе со времени паденія королевства, вѣроятно вслѣдствіе прилива своихъ единокровныхъ, удалявшихся изъ областей, въ которыхъ чувствительнѣе было Франкское завоеваніе. Они безпрестанно стремились расширять свою власть на счетъ Византійцевъ и мало-по-малу стѣсняли ихъ владѣнія. Вообще власть Византіи въ Италіи не имѣла никакой надежной основы; на Сѣверѣ она подвергалась сильнымъ нападеніямъ могучихъ государствъ, Лонгобардскаго, потомъ Франкскаго и Германскаго, отъ которыхъ отстаивалась съ трудомъ, хотя иногда и наносила имъ пораженія посредствомъ превосходства своего на морѣ; на Югѣ ей безпрестанно угрожали герцоги Лонгобардскіе или туземные, менѣе сильные, но болѣе постоянные въ своемъ стремленіи и болѣе близкіе къ сочувствіямъ ея туземныхъ подданныхъ. Наконецъ, еще далѣе на Югѣ она должна была бороться съ врагами еще страшнѣйшими, Африканскими Сарацинами, воинственными, свирѣпыми, сильными многочисленностью постояннаго войска, составленнаго изъ рабовъ (изъ которыхъ самыми вѣрными и мужественными считались Славяне) и сильнымъ флотомъ, т. е. тѣмъ самымъ оружіемъ, которое одно еще спасало имперію. Отъ Сарацинъ потерпѣла она самыя жестокія пораженія въ Италіи: они отторгли отъ нея Сицилію послѣ кровавой борьбы далеко не безславной для Грековъ, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали у нихъ это богатое владѣніе, житницу Италіи и Греціи, и нѣсколько разъ почти совершенно вытѣсняли изъ него своихъ неутомимыхъ вратовъ, не смотря на ихъ мужество и безчисленныя ополченія. Наконецъ, Сицилія пала окончательно

Digitized by Google

въ руки Магометанъ. Ихъ разбойничьи корабли стали постояннымъ бичомъ береговъ южной Италіи; ихъ разбойничьи шайки стали грозить самому Риму и опустошать всю Ломбардскую и Византійскую области, а крѣпости, ими захваченныя и обращенныя въ неприступные притоны, стали угрожать даже постояннымъ завоеваніемъ; но ихъ успѣхи были остановлены другими разбойниками изъ дальняго Сѣвера. Норманы, бродившіе по всѣмъ морямъ за добычею и славою военнаго подвига, прибыли изъ Франціи въ южную Италію. Нанятые Византійцами для защиты отъ герцоговъ туземныхъ [1]) и, кажется, обманутые ими, они имъ отмстили тѣмъ, что призвали на помощь новыя вольницы своихъ единоземцевъ и въ короткое время изгнали Грековъ изо всего поморья. Съ этимъ племенемъ, закаленнымъ въ боевой жизни, не могли бороться мелкіе бездушные князьки туземные; съ нимъ не могли бороться и болѣе воинственные и сильные Сарацины. Рядомъ битвъ и подвиговъ почти баснословныхъ [2]), соединенныхъ съ невѣроятнымъ постоянствомъ и терпѣніемъ и съ коварствомъ, отличавшимъ всѣхъ Норомановъ, потомки Норманца Танкреда Готевильскаго (de Hauteville) захватили всю южную Италію [3]), вырвали Сицилію изъ рукъ Африканскихъ Магометанъ и основали могучее государство, имѣвшее значительное вліяніе на послѣдовавшую борьбу имперіи и папства. Имперія Германская нашла въ нихъ неодолимую препону въ своемъ стремленіи распространиться на Югъ; а имперія восточная нѣсколько времени трепетала передъ ихъ возрастающею силою и съ трудомъ остановила ихъ завоевательный порывъ по преимуществу помощію непоколебимой твердости саксонскихъ дружинъ, оставившихъ свою родину, чтобы не покориться другимъ Норманамъ, завоевавшимъ ее.

---

[1]) И отъ Сарацинъ Сицилійскихъ. *Изд.*

[2]) Напр. въ битвѣ при Эннѣ Рогеръ разбилъ 15,000 Сарацинъ съ семьюстами Норманскихъ рыцарей. *Изд.*

[3]) Послѣдній городъ, въ которомъ еще держались Греки, Бари, былъ взятъ Робертомъ Гвискардомъ въ 1071 году. *Изд.*

Digitized by Google

Мужество, не спасшее Саксонской Англіи на Гастингской равнинѣ, было главнымъ орудіемъ спасенія имперіи *).

Въ этомъ-то уничиженномъ состояніи Италіи особенно ясенъ законъ, связующій явленія историческія въ ихъ послѣдовательности, —прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ будущимъ. Среди ея политическаго ничтожества и порабощенія всякой пришлой власти живетъ одно—идея Рима, а идея Рима созидаетъ всю исторію среднихъ вѣковъ. Титулъ императора взятъ былъ Карломъ въ Италіи, и съ Италіею казался онъ связаннымъ неразрывными узами. Французскіе Карловинги, забывая притязаніе на него, дряхлѣли въ безплодныхъ усиліяхъ удержать за собою хоть органиченную власть королевскую; Германскіе погасли, и возстановленное единство Германіи при Птицеловѣ не думало объ императорскомъ званіи. Ничтожные и минутные владѣтели Сѣверной Италіи, едва схватившись за какую нибудь тѣнь власти, всегда спѣшили надѣть императорскій вѣнецъ на безсильную и безславную голову.

Конечно были и изъ нихъ люди не безъ энергіи и дарованій (какъ напр. Беренгаръ); но ихъ явленіе не измѣняло нисколько общаго хода историческаго и не клало никакихъ новыхъ основъ для скрѣпленія государства. Вообще можно замѣтить, что званіе императорское сгубило Карловинговъ. Оно создало какое-то условное единство, основанное на отвлеченномъ понятіи, и отняло у каждой мѣстности свою мѣстную энергію; или лучше сказать, унижая значеніе племенъ передъ государствомъ, обратило ихъ силы противъ самаго государства: ибо каждое племя старалось обособить себя для удержанія своего значенія историческаго. Преемники же Карла, стремясь сначала достигнуть того величія, которое было завѣщено родоначальникомъ, не думали пользоваться для своихъ выгодъ этимъ племеннымъ стремленіемъ къ обособленію, а напротивъ того въ

*) Въ битвѣ при Дурраццо (1081) участвовали значительные отряды Англосаксовъ. Хотя Греки потерпѣли совершенное пораженіе, однако побѣда досталась такъ дорого Норманнамъ, что они должны были остановиться въ своемъ наступательномъ движеніи. *Изд.*

Digitized by Google

своемъ стремленіи къ государству отвлеченному разрывали свои связи съ дѣйствительно существующими государствами, т. е. съ ихъ мѣстными стихіями и, равнодушно допуская ихъ нестройное броженіе, окончательно гибли отъ борьбы съ силою, которою не хотѣли пользоваться и не думали управлять.

Но императорство было очевидно не способно обнять все приложеніе древне-Римской идеи правомѣрнаго государства къ новой, христіанской эпохѣ: оно не содержало въ себѣ начала самоосвященія, котораго требовала мысль христіанская; ибо Западъ не понималъ еще невозможности совмѣщенія понятій христіанскихъ и понятій о государствѣ, т. е. воплощенія Христіанства въ государственную форму. Антагонизмъ этихъ понятій выказался позднѣе въ исторіи, а еще позднѣе въ сознательномъ мышленіи. Освящающее начало само стремилось выдѣлиться и стать въ независимость отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства. Это стремленіе, хоть разумѣется еще безсознательно и неясно, стало выражаться въ папахъ съ самаго того времени, какъ сношенія съ Востокомъ затруднились, какъ имперія менѣе могла имѣть вліянія на Римъ и какъ папа, духовный глава и почти свѣтскій правитель города, сдѣлался необходимымъ союзникомъ для Византіи, помогая ей удерживать остатки власти въ Италіи. Это время совпадаетъ съ эпохою Григорія Великаго и соименныхъ ему преемниковъ *). Увеличеніе свѣтскихъ правъ папы было узаконено беззаконнымъ и ненавистнымъ Ѳокою, и столбъ, который можно бы назвать позорнымъ, свидѣтельствуетъ донынѣ о гибельномъ благодѣяніи и постыдной благодарности. Но восходящее движеніе папства было, какъ уже сказано, обусловлено необходимымъ развитіемъ древне-Римской мысли, привитой къ Христіанству; оно не зависѣло ни отъ лицъ, ни отъ обстоятельствъ, а отъ сущности мысли и односторонности юридическаго образованія. Въ эпоху Лонгобардовъ папство, подъ без-

*) Григорія II (715—731) и Григорія III (741), т. е. съ эпохою кончающемся восшествіемъ на папскій престолъ папы Захарія въ 741 году. *Изд.*

Digitized by Google

престанною грозою гибели отъ ихъ вражды и при довольно частыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Византіи (особенно во время иконоборства), продолжало сильнѣе и сильнѣе дѣйствовать своими духовными оружіями на Западъ и сосредоточивать около себя надежды и мысленныя силы древне-Римскихъ стихій въ Италіи. Гроза Лонгобардская не была уже дѣйствительно страшна этой власти, вкорененной въ душахъ и убѣжденіяхъ, ибо сами Лонгобарды вступили въ туже мысленную область, изъ которой возникала идея папства; но побѣды Пипина отстранили даже возможность временнаго потрясенія и упрочили новое зданіе, давъ значительную власть свѣтскую духовному владыкѣ. Побѣды Карла довершили дѣло, начатое отцомъ, и послѣ смерти великаго императора папы быстро достигли высоты, которой никогда еще не достигали, и о которой вѣроятно не думали тѣ самые дѣятели, которые ее заготовили. Быть можетъ, нѣкоторые предугадывали ее, какъ напр. хитрый и дальновидный Захарій; но ясно ее предвидѣть не могъ никто прежде догматическаго отдѣленія отъ Востока. Почти въ одно время сокрушены были вещественныя препоны развитію Римской мысли и духовныя узы, сдерживавшія ее посредствомъ соборнаго правленія все-церковныхъ дѣлъ и рѣшенія все-церковныхъ вопросовъ. Николай I-й и его преемники уже предвѣщали эпоху Гильдебрандтовъ.

Быть можетъ никакое правительство не падало такъ низко, какъ папство при послѣднихъ Карловингахъ въ Италіи; быть можетъ, никакая идея не имѣла такихъ недостойныхъ и гнусныхъ представителей, какъ идея Римскаго Все-христіанства въ это смутное время *). Разбойники и непотребныя женщины даютъ тіару своимъ родственникамъ и любимцамъ; разбойники и любовники непотребныхъ женщинъ вѣнчаются ею. Насиліе и подкупъ распоряжаются всенародно папскимъ престоломъ, опираясь на согласіе или страхъ развратнаго народа, а иногда уступая его безсмысленнымъ страстямъ или погибая въ его кровавыхъ мятежахъ. Повидимому самая мысль

*) Оно начинается со смерти папы Формоза 896 г. *Изд.*

Digitized by Google

должна была погибнуть; но она не могла погибнуть: она была мыслью всего западнаго міра, а не дѣломъ мѣстной гордости или мѣстнаго преданія. Весь Западъ продолжалъ поклоняться людямъ, которыхъ окружало презрѣніе самыхъ близкихъ областей, и повиноваться рѣшеніямъ людей, которымъ часто не хотѣлъ повиноваться ни одинъ изъ жителей города, гдѣ они были епископами и правителями. Римъ и черезъ него Италія продолжали содержать въ себѣ всю идею Все-христіанскаго государства въ лицѣ папы и въ титулѣ императора.

Древній Римъ погибъ прежде Римской имперіи, которая сдѣлалась только воплощеніемъ Римскаго права гражданскаго. Западъ перелилъ это право въ новое Римское право церковное. По своей сущности оно должно было стать въ совершенную независимость отъ всякой мѣстной стихіи. Эту независимость окончательно узаконилъ Николай II-й *); но на дѣлѣ она никогда не могла существовать иначе какъ при вооруженномъ вмѣшательствѣ другихъ державъ, или при глубокомъ убѣжденіи Римлянъ, что всякое посягательство съ ихъ стороны на свободу епископскихъ или кардинальскихъ выборовъ повлечетъ за собою наказаніе. Память о прежней законности ихъ права на выборъ своихъ епископовъ существовала въ Римлянахъ, во время паденія Карловингской династіи и безсмысленныхъ смутъ, предшествовавшихъ возрожденію имперіи въ лицѣ Оттона I-го; они естественно возвратили себѣ это право, не справляясь о томъ, принадлежитъ ли оно уже имъ по закону или нѣтъ. Не было внѣшней силы для ихъ обузданія, не было внѣшней грозы для ихъ устрашенія. Такимъ образомъ явилось то странное противорѣчіе въ западной исторіи, что епископъ Римскій часто повелѣвалъ всѣмъ Романо-Германскимъ міромъ и не могъ повелѣвать Римомъ. Римляне признавали право папы надъ всѣмъ Христіанствомъ, что̀ признавалъ и весь Западъ; но они признавали въ себѣ права надъ папою, чего кромѣ ихъ не признавалъ никто.

*) На Римскомъ соборѣ 1059 года. *Изд.*

Digitized by Google

Ріензи, самъ того не сознавая, имѣлъ эту мысль; яснѣе выражалась она въ Арнольдѣ Брешіанскомъ и въ Кресценціѣ при Оттонахъ. Обвиненіе Кресценція въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ Римъ передать Византійцамъ, было вѣроятно клеветою; но, можетъ быть, онъ имѣлъ безумную мысль посредствомъ Византіи освободить Римъ отъ Германцевъ. Такая мечта, не смотря на свою безразсудность, возможна. Вообще странное отношеніе Рима къ папству, или лучше сказать Римской совѣсти къ папской власти не сознано еще никѣмъ; а еще недавно оно выразилось въ историческихъ происшествіяхъ, напоминающихъ и Кресценція, и Арнольда, и Ріензи; но нашъ вѣкъ сильно разработываетъ исторію и никогда не узнаётъ ни вѣянія ея духа, ни присутствія прошедшаго въ современномъ.

Такимъ образомъ выражалось съ жалкой исторіи Италіи IX-го и X-го столѣтій преемство исторической мысли (которое есть не что иное какъ общественное проявленіе мыслительныхъ началъ, живущихъ въ какомъ нибудь народѣ). Вслѣдствіе той самой широты требованій и внутренней гордости, которыя настоящему Итальянцу представляли весь міръ, какъ одно великое государство, и Италію, какъ его несомнѣнное средоточіе, Италія отдѣльная никогда не была предметомъ особеннаго попеченія и цѣлью постоянной заботы. Въ ней люди мелкіе по значенію вещественному или силамъ душевнымъ жили, какъ вообще живетъ родъ человѣческій, со дня на день, безъ помысла; а люди сильные властію и духомъ жили своими помыслами и своими надеждами внѣ Италіи, въ мірѣ, для котораго тѣсны были ея предѣлы, ибо онъ охватывалъ всю землю и все человѣчество.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между внутреннею жизнію Италіи и прежнею жизнію Евреевъ. Таже надежда призвать цѣлый міръ убѣжденіемъ или силою въ общую человѣческую семью; таже надежда первенствовать въ этой семьѣ и править ею; тоже чувство кажущейся любви къ человѣчеству и гордости, враждебной человѣчеству. Разумѣется, христіанское чувство смягчало въ новомъ народѣ яркую и грубую односторонность древняго народа; но сходство внутренняго закона разительно.

Digitized by Google

Оттого-то любовь къ отечеству никогда не получала въ Италіи того характера, который она имѣетъ въ другихъ странахъ, характера строительнаго, а довольствовалась мечтами; оттого и мѣстные эгоизмы не находили никогда стремленія, которому должны бы были пожертвовать собою. Италія въ глазахъ лучшихъ изъ своихъ гражданъ казалась будущимъ средоточіемъ всемірнымъ, но никогда самостоятельнымъ членомъ въ великомъ обществѣ народовъ. Такое значеніе казалось ей не менѣе унизительнымъ чѣмъ рабство, и она сносила рабство терпѣливо потому, что всегда хотѣла господства, а не равенства. Надъ нею тяготѣло и тяготѣетъ до нашего времени гордое воспоминаніе древняго Рима, принявшее двѣ опредѣленные формы—древнѣйшую, но менѣе разумную, имперіи, и новую, кажущуюся болѣе разумною даже въ наше время—папства. Временная свобода и самостоятельность нѣкоторыхъ частей Италіи являлись въ исторіи только выводомъ изъ борьбы этихъ двухъ формъ.

Очевидно, что точно также какъ идеалы имперіи и папства вытѣсняли изъ мысли Итальянца идею объ отечествѣ, точно также самое папство должно было всегда быть враждебнымъ самобытности цѣльной Италіи: она имѣла бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вещественное подчиненіе папы той власти, которая представляла бы собою эту цѣльность, и поглощеніе его отдѣльной области и Рима—его Капитолія. Съ другой стороны, идея полной ѳеократіи, которая была доступна до нѣкоторой степени племенамъ Германскимъ, допускавшимъ совѣсть и понятія нравственныя въ управленіе обществомъ, была совершенно чужда гражданскимъ понятіямъ, идущимъ отъ Римскаго источника. При нихъ невозможно было полное преобладаніе церковно-правительственнаго начала, и отъ того въ Италіи никогда не созидался союзъ народовъ подъ папскою игемоніею. Этому еще мѣшали взаимное недоброжелательство и зависть, отдѣлявшія не только область отъ области, но и каждый городъ ото всѣхъ другихъ городовъ внутри одной и той же области.

Digitized by Google

Эти враждебныя чувства были также историческимъ наслѣдствомъ отъ времени Лонгобардскаго и отъ раздробленія, послѣдовавшаго за паденіемъ Франкскаго единодержавія. Въ Италіи, долго раздѣленной между Лонгобардами, Византійцами и мелкими полунезависимыми князьками, постоянная война была дѣломъ нѣсколькихъ вѣковъ, и она бросила сѣмена ненависти, которыхъ послѣдующіе вѣка не могли искоренить; папство, будучи по своему Римско-правительственному характеру враждебнымъ всякой свободной формѣ правленія, не могло положить основанія вольному союзу, а въ стремленіи каждой мѣстности къ свободѣ и самостоятельности находило непобѣдимую препону своимъ самодержавнымъ замысламъ. Въ исторіи Италіи является, правда, временный союзъ городовъ на Сѣверѣ подъ покровительствомъ папы Александра *), но онъ былъ непродолжителенъ. Добросовѣстности не было ни въ городахъ, ни въ папѣ. Они были нужны другъ другу противъ общаго врага=императора; но въ тоже время готовы были другъ другомъ жертвовать для личныхъ выгодъ.

Вообще отношенія Италіи въ папскому престолу не совсѣмъ еще поняты историческою критикою. Они отчасти тѣже, которыя существовали и ясно выражались въ самомъ Римѣ. Италія была корнемъ папства; но понятіе о всевластности папской было не ея произведеніемъ, а произведеніемъ всего Западнаго міра, только приведеннымъ въ систему внутри Италіи. Западъ видѣлъ въ папѣ представителя самого Бога и покорялся ему; Италія видѣла въ немъ еще своего представителя и потому считала себя въ правѣ управлять его дѣйствіями и противиться имъ, когда они были противны ея волѣ. Въ папѣ Италія благоговѣла передъ собою. Оттого и видны въ ней сочетаніе крайне-логическаго ученія о полновластіи папы (ультрамонтанизмъ) и крайнее пренебреженіе къ папѣ и постоянная готовность возставать противъ него. Но на внѣшнюю исторію дѣйствовало по преимуществу первое направленіе.

*) Александра III-го противъ Фридриха Барбароссы въ 1168—1177 годахъ. *Изд.*

Digitized by Google

Оттонъ Великій былъ призванъ въ Италію почти единогласнымъ призваніемъ. Ее утомила безпрестанная смута, папу утомилъ его мятежный Римъ; всѣмъ нуженъ былъ покой подъ охраною сильной руки и тяжелаго меча. Но мѣстное самолюбіе спасало себя, присвоивъ себѣ чужестранца посредствомъ брачнаго союза съ какою-то сомнительною наслѣдницею сомнительнаго владѣтеля туземнаго. Оттонъ съ радостію принялъ предлагаемую власть и предлагаемый титулъ, который передавалъ ему преемство Карла Великаго. Это преемство досталось человѣку, который былъ достоинъ его. Смуты Италіи улеглись подъ желѣзною рукою побѣдителя Мадьяровъ. Въ Германіи были люди, которые предчувствовали, какъ бѣдствененъ будетъ союзъ ея съ Италіею, и желали бы отклонить его; но большинство сочувствовало великому своему вождю и великой идеѣ имперіи и славы, которая въ Оттонѣ вѣнчала всю Германію.

Можно смѣло сказать, что безъ союза съ Италіею Германія подверглась бы тѣмъ же смутамъ и распалась бы еще скорѣе. Вражда и зависть племенъ къ пей самой были такъ сильны, что внутренній миръ былъ невозможенъ, и Германецъ могъ болѣе уступить изъ своихъ мѣстныхъ требованій высокой идеѣ имперіи, чѣмъ сравнительно мелкому понятію королевства. Въ ней находилъ онъ поэтическое настроеніе, которое болѣе сообразно съ его духовною сущностью, чѣмъ сухіе расчеты простаго государственнаго быта. До нашего времени еще геройскій образъ Барбароссы находитъ отзывы въ душѣ его и мѣсто въ преданіяхъ; а этотъ государь былъ далеко не благодѣяніемъ для своей родины.

Титулъ императора возвысилъ короля Германскаго и возвысилъ еще болѣе папу, возложившаго императорскій вѣнецъ на него. Германія возгордилась тѣмъ, что ея вождь сталъ выше всѣхъ владыкъ Запада; Италія тѣмъ, что это возвышеніе получилъ онъ отъ нея. Изъ этаго двойственнаго отношенія должны были со временемъ возникнуть недоразумѣнія, раздоры и глубокая вражда; но эти чувства не могли проявиться при Оттонѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Власть ихъ была

Digitized by Google

такъ сильна, что смуты народныя были невозможны. Къ тому же самое значеніе народа или племени было менѣе важно въ это время, чѣмъ въ эпоху позднѣйшую. Правда, что Птицеловъ былъ королемъ по избранію и что избраніе составляло все право его рода; но въ тоже время очевидно, что идея наслѣдственности взяла вполнѣ верхъ надъ идеею избранія, которое сохранялось болѣе какъ древняя форма, чѣмъ настоящее право. Это явно изо всѣхъ памятниковъ тогдашняго времени и доказывается выборомъ Гейнриха II помимо сильнѣйшихъ и достойнѣйшихъ соперниковъ *). Наиболѣе самостоятельная и сильная часть Германіи, Саксонія, была сама средоточіемъ и корнемъ государства и давала королямъ огромный перевѣсъ надъ всѣми ихъ вассалами.

Она обратилась, какъ видно изъ исторіи Гейнриха III, чисто въ коронную землю и только впослѣдствіи получила снова значеніе феодальной.

Области сохраняли нѣкоторую самостоятельность, выборъ герцоговъ или мѣстныхъ владѣльцевъ зависѣлъ отъ воли дружины аристократической болѣе, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху; но за то утвержденіе ихъ вполнѣ зависѣло отъ короля-императора. Общія же дѣла Германскія были вполнѣ въ волѣ его, и имперскіе сеймы не имѣли никакого значенія. Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ Италія ничѣмъ не была обижена противъ Германіи и ни въ чемъ ей по справедливости завидовать не могла. Такова одна изъ причинъ, почему въ ней и не было общей причины народной къ возстанію.

При усиленіи обще-Германскихъ съѣздовъ и при возстановленіи начала избранія, положеніе Италіи унизилось въ сравненіи съ Германіею, и очень понятны требованія ея, вполнѣ соотвѣтствующія

*) Эти соперники были маркграфъ Экгардъ Мейсенскій и герцогъ Германъ Швабскій; самъ же Генрихъ былъ герцогомъ Баварскимъ и троюроднымъ братомъ Оттона III-го. *Изд.*

Digitized by Google

новымъ правамъ стороны за-Альпійской; но законности этихъ требованій не могли допустить ни императоръ, ни гордость Германіи, признававшей за собою неотъемлемое превосходство и голосъ рѣшительный въ дѣлахъ имперіи. Равноправства Италіи она даже не понимала.

Другою, еще важнѣйшей причиною безпрекословнаго повиновенія Италіи было то, что она не нашла еще себѣ полнаго представителя. Идея папства не созрѣла. Императоры спасли самую независимость папы и его достоинство отъ Рима и его волненій. Твердо возстановили они прежнія права имперіи надъ Римскимъ престоломъ, неуступчиво пользовались они ими; а спасенные папы покорялись не совсѣмъ неохотно, ожидая счастливѣйшаго для себя времени и готовясь въ тишинѣ къ будущему величію.

Разумѣется, въ этой, повидимому дальновидной, хитрости было, какъ во всѣхъ дѣлахъ историческихъ, менѣе хитрости, чѣмъ безрасчетной простоты. Тяжело лежала на епископахъ Рима память о той страшной и унизительной годинѣ, которая предшествовала призванію Оттона; они боялись утратить покровителя и потому покорялись владыкѣ, а готовили свою будущую силу и будущее оружіе, потому что сами были орудіями общей идеи, которая не могла остановить своего развитія.

Древній міръ продолжалъ быть и для новыхъ народовъ единственнымъ источникомъ высшей законности. Историки западные, находя въ лѣтописяхъ, что вожди варваровъ, воюя противъ Рима и опустошая его предѣлы, въ тоже время просили почетныхъ титуловъ и признанія правъ, основанныхъ на силѣ, приписываютъ обыкновенно такое противорѣчіе между дѣломъ и словомъ хитрости и расчету. Это толкованіе ложно. Во всѣхъ варварахъ было глубокое благоговѣніе къ великой имперіи; а въ ихъ вождяхъ было чувство, что они начинаютъ новую эпоху и должны оторваться отъ своей старины, чтобы новое получило корень и законность. Они не имѣли, разумѣется,

Digitized by Google

яснаго понятія объ обществѣ народовъ, о которомъ такъ много говоритъ новая эпоха (нисколько не опредѣляя своей мысли); но они имѣли объ немъ смутное понятіе, какъ признаніи однаго общаго права всѣми народами. Поэтому всѣ народы хотѣли свое право основать не на одной случайности силы военной и не на своихъ частныхъ понятіяхъ, но на признаніи и такъ сказать благословеніи обще-почитаемаго авторитета—историческаго Рима. Въ этомъ былъ и разумъ, и какая-то юридическая поэзія. Королю нуженъ былъ патриціатъ, а еще позднѣе имперія.

Должно замѣтить, что это стремленіе, разумѣется, усиленное Христіанствомъ, не зависѣло отъ него и выражалось не разъ у язычниковъ. Оно повторяется на далекомъ Востокѣ въ отношеніяхъ Средне-азійскихъ ордъ къ Китаю. Сила требовала признанія, т. - е. юридическаго благословенія, также какъ воинъ не разъ требовалъ благословенія у жреца и въ случаѣ отказа вынуждалъ это благословеніе угрозою и силою меча. Магометанскій міръ не просилъ признанія у другихъ: онъ слишкомъ глубоко вѣрилъ въ свое начало, признавая его обще-человѣческимъ. Персія также: она имѣла свою исторію и свой полный кругъ жизни.

Таковы мысленные законы, которымъ повиновались и Карлъ Великій и великій Оттонъ; такова причина, почему, кромѣ папскаго благословенія, они искали союза съ Византіею и, если можно, союза брачнаго съ ея владыками. Быть можетъ, въ нихъ было еще и неясное чувство зависимости отъ папской власти, наложившей на нихъ вѣнецъ, и желаніе найти своему новому званію новую основу, болѣе прочную и дающую самостоятельность ихъ имперіи въ глазахъ ея подданныхъ и всѣхъ другихъ народовъ. Оттону удалось то, чего неудачно домогался Карлъ; но бракъ Оттона II съ Ѳеофаніею, оставшійся конечно не безъ послѣдствій въ движеніи просвѣщенія Европейскаго, не имѣлъ тѣхъ историческихъ послѣдствій, которыхъ искалъ Германскій императоръ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ вполнѣ.

Digitized by Google

Народы, заключенные въ логику понятій завѣщанныхъ древнимъ міромъ и положившіе основу новому просвѣщенію, искали формъ болѣе полныхъ и способныхъ выражать весь объемъ ихъ вѣрованій. Они благоговѣли передъ идеею государства и широкаго права общественнаго и потому благоговѣли передъ имперіею; но они чувствовали, что ей не достаетъ самостоятельной святости. Усыновленіе новой имперіи древнею могло быть дѣломъ важнымъ (и едва ли спокойное престолонаслѣдіе Саксонскаго дома не зависѣло отъ него); но оно далеко не удовлетворяло тайному требованію Западнаго міра. Папское благословеніе оставалось необходимостію. Самое родство съ Греками не могло быть пріятнымъ Римскому двору и потому, что оно давало императору нѣкоторую самостоятельность правъ и потому, что оно сближало его съ Христіанствомъ, не признающимъ притязаній Рима; а родственный союзъ съ Греціею имѣлъ дѣйствительно важность, которой, кажется, не замѣчаютъ новѣйшіе историки. Ѳеофанія въ скорое время пріобрѣла могущественную партію, съ которою не безъ труда боролась западная партія подъ покровительствомъ Оттоновой вдовы [1]). Такого значенія Ѳеофаніи нельзя приписать ея личнымъ качествамъ: оно принадлежало ей, какъ представительницѣ усыновленія новой имперіи старою и покровительницѣ другихъ началъ просвѣщенія высшаго, еще неизвѣстныхъ Западному міру, но способныхъ увлечь его за собою или по крайней мѣрѣ измѣнить односторонность его развитія. Сочувствія находила партія Ѳеофаніи болѣе въ Италіи, чѣмъ въ Германіи, и это сочувствіе было безспорно враждебно папскому двору. Этому находятся для безпристрастной критики два доказательства весьма ясныя: одно въ клеветѣ или преувеличенномъ обвиненіи Кресценція (главы анти-папскаго мнѣнія) въ желаніи измѣнить имперіи и передать Римъ Византійцамъ; другое въ огромномъ вліяніи столѣтняго пустынника [2]) Грека — Нила Калабрскаго. Въ первомъ случаѣ видно намѣренія посѣять вражду между

---

[1]) *Ср. жизнеопис. Аделгейды Од. Клюнійскаго. Гл. 6—8. Изд.*

[2]) Род. 910 г. † 1005. *Изд.*

Digitized by Google

императоромъ и Византіею: въ другомъ невольное и глубокое почтеніе, внушаемое Западу достойными представителями Востока: ибо Нилъ Калабрскій представлялъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ высокихъ и поэтическихъ лицъ своего вѣка и, восходя по своему долголѣтію къ тому времени, когда еще раздѣленіе церквей было не сознано, напоминалъ время высшаго, тогда уже утраченнаго единства. Кромѣ этихъ видимыхъ и вещественныхъ признаковъ Византійскаго вліянія, легко можно отыскать слѣды его во всей жизни двухъ послѣднихъ Оттоновъ, особенно въ чисто-Византійскихъ формахъ, данныхъ геніальнымъ Гербертомъ (Сильвестромъ) плану имперіи и ея сочлененія, охотно принятому Оттономъ III. За всѣмъ тѣмъ, признавая всю важность вліянія мысли Византійской на Италію и Германію Оттоновъ и еще бо́льшую важность, которой оно могло достигнуть, если бы дни Оттона III продлились и система его перешла къ прямому наслѣднику; признавая опасность, которою оно могло угрожать Римскому владычеству, нельзя также не признавать и того, что опасность могла быть только временная и что никакая пришлая стихія не могла на долго бороться съ логическимъ развитіемъ мѣстныхъ стихій, утвердившихся уже въ форму религіозную.

Судьба Запада и путь его развитія могли бы измѣниться значительно только въ такомъ случаѣ, если бы удались попытки къ воссоединенію церковному между Западомъ и Востокомъ; но они не могли имѣть успѣха. Корень раздора, какъ сказано уже, таился въ самой глубинѣ всего мысленнаго образованія этихъ двухъ частей Эллино-римскаго міра, изъ которыхъ одна знала только внѣшне-логическій и юридическій строй мысли, а другая проникала или стремилась проникнуть въ полноту разума и въ живые источники душевныхъ силъ. Превосходство же Римской мысли, отчасти уже мало доступное западному просвѣщенію, скрывалось еще и позорилось безобразіемъ общественныхъ учрежденій Византіи и ея государственною слабостью.

Digitized by Google

Первое время управленія Италіи императорами Германскими было особенно спокойно. Власть была въ рукѣ опытной и сильной, отдыхъ былъ всѣмъ нуженъ, попытки къ возстаніямъ мѣстнымъ, слѣдствія привычки къ самоуправству, были легко подавляемы. Оттонъ II любилъ Италію и не жалѣлъ Германскихъ силъ для ея охраны; самъ же онъ былъ ей любезенъ, какъ сынъ Итальянки и какъ человѣкъ, которому мягкіе нравы Юга болѣе нравились, чѣмъ дикій обычай Сѣвера, хотя въ южной мягкости часто и почти всегда гораздо болѣе истинной жестокости, чѣмъ суровости въ сѣверной. За всѣмъ тѣмъ ни Оттону первому, ни второму не удалось ни Сарацынъ изгнать изъ южной Италіи, ни вытѣснить, хотя они и стѣснили Византійцевъ, ни уничтожить независимость герцоговъ Сполетскихъ, Беневентскихъ, Салернскихъ и другихъ, которые объявляли себя то вассалами Германскаго императора, то мнимыми слугами и патриціями Византіи. Съ трудомъ спасся даже Оттонъ II въ неудачномъ походѣ отъ побѣдителей Сарацынъ и Грековъ и умеръ въ то время, когда готовилъ сильный походъ на Югъ для завоеванія всей южной Италіи и изгнанія Аравитянъ изъ Сициліи; не смотря на то, что весь Сѣверъ до самаго Гамбурга былъ опустошенъ и завоеванъ возстаніемъ приморскихъ Славянъ. Съ смертью молодого императора (683 г.) наступило время новыхъ смутъ. Малолѣтній сынъ его не безъ труда получилъ наслѣдіе отцовское. Германскія войска оставили Италію въ добычу ея собственному безначалію. Снова усилилась власть Византійцевъ, снова стали своевольничать всѣ мелкіе князьки, снова стали Римъ и его буйная аристократія распоряжаться папскимъ престоломъ и возводить на него всякое отребье человѣческое. При малолѣтномъ государѣ, при женщинѣ-правительницѣ въ эпохѣ, въ которой еще ничто не устоялось, а всѣ стихіи бродили и безплодно искали законныхъ взаимныхъ отношеній, иначе и быть не могло. Съ совершеннолѣтіемъ Оттона III наступила снова сравнительная тишина. Правда, что во все свое непродолжительное царствованіе онъ велъ безпрестанную борьбу съ своеволіемъ Римлянъ и не разъ долженъ былъ ихъ унимать

Digitized by Google

военною грозою съ опасностью собственной жизни; за то онъ распоряжался папскимъ престоломъ почти безусловно, назначая кого хотѣлъ во вселенскіе епископы. Но самая борьба происходила не отъ безсилія, какъ при позднѣйшихъ императорахъ, а отъ желанія примирить партіи раздирающія Римъ и пріобрѣсти любовь народа, который не зналъ своей собственной воли. Наконецъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ строгости и къ мѣрамъ неизвинительной жестокости, казнивъ Кресценція и папу, избраннаго его дружиною подъ именемъ Римскаго народа *). Такимъ образомъ укротилъ онъ временный мятежъ. Епископы, назначенные императоромъ, были люди достойные своего званія или по добродѣтели, или по генію, какъ Гербертъ (Сильвестръ), долго смущавшій Францію своими происками, потомъ пріобрѣтшій безграничную довѣренность Германской регентши, Адельгейды, вдовы Оттона I, и безспорно стоявшій въ отношеніи къ знанію и умственной силѣ далеко выше своего времени. Это превосходство выразилось въ сказаніяхъ народа Итальянскаго, оскорбленнаго самовластіемъ императора, назначившаго папу, такъ что они представляютъ Сильвестра злымъ волшебникомъ и ученикомъ злыхъ духовъ, которымъ онъ продалъ душу свою въ школѣ Испанскихъ Мавровъ.

Такое сказаніе о Сильвестрѣ объясняетъ и развязку сказки о сыновьяхъ Аймона, гдѣ Малагизъ волшебникъ кончаетъ жизнь свою въ званіи папы.

Смерть прекратила царствованіе Оттона III и союзъ императора съ папствомъ. Планъ Сильвестра остался неисполненнымъ, планъ глубоко расчитанный и стройно составленный, по которому императоръ являлся видимою главою всего Германо-итальянскаго міра съ властію почти неограниченною, между тѣмъ какъ папа становился истинною, хотя едва замѣтною, душею, оживляющею и связывающею весь его орга-

*) Іоанна. XVI-го.

Digitized by Google

низмъ. За смертью Оттона послѣдовали новые безпорядки: Италія хотѣла воспользоваться правомъ выбора также, какъ и каждое отдѣльное племя Германіи. Наслѣдственное право Генриха II восторжествовало на Сѣверѣ, а сила имперіи на Югѣ. Не смотря на слабость своего характера, на неудачныя войны съ Польшею, въ которыхъ онъ терпѣлъ безпрестанныя пораженія отъ Болеслава, и на частыя ссоры съ вассалами, Генрихъ распоряжался Римскимъ престоломъ почти такъ же свободно, какъ его предшественникъ и встрѣчалъ упорное сопротивленіе только въ городахъ Ломбардіи, которые продолжали возвышаться благосостояніемъ и богатствомъ вслѣдствіе очевиднаго превосходства просвѣщенія надъ остальнымъ Западомъ и счастливаго положенія на перепутіи восточной торговли. Между тѣмъ феодальность, которая уже вошла до нѣкоторой степени въ нравы Итальянскіе съ самаго времени Франкскаго владычества, продолжала усиливаться подъ правленіемъ Германцевъ, тогда уже не понимавшихъ возможности другаго устройства и забывшихъ почти совершенно прежнюю аллодіальность, хотя слѣды ея еще оставались до послѣднихъ Гогенштауфеновъ. Богомольный Генрихъ, любимецъ духовенства (съ которымъ онъ впрочемъ часто ссорился по тому самому, что безпрестанно занимался его дѣлами), ограничилъ до нѣкоторой степени власть папскую тѣмъ, что утвердилъ (также какъ послѣ него Конрадъ) рѣшеніе помѣстнаго собора *), почти запретившаго апелляцію къ Римскому двору противъ

*) Concil. salgunstadiense, cap. XVI, XVIII Harduin VI, 1. 827. Собственно говоря, Генрихъ не утверждалъ рѣшеній этаго собора, но не протестовалъ противъ нихъ, онъ тѣмъ самымъ какъ бы далъ имъ свою санкцію. Что же касается до утвержденія этихъ правилъ Конрадомъ, надо думать, что авторъ имѣлъ въ виду Трибурскій соборъ, собранный Конрадомъ II въ 1035 или 36 году, о которомъ Гильдесгеймская хроника говоритъ, что на немъ подтверждены были рѣшенія прежнихъ соборовъ, но не извѣстно какихъ именно. Гильбрехтъ напротивъ говоритъ, что Трибургскій соборъ отмѣнилъ значеніе собора Зелингенштатскаго. II т. 281 стр. *Изд.*

Digitized by Google

мѣстныхъ епископовъ; но въ тоже время глубокимъ, благоговѣйнымъ почтеніемъ, оказаннымъ папѣ, котораго онъ пригласилъ въ Германію [1]), возвысилъ его значеніе въ глазахъ подданныхъ, мало понимающихъ отвлеченности юридическія и ясно сознающихъ величіе сана, передъ которымъ императоръ преклонялся какъ передъ божественною святынею. Южная Италія снова подпала почти исключительной власти Грековъ, которые подъ предводительствомъ искусныхъ полководцевъ и особенно непобѣдимаго Маніяка, грозы восточныхъ Сарацинъ, едва не вытѣснили Африканцевъ изо всей Сициліи и заставили мелкихъ Итальянскихъ князьковъ покоряться управѣ Византійскихъ катапановъ. Имперія была стѣснена; но власть ея не слабѣла внутри ея границъ и даже уже тѣмъ оказывала свое возрастающее могущество, что нисколько не падала при лично слабомъ государѣ, не внушавшемъ ни страха, ни даже большаго уваженія, хотя исторія должна отдать справедливость его частнымъ добродѣтелямъ. Послѣ бездѣтнаго Генриха новый выборъ Конрада, ближайшаго родственника Саксонскому дому, доказалъ снова стремленіе къ наслѣдственности въ Германіи и возвелъ на престолъ человѣка съ могучею волею, съ воинскими доблестями и съ дальновидностью въ дѣлѣ государственномъ. Италія протестовала снова; но опять протестовала Сѣверная Италія [2]), а не Римскій дворъ, который еще чувствовалъ необходимость большой государственной силы для скрѣпленія все-Христіанской системы (Tota Christianitas) и для охраненія его самаго отъ насилій мѣстнаго народонаселенія и отъ ересей, усиливавшихся въ Ломбардіи. Ломбардія же протестовала потому, что признавала за собою такое же право на выборъ какъ и за Германіею; но никто не хотѣлъ воспользоваться властью предлагаемою Итальянцами [3]). Имъ мало вѣрили, а Конрада боялись. При немъ императорская власть ок-

---

[1]) Бенедикта VIII, въ 1020 году.

[2]) Избраніемъ Вильгельма Аквитанскаго *Изд.*

[3]) Сначала корона предложена была королю Роберту, но за отказомъ его обратились къ герцогу Аквитанскому, который принялъ ее не для себя, а для малолѣтнаго сына. *Изд.*

Digitized by Google

рѣпла снова и вскорѣ достигла высшей степени своего развитія при Генрихѣ III, не смотря на многія его неудачи въ войнѣ противъ Чеховъ и противъ Венгровъ и на усиленіе въ Южной Италіи новыхъ властителей — Нормановъ, отчасти впрочемъ признававшихъ себя вассалами имперіи. Конрадъ и по преимуществу сынъ его распоряжались имперскими ленами совершенно произвольно, не справляясь ни съ волею народа, ни съ родственными отношеніями новыхъ ленниковъ къ прежнимъ. Точно также и еще своевольнѣе распоряжались они епископствами и отчасти папствомъ. Казалось, имперія стала въ мірѣ Западномъ такъ твердо и съ такимъ неоспоримымъ могуществомъ, возрастаніе ея было такъ послѣдовательно, что ей нечего было бояться никакого соперника; а между тѣмъ она дошла до той эпохи, когда соперникъ, собравшій силы свои въ тишинѣ и въ недосягаемомъ святилищѣ совѣсти человѣческой, готовъ уже былъ нанести ей ударъ, которому она не могла противостать и отъ котораго она никогда не могла оправиться. Самая хитрость самодержавнаго Генриха, расширившаго епископскія области на счетъ свѣтскихъ ленниковъ, чтобы избавиться отъ опасности наслѣдственныхъ леновъ, дала его сыну только ненадежныхъ союзниковъ, вскорѣ обратившихся въ опасныхъ враговъ по естественному стремленію ихъ къ усиленію своего сословія и его іерархическаго значенія.

Развитіе папства.

Между тѣмъ какъ власть папъ въ Римѣ была безпрестанно подвержена мятежамъ и своеволію знатнаго и развратнаго народа, а еще болѣе развратной аристократіи и ея дружинъ, какъ самая жизнь ихъ подвергалась нерѣдко опасности и какъ императоры дѣлались повидимому самовластными хозяевами Римскаго престола, угрожая ему тою же зависимостью, съ которой Византійскіе императоры держали патріарховъ, значеніе папъ становилось все важнѣе и важнѣе на Западѣ. Путь къ ихъ будущему величію былъ проложенъ въ народныхъ убѣжденіяхъ чувствомъ необходимости правительственнаго авто-

Digitized by Google

ритета въ дѣлахъ духовныхъ, какъ скоро міръ духовный былъ признанъ не міромъ всехранящей любви и благодати, но міромъ права внѣшняго, подчиненнаго тѣмъ же законамъ и тѣмъ же расчетливымъ соображеніямъ, какимъ подчиняются всѣ другія земныя явленія. Идея Римская не могла не придти къ такому выводу, а она одна и правила всею духовною сущностью Запада. Лже-Исидоровы декреталіи были первымъ оружіемъ, которымъ вооружилось папское всевластіе, и оно сломило сопротивленіе мѣстныхъ владыкъ-епископовъ, свободу мѣстныхъ церквей, которую Карлъ Великій надѣялся обезпечить организаціею метрополій, и самонадѣянность государей, осмѣлившихся въ дѣлѣ духовномъ ослушаться папскаго приговора. Къ готовому оружію присоединилось, по расчету ли, или по естественному ходу развивающейся мысли, могучее войско — Бенедиктинское монашество. Франція и Германія, особенно Сѣверная, покрылись сѣтью ихъ обитателей, богатыхъ, ученыхъ, независимыхъ отъ мѣстнаго духовенства, ревностныхъ къ проповѣди, тѣсно связанныхъ между собою, крѣпко связанныхъ съ Римомъ. При Дунстанѣ завоевали они Англію; при императорахъ дома Саксонскаго вмѣстѣ съ распространеніемъ Христіанства въ земляхъ Прибалтійскихъ Славянъ раскинули они свои религіозныя колоніи за прежніе предѣлы христіанскаго міра, и вездѣ, какъ знаменосцы строго построеннаго ученія, сопровождаемаго особеннымъ стремленіемъ къ великолѣпному обряду и къ какому-то обрядовому идолопоклонству, они завладѣли мыслію и сочувствіемъ народа, готовя въ немъ безусловныхъ подданныхъ папскому престолу.

Такъ напр. еще необращенныхъ Славянъ привлекали Бенедиктинцы къ наружнымъ обрядамъ Христіанства, ставя на верху церквей, или нарѣзывая на ракахъ святыхъ изображеніе пѣтуха, священнаго животнаго и вѣроятно символа солнца и войны по языческому понятію. Очевидно въ нихъ уже высказываются всѣ начала и правила, которыя приведены были въ строгій порядокъ и ясно сознанную систему позднѣйшими Іезуитами.

Digitized by Google

Заслуги Бенедиктинцевъ неоспоримы. Въ земляхъ Славянскихъ они служили туземцамъ нѣкоторою, хотя весьма недостаточною защитою противъ неистоваго корыстолюбія мѣстнаго духовенства и противъ невыразимой жестокости Саксонцевъ-завоевателей; вездѣ по всей Западной Европѣ распространяли они нѣкоторыя, хотя и весьма неясныя, а отчасти и ложныя понятія о вѣрѣ въ народѣ, о которомъ ни епископы, ни ихъ прямые подручники не имѣли никакого попеченія, оставляя его въ совершенномъ невѣжествѣ. Вообще должно замѣтить, что вслѣдствіе завоеванія Германскаго и Франкскаго и отношенія туземцевъ къ завоевателямъ, духовенство примкнуло къ дружинѣ и скоро отдѣлилось отъ народа, которому оно служило нѣсколько времени защитою и представителемъ. Этаго, разумѣется, не было въ Саксонской Англіи, и оттого въ ней успѣхи Бенедиктинцевъ были особенно гибельны; но въ Германіи сильные дружинники считали епископство почти такимъ же правомъ своего сословія, какъ и преемство военныхъ леновъ, и первые Салійцы (также какъ и послѣдній изъ Саксонскихъ императоровъ) должны были употреблять власть свою, чтобы сколько нибудь класть предѣлы этому беззаконному притязанію, котораго искоренить не могли ни они, ни позднѣйшіе папы. Очевидно, противодѣйствіе общехристіанской дружины, Бенедиктинскаго монашества, было въ этомъ отношеніи полезно и почти необходимо; но очевидно также, что добромъ и зломъ своего усиленія оно служило идеѣ церковнаго государства.

Во Франціи по спорамъ о правахъ Герберта *) (бывшаго потомъ папою) духовенство старалось положить предѣлы самовластію Римскаго двора; но оно не было поддержано властію королевскою, тогда еще безсильною и искавшею союза съ Римомъ: Нѣсколько позже оно вмѣстѣ съ королемъ покорилось рѣшенію Римскаго епископа и его интердикту по дѣлу

*) На Реймскую каѳедру, на которую онъ былъ избранъ по низложеніи архіепископа Арнульфа, безъ согласія папы. Ср. Richeri Chron. L. IV, и относящіеся къ этому дѣлу соборы у Гардуина, VI. I. *Изд.*

Digitized by Google

о разводѣ короля Роберта. Въ Германіи, обращенной проповѣдію Бонифація, поставившаго себя и своихъ преемниковъ въ прямыя отношенія къ Риму принятіемъ присяги въ покорности его суду (эту присягу прежде приносили только епископы собственно подгородные Риму, т. е. викарные), самыя преданія о независимости не существовали.

Такова причина, почему въ ней и неизвѣстна была та система, лишенная всякой логической основы, но до нѣкоторой степени охраняющая мѣстную свободу, которую называютъ вольностями Галликанской церкви (libertés de l'église gallicane).

За границею прежняго христіанскаго міра Славянскія земли, принимая Христіанство, становились въ прямую зависимость отъ папскаго престола еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ имперіи; ибо съ одной стороны связь завоеванія менѣе тверда, чѣмъ связь, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, а вѣрованія эти были направлены въ духѣ чисто-Римскомъ; во вторыхъ, независимые Славяне (Польша и полу-независимые, Моравія и Чехія) были скорѣе враждебны къ императорамъ, чѣмъ склонны къ союзу съ нимъ и къ повиновенію. Польша считала себя болѣе обязанною королевскимъ титуломъ своихъ владыкъ духовному правителю всего христіанства, чѣмъ свѣтскому владѣтелю одной только части христіанскаго міра, хотя она собственно получила королевскій вѣнецъ отъ императора. Мадьярская корона Св. Стефана была даромъ папскаго двора и сіяла его благословеніемъ. Далѣе на Сѣверѣ новообращенная Скандинавія, чуждая имперіи, хотя и признающая ея высокое значеніе (вмѣстѣ со всѣмъ Западомъ) была уже живымъ членомъ церковнаго государства.

Это стремленіе Скандинавовъ доказывается путешествіемъ Канута для поклоненія въ Римъ. Дѣйствительно, въ то время уже никакое обращеніе народное на Западѣ не могло основать церкви свободной, а непремѣнно усиливало Римскій престолъ.

Digitized by Google

Испанія, съ успѣхомъ завоевывая свою свободу, мало-помалу отодвигала Аравитянъ къ Югу. Норманы, вытѣсняя Грековъ изъ Италіи и Сарацинъ изъ Сициліи, расширяли область папскую и безпрестанно обращались къ нему, прося его пастырскаго благословенія. Созрѣвали огромныя силы, тѣмъ непреодолимѣйшія, что онѣ не основывались на вещественной случайности и на насиліи, всегда сопровождаемомъ враждою и раздраженіемъ. А между тѣмъ, какъ могущество престола Римскаго росло невидимо и неосязаемо для свѣтской власти, высшіе представители этой власти, императоры, раздражали неизвѣстную имъ силу не только строгимъ пользованіемъ своими правами на утвержденіе епископовъ Римскихъ (это было необходимо для самихъ папъ), не только злоупотребленіемъ этихъ правъ (ибо они присвоили себѣ непринадлежащее имъ право назначать папъ), но еще наглымъ злоупотребленіемъ своихъ правъ на утвержденіе всѣхъ епископовъ, продавая священный санъ за деньги часто недостойнымъ, назначая епископовъ по прихоти, для награжденія за заслуги, для обогащенія преданныхъ имъ семействъ, наконецъ для достиженія всякихъ своекорыстныхъ и часто преступныхъ цѣлей. Негодованіе становилось сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ усиленія злоупотребленій и особенно по мѣрѣ возрастающаго сознанія собственныхъ силъ въ Римскихъ владыкахъ. Жалобы становились чаще и чаще. Всѣ лучшіе члены духовенства глубоко чувствовали оскорбленіе своего достоинства. Чистѣйшіе изъ мірянъ сочувствовали имъ; совѣсть человѣческая просыпалась и роптала, ибо Христіанство, давно уже признанное, становилось яснѣе и требовательнѣе съ увеличивающимся просвѣщеніемъ. Разрывъ между двумя великими идеями былъ близокъ, и Италія, ихъ общее средоточіе, должна была потребовать своей исторической жизни.

Ни одинъ изъ императоровъ прежнихъ (за исключеніемъ разумѣется основателя Западной Имперіи, Карла) не былъ такъ самовластенъ какъ Генрихъ III, и ни одинъ не встрѣчалъ такъ мало сопротивленія, не смотря на многія неудачи въ войнахъ съ другими народами (Чехами и Мадьярами), весьма важныя въ

Digitized by Google

общественномъ мнѣніи такаго воинственнаго вѣка, и не смотря на крутой нравъ и своеволіе, которые удаляли всякое чувство любви личной къ нему. Паденіе императорской власти немедленно послѣ его смерти приписываютъ историки слабости и разврату его преемника и могучему характеру папъ, случайно возведенныхъ на престолъ въ концѣ XI вѣка. Такое объясненіе крайне односторонне. Нельзя отрицать значенія лицъ и случайностей историческихъ; но нельзя не чувствовать, какъ ничтожно ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ необходимостью историческою, которая не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ: ибо онъ одинаково безплоденъ для науки, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся, въ грубомъ ли видѣ магометанства, въ простодушной ли телеологіи историковъ христіанскихъ, слѣдящихъ за непонятными путями Провидѣнія и думающихъ усмотрѣть перстъ Божій въ дѣлахъ человѣческихъ, или въ мистической телеологіи ученыхъ философовъ Германіи, понимающихъ развитіе исторіи не какъ развитіе основныхъ мыслей, лежащихъ въ началѣ обществъ, но какъ стремленіе къ будущимъ идеямъ, безсознательно осуществляемое обществами людскими и движущее ихъ какою-то таинственною силою, которой точка отправленія заключается не въ причинахъ явленій, но въ ихъ послѣдствіяхъ, наперекоръ логикѣ и здравому смыслу.

Понятно, что люди энергическіе умомъ и волею протестовали словомъ, часто насмѣшливымъ, противъ всѣхъ этихъ историческихъ системъ. Такъ Наполеонъ говорилъ: «Богъ стоитъ за многочисленныя войска» (Dieu est pour les gros bataillons). Тоже самое говорилъ Фридрихъ II въ иныхъ словахъ; тоже самое говорятъ или думаютъ всѣ великіе дѣятели общественные на поприщѣ войны или мира. Глубоко поэтически сказалъ Германецъ: «und in dem Heute wandelt schon das Morgen» и Англичанинъ: «and coming events cast their shadows afar». Настоящее время предчувствуетъ будущее, ибо будущее въ немъ заключается какъ плодъ въ зародышѣ; но нелѣпо сказать, что будущій плодъ обусловливаетъ развитіе зародыша, или чтобы послѣдствіе обусловливало свою причину; а таково ученіе историческое всей Гегелевой школы. Въ немъ смѣшаны два

Digitized by Google

пути (синтеза, который есть законъ проявленія) и анализа, который есть законъ познанія, по преимуществу логическаго или разсудочнаго. Анализъ отъ существующаго восходитъ къ его причинамъ въ прошедшемъ. Таковъ путь критики исторической и историческаго изслѣдованія. Исторія въ своемъ проявленіи отъ существующаго какъ отъ причины идетъ къ будущему, т.-е. къ слѣдствію. Это два пути совершенно противоположные, и смѣшеніе ихъ произошло отъ забавнаго непониманія простоты человѣческаго слова. Глядя на башню, человѣкъ говоритъ: «она стоитъ, слѣд., она выстроена», на человѣка убитаго ядромъ: «онъ убитъ ядромъ, слѣд., выстрѣлили», и многоученый міръ книжный пишетъ исторію по этой формулѣ, не понимая того, что неученый пропускаетъ въ ней (и весьма сознательно) слово: «я знаю, что башня стоитъ», «я знаю, что она выстроена» и т. д. Явленіе обусловливаетъ мое познаніе объ его причинѣ, или иначе свою причину въ моемъ познаніи, а не причину своего существованія въ ней самой. Фатализмъ магометанина, телеологія христіанскихъ писателей: все это признаніе въ невѣжествѣ или непониманіи. Телеологія Гегелевой школы — чистая нелѣпость, облекающая себя въ ученыя формы. Наука историческая старается понимать связь причинъ съ ихъ послѣдствіями, логику дѣйствительной исторіи и называетъ эту связь необходимостью, не входя въ гаданія и допуская, что въ самой этой исторической логикѣ могутъ проявиться пути Провидѣнія, не открывающаго своихъ тайнъ, но достигающаго своихъ цѣлей посредствомъ законной свободы и вольнаго дѣйствія человѣческаго разума.

Всякая односторонняя мысль при своемъ осуществленіи и полномъ торжествѣ проявляетъ яснѣе свою односторонность. Покуда она еще борется съ другими мыслями и направленіями, она не можетъ еще выразиться вполнѣ и слѣд. быть осмотрѣнною со всѣхъ сторонъ полусознаніемъ человѣческимъ (ибо таково оно во всѣ времена, а особенно въ тѣ эпохи, когда человѣкъ болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ мыслитъ аналитически). Она стремится впередъ къ своему осуществленію, увлекая народы своею относительною правдою и высотою передъ другими мыслями и стремленіями частными и еще менѣе ея раз-

Digitized by Google

умными. Идея имперіи имѣла свою истину не только въ отношеніи историческомъ, какъ выводъ изъ понятій завѣщанныхъ Римскимъ просвѣщеніемъ, но въ отношеніи къ законному и разумному требованію широкой правды гражданской и внутренняго мира, къ которому должно стремиться человѣчество. Этою стороною она имѣла явное превосходство передъ нестройнымъ желаніемъ обособленія въ отдѣльныхъ племенахъ и странахъ и передъ тѣмъ смутнымъ броженіемъ началъ, которыя предшествовали ея явленію и вступали съ нею въ неравную борьбу. Она восторжествовала, и тогда только выказались ея слабыя стороны: личный произволъ, отнимающій у власти ея нравственное достоинство, характеръ случайности, позволяющій сомнѣваться въ законности правъ лица, принадлежащаго одному племени, на повиновеніе другихъ племенъ, и отсутствіе внутренняго начала, освящающаго господство однаго человѣка и повиновеніе всѣхъ. Все это—слабыя стороны, которыя могли и должны были выразиться со временемъ и подкопать шаткую власть государя, правящаго областію, составленною изъ разнородныхъ и отчасти враждебныхъ стихій; но онѣ выразились быстро, какъ скоро полное торжество дало полный разгулъ произволу, а съ другой стороны возвышалось новое начало съ притязаніями еще высшими и повидимому болѣе основанными на логикѣ и разумѣ. Итакъ, не только борьба имперіи съ папствомъ была не минуема, но и торжество папства было несомнѣнно.

Во время этой борьбы и даже прежде ея обозначился особый характеръ Христіанства западнаго: оно приняло въ себя всю раціонально-юридическую особенность Рима не только въ отношеніи церковнаго общества, но и въ отношеніи къ его внутреннему пониманію. Выше уже показана разница взглядовъ восточнаго и западнаго, или Эллинскаго и Римскаго, на общій ихъ завѣтъ. Разница эта должна была выражаться яснѣе и яснѣе по мѣрѣ полнѣйшаго развитія каждаго изъ этихъ міровъ, разорвавшихъ свою древнюю связь христіанскаго братства. Тяжкія судьбы Востока остановили его историческую жизнь и дѣятельность, обрекши его на долгое страданіе. За-

Digitized by Google

надъ возрасталъ и зрѣлъ. Яснѣе и яснѣе проявлялась логическая основа его мысленной жизни.

Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло повидимому рѣшительный ударъ Кушитскимъ религіямъ—поклоненію органической необходимости, въ какой бы формѣ она ни являлась, и всѣмъ религіямъ, основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизаціи. Но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ, выработанныхъ міромъ, вполнѣ принадлежавшимъ системѣ Кушитской. Западные народы, понявъ самую церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя нѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, но раціонализмомъ скрытымъ подъ формою юридическою. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправленія общей мысли; не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась церковь (видимый и земной отдѣлъ церкви всемірной): нѣтъ, церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители церкви отдѣлились естественно отъ ея поддапныхъ и должны были получить названіе, соотвѣтствующее своему новому значенію—церковниковъ, (Ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (Iaici). Іерархія могла замкнуться или въ видѣ постояннаго собора чиновниковъ земной церкви, рѣшающихъ всѣ вопросы объ ея коренныхъ законахъ-догматахъ вѣры, или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на Востокѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія: такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Востокомъ, убѣжденіе, что явное разногласіе, происходящее

Digitized by Google

постоянно во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидимому условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній; наконецъ, несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола, привели западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе, свыше ниспосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ, и такое опредѣленіе видимой главы всей церкви опредѣлило весь характеръ Римскаго католицизма.

Церковь стала внѣшностью для ея подданныхъ и внѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человѣчеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполнѣ Римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обусловливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею или ея признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознаннаго разлада; обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь; вѣра сама—внѣшнимъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ или ниспосылаемымъ (ибо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывающей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя

Digitized by Google

послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ уплатѣ долга, накопляющагося отъ нарушенія обязанностей, излишкомъ заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы; молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра *). Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ничто иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привиллегіею іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ.

Понятно, почему еще въ позднѣйшее время міряне утратили причащеніе подъ двумя видами, хлѣба и вина, и должны были удовольствоваться причащеніемъ подъ видомъ однаго хлѣба. Нельзя сказать, ясна ли была мысль у самыхъ іерарховъ, узаконившихъ это измѣненіе, ибо понятія развиваются въ исторіи часто безъ сознанія самихъ историческихъ дѣятелей; но для безпристрастной критики символическое значеніе этой перемѣны не подлежитъ сомнѣнію. Жизнь церкви въ іерархіи, а народъ (міряне) только плоть ея. Символъ жизненности, кровь, не могъ уже принадлежать ему и долженъ былъ быть представленъ только пастырямъ (*экклезіастикамъ*). Едва ли еще кто нибудь обратилъ вниманіе на это важное олицетвореніе мысли: ея не высказывалъ Римъ, но понималъ. Это было доказано потоками крови въ Гусситскихъ войнахъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всѣмъ западнымъ міромъ подъ предводительствомъ Италіи, Христіанство приняло въ себя почти всѣ стихіи древняго кушитства: условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ харак-

*) Dupanloup въ одной проповѣди говорилъ, что молитва: une puissance irresistible et redoutable au ciel même... La prière égale et surpasse quelque fois la puissance de Dieu. Elle triomphe de sa volonté, de sa colère, de sa justice même. *Изд.*

Digitized by Google

теръ западной церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всѣхъ ея силъ и когда стихія Италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всѣми новыми народами, составляющими Романо-германскую область или признавшими ея мысленное державство.

Испанія послѣ завоеванія Арабами.

Другая земля, которой исторія готовила также блестящую, хотя и кратковременную будущность, Испанія, въ то время едва начинала возникать изъ праха. Почти вся подпала она власти Ислама, кромѣ нѣкоторыхъ горныхъ отруговъ на Сѣверѣ, которыми Аравитяне пренебрегали въ первое время своихъ побѣдъ, обративъ силы свои на завоеваніе болѣе привѣтливыхъ долинъ южной Франціи и ея западнаго поморья. Мечъ Карла-Мартелла положилъ предѣлъ ихъ успѣхамъ, хотя и не обезсилилъ ихъ. Пипинъ оттѣснилъ ихъ въ Испанію. Карлъ Великій перекинулъ свое военное владычество за Пиренеи и положилъ начало христіанскаго независимаго государства у подножія западныхъ Пиренеевъ и на берегахъ Средиземнаго моря [1]). Въ этихъ войнахъ замѣтенъ особый характеръ отношеній между завоеванными Готами (или Гото-романами) и завоевателями Сарацинами. Во время продолжительной осады Нарбонны Пипиномъ сильное городовое населеніе оставалось вѣрнымъ Аравитянамъ и только тогда отворило ворота осаждающимъ Франкамъ, когда они обѣщались сохранять всѣ ихъ вольности [2]). Въ Пиренеяхъ часть народонаселенія, и не одни Баски, но и потомки Готовъ, нападали на войско Карла Великаго, очевидно весьма мало радуясь своему освобожденію. Мелкіе владѣльцы Готскаго или Франкскаго племени (какъ напр. Эвдо [3]), потомокъ Клодовига) вступали нерѣдко въ дружескіе и даже родственные союзы съ полунезависимыми военачаль-

[1]) Устройствомъ Испанской марки въ 803—806 годахъ. *Изд.*

[2]) Chron. Moissiac. ap. Ser. 7. fr., V. 69. Dato sacramento Gothis qui ibi erant, ut si civitatem partibus traderent Pipini regis Francorum, permitterent eos legem suam habere. *Изд.*

[3]) Онъ отдалъ свою дочь за эмира Мунуцу, успѣвшаго на короткое время сдѣлаться независимымъ въ сѣверной Испаніи. *Изд.*

Digitized by Google

никами или правителями Аравійскими. Вообще еще ничто не обозначало вражды религіозной или народной. Въ этомъ нельзя не замѣтить благороднаго и кроткаго характера первой эпохи магометанской: непобѣдимая въ битвѣ, безумно распространяющая мечомъ власть мысли, которою была вдохновляема, она въ тоже время имѣла характеръ человѣчности и правды, котораго не представляетъ предшествовавшая ей эпоха Римская, ни современная ей и послѣдовавшая эпоха Германская и Германо-романская. Этотъ благородный характеръ не удержался и въ магометанскомъ мірѣ: его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ грубыхъ и кровожадныхъ Туркахъ Османовой династіи (хотя онъ преобладалъ еще у Турокъ Сельджуковыхъ). Онъ исчезалъ мало-по-малу даже у Сарацынъ Сирійскихъ, вѣроятно отъ прилива иноземнаго, являлся неравными вспышками у могучихъ Фатимидовъ Египетскихъ, и почти постоянно былъ помрачаемъ дикими страстями въ Африканскомъ Исламизмѣ, подвергнувшемся сильному вліянію туземныхъ народовъ и жестокихъ обычаевъ, которыхъ начало ведется отъ Карѳагена, если не изъ древности еще болѣе глубокой. Аравійскія сказки свидѣтельствуютъ о сравнительно жестокихъ нравахъ Африки тѣмъ, что ее изображаютъ отечествомъ самыхъ злыхъ и человѣконенавистныхъ волшебниковъ, напоминающихъ всѣ мрачныя таинства кушитскаго заклинательства. За всѣмъ тѣмъ, у свирѣпыхъ фанатиковъ Аглабитовъ и подъ рукою Фатимидовъ, Сицилія, теперь доведенная до жалкой нищеты просвѣщеннымъ Христіанствомъ Неаполя, процвѣтала также какъ и въ эпоху своей Эллинской свободы; торговля оживляла ея гавани, теперь опустѣлыя, и христіане, подручники Мавровъ, вмѣстѣ съ Маврами покрывали садами и искусно обдѣланными пашнями тѣ плодородныя долины, въ которыхъ теперь рыщутъ голодъ, лѣнивое невѣжество и разбой и въ которыхъ рѣдкое народонаселеніе, доведенное до полускотства, живетъ, кажется, только для того, чтобы напоминать, что тутъ когда-то жили люди. Но нигдѣ тотъ характеръ человѣчности, который принадлежалъ раннему Исламу, не выказывался такъ ясно какъ въ Испаніи; особенно съ половины VIII-го вѣка, когда бѣглый Оммаядъ пе-

Digitized by Google

ренесъ на далекій Западъ блескъ военныхъ доблестей и славы, которыми отличались его предки вмѣстѣ съ ихъ любовью къ справедливости и съ тою восторженною любовью къ наукѣ и художеству, которыми памятны въ исторіи ихъ преемники, роскошные Аббасиды. Христіане подъ державою этихъ человѣколюбивыхъ иновѣрцевъ пользовались въ отношеніи къ суду и обезпеченію лица и собственности одинакими правами съ своими побѣдителями, отчасти даже бо́льшими: ,ибо законъ, понимая всю невыгоду ихъ гражданскаго положенія, ограждалъ ихъ съ особеннымъ тщаніемъ и давалъ имъ покровителей и заступниковъ въ лицѣ судей-графовъ (comites) ихъ же вѣрованія и выбранныхъ изъ ихъ среды. Разумѣется, ничто ихъ не обезпечивало во время смутъ народныхъ, но гдѣ же можно было найти такое обезпеченіе въ средніе вѣка? Разумѣется, они страдали иногда отъ противозаконныхъ насилій, которыхъ властители Аравійскіе не всегда могли или хотѣли наказывать, чтобы не раздражать своихъ единовѣрцевъ и могучихъ вассаловъ; но эти исключенія были рѣдки. Безпристрастно сравнивая положеніе христіанъ подъ рукою Омміядовъ, но за то свободныхъ отъ гнета феодальнаго, и отъ законнаго и беззаконнаго разбоя, который составлялъ общественную жизнь въ большей части Европы, нельзя не сказать, что ихъ состояніе въ вещественномъ отношеніи было счастливѣе, чѣмъ состояніе ихъ братіи въ такъ называемыхъ христіанскихъ державахъ, за исключеніемъ аристократической или феодальной дружины.

. . . . . .

Стоитъ только вспомнить о правахъ баронскихъ (извѣстныхъ подъ именемъ *droits du seigneur* — господскія права), чтобы въ этомъ убѣдиться.

Богатство, процвѣтаніе торговли и разнообразные успѣхи общественные были естественнымъ послѣдствіемъ такого нравственнаго правительственнаго правила и въ тоже время яснымъ доказательствомъ правомѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ, въ то время совершенно чуждой большей части За-

Digitized by Google

падшаго міра. Понятно, что въ подданныхъ мало было стремленія къ освобожденію, тамъ, гдѣ въ повелителяхъ такъ мало было склонности къ угнетенію. Христіанскія державы и ихъ грубое устройство не находили союзниковъ въ Гото-романскомъ населеніи областей, покоренныхъ Аравитянами. За всѣмъ тѣмъ, въ душѣ человѣка есть чувство законной гордости, не терпящей ига иноземнаго, а еще болѣе власти, основанной на иномъ религіозномъ убѣжденіи; ибо въ такомъ случаѣ самый корень власти утвержденъ въ почвѣ, отвергамой внутреннимъ духомъ человѣка, и она при всей правомѣрности своихъ формъ имѣетъ только характеръ вещественной силы. Большинство, наслаждающееся вещественными выгодами, оставалось равнодушнымъ къ этимъ высшимъ побужденіямъ; но люди лучшіе, движимые благородствомъ души, и безпокойные, движимые жаждою къ первенству и къ возможности стать въ ряды высшаго сословія, готовы были къ союзу съ независимыми христіанскими князьями и къ переходу въ ихъ области. Это стремленіе должно было усиливаться со дня на день; ибо чѣмъ болѣе крѣпчалъ міръ христіанскій, быстро возраставшій съ восшествія Карловинговъ, тѣмъ болѣе росло гордое сознаніе своихъ силъ въ душѣ рабствующихъ Готовъ, и чѣмъ тяжелѣе становилась внѣшняя борьба Ислама съ міромъ Романо-германскимъ, тѣмъ строже становился онъ съ подданными, въ которыхъ онъ имѣлъ право предполагать тайныхъ враговъ.

На Сѣверѣ Испаніи образовались два центра сопротивленія Магоммеданамъ. Они часто дробились, подраздѣлялись и сливались другъ съ другомъ; но они рознились своимъ историческимъ началомъ и своимъ внутреннимъ духомъ. Одинъ на Западѣ Пиренеевъ былъ чисто-туземный *). Превосходно защищенный дикою и гористою мѣстностью, онъ служилъ убѣжищемъ мужественнѣйшимъ Готамъ съ самаго начала завоеванія. Другой, на Востокѣ тѣхъ же горъ, болѣе доступный нападеніямъ враговъ, хотя и весьма удобный къ защитѣ, былъ, нѣсколько времени почти весь въ рукахъ Мавровъ и основанъ

*) Королевство Астурійское. *Изд.*

Digitized by Google

не силою туземцевъ, но Франкскими дружинами при великомъ возстановителѣ западной имперіи, въ которомъ выразилась (какъ по необходимости она и должна была найти себѣ выраженіе) превосходная энергія Германской стихіи надъ стихіями смѣшанными и не имѣвшими еще опредѣленной жизни. Карлъ положилъ начало могучимъ христіанскимъ графствамъ на Югѣ отъ Пиренеевъ и на прибрежьи Средиземнаго моря, и эти графства долго еще были въ полной зависимости отъ его преемниковъ, не разъ спасавшихъ ихъ своимъ мечомъ и въ тоже время наказывавшихъ ихъ попытки къ отдѣльной самостоятельности. Конечно въ дальнѣйшей исторіи Испаніи и въ окончательной борьбѣ съ Маврами первое мѣсто принадлежитъ центру туземному; но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что его слабое младенчество было не разъ спасаемо болѣе могучимъ центромъ восточнымъ, опиравшемся на Франкскую державу и отвлекавшемъ силы Аравитянъ отъ дружнаго удара на Астурію и Леонъ. Различіе внутреннее состояло въ томъ, что Астурія и Леонъ не имѣли вовсе или только въ незначительной степени феодальный характеръ (котораго безъ сомнѣнія они не могли избѣгнуть впослѣдствіи, но который никогда въ нихъ не получилъ значительнаго развитія). Центръ восточный съ самаго начала получилъ если не полный характеръ феодализма, который только еще начиналъ возникать при Карлѣ и его ближайшихъ преемникахъ, то по крайней мѣрѣ его сильные и скоро развившіеся зародыши. Дружина высшая была пришлая, хотя разумѣется значительно пополняема стихіею туземною и долго сохраняла печать своего происхожденія. Сверхъ того, графы Барцелонскіе и короли Арагонскіе *), имѣя значительныя владѣнія на Сѣверѣ отъ Пиренеевъ и по берегамъ Лангедока и Прованса и находясь въ ленной зависимости то отъ короля Французскаго, то отъ сильныхъ феодальныхъ владѣтелей южной Франціи, а иногда даже и отъ имперіи Германской, принимали свои обычаи и по-

*) Въ 1076 году значительная часть Наварры присоединена была къ Арагоніи. *Изд.*

Digitized by Google

нятія изъ области Франко-германской и безпрестанно приглашали къ себѣ на службу иноземцевъ-союзниковъ или своихъ загорныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ, аристократическая дружина имѣла всегда значеніе силы нѣсколько чуждой самой землѣ; между тѣмъ король, хотя по крови членъ той же дружины, вполнѣ признаваемъ былъ сыномъ Испанской земли, и отъ того происходило въ Каталоніи то странное явленіе, что самъ государь не пользовался нѣкоторыми привиллегіями своихъ подданныхъ, напр., платилъ въ городахъ пошлины, отъ которыхъ было избавлено дворянство, и что съ другой стороны въ Аррагонѣ народъ имѣлъ представителей и судей, которыхъ санъ былъ выше всѣхъ аристократическихъ сановниковъ и которымъ, въ иныхъ случаяхъ, подсуденъ былъ самъ король (напр. въ спорахъ съ дворянствомъ), хотя они не принадлежали по крови къ высшей аристократіи. Эти учрежденія исчезли со временемъ, но онѣ ясно показываютъ различіе между полу-Франкскою областью и чисто-Испанскою, гдѣ всякій житель считался дворяниномъ.

Вообще значеніе короля въ Каталоніи и особенно Аррагонѣ было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ Кастиліи. Алонзо IV отвѣчалъ женѣ своей Кастильянкѣ, которая ему совѣтовала наказать непокорныхъ подданныхъ: «королева, нашъ народъ свободенъ и не привыченъ къ Кастильскому самодержавію». Конечно Кастилія не во всемъ сходствовала съ Астуріями; но начала были тѣже, и отношенія власти къ народу и сословій между собою были гораздо менѣе сложны, чѣмъ въ восточныхъ королевствахъ. Это самое и помогло болѣе сосредоточенной силѣ Кастиліи занять высшее мѣсто въ Испанской исторіи и по преимуществу въ изгнаніи властительныхъ Мавровъ.

Несмотря на различіе стихій первоначальныхъ, всѣ народы западной Европы представляютъ замѣчательное сходство въ своемъ развитіи. Причина этаго сходства уже объяснена въ очеркѣ Англо-саксонской эпохи. Она заключалась въ превосходствѣ умственномъ и вещественномъ собственно Германо-

Digitized by Google

романскаго центра, которое увлекало слабѣйшихъ къ невольному подражанію; но съ другой стороны разница основныхъ стихій имѣла сильное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ народовъ и опредѣляла характеръ ихъ исторической дѣятельности. Такъ напр. выступая изъ предѣловъ Астуріи и Леона, западный центръ новой Испаніи получалъ характеръ отчасти феодальный, чуждый его колыбели и тѣмъ болѣе подчинялся ему, чѣмъ сильнѣе разрастался объемомъ и силою; дальнѣйшія же судьбы Испаніи были снова во многомъ обусловлены прежнею Готскою эпохою.

Тоже самое было и въ Англіи.

Трудно было предвидѣть мрачную и свирѣпо-католическую Испанію въ то время, когда, не смотря на безпрерывную и упрямую борьбу съ Маврами за-Пиринейскіе христіане всегда готовы были вступить съ ними въ общеніе и союзы не политическіе только, но душевные, когда умирающіе цари поручали своихъ дѣтей дружбѣ Сарациновъ или принимали подъ свою опеку дѣтей властителей Маврскихъ, когда владыки Леона или Аррагона звали Мавровъ на помощь другъ противъ друга или принимали участіе во внутреннихъ распряхъ магометанскаго міра почти не изъ выгодъ, а изъ дружбы и сердечной привязанности, когда Мавры были вассалами христіанъ а христіане вассалами Мавровъ, когда наконецъ лучшій и самый народный герой исторіи и поэзіи народной, гроза магометанъ, слава христіанской Испаніи, которой предѣлы онъ распространилъ побѣднымъ мечомъ, Донъ Родриго Виварскій самъ искалъ убѣжища и дружбы у иновѣрныхъ враговъ и съ ними вмѣстѣ ратовалъ противъ единовѣрцевъ. Но заглохнувшіе зародыши должны были со временемъ снова ожить и получить полное развитіе. Въ ту эпоху трудно было обозначить или распознать границы между областью христіанскою и магометанскою; но онѣ не могли сростись и сжиться вмѣстѣ; онѣ не могли разрѣшить свою распрю, какъ древнія религіи кушитскія или мѣшанной системы, въ безцвѣтномъ и

Digitized by Google

безхарактернымъ синкретизмѣ. Обѣ были слишкомъ опредѣленны и слишкомъ многотребовательны для такого примиренія. Не смотря на дружбу и взаимное движеніе своихъ историческихъ представителей, онѣ должны были биться и бились на смерть. Исламъ долженъ былъ погибнуть въ Испаніи вслѣдствіе своей внутренней слабости и удаленія отъ своей восточной родины, изъ которой только и могъ бы онъ получить приливъ новыхъ силъ всегда готовый и близкій его противникамъ. Не безславна была борьба для Ислама. Безпристрастная исторія безспорно признаетъ въ его послѣдователяхъ высшія доблести и болѣе человѣческія начала чѣмъ во врагахъ, которымъ опредѣлена была окончательная побѣда, и никогда человѣкъ не вспомнитъ равнодушно о милостивыхъ правителяхъ Гранады и Андалузіи, о поэтическихъ строителяхъ Альгамбры и о просвѣтителяхъ западной Европы.

Геніальной Гербертъ (Сильвестръ) былъ отчасти имъ обязанъ превосходствомъ своимъ надъ современниками.

Кастиліи было предназначено первенство въ исторіи Испаніи. Это первенство было слѣдствіемъ большей цѣльности ея внутренняго состава. Вольнолюбивый Аррагонъ и торговая Каталонія, основанныя на началахъ отчасти иноземныхъ (особенно въ отношеніи къ первенствующему сословію) получили болѣе искусственное построеніе и бо́льшую юридическую опредѣленность въ государственныхъ положеніяхъ, но за то имѣли гораздо менѣе въ себѣ того жизненнаго духа, которымъ сильны народы.

Примѣръ Англіи, повидимому противорѣчащій этому общему закону, объясняется тѣмъ, что духовная жизнь народа была уже сильно развита прежде иноплеменнаго наплыва.

Отъ того-то вся поэзія, всѣ явленія мысли и чувства, принадлежащія собственно Испанскому характеру, возникли на почвѣ Кастильской, свидѣтельствуя о высшемъ настроеніи и меньшей условности того быта, который далъ имъ начало. Что́

Digitized by Google

бы ни значила Испанія для міра, значеніе свое получила она отъ центра западнаго, а не восточнаго, котораго вліяніе сравнительно ничтожно.

Готская или Римско-готская стихія, втиснутая Маврами въ горныя тѣснины Астуріи и Леона, выступила снова изъ нихъ окрѣпнувшая и освѣженная благородною борьбою, ничѣмъ не искаженная и достойная свободы. Едва начали ослабѣвать ея побѣдители, мало-по-малу подрываемые внутренними смутами и ослабляемые развратомъ роскоши (хотя должно признаться, что художественный духъ Аравитянъ сильнѣе противостоялъ ея гибельному вліянію, чѣмъ грубая организація большей части другихъ народовъ), потомки побѣжденныхъ Готовъ спустились съ горныхъ хребтовъ на завоеваніе утраченнаго отечества. Часто побѣждаемые численнымъ превосходствомъ непріятеля, отгоняемые назадъ къ горнымъ своимъ твердынямъ, которыя не всегда спасали ихъ отъ пораженій, не разъ доведенные до края гибели великими полководцами Маврскими (каковъ былъ напр. Альманзоръ), они снова начинали упорную борьбу и, желѣзнымъ терпѣніемъ утомляя своихъ противниковъ, подвигались все далѣе на Югъ. Они вели войну наступательную; Мавры оборонялись. Они чувствовали за собою все болѣе и болѣе усиливающійся міръ христіанскій; Мавры принадлежали къ міру, уже кончившему свое быстрое развитіе и клонящемуся мало-по-малу къ упадку; они каждый шагъ впередъ считали дорогимъ пріобрѣтеніемъ и укрѣпляли его за собою на вѣкъ. Мавры не дорожили скудною землею, которую отбивали иногда у своихъ противниковъ и смотрѣли на нее не какъ на осѣдлость, но какъ на пограничный военный постъ, только и нужный для защиты другихъ, лучшихъ областей; наконецъ, они въ областяхъ, подчиненныхъ непріятелю, часто находили помощниковъ въ своихъ порабощенныхъ братіяхъ; Мавры у нихъ находили только непримиримыхъ враговъ. Всѣ выгоды, кромѣ многочисленности, были на ихъ сторонѣ, а многочисленность не рѣшаетъ никогда горной войны, которой успѣхъ не можетъ зависѣть отъ одного счастливаго

Digitized by Google

удара; безпрестанный же приливъ союзниковъ, или изъ-за Пиринеевъ или изъ областей еще непокорныхъ, Маврамъ мало-по-малу уравнивалъ даже числительную силу противниковъ. Магометане лишились многихъ областей своихъ въ сѣверной Испаніи, и на Востокѣ Аррагоніи, спасенный успѣхами Астурійскаго центра, а на Западѣ Португалія, созданная его примѣромъ, составили вмѣстѣ съ Кастиліею цѣлую цѣпь христіанскихъ владѣній, которая должна была со временемъ сдавить пришлую Азіатскую стихію. Этотъ неизбѣжный успѣхъ былъ отстроченъ на нѣсколько вѣковъ безпрерывными раздорами самихъ христіанъ.

Общинное устройство не существовало уже при Готахъ, ибо его главныя постановленія были отмѣнены въ скоромъ времени послѣ ихъ вступленія въ Испанію; понятіе объ отечествѣ имъ было также весьма мало извѣстно. Военачальникъ—король, дружина—высшія сословія, кое-какія городовыя учрежденія, остатокъ Римскаго времени, и все—подъ опекою жрецовъ—духовенства, сильнаго властію правительственною, огромнымъ богатствомъ и правомъ на военачальство, и составившаго родъ теократической республики, въ которой, какъ уже сказано, Римскія государственныя понятія совершенно подавили древнее понятіе о всемірной церкви. Такова была Испанія до Мавровъ. Такова была она и впослѣдствіи, ибо она сохранялась неизмѣнною въ западномъ центрѣ своемъ; перемѣна была только въ томъ, что видимая сила духовенства упала на время передъ преобладаніемъ требованій военныхъ, и никогда уже, даже въ послѣдствіи, не получала той независимости отъ остальнаго христіанскаго міра, которая была ею присвоена въ Готскую эпоху. Удаленіе въ горныя области, бѣдность и необходимость поголовнаго ополченія изгладили такое различіе сословій. Весь непокоренный Сѣверъ получилъ значеніе народа дворянскаго, котораго члены были равны между собою; но завоевательное движеніе на Югъ снова измѣнило эти отношенія и дало начало новой феодальности, которой учрежденія и сочлененія были уже бо-

Digitized by Google

лѣе или менѣе невольнымъ подражаніемъ современнымъ учрежденіямъ другихъ Романо-германскихъ областей, особенно же Франціи.

Такое невольное подражаніе замѣтно даже у самыхъ Мавровъ, особенно у пограничныхъ, которые въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ очевидно принимали многія начала совершенно Европейскія.

Но расширеніе области независимой было еще болѣе освобожденіемъ, чѣмъ завоеваніемъ. Туземцы, покоряясь своимъ освободителямъ и вступая съ ними въ отношенія вассальства, сохраняли память о кровномъ единствѣ, а освобождающая дружина, осѣдая и укрѣпляясь въ своихъ феодальныхъ замкахъ, чувствовала себя только высшимъ сословіемъ въ народѣ единокровномъ и единовѣрномъ. Какая-то патріархальная феодальность безъ презрѣнія и угнетенія съ одной стороны, безъ вражды и злобы съ другой: таково было новое построеніе Испаніи. Къ общимъ феодальнымъ учрежденіямъ примѣшивались въ значительной степени нѣчто похожее на аллодіальность, или на Русскія помѣстныя положенія; ибо большая часть ново-пріобрѣтаемыхъ областей поступала въ полное распоряженіе королей, и они, дробя ихъ, предавали по волѣ на временное, пожизненное, или наслѣдственное пользованіе своимъ сподвижникамъ. Такова была причина почти самодержавной королевской власти въ Кастильскомъ королевствѣ, ибо въ Аррагонѣ она была ограничена закономъ *), по которому государственныя помѣстья могли быть переданы только высшимъ дружинникамъ (ноблесъ Рикосъ Гомбресъ). Очевидно Испанія должна была быть свободною отъ тѣхъ безнравственныхъ и отвратительныхъ явленій, которыми начало завоеванія наполнило всю западную Европу, и отличаться передъ нею бо́льшимъ благородствомъ народнаго характера. Такъ и было.

*) Изданнымъ въ 1265 году на сеймѣ въ Эксеѣ. Этотъ законъ подтвердилъ только то, что существовало и прежде какъ обычай. *Изд.*

Digitized by Google

Таже самая причина устраняла и возможность революцій, хотя нисколько не полагала препонъ смутамъ и междоусобіямъ.

Тѣже причины дали возможность языку народному получить быстрое развитіе и обогатили его превосходными произведеніями поэзіи, которыхъ не имѣли менѣе цѣльные Аррагонъ и Каталонія. Вообще восточный центръ съ его искусственнымъ государственнымъ строеніемъ, съ дѣловымъ и торговымъ развитіемъ его жизни, представляетъ характеръ совершенно отличный отъ того восторженнаго настроенія Кастиліи, которое ей дало и первенство между новыми королевствами, и возможность съ особеннымъ успѣхомъ бороться противъ Мавровъ.

Невозможно не замѣтить сильнаго вліянія Арабовъ на возставшихъ христіанъ и участія ея въ облагороженіи мыслей и нравовъ племени Гото-романскаго; но это вліяніе многими историками цѣнится слишкомъ высоко, между тѣмъ какъ они оставляютъ безъ вниманія нравственное дѣйствіе Франкскихъ областей на общественное построеніе Кастиліи.

Съ другой стороны постоянная борьба, напрягая силы духовныя и вещественныя Кастиліи, ожесточала ея нравы и полагала начало той свирѣпости и кровожадности, которыя пятнятъ Испанію до нашего времени; впрочемъ это нравственное зло было гораздо менѣе явно въ первыя столѣтія, когда благородная кротость Омміадовъ умягчала обычаи магометанъ и самую войну, чѣмъ въ послѣдствіи, когда стихія Африканская усилилась въ южной Испаніи и принесла съ собою жестокость и дикость, всегда отличавшія Африканскія племена.

Городовое устройство въ Аррагонѣ и Каталоніи получило развитіе богатое и самостоятельное, уравновѣшивая силу феодальности и представляя въ себѣ стихію туземную, между тѣмъ какъ высшее сословіе было составлено по большей части изъ наплыва иноземнаго. Самое начало власти королевской

Digitized by Google

связано было, какъ уже сказано, тѣснѣе съ сословіями низшими чѣмъ съ феодальною аристократіею и слѣдовательно эта власть должна была покровительствовать тѣмъ стихіямъ, на которыхъ была основана. Вольности городовъ были въ позднѣйшее время торжественно утверждены закономъ; за ними признано было право составлять между собою союзы для огражденія себя отъ несправедливыхъ притязаній власти верховной или силы феодальной; но нѣтъ сомнѣнія, что законъ этотъ не вносилъ новыхъ правъ, а только утвердилъ или опредѣлилъ право обычное. Правда, что то же самое право было признано и за высшимъ дворянствомъ, но какъ право городовое оно составляло отличительную черту Аррагона, между тѣмъ какъ союзы феодальныхъ дружинниковъ были не рѣдкостью во всемъ Западѣ.

Довольно замѣчательно, что право конфедерацій было допущено закономъ только въ двухъ странахъ, раздѣленныхъ всѣмъ пространствомъ Европы, въ Аррагонѣ *) и Польшѣ. Точно также нельзя не замѣтить, что названіе втораго дворянскаго чина, стоявшаго далеко ниже перваго, инфанционовъ, которое не можетъ удовлетворительно объяснить современная критика, находитъ, кажется, довольно легкое объясненіе въ названіи дѣтей боярскихъ и отроковъ, общемъ всему Славянскому Сѣверу. Оно совершенно соотвѣтствуетъ слову инфанцонъ и обозначаетъ едва ли не тотъ же чинъ въ дворянской дружинѣ.

Кастилія не представляла ничего подобнаго этому устроенію восточно-Испанской области. Вообще въ ней организація массъ или сословій не имѣла ничего опредѣленнаго. Общины, какъ уже сказано, уже не существовали въ Готскую эпоху; идея государства была слаба и не имѣла никакого вліянія на жизнь народную; связь людей между собою была основана единственно на общности вѣры и крови. Изъ горъ Астурій и Леона выступила дружина Готовъ-христіанъ, чтобы сокру-

*) Оно было облечено въ форму закона Альфонсомъ III въ 1287 году. *Изд.*

Digitized by Google

шитъ владычество магометанъ-Мавровъ, и этотъ характеръ чисто-дружинный остался за Кастильскимъ королевствомъ навсегда. Но такъ какъ сама дружина была не сплавомъ случайнымъ, а вооруженнымъ проявленіемъ племеннаго и религіознаго единства, самая дружинность Кастильская сохранила навсегда печать гордой исключительности и религіозной поэзіи. Лица покорялись общему устройству дружиннаго государства, но покорялись не вслѣдствіе организма, въ которомъ они были, такъ сказать, прирожденными членами, а по свободной личной волѣ. Потому и не было связи между ними, а каждое лицо, въ какомъ бы чинѣ оно ни находилось по временной случайности, считало себя въ прямой связи съ главою дружины—королемъ. Эта личная независимость возвышала все ихъ нравственное существо, придавая имъ блестящее мужество, непоколебимую твердость и какую-то поэтическую восторженность; но таже самая независимость устраняла возможность строгой государственности и истинно-человѣческой общительности. Свободная воля дѣлала гидальго членомъ Кастильскаго общества; свободная воля могла его вывести изъ общества, не дѣлая его преступникомъ и не лишая правъ на возвратъ. Это понятіе ясно высказывается въ правѣ *денатурализаціи*, которое было признано безспорнымъ до весьма позднаго времени и которое представляетъ черту, свойственную одной Испаніи; этому соотвѣтствуетъ и почтеніе къ ремеслу разбойниковъ. Постоянная борьба, возвышая въ Кастильцѣ крѣпость духа, въ тоже время склоняла его къ звѣрской жестокости, которая позднѣе была причиною страшныхъ бѣдствій во многихъ областяхъ западной Европы и облила потоками крови новый свѣтъ, открытый высокимъ вдохновеніемъ безсмертнаго Генуезца, а личная и безсвязная свобода развивала хвастливую гордость, которая придала благородному характеру Кастильца смѣшныя черты капитана Матамороса. Вѣчная война съ Маврами была войною не народовъ только, но и религій: Испанецъ привыкъ себя считать оруженосцемъ Христіанства и всю жизнь свою браннымъ подвигомъ за Бога. Когда пали Мавры, когда военное дѣло было совершено, под-

Digitized by Google

вить борьбы перенесъ онъ на уничтоженіе невѣрія въ нѣдрахъ самого Христіанства и возобновилъ, но съ большею еще жестокостью, инквизиціонное направленіе Готскаго законодательства, а завоевательное стремленіе многихъ вѣковъ облекъ въ образъ безоружной и въ тоже время завоевательной дружины—Іезуитовъ, которыхъ не могла создать никакая другая земля кромѣ Испаніи. Такова причина, почему церковное государство папскаго міра нашло въ ней свою сильнѣйшую и неизмѣннѣйшую опору. Король былъ начальникомъ дворянской дружины, высшимъ по званію, равнымъ по происхожденію съ своими ратными товарищами.

Это видно изъ присяжной формы: мы, которые каждый порознь равны тебѣ, а всѣ вмѣстѣ болѣе тебя, и проч.

Казалось бы, что при такомъ понятіи значеніе короля должно стоять на довольно низкой степени; но на дѣлѣ оно было весьма высоко, и это противорѣчіе объясняется взглядомъ коренного Испанца на себя и на всю свою общественную жизнь. Были писатели, которые видѣли въ глубокомъ почтеніи Кастильцевъ къ королямъ какой-то отзвукъ Аравійскаго благоговѣнія передъ шейхомъ-патріархомъ племени своего. Здравая критика должна отвергнуть такое объясненіе, не смотря на многіе очевидные слѣды Маврскаго вліянія на настроеніе Испанской мысли. Ему слишкомъ ясно противорѣчатъ всѣ остальныя отношенія общественныя и явная условность королевской власти. Отношенія Кастильца къ королю были основаны на совершенно иномъ началѣ. Весь народъ (и по преимуществу высшее сословіе послѣ расширенія западнаго центра) былъ ополченіемъ Христіанства противъ Ислама; поэтому все построеніе дружины, также и жизнь каждаго дружинника почти во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ, была окружена какою-то религіозною торжественностью. Король, Богомъ возвышенный въ званіе начальника богохранительной дружины, являлся лицомъ освященнымъ особенною благодатью, какіе бы ни были его личные пороки. Это воззрѣніе, болѣе

Digitized by Google

или менѣе сознательное, дало тотъ особенно торжественный и религіозный характеръ королевскому сану, который принадлежитъ всей Испанской исторіи и который выражается во всѣхъ высшихъ произведеніяхъ Испанской поэзіи, особенно въ драмахъ, служа часто основаніемъ завязки, почти непонятной для читателя иноземнаго.

Всякій, кто только изучалъ сколько-нибудь эту богатую и своеобразную словесность, не могъ не быть пораженъ ея особенностями; но критика не вполнѣ, кажется, разгадала ея историческую основу. Черты, безспорно преобладающія въ ней, — это религіозное настроеніе, весьма невысокое, но страстное; торжественность напыщенная, слѣдствіе гордаго понятія о призваніи всего Испанскаго народа; убѣжденіе въ полнотѣ правъ личной свободы, которая въ Лопе-де-Вега и другихъ представляетъ разбой дѣломъ вольнаго мужества; и въ тоже время какое-то фанатическое благоговѣніе передъ словомъ — «король», нисколько не обязующее къ повиновенію. Въ этомъ замѣтна рѣзкая противоположность съ чувствомъ Англо-сакса. Тамъ повиновеніе безусловное королю, во сколько онъ представитель закона, съ полнымъ правомъ на шутку, насмѣшку и личное пренебреженіе. Въ Испаніи полное право на непокорность и обязанность благоговѣнія. Очевидно, для Англо-сакса цѣль общества внутри самаго общества, для Испанца внѣ его. Ее бы можно назвать дружиннымъ служеніемъ Богу; и такова причина, почему король-дружиноначальникъ окруженъ какою-то особенною святостью. Но весь этотъ характеръ принадлежитъ болѣе цѣльной Кастиліи, а не разносоставному и искусственно построенному Аррагону.

Понятіе о народѣ, какъ объ избранной дружинѣ, отстаивающей величіе Бога противъ ложныхъ боговъ, давало каждому члену этого народа несомнѣнную вѣру въ его превосходство надъ другими народами и развивало тѣ зародыши гордости, которые уже лежали въ понятіи о неограниченности личной свободы. Такова главная причина того отталкивающаго высокомѣрія, которое вооружило противъ Испаніи столькихъ и столь ожесточенныхъ враговъ. Ей могли бы простить

Digitized by Google

ей блестящія торжества, ея временное величіе, которое послѣ Карла V поставило ее на первомъ мѣстѣ между всѣми государствами Запада; ей не прощали и не могли простить ея нестерпимой гордости, оскорбительной для всѣмъ людей и для всѣхъ народовъ и, разумѣется, связанной съ чувствомъ явнаго недружелюбія ко всѣмъ.

Эта глубокая ненависть выражается во всѣхъ происшествіяхъ борьбы Англіи и Голландіи съ Испаніею; но болѣе всего въ страшной исторіи Буканировъ. Нѣмецъ, Англичанинъ, Французъ и люди всѣхъ Западно-европейскихъ племенъ сливаются въ одно общество морскихъ грабителей; этому легко найти объясненіе. Они нападаютъ по преимуществу на корабли и владѣнія Испаніи; это опять объясняется легко монополіею золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Но стоитъ только прочесть кровавыя біографіи Монбаровъ, Моргановъ, Лорановъ и другихъ, чтобы почувствовать, какъ пробивается вездѣ, кромѣ алчности къ золоту и безгранично разыгравшейся кровожадности, струя болѣе глубокаго и, можно сказать, болѣе человѣческаго чувства, желаніе унизить гордость Испанца, и не только ограбить и убить «дона», но затоптать въ грязь и его и все его, оскорбительное тщеславіе. Дѣтское чувство имѣетъ въ себѣ много простодушнаго ясновидѣнія. Сколько разъ, читая про Буканировъ, въ своихъ ребяческихъ мечтахъ желалъ я, почти съ надеждою, что желаніе это сбудется, чтобы явились откуда-нибудь неумолимые мстители стереть съ лица земли этихъ отвратительныхъ кровопійцъ, но никогда не пожелалъ я побѣды Испанцамъ! Я былъ какъ будто лично оскорбленъ никогда невиданными донами и ненавидѣлъ ихъ за ихъ напыщенную гордость столько же, сколько за жестокость, въ которой они были достойными учителями самихъ Буканировъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это чувство въ ребенкѣ, принадлежащемъ народу, никогда не приходившему въ столкновеніе съ Испаніею, было невольнымъ отголоскомъ чувства общаго въ XVI вѣкѣ и безсознательно переданнаго его писателями читающему потомству. Комическое лицо Испанскаго капитана-хвастуна было также литературнымъ мщеніемъ за тотъ же на-

Digitized by Google

родный порокъ въ его смѣшной формѣ гордости хвастливой; но, какъ уже прежде сказано, самый затѣйливый умъ не могъ бы выдумать черты, рѣзче выражающей эту хвастливость, чѣмъ народная поэзія въ созданіи своего витязя Бернарда-ди-Карпіо, или лучше сказать въ его мнимой побѣдѣ надъ Роландомъ. Въ этой пошлой выдумкѣ выразилось все завистливое тщеславіе Испанца.

Критика не можетъ сомнѣваться ни въ древности и великомъ значеніи Роланда, олицетворенной дружины первой Франкской эпохи, ни въ томъ, что мнимая побѣда Бернарда есть простой и поздній пришивокъ къ сказанію, можетъ быть и древнему, о какомъ-то народномъ, но весьма не первостатейномъ витязѣ. Тотъ только можетъ этого не видать, кто совершенно лишенъ всякаго художественнаго чувства и не способенъ цѣнить и понимать типы созидаемые народною фантазіею. Испанцы не могли стерпѣть славы Роланда, когда узнали объ ней, и выдумали его встрѣчу съ Бернардомъ, чтобы похвастаться побѣдою. Сама встрѣча носитъ на себѣ печать совершенной случайности, и самыя пѣсни, въ которыхъ она разсказана, не имѣютъ нисколько эпическаго характера. Эта педантская и прозаическая хвастливость народныхъ стихотворцевъ напоминаетъ отчасти то чувство, которымъ созидались въ среднихъ вѣкахъ лица Франковъ, Брутовъ и другихъ, которымъ пропитаны первые Польскіе историки, и котораго не чужды современные намъ Нѣмецкіе ученые съ ихъ историческимъ патріотизмомъ и храбростью заднимъ числомъ.

Не безъ историческихъ послѣдствій былъ этотъ народный порокъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, возбудивъ душевную вражду другихъ народовъ, ожесточенныхъ неразумною и слишкомъ явною гордостью Испаніи, онъ ускорилъ ея паденіе съ той временной высоты, которая была ей дана воинственною энергіею и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Еще сильнѣйшая причина того сравнительнаго ничтожества, въ которое впалъ За-пиренейскій полуостровъ, заключалась въ его духовномъ развитіи. Ни въ одной изъ областей древняго Римскаго міра не преобладалъ въ такой степени ум-

Digitized by Google

ственный характеръ Рима. Италія, какъ уже замѣчено, была менѣе подчинена этому характеру, нѣмъ страны ею завоеванныя; въ ней онъ былъ отчасти подавленъ высшимъ просвѣщеніемъ, занятымъ отъ Эллады; въ земляхъ побѣжденныхъ дикарей онъ выступалъ свободно, ибо составлялъ весь итогъ жалкаго полицейскаго просвѣщенія, принесеннаго Римскими легіонами. Въ Галліи онъ былъ отчасти сглаженъ энергіею дикаго Франкскаго наплыва; въ Британіи ему противодѣйствовала полу-свободная стихія туземная, а потомъ самостоятельность Саксонскаго духа. Въ Испаніи онъ былъ принятъ почти въ полнотѣ своей Вестъ-готами, племенемъ уже полупросвѣщеннымъ прежде своего перехода за Пиренеи, но просвѣщеннымъ Римскою мыслію во время своего скитанія по Италіи и Галліи передъ мстительной грозою восточнаго Славянства. Сравнительная кротость Вестъ-готскихъ нравовъ и легкое сближеніе между побѣдителями и побѣжденными (послѣ уничтоженія Аріанства) дали духовенству такой перевѣсъ, какого-оно не имѣло нигдѣ.

Это быстрое смѣшеніе стихій, туземной и пришлой, дало также возможность ранняго развитія языку и поэзіи народной.

Но перевѣсъ духовенства былъ выраженіемъ перевѣса прежней Римской жизни, особенно въ ея религіозномъ направленіи. Темная, не озаренная ни разумомъ науки, ни разумнымъ пониманіемъ вѣры, она внесла, какъ мы сказали, въ религію идею государственной принудительности въ отношеніи общественномъ (начало инквизиціи) и идею силъ заклинательныхъ и Кушитскаго раздвоенія въ отношеніи къ личному вѣрованію. Почти ни одна свѣтлая и христіанская мысль не проникала въ эту полуязыческую тьму, смѣсь юридическихъ понятій Римскихъ и грубаго суевѣрія. Аравійское понятіе, не смотря на свое просвѣтительное начало, усилило прежде зародившееся зло, прибавивъ къ нему раціоналистическія формы, которыя Исламизмъ получалъ отъ односторонности Аристотелевой школы.

Digitized by Google

Одна только эта школа и была понята Западомъ, также какъ и Аравитянами, вслѣдствіе ея дѣйствительно большей строгости и безцвѣтной разсудочности.

Такимъ образомъ всѣ эти стихіи слились въ одну чисто-заклинательную систему вѣры, принадлежащую къ Иранскому преданію по предмету поклоненія, но въ тоже время вполнѣ принадлежащую древнему Кушитству по духу поклоненія. Таково было Испанское Христіанство. Въ глазахъ народа (и это воззрѣніе было передано всей Западной Европѣ посредствомъ поэтическихъ сказаній и легендъ) Маврскій міръ былъ міромъ черной магіи и губительнаго волшебства. Противъ него стоялъ міръ свѣтлыхъ духовъ и благодѣтельнаго волшебства—молитвы—въ области Гото-романской. Заклинаніе въ разныхъ направленіяхъ составляло весь итогъ вѣрованія Испанскаго.

Прежде Аравійскаго завоеванія разгулявшееся своеволіе всевластнаго духовенства готово было создать церковную республику, совершенно отдѣльную отъ остального христіанскаго міра, рѣшающую безусловно догматическіе вопросы и почти утратившую понятіе о церковномъ единствѣ первыхъ вѣковъ (это выразилось измѣненіемъ символа). Послѣ завоеванія временное ничтожество племени, съ трудомъ отстаивавшаго свои горныя твердыни, постоянною войною и отчасти иноземною помощію, уничтожило эту начинавшую отдѣльность. Испанія вошла въ общій составъ Западнаго Христіанства подъ духовною державою Римскаго престола. Были еще попытки на нѣкоторую самостоятельность, но онѣ должны были исчезнуть безъ слѣда по слабости земли, въ которой являлись и по силѣ логическаго начала Римскаго, уже допущеннаго всѣми. Испанія подчинилась Риму вполнѣ, и идея папства завершила зданіе ея религіи; но идея папства, общая всему Западу, имѣла различный смыслъ въ различныхъ областяхъ его. Для болѣе духовной Германіи, Англіи и можетъ быть для лучшихъ мыслителей Франціи, папство представляло высокую мысль духовнаго единства всего христіанскаго міра; вообще

Digitized by Google

для Франціи оно представляло скудное и сухое понятіе объ административномъ единствѣ въ церкви; для Италіи оно представляло символъ ея собственнаго величія и всемірнаго державства; для Испаніи оно представляло завершеніе всего заклинательнаго міра. Папа былъ, такъ сказать, верховный заклинатель, вѣнчанный борецъ противъ духовъ злобы и невидимой вражды, хранитель всѣхъ таинственныхъ благодѣяній, испрашиваемыхъ для міра черезъ ангеловъ свѣта.

Разумѣется, эти различія никогда и нигдѣ не бывали высказываемы съ тою отчетливою ясностію, которая могла бы удовлетворить требованіямъ критики, понимающей исторію только въ положительныхъ документахъ, годныхъ къ представленію въ присутственныя мѣста; но они понятны для чувства истинно-человѣческаго или художественнаго. Они выражаются не въ отдѣльныхъ чертахъ, а въ общей физіономіи. Вся поэзія Испаніи, во сколько она относится къ міру духовному, выражаетъ ея понятіе; но оно высказывается, можетъ быть, еще яснѣе въ ея живописи и особенно въ тѣхъ великихъ художникахъ, которые отличаются полнѣйшею самобытностью. Монашество Испанское и Шиваитскій Іогизмъ совершенно тождественны, не смотря на разницу въ проявленіяхъ. Они не представляютъ никакого сходства съ отшельничествомъ Востока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ явленій Египетской или Палестинской пустыни, еще отзывающихся особенностями древней жизни этихъ странъ. Даже въ дѣятельной формѣ дружиннаго монашества этотъ Іогизмъ Испанскій сказался словами «sit ut cadaver».

Таковы были духовныя начала, внесенныя Испаніею въ мысленную жизнь Европы. Они принесли гибельные плоды для всего Запада (особенно въ Тридентинскомъ соборѣ); они сгубили самую Испанію и до сихъ поръ уничтожаютъ въ ней возможность дальнѣйшаго развитія и здоровую цѣльность души, отнимая разумность и благородство у вѣры, кротость у силы и внутреннюю связность у общества. Но въ то время, когда еще шла кровавая борьба за независимость и жизнь, когда напряженные силы были направлены къ цѣли внѣшней, внут-

Digitized by Google

ренняя ложь духовнаго начала еще не выражалась вполнѣ и не выказывала своихъ вредныхъ послѣдствій, и темная старость Испаніи оглядывается съ утѣшеніемъ и отчасти справедливою гордостью на ея поэтическое дѣтство.

Сѣверъ Европы.—Швеція. Ея племенныя стихіи и нравы.

На дальнемъ Сѣверѣ, въ дикой Скандинавіи возникало другое царство, которому не предназначено было ни столько славы ни столь великаго вліянія на судьбу другихъ народовъ, но которое въ позднѣйшее время нанесло сильный ударъ Испаніи и ея союзникамъ и рядомъ блестательныхъ побѣдъ въ XVI и XVII столѣтіи стяжало великое имя мужествомъ и искусствомъ воинскимъ. Грозно было для всей Европы младенчество Швеціи, но исторія этого младенчества требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Критика историческая до сихъ поръ не поняла доисторическую эпоху Скандинавіи, разсматривая ее какъ самостоятельное и одностихійное цѣлое и отдѣляя ея изученіе отъ изученія другихъ обширнѣйшихъ странъ, съ которыми она находилась въ неразрывной коренной связи. Сравненіе многочисленныхъ данныхъ и многоразличныхъ источниковъ должно въ наше время разсѣять этотъ мракъ, котораго существованіе происходило отъ незнанія и поддержано было слѣпымъ и систематическимъ самолюбіемъ.

Филологическія изслѣдованія показываютъ, что Иранское населеніе сѣверной и средней Европы состояло изъ трехъ вѣтвей общаго Иранскаго корня, Кельтской, Германской и Славянской, изъ которыхъ первая всѣхъ отдаленнѣе, послѣдняя всѣхъ ближе къ Восточно-иранцамъ, Индусамъ, а вторая представляетъ явное сродство съ средне-Иранцами, Мидо-Персами. Движеніе этихъ трехъ вѣтвей Ирана въ Европу было не одновременно и шло разными путями. Первые начали переселеніе свое Славяне и продолжали выселяться изъ своей Прибактрійской колыбели до IV-го вѣка послѣ Р. Х., когда послѣднія ихъ семьи, Гунны и Сѣверяне, были выдвинуты изъ-за Каспія на-

Digitized by Google

жимомъ Средне-азійскихъ племенъ. За ними двинулись черезъ Кавказъ Кельты, прорываясь сквозь рѣдкія населенія Славянскія Вендовъ и Антовъ, отжимая ихъ на крайнемъ Западѣ къ горамъ и морямъ, захватывая острова въ Атлантическомъ океанѣ, прорываясь за Пиренеи въ область Иберскую и вѣроятно смѣшиваясь съ Иберцами въ предѣлахъ Эрина. Послѣднія и остальныя семьи Кельтскія, Кимвры, долго воинствовавшія съ Вендо-славянами въ степяхъ Придонскихъ и съ Мидо-сарматами въ ущеліяхъ Кавказа, переселились къ своимъ западнымъ братьямъ вѣковъ за шесть до Р. Х., громя все на своемъ пути, оставляя на немъ въ Польшѣ, Чехіи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мелкія поселенія, погибшія во время послѣдовавшихъ переворотовъ, и придавая Кельтскому міру временное напряженіе силъ, которое два раза почти сгубило младенчество Рима и его уже міродержавную юность. Послѣдніе двинулись Германцы, вѣроятно черезъ Малую Азію и Ѳракію, прорывая Славянское племя, отжимая его къ Балтійскому морю и къ Альпамъ, разселяясь между Рейномъ и Эльбою, прорываясь колоніями до Одера и переходя черезъ узкіе проливы Сунда и Категатовъ въ Скандинавскій полуостровъ, гдѣ они вытѣснили къ Сѣверу Финновъ и Лапповъ, ихъ братію, старожиловъ Европейскаго Сѣвера. Тамъ получили они твердую привольную осѣдлость подъ именемъ Готовъ, составлявшихъ повидимому восточную половину Германскаго племени и бросившихъ много мелкихъ поселеній на южномъ берегу Балтики между сплошнаго поселенія Славянъ и сопутствовавшихъ Славянамъ Литовцевъ. Страны на Сѣверъ отъ Кавказа, опустѣлыя послѣ удаленія Кельто-кимвровъ, были скоро заняты не мирными Славянами, но воинственнымъ племенемъ сѣверныхъ Мидійцевъ, Азо-сарматовъ (родоначальниковъ Язовъ, теперешнихъ Осетовъ). Долго сражавшись съ Кимрами въ ущеліяхъ Кавказа, раздѣлявшаго враговъ своимъ снѣговымъ хребтомъ, долинами, перехваченными стѣною, которой память и нѣкоторые слѣды существуютъ и донынѣ, Сарматы радостно вырвались на просторъ При-волжскихъ и При-донскихъ степей, вступая съ старожилами-Славянами въ безперерывныя сноше-

Digitized by Google

нія, то враждебныя, то дружелюбныя и родственныя. Такъ племя среднихъ Иранцевъ, Азовъ или Арійцевъ въ южной Россіи снова сблизилось съ своими восточными братьями, Вендами или Ванами, съ которыми оно издревле уже или боролось или дружилось на Востокѣ, гдѣ общее ихъ поселеніе Аза-Вана занимало роскошныя долины и предгорья Гималаи, и гдѣ восточно-иранская семья Саковъ (или Даковъ), Гетовъ и Ванадовъ (или Вендовъ) съ ихъ подраздѣленіями, Антами (Андгра) Казарами (Казасъ), Древичами (Дербицесъ), Сѣверянами и Гуннами (*Уна-о* Китайцевъ) вела противъ средне-Иранцевъ (Мида-персовъ, Китайскихъ *Аланъ-ми*) ту вѣковую войну, которая составляетъ поэтическій циклъ ново-Фарсійской поэзіи (извѣстный Европейской учености, но не понятый ею) подъ именемъ войны Ирана и Турана. Энергія сравнительно малочисленныхъ Сарматовъ увлекла вѣроятно съ собою нѣкоторыя Кавказскія (Иберскія) семьи, напр. Зиговъ и часть Славянъ и произвела мѣшанные народы (Язъ-зиговъ, Россъ-алановъ, отъ имени Антской семьи Росъ, и другихъ). Она долго уравнивала борьбу съ многочисленными Вендо-славянами; она подвигала державу Аланъ-азовъ все далѣе и далѣе на Сѣверъ, къ самымъ берегамъ Балтики, получившей отъ нихъ временное имя моря Сарматскаго; она кидала ихъ воинственныя колоніи далѣе на Западъ къ Дунаю и Чехіи; но она не могла въ продолженіе вѣковъ, при условіяхъ жизни кочевой въ степяхъ, выдержать напора стихіи Славянской. Время покоя, славы и сильнѣйшаго развитія Сарматскаго племени соотвѣтствуетъ двумъ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Х. и первому послѣ Р. Х. Движеніе ихъ на Сѣверъ сближало ихъ все болѣе и болѣе съ Славянами, примыкавшими къ ихъ завоевательной дружинѣ; оно не остановилось на берегахъ Балтики, оно перенесло ихъ вмѣстѣ съ ихъ союзниками Вендами на корабляхъ этихъ исконныхъ мореходцевъ въ слабо населенную середину Скандинавскаго полуострова, гдѣ они стали твердою ногою, положили начало новой жизни и внесли новую стихію въ исторію Сѣвера.

Digitized by Google

Этотъ взглядъ на движеніе восточныхъ народовъ до далекаго Сѣвера не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію человѣкомъ безпристрастно слѣдящимъ за всѣми его памятниками отъ Кашмира до Готландіи. Непрерывный рядъ Аза-ванскихъ населеній, имя Аланъ, данное Китайцами жителямъ Мидо-персидской области также, какъ и Сарматамъ, множество *Асгардовъ* (Асагарта), *Аспургій*, *Альфъ-Ванова*, множество поэтическихъ разсказовъ про борьбу ихъ съ болѣе просвѣщенными Мидо-персами и, наконецъ, вся миѳологія, всѣ преданія Сѣвера приводятъ къ одному и тому же выводу. Слѣпота Германской критики почти добровольна; она зависитъ отъ неразумнаго желанія объяснить явленіями жизни Скандинавской всѣ сказанія древнѣйшей поэзіи, перенесенной въ Скандинавію изъ области другой и далекой, не смотря на всѣ явныя противорѣчія между объясненіемъ и фактомъ; она зависитъ вообще отъ безсмысленной системы искать вездѣ развитія аборигеновъ, какъ ни были бы ясны слѣды колонизаціи. Въ наше время эта система уже лишается большей части своихъ приверженцевъ; но наука еще не можетъ освободиться отъ лжи, получившей какое-то право гражданства въ силу книжнаго преданія. Очевидно было даже для писателей, еще принадлежащихъ къ школѣ поклонниковъ аборигенства, что нѣкоторая часть миѳовъ и миѳическихъ сказаній древней Скандинавіи принесены въ нее изъ другихъ областей дальнаго Юго-востока; но они старались сколько возможно ограничить число этихъ пришлыхъ миѳовъ, на зло здравой критикѣ, и новые писатели не смѣютъ расширить кругъ, очерченный ихъ предшественниками. Такъ, напр., имя Йоттовъ, грозныхъ великановъ, враговъ Азскаго олимпа, должно и до сихъ поръ считаться именемъ слабыхъ и вообще невоинственныхъ Финновъ; а стѣна, раздѣлявшая Азовъ и Йоттовъ, должна обратиться или въ туманы, или въ море, или въ низкій хребетъ Финскихъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Йоттовъ могло быть и было иногда приписываемо Квенамъ (?) и Финнамъ, недружелюбнымъ сосѣдямъ Скандинавскихъ Азовъ, въ такое время, когда смыслъ прежнихъ сказаній былъ уже забытъ; но слѣпа бы была критика, принимающая позднѣйшую ошибку за указаніе на первоначальный смыслъ миѳическаго имени. Названіе Ютландіи, однозначущее съ названіемъ Кимврскаго полуострова, объясняетъ

Digitized by Google

очень просто всю загадку. Дикій и воинственный нравъ Кимвровъ, ихъ обитель на Сѣверѣ, ихъ постоянная вражда и многовѣковая борьба съ Сѣверо-мидійскимъ племенемъ, снѣговый хребетъ Кавказа и стѣна, перехватывающая его ущелія, все указываетъ съ совершенною ясностью на колыбель сказанія. Йотты и Кимвры — одно и тоже. Принятіе нѣкоторыхъ Йотуновъ, Кимврскихъ боговъ, въ Скандинавскую миѳологію не имѣетъ ничего противнаго вѣроятности, между тѣмъ какъ знакомство наше съ миѳологіею Финскою и самыя отношенія племенъ другъ къ другу не позволяютъ даже и предполагать Финскаго божества въ Тирѣ и другихъ Йотунахъ Эдды. Финскіе оттолоски слышны, кажется, въ нѣкоторыхъ темныхъ разсказахъ о странствованіяхъ боговъ и о Форніоттеровомъ потомствѣ; но всѣ эти эпизодическіе разсказы не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ Йоттунгеймомъ. Борьба на Кавказскомъ хребтѣ осталась незабвенною для Аза-сармата, и безоглядочное мужество Тира указываетъ въ немъ божество тѣхъ Галловъ и Кимвровъ, которыхъ слава и гордость состояли въ томъ, чтобы бросаться безъ оборонительнаго оружія на стальную щетину Римскихъ легіоновъ. Синкретизмъ Эдды бросается въ глаза еще ярче, чѣмъ синкретизмъ Греческой миѳологіи. Всеобщій отецъ Одинъ (дѣйствительно нисколько не отецъ большей части боговъ) не былъ первенствующимъ божествомъ въ системѣ Азовъ-пришельцевъ. Въ центрѣ ихъ поселенія, Упсалѣ, *Торъ*, Азъ по преимуществу, занималъ первое мѣсто, имѣя по сторонамъ боговъ племенъ союзныхъ и отчасти подручныхъ, Ванскаго *Прія* (Фрея) и Готскаго Одина (Водена). *) Числительное превосходство поклонниковъ Одина дало ему наконецъ высшее мѣсто въ народномъ олимпѣ. Въ общемъ движеніи Азовъ и Вановъ первенство принадлежало воинственной стихіи Сарматской, и ее выражала непобѣдимая сила Тора. Вѣчный странствователь и врагъ Йоттовъ, съ своимъ молотомъ-молніею (*міольнеръ*), съ поясомъ силы обходитъ онъ, одичавшій Митра, весь міръ земной и небесный, спасая его отъ мрачныхъ духовъ злобы. Такъ, а не ина-

*) In hoc templo (въ Упсалѣ) statuas trium deorum veneratur populus, ita ut Thor potentissimus eorum in medio solum habeat triclinium. Hinc et inde locum possident Wodan et Fricco. Ad Brem. de situ Dan. c. 233. *Изд.*

Digitized by Google

же, долженъ былъ измѣниться на Сѣверѣ свѣтлый образъ, созданный фантазіею Иранскою подъ яснымъ небомъ кореннаго Ирана. Сила благодушная, воинственность безъ жестокости, Торъ, нѣкогда творецъ (какъ видно изъ настоящей этимологіи его имени *Thun* — творить, какъ *Thür* — дверь и др.), потомъ хранитель міра высказываетъ свое Закавказское происхожденіе своими аттрибутами (козломъ — эмблемой молніи въ Грузіи, и оружіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ оружію Митры), а еще болѣе своею враждою противъ змѣи Мидгардской, символа Аримана. Эти два лица, противопоставленныя другъ другу самымъ раннимъ дѣтствомъ человѣчества, Ираномъ и Кушемъ, остаются безсознательными врагами и въ безобразіи Скандинавскаго синкретизма и продолжаютъ свое искони единоборство, предоставляя Одину и волку-Фенриру, Фрею и Бэлію, а потомъ Суртуру раздѣлываться какъ имъ угодно. Второе только мѣсто занимала во время переселенія стихія Славянская. Ее выражаютъ непорочный Ніордръ Новогородскій (*us Neotun*), богъ мореплаванія, и Прій съ Пріею, боги быта домашняго, и весь свѣтлый міръ мудрыхъ и привѣтливыхъ Вановъ. Сильные въ войнѣ, но не любящіе войны, они помирились охотно съ воинственными Азами и дали въ залогъ мира веселаго бога пировъ и чаши заздравной, пѣвца Брагура (отъ *браш*, какъ *Квасиръ* отъ кваса), которому всегда посвящался первый кубокъ въ пиршествахъ Сѣвера. Наконецъ туземная стихія Готская, принявъ пришлыя стихіи и на время даже подчинившись имъ, какъ видно изъ первенства Тора въ Упсалѣ, позвала на первое мѣсто своего представителя, Водена, лице мрачное и таинственное, грознаго копьеносца, искателя мудрости, одноокаго какъ солнце, покрытаго обвислою шапкою какъ облачное небо, оторваннаго отъ старой религіи, которая еще слышна въ именахъ Велія и Вея и другихъ тому подобныхъ отголоскахъ, и окруженнаго символами, которыхъ смыслъ почти вовсе утраченъ, но которыхъ Германское происхожденіе ясно для художественнаго чувства. Увы! иногда думается, что и Германскій умъ, какъ Одинъ, окривѣлъ въ исканіи мудрости, и что для него, какъ для Одина, голова Мимера замолчитъ въ то время, когда ея отвѣты будутъ всего нужнѣе.

Digitized by Google

Всѣ сказанія древняго Сѣвера заключаются собственно въ одномъ, въ сказаніи о домѣ Инглинговъ, т.-е. потомковъ Ингля или Ингла.

Этого имени мы не находимъ въ родословной таблицѣ, но находимъ имя Ингви—прозвище Фрейра; очевидно это уже искаженная форма, которая первоначально была *Ингль*.

Царственный домъ Инглинговъ начинается не завоеваніемъ, но какимъ-то мирнымъ преобладаніемъ пришельцевъ надъ туземцами. Тишина, спокойствіе и кроткая поэзія золотаго вѣка, таково преддверіе самой бурной и кровавой изо всѣхъ лѣтописей Европы. Нѣтъ слова о завоеваніи и о славѣ военной; нѣтъ слова о борьбѣ и сопротивленіи. Государство представляетъ характеръ не военный, но религіозный; владѣтель является не дружиноначальникомъ, но первосвященникомъ всего народа; Упсала—общею верховною святынею. Все это указываетъ на явленіе колоніи племени съ сравнительно-высшимъ просвѣщеніемъ въ землѣ, еще непросвѣщенной, но и не испорченной бытомъ воинскимъ. Во главѣ всего общества становятся не Азы, но мирные *мудрые* Ваны и главный представитель ихъ Фрейръ. Этотъ религіозный союзъ около храмоваго центра соотвѣтствуетъ вполнѣ Славянскому союзу около Арконскаго святилища и не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ Германскимъ. Въ такой ѳеократической общинѣ, подъ вліяніемъ трехъ мало-по-малу сливавшихся племенъ, развилась странная религія, не имѣющая ни внутренней логической связи, ни систематической стройности нѣкоторыхъ древнихъ религій, ни красоты Эллинскаго синкретизма, но поражающая даже современнаго намъ человѣка какою-то глубиною поэтическихъ предчувствій и духовныхъ требованій, облеченныхъ въ символы иногда величественные и грозные, иногда исполненные трогательной и истинно-человѣческой прелести.

Едва ли какая-нибудь миѳологія представляетъ какой-нибудь образъ, равный (по граціи и красотѣ основной идеи) миѳу юнаго Бальдера; ни

Digitized by Google

одна не представляетъ такого яснаго сознанія въ неудовлетворительности своего религіознаго синкретизма. Весь Скандинавскій олимпъ, жертва будущаго всемірнаго переворота, не смотря на бранныя потѣхи жителей Вальгаллы, выражаетъ постоянное и мучительное стремленіе къ чему-то высшему, предугадываемому, но недостижимому. Таинственный ясень, символъ вселенной, выростаетъ изъ таинственной и священной глубины и скрываетъ главу свою въ таинственной и священной вышинѣ; подъ его сѣнію сидитъ грозный старецъ, воинственный, кровожадный и лукавый, вперяющій мысль въ неизбѣжное будущее, годину бѣдствія и гибели для всего его рода, отдавшій одно изъ очей своихъ для пріобрѣтенія мудрости, безпрестанно допрашивающій судьбу, никогда не дающую отрадныхъ отвѣтовъ, и безрадостно владѣющій міромъ, обреченнымъ на сожженіе. Дальній Востокъ съ его глубокомысленными вѣрованіями охватываетъ весь рядъ Скандинавскихъ миѳовъ, начиная его антропоморфическимъ символомъ убитаго Имера и завершая страшнымъ образомъ заката боговъ. Нѣсколько разъ сравнивали Рагнарёкръ съ Мессіяническимъ преданіемъ, ясно сохраненнымъ въ Зендскомъ ожиданіи Сезіоша и его побѣды надъ Ариманомъ и отзывающимся въ Индустанѣ въ будущемъ десятомъ аватарѣ Вишну. Сравненіе безспорно справедливое, но въ тоже время неполное; ибо самое тождество сказаній ясно показываетъ совершенное различіе религій и народныхъ взглядовъ на свои вѣрованія. На Востокѣ побѣда, сопровождаемая гибелью вселенной, принадлежитъ доброму началу, очищающему міръ огнемъ. Гибель міра есть торжество боговъ, признанныхъ за выраженіе нравственнаго добра. Въ Скандинавіи гибель міра есть дѣло злыхъ духовъ, вырывающихся на волю изъ временной неволи, и міръ возобновленный уже принадлежитъ новому поколѣнію боговъ свѣтлыхъ и мирныхъ, не похожихъ на бурныхъ владыкъ Азагейма и Ванагейма, изъ которыхъ не спасается ни одинъ, кромѣ непорочнаго Ніордра. Въ этомъ миѳѣ заключается очевидное осужденіе самой религіи. Оно напоминаетъ такое же осужденіе боговъ, заключенное въ миѳахъ о Прометеѣ и будущемъ побѣдителѣ Зевса; но воображеніе Эллинское, влюбившись въ человѣческую красоту своихъ Олимпійцевъ, не довело до конца или затемнило первоначальное преданіе, и Рагнарёкръ Эллады

Digitized by Google

не получилъ полнаго образа и очертанія. Вообще должно замѣтить, что стихія сказочная и пластическая отняли у миѳологіи Эллинской всю глубину и весь таинственный смыслъ, которые въ ней скрывались въ ея первую до-эпическую эпоху. Это легко угадать можно изъ разсказовъ о Персеѣ, о конѣ Пегасѣ (днѣ и ночи), о Прометеѣ и его пророчествахъ и изо всѣхъ миѳовъ, которыхъ древность не подвержена сомнѣнію. Позднѣйшіе философы, обвиняя поэтовъ въ искаженіи религіи, были совершенно правы; они только одного не поняли, именно того, что поэты, выраженіе пластическаго воображенія народнаго, были невольными участниками въ дѣлѣ, совершенномъ всѣмъ народомъ во время его юношества, когда мысль, не дозрѣвшая до самосозерцанія, подчинялась вполнѣ увлеченію художественной красоты. Здравая критика можетъ угадать погибшіе зародыши и ихъ характеръ; она можетъ напр. въ безтолковой сказкѣ о Гераклѣ (который по Иліадѣ и особенно по Одиссеѣ есть не что иное какъ злой, корыстолюбивый и неукротимый буянъ) угадать сказаніе объ освободителѣ человѣчества и его побѣжденныхъ покровителей (это видно изъ отношеній его, на одномъ концѣ свѣта къ Прометею, подателю огня, а на другомъ концѣ—къ Атласу, учителю мудрости, котораго онъ избавляетъ отъ тяжести неба созданіемъ каменныхъ столбовъ); она можетъ угадать въ той же спутанной сказкѣ идею восточнаго аватара, человѣка—спасителя боговъ, которыхъ сила не могла бы безъ помощи человѣческой побѣдить гигантовъ. Но никакая критика не можетъ уже возстановить разрушенное зданіе, которое никогда не было достроено, или опредѣлить всѣ начала мысли и миѳа, погибшихъ въ зародышѣ. Синкретизмъ Эллинскій примирился съ своими безсмысленными богами, облекши ихъ въ высокую художественную красоту; синкретизмъ Скандинавскій никогда не доходилъ до примиренія и выражалъ свое самоотрицаніе въ пророчествѣ о будущей гибели боговъ. Въ подробностяхъ той страшной борьбы, которая должна положить конецъ міру Азовъ и людей, можно еще ясно различить стихіи, вошедшія въ составъ сказочной Вальгаллы. Каждая сохраняетъ свою отдѣльность и свои признаки; каждая въ роковой часъ неизбѣжной гибели встрѣчается въ послѣдній разъ съ своимъ исконнымъ врагомъ. Одинъ вонзаетъ свое безполезное копье во все-

Digitized by Google

пожирающую пасть волка Фенрира: это Гото-германскій миѳъ, созданіе сѣверной фантазіи. Торъ вступаетъ въ единоборство съ змѣемъ Мидгардскимъ, древнимъ своимъ противникомъ еще въ колыбели племени Азовъ, и оба гибнутъ, одинъ пораженный ударомъ молота—молніи, другой ядовитымъ дыханіемъ убитаго врага: это ясный отзывъ Востока. Глава Вановъ, нѣкогда побѣдившій исполина Бэлія, но утратившій свой непобѣдимый мечъ, Фрейръ (Прій) идетъ безоружный противъ пламеннаго меча Суртура, лица вовсе неизвѣстнаго въ прочихъ миѳахъ Скандинавскихъ, но котораго имя безъ окончанія *уръ* соотвѣтствуетъ *чорту* (какъ Брагуръ-*брать*, Квасиръ—*квасу*, Фрейръ-*Прію*): это миѳъ Славянскій. Въ сказаніяхъ о Пріѣ, который по своему значенію долженъ бы быть тождественнымъ съ неизвѣстнымъ Бэліемъ (Бѣлъ-богомъ), но который является его врагомъ и побѣдителемъ, есть повидимому какое-то противорѣчіе; но такое противорѣчіе не рѣдко встрѣчается въ синкретизмѣ религіозномъ и не представляетъ никакого затрудненія здравой критикѣ. Ему Эллада представляетъ яркій примѣръ въ Зевсѣ-Иксіонѣ, своемъ собственномъ врагѣ. Жена Иксіона Дія, тождественная по имени съ сестрою Зевса - Дія, Юноною, есть въ тоже время любовница Зевса: Иксіонъ влюбленъ въ Юнону и, сочетавшись съ ея призрачнымъ образомъ, производитъ Кентавровъ. Во время оно Зевсъ и Иксіонъ жили на небѣ какъ друзья и братья; и раздраженный Зевсъ наказываетъ Иксіона колесомъ, символомъ неба, звѣзднаго круга и года. Это явное раздвоеніе одного и того же лица, безъ сомнѣнія чествованнаго подъ двумя разными именами у двухъ враждебныхъ колѣнъ. Тоже самое вѣроятно скрывается и во враждѣ Прія и Бэлія. Во всякомъ случаѣ антагонизмъ Одина и Волка, Тора и Змѣя, Фрейра и Суртура, выступающій съ особенною ясностью въ день всемірнаго разрушенія, подтверждаетъ вполнѣ происхожденіе Скандинавской религіи изъ трехъ разнородныхъ религій, обозначенныхъ, какъ уже сказано, печатію тѣхъ народовъ, изъ которыхъ онѣ возникли. Побѣда злаго начала соединена съ его собственнымъ уничтоженіемъ, и изъ развалинъ погибшаго міра невидимый богъ, тотъ безымянный, могучій, который сильнѣе сильныхъ, вызываетъ міръ новый и свѣтлый, уже не гремящій громомъ оружія, какъ Азгардъ, но тихій и безбурный, жилище тихихъ и

Digitized by Google

кроткихъ духовъ, почти вовсе забытыхъ въ прежнихъ миѳахъ. Жители новаго неба уже не питаются, какъ Азы, «силами земли, свѣжестью моря, медомъ пѣвцевъ»; они безсмертны сами по себѣ. Иранское преданіе о свободно-творящемъ, вѣчномъ духѣ выступаетъ явно и неоспоримо. Приливъ стихіи Кушитской исчезаетъ, какъ временное его искаженіе; но въ самомъ осужденіи, произносимомъ Скандинавскою религіею надъ своими богами, есть примиреніе. Владыки новаго міра связаны съ прежними узами родства. Это уцѣлѣвшій Нiордръ, это Одиновы дѣти Видаръ, убійца Волка, и Вали, мститель за Бальдера; это дѣти Тора, Магни и Моди, и воскресшій къ безсмертію свѣтлый образъ Бальдера, изящнѣйшее и лучшее созданіе сѣверной фантазіи. Тутъ опять особенно замѣчательно превосходство, такъ сказать, человѣческое, признанное за Ванами, которыхъ родоначальникъ не осужденъ на смерть, между тѣмъ какъ высшіе Азы и Одинъ погибаютъ. Болѣе внимательное изученіе всѣхъ миѳовъ указываетъ не только на приливъ Аза-ванской вѣры къ Одинизму, но и на то, что самый антагонизмъ добра и зла внесенъ имъ же въ прежнее поклоненіе Одину, богу, не имѣвшему опредѣленнаго нравственнаго значенія. Локи, нѣкогда братъ и другъ Одиновъ, лице неизвѣстное чисто-Одиническимъ религіямъ Германскихъ племенъ, былъ по всѣмъ вѣроятіямъ тождественъ съ Одиномъ и сдѣлался его врагомъ только вслѣдствіе вліянія Азо-сарматскаго Митраизма (стихіи, выраженной Торомъ). Онъ былъ до тѣхъ поръ только явленіемъ губительнаго и злаго начала въ Одинѣ и оторванъ отъ него какъ Тифонъ отъ Озириса новыми религіозными понятіями, разорвавшими пополамъ цѣльность древняго Шиваизма (поклоненія органической необходимости). Самый Одинъ сохранилъ въ себѣ навсегда черты, указывающія на его тождество съ Локи: кровожадность и лукавство, не приписываемыя никому изъ боговъ кромѣ его. За всѣмъ тѣмъ нельзя не узнать въ Одинѣ или Германскомъ Воданѣ вѣры Иранской, утратившей свой характеръ отъ примѣси Кушитской или въ древней родинѣ Германскаго племени, среднемъ Иранѣ, или, что вѣроятнѣе, въ самой Германіи, нѣсколько разъ пройденной и отчасти покоренной Кельто-кумрійскими дружинами, глубоко проникнутыми духомъ религій Семитскихъ. Нельзя однако не замѣтить, что имя Водана наводитъ невольно на подозрѣніе, что и онъ былъ зай-

Digitized by Google

номъ, сдѣланнымъ Германцами отъ Славянъ. Тацитъ про него не слыхалъ, а для Русскаго уха слова *Воденъ*, *Велій* и *Вей (Вѣй)*, дѣти *Бури*, такъ понятны, что невозможно не задуматься и не предположить, что самое божество перешло на почву Германскую изъ земли Славянъ, водопоклонниковъ по преимуществу. Характеръ Кушитскій Водана не опровергаетъ этаго предположенія, ибо хотя земля Славянская была по всѣмъ вѣроятностямъ родиною сказочнаго и, такъ сказать, семейнаго антропоморфизма, перешедшаго, какъ уже сказано, и въ Греческій Олимпъ и въ Индустанъ съ стихіею Вишнуитскою, нельзя не замѣтить, что космогоническое начало Куша достигло сильнаго развитія у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, особенно восточныхъ: это видно изъ чисто-оргіастическаго поклоненія *роду* и *рожаницъ*, *Ярилѣ* и *Костромѣ* или *Ладу* и, кажется, *Золотой Бабѣ*. Характеръ Кушитства, т. е. космогоническаго божества въ его двухъ органическихъ силахъ безъ нравственнаго значенія, явный въ Воденѣ, виденъ еще яснѣе въ *Фригѣ*, его подругѣ, особенно по самымъ древнимъ миѳамъ. Въ ней соединены въ высокой степени черты, принадлежащія Шивѣ и Дургѣ, кровожадность и развратъ, къ которымъ сѣверный миѳъ прабавилъ еще корыстолюбіе. Совершенно другое видно въ Торѣ: кромѣ нѣкоторой нравственной чистоты нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія полярности опредѣленной. Ему дана подруга, ибо общій складъ миѳологіи не могъ его оставить холостякомъ; но его жена также незначительна, какъ подруга, данная позднѣйшимъ Индустаномъ нѣкогда безплотному Брахмѣ. *Тору* принадлежитъ по преимуществу огненная стихія Мидо-сарматская, также какъ въ полномъ кругѣ Скандинавскаго синкретизма водяная стихія Славянская принадлежитъ Ванамъ въ лицѣ Ніордра, а бытъ семейный и общительный тѣмъ же Ванамъ въ Пріѣ (Прій и Прія или Фрей и Фрея) и Брагурѣ. Могущество и нравственное достоинство Иранскаго начала и, быть можетъ, особенная энергія Сарматскаго племени дали Тору первое мѣсто между богами. Это мѣсто сохранялъ онъ въ первое время даже въ Скандинавіи уже послѣ смѣшенія Аза-ванской религіи съ туземнымъ поклоненіемъ Одину, какъ видно изъ порядка кумировъ въ древнемъ храмѣ Упсальскомъ. Позднѣе народная вѣра взяла верхъ и поставила свое древнее божество выше Тора; собственно же Ванская

Digitized by Google

стихія занимала только второе, а потомъ третье мѣсто; за всѣмъ тѣмъ общая выработка всей религіи принадлежитъ безспорно племени Славянскому. Если даже не станемъ признавать связи Водена съ языкомъ и міромъ Славянскимъ; если оставимъ безъ вниманія почти несомнѣнное вліяніе того же языка и міра на поклоненіе Тору, вліяніе, доказываемое самымъ именемъ *Тюръ* (соотвѣтствующимъ *Твору* — творцу, отъ глагольнаго корня *творить* какъ *дверь* и *Thür*, звѣрь и *Thier* и именемъ его молота *miölnir*, молнія), и многими другими подробностями, остается одно неоспоримое доказательство въ свидѣтельствѣ всѣхъ древнихъ преданій Скандинавіи о томъ, что Фрейръ (Прій) былъ основателемъ богопоклоненія (въ его полномъ развитіи) на Сѣверѣ. Это свидѣтельство не можетъ имѣть другаго смысла кромѣ образованія всего синкретизма религіознаго тѣмъ племенемъ, которое принесло съ собою поклоненіе Прію. Образовательное вліяніе Славянъ, выражаемое въ самомъ прозвищѣ *мудрыхъ* Вановъ (не въ отношеніи къ ремесламъ и художествамъ, всегда приписываемымъ или Іоттамъ или Карламъ), должно по преимуществу дѣйствовать на міръ религіи. Тоже самое видѣли мы въ древней Элладѣ: она приняла множество боговъ съ Сѣвера (Аполлона—Белена или Гелена Гиперборейскаго, Артемиду—Гелену Вендскую или Иллирійскую, Афродиту также Сѣверную, Лету — лѣто, Арея—ярого, которыхъ Гомеръ считаетъ покровителями Трои); она же отъ Сѣвера приняла множество миѳовъ-загадокъ явно Славянскихъ по словесной своей оболочкѣ. Такова загадка о винѣ-Вакхѣ (корень вѣроятно тотъ же что въ *Вахтріи*, — *вач* вѣщать), Вакхѣ сынѣ *Земли* — (Семеле) сгорѣвшей прежде его рожденія, объ Ніобеѣ (*небо*), матери безчисленныхъ чадъ, звѣздъ, убитыхъ солнцемъ и луною (холодное небо, *твердь* каменная, плачущая росами утренними и вечерними о дѣтяхъ, убитыхъ дѣтьми живаго и теплаго начала, *лѣта*), о Персефонѣ — пшеницѣ (Прозерпина — прозябеніе) и вѣроятно о многихъ другихъ загадочно-миѳическихъ лицахъ, которыя еще не изслѣдованы этимологическою критикою. Это вліяніе народа по преимуществу мирнаго и осѣдлаго (которое видно и въ зачаткахъ Англо-саксонской эпохи) очень понятно: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру Великорусскаго народнаго духа, для котораго еще и въ наше время вопросъ религіозный есть единственный достой-

Digitized by Google

ный постояннаго и сильнаго вниманія. Люди, знающіе истинное направленіе этого духа, не могутъ не быть поражены этою особенностью, замѣтною даже поверхностному наблюдателю.

Первая основа новаго общества, созданнаго Аза-ванскимъ приливомъ въ Скандинавіи, была ѳеократическая, но въ тоже время не замкнутая предѣлами касты жреческой, которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Общество было болѣе образовательное чѣмъ завоевательное, вѣроятно потому, что оно или имѣло съ самаго начала цѣли торговыя или нашло слишкомъ бѣдный и непроходимый край, затрудняющій завоеваніе и ничѣмъ его не вознаграждающій, или наконецъ потому, что оно искало приволья пустопорожнихъ земель и только въ впослѣдствіи пришло въ соприкосновеніе съ туземцами. Какъ бы то ни было, всѣ сказанія Сѣвера возводятъ его исторію черезъ домъ Инглинговъ къ законодателю религіозному, а не къ воинственному побѣдителю. Тотъ же характеръ виденъ и въ миѳическихъ разсказахъ о происхожденіи сословій *). Высшія являются послѣ низшихъ (въ противность большей части подобныхъ миѳовъ), вступаютъ въ свое общественное званіе безъ борьбы и отличаются не столько еще силою тѣлесною и мужествомъ, сколько благородствомъ духа и знаніемъ божественныхъ тайнъ. Руны и пѣсни принадлежатъ имъ и имъ однимъ.

Они не признаны пришельцами (что можетъ легко быть объяснено особеннымъ ходомъ синкретизма религіознаго), но они имѣютъ съ самаго начала характеръ странствователей въ противоположность осѣдлости низшихъ сословій.

Ѳеократія, которой представителемъ былъ Ванъ Фрейръ (Прій), должна была носить на себѣ характеръ Славянскаго племени, мирный и кроткій. Таковъ дѣйствительно смыслъ саги. Божество, олицетворяющее ѳеократію, должно было являться болѣе въ служебномъ значеніи жреца-просвѣтителя

*) Gejer, Urgesch. Schwed 406 и слѣд. *Изд.*

Digitized by Google

въ мірѣ божествъ, чѣмъ верховнаго владыки. Таковъ опять смыслъ саги. Кровавыя и человѣческія жертвоприношенія нисколько не опровергаютъ этихъ ясныхъ выводовъ. Вліяніе религій Кушитскихъ на духовный міръ Иранскій было таково, что во многихъ случаяхъ самые мирные народы и самыя кроткія вѣрованія признавали необходимость выкупать невозмутимую тишину жизни кровью часто дорогою.

Это особенно замѣчательно въ религіяхъ, принявшихъ по преимуществу характеръ сладострастія и преобладанія женскаго начала въ органической двойственности космогоніи. Склонность къ сладострастію замѣтна въ остаткахъ древней оргіастической религіи сѣверо-восточныхъ Славянъ. Сказанія же о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ не чужды Балтійскому Поморію и въ глубочайшей древности извѣстны были Элладѣ какъ характеристика поморія Евксинскаго, искони Славянскаго, а тождество Венеры и Діаны сѣверной не подвержено сомнѣнію. Нельзя также вовсе отвергать свидѣтельство Нѣмецкихъ лѣтописцевъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Славянъ приморья Балтійскаго, хотя эти свидѣтельства подвержены не совсѣмъ ничтожнымъ сомнѣніямъ.

Преданія сѣверныя признаютъ первую эпоху мирную довольно продолжительною; но изъ нихъ же замѣтно, что этотъ миръ былъ соединенъ съ преобладаніемъ центральнаго религіознаго поселенія около Упсалы надъ остальною Скандинавіею. Самое названіе владыкъ *дроттнаръ* выражаетъ преимущество, зависящее отъ званія жреческаго. Впослѣдствіи это названіе замѣнено словомъ *конунгъ*, но кажется они равнозначительны, и по всей вѣроятности одно, корня Германскаго (дроттнаръ), есть только переводъ другаго, корня Славянскаго (*конязъ, князь, конунгъ* или *конигъ*).

Уже выше показаны доводы, доказывающіе происхожденіе словъ: *конязъ, книга* (книга) и *законъ* отъ слова *конъ* (край, верхъ), которому соотвѣтствуетъ вполнѣ Санскр. *кóна* и отчасти Латинское *cuneus*. Прибавимъ, что самое имя *конунгъ* есть выводное отъ древнѣйшаго *конръ*. Это же названіе находимъ мы какъ имя *Рюна*

Digitized by Google

(иначе *Конръ*), родоначальника высшихъ сословій, но отличающагося по преимуществу знаніемъ рунъ, и поэтому носящаго на себѣ болѣе религіозный характеръ, чѣмъ характеръ воинственной власти. Такое происхожденіе слова *конунъ* отъ *конязь* и корня *конъ* можетъ совершенно соглашаться и съ другимъ значеніемъ *конъ* въ смыслѣ рода: ибо слово, первоначально означавшее край, верхъ, могло быть перенесено на идею рода, какъ *столбъ* у насъ и *линія* у западныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ мнимое замѣненіе Дроттнарства Конунгствомъ очень похоже на переводъ съ одного языка на другой, взявшій въ позднѣйшее время перевѣсъ, а соединеніе имени *конръ* (тотъ же *конязь*) съ знаніемъ рунъ явно свидѣтельствуетъ о жреческомъ значеніи первыхъ владыкъ, потомковъ Фрейра.

Самое имя *Инлъ*, родоначальника династіи, котораго мы уже видѣли родоначальникомъ царственнаго дома у Англовъ Саксонскихъ, указываетъ на имя божества племеннаго давшаго имя величайшей изъ морскихъ державъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ исторіи міра.

Форма *Инлъ* скрывается въ романизованной формѣ *Анлъ* ясѣе выдается въ Германской формѣ *Этлъ* и выступаетъ снова въ чисто-англійской *Инлъ;* а что эта послѣдняя не есть форма новая, тому служитъ доказательствомъ Итальянское *Inglese*, *Inghilterra*; но въ самой Англіи она вѣроятно была формою мѣстною, употребляемою по преимуществу въ коренномъ поселеніи Англовъ, Вернихіи (вѣроятно отъ слова *вѣрники*).

Въ Инглѣ нельзя не узнать однаго изъ произвищъ Фрейра или Прія Углицкаго; но это обстоятельство, будетъ ли оно или нѣтъ признано критикою, не имѣетъ важности; ибо Славянское происхожденіе всего поклоненія Ванамъ остается несомнѣннымъ; оно можетъ имѣть только ту важность, что указываетъ не только на корень, но и на самую вѣтвь, отъ которой отдѣлилась колонія, перешедшая въ Скандинавію, именно на вѣтвь южную, Кавказско-карпатскую, Антовъ, съ которою слово *Угличи* стоитъ въ связи несомнѣнной. За-

Digitized by Google

висимость не политическая, но племенная, зарождающейся Швеціи отъ безконечной области Славянской выступаетъ еще съ большею ясностью послѣ двухъ первыхъ (разумѣется сказочныхъ) преемниковъ Фрейра. *Свегдеръ* даетъ обѣщаніе отправиться на Востокъ, въ страну боговъ или Великій Свитіодъ.

И такъ самое имя *Свитіодъ* (отъ котораго Шведъ) полагалось преданіемъ на Востокѣ; вѣроятно оно въ корнѣ своемъ связано съ словами *свять* и можетъ быть святъ. Святость Сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита.

Во время странствованія женится Свегдеръ на Ванѣ изъ земли Ванской и умирая оставляетъ преемникомъ *Ванланда*, котораго гробница считалась древнѣйшею изо всѣхъ извѣстныхъ въ Скандинавіи.

Очевидно, Ванскій или Вендскій курганъ. Когда встрѣчается форма *Ванъ* и когда приходитъ на память, что эта форма извѣстна была глубочайшей древности и звучитъ во всѣхъ поэтическихъ преданіяхъ безконечнаго Азійскаго Востока, въ Китаѣ (*Та-Ванъ*, великіе Ваны) и въ Индустанѣ (*Маха-Ванада*, великіе Ванады), невольно возникаетъ мысль, что дѣйствительно древнѣйшая форма имени *Вендъ* звучала на *а*, а не на *е*. Впрочемъ шаткость гласныхъ могла бы объяснить одновременное существованіе многихъ различныхъ формъ; но нельзя не изумиться странному невниманію Нѣмецкой критики къ самому слову *Ванъ*, въ то время какъ она имѣетъ ясныя свидѣтельства объ его извѣстности всему древнему міру на пространствѣ, котораго не достигала слава никакого другаго народнаго или миѳическаго имени.

Слѣдовать за родословною Инглинговъ было бы безполезно. Пѣснь или сага, миѳъ и историческое преданіе такъ перемѣшаны въ ней, что разумная критика не можетъ даже искать въ ней послѣдовательнаго разсказа и историческихъ подробностей. Ей слѣдуетъ довольствоваться пониманіемъ общихъ законовъ, по которымъ развилась жизнь Скандинавіи.

Digitized by Google

Впрочемъ не это ли только и нужно во всякой исторіи? И самыя подробности не потому ли только и полезны, что иногда помогаютъ разумѣнію общихъ законовъ? Можно безъ парадокса сказать, что народъ, отъ котораго уцѣлѣли пѣсни, болѣе извѣстенъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго уцѣлѣла внѣшняя, хотя бы и подробная, исторія. Уничтожьте недавно открытую Зендавесту, — и Скандинавія въ своихъ сагахъ болѣе высказывается, чѣмъ Персія въ подробныхъ разсказахъ Греческаго историка.

Мало-по-малу измѣняется характеръ Скандинавскаго преданія. Ясные слѣды Славянской колонизаціи исчезаютъ; послѣ Ванланда они еще выражаются, можетъ быть, именами однаго изъ Инглинговъ, Оттара *Вендель*-Крака и сына его *Адильса*, котораго еще называютъ восточнымъ именемъ *Аттилы* *), и потомъ пропадаютъ вовсе. Жизнь принимаетъ иное направленіе.

Сказанія первобытныя представляютъ намъ три сословія рѣзко разграниченныя: рабовъ, вольныхъ и благородныхъ. Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ тремъ колонизаціямъ самой Скандинавіи.

Финская, пришедшая съ Сѣвера, очевидно самая ранняя, безпорно захватывала нѣкогда все пространство между Балтикою и океаномъ.

Финны и особенно отрасль того же корня, Лапны, еще на исторической памяти простирались довольно далеко на Югъ.

Вторая, Германская, Готской вѣтви, перебралась черезъ узкіе проливы съ Юга и далеко оттѣснила туземцевъ къ Сѣверу, обращая часть ихъ въ рабство по всегдашнему обычаю Германцевъ.

Третья, Азаванская (Сармато-славянская, или смѣсь Сарматовъ съ Кавказскою вѣтвію Антовъ Славянъ) пришла съ моря, поселилась въ слабо-населенномъ поморьѣ около своего Упсальскаго святилища и мало-по-малу, силою высшаго просвѣщенія Славянскаго, поддержаннаго воинственною энергіею Сарматовъ, подчинила себѣ древнѣйшія стихіи и опредѣлила все послѣдующее развитіе какъ въ отношеніи жизни

*) Ср. Geijer, Urgesch. Schwed. 422. 7. *Изд.*

Digitized by Google

мысленной, такъ и въ отношеніи къ движенію общественному.

Отношенія послѣднихъ пришельцевъ къ прежнему населенію не были ознаменованы враждою (это видно изъ характера первоначальныхъ преданій); они были обусловлены высшимъ развитіемъ пришельцевъ передъ туземцами, и по этому самому должны были дать Аза-ванамъ (Сармато-славянамъ) значеніе правительствующей аристократіи; но они не исключали также и возможности вступленія прежней стихіи въ кругъ новой власти, слѣдовательно возможности сліянія, и это сліяніе не подлежитъ сомнѣнію.

Множество родовъ вели себя отъ форніоттерскаго начала и слѣдовательно отъ населенія не только туземнаго, но еще и предшествовавшаго Германской колонизаціи. Преданія этихъ родовъ, изъ которыхъ многіе родились съ царственнымъ домомъ Инглинговъ, указываютъ на происхожденіе сѣверное и сѣверо-восточное изъ области Финской.

Тутъ встрѣчаются и имена иносказательныя, весьма характеристическія, какъ снѣгъ, морозъ (*снѣ, фростъ* и тому подобныя). Съ другой стороны введеніе въ миѳологію Тира, божества принадлежащаго Готамъ, слѣдовательно Кимврамъ, показываетъ примѣсь стихіи не-Финской.

Вѣроятно эта примѣсь произошла издревле въ Германскихъ племенахъ еще прежде Аза-ванской колонизаціи. Характеромъ своимъ она отличается вполнѣ отъ характера Иранскаго. Сѣверная, Финская примѣсь обличается опредѣлительною чертою какого-то мрачнаго, безотраднаго и туманнаго волшебства. Кельтская представляетъ въ высшей степени черты безоглядной, воинственной отваги. Тиръ, какъ божество иноплеменное (и принятое, такъ сказать, не на правахъ полнаго, внутренняго равенства) лишенъ своей силы (что̀ символизовано въ потерѣ правой руки), точно также какъ Фрей добровольно пожертвовалъ мечомъ любви (въ чемъ опять символизованъ его характеръ фаллическій и переходъ въ мирное жречество). Потеря руки Тировой не должна по миѳамъ имѣть для бо-

Digitized by Google

говъ такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ утрата Фрейрова меча, и въ этомъ видно высшее положеніе Фрейра въ Скандинавскомъ олимпѣ; но за всѣмъ тѣмъ Тиръ представлялъ для Скандинава полнѣйшій образъ военнаго мужества. То обстоятельство, что Тивъ, Тіу или Ціо (по всѣмъ вѣроятностямъ тотъ же Тиръ или *Эаръ* или Иръ) былъ предметомъ поклоненія у большей части, быть можетъ даже у всѣхъ, народовъ Германскихъ, не опровергаетъ нисколько его Кельтскаго происхожденія. Кельты наскозь и во всѣхъ направленіяхъ прорѣзали міръ Германскій, какъ враги, какъ насильники, а потомъ какъ полумирные сосѣди, наконецъ побѣжденные и слившіеся въ многихъ мѣстахъ съ Германскою массою. Ихъ верховный богъ поступилъ въ общій синкретическій процессъ. Древнѣйшая же форма его имени была, какъ кажется, *Тіутъ (Тевтъ, Тевтатесъ*, извѣстный и Кесарю, и Тациту).

Такимъ образомъ происходило смѣшеніе народныхъ стихій въ нижнихъ слояхъ обитателей Скандинавіи, сливая отчасти Кельто-кимвра и даже Финна съ Гото-германскимъ колѣномъ подъ общимъ предводительствомъ стихіи Сармато-славянской, высшей по просвѣщенію и по непрерывной связи съ безпредѣльнымъ міромъ Востока. Но въ тоже время происходило сліяніе и этой высшей стихіи со второстепенною Германскою, сліяніе полное во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по крови, такъ и по религіи. Германскій Воденизмъ (или Одинизмъ) получилъ скорый доступъ въ религіозное зданіе Аза-ванскихъ вѣрованій, сперва на степени второстепенной (какъ видно изъ положеніи кумировъ, оставшагося неизмѣннымъ въ Упсальскомъ святилищѣ), потомъ на степени равенства съ высшимъ представителемъ Сарматскаго племени, Торомъ, потомъ наконецъ на высшемъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало быть по огромному числительному преобладанію Германцевъ.

Родословная ярлей и королей отъ Водена, а не отъ Тора ничего не доказываетъ противъ ихъ Сарматскаго происхожденія. Старшій и почетнѣйшій изъ всѣхъ родовъ велъ себя отъ Фрейра (или Ингви-Фрейра), свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о своемъ иноземномъ

Digitized by Google

началѣ. Другіе же роды, созидая себѣ родословную, должны были ее связать съ богомъ туземнымъ Одиномъ по образцу высшихъ туземныхъ родовъ, ибо Торъ не могъ быть ихъ родоначальникомъ. Такое отношеніе Тора къ людямъ невозможно вслѣдствіе его Мидо-иранскаго характера. Онъ навсегда долженъ былъ сохранить и сохранялъ признаки своего первоначальнаго, чисто духовнаго значенія. Подобно своему первообразу (или по крайней мѣрѣ древнѣйшему образцу) *Мих-Тору*, хранителю міра отъ вражды злыхъ духовъ, онъ навсегда долженъ былъ являться съ явными признаками своей первоначальной безсемейности. Очевидно, жена и какія-то почти неизвѣстныя или ясно символическія дѣти приданы ему временемъ гораздо позднѣйшимъ. Нѣтъ никакой живой связи между ними. Уступка же перваго мѣста на олимпѣ была тѣмъ естественнѣе Тору, что онъ былъ несомнѣнно, искони, подобно Митрѣ, только высшимъ изъ служебныхъ духовъ, а не верховнымъ богомъ. Туземный же богъ Воденъ мало-по-малу занялъ мѣсто этаго верховнаго, невещественнаго, можетъ быть, безъименнаго бога, о которомъ память сохранилась въ прозвищѣ Альфатера.

Смѣшеніе двухъ стихій, Германской и Аза-ванской, имѣло особенно сильное вліяніе на высшія общественныя сословія. Собственно Аза-ванская область (или центръ колонизаціи) примыкала къ Упсальскому святилищу; но развѣтвленіе племени проходило сквозь всѣ другія, болѣе или менѣе независимыя области. Съ самаго начала видимъ мы сопоставленіе двухъ системъ, разобщенности, выражаемой мѣстными королями (князьками), которыхъ было множество, и единства, выражаемаго общимъ королемъ, въ тоже время первосвященникомъ.

Самый этотъ характеръ первосвященства уничтожаетъ сомнѣніе критиковъ, отвергающихъ такое единство въ началѣ древне-Скандинавской исторіи. Тутъ король имѣлъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ сомнительные брейтваллы Англо-саксовъ. Онъ былъ разумною необходимостію, онъ былъ символомъ цѣлаго новаго просвѣщенія, властвовавшаго не силою, а духомъ посредствомъ религіи. По этому самому король носилъ на себѣ отвѣтственность за бѣдствія, ниспосылаемыя богами,

Digitized by Google

которыхъ онъ не умѣлъ умолить, и самъ падалъ какъ очистительная жертва въ случаѣ голода и повѣтрія или другаго какого нибудь общественнаго несчастія.

Страны около Упсалы приняли, разумѣется мало-по-малу, видъ области нѣсколько образованной. Лѣса разрѣженные уступали мѣсто пашнямъ; берега пустынныхъ водъ оживлялись жилищемъ человѣка. Но это измѣненіе недалеко проникло въ глубь негостепріимнаго Сѣвера. Гото-германское колѣно, мѣшаясь съ пришельцами, селилось между ними и слѣдовательно не допускало яснаго отдѣленія области Сармато-славянской отъ остальной Скандинавіи, по крайней мѣрѣ такого отдѣленія, которое бы ясно обозначилось для позднѣйшей критики въ языкѣ или обычаѣ народа. За всѣмъ тѣмъ различіе стихій высказалось въ названіи *Гѣтландъ*, старой области туземцевъ, и *Свитіодъ*, области пришельцевъ, и въ особенныхъ преимуществахъ Свитіода, сохранившихся даже въ позднѣйшее время въ отношеніи къ избранію королей *).

Происхожденіе слова *Свитіодъ* отъ корня *Свѣтъ* или ему подобнаго болѣе чѣмъ вѣроятно: страна свѣта, въ смыслѣ святыни. Какое-то сказаніе о Сѣверѣ, какъ о жилищѣ боговъ, у Тацита, можетъ быть, относится къ особенному религіозному значенію Свитіода, ибо оно совершенно противно религіознымъ мнѣніямъ Германскимъ, постоянно представлявшимъ Сѣверъ страною мрака, тумана и злыхъ духовъ.

Распространеніе мѣшаннаго племени, мало-по-малу составлявшаго аристократію всего Скандинавскаго міра, должно было сперва возвысить значеніе жреческаго центра, а потомъ уничтожить его исключительную власть при умноженіи во всей Скандинавіи родовъ и семей, которыя ничѣмъ не уступали родамъ и семьямъ, живущимъ въ собственномъ Свитіодѣ, даже королевскому; но этой эпохѣ паденія или разъединенія предшествовала, какъ сказано, эпоха полнѣйшаго единства и преобладанія.

*) Ср. Geijer, Urgesch. Schwed. 362. 2. *Изд.*

Digitized by Google

Вообще это преобладаніе имѣло характеръ мирный; но какъ бы ни была мирна власть пришлой стихіи и какъ бы ни было добровольно подчиненіе стихіи туземной, очевидно подчиненность не могла одинаково быть пріятною всѣмъ старожиламъ. Гордость племени мужественнаго и гордаго должна была сильно возмутиться во многихъ благородныхъ сердцахъ и въ родахъ, привыкшихъ къ полной независимости и безспорному первенству. Такова причина, почему въ II вѣкѣ до Р. Х. Готы, т. е. значительное число вѣроятно высшихъ родовъ, переселились на Югъ къ своимъ родственникамъ по крови, отдѣльнымъ племенамъ, жившимъ на берегу Балтійскаго моря между племенами Славянскими, охватывавшими Сѣверъ Германіи. Тутъ повторился въ большемъ видѣ фактъ нерѣдкій въ исторіи, что немногочисленная, но крѣпко связанная дружина сдѣлалась центромъ началъ дотолѣ слабыхъ и разрозненыхъ и привела въ неудержимое движеніе массы, дотолѣ дремавшія въ спокойномъ довольствѣ или въ тупой апатіи.

Здравая критика не можетъ усомниться въ переселеніи Готовъ съ Сѣвера на Югъ, а тѣмъ болѣе предположить ихъ переселеніе съ Юга на Сѣверъ. Въ собственной Германіи это имя является временнымъ гостемъ, не оставившимъ по себѣ слѣдовъ. Въ Скандинавіи оно живетъ и теперь на материкѣ и островахъ. Въ Германіи мы не видимъ ни малѣйшаго признака того дѣленія на Восточную и Западную отрасль, которое характеризуетъ Готское племя. Въ Скандинавіи оно осталось навсегда. Въ преданіяхъ историческихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака движенія Готовъ къ Сѣверу, между тѣмъ какъ о переходѣ ихъ черезъ Балтику съ Сѣвера сохранилась память и у самыхъ Готовъ, и у Лонгобардовъ, ихъ менѣе благородной вѣтви, и кажется у Гепидовъ и у прибрежныхъ Литовцевъ и Латышей, которыхъ они или завоевали или утѣсняли въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Что же касается до ихъ сказаній миѳическихъ, связывающихъ ихъ съ Юго-востокомъ, то они принадлежатъ не народу, а религіи Аза-ванской (по преимуществу же обожанію Фрейра или Прія), которую они приняли прежде переселенія. Невозможно разумному критику въ этомъ ошибиться. Характеръ

Digitized by Google

историческаго преданія и миѳической сказки совершенно различны. Языкъ Готскій, отъ котораго уцѣлѣлъ великолѣпный памятникъ, принадлежитъ по своимъ формамъ, можетъ быть, менѣе къ нарѣчіямъ собственно Скандинавскимъ, чѣмъ къ Германскимъ (и можетъ быть даже Славяно-германскимъ); но это объясняется очень легко, во-первыхъ, малочисленностью самой дружины, которая окрѣпла и сдѣлалась народомъ только вслѣдствіе наращенія изъ Германскихъ племенъ, а во-вторыхъ, измѣненіемъ самыхъ нарѣчій Скандинавскихъ, подвергшихся сильному измѣненію отъ вліянія пришлой стихіи. Дѣйствительно, нарѣчія Шведо-норвежскія представляютъ безчисленные слѣды ославяненія. Какъ бы то ни было, отвергать пришествіе Готской дружины въ Германіи изъ-за моря Балтійскаго, значило бы отвергать всѣ воспоминанія самихъ Готовъ, Лонгобардовъ и Летто-литовскихъ народовъ; это значило бы отвергнуть разомъ всю достовѣрность всякой народной памяти въ такой вѣкъ, когда наука, наконецъ, начала понимать, какъ вѣрна и упорна народная память и какъ дороги ея показанія, часто оподозрѣнныя и осмѣянныя, почти всегда оправданныя глубокимъ изслѣдованіемъ и сравненіемъ древнихъ памятниковъ.

Внутреннія междоусобія, въ которыхъ борьба происходила между племенемъ пришлымъ, первенствующимъ и племенемъ туземнымъ, упавшимъ съ первой на вторую ступень, были разумѣется весьма рѣдки по самому характеру преобладанія Аза-ванскаго, преобладанія религіознаго; за всѣмъ тѣмъ память объ нихъ не совсѣмъ исчезла изъ преданія и выражается въ прозвищѣ короля Эгиля *Тунгадолги*, выдержавшаго многолѣтнюю войну противъ раба по имени *Тунге* и купившаго побѣду великимъ трудомъ и опасными подвигами.

По всей вѣроятности это мнимое имя *Тунге* есть ничто иное какъ искаженіе слова тіунъ, чему соотвѣтствуетъ и самое опредѣленіе этаго раба какъ казначея (тіунъ съ ключами).

Какъ бы то ни было, преданіе содержитъ указаніе на борьбу неравныхъ сословій и слѣдовательно распри племенной, ибо судить объ ней нельзя какъ о возмущеніяхъ или войнахъ,

Digitized by Google

Перѣдкихъ на Востокѣ, въ которыхъ рабы часто возставали противъ владыкъ и свергали ихъ съ престола. Отношенія Восточныя не похожи на отношенія Европейскія. Рабство Восточное есть случайность, нисколько не уничтожающая равенства. Рабство въ Европѣ предполагаетъ по необходимости племенное различіе или то, что на Западѣ считаютъ кровнымъ неблагородствомъ.

Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, одна Россія составляетъ исключеніе, котораго въ Скандинавіи и предполагать нельзя. Впрочемъ можно еще допустить догадку не совсѣмъ невѣроятную, что бывшій казначей конунга воевалъ съ помощью войскъ иноземныхъ и наемныхъ.

Выселеніе Готовъ (т. е. именитѣйшихъ родовъ и ихъ дружины) упрочило преобладаніе Аза-ванскаго (т. е. Сарматославянскаго) племени; но жизнь Скандинавіи была не безбурна, хотя повидимому она и не представляла въ началѣ своемъ тѣмъ безпрестанныхъ потрясеній и переворотовъ, которые потомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ составляютъ ея исторію. Около начала нашего лѣтосчисленія произошло новое выселеніе изъ Скандинавіи, менѣе замѣтное въ своемъ началѣ, менѣе блестящее по военной славѣ, но еще болѣе важное по своимъ историческимъ послѣдствіямъ. Это было выселеніе Саксовъ или Англо-саксовъ.

Различіе времени, между Готскимъ и Англо-саксонскимъ движеніемъ опредѣляется весьма легко однимъ простымъ наблюденіемъ надъ религіею того и другого союза. Готы - поклонники Одина, также какъ и Саксы. Иначе и быть не могло; ибо одинъ былъ туземный богъ Германо-скандинавскаго племени; но Готы не знаютъ еще ничего объ Аза-Торѣ, ни о Ванѣ-Фрейрѣ. Синкретизмъ трехъ религій, слившихся въ одну, еще не утвердился или по крайней мѣрѣ не обнялъ всей Скандинавіи и заключался еще въ предѣлахъ Аза-ванской колоніи *Свитіода*.

Digitized by Google

По всей вѣроятности этотъ синкретизмъ только еще начинался, ибо выселеніе Готовъ совершилось весьма скоро послѣ основанія Аза-ванской колоніи. Должно замѣтить, что Сарматская стихія очень недолго сохраняла отдѣльную самостоятельность и скоро была забыта. Такова причина, что Балтійское море (отъ Литовскаго ли корня или отъ Славянскаго слова *блато*, все равно) очень не долго слыло Сарматскимъ моремъ, между тѣмъ какъ оно было всегда извѣстно подъ именемъ Вендскаго.

Выселеніе Саксовъ уже совершилось при синкретизмѣ, развившемся вполнѣ. Имена *Тора* и *Фрейра* также священны для нихъ, какъ и для вѣковъ, въ которыхъ окончательно слюжилась Скандинавская Эдда. Это извѣстно изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ о формулахъ отреченія Саксовъ отъ язычества и изъ родословій, и слѣдовательно не подвержено никакому сомнѣнію; но самый характеръ выселеиія рознится во всѣхъ отношеніяхъ отъ характера Готскаго движенія: Готы бѣжали, Саксы выходили какъ добровольная колонія.

Быть можетъ, нѣкоторыя смуты въ жизни Скандинавской имѣли вліяніе и на Саксовъ, нельзя на это сомнѣніе отвѣчать ни положительно, ни отрицательно; но во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что они не были бѣглецами, изгнанными изъ родины, или военною дружиною, бросившею отечество, чтобы избѣгнуть чуженароднаго ига или чужестихійнаго гнета.

Первоначальное ихъ появленіе въ Германіи не представляетъ ничего воинственнаго. Самое преобладаніе Одина и Фрейра въ ихъ родословіи и религіи указываетъ, какъ кажется, на то, что Сарматская стихія не имѣла на нихъ значительнаго вліянія.

Впрочемъ, я уже сказалъ о причинѣ, почему Торъ не могъ являться въ родословіяхъ; но великое значеніе Фрейра весьма замѣчательно.

Съ другой стороны, скорое появленіе между Саксовъ племенъ, носящихъ Славянскія имена, доказываетъ великое сходство съ Славянскою стихіею и дружескія отношенія къ ней,

Digitized by Google

не смотря на случайно враждебныя столкновенія Саксовъ съ Славянами При-эльбскими. Распространеніе Саксонскаго союза было, повидимому, не дѣломъ войны, но федераціи, захватившей мало-по-малу Сѣверъ Германіи и по всей вѣроятности получившей особенную силу впослѣдствіи отъ желанія отдѣльныхъ племенъ найти опору и защиту противъ насилія и завоеваній Меровейскихъ Франковъ. Разумѣется, сильный приливъ Германскихъ народовъ, болѣе чѣмъ удесятерившихъ первоначальный объемъ Саксонскаго союза, совершенно отнялъ у стихіи Славянской, не получавшей никакого наращенія, всю ея политическую важность, хотя и не изгладилъ слѣдовъ ея духовнаго вліянія, замѣтнаго, какъ уже сказано, въ религіи и законодательствѣ народовъ Саксонскихъ и ихъ заморскихъ колоній.

Позднѣйшая вражда Саксовъ и Датчанъ не доказываетъ вражды издавней. Въ миѳическихъ и полуученыхъ родословіяхъ они являются братьями, но впослѣдствіи соперничество произвело вражду. Вообще же всѣ сказанія показываютъ въ нихъ народъ приморскій и сѣверный. Что же касается до нарѣчій, которыя носятъ имя Саксонскихъ, ихъ глубокое различіе съ нарѣчіями Скандинавскими объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что числительное превосходство въ союзѣ принадлежало не настоящимъ Саксамъ, принесшимъ имя Скандинавіи, но стихіямъ чисто-Германскимъ, приставшимъ къ союзу и принявшимъ отъ него новое имя.

Послѣ удаленія Готовъ, т.-е. старшихъ родовъ и военной силы этого народа, пришлая Аза-ванская стихія получила не только перевѣсъ, но полное преобладаніе; вѣроятно Саксонское выселеніе не имѣло никакихъ общественныхъ послѣдствій въ жизни Скандинавскаго полуострова; она уже получила опредѣленный характеръ.

Сармато-славянская колонія, вслѣдствіе нравственнаго или умственнаго превосходства, т.-е. большаго просвѣщенія въ бытѣ и промышленности, получила неоспоримое первенство между племенами Скандинавскими. Она была въ продолженіе

Digitized by Google

нѣсколькихъ вѣковъ ихъ несомнѣннымъ религіознымъ средоточіемъ. Но съ одной стороны она сама германизировалась, съ другой ея выходцы селились повсюду между туземцами, основывая дома наслѣдственныхъ благородныхъ ярлей, сдѣлавшихся главами Гото-германскаго народа.

Одинъ Сѣверъ, позднѣйшая Далекарлія, дикій, бѣдный и негостепріимный, едва ли принялъ въ себя иноземный пришлецъ; впрочемъ этотъ край еще долго былъ, кажется, жилищемъ Финновъ и Лаповъ.

Такимъ образомъ древній Упсальскій центръ, хотя еще неутрачивавшій своего значенія, утратилъ права на безспорное преобладаніе и долженъ былъ мало-по-малу подвергнуться соперничеству другихъ, дотолѣ подчиненныхъ областей. Таково дѣйствительно свидѣтельство преданія. Возмущенія и междоусобія, о которыхъ совсѣмъ нѣтъ помина въ первую эпоху, повторяются безпрестанно въ эпоху ближайшую къ историческимъ временамъ. Безпрестанно разсказываются кровавые споры областныхъ (такъ сказать-удѣльныхъ) королей (фолькисъ, конунговъ) между собою, войны ихъ противъ короля Упсальскаго (эйвальдсъ-конунга, стараго по жреческому сану и слѣдовательно нѣсколько соотвѣтствующаго великому князю въ Россіи) или посяганія Упсальскаго державца на владѣнія и жизнь своихъ подчиненныхъ или младшихъ соправителей. Сосредоточеніе государственной жизни исчезло.

Эту перемѣну относятъ ко времени сомнительнаго короля *Аны*; но тутъ еще дѣло идетъ о войнахъ съ иноплеменниками или о раздорахъ семейныхъ. Дѣйствительныя же междоусобія, т. е. борьба эйвальдсъ-конунговъ съ фолькисъ-конунгами относятся ко времени позднѣйшему, къ Эгилю или Олаву Вендельскрака; ибо сказаніе объ Гутаскѣ еще относится только къ распрямъ въ домѣ Инглинговъ. Впрочемъ ясно, что Данія начала жизнь самобытную прежде, чѣмъ раздоры разрушили единство религіозно-племеннаго союза въ Швеціи.

Digitized by Google

Бѣгство Готовъ было удаленіемъ отъ родины, мало по-малу подпадающей подъ власть пришельцевъ Аза-вановъ (Сармато-славянъ); эмиграція Саксовъ была отдѣленіемъ колоніи въ эпоху полнаго преобладанія Инглинговъ.

Этимъ объясняется важность имени Англовъ (Энглей или Инги), не смотря на ихъ малочисленность, и слѣды Славянскаго начала во всемъ бытѣ и въ исторіи Англо-саксовъ.

Но наконецъ самый домъ Инглинговъ (Славянскаго бога, Вана Ингви-Фрейра) сталъ клониться къ упадку. Жреческій центръ, Упсала, потерялъ свое исключительное значеніе. Области получили самостоятельность и стали жить отдѣльною жизнью, оспаривая или отвергая Упсальское первенство. Нѣкогда царствовавшій домъ и нѣкогда преобладавшая страна уступили свои вѣковыя права не безъ упорнаго боя. Закатъ ихъ славы совершился въ кровавомъ туманѣ, въ которомъ историческая критика угадываетъ страшныя происшествія и могучія личности. Не смотря на возстаніе почти всеобщее, Инглинги по временамъ достигаютъ силы и могущества, которыхъ они не имѣли въ эпоху своего безспорнаго владычества; но уже эта сила и это могущество основаны на личной доблести и на счастливомъ насиліи, а не на общемъ согласіи и не на признаніи духовнаго превосходства властвующей или центральной стихіи. Воинъ совершенно вытѣснилъ жреца. Инглинги пали, слабый остатокъ ихъ спасся въ Норвегіи, основывая въ ней новую, отдѣльную династію, которой суждено было еще вписать въ исторію нѣсколько блистательныхъ подвиговъ военныхъ и наконецъ погибнуть безъ слѣда. Безполезно бы было отыскивать въ хаосѣ сагъ и сѣверныхъ сказаній настоящія имена послѣднихъ энвальдсъ-конунговъ изъ древняго рода жрецовъ Фрейровыхъ, или преемство ихъ владычества; но весьма важно то обстоятельство, что похититель ихъ власти, свирѣпый и многолѣтній владыка Сѣвера, Гаральдъ-Гильдетандъ, является какъ бы продолженіемъ династіи, которую онъ дѣйствительно ниспровергъ.

Digitized by Google

Таково же было отчасти въ Римѣ отношеніе Веспасіана къ дому кесарей.

Эпоха религіознаго владычества миновалась; наступило время силы вещественной, мало-по-малу возросшей въ мирѣ и потомъ освирѣпѣвшей въ войнѣ. Родъ Инглинговъ, возникшій въ какой-то таинственной и торжественной тишинѣ, управлявшій въ продолженіе слишкомъ осьми вѣковъ судьбами Сѣвера, скрѣпившій его медленнымъ развитіемъ религіознаго синкретизма, охватившій его сѣтью благородныхъ домовъ, хранителей поэтическаго просвѣщенія, погибъ въ пламени и крови; но Скандинавія уже не могла оставаться незамѣченною въ исторіи міра. Долго накоплявшаяся сила духовная, которой явнымъ доказательствомъ служитъ религіозная восторженность первыхъ викинговъ и наѣздниковъ моря, одичала и получила новый характеръ; но она должна была и на новомъ поприщѣ выразиться несокрушимою энергіею народнаго духа; ибо всякая сила вещественная въ историческомъ мірѣ есть только проявленіе силы духовной; и чѣмъ долѣе мирный бытъ хранилъ и воспитывалъ ее подъ своимъ тихимъ кровомъ, чѣмъ долѣе онъ сдерживалъ ее своими свободно носимыми узами, тѣмъ крѣпче выступаетъ она на поприщѣ дѣятельности, тѣмъ грознѣе ея первые, нежданные удары. Такова исторія Скандинавіи; таково объясненіе тѣхъ страшныхъ, кровавыхъ, но безспорно высоко-поэтическихъ подвиговъ, которыми она ознаменовала свое вступленіе въ обще-Европейскую жизнь.

Долго была она спеленана и какъ бы сдавлена узами, связывавшими ее съ Славянскимъ Востокомъ; долго составляла она только часть его широкой народной системы. Отъ него получила она если не населеніе свое (ибо населеніе ея было безъ сомнѣнія корня Германскаго), то по крайней мѣрѣ стихію своего правительственнаго сословія; отъ него получила она религіозно-просвѣтительное начало; съ нимъ неразрывно связана она была своею торговлею (что явно изъ названія шелка и изъ склада Аравійскихъ монетъ); съ нимъ наконецъ

Digitized by Google

составляла одно обширное общество народовъ, иногда возмущаемое междоусобіями, но отдѣльное отъ остальнаго міра и замкнутое единствомъ жизни, обычаевъ и общихъ выгодъ. Это опять доказывается постояннымъ участіемъ Свитіода въ общественныхъ треволненіяхъ Гардарика или Гольмгарда, постояннымъ вмѣшательствомъ Гардарика въ междоусобіяхъ Свитіода и всѣми сагами о до-историческихъ герояхъ, которые по дѣятельности и подвигамъ, родственнымъ союзамъ, воспитанію и часто даже происхожденію принадлежатъ столько же сѣверной Руси, сколько и самой Скандинавіи.

Неразумно бы искать въ этой до-исторической жизни сѣверной Европы какихъ нибудь формальныхъ союзовъ, правильно построенныхъ федерацій или чего нибудь похожаго на государственную дѣятельность. Это былъ міръ отдѣльный отъ остальнаго, но отдѣленный безотчетно и безсознательно особенностями племенными и религіозными и географическими условіями. Историческая эпоха начинается распаденіемъ этаго міра и явленіемъ центровъ мѣстныхъ и народныхъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ вліянія областей, съ которыми они жили общею жизнію въ продолженіе многихъ вѣковъ. Для Скандинавіи это начало опредѣляется происшествіемъ, которое народная память окружила всѣмъ величіемъ древняго эпоса. Паденіе Инглинговъ уже заключало въ себѣ освобожденіе мѣстной стихіи и притязаніе на отдѣльную самостоятельность; но ихъ побѣдитель, грозный и кровожадный Гаральдъ-Гильдетандъ, не понявъ вполнѣ значенія переворота имъ же совершеннаго, остался въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ міру восточному, въ которыхъ находились его предшественники. Новое возстаніе кончило дѣло, начатое Гаральдомъ. Уже старъ и слѣпъ былъ король, гроза всего Сѣвера, нѣкогда не насытимый ни корыстью ни опасностью боевою, когда поднялись противъ него подданные, долго тѣснимые и угнетаемые его желѣзною волею. Поэзія Сѣвера, въ продолженіи многихъ вѣковъ, прославляла эту послѣднюю борьбу, и исторической критикѣ возможно только пониманіе ея общаго смысла съ устра-

Digitized by Google

неніемъ подробностей, созданныхъ или искаженныхъ вымысломъ скальдовъ. Поднимается весь сѣверный полуостровъ и вызываетъ на бой непобѣдимаго старца. Грозный слѣпецъ радуется битвѣ, которая увѣнчаетъ его жизнь или блистательнѣйшимъ торжествомъ или смертію достойною воина. Безчисленное мѣстное войско собирается со всѣхъ концовъ Скандинавіи. Имъ предводительствуетъ Сигурдъ Рингъ, славный славою своего сына, Рагнара Лодброка, любимца сѣверной поэзіи, перваго изъ тѣхъ морскихъ наѣздниковъ, которыхъ съ тѣхъ поръ сталъ высылать сѣверный міръ на опустошеніе береговъ всей Европы. Не менѣе безчисленны дружины Гаральда; но главная основа ихъ, Венды и Славяне, ясно указываютъ на самое значеніе борьбы, происходившей не между лицами, а между началами народными. На несмѣтныхъ корабляхъ стекаются враги къ берегамъ Бравалды; но рѣшительный бой долженъ происходить на сухомъ пути, а не на морѣ. Славные герои Сѣвера являются на кровавый пиръ, и такіе которые едвали не жили въ послѣдующей эпохѣ, и такіе, которые, безспорно, если и жили когда нибудь, то давно, по преданіямъ самаго Сѣвера, уже кончили свой вѣкъ. На колесницѣ выѣзжалъ слѣпой король; но возница его не тотъ, кто обыкновенно правилъ его конями, а одноглазый старикъ въ широко-полой шляпѣ, т. е. самъ Оденъ или Небо въ символѣ солнца и тучъ. Не съ добрымъ намѣреніемъ убилъ онъ царскаго возницу, не съ добрымъ намѣреніемъ править онъ царскою колесницею, которую устремляетъ въ самый пылъ боя. Онъ наконецъ измѣнилъ своему прежнему ученику и любимцу; онъ открылъ врагу тайну его боевыхъ построеній, и старый воинъ узнаётъ въ серединѣ сраженія измѣну божества, на которое надѣялся, и падаетъ отъ его неотразимой руки. Мѣстная стихія торжествуетъ, восточные союзники Гаральда гибнутъ или бѣгутъ, и великій переворотъ совершается въ жизни Скандинавіи. Таково сраженіе при Бравалдѣ.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. „Они (Германцы) искали земель, обитаемыхъ народовъ“ и т. д. Запятая должна стоять послѣ „обитаемыхъ“. Dieffenbach выражаетъ эту мысль такъ: Unter allen Stämmen... war der Deutsche das am kräftigsten und edelsten organisierte und desshalb auch am meisten befähigt die Zertrümmerten Staaten neu zu organisieren Orig. 187“. Dieser Name (d. Deutsche) bezeichete das Volk der Macht, das Volk bei dem die Entschei.dung der Dinge stand, das Volk der Völker. Giesebrecht. Gesch. II. 2. 504“.

„Исторія... осудила ихъ быть аристократами“ Ср. Гильфердингъ И. Б. Сл. 11 и сл. Grimm. D. R. Alt. 1. 373. Alle Menschen sind entw. freie oder unfreie. Leges Bajuv. Visg. Burgundionum. стр. 310. тамъ же.

„Различіе между Вестготами и другими племенами...“ Thierry, Lettres sur l'Hist. de France VI.

„Чувство враждебное Ѳеодорику“. Ср. W. Grimm D. Heldensage 43 44. Лѣтопись Новгор. I. 1204 г.: Поганый, злый Дедрикъ“.

2. „Ругіямъ“ Одоакръ по нѣкоторымъ источникамъ былъ Ругій; а племя Ругіевъ вѣроятно сохранило связь съ побережіемъ Балтики, даже послѣ передвиженія на Югъ при Аттилѣ..

„Вестготы владѣли дикой областью Древлянской“ ср. Гильфердинга: И Б. С. 18.

„Свидѣтельство Іорнанда о принятіи Остготами Гунскихъ именъ“ Iorn. 9.

3. „Сходство Готѳскаго языка съ Славянскимъ“. Schaf. S. Alth. 1. 429 и сл.

„Быстрое распространеніе Аріанства“ и т. д. Здѣсь находимъ разъясненіе недоумѣнію Грановскаго по поводу словъ Х—ва о непонятности для Зап. Европы факта принятія Аріанства Бургундами отъ Готѳовъ (соч. Грановскаго 1900 г. 529 стр.). Бургунды, по мнѣнію Х—ва, равно какъ и Готѳы, были племенемъ, пропитаннымъ Славянствомъ.

„Belagines“ (опечатка Be-magines). Іорн. XI. „Бѣлѣгъ“, по Миклошичу, (Lexicon.) σημειον, signum. „Бѣлѣзи и Знаменія“. Словопроизводство Германское у Гримма. Gesch. d. D. Sprache. (index).

5. „Получили они названіе Бургундцевъ“. Другое производство этого имени у Pauli. R. Enc (ed. 1897.) О характерѣ Бургундцевъ ср. Ешевскаго, Апол. Сидоній. 126. Незамѣтное обращеніе ихъ изъ Аріанъ въ Православныхъ—тамъ же. О близости къ Готѳамъ у Pauli. R. E.

6. „Необходимость защиты“ и т. д.: Франки впервые упоминаются на низовьяхъ Рейна въ 230 г. Hüschberg, die Allemanen. 105. Момсенъ объясняетъ имя Франковъ—„вольными людьми“ Р. Ист. Рус. пер. V. стр. 143.

7. „Ученость Германская и т. д.“... lässt sich Vermuthen das vorkeltische Stämme... allmälich Keltisirt... Wenigstens besitzt der rætoroman. Sprachast

Digitized by Google

der sich durch Graubünden, Engadin, Tyrol u. vielleicht noch weiter erstreckt Besonderheit genug um einen nicht rein Kelt. Vorgänger möglich erscheinen zu lassen. Pferde Köpfe als Hausverzierung.... Dieffenbach. Orig. 135. Онъ предполагаетъ возможность Иллир-Лигурской народной подпочвы, какъ въ Ретіи такъ и Винделикіи; а эти народы почитаются Х—вымъ В. Иранскаго корня.

8. „Бургундцы болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ"... Х—въ здѣсь опять возвращается къ высказанному уже мнѣнію, что были два племени Бургундовъ Восточныхъ и Западныхъ. Послѣдніе получили это названіе отъ воздвигнутыхъ въ ихъ землѣ Римскихъ „castella"; и Восточныхъ, сдѣлавшихся горожанами подъ вліяніемъ поморскихъ Славянъ. Онъ этимъ объясняетъ какъ могло сохраниться и утвердиться на границахъ Галліи Бургунды почти уничтоженные Гепидами (Ukert, Germania 419—20). По поводу полемики Грановскаго съ Х—вимъ, обвинявшимъ имъ въ произвольномъ обращеніи Гепидовъ въ Готѳовъ въ текстѣ Мамертина ср. Pauli. R. E. Gepidœ, ein gothisches... Volk. (s. v. Gepidœ).

9. „Примѣчанія на Салическіе законы". Авторъ пользовался, кажется, предисловіемъ В. Гримма къ изданію Сал. Законовъ Меркеля.

„Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю Славянскому" Гильфердингъ. Ист. Б. Слав. 194 пр. 741.

„Остатки Славянскаго языка въ нарѣчіи Утрехтскомъ" Schafarik. Sl. Alth. II. 510.

„Войны съ Римлянами и Саксами". (?)

„О Богѣ Бѣлѣ". Beal (?)

10. „Земля Мэруве". Thierry считаетъ названіе Меровинги гораздо древнѣйшимъ имени самаго Меровея. Grimm не признаетъ объясненія Ducange „crinitus", R. Alth. I. 332.

„Просьбы Мировинговъ къ Гунскимъ вождямъ" Gibbon. Decline. IV. 226.

11. „Воинственное и хладнокровное свирѣпство" Сальвіанъ de Gub. Francorum gens infidelis—Franci mendaces. Si perjurit Francus, quid novi faciet, qui perjurium ipsum sermonis genus putat esse, non criminis. Lib. IV. 76. 79. 155. Сальвіанъ отмѣчаетъ рядомъ съ недостатками и качества отдѣльныхъ племенъ: Franci-hospitales. Castitate miranda. Montalembert въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что „il ne faut pas croire que les Francs fussent, comme on l'a prétendu, moins civilisés, moins humains, plus opresseure que les autres Barbares (Moines d'Occid. II 261); а въ другомъ онъ ихъ характеризуетъ такъ: tout en réspéctant... la foi catholique... ils violaient sans scrupule tous ses préceptes en même temps que les plus saintes lois de l'humanité. Cétait surtout dans ces tragédies domestiques, dans ces exécutions et ces assassinats fratricides dont Clovis donna le premier éxemple et qui souillent d'une tâche inéfaçable l'histoire de ses fils et de ses petits fils qu'éclate „leur incroyable perversité". p. 270. Франки „гордились" именемъ людей жестокихъ. Ешевскій, Суд. стр. 126. Клавдіанъ (in cons. Honorii. „призвали Боноза и его предали") Sh. Turner Hist. of A. Sax. 1. 82 пз.

Digitized by Google

12. „Духовенство Западное и глава его и т. д.“ Hüschberg Allem. 688. Michelet. Hist. de Fr. Liv. 2. 86 (id 1840). Папа Анастасій. Судьбы Италіи. Кудрявцева 42.

„Присоединились къ В. Готеамъ дружины Геннадовъ“ Hüschberg Allem.619.

13. „Возводя *почти* въ степень святыхъ“ и т. д. Гонтрамъ. Дагобертъ.

14. „Таково начало системы аллодіальной“ Grimm. R. A. 2 т. 3 и 4.

„Во многихъ мѣстахъ, безъ согласія общества“ тамъ же 2 т. 55. Savigny. Röm. Recht im Mitel alter. T. I, 211.

„Взаимная отвѣтственность“ Grimm. R. A. 1. 404.

15. „Завоеватели Галліи... были дружиной одного Кн. рода“. У Франковъ не было „Adel“ подобно какъ у другихъ Германцевъ; всё было поглощено Кор. властью. Savigny. Röm. R. im M. 1. 223 и сл. Ganz unrichtig haben Manche behaйptet die „Franci“ seien Franz. Adel. 224. По поводу раздѣла земли въ странахъ, завоеванныхъ Франками, Савинью замѣчаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ относительно порядка раздѣла оныхъ, тогда какъ у другихъ Германцевъ порядокъ былъ одинаковый. 310 стр.

16. Имя Салійцевъ производится нѣкоторыми отъ рѣки Issala. Issel. Слово „Сала“ Pott. Et. Forsch II. 3. 660.

„Sonnenlehn.“ ср. Grimm. R. Alth.

17. „Послѣдніе выселенцы изъ Скандинавіи—Саксы“. На чемъ основывалъ авторъ такой взглядъ—неизвѣстно. Вѣроятно не на одномъ фактѣ появленія ихъ у устьевъ Эльбы между эпохой Тацита и Птоломеевой.

„Чернобогу и Сибѣ“ S. Turner Hist of the A. S. 1. 130.

„Бѣлбогу“ Эгингардтъ?

18. „Славянскія слова въ языкѣ А. Саксовъ“. Ср. Шафарика Sl. Alth. II. 572. Гильфердингъ. Ист. Б. Слав. 54. Въ другомъ мѣстѣ авторъ приводитъ еще слово fray—пря.

„Западный берегъ Галліи носилъ названіе Саксонскаго“ litus Saxonicum. Grimm. Gesch. d. D. Spr. 435.

19. „Остатки легіоновъ возвели человѣка мужественнаго“ Константина 406 г.

20. „Пристани Ирландіи—Сѣверной Галліи“ (?)

О посѣщеніи Британніи Финикійцами—Sh. Turner. II. A. S. Michelet H. F. Sur les trad. relig. de l'Irlande IV. 3 и 4 гл.

„За то и христіанство—восточному“ Neander I. т. K. G. 4, 47 стр. Противъ Usher'a, о не Римскимъ христіанствѣ Британніи: Ozanam, Etudes Germ. II. 100 приводитъ лишь доводы о томъ, что Британская церковь не была, подобно позднѣйшему Англиканству, Протестантской. Валуевъ Сборникъ Истор. 287 стр. и сл. Пелагій родомъ Британецъ. Борьба съ Пелагіанствомъ въ Британніи указываетъ на степень развитія въ ней христіанства въ V вѣкѣ. Хотя Ирландія представляется совершенно языческой во времена Патрикія, тѣмъ не менѣе X—въ видимо придавалъ значеніе словамъ Тертулліяна (adv. Iudœos c. 7.) о распространеніи христіанства въ неподчиненныхъ Римск. власти частяхъ Британніи.

21. „Кульдіяхъ“ ср. Montalembert Moines d'Oecident. III. 310.

22. „Палладія“. Въ точности не извѣстно время пребыванія Палладія въ Британніи. Его считали современникомъ Григорію В. слѣдов. позднѣйшимъ противъ Патрикія; но по другимъ свидѣтельствамъ онъ былъ по-

Digitized by Google

сланъ Папой бороться съ Пелагіанствомъ; и неуспѣхъ его проповѣди, по незнанію языка, побудило б. б. Папу послать Патрикія. Неандръ отвергаетъ всякую тѣнь зависимости послѣдняго отъ Рима.

„Отзывается характеръ Пелагіанства“ ср. объ этомъ въ богословскихъ сочиненіяхъ X—ва (т. 2). (passim).

23. „Они явились... въ ту эпоху“. Упомянутыхъ бардовъ относятъ къ 6 вѣку и началу 7-го.

25. „Нешній“ Относится къ эпохѣ гораздо болѣе поздней чѣмъ Гильдасъ. Sh. Turner. H. A. S. I, 118—9.

26. „Сочувствіе съ Гуннами“ ниже указана книга, изъ которой авторъ почерпнулъ это указаніе—стр. 338. ср. Diefenbach Celtica II. 89. III 151. 225. 267 и 416.

28. „Судъ присяжныхъ“. „Единогласное рѣшеніе... это стародавній взглядъ всѣхъ Славянскихъ племенъ“. Ср. Кавелинъ 2 т. 230. „Требованіе единогласнаго вердикта отъ англ. присяжныхъ безъ сомнѣнія вытекаетъ изъ того же стародавняго воззрѣнія“. Тамъ же Соч. 2. 231. Гриммъ доказываетъ, что Англійскій институтъ присяжныхъ однороденъ съ судебными учрежденіями другихъ Герм. народовъ; но, повидимому, онъ не признаетъ, что единогласіе есть черта „существенно“ отличающая Англо-Сакс. институтъ. „Nicht Selten heissen unsere Schöffen gerade geschworene. Ihre Anzahl von 7, 12, 24 begegnet d. Zwölfen der jury und die Einstimmung der Sieben ist entscheidende mehrheit unter Zwölfen, nahmentlich auch der nordisch. „nefud“; So dass die in England erforderliche einhelligkeit der Zwölf als eine *unwesentliche* (?) *abweichung* erscheint R. A. II т. 402 стр.

„Суда присяжныхъ искали у Германцевъ и не нашли“. Изъ словъ Гримма (II. R. A. 401). Hieraus erkläre ich mir nun auch die Ähnlichkeit u. unähnlichkeit der Schöffen mit den Geschworenen“—можно заключить, что вопросъ этотъ по кр. мѣрѣ спорный. Ср. Savigny R. R. im Mittel Alter 1. 236. О не единогласіи рѣшеній судовъ у Германцевъ тамъ же 257 стр.

„Новые ученые наконецъ начали догадываться“ и т. д. Не знаемъ кого авторъ имѣлъ здѣсь въ виду.

30. „Ученые изъ Ирландіи“ и т. д. Несмотря на ожесточенную вражду Бриттовъ къ А. Саксамъ, христіанское просвѣщеніе начало проникать и къ симъ послѣднимъ до прибытія Августина. Подъ учителями изъ земель Валлійскихъ авторъ м. б. подразумѣвалъ св. Карадока, убитаго Саксами. О дѣятельности учениковъ св. Колумбы въ дѣлѣ обращенія Англо-Саксовъ въ началѣ 7-го вѣка (Св. Аиданъ и др.). Ср. Montalembert, Moines d'Occid. т. 4.

„Залита кровью Христіанъ“. Въ смягченной формѣ говоритъ тоже Неандеръ. K. G. II 9. пр. 8. Но самыя убійства въ Бангорѣ нельзя приписать непосредственному повеленію Римск. миссіонеровъ.

32. „Другая часть, принявшая Христ—во въ Италіи“. Большинство Лонгобардовъ при вторженіи въ Италію было языческое. Ср. Greg. Mag. Dialogi. III. XXVII. XXVIII. Paulus Diac. IX. 6.

„Безсиліе Лонгобардовъ“. Они никогда не могли утвердиться далѣе Беневента. Кудрявцевъ. Судьбы Ит. 122.

Digitized by Google

33. „Рабы не имѣли даже законнаго брака“. О семейномъ положеніи рабовъ ср. Grimm. R. A. 1. 481.

„Безъ языка писаннаго“ Es ist aber gar nichts long. vorhanden und auch keine Spür da, das es untergangen ist. Grimm. G. d. D. S. 479.

„Смягчалъ отчасти ихъ воинственную дикость“. Michelet Hist. de Fr 1. 79.

35. „Власть епископовъ возрастала“ Neander K. G. II. 52. 57.

„Эти права перешли къ епископамъ“ Weber. Allg. Welt G. 4. 711.

38. „Фризы—Ставоры“. (?)

39. „Пораженіе союзнаго войска Франковъ“ При Дагобертѣ. Само.

47. „Характеръ Несторіевой школы и т. д.“. Несторій родился въ Сиріи, въ гор. Германціи; ученикъ Ѳеодора Монсуеетскаго. Принялъ монашество и священствовалъ въ Антіохіи до возведенія на константинопол. каѳедру въ 428 г.

„Савеллія съ другой“; изъ Птолеманды въ Африкѣ. Хотя гностицизмъ развился въ многообразныя системы, тѣмъ не менѣе начало его авторъ ищетъ въ Александріи. Seinem Ursprunge nach ist. d. Gnost. älter als das Ch—thum und die alexandr. speculativen Iuden Aristobulos, Philo waren so gut Gn-ker wie Basilides, Valentinus u. a. Ritter. K. G. 1 B. 87. Валентинъ былъ Египтянинъ родомъ. Василидъ же, хотя и Сиріецъ, тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ и училъ въ Александріи.

48. „Тертулліанъ въ борьбѣ“ и т. д. Тертул. былъ противникомъ крещенія дѣтей и слѣд. можно думать, что онъ не считалъ некрещенныхъ безвозвратно осужденными, несмотря на то, что говоритъ, что безъ крещенія никто спастись не можетъ (Іоаннъ III. 5). По этому поводу Неандеръ замѣчаетъ „es scheint... das er sich keine Wirkung d. Taüfe ohne der theilname des eigenen bewustseines ü. ohne eignen glauben denken konnte; und er sah ja auch für das schuldlose alter keine gefahr (умереть не крещенымъ) *wenngleich diese äusserung nach seinem systeme nicht consequent ist*“. Послѣдніе слова эти показываютъ, что въ оцѣнкѣ системы Тертул. X—въ совершенно согласуется съ Неандеромъ, хотя его взглядъ на частный вопросъ о крещеніи можетъ быть не вѣренъ. Ср. Böhringer, die Kirch. Christi. Tertullianus. 774. Ближе къ X—ву.

„Арій и т. д.—логическаго“. Это мѣсто весьма существенно какъ возраженіе противъ возведеннаго на автора обвиненія (В. Соловьевымъ) по поводу его выраженія „Арій и Діоскоръ и т. д.“ II т. соч. X—ва 152 стр. пр. 2.

51. „Если бы нужно доказывать—Ѳракіи“. Годъ рожденія Юстиніана не опредѣленъ точно. Gibbon. V. 35 пр. Но его дядя Юстинъ вступилъ на престолъ въ 518 г. 65 лѣтъ отъ роду; слѣд. родился въ 453 г. Finlay. (Greece under the Rom. 211) думаетъ, что мѣстное населеніе Ѳракіи уже въ то время состояло изъ тѣхъ сочетаній племенъ, которыя произвели теперешній—Valachian und Albanian languages. Мѣсто рожденіе Юст—на „Bederiana“, около теперешняго Кюстендила въ В. Македоніи. Schafarik (S. A. II. 160) признаетъ, отчасти на основаніи этихъ фактовъ, болѣе раннее проникновеніе Слав. поселеній на лѣвый берегъ Дуная, чѣмъ какъ можно извлечь изъ Виз. историковъ. Но онъ не признаетъ исконности

Digitized by Google

пребыванія Славянъ тамъ, подъ видомъ Ѳракійцевъ, какъ то полагаетъ Х—въ, отождествляющій Сл—нъ съ тѣмъ племенемъ, которое въ древности заселяло Балканскій полуостровъ и побережье М. Азіи до Ликіи включительно; и односоставность коего признаетъ напр. Curtius Gr. G. I томъ, стр. 29 и сл. и 348. О болѣе раннемъ поселеніи Славянъ въ Балк. полуостровѣ при отрицаніи ихъ исконности ср. Jireçek Bulgarien. 77 и сл. Опроверженіе Слав. происх. Юстиніана: Визант. Временникъ 1894 г. т. I. Вып. 3—4. В. Васильева.

52. „Безъ уважевія нельзя вспомнить—для одной этой цѣли“ Прокопій (de B. G. IV. 3). передаетъ обстоятельства уничтоженія въ Абхазіи торговли эвнухами по требованію Юстиніана, закончившемуся добровольнымъ подчиненіемъ Абхазіи Имперіи. Войну же на Кавказѣ Юст. вёлъ съ Лазами по совершенно другому поводу.

„Требованіе Юстиніана напоминаетъ“ ср. примѣч. къ стр. 231, 6-го тома.

56. „Гунновъ Эвталитовъ“, a polite and warlike nation. Gibbon. V. 175.

57. „Во время великаго Аттилы, они, оставляя въ покоѣ Византію“. Тоже сказано и въ статьѣ „Вмѣсто введенія“ т. III. 132 стр. Противъ этого послѣдняго мѣста возражалъ Кавелинъ. ср. Соч. I. 726. Выраженіе авт. конечно, неточно. Очень вѣроятно, что онъ смотрѣлъ на грабежи и пятилѣтнія разоренія Аттилой задунайскихъ областей, какъ на пограничныя отношенія варваровъ къ богатой, сосѣдней Имперіи, обычныя всѣмъ задунайскимъ кочевникамъ того времени (Finlay, Greece etc. 202), а не какъ на главную цѣль. Готѳовъ Византія направила на Западъ, чтобы избавиться отъ нихъ; Аттила же самъ бросилъ Визант. области и направилъ свои силы въ другую сторону. Alarichs und sein. Westgothen war man auf kosten des Abendlands los geworden: Attila hat das „verhängniss“ von der Griechisch. Erde fort in das Abendland... getrieben (Fallmerayer. die Entstehung etc. 146) Х—въ, вслѣдъ за Венелинымъ, объяснялъ эту „Verhängniss“ опредѣленнымъ мотивомъ.

59. „Нѣтъ причины искать имъ отечества внѣ Кавказской области“ Аварское племя причисляется къ т. н. Кавказскимъ племенамъ, отношеніе коихъ къ другимъ рассамъ очень не опредѣленное. Грамматика Аварскаго языка составлена Штейбеномъ въ 1862 году.

„Омброновъ и Амброновъ“ Тождество этихъ именъ спорно. Ср. Pauli. R. E. 5. 931. Если признать Кавказскихъ Аварцевъ Аварами—то можно не раздѣлять взгляда преобладающаго, что эти послѣдніе были Монгольской расы, Бопп почиталъ Кавказскую рассу Индо-Европейской ср. его „die Kaukas. Glieder der Indoeurop. Sprachstammes“. Внѣшній видъ Аваровъ отличался ростомъ, не соотвѣтствующимъ обыкновенному типу Монгольскому. У Зап. Славянъ названіе Авара—Обрина перешло въ нарицательное—великанъ.

61. „Авары погибли и т. д.“ ср. Fallmerayer, die Entst. 167 стр.

62. „Одинъ изъ Князей“ Muralt. Essai de Chron. Byz. Heraelius 6111 г.

„Въ самой Бактріи—христіанъ“. Фа-Гіанъ; пут. его издано Ab-Rémusat. (Foe-Koueki).

64. „Своекорыстная благодарность—императора“ хотя отношенія Григорія В. къ Фокѣ и не вызываютъ одобренія, но нельзя не замѣтить, что онъ

Digitized by Google

былъ въ отношеніяхъ недружелюбныхъ съ Маврикіемъ; и что, кромѣ того, онъ не повиненъ въ построеніи колонны на Форумѣ. Эдиктъ Фока о первенствѣ Рим. престола послѣдовалъ послѣ смерти Григорія, при папѣ Бонифаціи IV. Кудрявцевъ оправдываетъ отчасти Григорія старчествомъ и болѣзнями и болѣзнью столкновенія съ новымъ Императоромъ. Судьбы Ит. 187 стр.

67. „Мысль Ираклія принесла богатые плоды" Fallmer. Entst. 198.

„Морея" Нѣкоторыя считаютъ, что „Морея" образовалась изъ перестановки звуковъ—„Ромея" Jireçek. Bulg. 125.

„Приглашеніи Конст. Копронимомъ" ср. Finlay. 3. 65. Они были поселены въ Виѳиніи.

68. „Явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ Южной Аравіи и Сѣверной" Ср. Lenormant H. A. VI. 360. 373 стр.

„Дѣти Куша и Мисраима—при кавказской Иверіи". Въ настоящее время этотъ взглядъ на разселеніе, почти всѣми признаваемыхъ Кушитовъ, достаточно утвердился, хотя точка отправленія Кушитства изъ Эѳіопіи, какъ думалъ авторъ, переносится болѣе на побережье Индіи и даже въ среднюю Азію.

„Отдѣльныя битвы Кушитовъ въ Сѣв. Аравіи". Lenormant. VI. 344.

69. „Такъ преданіе Аравіи—пустыня". Говорится о сооруженіяхъ, приписываемыхъ мѣстн. сказаніями Локману.

70. „То власти Эѳіопіи". Въ началѣ 6 вѣка овладѣла она частью счастл. Аравіи. Rawlinson. 70 Monarchy, 423 стр.

71. „Паденіе Царства Израильскаго" Lenormant VI. 451.

„Рядомъ съ царствомъ Еврейскимъ и т. д.". Валуевъ. Христіанство въ Абиссиніи (Сборникъ Ист. и Стат. свѣдѣній).

„Остатки Іудейскаго Царства". Iost. Gesch. d. Iudenth. 2. 225 и сл.

73. „Престарѣлый учитель передъ смертью указывалъ и т. д." Вѣроятно имѣется въ виду фактъ посольства къ Гераклію и Хозрою (и друг.) относящійся, кажется, къ 628 г.

74. „Годъ его рожденія и т. д." (571). Этотъ годъ—похода Хозроя въ Аравію и побѣды надъ Абиссинцами.

„Исторія человѣчества и т. д." Ср. томъ III. Черты изъ жизни Калифовъ.

78. „Астартѣ Бактрійской" ср. VI т. пр. къ стр. 46-й. Начало этого культа восходитъ къ эпохѣ древнѣйшей. Герод. I. 18 г. Но онъ при Сассанидахъ развился до соперничества съ почитаніемъ Ормузда и Митры Rawlinson. 70 Mon. 631 стр.

„Обогащался новыми произведеніями". Даже настоящій текстъ Авесты почитается нѣкоторыми произведеніемъ эпохи Сассанидовъ.

„Такъ въ самомъ началѣ Сасса. династіи". О собраніи Маговъ Ардширъ Бабегановъ ср. у Rawlinson 7 Mon. 57 и сл. Опредѣленіе зависимости начала злаго отъ добраго находится въ Бундегешъ, произведеніи этой эпохи. Точнѣе-Бундегешъ признаетъ начало злое преходящимъ. Ср. Windischmann Zoroastr. Studien 56 и сл. Spiegel Er. A. K. 3. 7.

80. „Таково ученіе Манеса". Spiegel Er. Alth. K. 3. 195 и сл. Es ist vielmehr der Versuch ein Weltreligion auf ziemlich breiter Grundlage zu er-

Digitized by Google

richten, welche ausser den Eraniern noch die Bewohner Messopotamien's... die ind. Buddhisten umfassen solte.

„Въ пещерахъ Гималая“ тамъ же 203 стр.

„Магузеевъ“ Neander K. G. I. 269. Gieseler K. G. I 245.

81. „Символъ ладей“ у Манихеевъ ср. Augustinus. de Hæres. c. CLVI. у Офитовъ напр. Епифаній Panaria I. 8. стр. 5. (Ἐν κίστῃ τινί).

„Въ безконечное заклинаніе“. Neander. K. G. 1. 263.

88. „Христіанство было принадлежностью городовъ“ и т. д. Этимъ объясняется первоначальное появленіе „circumceliones“, какъ насильственныхъ обратителей языческихъ поселянъ, извѣстныхъ впослѣдствіи въ совершенно другой роли въ ист. Донатизма.

100. „Многіе спаслись въ землю Баварскую“ ср. Fredeg. c. 72. Zeuss. die Deutschen. 717. Вѣроятно авторъ придавалъ особенное значеніе выраженію Павла Діак. Qui usque hodie in hiis ut diximus locis habitantes... linguæ tamen propriae usum minime amiserunt. Но съ другой стороны изъ Фегедрарія не видно, чтобы Баварцы приняли пришедшихъ къ нимъ Болгаръ за Славянъ, хотя избіеніе ихъ скорѣе объясняется именно этимъ соображеніемъ: т. к. Дагобертъ былъ въ войнѣ со Славянами, а не съ Аварами, съ которыми Болгары многими почитаются одного корня. Къ тому же остатки избитыхъ Болгаръ искали себѣ убѣжища у Вендовъ. Такимъ образомъ можно слова автора „принимая за Славянъ“ почесть либо ошибкой, произшедшей отъ работы на память, либо предположить, что „принимая Болгаръ и т. д.—Славянъ“ должны быть включены въ скобки вмѣстѣ съ фразой „а кажется“. За утратой этой части оригинала сличеніе съ нимъ не представляется возможнымъ.

101. „Уже въ первыхъ вѣкахъ—Славянъ“. (?)

102. Владыками Славянъ (Саклабовъ) Иловайскій Розыск. о нач. Руси 408 пр.

103. „Оружіе ихъ грозило въ одно время... державѣ Халифовъ“. Хазары нападали не рѣдко на Сассанидскую державу. Они участвовали съ Имп. Ираклiемъ въ войнѣ противъ Хозроя (626 г.). Не ошибка ли говорить о войнахъ ихъ съ Халифами?

104. „Кхаса“. Lassen. A. I. I. 441.

105. „Хаоновъ и Униловъ—часто сопровождающихъ“ это послѣднее слово относится только къ Униламъ или Унеламъ. Zeuss. die Deutsch. 204 и 205.

111. „Приморскихъ Славянъ... Гунами“. Вѣроятно на основаніи Сакс. Грам. Отъ 185—240 изд. Müller'a.

„Изъ нихъ является одинъ не съ Слав. именемъ“. Дѣти Омортага по мнѣнію Иречька—Volkommen Slavische Namen trugen. Bulg. 149 стр. Первая династія была избита и на ее мѣсто выступилъ по избранію „Телецъ“ (Telec) въ 760 г. „Критогонъ“?

115. „Себерены“ жили въ Добруджѣ. Побѣждены Аеперикомъ въ 796 г.

120. „Ката подрѣзанъ“ Генезій 52. ср. Finlay 2 т. 270 пр.

121. „Манихеевъ“. Подъ этимъ именемъ подразумѣваетъ авторъ Павликіанъ. Отношенія ихъ къ ученію Манеса не совсѣмъ ясны. Нѣкоторые считаютъ ихъ въ болѣе близкомъ сродствѣ съ Маркіонитами. Первое переселеніе ихъ во Оракію относится къ эпохѣ Конст. Копронима, а главное къ царств. Іо. Цимійсхія. (969). Несмотря на упорную войну имп. Василія Мак. съ

Digitized by Google

Павликіанами и побѣду надъ ними, переселенія при немъ въ Европу не послѣдовало, если не подразумѣвать подъ этимъ выраженіемъ того, что Василій отправилъ часть ихъ вооруженныхъ отрядовъ въ Италію для борьбы съ Сарацинами.

„Переселеніе Манихеевъ". Здѣсь можетъ подразумѣваться переселеніе при Копронимѣ. Сознательная пропаганда Павликіанства явствуетъ изъ сообщенія Петра Сиц., посылавшагося имп. Василіемъ для собесѣдованія съ ними въ Арменію.

123. „Ѳока купилъ покровительство и дружбу Рим. Епископа" Бонифація IV.

125. „Зная, безъ сомнѣнія, ихъ подложность" Франц. епископы не хотѣли признать декреталій, на которыя ссылался Николай „Haud illa decretalia in toto codicis canonum corpore continens descripta" (Neander K. G. 196. 2). Однако, по словамъ Папы, они и сами пользовались ими, когда это было въ ихъ интересѣ. По общему мнѣнію историковъ Папа Николай, первый воспользовавшійся новой редакіей Псид. собранія, не столько зналъ о подложности актовъ, сколько не считалъ нужнымъ подвергать критикѣ то, что было столь полезно для его дѣла.

127. „Человѣкъ презрительный и лукавый". Вѣроятно писано подъ вліяніемъ книги о Фотіѣ ісз. Jäger'a. Hergenröther называетъ его человѣкомъ „mit klarem, berechnendem Verstande, aber verderbter Gesinnung. Противуположный о немъ отзывъ высказываетъ проф. Платоновъ „Патр. Фотій стр. 112". И Иванцовъ-Платоновъ въ „Къ изслѣдованіямъ о Патр. Фотіѣ".

128. „Рѣшеніе Ефесскаго Собора" ср. примѣч. къ 330 стр. 2 тома настоящаго изданія соч. Х—ва.

„Въ другомъ отношеніи" и т. д. ср. Harnack Dog. gesch." Die werthloseste Formel d. Augustianismus, einst empfohlen durch den gegensatz gegen d. Arianismus., ist somit im Abendlande conservirt worden. III. 281. 3 Aug.".

130. „Династія Вей" Bibliotheque Or. d'Hérbelot. Supl. Histoire de la Tartarie. Династія Тханъ вступила на престолъ въ 620 г. по Р. Х.

131. „Ихъ называютъ и т. д." ср. Spiegel. E. A. K. I. 336 и сл.

132. „Послы приходили" и т. д. Въ 637 г. по Китайскимъ источникамъ; ср. Klaproth: Mémoires relat à l'Asie. 82. Греція: Li-Kien; d'Hérbelot Supl. 172.

134. „Корея и прилегающія области вошли въ составъ Кит. государства". Это не совсѣмъ точно, т. к. Корея не поглощалась Китаемъ, какъ составная его часть, а только съ 960 г. по Р. Х. (Императ. Тай-Тсу) признала его верховенство. Отношенія Кореи къ Китаю выяснилось только недавно.

„По всѣмъ вѣроятностямъ—поздно" Ern. Oppert. Reise nach Corea 1880 passim.

136. „Его умственная жизнь" и т. д. Подъ выраженіемъ *первоначальнаго Буддаизма* авторъ понимаетъ не Буддизмъ, религію, а начала, изъ котораго вышло это ученіе, введенное въ Китай въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.

138. Вмѣсто „Китайскими татарами"—читай „Китанскими".

„Династія Суиговъ" взошла на престолъ въ 960 г. d'Herbelot Supl. 98.

139. „Династія Кинъ"—тамъ же.

Digitized by Google

„Китай въ концѣ XV вѣка покорился". Опечатка вмѣсто XIII вѣка. Кублай умеръ въ 1294 г. послѣ 35 лѣт. царствованія.

140. Объ Евнухахъ. (?) Отношеніе ихъ къ ученію Lao-Tse вѣроятно связывается авторомъ съ сектой Таоссе.

141. „Персидскихъ Кеанидовъ". Династія иноческая, подобно предшествующей Пишдадіевъ. Ср. Spiegel E. A. K. 3 томъ.

142. „Противъ нея возставали Соборы" Правила Апост., Ник. Собора, Римскаго собора 465 г. (mutili).

„Сказочныя Японіи" ср. Записки Головина 3. 9 стр.

„Лингамъ" (?) Почитаніе змѣй очень распространено.

143. „Преданіе о Самно". Разсказъ въ Калевалѣ. ср. Grimm. Ueber d. Finnische Epos. Kleine Schriften 2 Band.

„Поклоненіе змѣѣ у... Литвы". Авторъ въ отношеніи Литвы пользовался указаніями проф. Микуцкаго, извѣстнаго знатока ея.

144. „Тамъ основали себѣ колоніи" Головина Зап. 3. 8.

146. Тольтеки пришли въ Мексику по мнѣнію Гумбольдта въ 648 г.

„На нарѣчіи Астековъ—каменотесцевъ". Müller Gesch. d. Amer. U. Relig. 524.

147 „Одно и тоже племя и т. д.". Въ настоящее время принято видѣть въ племени „Maia" основное населеніе. Ихъ культура была усвоена Тольтеками.

150. „Людоѣдство". „Въ немъ обвиняли и т. д.". Вильцевъ, Лангобардовъ.

152. „На берегахъ Ореноко и Мараньона" Müller A. U. R. 247.

154. „Непонятно, какъ скудное мореходство... народовъ" Примѣры упадка издавна существовавшаго общенія между отдаленными островами можно найти у Meinecke, die Südseevölker etc. 107 стр.

„Древнія надписи въ Ю. Индіи". Ср. М. Мюллеръ Indien 179; 188. 256 стр. и особенно Lassen I. A. Anhang z. III u. IV Band 76 и сл. Ихъ открылъ I. Stephenson.

155. „Хронологическія вѣроятности и т. д." Хотя дѣйствительно въ это время начинается распространеніе Буддизма въ сосѣднихъ съ Индіей странахъ, но Lassen думаетъ, что вражда къ Буддизму обострилась лишь въ VII в. по Р. Х. т. к. въ путешествіи Фа-Гіена еще не замѣтно борьбы этихъ двухъ вѣръ. Окончательное торжество Брахманизма онъ относитъ къ IX или X вѣку и думаетъ, что принятіе Будды въ числе аватаровъ Вишну признакъ замиренія, послѣ окончанія борьбы.

162. „Побѣжденные цари бѣжали въ Шоа" Валуевъ. Христ. въ Абисс. Сборникъ Ист. и Ст. 297 пр. 5-ое.

163. „Не вырвавши всей Ю. Франціи и т. д." Много позже битвы при Пуатье Карлъ Март. призывалъ Ліутпранда на помощь противъ Сарацинъ. Пав. Діак. Кн. 6.

165. „Гдѣ они часто находили—въ епископахъ". Напр. Аѳанасій еп. Неаполитанскій. Gregorovius G. S. R. III. 191—196.

166. „Карматовъ" Они враждебно относились къ поклоненію Каабы, которую и разграбили. Gibbon. Dicline. VI. 417.

167. „Въ началѣ IX вѣка" Опечатка вмѣсто XI. Маніакъ палъ въ битвѣ при Островѣ въ 1043 г.

Digitized by Google

170. „Во время цвѣтенія Ислама даже туземные языки“ и т. д. Остатки письменности Берберовъ. Амазирговъ. Renan. Hist. des langues S. 386.

171. „Авиценна и т. д.“ Weber W. Gesch. 6. 501 и сл. D'Herbelot B. O. I. 29. в.

173. „По показанію Китайцевъ въ столицѣ Азовъ“ и т. д. (?)

„Войска Аль-Мансора доходили до столицы Китая“ (?). Они дѣйствительно проникали въ предѣлы Китая.

176. „Шаръ“ D'Hérbelot B. O. 759 стр.

182. „Переписка съ Іуд. царемъ Хазарскимъ“ Коссовичъ письмо Рабби Хизная и т. д. Сборникъ Ист. Валуева. 185 и сл.

183. „Хаза-Хазарахъ“. Wilson Aryana A. 131. пр.

186. „Взятіе Мурома“. Филаретъ, Ист. Р. Церк. 23 стр.

189. „Несторъ не могъ признать и т. д.“ ср. Карамзина И. Г. Р. Прим. 498 къ первому тому.

192. „Свидѣтельство о глубокомъ невѣжествѣ“ и т. д. По свидѣтельству Св. Бонифація были священники, которые tauros, hircos diis paganorum imolabant. Образцами такихъ епископовъ могутъ служить напр. Бертрамъ Бордосскій ср. Thierry Récits. s. a. 577 или Каутинъ Арверискій, Прискъ Ліонскій, Феликсъ Нантскій, и др. ср. Григ. Тур. IV к. 36. V кн. 5, 6. Хотя такіе типы составляли повидимому исключеніе, но возможность ихъ можетъ почитаться мѣриломъ среды, изъ которой они выходили.

195. „Съ отвѣтственностью въ дѣлахъ уголовныхъ“ Gesamtbürgschaft. Grimm R. A. 1. 404.

196. „Показаній—Николая I“. Указаніе на слова папы въ письмѣ къ Фотію неясно и неточно. Если относить „показанія“ къ тому, что власть папъ не распространялась на рѣшенія догматическія, то вѣроятно, имѣется въ виду слѣдующее выраженіе—quorum doctrinam (sicut in sacratissimis tertia et quarta Synodis videre est) Christiana veneratur aprime religio. Ученіе слѣд. оцѣнивается соборностью. Hardnin. V. 217.

204. „Principaliter autem и т. д.“ ср. 2 томъ стр. 330 прим. Ю. Ѳ. Самарина.

205. „Предано Ѳеодоритомъ... анаѳемѣ“ тамъ же пр. 2-е.

206. „Его пресемникъ“. Ошибка. Распоряженіе о которомъ здѣсь говорится приписывается тому же Льву III. Ср. Ен. Сильвестра Догм. Б. 2. 596 стр.

211. „Гнозиса (Савеліанство)“. Это ученіе не причисляется къ гностическимъ. Авторъ видѣлъ вѣроятно слѣды Гнозиса въ ученіи Савелія о Св. Троицѣ: Эманація.

„Гонатизмъ“—опечатка вмѣсто „Донатизмъ“.

215. „Прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ“ это мнѣніе основано вѣроятно на томъ фактѣ, что изъ первоначальныхъ совмѣстныхъ морскихъ разбоевъ Саксовъ и Франковъ постепенно Франки выпадаютъ. Сила ихъ болѣе развивается на сушѣ. Саксы же продолжаютъ владычествовать на моряхъ.

„Розысканіе Герм. ученаго“. Имѣется въ виду, вѣроятно, предисловіе Я. Гримма къ изданію Салич. законовъ Меркеля: Lex. Saliea ed. Merkel 1850.

„Преданіе о Славянскомъ лѣсѣ и о поклоненіи Белъ-богу (?)

216. „Преданіе о происхожденій отъ морскихъ боговъ“ Fredeg. 9.

Digitized by Google

218. „Комической безсовѣстностью"; напр. Сигеберта Кельнскаго. Clovis fit périr tout les petits rois des Francs par une série de perfidies. Michelet H. de Fr. Livre III. 507—16.

219. „Сена—Зена" Pomp. Mela III c. 6. *Galli—cenas*—var. *Zenas*.

„Самолусъ" Similis herba huic Sabinæ. Plin. H. N. XXIV. c. II J. Grimm Mith. 1158 не указываетъ на этимологію этого слова. Также и Dieffenbach. Онъ приводитъ лишь какъ подходящее Кимр. Symul—primrose, cowslip.

„Брезговъ". Брит. bresg; Кимр. brysg. англ. brisk. Dieff. Orig. 273. Brisavi (?)

220. „Возмущеніе Вандеи и т. д." ср. Michelet Hist. de Fr. III. 171 пр. 6.

225. „За исключеніемъ гостепріимства" Salvian; Franci mendaces, sed hospitales. De Gub. VII. 116.

230. „Приговоръ проклятія" Св. Эвхерій имѣлъ видѣніе, въ которомъ Карлъ Март. представился ему мучимымъ въ самой „ада преисподней". Ангелъ ему объяснилъ, что это ему наказаніе за ограбленіе церквей. Св. Бонифацій съ другимъ дух. лицомъ открыли могилу Карла и нашли ее пустой, но внутри обгорѣлой и изъ нея выползла змѣя. Frodoardus II. c. 12.

Родъ Пипина былъ однако въ тѣсной связи съ іерархіей. La tige de cette famille est l'évéque de Metz, Arnulf, qui eut son fils Clodulf pour successeur. Son frère est abbé de Bobbio (указываетъ на отношеніе къ А. С. проповѣдникамъ); son petits fils est S. Wandrille. Toute cette famills est étroitement liée à S. Léger. Michelet H. F.

231. „Ужаснымъ гоненіемъ и кровопролитіемъ" ср. пр. 2-е къ стр. 30-ой.

236. „Смѣлый ударъ папы Захарія". Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается, кажется, только въ Мецкихъ Анналахъ подъ 743 г. Но оно очень важно и конечно можетъ послужить объясненіемъ той рѣзкой перемѣны въ политикѣ Франковъ относительно папы, которая привела къ освобожденію ихъ отъ Лонгобардовъ. Вліяніе Рима на Германію было такъ велико въ эту пору, что по закону Рахиса всякій сносившійся съ Римомъ, Франціей, Баваріей и Алеманіей sine jussione regis animae suæ incurrat periculum et res eiuis infiscentur. ср. Кудрявцева—Судьбы Ит. 493 пр.

244. Напечатано „Лорлъ" вмѣсто „Эорлъ".

251. „Дусъ". До сихъ поръ въ Британіи употребляется слово уменьшительное duzik. Grimm D. M. 449. Англійское „deuce". Кельтскаго корня для этого слова не находимъ ни у Гримма ни у Диффенбаха.

„Дѣдичье". (?)

255. „Въ лицѣ Роланда". У Эгинг. онъ называется Hruotland.

260. „Возмущеніе сыновей получали благословенія церкви". Напр. Генрихъ V, (Герм.) возставая противъ отца, получаетъ благословеніе на это отъ папы Пасхалія II-го.

262. „Лотарь, обѣщавшій возстановленіе язычества" Nithardt. кн. 4. т. 2.

265. „Колонатусъ". coloni гр. γυπόνες.

270. „Именами древнихъ родовъ въ Нормандіи". Ср. прил. 4 къ A. Thierry Hist. de la conq. Ср. тамъ же стр. 56.

271. „Мавры узнали Руссовъ" Ламанскій, Славяне въ Испаніи и т. д. Zeuss. Deutschen 552—3.

Digitized by Google

Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Ингвинговъ, хотя онъ и былъ сынъ одной матери (Ауды) съ Сигурдъ Рингомъ.

„Вассовъ". Опечатка—Вановъ.

Подробное перечисленіе войскъ Гаральда у Саксона Гр. VIII. 1, сл.

212. „Скандинавія, имя, которое дается Финнами—Русь". Ruotsi лат. Ruotti; Шведы — Ruotteladz. Гриммъ производитъ это имя—sicher nach Roden, Rodhin, Roslagen dem äussersten Upland, Finnland gegenüber. Kl. Schr. II. 85.

„Греческая надпись—Боксаны". Свѣдѣнія о Кавказѣ, кромѣ „печатныхъ" источниковъ авторъ почерпалъ изъ знакомства личнаго съ нѣкоторой частью его и изъ сношеній съ воспитанникомъ его матеря образованнымъ Кабардинцемъ Д. С. Кодзоковымъ, недавно умершимъ, считавшимся въ административныхъ сферахъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Кавказа и его этнографіи. Въ Сборникѣ Помяловскаго ея нѣтъ; м. б. она находится между надписями, упоминаемыми подъ № 31.

273. „Саркъ. Сорока?"

„Міольниръ" Grimm D. M.

„Норманнамъ... пораженіе". Въ 891 г. при Лёвенѣ Кор. Арфульнъ.

276. „Сигинн". Ср. Шафарика S. A. I. 262 и сл. Хотя онъ и не отождествляетъ Сигиновъ съ Чехами, но не сомнѣвается въ ихъ Славянствѣ; и говоря о нихъ, довольно ясно высказываетъ мнѣніе, что исконные жители средней Европы были Славяне.

279. „Причины паденія великой Моравіи". Ср. Рус. Бесѣду 1858. 1 т.—В. Елагина: Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы".

284. „Финны пиратствовали на Балтикѣ" лѣтописи зовутъ ихъ *Чудь морская* ср. путеш. Оттара и Ульфстана у Альфреда 23. 4; о Квенахъ.

285. „О происхожденіи „Као-Тзе" (по китайски это имя означаетъ высокія повозки) отъ дѣвицы изъ рода Гіонгъ-ну и волка, у d'Herbelot B. O. Supl. 57. Ту-кіеу (Тухоло) произошли отъ волчицы и юноши. Тамъ же.

„Tsche-sche" означаетъ тоже возницу. Ср. Klaproth. Ueber die Schrift d. Uiguren. Fundg. d. Orients. 2. 177. Мѣстожительства ихъ находится до сихъ поръ въ М. Бухаріи.

„Ибыъ-Фоцланъ, Хунай-Хунабъ". Френъ, Ибыъ-Фоц. 142 стр.

286. „Лѣтописи же Венгерскія и т. д." примѣч. къ I т. Карамзина. 302-е.

287. „Кабаровъ" Конст. Порф, de adm. 39—40.

288. „Капкамя". Они считались господствующими родами между Печенѣгами. Rambaud. Const. Por. 393.

289. „Мадъяры признавали власть Казаровъ, (какъ видно изъ ихъ лѣтописцевъ)". Елагинъ говоритъ, что они жили независимо между Хазарами (ср. „Мѣсто Венгровъ" и т. д.) Конст. Порф. de adm. c. 8 p. 74 говоритъ, что они трепетали передъ Хозарами.

297. „Баерскую и т. д." Въ войскѣ Аттилы упоминаются Маркоманны. Die Baiern stammen also v. den Marcomannen. Quitzmann. Die Relig. de Bajiwaren. XVI.

„И даже сына": Лудольфа, отъ первой жены, Эдгиты.

305. „Безнравственнаго Герберта". Этотъ эпитетъ относится, вѣроятно, къ политической, а не къ личной характеристикѣ Сильвестра. Онъ по мнѣнію

Digitized by Google

Milman'a былъ человѣкъ of *unimpeachable morals* и „profound piety"; но онъ же свое двуличное поведеніе относительно Карла излагаетъ въ письмахъ къ арх. Трирскому „with unconscious effrontry". Latin Christ. III 336, а въ дѣлѣ занятія Реймской каѳедры: Secretaire et confident de l'archeveque (Арнульфа), il le fait déposer. Michelet. H. F. Livre IV.

„Съ полнымъ невѣріемъ въ эти права" Conc. Remense 990 года. Разсужденія на этомъ Соборѣ по вопросу о правахъ и значеніи Рима хотя высказаны не непосредственно Гербертомъ, но почитаются имъ подсказанными.

306. „Съ явнымъ презрѣніемъ и т. д." Это мнѣніе основано вѣроятно на сопоставленіи легендъ объ отношеніяхъ Герберта къ міру Мусульманскому, съ отрицательнымъ мнѣніемъ о претензіяхъ Рима, высказанныхъ на Рейнск. соборѣ „doutless in the words of Gerbert." Milman. III. 338.

307. „Только Римъ можетъ освящать власть" хотя корона была дана Стефану съ согласія Оттона. Gregorovius. G. R. III 487.

310. „Генрихъ былъ мелкій владѣлецъ". Это не вѣрно: Генрихъ былъ герцогомъ Баварскимъ, хотя конечно избраніе его было основано не на его могуществѣ.

„Бить батогами" (?) Вѣроятно—ошибка.

311. „Герцогъ былъ только намѣстникомъ". Герцогъ Германъ, (Billung) умершій въ одинъ годъ съ Императоромъ.

312. „На голову разбитый Чехами" въ 1040 г. Походъ 1041 года; былъ однако успѣшенъ.

„Онъ не былъ любимъ и даже уважаемъ" и т. д. ср. Giesebrecht. g. d. D. Kaiserzeit. II. 2, 422. 423.

316. „Въ Бретани". Она отъ Норманновъ отбилась подъ водительствомъ Номеное; а потомъ, окончательно, Аллана Барбеторта.

317. „Этимъ объясняются и частыя ихъ неудачи" и т. д. Michelet. H. F. Livre II. 150 „Въ Ирландіи" Zeuss. Deutschen 539 стр,

320. „Графъ Барцелонскій". Графство Барцелонское послужило основой для позди. Кор. Аррагонскаго. Gesch. Aragoniens. Schmidt. 81. пр. 2.

323. „Фулько де Нерра". Онъ женилъ кор. Роберта послѣ развода съ Бертою, на племянницѣ своей Констанціи и былъ основателемъ могущества графовъ Анжуйскихъ. Toute la vie de ce méchant homme fut une alternative de crimes et de pélérinages: il alla trois fois en terre sainte. La dernière fois il revint à pied et mourut de fatigue à Metz. Michelet. H. F. Livre VI. 20.

327. „Сраженіе Брунобургское" 934 г. Побѣда Ателъстана, объединившая Англію.

330. „Разсказъ о Константинѣ" говорится о соперникѣ Гонорія 406—411 гг.

332. „Стоитъ только прочесть легенды о нѣкот. Кельтскихъ святыхъ". C'est parmi eux (les druides) qu'il (S. Patrick) recrute ses plus fidéles disciples. Св. Колумба поетъ: „mon druide est le Christ". Ср. Montalemb. Moines. d. Occid. 2, 459. 3. 151. Общественная роль друидовъ перешла къ монахамъ; они же барды.

333. „Перенесеніе на сцену Кента". Sh. Turner His. of A. S. 1. 183 и сл.

334. „Ископаемыхъ остаткахъ городовъ Кельтскихъ". Смыслъ этой фразы теменъ.

Digitized by Google

336. „Отнявъ Гильдаса". Ошибка вмѣсто Неннія с. 62.

337. „Книзька Кимрскаго Евгенія". Современникъ Ательстана.

338. „Говорится о Силурахъ—Семитическую". Тацитъ. Agr. XI. Ἄλβιον καὶ Ἱέρνη. Arist de Mundo III. Étonnante Analogie que présentent les noms des dieux de l'Irlande (Axire, Axoearos, Coismaol, Cabur) avec les kabires de Samothrace (Axieros, Axiokerdos, Casmilos, Cabilos); Baal se retrouve également и т. д. Sur les tradition de l'Irlande и т. д. Въ Hist. de France Michelet.

341. „Кажется, Эгинардъ называетъ Бѣлъ-бога у Саксонцевъ". (?)
„Вальтеръ Скоттъ въ Гарадьдѣ" и т. д.

Hear me, Sovreign of the rock,
Hear me, mighty Zernebock. Canto 2. XVII invocation.

342. „Но конечно начало этого вѣрованія должно искать" и т. д. Опечатка—не должно.
„Ютунгейма и инеовъ" и т. д. ср. Gejer Urg. Schw. 334 и сл.
Преданіе о Кавказской стѣнѣ дѣйствительно существовало и связывается нерѣдко съ именемъ Александра Македонскаго. Персы и Арабы считали ее спасительной отъ народовъ Гога и Магога (Френъ. Ибнъ-Фоц. IX. XIX). Аланы, Азы, жили на Юго-Вост. склонѣ Кавказа или на Сѣверномъ склонѣ Иранской возвышенности.
„Англи—по ихъ раннему союзу съ Гуннами" (?) Движеніе Гунновъ на Западъ авторъ считаетъ ищеніемъ за угнетеніе Славянъ Германцами.
„Варны". Ср. Гильфердинга Балт. Славяне. Вообще Варны почитаются Германцами и онъ почитаетъ ихъ таковыми же; но на стр. 2 они у него причислены къ Славянамъ.

343. „Ихъ піанническаго характера". Ad. Br. с. 288.
„Geat" по Гримму производное Одина. Онъ же и предокъ Одина ср. Ettmüller, Beowulf.

344. „Суда присяжныхъ, совершенно чуждаго стихіямъ"... ср. выше.
„Замѣчательно малое количество рабовъ" Sh. Turner. A. S. 3. 153.
„Религіозный вопросъ рѣшается въ Виттенахъ" ср. подробности введенія Хр—ва въ Нортумбріи Эдвиномъ. Первый, высказавшійся за новую вѣру, былъ главный жрецъ.

356. „Венды и Гунны являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ Скандинавскихъ. Saxo Gr. passim.

382. „Кентъ Саксонскомъ". Опечатка вмѣсто „Шотландскимъ", котораго Эдгаръ вызывалъ на поединокъ.
„Въ одной хартіи они обзываются и т. д." Хартія монастыря въ „Hyde" 966 г. пар. 10-й.

400. „Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи Сакс. времени". Это выраженіе *ничего*, надо понимать въ смыслѣ относительномъ, т. к. отъ Сакс. литературы остались памятники писанные, о которыхъ самъ Х—въ поминаетъ въ другихъ сочиненіяхъ, напр. о Беовульфѣ. Ср. Conybeare. Illustrations of A. S. poetry. Онъ раздѣляетъ всѣ литературное наслѣдіе А. Саксовъ на VIII отдѣловъ, весьма впрочемъ не объёмистыхъ. Говоря далѣе, что народная поэзія славила или осмѣивала дѣятелей (государ-

Digitized by Google

ственныхъ) авторъ имѣлъ въ виду разсказы о существованіи народ. пѣсенъ, напр. у Вильг. Мальмсбюрійскаго (cantilenæ), или въ жизни Св. Дунстана. Существовали сатирическія пѣсни на Эдгара и сохранилась прославительная на побѣду Ательстана при Брунабургѣ.

406. „Стихія племенная... Ѳомѣ Бекетѣ". Происхожденіе Ѳ. Бекета отъ Саксонскихъ родителей, не общепризнано. Нѣкоторыя источники представляютъ его сыномъ Нормана, поселившагося въ Лондонѣ и сблизившимся съ народомъ. Есть и легенда о происхожденіи отъ Англо-Сакса и Сарацинки. Несомнѣнно одно—что онъ вышелъ изъ народа и стоялъ за него.

412. „Передуромъ княземъ Вендскимъ" (?).

415. „Первый кодексъ... владѣт. дружины". Онъ составленъ при Кор. Ротарисѣ въ 643 г. ср. Кудрявцева Судьбы Ит. 137.

„Съ самаго начала Лонгоб. владычества и т. д.". Послѣ смерти Кнефа оказалось до 30 независимыхъ герцоговъ.

416. „Самые законы Лонгобардскіе и т. д." ср. Grimm R. A. 404—6.

421. „Африканскими Сарацинами—Славяне". Ламанскій. Славане въ Африкѣ. 192 и сл.

427. „Обвиненіе Кресценція" Gregorovius. G. R. 3. 483.

„Изображеніе пѣтуха и т. д." Не знаемъ откуда взято это свѣдѣніе. У Гримма находимъ слѣдующее: Die Wenden errichteten Kreuzbäume, brachten aber heimlich, noch heidnisch gesinnt, zu oberst auf d. Stange einen Wetterhahn an. Möglich aber wäre dass die bekehrer einen heidn. brauch schonend, ihnen auch eine stelle auf Kirchthürmer einraümten. D. M. 636. Онъ тутъ же говоритъ, что не знаетъ откуда взялся обычай ставить пѣтуха на колокольняхъ.

450. „Жизнь церкви въ іерархіи; её не вмѣщивалъ Римъ" и т. д. Ср. т. II. примѣч. къ стр. 180. Если авторъ зналъ приведенную тамъ цитату, то надо думать, что онъ подъ словомъ Римъ понималъ—внесеніе этого взгляда въ догматическое опредѣленіе, утвержденное самимъ Папой.

452. „Доведенныхъ до скотства". крайне преувеличено. Ср. однако отзывъ о Римлянахъ у Göthe It. Reise 24 Nov. 1756 г.

456. „Королева, нашъ народъ свободенъ" Schmidt Gesch. Arag. 261 пр. I.

462. „Когда стихія Африканская и т. д." Въ концѣ 11-го вѣка.

„Высшее сословіе было составлено и т. д." Готовъ, Франковъ и соб. Испанцевъ.

464. „Денатурализація"; этимъ правомъ пользовалось т. н. „Infazones". Schmidt G. Arag. 303.

475. „Квенамъ" ср. Gejer Urg. Schw. 351 пр. I. Вопросительный знакъ поставленъ по ошибкѣ издателя.

477. „Оружіи вполнѣ соотвѣтствующимъ и т. д." ср. Mihir-Yasht. у Windischmann „Mithra" 95. 132.

481. „Зевсѣ—Иксіонѣ". Тождество Зевса и Иксіона авторъ выводитъ ихъ отношенія обоихъ къ Діѣ-Герѣ.

Digitized by Google

„Рига (иначе Конръ) родоначальникъ“ и т. д. Rigr—Геймдальръ по Мюллеру и Гримму. „*Konr*“ человѣкъ родовитый, синъ его *Konungr*.

488. „Святость сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита“. Вѣроятно Germ. c. 45.

490. „Тиръ, божества принадлежавшаго Готамъ“. Der Nordische Gott по Мюллеру A. D. R. 222. Авторъ считаетъ Готеовъ за Сѣв. Германцевъ.

„Мечемъ любви“. Авторъ называетъ его такъ вѣроятно по тому, что Фрейръ передалъ его Скирниру при посылки его за Гердой.

496. „Готы не знаютъ объ Аза-Торѣ ни объ Ванѣ-Фрейрѣ“. На чемъ основано показаніе о поклоненіи Одину у Готеовъ? Нѣчто подходящее къ этому можно найти у Мюллера Alt D. Rel. 85 и 180—81.

499. „Объ Гугленкѣ“. Опечатка вмѣсто Гуглейнѣ, по Ингл-Сагѣ., у Саксона Гр. онъ называется Hugletus кн. VI. стр. 104 (ed. Müller). *

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

VIII.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

Томъ восьмой.

ПИСЬМА.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ
1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМАГО ТОМА.

Письма А. С. Хомякова.

	Стр.
Къ отцу	1
Къ матери	5
Къ брату	9
Къ супругѣ	11
Къ А. А. Муханову	19
Къ Н. А. Муханову	21
Къ А. В. Веневитинову	25
Къ Н. М. Языкову	87
Къ Александру Михайловичу Языкову	118
Къ Александру Ивановичу Кошелеву	123
Воспоминанія А. И. Кошелева о Хомяковѣ	125
Къ А. Н. Попову	165
Къ Ю. Ѳ. Самарину	233
Къ А. Ѳ. Гильфердингу	303
Къ С. Т. Аксакову	339
Къ К. С. Аксакову	344
Къ И. С. Аксакову	357
Къ графинѣ А. Д. Блудовой	390
Къ А. О. Смирновой	411
Къ Е. С. Шеншиной	415
Къ М. С. Мухановой	416
Къ Е. А. Свербеевой	424
Къ Н. Д. Свербееву	425
Къ Е. И. Попову	429
Къ В. А. Елагину	433
Къ С. П. Шевыреву	437
Къ Н. Ф. Павлову	442
Къ С. М. Сухотину	444
Къ графу А. П. Толстому	446
Къ Вильямсу	450

Digitized by Google

Къ М. А. Максимовичу 364
Къ неизвѣстному лицу 464
Къ В. В. Ганкѣ 465
Къ архіепископу Григорію 468
Къ А. С. Норову 471
Къ барону М. А. Корфу 475
Къ Л. М. Муромцову 476
Къ князю В. А. Черкасскому 478

Въ приложеніи.

Письмо С. А. Хомякова 8
Письмо В. А. Жуковскаго 28
Письма В. Д. Олсуфьева 30
Письма архіепископа Григорія 31
Мелкія статьи изъ „Молвы“ 35
Записка А. С. Хомякова о Шумлинской позиціи 44
Записочка въ стихахъ 46
Письмо къ П. Я. Чадаеву 47
Письмо къ И. В. Кирѣевскому 48
Записка Л. М. Муромцова о послѣднихъ минутахъ А.С Хомякова. 50
Мѣста изъ писемъ къ Ю. Ѳ Самарину 52
Примѣчанія о папѣ Бонифаціи XIII-мъ и Ногаретѣ 56

Digitized by Google

1.

Къ отцу.

Милый папенька!

Я не знаю, чему приписать столь долгое неполученіе писемъ отъ васъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я отправился въ эскадронъ, не имѣлъ я счастія даже строчку отъ васъ получить. Я боюсь, не было ли нездоровье причиною вашего молчанія. Хотя, впрочемъ, мнѣ пишетъ тетенька А. Алексѣевна [1]), что при отправленіи вашемъ въ Липицы [2]) ваше здоровье находилось въ лучшемъ противъ прежняго состояніи, однако я все еще не совсѣмъ успокоенъ. Можетъ быть, и вы подивились моему молчанію, которое вы, впрочемъ, конечно не могли приписывать лѣни; потому что вы, вѣроятно, не сомнѣваетесь въ томъ, что мысленная и письменная бесѣда съ вами самое для меня великое удовольствіе. Причиной онаго было мое отдаленіе отъ города и неизвѣстность времени, въ которое должно было къ оному онять приближиться. Каждый день мы ожидали похода и, наконецъ, выступили только 27-го Апр. До тѣхъ поръ я время провелъ очень скучно. Службой нельзя было заняться и самому по себѣ заняться также было невозможно, потому что по недостатку квартиръ мнѣ дали въ товарищи Корфа, который хотя добрый малый, но совершенно невиненъ во всемъ вредѣ, который порохъ причинилъ человѣчеству. Только что мы при-

[1]) Демидова, рожденная Киреевская, сестра матери А. С. Хомякова.

[2]) Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда.

Digitized by Google

шли въ Губкино [1]), получилъ я приказаніе ѣхать въ Орелъ по требованію генерала Ершова. Тотчасъ надѣли на меня каску, привязали къ палашу [2]) и отправили въ телѣжкѣ. Пріѣхавъ день по пустому прожилъ, потому что его превосходительства дома все не было, на другой явился, принятъ былъ очень ласково, посидѣлъ около часа, видѣлъ г-на Каблукова и отправился домой съ письмомъ отъ братца, 3-мя ф. шоколада и полковымъ ученіемъ, которые Ершовъ привезъ съ собой. Уваровъ [3]) въ Курскѣ, Петръ Михайловичъ въ деревнѣ, а А. Ивановича Хрущова не нашелъ, да и мало искалъ по причинѣ несносной погоды, да и потому, что прогулка въ пудовой каскѣ и полупудовомъ палашѣ не имѣетъ ничего особенно пріятнаго. На возвратномъ пути видѣлъ я полковника и воротился тотчасъ въ Губкино. Начинаются мученія. Сегодня выводилъ я лошадь на смотръ и намокъ какъ собака, потому что ужасный дождь не дозволилъ смотра окончить, а завтра надобно въ 5-мъ часу на ученіе. Впрочемъ мнѣ очень пріятно было сегодня особенное вниманіе, которымъ меня отличилъ Д. Ерофеевичъ [4]), когда я послѣ смотра къ нему пришелъ. У него были всѣ эскадронные начальники, кромѣ п-а Ребиндера, который боленъ. Онъ меня посадилъ подлѣ себя и между тѣмъ, какъ онъ Бурдукову ни слова, а Корфу почти ни слова не сказалъ, онъ довольно говорилъ со мною. Но завтра вставать рано, а теперь пора въ постель. Прощайте, милый папенька. Хотя я увѣренъ, что

---

[1]) Казенное село Губкино, въ 12 верстахъ отъ Малоархангельска, Орловской губерніи (см. Геогр. Словарь П. П. Семенова).

[2]) Шутка: сравнительная малорослость А. С. Хомякова и огромный палашъ.

[3]) Ѳедоръ Семеновичъ, братъ министра народнаго просвѣщенія.

[4]) Остенъ-Сакенъ (въ послѣдствіи графъ). Въ Мартѣ 1856 года, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, данъ былъ ему большой обѣдъ въ залѣ благороднаго собранія, и на этомъ обѣдѣ герой Севастополя много и оживленно бесѣдовалъ съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ; а по кончинѣ его напечаталъ въ Русскомъ Инвалидѣ (1861, № 48) свое о немъ воспоминаніе: „Начало самобытной жизни А. С. Хомякова". На службу Хомяковъ поступилъ юнкеромъ, 6 Марта 1822 года, въ Астраханскій кирасирскій полкъ, подъ команду Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ томъ же году, 3-го Октября, онъ перешелъ въ конную гвардію, гдѣ оставался два года, потомъ служилъ въ гусарскомъ полку принца Оранскаго; далѣе, по кончинѣ князя Мадатова, въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ и 7 Марта 1830 года уволился отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.

Digitized by Google

ваше благословеніе всегда со мною, но я прошу васъ еще мнѣ оное мысленно дать при полученіи сего письма.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Мая 21-го (1822), Губкино.

Еще много бы надобно писать объ товарищахъ своихъ, а особенно о чудесномъ положеніи Губкина, но откладываю это до будущаго Четверга.

2.

Mon cher papa,

L'abominable temps que nous avons eu ces derniers jours m'a empêché de faire parvenir à Pétersbourg les lettres que je voulais vous écrire; mais cette fois je profite d'un exprès qu'on envoie d'ici en ville. Je crois que cette lettre vous trouvera vous reposant à Toula des fatigues du voyage, quoique je n'aie pas encore de vos nouvelles des eaux froides. Je ne sais si mon frère en a reçues; en tout cas il ne m'en a pas fait parvenir. Je passe mon temps à *Znamenskoë*[1]) dans une solitude très souvent complète; car le colonel fait souvent des visites soit à Strelna, soit à Pétersbourg, et malheureusement pour moi les Muses ne viennent point dissiper l'ennui que je ressens de temps à autre. Il n'y a que Pleschtéef[2]) qui vient égayer mes tristes tête-a-tête avec le colonel, et quand il vient, il ne manque pas de nous amuser royalement. Cependant le temps de notre retour en ville approche, et l'air froid de l'automne a déjà commencé à nous le faire désirer. Bientôt aussi viendront les grandes remontes de chevaux anglais, et c'est un moment qu'il faut que je guètte, quoique

---

1) Въ Знаменскомъ, между Петербургомъ и Петергофомъ, стоялъ конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ служилъ А. С. Хомяковъ.

2) Александръ Павловичъ Плещеевъ, дальній родственникъ А. С. Хомякова, у котораго позднѣе, въ Москвѣ, мы видали его отставнымъ генераломъ. Онъ отличался необыкновеннымъ мастерствомъ рѣчи. Хомяковъ всегда жалѣлъ, что не записывалъ его разсказовъ, художественныхъ по формѣ и полныхъ содержательности.

Digitized by Google

d'ailleurs j'eusse été trompé dans l'espérance d'être de si tôt officier. J'avais compté quatre vacances, et c'était tout juste, ce qu'il me fallait; mais mon cousin Jean B. *) m'a fait voir que j'avais compté sans mon hôte: il n'y en a que trois.

Entre autres nouvelles de régiment il y en a une qui m'intéresse infiniment, c'est que nous allons avoir de beaux casques d'acier surmontés d'un aiglé doré à ailes étendues. Il y a longtemps que je désirais ce changement.

Je baise les mains à maman et j'embrasse ma soeur et suis avec le plus profond respect

Votre très dévoué fils

A. Khamécoff.

27 A (oût 1824).

Les Annales des découvertes annoncent qu'on a trouvé que le lait de cavale est un remède souverain, contre le ver solitaire. Une autre découverte, qui peut-être vous intéressera, c'est que l'eau de puits, employée aulieu d'eau de rivière dans la fabrication des peaux, procure un avantage de 25 pour 100.

*) Иванъ Васильевичъ Шатиловъ. Собственно былъ онъ Хомякову не братомъ двоюроднымъ (cousin), а дядею.

Digitized by Google

Къ матери.

1.

I. 15 д. Подъ Шумлою.

Милая маменька, я получилъ ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что письма, писанныя мною къ вамъ и батюшкѣ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева (на синей бумагѣ, за неимѣніемъ бѣлой) со вложенными двумя маленькими пѣснями, сочиненными по дорогѣ (не дошли). Я писалъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдалъ письмо на почту подъ Силистріей. Оттуда отправился я съ главной квартирой, потомъ отдѣлился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю[1]), который меня принялъ очень хорошо, былъ свидѣтелемъ славнаго дѣла 30-го Мая, гдѣ визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ 31-го, гдѣ дивизія надѣлала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я былъ въ атакѣ, но хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ; послѣ того подъѣхалъ къ редуту, чтобъ осмотрѣть его поближе[2]). Тутъ подо мною была ранена моя бѣлая лошадь, о которой очень жалѣю. Пуля пролетѣла насквозь черезъ обѣ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровѣетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсѣмъ пустая. За это я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ

---

[1]) Князю Мадатову, командиру 3-й гусарской дивизіи. А. С. Хомяковъ, штабъ-ротмистръ гусарскаго принца Оранскаго полка, былъ у него адъютантомъ и высоко цѣнилъ его. Князь Мадатовъ скончался 4 Сентября 1829 г. А. С. Хомяковъ принималъ участіе въ составленіи его біографіи.

[2]) Отважное приближеніе къ Турецкому редуту было слѣдствіемъ заклада, о который Хомяковъ побился съ кѣмъ-то изъ своихъ товарищей. Не желая потревожить свою мать, онъ скрылъ отъ нея въ этомъ письмѣ, что былъ раненъ въ ногу.

Digitized by Google

князя Мадатова, получилъ только св. Анну съ бантомъ, впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда пріѣхалъ: какъ разъ къ дѣламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утѣшило нашу дивизію за все горе и труды прошлогодніе. Впрочемъ я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою [1]).

Прощайте, милая маменька, цѣлую ваши ручки и съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Обнимаю сестрицу и цѣлую С. Васильевну и Катерину Ивановну [2]). Мы уже глядимъ за Балканы. Не успѣю теперь написать батюшкѣ и цѣлую у него ручку.

На войну Хомяковъ уѣхалъ изъ Петербурга 28 Апрѣля 1828 года. 3 Августа 1828 года онъ получилъ сильную контузію въ руку отъ пули. За это ему данъ орденъ Св. Анны 4-й степени. Въ слѣдующемъ году, за дѣло подъ Шумлою, 31 Мая, данъ ему тотъ же орденъ 3-й степени съ бантомъ, а при выходѣ въ отставку онъ пожалованъ 29 Мая 1830 г. орденомъ Св. Владимира. Иногда Хомяковъ носилъ эти ордена.

2.

Ефремовъ (1839).

Любезная матушка. Пріѣхалъ я сейчасъ въ Ефремовъ. Ярмарка только что начинается. Скотина, къ которой я приценялся, дорога; лошадями торговля еще не начиналась. Въ Спасскомъ [3]) я пробылъ около сутокъ, изъ которыхъ часовъ двадцать бранилъ приказчика. Впрочемъ полевой обработкой я болѣе доволенъ, чѣмъ въ прочіе года.

Поспѣшите, любезная матушка, отправкою женщинъ въ Москву, чтобы онѣ перетаскивались хоть на нанятую квартиру, хоть къ тетушкѣ, если не нанять домъ; а то вѣдь мы должны платить неустойку, если къ 1-му Октября домъ не очистимъ; и вы сами знаете, что лучше перевозку дѣлать исподволь: менѣе перебьемъ и перепортимъ.

Завтра еще пробуду здѣсь до вечера, а вечеромъ отправлюсь на Птань. Увижу, что лошади дороги, и вечера ждать не стану; а по началу торга или, лучше сказать, по слухамъ изъ

[1]) Слуга Хомякова.

[2]) Сокореву.

[3]) Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

Digitized by Google

другихъ мѣстъ дешевизны не будетъ. Прощайте, любезная матушка, цѣлую ваши ручки и, прося вашего благословенія себѣ и Ѳедѣ [1]), съ глубочайшимъ почтеніемъ пребываю.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Впрочемъ въ домѣ выговорены сарай и большая зала до 13-го Октября, то вамъ не надобно слишкомъ безпокоиться, а поспѣшить совѣтую только для цѣлости вещей.

3.

(Изъ второго путешествія въ чужіе края).

Спб. 19-го Мая (1847).

Доѣхали мы прекрасно, любезная матушка, почти что ровно въ трое сутокъ. Впрочемъ съ 32-го года, когда я сюда въ послѣдній разъ ѣздилъ, по дорогѣ нашелъ я мало разницы. Дилижансъ очень удобенъ. Дѣти въ немъ спали, какъ въ кровати; только во всю дорогу погода была и дурна, и холодна. Къ нашему пріѣзду она разгулялась. Деревья оставили мы въ Москвѣ зелеными, и даже сиренью пахло на бульварѣ, а здѣсь еще и береза не распускалась. Квартиру взялъ я наскоро у Демута. Нехороша, но тѣмъ удобна, что въ серединѣ города и что въ этомъ же трактирѣ мы съ батюшкой жили въ 1815 г. Самая квартира не дорога, по 14 р. асс. за четыре комнаты. Это не дороже Московскаго, но устройство въ Московскихъ гостинницахъ лучше. Никого еще не видалъ и не успѣлъ оглядѣться. Прощайте, любезная матушка, цѣлую ваши ручки и прошу благословить меня и монхъ. Катю, Анкашку и Соню [2]) цѣлую. А. Хомяковъ.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Веневитинова нельзя не полюбить за его любовь братскую къ мужу. Онъ цѣлуетъ его, глядитъ не наглядится на него, такъ счастливъ, самъ не вѣритъ, кажется, что Алексѣй съ нимъ и въ Петербургѣ.

---

[1]) Второй сынъ А. С. Хомякова, умершій ребенкомъ.

[2]) Дочери А. С. Хомякова. Со старшею Маріею и сыномъ Димитріемъ онъ ѣздилъ тогда за границу.

Digitized by Google

4.

Берлинъ 1 Іюля (1847).

Жена была пресмѣшна и пренесносна во время ночной качки. Ей казалось Богъ знаетъ что: она просто совсѣмъ обезумѣла и меня совсѣмъ изморила. За то она меня и утѣшила своею радостію въ Любекѣ. Правду сказать, городъ Любекъ такъ милъ, что имъ нельзя не любоваться. Онъ милѣе Гамбурга, не смотря на то, что бассейнъ, на которомъ стоялъ нашъ отель, не имѣетъ, можетъ быть, нигдѣ подобнаго. Верста!

5.

Эмсъ, 1 Іюля (1847).

Катенька очень вѣрно вамъ описываетъ все, любезная матушка; но теперь только сомнительно, также ли будутъ ей ванны полезны, какъ питье. Мнѣ кажется, что онѣ могутъ разстроить нервы. Увидимъ.

Сдѣлайте милость, скажите В. Александровичу*), что по всей Германіи урожай чудесный; тоже слышно и изо всѣхъ другихъ земель: то цѣны вѣроятно упадутъ. Развѣ въ Россіи очень будетъ урожай плохъ. Поэтому о цѣнѣ хлѣба должно разсчитывать только по Русскому урожаю и съ нимъ соображаться при торгахъ. Да будетъ это служить основаніемъ при торгахъ Боучаровской конторѣ, а также и Липицкой, которая объ этомъ должна получить увѣдомленіе отъ Боучарова. Прикажите объ этомъ распорядиться, да также чтобъ былъ паровикъ въ порядкѣ. Цѣлую ваши ручки, любезная матушка, и прошу вашего благословенія себѣ и малюткамъ.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

6.

Эмсъ, 13 Іюля (1847).

Мы путешествуемъ изрядно. Даже до сихъ поръ, можно сказать, очень хорошо и весело. Женѣ гораздо лучше, только дня три у нея стала показываться лихорадка вѣроятно отъ водянаго перепоя, но и то проходитъ. Дѣти молодцами путешествуютъ, лазятъ по горамъ какъ козы и очень окрѣпли. Дай Богъ, чтобы вы о себѣ дали намъ добрую вѣсть. Адресуйте, если будете писать: *à m-r Khamiacoff, à Londres. Poste restante.* Цѣлую ваши ручки. А. Хомяковъ.

---

*) Трубникову, который былъ управляющимъ села Боучарова, имѣнія Хомякова подъ Тулою.

Digitized by Google

Къ брату Ѳедору Степановичу Хомякову *).

Милый братецъ, я получилъ письмо твое отъ 7-го. Поздравляю тебя съ камеръ-юнкерствомъ и тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію, стараніе, съ которымъ ты это производство впуталъ въ разныя пустыя извѣстія, доказываетъ, что ты къ нему не равнодушенъ. Я за тебя очень радъ, а еще болѣе за маменьку. Письма мои, которыя ты конечно уже получилъ съ курьерами, содержатъ въ себѣ все что́ я могу сказать объ Парижѣ, и право я не знаю, что́ къ нимъ прибавить. Жить я здѣсь бы не хотѣлъ; но́ съ другой стороны признаюсь, что нѣтъ города живѣе, прелестнѣе, занимательнѣе. Народъ мнѣ не нравится. Онъ ни то, ни сё. Правленіе не согласно съ его духомъ, и какое-то стремленіе къ коммерческимъ оборотамъ или, лучше сказать, къ деньгамъ (слѣдствіе конституціи) такъ неловко вмѣшалось во Французскія души, что они, сколько мнѣ кажется, потеряли своей природный характеръ. Они сами это чувствуютъ и жалуются на это; но едва ли это можетъ исправиться. Трудно судить о народѣ, еще труднѣе судить, видѣвъ его такъ поверхностно; но я скажу тебѣ свое мнѣніе о немъ.

Вѣка славы, крови, просвѣщенія блистательнаго и забавъ не нравственныхъ, но живыхъ, прошли надъ Франціей, и она

---

*) Подлинники этого и слѣдующихъ (къ братьямъ Мухановымъ) писемъ А. С. Хомякова хранятся въ музеѣ П. И. Щукина. — Ѳ. С. Хомяковъ, старшій и единственный братъ Алексѣя Степановича, даровитый, отлично образованный молодой человѣкъ, служилъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1824), когда́ посломъ былъ графъ Поццо-ди-Борго; потомъ онъ перешелъ на службу на Кавказъ въ дипломатическую канцелярію своего родственника (по Грибоѣдовымъ, изъ которыхъ была бабка Ѳ. и А. Хомяковыхъ, мать ихъ отца) графа Паскевича. Кончина брата Ѳедора (лѣтомъ 1829 года) до такой степени поразила А. С. Хомякова, что даже опасались за его жизнь.

Digitized by Google

ослабла, какъ человѣкъ послѣ потрясеній несоразмѣрныхъ съ его силами. Продолжу сравненіе. У него всѣ впечатлѣнія, всѣ понятія смѣшались въ какой-то безцвѣтный хаосъ, изъ котораго онъ силится освободиться, но не можетъ, потому что не имѣетъ ясной цѣли. Такъ во Франціи есть какое-то броженіе, но не то сильное, пламенное, которымъ означается молодость народовъ, а безсильное, холодное, неспособное производить ничего высокаго и оригинальнаго. Отъ того-то у нихъ такъ безцвѣтны произведенія искусствъ, такъ несвязны понятія о своемъ политическомъ существованіи, такъ неясны всѣ желанія. Впрочемъ, я думаю, провинціи не похожи на Парижъ [1]).

Я бы хотѣлъ теперь ѣхать въ Англію, но жду 1 Апрѣля, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ И. В. [2]), который тебѣ кланяется. Меня очень занимаетъ курсъ Академіи Живописной, и это мѣшаетъ мнѣ заняться поэзіей, которою голова моя полна больше чѣмъ когда-нибудь. Прощай.

А. Хомяковъ.

Ф. 25 д. (1826. Парижъ).

Киреевскихъ и Самбурна [3]) обними за меня.

Я радъ, что у тебя есть занятія по службѣ; но вообще я недоволенъ тѣмъ, что ты для себя ничего не пишешь.

О лошади моей даешь ты мнѣ дурныя вѣсти; но ты долженъ помнить, что папенька купилъ ее противъ моей воли, говоря, что я безъ него сдѣлаю дурную покупку.

---

[1]) Хомякову, когда онъ писалъ это, не было еще 22 лѣтъ отъ роду.

[2]) Шатиловымъ, двоюроднымъ братомъ матери Хомякова, Маріи Алексѣевны (ур. Киреевской). Онъ служилъ позднѣе въ Петербургѣ дежурнымъ генераломъ. Это родной дядя извѣстнаго хозяина и лѣсовода Іосифа Николаевича Шатилова. Хомяковъ передъ своею женитьбою въ 1836 году ѣздилъ къ нему нарочно изъ Москвы въ его Тульскую деревню, чтобы получить его одобреніе. Въ этотъ разъ, т. е. въ 1826 г., Хомякову не удалось побывать въ Англіи, куда ѣздилъ онъ двадцать одинъ годъ спустя.

[3]) Кто такой Самбуринъ, не знаемъ; а Киреевскіе (не писатели) были родственники А. С. Хомякова по его матери.

Digitized by Google

Къ супругѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

(Изъ Тульской деревни).

1.

Dear Kitty.

Сейчасъ получилъ я твое письмо. Милый, чудный другъ! Какъ жаль мнѣ тебя; какъ грустно, что ты грустишь! Грустно и мнѣ, Kitty; за то болѣе дѣломъ занимаюсь. Надобно какъ нибудь сократить это время, какъ нибудь отстранить минуты, въ которыя слишкомъ живо чувствую разлуку. Какъ Свербеевы-то веселы, какъ довольны! Сидятъ, другъ на друга глядятъ и радуются на своихъ дѣтокъ. Ты бы не узнала К. А.: совсѣмъ другая, ничуть не Парижанка, а просто чудная женщина. Все съ дѣтьми, ласкаетъ, бранитъ и безъ стыда хвалитъ. Въ иныхъ это смѣшно, въ ней—мило. Какъ они мнѣ были рады! Другъ мой, глядя на нихъ, зло меня взяло. Зачѣмъ я отъ тебя уѣхалъ? Я видѣлъ въ нихъ тѣнь нашего счастія; какъ оно мило и утѣшительно, а чувствую, что оно еще далеко, далеко не наше. Если бы ты была здѣсь, какъ бы мнѣ было весело! Я нынѣ все былъ на ногахъ или верхомъ, и все думалъ: вотъ тутъ Kitty еще не была, этого еще не видала. Будь здорова, пожалуйста! Весело тебѣ будетъ здѣсь. Если только можно будетъ тебѣ ѣздить, лошадка для тебя прелесть; нарочно будто для тебя создана, маленькая, ножки струнки, головка рѣзная. Я ее и гладилъ и даже цѣловалъ, думая: можетъ быть, Катенька на тебѣ будетъ ѣздить. Душа моя, зачѣмъ ты плакала? Знаешь, что мнѣ до того было грустно съ тобой разставаться, что я въ коляскѣ чуть-чуть не заплакалъ.

Смѣшная! Велишь объ себѣ думать. А какъ бы не думать? Ты у меня такъ и вертишься передъ глазами до того, что иногда, спохватившись, я смѣюсь, потому что чувствую, что я губами шевелилъ въ мнимомъ разговорѣ съ тобою. О Степанчикѣ *) вечеромъ молюся и о тебѣ; но ты меня приводишь

*) Первый сынъ А. С. Хомякова, умершій ребенкомъ.

Digitized by Google

въ затрудненіе. Иначе не умѣю назвать какъ моя радость. Какой эгоизмъ въ молитвѣ, а серьезно иначе назвать не умѣю. Ходилъ по комнатамъ, былъ въ нашей спальнѣ, да и поскорѣе оттуда ушелъ.

Не ссорься со мною: будь здорова! Береги себя, живи днемъ завтрашнимъ, днемъ свиданія. Какъ рощи зелены, какъ въ рощахъ бы мы гуляли! Впрочемъ и въ Москвѣ съ тобою хорошо. Какъ тебѣ въ голову пришло, что я стану или могу ѣздить съ собаками? Отъ дѣла поскорѣе отдѣлаюсь, да и къ тебѣ, къ тебѣ. Когда увидимся, какъ я тебя буду бранить за твои слезы, цѣловать за твои слезы. Не хочу объ этомъ думать.

Милая, соловьи поютъ въ нѣсколькихъ сторонахъ. Вотъ тебѣ анекдотъ; ты за него полюбишь Пашку. Колесникъ поймалъ у насъ двухъ соловьевъ. Пашка преспокойно пошелъ, да и выпустилъ ихъ изъ клѣтки. «Они, говоритъ, всякій годъ въ одно мѣсто прилетаютъ и опять здѣсь будутъ на будущій годъ, и молодая барыня ихъ услышитъ. Если хочешь ловить, лови дальше». Не правда ли, милъ?

Я для тебя нарисовалъ Свербеевскій домъ и припёку, т. е. планъ. Очень милый домъ; на станціи списалъ тебѣ стихи со стѣны. Не важны, да размѣръ затѣйливъ. Прилагаю ихъ. Надѣюсь, что ты не примешь ихъ за мою работу. Здѣсь грустнѣй чѣмъ въ дорогѣ, и такъ странно, что тебя нѣтъ. Знаешь ли что? Быть розно—очень кисло, кислѣе чѣмъ я думалъ. Смѣшна ты съ своими просьбами не оставлять тебя; развѣ мнѣ легко? Развѣ безъ тебя мнѣ не тоска?

Котикъ, что твой котенокъ? Повѣришь ли, мнѣ даже по немъ тоска, а кажись не взраченъ. Какъ я вамъ желаю быть здоровыми, какъ я о васъ думаю! Цѣлуй его за меня, крести крести его за меня! Да кто же твою ручку поцѣлуетъ и поблагодаритъ и скажетъ: J thank you, mama! Ты ужъ вѣроятно получила мое письмо изъ Свербеевыхъ дома. Обрадовало оно тебя? Вѣрно, только не ожидала. Мнѣ большая была радость, что я могъ къ тебѣ написать съ дороги, и Свербеевы милы: они догадались мнѣ сказать, что у нихъ будетъ посылка.

Досадно, что ты грустна, а досаднѣе бы было, если бы не грустила. У меня такъ сердце болитъ по тебѣ. Поцѣлуй Степанчика. Васъ обоихъ благословляю. Господь Богъ да благословитъ тебя! Твой Алексѣй.

Digitized by Google

2.

(Изъ Смоленской деревни).

Dear Kitty.

Глядя на мухъ, приходило ли тебѣ когда-нибудь въ голову, чтобы муха могла дня на два удалить отъ тебя твоего супруга? Вѣрно, нѣтъ. Однакоже теперь такъ случилось. Я дѣлами торопился какъ можно болѣе и кончилъ ихъ почти совсѣмъ; надобно ѣхать къ Уварову, котораго предупредилъ, что буду, и къ Ломоносову, который проситъ меня къ себѣ по дѣлу. Что жъ? Вообрази себѣ, что меня ночью укусила въ губу такъ называемая блажная муха, да такъ, что у меня сдѣлалась рожа хоть брось: ротъ на сторону, губа толщиною въ кулакъ, фигура до того смѣшная, что не только въ гости, да и самаго себя передъ зеркаломъ стыдно. Я не могу на себя поглядѣть безъ смѣха, а между тѣмъ рвусь съ досады.

Будь только сколько-нибудь сносна моя фигура, то я бы не только въ срокъ, но еще прежде срока къ тебѣ возвратился, а теперь денька два лишнихъ вѣроятно проживу. Даже заочно тебя поцѣловать не смѣю: совершенный уродъ. Впрочемъ нынче поутру губа стала уже немного опадать, и надѣюсь, что завтра пройдетъ. Душка моя, снеси это терпѣливо; будь умнѣе меня, который сердится и только что не плачетъ. Лицо у меня подвязано, чтобы вѣтеръ не пахнулъ какъ-нибудь, чтобы не задержало еще опухоли. Всѣ предосторожности взяты, чтобы какъ можно скорѣе прошла эта уродливая губа; но меня нетерпѣніе до того мучитъ, что я готовъ бы не знаю на что. Видишь, sweet wife, что я еще очень не разсудителенъ.

Милая моя, перекрести Ѳеденьку за меня. Я васъ вижу всякую ночь и цѣлую васъ, забывая, что у меня такая гадкая фигура, хуже Гаврюшкиной, надъ которой мы недавно смѣялись. Вообрази, себѣ, что это было третьяго дня. Легъ я спать веселый; осмотрѣвъ поля, считая часы, которые нужны были для окончанія дѣлъ, къ утру часовъ въ семь проснулся я и чувствую, что губа свербитъ, безъ боли, безъ жару. Встаю въ 9 ч., губа не болитъ, но распухла и пошла, и пошла. Это дав-

Digitized by Google

но уже со мной не случалось; но я знаю, что это продолжится до трехъ сутокъ. Слѣдственно до Понедѣльника мнѣ къ Уварову ѣхать нельзя [1]).

Милый мой другъ, душа моя, грустно тебѣ получить отъ меня такую вѣсть. Будь бодра, смѣйся моей фигурѣ: вообрази себѣ ее самою уморительною; смѣйся тому, что такая малость, *муха*, можетъ разстроить расчеты людскіе.

Вѣрь также и тому, что я нисколько не боленъ, а только уродливъ. Дорого бы дали ревнивыя жены за то, чтобы мужья ихъ, только что отъ нихъ уѣдутъ, блистали моей теперешней красотою. Ты не умѣешь цѣнить такой выгоды.

3.

Dear Kitty.

Милая, милая, вотъ я уже здоровъ, т. е. губа опала, и я былъ у Уварова. Завтра послѣднія приказанія, послѣ завтра я у Ломоносова, и тотчасъ въ путь-дорогу къ тебѣ, къ тебѣ. Ахъ если бъ только можно было не ѣздить къ Ломоносову; если бы не дѣло тянуло, какъ бы бросился я въ коляску и поскакалъ! Терпѣнія, терпѣнія еще на два дня! Другъ мой, душа моя, черезъ три дня тебя увижу и расцѣлую ручки твои и щечки твои. Скажи матушкѣ, что Уваровъ до того мнѣ обрадовался, что бросился мнѣ на шею и только что не со слезами. Его пріемъ даже разстрогалъ меня.

Боюсь, не напугалъ ли я тебя, написавъ о губѣ своей; ты повѣрила ли мнѣ? Не вообразила ли себѣ Богъ знаетъ что? Теперь узна́ешь, что я писалъ правду; а нынче у Мити [2]) губа раздулась, однакоже не такъ великолѣпно, какъ было у меня.

---

[1]) Ѳедоръ Семеновичъ Уваровъ, отставной кавалерійскій генералъ, отличившійся еще подъ Аустерлицемъ, владѣлецъ села Холма (Бѣльскаго уѣзда), по близости отъ Хомяковскихъ Липицъ (Сычевскаго уѣзда). См. о немъ выше, стр. 2.

[2]) Д. С. Кадзоковъ, см. ниже.

Digitized by Google

4.

Dear and dearest Kitty.

Что̀ лучше: разумъ или страсть? Это вопросъ очень важный. Разумомъ все управляется, но страстью все живетъ. Не будучи въ состояніи рѣшить этой трудной задачи, я не знаю, какъ я теперь обрѣтаюсь, въ пріятномъ ли или непріятномъ положеніи. По разуму, сирѣчь, для денегъ очень пріятная произошла перемѣна въ погодѣ, т. е. морозъ препорядочный, улучшающій выходъ вина и слѣдовательно прибавляющій намъ въ карманъ около ста рублей въ сутки; но увы! увы! гдѣ же поля и зайцы, и веселье скачки, и восторгъ травли, и всѣ прочія наслажденія мои въ качествѣ Нимвродова потомка (le grand chasseur devant le Seigneur)? Кстати скажу, что это родство даетъ мнѣ бо́льшее право судить о дѣлахъ древняго Вавилона, чѣмъ Нѣмцамъ, ученымъ шмерцамъ, которые не сумѣютъ отличить собачьяго щипца отъ правила. Спроси объ этомъ мнѣніе Валуева, если онъ уже въ Москвѣ. Матушка вѣроятно обрадуется торжеству разума, т. е. морозу; а ты, душа моя, пожалѣешь о томъ, что мнѣ не удается хлебнуть моего осенняго упоенія. Прочти это матушкѣ. Кажется, я безошибочно угадываю ея приговоръ.—Если бы ты была здѣсь, т. е. не въ теперешнемъ твоемъ положеніи, какъ бы намъ было весело! Что̀ за погода, какъ ясно, какъ тихо, какъ солнечно! Рѣка замерзаетъ и покрылась почти вся льдомъ чистымъ и прозрачнымъ, какъ Англійскій хрусталь; солнце днемъ и мѣсяцъ ночью такъ и обливаютъ ее серебромъ да золотомъ; а въ самой серединѣ бѣжитъ струя синяя, синяя, какъ Альпійскія озера. (Когда-то мы ихъ съ тобою увидимъ!) Вотъ бы ты полюбовалась на свои Липицы! Совершенная Грузія. Даже Каракусъ въ этомъ согласенъ; онъ что-то очень веселъ. Объ рѣзвости его ничего сказать не могу: онъ бросается хорошо, но такъ разлежался и разъѣлся въ Москвѣ, что задыхается послѣ сотни маховъ и отбилъ ноги. Домашнія собаки чудо!—

Digitized by Google

Исполнивъ долгъ свой въ отношеніи къ тебѣ, т. е. испытавъ надъ Мухановымъ смиренномысліе Митенькинова [1]) коня, я во второе поле поѣхалъ на немъ. Ты бы его не узнала теперь, такъ онъ красивъ и гордъ; при этомъ легокъ, тихъ, покоенъ, добронравенъ, прелесть, почти стóитъ моей вороной старушки[2]). Я этой лошади очень радъ. Лелькино потомство очень хорошо; но, получивъ грубое воспитаніе, такъ сердито по ночамъ, что никто не смѣетъ подходить къ конторѣ. Днемъ же эти грозные львы — совершенныя овечки. Имена ихъ: Альфонсъ и Арфа. Они выбраны романическимъ вкусомъ моего стремяннаго...

Какой я вздоръ къ тебѣ пишу! Мнѣ и грустно, и весело къ тебѣ писать, и какъ-то этотъ ясный морозъ на дворѣ и ясный огонекъ въ камелькѣ меня приводятъ въ особенное настройство, нѣсколько похожее на нервическое расположеніе князя Хилкова. Глазамъ моимъ продолжаетъ быть хорошо. Кстати, вообрази себѣ мое удивленіе: цѣлыхъ два дня я по привычкѣ кричалъ во все горло съ старикомъ Сергѣемъ Степановымъ. Ужъ только на третій день я замѣтилъ, что онъ слышитъ не хуже насъ съ тобою. «Да что же ты мнѣ не сказалъ, чтобы я не кричалъ?».—«Я думалъ, что вамъ такъ угодно.»— «А кто тебя вылѣчилъ?» — «Катерина Михайловна». Каково! Ты попала въ медики, потому что дала ему по предписанію матушки Гарлемскихъ капель. Послѣ того скажи мнѣ: не весело ли лѣчить, когда удается и глухимъ возвращать слухъ?..

Окт. 19 д., Липицы.

---

[1]) Т. е. коня Д. С. Кодзокова, о которомъ см. ниже.

[2]) Лошадь, приведенная Хомяковымъ изъ Турецкой кампаніи 1829 года. Эта лошадь была такъ зла, что на ней могъ ѣздить только самъ Хомяковъ, любившій разсказывать, какъ ее купилъ и объѣздилъ. Она жила у него болѣе 20 лѣтъ.

Digitized by Google

5.

(1842)

Sweet, dear and dearest Kitty.

Я пишу къ тебѣ изъ Гжатска, только что пріѣхалъ и нынче же буду въ Липицахъ. Сюда ближе дорога и посуше, но отъ Москвы до Можайска, особенно около Подлипокъ, мерзость. Главное меня задержало то, что около Подлипокъ сломались винты въ кулакѣ, такъ же какъ въ Симбирской дорогѣ около Судогды. Пришлось веревками скручивать за недостаткомъ кузнецовъ и потомъ стоять въ Можайскѣ часа два. Всего потерялъ я часовъ восемь. Ямщики попались глупые и лѣнивые, прислуга безтолковая. Какъ ты могла бы посмѣяться, глядя, какъ я ночью при лунномъ свѣтѣ самъ своими барскими руками обрабатываю, веревки натягиваю и прочее. Фигура должна была быть уморительная. На дорогѣ у меня была встрѣча съ великолѣпнымъ поѣздомъ: Каблуковъ изъ чужихъ краевъ съ своею красивою дщерью и князь Барятинскій. Мнѣ пришелъ на память разговоръ ихъ, разсказанный Самаринымъ.

Между тѣмъ на станціяхъ вездѣ кипѣли самовары трехъведерные, ставились стулья и столы, разстилались ковры прекрасные, повара готовили кушанья, разставлялось вино, виноградъ, фрукты, курева разливали свой ароматъ, чудо да и только! Встрѣтилъ я ихъ ночью. Фонари снаружи, фонари внутри, впереди вѣстовые на перекладныхъ. Глядя на эту скачущую иллюминацію, я вспомнилъ хохла, который встрѣтилъ золотую карету Екатерины съ фонарями. «Видѣлъ я нашу матушку», ужъ какая пышная, сама золотая, а глаза такъ и горятъ». Онъ принялъ карету за Государыню.

Вотъ душа моя, тебѣ рапортъ порядочный. Умна ли ты, т. е. здорова ли? Грустно и мнѣ безъ тебя; ты укрѣпляйся, и для этого лучшее средство положительныя занятія. Какія? Вотъ они.

Препоручи Андрюшкѣ, чтобы онъ часовъ въ 8 по утру сходилъ въ Пречистенскую аптеку, подъ предлогомъ рецепта. Найдетъ Лельку, хорошо: это и тебѣ будетъ пріятно, какъ все то, чѣмъ ты можешь мнѣ доставить удовольствіе; не найдетъ, ну не бѣда. Второе порученіе важнѣе. Я къ матушкѣ писать

Digitized by Google

не успѣю, а попроси ее письма Боучаровскія на мое имя читать и, буде нужно скорѣй отвѣтъ, дать разрѣшеніе на такіе вопросы, которые для нея были ясны. Напримѣръ, если палата предложитъ на выкурку изъ казеннаго хлѣба, съ чистою платою не менѣе 15-ти или 22-хъ на серебро, съ отстрочкою старой поставки, то объявить согласіе. Если будутъ страховыя письма изъ Тулы, то постараться ихъ получить,а я на объявленіи сдѣлаю надпись по пріѣздѣ. Вотъ мои порученія по дѣламъ хозяйственнымъ тебѣ, моей милой, моей радости.

Твой Алексѣй.

Въ дорогѣ безъ тебя скучно. Товарищъ мой Каракусъ спитъ больше моего, иногда проснется, взглянетъ на бѣлый свѣтъ и потрясетъ ушами, какъ будто хочетъ сказать: хуже Кавказа. Какъ-то ему понравятся Липицы! А мнѣ безъ тебя Липицы не веселы. Душа моя, былъ ли у тебя Швейкартъ? *) Будь съ нимъ откровенна. Скажи толстухѣ Матренѣ, чтобы она твоей худобою Швейкарта не корила. Глаза мои очень меня радуютъ.

Было сложено конвертомъ и надписано:

Ея высокоблагородію, милостивой государынѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Хомяковой.

Въ Москвѣ. На Арбатѣ, противъ ц. Николы Явленнаго, въ домѣ г-жи Нечаевой.

Почтовый штемпель, 1841 г. Окт. 16.

---

*) Извѣстный въ Москвѣ врачъ-гомеопатъ.

Digitized by Google

Къ Александру Алексѣевичу Муханову [1]).

Любезный Александръ Алексѣевичъ.

Не знаю, исполнилъ ли вашъ братъ свое обѣщаніе увѣдомить васъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ и о похвальномъ моемъ намѣреніи присутствовать при великихъ подвигахъ, воспѣвать ихъ, раздѣлять ихъ и пр. и пр. Я бы теперь ужъ имѣлъ удовольствіе съ вами видѣться, поговорить, вспомнить про Васильевскій островъ и Лондонской трактиръ и многіе (по крайней мѣрѣ для меня) веселые часы, когда мы были вмѣстѣ всякій день; но, не имѣя вида, я убоялся главной квартиры и близости всѣхъ великихъ лицъ и предметовъ, остановился въ Болградѣ, откуда слышалъ съ плачемъ и скрежетомъ зубовъ пальбу и перестрѣлку, при которой присутствовать не удалось. Если Н. Алексѣевичъ [2]) не писалъ къ вамъ обо мнѣ (за что впрочемъ я и сердиться не могу, потому что его одолженіямъ *нѣтъ конца*), то я вамъ разскажу обстоятельства, въ которыхъ нахожусь.

Киселевъ [3]) далъ въ Инспекторскій Департаментъ бумагу, по которой онъ меня приглашаетъ и обѣщаетъ мѣсто при себѣ. Словесно же сказалъ онъ, что хотя онъ всячески меня принять готовъ, но желалъ бы лучше въ военномъ мундирѣ [4]).

---

[1]) Съ раннихъ лѣтъ А. С. Хомяковъ подружился съ тремя братьями Мухановыми, сыновьями Московскаго сенатора Алексѣя Ильича. Изъ нихъ старшій, Александръ, служившій въ военной службѣ, умеръ въ 30-хъ годахъ. Второй (Николай), тоже сначала военный, занималъ впослѣдствіи важныя должности въ Петербургѣ (къ нему обращено посланіе Хомякова: „О мудрый другъ“); съ третьимъ, Владиміромъ, читатели могутъ познакомиться выдержкамъ изъ его Дневниковъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

[2]) Мухановъ.

[3]) Впослѣдствіи графъ Павелъ Дмитріевичъ.

[4]) Но онъ придворный и пр. *Примѣчаніе подлинника.* Это стихъ изъ ходившаго тогда въ рукописи посланія Пушкина къ А. О. Орлову.

Digitized by Google

Вотъ по какому поводу я пріѣхалъ. Къ Киселеву писалъ я. Письмо мое къ нему обѣщался доставить полковникъ Фридрихсъ, который и это писаніе съ собой везетъ. Я надѣюсь на вашу дружбу. Узнайте, если возможно, какъ и въ какой должности Киселевъ хочетъ меня принять. Я бы болѣе желалъ быть военнымъ; но впрочемъ на все согласенъ кромѣ 12-го класса, потому что Гамба [1]) увѣряетъ *que c'est la vermine qui ronge la Russie et qu'ils sont placés si bas sur l'échelle de la société que rien ne peut les déshonorer;* а какъ это напечатано, то поневолѣ надобно этому вѣрить.

Увѣдомьте меня объ себѣ, гдѣ вы, что вы и перешли ли черезъ старый Дунай, и здоровы ли и пр. Съ Фридрихсомъ мой человѣкъ, который вѣроятно вамъ это письмо отдастъ. Такъ какъ онъ сюда вернется, то вы съ нимъ можете откликнуться хоть словечкомъ. Я надѣюсь, что вы теперь помирились съ судьбой, которой ни вы, ни Александръ Толстой [2]) еще ни разу добраго слова не сказали, какъ я видѣлъ изъ вашихъ писемъ къ Н. Алексѣевичу. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ; обнимаю васъ отъ души и прошу извинить мое маранье. Я сейчасъ только узналъ, что вы въ Сатуновѣ, а Фридрихсъ спѣшитъ ѣхать. Еще разъ прощайте. Обрадуйте меня извѣстіемъ, что я васъ скоро могу видѣть тамъ

Гдѣ воды льетъ Дунай глубокій,
Трубою бранной оглашенъ;
Гдѣ Русскихъ бѣлыя палатки
Покрыли скатъ крутыхъ холмовъ,
И жажда битвъ и близкой схватки
Волнуетъ духъ младыхъ бойцовъ.

Tout à vous Alexis Хомяковъ.

27 Мая. Болградъ (1828).

---

[1]) Gamba, Voyage dans la Russie méridionale, Paris 1826.

[2]) Графъ Александръ Петровичъ Толстой, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Digitized by Google

Къ Николаю Алексѣевичу Муханову.

1.

(Съ Кавказскихъ водъ).

Любезный Николай Алексѣевичъ! Я уѣхалъ изъ Петербурга не простившись съ вами, и совѣстно объ этомъ вспоминать. Какъ это случилось, самъ не знаю. Сколько мы съ тѣхъ поръ промучились, что̀ претерпѣли, отъ воды на Дону, отъ огня (ось загорѣлась), отъ недуга (въ холерныхъ деревняхъ), отъ меча (Черкесы ужасно шалятъ), отъ смотрителей станціонныхъ и грязи: объ этомъ можно бы написать цѣлые томы [1]). Однакоже доѣхали, свидѣлись съ Иваномъ Вас.[2]), вмѣстѣ лѣчимся, гуляемъ верхомъ, вспоминаемъ пріятелей и находимъ, что здѣсь было бы очень весело, если бы больные не вздумали веселиться пикниками и балами и тому подобными глупостями. Не скажу, чтобы было скучно. Хотя книгъ нѣтъ, но передо мной всегда развернута разнообразная книга природы, въ которой нахожу Эльборусъ и Бештау, хорошіе луга, скверную погоду и сѣрную вонь. Умственныхъ занятій также довольно много: они состоятъ въ томъ, что пьемъ, ѣдимъ, потъ утираемъ, да еще дѣйствіе кислосѣрныхъ вамъ извѣстно. Ѣхалъ я, и казалось, что голова такъ полна, что только стоило до мѣста добраться, и стихи польются. Не тутъ-то было. Въ ваннахъ я такъ разварился, что даже думать не хочется. Не то, чтобъ я ослабъ; но какая-то лѣнь напала на меня вдвое болѣе обыкновенной. Впрочемъ, я водами доволенъ и надѣюсь, что путешествіе наше

---

[1]) А. С. Хомяковъ изъ офицеровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, вышедъ въ отставку послѣ Турецкой войны, ѣздилъ въ 1830 году на Кавказъ съ своею матерью и больною сестрою, Анною Степановной († 1839). За годъ передъ тѣмъ скончался на Кавказѣ его братъ Ѳедоръ Степановичъ. П. Б.

[2]) Шатиловымъ. П. Б.

Digitized by Google

будетъ не безполезно. Посѣтителей довольно, но я еще не добрался до порядочнаго человѣка. Все какая-то дрянь. Да какое мнѣ дѣло до нихъ? Хуже всего то, что я собою не совсѣмъ доволенъ и безъ всякой пользы провожу досугъ свой. Ив. Вас. показывалъ мнѣ письмо ваше и съ какою-то (кажется) радостью видѣлъ, что пріѣздъ графа [1]) поуменьшилъ вашу работу. Ему завидно было думать, что передъ вами лежатъ кипы этихъ милыхъ, этихъ любезныхъ бумагъ, съ которыми онъ разстался до Сентября. Бѣдный человѣкъ! Ни одной бумажки съ утра до вечера. При этой мысли онъ, какъ я еще въ Петербургѣ пророчилъ, восклицаетъ про васъ:

А онъ, исполненный отваги,
Одинъ съѣдаетъ всѣ бумаги,
Гусинымъ тѣшится перомъ,
И въ пьянствѣ отъ чернильной браги
О другѣ позабылъ своемъ.

Поздравляю Павла Алекс. [2]) съ милостью, вѣроятно заслуженною. Дай Богъ, чтобы новый начальникъ, такъ же какъ прежній, оцѣнилъ его дѣятельность, его рвеніе, его воинственный духъ. Впрочемъ это вѣроятно будетъ. Кланяйтесь ему отъ меня. Въ будущемъ своемъ письмѣ напомните обо мнѣ Александру Алексѣевичу. Все ли онъ въ Бухарестѣ? Прощайте. Кончаю мое письмо и вижу, что все вздоръ написалъ; но все-таки слова два сказалъ вамъ, и это удовольствіе для меня.

Іюля 4 д. (1830).

Ал. Хомяковъ.

2.

(Изъ деревни).

Сколько времени, любезный Николай Алексѣевичъ, собирался я къ вамъ писать и насилу какъ-то собрался. Не то, чтобы что-нибудь новое или занимательное произошло въ моемъ житьѣ-бытьѣ: оно все тянется или ползетъ мало-по-малу безъ перемѣны, какъ обыкновенно у людей лѣнивыхъ; не то, чтобъ даже что-нибудь новое мелькнуло въ мысляхъ или чувствахъ, которыя дремлютъ, какъ и самая жизнь, а такъ, хотѣлось хоть кое-что

[1]) Нессельроде? П. Б.

[2]) Это извѣстный впослѣдствіи археологъ и Варшавскій дѣятель, П. А. Мухановъ, двоюродный братъ вышепомянутыхъ. П. Б.

Digitized by Google

сказать пріятелю, словечко пустое, да доказывающее существованіе, какъ дыханіе въ *летаргіи*. Досадно мнѣ было слышать, что вы явились въ Москву, когда меня уже занесло въ деревню. Кромѣ дружбы и веселой бесѣды мнѣ всякое свиданіе съ вами какъ-то обновляетъ былое, объ которомъ мы съ вами можемъ пожалѣть не по поэтической модѣ, а просто потому, что былое было, право, хорошо. Для меня это особенно чувствительно, потому что, удаленный отъ свѣта столичнаго и бесѣдуя съ нѣкоторыми вывезенными изъ Турціи недугами, менѣе развлекаются мысли внѣшними обстоятельствами. Ваша жизнь живѣе и разнообразнѣе, и я надѣюсь, что, не смотря на необходимость водъ Московскихъ для поправленія нашего здоровья, оно не такъ разстроено, чтобы отнять у васъ возможность пользоваться веселостями, которыми бывало увлекались вы съ такимъ поэтическимъ презрѣніемъ къ шуму и блеску. T'en souviens-tü? Que de chose à dire en couplets à la Béranger. Les bals si brillants; cette féerie de la cour et ces réflexions si philosophiques la veille et le lendemain, mais qui se taisaient pendant les heures de l'enchantement. Я ничего не дѣлаю, а хочется за что-то приняться. Но за что? Вотъ вопросъ. Всѣ эти смутныя грезы, которыя по временамъ роятся въ головѣ, исчезаютъ при строгомъ и внимательномъ разборѣ, когда дѣло идетъ объ исполненіи. Я напишу стихи объ этомъ *) и скоро пошлю ихъ къ вамъ. Погода становится темнѣе и пасмурнѣе, въ головѣ будетъ свѣтлѣе. Помните записку, которая у меня хранится: «На дворѣ свѣтло, тепло и пр.»; я ее теперь повторяю, только наизнанку. Что Александръ А.? Гдѣ онъ? Что графъ Толстой (Александръ). Что ваша служба? Что Москва? Напишите словечко въ отвѣтъ. Я знаю, что вы не лѣнивы и не думаю, чтобы были забывчивы для друзей. Прощайте. Крѣпко накрѣпко васъ обнимаю.

А. Хомяковъ.

Узна́ю ли я васъ безъ усовъ и во фракѣ? Да еще пожалуйста словечко объ Chetif (?), о графѣ Закревскомъ и о свадьбѣ Пушкина. Je deviens commère.

(1830).

*) Можетъ быть это была „Зима“. (См. стихотворенія А. С. Хомякова въ IV томѣ сего изданія). П. Б.

Digitized by Google

3.

Къ нему же.

Le choléra est donc à Pétersbourg! Quel temps d'épreuves pour la Russie! Que Dieu fasse passer ce fléau destructif, qu' Il garde surtout l'Empereur! Quand on le sait si près de la contagion, impossible de ne pas craindre un malheur qui mettrait le comble à tous les autres. Portez-vous bien, et si je pouvais plaisanter, je dirais: continuez à nous bien gouverner. J'espère que quand vous recevrez ce billet, vous pourrez déjà rire de bon coeur de mon ton tragique.

Приписка А. С. Хомякова въ письмѣ И. В. Шатилова къ Н. А. Муханову.

И. В. Шатиловъ писалъ изъ Пятигорска 20 Іюля 1830:

«Я очень счастливъ, что здѣсь Хомяковъ. Онъ всякій день у меня, и вмѣстѣ проводимъ бо́льшую часть дня. Нечего тебѣ говорить, что съ нимъ не соскучишься: ты знаешь, что онъ поетъ какъ гусли».

А. С. Хомяковъ приписалъ:

«У васъ, любезный Николай Алексѣевичъ, холера; у насъ также, да мы ее и въ грошъ не ставимъ. У насъ есть на нее поташъ съ уксусомъ (по скрупулу въ ложкѣ уксуса, до 12 пріемовъ): лѣкарство вѣрное. Но хуже того: у насъ Черкесы да Чеченцы, народъ холерическій, а Ермоловскаго поташу здѣсь ужъ нѣтъ, и мы частенько тревожимся; впрочемъ, не смотря на тревоги и лѣченія, выздоравливаемъ и толстѣемъ.

А. Хомяковъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

Алексѣю Владимировичу

Веневитинову.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ А. В. Веневитинову *).

I.

Любезный Алексѣй. Пишу къ тебѣ въ Петербургъ, чтобъ поблагодарить тебя за твое дружеское письмо; желаю, однакоже, чтобъ эти строки тебя не застали. Инвалидъ въ числѣ выѣзжающихъ содержитъ имя ротмистра гр. Комаровскаго (хотя это не согласно съ твоимъ письмомъ). Я надѣюсь, что онъ не одинъ уѣхалъ и что бичъ Россіи, холера, не застала въ Питерѣ ни Анну Николаевну, ни твою сестру. Признаюсь, что это было бы для меня большая радость, если бы я это зналъ навѣрное. Votre mère est d'une santé si faible! Что я тебѣ скажу объ насъ? Путь нашъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ тяжелъ; но, проѣхавъ холерныя деревни, мы были напуганы болѣзнію сестры, у которой, кажется, была холера въ слабой степени. Впрочемъ я ее магнетизировалъ, и это помогло. Здѣсь горные народы крѣпко бушуютъ, и это причиняетъ намъ нѣкоторое безпокойство; а болѣзнь, хотя во всей почти области и въ самомъ городѣ, гдѣ мы живемъ, однакоже она не сильна и не тревожитъ насъ. Я ничего не дѣлаю, распариваюсь въ горячей водѣ, ни о чемъ путномъ думать не могу и жду нетер-

*) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ, младшій братъ поэта (который былъ близкимъ другомъ А. С. Хомякову), род. въ Москвѣ 2 Декабря 1806, ум. въ Петербургѣ 14 Января 1872. Въ 1829 году изъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ перешелъ онъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ въ 1842 году управлялъ Комитетомъ о земскихъ повинностяхъ; впослѣдствіи онъ занималъ должности сенатора и товарища министра удѣловъ, пользуясь общимъ уваженіемъ какъ за служебную свою дѣятельность такъ въ особенности за высокій нравственный характеръ свой. Многія письма къ нему А. С Хомякова безъ означенія годовъ; потому не ручаемся за точное хронологическое размѣщеніе ихъ.

Digitized by Google

пѣливо конца курса. Впрочемъ, край прелестный, земля обѣтованная, горы великолѣпныя, и во всякое другое время я счелъ бы за счастіе здѣсь быть, особенно съ друзьями или по крайней мѣрѣ съ порядочными людьми; но нынѣшній годъ собралъ здѣсь все дрянь. Исключеніе—одни Цуриковы: это, кажется, весьма порядочная семья; если не ошибаюсь, то они родня довольно близкая гр. Комаровскому.

Прощай, будь здоровъ и люби любящаго тебя отъ души

А. Хомякова.

Іюня 10 (1830).

Не увидимся ли мы въ Воронежѣ? *)

2.

Августа 2 дня (1830).

Долго не отвѣчалъ я тебѣ, любезный Алексѣй, и кромѣ лѣни тебѣ извѣстной едва ли найду я порядочную отговорку. Правду сказать, боли во лбу у меня отнимаютъ много времени, а еще болѣе охоты къ перу, да все-таки не цѣлый день онѣ продолжаются, и можно бы найти часочекъ для друзей. И такъ оставляю въ сторонѣ это извиненіе тѣмъ болѣе, что я долженъ сказать, что я вообще почти здоровъ и мои пароксизмы такъ слабы стали, что иногда я почти про нихъ забываю. Виноватъ, да и только. Не повѣришь, какъ досадно мнѣ было слышать, что едва я успѣлъ покинуть бѣлокаменную, какъ ты туда прибылъ съ Мухановымъ (котораго я накрѣпко обнимаю и къ которому я на дняхъ буду писать). Мысль у васъ преблагородная, преумная ѣхать на излѣченіе въ Москву: это какъ будто возвышаетъ ее надъ Питеромъ; и если бы я не боялся докторовъ и не надѣялся на деревенскій воздухъ, то непремѣнно бы прилетѣлъ къ вамъ. Ты бранишь меня за мою лѣнь; дай срокъ, она уже и мнѣ докучаетъ: часто беретъ и меня охота прибѣгнуть къ размышленію, какъ къ лѣкарству отъ пустоты, да все еще не рѣшаюсь; но я себя знаю и увѣренъ,

*) Подъ Воронежемъ имѣнье Веневитинова, село Животинное; можетъ быть, Хомяковъ думалъ съ нимъ увидаться на обратномъ пути съ Кавказскихъ водъ.

Digitized by Google

что скоро моя *папирофобія* уступитъ тяжести длинныхъ, ничѣмъ не занятыхъ часовъ. Мысли уже иногда вскипаютъ и обѣщаютъ, что осень пройдетъ не безъ плодовъ. Впрочемъ не думай, чтобъ я скучалъ въ деревнѣ. Погода хороша, собаки лихи, зайцы есть; такъ съ этимъ не соскучусь. Прибавь къ тому, что я изъ Турціи привелъ коней славныхъ, чудной ѣзды, покойныхъ какъ люльки, горячихъ какъ кипятокъ и быстрыхъ какъ Добрынинъ Златокопытъ. Книги есть, есть бильярдъ и смѣшные сосѣди, чего же больше! Вотъ я тебѣ сказалъ правду, да не всю правду: приходятъ часы, что хотѣлось бы побесѣдовать съ пріятелями, послушать разумныхъ рѣчей, потолковать о прекрасномъ, о политикѣ, о безконечности, и безпрерывные нѣмые монологи разнообразить веселыми и спорливыми отвѣтами. Я этого удовольствія лишенъ; можетъ быть, тѣмъ лучше: по неволѣ подумаю и буду искать мысленныхъ удовольствій въ себѣ, не получая ихъ извнѣ. Потомъ и перо, и бумага, и *rogue la galère!* Прощай, цѣлую тебя сто разъ и прошу тебя передать поклонъ мой Герке [1]), Погодину и *tutti quanti*. А. Хомяковъ.

3.

Августа 23 дня (1831).

Пріѣхавъ сюда, любезный другъ, я нашелъ, что меня славно поддѣли. Свадьба еще будетъ завтра: никакой нужды не было такъ торопиться. Единственный мой барышъ состоитъ въ томъ, что на мѣсто одной свадьбы я буду шаферомъ на двухъ. Такая досада, что словъ нѣтъ. Здѣшнимъ всѣмъ я отдалъ твои поклоны, а въ особенности Герке, который вѣрить не хотѣлъ, что ты меня обыгралъ въ шахматы: tant la chose est invraisemblable. Пожалуйста увѣдомь меня поскорѣе объ участи моего Самозванца и если получишь назадъ манускриптъ подписанный, отправь поскорѣе ко мнѣ. Да еще къ тебѣ просьба. Сходи къ Смирдину и къ Сленину. Скажи имъ, что Ермакъ [2])

---

[1]) Христіанъ Ивановичъ Герке, бывшій воспитатель Петра Владимировича Веневитинова, умершаго малолѣтнимъ.

[2]) Трагедія Хомякова „Ермакъ“ вышла въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1832 году. „Цензурное на ней дозволеніе (Льва Цвѣтаева): „Москва, 1831 Августа 10 дня“

Digitized by Google

поступаетъ въ продажу и что цѣна 10 рубл. Хотятъ ли они купить сколько-нибудь экземпляровъ или нѣтъ? Если хотятъ, возьми отъ нихъ записку о томъ, сколько каждый требуетъ и по какой цѣнѣ. Смирдинъ говорилъ Одоевскому объ сотнѣ; не перемѣнилъ ли онъ намѣренія? Увѣдомь обо всемъ этомъ поскорѣе. Прощай. Обнимаю тебя заочно. Твой Алексѣй Хомяковъ.

Mes respects à madame votre mère, да дружескій поклонъ всѣмъ тѣмъ, съ которыми я по несчастію разстался слишкомъ рано.

4.

(1831).

Любезный Алексѣй. Мы, кажется, съ тобою не торопимся исполнять обѣщанія. Вотъ до сихъ поръ еще отъ тебя никакого извѣстія нѣтъ, не смотря на слово взаимно данное нами передъ отъѣздомъ твоимъ изъ Москвы. Правду сказать, и я до того времени молчалъ, покуда пришлось объ дѣлѣ къ тебѣ писать, какъ будто нечего было сообщать тебѣ или не объ чемъ поговорить. Объ тебѣ-то я зналъ отъ многихъ, напр., отъ Кирѣева, Норова, Кошелева и болѣе всего отъ твоихъ *), которыхъ я нѣсколько разъ видѣлъ, хотя рѣже чѣмъ желалъ бы, да они всегда селятся такъ далеко, что ужасъ. Впрочемъ ихъ жилище на трехъ горахъ очень мило и, кажется, столько же помогаетъ имъ какъ и гомеопатія, подъ власть которой они покорились. Но объ этомъ болѣе не стану говорить, потому что ты, вѣроятно, отъ нихъ самъ все уже знаешь подробнѣе и лучше. Признайся, другъ, что нужна твердость духа остающимся въ Москвѣ. Надобно выдерживать трудное испытаніе и кромѣ того безперерывно повторяемое. Кого Петербургъ не переманиваетъ къ себѣ? Кто остается вѣрнымъ бѣлокаменной старушкѣ? Жалѣешь и не имѣешь даже утѣшенія сердиться на отъѣзжающихъ, потому что они правы. Если нѣтъ особеннаго призванія или страсти (это все одно и тоже), то служба необходима въ Россіи не только для того, чтобъ заплатить долгъ Отече-

*) Т. е. отъ графа Е. Е. Комаровскаго и его супруги Софьи Владимировны, сестры А. В. Веневитинова. П. В.

Digitized by Google

ству, но и для того, чтобъ наполнить пустыню дней и годовъ чѣмъ-нибудь, въ такой землѣ, гдѣ физическая жизнь нашихъ почтенныхъ дѣдовъ вышла изъ моды и сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, а умственная развиться еще не успѣла. А слова: *служба и Москва*, вмѣстѣ не клеятся. Какъ только Кошелевъ пріѣхалъ, первое слово мое было: «что? въ службѣ?» и ожидаемое «да» не заставило себя долго ждать. И такъ вотъ еще въ нашемъ кругу убыль. Чужіе края насъ лишили Свербеевыхъ.

Дерптъ, кажется, взялъ Мещерскихъ надолго, такъ что почти не остается старыхъ знакомыхъ, а новые какъ-то все не то. За то я, въ ожиданіи не совсѣмъ веселой зимы, хочу съѣздить повеселиться въ Крымъ. Не знаю еще, удастся ли, но почти вѣрно то, что позволятъ. Я надѣюсь, что эта поѣдка меня освѣжитъ и что, возвратясь на зимнія квартиры, въ мою келійку, живѣе напишу Ляпунова, отъ котораго надобно какъ-нибудь отдѣлаться, какъ отъ домоваго, и многое, которое вертится у меня въ головѣ. Можетъ быть, тогда я у васъ побываю въ Петербургѣ, т. е. весною, чтобъ съ вами побывать да поклониться цензурѣ. Между прочимъ, вотъ тебѣ мои порученія, которыя ты, я надѣсь, исполнишь отлично: 1-е, ты прилагаемый при семъ эпиграфъ для Самозванца отнеси къ Семенову; поклонись ему отъ меня и скажи, что стыдно-де было вамъ быть въ Москвѣ и не велѣть о томъ сказать Хомякову. Потомъ чинно и смиренно подай предполагаемый эпиграфъ и испроси утвержденія. Ты самъ чувствуешь, какъ этотъ эпиграфъ нуженъ. Какъ скоро его утвердятъ, то пришли къ Шевыреву, который въ моемъ отсутствіи взялся надсматривать за печатаніемъ. 2-е, купи на мой счетъ Нибурову исторію Рима и пришли Погодину, у котораго я ее потерялъ. 3-е, кланяйся всѣмъ помнящимъ меня, а въ особенности Одоевскому и Мальцову и пиши ко мнѣ, адресуя письма просто въ Москву, въ нашъ домъ. Твой А. Хомяковъ.

Іюня 9 дня.
Москва.

Узнай пожалуйста, сколько экземпляровъ Ермака продано и напиши объ этомъ. Я надѣюсь, что Смирдинъ и Сленинъ сбыли

Digitized by Google

до десятка, но если менѣе, то говори безъ обиняковъ. Cela ne me rendra pas malade et me donnera des chances pour gagner deux bouteilles de Champagne.

Въ Трагедію «*Димитрій Самозванецъ*»

Эпиграфъ.

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mêler des Polonois, et qu'il eut épousé une dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encore qu'il eut été pire qu'un moine moinant, si est ce que la couronne lui fut bien demeurée sur la teste; mais je pense que le Pape avec ses séminaires des Jésuites, ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des Princes en ont voulu faire trop vitement un Monarche, et se sont fourrez trop fort dedans les ruches à miel. C'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste, mais ils s'estoient trop bien transformés en habit séculier. *Car tels Allans ne se preignent pas volontiers sans vert.*

(Légende de la Vie et de la Mort de Démétrius, dernier Grand-Duc de Moscovie. *Traduite nouvellement l'an 1606*).

5.

Я тебѣ очень благодаренъ, любезный Алексѣй, за исполненіе моихъ порученій; да благо стóитъ только начать, такъ потомъ отъ докучливаго пріятеля не отвяжешься. Самозванца моего ты изъ цензуры взялъ и, правду сказать, она очень ко мнѣ была милостива (только жаль, что сцену Шута не пропустила, и странно, что послѣдній стихъ ей показался вреднымъ); потомъ съ Смирдинымъ переговорилъ. Такъ вотъ же еще два порученія. Отдай пожалуйста мое письмо (запечатавъ) къ Семенову *) и поправки при немъ находящіяся и попроси его мнѣнія словеснаго или подписи, какъ хочешь; да скажи Смирдину, что я посылаю на его имя съ дилижансными транспортами сто экземпляровъ Ермака. Насчетъ цѣны ты совершенно правъ; по

*) Петербуртскій цензоръ Василій Николаевичъ Семеновъ.

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, я такъ думаю; но къ несчастію твое письмо пришло, уже когда онъ поступилъ въ продажу, и цѣна была объявлена, такъ дѣлать нечего. Я посылаю эти сто экземпляровъ на комиссію. Если они выйдутъ, и онъ еще потребуетъ, то пусть адресуется въ нашъ домъ къ человѣку Аѳанасью Ефимову.

Сегодня въ ночь пускаюсь въ путь въ деревню или, лучше сказать, въ городъ Тулу на выборы шумѣть или молчать, какъ Богъ на умъ пошлетъ. Въ Москвѣ я выборы видѣлъ. Довольно шумно и любопытно, хотя недостаетъ вообще приличія и знанія дѣла. Какъ-то будетъ у насъ? По земскимъ повинностямъ поднятъ довольно важный вопросъ; только не знаю, поддержатъ ли начатое, а болѣе думаю, что затушатъ.

Каковъ Панинъ! [1]) Этимъ всѣ перекликаются, кто съ радостію, кто съ досадой. Я не по дружбѣ одной принадлежу къ первымъ: мнѣ кажется, что въ немъ есть и умъ, и характеръ, и правила способныя удержать излишнюю торопливость нашихъ доктринеровъ, которые..... Mutus veut dire en latin silence; но привилегированные капиталисты и нищіе (vide о почетныхъ гражданахъ) едва ли принесутъ пользу, и я не могу не досадовать, глядя на это.

За всѣ твои поклоны тебѣ платятъ тѣмъ же съ процентами, также и за объятія и за цѣлованія. Поклонись отъ меня Одоевскому и княгинѣ. Они двое, да Карамзины меня мирятъ съ Петербургомъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Катер. Андр. Карамзиной, а Софьѣ Николаевнѣ скажи, что хотя она и сердится на меня, безчувственное сердце, но я умѣю быть благодарнымъ даже и за поклонъ.

Обними Мальцова [2]), кланяйся Соллогубу. Твое примѣчаніе о томъ, что ты еще не сошелъ съ ума не совсѣмъ меня успо-

---

[1]) Молодой графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (получившій воспитаніе въ Іенѣ подъ надзоромъ Гёте, будущій министръ юстиціи). Хомяковы и графы Панины были сосѣдями по имѣніямъ въ Сычевскомъ уѣздѣ и дружелюбно водили между собою хлѣбъ-соль.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ, бывшій секретаремъ посольства при Грибоѣдовѣ въ Персіи.

Digitized by Google

конваетъ, и я даже хочу всегда у тебя спрашивать, какъ Персіяне: здоровъ ли вашъ мозгъ?

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ и помни тебя любящаго А. Хомякова.

Мая 11-го дня (1832). Москва.

Présentez, je vous prie, mes respects à madame votre mère.

Если только будешь мнѣ отвѣчать, какъ я надѣюсь, то пришли въ нашъ домъ къ служителю Аѳанасью Ефимову для доставленія и проч., потому что я самъ не знаю куда ѣду; можетъ быть, на Кавказъ.

6.

Любезный другъ. Не знаю, былъ ли ты именинникомъ третьяго дня или нѣтъ; на всякій случай съ прошедшимъ днемъ твоего ангела поздравляю тебя и мысленно присоединяю къ поздравленію всѣ обычныя желанія, которыя ты можешь дополнить безъ большаго усилія воображенія. Герке на дняхъ говорилъ мнѣ, что ты хорошо продалъ хлѣбъ въ деревнѣ; это мнѣ напоминаетъ твой хозяйственный вопросъ: «какъ слѣдуетъ жениться?» и къ обыкновеннымъ именинным желаніямъ я охотно прибавилъ бы еще одно лишнее. Ты теперь долженъ быть и счастливъ, и доволенъ. Живешь въ Петербургѣ, а вѣдь это твой рай (maudit Pétersbourgeois que vous êtes!), и матушка къ тебѣ пріѣхала. Если ты дѣйствительно былъ именинникомъ, то передай мое поздравленіе твоей почтенной матушкѣ, которая, я надѣюсь, не разсердится за *лишнее* желаніе. Между тѣмъ какъ ты въ Петербургѣ катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, тебѣ и не грезится, что я провелъ самую пасквильную зиму, какую когда-либо проводилъ. Вообрази себѣ, что я головою былъ боленъ въ деревнѣ цѣлый мѣсяцъ такъ, что ни работать, ни писать, ни даже думать ни о чемъ не могъ. Даже чтеніе не всякое мнѣ было возможно. Сенковскій ужъ былъ для меня слишкомъ глубокомысленъ. Полевой ужъ совсѣмъ не подъ силу, и только Гречъ да Булгаринъ могли пріятно занять мои досуги. Каковъ я былъ! Потомъ пустился въ невольные разъѣзды и во всю зиму провелъ въ Москвѣ едва двѣ недѣли

Digitized by Google

въ разные сроки. Какъ на смѣхъ, морозы были въ 30 градусовъ и ухабы какъ Альпы (excusez l'hyperbole!). Представь же себѣ положеніе человѣка, беременнаго Ляпуновымъ (и это самая трудная изо всѣхъ моихъ беременностей), прибавь чёртовы хлопоты по хозяйству и разныя непріятности, и ты будешь имѣть еще слабое понятіе о моей досадѣ на то, что Ляпуновъ [1]), почти foetus, embryo, ничто! Едва начинаетъ облекаться стихотворною плотію. А я хотѣлъ постомъ быть у васъ! Проектъ мой отправился къ чорту. Пожалѣй обо мнѣ.

Посылаю тебѣ пропасть экземпляровъ Самозванца [2]), которые ты бы давно получилъ, но я былъ въ деревнѣ, а пріѣхавъ сюда опять заболѣлъ; теперь однакоже поправляюсь. Раздай экземпляры кому слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ прибавь фразы. Напримѣръ, если увидишь князя П. Вяземскаго, скажи ему, что я болѣе всѣхъ ему долженъ былъ прислать Самозванца, потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности. Я назвалъ это фразой; но дѣйствительно это не фраза, а чистая истина: его пріемъ много мнѣ тогда [3]) сердце отогрѣлъ. *Ей* [4]) скажи, что.... что̀ хочешь! Voilà du tendre, j'espère. Всѣмъ помнящимъ обо мнѣ скажи, что я вдвое болѣе объ нихъ помню, любящихъ обними за меня. Матушкѣ своей засвидѣтельствуй мое почтеніе и прощай. А. Хомяковъ.

Февраля 19 дня (1833). Москва.

Хороша вѣтренность! Десять дней письмо лежитъ и не отправлено. Впрочемъ прибавить нечего. Только когда будешь писать къ Герке, побрани его за то, что онъ къ намъ не показывается.

Сейчасъ узналъ я о твоемъ производствѣ; отъ души поздравляю тебя по многимъ тебѣ извѣстнымъ причинамъ; обнимаю тебя и поздравляю твою почтенную матушку съ этою радостію.

---

[1]) Уцѣлѣвшій отрывокъ изъ этой трагедіи см. въ IV т. нынѣшняго изданія сочиненій его.

[2]) Трагедія Хомякова „Дмитрій Самозванецъ" дозволена къ печати 19 Апрѣля 1832 года цензоромъ В. Н. Семеновымъ, печаталась въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ С. П. Шевырева и вышла въ свѣтъ въ 1833 году.

[3]) Т. е. въ 1832 г. съ тѣхъ поръ Хомяковъ не былъ въ Петербургѣ 15 л. сряду.

[4]) Вѣроятно А. О. Росеттъ (впослѣдствіи Смирновой).

Digitized by Google

7.

Говорятъ, любезный другъ, что съ друзьями слѣдуетъ обходиться безъ церемоній; однакоже боюсь, чтобы ты не нашелъ, что я ужъ черезчуръ по дружески поступаю, навязывая на тебя дѣло безъ твоего согласія. Впрочемъ едва ли ты это скажешь, потому что я увѣренъ, что въ подобномъ случаѣ ты со мною точно также бы поступилъ. Вотъ въ чемъ дѣло. При этомъ письмѣ прилагается просьба въ Сенатъ и письмо къ Медвѣдеву *); адресъ его на этомъ же конвертѣ. Пожалуйста пошли его къ себѣ попросить, покажи ему просьбу и, если онъ ее похвалитъ, то подай ее за своимъ рукоприкладствомъ. Если же не одобритъ онъ просьбы, то попроси ее перемѣнить и поступи по его совѣту. Поразспроси его также объ самомъ дѣлѣ и въ какомъ оно положеніи находится и не опоздалъ ли я своею просьбою? Дѣло, какъ видишь, довольно важное, и съ твоей стороны будетъ истинное одолженіе, если мою просьбу исполнишь, въ чемъ я увѣренъ былъ бы даже и тогда, когда бы тебѣ пришлось похлопотать, а тутъ, кажется, и хлопоть тебѣ почти никакихъ не будетъ. Сколько истратишь на бумагу и проч., увѣдомь, и я къ тебѣ перешлю; а знакомство съ Медвѣдевымъ, можетъ быть, тебѣ когда-нибудь пригодится, потому что онъ человѣкъ добрый. Еще одна просьба о томъ, чтобъ ты не замедлилъ. Здѣсь приложена и довѣренность на подачу просьбы.

Каково это послѣ такого долгаго молчанія вдругъ писать прямо объ тяжбахъ и арканомъ потянуть пріятеля въ Сенатъ? Самому совѣстно. Я довольно часто отъ пріѣзжихъ изъ Питера слышу объ тебѣ и о твоихъ, но прошу, когда будешь мнѣ отвѣчать, подробно обо всѣхъ напиши. Здоровы ли вы всѣ, веселы ли, довольны ли Петербургомъ и правда ли, что графъ Комаровскій вступилъ въ службу? Я бы этому былъ очень радъ: ему нужны занятія. Скажи ему, что я часто объ немъ говорю и что многимъ, т. е. всѣмъ его знакомымъ, жалко, что

*) Вѣроятно стряпчій.—За болѣзнію отца своего, Хомяковъ долженъ былъ заниматься хозяйствомъ и дѣлами по имѣніямъ.

Digitized by Google

онъ оставилъ нашу Москву. Но это эгоизмъ, ибо я увѣренъ, что ему въ Питерѣ лучше.

Письмо мое получишь ты черезъ Петра Васильевича Киреевскаго, котораго ты очень знаешь и котораго я душевно люблю. Пустѣетъ наша, т. е. теперь моя Москва. Кто въ Питеръ уѣхалъ, кто въ чужіе края, кто въ деревню на всю зиму. Право грустно. Дома еще грустнѣе, и, если бъ я умѣлъ, я бы чрезмѣрно былъ невеселъ, да не слажу съ собою, чтобы порядкомъ насупиться. Притомъ скажи еще, что я и собою недоволенъ, хотя пропасть дѣлъ и хлопотъ отчасти извиняютъ мое бездѣйствіе. Когда пораспутаю дѣла, авось примусь за дѣло, авось начну писать, когда не съ кѣмъ будетъ говорить. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, я долженъ бы радоваться отъѣзду пріятелей; да также что-то это утѣшеніе плоховато.

Кончаю письмо, чтобъ не задержать Петра Васильевича, который меня ожидаетъ. Пожалуста, засвидѣтельствуй мое почтеніе матушкѣ своей и сестрѣ, а графу скажи, что я искренно люблю его и дружески ему кланяюсь. Да кромѣ дружбы скажи, что мнѣ безъ него бѣда: никто не имѣетъ того терпѣнія, съ которымъ онъ выслушивалъ мои бредни объ Индіи и о распространеніи рода человѣческаго отъ подножія Арарата *). Тебя много и много разъ обнимаю и цѣлую. Твой отъ души А. Хомяковъ.

Мая 6 дня. Москва (1833).

При случаѣ увѣдомь меня, какъ курсъ акцій новаго страховаго общества?

8.

(1834 года).

Я вѣчно тебѣ поручаю комиссіи, любезный Алексѣй, которыхъ ты, я думаю, не исполняешь, потому что даже и не отвѣчаешь ничего на письма. Между нами, это, правда, дѣло не важное, ибо съ обѣихъ сторонъ грѣшно бы было намъ хвастаться аккуратностью; но теперешнюю комиссію исполни пожалуй, потому что она довольно важна. Сходи къ Смирдину, мимо котораго вѣрно ты проходишь раза два въ день между 2-хъ

*) Графъ Е. Е. Комаровскій извѣстенъ былъ многостороннею ученостью.

Digitized by Google

и 4-хъ часовъ, когда вамъ Богъ даетъ солнышко, и скажи слѣдующее. «Чтобы ему ни писали обо мнѣ, онъ не долженъ вѣрить. Отказываться отъ сотрудничества для Библіотеки я не думаю, ибо никакой не имѣю причины отказываться, и если мнѣ удастся что-нибудь написать, то я къ нему пошлю, а его уже дѣло будетъ печатать или нѣтъ». Пожалуй, передай это ему, а для тебя объясненіе: прочитавъ критику на моего Самозванца, батюшка въ деревнѣ такъ разсердился (онъ боленъ, слѣдовательно это извинительно, хотя смѣшненько), что написалъ къ Смирдину *безъ моего вѣдома*, что я и не хочу, и не могу болѣе быть участникомъ въ журналѣ [1]). Ты, зная меня, легко повѣришь, что я про это ничего не зналъ и какъ мнѣ досадно было узнать про это письмо. Исполни же мое порученіе: этимъ выведешь меня изъ ложнаго и смѣшнаго положенія, и увѣдомь о полученіи этихъ строкъ. Прощай, обнимаю тебя и желаю всякаго счастія. А. Хомяковъ.

Знаешь, что Киреевскій женится? [2]) Когда-то мы съ тобой?

9.

Получено 10 Января 1837 г.

Любезный другъ!

Если кто-нибудь со временемъ будетъ читать наши письма, узнаетъ ли онъ про нашу дружбу? Едва ли. Мнѣ смѣшно подумать, что всякій разъ почти какъ я къ тебѣ пишу, всегда матерія объ дѣлахъ. И теперь хочу тебѣ дать порученіе пустое или полезное, это узнаю изъ твоего отвѣта. Я слышу здѣсь про разныя покупки хлѣба для прокормленія голодныхъ островитянъ. Очень желалъ бы я въ этомъ участвовать, потому что вещественное наше богатство должно питать умственныя способности Запада. Ты видишь, что это справедливо и человѣколюбиво и что я безкорыстной послѣдователь поклонниковъ Европы, Чаадаева, Тургенева [3]) e tutti quanti. Нѣтъ, я даже вы-

---

[1]) Ср. о томъ письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 22 Іюня 1834 г. въ III-мъ томѣ Остафьевскаго Архива (Спб. 1899), стр. 258.

[2]) Иванъ Васильевичъ Киреевскій вступилъ въ бракъ со своею троюродною сестрою Натальею Петровною Арбеневой 30 Апрѣля 1834 года.

[3]) Александра Ивановича.

Digitized by Google

ше ихъ: они только словомъ, а я дѣломъ готовъ служить нашимъ просвѣтителямъ. Но такъ какъ всякое доброе дѣло должно въ себѣ находить свое же вознагражденіе, то и барышекъ (хотя я очень далекъ отъ корыстолюбія) былъ бы мнѣ кстати. Если барыша не будетъ, то моя скромность мнѣ не позволитъ отнимать у другихъ, которые лучше меня, случай къ геройскому самопожертвованію. Сдѣлай же одолженіе, узнай подробно, по какимъ цѣнамъ, на какихъ кондиціяхъ и пр. дѣлаются эти поставки. Требуется ли рожь или одинъ овесъ? Здѣсь говорятъ, что первую закупали по 17 рубл., а второй по 10 рубл. 50 коп. Это бы было недурно, и тысячъ десятокъ четвертей могъ я бы поставить или болѣе. Ты въ центрѣ дѣйствій, имѣешь связи со всѣми аристократіями отъ мозговой до копѣечной, то пожалуйста увѣдомь, есть ли возможность втереться въ число поставщиковъ или, лучше сказать, благотворителей. Какіе именно вкусы островитянъ? Какаго вѣса хлѣбъ имъ болѣе нравится, нѣтъ ли у нихъ лишнихъ денегъ, которыя бы они давали впередъ, или народъ аккуратный платитъ только при сдачѣ? Все это очень любопытно.

Теперь другое. Ты слышалъ, что Павловъ женится на Каролинѣ Янишъ. Она получила, говорятъ, богатое наслѣдство. Фу, какія низкія понятія ты имѣешь о человѣчествѣ! Я даже боюсь, чтобы ты не истолковалъ какъ нибудь неблагородно мою любовь къ Англіи. Это у Павлова чистая любовь, это пламя давно сокрытое, но которое онъ только теперь созналъ въ себѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, онъ дѣлаетъ умно и какъ бы ни толковали, а я буду думать, что онъ женится, какъ пишетъ (по его словамъ), не *изъ* денегъ, но и не *безъ* денегъ.

Право, пора тебѣ! Годъ свадебъ, и не пропускай его. Ты честнымъ трудомъ входишь въ честь свѣтскую, умнымъ отдыхомъ округляешь брюшко, веселіемъ уже прочистилъ на головѣ лысинку, теперь женись, и выберутъ въ губернскіе предводители. Шутки шуткой, а право я желалъ бы этаго.

Пріѣзжай зимой въ Москву и похлопочемъ.

Прощай! Обнимаю тебя крѣпко и прошу тебя засвидѣтель-

Digitized by Google

ствовать мое почтеніе матушкѣ твоей и сестрицѣ, а графу [1]) мой дружескій, истинно дружескій поклонъ. Твой А. Хом.

Mes amitiés à Görke.

Quelle catastrophe! Quel malheur! Mes chiens, les premiers du monde, presque tous crevés. De 20 il ne m'en reste que 4. Plains moi; car, tout en plaisantant, j'ai le coeur navré.

Le 13 Décembre.

10.

(1839).

Вотъ тебѣ письмо при живой грамотѣ, любезный Алексѣй. Я замедлилъ тебѣ отвѣчать и благодарить тебя за посылку потому именно, что хотѣлъ письмо отправить съ Митею [2]), а онъ не совсѣмъ такъ скоро выѣхалъ, какъ мы ожидали. Деньги за викторину прилагаю и запасъ за почтовыя издержки, о которыхъ ты въ письмѣ забылъ упомянуть. Victorine прелестны обѣ и по сказанію общему весьма дешевы; вкусъ твой, такъ оправданъ, что жена моя объявляетъ тебя уличеннымъ въ волокитствѣ; ибо надобно часто заниматься дамами и ихъ нарядами, чтобы такъ хорошо понимать дѣло, а матушка сказала: ему бы надобно жениться. Amen!

Отдастъ тебѣ письмо нашъ Черкесъ, что прежде Лухманъ, нынѣ Дмитрій. Полюби его: малый славный, готовый къ труду, умный и дѣльный. Ему приказано отъ меня тебѣ доложить про свои дѣла, свои хлопоты и надежды, а обѣщано, что ты поможешь ему совѣтомъ; я увѣренъ, что ты это сдѣлаешь. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Питеръ, исторія длинная, и онъ тебѣ лучше ее разскажетъ, чѣмъ я могу это сдѣлать въ письмѣ.

---

[1]) Графу Егору Евграфовичу Комаровскому, женатому на сестрѣ Веневитинова Софьѣ Владимировнѣ. См. выше стр. 37.

[2]) Это былъ Черкесъ, Дмитрій Кодзоковъ, котораго малолѣтнимъ привезла съ Кавказа мать А. С. Хомякова. Будучи его крестною матерью, она воспитала и одарила его. Въ Московскомъ Университетѣ Кодзоковъ былъ товарищемъ и пріятелемъ М. П. Каткова (мать котораго Грузинка) и вѣроятно онъ ввелъ его въ домъ къ Хомяковымъ, гдѣ М. Н. Катковъ нѣкоторое время и жилъ.

Digitized by Google

Я зналь, что Киселевъ [1]) прочуетъ про твою работу и будетъ ощупывать твои мысли и тебя, чтобы употребить въ пользу. Пожалуйста, будь остороженъ. Публика судья надежная, и протекція ея даже для службы очень важна, а Киселевъ человѣкъ извѣстный: выжметъ да кинетъ. Хорошо Пальчикову, что онъ попался къ Дашкову или къ Блудову теперь, а то К. его бъ загубилъ совсѣмъ. Отъ души желаю тебѣ какъ-нибудь отъ него совсѣмъ отдѣлаться: чортъ съ нимъ! Тебѣ уже стыдно будетъ ему вѣрить. Постарайся (ужъ если надобно служить) попасть къ новоназначеннымъ министрамъ; при началахъ всякаго правленія есть сливки, которыя надобно снимать, оставляя другимъ молоко; а ты извѣстенъ, тебѣ будутъ рады вездѣ, и Блудовъ тебя уже давно знаетъ, а (впрочемъ или Строг...) [2]) если не знаетъ лично, то вѣроятно знаетъ уже по обществу.

Объ *Запискахъ* [3]) скажу, что журналъ хорошъ, т. е. лучшій у насъ и истинно хорошъ литературно; но не худо бы было издателю нѣсколько воспользоваться примѣромъ Библіотеки по части ученой. Это въ Библіотекѣ хорошо и достойно подражанія. Повѣсть гр. С. хороша, Одоевскаго хороша также, но не изъ лучшихъ его произведеній; стихи почти всѣ плохи. Графини Р. [4]) стихи недурны, но холодны; впрочемъ ты совершенно правъ въ сужденіи объ ней, какъ женщинѣ, хотя едва ли не слишкомъ снисходителенъ какъ къ писательницѣ. Лермонтовъ хорошъ, но не ровенъ. Вообще журналъ чистъ, благороденъ и обѣщаетъ много. Скажи издателямъ, что они насъ радуютъ, и дай Богъ имъ здоровья. Вы трудитесь, а мы лѣнтяи. Впрочемъ я еще все продолжаю пріуготовительные труды и думаю, что на дняхъ достигъ кое-какихъ истинъ довольно важныхъ. А стихи? спросишь. Спятъ кромѣ маленькой пьесы, написанной на дняхъ. Rien d'occasion. Прощай. Будь здоровъ, надѣюсь на тебя для Кодзокова. Весь твой А. Хомяковъ.

Правда ли, что князь Вяземскій окривѣлъ? Какъ жаль!

---

[1]) Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (позднѣе графъ).

[2]) Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Объ Отечественныхъ Запискахъ.

[4]) Ростопчиной.

Digitized by Google

11.

(1839).

Замедлилъ я отвѣтить тебѣ, любезный другъ, потому, что былъ въ пути, ѣздилъ въ другія деревни и только по возвращеніи получилъ письмо. Во-первыхъ, посылаю акціи, по которымъ надобно получить дивидендъ, и жалѣю, что мое незнаніе формъ тебя заставило лишній трудъ принять. Во-вторыхъ, замѣчу тебѣ, что твое письмо начинается очень неловко: Nonum prematur in annum *). Конечно, оно въ твоемъ смыслѣ относится къ твоему труду; но въ надписи письма ко мнѣ это прямо личность и пасквиль на медленность моихъ отвѣтовъ. Съ скромностью и застѣнчивостію, приличною юной дѣвѣ, ты отвергаешь похвалы своей работѣ (я даже воображаю, что вижу тебя краснѣющимъ): дѣло. Это всегдашняя авторская ухватка, но теперь она истрачена попапрасну. Я хвалилъ отъ истиннаго убѣжденія, но не безъ оговорки. По моему все еще есть много неопредѣленнаго или, лучше сказать, невѣрнаго въ предполагаемой тобою раскладкѣ: много случайностей, счастія и несчастія могутъ встрѣтиться внутри каждой округи. Дурныя и хорошія полосы, дурное и хорошее состояніе крестьянъ при введеніи раскладки, но совершенства ждать нельзя. Отъ всей души повторю: это по моему мнѣнію лучшій проектъ изъ всѣхъ, о которыхъ я слышалъ или читалъ, самый естественный, самый сходный съ духомъ народнаго хозяйства. Можетъ быть, оцѣнка понятыми или окольными имѣла бы тоже выгоды; но, во-первыхъ, она возможна (какъ мнѣ кажется) только въ маломъ видѣ, способна къ безконечному спору и къ тысячамъ плутней и въ Россіи просто нелѣпа и неисполнима. Оцѣнка земель по ихъ внутреннему достоинству, т. е. геологическая, есть очевидная нелѣпость и въ соединеніи даже съ расчетомъ сбытовъ совершенно недостаточна, ибо все-таки не принимаетъ въ соображеніе ни нравственныхъ силъ, т. е. трудолюбія, ни привычекъ.

---

*) Т. е. пусть вылеживается до девятаго года (Стихъ Горація изъ Ars Poetica) Министерство, гдѣ служилъ тогда А. В. Веневитиновъ, поручило ему заняться земскими повинностями, и онъ сообщалъ А. С. Хомякову свою работу по этому предмету.

Digitized by Google

Твоя раскладка основана на быту крестьянскомъ и поэтому ближе всего къ дѣлу, такъ сказать, къ природѣ; она можетъ быть началомъ новаго порядка, лучшаго и совершеннѣйшаго. Но вѣроятно есть еще стороны не совсѣмъ принятыя въ соображеніе, затрудненія не совсѣмъ устраненныя (напр. огромный преизбытокъ земли и, можетъ быть, крайняя малоземельность; едва ли это можно отстранить иначе какъ переселеніемъ). Впрочемъ кромѣ внутренняго достоинства проекта я считаю его очень важнымъ потому, что отъ него, когда онъ явится въ свѣтъ, много можетъ появиться толковъ и споровъ, много мыслей новыхъ и критики старыхъ заведеній Европейскихъ и пр. Жизни мало у насъ. Все что̀ ее ускоряетъ полезно въ высшей степени также для государства, такъ и для лицъ въ отношеніи ихъ здоровья. Все, что̀ изъ начала прямаго, органическаго, не выдуманнаго, не привитаго, но связаннаго съ развитіемъ общества Русскаго, все это не можетъ быть дурно. Оно въ первомъ появленіи должно быть не полно, но будетъ плодотворно въ высшей степени при дальнѣйшемъ развитіи. Опять повторяю: не мѣшкай. Не давай себя усыплять, ни лаской, ни жизнію Петербуржскою.

Ты въ своемъ письмѣ подсмѣиваешься надъ моею лѣнью и надъ моими отговорками. Быть можетъ, ты правъ, и даже тутъ сомнѣнія мало. Но крѣпко надѣюсь исправиться. Пожелай мнѣ успѣха въ этомъ. Мудрствовать безъ конца о чужомъ мудрствованіи не стану, но совсѣмъ его отстранить нельзя. Оно воплощено въ Германію и важно для просвѣщенія человѣческаго потому, что развилось дѣйствительно въ размѣрахъ колоссальныхъ въ этой вѣчно думающей землѣ.

Комаровскіе не проѣзжали черезъ Тулу, или по крайней мѣрѣ я ничего про ихъ проѣздъ не знаю. Обидно бы было, если графъ и твоя сестрица миновали насъ, не сказавъ ни словечка. Я надѣюсь, что они проѣхали черезъ Калугу.

Въ деревнѣ очень хорошо; но дѣлъ черезъ-чуръ. Только это меня нѣсколько безпокоитъ. Были хорошія пороши, собаки веселили, а теперь я радъ радехонекъ, что и это миновалось. Пора схватиться за умъ, а порсканіе отложить до будещей осени. Ну какъ опять ничего не сдѣлаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда?

Digitized by Google

И. В. Киреевскій, какъ слышно, написалъ много и прекраснаго. Павловъ вѣроятно похудѣлъ нѣсколько съ этаго, а я радуюсь душевно. Много надѣюсь я на Киреевскаго. Въ его головѣ сокровище мысли и поэзіи.

Прощай. Будь здоровъ. Свидѣтельствуй мое почтеніе своей почтенной матушкѣ. Скажи ей, что я ничего такъ не желаю, какъ представить ей свою жену. Что же ты своей не представишь? Пора!

Твой А. Хомяковъ.

Нумера билетовъ означены, кажется, въ довѣренности. Да не забудь пожалуйста, если можно, отыскать мнѣ Медвѣдева, Николая Андреевича. За Лухмана и за всѣ твои одолженія безконечно тебѣ благодаренъ.

12.

(1839).

Благодарю тебя, любезный Алексѣй, за твое дружеское письмо. Я зналъ, что ты наше горе раздѣлишь; къ несчастію намъ не новость съ тобой горевать. Признаюсь, что тяжело подумать, какъ мало до сихъ поръ мнѣ привелось радоваться. Двое дѣтей, и обоихъ нѣтъ. Братъ и сестра, съ которыми росъ въ самой тѣсной, въ самой братской дружбѣ, и теперь остался одинъ. Послѣдніе два удара неожиданные, одинъ за однимъ, точно какъ будто оживили прежнія потери, и мнѣ кажется, что и братъ Ѳедоръ умеръ только вчера. Хорошо, что я себя пріучилъ къ нѣкоторой крѣпости; а то, право, это могло бы меня переломить. Слава Богу, матушка лучше до сихъ поръ выдерживаетъ свое горе, чѣмъ можно было ожидать. Ее поддерживаетъ молитва, и насъ обоихъ сначала развлекала необходимость хлопотать объ моей женѣ, которая, не смотря на всѣ свои усилія, на старанія, за которыя я не могу ей быть довольно благодарнымъ, хуже всѣхъ выносила горе и болѣе всѣхъ ослабла. Она старалась перемочь себя, но одно имя Ѳеденьки бросало ее въ лихорадку на нѣсколько дней. Съ ея слабымъ здоровьемъ испытаніе было ужасное. Вообрази, что ребенокъ былъ боленъ только сутки, и на канунѣ его смерти докторъ говорилъ: «чего вы бонтесь для этого медвѣжонка?» Кто бы могъ подумать, что

Digitized by Google

сестра въ 33 года будетъ унесена чахоткой въ два мѣсяца, какъ семнадцатилѣтняя дѣвочка? Она умерла, а мы не вѣримъ и готовы были считать все это дурнымъ сномъ. Впрочемъ смерть ея была и трогательна, и прекрасна: я себѣ лучше не желаю. Въ памяти до конца, съ молитвою и ласковыми словами, дружескія желанія всѣмъ, нѣжное прощаніе со всѣми присутствующими и воспоминаніе объ отсутствующихъ, тишина и покорность совершенная съ пріятными воспоминаніями объ жизни, которыя казались благодарностью за нашу любовь къ ней: вотъ что продолжалось около трехъ дней. Борьба жизни со смертію была очень продолжительна и тяжела, но никогда ей не измѣнили равенство души и свѣтлая надежда, соединенная съ заботою о тѣхъ, которыхъ она оставляла. Одно слово было очень трогательно. Обнявъ дѣтей, она вторично благословила старшаго, прижала къ себѣ и сказала: «я тебя много, много любила». Потомъ, помолчавъ: «а онъ меня любить не будетъ». Ce regret est bien touchant, tout le coeur d'une mère y est *). Впрочемъ, что объ этомъ говорить? Хорошо женщинамъ щекотать свои нервы воспоминаніями такаго рода. Лучше ихъ удалять. Счастливы люди, запряженные въ жизнь дѣятельную: имъ легче. Ты можешь сказать: счастливы женатые и будешь правъ. Жена въ этихъ случаяхъ развлекаетъ заботами больше, чѣмъ какая либо служба, и утѣшаетъ любовью, чего отъ службы не добьешься. Благодари свою матушку за ея участіе. Мы всѣ теперь здоровы, однакоже все еще не цвѣтущи; собираемся по первому пути въ Воронежъ, т. е. я и жена. Здѣсь погода гибельная. Снѣга нѣтъ ни порошинки, а морозъ 20°/₀. Нѣтъ ни ѣзды, ни работъ для крестьянъ, голодъ въ настоящемъ и надежда на голодъ въ будущемъ, потому что корень выдираетъ и выдуваетъ.

Votre lettre a fait pleurer maman, mais ces larmes lui ont fait du bien. Elle et ma femme sont bien reconnaisantes à madame votre mère pour la part qu' elle prend à notre malheur; priez la d'accepter l'assurance de ma reconanaissance et de mon respect. . . . . .

*) Рѣчь идетъ о единственной сестрѣ А. С. Хомякова, Аннѣ Степановнѣ († 1889). Она была замужемъ за однофамильцемъ, Василіемъ Ивановичемъ Хомяковымъ же, и оставила двухъ сыновей: Степана († 1895) и Ивана Васильевичей.

Digitized by Google

Какая разница между нашимъ домомъ во время ея проѣзда и теперь? Прощай; обнимаю тебя и люблю душевно.

13.

Любезный другъ!

Начну съ просьбы. Податель сего письма, отпущенный мною на-волю человѣкъ Сергѣй Александровъ, ремесломъ архитекторъ, весьма не бездарный, строитель того великаго собора *) Боучаровскаго, который тебѣ извѣстенъ, ѣдетъ въ Петербургъ выхлопотать себѣ званіе вольнаго художника. Не откажи ему въ своемъ пособіи, т. е. замолви доброе слово у предержащихъ властей. Не знаешь ли ты Василія Ивановича Григоровича, или Одоевскій не знаетъ ли, или Сологубъ? Главное отъ него постарайся дать новому Пиранезе или Палладію какой-нибудь доступъ до онаго Григоровича, или quocumque alio nomine gaudet рѣшитель судебъ художественныхъ. Доброе дѣло сдѣлаешь и меня одолжишь.

Теперь послѣ этого изложенія просьбы приступаю къ другому. Получилъ я отъ гр. Комаровскаго письмо въ деревнѣ, лаконическое и просящее лаконическаго отвѣта объ сродствѣ Семитовъ и Гаэлей, т. е. о вопросѣ животрепещущемъ. Я поспѣшилъ ему отвѣчать и не знаю, получилъ ли онъ мой отвѣтъ. Адреса не было, но кажется я помню ихъ мѣстопребываніе и надписалъ безошибочно Орловской губ., Карачевскаго уѣзда, въ село Городню. Такъ какъ ты съ нимъ въ перепискѣ, узнай, получилъ ли онъ реестръ о Celtica, über Celten, über Celten und Berligen и пр. съ приложеніемъ собственной моей теоріи? Если онъ не получилъ, я повторю посланіе. Ты же къ его письму приписываешь: «А зачѣмъ ты не посредникъ или что нибудь тому подобное?» Много на это причинъ: первое, меня не выберутъ, потому что меня Туляки не любятъ; второе, если бы выбрали, то я бы не принялъ. Изъ какихъ благъ стану я жить въ деревнѣ или, еще хуже, въ Тулѣ круглый годъ? Скажешь польза? Ne forcez pas notre talent.

*) Шуточное выраженіе. Въ имѣніи А. С. Хомякова, въ селѣ Боучаровѣ, подъ Тулою, на просторномъ усадебномъ дворѣ, обширная и прекрасная каменная церковь; близъ нея нынѣ построена пятящая колокольня.

Digitized by Google

Найдутся люди, которые постоянно живутъ въ деревнѣ, знаютъ уѣздъ какъ свои пальцы и ограничиваютъ все свое честолюбіе уѣздною репутаціею. Они лучше дѣло сдѣлаютъ, чѣмъ тотъ, который только и думаетъ какъ бы поскорѣе убраться. Впрочемъ должность посредника я принялъ бы весьма охотно, если бы я былъ въ тоже время предводителемъ: можно бы было при этихъ двухъ должностяхъ кончить межеванье въ годъ съ небольшимъ. Это доказывалъ Муравьевъ В. Н. [1]), въ Богородицкомъ уѣздѣ, гдѣ были самыя запутанныя дѣла и гдѣ все развязалось какъ нельзя лучше. По моему надобно бы положить, чтобы предводитель былъ непремѣнно посредникомъ, дать ему прибавку на канцелярію, и почетное награжденіе особеннаго рода тому, кто въ свое трехлѣтіе успѣетъ кончить все или почти все межеваніе. Впрочемъ по правдѣ, кажется, Андреевская лента, княжество или какая бы то ни была почесть не соблазнили бы меня служить. Называй меня лѣнтяемъ, если хочешь; да подумай, что вамъ легко въ Петербургѣ, веселясь, отрекаться за насъ отъ всякаго мысленнаго сообщества и храбро запирать насъ въ дурацкое житье деревенское, а что дѣйствительно на такое самопожертвованіе надобно быть или двадцати или пятидесятилѣтнему. Средній возрастъ на такіе подвиги не способенъ. Добро бы еще жить въ Смоленской губ.; а въ Тульской! Это просто какое-то грязное чистилище отъ грѣховъ. Кстати, у насъ тамъ новый губернаторъ кн. Голицынъ [2]), не умѣетъ говорить по-русски и совершенно лишенный всякой народности. Объ немъ чудные слухи, разсказы похожіе на миѳы: чуть чуть не искоренилъ разомъ всѣ взятки. Туляки не вѣрятъ своимъ глазамъ. Мужъ (проситель) возвращается изъ присутственныхъ мѣстъ и показываетъ женѣ непочатой портфель съ деньгами, и опять пересчитываютъ вдвоемъ, дивяся чуду, благословляютъ князя и надѣются на золотой вѣкъ. Поэзія, истинная поэзія! Но никто не вѣритъ, чтобы князь остался. Et le sort ne fera que le montrer au monde. Таковъ же и Гевличъ [3]) Симбирскій. Насилу эти двѣ губерніи отдох-

---

[1]) Валерьянъ Николаевичъ, братъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

[2]) Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ былъ Тульскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1840 по 1846-й годъ.

[3]) Ксенофонтъ Павловичъ Гевличъ.

Digitized by Google

нуть. Ради Бога введите публичность въ суды, господа законодатели! Это будетъ корнемъ всякаго добра; да не пишите такихъ указовъ, какой вышелъ о воспрещеніи покупать крестьянъ въ ненаселенныя имѣнія. Во-первыхъ, въ одномъ указѣ около дюжины двусмысленностей, нѣсколько дюжинъ зародышей для процессовъ и вѣроятный упадокъ цѣнъ на всѣ степени земли. Запретить голому кафтанъ покупать!

Est-il vrai que vous ayez manqué tomber dans un guet-apens à l'article de mariage? Comment m-me S. a-t-elle pu se prêter à cela? Ужъ правда ли это?

Смотри же, не брани меня нынѣшній годъ за лѣнь: едва ли я когда нибудь былъ такъ дѣятеленъ; впрочемъ я ничего не пишу, а только собираю матеріалы для книги. Поспѣетъ она скоро, т. е. если будетъ у меня сынъ трудолюбивый и продолжитъ работу, то внуку только останется редижировать*). Когда будетъ отвѣтъ, увѣдомь, не прислать ли мнѣ тебѣ акціи Страховаго 2-го Общества съ довѣренностью для полученія дивиденда; да напиши свой чинъ, чтобы мнѣ не ошибиться.

Скажи пожалуйста мое почтеніе твоей матушкѣ и передай ей поклонъ отъ матушки моей и отъ жены. Не пріѣдешь ты сюда нынѣшній годъ по слухамъ? Вѣрно нѣтъ; только по губамъ мажутъ. Мы такъ рѣдко видимся, что это несносно. Я было собрался весною въ Питеръ, такъ видно не судьба: мой главный управляющій, не правая моя рука, а обѣ мои руки, умеръ скоропостижно, и я закабаленъ опять. Скучненько. Прощай. Будь здоровъ и не забывай друзей. Твой А. Хомяковъ.

Мая 23 д. (1840).

14.

Получено 14 Октября 1841 г.

Грустно мнѣ было, мой безцѣнный Алексѣй, что ты долго не ѣдешь. Я какъ чувствовалъ, что съ тобою какое нибудь горе! Черная печать на твоемъ письмѣ вчера вечеромъ сказала мнѣ твое несчастіе прежде, чѣмъ я распечаталъ письмо. Ни утѣшать, ни ободрять тебя не стану, это вездѣ и всегда фразы, а только скажу тебѣ, что мнѣ такъ грустно стало при по-

*) Относится къ Запискамъ о всемірной исторіи, которыя напечатаны въ 5, 6 и 7 томахъ нынѣшняго изданія сочиненій А. С. Хомякова.

Digitized by Google

лученіи извѣстія о смерти твоей матушки [1]), что я долго не могъ разобрать твоего письма. Ты этому повѣришь, потому что знаешь не только какъ я тебя люблю, но какъ я любилъ и уважалъ твою матушку. Жизнь ея была такова, что для нея самой смерть не могла быть страшною, т. е. во столько, во сколько человѣкъ можетъ не бояться этой великой перемѣны; но даже и невольный страхъ неизвѣстнаго будущаго вѣроятно изчезалъ для нея передъ утѣшительною надеждою вѣры. Тебѣ же какая пустыня остается! Ты такъ привыкъ всегда быть съ матерью, видѣть ее, думать, что она подлѣ тебя, что есть кому сказать про свое горе и свою радость! Для всякаго сына эта потеря была бы тяжела, для тебя вдвое тяжелѣе. Какъ перенесъ ты ее? Какъ перенесла ее твоя сестра? Вѣроятно писемъ отъ тебя я не получу до пріѣзда твоего сюда; но я немножко сердитъ на Герке: онъ бы могъ приписать къ твоему письму то, о чемъ тебѣ и въ голову не пришло сказать. Матушка много плакала, когда я сообщилъ ей извѣстіе о кончинѣ Анны Николаевны. Жена замѣтила, что тебя не должно будетъ такъ скоро отпустить въ Петербургъ, а нѣсколько времени продержать здѣсь. По моему, это дѣло.

На дняхъ Богъ далъ мнѣ сына, имя дано ему Дмитрій [2]). Буду ли я счастливѣе этимъ, чѣмъ двумя первыми? Первое счастіе въ мірѣ семейное; но въ этомъ счастіи та бѣда, что мы дѣлаемся уязвимыми со всѣхъ сторонъ.

Прощай, будь здоровъ. Кланяйся отъ меня сестрѣ твоей и графу Комаровскому. Я передъ нимъ виноватъ, но вотъ уже два мѣсяца, какъ я не только пера въ руки не бралъ, но и не читаю: испортилъ глаза.

Твой А. Хомяковъ.

---

[1]) Мать А. В. Веневитинова Анна Николаевна, урожденная княжна Оболенская, скончалась 24 Сентября 1841 года.

[2]) Вѣроятно, въ память о поэтѣ Дмитріѣ Владимировичѣ Веневитиновѣ, который былъ близкимъ другомъ А. С. Хомякову.

Digitized by Google

15.

На конвертѣ штемпель: Москва, 1842 г. Января 8.

Вотъ ужъ двѣ недѣли слишкомъ, любезный Алексѣй, какъ я возвратился изъ деревни, куда меня заставилъ дуракъ управитель съѣздить по ужасной безпутицѣ. Твое письмо и твои посылки пришли безъ меня; но, правду сказать, я успѣлъ бы уже двадцать разъ съ тѣхъ поръ отвѣчать тебѣ и благодарить тебя, если бы я когда нибудь успѣвалъ что нибудь дѣлать. На славу исполнилъ ты порученіе. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ твоего вкуса; шляпа, ожерелье, все признано за совершенство вкуса Грацій. Съ своей стороны я совершенно согласенъ съ общимъ мнѣніемъ (что̀ довольно рѣдко случается) и отдаю тебѣ полную справедливость, какъ великому знатоку въ дамскихъ нарядахъ. Отъ всей души тебя благодарю.—Вотъ уже и новый годъ наступилъ: поздравляю тебя. Да будетъ онъ тебѣ въ радость и веселіе! Прошедшій годъ оставилъ тебѣ такое грустное воспоминаніе, что тебѣ болѣе кого-либо надобно отдохнуть душою. Правда ли, неправда ли, слухъ идетъ, что въ твоей жизни предстоитъ перемѣна великая, которой я давно тебѣ желаю. Какъ бы радъ я былъ, если бы это была правда! Называютъ и имя; но я не пишу его, потому что слухамъ Московскимъ, даже и Петербургскимъ, совсѣмъ извѣрился. Хотя для насъ было бы грустно знать, что ты рѣшительно и окончательно сдѣлаешься жителемъ Петербурга, но у меня нѣтъ столько эгоизма, чтобы я объ этомъ сталъ думать, когда тебѣ строится счастливая будущность. Впрочемъ не есть ли это вздоръ? Можетъ быть, и не слѣдовало мнѣ тебѣ писать объ слухахъ, да не утерпѣлъ: не прогнѣвайся!

Думалъ я, что Пальчиковъ побываетъ у насъ въ Москвѣ и радовался ему, какъ человѣку, котораго мало знаю, но очень люблю, и сверхъ того надѣялся объ тебѣ слышать и поговорить; да видно онъ не будетъ. Довольно смѣшно, что Пальчикова я рѣшительно *) считаю Москвичемъ: кажется, никакихъ

*) Въ Москвѣ даже есть переулокъ (у Филиппа Митрополита), получившій имя отъ стародавняго дома Пальчиковыхъ.

Digitized by Google

фактовъ нѣтъ для оправданія этаго мнѣнія, но характеръ его ума и мысли чисто наши. Такъ и тебѣ не быть никогда вполнѣ Петербуржцемъ: Московская природа въ тебѣ слишкомъ сильна.

Грустно мнѣ было читать въ твоемъ письмѣ то, что ты пишешь о своемъ расположеніи теперешнемъ. Правда, твое чувство одиночества есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ, какія только могутъ мучить человѣка; это тоже réclusoп solitaire, но только на волѣ. Не стѣны—тюрьма, а отсутствіе сочувствія. Впрочемъ хоть я и не люблю Сѣверной Пальмиры, но и не могу повѣрить, чтобы въ столькихъ знакомыхъ твоихъ и пріятеляхъ ты не нашелъ отзыва на свою внутреннюю жизнь, хоть въ двухъ или въ одномъ. Ты однимъ счастливъ, именно тѣмъ, что у тебя много занятій: въ горькія минуты жизни неволя имѣетъ свою выгоду, а хорошо переносимое горе облагораживаетъ человѣка; къ несчастію, ни тебѣ, ни мнѣ эта школа ужъ не нужна. Судьба насъ давно проучила.

Что сказать мнѣ про себя? Все попрежнему, по старому. Послѣ твоего отъѣзда у меня спился съ кругу управляющій и сдѣлалъ тысячъ десять убытка и сверхъ того заставилъ прокатиться верстъ 700 по непроходимымъ дорогамъ. Это дурная сторона, а хорошая та, что мои глаза поправились и что опять принялся за усердную работу нескончаемую, но какъ ты знаешь, очень веселую для меня, надъ грамматикою, лексикономъ и прочимъ.

Не знаю, удастся ли мнѣ быть у тебя, т. е. въ Питерѣ. Какъ-то все не ладится: съ одного конца зашиваю, а съ другого врозь лѣзетъ. Скучный трудъ, а необходимъ.—Будь здоровъ и помни насъ, какъ тебя всегда любилъ, любитъ и любить будетъ

Твой А. Хомяковъ.

Января 7 дня 1842 г.

16.

Вотъ тебѣ еще порученіе, любезный Алексѣй. Я бы тебѣ сказалъ, прости моей докучливости; но когда ты прочтешь въ чемъ дѣло, ты и не вздумаешь пенять. Un seggreto d'importanza.

Digitized by Google

Узналъ я, что въ богохранимомъ градѣ Нерехтѣ (Костромской г.), у священника Михаила Діева находится древнѣйшая рукопись, которой существованіе неизвѣстно было никому, *Слова о полку Игорева*. Писалъ къ нему и получилъ въ отвѣтъ, что рукопись переслана имъ въ Петербургъ къ его брату (родному ли, не знаю) *Платону Яковлевичу Актову, служащему въ Департаментѣ Удѣловъ*, что она писана на пергаментѣ весьма древнимъ шрифтомъ и (всего страннѣе) что первая или первыя страницы писаны *рунами*. Послѣднее обстоятельство не весьма вѣроятно; я рунъ не предполагаю, но какъ ты уже слышалъ отъ меня, предполагаю существованіе древняго гражданскаго письма, изъ котораго родилось письмо столбцевъ. Теперь вотъ моя просьба. Поспѣши къ этому юношѣ, попроси посмотрѣть и списать, а потомъ слово за словомъ и купить. Конечно это можетъ быть поддѣлка; но если не поддѣлка, то ты самъ чувствуешь всю важность этой рукописи. Многое можетъ открыть поддѣлку: цвѣтъ пергамента, излишняя вѣрность съ печатнымъ подлинникомъ, излишняя твердость или щегольство мнимыхъ рунъ, которыя въ настоящей рукописи того вѣка должны быть или *сколкомъ*, если руны были уже брошены, или нѣсколько курсивны, если они были еще въ употребленіи. Если можешь, купи! Если подлинность очень вѣроятна, иди— до 1.000 рубл., торгуясь по-русски отъ сотни. Если тебѣ покажется подлиннымъ, не удерживайся страхомъ обмана. Тебя могутъ обмануть, какъ и всякаго. Глазъ же твой, по крайней мѣрѣ, отъ Архива *) также привыченъ къ старому письму, какъ мой, и еще больше. Но тайна, тайна непроницаемая и быстрота Суворовская. Я подозрѣваю, что не мнѣ одному этотъ слѣдъ извѣстенъ. Купивъ эту рукопись, ты мнѣ сдѣлаешь величайшее одолженіе. Не показывай никому и перешли по почтѣ съ двойнымъ письмомъ, однимъ для меня, а другимъ для документа. Отъ Актова для того же предмета возьми расписку, что онъ тебѣ продалъ рукопись, и расписку отъ кого онъ ее получилъ. Давно ли, какъ къ Діеву она попалась, сперва не проси: Богъ

*) Т. е. отъ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ служилъ А. В. Веневитиновъ съ 1825 по 1829 годъ.

Digitized by Google

знаетъ, какъ досталась. Вообще дѣйствуй быстро и рѣшительно Дѣло, какъ ты видишь, очень важное и легко можетъ быть испорчено; отъ того спѣшу къ тебѣ писать и прошу о тайнѣ. Ты знаешь, что я не собиратель рѣдкостей и мнѣ недорого пріобрѣтеніе рукописи, но боюсь, чтобы она не попала въ руки собирателей, гдѣ сокровища пропадаютъ и гніютъ. Много тайнъ слова можетъ быть въ этомъ спискѣ, если онъ подлинный.

Нынче получилъ я отъ Діева письмо и нынче жъ спѣшу къ тебѣ писать. Кончаю, чтобы попасть на почту. Прощай, будь здоровъ и Богомъ хранимъ.

Твой А. Хомяковъ.

Не нужно сказывать, что, какъ скоро рукопись или увѣдомленіе о ея покупкѣ получится мною, то получишь всѣ деньги употребленныя, а покуда повѣрь въ кредитъ.

Москва, Января 24 дня 1842 г.

17.

Любезный Алексѣй!

Тебѣ отдастъ это письмо Александръ Николаевичъ Поповъ, мнѣ великій пріятель, недавно выдержавшій блистательный диспутъ на магистра факул. юрид., честь и слава факультета (съ Кавелинымъ, который тоже скоро будетъ въ Петербургѣ). Поповъ ѣдетъ въ чужіе края и пробудетъ дней 10 въ Питерѣ, никого не знаетъ и поэтому вѣроятно не найдетъ никуда дороги. Полюби его за меня: со временемъ полюбишь за него самаго. Помоги ему все видѣть, что́ стоитъ быть видѣннымъ; онъ человѣкъ очень серіозный и еще жизнью нисколько не испорченъ, но любитъ искусство и все хорошее.

Искалъ я здѣсь охотника на собраніе рукописей и нашелъ. Пришли, если можешь, каталогъ съ обозначеніемъ цѣны. Можетъ быть, удастся помѣстить собраніе въ Москву, гдѣ оно болѣе у мѣста будетъ, чѣмъ въ современномъ и тревожномъ Питерѣ. Одоевскій здѣсь у насъ. Все прежній, даже въ лицѣ мало перемѣны; я какъ будто вчера съ нимъ видѣлся, такъ съ

Digitized by Google

перваго раза онъ мнѣ представился Одоевскимъ 32-го года. Въ умственномъ отношеніи точно тоже. Попрежнему хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилаго сыра, т. е. современности индустріальной и матеріальной, и древнихъ пыльныхъ знаній Алхиміи и Кабалы. Впрочемъ ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы. Исторія кончается Семирамидою, а все, что̀ хоть годомъ позже, ce sont les commérages d'aujourd'hui. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребываніе здѣсь такъ коротко. Не успѣю досказать и сотой части о Славянахъ до временъ Семирамиды. Княгиня также не измѣнилась. Я ей отъ души обрадовался. Съ нею для меня оживились всѣ воспоминанія общества Петербургскаго, веселья вечернихъ бесѣдъ. Она все также привѣтлива, даже и мила. Странное дѣло: видъ и разговоръ мужчины далеко не возобновляютъ въ памяти образы быта салоннаго такъ, какъ женщины.

Что̀ ты подѣлываешь? Какъ встрѣтилъ, какъ провелъ праздники? Знаю я, что ты живешь весело, кормишь пріятелей и собираешь ихъ на дружескій разговоръ. Это меня порадовало. Не должно терять привычекъ du foyer domestique и домосѣдства. Остается только украсить домъ милою хозяйкою. Пожалуйста выбирай проворнѣй или пріѣзжай скорѣе на выборъ сюда. Прощай, любезный Алексѣй. Будь здоровъ.

Твой А. Хомяковъ.

Бѣдный Герке долженъ быть опечаленъ: Тютчева умерла. Хорошенькая и милая, и онъ навѣрно любезничалъ безъ памяти. Матушка и жена тебѣ кланяются.

Какъ ожиданіе указа здѣсь переполошило всѣхъ? Это была помора. У кого дрожь, у кого разстройство желудка и проч. Появился—и водворилось спокойствіе. Повѣришь ли, что объ немъ уже перестаютъ говорить. Ce sera un coup d'épée dans l'eau, если не подымутъ этаго искусственными средствами, т. е. печатнымъ разборомъ возможныхъ сдѣлокъ. Да кто на это пойдетъ и кому у насъ до чего дѣло? Отсрочка 5-ти лѣтняго размежеванія сдѣлала величайшій вредъ: повѣришь ли, что были уже сдѣлки, совсѣмъ конченныя? (Размежеванья совсѣмъ

Digitized by Google

готовы, отъ которыхъ отступились). Это со мною учинили сосѣди по двумъ деревнямъ. Досада. А виновата казна, которая нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дрянью подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ. Что́ за подлая ухватка была бы въ помѣщикѣ, если бы онъ въ дачѣ все приговаривалъ: «Это мое, да и это мое, да и это еще мое». А вотъ что изволитъ дѣлать казна подъ Киселевскимъ начальствомъ. Покуда не будетъ размежеванья, не будетъ почти возможности разумныхъ отношеній между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ. Понимаютъ ли эту простую истину? А все-таки хорошо, если хоть кто-нибудь попробуетъ воспользоваться новымъ указомъ. Всякая попытка (первыя будутъ едва ли удачными) послужитъ урокомъ для помѣщиковъ и для правительства. Указъ очень хорошъ тѣмъ, что не принудителенъ и не опредѣленъ.

18.

Любезный Алексѣй.

Нынѣшній годъ я только и дѣлаю, что въ тебя стрѣляю, то рекомендательными письмами, то порученіями, то всякою всячиною, а ты, кажется, отложилъ попеченье отстрѣливаться. Вотъ тебѣ еще препорученье и весьма важное: я подалъ въ Департаментъ Податей и Сборовъ прошеніе о томъ, что мнѣ по Тульскому заводу дана конкуренція 97.000, тогда какъ я весьма часто затиралъ по 80 кулей въ сутки, что́ составляетъ 117.600 к. въ годъ. Цѣль перемѣрки посуды таже, чтобы не показывали лишняго, а у меня по этому случаю убавлено, чего конечно не хотѣли сдѣлать. Ты съ Муравьевымъ знако́мъ и былъ хорошъ: прилагаю къ нему незначительное письмо. Запечатай, прочитавъ, и отдай. Если же найдешь лучшимъ вмѣсто моего письма, подай отъ себя записку такаго содержанія. По измѣренію посуды, сдѣланному по предписанію Министерства, заводъ г-жи Хомяковой Тульскаго у., при деревнѣ Волоти, показанъ въ 97.000 в. или въ 33-хъ кулевой заторъ; но на немъ постоянно производились заторы въ 35 кулей и даже въ 1840 году изъ казеннаго хлѣба, подъ казеннымъ надзоромъ; прежде же, когда

Digitized by Google

поставка была значительно выгоднѣе, именно до 1833 года, дѣлались они въ 40 кулей, какъ видно изъ недѣльныхъ рапортовъ, представляемыхъ правительству. Измѣреніе вѣрно, но разница выводовъ происходила отъ того, что прикубокъ, находящійся при кубѣ, принимаетъ въ себя лишнюю жидкость и зверъ и позволяетъ глубокую накладку браги. Потомъ изъ письма выпиши объ особенной исправности завода и скажи, что проситъ-де Хомяковъ о конкуренціи въ 117.600 в. не пустословно, не гадательно, но то, что доказано опытомъ и пр., а теперь-де откупщики вина покупать не могутъ; все зависитъ отъ казны и исправныхъ заводчиковъ; забижать грѣхъ, и духовникъ не разрѣшилъ. Словесно скажи, что вотъ-де и бражный кубъ передѣлываютъ, чтобы успокоить ревнивую математику, а остальная посуда принимаетъ 45-ти кулевой заторъ, сирѣчь 132.300 в. Смилуйся, Великій Государь, и не отдай въ руки разнымъ Жидамъ-нехристямъ и бусурманскимъ спекуляторамъ. Какъ всѣ говорятъ, Муравьевъ человѣкъ славный и умный; онъ вѣроятно приметъ въ резонъ, а дѣло для меня весьма важное, кровное. Я тебя не прошу стараться, а просто скажу: надѣюсь на тебя, какъ на каменную гору. Не измѣни. Да сжалься, отвѣчай на сіе и прежнее посланія и скажи, читалъ ли мою статью въ Москвитянинѣ и какова по твоему сужденію, и говорятъ ли объ ней. Ты повѣришь, что у меня тутъ хлопочетъ не самолюбіе и что я болѣе желаю пользы, чѣмъ похвалы.

•

У меня страшная досада. Попался въ Москвѣ славный домъ; я жилъ почти мѣсяцъ лишній, чтобы торговать. Сторговалъ, далъ задатокъ, уѣхалъ, а продавецъ отступился. Предварительнаго условія по разнымъ причинамъ сдѣлать было нельзя. Постарайся, чтобы мнѣ было позволено указомъ поколотить камергера Акинфова.

Жаль и досадно! Домикъ былъ славный и премило отдѣланъ. Прощай, будь здоровъ. У насъ потопы дождевые и погода мерзкая. Хлѣба не дурны. Затмѣніе было видно; по сему случаю вотъ тебѣ Тульскій анекдотъ. Одинъ баринъ читалъ о затмѣніяхъ въ газетахъ, что какъ-то тутъ замѣшаны солнце, луна и

Digitized by Google

земля. Послѣ онъ и разсказываетъ: «Ужъ какое было, сударь, затмѣніе! Вотъ, сударь, было солнце, а вотъ мѣсяцъ, а земля мимо ихъ бокомъ, бокомъ, такъ и видно, что круглое какъ яблоко» Да вы откуда глядѣли на проходящую землю? «Изъ публичнаго сада». Напиши это Гоголь, скажутъ невѣроятно. Прощай; матушка и жена тебѣ кланяются.

Твой А. Хомяковъ.

Іюля 4 дня (1842).

19.

Отъ души поздравляю тебя, любезный другъ *). Сбылось мое давнишнее желаніе: ты избралъ надежнѣйшій путь къ счастію. На Святой Руси нуженъ свой домъ, своя семья для жизни; нужно внутреннее успокоеніе для того, чтобы внѣшняя дѣятельность была спокойна и плодотворна, чтобы унялась лихорадочная нетерпѣливость и чтобы всякое доброе стремленіе соединялось съ постоянствомъ и послѣдовательностію, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ. Невѣсты твоей я не знаю; но увѣренъ въ твоемъ будущемъ счастіи, потому что ты не могъ дурно выбрать и потому, что ото всѣхъ слышны единогласныя ей похвалы. Эгоизмъ нашъ немножко было возропталъ на то, что она не изъ Москвы родомъ, что она отнимаетъ тебя у насъ но говорятъ, что воспитанная въ Петербургѣ, она Петербургу не принадлежитъ, слѣдовательно есть надежда, что она можетъ полюбить нашу Москву и насъ Москвичей. Твое дѣло стараться объ исполненіи этой надежды. Впрочемъ нечего объ этомъ и говорить: тебя здѣсь такъ любятъ, что твоя невѣста не можетъ насъ не полюбить.

По правдѣ сказать, ты не можешь вообразить, какъ я радъ, что ты наконецъ выбралъ невѣсту, что ты выбралъ такъ хорошо (въ этомъ всѣ согласны), что ты вступаешь въ такое милое родство (наша Московская привычка считать родню) и

*) А. В. Веневитиновъ помолвилъ тогда на графинѣ Аполлинаріи Михайловнѣ Вьельгорской (1818 † 1884); бракъ ихъ состоялся 10 Февраля 1843 г.

Digitized by Google

что тебѣ впереди такъ много счастія, котораго ты и не воображаешь. Повѣрь мнѣ: холостой человѣкъ никакъ не можетъ понять жизни счастливо женатаго. Это ты со временемъ признаешь. Зачѣмъ не дожила твоя матушка до этого времени? Какое бы ей было утѣшенье! Мнѣ за тебя грустно объ этомъ подумать.

Жена моя поздравляетъ тебя. Она чуть-чуть не собрала меня ѣхать въ Питеръ на твою свадьбу, да дѣла никакъ не позволяютъ. Матушка также поздравляетъ и за тебя радуется. Твои старые друзья пили за твое здоровье и радовались, что ты послѣдовалъ ихъ доброму примѣру. Меня такъ и позываетъ къ тебѣ, на тебя взгляпуть и порадоваться; да нельзя.

Прощай, будь здоровъ и не забывай. Твой А. Хомяковъ.

Янв. 12 д. 1843 г.

20.

Любезный Алексѣй!

Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо. Попова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы; Кавелина (Константина Дмитріевича) адресую къ тебѣ столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятельствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссертаціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его кончить диссертацію уже тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи ты вѣроятно знаешь. Она была въ Юридическихъ Запискахъ и можетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего; онъ самъ себя уже хвалитъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній я скажу, что онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ. Надобно бъ еще устояться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодому) и молодымъ убѣжденіямъ. Но каковъ онъ есть, для васъ онъ великое пріобрѣтеніе. Donnez lui quelques bons coups d'épaule et poussez

Digitized by Google

le, s'il est possible. Служба должна такими людьми дорожить; помѣсти его къ Панину [1]). Сверхъ того будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятельства дали его характеру нѣсколько раздражительности или, лучше сказать, недовѣрчивости. Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ этотъ недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ отношеніяхъ пріятельскихъ. Знаешь ли, что А. Мещерскій оженился какимъ-то быстрымъ и неожиданнымъ и нѣсколько романическимъ бракомъ. Какъ Платонъ долженъ былъ страдать, узнавъ о такихъ нецеремонныхъ поступкахъ брата! [2]) Вообрази себѣ, что А. взялъ согласіе невѣсты и закупилъ для нея же приданое, не спросивъ еще согласія будущей тещи, т. е. просто не сталъ въ первую позицію и не сдѣлалъ трехъ шаговъ впередъ, какъ слѣдуетъ всякому добропорядочному человѣку при поклонѣ. Когда-то к. Платонъ вздумаетъ жениться? Его сватовство будетъ вѣроятно совершеннѣйшимъ образцомъ всѣхъ тонкостей этикета, и надобно будетъ издать описаніе съ картинками для поученія потомковъ.

Одоевскій былъ у меня вчера вечеромъ и слышалъ одинъ изъ нашихъ споровъ. Онъ отдаетъ полную справедливость усовершенствованію органовъ слова въ Москвѣ. Всѣ говорили, и всякій могъ бы покрыть цѣлый оркестръ. Мало побылъ онъ здѣсь, нельзя было ни его инициировать во всю нашу жизнь, ни дать нашей молодости полюбить Одоевскаго. Жена его все хвораетъ. Такъ досадно: я ее люблю и радовался ея пріѣзду, а мало видѣлъ. Прощай, будь здоровъ, и по возможности отвѣчай. Крѣпко думалъ я весной тебя видѣть на перепутьи за границу; да чорта съ два: кинулъ Канкринъ такую заковычку, что поне-

---

[1]) Графу Виктору Никитичу, тогда министру юстиціи.

[2]) Въ „Родословномъ сборникѣ“ Руммеля значатся князья Мещерскіе: ген.-лейтенантъ Александръ (женатый на Маріи Валеріановнѣ Новосильцовой) и камергеръ Платонъ Алексѣевичъ. Оба они нѣкогда были, кажется, такъ называемыми „архивными“ юношами.

Digitized by Google

волѣ сижу. Надобно ждать торговъ, а они будутъ въ Августѣ до Сентября. Когда-то выберусь на волю?

Прощай, твой Хомяковъ.

Кстати, ты не былъ за границей. Я только сейчасъ спохватился. Пора бы тебѣ туда съѣздить; не удастся ли вмѣстѣ?

Жена, матушка и Кирѣевскій тебѣ кланяются.

21.

Любезный Алексѣй.

Я получилъ первое о тебѣ извѣстіе отъ нашего Московскаго выходца Самарина, что ты живъ и здоровъ, что ты Москву любишь попрежнему и Москвичамъ радъ. Кажется, не осрамились мы высылкою къ вамъ этого образчика Московской молодежи, и вы должны признаться, что старушка-Москва не оскудѣла дѣтьми дойстойными ея. Мнѣ не нужно тебя просить о дружбѣ къ Самарину: онъ самъ за себя проситель, а ты его уже оцѣнилъ. Я о другомъ прошу. Мы съ тобою уже въ родѣ старичковъ и должны быть охраною для младшихъ. Петербургъ имѣетъ свои соблазны (въ смыслѣ *séduction*, а не Skandale, какъ нѣкоторыя постановленія Перовскаго), общество и подавно. Поддержи въ Самаринѣ его Московскіе, т. е. общечеловѣческіе интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ характеромъ Московскимъ, въ которомъ бывать, т. е. людямъ неиспортившимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно, и привольно. Такой кружокъ возстановилъ бы многихъ утратившихъ отчасти свою лучшую натуру, и, я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это по настоящему твое бы было дѣло по той простой причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ П-гѣ, а Москва, т. е. Русь, не имѣетъ. Къ несчастію, мы бы къ вамъ часто подсылали новыхъ сотрудниковъ, потому что каждый день увлекаетъ отъ насъ кого-нибудь изъ лучшихъ, притянутыхъ Невскимъ водоворотомъ. Вотъ напр.

Digitized by Google

и теперь мы, кажется, потеряемъ вскорѣ славнаго человѣка, славную голову, мыслящую и трудолюбивую—Попова. Ему здѣсь не посчастливилось. Интриги и партіи его не впускаютъ въ Университетъ, которому онъ могъ бы служить украшеніемъ. Неволя погонитъ его въ Питеръ и заставитъ вѣроятно вступить въ службу. Узнай, пожалуйста, нельзя ли его помѣстить адъюнктомъ или профессоромъ въ Университетъ или куда нибудь въ этомъ родѣ. Онъ магистръ правъ, и диспутъ его былъ самый блистательный изо всѣхъ, кромѣ Самаринскаго. Неужели науки должны лишиться всѣхъ своихъ лучшихъ надеждъ?

Ты уже слышалъ про Дѣтскую Библіотеку. Въ ней участвуютъ почти всѣ литераторы Московскіе, и она есть плодъ доброжелательства къ будущему поколѣнію, а не простой спекуляціи. Въ ней будутъ, безъ сомнѣнія, многія добрыя статьи, оригинальныя не только потому, что онѣ будутъ не переводныя, но и по тону и характеру. Тебѣ, какъ уже отцу семейства, должно принять участіе: или дѣятельное какъ производитель статей (если ты отъ пера не совсѣмъ отсталъ), или страдательное—какъ покупатель. Поэтому посылаю тебѣ нѣсколько билетовъ; два изъ нихъ надписаны тебѣ и Одоевскому (разумѣется безденежно), остальные помѣсти, если можно. Одоевскій напрасно пенялъ на то, что не былъ приглашенъ къ сотрудничеству. Собственно никого не приглашали. Все было дѣло спонтанейности и случая. Кое-кто поговорилъ и прислалъ статьи. Другіе услышали и также прислали. Никого не просятъ и всѣмъ благодарны. Самолюбіе мое велитъ мнѣ похвалиться статьею, которую я помѣстилъ въ первой части: Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Я ею доволенъ; впрочемъ она очень добродушно и допускаетъ критику и неудовольствіе со стороны читателей. Цѣна изданія весьма умѣренная, какъ ты можешь усмотрѣть изъ надписи на билетахъ. Самое же изданіе дѣлится на двѣ части. Одна для дѣтей, другая для преподавателей. Если бы можно было помѣстить болѣе экземпляровъ въ разныя казенныя заведенія для дѣтей, особенно женскаго пола, то тогда можно брать только ту половину, которая собственно назначается для дѣтей, и тогда цѣна 10 рубл. 50 коп. Такой продажи не назначено, но она возможна при значительномъ числѣ экземпляровъ. Постарайся объ этомъ. Ска-

Digitized by Google

жи пожалуйста поклонъ мой гр. Комаровскому; да спроси, получилъ ли онъ книги, посланныя ему Валуевымъ. Извѣстій о полученіи нѣтъ, и Валуевъ сомнѣвается, дошли ли книги по принадлежности.

Здѣсь въ ходу другая литературная новость: Москвитянинъ, не мѣняя имени издателя, переходитъ дѣйствительно на попеченіе Киреевскаго. Дѣло, кажется, улажено и скоро будутъ опыты новой редакціи. Славное было бы изданіе, если Киреевскій только окажется способнымъ къ труду, отъ котораго отвыкъ въ долгомъ покоѣ, и странная судьба, если бывшій Европеецъ воскреснетъ Москвитяниномъ. Не символъ ли это необходимаго пути, по которому должно пройти наше просвѣщеніе, и коренная перемѣна въ Киреевскомъ не представляетъ ли утѣшительнаго факта для нашихъ надеждъ? Съ нетерпѣніемъ жду первыхъ опытовъ и, разумѣется, буду, елико возможно, принимать дѣятельное участіе въ изданіи. Кланяйся отъ меня Одоевскому; скажи ему, что я собираюсь къ нему писать и сверхъ того радуюсь движенію его мысли. Фаустъ у него сдѣлался Славяно-Руссомъ. Это великій и утѣшительный фактъ. Если наше просвѣщеніе не освободится, то мы остаемся все-таки дармоѣдами чужихъ трудовъ, безполезными для человѣчества. Мнѣ весело, что у него душа доходитъ на чужбинѣ до тѣхъ выводовъ, которые здѣсь родятся изъ жизни Московско-Русской. Прощай будь здоровъ и не забывай насъ. Твой А. Хомяковъ. Окт. 24 (1843).

Вотъ тебѣ странная просьба. Нѣкто мой старый товарищъ полковой, Николай Алекс. Антроповъ, теперь полковникъ, просится къ вамъ въ службу въ Петербургъ по мин. внут. дѣлъ. Онъ проситъ меня рекомендовать его, какъ умнаго, образованнаго и знающаго человѣка, хотя нѣсколько страннаго. Таковъ онъ и есть. Впрочемъ какія въ немъ нравственныя перемѣны, не знаю. Если ты узнаешь, что онъ куда нибудь у васъ просится, то вспомни объ моемъ отзывѣ.

Digitized by Google

22.

Любезный другъ!

Когда былъ здѣсь твой своякъ *), ввелъ онъ меня въ сомнѣніе на счетъ твоего адреса: будто ты мнѣ адресъ свой далъ невѣрно и объявилъ мѣсто жительства на Невскомъ проспектѣ, между тѣмъ какъ дѣйствительно ты живешь на маленькой улицѣ или площадкѣ съ весьма неаристократическимъ названіемъ. Пошутилъ ли Сологубъ или нѣтъ, не знаю; но я къ нему ѣздилъ узнать повѣрнѣе, а онъ уже уѣхалъ. Тогда по обыкновенію моему дѣло письменное пошло въ оттяжку: то заботы и хлопоты по дѣламъ, то то, то сё, то наконецъ прибавленіе семьи (рожденіе дщери), и до сихъ поръ я еще не собрался писать къ тебѣ. Объ тебѣ я слышалъ часто и много отъ пріѣзжихъ изъ Петербурга, отъ Языковыхъ, которые тебя видали, отъ Муханова, который и теперь еще здѣсь, и отъ другихъ. Весело слышать, что тебѣ хорошо, тепло въ семейной жизни, не дурно въ служебной, что ты наконецъ счастливъ. Это все прекрасно, а мнѣ какъ-то сдается, что тебѣ еще бы было лучше здѣсь; но впрочемъ отъ хорошаго лучшаго искать нечего, и наше Московское убѣжденіе, что нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ въ Москвѣ, есть можетъ быть не что иное, какъ оптическій обманъ отъ пристрастія къ родному гнѣзду. Гдѣ бы ты ни былъ, ты уже положилъ твердое основаніе истинному счастію, счастіе семейное. Объ себѣ мнѣ и говорить нечего. Жизнь идетъ или плетется по тихоньку; плетутся по тихоньку занятія, бесѣды, и только одни споры идутъ шибкою рысью; главное же въ жизни то, что мало-по-малу нарастаетъ семейка, составленная нынѣ изъ двухъ дочерей и мальчика. Всѣ трое по обыкновенію очень милы, разумны и составляютъ, по разнымъ своимъ достоинствамъ, тѣлеснымъ и душевнымъ, предметъ безконечныхъ восторговъ для бабушки. Желаю и тебѣ скоро радоваться своимъ потомствомъ. Думалъ я нынѣшній годъ побывать за границею, подышать воздухомъ многодвижущейся Европы (хотъ и увѣряю всѣхъ въ качествѣ Руссофила, что этотъ воз-

*) Графъ В. А. Сологубъ.

Digitized by Google

духъ есть не что иное какъ сквозной вѣтеръ); однакоже судьба распорядилась со мною иначе. Я опять засѣлъ дома и опять ѣду въ деревню по лѣтнему обычаю. А досадно. Какое-то нетерпѣніе меня беретъ, какая-то тоска по художеству, по южной природѣ, по красотѣ матеріальнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ какъ стихи перестали писаться, пробудилась большая жажда внѣшней поэзіи. Главное же то, что мнѣ хотѣлось бы женѣ показать то, что всѣ порядочные люди видятъ хоть разъ въ жизни. Да кстати, ты отчего не взглянешь за границу? Такъ какъ мнѣ нельзя самому ѣхать, то и не прошу тебя брать мнѣ мѣсто на пароходѣ, но туже самую коммиссію прошу исполнить для другаго. Племянникъ мой (по женѣ) Валуевъ ѣдетъ въ Германію и Англію на нѣсколько мѣсяцевъ рыться въ библіотекахъ отчасти для себя, отчасти для меня. Ѣдетъ онъ одинъ-одинешенекъ. Юноша достопочтенный и studiosissimus. Сдѣлай одолженіе, возьми ему мѣсто на пароходѣ, если можно на «Николаѣ» Іюля 10-го, а если нельзя, то даже на «Наслѣдникѣ» Іюля 3-го. На «Николаѣ», говорятъ, хоть онъ и позже пойдетъ, да переѣздъ лучше. Если на обоихъ мѣста уже взяты, то возьми хоть на «Александрѣ» Іюля 17-го, хотя это уже непріятно, и какъ возмешь, потрудись мнѣ увѣдомить въ нашъ домъ на Кузнецкомъ мосту. Имя путешественника Дмитрій Алекс. Валуевъ, званіе кандидатъ Московскаго Университета. Деньги употреби свои и сдѣлай мнѣ этотъ кредитъ до пріѣзда самого путешественника, который тебѣ заплатитъ. Я, кажется, къ тебѣ никогда безъ коммиссіи не пишу. Да и что прикажешь писать? Что дѣлается кругомъ насъ, о чемъ бы можно было говорить? Кто пѣлъ, кто игралъ. Всѣ они пѣли и играли у васъ, прежде чѣмъ здѣсь. А если имъ особенно хлопали, или ихъ кормили, или имъ рѣчи говорили, то полагаю вамъ про это и знать не хочется. Также мало интереса и въ томъ, что Тургеневъ поссорился съ Чаадаевымъ, а другъ нашъ Шевыревъ побранился и потомъ помирился съ профессоромъ Крюковымъ, и прочія тому-подобныя новости. Занятія литературныя мои заведены, какъ тебѣ извѣстно, на 50 лѣтъ и слѣдовательно и объ нихъ говорить нечего. Муза отступилась совершенно. Общество все также мало измѣняется и также мало, мало движется, какъ и я. Штиль совершенный. Не объ чемъ говорить, какъ въ

Digitized by Google

исторіи счастливыхъ народовъ; а и впрочемъ весела эта безтревожная жизнь, и тихій трудъ, и прочее; но вамъ Петербуржцамъ она уже не доступна, какъ идиллія Парижанину. Сохраняешь ли ты память о Москвѣ и объ этомъ идиллическомъ бытѣ? Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Скажи своей супругѣ, что мнѣ просто грустно, что я не имѣлъ никогда счастія ее видѣть и слѣдовательно не могу ясно себѣ представить тебя въ твоемъ домашнемъ бытѣ, что за всѣмъ тѣмъ я ее прошу принять мой почтительный поклонъ, какъ будто она меня знаетъ.

Твой А. Хомяковъ.

(1848).

23.

Правда твоя, любезный другъ, что безъ особеннаго дѣла я не вдругъ соберусь писать. Никогда отъ роду не могъ я завести корреспонденцію и всегда завидую тѣмъ, у которыхъ она есть. Это не просто лѣнь браться за перо, хоть я и не скрываю этаго сладкаго порока, но какое-то чувство мертвенности въ письменныхъ сообщеніяхъ между друзьми. Все то, чѣмъ оживляется разговоръ, чѣмъ слово сказанное другу отличается отъ слова сказаннаго пріятелю или знакомому, все это тонетъ въ чернильницѣ, и выходитъ какое-то безцвѣтное писаніе, не носящее даже признака теплаго, дружескаго чувства. Досадно самому прочесть что́ написалъ. Вотъ отчего мнѣ всегда нуженъ, какъ ты говоришь, крючокъ, къ которому прицѣпить свое письмо.

Ты меня очень одолжилъ, записавъ Валуева. Дополни свое одолженіе и возьми ему билетъ; а не то онъ можетъ нѣсколько опоздать. Вѣроятно всѣ билеты будутъ разобраны въ первые два или три дня, и онъ едва ли пріѣдетъ въ Петербургъ прежде 4-го Іюля. Впрочемъ, когда ужъ на то пошло просить тебя объ услугахъ, то достань ему возможность хоть мелькомъ взглянуть на ваши Питерскія рѣдкости, на Эрмитажъ, дворецъ, Академію и проч. Вѣдь на все это нужны будутъ позволенія. У насъ покуда Москва еще не совсѣмъ опустѣла противъ своего

Digitized by Google

обыкновенія. Выставка удержала здѣсь кое-кого*). Многіе остались поглядѣть на чудеса промышленности и накупить разныхъ разностей. И вправду стоитъ труда поглядѣть на выставку. Я тамъ почти каждый день, и скупость моя не устояла противъ искушеній. Много вздорнаго блеска, много мнимо-Русскихъ (вашихъ Питерскихъ) издѣлій, которыя только по какому-то условному предположенію называются Русскими, напр. бронзы; много прекрасныхъ вещей, которыя вполнѣ зависятъ отъ иностранцевъ по основному матеріалу (напр. шелковыя матеріи); но много вещей сильно подвинувшихся впередъ и составляющихъ истинное богатство. Таковы стальныя издѣлія, которыя почти равняются съ лучшими Англійскими, таковы отчасти шерстяныя матеріи, парчи, которыхъ требованіе въ Россіи очень велико, и которыхъ красота удивительна, и много еще кое-чего. Всего непріятнѣе отсутствіе изобрѣтательности, полная зависимость отъ рисунковъ иностранныхъ и преобладаніе предметовъ роскоши, неоживленной никакимъ художественнымъ чувствомъ, роскоши варварской, денежной, разрывающей общество, а не связывающей его въ общемъ поклоненіи изящному. Есть роскошь искусства въ виллахъ Италіи, но тамъ искусство сохраняетъ свободу свою; золотомъ купишь картину, но не создашь Рафаэля. Богачъ, купившій произведеніе Микель-Анджело, находится въ зависимости отъ художника, котораго никакія деньги не создадутъ; бѣднякъ, любующійся картинною галлереею, владѣетъ ею какъ самъ владѣлецъ. Роскошь ремесленная, наша современная роскошь, создана золотомъ; его богатство бьетъ бѣдность по глазамъ. Поэтому-то я считаю выставку дѣломъ весьма полезнымъ. Въ ней видны еще болѣе покупщики, чѣмъ производители, и съ этой стороны выставка Русская мало представляетъ утѣшительнаго. Поѣзжай въ Италію: это лучше другихъ путешествій. Конечно я не считаю счастливою эпохою для человѣчества эпоху Итальянскаго преобладанія. Міръ во многомъ двинулся впередъ; но много хорошаго утратилось по дорогѣ, и въ числѣ дорожныхъ потерь считаю я искусство. Только признайся по совѣсти, что твое нежеланіе путешествія имѣетъ другой источникъ, а не тотъ, который ты ему приписалъ. Я увѣренъ, что семейное счастіе тебя вполнѣ удовлетво-

*) См. III-й томъ настоящаго изд., стр. 86—97.

Digitized by Google

ряетъ: оно дѣйствительно единственное, истинное. Но вѣдь оно съ тобою можетъ путешествовать. Тебя удерживаетъ служба, и слава Богу! Хорошо, что ты нашелъ дѣятельность и цѣль для дѣятельности и возможность быть полезнымъ. Только пожалуйста не забывай, что механизмъ, въ которомъ ты трудишься такъ ревностно, долженъ быть связанъ съ жизнію. Про это забылъ вашъ Питеръ, какъ я убѣдился всѣми разговорами съ пріѣзжими отъ васъ, даже старыми пріятелями, да еще насъ называютъ отвлеченными. Хорошее бы дѣло было, если бы ты у насъ побывалъ въ Москвѣ; твой пріѣздъ крѣпко бы насъ обрадовалъ. Надобно твоей женѣ узнать Москву, а твоимъ друзьямъ надобно узнать, слѣдовательно полюбить твою жену. N'est-ce pas que c'est fameusement provincial que le mot de жена? Я вамъ уже представлю цѣлую семейку изъ трехъ малютокъ, малъ-мала меньше. Меньшой имя Екатерина, т. е. просто Катерина. Жена дала это имя не въ честь себѣ, а въ честь матери, а матушка радуется особенно тому, что оно напоминаетъ императрицу Екатерину Ал., ce qui me fait faire la grimace. Что-то Аполлина Михайловна скажетъ про моихъ малютокъ? А по общему мнѣнію всего дома они очень милы. Прощай, будь здоровъ и не забывай твоего А. Хомякова.

21 Іюня (1843).

Вотъ еще нѣчто въ родѣ порученія. Нельзя ли тебѣ узнать о слѣдующемъ? Живетъ ли у графа Клейнмихеля Англичанка въ родѣ няни, какая-то miss Littlewood, которая хотѣла переѣхать въ Москву поближе къ роднѣ. Мы ей послали денегъ на дорогу, приглашая къ себѣ. Съ тѣхъ поръ ни слуха, ни духа. При случаѣ узнай, есть ли тамъ какая-нибудь miss Littlewood и есть ли надежда, что она сюда ѣдетъ. Впрочемъ это порученіе исполни какъ можно болѣе на досугѣ, чтобы я зналъ, что я отнюдь никакихъ хлопотъ тебѣ не навязалъ.

24.

(Мартъ 1844).

Любезный Алексѣй.

Поздравляю тебя съ тою твоею радостію, о которой узналъ я изъ письма гр. Комаровскаго къ Валуеву. Ты повышенъ въ чинѣ

Digitized by Google

Patris Familias[1]). Дѣло важное по праву Римскому, да не малость по обычаю Славянскому. Шутки въ сторону, поздравляю тебя отъ души. Женитьба и семейность одно и тоже, а семьи нѣтъ, покуда нѣтъ дѣтей съ ихъ докукою и утѣхою. Желаю тебѣ столько же отъ нихъ радости и гораздо менѣе горя, чѣмъ досталось на мою долю. У меня, слава Богу, теперь трое, а все таки тяжело вспомнить о потерянныхъ. Радуйся и веселися сыномъ, и да здравствуетъ онъ лѣта многа! Я бы тебѣ сказалъ, что ты теперь выучишься няньчить малютокъ, да ты и безъ того на это мастеръ, какъ помню изъ Богучарова[2]). Одинъ мой совѣтъ, если ты будешь самъ входить въ это дѣло: не изнѣживай, лѣчи омеопатически когда нужно, а по большей части не лѣчи совсѣмъ; да когда станетъ Миша подрастать, не позволяй давать игрушекъ, т. е. много. Игрушки пріучаютъ къ скукѣ, это тоже что̀ общество въ молодости. Воображеніе дѣлается лѣнивымъ, и человѣкъ привыкаетъ требовать, чтобъ его забавляли. Игрушки должно позволять только больнымъ дѣтямъ. Вотъ тебѣ важный совѣтъ человѣка уже давно въ чинѣ отца семейства.

Кошелевъ въ Петербургѣ и, разумѣется, видѣлся съ тобою не разъ. Онъ тебѣ многое могъ разсказать про житье-бытье Московское, хотя самъ къ нему мало принадлежитъ по своей вѣчно дѣловой хлопотливости. Кое-что ты уже самъ знаешь, какъ видно изъ твоего письма, объ отвлеченностяхъ разнаго рода, замѣняющихъ въ Москвѣ мѣсто положительныхъ интересовъ, о космополитизмѣ, національности и т. д.

Толку въ этомъ конечно немного, однако можно ожидать отъ этого столкновенія мнѣній дѣятельности, хотя, по правдѣ сказать, все-таки дѣятельности нѣтъ. Даже Москвитянинъ, послѣдній и, по правдѣ, довольно жалкій признакъ жизни умственной, клонится къ упадку. Говорятъ, что нынѣшній годъ будетъ предѣломъ его существованію. Пожалѣй объ насъ. Не останется даже журнала. Никто въ немъ не пишетъ и не хлопочетъ объ

[1]) 25 Февраля 1844 года у Веневитиновыхъ родился первый сынъ, Михаилъ Алексѣевичъ (нынѣ директоръ Румянцовскаго Музея).

[2]) Помѣстье Хомякова подъ Тулою. А. В. Веневитиновъ навѣщалъ его тамъ.

Digitized by Google

его поддержкѣ, а когда онъ скончается, вѣрно всѣ будутъ также разстроены какъ Иванъ Никифоровичъ, если бы у него украли ружье, изъ котораго онъ отъ роду не стрѣливалъ. Вѣдь покуда было ружье, можно бы было стрѣлять, если захотѣлось. Лучшимъ проявленіемъ жизни Московской были лекціи Грановскаго. Такихъ лекцій конечно у насъ не было со временъ самаго Калиты, основателя первопрестольнаго града, и безспорно мало во всей Европѣ. Впрочемъ я его хвалю съ тѣмъ бо́льшимъ безпристрастіемъ, что онъ принадлежитъ къ мнѣнію, которое во многомъ, если не во всемъ, противоположно моему. Мурмолка (вѣроятно ты знаешь что̀ это такое) не мѣшала намъ, мурмолконосцамъ, хлопать съ величайшимъ усердіемъ краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго. Даже П. В. Киреевскій, прославившійся, какъ онъ самъ говоритъ, неизданіемъ Русскихъ пѣсень и прозвищемъ великаго печальника земли Русской, даже и онъ хлопалъ не менѣе другихъ. Ты видишь, что крайности мысли не мѣшаютъ какому-то добродушному Русскому единству. Все это безстрастно. Не то что̀ у васъ въ Питерѣ, гдѣ мысль, если когда проявится,—гнѣвлива, какъ практическій интересъ.

Къ вамъ нельзя писать, чтобы не включить или прошенія, или порученія. Я думаю, это тебѣ кажется иногда страннымъ, но это очевидное слѣдствіе сосредоточія всей положительной жизни. Какую напр. дашь комиссію въ Москву? Развѣ отслужить гдѣ нибудь молебенъ? Другаго и не придумаешь. Такъ вотъ тебѣ мои порученія.

Есть нѣкто *Штадлеръ* или Стадлеръ, чиновникъ по особымъ порученіямъ у Тульскаго губернатора. Онъ представленъ въ совѣтники Г. Правл. Слѣдовало тебя попросить объ немъ похлопотать; но я слышу, что о немъ послѣдовало рѣшеніе назначить въ должность совѣтника и поручить ему ревизію Городской Полиціи. Когда онъ свое дѣло кончитъ, вѣроятно будетъ опять представленіе, то сіе пишется покуда къ тебѣ, какъ предувѣдомленіе, чтобы ты похлопоталъ. Этотъ Стадлеръ ненавидимъ всѣми нашими Тульскими плутами и, можетъ быть, безъ всякаго преувеличенія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей воспитанныхъ Московскимъ Университетомъ. Видишь, что еще покуда хлопотъ пѣтъ.

Digitized by Google

Другое порученіе немного развѣ чѣмъ похлопотливѣе. Меня просили, а я тебя прошу, узнать, будетъ ли возможность достать мѣсто весною на Штетинскомъ пароходѣ, и много ли это будетъ лучше Любскаго. Вотъ и все.

Поклонись отъ меня гр. Комаровскому; я ему очень благодаренъ за любезный попрекъ его въ письмѣ къ Валуеву; да что дѣлать? Я самый негодный корреспондентъ. Сколько ни заводилъ переписокъ, ни одной какъ-то не умѣлъ продолжать. Не то не о чемъ писать, не то времени нѣтъ за отсутствіемъ всякаго дѣла. Ты, можетъ быть, слышалъ, а если нѣтъ, то увѣдомляю, что я да И. В. Киреевскій, справившись съ расположеніемъ своихъ занятій и времени, замѣтили во времени страшный недочетъ и, возымѣвъ подозрѣніе на Шевырева, у котораго дѣла оказывается втрое болѣе чѣмъ слѣдовало быть времени, подаемъ на него въ Уѣздный Судъ прошеніе о похищеніи имъ у насъ по 12-ти часовъ въ сутки. Прощай, будь здоровъ со всѣми твоими. Когда удастся кончить письмо прибавленіемъ: до свиданія?

Твой отъ души А. Хомяковъ.

25.

Любезный другъ.

На дняхъ возвратился изъ чужихъ краевъ племянникъ мой Валуевъ. Я тебѣ очень и очень благодаренъ за твой дружественный пріемъ нашего Московскаго птенца. Я знаю, что онъ добрый и славный малый по сердцу и уму; но всѣ эти качества могутъ быть узнаны только впослѣдствіи, а пріемъ твой былъ сдѣланъ мнѣ въ человѣкѣ, о которомъ ты только еще зналъ, что онъ мнѣ родственникъ и что я его люблю. Сто разъ спасибо! Мы такъ рѣдко видимся, такъ много годовъ всегда проходитъ между каждымъ нашимъ свиданіемъ, такъ рѣдко даемъ вѣсть о себѣ другъ другу, что доказательство дружбы (хотя я въ твоей дружбѣ никогда и не могу сомнѣваться) доставляетъ мнѣ особенную и живую радость. Это то ласковое слово, сказанное тѣмъ ласковымъ голосомъ, подъ которое нельзя поддѣлаться людямъ равнодушнымъ. Изъ всего вышесказаннаго (слогъ дѣ-

Digitized by Google

ловой) ты можешь видѣть, какъ благодаренъ тебѣ нашъ здѣшній путешественникъ и въ какомъ онъ восторгѣ не отъ тебя только, но и отъ всего твоего дома, радушнаго какъ наша Святая Русь, полнаго художественныхъ и современныхъ интересовъ, какъ просвѣщенный Западъ и даже не чуждаго интересамъ археологическимъ, какъ Германія или Москва въ лицѣ графа Егора Евграфовича.

Мнѣ весело подумать объ вашемъ счастливомъ оазисѣ въ сухомъ и односторонне практическомъ Петербургѣ, а еще веселѣе, что жена моя, не видавши еще Аполлинаріи Михайловны, уже связана съ нею благодарностью за дружбу, оказанную ея ближайшему родственнику *): когда Богъ дастъ свидѣться, онѣ встрѣтятся не какъ чужія, а какъ знакомыя. Что же касается до насъ съ тобою, многое прошло мимо насъ и между насъ, а мы, кажется, остались все тѣже и въ себѣ, и въ отношеніи другъ къ другу. Такъ да будетъ! Наше Московское житье-бытье идетъ по старому, въ сладкой и ненарушимой праздности, въ отвлеченностяхъ, въ бесѣдахъ довольно живыхъ, вертящихся все около однихъ какихъ нибудь предметовъ, которые идутъ на мѣсяцы и года... Записка ежедневныхъ можетъ быть легко заключена въ слѣдующей формѣ: «тѣже о томъ же». Ежегодное повтореніе однихъ и тѣхъ же бесѣдъ очень похоже на оперу въ Италіи: одна идетъ на цѣлый годъ, и слушателямъ не скучно. Это не похоже на Питеръ. Мы называемъ такія бесѣды движеніемъ мысли; но Языковъ увѣряетъ, что это не движеніе, а просто моціонъ. Одно только явленіе истинно оживило нынѣшнюю Московскую зиму: лекціи Грановскаго объ Исторіи среднихъ вѣковъ. Профессоръ и чтеніе достойны лучшаго Европейскаго университета, и къ крайнему моему удивленію публика оказалась достойною профессора. Я не ожидалъ ни такаго успѣха, ни такаго глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума. Ты видишь, что я не пристрастенъ къ Москвѣ. Вотъ жизнь Московская. Моя еще немного сложнѣе. Осенью охотился на славу; да ты вѣдь этого не понимаешь, а то бы я тебѣ описалъ, каковъ у меня Драконъ

*) Д. А. Валуевъ—родной по матери своей племянникъ супругѣ А. С. Хомякова, Екатеринѣ Михайловнѣ.

Digitized by Google

половой. Зимою ѣзжу на вечернія бесѣды, а дома дѣлаю розысканія о предметахъ современныхъ: Семирамидѣ, Ликійскихъ надписяхъ и Кирѣ. Есть однакоже надежда, что на будущій годъ дойду до Рождества Христова, и все это, охота, бесѣды и копанье въ древности, замыкаются въ тихой домашней жизни, которой счастье ты уже знаешь.

Послѣднее извѣстіе обо мнѣ ты получилъ ли или нѣтъ, не знаю. Оно заключалось въ соборномъ посланіи къ тебѣ изъ дома Павлова[1]), и въ немъ была моя къ тебѣ просьба о томъ, чтобы ты попросилъ барона Врангеля[2]), попробовать акклиматизировать оленя Американскаго или Сибирскаго на Алеутскихъ островахъ для обезпеченія жителей, новыхъ христіанъ, отъ голода. Мысль была богатая и истинно Московская, обезпечить Алеутовъ мясомъ, тогда какъ недавній опытъ доказалъ, что мы сами не обезпечены хлѣбомъ. Съ тѣхъ поръ я отъ тебя слуха не имѣлъ и не знаю, дошло ли соборное посланіе.

Кстати о Павловѣ, откуда писалось оно: пожалуйста, если можешь, похлопочи объ немъ. Недавно, т. е. 29 Января, пошло представленіе объ немъ, кажется къ Станиславу. Представленіе отъ здѣшняго князя Щербатова[3]) подъ № 664. Есть при немъ пояснительная записка объ его заслугахъ, между коими были пожертвованія денежныя. Нельзя ли дѣло пустить прямо чрезъ Перовскаго[4]), минуя комитеты и думы, въ которыхъ, по силѣ разныхъ изъятій, того и смотри, послѣдуетъ всемилостивѣйшій отказъ. Во-первыхъ, Павловъ истинно болѣе заслуживаетъ награды, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ съ нимъ представляемые; во-вторыхъ, для него награда гораздо важнѣе, чѣмъ для кого-нибудь другаго. Тутъ есть выгоды положительныя, а не простое удовольствіе самолюбія. Онъ не рѣшается тебя просить, совѣстно-дескать. Прошу я и всѣ мы, твои здѣшніе пріятели: что можешь, сдѣлай!

---

[1]) Николая Филипповича.

[2]) Извѣстнаго мореплавателя.

[3]) Московскаго генералъ-губернатора (1844—1849).

[4]) Льва Алексѣевича, министра внутреннихъ дѣлъ.

Digitized by Google

Будь здоровымъ и во всемъ удачливъ. Если я въ чемъ предъ тобою согрѣшилъ, прости по случаю наступленія поста. Комаровскому скажи мой нандружественнѣйшій поклонъ. Нельзя ли его какъ нибудь въ Москву? Мы бы съ нимъ зарылись въ Кельтахъ и тому подобныхъ. Впрочемъ это, я думаю, не совсѣмъ будетъ согласно съ твоими желаніями. Прощай.

Твой А. Хомяковъ.

(Москва, Февраль 1843).

26.

Любезный другъ.

Ты обидѣлъ и меня, и Павлова совершеннымъ холодомъ своими юридическими тонкостями объ титулярныхъ совѣтникахъ и пр. Да развѣ мы люди Московскіе такіе невѣжи, чтобъ не знать, что на милость образца нѣтъ? Все можно; только такъ какъ ты не обязанъ быть всемогущимъ, то моя просьба ограничивается весьма небольшимъ. Гр. Толстая, сестра П..*), говорила ему по чьей-то просьбѣ про это зимою, и онъ сказалъ «очень хорошо»; потомъ князь Вяземскій получилъ по этому же дѣлу такой же ободрительный отвѣтъ и, наконецъ, когда Кошелевъ былъ въ Петербургѣ, то князь Вяземскій, просившій снова неизвѣстно черезъ кого (черезъ графиню Т. или другую), сказалъ Кошелеву, что просимыя особы поручили напомнить имъ о Павловѣ въ Маѣ мѣсяцѣ при обѣщаніяхъ всякаго блага. Сдѣлай одолженіе, поговори съ Вяз...: разскажи ему то, что ты ко мнѣ писалъ, т. е. всѣ затрудненія, и напомни ему про сообщенныя намъ обѣщанія. Кн. Вяз... интересуется Павловымъ; онъ отъ сердца постарается за него. На тебя же я вполнѣ надѣюсь, что ты въ совѣтѣ сдѣлаешь все возможное. Павлову же честолюбіе довольно чуждо; но у него истинная необходимость въ томъ, что для насъ было бы только прихотью.

*) Графиня Анна Алексѣевна Толстая (мать поэта графа А. К. Толстаго), сестра тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго (позднѣе графа).

Digitized by Google

Благодарю тебя за твою дружбу, за твое письмо, за хлопоты, которые тебѣ навязываю и въ которыхъ я бы извинялся, если бъ не увѣренъ былъ, что ты самъ въ нихъ принимаешь участіе. Въ числѣ этихъ хлопотъ полагаю и *оленей* для Алеутовъ, объ которыхъ недурно вспомнить при случаѣ.

Въ этомъ письмѣ найдешь объявленіе. Ты самъ уже теперь *Pater Familias:* тебѣ надобно интересоваться *Библіотекою для воспитанія.* Въ ней участвуютъ почти всѣ Университетскіе дѣятели, участвую и я. И такъ интересуйся, рекомендуй, хвали; скажи Одоевскому, чтобъ онъ далъ статьи; если есть у тебя досугъ, напиши самъ; поощряй дамъ учавствовать въ этомъ добромъ дѣлѣ, разбирать билеты и давать статьи. Петербургскія дамы не должны отставать отъ Московскихъ.

Прощай; спѣшу, чтобъ не опоздать на почту. Будь здоровъ, не забывай насъ и поцѣлуй своего малютку за меня. C'est une manière de faire ma cour à madame Vénévitinoff. Твой отъ души Алексѣй Хомяковъ.

М. 18 д. (1844).

27.

Любезный Алексѣй!

Я тебѣ не отвѣчалъ на твое письмо, въ которомъ ты писалъ мнѣ познакомиться съ Шиповымъ. Знакомство у насъ началось, но мнѣ не удалось быть у него или, лучше сказать, не удалось его застать: я попалъ въ такое время, когда онъ переѣзжалъ изъ гостиницы въ домъ и поэтому не рѣшился даже оставить билетъ*). Встрѣчались же мы нѣсколько разъ и, кажется, сошлись Въ Шиповѣ многое меня привлекаетъ; главное же то, что онъ Русскій всею душою. Будущая зима мнѣ дастъ возможность сблизиться съ нимъ гораздо болѣе, и я этого очень желаю.

Благодарю за отзывъ объ моей статьѣ. Ты самъ знаешь, что я вообще мало имѣю авторскаго тщеславія и насчетъ статей журнальныхъ не могу имѣть даже и самолюбія. Отзывъ твой меня радуетъ не какъ писателя, а какъ человѣка и гражданина;

*) Т. е. визитную карточку.

Digitized by Google

потому что во мнѣ есть искреннее и глубокое убѣжденіе, что мы Москвичи на досугѣ могли получить и получили сознаніе всероссійской болѣзни и что я, едва ли не первый, узнавшій ея діагностику, во всякомъ случаѣ первый ее описываю прямодушно и откровенно. Сознанное можетъ быть вылечено, но для этого нужно сознаніе общее или, по крайней мѣрѣ, сильно распространенное. Нужны для этого новая жизнь, новая наука, нуженъ нравственный переворотъ, нужна любовь, нужно смиреніе гордаго и ничтожнаго знанія, которое выдаетъ себя за просвѣщеніе и само вѣритъ своему хвастовству. Науки политическія остались за людьми прежняго поколѣнія, наше поколѣніе увлеклось наукою соціалистическою; но все это устарѣло, не какъ люди, а по внутренней недостаточности и односторонности, уступая силѣ аналитическаго разложенія. Наука должна явиться жизненная. Ее должна создать Россія; но для того, чтобы Россія создала что-нибудь, нужно, чтобы Россія могла что-нибудь создать, чтобъ она сама была чѣмъ-нибудь цѣлымъ и живымъ. Вотъ, любезный другъ, мое мнѣніе. Быть можетъ, ты не во всемъ со мной согласишься; но если ты согласенъ во многомъ, я считаю это за великое счастіе и скажу тебѣ: дѣйствуй въ этомъ смыслѣ, распространяй это мнѣніе.

Покуда живу я въ деревнѣ, купаюсь, стрѣляю, охочусь съ собаками и пр., готовлю еще статью, которая будетъ послѣднею въ порядкѣ моихъ статей и если цензура смилуется, то скажу почти все, что на душѣ у меня; потомъ прощай публика, и брошусь въ объятія Семирамиды, т. е. разработки историческихъ наукъ. Ars longa, vita brevis.

Быть можетъ (по крайней мѣрѣ, твое письмо подавало эту надежду) мы увидимся съ тобою во время странствія твоего на Югъ; если нѣтъ, то авось мнѣ удастся завернуть на Сѣверъ. Ты не повѣришь или, лучше сказать, что не только повѣришь, но и безъ увѣренія долженъ знать, какъ я желаю съ тобою видѣться и познакомиться семьями. Скажи мой поклонъ Аполлинѣ Михайловнѣ и знакомымъ, которые еще помнятъ меня. Затѣмъ прощай и будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Жена и матушка тебѣ кланяются.

Digitized by Google

28.

(1845).

Любезный Алексѣй!

Изъ низшихъ инстанцій всѣ справки поступили въ Общее Собраніе, и недѣли черезъ двѣ будетъ докладъ. Вотъ что узналъ я и поспѣшаю тебя увѣдомить. Что ты мнѣ поручалъ, я все исполнилъ; но, не будучи знакомъ съ Зубковымъ, я дѣйствовалъ черезъ Павлова, который говоритъ, что тебѣ онъ обо всемъ писалъ какъ слѣдуетъ. Теперь, какъ видишь, дѣло подходитъ къ разрѣшенію. Пріѣдешь ли?

Пріѣзжай пожалуйста. Ты самъ видишь, что есть не только причина къ пріѣзду, но что еще важнѣе, есть даже и предлогъ. А тебѣ здѣсь всѣ будутъ такъ рады, что и стоитъ пріѣхать? Просто вздоръ. Пріѣзжай хоть на нѣсколько дней, да вотъ бы было славно, коли бъ ты пріѣхалъ не одинъ. Вѣдь стыдно сказать: жена моя никогда въ Москвѣ не бывала. Просто, какъ будто бы въ Россіи не бывала. Неужели это невозможно? На какихъ бы свирѣпыхъ агнцевъ*) вы могли наглядѣться! Какой бѣшеной кротости наслушаться! Вѣдь это явленія совсѣмъ чуждыя Петербургу, не говоря уже о Кремлѣ и прочихъ древностяхъ, какъ то Петръ Васильевичъ Киреевскій.

Каковъ 1-й № Москвитянина, издаваемаго уже, какъ ты знаешь, новымъ редакторомъ и каковъ обзоръ Иностранной Словесности! Этимъ можно похвастаться. Грановскій, извѣстный противникъ нашего мнѣнія, признаетъ, что такаго номера онъ не только изъ Русскихъ, но изъ иностранныхъ журналовъ не знаетъ; а еще цензура пропасть хорошаго вычеркнула и такого невиннаго, что понять нельзя, какъ можно было не пропустить. Такъ, напр., не пропущены славные стихи Павловой, кончающіеся стихомъ: «И всякому вопросу есть отвѣтъ». Вслѣдствіе этого запрещенія написано слѣдующее четверостишіе къ ней въ видѣ возраженія:

Свои стихи вы мыслью заключили,
Что каждому вопросу есть отвѣтъ;
Но для чего стиховъ не пропустили,
На сей вопросъ отвѣта нѣтъ!

*) Такъ называлъ А С Хомяковъ молодаго друга своего К. С. Аксакова.

Digitized by Google

Между прочимъ надобно тебѣ сказать, что вѣроятно ты не получалъ Библіотеки для Воспитанія по билетамъ мною доставленнымъ къ тебѣ: тутъ была какая-то путаница книгопродавцевъ. Теперь это объяснено, и по всѣмъ билетамъ можно получать. Я объ этомъ хлопочу не потому только, что изданіе хорошо, но и потому, что мнѣ хочется, чтобъ ты статьи мои читалъ.

Вѣроятно ты по старой дружбѣ, которой, какъ извѣстно, ты никогда не измѣняешь, порадовался дѣятельному выступленію Шевырева на поприще публичнаго преподаванія. Послѣ Грановскаго дѣло было трудное и опасное. Нашъ Шевыревъ вышелъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Онъ пробуждаетъ сильный интересъ и если не равняется съ соперникомъ въ ораторскихъ достоинствахъ, то превосходитъ его въ пробужденіи интересовъ жизненныхъ и духовныхъ. Эти явленія многозначительныя, которыя показываютъ, на какую высоту стала Россія въ Европейскомъ просвѣщеніи и какъ самобытно она уже умѣетъ думать и говорить. Кругъ нашей публики еще безспорно очень тѣсенъ, но вѣдь это только начало, такъ сказать закваска мысли. Сила не въ числѣ, а въ плодотворности убѣжденія принятаго, хотя и малымъ числомъ. Триста слушателей Шевырева перевѣшиваютъ безспорно нѣсколько тысячъ читателей Французскаго романа, тѣмъ болѣе, что Москва не неподвижный городъ: она, т. е. ея зимніе жители, разгуливаетъ лѣтомъ по всей Россіи, разнося и раскидывая мысли и сѣмена мысли. Лекціи и Москвитянинъ служатъ пополненіемъ другъ другу, и едва-ли живая рѣчь по своей теплотѣ и непосредственному дѣйствію на слушателя не беретъ верха надъ журналомъ, не смотря на его большую полноту и многосторонность. Впрочемъ, такъ какъ ты не можешь никого посылать на лекціи, то по крайней мѣрѣ правдою и неправдою принуждай всѣхъ брать Москвитянина и Библіотеку для Воспитанія. Стыди, укоряй, соблазняй и проч. Держись наконецъ Іезуитскаго правила: Compelle intrare.

Увидимъ ли мы тебя? Вотъ для меня вопросъ современный и крайне занимательный. Ты не повѣришь, какъ досадно это наше полное разъединеніе, особенно когда знаешь, что самая жизнь, въ которой движутся наши друзья, такъ разнится отъ той жизни, въ которой живемъ и движимся мы. Наконецъ при-

Digitized by Google

ходитъ страхъ, чтобъ душевное разъединеніе не сдѣлалось послѣдствіемъ такой долгой разлуки и такой разницы въ житьѣ-бытьѣ. Сердечная привязанность получаетъ какой-то характеръ призрака; она относится уже не къ настоящему другу почти неизвѣстному, но къ прошедшему, съ которымъ жилъ и думалъ за одно. Впрочемъ между нами собственно этаго чувства быть не можетъ. Я, кажется, тебя угадываю почти такъ, какъ будто бы вижу, а все-таки хотѣлось бы повѣрить свои догадки, видѣть и слышать тебя и помѣняться мыслями въ живомъ дружескомъ разговорѣ.

Да и, право, тебѣ самому надобно похлопотать по дѣлу: пи́сьма и чужія хлопоты не то что́ свои.

Прощай покуда. Отвѣчай, а еще лучше пріѣзжай. Скажи мой поклонъ и почтеніе женѣ своей, и если я виноватъ передъ нею, приглашая тебя въ Москву, попроси за меня прощенія у нея. Твой А. Хомяковъ.

Янв. 29 дня (1845).

29.

Любезный другъ!

Въ послѣднее время имѣлъ я о тебѣ довольно подробныя извѣстія чрезъ Самарина и гр. Соллогуба, и всѣ извѣстія были крайне утѣшительны. Какъ ты усердно тянешь служебную лямку, какъ у васъ въ домѣ тихо и мирно, какой ты мастеръ нянчить дѣтей, какъ ты помнишь и любишь Москву, какъ читаешь Москвитянина, какъ ты все тотъ же что́ былъ или, лучше сказать, сталъ даже лучше прежняго, потому что счастіе семейное укрѣпляетъ и умиряетъ человѣка и проч. и проч. Замѣть пожалуйста, что я въ числѣ добрыхъ извѣстій поставилъ и усердное служеніе твое по министерству. Добросовѣстное усердіе становится рѣдкостью; оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи эгоизма, о способности и желаніи жертвовать собою въ пользу другихъ, о свѣжести души, еще не утратившей своихъ мечтаній, и т. д. Въ этомъ отношеніи я считаю твой служебный подвигъ истинно добрымъ и утѣшительнымъ; но только въ этомъ. Истинная польза службы кажется мнѣ болѣе чѣмъ сомнительною при совершен-

Digitized by Google

ной ея матеріализаціи. Формальность убиваетъ духъ, и эта формальность растетъ со дня на день. Для исправленія машины увеличиваютъ безпрестанно число колесъ, а по законамъ механики сила (хотя и громадная) уходитъ въ треніи, а доходъ фабрики въ сало для подмазки вѣчно скрипучихъ частей. Я это пишу для того, чтобы не принялъ ты мою первую похвалу или за совершенно безусловную, или за шутку. Surtout pas de zèle, говорилъ Талейранъ, а я прибавлю, что всѣ церкви Московскія испорчены усердіемъ православныхъ, вѣчно пристраивавшихъ придѣлы. Упрощеніе или, такъ сказать, одухотвореніе служебной машины: вотъ истинная цѣль, къ которой можно и должно стремиться. Этаго не поймутъ ваши великіе мужи; но ты, какъ Москвичъ, долженъ это понять. Остальныя похвалы безъ оговорокъ: да по правдѣ онѣ и не похвалы. Человѣка хвалить нельзя за то, что онъ счастливъ и умѣетъ быть счастливымъ. Этому только можно радоваться. Если за что-нибудь тебя можно похвалить, это развѣ за то, что внѣшній, тебя окружающій міръ такъ мало на тебя подѣйствовалъ, и что ты сохранилъ такую самостоятельность внутренней жизни. Такой подвигъ рѣдко кому удается. За то мы и радуемся, слыша о тебѣ, и твой домашній кружокъ представляется какъ маленькій свѣтлый оазисъ среди безроднаго Петербургскаго быта, отдѣленнаго отъ насъ безконечною бездною. Что я тебя люблю издавна братскою любовію, ты это знаешь; мнѣ бы хотѣлось, чтобъ жена твоя знала, какъ мы ее здѣсь любимъ, не зная или по крайней мѣрѣ не видавъ ея. Я увѣренъ, что она не будетъ смѣяться надъ этою Московскою naïveté.

У насъ здѣсь въ литературѣ вышла сумятица великая и очень непріятная. Киреевскій взялся за Москвитянина съ ревностію, которая свойственна его характеру. Ты могъ видѣть, какъ его статьи были сильно обдуманы и какъ много онъ долженъ былъ для нихъ работать; но онъ не разсчиталъ своихъ физическихъ силъ. Работа его была вся по ночамъ, и для отгнанія сна онъ употреблялъ самый крѣпкій чай. Эта вредная діеста и крутой переходъ отъ долгаго бездѣйствія къ усиленной дѣятельности разстроили его здоровье до такой степени, что теперь онъ принужденъ отказаться отъ журнала. Погодинъ также не можетъ его принять на себя, и что̀ будетъ—неизвѣстно. Намъ просто

Digitized by Google

бѣда и горе; тутъ дѣло не до самолюбія нашего и не до чести Московской литературы, но до мыслей, которыя мы хотѣли и должны обобщить. Одна только служба теперь, истинно полезная даже въ практическомъ смыслѣ: это уясненіе мысли въ Россіи, не въ гнѣвъ буди сказано вамъ, г-мъ служащимъ на другомъ поприщѣ, и журналъ—дѣло первоклассное даже въ отношеніи къ государству, особенно при возвратѣ къ народности или при теперешнемъ спорѣ своенароднаго съ пришлымъ и чужимъ.

Объ твоемъ дѣлѣ я часто справляюсь. Оно слушано тому два дня; но какое рѣшеніе, еще не сообщаютъ. Впрочемъ признаюсь, что по физіономіямъ не ожидаю добра, а навѣрное сказать ничего не могу. За то, что я объ твоемъ дѣлѣ хлопоталъ (если даже и безъ пользы), изволь похлопотать для меня. Мнѣ непремѣнно хочется имѣть при дѣтяхъ Англичанку. Иные считаютъ это моею мономаніею, но я полагаю себя правымъ и разсудительнымъ. Здѣсь ихъ нѣтъ, а у васъ открывается навигація и привозъ всего заграничнаго. Узнай пожалуйста, нѣтъ ли въ привозѣ молодой Англичанки (если можно между 18-ти и 25-ю годами), которая бы согласилась идти къ намъ смотрѣть за маленькими дѣтьми (старшей пятый годъ). Наукъ отъ нея требуется только умѣнье читать. Въ нравственныхъ же качествахъ главное—веселонравіе. Сдѣлай это непремѣнно и знай, что если не сдѣлаешь, то я буду обвинять не тебя, а Аполлину Михайловну, къ которой дѣйствительно обращена моя просьба, да только не смѣю ее просить прямо и безъ обиняковъ. Если найдешь, то, пожалуйста, поспѣши меня увѣдомить и о кондиціяхъ. Впрочемъ если Англичанка уже и пожила въ Россіи, это не бѣда; но новоприѣзжая лучше. Прощай, будь здоровъ и не забывай. Твой А. Хомяковъ.

М(ая) 21 (1845).

Посылаю тебѣ увѣдомленіе о Библ. для Восп. Помѣщай сколько можешь экземпляровъ, если можно въ казенныя заведенія. Рекомендую тебѣ въ ней новую мою статью: 13 лѣтъ царствованія Ивана Васильевича. Цензура урѣзала кое-что; но я надѣюсь, что я разгадалъ характеръ этотъ и сказалъ много новаго и еще неска́заннаго даже въ отношеніи къ общей Исторіи.

Digitized by Google

30.

Ты уже получилъ вѣроятно отъ Кошелева посланныя мною четыре тысячи серебромъ и удивился немало. Вотъ объясненіе дѣла. Я вообразилъ себѣ, что выдумалъ великолѣпную паровую машину[1]) и что она приведетъ въ изумленіе всю Англію, Европу и значительную часть Америки. Для достиженія этой цѣли надобно мнѣ послать планы и описаніе машины въ Лондонъ и получить привилегію, на что разумѣется потребны деньги. Самому мнѣ по этому дѣлу ѣхать нельзя, я и выбралъ посланникомъ отъ себя Коссовича[2]) во-первыхъ потому, что вѣрю его дружбѣ и заботливости; во-вторыхъ потому, что это ему полезно; въ-третьихъ потому, что Англичане посовѣстятся обманывать такаго почтеннаго Брахмана. Замѣчательно, что въ одно время со мною Раджа Непаульскій тоже прислалъ въ Англію посланника Брахмана. Не знаю, выдумалъ ли Раджа тоже какую-нибудь машину, но съѣздъ Брахмановъ въ Лондонѣ вещь любопытная. Для успѣшнаго исполненія порученія дается мною Коссовичу довѣренность, которую надобно будетъ заявить съ переводомъ или въ посольствѣ, или въ консульствѣ Англійскомъ; а ты, какъ слышу, съ этими Угличанами знакомъ: пожалуйста устрой это. Но вотъ что еще важнѣе. Слухъ есть, будто бы привилегіи за границею нельзя брать безъ позволенія отъ нашего правительства; я думалъ, что это вздоръ: кажется, какое дѣло правительству до того, беру ли я привилегію въ Англіи, Франціи и Бельгіи или нѣтъ? Дѣло денежное, убытокъ мой при неудачѣ незначительный, и барышъ, если удастся машина, значительный, и слѣдовательно выгода для самой Россіи. Однакоже Богъ знаетъ, можетъ быть, и есть какое-нибудь объ этомъ положеніе. Если есть, сдѣлай одолженіе, похлопочи, чтобы Коссовичъ получилъ такое позволеніе. Представь главное, что я въ Россіи не прошу привилегіи изъ *чистаго патріотизма*, дабы мои соотечественники даромъ могли пользоваться моимъ изобрѣтеніемъ, а между нами причина та, что дѣланіе машинъ

[1]) Описаніе этой машины на Англійскомъ языкѣ было издано въ Лондонѣ и нынѣ напечатано въ приложеніи къ III-му тому Сочиненій А. С. Хомякова.

[2]) Казанъ Андреевичъ Коссовичъ (род. 1815, ум. 1883).

Digitized by Google

паровыхъ еще слишкомъ ничтожно въ Россіи и что игра не стоитъ свѣчъ. Устрой это пожалуйста. Если нужна подписка, что въ случаѣ удачи я сообщу планъ машины нашимъ строителямъ безвозмездно, дай ее смѣло вмѣсто меня. Надѣюсь на твою дружбу, а если дружбы недостаточно, то прибавлю и подкупъ слѣдующій. Машина должна дать мнѣ немаловажный барышъ; скажемъ, примѣрно и умѣренно, милліоновъ двѣсти хоть серебромъ. Я себѣ покуда назначаю только сто пятнадцать мил. Сто шестнадцатымъ тебѣ кланяюсь. Видишь ли, что это дѣло выгодное. Не могу однакоже тебѣ не признаться, что этотъ самый милліонъ обѣщанъ уже троимъ, а ты все-таки похлопочи.

Я вижу тебя отсюда помавающимъ главою и говорящимъ Аполлинѣ Михайловнѣ: «жаль друга Хомякова; онъ немного въ головѣ нездоровъ, даромъ деньги бросаетъ, что̀ при его извѣстной скупости представляетъ признакъ неутѣшительный». Надѣюсь, что Аполлина Михайловна за меня заступится, а на всякій случай вотъ мое объясненіе. Надѣяться на успѣхъ, когда имѣешь десятки тысячъ опытнѣйшихъ и хитрѣйшихъ соперниковъ, было бы безумiемъ; но съ другой стороны не только собственное мое соображеніе, но и отзывъ машинистовъ-практиковъ и теоретиковъ весьма выгоденъ, и не рисковать было бы глупостью. Зачѣмъ же я у себя не сдѣлалъ опыта? Отвѣтъ: три года сряду заказывалъ модель первой моей паровой машины, и три года меня обманывали; наконецъ *Девисъ* въ Англіи выдумалъ точно туже машину двумя годами послѣ меня, и она удалась, и онъ взялъ патентъ. Повторять туже исторію не хочется, особенно теперь, когда съѣздъ на Всемірную выставку обѣщаетъ оборотовъ весьма сильныхъ. Рискъ тотъ же, но при удачѣ выгодъ несравненно болѣе: надобно рискнуть (и вѣроятно закаяться). Смѣшное дѣло, что я тебѣ всегда пишу по дѣламъ; а подумаешь, что̀ кромѣ дѣлъ и написать? Что̀ новаго? Только и могу сообщить: такаго-то числа далъ мнѣ Богъ дочь имрекъ, или сына имрекъ. Кстати, точно нынѣшній годъ родился у меня сынъ Николай. Названъ по Языкову, крестный отецъ Гоголь (тоже Николай), родился въ имянины Жуковскаго. Если малый не будетъ литераторомъ, не вѣрь ужъ ни въ какія примѣты. Судя по физіономіи юноши, полагаю, что онъ больше будетъ писателемъ въ родѣ юмористическомъ.

Digitized by Google

Какъ я на тебя, или лучше сказать на васъ, сердить! Какъ таки ты, въ душѣ Москвичъ, не умудришься посѣтить Москву? Скажешь, что Аполлина Михайловна была зимою нездорова. Знаю и много, много объ этомъ жалѣлъ, но тѣмъ паче надобно было пріѣхать: я бы ее вылѣчилъ такъ вѣрно и такъ скоро. А какъ бы мнѣ хотѣлось на васъ взглянуть! И на тебя съ лентою поперекъ абдоминальной выпуклости. Я все бы глядѣлъ на тебя и думалъ бы о Сокольникахъ. Ты, покойный Дмитрій[1]) и я прыгаемъ черезъ старые рвы, а братъ[2]) философски созерцаетъ. Сколько улетѣло! Но ни ты, ни я не можемъ роптать на жизнь. Прощай. Твой А. Хомяковъ.

(Москва, 1850).

31.

(1852).

Московскія Вѣдомости объявляютъ, любезный другъ, о холерѣ въ Петербургѣ и, кажется, хоть она и не очень разыгралась, что она попрежнему мало спуска даетъ. Спѣшу тебѣ напомнить во-первыхъ, что гомеопатическіе пріемы Veratrum и Arsenicum каждый четверть часа—лѣкарство несомнѣнное; во-вторыхъ, что Veratrum Tinct. три капли на штофъ чистаго спирта, есть предохранительное вѣрнѣйшее, при которомъ бояться рѣшительно нечего. Этаго сами гомеопаты не знаютъ еще. Пріемъ изъ этого штофа поутру натощакъ три капли въ ложкѣ воды. Не пренебрегай этимъ и сообщи другимъ. Но вотъ тебѣ еще просьба. Лѣчивши болѣе трехъ сотъ человѣкъ въ полной холерѣ съ корчами, я не видалъ почти ни однаго смертнаго случая. Лѣкарство мое полрюмки (десертной или ликёрной) чистаго дегтя и столько же коноплянаго масла. Это останавливаетъ холеру почти мгновенно и производитъ сильный потъ. Случается, но рѣдко, необходимость повторить половинный пріемъ этой же смѣси черезъ восемь часовъ, а еще рѣже черезъ сутки. Не мѣшаетъ положить горчишникъ подъ ложку, и необходимо послѣ прекращенія припадковъ не давать пить ничего холоднаго и сыраго, но варенаго и особенно слегка

[1]) Поэтъ Веневитиновъ.

[2]) Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ.

Digitized by Google

ароматическаго въ волю; всего лучше сыворотка. Но такъ какъ ея не всегда достанешь, то хорошо проваренный квасъ съ мятой и укропомъ. При этихъ средствахъ я считаю холеру едва ли опаснѣе насморка; по крайней мѣрѣ, таковъ мой опытъ. Добейся этого опыта въ какой нибудь больницѣ при добросовѣстномъ докторѣ и потрудись самъ присутствовать. Я убѣжденъ, что успѣхъ изумитъ васъ всѣхъ. Пожалуста, сдѣлай, и публикуйте потомъ въ газетахъ. Этого требуетъ совѣсть.

Быть можетъ, я въ скоромъ времени прибѣгну къ тебѣ и насчетъ передачи въ Англію извѣстной тебѣ брошюрки; увѣренъ, что ты въ содѣйствіи не откажешь, но покуда она еще у меня застряла въ Москвѣ, а мы застряли въ деревнѣ.

Писать про себя нечего; скажу только, что уже третью деревню степную отпустилъ на договоръ и надѣюсь въ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожить барщину съ выгодою и для себя, и для крестьянъ. Дѣтей учу, играю съ ними, работаю, когда глаза свѣжи, горести воли не даю, а здоровьемъ исправенъ. Скажи пожалуйста поклонъ мой Аполлинѣ Михайловнѣ. Вы меня очень обрадовали заѣздомъ, хоть правду сказать, такимъ короткимъ, какъ будто воровскимъ, а все-таки очень и очень порадовали. Матушка кланяется вамъ. У нея на дняхъ былъ ракъ въ носу, потомъ въ правомъ глазѣ, вчера лопнула жила въ груди; это все при открытой водяной въ головѣ и совершенной слѣпотѣ не мѣшаетъ ей все видѣть и быть очень порядочною въ своемъ здоровьѣ*). Прощай, старый и милый другъ. Твой А. Хомяковъ.

32.

Пользуюсь проѣздомъ Григорья Васильевича Цапова черезъ Москву, чтобы тебѣ послать поклонъ. Онъ мнѣ говоритъ, что онъ къ тебѣ явится, и поэтому я ему поручилъ тебѣ передать эти строки; тѣмъ же случаемъ пользуется и сидящій у меня Х. И. Герке, который значительно постарѣлъ тѣломъ, но сердцемъ все еще молодъ и зеленъ. Благодарю тебя за дружеское

*) А. С. Хомяковъ тревожился о престарѣлой своей матери, когда она не жаловалась на свое здоровье.

Digitized by Google

слово въ отвѣтъ на письмо мое о Баньковскомъ [1]). Сказалъ бы тебѣ также и даже гораздо сильнѣе объ Г. В. Цаповѣ, но его ты, кажется, и безъ того знаешь. Онъ кончилъ какое-то порученіе въ Орловской губ. и по отзывамъ начальства, повидимому, очень хорошо, за что и награжденъ любезнымъ увольненіемъ отъ служебныхъ трудовъ. Пожалуйста, приставь его къ дѣлу; онъ вѣдь не можетъ наслаждаться otium cum dignitate, слѣдовательно ему дѣло нужно, и онъ при дѣлѣ вездѣ будетъ полезенъ и хорошъ. Я его издавна люблю, а еще и потому, что онъ тебя любитъ и благодаренъ за твои къ нему добрыя отношенія. Когда съ тобой увижусь, Богъ знаетъ. А видѣть тебя у насъ въ Москвѣ или въ Боучаровѣ нѣтъ никакой надежды. Всего досаднѣе, что у насъ дѣти не могутъ дружиться, какъ мы съ тобою; но на все воля судьбы. Скажи, пожалуйста, мой дружескій и низкій поклонъ Аполлинаріи Михайловнѣ, и прощай покуда. Я собираюсь въ деревню и жалѣю о тебѣ, что ты прикованъ къ городу. Нельзя ли бы было предложить указъ, чтобы васъ служащихъ по очереди черезъ годъ высылали изъ Питера на цѣлое лѣто? Это было бы и для васъ лучше, и для насъ всѣхъ.

33.

Не знаю, какъ тебя благодарить, любезный другъ, за твою дружбу, за милый пріемъ моего добродушнаго крестника [2]) и за устройство его въ дѣлѣ служебномъ. Что Богъ дастъ ему впередъ, зависитъ отъ судьбы и отъ него самого; но что первый шагъ по твоей милости онъ могъ сдѣлать такъ неожиданно успѣшно, за это уже конечно можетъ благодарить Бога.

Его отецъ (отличный человѣкъ, но лицо вполнѣ типическое, котораго существованіе Самаринъ долго считалъ миѳомъ), просилъ меня напомнить тебѣ, что такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ тебя благодарить, то по крайней мѣрѣ будетъ молиться за здоровье раба Божіи Алексѣя и чадъ его.

Недавно здѣсь въ Москвѣ встрѣтилъ я человѣка еще не стараго и даже молодаго на видъ, замѣчательнаго объема, свидѣ-

---

[1]) Въ свойствѣ съ А. С. Хомяковымъ по матери его Маріѣ Алексѣевнѣ, гр. Киреевской.

[2]) Дмитрій Владимировичъ Хитрово.

Digitized by Google

тельствующаго какъ я послѣ узналъ о добротности Саратовскихъ хлѣбовъ; лицо что-то знакомое, по спросу кн. Оболенскій, по дальнѣйшему спросу твой двоюродный братъ, котораго я видѣлъ еще ребенкомъ (т. е. онъ, а не я былъ ребенкомъ) у васъ. Не можешь вообразить, какъ мнѣ весело было глядѣть на него, какъ много сейчасъ вспомянулось того и тѣхъ, которыхъ уже давно нѣтъ. Ничто не имѣетъ прелести ранней дружбы; позднѣйшія могутъ быть также крѣпки, но у нихъ всегда не достаетъ какаго-то аромата, который ранняя дружба получаетъ навсегда отъ тѣхъ благоуханныхъ годовъ дѣтства или молодости, въ которые она началась. Какъ бы судьба и жизнь ни раскидывали, а память о друзьяхъ молодости дорога́, и всякое слово объ нихъ дорого. Старше тебя у меня нѣтъ никого, но даже и тѣ, которые моложе, все-таки изъ мысли не выходятъ. Вотъ напр. хоть бы Одоевскій и отшатнулся злодѣй и къ разнымъ нечестивцамъ пристадъ, а всякій разъ, какъ кто пріѣдетъ изъ Питера, спросишь: ну что же Одоевскій? Видишь ли тыего? Скажи ему, что здѣсь разсказываютъ, будто онъ выдумалъ какой-то новый органъ, который только тогда и играетъ, когда въ его утробу засадятъ крѣпостнаго человѣка*). Если это правда, то какой страшный анахронизмъ, да еще какой нерасчетъ! Вѣдь при эманципаціи онъ органъ возметъ себѣ по праву: такъ какъ его туда усаживали, онъ объявитъ, что это его усадьба. Ты пишешь про диступъ Погодина: выходитъ, что Петербургская публика осрамилась, да и нашъ Московскій боецъ также не заслужилъ лавровъ. Пріѣхалъ отъ васъ, забился на Дѣвичье поле, да никуда и носа не показываетъ; знать, что не сумѣлъ поддержать честь Москвы. А вѣдь дѣло-то какое было ясное! Просто обидно. Его «Современникъ» осмѣялъ, и по дѣломъ.

Что тебѣ сказать о себѣ? Право нечего. Сижу то въ обществѣ Л. Р. С., то въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, куда меня засадилъ Кошелевъ, путнаго самъ ничего не дѣлаю, а такъ себѣ поживаю и не скучно. Вотъ и все.

За сообщеніе этихъ писемъ мы обязаны благодарностью сыну А. В. Веневитинова, Михаилу Алексѣевичу. *Изд.*

---

*) Это знаменитый Себастіановъ (соединеніе клавикордовъ съ органомъ), по кончинѣ князя Одоевскаго переданный его вдовою Московской Консерваторіи.

Digitized by Google

ПИСЬМА

КЪ

Николаю Михаиловичу

Языкову.

Digitized by Google

А. С. Хомяковъ еще юношей познакомился съ поэтомъ Николаемъ Михаиловичемъ Языковымъ (род. 4 Марта 1803. ум. 26 Декабря 1846) въ дружественномъ имъ обоимъ домѣ Елагиныхъ (у которыхъ Языковъ, уже прославившійся своими стихами, жилъ долгое время въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ изъ Дерпта).

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ между собой связуетъ;
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.

Оба они выступили на поприще словесности почти одновременно, еще въ царствованіе Александра Павловича.

Лѣтомъ 1836 года они породнились: Хомяковъ женился на младшей сестрѣ Языкова, Екатеринѣ Михаиловнѣ. Нѣкоторыя письма Хомякова къ Языкову появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 года; здѣсь они печатаются вполнѣ и сколько ихъ сохранилось.

Digitized by Google

Къ Н. М. Языкову.

1.

Грустное извѣстіе пришло изъ Петербурга. Пушкинъ стрѣлялся съ какимъ-то Дантесомъ, побочнымъ сыномъ Голландскаго короля. Говорятъ, что оба ранены тяжело, а Пушкинъ, кажется, смертельно. Жалкая репетиція Онѣгина и Ленскаго, жалкій и слишкомъ ранній конецъ. Причины къ дуэли порядочной не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнію, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ всякими мерзостями; самъ же онъ себя чувствовалъ униженнымъ и не имѣлъ ни довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ нимъ помириться. Жена вѣроятно причина дуэли; впрочемъ вела себя всегда хорошо.

Бѣдный Пушкинъ! Пожалѣй объ немъ и помни, что если онъ умретъ, такъ тебѣ надобно будетъ вдвое болѣе трудиться. Заочно лобызаетъ тебя твой любящій братъ А. Хомяковъ *).

*) Хомяковъ приписалъ это въ письмѣ жены своей изъ Москвы въ Симбирскъ отъ 1 Февраля 1837 года. „Я чуть не плачу, вспомнивъ о немъ (т. е. о Пушкинѣ). Читали ли вы въ Литер. Приб. повѣсть Веневитинова *Колдунъ?*“, писала брату Екатерина Михаиловна.

Digitized by Google

2.

Любезный братъ Николай Михаиловичъ.

Ты уже вѣроятно имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому разсказывать не стану тебѣ розсказней. Одно, что̀ тебѣ интересно будетъ знать, это итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены (кажется, только вѣтренность) и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этаго отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ оттолкнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а пристalъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой даръ высокой и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся (если ему было суждено проснуться). Государь щедръ и милостивъ къ его семьѣ; этаго я ожидалъ отъ Государя. Посланникъ Голландскій принужденъ оставить Петербургъ, потому что общество все противъ него возстало, а Государь оправдалъ поступки общества. Въ послѣдніе дни жизни Пушкина 25000 человѣкъ приходили и пріѣзжали справляться объ его здоровьѣ. Это все таки утѣшительно. По крайней мѣрѣ гадость общества не безраскаянная. Не умѣли сохранить, но умѣли пожалѣть. Будь здоровъ и не забывай тебѣ преданнаго брата А. Хомякова.

3.

Любезный братъ Николай Михайловичъ.

Поздравь меня! Катенька подарила меня сыномъ Степаномъ. Теперь ему уже шестой день. Родился онъ поутру девятаго числа; мучилась Катенька въ самое время полнаго луннаго затменія. Фактъ поэтическій! Я не могу тебѣ выразить моей радости; но я не сыну радъ, а женѣ. Такихъ тяжелыхъ, такихъ свѣтлыхъ минутъ жизнь уже представить не можетъ.

Зачѣмъ, спросишь ты, медлилъ я отправкой извѣстія? Я думалъ, что ты не ожидаешь еще, чтобы Катенька родила и по-

Digitized by Google

тому не безпокоишься; и лучше казалось тебя увѣдомить, что она не только родила, но и послѣ родовъ здорова. На четвертый день она была немного испугана стукомъ ширмъ, и опять я отложилъ посылку эстафеты. Но теперь будь покоенъ и радуйся. Опій, который я тотчасъ ей далъ въ два пріема, черезъ три часа одинъ за другимъ, или, что̀ болѣе вѣроятно, милость Божія отвратила всѣ послѣдствія, и она хороша, очень хороша, какъ лучше быть нельзя,—это слова Зейдлера. Дай Богъ, чтобы такъ продлилось. Мальчикъ, кажется, въ вашу семью лицомъ и много уже привычекъ матушки своей: не терпитъ жара, какъ она и пр. и пр. Цвѣтъ глазъ неизвѣстенъ, ростъ крупный, голова пребольшая, цвѣтъ лица рака варенаго.

Катенька тебя цѣлуетъ и поздравляетъ съ наступающимъ праздникомъ. Будь здоровъ тѣломъ и душою. Цѣлую тебя заочно. Тебѣ душевно преданный братъ А. Хомяковъ.

Апрѣля 14 д. (1837).

Мицкевичъ вызвалъ Дантеса на дуэль.

Нельзя ли приложенное къ Прасковьѣ Михайловнѣ *) письмо доставить съ нарочнымъ. Эстафеты въ деревню посылать почтамтъ не берется, а изъ Сызрани кто доставитъ? Пожалуйста сдѣлай это.

4.

(Іюнь 1837).

Любезнѣйшій братъ, Николай Михайловичъ. Пора тебѣ въ деревню, если только у васъ погода такая же, какъ у насъ. Здѣсь дождь и тепло; вешняя, хлѣбная погода, зовущая на вольный воздухъ, въ поля широкія, въ луга муравчатые.

Катенька тебя цѣлуетъ и благодаритъ за письма. Сама писать еще не можетъ, плохо поправляется, съ лихорадочкой еще не раздѣлалась; впрочемъ ты можешь быть на ея счетъ совершенно покойнымъ: она весела, любуется своимъ мальчикомъ и со всевозможною материнскою слѣпотою увѣряетъ, что

*) Бестужевой, ур. Языковой.

Digitized by Google

онъ очень хорошъ. Она надѣется быть въ Симбирскѣ и въ Репьевкѣ [1]) въ первыхъ дняхъ Іюля. Устрой такъ, чтобы она могла на всѣхъ васъ наглядѣться. Да нельзя ли тебя будетъ увезти? Вчера были крестины Степушки, пиршество, на которомъ возсѣдали тетки, старушки, и снова отличалась оживающая Марья Васильевна [2]); она здоровѣетъ, но все еще имѣетъ черныя мысли. Тебя, безъ твоего согласія, назначили было мы крестнымъ отцемъ, да нельзя: указомъ запрещены отсутствующіе крестные отцы и матери.

Здѣсь были на дняхъ Катенька Мойеръ и Воейковы [3]). Необыкновенно милыя дѣвушки. Весело на нихъ смотрѣть. Разумѣется, рѣчь была объ тебѣ, и разспросовъ куча. Икалось ли тебѣ?

Какова жалкая судьба Пушкина! Убитъ дрянью, и дрянь Полевой въ дрянной Библіотекѣ вызываетъ на какую-то дрянную подписку въ честь покойника. Лучшія мысли оскверняются такими органами. Говорятъ, что иностранныя газеты писали о Пушкинѣ хорошо и много; не знаю, правда ли, а это было бы утѣшительно. Франкфуртскій говорилъ объ немъ скверно, и это весело, какъ ругательство Булгарина и Библіотеки [4]).

Пожалуста, поторопись выслать отпускную Аннушкѣ: женихъ этимъ весьма конфузится.

5.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

12 Апрѣля (1839).

Петръ Васильевичъ [5]) собирается писать къ вамъ много. Онъ милъ до чрезвычайности, всякій разъ какъ мы увидимся, все говоритъ объ васъ. Авдотья Петровна, Ив. В. всѣ помнятъ васъ.

---

[1]) Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, село Репьевка, гдѣ жила старшая сестра Е. М. Хомякова, Прасковья Михайловна Бестужева.

[2]) Киреевская, одна изъ родственницъ по матери Хомякова.

[3]) Екатерина Ивановна Мойеръ (съ 1846 г. за В. А. Елагинымъ) и три двоюродныя сестры ея, дочери Свѣтланы (Воейковой). Въ стихотвореніяхъ Языкова есть къ ней посланіе.

[4]) См. разслѣдованіе М. А. Веневитинова. „Некрологи Пушкина въ Нѣмецкихъ газетахъ 1837 года.“ Спб. 1900.

[5]) Киреевскій. Далѣе говорится объ его матери и братѣ.

Digitized by Google

1 Апрѣля день имен. Марьи Вас.[1]) Эта милая семья была надута и обманута нами прекрасно. Вы знаете, какъ они всѣ любятъ мистифировать. Знавши это, мы хотѣли попробовать, не попадутся ли они сами въ сѣти. Написали письмо отъ Чадаева, въ которомъ онъ проситъ М. В. переписать для него одну рукопись имъ написанную, прося позволенія пріѣхать прочитать ее въ 9 часовъ вечера. Они повѣрили, освѣтили домъ и приготовились слушать его дивное твореніе. Въ 9 часовъ вмѣсто Ч. приноситъ человѣкъ бумагу, гдѣ нарисована была рыба. Вообразите ихъ удивленіе!

Приписка А. С. Хомякова.

Любезный братъ Николай Михайловичъ. Твое послѣднее письмо было не совсѣмъ хорошо; но такъ какъ это очевидно слѣдствіе твоей простуды, то я не нахожу причинъ безпокоиться и, заочно не видавъ тебя, говорю тебѣ: бодрись и будешь здоровъ, т. е. совершенно. Катя пишетъ тебѣ объ своей шалости: она отлично обманула всѣхъ Киреев. и Елагиныхъ. Смѣха было вдоволь, особенно потому что въ своемъ письмѣ Чад. говоритъ о своемъ возвращеніи въ лоно Церкви Правосл., и П. В. и прочіе на этомъ уже основали многія надежды на будущее.

Вѣсть очень важная и утѣшительная, которая, кажется, несомнѣнна, но едвали будетъ въ газетахъ: это согласіе епископа Семашки и множества уніатскихъ духовныхъ присоединиться къ Церкви Г. Росс. и принятіе ихъ въ Синодѣ. Эта вѣсть, съ которою можно другъ друга поздравить, истинно радостна. Только смѣшно будетъ, какъ объявятъ о пришествіи этого епископа въ Синодъ. Се Машка идетъ! Даже неприлично и напоминаетъ стихъ Мерзлякова: Бульонъ течетъ во храмъ[2]).

---

[1]) Дочь А. П. Елагиной, сестра братьевъ Киреевскихъ. Почеркъ былъ у нея прекрасный, и много переписывала она для братьевъ и друзей. Полная Библія въ Русскомъ переводѣ Болховскаго архимандрита Макарія (въ то время не дозволяемая къ печати) дважды переписана ея рукою.

[2]) Хомяковъ ошибся: это не Мерзляковъ, а Рапчъ въ своемъ переводѣ Освобожденнаго Іерусалима написалъ:

Вскипѣлъ бульонъ,
Течетъ во храмъ.

Digitized by Google

Кланяйся брату Петру Михайловичу [1]). Что вамъ Нѣмцы нѣсколько докучаютъ, понятно. Есть что-то въ нихъ плоховатое, именно какъ Плещеевъ говаривалъ: Всякій Нѣмецъ по естеству тупъ. Впрочемъ все же лучше сумасбродныхъ Французовъ, хотя эти веселѣй. Омеопатія здѣсь пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе славу и основаніе твердое. Это можешь сказать Ивану Петр. [2]) которому скажи мой поклонъ. Отечественныя Записки порядочнѣе всѣхъ журналовъ, въ нихъ Лермонтовъ написалъ повѣсть превосходную и по содержанію, а по расказу *Бела*. Въ родѣ Марлинск., но лучше. Стиховъ хорошихъ никто не пишетъ. Вяземскій, какъ слышно, написалъ за границей милые стихи на Русскій самоваръ.

Экспедиція издаетъ Юридическіе Акты пространные. Вообрази себѣ, что повидимому грамотность была въ старой Руси гораздо болѣе теперешней распространена и даже гораздо болѣе.

6.

(19 Генв. 1840).

Отечественныя Записки необыкновенно толсты, просто мамонтообразны. Кто захочетъ ихъ перещеголять, тотъ уже будетъ принужденъ издавать фоліанты. За всѣмъ тѣмъ онѣ не дурны, даже сравнительно хороши и обѣщаютъ быть лучшимъ Русскимъ журналомъ. Этому отъ души радуюсь. Спадаютъ, видно, оковы плѣна, наложеннаго Поляками на нашу журналистику. Кажется, однако, Сенковскій понялъ, что соперничества литературнаго онъ не выдержитъ и хочетъ дать ученое направленіе Библіотекѣ. Можно будетъ и ему сказать спасибо. Помнишь ли сказку объ Опричникѣ въ Прибавленіяхъ? Она вышла Лермонтова. На него есть надежды.

7.

20 Мая (1840) Москва.

Я опять погрузился въ тихій сонъ кромѣ того, что получилъ нѣкоторый успѣхъ какъ прозаторъ статьями, читанными на вечерахъ у Киреевскаго. Муза опять раскланялась. Зову,

---

[1]) Старшему брату Е. М. Хомяковой. А. С. Пушкинъ высоко цѣнилъ его.

[2]) Если не ошибаемся, это докторъ Посниковъ, который сопровождалъ Н. М. Языкова въ его путешествіи за границей продолжавшемуся цѣлыя пять лѣтъ (1838—1843).

Digitized by Google

да не тутъ-то было: улетѣла, вѣроятно убоявшись голода всеобщаго въ Россіи. Впрочемъ другія болѣе храбрыя Музы бодрствуютъ. Каролина К. написала прекрасную балладу, а Милькѣевъ, тебѣ неизвѣстный Сибирякъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ и пишетъ славныя вещи [1]). Жаль, что я ничего наизустъ не помню, а то стоило бы тебѣ сообщить. А вотъ еще жалко: Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Вѣдь пуля дура, а онъ съ истиннымъ талантомъ и какъ поэтъ, и какъ прозаторъ. Когда-то опять тебѣ пошлю свои вирши? Читалъ ли ты V. Hugo, Les ombres? Вздоръ. Онъ плошаетъ. Видно, изсякаетъ источникъ Касталійскій вездѣ: и Англія, и Германія насъ питаютъ жидкостями, точно будто доктора намъ всѣмъ прописали воды. Прощай, да будутъ оныя тебѣ полезны, и тогда пой насъ хмельной брагой по твоему обычаю безъ примѣси воды негодной.

8.

Письмо Е. М. Хомяковой.

20 Мая, Москва.

Грѣхъ вамъ жаловаться на меня: я не только пишу сама, но и другихъ всѣхъ умоляю писать. Валуева заняли экзамены [2]), а то онъ же будетъ отвѣчать на всѣ вопросы подробно.

Въ Москвѣ все тихо и теперь скучно; всѣ разъѣхались, вечера крикливые прекратились; иногда, но и то рѣдко, студенты или вѣчные жители столицы, профессора даютъ пищу спорамъ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ ѣдетъ тоже скоро въ Парижъ, оказавъ услугу Симбирску отставкой губернатора, на мѣсто котораго назначенъ какой-то Мухановъ; говорятъ всѣ, необыкновенно честный.

Вообразите, что въ Тулѣ хлѣбъ продается 6 рубл. пудъ. Ужасно! А поля всѣ до сихъ поръ черныя. Алексѣй почти весь доходъ употребилъ на кормленіе крестьянъ.

---

[1]) См. въ 4 томѣ настоящаго изданія посланіе А. С. Хомякова къ Милькѣеву, котораго стихотворенія изданы были особою книжкою.

[2]) Д. А. Валуевъ кончилъ ученіе въ Московскомъ университетѣ въ 1841 году.

Digitized by Google

Какъ я буду рада, когда услышу, что Гоголь у васъ; онъ васъ такъ любитъ. Вяземскій былъ здѣсь и пробылъ съ мѣсяцъ; онъ что-то не милъ совсѣмъ, какой-то скучный. Какъ сравнить его съ Тургеневымъ! Горке вамъ кланяется; онъ потерялъ свое мѣсто, потому что употреблялъ время не на ученіе дѣтей, а больше забавлялся ходить изъ дома въ домъ. Теперь его взялъ къ себѣ Соймоновъ, но тутъ жалованье небольшое, кажется. Всякой день бываетъ у насъ и дѣлаетъ комплименты маменькѣ.

9.

(1840).

Мнѣ очень жаль тебя, любезный братъ Николай Михайловичъ. Заѣхалъ П. Михайловичъ въ Дрезденъ, да и сидитъ, а ты одинъ въ уголкѣ Нѣмецкой стороны съ товарищемъ-скукою. Вотъ то-то; я тебѣ совѣтовалъ ѣхать въ Парижъ. Теперь никакихъ отговорокъ нѣтъ: тотъ, кто можетъ писать стихи къ Рейну (лучшихъ стиховъ нѣтъ на Р. языкѣ по полнозвучію, силѣ и движенію стиха), тотъ можетъ ѣхать веселиться въ Парижъ. Досаденъ мнѣ П. Михайловичъ. Что ему сидѣть въ Дрезденѣ! Взялъ бы дочерей и ѣхалъ въ Ганау. Пожили бы вмѣстѣ и весело, и хорошо, и не безъ пользы для дѣвицъ, которымъ вѣроятно Ганау доставилъ бы возможность учиться, а родное общество придавало бы или сохраняло эту особенную прелесть женскаго сердца, согрѣтаго семейною жизнью. Я до сихъ поръ изъ дѣтей П. М. видѣлъ только сыновей. Славные малые, избалованные нѣсколько (да это въ мальчикѣ ничего), но очень умные и способные къ успѣхамъ въ ученіи и жизни. Не знаю, по пристрастію ли къ вамъ или по чему другому, Саша мнѣ понравился лучше Васи. Онъ на васъ всѣхъ похожъ, а особенно на тебя. Былъ я съ ними въ Кремлѣ. Кремль сильно подѣйствовалъ на меньшаго; онъ очень радовался, разспрашивалъ и удивилъ меня твердымъ знаніемъ Рус. Исторіи, въ которой онъ нѣсколько разъ поправлялъ старшаго.

П. В. Киреевскій пріѣзжалъ сюда на нѣсколько дней и нынче ѣдетъ назадъ въ деревню. Семенъ (Semen) уговаривалъ его писать, и они сдѣлали уже условіе *). Киреевскій берется

*) Издатель, книгопродавецъ и типографщикъ Августъ Семенъ.

Digitized by Google

написать Исторію первоначальнаго христіанства до 5-го столѣтія или 4-го. Вѣроятно будетъ вещь славная, если будетъ, т. е. если ему достанетъ терпѣнія. Ты будешь меня бранить: я собираю матеріалы для книги, творенія прозаическаго; впрочемъ вѣроятно сборъ матеріаловъ поведетъ меня такъ далеко, что до книги не доберусь.

10.

Жена посылаетъ тебѣ стихи [1]), мною написанные на дняхъ. На силу собрался. Хорошо бы, коли бы съ легкой руки да началъ я писать побольше и бросилъ наконецъ душеубійственную лѣнь. Что говорятъ добраго нимфы Крейцнаха? Живительны ли ихъ объятія? Видѣлъ я на дняхъ письмо Коппа, который объ тебѣ отзывается очень хорошо, чему всѣ весьма обрадовались. Неужели братъ Петръ Михайловичъ не съѣздитъ въ Парижъ? Стыдно будетъ! Въ его лѣта смѣшно бояться подозрѣній; они на него никакъ пасть не могутъ, а бояться Парижскихъ смутъ тоже нечего. Это глупыя вспышки; а если пустой страхъ помѣшаетъ ему быть въ Парижѣ, то долго и долго будутъ ему сниться *Jardin des Plantes* и *Musée d'Anatomie comparée*, и кабинеты ископаемыхъ и пр. и пр.[2]); а совѣсть будетъ ему твердить упреки. Еще бы лучше вамъ обоимъ вмѣстѣ осенью туда скатать; да гдѣ тебѣ рѣшиться! Авось бы я васъ подзадорилъ и туда, и сюда, и въ Швейцарію, и въ Италію, и во всѣ стороны. Что бы за стихи ты написалъ, и сладкіе, и звонкіе, чудо!

11.

(Москва, 28 Августа 1840 г.).

Что это ты клевещешь на Италію, что тамъ-де тоска и дороговизна? Какъ по Ниццѣ судить объ Италіи? Городъ иностранный, пограничный, чуждый Италіи, не принадлежащій никакой землѣ, а недужнымъ всѣхъ земель. Впрочемъ, хотя я вполнѣ увѣренъ, что ты сотворилъ (позволь сказать) великую глупость, выбравъ жилище зимнее въ Ниццѣ, и пропустилъ

1) „Гордись, тебѣ льстецы сказали".

2) П. М. Языковъ много и успѣшно занимался минералогіей.

Digitized by Google

славный случай видѣть прекрасный Неаполь и вѣчный Римъ; но теперь едва ли тебѣ дѣйствительно не лучше туда уже не ѣздить, а выбрать мѣстопребываніе въ людствѣ, въ шумѣ и веселости, сирѣчь въ Парижѣ. Избѣгай тоскливыхъ мѣстъ и на одномъ мѣстѣ не закисай. Таковъ совѣтъ Иноземцева. «Пусть онъ ѣздитъ побольше, веселится и радуется на Божій міръ и людскую суету: вотъ ему лекарство». Таковы слова Иноземцева. Зиму въ Парижѣ до Февраля, потомъ Италія до Мая, а потомъ куда Богъ дастъ, на воды или въ святую Русь, черезъ Вѣну и земли Славянскія, или черезъ Грецію и Царьградъ. Да не рѣшишься ты на такой подвигъ: духа не достанетъ.

Наша Москва входитъ въ славу. Сюда явился Гай, возстановитель Славянства Иллирійскаго [1]), и Москва поклонилась ему для его литературныхъ предпріятій двадцатью тысячами. Что дастъ Петербургъ [2]), не знаю; а хорошо дѣлаетъ первопрестольный градъ, когда подумаешь, какой тяжкій [3]) годъ и какъ пусть городъ лѣтомъ. Потомъ пріѣхалъ начальникъ оппозиціи Французской, Mauguin, но былъ недолго. Видѣлъ я его у Кар. Карловны [4]), и онъ сидѣлъ и бесѣдовалъ отъ 7 до 2 час. ночи. Мы ему читали урокъ, какъ-де Русь смирна и благонравна, какъ-де мы всѣхъ любимъ и готовы всегда любить, какъ-де Ляхи-грѣховодники на насъ лгутъ, а сами виноваты. Авось впрокъ пойдетъ ученіе; а какое глубокое невѣжество, этому не повѣришь! Довольно одного примѣра: Mauguin думалъ, что наши цари были Магометане. Каково! И это одно изъ первыхъ лицъ во Франціи и особенный покровитель и заступникъ

---

1) Докторъ Гай извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ проводниковъ Австрійской политики. Такъ-называемая Иллирская литература должна была служить Хорватамъ и Сербамъ-католикамъ въ Славоніи, Далмаціи и Босніи. Хорватское нарѣчіе въ Загребѣ и его окрестностяхъ слишкомъ бѣдно, чтобы сдѣлаться языкомъ литературнымъ; поэтому Гай принялъ Сербскій языкъ, но сталъ писать на немъ Латинскими буквами. Чтобы не называть этого языка Сербскимъ, такъ какъ въ этомъ имени Славяне привыкли заключать представленіе о Православіи, Гай придумалъ названіе Иллирскаго языка и Иллирской литературы (Гильфердингъ, т. II, стр. 81).

2) Россійская Академія выдала Гаю, успѣвшему войти въ довѣренность къ президенту ея С. С. Уварову (черезъ графа Бенкендорфа), пять тысячъ рублей.

3) Вслѣдствіе неурожая: большинство нашего крестьянства ѣло тогда хлѣбъ съ лебедою.

4) Павловой.

Digitized by Google

бѣдныхъ Поляковъ. Надѣюсь, что онъ не совсѣмъ теперь будетъ вѣрить правости ихъ дѣла. Взялъ онъ мою «Россію» въ переводѣ Кар. Карловны. Кажется, ему понравилось. Право хорошо, что Москва начинаетъ привлекать вниманіе. Хоть пользы прямой нѣтъ, да мы по крайней мѣрѣ сами будемъ ее уважать.

Братцу Петру Михаиловичу мой поклонъ. Пожалуста пиши къ Прасковьѣ Михайловнѣ, чтобъ она въ Москву приплыла; а то, право, она, какъ щука въ мелкихъ озерахъ безъ истока, зарастетъ мхомъ. За это сравненіе Катенька ужасно сердится и грозитъ разорвать письмо. Правда, что маленькое путешествіе Пи́кати [1]) въ Казань ей уже принесло пользу, но все это недовольно. Надобно средство посильнѣе, именно Москва, чтобъ ее нѣсколько расшевелить. Вообрази, что мы ѣдемъ въ деревню. Не правда ли, что выбрали самое время [2])?

Приписка Д. А. Валуева.

Уморительно было видѣть, какъ всѣ до одного хотѣли высказаться передъ Могеномъ: другъ другу не даютъ говорить, перебиваютъ, и всѣ были необыкновенно глупы (за исключеніемъ Орлова и Хомякова). Шевыревъ и Павловъ особенно ополячились. Богъ наказалъ за дурацкое самолюбіе. Каролина Карловна тоже было плошины необъятной, съ дурацкими вопросами, кривляньемъ и пр. Съ этимъ согласны и Х., даромъ что друзья.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Вообразите, милые друзья мои, Батюшка и Вессель [3]), что мы завтра, т. е. 29 Августа, ѣдемъ въ деревню: надобно побаловать Алексѣя и дать ему возможность поохотиться. Мнѣ впрочемъ пріятно съѣздить куда нибудь изъ Москвы. Я заси-

---

[1]) Пи́кать—семейное прозвище П. М. Бестужевой.

[2]) Хомяковы оставались въ Москвѣ по случаю рожденія старшей ихъ дочери Марьи Алексѣевны.

[3]) Батюшкою въ семьѣ Языковыхъ звали старшаго брата, Петра Михайловича, а Весселемъ—поэта Николая Михаиловича. Средній братъ Александръ Михаиловичъ (изображенный въ Запискахъ Д. Н. Свербеева) звался Дюкомъ.

Digitized by Google

дѣлась въ городѣ, пора подышать деревней. Боюсь только для Маши: погода ужасно дурная; но Богъ милосердъ. Недавно мы съ Авдотьей Петровной[1]) были вмѣстѣ у Троицы; она же, не смотря на то что довольно богомольна, кажется, на этотъ разъ больше ходила къ Троицѣ для удовольствія, чѣмъ для Угодника. Они съ мужемъ спорили и слушали другъ друга съ большой жадностію; было превесело. Потомъ я была у нихъ на дачѣ. У Петра Васильевича[2]) недавно залѣзли воры въ сундукъ, гдѣ хранятся пѣсни, но пѣсней никто не взялъ. Алексѣй Андреевичъ Елагинъ пишетъ что у него въ деревнѣ завелись *нечистые* подъ диваномъ, гдѣ онъ сидитъ; они трубятъ въ трубу. Онъ трусъ ужасной. Я его люблю и всегда молюсь за него Богу, чтобъ Онъ обратилъ его, а то А. А. ничему и ни во что не вѣритъ; мнѣ жаль такихъ. Вы что-то совсѣмъ неласково пишете объ моей Машѣ; развѣ вы не рады ей? Смотрите не разлюбите меня! Алексѣю прошу не вѣрить объ Пи́кати: она не щука, ибо щука не читаетъ *Thiers*. Зовите ее ко мнѣ зимою. Какъ вамъ должно быть весело въ чужихъ краяхъ! Кошелева недавно возвратилась, завидно мнѣ. Прощайте покуда, мои милые. Иноземцевъ говоритъ, что онъ покоенъ теперь на счетъ Весселя, потому что у него не болитъ спина. Цѣлую васъ и крещу васъ. Христосъ съ вами всѣми.

12.

20 Сентября (1840), Липицы.

Гдѣ-то ты теперь? Если ты только здоровѣешь, то какъ ты счастливъ! Жалки мы, живущіе теперь въ голодающей Россіи, т. е. въ голодающихъ частяхъ Россіи. Сколько гнусныхъ, грустныхъ, нестерпимыхъ хлопотъ! Если бы еще такой годъ, то хоть бѣжать! Отъ всего отбило, и отъ Музъ, и отъ поэзіи, т. е. я ужъ не вижу поэзіи въ охотѣ и не имѣю охоты къ поэзіи. Что ты не напишешь на перенесеніе тѣла Наполеоновскаго? Иноземцевъ велѣлъ мнѣ тебѣ кланяться. Онъ проситъ тебя, если можно, ему подробно описать себя и теперешнее

---

[1]) Елагиной, ниже говорится о второмъ ея супругѣ Алексѣѣ Андреевичѣ.
[2]) Киреевскаго.

Digitized by Google

состояніе твоей болѣзни, какъ дѣлается для заочныхъ консультацій. Я доставлю ему.

13.

16 Октября (1840) Липицы.

Я въ деревнѣ теперь уже живу полтора мѣсяца, и, кажется, такой мерзкой погоды не помню съ тѣхъ поръ, какъ началъ что-нибудь помнить. Дожди безпрестанные, до того сильные, что не оставили ни одной мельницы и обратили всѣ поля въ болота непроходимыя. Теперь начался морозъ, а вѣроятно скоро и зима. Хочется писать стихи, да что-то не ладится, а прозу право писать скучно. Ужъ и такъ ей довольно чести, что ею говоришь, а то еще писать ее!.. Тебя тоска береть по Россіи, а жену мою и меня береть тоска по чужбинѣ. Хоть сейчасъ поѣхалъ бы туда.

Шевыревъ въ От. З. напечаталъ хорошіе стихи. Читалъ ли ты Лермонтова переводъ изъ Гёте: «Горныя вершины» [1]) и пр.?

14.

3-е Генваря 1841 года. Москва.

Что мнѣ тебѣ сказать, любезный братъ? Приходится сдѣлать тебѣ сильный попрекъ, а вотъ какой именно. Уже мѣсяца три я тебѣ пишу: скажи-де твоими славными стихами что-нибудь о прахѣ Наполеона—а ты ни слова. Пришлось мнѣ написать двѣ пьесы, которыя печатаются въ Москвитянинѣ. Понимаешь! Это въ видѣ упрека маленькое хвастовство, что я-де не бросилъ Музъ. Твой Рейнъ, твои Имянины и всѣ твои послѣдніе стихи такъ хороши, что просто чудо. Слава Копну [2]), и какъ ни говори, слава сторонамъ Нѣмецкой и Итальянской. Весело, что такая молодость разыгралась опять. Москвитянинъ началъ являться. Первая книжка не хорошо составлена, хотя Шевырева статья славная; но журналистической ухватки нѣтъ. Жуковскій сюда пріѣхалъ. Очень милъ, объ тебѣ говорить утѣшительно,

[1]) Появились въ 7-й кн. Отечественныхъ Записокъ 1840 года, чѣмъ и опредѣляется годъ этого письма.

[2]) Извѣстному врачу въ Ганау.

Digitized by Google

и Катенька ему очень рада. Онъ ей весьма нравится, гораздо больше, чѣмъ Вяземскій, къ которому она совсѣмъ несправедлива.

Это письмо есть приписка къ письму Екатерины Михаиловны, которая, посылая брату за границу стихи Алексѣя Степановича: „Бывало, въ глубокій полуночный часъ“ писала:

«Вы, я думаю, не знаете стиховъ мужа, написанныхъ на смерть нашихъ малютокъ. Онъ недавно только рѣшился прочитать ихъ мнѣ, а уже годъ какъ они написаны. Каролина *) падала отъ нихъ въ обморокъ и послѣ нихъ стала крестить Ипполита всякій вечеръ. И. В. Киреевскій говоритъ, что это самые лучшіе стихи Алексѣя Степановича».

15.

Любезный другъ Николай Михайловичъ!

Не совсѣмъ скоро дошло письмо твое до меня; но, прочитавъ оное, я исполнился негодованіемъ. Можно ли пренебрегать Гаштейнскимъ курсомъ изъ того, что срокъ паспортный вышелъ? Во-первыхъ, позволительно ли и сомнѣваться, что тебѣ дадутъ отсрочку, а если бъ не хлопотали даже объ отсрочкѣ, то неужели такъ сейчасъ и приступятъ тебя угнетать и описывать? Будь покоенъ и поступай разумно; а здѣсь многіе за тебя примутся хлопотать: А. И. Тургеневъ, Вяземскій и пр. и пр. Кого хочешь, всѣхъ можно поставить на ноги или хоть съ ногъ сбить хлопотами, если нужно; тѣмъ болѣе, что Луганскій теперь правая рука Перовскаго, а отъ Перовскаго все зависитъ. Поѣзжай въ Гаштейнъ.

Мы здѣсь плохо трудимся. Однако сборники у Валуева печатаются; пѣсни готовятся, и пр. и пр. Я отъ стиховъ отставалъ, прозою дразню профессоровъ, что ты и увидишь въ скоромъ времени. Прощай, будь здоровъ. На нынѣшней почтѣ пишу къ Гоголю. Думаю, кто-нибудь выѣдетъ къ тебѣ навстрѣчу, но еще неизвѣстно кто. Твой А. Хомяковъ.

Апрѣля, 4 д. Москва (1841).

---

*) Каролина Карловна Павлова. Ипполитъ—ея единственный сынъ.

Digitized by Google

Валуева долго пачкали аллопатіею, теперь лѣчитъ и вылѣчиваетъ гомеопатія.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Побраните мужа за его прозу. Это все вина Валуева: онъ оторвалъ его совсѣмъ отъ поэзіи. Что, видѣли ли они Смирнову? Что говорилъ о ней Н. В. [1])? Влюбленъ или нѣтъ? Да говорятъ не влюбиться нельзя.

16.

Письмо Д. А. Валуева.

(1841).

Сегодня мы проводили Авдотью Петровну въ дальніе заморскіе края. Авось вы съ ней гдѣ-нибудь съѣдитесь, и тогда оживится ваше долгое и скучное сидѣнье; да и не худо было бы, если уже Богъ дастъ, вамъ воротиться съ ними во-свояси: все, я думаю, съ старыми Московскими пріятелями и льготнѣе, и привольнѣе. Я такъ свыкся съ ними, что, какъ проводилъ ихъ, невольно осталось необыкновенное чувство пустоты и безуютности; а всего поѣхали на три мѣсяца. Впрочемъ отъ осени жду многихъ великихъ и богатыхъ милостей, и васъ, и ихъ, и многое, многое. Тогда, дастъ Богъ, всякая пустота пополнится, а все дурное замретъ и сотрется. Говорятъ (да и вы говорите), что рифмы ваши и прочіе необходимые покровы человѣческаго, слѣд. и вашего, тѣла требуютъ приращенія и пополненій: вѣсть самая пріятная и усладительная. Наши духовныя, литерарныя и прочія приращенія тоже идутъ добрымъ порядкомъ. Сологубъ выдалъ томъ повѣстей, Лермонтовъ пишетъ стихи со дня на день лучше (надѣемся выслать послѣдніе, чудные), Гоголь пишетъ. Ал. Ст. работаетъ, И. В. Кир. приготовляетъ большое сочиненіе (Ист. Церкви). Москвитянинъ идетъ въ гору и дѣйствительно становится какимъ-то, хотя и юродивымъ, проявленіемъ Русскаго толка и смысла. Одинъ пресловутый Петръ В. [2]) пока ни пру ни ну; впрочемъ авось устыдится.

---

[1]) Гоголь.

[2]) Петръ Васильевичъ Киреевскій.

Digitized by Google

Печатаются Записки Моск. юриста; тоже вещь будетъ очень хорошая. Здѣсь теперь покуда одна Матильда Еремѣвна Демидова*); на дняхъ начнутся веселья и празднества, и та въ восторгѣ и обожаньи Москвы.

Что же это вы хотѣли мнѣ отвѣтить, да и замолкли? Или отъ того, что я довольно безсовѣстно хотѣлъ поймать васъ за слово? Дѣло въ томъ, что одинъ-одинехонекъ, ни съ чѣмъ не совладаешь, да и полагаться на себя одного трудно.

Прощайте будьте здоровы, крѣпки духомъ и тѣломъ.

Весь вашъ Д. В.

17.

Жена вѣроятно пишетъ тебѣ обо всѣхъ дѣлахъ и вѣяніяхъ общества. Прибавлю, что мы съ нею были вчера въ Б. Собраніи, гдѣ она могла разсмотрѣть Царя, Цесаревича и Цесаревну. Возвратилась она очень довольная и веселая. Ей удалось какъ нельзя лучше всѣхъ видѣть.

Въ Москвитянинѣ былъ разборъ Лермонтова Шевыревымъ, и разборъ несовсѣмъ пріятный, по моему нѣсколько несправедливый; Лермонтовъ отмстилъ очень благоразумно: далъ въ Москвитянинъ славную пьесу, споръ *Шата съ Казбекомъ*, стихи прекрасные. Между нами буди сказано, Лермонтовъ сдѣлалъ неловкость: онъ написалъ на смерть Наполеона стихи, и стихи слабые; а еще хуже то, что онъ въ нихъ слабѣе моего сказалъ то, что было сказано мною. Это неловкость, за которую сердятся на него Лермонтисты. Другому бы я этого не сказалъ, потому что похоже на хвастовство; но ты примень мои слова какъ они есть, за безпристрастное замѣчаніе. Лермонтовъ такъ вообще хорошъ, что на него досадно, когда онъ остается ниже себя. Вотъ образчикъ пьесы еще не напечатанной.

Не хвались еще заранѣ,
Молвилъ старый Шатъ:
Тамъ на Сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ.

*

*) Племянница Наполеона.

Digitized by Google

От Алтая до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки.

*

Гнутся бѣлые султаны
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Поднимая пыль.

*

Боевые батальоны
Мѣрно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ.

*

Сотни пушекъ мѣрнымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
Зажжены какъ передъ боемъ
Фитили горятъ.

*

И испытанный годами
Въ бурѣ боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой и пр. пр.*)

Не правда ли, что живо и хорошо? Есть другая его пьеса, гдѣ онъ стихомъ нѣсколько сбивается на тебя. Не знаю, будетъ ли напечатано. Стихъ въ ней пышнѣе и полнозвучнѣе обыкновеннаго.

18.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

Гоголь въ восторгѣ отъ вашихъ стиховъ «Посланіе къ Павловой»; выучилъ ихъ наизусть. Онъ проситъ васъ написать ему въ Вѣну. Когда вы будете въ Ганау, онъ непремѣнно пріѣдетъ туда; онъ любитъ васъ ужасно и говоритъ всегда съ большимъ восхищеніемъ объ васъ, такъ какъ объ Италіи. Я люблю Гоголя; онъ очень добрый и любитъ сестеръ, заботится объ нихъ. Это все дѣлаетъ честь ему. Теперь онъ очень радъ, что помѣстилъ одну у препочтенной и богомольной дамы, ста-

*) Стихи эти появились въ 6-й кн. „Москвитянина“ 1841 года. Хомяковъ приводитъ ихъ съ памяти, и потому не вполнѣ вѣрно.

Digitized by Google

рой Раевской; она сосѣдка наша въ Богучаровѣ, и я собираюсь познакомиться съ ней. Всѣ здѣсь нападаютъ на Гоголя, говоря, что, слушая его разговоръ, нельзя предполагать въ немъ чего-нибудь необыкновеннаго, Иванъ Васильевичъ Киреевскій, что съ нимъ почти говорить нельзя: до того онъ пустъ. Я сержусь за это ужасно. У нихъ кто не кричитъ, тотъ и глупъ. Тургеневъ [1]) здѣсь попрежнему у ногъ Кат. Алек. Свербеевой; онъ очень забавенъ, разсказываетъ анекдоты, хотя немного неприличные, но пресмѣшные. Вяземскій мнѣ не нравится, какъ-то скученъ; онъ, говорятъ, не былъ такой; читалъ и оживился, читая стихи ваши „Къ морю“. Каролина Павловна отвѣчаетъ вамъ стихами; ждите посланія длиннаго; надняхъ она читала прекрасную балладу свою Старуха. Павловъ передъ ней теряетъ; она уничтожаетъ его. Скоро стихи ея будутъ читать больше его повѣстей. Онъ, кажется, этого боится, разсердился на Киреевскаго, когда тотъ сказалъ ему, что онъ слишкомъ подражаетъ Бальзаку. Авдотья Петровна была очень рада вашему письму. Она уже переѣхала на дачу къ Симонову, и сегодня Воскресенье [2]) ея отсутствіе изъ Москвы очень чувствительно. Слышали ли вы, что Сологубъ женится на графинѣ Вьельгорской; вѣроятно самъ будетъ при дворѣ. Она лѣтъ 16 и хороша, какъ кто бы? Какъ ангелъ. Когда-то вы, Вессель? Подумаете съ возвратомъ въ Россію и объ судьбѣ своей.

Какъ сержусь я на васъ, Вессель, что вы прислали 8 чудныхъ пьесъ Шевыреву, а намъ ничего. Это право, право безсовѣстно поступать такъ, и съ кѣмъ же? Съ родной сестрой! Прошу прислать ихъ скорѣе, а то разсержусь. Мужъ для вечеровъ Киреевскаго написалъ двѣ статьи, которыя произвели большой шумъ и крикъ. Тург. послалъ ихъ въ Парижъ.

---

[1]) Александръ Ивановичъ.

[2]) У А. П. Елагиной обыкновенно собирались друзья и знакомые по Воскресеньямъ.

Digitized by Google

19.

1-е Іюля, Богучарово (1841).

Любезный братъ, Николай Михайловичъ. Посылаю тебѣ остатки твоего капитала. Находится у меня еще билетъ твой въ 8000 р.; но онъ Петербургскій, и по немъ получать въ Москвѣ нельзя. Если тебѣ онъ потребуется, то увѣдомь, чтобы можно было сдѣлать переводъ на Петербургъ. Дѣло довольно медленное въ нашей весьма некоммерческой Руси, а если отдать его въ Москвѣ банкиру, то вычтетъ чертовскій дисконтъ. Что тебѣ сказать о себѣ? Въ деревнѣ хлопотъ много, а теперь бездна потому, что собираемся святить церковь. Литературныя мои занятія (т. е. проза, а не стихи, тѣ сами по себѣ дремлютъ) отъ этого страдаютъ, да и глаза что-то болятъ. Между прочимъ скажу тебѣ новость такую невѣроятную, что если бы она не была совершенно достовѣрная, я бъ не смѣлъ даже объ ней и слова вымолвить. Я нашелъ Славянскую надпись, т. е. *четыре* надписи... Какого времени? 6-го или 7-го вѣка *до* Р. Х. *) Что скажешь? Нѣмцы попадаютъ въ обморокъ. Если есть у васъ ученые въ Ганау, то скажи имъ это, не какъ сомнительный фактъ, но вѣрный и ясно доказанный. Это открытіе важнѣе (ибо 8-ю или 9-ю вѣками древнѣе) Паннонской надписи, руновъ Палацкаго на Чернобогѣ и пр. и пр. А что скажешь о Латинской надписи 2-го вѣка? *Deo Augusto Berontonti*, т. е. *Beroni tonanti*. Вотъ куда зашелъ Перунъ! Что-то твое послѣднее письмо не отзывается здоровьемъ. Выздоравливай и крѣпчай. У меня чудесъ историческихъ пропасть. Никто еще не знаетъ, что это за Славяне, которыхъ мы потомки. Я за поясъ заткнулъ Шишкова и Костенецкаго. Прощай, будь здоровъ. Братцу П. Мих. мой дружескій поклонъ. Я такъ своему открытію радъ, что боюсь, не во второй ли разъ къ тебѣ объ немъ пишу. Переворотъ въ Исторіи!

Отыскано нѣсколько сочиненій Климента, ученика Кирилловскаго, и проповѣдь Иларіона Кіевскаго при Ярославлѣ. Недурная старинка!

---

*) Рѣчь идетъ о Ликейскихъ надписяхъ. Сравни т. V-й, стр. 304 и слѣд.

Digitized by Google

20.

Липицы, 18 Сентября.

Любезный братъ Николай Михайловичъ.

Твое послѣднее письмо наполнено какою-то болѣзненною тоскою; отъ скуки ли или отъ того, что ты здоровьемъ опять разстроенъ? Дай Богъ, чтобы только отъ скуки. На нее лѣкарство простое: Римъ или Парижъ, или какой бы то ни было городъ многолюдный и веселый по своимъ художественнымъ богатствамъ. Если можно, не засиживайся въ Ганау: онъ тебѣ столько же вреденъ, сколько Конпъ полезенъ; а кажется мнѣ, Италія должна бы тебѣ принести величайшую пользу. Съѣзди на Югъ. Теплый климатъ, согрѣвающій тѣло, и красота формъ, согрѣвающихъ душу, новость предметовъ, беззаботность, общество Гоголя, все это докончитъ начатое лѣкарствами Конпа. Мелыуновъ явно собою доказываетъ цѣлительную силу Италіи.

Слышалъ ли ты или не слыхалъ, что я выступилъ въ журналахъ какъ юристъ по случаю указа о сельскихъ условіяхъ?[1]) Многи возстали на мя, но многіе и за меня. Татариновъ написалъ на меня возраженіе, которое имѣло великій успѣхъ, но которое дѣйствительно очень слабо. Буду отвѣчать. Какъ эта борьба, такъ и хлопоты по предметамъ историческимъ совершенно отпугнули Музу; а впрочемъ я и безъ того теперь былъ бы не стихотворецъ, ибо наступила осень, и охота за зайцами вытѣснила бы во всякомъ случаѣ охоту за риѳмами. Прощай; будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

21.

Липицы [2]), 16 Октября (1841).

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тульской деревни случилось весьма смѣшное происшествіе, которое описать слѣдуетъ въ поучительную память потомству. Была у нѣкоего Михайла Ѳед. Голикова собака борзая, рѣзвости, красоты и силы баснословной. Я ее торговалъ, но цѣна ея 1000 р. показалась мнѣ

[1]) См. въ III-мъ томѣ, стр. 62 и слѣд. Двѣ статьи Хомякова о сельскихъ условіяхъ появились въ 6 и 8 книгахъ „Москвитянина“ 1842 года.

[2]) Смоленское имѣніе А. С. Хомякова, Сычевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее младшему его сыну Николаю Алексѣевичу. — На письмахъ Хомякова рѣдко выставлялись года, и они здѣсь расположены гадательно.

Digitized by Google

слишкомъ великою. Собака состарѣлась, перестала скакать; просили 800 р., опять я отказался. Голиковъ умеръ; я пресловутую собаку, сѣрую, огромную, великолѣпнѣйшую, какую когда-либо видѣлъ, купилъ за 40 р. Но собака, не привыкши еще къ моимъ людямъ, воспользовалась ихъ оплошностью и отправилась прямикомъ на свою родину. Въ тоже время *барсъ* или иной звѣрь, ушедшій изъ звѣринца, перераниль или съѣлъ множество народа подъ Тулою. Награда въ 400 р. была обѣщана тому, кто его убьетъ. Собаку приняли за барса и убили. Губернаторъ князь Голицынъ, человѣкъ рѣшительный, военный, послалъ немедленно чиновника съ тройкою за убитымъ звѣремъ и велѣлъ привезти его къ себѣ *прямо, гдѣ бы онъ ни былъ*. Чиновникъ, исполняя порученіе, привезъ къ губернатору въ домъ. Губернаторъ былъ въ соборѣ на молебствіи по случаю царскаго дня. Ревностный чиновникъ везетъ собаку къ собору. Народъ, не дослушавъ молебствія, высыпалъ изъ собора, оглядѣлъ убитаго звѣря и рѣшилъ, что это—*Французскій волкъ*. Послѣ молебствія выступили изъ собора всѣ власти въ орденахъ и лентахъ съ приличною важностью. Осмотрѣли звѣря, спросили мнѣнія докторовъ. Докторъ Геслеръ, мужъ ученый, осмотрѣлъ и *рѣшилъ*, что это *Американская гіена*. Два дня вся Тула ходила смотрѣть на чудовище, и всѣ власти торжествовали побѣду; на третій день кучеръ мой пришелъ также посмотрѣть и объявилъ, что это-де борзая собака барина, по кличкѣ *Туманъ*. Его хотѣли посадить на съѣзжую за то, что разстраиваетъ радость народную. Вотъ главныя черты, и сколько было смѣшныхъ подробностей, нельзя вообразить. Бывали когда собачьи похороны такія торжественныя?

. . . . . .

Приписка Д. А. Валуева.

(1842).

Каковы стихи Хомякова, которые вамъ посылаемъ теперь *); Это уже Наполеонъ третій. Первый былъ не такъ хорошъ и былъ весьма дурно принятъ всѣмъ домомъ Елагиныхъ; это раздосадовало Ал. Ст., и онъ написалъ двѣ славныхъ пьесы. Таже судьба постигла и Москвитянина. 2 № былъ уже лучше, а 3-й

*) „Небо ясно, тихо море“, „Когда мы разрыли могилу вождя“ и „Не сила народовъ тебя подняла“.

Digitized by Google

рѣшительно хорошъ. Алексѣй Андреевичъ [1]) говоритъ, что для того, чтобъ заставить Русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу въ кровь. Только Погодинъ наживаетъ себѣ непріятности за свою нелѣпость. Жуковскій обѣдалъ у Черткова: обѣдъ, послѣ котораго онъ просилъ Авд. Петр. что нибудь поѣсть; а Погодинъ напечаталъ, что Жуковскаго закормили; описаніе обѣда, разговоровъ присутствующихъ, въ томъ числѣ помѣстилъ и Свербеева. Свербеевъ написалъ ему формальное письмо съ просьбою впередъ не дѣлать. Пошли споры, объясненія, извиненія и т. д. Жуковскій тоже просилъ оставить его въ покоѣ: отъ друзей не убережешься. Глинка напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что Хомяковъ Московскій соловей. Дм. Никол. [2]) говоритъ, что пожалуй его вздумаютъ назвать дроздомъ или цаплей. Жуковскій уѣхалъ вчера отъ насъ: стремится къ своей невѣстѣ. Дай Богъ ему счастія и не обмануться въ надеждѣ. Мы каждый вечеръ ему играли шарады, и были удачныя. Я бывалъ лягушкой и солнцемъ, а разъ для 1-го Марта [3]) вздумали приготовить заранѣе со стихами и проч. Сочиняли Хом., Крюковъ и др., и не удалось; я же покрылся совершеннымъ стыдомъ: вышелъ, не договорилъ куплетовъ и скрылся.

22.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

1 Апрѣля (1842).

Здѣсь славный живописецъ, и я съ супругомъ снимаемъ наши портреты.

Митя Валуевъ опять нездоровъ; видно, рано выѣхалъ на вечера, сдѣлалась лихорадка, его долго лѣчилъ мужъ гомеопатіей, но не могъ помочь, теперь принялся за хину. Хорошо бы ему было съѣздить въ чужіе края, но врядъ ли онъ рѣшится. Гоголь третьяго дни приходилъ обѣдать къ намъ. Я очень люблю

---

[1]) Елагинъ.

[2]) Свербеевъ.

[3]) День именинъ Авдотьи Петровны Елагиной, въ домѣ у которой жилъ Валуевъ передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду, будучи по университету товарищемъ ея сына Василья Алексѣевича Елагина.

Digitized by Google

его; онъ не такъ глубокъ, какъ другіе; и поэтому съ нимъ гораздо веселѣе. Онъ познакомился даже и съ Машенькой. Онъ все не хорошо себя чувствуетъ: у него пухнутъ ноги. Крѣпко собирается къ вамъ и говоритъ, что будетъ счастливъ, когда сядетъ въ карету и уѣдетъ изъ Москвы. Повѣсть его въ Москвитянинѣ чудесная [1]). Какъ вы достали себѣ Москвитянина? Скоро, то-есть, дни черезъ два ѣдетъ въ чужіе краи Поповъ; онъ обѣщаетъ непремѣнно заѣхать къ вамъ, гдѣ бы вы ни были. Теперь у насъ все концерты, но скоро надобно приготовляться къ говѣнью. Вечера наши все продолжаются; прерывались только не на долго, по случаю смерти Орлова [2]) Кто бы могъ ожидать, что онъ такъ скоро отправится? Онъ, казалось, былъ желѣзнаго здоровья.

Жаль что васъ нѣтъ здѣсь теперь, а то бы мы поѣхали вмѣстѣ на дамскій базаръ для бѣдныхъ. Каждая красавица беретъ на себя роль купца, на три дни, дѣлаетъ лавку въ собраніи и продаетъ въ тридорога всякую дрянь. Я хотѣла взять столъ [3]) и продавать, но мужъ не пустилъ. Не правда ли, это съ его стороны тиранство? Попросите его смилостивиться и пустить меня взять въ роть сигару.

Приписка А. С. Хомякова.

Какова выдумка моей жены? Курить сигару. Не правда ли къ лицу ей? Истая Амазонка! Я обѣщаю ей дать позволеніе тогда, когда она нѣсколько подобрѣетъ или, по ихъ нарѣчію, перестанетъ быть интересною. Впрочемъ братъ Петръ М. совершенно правъ былъ, сказавъ, что Катенька нѣсколько поправилась. Эта перемѣна произошла нынѣшнею зимой. Недавно былъ у насъ смѣхъ великій. Есть здѣсь юноша Аксаковъ, сынъ вашего Симбирскаго Сергѣя Тим.[4]) Онъ же и литераторъ, и патріотъ, особенно Москвичъ, и страстный поклонникъ Пушкина. Есть здѣсь вицъ-губернаторъ Новосильцовъ, по прозвищу Щелкунъ. Встрѣтившись съ Акс., Новос. счелъ необходимымъ го-

---

[1]) Это повѣсть—„Римъ“.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ скончался 14 Марта 1842 года.

[3]) Лавки называются столами. Е. Х.

[4]) Константинъ Сергѣевичъ.

Digitized by Google

ворить о литературѣ. Акс. назвалъ Пушкина. Новос. очень важно сказалъ: «У меня на него свой взглядъ и совсѣмъ особенное мнѣніе». Акс.: «Какое же?» Нов.: «Онъ прекрасенъ, но не превосходенъ». Акс. сталъ горячиться, доказывать совершенство Пушкина и спросилъ, что же именно въ Пушкинѣ не нравится Нов.-Нов. отвѣчалъ, что Пушкинъ не возвышенъ. Акс. сталъ цитовать Пророка, Поэта и пр.; наконецъ, думая, поразить противника, сказалъ стихи: «И внемлетъ арфѣ Серафима въ священномъ ужасѣ поэтъ». Нов. помолчалъ и, подумавъ, важно сказалъ: «Прекрасно, но не превосходно».

Мы печатаемъ разныя книги старо-Русскія и дѣлаемъ годовую складчину по 300 рубл. сер. Братъ Александръ Мих. тутъ съ нами. Петръ Вас. завѣдываетъ дѣломъ. Не будешь ли ты въ этомъ дѣлѣ?

23.

При посылкѣ стиховъ К. К. Павловой *).

(1842).

Каково оперилась барыня! Чудо, да и только. Ея дѣятельность радуетъ насъ, и только то досадно, что какъ ни верти,

---

*) Стихи, посланные Н. М. Языкову въ чужіе края, напечатаны въ собраніи стихотвореній К. К. Павловой, изданныхъ въ Москвѣ въ 1863 году (О. Ѳ. Кошелевой, подъ наблюденіемъ профессора И. Д. Бѣляева), на стр. 7, 40 и 41, гдѣ они обозначены одни Октябремъ 1840, а другіе Іюнемъ 1842 года. Опущены были въ печати слѣдующія три строфы:

Средь дѣлъ земнаго
Мигъ торжественный слетитъ;
Думы въ образъ, мысли въ слово
Животворно облачитъ

*

И минутъ тѣхъ вдохновенье
Принесу тому я въ даръ,
Кто въ покорность и въ терпѣнье
Обратилъ мой праздный жаръ.

*

Кто меня крутой дорогой
Бытія вести умѣлъ
И душѣ съ любовью строгой
Указалъ благой удѣлъ.

Digitized by Google

а все-таки она выходитъ Нѣмка. Она кромѣ лирическихъ пьесъ пишетъ маленькую поэму. Барыни, собравшись на балъ, разсказываютъ свою исторію другъ другу. Задача, какъ ты видишь, не легка и исполняется прекрасно. Въ стихѣ, при истинной поэзіи, сохранена легкость и непринужденность свѣтскаго женскаго разговора, и это сдѣлано съ такимъ искусствомъ, отъ котораго часто не отказался бы Пушкинъ[1]).—Что это отъ тебя такъ давно ни слуха, ни духа? Насъ за тебя встревожили извѣстія, писанныя тобою въ Симбирскъ, и мы ждемъ съ нетерпѣніемъ письма отъ тебя, чтобы вѣрить имъ или не вѣрить. Дай Богъ, чтобъ это было только минутное облачко!

Что-то у васъ въ Римѣ? А у насъ зимы просто не бывало. Вообрази себѣ, что въ Январѣ вся погода простояла въ 2 гр. тепла, что многія рѣки разошлись, что поля безъ снѣга и что наконецъ въ старомъ градѣ Ольги зазеленѣли поля и почки на деревьяхъ стали наливать. Теперь подпало было снѣга, но опять идетъ дождь. Прощай любезный братъ; будь здоровъ и веселъ. А. Х.

24.

21 Мая, Москва (1843).

Ты уже теперь, любезный братъ, Николай Михайловичъ, вѣроятно въ своей Гастунѣ? Получилъ ли ты отъ П. Михайловича наставленіе, какъ поступить съ твоей отсрочкой? Если нѣтъ, то вотъ тебѣ краткое наставленіе. Нужно свидѣтельство доктора о болѣзни. На это у тебя Копиъ. Нужно подтвержденіе свидѣтельства отъ любой миссіи, большой или малой. Ихъ у насъ въ Германіи сколько душѣ угодно, и отказа быть не можетъ. Потомъ эти бумаги пошли въ Питеръ съ просительнымъ письмомъ Перовскому и съ увѣдомленіемъ Вяземскаго или Даля[2]), что бумаги посланы, и все тутъ. Выходитъ все дѣло въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ. Сдѣлай это. Хочешь ли домой или нѣтъ, а не мѣшаетъ взять предосторожности для большей

---

[1]) Говорится о повѣсти К. К. Павловой (въ стихахъ и въ прозѣ): „Двойная Жизнь“.

[2]) В. И. Даль (писавшій подъ псевдонимомъ казака Луганскаго), тогда директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго.

Digitized by Google

свободы; но все это дѣлай безъ хлопотъ и не воображая затрудненій. Гоголю скажи мой поклонъ. Говорятъ, онъ много подвинулся въ М. Душахъ и читалъ великой княгинѣ. Правда ли? Если правда, то радостная. Будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Митя Валуевъ, не смотря на мои немощи, замучилъ меня переводами для Дѣтской Библіотеки. Записки по три въ день пишетъ ко мнѣ и все спрашиваетъ, сижу ли я и пишу.

Недавно здѣсь былъ дня на два Соллогубъ; онъ сталъ толстый, толстый. Желалъ познакомиться со всѣми лит. людьми, составляющими наше общество; мужъ собиралъ ихъ у себя, подводилъ и рекомендовалъ ему всѣхъ. Потомъ Соллогубъ читалъ свою повѣсть; говорятъ, славная; я не могла дождаться чтенія, потому что оно началось въ 3 часа ночи послѣ ужина и продолжалось до 5; въ 6 утра только всѣ разошлись. Здѣсь на прошлой недѣлѣ былъ Рубини; Москва сухо и безъ восклицанія приняла его. Нашли по большей части всѣ, что поетъ нехорошо. Въ томъ числѣ и Дмитрій Ник. Свербеевъ. Въ первый концертъ было 3,500 человѣкъ, а во второй только одна тысяча. Мнѣ понравилось, и мужъ былъ въ восторгѣ.

25.

(Изъ деревни въ Москву, 1845).

Я уже тебѣ писалъ о Валуевѣ; мой совѣтъ ему — Крымъ, Крымъ и Крымъ. Это лучше, ближе и вѣрнѣе, чѣмъ чужіе края; тамъ же есть и доктора искусные, особенно брать Арендта, котораго очень хвалятъ, который знаетъ отлично свойства климата и соединяетъ благороднѣйшую душу съ великимъ искусствомъ. Какъ-то вы рѣшите на общемъ совѣтѣ? Если въ Италію, то я очень радъ буду знать, что Поповъ ѣдетъ съ Валуевымъ. Всего же болѣе желаю скорѣйшаго рѣшенія.

Ты пишешь мнѣ о лишнихъ экземплярахъ моей статьи, а какой не знаю. Впрочемъ все равно: оставь покуда у себя. Павлову скажи, что я виноватъ, но не совсѣмъ. Просто не сложу стиха, хоть убей. Видно, стихъ не пришелъ. Для Альманаха постараюсь что-нибудь сдѣлать.

Digitized by Google

Ты пишешь мнѣ о страшной рѣзнѣ и о побѣдѣ на Кавказѣ. Вѣроятно это было при взятіи Дарго; но я получилъ другое извѣстіе, весьма непріятное. Послѣ взятія крѣпости Воронцовъ далъ себя запереть въ лѣсахъ Ицхеріи и понесъ ужасный уронъ. Три генерала, Викторовъ, Пассекъ и фонъ-Фокъ, убиты; множество полковниковъ, между прочими Бибиковъ, бездна офицеровъ легли на мѣстѣ. Дѣло, говорятъ, плачевное. Меня это бѣситъ и огорчаетъ. Узнай пожалуста черезъ Ермолова, если можно, что̀ было? Газеты вѣроятно этаго не протрубятъ. Видно, Русскіе генералы лучше Русскихъ лордовъ. Ужъ коли лорда, такъ выписать бы настоящаго, хоть напр. Элленбору. Признаюсь, я боялся этаго пораженія по медленности движеній Воронцова. Въ горахъ надобно быть молніей, а не Австрійцемъ.

Похлопочи объ Валуевѣ; толкай, гони, не давай покоя, выживай его поскорѣе, по, право, держись Крыма. Валуевъ не только дорогъ, но нуженъ. Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ, и будь онъ здоровъ, такъ то̀ ли бы онъ сдѣлалъ! Если Богъ его сохранитъ, много будетъ пользы отъ его жизни, и имя его помянется съ похвалою и благодарностью. Я его люблю какъ сына.

26.

(Осень 1845).

Когда-нибудь Гоголь подслушаетъ насъ или прочтетъ наши письма и вклеитъ въ комедь; да и по дѣломъ! Я бы сталъ писать, да дѣла мѣшаютъ; а ты? Мнѣ здоровье мѣшаетъ. Вотъ дѣла̀ устрою или желудокъ вылѣчу и примусь писать; право примусь, ей-ей примусь. Да что̀ это въ самомъ дѣлѣ? Неужели думаютъ, что у насъ запасъ вдохновенія, какъ у старыхъ шутниковъ запасъ анекдотовъ и заученыхъ остротъ, весь израсходовался? и пр. и пр. Полно храбриться и мнѣ попрекать, и себя обманывать обѣщаніями. Станемъ лучше передъ собою и совѣстью и, ударяя себя въ грудь, возопіимъ: согрѣшили, беззаконновали и пр. Въ тебѣ какъ-то мало покаянія, и отъ этаго на тебя мало, на меня болѣе, надежды. Впрочемъ, я такъ давно каюсь, что право думаю (или, кажется, это мысль Павлова), что я къ покаянію привыкъ и радъ продолжать грѣхъ, чтобы

Digitized by Google

не отвыкать отъ этаго христіанскаго и смиреннаго сокрушенія сердечнаго. Какъ бы то ни было, а я радъ, что ты хоть на зиму будешь Москвичемъ. Не вѣрю я твоимъ дѣламъ, или лучше сказать не вѣрю, чтобы ты письменно не могъ ихъ обдѣлать, но увѣренъ, что тебѣ Москва непремѣнно полезна, что тебѣ въ ней легче выздоровѣть, легче писать и даже забраться въ теплый край, за синє море, если потребуетъ твое здоровье.

Что бы вмѣстѣ? Впрочемъ это покуда мечта, и самая несбыточная для меня; но, можетъ быть, тѣмъ легче сбудется, такъ какъ я уже часто замѣчалъ. Сестра твоя все какъ-то не такъ, не совсѣмъ и дурно. Для меня она совѣсть. Это хорошо: можетъ быть, я исправлюсь; но плохо то, что для себя она настоящее раскаяніе, которому и сонъ немилъ, и пища противна. Отъ этаго она непремѣнно похудѣетъ. Еще другая забота: Катенька такъ терзается желаніемъ стиховъ, что у меня душа не на мѣстѣ. Ну какъ дочь! Вѣдь будетъ или Зинаидой В. или Каролиной [1]).

Прощай. Цѣлую тебя заочно и надѣюсь, что насъ скоро зима сблизитъ. Я тотчасъ явлюсь въ Москву по первому снѣгу.

27.

Жена моя немножко стала оправляться. Ее сильно поразилъ этотъ ударъ; онъ и мнѣ не легче, да у меня первы-то покрѣпче. Теперь она говѣетъ, и это, разумѣется, ее успокоитъ. Какая тяжелая потеря для всѣхъ насъ, для нашего дѣла, а особенно для Катеньки и меня! Я такъ съ нимъ сжился душою, что съ трудомъ понимаю, какъ мнѣ быть безъ него. Такія потери могутъ просто отучить отъ жизни, и зачѣмъ это Иноземцевъ посылалъ ужъ его? И леченіе было постыдное, и отправленіе постыдное. Я писалъ къ Своехотову [2]) и Панову,

---

[1]) Княгиня Волконская и Каролина Карловна Павлова, ур. Яниш.

[2]) Михаилъ Гавриловичъ Своехотовъ приглашенъ былъ сопровождать Валуева въ его предсмертную поѣздку и довезъ его до Новгорода, гдѣ Валуевъ скончался 23 Ноября 1845 года (погребенъ въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ, близъ Веневина. Черезъ 15 лѣтъ по близости отъ нихъ легъ и А. С. Хомяковъ). Своехотовъ (род. въ 1820, ум. въ 1870 годахъ) былъ очень своеобразный человѣкъ, самоучка-живописецъ, стихотворецъ, врачъ-гомеопатъ и нерѣдко весьма ядовитый острословъ. А. С. Хомяковъ любилъ его.

Digitized by Google

чтобы, если можно, перевезти его въ Москву въ Ваганьково подлѣ Крюкова или въ Даниловскій монастырь подлѣ Венелина. Мнѣ это было бы отраднымъ. Какъ много я ему обязанъ, какъ много онъ охранялъ меня отъ лѣни и праздности! Его жизнь и дружба были мнѣ Божіимъ благодѣяніемъ, а и онъ меня любилъ какою-то любовью полубратскою, полусыновнею. Какъ грустно и тяжело вспомнить, что онъ былъ!

Догадаемся ли мы пользоваться примѣромъ, даннымъ имъ, самоотверженія, дѣятельности и обще-полезныхъ стремленій? Какъ много бы еще сдѣлалъ онъ, если бы пожилъ! Память его съ похвалою.

Д. 4 д. 1845.

28.

20 Іюня, Богучарово (1846).

Самаринъ (т. е. С. младшій), котораго я просилъ взять съ собою въ Нѣмецію Греческую рукопись о Православной вѣрѣ, согласился на это порученіе и на трудъ отдать ее въ печать[1]). Поповъ зналъ про это и хотѣлъ рукопись оставить въ Москвѣ; но онъ уѣхалъ и оставилъ ли ее, не знаю. Не оставилъ ли онъ ее тебѣ или Коссовичу? Пожалуйста, увѣдомь поскорѣе. Такъ же увѣдомь, если знаешь, какъ, т. е. куда писать къ Попову. Можетъ быть, онъ успѣетъ оплошность свою исправить. Жена моя и дѣти всѣ хороши, я здоровъ и на дняхъ сажусь за окончательную статью, которую хочу обдѣлать порядкомъ и ею кончить свою журналистскую дѣятельность.

Сборникъ[2]) идетъ въ П. съ успѣхомъ; но моя статья возбуждаетъ въ обществѣ великое негодованіе: ее всѣ называютъ *дерзкою*. На здоровье: пусть глядятся въ зеркало на свою фигуру. Авось Богъ поможетъ сказать имъ поболѣе въ послѣдней статьѣ. Будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Жаль мнѣ Петра Михайловича, хоть онъ и можетъ перенести свой убытокъ. Не досталось ли на орѣхи тебѣ и намъ?

---

[1]) Рѣчь идетъ о рукописи „Церковь одна“ (см. II-й томъ настоящаго изданія). Для нея составлены были предисловіе и введеніе, нынѣ утраченныя.

[2]) Т. е. первый Московскій Сборникъ 1846 года, со статьею Хомякова „Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ“ (см. I-й томъ настоящаго изданія).

Digitized by Google

Вѣроятно весь хлѣбъ шелъ однимъ транспортомъ; да не знаешь ли, отчего это Балдовъ[1]) не отвѣчаетъ мнѣ ни слова на письмо? Когда будешь къ нему писать, спроси.

29.

Мы всѣ къ вамъ собирались въ Москву; но женѣ жаль было разстаться съ деревнею, и она откладывала со дня на день; наконецъ объявила, что ей ѣхать почти нельзя и послѣ такаго объявленія послала за барыней, которой предшественницы упоминаются съ большою похвалою во время плѣненія Израиля въ Египтѣ, и съ ея помощію произвела вчера въ ночь на свѣтъ очень любезную дѣвицу. Имя новорожденной оставалося сомнительнымъ. Хотѣлось бы назвать по имени любезной сестрицы; но да помилуй, какъ же назвать Прасковьей? Всякая женщина, не названная Прасковьей, рада радехонька этому неназванію, точно такъ, какъ извѣстно, что всякій мужчина, не знающій по-гречески, радъ радехонекъ своему незнанію. Поэтому рѣшились на ближайшее средство (замѣть, что это мое предположеніе) назвать дочь Софіей. Затѣмъ прощай; цѣлую тебя.

Окт. 7 д. (1846, Богучарово).

Если Петръ Александровичъ[2]) еще въ Москвѣ, то обними его за меня; покажи письмо и проси извиненія за неуважительный отзывъ объ имени его супруги. Жена, слава Богу, хороша.

Письма къ А. М. Языкову.

1.

Любезный братъ Александръ Михайловичъ!

Великая потеря понесена нами, и едвали кому-нибудь она чувствительнѣе, чѣмъ вамъ, по особенной любви, соединявшей васъ съ покойнымъ братомъ. Одно можетъ вамъ служить хоть нѣсколько утѣшительнымъ воспоминаніемъ, то, что вы видѣли его незадолго до его кончины и своимъ пріѣздомъ принесли ему истинную радость. Задолго до вашего пріѣзда онъ утѣшался мыслію объ немъ и говорилъ мнѣ во время моей поѣздки въ

[1]) Этотъ Балдовъ управлялъ имѣніями Языковыхъ.
[2]) Бестужевъ.

Digitized by Google

Москву нѣсколько разъ о томъ, какъ онъ ждетъ васъ и какъ ему пріятно обѣщаніе ваше пріѣхать къ нему. Ничто кромѣ болѣзни Катеньки не могло бы меня удержать или лучше сказать насъ удержать въ то время въ деревнѣ и заставить насъ отказаться отъ нѣсколькихъ дней, которые мы могли бы провести вмѣстѣ. Но Богу угодно было иначе. Жена моя была еще очень слаба, а теперь, только что она начала поправляться, ударъ, поразившій ее, опять ее разстроилъ: кашель, хотя не очень сильный, продолжается, и послѣ обѣда у нея легкая лихорадка. Впрочемъ ей становится получше, и Богъ дастъ, гомеопатія и время поправятъ ее. Петръ Михайловичъ доставилъ намъ великое удовольствіе, пріѣхавъ къ намъ на два дня.

Нынче онъ опять отправился въ Москву.

Въ братцѣ Николаѣ Михайловичѣ общество понесло велшкую потерю, еслибъ оно только умѣло ее понимать. Для насъ эта потеря невыразимая. Гдѣ найдется такое рѣдкое соединеніе блистательнѣйшаго и художественнаго дара съ чуднымъ сердцемъ, съ кротостію и нѣжностью нрава, съ способностью любить своихъ ближнихъ и быть для нихъ всегдашнею отрадою? Богъ ему далъ слишкомъ короткую жизнь; но неожиданная его смерть, неожиданная для всѣхъ, была имъ предвидѣна, и она была тиха и встрѣчена имъ въ духѣ покорности и мира христіанскаго. Дайте, пожалуйста, о себѣ вѣсть: каковы-то вы? Это насъ много успокоитъ. Вашъ отъ всей души А. Хомяковъ.

Янв. 11 д. (1847. Богучарово).

2.

23-го Апрѣля 1852.

Простите меня, любезный братецъ Александръ Михайловичъ, въ моемъ долгомъ молчаніи на ваше письмо. Я еще весь какъ-то разбитъ во всемъ, въ занятіяхъ, во времени, въ мысляхъ. Старый ладъ конченъ, а новый никакъ еще не хочетъ устроиваться. Не то, чтобы я себѣ волю давалъ или баловалъ себя; нѣтъ, я и строго себя муштрую, да изъ этого какъ-то все ничего не выходитъ. На желаніе князя Черкасскаго*) узнать о мо-

*) Князя Петра Дмитріевича, Симбирскаго губернатора.

Digitized by Google

ихъ зимнихъ дорогахъ спѣшить отвѣтомъ было не для чего, ибо приложеніе или испытаніе были уже невозможны. Правило, на которомъ они основаны, состоитъ въ томъ, что имъ не должно давать портиться, а что испорченное поправлять уже трудно: вы видите, что это правило почти общее для всего, начиная съ воспитанія и т. д. и т. д. Поэтому дорогу устраиваю я съ перваго снѣга, былъ бы онъ хоть въ вершокъ глубины. Начала слѣдующія: снѣга отгребать не должно, ибо онъ составляетъ самый матеріалъ дороги (этимъ отвергается Шведскій треугольникъ). Все достоинство дороги зависитъ отъ уплотненія нижняго слоя (поэтому всякое замедленіе въ прокатываніи съ начала зимы уже невознаградимо); снѣгъ никогда не ложится ровно даже при погодѣ, почти совсѣмъ тихой (поэтому нужно разрыхлять его и равнять прежде уплотненія, это объясняетъ неудачу опытовъ съ катками). Вслѣдствіе этихъ правилъ, первымъ орудіемъ для зимнихъ дорогъ полагаю я борону, захватывающую всю ширину полосы, которую назначено обдѣлать. Эту ширину кладу я въ сажень. Борона идетъ отдѣльно или привязывается впереди указывающаго снаряда между нимъ и лошадьми. Снарядъ же весь состоитъ изъ саженнаго довольно тяжелаго катка садоваго, который придавливаетъ и сжимаетъ снѣгъ, разгрыхленный и уровненный бороною. Но такъ какъ при большихъ снѣжныхъ навалкахъ (за разъ слишкомъ на три вершка), катокъ заваливается въ снѣгу и уже катиться не можетъ, а идетъ въ упоръ и, наконецъ, останавливается отъ изнуренія лошадей, то для этихъ случаевъ сдѣланъ у меня утюгъ. Позади бороны прикрѣпляется снарядъ, составленный изъ трехъ паръ простыхъ самыхъ полозьевъ, связанныхъ между собою. Груда ихъ обивается лубкомъ до половины полозьевъ и сверхъ того листовымъ нетолстымъ желѣзомъ. Вся ширина утюга тоже сажень. На хвостъ накладывается тотъ же катокъ, и черезъ такое устройство получается наклонная плоскость, спереди легкая и тяжелая сзади, которая идетъ почти безъ сопротивленія, сжимая разровненный снѣгъ и приготовляя возможность катку дѣйствовать на другой день уже всею своею тяжестью. Если навалка продолжается нѣсколько дней, то утюгъ долженъ проходить по дорогѣ всякій день до конца ея. Одного прохода въ день достаточно; но за то ни одного дня пропускать не должно,

Digitized by Google

какая бы ни была погода: ухабецъ трехъ-дневный уже утрётъ и не разбивается бороною. Смотря по ширинѣ дороги, саженный снарядъ дѣлаетъ два, четыре или шесть концовъ, чтобы захватить ее всю. Добрая тройка (т. е. овсяная, хоть и не возная) легко справляется съ этой работою и проходитъ въ день отъ 36 до 42-хъ верстъ, т. е. 18 верстъ двухъ-саженной, 9 верстъ четырехъ-саженной или отъ 6 до 7-ми верстъ шести-саженной дороги. Дѣло, какъ видите, очень просто, а за полный успѣхъ я совершенно отвѣчаю.

Вотъ любезный братецъ, все, что я могу сказать объ этомъ дѣлѣ. У насъ же новаго довольно. Вышелъ Сборникъ и, кажется, имъ можно похвастаться. Довольно соченъ. Вышли записки С. Т. Аксакова объ охотѣ, и едва ли въ отношеніи языка было у насъ что нибудь подобное. Эта книга настольная для литератора. Что о себѣ сказать? Маша у меня выздоровѣла; дѣти здоровы, а я такъ глупъ, что безпрестанно спрашиваю у себя и готовъ спрашивать у всѣхъ: «неужели ея вправду нѣтъ?» Прощайте, будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

3.

(1854).

Объ васъ дурные слухи, любезный братецъ Александръ Михайловичъ: и не здоровы вы, и хандрите. Это слова не мои, а Дмитрія Николаевича Свербѣева. Должно быть, и хандрите-то вы отъ нездоровья. Такъ какъ наша любезная Наталья Алексѣевна *) сказала мнѣ главный симптомъ вашей болѣзни, то я присовѣтую вамъ и лѣкарство. Просто березовый уголь съ сахаромъ во 2-мъ гомеопатическомъ дѣленіи, которое вы сами и сдѣлаете, а принимать три дня сряду, и два дня перемежки. Перемежку увеличивать по мѣрѣ улучшенія въ здоровьѣ. Сдѣлайте это. А хандрить вамъ просто не приходится. Если вы ужъ будете хандрить, то кому же улыбаться и быть бодрымъ? Что же мнѣ-то дѣлать, который охотно и очень охотно, не торгуясь, отдалъ бы все, что имѣю теперь или впереди, за годъ одинъ того, что потерялъ? Мы живемъ въ тяжелое и испыты-

*) Супруга А. М. Языкова, урожд. Наумова.

Digitized by Google

вающее время. Дѣло большое на границѣ, дѣло большое дома. Вопросъ Бибиковской больше и важнѣе вопроса Царьградскаго. Двѣ партіи: одна хочетъ коснѣть въ прошлой мерзости, другая хочетъ ее поправить новою глупостью. Голоса добрыхъ и разумныхъ людей не слышать. Кому стыдно? Добрымъ и разумнымъ. Отзовитесь! Надобно куда слѣдуетъ направить отовсюду настоящую мятель протестовъ и противъ прошедшаго, и противъ новаго. Кто лучше васъ можетъ это сдѣлать изъ Симбирска? Вы желаете свободы для крестьянъ, но вы человѣкъ практическій, а не утопистъ. Разбирите инвентарь въ его нелѣпости и предложите хоть проектъ мѣстнаго разрѣшенія. Многіе уже за это берутся; между прочимъ и Д. Н. [1]), который впрочемъ объ этомъ секретничаетъ. Не выводите меня ему. Подбейте еще кого знаете въ Симбирскѣ, но не медлите. Я сегодня слышу, что по этому вопросу въ Петербургѣ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника. Тамъ очень будутъ рады доброму слову. Самъ я не пишу по причинамъ, весьма понятнымъ; но мысль моя и желаніе передадутся. Инвентарь доставятъ вамъ или Наталья Алексѣевна или Д. Н. Достать можно.

Я опять взялся за стихи. Прилагаю слѣдующіе, которыя имѣютъ успѣхъ и вамъ будутъ интересны [2]).

Я послалъ ихъ въ П-гъ. Какъ вы думаете, признаютъ ли ихъ патріотическими и меня патріотомъ своего отечества?

А вѣдь надобно было правду сказать. Прощайте любезный братецъ. Будьте здоровы и будьте бодры. Это нужно всѣмъ и каждому: всякій человѣкъ на это званъ и посланъ. Прощайте.

Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Свербеевъ.

[2]) Приложено стихотвореніе: „Тебя призвалъ на брань святую“.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

Александру Ивановичу

Кошелеву.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Достопамятный общественный дѣятель, агрономъ и финансистъ, ревнитель Русскаго просвѣщенія, Александръ Ивановичъ Кошелевъ род. 6 Мая 1806 года, скончался 12 Ноября 1883. Приводимъ (изъ „Русскаго Архива“ 1879 годъ, кн. III-й) собственныя его воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ. Изъ единомышленныхъ сверстниковъ Хомякова одинъ Кошелевъ пережилъ его. Это обстоятельство даетъ особенное значеніе его воспоминаніямъ, усугубляемое тѣсною дружбою ихъ соединявшею. *Изд.*

I.

Digitized by Google

Воспоминанія А. И. Кошелева о Хомяковѣ.

Первое мое знакомство съ А. С. Хомяковымъ было въ 1823 году, въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ. Короче другъ съ другомъ мы сошлись въ Петербургѣ, въ Мартѣ 1827 года, во время предсмертной болѣзни Дмитрія Веневитинова. Братъ Хомякова Ѳедоръ ухаживалъ за больнымъ, какъ нѣжнѣйшая мать или сестра; а насъ (своего брата Алексѣя и меня) онъ почти не впускалъ къ больному, находя, что мы очень неловки и только его тревожили своимъ уходомъ. Во время этихъ нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, въ третьей комнатѣ отъ больнаго, среди тревогъ и страховъ, мы много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о Христіанствѣ и о другихъ жизненныхъ вопросахъ, и вслѣдствіе того очень сблизились. Затѣмъ, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, съ 1827-го по 1831-й годъ, А. С. Хомяковъ часто живалъ тамъ, и тогда почти ежедневно мы видѣлись или у князя Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. Хомяковъ всегда былъ строгимъ и глубоковѣрующимъ Православнымъ Христіаниномъ, а я—заклятымъ Шеллингистомъ, и у насъ были споры безконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившагося самымъ комическимъ образомъ. Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома намъ напомнилъ, что уже поздно и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все-таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, отворяетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: Mein Gott und Herr, was ist denn dass? *). Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ.

Въ Петербургѣ, у князя Одоевскаго, мы часто встрѣчали профессора Велинскаго, графа М. Ю. Вielьгорскаго и другихъ умныхъ и ученыхъ людей. Въ нашихъ бесѣдахъ принималъ живое участіе пріѣхавшій изъ Москвы нашъ пріятель В. П. Титовъ. Вечера и обѣды у князя Одоевскаго все болѣе и болѣе скрѣпляли нашу дружбу и сильно содѣйствовали къ нашему умственному и нравственному развитію. У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова и другихъ; а изъ женщинъ особенно насъ очаровывала и красотою, и умомъ дѣвица Россетъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Н. М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи: „Иностранка“;

*) Боже мой, Господи, что же это такое?

Digitized by Google

но когда она ихъ узнала отъ П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и нѣкоторое время относилась къ Хомякову весьма холодно. Въ Карамзинской гостиной предметомъ разговоровъ были не философскіе предметы, но и не Петербургскія пустыя сплетни и росказни. Литературы, Русская и иностранныя, важныя событія у насъ и въ Европѣ, особенно дѣйствія тогдашнихъ великихъ государственныхъ людей Англіи Каннинга и Гускиссона, составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что въ тогдашней Петербургской душной атмосферѣ было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересные.

Такъ прожили мы до Іюня 1831 года, когда я, больной, отправился за-границу. Свидѣлся я опять съ Хомяковымъ въ Москвѣ, въ началѣ 1838 года. Съ этого времени мы зимою постоянно живали въ Москвѣ, очень часто видались, и у него, и у меня, и особенно у И. В. Кирѣевскаго. Послѣдній жилъ у Красныхъ воротъ съ своею матерью, А. П. Елагиною, которую мы всѣ горячо любили и глубоко уважали. Тутъ бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшіеся вечеромъ и кончавшіеся въ 3, 4, даже въ 5 и 6-мъ часу ночи или утра. Тутъ вырабатывалось и развивалось то направленіе Православно-Русское, котораго душою и главнымъ двигателемъ былъ Хомяковъ.

Многіе изъ насъ въ началѣ были ярыми Западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей Церкви надъ ученіями Католичества и Протестантства. Впослѣдствіи большинство изъ насъ перешло, по искреннему убѣжденію, къ этому направленію; но нѣкоторые изъ нашихъ пріятелей и собесѣдниковъ остались при своихъ съ Запада полученныхъ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ и прозвали насъ Славянофилами, хотя расположеніе и любовь къ Славянамъ никогда не составляли самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій.

Въ нашихъ бесѣдахъ читались разныя статьи, которыя, за строгостью и безсмысленностью цензуры, не могли быть переданы печати. Хотя вѣра и философія были преимущественными предметами этихъ бесѣдъ, однако часто возбуждались и политическіе вопросы, и въ особенности вопросъ о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей. Насчетъ способовъ и времени совершенія этой реформы были между нами разногласія: Кирѣевскіе, какъ Иванъ, такъ и Петръ, опасались радикальныхъ и спѣшныхъ по сему предмету мѣръ; а Хомяковъ и я мы крѣпко отстаивали полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи. Но всѣ мы были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода для крестьянъ была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ. Бытъ народа Русскаго и его воззрѣнія, какъ вѣроисповѣдныя, такъ и общественныя, были самою любимою темою нашихъ разговоровъ. На вечерахъ у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербеевыхъ и у насъ бывали Чаадаевъ, Герценъ, Грановскій и другіе сторонники противныхъ мнѣній. Явились туда также молодые люди: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Поповъ, Валуевъ, В. Елагинъ и другіе, которые не замедлили вполнѣ присоединиться къ Православно-Русскому

Digitized by Google

направленію и подчиниться благому вліянію Хомякова. Эти вечера много принесли пользы, какъ лицамъ въ нихъ участвовавшимъ, развивая и укрѣпляя ихъ убѣжденія, такъ и самому дѣлу, т. е. выработкѣ тѣхъ двухъ направленій, такъ-называемыхъ Славянофильскаго и Западнаго, которыя ярко выказались въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Такъ протекли многіе годы, и только война съ Турціею, въ союзѣ почти со всею Европою, своими тяжкими ударами нѣсколько измѣнила характеръ этихъ бесѣдъ. Уже не Церковь съ своими догматами и учрежденіями, не философія Нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями, занимали насъ преимущественно. Грозныя событія 1854 и 1855 годовъ приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, ею вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять и подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе. Вскорѣ начавшееся новое царствованіе подало намъ надежды на лучшее будущее. Утомленные гнетомъ только окончившагося тридцатилѣтняго царствованія, мы радостно собрались у меня вечеромъ въ самый день присяги Государю, весело выпили за его здоровье и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ, и Русскій человѣкъ могъ ожить умомъ и духомъ.

Вскорѣ послѣ того мы задумали издавать журналъ, но препятствій къ тому оказалось много. Въ сотрудникахъ, и весьма даровитыхъ, у насъ не было недостатка; но многіе изъ нихъ, Хомяковъ, И. Киреевскій, К. Аксаковъ и нѣкоторые другіе были подъ цензурною опалою, т. е. всѣ ихъ статьи должны были цензуроваться не въ Москвѣ, а исключительно въ Петербургѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе статей, ими представленныхъ къ напечатанію во 2-й книгѣ Московскаго Сборника. Я былъ нѣсколько разъ у попечителя университета В. И. Назимова, ѣздилъ въ Петербургъ къ А. С. Норову, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія (въ то время цензура еще не была передана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ); отправлялся туда и Хомяковъ. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и разнаго рода разъясненій, особенно при горячемъ содѣйствіи В. И. Назимова, я получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ именемъ „Русская Бесѣда“. Съ особеннымъ жаромъ посвятилъ себя этому изданію А. С. Хомяковъ и вѣрно исполнилъ данное имъ мнѣ слово: не отказываться ни отъ какой работы, которую я, какъ издатель и редакторъ, на него наложу. Въ Бесѣдѣ онъ напечаталъ много стихотвореній и статей; послѣднія появлялись то съ подписью его имени, то отъ имени Бесѣды. Онѣ всѣ вошли въ I-й томъ полнаго собранія его сочиненій, напечатаннаго въ Москвѣ. Къ удовлетворительному ходу Русской Бесѣды особенно много содѣйствовалъ Хомяковъ не только помѣщеніемъ въ ней своихъ сочиненій, но и тѣмъ, что онъ умиротворялъ возникавшія въ средѣ ея сотрудниковъ разногласія. Всѣхъ требовательнѣе и настойчивѣе былъ К. Аксаковъ, и тутъ мнѣ не разъ случалось обращаться къ Хомякову, для укрощенія порывовъ его исключительности. Впрочемъ, дѣло шло у насъ ладно, и въ теченіи пяти лѣтъ не было напечатано въ Русской Бесѣдѣ ни одной статьи, которая бы возбудила неудовольствіе кого-либо изъ сотрудниковъ.

Digitized by Google

Не могу не упомянуть объ одномъ случаѣ, бывшемъ при изданіи Бесѣды и окончившемся особенно счастливо, по милости Хомякова. Напечатана была въ 1858 году статья „Возрожденіе Болгаръ", гдѣ Греко-Фанаріоты выставлены были въ настоящемъ ихъ видѣ, и гдѣ обстоятельно описывалось угнетеніе Болгаръ Цареградскимъ патріархатомъ. Эта статья, пропущенная цензурою, вызвала замѣчанія тогдашняго об.-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича Толстаго, и въ Цензурномъ Комитетѣ получена была бумага, которою требовалось отъ редакціи Русской Бесѣды разъясненія и дѣлались ей разныя внушенія. Я тотчасъ же отправилъ эту бумагу въ копіи по эстафетѣ въ деревню къ Хомякову, который черезъ два дня доставилъ мнѣ великолѣпный отвѣтъ на всѣ предъявленныя мнѣ замѣчанія и внушенія. Я велѣлъ этотъ отвѣтъ переписать, подписалъ и отправилъ его въ Цензурный Комитетъ. Отвѣтъ былъ таковъ, что уже болѣе мы не получали никакихъ замѣчаній и внушеній, хотя и продолжали писать и печатать статьи въ томъ же смыслѣ. Прилагаю ниже этотъ отвѣтъ [1]):

Опубликованіе Высочайшаго рескрипта на имя Виленскаго генералъ-губернатора несказанно обрадовало Хомякова, и онъ всею душею предался разъясненію въ бесѣдахъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Онъ слѣдилъ съ самымъ живымъ участіемъ за ходомъ этаго дѣла, какъ въ Губернскихъ Комитетахъ, такъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ. Онъ вообще не одобрялъ дѣйствій ни тѣхъ, ни другихъ, находя, что первые руководствовались узкими сословными интересами, а вторые не обращали надлежащаго вниманія на требованія въ этомъ дѣлѣ народнаго духа и быта. Онъ особенно не одобрялъ предположеній, касавшихся переходнаго девятилѣтняго положенія для крестьянъ, устройства волостнаго суда и управленія, и тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, подкапывали Русскую общину. Это свое неодобреніе переходнаго состоянія и свои мысли на счетъ выкупа онъ ясно и рѣзко высказалъ въ письмѣ къ І. Я. Ростовцову. Въ этомъ письмѣ, коего черновой подлинникъ сохранился въ бумагахъ покойнаго, онъ пространно и обстоятельно доказывалъ несостоятельность девятилѣтняго переходнаго положенія и необходимость одновременнаго обязательнаго выкупа [2]). Самъ онъ не дожилъ до окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Онъ скончался отъ холеры 23 Сентября 1860 года, въ своей деревнѣ, въ с. Ивановскомъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Имѣвъ счастіе много лѣтъ пользоваться дружбою А. С. Хомякова и быть съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, я могу сказать, что въ моей жизни мнѣ не случилось встрѣтить человѣка болѣе постояннаго въ своихъ

---

[1]) Онъ напечатанъ въ III-мъ томѣ настоящаго изданія сочиненій А. С. Хомякова, стр. 455. *Изд.*

[2]) Письмо къ графу Ростовцову о способѣ увольненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщено въ III-мъ томѣ настоящаго изданія, стр. 291 и слѣд. Оно написано въ этомъ 1859 г. по просьбѣ графа Блудова, и до такой степени замѣчательно, что графъ І. Я. Ростовцевъ, какъ мы слышали отъ лицъ къ нему близкихъ, выражалъ намѣреніе пригласить Хомякова къ участію въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій; но приглашеніе это почему-то не состоялось. *Изд.*

Digitized by Google

убѣжденіяхъ и въ сношеніяхъ съ людьми. Я зналъ Хомякова 37 лѣтъ, и основныя его убѣжденія 1823 года остались тѣже и въ 1860 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя было упрекать его въ косности. Напротивъ, онъ постоянно шелъ впередъ въ развитіи своихъ мыслей, тщательно всматривался въ событія и сопровождавшія ихъ обстоятельства, угадывалъ очень удачно ихъ внутренній смыслъ и соображалъ свои мнѣнія съ ихъ требованіями. Многіе упрекали его въ любви къ софизмамъ и спорамъ и увѣряли, что онъ противорѣчилъ часто самъ себѣ, защищая сегодня то, что онъ опровергалъ наканунѣ. Такой упрекъ показываетъ лишь одно, что люди, позволявшіе его себѣ, не вникали въ глубокій смыслъ его словъ. Дѣйствительно, онъ иногда какъ будто противорѣчилъ себѣ: такъ, въ бесѣдѣ съ иными людьми, онъ словно отдѣлялся отъ Православной Церкви, нападая на нѣкоторые ея обряды, на ея служителей и на подчиненное ея положеніе гражданской власти, и дозволялъ себѣ все это даже осмѣивать; въ бесѣдѣ же съ другими лицами, онъ крѣпко отстаивалъ необходимость соблюденія церковныхъ обрядовъ и строго порицалъ тѣхъ, которые самовольно, или изъ пренебреженія, или изъ личной гордости, позволяли себѣ становиться выше Церкви и не исполнять ея установленій. Въ такихъ его рѣчахъ было только видимое, а вовсе не дѣйствительное противорѣчіе. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, какъ въ Церкви, такъ и въ человѣкѣ. Когда онъ видѣлъ передъ собою людей, для которыхъ обрядность составляла суть Церкви, то считалъ долгомъ разить эту обрядность; когда же, напротивъ того, онъ встрѣчалъ людей, которые, соглашаясь съ главными догматами Церкви, съ ея идеальною стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповѣдниковъ, то онъ защищалъ обряды, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы, какъ люди, должны имѣть и опредѣленныя, осязательныя формы для выраженія нашихъ чувствъ и убѣжденій, что мы обязаны дорожить связью съ народомъ, отнюдь себя изъ него не исключать и быть съ нимъ въ возможно-полномъ единствѣ. Онъ былъ душою преданъ свободѣ, всегда имѣлъ ее въ виду и крѣпко за нее ратовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самодержавіе. Многимъ казались такія его рѣчи софизмами; а между тѣмъ тутъ, въ его понятіяхъ, не было ничего противорѣчащаго. Хомяковъ пуще всего ненавидѣлъ ложь, а именно такою представлялась ему всякая Западно-Европейская конституція, переложенная на нашу почву. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что система противувѣсовъ (système des contre-poids), господствующая на Западѣ, была произведеніемъ ложнаго, внѣшними обстоятельствами обусловленнаго развитія тамошняго просвѣщенія и тамошней жизни; что она совершенно неприменима къ Россіи; что у насъ должна быть иная, болѣе полная, болѣе человѣчная свобода, и иная, болѣе сильная, болѣе дѣйствительная власть; и что мы сумѣемъ согласовать самодержавіе съ широкою гласностью и со всенароднымъ представительствомъ. Онъ могъ ошибаться, но никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не позволялъ себѣ говорить противъ своихъ убѣжденій, а убѣжденія его были такъ тверды и постоянны, какъ едва ли въ комъ-либо изъ Русскихъ. Случалось мнѣ его упрекать въ томъ, что онъ излагалъ свои мнѣнія въ видѣ софизмовъ, и я получалъ отъ него въ отвѣтъ: „Наше общество такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безмыслія“.

Digitized by Google

Во все продолженіе нашей дружбы, т. е. слишкомъ тридцати лѣтъ, ни разу Хомяковъ на меня не сердился, и никогда, ни на одинъ день, не было между нами холодности. Случалось мнѣ на него сердиться и даже его бранить, но своею дѣтскою кротостью онъ тотчасъ меня обезоруживалъ, и никогда мы съ нимъ не расходились съ дурнымъ чувствомъ другъ противъ друга. Какъ онъ способенъ былъ сильно любить, такъ и сильно ненавидѣть; но онъ ненавидѣлъ не людей, даже не представителей какихъ-либо мнѣній, а развратниковъ и существа бездушныя, употреблявшія насиліе къ достиженію своихъ цѣлей. Пуще всего онъ ненавидѣлъ насиліе, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось. Благотворенія, путемъ насилія, возбуждали особенное его негодованіе, и онъ безпощадно разилъ либераловъ, которые желали быть благодѣтелями народа, вопреки его желаніямъ. Онъ былъ не скоръ на осужденія, старался переноситься въ положеніе тѣхъ, кого въ чемъ-либо обвиняли, и позволялъ себѣ порицаніе, даже жестокое, но не иначе, какъ по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по оцѣнкѣ тѣхъ побужденій, которыми обвиняемый могъ руководствоваться. Вообще же онъ былъ чрезвычайно благодушенъ къ людямъ, и только въ крайнемъ случаѣ онъ позволялъ себѣ показывать къ человѣку неуваженіе. Особенно кротокъ онъ былъ къ людямъ глупымъ и увѣрялъ, что онъ еще въ жизни не встрѣчалъ ни одного дурака, и что въ глупѣйшемъ человѣкѣ есть сторона, въ которой онъ уменъ.

Простота его обхожденія была очаровательна. Онъ себя цѣнилъ очень невысоко, даже чересъ-чуръ невысоко, никогда и никому не давалъ почувствовать свое надъ нимъ превосходство и ко всѣмъ относился какъ къ существамъ, вполнѣ ему равнымъ.

Хомяковъ интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ, или въ которомъ бы онъ не принималъ участія. Помню, однажды отправились мы на вечеръ къ Свербеевымъ, куда насъ пригласили для бесѣды съ однимъ Русскимъ, возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. Шутя, я говорю ему; „Ну, другъ Хомяковъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать“. Въ началѣ вечера, дѣйствительно, Хомяковъ долго слушалъ этаго заѣзжаго Русскаго, распрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику почти приходилось обратить оглобли и ѣхать откуда пріѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ.

Память и способность скорочтенія были въ Хомяковѣ изумительныя. Помню однажды, въ спорѣ богословскомъ съ И. Киреевскимъ, онъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ однаго св. отца, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой Лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Киреевскій усумнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: „Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя повѣрить“. Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на этой страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находится сдѣланный имъ цитатъ. По учиненной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. (Это было рѣдкое изданіе твореній Св. Кирилла Іерусалимскаго). Однажды онъ увидѣлъ у меня на столѣ три-четыре книги, только-что купленныя, и взялъ ихъ у меня на одну

Digitized by Google

ночь. На слѣдующее утро книги были мнѣ возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, я ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочтеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Хомяковъ сочинялъ свои статьи не скоро: онъ долго ихъ обдумывалъ и обработывалъ въ головѣ; но когда онъ начиналъ ихъ писать, то онѣ выливались у него на бумагу быстро, и онъ мало ихъ исправлялъ. Стихотворенія свои онъ почти никогда самъ не передавалъ бумагѣ: по большей части ихъ записывали тѣ, кому онъ ихъ сообщалъ. Когда случалось упрекать Хомякова въ томъ, что онъ слишкомъ мало пишетъ и слишкомъ много говоритъ, то онъ отвѣчалъ: „Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя корениствѣе словъ писанныхъ и читанныхъ“.

Обряды церковные, и въ особенности посты, онъ соблюдалъ строго, никогда при томъ не осуждая тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи дѣйствовали иначе. Даже въ Парижѣ, гдѣ въ первый разъ онъ былъ въ ранней молодости, онъ сумѣлъ во весь Великій Постъ ни разу не оскоромиться. Онъ говорилъ, что содержитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что не считаетъ себя вправѣ становиться выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ. Въ церковь онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ. Для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ-либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо. Когда онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ Христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской. И жизнь его подкрѣпляла силу его словъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о рѣдкой способности Хомякова привлекать къ себѣ и привязывать и стариковъ, и сверстниковъ своихъ, и молодежь. Онъ становился средоточіемъ вездѣ, гдѣ находился, и въ Москвѣ, и въ каждой гостиной, куда онъ пріѣзжалъ. Этимъ онъ былъ обязанъ, конечно, своему обширному, глубокому и своеобразному уму, и своей всегда живой и завлекательной рѣчи, но еще болѣе кротости и безобидности своей бесѣды. Молодежь, особенно *свирѣпая*, какъ онъ ее называлъ, расположенная къ тому, что̀ впослѣдствіи названо было нигилизмомъ, была предметомъ его особенной заботливости. Онъ любилъ бесѣдовать съ этими юношами, которые были къ нему чрезвычайно хорошо расположены, и онъ на нихъ дѣйствовалъ благодѣтельнѣе всякихъ проповѣдей и другихъ внушеній.

Да! Жизнь этого человѣка была постояннымъ подвигомъ на благо ближняго, подвигомъ, который достойно оцѣнится развѣ потомствомъ.

28 Февраля
1873.

А. Кошелевъ.

Digitized by Google

Съ грустью передаю печати нѣсколько уцѣлѣвшихъ у меня писемъ А. С. Хомякова. Самыми интересными для посторонняхъ читателей были бы тѣ, которыя онъ писалъ ко мнѣ въ то время, когда мы были еще различныхъ мнѣній и когда я только переходилъ отъ прежнихъ своихъ убѣжденій къ нынѣшнимъ и нуждался въ его разъясненіяхъ и указаніяхъ. Эти письма послѣднихъ сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годовъ были чрезвычайно хороши и интересны, и сообщались мною пріятелямъ, которые ихъ читали, даже переписывали, и по большей части зачитывали. Къ сожалѣнію, изъ этихъ писемъ сохранилось у меня только два, изъ которыхъ одно самое важное, даже безъ начала. Интересны также письма, предшествовавшія изданію Русской Бесѣды, а равно и тѣ, которыя писаны были ко мнѣ Хомяковымъ во время выхода въ свѣтъ книгъ этого журнала. Читатель съ удовольствіемъ познакомится и съ мыслями А. С. Хомякова насчетъ трудовъ Редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому дѣлу. Всѣ эти письма, имѣющія общее значеніе, мы рѣшаемся передать печати; думаемъ, что многіе скажутъ намъ за это спасибо. Остаются письма дружескія, безцѣнныя для меня, но не интересныя для публики. Ихъ мы считаемъ не подлежащими опубликованію. Желательно, чтобы другія, бывшія въ сношеніяхъ съ А. С. Хомяковымъ лица, послѣдовали моему примѣру, сообщили свои воспоминанія объ этомъ замѣчательнѣйшемъ человѣкѣ нашего времени и передали печати уцѣлѣвшія у нихъ его письма.

Digitized by Google

Письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву.

1.

Третьяго дня получилъ я отъ тебя письмо, любезный Кошелевъ, и ты пишешь, что прежде этого писалъ ко мнѣ два раза; одно письмо я получилъ, а другого нѣтъ. Это съ Тульской почтой случается. На письмо же твое не отвѣчалъ потому, что самъ тогда собирался въ Москву; однако вотъ и до сей поры не собрался. Преглупая это штука вѣтренная оспа: тянется, тянется безъ конца; особенно подсыхаетъ очень медленно. За всѣмъ тѣмъ, если Богъ дастъ, дня черезъ четыре надѣюсь подняться съ мѣста и явиться къ вамъ. Давно уже хочется мнѣ къ вамъ перебраться въ бѣлокаменную, впрочемъ не ради бѣлокаменной, а ради васъ. Жизнь же Московская, думаю, немного чѣмъ живѣе деревенской; самъ Аксаковъ въ этомъ согласится, не смотря на свое поклоненіе Москвѣ. Его письма наполнены восторгомъ по случаю древней сельской жизни въ Россіи. Очевидно онъ принимаетъ за дѣйствительно бывшее многое, что существовало только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Иначе представился бы случай единственный въ мірѣ: золотой вѣкъ, о которомъ никто не помнитъ черезъ 150 лѣтъ, не смотря на крайнюю желѣзность послѣдовавшаго. Если онъ въ Москвѣ, сообщи ему это замѣчаніе. Прощай, любезный другъ. Скажи Ольгѣ Ѳедоровнѣ *) мой низкій поклонъ; дай вамъ Богъ счастливаго и радостнаго новаго года. Твой А. Хомяковъ.

---

*) Супруга А. И. Кошелева, урожд. Нетрово-Соловово.

Digitized by Google

2 *).

Есть свѣтлые дни въ Церкви современной. Хорошо дѣлаютъ тѣ, которые радуются ихъ свѣту; но путеводнымъ свѣтиломъ избирать не должно никого, а слова и смыслъ дѣлъ каждаго повѣрять собственнымъ судомъ. Святой не безъ ошибки и не безъ грѣха. Въ немъ это небольшая тѣнь; а того и смотри, я, не имѣя его святости, приму именно его ошибку или грѣхъ, и во мнѣ родится великое заблужденіе или сильный порокъ. Аксаковъ К. С. прекрасно сказалъ про легенду объ Исакіи Печерскомъ: «Онъ тѣмъ былъ виноватъ, что повѣрилъ образу Христа, не свѣривъ его словъ съ ученіемъ Христа». Изучать можно живаго, какъ и мертваго: проникаться его духомъ и теплотою его любви, если мы чувствуемъ въ немъ духъ благодати и любви; но *вѣрить* не должно никому. Какъ же быть Православнымъ? То, что̀ вся Церковь высказала, тому вѣровать безусловно; знать, что все, что̀ она когда нибудь выскажетъ, будетъ безусловно истинно; но что̀ она еще не высказала, того за нее не высказывать авторитативно, а стараться самому уразумѣть, со смиреніемъ и искренностью, не признавая впрочемъ надъ собою ничьего суда, покуда Церковь своего суда не изрекла. Скажи, не просто ли и не удовлетворительно ли это?

Но ты спрашиваешь еще: «Столько вѣковъ прошло со времени соборовъ; неужели Церковь онѣмѣла? А такъ кажется, если заключить все Православіе въ Востокѣ». Прими въ соображеніе ея бурную жизнь, т. е. тѣхъ обществъ, которыя ее составляли, необходимость борьбы внутри, мученичество многовѣковое Православныхъ народовъ, покоренныхъ иновѣрцами. Развѣ этотъ внутренній подвигъ самоохраненія можно назвать нѣмотою? Но прибавь еще завоеваніе во Христа всего Сѣвера, а теперь прибавь неожиданное и свѣтлое пробужденіе лучшаго сознанія на Востокѣ, которому мы были свидѣтелями (я говорю о патріаршемъ опредѣленіи, не уступающемъ по важности

*) Начало этого письма утратилось. Оно писано въ 1854 году.

Digitized by Google

соборнымъ). Этаго развѣ мало? *) Впрочемъ все церковное слово вызывается только необходимостью остановить заблужденіе въ самой Церкви. Такой необходимости не было, и все церковное слово молчало. Въ наше время явился было въ силѣ полу-Римскій іерархизмъ, и вотъ церковное слово сокрушило его навсегда, за что истинно и душевно благодарю Бога: ибо я опасность видѣлъ давно и не смѣлъ надѣяться на отпоръ, не видя, откуда ему быть.

Лучше выразиться и болѣе Христіанское понятіе имѣть о Церкви нельзя, чѣмъ ты выразился въ концѣ перваго письма своего: «Церковь не Академія; она обхватываетъ всего внутренняго человѣка и стремится все тайное въ немъ проявить въ мірѣ для Божіей славы. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, но дѣло—т. е. крестное исповѣданіе Христа».

Объ словѣ чувство нужна бы, можетъ быть, оговорка; но мысль ясна совершенно, и потому я не затѣваю спора, который былъ бы безполезенъ, и вполнѣ соглашаюсь или, лучше сказать, благодарю. Но на этомъ весьма справедливомъ и святомъ основаніи ты возводишь (позволь сказать) зданіе сомнѣній несправедливыхъ на счетъ права Церкви Восточной считать себя единственно Православною. Что, если бы въ третьемъ, виноватъ, въ четвертомъ вѣкѣ, человѣкъ, побывавъ въ Китаѣ, не нашелъ бы въ Римскомъ мірѣ многаго добраго, которое онъ видѣлъ у Конфуціанистовъ; или, въ VIII-мъ, нашелъ у Мусульманъ множество прекрасныхъ учрежденій и явленій общественныхъ, которыхъ не было у Христіанъ (а это дѣйствительно было), что тогда? Отказалъ ли бы Христіанскому міру въ правѣ называться единственно Христіанскимъ? Нѣтъ. Не тоже ли и тутъ? Едва ли ты меня оподозришь въ пристрастіи къ достоинству частной или общественной нравственности въ мірѣ Востока, и я совершенно готовъ допустить и допу-

*) Здѣсь Хомяковъ разумѣетъ: „Окружное посланіе единой святой, соборной и апостольской Церкви ко всѣмъ Православнымъ Христіанамъ", изданное Св. Синодомъ въ переводѣ съ Греческаго, Спб. въ 1850 году. Это посланіе служитъ отвѣтомъ на окружное посланіе Пія IX отъ 6 Января 1848 г. и содержитъ въ себѣ предостереженіе противъ притязаній Римскаго папства.

Digitized by Google

скаю во многомъ огромное превосходство Запада, особенно Протестантскаго, надъ нами; но ты видишь, что приведенные мною примѣры совершенно параллельны, и если бы ты былъ правъ теперь, то былъ бы неправъ, отказывая въ Христіанствѣ Китайцамъ въ IV-мъ и Аравитянамъ въ VIII-мъ вѣкѣ. Что Магометане содѣйствовали многому доброму на Западѣ, нѣтъ сомнѣнія; что тому же содѣйствовали язычники-Римляне, язычники-Германцы наслѣдствомъ своихъ законовъ и обычаевъ, также нѣтъ сомнѣнія; но что же изъ этого? Получаютъ ли они право на соперничество съ Христіанами въ Христіанствѣ самомъ? Равноправны ли они съ ними исторически? Нѣтъ. И мы получимъ многое и прекрасное отъ Римско-протестантскаго міра; но изъ этаго не истекаетъ для него ни равноправства, ни даже права на соперничество. Правда, ты скажешь, какъ и сказалъ въ письмѣ, что «къ осуществленію Царства Божіяго многое содѣйствуетъ посредственно и безъ сознанія, но что разницу составляетъ исповѣданіе Христа душою, словомъ и дѣломъ». Поэтому Аравитяне, Китайцы и язычники не были Христіанами, хотя содѣйствовали къ улучшенію Христіанъ. Поэтому же самому неправо исповѣдающіе, хотя отчасти и исповѣдающіе Христа, не могутъ вполнѣ назваться Христіанами, т. е. Православными, хотя они Православныхъ учатъ добру. Временное превосходство нравственное міра Мусульманскаго ничего не доказывало противъ исключительнаго Христіанства Европы. Временное превосходство Запада ничего не доказываетъ противъ исключительнаго Православія Православныхъ народовъ.

Трудно грубой природѣ человѣческой возвыситься до образца Богочеловѣкомъ даннаго; болѣе еще трудно его понять; болѣе еще трудно свое пониманіе сколько нибудь освободить отъ данныхъ міра историческаго, постоянно его затемняющихъ. Поэтому міръ церковный, т. е. тотъ историческій міръ, въ который облечена Церковь, можетъ и казаться и быть долго не только не совершеннымъ, но и вполнѣ дряннымъ, не смотря на совершенство заключаемой въ немъ святыни. Всѣ начала нравственныя и духовныя могутъ быть вѣрными (хотя и это для человѣка отдѣльнаго уже невозможно), а проявленія могутъ всѣ быть ложными отъ ложнаго пониманія факта, т. е.

Digitized by Google

данной, въ которой начало должно проявиться. Это очень разительно въ исторіи Св. Амвросія и Ѳеодосія Великаго по случаю бунта въ Салоникѣ. Оба путали страшнымъ образомъ, а оба дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ Христіанскихъ началъ; и изъ этого вышло съ одной стороны великое преступленіе, съ другой поступокъ противузаконный въ смыслѣ церковномъ. Церковь видитъ мерзости и не протестуетъ просто потому, что ей не дано пониманія факта; она можетъ учить началу и не можетъ учить приложенію, и поэтому болѣе совершенное проявленіе добраго начала можетъ встрѣтиться въ религіи менѣе совершенной вслѣдствіе лучшаго пониманія факта.

«Дѣло всего человѣчества было бы уже кончено», говоришь ты, «если бы явилась на землѣ вполнѣ Православная Церковь, и поэтому притязаніе какой бы ни было церкви на это названіе должно отвергнуть и допустить только возможность помѣстнаго проявленія началъ Христіанскихъ въ разныхъ церквахъ и будущее ихъ примиреніе или взаимное пополненіе». Я готовъ съ тобою согласиться и соглашаюсь въ первомъ положеніи; но остальное совершенно произвольно: ибо Церковь, будучи облечена въ видимое и, такъ сказать, матеріальное тѣло народовъ признающихъ ее, еще не проявлена, покуда не подчинитъ себѣ всей своей оболочки; а до этого еще очень далеко. Она живое начало и, въ духовномъ смыслѣ и общеніи, она даже живое тѣло; но только въ духовномъ смыслѣ. Фактическихъ же явленій жизни земной она не подчинила себѣ, а такое подчиненіе нужно для истиннаго проявленія. Поэтому нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ней дробленіе на разныя части; ибо если они всѣ содержатъ въ себѣ *начала* неполныя, Церковь была бы уже не органическое тѣло, а аггрегатъ взаимно несогласныхъ тѣлъ: если бы хоть одна часть содержала въ себѣ полное начало, она одна и была бы Церковью.

Ни одинъ народъ, какая бы ни была его религія, не лишенъ совершенно добрыхъ началъ; но они восходятъ по лѣстницѣ къ большему и большему разумѣнію истины и къ большей возможности ея жизненныхъ проявленій. Язычникамъ доступна правда, какъ говоритъ св. Апостолъ; о Самаритянахъ же какъ свидѣтель-

Digitized by Google

ствуетъ Спаситель? «Вы поклоняетесь Богу, котораго не знаете; мы же (т. е. Іудеи) поклоняемся Богу, котораго знаемъ». Замѣть, не другому, а только болѣе познаваемому. Если таково отношеніе религій весьма низкихъ къ весьма высокимъ и даже къ высшей, то и подавно таково отношеніе отщепенцевъ Православія, т. е. Католиковъ и Протестантовъ, къ Православію. Поэтому, не смотря на страшную примѣсь лжи, въ нихъ можетъ безпрестанно, и въ частной, и въ общественной жизни, проявляться чисто-Православное, ими самими не вполнѣ сознаваемое начало. Разумѣется, все-таки полнѣйшее возможно только Православію совершенному; но оно возможно при свободномъ пониманіи жизненныхъ фактовъ, а это зависитъ во многихъ отношеніяхъ отъ историческаго развитія народовъ, въ которомъ Православные могутъ весьма долго уступать не-Православнымъ.

Я сказалъ, что Западныя ученія, т. е. церкви, безусловно ложны; но, кажется, ты моимъ словамъ далъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе, ибо спрашиваешь, какъ столько прекраснаго и добраго могло бы возникнуть изъ безусловной лжи? Безусловно-ложное ученіе значитъ по моему система ложная въ ея общемъ объемѣ и строѣ, а не такая система вѣрованія, въ которой всѣ части ложны. Магометанство, признавая единство Божіе, уже не ложно въ этомъ смыслѣ; но въ тоже время ученіе, наиближайшее къ истинѣ, уже безусловно ложно въ своемъ общемъ объемѣ, если оно допускаетъ хотя малѣйшую ложь на правахъ истины. Поэтому я и говорю, что всѣ общины Христіанскія должны къ намъ прійти съ смиреннымъ покаяніемъ, не какъ равныя къ равнымъ, а какъ владѣльцы частныхъ истинъ, которыхъ они ни связать между собою, ни вполнѣ за собою утвердить не могутъ; должны прійти къ тѣмъ, которые, будучи свободны отъ лжи, могутъ имъ доставить полную гармонію и безстрастное владѣніе тѣми истинами, которыя теперь отъ нихъ безпрестанно ускользаютъ и, не будь насъ, отъ нихъ бы непремѣнно ускользнули. Православіе не есть спасеніе человѣка, но спасеніе человѣчества.

Не даромъ, говоришь ты, допущено Богомъ отдѣленіе Запада отъ Востока, и ты совершенно правъ по моему убѣжде-

Digitized by Google

нію, хотя Кирѣевскій этаго не допускаетъ. Католицизмъ и Протестантство своими односторонними взглядами и взаимною ихъ борьбою послужили, по волѣ Провидѣнія, къ уясненію общей гармоніи нами дѣтски сохраненной. Я даже на этотъ счетъ говорилъ Кирѣевскому слѣдующую притчу. Учитель, уходя, сказалъ тремъ ученикамъ: «помните, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ». Старшій остался при этомъ; второй чрезъ нѣсколько времени разными ложными доказательствами увѣрилъ себя, что они болѣе двухъ прямыхъ; меньшой также ложными доводами увѣрилъ себя, что они меньше. Старшій все повторялъ добродушно слово учителя: «равны». Меньшіе спорили и взаимно опровергали другъ друга, уличая и доводя другъ друга до нелѣпости. Тогда старшій, вслушавшись, уличилъ обоихъ, доказавъ имъ съ помощію ихъ же доводовъ, что они ошибались и что правъ былъ только учитель. Пришелъ и учитель самъ ни на кого не гнѣвный и сказалъ меньшимъ: «благодарите старшаго, безъ него вы не сохранили бы переданной мною истины»; а старшему: «благодари меньшихъ, безъ нихъ ты не уразумѣлъ бы переданной мною истины». А все таки, разумѣется, старшій болѣе сдѣлалъ, и меньшіе къ нему же возвратились.

Что прибавлю еще? А вотъ что. Не чувствуешь ли ты, что самый нашъ полуспоръ (ибо споромъ назвать его нельзя) возможенъ только у насъ. А развѣ въ немъ нѣтъ важности? Нѣтъ ручательства за будущее? Мы и мы одни Православны, но увы, когда-то сумѣемъ мы быть Православными и понять свою собственную жизнь!

Вотъ, любезный другъ, отвѣтъ на твое письмо, долго замедленный; удовлетворительный ли и во сколько удовлетворительный, самъ суди. А все время у меня расположилось не по моимъ расчетамъ и желаніямъ. Два раза ѣздилъ въ Донковъ, два раза ѣхалъ оттуда къ тебѣ, да ни разу не удалось поѣхать вправду. Матушка у меня все больна ревматизмомъ въ спинѣ (подозрѣваю нѣчто въ родѣ удара), отпустить меня, да и торопить возвратомъ; а къ несчастію въ обѣ мои поѣздки, особенно послѣднюю, дороги сильно разгрязнились, и поэтому для пути въ Сапожокъ потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ въ

Digitized by Google

сухую погоду, а времени у меня было не то, что въ обрѣзъ, а еще меньше. Такъ я у тебя и не былъ, а какъ хотѣлось! Мнѣ давно, давно хочется побывать въ Песочномъ [1]), взглянуть и на Песочное, и на тебя въ немъ; да вотъ въ руки не дается. Разумѣется, по твоему назначенію, въ Лебедяни буду къ сроку; но къ Черкасскому писать куда, не знаю. Поэтому не пеняй, что не пишу. Ты расхозяйничался, я тоже, и между прочимъ къ будущему году долженъ разжиться машинами сѣяльными (думаю Гренвицкаго), да конною сѣноткрускою и загребальною, которыя ты привезъ изъ Англіи. Въ Смоленскѣ у меня съ будущаго года все хозяйство наймомъ; тутъ машины особенно нужны, онѣ составляютъ чистую экономію. Похвалишь ли сѣноткрускy и загребальницу? Ихъ, кажется, всѣ одобряютъ. У меня всѣ луга сѣяные, и, слѣдовательно, удобны для машинъ. А меня совершенно заѣдаетъ мой сахарный заводъ: все заманиваетъ на новыя выдумки, которыхъ успѣхъ plus quam сомнителенъ. Всю вымочку устроилъ я на новый ладъ, но дѣйстопительно изобрѣлъ я великолѣпную цѣдилку, процѣживающую нажимомъ: ее навѣрное примутъ всѣ сахоровары, ибо она и въ сравненіе не идетъ съ прежними. А теперь новый червякъ засѣлъ мнѣ въ голову: дефекація [2]) безъ огня. Вожусь съ нею теперь уже цѣлый мѣсяцъ; плохо ладится, да затѣя-то сильно заманчива. Если бы она удалась, вѣдь былъ бы переворотъ въ сахаровареньи, и какъ на смѣхъ, иногда опытъ выходитъ совершенно удовлетворителенъ, а повторишь его, кажется точь въ точь — не выходитъ ничего. Ужасно досадно!

Газетъ я почти не смотрю. Что въ нихъ? Разъ прочелъ, что мы, выступая изъ Валахіи и Югозападной Молдавіи, оставили своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіе Турокъ, и довольно съ меня. Чего же лучше? Послѣ этого что еще читать? Ты замѣтилъ ли это? Оно сказано въ прокламаціи Селима-паши и у насъ перепечатано безъ примѣчаній. Теперь слухъ идетъ о пораженіи Англичанъ на берегу Крыма, да плохо вѣрю:

---

[1]) Имѣніе А. И. Кошелева, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

[2]) Дефекаціею называется въ химіи очищеніе влаги отъ посторонніхъ примѣсей.

Digitized by Google

столько идетъ пустыхъ слуховъ, что скучно ихъ и слушать. Впрочемъ они распространяются не безъ расчета: по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Прощай, любезный Кошелевъ. До свиданія въ Лебедяни. Надѣюсь къ тому времени кончить мою Французскую статью и прочесть ее тебѣ. Потолкуемъ; жаль только, что Самарина нѣтъ. Письмо это я кончилъ въ Боучаровѣ, начавъ въ Ивановскомъ [1]). Прощай еще разъ.

3.

(1854).

Если ты еще отъ Аксакова не получалъ или письма моего [2]). или отчета объ немъ, то я на всякій случай скажу тебѣ нѣсколько словъ объ Аксаковскомъ письмѣ. Я далеко не такъ съ нимъ несогласенъ: нѣтъ. Онъ ударилъ въ крайность, но крайность эта вызвана другою крайностью, въ которую вообще всѣ люди религіозные, и даже самые Святые Отцы, нерѣдко впадаютъ. Вопросъ о горѣ, объ его значеніи въ жизни, объ молитвѣ и ея дѣйствіи и проч. входитъ очевидно въ широкій разрядъ вопросовъ, возникающихъ изъ сопоставленія Божіяго Провидѣнія и человѣческой свободы, или (болѣе общимъ выраженіемъ) изъ сопоставленія законовъ міровыхъ, логически развивающихся,и законовъ или явленій, повидимому, исключительныхъ. Изъ этого, не вполнѣ для насъ разрѣшимаго, противорѣчія возникаютъ два взгляда или двѣ системы: одна, вездѣ признающая только законъ міровой и называющая всякое нарушеніе его чудомъ, т. е. явленіемъ, рѣдко и почти никогда недопускаемымъ приверженцами этой системы; и другая, вездѣ признающая только частный законъ каждаго отдѣльнаго явленія, прямо возводимаго къ волѣ Божіей. Если можно шутить, говоря о такихъ предметахъ (а впрочемъ почему и не шутить? шутка падаетъ не на предметъ, а на нашу слѣпоту), то можно бы сказать, что одни видятъ въ мірѣ только управленіе коренными законами, а другіе только сепаратные указы. Аксаковъ, по сво-

[1]) Боучарово или Богучарово—помѣстье Хомякова не доѣзжая Тулы (изъ Москвы). Тамъ онъ жилъ большую часть года. Ивановское—близъ города Донкова: тамъ онъ скончался 23 Сентября 1860 г.

[2]) „О значеніи страданія и молитвы". Напечатано во II-мъ томѣ Полнаго Собранія сочиненій Хомякова, стр. 284 и слѣд.

Digitized by Google

ему характеру и по привычкамъ ума своего, долженъ непремѣнно принадлежать къ первой системѣ, и безъ сомнѣнія, онъ долженъ крайне стѣснять вліяніе воли человѣческой и слѣдовательно молитвы на жизненныя явленія. Это ошибка, и ошибка великая, въ которой есть нелогичная сторона (именно та, что допускается партикуляризмъ въ области нравственной и отрицается въ области явленій видимыхъ); но признаюсь, я этой ошибкѣ у насъ готовъ радоваться, потому что противоположная ошибка преобладаетъ безмѣрно, какъ ты можешь видѣть въ людяхъ даже великаго ума, но съ направленіемъ И. В. Киреевскаго. Богомъ данныя силы разума оставляются въ какомъ-то преступномъ пренебреженіи отъ вѣчнаго ожиданія чудесъ. Это— наша болѣзнь. Удержать настоящую середину трудно и едва ли вполнѣ возможно человѣку, каковъ бы ни былъ его разумъ и какова бы ни была чистота воли, освѣщенной Божіею милостію и благодатію. Тутъ даже споръ невозможенъ, и остается только каждому смиренно сознавать, что, не слишкомъ строго строя свою систему, онъ долженъ повиноваться въ случаяхъ исключительныхъ простымъ требованіямъ сердца, а вообще напрягать всѣ Богомъ данныя силы, не требуя отъ Него чудесъ и исключеній изъ общихъ законовъ. Ты видишь, что я, не оправдывая мнѣній Ивана Сергѣевича, не могу и обвинять ихъ строго: какой-то стоицизмъ (положимъ, и не совсѣмъ Христіанскій) даетъ имъ въ моихъ глазахъ особенное достоинство при теперешнихъ обстоятельствахъ. Излишекъ же стоическаго равнодушія къ жизни, ея радостямъ и горестямъ исправится самъ собою. Вообще стоицизма болѣе въ молодости, чѣмъ въ послѣдующее время. Письмо Аксакова много мнѣ напоминало меня самого тому лѣтъ за двадцать съ небольшимъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи духа есть и примѣсь безсознательной гордости; но не только чужая (какъ говоритъ пословица) и своя-то душа—потемки. Это отчасти, кажется, выражаетъ Апостолъ, говоря: «совѣсть моя меня не обвиняетъ, но Богъ больше моей совѣсти».

Сколько заботъ и хлопотъ, сколько безпрестанныхъ переѣздовъ накликалъ я на себя затѣею сахароваренія! Я бы готовъ былъ себя бранить; но такъ какъ я предпринялъ заводъ съ ви-

Digitized by Google

дами эманципаціи, полагаю, что я правъ и что скуку хлопотливаго лѣта, отчасти опредѣленнаго на переѣзды изъ Тулы въ Донковъ и обратно, я долженъ переносить не только безъ досады, но даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ [1]).

Что̀ это Турецкія дѣла! Punch весь наполненъ насмѣшками надъ нами. Картины и половина текста вырѣзаны и выскоблены, а все-таки бездна еще проскакиваетъ самыхъ оскорбительныхъ шутокъ. Рекрутство не для войны, но по случаю страшной убыли войска отъ холеры на маневрахъ. Такъ говорятъ.—Не люблю Американцевъ, но спасибо имъ, что они Австрію такъ осрамили въ дѣлѣ Косты и другаго бѣглеца. Всего милѣе то хладнокровіе, съ которымъ Американцы въ этомъ дѣлѣ поступили.

4.

Какъ мнѣ тяжело было въ Смоленской деревнѣ! Она вся была мною устроена для нея, и ея любимое мѣсто [2]). Но за то какъ я увидѣлъ, что съ собою не справлюсь, такъ я и налегъ на работу: далъ большую статью Аксакову въ отвѣтъ Киреевскому, много работалъ для своей постоянной работы, а теперь еще пишу статью для напечатанія гдѣ можно, т. е. за границею, въ отвѣтъ на книгу Laurentie, которая сама есть отвѣтъ извѣстной статьѣ Тютчева [3]). Кое-какъ съ собою справляюсь. Я почти все съ дѣтьми и иногда самъ себѣ удивляюсь. Дѣйствительно, я иногда чувствую себя почти столько же матерью, сколько отцомъ, и даже боюсь, чтобы это не дало отношеніямъ моимъ къ дѣтямъ какой-то изнѣженности, которая никуда бы не годилась.

Съ Царьградомъ дѣла еще не уладились, а въ Греціи глупое возстаніе было къ несчастію соединено съ раздоромъ церковнымъ и шло отъ мелкаго духовенства. Жалко, что дѣла духовныя смѣшаны съ политикою.

---

[1]) На сахарномъ заводѣ въ Донковской деревнѣ Хомяковъ употреблялъ исключительно трудъ вольнонаемный, что̀ въ то время было рѣдкостью.

[2]) Хомяковъ говоритъ о супругѣ своей, Екатеринѣ Михайловнѣ (сестрѣ поэта Языкова), скончавшейся 26 Января 1852 г.

[3]) Напечатанной за границею отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ La Russie et la Révolution. См. Р. Архивъ 1874, II, 42.

Digitized by Google

5.

(1855).

Печально письмо твое, любезный Кошелевъ, и видно, у тебя очень невесело на душѣ. Авось Крымскія вѣсти не поправятъ ли этого настроенія; авось не ободрятъ ли народа? Хозяйственный годъ тебѣ такъ же тяжелъ, какъ и мнѣ, съ тою однако большою разницею, что у тебя и средствъ больше и, главное, все имѣніе свободно; но я увѣренъ, что въ тебѣ унынiе не отъ хозяйственныхъ неудачъ. Ты пережилъ на свой вѣкъ неудачи и заботы покрупнѣе этихъ и никогда не унывалъ. Тебя гнететъ еще неосвѣжившійся воздухъ, неизвѣстность общаго будущаго, современное страданіе народное и неувѣренность, чтобы болѣзнь была къ росту. Многіе, чуть чуть не всѣ, повѣли носы. Я одинъ еще бодрюсь, и ко мнѣ приходили за утѣшеніями. Мои обѣщанія сбываются покуда только въ Крыму, и за это меня уже пріѣзжалъ благодарить Бахметевъ (Алексѣй Николаевичъ). Увидите, сбудутся всѣ; но намъ подобаетъ подвизаться. На насъ всѣхъ теперь великая отвѣтственность.

Назимовъ еще ничего не сдѣлалъ и вѣроятно ничего не сдѣлаетъ, но по крайней мѣрѣ очень милъ. Говоритъ, что непремѣнно исполнитъ мое порученіе (не называетъ прошеніемъ), но я все не вѣрю. Если наше дѣло пойдетъ, и будетъ журналъ, Поповъ обѣщаетъ непремѣнно, кромѣ своихъ работъ, къ каждому номеру по шести листовъ изъ Петербурга перваго сорта отъ лучшихъ сотрудниковъ. Это было бы важно. Теперь о себѣ. Нынче получилъ изъ Питера письмо, по которому предполагаю, что моя вторая брошюрка вышла; впрочемъ это еще не вѣрно. А вѣрно то, что ея у меня потребовалъ или пожалуй попросилъ офиціально Олсуфьевъ отъ имени Государыни. Я послалъ весьма некрасивый списокъ (другаго не было) и извинился поспѣшностію. Въ письмѣ Олсуфьева Государыня поручаетъ мнѣ сказать, что покойный Императоръ былъ первою очень доволенъ *). Я въ отвѣтъ сказалъ, что это мнѣ потому особенно дорого (разумѣется, слова другія), что смертію своею Государь

*) Говорится о богословскихъ книжкахъ, нынѣ вошедшихъ во второй томъ сочиненій А. С. Хомякова.

Digitized by Google

доказать искренность своихъ убѣжденій. Вѣдь это должно было сказать. Изъ другого источника знаю я и слова покойнаго, очень замѣчательныя. Dans ce qu'il dit de l'Église il est très-libéral; mais dans ce qu'il dit de ses rapports avec l'autorité temporelle, il a parfaitement raison, et je suis de son avis *). Многіе тутъ хотятъ видѣть лицемѣріе, но изъ чего и для кого? Всѣ мы, и духовные, и свѣтскіе, виноваты въ его ошибкахъ.... Я думаю, онъ, по крайнему разумѣнію, желалъ правды. Иные его бранятъ, иные имъ гордятся безъ смысла...

6.

Я надѣялся не письменно, а словесно въ Москвѣ отвѣчать на твое письмо, полагая, что самому удастся попасть на выставку; но дѣла требуютъ меня совсѣмъ въ другую сторону, именно въ Ефремовъ и Донковъ, и этой поѣздки я отсрочить не могу, потому что позже, вѣроятно, матушкинъ отъѣздъ въ Москву меня лишитъ возможности совершить мое дѣловое путешествіе по деревнямъ. Нынѣшній годъ я хочу еще одну деревню отпустить на отсыпь, если прежде отпущенные окажутся исправными. Признаюсь, я этимъ очень дорожу, и хочется дѣло повернуть поскорѣе. Въ Смоленской губерніи я нынѣшній годъ отпустилъ двѣ деревни на денежныхъ условіяхъ, т. е. на оброкъ, но съ общаго согласія и по запискѣ за общею подписью, съ обозначеніемъ земли и угодій, за которыя будетъ взноситься плата. Мало-по-малу всю барщину уничтожу и уже началъ въ двухъ мѣстахъ обдѣлку земли наймомъ, но еще въ очень маленькомъ размѣрѣ, а съ будущаго года усиливаю эту обдѣлку и для этого вѣроятно буду обзаводиться многими улучшенными орудіями.

Если ты увидишь Киреевскаго, спроси у него, читалъ ли онъ въ твореніяхъ св. отцовъ великолѣпное завѣщаніе Ефрема Сирина и можетъ ли онъ послѣ этаго памятника стоять за легенду о нерукотворенной иконѣ Спасителя? А если ты самъ не читалъ, прочти. Мало вещей знаю я болѣе поэтическихъ и говорящихъ о душѣ.

*) Въ томъ что онъ говоритъ о Церкви, онъ очень свободолюбивъ; но въ томъ, что онъ говоритъ объ ея отношеніяхъ къ свѣтской власти, онъ совершенно правъ, и я его мнѣнія.

Digitized by Google

Что-то скажешь ты о перемѣнахъ въ министерствѣ? Не двинетъ ли Бибиковъ [1]) извѣстнаго вопроса? Да каково удружилъ Львову?[2]) Я увѣренъ, что онъ пострадалъ отъ слѣдующаго соображенія: къ нему, дескать, на цензуру ходятъ самые скверные люди, Тургеневъ, Аксаковъ, Хомяковъ и пр. Долженъ быть ненадеженъ. Хоть онъ покуда и не виноватъ, да смѣнить его in timorem. А Киреевскому скажи, что его статью баронъ Корфъ считаетъ, кажется, Аксаковскою (по крайней мѣрѣ я это предполагаю по его отзыву) и считаетъ крайне *вредною* и *опасною* за то, что онъ, похваливъ старую Русь, не прибавилъ, что новая все-таки много лучше, и это онъ сказалъ не шутя.

7.

(1855).

Рѣшительно дѣйствуешь ты, любезный Кошелевъ, и можетъ быть такъ и лучше. Молодцы Западные не дремлютъ; дремать не слѣдуетъ и намъ. Но какова слѣпота! А едва ли насъ допустятъ къ соучастію въ журналѣ. Впрочемъ знай, что все, что ты по этому дѣлу дѣлаешь, мною напередъ уже подписано и объ моемъ согласіи не безпокойся. Всячески постараюсь быть въ Москву, либо къ 10-му, либо къ 12-му. Ранѣе не могу. Пишу къ тебѣ только нѣсколько строкъ потому, что вчера утомилъ глаза такъ, что боюсь писать, какъ бы не разболѣлись. Я очень радъ назначенію Вяземскаго [3]).

8.

(Осенью 1855).

Правда твоя, любезный Кошелевъ, что тебѣ теперь ѣхать въ Питеръ, кажется, не для чего; но я не вижу, зачѣмъ и мнѣ-то ѣхать? Что я буду дѣлать? Или, лучше сказать (потому что дѣлать кое-что можно), о чемъ буду просить? Снова о разрѣшеніи печатать? Да вѣдь разъ уже прошено: вторичная просьба нѣсколько унизительна и едва ли полезна: N.[4]) или прямо упрется, или, что, еще вѣроятнѣе, отзовется, что запрещеніе шло не отъ него, и слѣдовательно разрѣшать онъ до пріѣзда Государева

[1]) Дмитрій Гавриловичъ, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ.
[2]) Князь В. В. Львовъ, цензоръ въ Москвѣ.
[3]) Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.
[4]) Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

ничего не можетъ. Узкій лобъ этого сановника очевидно туго набитъ какимъ-то глупымъ предубѣжденіемъ или можетъ быть страхомъ передъ Д.[1]) Онъ А.[2]) прямо сказалъ, что мы всѣ люди опасные и между прочимъ, что его статья о родовомъ бытѣ совершенно злонамѣренная. Конечно въ ней столько же злонамѣренности, сколько и въ Cuisinière bourgeoise; но именно потому-то и оправданіе невозможно, что обвиненіе совершенно безсмысленно. Даже и не придумаешь что сказать. Главный, я думаю, порокъ нашъ въ глазахъ Норова то, что мы не мямли, какъ онъ самъ. Скажи, что же я сдѣлаю въ Питерѣ? Дать, скажешь ты, ходъ общественному вліянію? Прекрасно. Но это вліяніе какъ соломенный пылъ, ярокъ да коротокъ. Будь Царь въ Питерѣ, можно бы желѣзо разогрѣть, да и на наковальню; а то разогрѣешь, да оно пять разъ успѣетъ простыть до царскаго пріѣзда, а замѣтъ, что рѣшеніе нашего дѣла непремѣнно отложатъ до этаго времени. Выходитъ ли изъ того, что я не долженъ или не хочу ѣхать? Совсѣмъ нѣтъ: я и долженъ, и хочу (хоть и не хотѣлось бы); но мнѣ кажется, лучше нѣсколько повременить. Одно твое замѣчаніе неопровержимо: это на счетъ Царскосельской жизни; но всѣ другія обстоятельства противъ лишней поспѣшности, а оно одно едва ли достаточно, чтобы перетянуть всѣ остальныя. Видишь ли мое соображеніе, о которомъ я впрочемъ тебѣ уже, кажется, говорилъ? Величайшая, какъ мнѣ кажется, выгода была бы, еслибъ я могъ пріѣхать въ Питеръ какъ бы за другимъ дѣломъ, а по этому дѣлу уже дѣйствовать не какъ проситель, а какъ обвинитель. На это у меня есть надежда, и не отдаленная. Ружье, о которомъ я тебѣ говорилъ, на дняхъ будетъ въ пробѣ. Начальство заводское[3]), т. е. тѣ, которые особенно завѣдываютъ частью механическою, наконецъ само сильно заинтересовалось. Безъ всякой моей просьбы назначены лучшіе мастера и отдѣлены даже на время отъ казенныхъ работъ. Ожидаютъ любопытныхъ результатовъ. Явиться мнѣ въ Питеръ (если только дѣйствительно ружье оправдаетъ мои надежды) подъ прикрытіемъ этого батарейнаго орудія очень было бы выгодно. Кругъ вопросовъ, лицъ, интересовъ

[1]) Дуббельтомъ.
[2]) К. С. Аксакову.
[3]) На Тульскомъ оружейномъ заводѣ.

Digitized by Google

былъ бы разомъ затронутъ большой (замѣть, что я еще хочу предложить устройство металлическихъ казематовъ и просить опыта своей Московки для винтовыхъ пароходовъ), и подъ шумокъ дѣло это можетъ обдѣлаться скоро и почти незамѣтно. Вотъ мое мнѣніе, но рѣшеніе предоставляю тебѣ; ибо дѣло общее, а какъ охоты къ поѣздкѣ во мнѣ вовсе нѣтъ, то я, можетъ быть, самъ себя нѣсколько надуваю, чтобы только не спѣшить скучною обязанностью. Какъ бы мнѣ мало были благодарны мои Петербургскіе благопріятели, если бы знали, какова мнѣ дилюля ѣхать въ Питеръ! Говорятъ, и этому отчасти можно вѣрить и радоваться, что N.[1]), съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, выражаетъ туже нелюбовь къ этому болоту.

Что скажешь ты о томъ, что нашъ авангардъ весь подъ командою Поляковъ? Можетъ быть, это случайность; но если не случайность, то весьма хитрая штука. Это можетъ быть замѣчено Европою и, при счастіи, можетъ заинтересовать Поляковъ. Не мѣшало бы и на Прутѣ, и на Австрійской границѣ имѣть начальниковъ Сербовъ, Кроатовъ, Чеховъ и др. Этимъ можно бы было держать розгу надъ спиною Австріи. А впрочемъ ты видишь, что я, кажется, былъ правъ, сомнѣваясь въ движеніи Пелисье впередъ. Повидимому, онъ хочетъ дотянуть до зимы. Жаль и не жаль Самарина[2]): ему нужно было освѣжиться, а до пуль авось не дойдетъ. Онъ самъ теперь пишетъ: «странно, когда могъ писать и былъ свободенъ, казалось не о чемъ и не для чего и не хотѣлось; а теперь такъ и рвется рука къ перу, и пропасть статей въ головѣ и, казалось, сейчасъ бы написалъ».

Конецъ твоего письма меня не порадовалъ и безпокоитъ. Ты хочешь устроить планъ освобожденія крестьянъ въ своемъ имѣніи. Это прекрасно; злишься на уродливость и грѣшность крѣпостнаго состоянія, это славно; но прибавляешь: «мое желаніе переходитъ чуть чуть не въ лихорадочное состояніе; жена моя еще усиливаетъ его, а кацельки-то камень пробиваютъ». Здоровъ ли ты? Не разстроенъ ли чѣмъ нибудь? Пожалуста будь здоровъ, столько же сколько ты всегда бодръ. Обнимаю тебя крѣпко-накрѣпко.

---

[1]) Государь, ѣздившій осенью 1855 года подъ Севастополь.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій тогда въ ополченіи.

Digitized by Google

9.

(Въ концѣ 1855).

Ты меня вѣроятно или уже считаешь въ Питерѣ или бранишь за медленность и за нетвердость въ словѣ; но я ничѣмъ не виноватъ. У меня уже укладывались въ дорогу, какъ вдругъ пошли дѣти болѣть и не разомъ, а одинъ за другимъ. Хотя, слава Богу, у нихъ и несерьозныя были болѣзни; но во-первыхъ, ты знаешь, что я самъ ихъ медикъ, а во-вторыхъ, нельзя же мнѣ было больныхъ оставить въ деревнѣ однихъ? Вѣрь мнѣ, это мнѣ такъ досадно самому и даже болѣе чѣмъ досадно, что и сказать не могу; тѣмъ болѣе досадно, что ружье мое давно готово и вполнѣ оправдало мои ожиданія. На сто саженей оно вѣрно до невѣроятности; на 300 саженей оно разбило совершенно небольшой щитъ; на версту оно пробиваетъ на вылетъ четырехъ-вершковую доску и свободно еще пробиваетъ вершковую доску на полторы версты. Такъ оно исполнило все, чего я хотѣлъ на счетъ стрѣльбы, а въ отношеніи вѣса даже превзошло мои ожиданія. Весь вѣсъ 22½ ф. Чего же лучше? *) И по этому суди, что мнѣ самому нетерпѣливо хочется въ Питеръ. Мнѣ такъ больно, что я еще не могъ исполнить того, что считаю своею обязательною попыткою въ Петербургѣ, что я на сей разъ ничего не стану говорить объ нашемъ предположеніи на счетъ журнала. Успѣхъ Каткова, льготы данныя Университету, все какъ будто обѣщаетъ успѣхъ и намъ; но все это еще очень не вѣрно.

Порадовался ли ты успѣху Муравьева? Я отъ души радуюсь: во-первыхъ пора хоть гдѣ нибудь порадоваться какимъ нибудь дѣломъ; во вторыхъ, онъ въ прошлое царствованіе былъ долго подъ опалою и (каковъ ни есть) сохранилъ какую-то независимость отъ двора. Его побѣда будетъ многимъ горька на Сѣверѣ. Для Государя новаго это великая выгода: люди бывшіе подъ опалою или не участвовавшіе въ системѣ прошлаго времени—находка. Они способствуютъ освобожденію правительства отъ той дрянной камариллы (старой дворни), которая надѣлала столько уже вреда. Я жду оттуда новыхъ вѣстей: не оставитъ же онъ Омера-паши въ покоѣ.

*) Это ружье должно было служить для цѣлей артилерійскихъ.

Digitized by Google

10.

(Конецъ 1855 года).

Ты такъ меня озадачилъ, любезный Кошелевъ, своимъ письмомъ, что просто испугалъ. Вообрази себѣ мальчика, у котораго спросили бы строгимъ голосомъ: «А какъ звали двоюродную тетку Навуходоносора?» Онъ просто бы обмеръ и не вдругъ бы спохватился, что за нимъ и обязанности такой нѣтъ знать эту двоюродную тетку. Такъ и со мною случилось. «А готова у тебя статья? О чемъ она? И если не готова, то скоро ли изготовишь? Ужъ мы печатаемъ и тебя ждемъ». Мнѣ сначала и въ голову не пришло, что это также двоюродная тетка Навуходоносора, и что я вовсе не обѣщалъ статьи и отъ тебя ни слова не слыхалъ, поэтому и не думалъ и предмета не имѣю и т. д. Всего этаго я не придумалъ, а просто перепугался какъ виноватый. Что̀ дѣлать? О чемъ писать? А тутъ я говѣлъ; а тутъ навязались на меня спазмы желудочные прелюбопытные (и которые стоили бы описанія, да ты въ этомъ толку не понимаешь), насилу началъ я отъ нихъ отдѣлываться, и при этомъ статья. Съ горя написалъ къ редактору Р. Б. письмо, которое и посылаю тебѣ. Годно, хорошо; не годно, брось. Я половину ужъ написалъ, какъ догадался, что я собственно въ просакъ попалъ и напрасно перепугался, и имѣлъ полное право писать къ Кошелеву, что редакторъ Р. Б. на меня предъявляетъ искъ незаконный; но ужъ дѣло было начато: лучше кончить. Такъ я и сдѣлалъ, а нѣсколько лишнихъ дней потерялъ по вышесказаннымъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что спазмъ желудочный приходилъ ко мнѣ именно въ обычное время моихъ занятій. Хороша ли статья, не знаю; но думаю, что какъ по важности и общей занимательности предмета, такъ и по нѣкоторому исповѣданію убѣжденій, она для перваго номера пригодна. Суди и ряди! Если и въ печку бросишь, не опечалишь; я же теперь особенно утѣшенъ тѣмъ, что узналъ дѣйствіе алумины въ нѣкоторыхъ формахъ желудочныхъ спазмовъ.

На вопросъ твой, скоро ли въ Москву, я почти готовъ отвѣчать пріѣздомъ; но все дорога держитъ. Хотѣлось бы саннаго пути. Кромѣ того лѣчу здѣсь занесенную ко мнѣ въ деревню

Digitized by Google

гнилую горячку съ пятнами. За Тулой и въ Тулѣ отъ нея смертныхъ случаевъ довольно. Слышно ли объ ней въ Москвѣ, или это мѣстное явленіе? Впрочемъ это меня не задержало бы: у меня Загряжскій [1]) такой искусный Amanuensis, что я на него полагаюсь вполнѣ. Просто жду снѣга. Между нами, надежды на будущій урожай весьма не блистательны, не отъ засухи, какъ думаютъ, а отъ холодныхъ дождей сейчасъ послѣ посѣва, которые залили и сгноили его. На дняхъ узналъ я, что въ сосѣдствѣ одинъ баринъ выдумалъ сушилку для хлѣба: въ сутки отъ 72 до 87 четвертей (разумѣется, не въ снопахъ); расходъ дровъ—кубическая сажень осины или другаго плохаго матеріала слишкомъ на 20 дней, т. е. на 1500 четвертей. Вѣдь это дѣло очень хорошее. Увѣряютъ, будто бы это зерно всходитъ и годно для посѣва, что уже невѣроятно; но дешевизна, какъ ты видишь, необычайная: ½ копѣйки серебромъ на четверть при дорогихъ дровахъ (7 р. 50 к. сер. сажень), и при этомъ никакой механической силы и устройство легкое. Это заслуживаетъ полнѣйшей справки. Если окажется правдою, то замѣть. Глѣбовъ выдумалъ свой великолѣпный змѣевикъ [2]), а сушилку выдумалъ Новосельскій [3]). Оба псовые охотники. Изъ этаго слѣдуетъ польза псовой охоты для изощренія ума и объясняется превосходство Англіи по хозяйству сельскому, такъ какъ Англичане великіе fox-hunters. Вотъ, какъ видишь, новое открытіе въ психологіи.

11.

(Петербургъ, Мартъ 1856).

Любезный Кошелевъ! Я, не смотря на твое первое письмо, не сталъ бы тебѣ писать ничего, если бы не получилъ твоего втораго письма. Оно писано подъ вліяніемъ нѣсколько раздраженнымъ, но объ этомъ при свиданіи; а вотъ покуда здѣсь до сихъ поръ ничего я не сдѣлалъ и думаю, что ничего не сдѣлаю. Послѣ тебя, дѣло не двинулось ровно ни на волосъ. Н(оро)въ очень хорошъ, очень милъ, и только. Я нѣсколько подозрѣваю, что Д(авыдовъ) его ставитъ въ уголъ, когда онъ зашалится: по крайней мѣрѣ таково мое впечатлѣніе. Вотъ положеніе, какъ я

[1]) Алексѣй Александровичъ, сосѣдъ Хомякова, управлявшій его имѣніями.

[2]) Змѣевикъ—снарядъ для сахароваренья.

[3]) Сосѣдъ Хомякова, Григорій Наумовичъ Новосельскій, охотникъ на волковъ и композиторъ.

Digitized by Google

понимаю. Можетъ быть, съ насъ снимутъ запрещеніе, но что толку? Мы останемся подъ страшнымъ присмотромъ, и малѣйшее слово живое будетъ прихвачено. Отказъ въ журналѣ или напъ отказъ отъ журнала не значитъ ничего. Это насъ не срамитъ; но если насъ будутъ тщательно обезцвѣчивать и лишать всякаго вкуса и содержанія, мы потеряемъ всякое значеніе въ мірѣ людей мыслящихъ и погибнемъ навсегда или по крайней мѣрѣ надолго. Поэтому я и рѣшился дѣйствовать прямѣе и идти напроломъ: отдалъ Н—ву свою статью (за которую съ меня взята подписка) и сказалъ: или она должна быть позволена, или мнѣ ихъ милость ни на что не нужна. Нынче я отъ него получу отвѣтъ. Чтобы ты могъ понять взглядъ здѣшнихъ пошляковъ на наше направленіе, скажу тебѣ только то, что Н—въ жаловался мнѣ на Киреевскаго. «Киреевскій мнѣ писалъ, и вообразите: онъ проситъ разрѣшенія и въ тоже время объявляетъ, что онъ нисколько не хочетъ измѣнить своего взгляда и образа дѣйствій и выраженій». Я тутъ его перебилъ, будто не понимаю его: «Конечно, Киреевскій смѣшно оговаривается; онъ долженъ васъ знать и знать, что ваше превосходительство убѣждены, что человѣкъ не мѣняетъ убѣжденія какъ рубашку, и что честный человѣкъ говоритъ, какъ думаетъ». Вообрази его физіономію при этомъ! Впрочемъ, мы очень хороши, а дѣло не подвигается. Нуженъ ultimatum рѣзкій, и по крайней мѣрѣ, если его примутъ, то мы сколько нибудь можемъ надѣяться, а безъ этого рѣпаться ни на что нельзя. Мое требованіе насчетъ моей статьи достигаетъ этой цѣли.— Теперь положеніе вдвое труднѣе, чѣмъ прежде. Послѣ мира (на который всѣ согласились кромѣ графа Д. Н. Блудова, который ведетъ себя какъ будто по заказу К. С. Аксакова), двѣ дороги: или поправлять скверное впечатлѣніе бо́льшимъ расширеніемъ предѣловъ нашей умственной жизни, или безумно заупрямиться въ войнѣ противъ народности. Государь за первый путь; весь дворъ (т. е. сильные) за второй, который вѣроятно и восторжествуетъ. Въ обоихъ случаяхъ нужно рѣзкое опредѣленіе, которое я и стараюсь вызвать. Если оно будетъ неблагопріятно, намъ слѣдуетъ отказаться отъ всего и переждать.

Я вездѣ въ Русскомъ платьѣ. Когда пріѣду, разскажу тебѣ все. Скандалъ былъ страшный, но я выдержалъ, хотя знаютъ,

Digitized by Google

что я заказалъ фракъ на случай. Когда у меня спрашиваютъ, отъ чего я не надѣваю фрака, уже готоваго, я отвѣчаю: «чтобы не подумали, что Россія меня уступила вмѣстѣ съ берегами Прута». Прощай покуда.

12.

(Іюнь 1856).

Я къ тебѣ не писалъ, любезный Кошелевъ, послѣ нашей общей потери. Какая тяжелая, какая неожиданная! Кіреевскій не только намъ былъ дорогой другъ: онъ былъ для Бесѣды (въ этомъ я разумѣю не одинъ печатный журналъ) необходимымъ дѣлателемъ. Его спеціальность не имѣетъ другаго представителя; да если бы и имѣла, то не найдется такаго, который бы имѣлъ его особенныя, свойственныя ему одному достоинства. Знаешь ли, что когда мнѣ сказали объ его смерти (это сказано мнѣ было при входѣ въ домъ, на возвратѣ изъ Смоленской губерніи), послѣ перваго потрясенія мнѣ тотъ часъ пришелъ въ голову ты, его старѣйшій другъ. Какъ вынесъ ты этотъ ударъ? Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ тебя поразить, что, судя по твоему письму къ Самарину, ты какъ будто былъ особенно бодръ и веселъ. Я долго не могъ опомниться. Какъ то вынесетъ Авдотья Петровна и бѣдный Петръ Васильевичъ [1]), который такъ давно хвораетъ? Нынче въ ночь я ѣду[2]) къ нимъ: раньше не могъ, потому что говѣлъ. Какая-то особенная судьба Ив. В. Кир.! То цензура и власть царская останавливали его, то теперь смерть, и всякій разъ на половинѣ труда. Какое-то также особенно строгое испытаніе нашему направленію: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминанье. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно.

Посылаю тебѣ на судъ приписку, которую предлагаю сдѣлать къ статьѣ. Если понравится, утверди и напиши Филиппову[3]). Я экземпляръ посылаю прямо къ нему для скорости. Если что

---

[1]) А. П. Елагина—мать И. В. Кіреевскаго, а Петръ Васильевичъ—братъ его.

[2]) Въ село Петрищево, близъ города Бѣлева.

[3]) Тертій Ивановичъ Филипповъ (тогда учитель I-й Московской гимназіи, впослѣдствіи государственный контролеръ) помогалъ А. И. Кошелеву въ печатаніи „Русской Бесѣды“ въ 1856 году.

Digitized by Google

не понравится, мѣняй, марай и дѣлай какъ лучше знаешь. А приписка необходима. Когда я приписывалъ къ біографіи Меткальфа, не думалъ я объ этой припискѣ.

13.

(Начало Ноября 1856).

Отвѣчаю тебѣ по первой почтѣ, любезный Кошелевъ: скорѣе этаго отвѣчать нельзя. Программа, по моему мнѣнію, должна оставаться таже, но прилагаю коротенькое вступленіе, которое было бы полезнымъ. Не знаю, понравится ли оно тебѣ. Ты замѣтишь, что я между прочимъ сказалъ объ обозрѣніяхъ политическихъ. Думаю, что такое слово (если оно пропустится) можетъ быть полезнымъ при теперешнемъ нападеніи на нихъ. Что за колпакъ этотъ В.! Самъ участвуетъ въ журналѣ и самъ его рѣжетъ и чортъ знаетъ почему? Нѣтъ ни поводовъ къ подозрѣнію, ни жалобъ отъ Министерства Иност. Дѣлъ, ни жалобъ отъ кого бы то ни было, ни отклоненія отъ программы (въ чемъ виноватъ Вѣстникъ), ровно ничего. Положимъ, что канцелярія или секретарь просто желаютъ получать на водку (въ чемъ я почти убѣжденъ съ Черкасскимъ); да вѣдь онъ читаетъ же самъ, что̀ подписываетъ и можетъ сказать имъ, что они врутъ. Просто гадко! Смотри ты самъ не очень этимъ волнуйся. Св. поручилъ мнѣ (и право очень серьезно) оберегать тебя отъ волненія: онъ, что̀ вы ни говорите и какія глупости онъ ни дѣлаетъ, истинный другъ. Онъ меня тронулъ, говоря о насъ и о тебѣ въ особенности. Поводомъ къ разговору были крайне дурныя извѣстія о Петрѣ Васильевичѣ. Ты пишешь, что ему легче, а Л. И. Поповой [1]) писали, что его пріобщили; только не знаю, которое извѣстіе новѣе. Очень боюсь за него, и ты знаешь, что съ самой смерти И. В. я не ожидалъ, чтобы Петръ вынесъ горе [2]). Грустно будетъ, если онъ умретъ. Хотя собственно плодовъ отъ его письменной дѣятельности ждать нельзя, но онъ имѣетъ на свой округъ замѣ-

---

[1]) Елисавета Ивановна Попова, ученица А. П. Елагиной и другъ Валуева.— Выше говорится о Д. Н. Свербеевѣ.

[2]) П. В. Кіреевскій ум. 25 Октября 1856 г. у себя въ Слободкѣ, подъ Орломъ.

Digitized by Google

чательное вліяніе. Чудная и чистая душа! И такъ смотри не волнуйся даже глупостями В. Если нельзя будетъ писать обозрѣнія, то мы тоже самое можемъ ввести въ другія формы и, можетъ быть, дать имъ еще болѣе строгое значеніе.

14.

(Іюнь 1857).

Бесѣда вышла 27-го, и съ великимъ эффектомъ. Спрашиваютъ, откуда у насъ такъ силы прибыло. Не въ примѣръ, дескать, лучше прошлогодней. Серьезно, это общій отзывъ. Но главный герой Черкасскій. Отъ него всѣ въ восторгѣ, называютъ единственнымъ публицистомъ нашимъ, а въ Англійскомъ клубѣ прибавляютъ, что онъ публицистъ-философъ. Безъ шутки, ни одна статья не имѣетъ и въ половину успѣха равнаго его статьямъ. Многіе предпочитаютъ его вторую статью первой, съ чѣмъ я конечно не согласенъ, но говорю тебѣ чужой отзывъ. Вообрази себѣ, что послѣ тебя я въ своей брошюрѣ вдругъ какъ бы запнулся. Пробовалъ, выходила размазня; отдохну, попробую еще, опять тоже. На силу на дняхъ одолѣлъ догматическую часть такъ, что самъ я вполнѣ доволенъ и, кажется, всѣ вы будете довольны. Ясно, строго и вполнѣ ново по изложенію. Ты посмѣешься этой самолюбивой откровенности или откровенному самолюбію; но признайся, что въ такой работѣ, если хоть мало мальски недоволенъ, лучше ужъ не пиши. Теперь я и брошюрку подвигаю, и Соловьева [1]) обдѣлываю. Не прогнѣвайся, что выдетъ крутенько. Формы будутъ совершенно вѣжливы, а содержаніе не совсѣмъ пріятно.

Все разлетѣлось изъ Москвы. Я послѣдній изъ нея выѣзжаю по всегдашнему моему обычаю: меня уже взяла тоска по деревнѣ. «Молва» идетъ успѣшно. Подписка хватила за 600 человѣкъ. Между тѣмъ ни одной почти нѣтъ статьи, сколько нибудь отзывающейся на современную, дѣйствительную молву. Вообрази, что я редакторамъ [2]) долженъ былъ напомнить, что надобно же что нибудь сказать по случаю (весьма грустному) смерти Иннокентія, о которой ты вѣроятно уже знаешь. Пастырь не пастырь, а все-таки крайне замѣчательный человѣкъ, и смерть его нельзя не считать потерею и пройти молчаніемъ.

---

[1]) См. въ III-мъ томѣ статьи о трудахъ С. М. Соловьева.

[2]) К. С. Аксакову и С. М. Шпилевскому (нынѣ директору Демидовскаго лицея).

Digitized by Google

Блудова на дняхъ проѣзжала. Везетъ хартію крестьянамъ [1]). Спасибо ей отъ души.

15.

(Августъ 1857).

Письмо твое, любезный Кошелевъ, пришло ко мнѣ въ весьма грустное для меня время. Оно застало меня въ то время, когда я изъ Москвы перевозилъ въ деревню гробъ матушки. 24 Іюля скончалась она не болѣзнію, а истощеніемъ силъ; за нѣсколько дней выѣхала она изъ Москвы, доѣхала до Подольска и возвратилась назадъ безъ всякой нужды. Потомъ были у нея спазмы, и она вызвала меня изъ Донкова черезъ эстафету. Я пріѣхалъ; она уже оправилась и снова со мною собиралась. Такъ продолжалось 10 дней, послѣ которыхъ она угасла. Два раза пріобщалась она и соборовалась за нѣсколько дней до кончины. Страданій кромѣ послѣдней ночи не было. Голова была свѣжа, мысль и всѣ интересы жизни во все время кромѣ предсмертнаго дня, въ которомъ слабость дошла до крайнихъ предѣловъ, а едва ли она дѣйствительно ожидала смерти. Признаюсь, и я себя долго обманывалъ: видѣлъ, какъ она слабѣетъ и все еще надѣялся. Грустно, что ея уже нѣтъ; не говорю объ ней какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьезно-религіозные, политическіе и общественные?[2]) Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатерининская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1801 до 1825), ни придавлено (отъ 1825 до 1855). Мнѣ очень грустно и немножко странно, что некому меня дома бранить. Кажется бы, много далъ, чтобы опять слышать тѣ комплименты, которыми иногда она меня такъ щедро надѣляла. Дѣти очень жалѣли о своей бабушкѣ, и потеря ея будетъ чувствительна. Но правду сказать, можно ли было ожидать еще долгой жизни послѣ 87 лѣтъ? Предѣлъ человѣческой жизни для нея не былъ положенъ слишкомъ тѣсно; да и горестей ей было удѣлено немало.

---

[1]) Въ имѣніи ея подъ городомъ Вязьмою.

[2]) Съ пишущимъ эти строки она, въ самый день кончины своей, говорила о новомъ тарифѣ.

Digitized by Google

Твое письмо очень меня порадовало: оно писано въ добромъ духѣ и даетъ хорошія вѣсти о тебѣ самомъ. Между прочимъ меня очень порадовало то, что мы такъ низко пали въ глазахъ Европы: пусть она равняетъ насъ хоть съ Ангальтъ-Бернбургомъ! Для насъ же здоровѣе во всѣхъ отношеніяхъ, а наше время придетъ, и ужъ не такое какъ прежде. Но для этаго нужно, чтобы развилась у насъ внутренняя жизнь, не такъ какъ теперь. Я свою долю въ «Бесѣду» внесъ. Аксаковская статья также вѣроятно готова: трезвонъ Соловьеву будетъ полный. Поблагодаритъ и не забудетъ. Я къ Елагину писалъ, чтобы онъ своихъ Венгровъ непремѣнно высылалъ. Б. какъ будто обошелся. Безсоновъ хлопочетъ помѣститься въ типографію Синодальную въ Москвѣ: и для него было бы хорошо, и типографія выиграла бы много. Ее теперь ревизуютъ и всю раскассировали. Изъ Петербурга вѣсти весьма хороши: дай Богъ здоровья и успѣха Александру II-му! Муравьевъ ѣздитъ по Россіи какъ гроза: лихорадка и другая болѣзнь такъ и трепятъ всѣ палаты и всѣхъ чиновниковъ его вѣдомства *). Съ крестьянами хорошъ и восхищается ихъ умомъ и смысломъ. Что-то Богъ дастъ впередъ?

Ты знаешь, что Иннокентій умеръ и что на его мѣсто назначенъ Дмитрій, нашъ Тульскій. Какъ я радъ, что объ его прощаніи съ Тулою не будетъ ничего въ газетахъ! Это такъ было хорошо, искренно и трогательно, что стыдно было бы видѣть это вмѣстѣ съ прочими вѣстями о прощаніяхъ съ обожаемыми начальниками. Весь городъ подвинулся отъ мала до велика, и провожали его карету за нѣсколько верстъ пѣшкомъ; а въ Соборѣ рыданія были общія. Находитъ же человѣкъ отзывъ хоть бы и у насъ! Я съ нимъ много говорилъ о Болгарахъ: вѣдь теперь онъ долженъ объ нихъ печься. На него, кажется, можно надѣяться.

Не переговоришь ли ты съ Брокгаузомъ объ изданіи моей третьей брошюры и о переводѣ ея на Нѣмецкій языкъ? Но надобно будетъ какъ нибудь переслать переводъ въ Москву въ рукописи, или уже не перевести ли въ Москвѣ? Дней черезъ десять я ее кончу. Она мнѣ много труднѣе досталась противъ

*) Это былъ достопамятный объѣздъ, произведенный министромъ государственныхъ имуществъ, М. П. Муравьевымъ.

Digitized by Google

первыхъ, и я уже не вижу, что бы можно было къ ней прибавить. Я смотрю на нее какъ на конецъ моей работы по этой части, т. е. по отношенію къ Риму и къ реформѣ. Развѣ втянуть въ полемику, но этаго я не ожидаю. Пригвозди Безобразова! [1]) Мнѣ за него жаль, что онъ не съ нами.

16.

(Въ исходѣ 1857).

Множество разныхъ разностей задержало мою Французскую работу; но она почти кончена и, кажется, тебя удовлетворитъ. Былъ у меня нашъ Парижскій священникъ [2]), и я очень радъ, что съ нимъ познакомился. Онъ мнѣ говорилъ о моихъ двухъ брошюрахъ, и вотъ между прочимъ отзывъ, который, кажется мнѣ, долженъ быть вѣренъ.—«Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы онѣ подѣйствовали и въ комъ нибудь произвели убѣжденіе; но они рѣшительно произвели страхъ въ томъ смыслѣ, что кто ихъ читалъ (изъ иновѣрцевъ), потомъ рѣшительно избѣгаетъ спора. Многіе мои знакомые изъ Католиковъ, съ которыми въ прежнее время у меня бывали пренія, теперь вовсе отъ нихъ отказываются, а если къ нимъ начнешь приступать, то отвѣтъ одинъ: Eh, monsieur! On peut tout prouver avec un certain abus de la logique [3]). Одинъ сказалъ мнѣ: L'Orient vous a transmis le don du sophisme [4]). Болѣе же ничего ни отъ кого я добиться не могъ».—Отзывы Протестантовъ также нетерпимы; но все равно. Логическую основу положить нужно, и я не думаю, чтобы я даромъ работалъ. Остальное, если Богу угодно будетъ дать дѣлу успѣхъ, пойдетъ отъ цѣлой жизни и отъ ея разнообразныхъ явленій; только бы тѣже начала выражались и во всѣхъ явленіяхъ. Пріѣзжай, любезный Кошелевъ. Нужно составить планъ кампаніи зимней и дѣйствій будущаго года.

Нужно намъ достать Майкова: его огромный трудъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть сила [5]).

---

[1]) Владимира Павловича, позднѣе академика.

[2]) Отецъ І. В. Васильевъ.

[3]) И, сударь, съ извѣстнымъ злоупотребленіемъ логики можно все доказать.

[4]) Даръ софизма переданъ вамъ отъ Востока.

[5]) Говорится объ Аполлонѣ Александровичѣ Майковѣ и его книгѣ: „Исторія Сербскаго языка".

Digitized by Google

17.

(Лѣто 1858).

Сегодня поутру твой эстафетъ меня разбудилъ въ половинѣ 8-го и немножко напугалъ. Прочитавъ, хотѣлъ было опять соснуть, да не тутъ-то было. Жаръ и мухи не позволили. Поэтому всталъ, принялся за перо и, не смотря на многіе вольные и невольные перерывы, исполнилъ урокъ. То ли я писалъ и такъ ли? Не знаю. Держался твоихъ наставленій, старался выразить мысль посильнѣе и въ тоже время крайне умѣренно. Объ успѣхѣ ты можешь судить лучше меня, вовсе непривычнаго къ офиціальной перепискѣ. Самый запросъ не совсѣмъ для меня неожиданъ. Я былъ у графа Толстаго въ Пб. два раза; онъ у меня разъ, и другъ друга не заставали; но видѣлъ NN въ ужасѣ*), и онъ говорилъ мнѣ объ еще большемъ ужасѣ своего начальника. Я за это его побранилъ; но видѣлъ, что толку не будетъ. Ему Толстой поручилъ было написать возраженіе; онъ говорилъ, что ему и больно нападать на «Бесѣду», да и едва ли гдѣ помѣстятъ возраженіе его. Я ему совѣтовалъ опять таки помѣстить въ «Р. Бесѣдѣ». Онъ разговоръ замялъ; но, какъ я уже сказалъ, выражалъ сильнѣйшій испугъ и раздраженіе. «Бесѣда» вышла незадолго; изъ Царьграда, очевидно, никакихъ еще вѣстей быть не могло, и всѣ эти росказни объ Михаилѣ какомъ-то и о гнѣвѣ патріарха должны быть чистѣйшею выдумкою. Сердится наша іерархія и особенно нашъ графъ А. П. Толстой, котораго Греки кругомъ обошли. Какъ бы они не надѣлали каши и бѣды неисправимой! На статью нашего Берлинскаго священника, которой мнѣ дано экземпляровъ двадцать, отвѣчать нечего. Что ихъ дразнить? Ты видишь, что Нѣмцы на него вовсе не обратили вниманія: это явно изъ самой брошюры, а намъ только можно порадоваться полному согласію Грека Аѳинскаго, человѣка духовнаго и просвѣщеннаго, съ нами. Быть можетъ, онъ и съ моими брошюрами знакомъ и не безъ пользы ихъ читалъ. Въ возраженіи на него нашего свя-

---

*) Т. И. Филиппова, поступившаго тогда на службу въ Св. Синодъ, подъ начальство графа А. П. Толстаго, на родственницѣ котораго (Маріѣ Ивановнѣ Иракліоновой) онъ женился.

Digitized by Google

щенника, кажется, есть косвенный намекъ на меня. Вѣдь онъ прежде хотѣлъ мнѣ возражать, да не рѣшился. Богъ съ нимъ! Голова некрѣпкая, да и ученость небольшая. Кстати, не слыхалъ ли ты о судьбѣ моей третьей брошюры? Мнѣ бы очень нужно знать, напечаталъ ли ее наконецъ Брокгаузъ? *) Письмо и объясненіе ты бы ужъ долженъ получить завтра къ обѣду; но такъ какъ со станцій нѣтъ эстафетовъ, а нужно послать изъ Тулы, то пожалуй получишь мое писаніе не прежде Пятницы поутру.

Смерть Иванова для меня просто ударъ, и жестокій ударъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ мнѣ сталъ дорогъ въ тѣ два или три раза, въ которые я его видѣлъ. Это былъ святой художникъ по тому смиренному отношенію къ религіозному художеству, которое составляло всю его жизнь. Статью начатую придется всю передѣлать. Иное написать можно о живомъ, иное о мертвомъ. А вѣдь ужъ противъ него были сильныя интриги и, можетъ быть, оскорбленное чувство сдѣлало его воспріимчивѣе къ болѣзни. Милъ Петербургъ, нечего сказать!

Напрасно ты просишь меня о «Бесѣдѣ»: развѣ я не понимаю всей ея важности? Все, что могу, то сдѣлаю, покуда ты на службѣ земской. А все-таки ты бы непремѣнно долженъ порядкомъ стянуть съ Черкасскаго: годъ цѣлый гулялъ и теперь до Сентября ничего не будетъ дѣлать. Его обозрѣнія были бы крайне для «Бесѣды» необходимы, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я не знаю, когда его увижу, да и меня онъ не послушаетъ. Толкни его письменно.

18.

(Октябрь 1859).

Вѣроятно ты уже слышалъ, любезный Кошелевъ, какъ я умудрился вылетѣть изъ тарантаса на охотѣ и какъ отлично я себѣ вытянулъ жилы вертлуга. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я лежу почти постоянно: это очень тяжелая болѣзнь, которая многихъ оставляла хромыми на всю жизнь; такихъ я зналъ. Надѣюсь, что омеопатія не дозволитъ ей такой вольности со мною; но я все еще сильно хромаю, и особенно съ трудомъ сижу. Боль

*) Третью богословскую брошюру А. С. Хомякова отвозилъ Брокгаузу въ Лейпцигъ пишущій эти строки, упомянутый на стр. 157-й подъ буквою *Б.*

Digitized by Google

теперь уже небольшая, но постоянная; впрочемъ, кажется, могу разсчитывать на полное выздоровленіе.

Отъ души радуюсь, что ты въ Питерѣ и въ дѣятельности: тебѣ это нужнѣе хлѣба, а твоя дѣятельность непремѣнно полезна и добра. Бѣднаго Самарина свалила было излишняя ревность: слава Богу, говорятъ, онъ оправился и поѣхалъ весело за границу. Избави насъ Богъ отъ такой потери! Только нынче получилъ я письмо, которое меня успокоило, а то я все время мучился страхомъ за него и горемъ за всѣхъ насъ. Скажи Черкасскому мою душевную благодарность; кажется, онъ его спасъ. Еще разъ скажу, радуюсь за тебя, что ты въ Комитетѣ, и радуюсь, что не въ Ростовцовскомъ: ты свободнѣе.—Исполнилъ ли ты намѣреніе свое за границею? Вѣроятно нѣтъ, а то было бы слышно. А я не утерпѣлъ: досадно стало, что дѣло усложняется и портится безъ нужды, я и написалъ письмо (въ первыхъ числахъ Августа) къ Якову Ивановичу.

Разумѣется, онъ его получилъ; но пошло ли въ прокъ, не знаю. Посылаю тебѣ копію; тому уже два мѣсяца, какъ оно писано. Я знаю, что во многомъ ты со мною несогласенъ; а все-таки прошу тебя, сдѣлай одолженіе, пусти его въ ходъ. Я глубоко убѣжденъ, что путь мною предлагаемый есть лучшій и даже единственный. Если отъ васъ будетъ зависѣть, не давайте путать внутреннее устройство міровъ. Стыдно, право, нашему умному и дорогому Б.*), что онъ подписалъ такую, съ позволенія сказать, дребедень. Ужасно затягиваетъ эта административная мудрость, точно въ омутъ: закружитъ, да и утопитъ. Вся эта регуляризація, все это абсолютное большинство никуда не годятся. Выдумывать напередъ казуистику не слѣдуетъ: пусть вопросы возникаютъ на практикѣ, а сомнительныя сходки очевидно должны разрѣшаться; если самъ міръ не разрѣшитъ, то третьими или, по моему, временнымъ княземъ, выбраннымъ ad hoc. Но и это будетъ рѣдко случаться. Комитетъ поступаетъ съ крестьянами, какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробнѣйшее описаніе. Опасность родится отъ излишней предосторожности, и положеніе, созданное Комитетомъ объ мірскихъ сходкахъ,

*) Графу Д. Н. Блудову.

Digitized by Google

убьетъ самую сходку. Аксаковъ, при своемъ лиризмѣ, правъ, и болѣе практиченъ, чѣмъ практики. Не должно заковывать жизнь, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума. Въ Москвѣ одинъ баринъ по системѣ Галя дѣлалъ дѣтямъ своимъ желѣзные колпаки со всѣми шишками добродѣтели и разума. Изъ пяти трое умерли, а двое вышли дураками. Это фактъ. Зачѣмъ же Б.[1]) хочетъ повторить тотъ же опытъ надъ мірами? Я такъ люблю Б., что мнѣ больно было видѣть его имя подъ этими протоколами. Впрочемъ я очень понимаю всю трудность связать жизнь обычную съ жизнію законною и, разумѣется, не прихожу съ Конст. Акс. въ негодованіе; но нахожу его правымъ въ принципѣ. «Господа, играйте ближе къ натурѣ!» какъ говорилъ Еропкинъ, когда хитрили и мудрили въ вистъ.

19.

(Май 1860).

Здѣсь былъ Самаринъ, который разсказывалъ про борьбу съ Панинымъ и, кажется, рѣшительную побѣду Комиссіи. Должно быть, ихъ работы кончатся въ первыхъ числахъ или къ половинѣ Іюля; но въ тоже время слышно, что *..[2]) все болѣе и болѣе склоняется къ выкупу; только не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу. Я хочу предложить слѣдующія предварительныя мѣры, которыя облегчили бы выкупъ и всякую добровольную сдѣлку между помѣщикомъ и крестьянами:—1-я. Открыть банки снова для залога и перезалога имѣній, — 2-я. Такъ какъ для этого нѣтъ денегъ, то получать будутъ четырехъ-процентныя серіями. На нихъ охотниковъ окажется множество, потому что пропасть сдѣлокъ остановилось за невозможностью закладывать. Но рынокъ никакъ не будетъ заваленъ, а проценты будутъ обезпечены тѣми имѣніями, которыя закладываются, и слѣдовательно государственный долгъ не прибавится ни на волосъ. —3-я. Серіи эти будутъ приниматься въ подушныя и при продажѣ казенныхъ земель и имуществъ, но не при откупныхъ уплатахъ, ни при штрафныхъ. Въ частномъ оборотѣ курсъ вольный. Впрочемъ положеніе объ нихъ должно быть одинаково

[1]) Графъ Блудовъ.—[2]) Государь?

Digitized by Google

какъ и о прежнихъ серіяхъ, которыя и теперь берутся съ премією. Эта мѣра при теперешнихъ обстоятельствахъ будетъ имѣть то послѣдствіе, что почти всѣ незаложенныя имѣнія заложатся, а государству не будетъ ни гроша убытка, и не потребуется ни копѣйки денегъ. Обороты страшно усилятся по той простой причинѣ, что ни одной серіи не пойдетъ въ ходъ, которая не была бы дѣйствительно нужна и что всѣ онѣ будутъ ничто иное какъ заемъ не правительственный, но частныхъ людей, обезпеченный правительствомъ.—4-я. Объявить, что переводъ казеннаго долга, по добровольному согласію, на крестьянъ при такой-то мѣрѣ земли (разумѣется не свыше 2 д., кромѣ угодьевъ) не встрѣтитъ никакаго затрудненія. Смѣшно въ этомъ упираться: у крестьянина, какъ у помѣщика, двѣ руки да двѣ ноги, да сверхъ того усадьба, земля и круговая порука, а подушныя съ процентами (3,85) менѣе мѣщанской новинности.

Эти мѣры разрѣшатъ весь узелъ скорѣе, чѣмъ какія бы то ни было многосложныя операціи и выдумки. Прибавь еще, что, кромѣ серій, нежелающіе закладывать имѣніе могутъ получать листы безпроцентные на покупку казенныхъ земель, и имѣніе будетъ считаться заложеннымъ только по покупкѣ этихъ земель. Что скажешь, любезный Кошелевъ, объ этихъ предложеніяхъ? Казалось бы, что за ихъ пользу можно ручаться; я ихъ посылаю въ Питеръ и прошу отвѣта отъ Черкасскаго, Бунге и Милютина. Сообщи мнѣ свое мнѣніе, чтобы, если нужно, что нибудь измѣнить и пополнить*).

К. С. Аксаковъ сдѣлался опять очень боленъ, но кажется это только жестокая и дурнокачественная лихорадка, отъ накопленія желчи. Я ожидалъ для него этой болѣзни.

20.

Москва, 3 Августа 1860.

Пишу тебѣ изъ Москвы, покуда лошадей закладываютъ. Пріѣхалъ я въ Москву на четыре дня, пробылъ шесть; пріѣхалъ по дѣламъ, между прочимъ нужно 10,000 сер. на обороты; денежный рынокъ таковъ, что условія бѣшеныя; придется иначе обернуться. Это я говорю, чтобы сказать только о состояніи денежнаго рынка и о послѣдствіяхъ запертаго банка. Вообще

*) Ср. томъ III-й, стр. 475.

Digitized by Google

я утверждаю, что движимый капиталъ просто составилъ заговоръ противъ Россіи вообще, и наши государственные люди служатъ ему орудіемъ, не воображая того. Къ твоимъ словамъ о незнаніи и наукѣ прибавлю, что невѣжу не то обманетъ, не то нѣтъ, а ученыхъ непремѣнно. Одна изъ причинъ моего пріѣзда—Б.[1]). Я у него былъ почти всякій день, настроивая на выкупъ. Онъ просилъ у меня моего письма къ Ростовцову и вообще согласенъ съ нами, но вѣдь это размазня: достанетъ ли твердости что нибудь отстоять и что нибудь опровергнуть, сомнѣваюсь. Пожалуй, теперь много значитъ Поповъ[2]); ты бы съ нимъ переписался. Я старше ему пріятель, чѣмъ ты; но ты въ этомъ дѣлѣ болѣе можешь отъ него добиться толку. Изъ словъ самаго Б. боюсь, что онъ въ кодификаціи наплететъ путаницу, набивая юридическими формами то, что должно быть совершенно свободнымъ. Такъ, напр., цѣлая большая глава о формахъ найма работниковъ въ деревняхъ вмѣсто самыхъ простыхъ сдѣлокъ. Это тебѣ къ свѣдѣнію.

Аксаковъ съ половины Августа ѣдетъ за границу; кажется его Варвинскій спасъ отъ смерти. Ивану С. была въ Хорваціи просто овація или, лучше сказать, рядъ овацій. Гдѣ онъ теперь, неизвѣстно; удалось ли что въ Бѣлградѣ, неизвѣстно.

Я тебѣ въ «Бесѣду» ничего еще не писалъ. Въ деревнѣ начну немедля. Отчего не писалъ? Переводилъ Павла Апостола съ оригинала: къ Галатамъ и къ Ефесеямъ. Самъ очень доволенъ; кто читалъ, всѣ очень довольны, а въ «Православномъ Обозрѣніи», кажется, не рѣшатся напечатать, чтобы не оскорбить Синода. Придется печатать въ Лейпцигѣ, а какъ это обидно! Просто ножъ острый, но что же дѣлать? Павла всего переведу: не могу отстать и, право, думаю сдѣлать очень хорошую вещь. Во многомъ я отъ всѣхъ переводовъ отхожу и надѣюсь, что во многихъ случаяхъ возстановилъ истинный смыслъ[3]).

Прощай, дорогой и милый другъ.

---

[1]) Графъ Блудовъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, жившій тогда въ Нескучномъ.

[2]) Служившій во II-мъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

[3]) Въ этотъ пріѣздъ Хомякова изъ деревни въ Москву, пишущій эти строки бесѣдовалъ съ нимъ въ послѣдній разъ въ Сокольникахъ, на дачѣ у больнаго К. С. Аксакова; рѣчь шла объ апостолѣ Павлѣ.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

Александру Николаевичу

Попову.

Digitized by Google

А. Н. Поповъ, юристъ и историкъ, человѣкъ самостоятельнаго ума и большаго просвѣщенія, родился въ 1820 году, скончался 16 Ноября 1877 года. Онъ принадлежалъ къ числу младшихъ пріятелей и единомышленниковъ А. С. Хомякова, который узналъ его въ семействѣ Елагиныхъ (старшій сынъ ихъ, Василій Алексѣевичъ, былъ ему товарищемъ по Московскому университету). Поповъ служилъ сперва въ Министерствѣ Юстиціи, а потомъ до конца жизни во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ начальствомъ графа Д. Н. Блудова. *Изд.*

Digitized by Google

1.

28 Іюля (1846 года, изъ деревни).

Не знаю, что̀ говорятъ объ М. Сборникѣ журналы Петербургскіе. Слышу, что О. З. [1]) бранятъ его, и не умно; впрочемъ это очень неважно. Важнѣе и досаднѣе то, что строгость цензуры вѣроятно будетъ пробуждена статьями Аксакова [2]). Его

---

[1]) Отечественныя Записки.

[2]) Здѣсь говорится о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. Въ первомъ Московскомъ Сборникѣ (дозволеніе тогдашней предварительной цензуры означено 13 Мая 1846) находимъ только одну статью К. С. Аксакова: „Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи“, и въ ней между прочимъ слѣдующія въ то время страшныя строки: „Слово, оканчивающееся на *бургъ*, сохраняетъ весь свой иностранный характеръ; *бургъ* такъ чуждъ, такъ противенъ Русскому духу. Что̀ дѣлать? *Петербуржанинъ*—всѣ засмѣются, *Петербужакъ*—еще смѣшнѣе. *Петербургецъ* или *Петербуржецъ* или *Петербурецъ*, какъ употребляютъ—точно также чуждо и неловко, особенно въ женскомъ: *Петербурка* или *Петербуржка*. *Петербуржичъ* тоже смѣшно. Что̀ дѣлать. Какъ-то совѣстно къ имени иностранному придѣлывать Русское окончаніе. Нѣтъ, видно, какъ ни бейся, а отъ иностраннаго имени не получишь Русскаго окончанія!“—Во второмъ „Московскомъ Сборникѣ“ (дважды цензурованномъ, въ Петербургѣ 16 Августа 1846 и въ Москвѣ 21 Февраля 1847), про который говорится въ слѣд. письмѣ, К. С. Аксаковъ помѣстилъ, подъ псевдонимомъ *Ижекъ*, три превосходныхъ критическихъ разбора на „Вчера и Сегодня“ графа Соллогуба, на исторію „Русской литературы“ Никитенки и на „Петербургскій Сборникъ“ Некрасова. Въ первомъ разборѣ особенно досталось князю В. Ѳ. Одоевскому за его космополитство и И. С. Тургеневу. По поводу выраженій Никитенки про „звѣрское, брадатое лицо“ стрѣльцовъ, „владѣвшихъ пищалью не какъ благороднымъ орудіемъ, а какъ дреколіемъ“, Аксаковъ замѣчаетъ: „Развѣ не случается, что дреколіе подымается за правое дѣло, какъ напр. въ 1812 году, а пищаль, напротивъ, служитъ дѣлу ложному?“—Въ раз-

Digitized by Google

неосторожность, которую можно уважать потому, что она отчасти происходитъ отъ его смѣлой откровенности, пріобрѣтаетъ ему безконечныя похвалы нашихъ западниковъ. Если бы было въ немъ поболѣе разсужденія, онъ понялъ бы, что его хвалятъ особенно за тотъ вредъ, который онъ намъ дѣлаетъ, или сдѣлать можетъ, и за то, что онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ современности страстной (разумѣется почти безсознательно), а не въ смыслѣ безстрастной истины и добраго нашего дѣла. Я съ этого началъ письмо, потому что это меня очень за сердце задѣваетъ.

Я готовлю послѣднюю свою статью. Въ предпослѣдней я уже сказалъ, кажется, почти все; теперь хочу досказать остальное и указать не только на болѣзнь, но и на единственное средство къ ея лѣченію; но боюсь, чтобъ напуганная цензура не положила препятствій; а я говорилъ съ безтолковою публикою только для того, чтобы все высказать. Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей. По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше соціализма, который есть ничто иное какъ выводъ, и выводъ односторонній, изъ общаго воспитанія человѣческаго духа. Признаюсь, я, всегда равнодушный не только къ успѣху, но даже и къ тому, прочтетъ ли меня публика и увидитъ ли мое произведеніе, я безпокоюсь теперь мыслію, что цензура остановитъ мою послѣднюю статью, тѣмъ болѣе, что, не смотря на ловкость, пріобрѣтенную мною въ осторожномъ выраженіи своихъ мнѣній, многое изъ основныхъ принциповъ будетъ по необходимости не только смѣло думано, но и смѣло выражено, безъ чего оно осталось бы совершенно непонятымъ. А если статью кончу и статью пропустятъ, я буду очень счастливъ.

боръ „Петербургскаго Сборника“ читаемъ: „Апатіею и эгоизмомъ казнятся Русскіе люди за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ Русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсное невѣжество противополагаютъ они всей древней, всей остальной, и прежней, и нынѣшней, Руси,— гордость учениковъ, ставящихъ себя, въ свою очередь, въ учители“.

Digitized by Google

прощусь съ публикою надолго, если не навсегда, и посвящу себя вполнѣ одному своему дѣлу, моей милой и слишкомъ долго оставленной Семирамидѣ [1]).

Живу я теперь въ деревнѣ; купаюсь, ѣзжу съ собаками, стрѣляю, обыгрываю Василья Александровича Трубникова [2]) на билліардѣ, и отпускаю бороду, съ которою не хочется разставаться. Что-то вы подѣлываете? Самаринъ, какъ слышно, уѣхалъ въ Ригу. Если уѣхалъ и будетъ тамъ жить, то, пожалуйста, пришлите адресъ его; также напишите, не извѣстенъ ли маршрутъ меньшаго Самарина по чужимъ краямъ. Пановъ [3]) по неосторожности заперъ у себя рукопись, которую Самаринъ брался напечатать за границею [4]). Это было намѣреніе Валуева, и надобно его исполнить тѣмъ болѣе, что рукопись очень важная и въ Россіи не можетъ быть напечатана, хотя содержитъ исповѣданіе вѣры православной на Греческомъ языкѣ. Если бы знать повѣрнѣе маршрутъ Самарина, то можно бы было рукопись къ нему переслать или по почтѣ, или съ путешественниками за границу. Впрочемъ признаюсь, на это мало надежды, и едва ли не придется ждать путешествія другаго какаго-нибудь изъ благонамѣренной братіи.

Прощайте покуда, любезный Александръ Николаевичъ; я отъ васъ писемъ не прошу, будучи самъ лѣнивый корреспондентъ, но давайте почаще о себѣ знать намъ вообще и не забывайте въ своихъ частныхъ трудахъ общаго труда.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Стыдно, что вы браните Петербургъ, куда почти собрался было уже мой мужъ. Мнѣ бы очень хотѣлось куда-нибудь

---

[1]) Т.-е. Запискамъ о Всемірной Исторіи.

[2]) Онъ управлялъ имѣніями А. С. Хомякова и былъ, кажется, сродни А. Н. Попову.

[3]) Василій Алексѣевичъ Пановъ, родственникъ Валуева и издатель двухъ первыхъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 годовъ. Онъ умеръ также юношей.

[4]) Говорится о Катихизисѣ („Церковь одна“), которымъ начинается второй (богословскій) томъ сочиненій Хомякова. Кто переводилъ его по-гречески и сохранился ли этотъ переводъ, намъ неизвѣстно. Хомяковъ даже и отъ близкихъ друзей скрывалъ, что Катихизисъ этотъ писанъ имъ: изъ выраженію общаго церковнаго ученія считалъ онъ лишнимъ присоединять частное имя.

Digitized by Google

съѣздить, и всего лучше ѣхать въ Петербургъ, потому что тамъ вы и Самаринъ, для которыхъ, кажется, не стыдно Алексѣю Степановичу сдѣлать 700 верстъ.

2.

4 Марта (1847 г.).

У насъ все по старому, по прежнему; только и новаго что вышелъ Сборникъ. Что-то о немъ будутъ говорить? По моему всего въ немъ замѣчательнѣе конецъ (Аксаковская З. Д.). Странный финалъ и производящій, какъ мнѣ кажется, самое тяжелое впечатлѣніе. Не говорю обо всей пьесѣ, въ которой много художественнаго достоинства, но объ концѣ. Столько-то съ тысячи, и это послѣднее слово этаго толстаго изданія [1]). Имѣяй очи да видитъ, но никто не увидитъ урока. Объ моей статьѣ [2]) только слышу, что ее Шевыревъ обвиняетъ въ какой-то Англійской гордости. Этого я просто не понимаю. Гдѣ онъ находитъ гордость! Перечитывая, нахожу только строгое и послѣдовательное изложеніе началъ. Положимъ, что въ своемъ дѣлѣ судьею я быть не могу, и что тутъ невольное самообольщеніе; но все, кажется, я могъ бы по крайней мѣрѣ придумать, на чемъ основано обвиненіе, даже считая его ложнымъ. Я и придумать не могу. Кавелинъ, какъ слышно, очень разгнѣвался; но мнѣ досадно то, что я, стрѣлявъ по Кавелину, попалъ еще въ другого противника, котораго конечно я оскорбить не хотѣлъ, въ Грановскаго. Повидимому, фактъ-то историческій данъ Кавелину имъ. По крайней мѣрѣ онъ отвѣчаетъ статьею, которую обѣщалъ мнѣ прочесть. Я буду его уговаривать не отвѣчать. Промахъ дать не бѣда; статья же безъ подписи, а факты несомнѣнны. Если мнѣ придется опровергать (что я конечно сдѣлаю на какой-нибудь полстраницѣ), я буду

---

[1]) Говорится о сценахъ, въ стихахъ и прозѣ, И. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года и писанныхъ въ Мартѣ 1845 (какъ на нихъ означено), подъ заглавіемъ „Зимняя дорога“. Выраженіе „столько-то съ тысячи“ относится къ рекрутскому набору.

[2]) Говорится про статью „О возможности Русской художественной школы“. Не задолго передъ тѣмъ основалось въ Москвѣ, на Мясницкой, извѣстное Училище Живописи и Ваянія, и въ числѣ учредителей были Хомяковъ и Шевыревъ.

Digitized by Google

уже принужденъ поднять обвиненіе не въ незнаніи только, а въ недобросовѣстности, что было бы мнѣ крайне непріятно.

Вообще я ничьихъ мнѣній о Сборникѣ не слыхалъ, потому что на Страстной никого не видалъ; поэтому и объ вашемъ Шлёцерѣ скажу только свое мнѣніе. Статья превосходная по безпристрастію, по добросовѣстности и по логической строгости разбора. Она, какъ мнѣ кажется, должна оскорбить многихъ (разумѣется, не какъ личность, а какъ улика) и въ тоже время освѣжить взглядъ на первую эпоху нашей исторіи, а это не шутка: первыя стихіи непремѣнно отражаются во всемъ послѣдующемъ развитіи. Ложное понятіе (если даже не ложное, то безъ сомнѣнія одностороннее), внесенное Шлёцеромъ, содержитъ въ себѣ причину безконечнаго множества ошибокъ во всѣхъ частяхъ и періодахъ Русской Исторіи. Вы это выразили. Конечно объ этомъ уже догадывались многіе; но догадка, покуда Шлёцеровскій авторитетъ не былъ потрясенъ и его изслѣдованія не были уличены въ односторонности, оставалась на степени догадки и не могла дать полной свободы, которая въ наукѣ пріобрѣтается только вами избраннымъ наукообразнымъ путемъ. Трудъ вашъ имѣетъ характеръ собственно отрицательный; но это-то логическое отрицаніе и будетъ нужно.

Соловьева статья [3]) очень хороша. Она, по правдѣ, содержитъ только то (или почти только) что сказано было Валуевымъ; но въ ней достоинство ясности, которой у Валуева не всѣ могли доискаться, и для меня это важное достоинство, что Соловьевъ отдалъ полную справедливость труду Валуева, чего не сдѣлали тѣ, которымъ давно слѣдовало это сдѣлать.

Вообще «Московскій Сборникъ» хорошая и полезная вещь.

Послѣ вашего отъѣзда ровно ничего новаго нѣтъ. Одна только новость: болѣзнь бѣднаго Чаадаева. Я у него не былъ,

[3]) „О мѣстничествѣ". Эта статья посвящена памяти Д. А. Валуева, которому С. М. Соловьевъ былъ товарищемъ. Московская цензура находилась тогда въ вѣдѣніи попечителя учебнаго округа, т.-е. графа С. Г. Строганова, который собственно для того и былъ назначенъ въ эту должность на мѣсто добродушнѣйшаго князя С. М. Голицына, чтобы строже слѣдить за умственнымъ Московскимъ движеніемъ.

Digitized by Google

но по слухамъ это нервическое разстройство, которое очень близко къ сумасшествію.

Забылъ прибавить объ вашей статьѣ, что въ ней есть одно слово, за которое я вамъ тысячу поклоновъ отвѣшиваю. Это: «оторвавшись отъ прошлаго и *фанатически* вѣруя въ силу будущаго». Славно и глубоко!

Преосвященный [1]) въ большой дружбѣ съ Аксаковымъ.

У меня въ домѣ опять всѣ были больны, и даже довольно серіозно, но теперь, слава Богу, все кончилось благополучно, я чувствую, что, кажется, надобно бы хоть мѣсяца на три заграницу. Будетъ ли только это возможно?

Прощайте. Что ваша служба? Меня здѣсь испугали за васъ, сказавъ, что васъ не пожалѣлъ Коломенскій [2]) столбъ, отъ котораго вы бы такъ рады отдѣлаться. Правда ли? Авось нѣтъ. Другіе говорятъ, что онъ самъ шатается. Я безъ всякой злобы этому былъ бы очень радъ.

3.

(Весна 1847 года).

Насилу насилу, собрались мы изъ Москвы, послѣ страшныхъ споровъ и толковъ и, такъ сказать, междоусобій. Авось и вправду мы выѣдемъ и попадемъ за границу. По причинамъ, которыя я вамъ разскажу въ Петербургѣ, мнѣ не хочется быть публикованнымъ въ Москвѣ; а такъ какъ дѣло возможно въ Петербургѣ, то хорошо бы было, если бы вы сдѣлали мнѣ одолженіе и напечатали бы про нашъ отъѣздъ за границу: въ Германію, Англію, Францію и Италію (ибо я и самъ не знаю, куда доктора пошлютъ) ѣдутъ отставной штабсъ-ротмистръ А. С. Хомяковъ, жена его Катерина М. Х., дѣти Марья и Дмитрій, иностранка Эмма Гатфильдъ и вольноотпущенная Арина Артемьева. Да еще вы сами предложили, то я и могу васъ просить: похлопочите, нельзя ли въ послѣднихъ числахъ Мая, отъ 25-го, имѣть мѣста на Штеттинскомъ пароходѣ. Число ѣдущихъ вамъ извѣстно. Надобно, чтобы всѣмъ мѣсто было.

---

[1]) Кто именно, не знаемъ.

[2]) Министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ (огромнаго роста).

Digitized by Google

Я думаю, надобно взять каюту; но какъ знаете. Больше ничего не пишу. Надѣюсь скоро съ вами потолковать обо всемъ въ Питерѣ, гдѣ пробуду дней 12 или 14 [1]).

4.

(4 Мая 1848 г.).

Порученіе ваше я исполнилъ; до сихъ поръ не писалъ къ вамъ потому, что ждалъ отъ васъ вѣсти. Что вамъ сказать? Люди, которые должны бы дать отвѣтъ, народъ самый нерѣшительный въ цѣломъ мірѣ. Они васъ любятъ и уважаютъ и ничего не говорятъ. «Надобно спросить у Сони». Да совсѣмъ ненадобно; до нея еще дѣла нѣтъ. Она не могла еще узнать порядочно Алекс. Никол.: вы скажите свое мнѣніе. «Да если мы скажемъ, то это будетъ уже рѣшительное согласіе, и послѣ того, если Соня не захочетъ подтвердить наше рѣшеніе, то мы будемъ обвиняемы въ двуличности». Да совсѣмъ нѣтъ. Ваше согласіе только предварительное, и послѣдняя инстанція рѣшитъ независимо отъ васъ. «Такъ спросимъ у нея». Разумѣется, на это я не согласенъ и думаю, что не долженъ согласиться, а другаго отвѣта не могу добиться. Но по моему одно дѣло ясно: если С. рѣшитъ въ вашу пользу, когда поближе васъ узнаетъ, старшіе будутъ согласны; въ этомъ я убѣжденъ. Ваше дѣло устроить себя или приготовить свой путь такъ, чтобы это было не безразсудно; а съ своей стороны я могу сказать, что васъ такъ любятъ и цѣнятъ, что, кажется, все можетъ устроиться къ добру. Надобно только, чтобы С. узнала васъ и рѣшила вопросъ. Я бы счелъ это великимъ счастіемъ для себя. Покуда болѣе сказать не могу; разсудите сами, что нужно далѣе, а мнѣ поручайте, и знайте, что ваши порученія мнѣ очень дороги [2]).

Скажите пожалуста Веневит., что я его посылку получилъ въ исправности и ему буду на дняхъ писать; также хотѣлось

---

[1]) Хомяковъ уѣхалъ за границу изъ Петербурга 31 Мая 1847.

[2]) А. Н. Поповъ искалъ руки Софьи Петровны Бестужевой (вышедшей впослѣдствіи замужъ за Н. Д. Давыдова), которая по матери своей была родная племянница супругѣ А. С. Хомякова. Позднѣе А. Н. Поповъ женился на Марьѣ Петровнѣ Мосоловой.

Digitized by Google

бы написать и Самарину; если онъ уже въ Питерѣ, поклонитесь ему отъ меня.

Вчера былъ диспутъ Буслаева, не очень интересный, хотя и довольно живой [1]). Сильные были пріемы Санскритскихъ корней, за что Аксаковъ нѣсколько сердится. Я ратоборствовалъ, но немного, потому что публика была уже крайне утомлена. Прощайте покуда.

5.

(1848).

Кажется, Мамоновъ [2]) берется доказать вамъ, что вы несовсѣмъ были къ нему справедливы. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ эскизъ, который, будетъ ли конченъ или нѣтъ (ибо это дѣло сомнительное), есть уже самъ по себѣ прекрасное художественное произведеніе, стиля совершенно новаго и высокаго. Это еще не икона, но стѣнная живопись церковная, доведенная до необычайной красоты. Предметъ былъ ему заданъ мною — Путники въ Эммаусъ; но онъ взялъ не тотъ моментъ, за который берутся обыкновенно живописцы, моментъ преломленія хлѣба. Лука молодой, а Клеопа уже старикъ, шли и говорили;

---

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ защищалъ свою магистерскую диссертацію „О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ" 3 Мая 1848 года. Диспутъ продолжался слишкомъ три часа.

[2]) Эммануилъ Александровичъ Дмитрієвъ-Мамоновъ (старшій сынъ масона и основателя Петербургскаго Общества Поощренія Художниковъ, Александра Ивановича Мамонова) принадлежалъ къ многому числу высокодаровитыхъ Русскихъ людей, которые берутся за дѣло черезъ-чуръ свысока и сгоряча и потомъ кончаютъ, можно сказать, ничѣмъ. Это былъ художникъ и мыслитель замѣчательный, но къ сожалѣнію почти ничего не произведшій. У него не доставало воли для исполненія широко задуманныхъ созданій. Между прочимъ, владѣлъ онъ необыкновеннымъ искусствомъ рисовать портретные очерки съ памяти, и въ альбомахъ у его пріятелей сохранились нѣкоторые прекрасные его рисунки этаго рода. Друзья его, въ бесѣдахъ съ которыми расточалъ онъ необыкновенныя дарованія ума и тонкаго художественнаго вкуса, никогда его не позабудутъ. Изъ недоконченныхъ портретовъ, писанныхъ имъ на полотнѣ, замѣчательны особенно портреты Хомякова (находящійся у Д. А. Хомякова) и И. В. Киреевскаго (у Маріи Васильевны Боеръ). Надо замѣтить, что А. С. Хомяковъ былъ большой знатокъ въ живописи и самъ иногда рисовалъ.

Digitized by Google

къ нимъ съ лѣвой руки присоединился путникъ, выше ихъ ростомъ — Христосъ. Они идутъ. Онъ говоритъ, а они слушаютъ. Много красоты и власти въ Христѣ, но апостолы просто удивительны. Горѣніе сердецъ и слѣпота выражены превосходно. Пейзажъ бѣдный, какъ въ первой школѣ Рафаэля. Вдали Іерусалимъ, очень похожій на Русскій городъ. Тишина и какая-то святость наполняютъ картину и передаются зрителю на долго. Картина уже начерчена на холстѣ и будетъ скоро отдѣлываться красками. Не знаю, какъ-то тутъ справится художникъ, но у меня большая надежда на успѣхъ. Далѣе онъ хочетъ прослѣдить учениковъ въ слѣдующіе два момента: они уговариваютъ Христа отдохнуть съ ними и потомъ узнаютъ Его. Вы видите, что задача полная и прекрасная. На меня это подѣйствовало благотворно, порадовало, оживило и заставило работать усерднѣе. Если ужъ и Мамоновъ работаетъ, то кому же еще позволено лѣниться? Впрочемъ вы не ждете добраго примѣра, а трудитесь вдоволь. Предпринятая вами статья трудъ не малый. Кончите ее; не удастся ли вамъ въ видѣ непротивномъ цензурѣ представить христіанскую истину Европейскаго требованія на Западѣ при невозможности удовлетворенія этому требованію безъ христіанства? — Благодарю васъ за хлопоты объ моей статьѣ: я ею дѣйствительно дорожу именно какъ заключительною, кромѣ послѣсловія, которое будетъ нѣсколько въ стилѣ проповѣди. Нельзя ли ее пропустить прямо черезъ негласный комитетъ, т.-е. получить напередъ одобреніе Бутурлина или какъ-нибудь косвенно, выказавъ всю подлую ложь Давыдовскаго сужденія? [1]). Впрочемъ, какъ знаете. Разумѣется, вы очень справедливо догадываетесь, что одобреніе моего Исповѣданія [2]) было бы для меня гораздо дороже всѣхъ моихъ статей; но вотъ теперь и объ немъ затрудненіе. Протасовъ черезъ Веневитинова посылаетъ мнѣ на пересмотръ экземпляръ съ своими отмѣтками, вообще неважными, но справедливыми (вѣро-

[1]) Извѣстный Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, деканъ словеснаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Бутурлинскій комитетъ, носившійся съ мыслію, не процензировать ли самую Библію, слишкомъ памятенъ, чтобъ о немъ говорить.

[2]) Катехизическое ученіе о церкви, составленное А. С. Хомяковымъ. (См. II томъ его сочиненій).

Digitized by Google

ятно синодскими) и желаетъ, чтобы я объ этомъ самъ у Филарета похлопоталъ. Это дѣло крайне трудное съ такимъ человѣкомъ; я у него побываю и за дѣло примусь, разумѣется очень осторожно, чтобы не испортить всего. Но не лучше ли бы было, и даже не нужно ли, чтобы къ Филарету пришелъ экземпляръ съ запросомъ, разумѣется не отъ Синода или отъ Протасова, а отъ кого-нибудь изъ безцвѣтныхъ членовъ Синода, къ которымъ здѣшній митрополитъ равнодушенъ, безъ упоминанія моего имени? Подумайте объ этомъ и поговорите, а я покуда слегка толкнусь къ самому. Хотѣлъ было это сдѣлать черезъ барынь (напр. Наталью Петр. Кир.), да всѣхъ ихъ боюсь, а ея болѣе всѣхъ. Какъ-то это удастся? А меня это сильно тревожитъ. Кромѣ того, что я крѣпко дорожу этою работою и по совѣсти считаю ее весьма доброю и полезною, я еще гляжу на нее какъ на завѣщаніе Валуева, который меня понудилъ этимъ заняться въ надеждѣ добраго дѣйствія на Англію, и никогда съ нею не разставался и перечитывалъ ее часто, особенно когда на него нападала болѣзненная тоска.

Правда ли, что Австрія доводитъ Елачича до отчаянія и отдаетъ Славянъ и даже Хорватовъ связанныхъ Мадьярамъ? Если правда, то грустно. Уступить стыдъ и грѣхъ; возстать— кровопролитіе сильное, буря страшная, но разумѣется, все лучше уступки. Видно, безъ грозы не прочистится. Что за подлецы эти Австрійцы! Что за слѣпота въ мнимой мудрости политики Меттерниховой! — Въ Англіи вышла странная, но, говорятъ, весьма неглупая книга, подъ названіемъ *Славянская реакція* противъ современнаго безвѣрія. Какъ странна эта внутренняя симпатія! И въ одной только Англіи! Я туда пишу объ Окружномъ Посланіи и о прочемъ [1]).

Въ скоромъ времени пошлю вамъ (т.-е. недѣли черезъ четыре) ряду свою съ крестьянами [2]). Она почти совершена, но еще кое о чемъ торгуемся. По моему, это величайшій знакъ ихъ добросовѣстности.

---

[1]) Къ Пальмеру.

[2]) Хомяковъ добивался добровольнаго договора съ крестьянами и продолжалъ это дѣлать до кончины.

Digitized by Google

6.

(17 Марта 1848).

Правы вы были, когда писали, что дѣла есть на свѣтѣ еще и поважнѣе Парижскихъ. Паденіе Австріи или, лучше сказать, распаденіе ея, совершилось или совершается. Для иныхъ это дѣло чисто-политическое, для насъ дѣло историческое. Исчезаетъ слѣдъ Карловской Имперіи. Первенство Германской стихіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вещественномъ, миновалось. Папа, раскачавъ Италію и пустивъ въ ходъ силы неподвѣдомственныя ему, сидитъ себѣ въ уголкѣ Рима грустненькій и слабенькій. Папство Григорія идетъ туда же, куда Карлова Имперія, въ историческій архивъ. Туда же за ними Протестантство и Католицизмъ. Поле чисто. Православіе на міровомъ череду. Славянскія племена на міровомъ череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами.

Теперь вопросъ, сумѣемъ ли мы воспользоваться ею? Можемъ ли воспользоваться ею? Грустно, а должно признаться, что опасеній должно быть у насъ столько же, сколько и надеждъ. У большей части Славянъ порча Германо-Римская (Богемія и Польша) пропила до костей и мозга. У другихъ, менѣе испорченныхъ (Словаки, Краинцы и др.) была и есть склонность къ намъ; но первая радость, первое опьяненіе свободы вѣроятно увлекутъ ихъ къ той области, изъ которой исходитъ видимое движеніе, т.-е къ Западу. Чистѣйшіе народы, наименѣе подвергшіеся вліянію Запада во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ религіозномъ (Сербскіе), вѣроятно подпадутъ двойному соблазну политическаго построенія и вещественнаго просвѣщенія, которое насъ увлекло съ Петровской эпохи. Вотъ опасности вѣроятныя и едва ли не вѣрныя, которыя предстоятъ намъ; вотъ съ чѣмъ намъ приходится бороться. Силъ потребуется немало, силъ сознательныхъ, многосторонніхъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ современнымъ.

Такова наша общественная задача, общественная, а не правительственная; ибо правительство только направляетъ употребленіе силъ, а не создаетъ силъ. Безнаказанно нельзя смѣшивать общественную задачу съ политической; на это можетъ

Digitized by Google

только рѣшиться революціонная Франція, и разумѣется она и пожнетъ плоды своего безумія. Германія склонна къ той же ошибкѣ; но есть еще надежда, что она нѣсколько позамедлитъ и надоумится примѣромъ сосѣдки. Со временъ революціи торжествуетъ (хотя, разумѣется, существуетъ издавна) нелѣпое ученіе, смѣшивающее жизнь общества государственнаго съ его формальнымъ образомъ. Это ученіе такъ глубоко пустило свои корни, что оно служитъ основаніемъ самому протестантству политическому (коммунизму или соціализму), разрѣшающему задачу общества только новою формою, враждебною прежнимъ формамъ, но въ сущности тождественною съ ними. Можно еще прибавить, что оно пустило такъ глубоко корни, что человѣкъ съ здравою логикой ясно понимаетъ необходимый *Сѣверно-Американизмъ* (такова общая формула) самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Западнаго движенія и можетъ также легко прослѣдить его въ неподвижности Голохвастова и моихъ тетушекъ, какъ и въ любомъ горячемъ студентѣ, мечтающемъ о перемѣнахъ и переворотахъ цѣлаго міра. Перевоспитать общество, оторвать его совершенно отъ вопроса политическаго и заставить его заняться самимъ собою, понять свою пустоту, свой эгоизмъ и свою слабость: вотъ дѣло истиннаго просвѣщенія, которымъ наша Русская земля можетъ и должна стать впереди другихъ народовъ. Корень и начало дѣла—религія, и только явное, сознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другаго развитія. Паденіе Папства откроетъ путь, ибо Протестантство уже пало; но этаго мало. Поле чисто, да его надобно вспахать анализомъ науки и засѣять сѣменемъ живымъ. Хватитъ ли у насъ силъ и ревности? Будетъ ли свобода добру, или смѣшаютъ его со зломъ, потому только, что оба похожи другъ на друга способностью жить и двигаться?

Объ Москвѣ мнѣ вамъ писать новаго нечего кромѣ того, что по случаю поэмы *Двойная Жизнь* и Шевыревскаго разбора произошли опять смуты между Шевыревымъ, Павловымъ и Аксаковыми; да вотъ чудесный анекдотъ. Смутные слухи объ епископѣ раскольничьемъ въ *Галиціи* прошли въ общество, и вотъ какъ они формулировались въ немъ. Сцена Англійскій клубъ. «Вотъ каковы мы! Знаемъ все, что̀ дѣлается во Фран-

Digitized by Google

ціи, а что въ Россіи—не знаемъ и не слышимъ».—Да что же въ Россіи?—«А вотъ что: въ *Галицкихъ* лѣсахъ поймали *дикаго архіерея*». Кажется уже лучше этого и не придумаете. Пожалуста пустите въ ходъ.

М. 17 д.

7.

(1848).

Завтра, любезный Александръ Николаевичъ, выѣзжаемъ мы изъ Москвы. Пора, давно пора! Жары смертельныя, холера сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, всѣ перепуганы, и даже тѣ которые къ испугу не очень способны тревожатся невольно отъ безпрестанныхъ толковъ, отъ которыхъ отбиться невозможно. Медицина отвратительна, по какому-то грубому равнодушію медиковъ, въ одно время трусливыхъ и беззаботныхъ. Опытовъ не дѣлаютъ и дѣлать не хотятъ, а тащатся безсмысленно въ колеѣ уже проторенной. Я не могу добиться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился хоть испытать простое лѣченіе слѣдующимъ средствомъ: Morphii Acéticі съ водою лавровишневой или съ разведенною амигдалиною и въ тоже время кл. изъ крахмала съ опіумомъ. Если, чего Боже избави, у васъ тоже есть въ Питерѣ слѣдъ холеры, поищите медика, который бы рѣшился на такой опытъ, и уговорите его. Вѣдь кромѣ пользы, доктору была бы Европейская слава. Что до меня касается, впрочемъ, я держусь одного, говорю тоже безпрестанно всѣмъ знакомымъ, и вамъ, и Веневитинову, и Муханову: имѣйте всегда при себѣ стекляночку *Ipécacuana* и стекляночку *Vératrum Album*. Тысяча человѣкъ этимъ лѣчены въ Мценскѣ, и никто не умеръ; но доктора не хотятъ про это и слушать.

Въ общей бѣдѣ есть у меня и частная досада, хотя впрочемъ эта частная досада есть также отзывъ другой общей заразы, хотя и не холеры. Мою статью объ Англіи не пропустила цензура. Если бы вы только могли видѣть, что именно не пропущено, вы бы едва повѣрили своимъ глазамъ; а замѣтьте, что это не особенная строгость ко мнѣ, а просто страхъ, принятый за правило здѣшними цензорами, которыхъ будто бы пугаютъ изъ вашихъ сторонъ. Да гдѣ же тутъ толкъ? Неужели генералы и даже адмиралы разные, какъ говоритъ

Digitized by Google

Гоголь, не понимаютъ уже ровно ничего въ теперешнемъ положеніи дѣлъ? Неужели не понимаютъ, что налагать молчаніе на самодѣльную мысль все тоже, что̀ готовиться къ войнѣ и запретить всякую выдѣлку пороха для того, чтобы онъ не сдѣлался орудіемъ мятежа; тоже, что̀ обезоружить страну для того, чтобы она не употребила оружія во зло? Вы кое-кого видите людей умныхъ, благомыслящихъ и отчасти небезспльныхъ. Пожалуста поговорите, попросите ихъ объ томъ, чтобы была дана хоть малая свобода Московской цензурѣ. Вы меня знаете; вы знаете, что мнѣ статья журнальная не можетъ быть дорога̀ по славѣ или самолюбію. Но видѣть, что нѣтъ никакой возможности принести хоть какую-нибудь пользу, это несносно; а еще несноснѣе видѣть, что этотъ слѣпой страхъ, которымъ проникнута цензура, ведетъ къ бѣдѣ. Москва съ своимъ Кремлемъ и тройнымъ оцѣпленіемъ святыхъ мѣстъ, охватывающихъ ее со всѣхъ сторонъ: это Оксфордъ Россіи, но Оксфордъ огромный, много сильнѣе Англійскаго. Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; по этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое-нибудь, повидимому, оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положатъ совершенную преграду, пусть отнимутъ всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморятъ ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной — и не найдутъ. Теперь не только можно, но должно поощрить, развязать умственное движеніе въ центрѣ жизни нашей, въ Москвѣ, а цензура дѣлается неслыханнымъ бичомъ. Просто повѣрить нельзя, до чего она доходитъ. Я не стану ничего цитовать, потому что пришлось бы цитовать цѣлыя статьи; но одно слово можетъ вамъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ сумасшествіи. Слова *низшіе классы*, *рабочій народъ* или *классъ* запрещаютъ рѣшительно въ статьѣ объ Англіи. Довольно ли этаго? Разумѣется, нельзя и думать, чтобы такія наставленія были даны цензорамъ; но они до того напуганы, что у нихъ просто умъ помутился; а между

Digitized by Google

тѣмъ словесность должна замолкнуть, всякая жизнь умственная должна замолкнуть въ Москвѣ, и тогда я желалъ бы посмотрѣть, что̀ положитъ преграды умственной контрабандѣ. Это дѣло не шуточное. Надобно, чтобы объ немъ подумали; надобно, чтобы цензорамъ и властямъ цензурнымъ здѣшнимъ было объяснено, что этотъ нелѣпый страхъ вреденъ и крайне вреденъ, что онъ не къ добру. Я знаю, кто радуется этому молчанію словесности нашей, кто съ насмѣшкой говоритъ: tu l'as voulu [1]), какой духъ торжествуетъ въ безсиліи доброй мысли; и вы это можете знать и всякій разумный и благомыслящій долженъ это знать. А въ тоже время въ обществѣ, которое ничего не знаетъ, но досадуетъ на молчаніе, слышно: «Вотъ, видите ли, никто добраго слова не хочетъ сказать» или, какъ я слышалъ: «La conspiration de la parole est remplacée par la conspiration du silence [2]). Очень забавное положеніе.

8.

Эврика! Холера меня такъ задѣла заживо опустошеніями, которыхъ полный размѣръ еще не извѣстенъ (я его полагаю слишкомъ въ милліонъ убылыхъ), что я ополчился на нее рѣшительно. Не всякая болѣзнь имѣетъ спецификъ; большая часть болѣзней зависитъ вполнѣ отъ организма, и сколько пацієнтовъ, столько же и спецификовъ. Но заразительная или міазматическая непремѣнно имѣетъ одинъ спецификъ, потому что всегда происходитъ отъ одной и той же причины. Отъ этой мысли я отправился и сталъ добиваться лѣкарства. Гомеопатія мнѣ не измѣняла *ни раза;* но я чувствовалъ, что ея употребленіе въ большомъ видѣ невозможно и не можетъ еще быть средствомъ къ прекращенію холеры. Наблюденіе и опытъ дали мнѣ это средство. Я бью теперь холеру налету: не только у себя, но и у сосѣдей я ее совершенно прекращаю въ два-три дня и теперь смѣло утверждаю, что изъ всѣхъ заразительныхъ болѣзней (какъ скарлатина, тифусъ и пр.) холера едва ли не всѣхъ менѣе опасна. Спецификъ самый простой — чистый деготь. Я испыталъ его въ разныхъ видахъ, и отдѣльно, и съ разными

[1]) Ты этаго хотѣлъ.

[2]) Заговоръ слова замѣненъ заговоромъ молчанія.

Digitized by Google

примѣсями, и по опыту остановился на слѣдующемъ составѣ: чистый деготь и конопляное масло пополамъ, начиная отъ стакана смѣси до полурюмки по возрасту больнаго. Замѣтьте, что холерины я не признаю за холеру; не признаю холерою даже рвоты и поноса соединенныхъ, хотя бы они сопровождались значительнымъ охлажденіемъ членовъ; эти случаи (а ихъ у меня перебывало до тысячи) отстраняются легко смѣсью вина съ масломъ пополамъ и другими тому подобными средствами. Холерою признаю я только корчевую, и этихъ пацiентовъ перебывало у меня до полутораста. Смертныхъ случаевъ было только четыре или пять, и тѣ или изъ весьма старыхъ, или изъ родильницъ. Лѣченіе слѣдующее: пріемъ по возрасту дегтярной смѣси, растираніе тѣла перцовкой съ крапивою или другимъ жгучимъ составомъ; горчичникъ или хрѣнъ на желудкѣ, питье парнаго молока или, по недостатку его, тепловатой отварной воды или миндальнаго молока, и строжайшее запрещеніе воды холодной или кваса на нѣсколько дней. У всѣхъ больныхъ проявляется послѣ холеры, въ первые дни, такая страсть къ холодному питью, что многихъ крестьянъ я былъ принужденъ связывать или пеленать. Холодное питье—совершенный ядъ; оно убиваетъ иногда мгновенно и почти никогда не проходитъ даромъ. Дѣйствіе лѣкарства—мгновенное прекращеніе рвоты, согрѣваніе тѣла, теплый и часто сильный потъ и тихій сонъ. Поносъ уменьшается мало-по-малу, чему разумѣется способствуютъ другія простыя средства; корчи перестаютъ очень скоро при растираніи. Были два или три случая, что рвота не вдругъ уступила; повторенный, но уже уменьшенный пріемъ той же дегтярной смѣси или дегтя съ уксусомъ перервалъ ее. Впрочемъ эти случаи по рѣдкости своей почти не заслуживаютъ упоминанія. Мнѣ попадались въ чужихъ деревняхъ многіе уже запущенные больные, и никто не умиралъ. Въ сухой холерѣ я употреблялъ тоже средство съ тѣмъ же успѣхомъ; напередъ давалъ нѣсколько стакановъ теплой воды для произведенія рвоты *). Успѣхъ этаго лѣченія несомнѣненъ;

*) Тифозныхъ послѣдствій не бываетъ никогда; но я нахожу, что повтореніе пріема, уменьшеннаго въ половину черезъ сутки, значительно ускоряетъ выздоровленіе. Впрочемъ это еще требуетъ повѣрки.

Digitized by Google

ибо, какъ я уже сказалъ, я не признавалъ холерою болѣзнь только въ началѣ, а лѣчилъ ее въ полномъ и сильномъ развитіи съ постояннымъ и полнымъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ такъ великъ, что я смѣло взялся бы прекратить холеру въ недѣлю въ любой столицѣ, будь она величиною и людностью съ Лондонъ. Но для прекращенія ея еще одно правило необходимо: какъ скоро кто-нибудь заболѣлъ, лѣчить его или дома, или въ больницѣ, и тотчасъ всему дому отъ перваго до послѣдняго жильца давать три дня предохранительное средство. Я объ немъ уже писалъ вамъ*): это ежедневный пріемъ въ ложкѣ воды трехъ или пяти капель спирта, въ которомъ распущены три грана камфоры на штофъ спирта. Это такъ же вѣрно какъ *Belladonna* въ скарлатинѣ, если не вѣрнѣе. Съ этими мѣрами я отвѣчалъ бы за любой городъ.

Вы видите, что это дѣло не шуточное: милліона народа или около того уже не досчитывается Россія; сколькихъ еще похититъ болѣзнь у насъ и въ Европѣ, неизвѣстно. Опытъ долженъ быть на совѣсти всѣхъ тѣхъ, кому есть возможность произвесть этотъ опытъ. Я самъ бы пріѣхалъ для этаго въ Петербургъ; но вы можете представить себѣ, что теперь не таково время, чтобы мнѣ оставить своихъ и матушку, которая, разумѣется, не можетъ быть покойна, когда холера едва прекращена въ нашемъ сосѣдствѣ, а все еще валитъ народъ верстахъ въ 15-ти и даже ближе.

Хочется мнѣ объ этомъ лѣченіи публиковать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, только не знаю, помѣстятъ ли публикацію; а васъ я попросилъ бы похлопотать, чтобы въ Питерѣ испытали мое лѣченіе. Пусть нарядятъ добросовѣстнаго и смышленаго чиновника; пусть отведутъ теплую палату въ больницѣ и пусть въ этой палатѣ другаго уже лѣченія не дѣлаютъ. Какіе бы ни поступали трудные больные, если только они ни испорчены уже другимъ лѣченіемъ, я убѣжденъ, что смертность будетъ совершенно ничтожна. Жизнь тысячъ и тысячъ людей можетъ зависѣть отъ добросовѣстнаго изслѣдованія предлагаемаго мною способа, и отказать въ этомъ изслѣдованіи

*) Этаго письма у насъ не имѣется. *Изд.*

Digitized by Google

было бы просто преступленіемъ. Быть можетъ, я ошибаюсь и принимаю за общій спецификъ лѣкарство, котораго успѣхъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ причинъ; но множество обстоятельствъ заставляютъ меня вѣрить въ совершенно-специфическую силу этаго лѣченія. При этомъ оно доступно всѣмъ, всюду можетъ быть употребляемо самими жителями по простой инструкціи отъ правительства, и если я правъ, то холера перестаетъ быть бичомъ, такъ же какъ оспа. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Я увѣренъ, что вы этаго не оставите безъ вниманія и надѣюсь, что вамъ удастся пробудить совѣсть въ комъ-нибудь изъ имѣющихъ власть и начальство. Я не боюсь холеры нисколько; я съ нею боролся и вездѣ искалъ случая съ ней бороться; но ужасъ беретъ при видѣ и слухѣ ея опустошеній. Мелкія начальства тупы и робки; въ одномъ только Питерѣ возможенъ опытъ рѣшительный и общеполезный; въ немъ только еще можно найти людей, которые на это посмотрятъ какъ на дѣло долга и совѣсти. Только прибавлю, что на докторовъ полагаться нельзя, а необходимо присутствіе ревностнаго и добросовѣстнаго чиновника въ самой больницѣ.

На дняхъ у меня былъ случай, котораго я не могу вспомнить безъ нѣкотораго ужаса и въ тоже время благодарности Богу. Жена моя пошла съ маленькою Катенькой и дѣвушкой гулять въ лѣсъ; тамъ встрѣтилась имъ крупная дворная собака; подбѣжала къ нимъ и пошла за ними; такъ проводила она ихъ почти до дому, около версты, потомъ бросилась отъ нихъ въ сторону, перекусала всѣхъ собакъ, кидалась на людей и на скотину; она была въ полномъ разгарѣ бѣшенства и, еще прежде чѣмъ попалась навстрѣчу къ женѣ моей, перекусала многихъ. Признайтесь, что это счастіе почти невѣроятное. Богъ помиловалъ!

Статью мою, наконецъ, пропустили. Не знаю какъ, ибо цензура рѣшительно сперва отказала; но знаю, что Погодинъ и Шевыревъ лѣзли изъ кожи. Кажется, безъ самолюбія могу сказать, что она того стоитъ. Англичане, которымъ она читана была, говорятъ, что она была бы подаркомъ для Англіи. Не знаю, читали ли вы ее; на дняхъ пошлю вамъ два экземпляра со вставкою, выпущенною цензоромъ, а потомъ и остальныя.

Digitized by Google

Выпусковъ немного, но жаль ихъ*). Думаю о послѣдней статьѣ. Не все же холера будетъ поглощать людскія мысли и вниманіе. На дняхъ получилъ я изъ Лондона большое письмо: много хорошаго и радостнаго. Въ газетахъ вижу молодечество Сербовъ и Хорватовъ; не все же одно горе: есть и утѣшеніе.

Будьте сами бодры. Устроивайте себя удобно и разумно. Что вы не хотите перерѣзывать дороги Кавелину, за это, кажется, васъ нельзя не похвалить. Совѣтовъ же дать я не могу. Вамъ виднѣе дѣла Петербургскія. Объ васъ у насъ разговоръ очень часто; но какъ бы ни были дружественны расположенія всѣхъ, невозможно ничего сказать, когда главное лицо въ дѣлѣ остается въ сторонѣ; а отъ него отвѣтъ, можетъ быть только при свиданіи, и я стараюсь избѣгать всего, что могло бы испортить или дать дурное направленіе дѣлу. Правъ ли я? Если не правъ, то конечно не изъ равнодушія.

Прощайте покуда. Дай вамъ Богъ всякаго счастія. Кланяйтесь Самарину отъ меня; слышу, что онъ писалъ ко мнѣ, но письма еще не получалъ.

L. 28 д. Боучарово.

9.

(16 Августа 1848).

Вы очень были неправы ко мнѣ, полагая, что я на васъ сердитъ или по крайней мѣрѣ досадую за содержаніе и строй вашихъ писемъ. Теперь вы уже увѣрились въ противномъ. Я бы могъ самъ на васъ сердиться за это мнѣніе; но знаю по опыту довольно грустному, что вообще люди, которые даже очень коротко меня знаютъ (напр., Валуевъ, которому я былъ, повидимому, совершенно знакомъ) всегда меня подозрѣваютъ въ какомъ-то эгоизмѣ, не въ отношеніи можетъ быть дѣлъ общихъ, но въ отношеніи дѣлъ пріятелей и друзей. Видно, есть что-нибудь необходимо вводящее въ эту ошибку; слѣдовательно и не на кого пенять. Я очень живо принимаю къ сердцу ваше тревожное состояніе, ясно вижу положеніе дѣла: съ вашей стороны неизвѣстность о томъ, какъ будетъ расположена С.; со стороны ея старшихъ необходимость думать объ ея буду-

*) Подлинникъ статьи утраченъ. *Изд.*

Digitized by Google

щемъ; наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что у васъ чувство не дѣтское, не безразсудное, а истинное и серьезное. Я всею душою желаю, чтобы все кончилось хорошо; но понимаю также, что, какъ бы я ни сочувствовалъ, это все не то какъ вы чувствуете, слѣдовательно тревога ваша есть состояніе неизбѣжное. Одинъ мой совѣтъ (удобоисполнимъ или нѣтъ, вамъ лучше знать)—сказать себѣ: не я хотѣлъ бы, но я хочу. Тогда тревога упадаетъ передъ рѣшимостью и, какія бы ни были приготовленія къ бою и его рѣшеніе, судьба беретъ съ души только законную подать, а лишней не возметъ. Дѣятельность человѣка получаетъ твердость и опредѣлительность только при естественномъ или самопредписанномъ спокойствіи его духа. Вообще я очень знаю, что легче все это сказать, чѣмъ сдѣлать. Не забудьте однако: С. молода, да и вы не стары (это я сказалъ просто для разнообразія слога, а слѣдовало просто сказать молоды). Время есть, были бы воля и сочувствіе.

Послѣ моего послѣдняго письма опыты мои надъ холерой продолжались и вполнѣ подтвердили мое убѣжденіе. Нѣкоторыя усовершенствованія сдѣланы мною еще. Пріемъ уменьшенъ первоначальный до полустакана, за то повторяется черезъ четыре или шесть часовъ, разумѣется въ уменьшенномъ видѣ и черезъ сутки также уменьшенный. Питье изобрѣтено отличное: молоко, въ которое вливается нѣсколько уксусу. Творогъ осѣдаетъ быстро, и свѣжая сыворотка утоляетъ жажду и возстановляетъ силы съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы это лѣченіе приняли, и я по совѣсти убѣжденъ, что холера, какъ бичъ, сдѣлается просто рококо. Лѣкарство найдено эмпиризмомъ крестьянъ; я же имѣю только ту заслугу, что сознательно его изучилъ и усовершилъ, именно примѣсью масла и распредѣленіемъ пріемовъ. Вѣрьте мнѣ впрочемъ, что это мнѣ далось не даромъ: я рѣшительно вступилъ въ бой съ холерой, и эта двухмѣсячная борьба не случайная, а веденная съ намѣреніемъ и рѣшительностью, отозвалась порядкомъ на моемъ здоровьѣ. Я въ продолженіе всего этаго времени испыталъ все волненіе битвы.

Вы не можете представить, какъ ваше письмо мнѣ было полезно. Ваше слово было для меня тоже самое, что́ слово под-

Digitized by Google

сказанное человѣку, который роется въ своей памяти, перелистываетъ ее всю и не можетъ дорыться до какаго-нибудь воспоминанія близкаго и знакомаго, которое именно теперь-то и не дается. Въ головѣ моей былъ узелъ или, лучше сказать, развязка моихъ статей, а я ходилъ, ходилъ и отыскать его не могъ. Вы мнѣ его подсказали и поистинѣ оживили меня. Мнѣ яснѣе сталъ весь объемъ работы моей; а безъ васъ онъ, можетъ быть, долго еще ускользалъ бы отъ меня.

На счетъ статьи объ Англіи [1]) я скажу вамъ, что я многаго не сказалъ, потому только, что боялся излишняго многопредметства. Я хотѣлъ удержать вниманіе читателей только на томъ, что́ нужно. Отъ того-то я не говорилъ объ отношеніяхъ Англичанъ къ пластикѣ и музыкѣ. Слабость ихъ въ первой зависитъ отъ двухъ противоположныхъ причинъ: отъ Протестантства, которое ведетъ къ genre, и отъ высокихъ требованій, которыя имъ удовлетворяться не могутъ. Это оправдывается высокими достоинствами Англійскихъ каррикатуръ. Вопросъ о музыкѣ труднѣе и многосложнѣе; въ моемъ мнѣніи объ немъ много гадательнаго. Поэтому мнѣ не приходилось говорить объ немъ. Прилагаю при семъ два экземпляра уже поправленной статьи, т. е. такой, какая она была у меня. Выпущено мало и неважное, но кое-что затемнено и ослаблено выпусками. Скоро получите еще нѣсколько экземпляровъ. Если почтете нужнымъ, выправьте и тѣ. Я бы очень хотѣлъ послать одинъ графинѣ Антуанетѣ Дмитріевнѣ [2]), да какъ-то боюсь, чтобы не было смѣшно послать журнальную статью.

А. 16 дня.

10.

(1848).

Вы уже моихъ писемъ вѣроятно боитесь какъ огня; но теперешнее не таково, чтобъ оно вамъ надѣлало хлопотъ. Мнѣ бы писать не должно по глазамъ; но ваше письмо къ женѣ таково, что мнѣ стыдно бъ было откладывать отвѣтъ. Ваши пени мнѣ напрасны и очень напрасны, если я что нибудь по-

[1]) Появилась въ Іюльской книгѣ Москвитянина 1848 года.

[2]) Блудовой, съ которою въ то время Хомяковъ еще не былъ *лично* знакомъ. Графиню звали Антониною Дмитріевной.

Digitized by Google

нимаю въ дѣлѣ. Хозяйственныя дѣла держатъ Б.*) въ Симбирской губерніи, а они всякую почту писали мнѣ пріискать имъ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню, потому что они такъ и рвутся сюда. Не будь такой поздней осени, С. П. хотѣла пріѣхать даже къ намъ гостить безъ матери. Нѣтъ (я это говорю отъ чистаго сердца, но разумѣется, по моему крайнему разумѣнію), нѣтъ никакой, ни самомалѣйшей причины къ вашему унынію. Вотъ какъ я дѣло вижу: прочее покажетъ время. Мнѣ за васъ больно и тяжело; но вѣрьте мнѣ, я столько видѣлъ въ васъ въ этомъ дѣлѣ искренняго и глубокаго чувства, что я за грѣхъ бы себѣ поставилъ и прошлаго года вамъ подавать надежды, которыхъ бы я не имѣлъ, и теперь продолжать ваше душевное волненіе, еслибъ я полагалъ, что все должно кончиться грустной неудачей. Вѣрьте мнѣ въ томъ, что все это близко и очень близко мнѣ къ сердцу, и скажу прямо, не только потому, что вы въ этомъ видите свое счастіе, но и потому, что я вижу тутъ возможность двойнаго счастія, которое было бы мнѣ дорого. Объ одномъ прошу: не болѣйте душою преждевременно. Зима все скажетъ. Если я ошибаюсь и увижу свою ошибку, я сейчасъ къ вамъ объ этомъ напишу. Прощайте, глаза горятъ.

11.

22 Октября (1848 г.).

Пространно и многословно было написалъ я введеніе къ рукописи; но дошелъ до половины и нашелъ, что все лишнее можетъ вредить, а необходимаго мало, и это малое написалъ я въ немногихъ словахъ. Мнѣ кажется, болѣе не нужно. Вотъ вамъ, л. А. Н., и отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, что́ я дѣлаю въ деревнѣ. Не знаю, какъ вы будете довольны предисловіемъ и введеніемъ; а по совѣсти скажу вамъ, что я доволенъ. Дай Богъ, чтобы это пошло въ ходъ! Для меня это дѣло совѣсти. Я говорю тутъ не какъ христіанинъ, а какъ работникъ науки. Стыдно, что Богословіе, какъ наука, такъ далеко отстала или такъ страшно запутана. Когда предстоитъ средство ее выдвинуть изъ темноты, этому дѣлу способствовать обязанъ

*) Петра Александровича и Прасковью Михайловну Бестужевыхъ, на дочери которыхъ, Софьѣ Петровнѣ, хотѣлъ жениться А. Н. Поповъ.

Digitized by Google

всякій кто можетъ. Поэтому я постарался вкратцѣ въ предисловіи опредѣлить характеръ рукописи, безъ чего, пожалуй, его бы и не замѣтили, а въ введеніи постарался, такъ сказать, *паѳосомъ* (говоря слогомъ новой школы) обратить вниманіе читателей на предстоящій вопросъ. Есть, можетъ быть, въ концѣ и нѣчто раздражающее или гордое; но безъ нѣкоторой обличительной смѣлости едва ли можетъ выходить истина на поприще міровое. Помните пожалуйста, какъ я написалъ; сами же скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно и если вы недовольны или придумали лучше, то пошлите и свое введеніе къ Жуковскому. Пусть онъ выберетъ. Дѣло общее. Къ Жуковскому пишу на дняхъ. Правда ваша: надобно спѣшить, а не то отцы напутаютъ. Макарій*) провонялъ схоластикой. Она во всемъ высказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, истиннаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и все живое обращать къ мертвому, наконецъ въ самомъ пристрастіи къ словамъ Латинскимъ, какъ напр.: основное для него слово *религія*, или уморительно-смѣшное выраженіе *фамилія* патріарховъ. Я бы могъ его назвать восхитительно-глупымъ, если бы онъ писалъ не о такомъ великомъ и важномъ предметѣ. Я радъ, что онъ, такъ сказать, по образу деревенскихъ барынь, въ контрѣ и пикѣ съ Филаретомъ. Авось, хоть со злости, что-нибудь да осмѣлятся сказать или изъ Академіи, или изъ духовенства Московскаго или Кіевскаго. Но, увы! страхъ такъ великъ, что и личная досада, пожалуй, смолкнетъ или будетъ только работать подспудно, если не совсѣмъ безъ пользы, то по крайней мѣрѣ безъ чести. Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго Богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи.

Теперь объ другомъ. Я не могу никакъ отыскать Тульскаго Комитета: онъ, говорятъ, съ тѣмъ только допущенъ, чтобы ему не собираться. Не думайте, чтобы я шутилъ. Право, не только такъ говорятъ, но утверждаютъ, что объ этомъ было трактовано властями официально и положено: быть Комитету, по домамъ и сноситься письменно, а съѣздовъ не имѣть. Не знаю, правда ли это; но то вѣрно, что я не могъ сыскать Комитетъ, а то вѣроятно я попросился бы туда, хоть и безъ большой

*) Авторъ Православнаго Богословія и Исторіи Русской церкви.

Digitized by Google

надежды на пользу. Нельзя ли похлопотать, чтобы печатать позволялось объ условіяхъ и ихъ разныхъ формахъ и возможностяхъ? Вѣдь печатается же и хуже. Посмотрите Огарева въ М. В.: прямое отверженіе всякаго общиннаго отношенія и прямая похвала чистой контрактности. Неужели ни у кого не найдется смысла? Или вси обуяша до единаго?—Наконецъ, еще третье дѣло: нельзя ли узнать, не возмутся ли у Берда и Кларка сдѣлать мнѣ маленькій мѣдный паровой котелъ со всѣми принадлежностями, какъ будто на желѣзную дорогу, съ печью, но только безъ двигательнаго механизма, и что́ бы за это взяли? Сила всего на все въ $^1/_6$ конской силы. Пожалуста узнайте. Очень этимъ меня одолжите. Механизмъ я здѣсь самъ заказалъ, и будутъ точить при мнѣ; но котла со всѣми принадлежностями, запасными клапанами, мѣрки для паровъ и пр., здѣсь сдѣлать не сумѣютъ. Если машина удастся, въ чемъ я увѣренъ, я явлюсь съ нею къ вамъ въ Питеръ весною.

Живу зъ деревнѣ тихохонько. Погода гадкая, но для полеванія удобная. Одна бѣда: собаки съ чумы не могутъ оправиться, да другая бѣда: зайцевъ нѣтъ. Какъ вы видите, для полнаго удовольствія на охотѣ не достаетъ самой малости.

Прощайте, будьте здоровы. Скажите мои поклоны моему милому Алексѣю [1]) и его женѣ, которую я даже не могу себѣ представить какъ новую знакомую, Комаровскимъ, Герке, Мухановымъ, князю Вяземскому и всѣмъ добрымъ людямъ во градѣ Вавилонѣ.

22 Октября.

12.

15 Декабря (1848).

О невѣрующій! Это говорится вамъ по случаю изъявленныхъ вами сомнѣній насчетъ рукописи. Когда нибудь при свиданіи мы поговоримъ объ ней яснѣе и обстоятельнѣе. Теперь мнѣ остается васъ поблагодарить за ея отправку къ Жуковскому [2]), къ которому я писалъ объ этомъ. Но я долженъ также вамъ попенять за то, что вы ни слова не сказали мнѣ объ введеніи (не предисловіи). Мнѣ бы очень хотѣлось знать ваше

[1]) Алексѣю Владимировичу Вепевитинову.

[2]) В. А. Жуковскій, съ которымъ А. С. Хомяковъ прожилъ въ Эмсѣ въ одномъ домѣ нѣсколько недѣль, уже занимался 1848 году переводомъ Новаго Завѣта съ Греческаго на Русскій (переводъ этотъ изданъ въ Берлинѣ, въ 1895).

Digitized by Google

мнѣніе объ немъ. Введеніе много значитъ: оно ставитъ читателей на ту точку или въ то расположеніе, которыя нужны для данной книги, и слѣдовательно имѣетъ великое вліяніе на первоначальный успѣхъ. Мнѣ бы также очень хотѣлось знать, какъ переслана рукопись. Жуковскій въ своемъ письмѣ изъявилъ сомнѣніе насчетъ вѣрности доставки. Я ему отвѣчалъ глухо, что черезъ Вяземскаго. Такъ ли?—Тысячу разъ спасибо за ваши хлопоты по моему индустріальному порученію. Фабрикантъ понялъ дѣло очень хорошо, хотя въ планѣ и не достаетъ весьма важнаго—продольнаго разрѣза. Сомнѣніе ваше, что не слишкомъ ли мала машинка для моей цѣли, совершенно справедливо. Дѣйствительно, я желалъ бы, чтобы она была нѣсколько побольше, слѣдов. проще во внутреннемъ устройствѣ. Я примѣчаніе дѣлаю на оборотѣ плана и если машинисты согласятся ее устроить, то сдѣлаете одолженіе, закажите. Цѣна безмѣрна дорога, но въ Россіи и нельзя ожидать дешевле. Машинистовъ такъ мало, что они вездѣ монополисты. Съ меня просили вдвое болѣе на Русскихъ заведеніяхъ; впрочемъ на этотъ счетъ можно быть покойнымъ: будутъ и машинисты, и дешевыя издѣлія. Хорошо, если бы съ такою же увѣренностью можно было говорить о другихъ нашихъ важнѣйшихъ нуждахъ.

Мы все еще въ деревнѣ. Держатъ насъ безснѣжіе и Московская холера, которая плохо уменьшается, не смотря на увѣреніе вѣдомостей. Впрочемъ, все таки она становится полегче. Для Университета, думаю, отставка Строгонова и особенно назначеніе его преемника мало чѣмъ легче холеры. Жаль мнѣ *alma mater*. Плохо ей придется отъ новаго опекуна. Выместитъ онъ*) на ней долгое пренебреженіе, въ которомъ онъ находился. Говорятъ тоже объ отставкѣ Грановскаго, Рѣдкина и Кавелина. Впрочемъ слышно, что эти отставки не имѣютъ ничего общаго съ назначеніемъ попечителя, а происходятъ отъ Крыловскаго дѣла. Jus Romanum одержалъ, какъ кажется, полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ.

Я здоровъ и веселъ, потому что съ нѣкотораго времени опять принялся за свои тетради и работаю ежедневно, хоть все еще

*) Д. П. Голохвастовъ.

Digitized by Google

не такъ какъ слѣдуетъ. Втянусь, но пять пойдетъ живѣе. Ежедневность великое дѣло: она дѣйствуетъ какъ-то благодѣтельно на совѣсть, заставляя ее принять участіе въ трудѣ. Мнѣ совѣсть была не нужна при Валуевѣ; теперь долженъ за нее взяться.

Объ Московскихъ ничего или почти ничего не знаю. Гнѣвъ Аксакова на васъ объясняется неудачею статьи и, какъ видно, выражается довольно забавно. Впрочемъ, кто тамъ съ кѣмъ мирится или ссорится (ибо въ этомъ состоитъ, кажется, вся дѣятельность нашихъ пріятелей), не могу вамъ сказать. Узнаю, когда пріѣду. — Если возмутся за мой заказъ, пожалуста напишите; я по первой почтѣ вышлю деньги*).

---

*) Графъ С. Г. Строгановъ такъ и оставилъ Московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по навѣтамъ литературныхъ противниковъ Хомяковскаго ученія. Весною слѣдующаго 1849 года, находясь въ Москвѣ во время празднествъ по случаю освященія Кремлевскаго дворца (передъ Венгерскою войною); онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ, на вечерѣ у Государя, за чаемъ, къ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, императрица Александра Ѳедоровна спросила: «Что это такое Славянофилы? Я бы желала увидать ихъ». — «Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть», замѣтилъ графъ Строгановъ: «это люди опасные». — «Ну опасность-то не очень велика», возразилъ графъ Блудовъ, «такъ какъ всѣ они могли бы помѣститься на одномъ этомъ диванѣ». Разговоръ палъ при Государѣ. Позднѣе, графъ Блудовъ спрашивалъ Хомякова, что за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. Хомяковъ, въ отвѣтъ на это, повинился въ невоздержности языка своего и разсказалъ, что однажды случилось ему поспорить съ графомъ Строгановымъ, который, на замѣчаніе Хомякова, почему онъ не хочетъ чего-то сдѣлать, отвѣчалъ: Noblesse oblige (благородное происхожденіе обязуетъ). Хомяковъ возразилъ ему слѣдующимъ аполого мъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга-островитянина съ Отаити и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался видным ъ дѣятелемъ. Прошли года. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился на родину. Бывшій Парижскій пріятель очень ему обрадовался, но перервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что

Digitized by Google

13.

Посылаю вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, посылочку для графини Блудовой. Это Англія и моя послѣдняя рукописная статья, разумѣется, при письмѣ. Пожалуста скажите ей, что мнѣ стыдно взглянуть на бумагу, на которой напечатана Англія: я просилъ Погодина лишніе экз. для меня напечатать на порядочной бумагѣ, а онъ по своей привычной экономіи употребилъ на это бракованную.—Прочтите мою статью и скажите свое мнѣніе. Понялъ ли я вашу мысль и исполнилъ ли ее? Пополняетъ ли эта статья мои прежнія? Строга ли и порядочна ли? Я отдѣлался и радъ радехонекъ. Желаю душевно, чтобы цензура милостиво поступила со мною; но боюсь крѣпко, что ей все покажется Манихейскою ересью отъ перваго слова до послѣдняго. Во всякомъ случаѣ рукопись можетъ замѣнить печать, или по ней можно будетъ выхлопотать позволеніе. Этой статьи, кажется, нельзя обвинить въ темнотѣ. Авось поймутъ люди сѣдящіе во тьмѣ; имъ объяснится также и то, что́ прежде смущало ихъ: революціонерство Голохвастова и моихъ тетушекъ.

Сто лѣтъ прошло какъ я вамъ не писалъ; все собирался писать. У меня въ это время побывалъ Самаринъ. Можете вообразить, какъ я ему былъ радъ. Рига на него подѣйствовала во многомъ очень хорошо, знакомствомъ съ жизнью практическою, знакомствомъ съ нашимъ духовенствомъ даже въ его лучшихъ образцахъ, борьбою упорною, хоть и не совсѣмъ удачною, но не лишившею его бодрости, наконецъ какимъ-то

на этотъ разъ ему недосужно и что онъ непремѣнно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ заколоно нѣсколько человѣкъ-плѣнниковъ и что его отсутствіе на такомъ торжествѣ невозможно.—«Помилуй!», говоритъ ему его другъ: «Ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоѣдствѣ?» — «Что́ дѣлать, мой милый! Noblesse oblige».

Позднѣе графъ Строгановъ (пережившій Хомякова слишкомъ на двадцать лѣтъ) измѣнилъ свое мнѣніе о такъ-называемыхъ Славянофилахъ. Пишущему эти строки случилось слышать отъ него такой отзывъ про К. С. Аксакова: «Это былъ святой человѣкъ». *Изд.*

Digitized by Google

внутреннимъ, весьма замѣтнымъ окрѣпчаніемъ. Одно мнѣ было грустно: въ немъ до нѣкоторой степени подавлена прежняя веселость; а очевидно это происходитъ не отъ недавней потери брата, а отъ житейской борьбы. Быть можетъ, такая перемѣна неизбѣжна, а все таки грустно ее видѣть. У насъ постоянно должно быть болѣе надеждъ, чѣмъ сомнѣній и слѣдовательно нѣкоторый запасъ веселости. Передъ нами живой примѣръ, который долженъ поощрять даже слабыхъ духомъ: это теперешнее дѣло Хорватовъ и всѣхъ Славянъ. Давно ли все это было мечтою, а теперь уже историческимъ фактомъ, котораго никто въ мірѣ уничтожить не можетъ? Конечно труднѣе передѣлка общественной мысли, чѣмъ насильственная революція; но когда тамъ совершилось несбыточное, почему не совершиться и у насъ несбыточному, нашему (хоть разумѣется половинному) обрусѣнію? Впрочемъ, я не обвиняю Самарина въ безнадежности: напротивъ, онъ очень бодръ; но жалко, что серьезность жизненнаго труда наложила какой-то характеръ грусти на его мысли и чувства. Авось это пройдетъ! Мнѣ тяжело видѣть въ комъ бы то ни было изъ нашихъ душевныхъ друзей, что бы то ни было напоминающее мнѣ духовное состояніе Ивана Васильевича *).

Еще недѣли двѣ съ небольшимъ приходится мнѣ прожить въ деревнѣ. Пора въ Москву. Надобно только еще побывать въ трехъ деревняхъ и предложить въ двухъ деревняхъ *ряду* крестьянамъ. Разумѣется, на заключеніе ея положится годовой срокъ, а предложеніе будетъ сдѣлано непремѣнно нынѣшній родъ. За это нужно взяться уже не на словахъ, а на дѣлѣ. Я увѣренъ, что если къ нему приступить путемъ обычая, оно не представитъ тѣхъ великихъ трудностей, которыя пугаютъ наше воображеніе, налаженное на идею формальныхъ сдѣлокъ. Надобно надѣяться на совѣсть. Впрочемъ, поѣздка при теперешнихъ трескучихъ морозахъ и совершенномъ безснѣжіи, съ повѣркою счетовъ и бранью со старостами, не представляетъ мнѣ ничего особенно веселаго, и не будь этой *ряды*, я бы предпочелъ моей двухнедѣльной поѣздкѣ цѣлый мѣсяцъ ѣзды

*) Кireевскаго.

Digitized by Google

по Англіи и Италіи. Аксаковъ не простилъ бы такой ереси; я надѣюсь, что вы будете снисходительнѣе.

Не знаю, совершенно ли ясно я выразилъ свою мысль объ иконѣ. Вотъ вкратцѣ ея объясненіе. Вы, я и третій, мы имѣемъ какое-нибудь понятіе или представленіе, положимъ, о Павлѣ Апостолѣ. Выразимъ это, и выйдетъ религіозная картина; но вся церковь, т. е. все общество православныхъ, въ своемъ историческомъ существованіи, имѣетъ еще свое общее понятіе или представленіе объ Апостолѣ Павлѣ, можетъ быть, даже еще тайное и никѣмъ не выраженное на холстѣ. Выразите это: будетъ икона. Согласны ли вы со мною? Это новое опредѣленіе иконы, которое впрочемъ не разногласитъ съ общепринятымъ, но еще объясняетъ его.

Я это письмо посылалъ по почтѣ; но теперь выходитъ, что мнѣ необходимо послать въ Петербургъ повѣреннаго. Тамъ, говорятъ, торги на Москву [1]): новый примѣръ глупой, и въ этомъ случаѣ едва ли не плутовской, централизаціи. Пожалуста, если моему простоватому повѣренному понадобятся совѣты, или даже справки, не откажите, или попросите Веневитинова. Пожалуста, скажите ему и Аполлинѣ Михайловнѣ и всѣмъ Комаровскимъ мой поклонъ.

Что скажите объ моемъ почеркѣ? Не пахнетъ ли онъ нѣкоторой почтенной древностью? [2])

Посылку вы, разумѣется, разошьете и прочтете статью прежде, чѣмъ отдадите.

14.

(13 Февраля 1849. Москва).

Въ концѣ Января перебрался я, любезный Александръ Николаевичъ, въ Москву по безснѣжному пути, съ трудомъ немалымъ. Только что въѣхалъ я въ городъ, т. е. черезъ день, вдругъ матушка сдѣлалась больна. Въ первый разъ въ жизнь свою видѣлъ я ее больною. Обыкновенную ея рожу считаю я страданіемъ нѣсколько посерьезнѣе флюса или зубной боли, и только; а тутъ она была точно больна и тяжело больна. Открылась плёрези съ горячкою. Два дня болѣзнь все усиливалась, не смотря на лѣченіе. Докторъ говорилъ о консиліумѣ и

[1]) По поставкѣ спирта.

[2]) Одно время Хомяковъ сталъ писать очень округленно и вгонялъ длинныя буквы въ строку, что придавало его очень четкому почерку видъ архаическій.

Digitized by Google

о духовникѣ. Я струсилъ порядкомъ, но не захотѣлъ консиліума, къ которому я столько же имѣю довѣренности, сколько къ комитетамъ въ Россіи, и не послалъ за духовникомъ, чтобы испугомъ не усилить болѣзни. На третій день стало лучше, на четвертый опасность прошла, т. е. опасность отъ болѣзни. Осталась еще опасность самаго выздоровленія, всегда тяжелаго въ такихъ лѣтахъ. Слава Богу, все прошло какъ нельзя лучше; нужна теперь только осторожность. Скажу даже, что я радъ этой болѣзни: она (въ добрый часъ молвить) показала, что натура еще крѣпка и здорова, и мнѣ пережитая опасность какъ-то оставила особенно легкое чувство на сердцѣ.

Москва!... Точь въ точь прежняя, съ тѣми же рѣчами, съ тѣми же ухватками и только что нѣсколько усиленными сплетнями. Аксаковъ [1]) печатаетъ свою драму (между прочимъ онъ сознается, что не право оподозрилъ васъ по поводу статьи; самъ же онъ теперь не подлежитъ суду, потому что рѣшительно боленъ). К. Карловна [2]) попрежнему меня ненавидитъ, но звала со многими на слушаніе ея новаго еще неконченнаго романа. Ив. Аксаковъ началъ поэму необыкновенно смѣлую по замыслу [3]), ибо она взята прямо изъ простѣйшаго быта, съ героями Алешкой да Парашкой, и необыкновенно-поэтическую по выраженію, если только продолженіе будетъ отвѣчать началу. Что бы впрочемъ изъ поэмы не вышло, самая работа надъ нею должна его самаго много подвинуть въ художественномъ навыкѣ и въ простотѣ слова, котораго нѣтъ ни у него, ни у нашей поэзіи вообще. (Простота, пріобрѣтенная ею въ послѣднее время, есть, по правдѣ, только салонная вялость и не должна считаться пріобрѣтеніемъ). Наконецъ, обѣщаютъ намъ еще газету въ добромъ духѣ. На повѣрку-то выходитъ, что я дурно началъ отчетъ и что у насъ не безъ дѣятельности.

Причина дурнаго начала въ томъ, что меня разсердили безпереѣстанныя сплетни, очень удобныя для праздныхъ и очень тревожныя для дѣльныхъ, трудящихъ людей, каковъ напр. Ше-

---

[1]) Драма К. С. Аксакова „Освобожденная Москва“.

[2]) Павлова, Каролина Карловна.

[3]) „Бродягу“.

Digitized by Google

выревъ, котораго вѣчно заваливаютъ болѣе или менѣе злонамѣренными сплетнями. Западъ промышляетъ этимъ шибко. Также сердитъ меня и дурной пріемъ, сдѣланный обществомъ Самарину *). Его встрѣтили холодностію и шутками, весьма недоброжелательными, и все это потому, что общество, во-первыхъ, переполнено Нѣмецкими сочувствіями, а во-вторыхъ потому, что оно ставитъ какое-то глупое либеральство въ глупой оппозиціи правительству. Что же еще, если и самое правительство отступится отъ самаго себя и отъ своихъ началъ (какъ полагаютъ по назначенію Суворова), каково положеніе добросовѣстнаго дѣлателя? Умно и очень умно вы сдѣлали, не ввязываясь въ дѣло. Практическое приложеніе началъ, нами защищаемыхъ, покуда еще невозможно: оно производитъ только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути ни въ чемъ быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ самаго этого воспитанія: они говорятъ и, повидимому, справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ. Числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслію: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ тысячъ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая Западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи. Кстати: вы начали завоеваніе однаго ума, въ которомъ я уже почти отчаявался, А. И. Кошелева. Онъ васъ очень полюбилъ, отдѣляетъ васъ отъ насъ, это не бѣда, но уже говоритъ почти наше и съ убѣжденіемъ. Свербеевъ чуть-чуть не плачетъ,

*) Пріѣзжавшему въ Москву и къ Хомякову подъ Тулою изъ Риги и вслѣдъ за возвращеніемъ въ Петербургъ заключенному въ Петропавловскую крѣпость, по жалобѣ Рижскаго генералъ-губернатора князя Суворова на его Рижскія письма.

Digitized by Google

утѣшаясь только тѣмъ, что это кратковременное затменіе ума въ Кошелевѣ. Если онъ будетъ въ Петербургѣ, пожалуста займитесь имъ и докончите начатое. Это пріобрѣтеніе было бы важно не только по уму, но и по характеру серьозной воли въ Кошелевѣ. По случаю Кошелева могу вамъ сказать о другомъ обращеніи: Пальмеръ (къ которому я на дняхъ пишу), кажется, рѣшительно переходитъ въ Православіе и, по положенію его въ Англійскомъ обществѣ, я думаю, что примѣръ его будетъ не безплоденъ.

Такъ-то идетъ серіозное дѣло, а покуда здѣсь à l'ordre du jour [1]) важные вопросы: какъ принять статью Аксакова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о дѣтскихъ и полудѣтскихъ балахъ? Ѣхать или не ѣхать на горы постомъ? [2]). И тому подобное.

Скажите пожалуста мой дружескій поклонъ всѣмъ пріятелямъ и по преимуществу Веневитинову, котораго поблагодарите за его хлопоты; да спросите отъ меня по просьбѣ Герке [3]), не сердитъ ли онъ за что нибудь на старичка. Онъ писалъ къ Алексѣю В. и не получилъ отвѣта и боится, не сердится ли на него Веневитиновъ, чего, разумѣется, я нисколько не предполагаю. Поклонъ особенный и Мухановымъ. Хорошо сдѣлалъ Николай Алексѣевичъ, что вышелъ въ отставку, а и досадно: мнѣ, не знаю почему, очень хотѣлось видѣть его сенаторомъ, почти столько же сколько женатымъ, хотя признаюсь, что послѣднее желаніе разумнѣе перваго [4]).

Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ и теперь уже въ морѣ. Онъ писалъ изъ Мальты.

---

[1]) На очереди.

[2]) Въ ходившихъ тогда стихахъ Д. Н. Свербеева говорилось про К. С. Аксакова:

Ты въ ревности святой предалъ проклятью горы,
На нихъ катались въ постъ земли Московской воры!

[3]) Старикъ-учитель поэта Д. В. Веневитинова.

[4]) Николай Алексѣевичъ Мухановъ вскорѣ снова поступилъ на службу, сдѣлался потомъ даже членомъ Государственнаго Совѣта, но кончилъ жизнь холостякомъ.

Digitized by Google

15.

Сейчасъ получилъ ваше: объ устройствѣ уголовныхъ судовъ; еще не прочелъ и потому и сказать ничего не могу.

Мы всѣ ходимъ уже бритые. Аксаковы получили предписаніе отъ полиціи, но впрочемъ весьма вѣжливое. К. С. крайне некрасивъ безъ бороды въ Нѣмецкомъ платьѣ. Трубниковъ пишетъ очень забавно: «Велѣно бриться. Что жъ? И бриться станемъ, коли въ томъ общая польза». Это слово получило великій успѣхъ.

Объ Венгерской войнѣ толки въ обществѣ весьма невыгодные. Фрондеры не понимаютъ ея необходимости, а по моему эта необходимость ясна. Къ несчастію, изложеніе причинъ въ толкованіи на манифестъ очень неудовлетворительно, а статья въ Сѣв. Пчелѣ изъ рукъ вонъ плоха и неловка.

О Петербургскомъ заговорѣ [1]) толкуютъ много, кто съ негодованіемъ, кто съ состраданіемъ; мое мнѣніе увидите въ прилагаемомъ при семъ письмѣ къ графинѣ Блудовой, которое запечатайте. Дѣло важное и урокъ великій. Кто-то поймет этотъ урокъ?

Разсказываютъ великолѣпное слово, сказанное гр. Закревскимъ одному изъ его пріятелей. «Что, братъ, видишь: изъ Московскихъ Славянъ никого не нашли въ этомъ заговорѣ. Что это значитъ по твоему?» — «Не знаю, в. сіятельство». — «*Значитъ*, всѣ тутъ; да хитры, не поймаешь слѣда». Это *значитъ* просто геніальное слово!

16.

(Январь 1850).

Я къ вамъ уже Богъ знаетъ какъ давно не писалъ: у меня все еще глаза не поправлялись, а секретарь мой [2]) былъ не въ состояніи писать по собственнымъ недугамъ, кончившимся тому десять дней прибавленіемъ къ семьѣ новаго лица, Нико-

[1]) Исторія Петрашевскаго.

[2]) Т.-е. супруга Хомякова, Екатерина Михаиловна. И. А. Хомяковъ родился 19 Января 1850.

Digitized by Google

лая Алексѣевича. Впрочемъ, все идетъ, слава Богу, хорошо. Глазамъ моимъ также становится лучше, и я пишу къ вамъ нѣсколько словъ, первыя письмена послѣ моего воспаленія.

Что это вы-то вздумали хворать? Если еще не поправились, возьмитесь за гомеопатію. Вамъ, кажется, нужны *Sulphur* дѣленіе XXX каждые два дня и послѣ, вѣроятно, *Silicca* тоже дѣленіе и такой же пріемъ.

У насъ здѣсь ровно ничего нѣтъ новаго. Все попрежнему; только Сверб. стали давать балы, а Аксаковъ пишетъ грамматику. Мамоновъ также, кажется, сильно трудится по живописи. Бодянскій, вступивъ снова въ университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыр. Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, о которой вы уже знаете и которая, говорятъ, превосходное твореніе, и продолженія «Бродяги», не уступающаго началу; да Гоголя, который очень веселъ и слѣд. трудится. Выходитъ на повѣрку, что хоть нечѣмъ хвастаться, да и нѣтъ причинъ слишкомъ хандрить.

Видите ли Ѳ. И. Тютчева? Разумѣется, видите. Скажите ему мой поклонъ и досаду многихъ за его стихи. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и въ негодованіи на него. Не стыдно ли молчать, когда Богъ далъ такой голосъ? Если онъ вздумаетъ оправдываться и ссылаться, пожалуй, на меня, скажите ему, что это не дѣло. Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца. Онъ же насквозь поэтъ (durch und durch). У него не можетъ изсякнуть источникъ поэтическій. Въ немъ, какъ въ Пушкинѣ, какъ въ Языковѣ, натура античная въ отношеніи къ художеству. Пристыдите его молчаніемъ. Статья его въ Revue des d. M. *) вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобы ее поняли и у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу. За одно попеняйте ему, за нападеніе на *souveraineté du peuple*. Въ немъ дѣйствитель-

*) Въ первой книгѣ Revue des deux Mondes 1850 появилась безъ имени статья Тютчева: La question romaine.

Digitized by Google

но *souveraineté suprême.* Иначе что же 1612 годъ? И что дѣлать Мадегасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить, потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и проч. Самое повиновеніе народа есть *un acte de souveraineté!* А все-таки статья Ѳ. И. Т. есть не только лучшее, но единственное дѣльное сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ, гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ.

Добрый и славный Шевыревъ! Онъ хлопоталъ какъ могъ и теперь хлопочетъ для Коссовича. Я слышалъ, что онъ что-то другое ему пріискалъ. Знаетъ ли про это Коссовичъ, и правда ли это? Шевыревъ ко мнѣ почти не ѣздитъ: боится Закревскаго. Это смѣшная сторона отличнаго человѣка. Мнѣ, кажется, не нужно прибавлять, что я буду пріискивать всякое средство быть полезнымъ для Каэтана Андреевича[1]). Что-то Богъ дастъ?

17.

(Богучарово) 6 Ноября 1850.

Послѣ многихъ и неутѣшительныхъ странствованій по такъ-называемымъ степнымъ уѣздамъ, т.-е. за-Тульскимъ, въ которыхъ совсѣмъ хлѣбъ не родился нынѣшняго года, возвратившись во-свояси, кончилъ я статейку, которой вы требовали, и нынѣ посылаю ее вамъ. Графиня[2]) найдетъ ее, я надѣюсь, довольно понятною. Во-время ли она придетъ, не знаю; будетъ ли полезна, также; но знаю то, что всѣ ея основы рѣшительно противоположны направленію господствовавшему въ недавнее время. Дѣльна ли она, судить не могу; кажется мнѣ, что она предметъ охватываетъ, раздѣляя потребности воспитанія на потребности мѣстныя, т.-е. Русскія, и на потребности общечеловѣческія, т.-е. на потребности самой науки. Надѣюсь, что я указалъ на многіе еще не довольно замѣченные промахи на-

---

[1]) К. А. Коссовичъ былъ тогда учителемъ Греческаго языка во 2-й Московской гимназіи. Начальство преслѣдовало его за живость преподаванія, противорѣчившую затянутости зубренія. Мѣсто ему достали Блудовы: онъ переѣхалъ въ Петербургъ редакторомъ ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, управленіе которой въ то время обновилось съ назначеніемъ барона М. А. Корфа ея директоромъ.

[2]) Графиня А. Д. Блудова.

Digitized by Google

шего общественнаго образованія въ обоихъ отдѣлахъ, на причины, почему желаніе сдѣлать воспитаніе Русскимъ не исполняется, и желаніе сдѣлать его ученымъ исполняется точно также мало. Усиленіе кадетскихъ корпусовъ въ Москвѣ, не смотря на мою нелюбовь къ кадетскимъ корпусамъ, считаю отчасти признакомъ того, что начинаютъ замѣчать необходимость помѣщать училища ближе къ центру народной жизни, и поэтому надѣюсь, что нѣкоторыя мысли могутъ найти сочувствіе. Сочувствія же къ большей части своихъ мнѣній не ожидаю; но думаю, что вы съ большею частью моихъ замѣчаній будете согласны. Нападенія мои въ иныхъ случаяхъ не совсѣмъ мягки, но кажется иначе и выразиться было невозможно: сильное нападеніе только и можетъ быть понято, особенно иными читателями. Кончая статью о воспитаніи, я не могъ не коснуться и книгопечатанія, потому что полагаю печатаніе главнымъ воспитателемъ народа. Не знаю, одобрите ли вы это окончаніе статьи и особенно довольно рѣзкую форму нападенія на современную цензуру. Я хотѣлъ бы, но не рѣшился, примѣрами доказать, что теперешняя цензура вредна и религіи, и даже правительству. Это бы было дурно принято и возставило бы противъ меня и Ширинскаго и, можетъ быть, Протасова [1]). Поэтому я держался общихъ доводовъ. Вообще, прочитавъ, то что́ я написалъ, скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно. Вы понимаете, что если я самолюбивъ (хоть я и не сильно падокъ къ этому пороку), во всякомъ случаѣ я совсѣмъ не самолюбивъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ пишу, какъ теперь, болѣе по чувству обязанности, чѣмъ по влеченію внутреннему, и гдѣ даже имени моему не должно являться. Я бы очень желалъ знать, не замѣтите ли какихъ пропусковъ или даже просто неосновательныхъ или недосказанныхъ мыслей. Въ статьѣ, которую я писалъ бы для публики, я бы, разумѣется, искалъ доводовъ болѣе глубокихъ и основанныхъ на внутреннихъ законахъ разума; тутъ я старался только быть понятнымъ. Удалось ли мнѣ это? Вы знаете, что по мнѣнію многихъ это удается мнѣ рѣдко [2]).

---

[1]) Князь П. А. Ширинскій-Шахматовъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія, а графъ Н. А. Протасовъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

[2]) Рѣчь идетъ про статью объ общественномъ воспитаніи (см. томъ III-й), которую Хомяковъ писалъ по желанію графини Блудовой для представленія

Digitized by Google

Что вамъ сказать о себѣ? Боль во лбу прошла: охочусь на славу. Отрадка [1]) скачетъ во удивленіе всѣхъ, и только? Не совсѣмъ. Вообразите себѣ, что привычка въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ писать статейку такъ меня втянула въ писаніе, что рука и перо перешли какъ-то естественно къ болѣе серьезному предмету, Семирамидѣ, и я за нее принялся опять не на шутку. При этомъ учу дѣтей и очень радуюсь, видя, какъ мало-по-малу головка М... зрѣетъ и свѣтлѣетъ. Она начинаетъ входить въ разумъ. М... нарисовала сама, безъ всякой помощи, и почти кончила Христа Тиціанова Alla Moneta, и очень удовлетворительно. Но вотъ случай любопытный и которому я едва бы повѣрилъ, если бы это не случилось при мнѣ. Онъ доказываетъ, какъ слова Вѣры и Христіанства непонятнымъ образомъ даютъ серьезное и глубое направленіе дѣтской мысли. С..., которой минуло четыре года, на дняхъ при мнѣ, въ прошлое Воскресенье, озадачила свою няню. «Няня, что это въ церкви говорили: примите, ѣдите тѣло мое. Чье это тѣло?» Няня, отвѣчала, что Христово. С..., помолчавъ, сказала: «Няня, какъ же это тѣло Христово? Вѣдь Христосъ Богъ, а у Бога тѣла нѣтъ». Говорятъ о томъ, какъ можетъ быть, чтобы народъ интересовался отвлеченностями; а вотъ вопросъ четырехлѣтняго ребенка. Няня не умѣла, разумѣется, отвѣчать, и очень мило было смотрѣть, какъ М... взялась за объясненіе, и право очень удовлетворительно. Этотъ маленькій случай въ дѣтской жизни очень заинтересовалъ меня. Ясно, что дѣтямъ можно преподавать Христіанство гораздо серьезнѣе, чѣмъ вообще полагаютъ.

Что-то вы подѣлываете? Что Коссовичъ? Ѣдетъ-ли? Ни отъ васъ, ни отъ него нѣтъ слуха давно.

Я познакомился съ нашимъ губернаторомъ. Человѣкъ неглупый и образованный, и довольно пріятный [2]). И того у насъ отнимаютъ. Говорятъ, что будетъ Толстой Егоръ Петровичъ; что-то не вѣрится. Попросите черезъ кого-нибудь Перовскаго, чтобы онъ сжалился надъ Тулою, да далъ бы кого-нибудь хорошаго.

покойному Государю (тогда еще Великому Князю, которому подчинены были военно-учебныя заведенія.

[1]) Любимая борзая собака Хомякова.

[2]) Это былъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій).

Digitized by Google

Вѣдь просто бѣдствуемъ губернаторами. Здѣсь безъ меня былъ у насъ Аксаковъ. Жена говоритъ, что Малороссію бранитъ. Я этого ждалъ.

18.

(1-го Декабря 1850.).

Письмо ваше очень насъ огорчило не потому, чтобы мы думали, что вы перестали имѣть къ намъ дружбу или долго могли сердиться, когда съ нашей стороны не было намѣренія вамъ сказать непріятное, но потому, что грустно было угадывать и, такъ сказать, видѣть заглазно волненіе ваше и тяжелое состояніе, въ которомъ вы находитесь. Впрочемъ, жена моя объ этомъ уже вѣроятно писала, а слѣдовательно говорить болѣе объ этомъ не стану. Вы легко повѣрите, что мы все тѣже для васъ, какъ и были, и будемъ все также васъ душевно любить и искренне и отъ всего сердца желаемъ вамъ всего, всего добраго. Объ себѣ скажу вамъ покуда только то доброе, что я давнымъ давно не работалъ такъ много и такъ аккуратно. Все въ Исторіи принимаетъ какой-то новый видъ и живой смыслъ. Такъ напр. теперь пишу время Оттоновъ и первыхъ Салійцевъ [1]). Какъ ясно выступаетъ взаимная зависимость двухъ властей, свѣтской и духовной, и ихъ истеченіе изъ одной идеи Римской державы въ ея новой формѣ Всехристіанства, Tota Christianitas. Какъ ясна впереди роль Франціи, чисто-отрицательная. Когда общая идея, которую воплощали въ себѣ Германія и Италія, была уже уличена во лжи, когда все великое и поэтическое, что̀ заключалось въ этой идеѣ, было признано мечтою: тогда на сцену выдвигается Франція съ жизнью чисто-мѣстною и условною, съ адвокатской сухостью мысли, съ взглядами и требованіями крайне ограниченными, но за то крайне практическими. Когда Французъ Ногаре, посланникъ Французскаго короля, далъ Папѣ оплеуху, какъ [2]) чудно выразилось отношеніе жизни реальной къ самымъ высокимъ мечтамъ! Что за чудная вещь простая истина Исторіи! Какъ удивительно, и съ какою стройною логикой развивается вся эта цѣпь заблужденій неизбѣжныхъ, принимаемыхъ временно за истину и потомъ обличаемыхъ истиною дѣйствительной! Вы видите, что я въ духѣ труда дѣльнаго.

[1]) См. въ VII томѣ. — [2]) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

Digitized by Google

Къ Коссовичу писалъ я на днихъ. Мнѣ и досадно на него потому, что чувствуется, что онъ могъ бы дѣло отъѣзда своего уладить, и жаль его потому, что вижу, что у него не охоты не достаетъ, а ловкости и практическаго толка. Не знаю, сумѣетъ ли онъ наконецъ доѣхать до Англіи. Кажется, онъ даже не рѣшился еще объяснить Корфу, чего именно онъ желаетъ. Ужъ я хочу писать Боппу или Лассену, чтобы они вступились и по-санскритски написали пояснительное письмо къ барону.

Прощайте покуда, любезный Алекс. Николаевичъ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нынѣшній годъ мнѣ удалось сдѣлать въ одной деревнѣ *ряду* съ крестьянами. Минута была очень пріятная по той ясности, съ которою въ нихъ выражался совокупный смыслъ: явленіе рѣдкое вездѣ, а у насъ какъ будто неугадываемое.

1 Дек.

19.

(1851).

Душевно благодарю васъ, любезный А. Н., за дружескую присылку издаваемыхъ вами Памятниковъ[1]). Всѣ экземпляры разосланы мною по принадлежности, но еще, кажется, никто за чтеніе ихъ не принимался кромѣ страстнаго дипломата Д. Н. Свербеева, который сейчасъ принялся за книгу, привлекаемый дипломатическимъ ея благоуханіемъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Ливонскихъ бумагъ нѣтъ, и спрашивалъ, извѣстно ли вамъ, что, во время ихъ подвига по Архиву[2]), его трудами и трудами П. Вас. Киреевскаго были приведены въ порядокъ и переписаны многія бумаги по дѣламъ Ливонскимъ, которыхъ копіи при Архивѣ, а реестръ находится въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

У меня къ вамъ просьба: знаете ли Микуцкаго или слыхали про него? Студентъ бѣдный въ полномъ смыслѣ этаго слова,

---

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи издавались II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его И. Величества Канцеляріи, гдѣ начальникомъ былъ графъ Д. Н. Блудовъ и служилъ А. Н. Поповъ.

[2]) Д. Н. Свербеевъ нѣкогда служилъ правителемъ Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (См. его Записки).

Digitized by Google

лѣтъ подъ сорокъ, бывшій солдатомъ, великій филологъ, извѣстный нашей Академіи, одобренный Шафарикомъ, страстный къ своему дѣлу едва ли не болѣе Коссовича[1]). Теперь кончаются его студенческіе года, и ему предстоитъ заглохнуть въ какомъ-нибудь училищѣ. Чтобы спастись отъ этаго, ему нужно магистерство. Теперь онъ стипендіатъ Царства Польскаго; нужно продлить стипендію еще на годъ, чтобы онъ могъ оставаться при университетѣ. Университетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе, которое на прошлой недѣлѣ пошло; но дѣло можетъ затянуться. Вы не безъ знакомства при Министерствѣ и знакомы съ Норовымъ. Пожалуста ускорите это дѣло; я увѣренъ, что вы не откажитесь отъ случая быть полезнымъ великому труженику и хорошему, много страдавшему человѣку.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ кромѣ весьма удачнаго пира въ честь Іордана и Айвазовскаго, винигрета изъ разнородныхъ лекцій, въ которомъ Грановскій отличился изяществомъ изложенія и былъ всѣми восхваленъ, а Шевыревъ отличается дѣльностью и никѣмъ почти не признанъ, да еще великаго оскорбленія бонтоннаго общества по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Я стихамъ очень радъ, а оплеухѣ полученной обществомъ вдвое.

20.

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы, гдѣ и я недолго оставался по неудачѣ въ своей спекуляціи, у меня было прошла боль во лбу, но потомъ ни съ того ни съ сего возвратилась втрое сильнѣе и мучила меня недѣли двѣ до нельзя; наконецъ, отъ времени или отъ Belladonna, не знаю, стала проходить и вотъ уже недѣля какъ меня посѣщаетъ только изрѣдка, т.-е. дня черезъ два, и то довольно легко; но все еще не совсѣмъ я отъ нея отдѣлался. Догадалась же она посѣщать меня по вечерамъ или передъ вечеромъ, въ самое мое разумное время, такъ что жаръ дневной, да эта вечерняя гостья совсѣмъ отъ всего отбили меня. Что-то будетъ на будущей недѣлѣ? Здѣсь проѣзжалъ Самаринъ съ Бибиковымъ[2]) и отъ этого не могъ ко

[1]) С. П. Микуцкій, недавно скончавшійся профессоръ Варшавскаго университета. Хомяковъ съ нимъ занимался Литовскимъ языкомъ.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ послѣ своего заточенія посланъ былъ на службу въ Симбирскъ, а оттуда вскорѣ переведенъ въ Кіевъ къ тамошнему генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.

Digitized by Google

мнѣ завернуть; звалъ меня въ Москву, и я охотно бы съ нимъ съѣздилъ повидаться, да у меня вдругъ навернулась куча дѣлъ, такъ что отлучиться не было никакой возможности. Теперь же Самаринъ вѣроятно давно уѣхалъ, и мнѣ крайне жаль, что я его не видалъ. Главное мое дѣло, разумѣется, счетъ хозяйственный при сдачѣ дѣлъ Василіемъ Александровичемъ [1]). Чѣмъ ближе его отъѣздъ, тѣмъ болѣе жалѣю я о необходимости разставанія; думаю, что и ему это тяжело. Какъ бы радъ я былъ, если бы ему удалось найти хорошее мѣсто. Едва ли я не виноватъ самъ во многомъ, что̀ безспорно имъ упущено. При его характерѣ ему необходимъ былъ помощникъ-исполнитель, а этаго-то и не было. Я же съ своей стороны всегда буду любить Василья Александровича.

Коссовичъ мнѣ пишетъ о библіотекѣ и спрашиваетъ моихъ мыслей; скажите ему, что средства Московскія мало мнѣ извѣстны, но на будущей почтѣ я ему напишу, что̀ знаю или лучше сказать, что̀ предполагаю.

Отъ графини Блудовой получилъ я письмо. Бѣдная больна. Еслибы она вѣрила гомеопатіи, это прошло бы скоро; но за всѣхъ лечащихся аллопатіею я всегда боюсь, какъ бы не затянулась болѣзнь. Посовѣтуйте ей полечиться у гомеопата. Нашимъ общимъ друзьямъ Славянамъ по моему очень нехорошо приходится въ Австріи. Великое счастіе, если въ Булгаріи учредится господарство; это даже радость, которой я вѣрить не смѣю, но планы колонизаціи въ Венгріи представляютъ великую опасность. По характеру народовъ сомнѣнія нѣтъ, что эта колонизація сильнѣе пойдетъ въ округахъ Славянскихъ, чѣмъ между драчунами-Мадъярами; а колонизація Штиріи имѣетъ явную цѣль окончательно въ ней убить Славянскую стихію. А все таки вѣрится, что Богъ поможетъ.

Коссовичъ пишетъ также, что нашъ Лондонскій священникъ въ Петербургѣ [2]). Пожалуста познакомьтесь съ нимъ. Онъ отличнѣйшій человѣкъ. Если что̀ отъ него узнаете о церковныхъ дѣлахъ въ Англіи, увѣдомьте.

Августа 28 дня
Богучарово (1851).

[1]) Трубниковымъ.—[2]) Евгеній Ивановичъ Поповъ.

Digitized by Google

21.

Живу покуда еще въ Богучаровѣ: пишу. Написалъ статью для Аксаковскаго сборника и посылаю ее. Главное же, воюю съ Губ. Правленіемъ. Хуже всякаго Бема и Кошута! Отбили навозъ у ямщиковъ на станціи, не только противъ всѣхъ правъ, но еще и противъ словъ контракта, заключеннаго съ казною за семь мѣсяцевъ. И какъ вы думаете, какую бы причину нашли они для этого разбоя? «Ямщики-де», говоритъ Правленіе, «не могутъ и не умѣютъ пользоваться навозомъ, и сверхъ того свободнѣе будутъ заниматься гоньбою почтовою, когда избавятся отъ хлопотъ по очищенію двора». Это невѣроятно, но именно таковы отвѣты Правленія и его достойнаго представителя, Барановича. Дѣло любопытное по наглости нарушенія правъ собственности и контрактныхъ условій. Въ скорости думаю довести его до гр. Перовскаго или до 1-го департамента Сената, а между тѣмъ еще здѣсь вожусь съ нимъ и забавляюсь толками Тульскими объ моей неуступчивости. Вотъ сельскія занятія.

Гдѣ Коссовичъ? Живъ ли? Пріѣхалъ ли? Ни слова отъ него съ самаго пріѣзда Кошелева! Въ Москву ѣду на дняхъ. Странно будетъ, что ни Свербеевой, ни Аксак. тамъ не будетъ зимою. Хочу поналечь на труды въ свободное время.

Прощайте, любезный Александръ Николаевичъ. Будьте здоровы и дайте о себѣ вѣсть.

Д. 3-го (1851).

22.

(Февраль 1852).

Только что ударъ палъ мнѣ на голову, новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ: Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣша-

Digitized by Google

тельства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на Масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣли кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ сжегъ въ минуту безумія все что̀ написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно, судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря: друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника; Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла, противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входятъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, и строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные.

Ляжетъ онъ все-таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было.

У меня другое грозитъ горе: кажется, матушка не надолго у насъ загостится!

Digitized by Google

23.

Досадно мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, что не удалось мнѣ встрѣтить васъ въ Богучаровѣ. Меня въ это время судьба загнала въ Донковъ, на несказанную скуку. Ѣхалъ я на двѣ недѣли, а прожилъ слишкомъ мѣсяцъ въ самыхъ непріятныхъ хлопотахъ, безпрестанно ожидая, что заводъ нынче или завтра будетъ пущенъ въ ходъ и безпрестанно обманываясь въ своихъ надеждахъ по милости неаккуратности или плутни Россійскихъ негоціянтовъ, какъ себя называютъ Тульскіе плуты и алтынники-купцы. А потомъ, то сахароваръ боленъ, то льетъ такой дождь, что матеріаловъ нельзя подвозить и трубъ класть нельзя, наконецъ всѣ возможныя неудачи. Въ пустынѣ и безъ сношенія съ просвѣщеннымъ міромъ, даже безъ Московскихъ Вѣдомостей, съ горя я сталъ изучать сахароваренiе, искать новыхъ путей, выдумалъ славныя и крайне-удобныя печи, и наконецъ собираюсь уже просить привилегіи на усовершенствованіе въ добываніи сахара, хотя, по правдѣ, я еще ни фунта не добылъ, а свекловицы попортилъ довольно. Вотъ какъ прошла моя осень. Теперь опять я на нѣсколько времени возвратился къ своимъ. Но, отдѣлавшись отъ своей трудной и скучной работы, вспоминаю объ ней не безъ удовольствія и живо чувствую то утѣшеніе, которое мнѣ доставили полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ крестьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру. Одинъ даже принялся за дѣло. Если это пойдетъ, то не даромъ я трудился, и думаю, что пользу я принесъ бо́льшую, чѣмъ всѣми возможными писанными мною статьями.

24.

(1852).

Вы не отвѣчали мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, на мое письмо: неужели еще сердитесь? Какъ бы то ни было, я къ вамъ съ двойною просьбою. Одна не моя и изложена въ прилагаемомъ письмѣ отъ дочери Аграѳены Климовны. Предоставляю дѣло вашему расположенію и ея женскому краснорѣчію; а другая просьба моя. Вы знаете, что я писалъ къ архіепископу Казанскому Григорію объ дѣлѣ Пальмера. Получилъ

Digitized by Google

отъ него живой и теплый отвѣтъ; другое письмо мое къ нему тоже осталось не безъ отвѣта, но на этотъ разъ это было кусокъ льда [1]). Я на него не пеняю. Вѣроятно его добрые люди обдѣлали и напугали. За всѣмъ тѣмъ я его благодарю письмомъ, которое посылаю и посылаю также «М. Сборникъ» ради статьи Киреевскаго и для того, чтобъ не совсѣмъ перервать знакомство. Но книгу (хотя въ письмѣ я сказалъ, что посылаю) я къ нему прямо послать не хочу. Пожалуста возьмите на себя трудъ доставить ему книгу, которую адресую на ваше имя. Быть можетъ, вы захотите при случаѣ и человѣка узнать. Кажется, не совсѣмъ безъ пользы было письмо. По слухамъ дѣло пошло нѣсколько поживѣе, вѣрнаго же ничего не знаю. Пальмеру я писалъ, но отвѣта еще нѣтъ. Не пеняйте на меня за порученіе: можетъ быть, исполненіе его будетъ вамъ не непріятно, если сведетъ оно васъ съ человѣкомъ хорошимъ, какъ говорятъ о Григоріи, и дастъ случай узнать повѣрнѣе, какъ идутъ дѣла Англійскихъ катехуменовъ.

Объ себѣ скажу, что тружусь гораздо болѣе прежняго и вообще веду жизнь почти какъ назначалъ, но все таки ранняго отхода ко сну не могу устроить. Это, видно, до деревни. Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее все какъ будто во снѣ. Два портрета [2]) я сдѣлалъ: одинъ уже кончилъ, и оба очень хорошіе и очень похожіе.—У васъ, кажется, есть какая-то старая, но довольно подробная карта Европы древней, гдѣ старыя имена городовъ въ Италіи. Если есть, пришлите.

25.

(1852).

Вы меня столько знаете, любезный Александръ Николаевичъ, что вполнѣ можете быть увѣреннымъ, что я никогда и никакъ не могу заслужить справедливаго упрека по своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ общественнымъ. Много имѣлъ я пріятелей, которые были или скептики, или вовсе невѣрующіе (съ двадцатилѣтняго возраста), и почти всѣ сдѣлались людьми искренно вѣрующими. Много было либераловъ даже въ крайней степени (такова была

[1]) Оба письма см. ниже.

[2]) Портреты покойной Екатерины Михайловны Хомяковой.

Digitized by Google

эпоха), и они сдѣлались монархистами. До какой степени я имѣлъ на это вліяніе, не могу сказать; но кажется, это могло бы служить мнѣ достаточною похвалою. Теперь здѣсь ходитъ слухъ о какомъ-то негодованіи на «Московскій Сборникъ». Я статей другихъ не знаю кромѣ своей, а въ ней и сохраняю и отчасти развиваю свое всегдашнее убѣжденіе, что истинное просвѣщеніе имѣетъ по преимуществу характеръ консерваторства, которое есть постоянное усовершенствованіе, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрывъ гибеленъ. Мысль и жизнь моя, кажется, всегда были согласны между собою, и изъ нихъ я никогда не скрывалъ и не имѣлъ нужды скрывать ничего. Всѣ прежнія мои статьи того же содержанія, всѣ бесѣды того же смысла. Есть противъ переворотовъ ненависть политическая; она можетъ имѣть свою пользу, но она по моему низка и безсильна, ибо она принадлежитъ только богатымъ міра сего. У меня всегда была, какъ вы знаете, противъ тѣхъ же революцій ненависть нравственная, которая не только благороднѣе, но и сильнѣе, ибо она также возможна въ бѣдномъ, какъ и въ богатомъ. Это убѣжденіе не мѣшаетъ жизни мысли. Какъ этаго не умѣютъ прочесть во всѣхъ моихъ статьяхъ, не знаю. Впрочемъ, тѣ умѣли, которые меня сызмолода величали *сераписто́мъ*. Впрочемъ, вѣроятно этотъ слухъ Московскій пустъ; ибо въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, полученномъ на дняхъ, нѣтъ ничего подобнаго. Я вамъ очень за него благодаренъ и за вашу дружбу. Искренно благодарю за совѣтъ быть въ одно время дѣятельнымъ и сильно наблюдать за своею внутреннею дѣятельностью. Я, кажется, что-то еще хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ письмѣ, но выронилъ его на ухабѣ въ лужу, которыми изобилуетъ Москва донельзя.

У меня здѣсь возни хозяйственной пропасть. Купилъ деревню, завожу сахарный заводъ, безпрестанно толкусь въ хозяйственномъ обществѣ, и только? Какъ же не такъ? Разбираю Шведскія древности, выдумалъ сѣяльницу (просто чудо), улучшаю жатвенную машину и спорю съ И. С. Аксаковымъ объ устройствѣ и внутреннемъ смыслѣ третейскаго суда. Это мало изучено, а могло бы упростить судопроизводство до невѣроятной степени. Объ этомъ заставило меня думать насильное похищеніе телѣги у моего крестьянина.

Digitized by Google

26.

19 Марта (1853).

Я къ вамъ съ просьбою, любезный Александръ Николаевичъ, которая для меня важна, а вамъ, надѣюсь, никакихъ хлопотъ не сдѣлаетъ. Вотъ дѣло въ чемъ. Послѣ шестимѣсячныхъ трудовъ и опытовъ, я наконецъ попалъ на особенное производство для свекловично-сахарныхъ заводовъ, которое, если не ошибаюсь, должно дать несравненно бо́льшіе выходы, а именно до 35 фунтовъ кристаллическаго сахара изъ 10 пудовъ свекловицы (густоты сока 8° по Боме́). Эта вещь и для меня крайне важная, и для хозяйства Русскаго вообще, и можетъ быть теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Разумѣется, я хочу взять на это привилегію, но не знаю, куда сунуться и какъ за это взяться. Пожалуста узнайте, куда надобно обратиться и по какимъ формамъ и процедурамъ, и напишите мнѣ, потому что я не хотѣлъ бы медлить. Если вы знаете какого-нибудь сахаровара, онъ вамъ скажетъ, какова важность этаго открытія (если оно только подтвердится опытомъ) и, спрашивая, не забудьте сказать, что это результатъ при щелочневомъ выпариваніи и гущеніи.

О нашемъ житьѣ-бытьѣ Московскомъ вы знаете, и новаго писать нечего; но о себѣ скажу, что не даромъ присылала къ намъ графиня Антонина Дмитріевна рѣчь Сибура. Она, разумѣется, не стоитъ возраженія, а еще менѣе стоитъ возражать, какъ возражали у насъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ Папою, который просто нагло плутуетъ; но она мнѣ подала поводъ къ вступленію въ статью полемико-религіозную, которая (если только будетъ напечатана) заставитъ его покаяться въ своихъ словахъ. Иные думаютъ, что теперь не время для такихъ вопросовъ. Чистый вздоръ! Борьба наша имѣетъ видъ, какъ и всякая борьба, чисто матеріальной схватки, чисто матеріальныхъ интересовъ; но это только видъ. Истинная-то борьба идетъ между началами духовными, логически развивающимися, и на этой почвѣ возможна побѣда; прибавлю еще, только на этой почвѣ возможна прочная побѣда. Надобно пробудить сочувствіе къ нашимъ началамъ или доказать ихъ превосходство,

Digitized by Google

ихъ бо́льшую строгость логическую, ихъ бо́льшую человѣчность и большее согласіе съ требованіями души человѣческой, и тогда будетъ поле наше. Безъ этаго, безъ нѣкотораго перелома въ общемъ Европейскомъ мышленіи, борьба будетъ нескончаема, не смотря на возможные успѣхи, которые все-таки достанутся нелегко. Величайшая бѣда то, что у насъ въ Европѣ нѣтъ органовъ. Умная газета за границею, особенно Французская, была бы машиною въ пять тысячъ паровыхъ силъ и стоила бы двухъ-сотъ-тысячнаго войска. Неужели она невозможна? Какъ бы то ни было, я теперь въ религіозной полемикѣ. Какъ-то Богъ дастъ совладать съ предметомъ?

27.

(Конецъ 1855).

Искренно благодарю васъ за присланное вами сочиненіе о сношеніяхъ нашихъ съ Хивою, а за любезное посланіе вдвое. Весь разсказъ о Бековичѣ, такъ же какъ и о посольствѣ Итальянца, и тотъ страхъ, который внушала Россія всей Закаспійской области, доказываютъ, по моему мнѣнію, великое и вѣковое наше ослѣпленіе. Все вниманіе наше постоянно было обращаемо на дѣла Европы; истинныя выгоды наши призывали насъ на сильнѣйшее дѣйствіе на Востокѣ, который достался бы намъ очень легко. Туда бы должно было, и можно было, отодвинуть казачество, совершенно неумѣстное на Дону. Разумѣется, это было бы дѣйствіемъ тихимъ и *почти* непринудительнымъ. Персія была бы у насъ постоянно въ рукахъ и т. д. Нравственность такаго распространенія точно такъ же явна, какъ справедливость завоеванія Алжиріи, и въ продолженіе почти вѣка у насъ въ Каспійской области наросли бы силы собственно Русскія, которыя конечно помогли бы намъ не только справиться, но еще и легко справиться съ Кавказомъ, особенно съ его лѣвымъ флангомъ, отъ котораго намъ столько хлопотъ. Петръ, кажется, понималъ дѣло; но его система насъ втянула слишкомъ глубоко въ междоусобія Европы и подавила наши *естественные инстинкты*.

Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ дальнѣйшихъ трудовъ, большаго историческаго и современнаго; но думаю, что въ этомъ послѣднемъ вамъ не совсѣмъ можно свободно двигаться, а эта

Digitized by Google

несвобода сильно повредить убѣдительности такаго писанія, которое могло бы и должно бы дать вамъ мѣсто между Европейскими публицистами. Если вы, хоть не вполнѣ, а отчасти избѣгли трудностей, представляемыхъ не столько самимъ предметомъ, сколько современными отношеніями, вы совершили дѣло весьма немалотрудное. Впрочемъ, я какъ-то убѣжденъ, что вы это сдѣлали, хотя и не видалъ и не знаю какими путями. Разумѣется, что вы, писавъ о Восточномъ вопросѣ, не могли не имѣть въ виду читателя заграничнаго; скажу болѣе, имѣли его въ виду по преимуществу (все равно, будетъ ли напечатано или нѣтъ): ибо, не обманывайте себя, въ Россіи нѣтъ Восточнаго вопроса. Такого полнаго равнодушія, какое питаютъ всѣ къ нему, нельзя вообразить. Равнодушіе объясняется очень просто. Общественное мнѣніе было совершенно оставлено въ невѣдѣніи обо всемъ дѣлѣ. Объявлено одно, что мы ничего брать у Турка не хотимъ: изъ чего же общественному мнѣнію и горячиться? Я такъ дѣло объясняю, но въ тоже время признаюсь, не могу и не удивляться. Просто никто и говорить не хочетъ. Должно однако сказать, что побѣда Бебутова и Синопское дѣло очень всѣхъ порадовали. Что-то впередъ Богъ дастъ? А по моему узелъ дѣла въ Сербіи, и въ томъ, какъ Сербы и Черногорцы объявятъ свое отношеніе не къ тому вопросу, который мы поставили, а къ вопросу объ огражденіи христіанъ вообще отъ разбоя и убійства. Слово Сербіи можетъ связать Англійское министерство по рукамъ и ногамъ, или поднять на него жесточайшую бурю въ парламентѣ.

Я замедлилъ вамъ отвѣчать, потому что опять ѣздилъ въ Ивановское*), а оттуда никому не пишу, потому что, по моимъ замѣчаніямъ, Донковская почта, по всей вѣроятности, совершаетъ кругосвѣтное путешествіе, прежде чѣмъ доходить до своего назначенія. Я предлагаю имя города перемѣнить и назвать *Завальемъ*: туда попадешь, словно куда завалился. У меня все идетъ кое-какъ. Къ несчастью, мой учитель Греческаго и Русскаго, Казаковъ, которымъ я былъ очень доволенъ, заболѣлъ бѣлою горячкою, и теперь это дѣло лежитъ на мнѣ, и

*) Принадлежащее нынѣ младшему сыну Хомякова, Николаю Алексѣевичу помѣстье подъ Донковымъ.

Digitized by Google

мы съ дѣтьми вмѣстѣ учимся по-гречески, и идетъ ничего себѣ. По крайней мѣрѣ я дѣлаю большіе успѣхи. Отправилъ на дняхъ большой трудъ о Санскритскомъ и Русскомъ языкахъ къ Гильфердингу и горжусь имъ. Кстати, узнайте, нѣтъ ли возраженій противъ брошюрки, написанной въ отвѣтъ Laurentie? Она въ Парижѣ, кажется, уже вышла. Это и вамъ интересно будетъ, а мнѣ кольми паче.

28.

Поздравляю васъ и поздравляю отъ всей души, любезный Александръ Николаевичъ: дай Богъ вамъ счастія въ жизни семейной! Оно одно только на землѣ и заслуживаетъ имя счастія. Благодарю васъ за то, что поспѣшили меня извѣстить (хотя это извѣщеніе было не совсѣмъ для меня неожиданнымъ: слухомъ земля полнится). Еще болѣе благодарю за приглашеніе быть у васъ посаженнымъ отцемъ. Въ этомъ вижу я доказательство вашей дружбы и принимаю приглашеніе ваше безотговорочно; но васъ самихъ прошу, подумайте: хорошъ ли будетъ посаженный отецъ, у котораго веселое выраженіе лица почти невозможно? Не будетъ ли онъ казаться пятномъ въ самую веселую минуту жизни? Любезная и добрая семья, съ которой вы соединяетесь, давно намъ знакома, и Катенька искренно любила Анну Климовну и ея дочерей. Поэтому судите, какъ мнѣ пріятна была вѣсть, которую вы мнѣ дали. Вчера вечеромъ пріѣхалъ вашъ посланный, и нынче я уже былъ бы въ Дугнѣ, но не пеняйте на меня за то, что пріѣду только послѣ завтра: завтра у меня именинница, которой я огорчить не могу отсутствіемъ. Матушка поздравляетъ съ радостью. Прощайте до послѣзавтрашняго дня *).

21 Іюля.

29.

(31 Января 1854).

Какъ благодаренъ я, и разумѣется не я одинъ, любезный Александръ Николаевичъ, за ваше доброе дѣло, которое вы назвали статьею. Это дѣло. Оно было не для всѣхъ писано и поэтому не подлежитъ критикѣ литературы или науки въ томъ

*) А. Н. Поповъ женился на Маріѣ Петровнѣ Мосоловой. Дугна—имѣніе Мосоловыхъ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Digitized by Google

смыслѣ, въ которомъ подлежатъ ему другія статьи. Оно имѣетъ форму диссертаціонную, но оно собственно имѣетъ характеръ рѣчи апологетической передъ судомъ или судьею. Точки отправленія во многихъ мѣстахъ, напр. о покорности и присягѣ, взяты не изъ отвлеченныхъ законовъ мысли, а изъ права признаннаго за законъ положительный. Такъ и должно было быть. Вы принимаете такую-то норму и пр., слѣдовательно вы должны принять такія-то послѣдствія и пр. Это непремѣнно подразумѣвается во всякомъ практическомъ употребленіи слова, хотя наука, разумѣется, должна идти другимъ путемъ. Мнѣ пріятно было, что не я одинъ это почувствовалъ, но признали люди гораздо болѣе склонные къ отвлеченности, напр. Аксаковъ. Такъ-то сочувствіе даетъ даже людямъ повидимому отвлеченнымъ сознаніе необходимаго въ дѣлѣ прямо-жизненномъ. Лишнимъ считаю говорить объ ясности изложенія, о своевременности и важности оцѣнки отношеній Австріи къ намъ и другихъ прекрасныхъ сторонахъ статьи. Вы сами ихъ знаете, я только одно скажу: ихъ оцѣнили всѣ. Болѣе же всего я хвалю (извините гордое *я*, но вѣдь оно всегда скрывается во всякомъ мнѣніи) воздержность тона при мужествѣ поступка: оно свидѣтельствуетъ о мужествѣ не страстномъ и порывномъ, но тихомъ и упорномъ, т. е. о томъ, которое всегда нужно, а теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, и намъ болѣе чѣмъ кому нибудь. Благодаримъ и благодаримъ душевно. Инструкціи ваши соблюдены въ точности, и къ моему великому прискорбію даже въ отношеніи къ С. Онъ дѣйствительно задалъ себѣ ролю вреднаго человѣка, а какъ жаль! Онъ такой истинно-славный человѣкъ между нами, лучшій въ домѣ, развѣ за исключеніемъ К. Дм.

Статья, говорятъ, принята была хорошо; но увы! однѣ статьи не рѣшатъ дѣла. Ихъ огромная заслуга въ томъ, что онѣ раздираютъ туманную завѣсу и даютъ людямъ большій просторъ и свободу. Рѣшеніе же будетъ зависѣть отъ хода дѣла, на которыя ни мы, никто дѣйствовать не можетъ, именно отъ мѣры оскорбленія; но по правдѣ сказать, неужели эта мѣра не переполнена? Что мнѣ вамъ сказать? Вы знаете, что я не сантименталень; но мнѣ *его* жаль *). Я бы радъ былъ сказать

*) Т. е. Государя Николая Павловича. Писано еще въ его царствованіе.

Digitized by Google

слово, какъ умѣю, не для Руси только, а и для него. Но гдѣ доступъ слову? Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12-му году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу.

Ну да довольно объ этомъ. А объ чемъ же еще? Развѣ только о томъ, что, говорятъ, брошюрка запрещена. Можно было ждать этаго, а все-таки досадно въ теперешнюю минуту. Видно, система не хочетъ измѣниться, а при ней плохо и очень плохо.

Сказать ли о себѣ и объ насъ? Да что! У насъ все какъ всегда, и слава Богу!

31 Января.

Я кончилъ письмо спокойно, а приписываю въ тревогѣ: сей часъ говорятъ мнѣ, что графъ Дм. Николаевичъ умеръ [1]). Не вѣрю, но очень взволновался. Какъ горько было бы мнѣ, ссли бы это была правда [2]).

*

---

[1]) Извѣстіе неоправдавшееся: графъ Д. Н. Блудовъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ († 19 Февраля 1864) и успѣлъ еще многое сдѣлать на пользу отечества, между прочимъ своимъ живымъ участіемъ въ рѣшеніи вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ.

[2]) Письмо это писано въ то время, когда предстоялъ намъ разрывъ съ Франціею и Англіею, вслѣдъ за которымъ Хомяковъ написалъ свои стихи къ Россіи, гдѣ она призывается къ показанію и говорится про нее, что она

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Они напечатаны были гораздо послѣ войны, но тогда же, въ 1854 году, облетѣли всю Россію, не смотря на преслѣдованія полицейскія, отъ которыхъ доставалось не одному только со-

Digitized by Google

30.

(Осень 1855).

Я покуда кончилъ многотрудное дѣло: написалъ и переписалъ вторую статью, которую отчасти вамъ читалъ. Вскорѣ перешлю ее въ Петербургъ для пріисканія ей пути. Разумѣется, она будетъ тотчасъ же вамъ сообщена подъ великимъ молчаніемъ до времени. Я ею очень доволенъ; кажется, ею также очень довольны всѣ тѣ, которымъ я ее читалъ. Кіреевскій одинъ только какъ будто находитъ вопросы слишкомъ упрощенными; но этимъ-то, мнѣ кажется, я и могу похвалиться, потому что въ этомъ именно состояли и цѣль моя, и вся трудность задачи. Болѣе всего меня обрадовалъ опытъ, сдѣланный мною надъ двумя сельскими неглупыми попами. Я имъ прочелъ въ переводѣ *) часть о таинствахъ, и они мнѣ откровенно сказали, что только при этомъ чтеніи они поняли

чинителю, но и нѣкоторымъ восторженнымъ читателямъ. Что̀ касается до Николая Павловича лично, то Хомяковъ высоко цѣнилъ его еще съ ранней своей молодости. Онъ передавалъ (конечно очень немногимъ), что, еще въ царствованіе Александра Павловича, служа въ гвардіи, случилось ему стоять поздно вечеромъ на караулѣ, и мимо его проходила стройная фигура тогдашняго великаго князя, оставляя впечатлѣніе строгаго благородства. Слова Хомякова о «самохваленіи» напоминаютъ намъ, какъ въ 1849 году, въ Варшавѣ, по окончаніи Венгерской войны, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вышелъ отъ Государя встревоженный, съ заплаканными глазами, и сказалъ находившемуся въ пріемной пріятелю своему, князю М. С. Воронцову: «Все кончено. Съ такими понятіями, съ такою увѣренностью въ собственную непогрѣшимость можно вести свою державу только къ погибели». (Слышано отъ князя С. М. Воронцова).

Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ.

Современники помнятъ тяготу тогдашняго положенія, тѣмъ болѣе трагическую, что видимый виновникъ не сознавалъ творимыхъ бѣдъ. Хомяковъ, тогда и позже, утверждалъ, что виноваты всѣ мы, т.-е. образованное сословіе. *П. Б.*

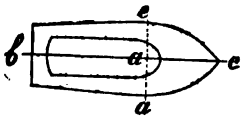
*) Перéводъ явно изустный. Переводъ, напечатанный во II-мъ томѣ, сдѣланъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и И. П. Гиляровымъ-Платоновымъ. *Изд.*

Digitized by Google

мvропомазаніе, «а то въ семинаріяхъ, да и въ книгѣ Евсевія никакого яснаго смысла мы не получили». Это почти ихъ слова. Вообще я долженъ замѣтить, что я почти всегда въ простомъ и нѣсколько туповатомъ смыслѣ бѣлаго духовенства замѣчалъ больше способности понимать истину церковную, чѣмъ въ многозаучившихся чернецахъ и іерархахъ, или въ тѣхъ набожныхъ мірянахъ, которые слишкомъ много водятся съ монастырскими свѣтилами и пастырями.

Не слыхали ли чего о первой статьѣ? Вотъ что между прочимъ было со мною по ея поводу. Получаю я отъ Олсуфьева письмо: искалъ, дескать, я книги такой-то, для представленія Цесаревнѣ; а у книгопродавцевъ нѣтъ. Нѣтъ ли у васъ или не знаете ли, гдѣ достать? Я отвѣчалъ: книгу по рукописи знаю, а печатной не видалъ, и въ Москвѣ ни у кого нѣтъ. Черезъ двѣ недѣли получаю прелюбезное письмо отъ него и экземпляръ. Признаюсь, я этотъ поступокъ нашелъ любезнымъ въ высшей степени. Олсуфьева благодарилъ; но кому дѣйствительно подобаетъ отъ меня благодарность, не знаю. Не знаете ли вы?

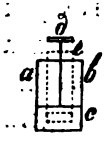
Много у меня всякихъ заботъ, а не терпится, чтобы не сердиться на беззаботность тѣхъ, кому слѣдовало бы заботиться, именно теперь, по военному дѣлу. Дѣлаю нынѣшнею зимою опытъ ружья моего изобрѣтенія, а между прочимъ прошу васъ, такъ какъ вы у источниковъ и случается видѣться со всякими властями военными и прочими, поговорите съ кѣмъ-нибудь поумнѣе (если бы можно съ Константиновымъ) о слѣдующихъ двухъ предложеніяхъ. 1-е Ланкастерское ядро, эллиптическое, есть очевидно частное приложеніе теоріи коническихъ пуль къ пушкѣ. Не выгодно ли будетъ дѣлать гранаты конусообразными, очень толстыми къ носку, удлиненными и урѣзанными къ хвосту?



Линія равновѣсія примѣрно была бы въ точкахъ *a* на разстояніи 3-хъ *x* отъ *в* и двухъ *x* отъ *c*. Это дастъ устойчивость и силу полету. По кругу *a*, *a*, *a* будетъ тоже и, главное,

Digitized by Google

утолщеніе гранаты, которой конецъ *a c a* я предложилъ бы сдѣлать въ формѣ тѣла образованнаго вращеніемъ циклоиды по оси *в с*. Заднюю же часть предложилъ бы я всаживать въ картонную гильзу, черезъ что плотнѣе бы входило ядро въ орудіе и не было бы растери силъ*). Въ бомбахъ и гранатахъ двѣ системы употребляются для зажиганья заряда: старая посредствомъ трубки и стапина, и новая посредствомъ удара. Обѣ имѣютъ невыгоды. Въ первой множество гранатъ лопается преждевременно, другая часть запаздываетъ взрывомъ и откидывается непріятелемъ или гаснетъ отъ заглушенія стапина (но это рѣже); во второй страшная и опытомъ доказанная невѣрность взрыва. Я предлагаю стапинъ въ разнимающейся



трубкѣ съ колпачкомъ. Трубка *а* составлена изъ двухъ частей, *в* неподвижной и *с* подвижной, которая посредствомъ стержня *е* скрѣплена съ колпачкомъ *д*. Колпачокъ *д*, ударяясь о твердый предметъ, вталкиваетъ трубку *е* внутрь гранаты или бомбы вмѣстѣ съ горящимъ стапиномъ, и взрывъ происходитъ непремѣнно. Эта система соединяетъ выгоды обѣихъ и при удлиненныхъ гранатахъ съ тяжелымъ концомъ должна быть близка къ совершенству.

Вамъ покажется смѣшно, что я поручаю вамъ или прошу васъ говорить о дѣлѣ совершенно и вамъ, и мнѣ посторонномъ, но что же дѣлать! Вѣдь у меня никакихъ нѣтъ сношеній съ Питеромъ; вы же видите и знаете многихъ. Хороша мысль, пригодится; пустая, никому не помѣшаетъ; а время нужно. Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть) и не храбрость (намъ ея не искать), насъ бьютъ и рѣшительно бьютъ мысль и умъ. Если вы сами не видите никого изъ людей этаго Fach'a, не возьмется ли графъ Вielьгорскій или Веневитиновъ имъ предложить мое предложеніе? Тогда оторвите отъ письма осьмушку и отдайте имъ. Не терпится глядѣть на нашъ сонъ. Развѣ что придетъ изъ за моря, снохватимся

*) А. С. Хомяковъ кончилъ курсъ на Математическомъ факультетѣ Московскаго университета, унаслѣдовавъ отъ отца своего большую любовь къ математическимъ наукамъ. Странно что Кавелинъ, знавшій его такъ близко, говоритъ, будто онъ не получилъ университетскаго образованія.

Digitized by Google

перенять, и то поздно. Я даже въ Крымъ писалъ къ Шепшину[1]) и бранился за ихъ тамошнюю глупость. Досадно мнѣ на Блудовыхъ. Такіе добрые и не могутъ понять, какая въ каждомъ не-Питерцѣ должна быть праведная злость, не на того или другого, а на все и всѣхъ. Вы это понимаете.

Вотъ, мой любезный Александръ Николаевичъ, въ этомъ письмѣ довольно вѣрная картина моего внутренняго быта. Къ этому прибавьте кое-какіе уроки дѣтямъ, что впрочемъ я нѣсколько запустилъ, и возню съ измѣненіемъ или лучше сказать уничтоженіемъ барщины и, елико возможно, укрѣпленіемъ общины сельской, и вы подумаете, что я не совсѣмъ безъ дѣла и хлопоты. Но что за жалкая дѣятельность въ сравненіи съ тою, которая могла бы и должна быть у насъ! Ѣздилъ я къ матушкѣ на два дня и потомъ прождалъ еще Погодина въ Москвѣ дня два, но не дождался. Жаль: я думаю любопытное совершилъ онъ путешествіе. Что-то вы подѣлываете? Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы не говорите, есть ли какіе у васъ занятія кромѣ служебныхъ, и хорошо ли для васъ идетъ все? Будьте здоровы, скажите мой поклонъ любезной Марьѣ Петровнѣ[2]) и не забывайте вашего А. Хомякова.

31.

(Конецъ Февраля 1855 года).

Есть у васъ мое изображеніе, которое сильно похоже на Чижова? Не прислать ли вамъ новой фотографіи, которая рѣшительно похожа на меня? Не приписывайте такаго вопроса излишнему самолюбію. Ужъ коли портретъ, такъ едва ли не лучше, когда онъ похожъ[3]). Благодарю васъ душевно за ваши книжныя посылки; разумѣется, болѣе всѣхъ за одну: Тяпкина[4]). Не прогнѣвайтесь: вамъ немножко стыдно, и вы съ собою

[1]) Николай Васильевичъ Шепшинъ. См. его некрологъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года.

[2]) Супругѣ А. Н. Попова.

[3]) Это тотъ фотографическій портретъ, работы Бергнера, съ котораго гравюра приложена къ I-му тому настоящаго изданія.

[4]) Статейный списокъ Тяпкина, изданный А. Н. Поповымъ.

Digitized by Google

поступаете нехорошо. Мало книгъ такихъ интересныхъ по выбору предмета; мало такихъ прекрасныхъ по художественному строенію и по характеристической группировкѣ происшествій: лица выпуклы, дѣла говорятъ сами за себя, чтеніе въ одно время увлекательное и поучительное. Но какъ же такъ небрежно издавать? Вѣдь опечатокъ больше, чѣмъ въ какой-либо мнѣ извѣстной книгѣ, и кое-гдѣ слогъ требовалъ бы отдѣлки. Неужели вы сами этой работой не столько дорожите, сколько слѣдуетъ? Не сердитесь, если на васъ за это сердимся. Не знай я васъ, я и тогда бы сердился, а теперь разумѣется вдвое. Впрочемъ скажу правду: даже изъ вашихъ недоброжелателей (а вы не безъ оныхъ) всѣ почти отдаютъ вамъ справедливость и говорятъ, что это великій подарокъ нашей исторической словесности. Ждемъ другихъ.

Важная миновалась эпоха. Чтобы ни было, а будетъ уже не то. Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ. Сумѣемъ ли мы оправдать себя теперь, или наша бездѣйственность докажетъ, что мы даже не заслуживаемъ возможности дѣйствовать? Скорыхъ перемѣнъ я не жду, но характеръ будущаго царствованія будетъ непремѣнно зависѣть отъ того, кто первые подадутъ голосъ: честные или бездушные. Это рѣшитъ отчасти вопросъ: можно ли или нѣтъ уважать эту землю; можно ли или нѣтъ довѣрять ей, позволять мыслить вслухъ и жить общительно? Велика отвѣтственность на всѣхъ и на каждомъ. Дай Богъ намъ того, чего недостаетъ у многихъ: истинной любви къ добру, правдѣ и Россіи. Вы-то, я знаю, не будете сидѣть сложивши руки; во многихъ я не увѣренъ. А какая вѣроятно идетъ фабрикація клеветъ? Какъ стараются напугать, заподозрить и пр.? Должно быть просто любо! *Здѣсь* всѣ радуются Русской одеждѣ или стремленію къ ней *). Такъ ли у васъ въ Питерѣ? Даже прежніе враги Русскаго

*) Въ самомъ началѣ царствованія Александра Николаевича ходилъ слухъ о введеніи въ служебный міръ Русской одежды.

Digitized by Google

платья повеселѣли, какъ будто они сами его желали, да желать не смѣли. Дай Богъ лучшаго!

32.

(Лѣто 1855 г.).

Я у Кошелева провелъ три дня очень хорошо и весело; но о журналѣ почти рѣчи не было, да и быть не могло. Запрета съ насъ снимать и не думаютъ; а безъ этого какъ же приступиться? Отъ Норова ни слова, такъ же какъ и отъ Блудовыхъ, хотя я къ нимъ писалъ. Если бъ знать навѣрное, что они въ Москвѣ, я бы, можетъ быть, къ нимъ съѣздилъ. Впрочемъ, если бъ удалось мое ружье, то я имѣлъ бы не только предлогъ, но и причину съѣздить даже въ Питеръ; только оружейники тянутъ дѣло и все еще не кончаютъ. Обѣщаютъ на дняхъ сдѣлать и надѣются, что результаты будутъ блистательны. Что-то будетъ?

Мнѣ нынѣшній годъ изъ рукъ вонъ плохъ: свекловицу червь съѣлъ, яровыя почти пропали, въ оброкѣ остановка отъ войны. Просто, скверно. Вторая моя брошюра напечатана въ Лейпцигѣ, о чемъ я получилъ на дняхъ извѣстіе; но какъ она принята въ Питерѣ, не знаю. Еще пишутъ, что мнѣ какое-то очень пріятное извѣстіе изъ чужихъ краевъ, но какое? Не пишутъ. Вѣдь почта не оказія.

Весело, что вы своего «Стеньку» [1]) кончаете. Многое въ немъ не по сердцу придется *старолюбцамъ*; но эту эпоху необходимо понять, чтобы оцѣнить послѣдовавшую и яснѣе разумѣть предыдущія. Посылаю вамъ экземпляръ своего лексикончика [2]). Мало кто за него спасибо скажетъ: оцѣнить не оцѣнять журналы; а вѣдь такого еще не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, ни одинъ Европейскій языкъ. Я послалъ экземпляры къ Ганкѣ, Шафарику и Штуру.

---

[1]) Бунтъ Стеньки Разина, изслѣдованіе А. Н. Попова, появившееся потомъ въ „Русской Бесѣдѣ".

[2]) Ср. прилож. къ V тому.

Digitized by Google

33.

(Вторая половина 1855).

Жаль мнѣ васъ, любезный Александръ Николаевичъ, что вы по нездоровью не могли или не рѣшились къ намъ ѣхать. У меня на дорогѣ украли гомеопатическую аптечку, и я купилъ новую, полнѣйшую, довольно щеголеватую. Какъ бы я васъ проворно вылѣчилъ! Шутки въ сторону, мнѣ и жаль, что вы захворали, и досадно, что я васъ не видалъ. О многомъ нужно бы было переговорить. Я ѣду въ Москву не для свиданія съ Блудовыми, которыхъ жалѣю, что не видалъ (они всего пробыли тамъ дня съ три), но по вызову Кошелева. Западникамъ дано позволеніе на *журналъ съ обзоромъ политическихъ событій*. Редакторомъ, говорятъ, Катковъ [3]). Кошелевъ воспламенился и повелъ дѣло рѣшительно. Беретъ «Москвитянина», котораго названіе хочетъ перемѣнить и дѣлаетъ кличъ. Я ѣду дня на два къ нему. Славный человѣкъ! Такихъ дѣятельныхъ людей намъ очень нужно, а мы немножко вяленьки. При свиданіи разскажу, что у насъ въ Москвѣ было положено. Отъ Норова объ насъ ни слова. А между тѣмъ я получилъ отъ Олсуфьева еще письмо съ посылкою: переводъ моей первой брошюрки на Нѣмецкій языкъ, сдѣланный по заказу королевы Ольги Николаевны, и посланъ ко мнѣ отъ Императрицы. Все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто довольно комическое. Переводъ сдѣланъ священникомъ нашимъ и слабенекъ, но меня радуетъ невольная солидарность духовенства и слѣдовательно вѣроятное позволеніе книжки. Вторая также отпечатана уже въ Лейпцигѣ. Ее молодой Гильфердингъ видѣлъ и купилъ. Онъ хотѣлъ и той

---

[3]) Это былъ „Русскій Вѣстникъ“. При Николаѣ Павловичѣ новые журналы вовсе не разрѣшались съ самаго 1836 г. т.-е. съ уничтоженія „Телескопа“. Даже Пушкину разрѣшены были только четыре книги „Современника“, и послѣ его кончины, по особому ходатайству Великой Княгини Маріи Николаевны—П. А. Плетневу. Начавшіяся съ 1839 г. „Отечественныя Записки“ считались возобновленіемъ прежняго, Свиньинскаго изданія этаго имени. „Русскій Вѣстникъ“ дозволенъ къ изданію покойнымъ Государемъ, во время его бытности въ Николаевѣ, въ 1855 году, по ходайству графа Д. Н. Блудова, при чемъ посредникомъ былъ пишущій эти строки, привезшій М. Н. Каткову извѣстіе о разрѣшеніи, въ день его именинъ, 8 Ноября 1855 г.

Digitized by Google

переслать нѣсколько экз. въ Россію; не знаю, исполнитъ ли. Я всячески постараюсь достать и той и другой нѣсколько экземпляровъ и тотчасъ же доставлю одинъ въ Оптино, а другіе перешлю въ Смирну и Аѳины: тамъ хорошо знаютъ Французскій языкъ и легко могутъ перевести и пустить въ ходъ (теперь же пожалуй обрадуются и по причинамъ политическимъ); но Блудовыхъ или кого-нибудь въ Питерѣ объ этомъ (т.-е. пересылкѣ въ Грецію) просить не хочу: и тутъ, пожалуй, встрѣтятся дипломатическія затрудненія. Вы знаете вѣроятно, что князь Вяземскій назначенъ въ товарищи Норову; едва-ли можно было лучше выбрать. Также знаете вѣроятно и о горячемъ дѣлѣ подъ Севастополемъ. Оно, кажется, было неудачно (подробности не знаю); но хорошо то, что атаковали мы отъ Черной. Значитъ, духъ бодръ. Что-то будетъ, а пора бы двору нашему пріосаниться; мнѣніе въ Европѣ, кажется, поворачиваетъ въ нашу пользу, и этимъ надобно бы пользоваться, показавъ въ одно время и величайшее миролюбіе, и рѣшительное намѣреніе не мириться, покуда хоть одинъ непріятель въ землѣ Русской. Слухи есть, что Карсъ взятъ.

35.

(Конецъ 1855).

Вы меня зовете въ Питеръ; признаюсь, мало жду я пользы отъ этой поѣздки, но ѣду и даже скоро. Теперь говѣю въ деревнѣ, а потомъ дѣтей въ Москву, а себя на желѣзную дорогу. Не говорите этаго никому; лучше пусть не знаютъ и не говорятъ. Я сказалъ, что мало жду пользы; видите, мнѣ кажется, что именно противъ меня больше вражды, чѣмъ я прежде думалъ. Напримѣръ, кромѣ меня и Киреевскаго, въ Катковскомъ объявленіи стоятъ же тѣ имена, которыя министръ объявлялъ негодными, а журналъ позволенъ. И такъ или моя личность, или что̀ еще вѣроятнѣе, наше направленіе крайне оподозрѣны, потому что статья въ чужомъ журналѣ не имѣетъ той силы, что̀ въ своемъ. А все-таки я ѣду, чтобы меня не винили. Отзывъ Норова (А. С.) показываетъ, какая страшная слѣпота въ Петербургѣ. Какое слово, какое лѣкарство можетъ снять такую катаракту? Это наростъ на зрачкахъ въ слоновую кожу толщиною. Вѣдь это человѣкъ и вѣрующій, и душою

Digitized by Google

искренній, и что дѣлаетъ и что говоритъ! Скажу опять: ѣду, но безъ большой надежды.

Что-то Богъ дастъ въ другой области, въ области политики? Мнѣ кажется, что война Америки съ Франко-англійскимъ союзомъ неизбѣжна, и что Наполеонъ желаетъ ее ускорить. Иначе трудно объяснить дерзкое объявленіе его консула о корабляхъ, купленныхъ Американцами у Русскихъ. Кажется, Америка менѣе всего можетъ это стерпѣть, такъ какъ это касается не только ея флага, но и собственности ея гражданъ. Или у него пошла голова кругомъ? Дай-то Богъ! Намъ нуженъ отдыхъ; очень становится тяжело. Боюсь только, какъ бы у насъ не обрадовались безъ мѣры этой ссорѣ. Надобно помнить, что Американцы могутъ разорить торговлю Англо-французскую, а флотъ все-таки можетъ сжечь и думаю сожжетъ Кронштадтъ, если мы задремлемъ, какъ дремали до сихъ поръ. Если мы не введемъ коническихъ ядеръ, которыя пробивали бы желѣзную обшивку пловучихъ батарей, если не придумаемъ пловучихъ минъ, Кронштадтъ долженъ горѣть, а тутъ потеря будетъ поважнѣе Свеаборга. Если бы воздухъ освѣжился внутри Россіи, если бы перестали бояться правды, то конечно не было бы такой дорогой цѣны, которую нельзя бы было заплатить; но все-таки дай Богъ, чтобы и физическія наши потери не возрастали безъ нужды. Я боюсь, чтобы не напала на насъ безпечность и умственный сонъ, къ которому мы привыкли, когда увидимъ, что въ нашу пользу совершается диверсія на Западѣ. Правда, что, слава Богу, во многомъ становится легче, и что всѣ до сихъ поръ перемѣны служатъ добрымъ предзнаменованіемъ для будущаго (и какъ всѣ благодарны!), но какъ еще много впереди! И какъ сильна дружина людей, находящихъ свои выгоды въ духотѣ земли и въ темнотѣ! Вотъ по моему разгадка отношеній Норова къ намъ; разумѣется, я не говорю о немъ лично. Вы меня зовете; не боитесь ли, что я еще напорчу? Вѣдь мнѣ оправдываться нельзя: я поневолѣ буду обвинителемъ; а вы сами знаете, хорошо ли это средство для пріобрѣтенія друзей? Не безъ страха поѣду я, конечно не за себя, но за друзей и за дѣло правды, которое есть дѣло Божіе.

Digitized by Google

Кажется, я нашелъ гомеопатическое лѣкарство отъ бѣшенства. Тогда (если это удастся) будутъ бѣсятся только алюпаты [1]).

35.

(Лѣто 1856 г.).

Какой жестокій ударъ для насъ всѣхъ, любезный Александръ Николаевичъ, въ смерти Ивана Васильевича! Какая невознаградимая потеря для нашей бѣдной науки! Его спеціальность была философія, которой другіе отдаютъ только короткіе досуги, и эта спеціальность строилась у него такъ своеобразно, что мы могли надѣяться видѣть когда нибудь у себя начало новой философской эры, которой позавидовали бы другіе народы. Судьбы Божіи въ отношеніи къ нашему просвѣщенію имѣютъ какой-то характеръ особенной строгости: какъ будто бы въ наказаніе за долгую нашу ложь падаютъ удары на немногихъ стремящихся возвратиться къ истинѣ, испытывая ихъ терпѣніе. Авось Богъ же дастъ, что поле не опустѣетъ, и что новые будутъ возникать дѣятели, какъ вѣтви на священномъ деревѣ: uno avulso non deficit alter [2]). Но для друзей, для семьи (т. е. матери и

---

[1]) Въ эту поѣздку Хомякова въ Петербургъ, императрица Марія Александровна пожелала его видѣть. Онъ, какъ извѣстно, ходилъ въ Русскомъ платьѣ, въ то время опальномъ и для многихъ представителей высшаго общества отвратительномъ. Въ тогдашней Французской газетѣ «Le Nord» была даже статья изъ Петербурга, въ которой описывался Хомяковъ, показавшійся въ поддевкѣ въ Петербургскихъ гостиныхъ. Пріѣхать въ такомъ нарядѣ образованному человѣку во дворецъ считалось невозможнымъ, и Хомяковъ на этотъ случай заказалъ себѣ фракъ. Кажется, даже и день представленія Государынѣ былъ назначенъ; но случилось вотъ какое обстоятельство. У графа Блудова встрѣтилъ его графъ Киселевъ, и разумѣется за словомъ Алексѣй Степановичъ въ карманъ не лѣзъ. Потомъ графъ Киселевъ былъ у Государя и мимоходомъ выразилъ удивленіе, какихъ людей принимаетъ у себя старикъ Блудовъ, при чемъ комически описалъ, въ какомъ платьѣ и какого гостя онъ встрѣтилъ. Немедленно выражена была воля, вслѣдствіе которой представленіе не состоялось. Надо вспомнить, что въ это время покойная Государыня, ко благу Россіи, еще имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла, и потому нельзя не пожалѣть, что она не бесѣдовала съ Хомяковымъ.

[2]) Если упала одна, то нѣтъ недостатка въ другой.

Digitized by Google

братьевъ) замѣны конечно нѣтъ. Вынесетъ ли слабое здоровье Авдотьи Петровны? Да и Петръ Васильевичъ не очень-то надеженъ. Вотъ два года все хвораетъ. На другой день послѣ Петрова я хочу къ нимъ съѣздить дня на два. И какъ Киреевскій былю славно пошелъ! Теперь у меня корректурные листы его статьи. Нужно объ немъ сказать нѣсколько словъ и указать на его значеніе и на путь, который онъ отчасти проложилъ.

Говорятъ, онъ вамъ разсказалъ весь планъ и содержаніе второй половины *). Если такъ, пожалуста передайте мнѣ что вы помните, чтобъ я на дняхъ могъ составить для «Русской Бесѣды» нѣчто въ родѣ примѣчанія съ объясненіемъ его мысли. Не откажитесь отъ этого добраго труда.

А вотъ къ вамъ еще просьба. Матушка сказывала мнѣ, что вы и супруга ваша были бы не прочь пріѣхать въ коронацію, да затрудняетесь квартирою, что̀ показалось мнѣ вѣроятнымъ. У насъ домъ будетъ пустъ на половину: пожалуста, пріѣзжайте къ намъ, вы насъ этимъ очень обрадуете, а право Марьѣ Петровнѣ и ея сестрицѣ не видать такаго или такихъ зрѣлищъ почти что стыдно. Не откажите. Мы славно заживемъ, и какая бы ни была удача или неудача праздниковъ народныхъ, а у насъ будетъ свой праздникъ. Прощайте покуда. Будьте здоровы и скажите мое почтеніе вашей супругѣ, которая, надѣюсь, васъ уговоритъ въ Москву, если бъ вы вздумали философствовать въ деревнѣ.

36.

Писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, изъ Богучарова и послалъ письмо съ своимъ кучеромъ тому около мѣсяца. Сказалъ онъ мнѣ по пріѣздѣ, что васъ не засталъ, а письмо оставилъ. Тогда же мнѣ кое-что въ его разсказѣ показалось сомнительнымъ, а теперь сомнѣніе мое усилилось. Я васъ просилъ сказать мнѣ, не слыхали ли вы чего отъ нашего незабвеннаго Ивана Васильевича объ его второй статьѣ, что̀

*) И. В. Киреевскій скончался въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ на короткое время и гдѣ видался съ А. Н. Поповымъ.

Digitized by Google

бы могло послужить къ уясненію записокъ, оставшихся послѣ него, а еще болѣе, не сдѣлаете ли вы намъ великое удовольствіе и не пріѣдете ли къ намъ въ Москву съ Марьею Петровною и ея сестрицею на коронацію. Домъ просторенъ: намъ бы было удобно, а намъ большая радость. Отвѣта отъ васъ не имѣлъ, но коронація будетъ только 26; подумайте, не пріѣдете ли? Благодарю васъ за написанную на мое имя статью о царскихъ соколахъ. Ни къ какому царю такъ охотно не приѣхалъ бы я своего родоваго имени, какъ къ Алексѣю Михайловичу, и весьма охотно посредствомъ дорогой мнѣ, по наслѣдственному преданію, охоты. Благодарю за эту дружескую память. Бартеневъ спрашивалъ меня, можетъ ли онъ вашъ соколиной списокъ перепечатать въ своемъ изданіи. Я сказалъ, что думаю, что можетъ; правъ ли я или нѣтъ? Онъ въ сомнѣніи [1]).

Сказать новаго нечего кромѣ того, что мнѣ здѣсь видъ посланниковъ и ихъ свиты просто оплеуха, а ухаживанье за ними нашихъ сановниковъ и военныхъ просто нестерпимо [2]).

37.

(Москва, 21 Января 1860).

Любезный Александръ Николаевичъ. Сто лѣтъ какъ я васъ не видалъ и безъ малаго сто какъ ничего объ васъ не знаю, кромѣ какъ косвенными путями. Лѣтомъ думалъ, не увижу ли васъ, и не сбылось. Осень пролежалъ я съ разбитою ляжкою, послѣ жесткаго прикосновенія къ матери сырой землѣ, *Геѣ*, утѣшаясь только тѣмъ, что подобный случай приключился съ Ираклемъ послѣ борьбы съ Юпитеромъ, и впрочемъ вовсе отчужденный отъ міра; а теперь обращаюсь къ вамъ съ величайшею просьбою.

---

[1]) Въ Августѣ 1856 г. пишущій эти строки отпечаталъ первое свое книжное изданіе „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“, гдѣ помѣщены и письма къ подсокольничему Петру Семеновичу Хомякову, предку Алексѣя Степановича.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что Хомяковъ писалъ къ Попову и въ слѣдующіе 1857—1859 годы; но этихъ писемъ у насъ не имѣется.

Digitized by Google

Есть у меня крестникъ, сынъ вамъ извѣстнаго В. И. Х.[1]), Дмитрій, добрый тихій и на видъ спаржеобразный юноша, нѣсколько смахивающій на юношескій образъ Донъ-Кихота, впрочемъ, дѣйствительно хорошій юноша, не безъ познаній, изъ первыхъ кандидатовъ юридическаго факультета, нрава нѣсколько дѣтскаго, камъ всѣ плотно сидѣвшіе дома, но готовый на трудъ и способный полюбить его. Этотъ юноша, и особенно по желанію отца, хотѣлъ бы служить въ Питерѣ. Вотъ мнѣ, какъ крестному отцу, обязанному нѣсколько пещися о немъ, и пришла мысль обратиться къ вамъ съ просьбою великою. Вы теперь начальникомъ канцеляріи у графа Блудова; не только тутъ служба очень хороша, но особенно хорошо было бы для молодого человѣка быть подъ вашимъ вѣдѣніемъ и направленіемъ. Кромѣ труда служебнаго онъ не отсталъ бы и отъ другихъ умственныхъ трудовъ, а это-то и желательно. Скажите, возможно ли бы было его помѣщеніе и какъ? Я увѣренъ, что если возможно, вы не откажете, а если скажете нельзя, значитъ точно нельзя.

Въ послѣднемъ случаѣ пожалуйста дайте совѣтъ, гдѣ полагаете вы лучшій путь для такаго молодаго человѣка, какого я вамъ описалъ и какія двери, чтобы на этотъ путь попасть. Восемь мѣсяцевъ, какъ онъ экзаменъ выдержалъ, и я боюсь для него Московской праздности: ее не всякій выноситъ безъ вреда. Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, моя великая просьба. Пожалуйста, во сколько возможно, исполните ее.

Объ васъ, какъ я уже сказалъ, вѣсти у насъ только косвенныя. Правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, что вы готовите любопытнѣйшія изданія, напр. всѣ документы о княжнѣ Таракановой и еще много другого. Все это весело слушать, хотя мнѣ бы не того хотѣлось для васъ. Для себя хотѣлось было, чтобы вы были у насъ въ Москвѣ, но для васъ нѣтъ, развѣ бы на мѣстѣ князя Оболенскаго [2]). А впрочемъ вамъ слѣдовало бы быть

---

[1]) Хитрово.

[2]) Т.-е. начальникомъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Digitized by Google

не издателемъ только даже самыхъ любопытныхъ памятниковъ, а либо дѣятелемъ, либо творцемъ. Знаю я, что въ этомъ случаѣ все-таки нельзя ждать себѣ оцѣнки скорой у насъ; но правда возьметъ свое, а отъ васъ немалаго можно и должно ждать. Не порадуете ли какою-нибудь доброю вѣстію о какомъ-нибудь вашемъ трудѣ?—О себѣ скажу, что, какъ только пріѣхалъ изъ деревни, я какъ будто растерялся; тамъ дѣлалъ мало, потому что болѣлъ, и здѣсь сначала хворалъ, но пишу нѣчто о переводѣ Бунзена Библіи для заграничнаго изданія, и новую теорію правъ наказаній для будущаго нашего сборника. Думаю еще о философской статьѣ, хотя ихъ никто и не читаетъ. Вотъ покуда дѣло. Что дальше, не знаю.

Января 21.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

Юрію Ѳедоровичу

Самарину.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для полнаго уразумѣнія этой переписки необходимо объяснить, хоть въ немногихъ словахъ, тѣ взаимныя отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу Хомяковъ и Самаринъ съ К. С. Аксаковымъ. Оба послѣдніе были значительно моложе Хомякова. Хомяковъ родился въ 1804 г., К. С. Аксаковъ въ 1817, а Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1819 (стало быть въ 1843 г., которымъ помѣчено первое изъ нижеслѣдующихъ писемъ, Хомякову шелъ 40-й годъ, а Самарину 24-й). Въ 1839 г. Аксаковъ и Самаринъ (оба кандидаты Московскаго Университета), до того времени почти незнакомые другъ съ другомъ, согласились готовиться вмѣстѣ къ экзамену на магистра. Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали Гегеля (преимущественно „Логику"); вмѣстѣ же прочли всѣ памятники Русской словесности, древней и позднѣйшей, до половины XVIII вѣка, изучали лѣтописи, старинные грамоты и акты. Оба горячо любили Россію, для обоихъ Православіе было семейнымъ преданіемъ и достояніемъ, и оба не были жаркими почитателями Германскаго философскаго мышленія и литературы. Но когда предъ молодымъ, пытливымъ умомъ, изощреннымъ искреннею любовью, раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ, міръ Русскаго народнаго духа и жизни, съ своими еще неизслѣдованными тайниками, они съ увлеченіемъ, съ восторженною радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Они, казалось (да и дѣйствительно), обрѣли, наконецъ, почву для безпочвенной, блуждавшей дотолѣ Русской мысли; они нашли, или думали что нашли, полное оправданіе своимъ „непосредственнымъ" сочувствіямъ. Но полнымъ для приверженцевъ Гегелева діалектическаго процесса могло быть только философское оправданіе; а потому Гегель же и послужилъ на то, чтобъ объяснить, санкціонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемірно-историческое значеніе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить, на началахъ же Гегеля, цѣлое міросозерцаніе, цѣлую систему своего рода „феноменологіи" Русскаго народнаго духа, съ его исторіей, бытовыми явленіями и даже Православіемъ. Эта попытка, собственно относительно Русской исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи К. С. Аксакова о Ломоносовѣ, дописанной имъ въ 1844 году (см. мое предисловіе ко 2-му тому его сочиненій). Самаринъ же выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдниковъ.

Блистательно сдавъ экзаменъ въ Февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти неразлучными, явились въ Московскомъ обществѣ смѣлыми и рьяными провозвѣстниками новаго ученія. Слѣдуетъ, однакоже, за-

Digitized by Google

мѣтить, что въ этомъ товариществѣ мысли и пропаганды, творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ. Добываемое анализомъ, изученіемъ, всецѣльно овладѣвало всѣмъ его существомъ, являлось въ немъ уже синтезомъ; его убѣжденія не оставались при немъ, но проникали всѣ изгибы его нравственнаго бытія, переходили немедленно въ жизнь, въ дѣло, или, при ограниченности поприща для „дѣла", въ неустанную, повсюдную проповѣдь: все это съ такою полнотою искренности, съ такою внутреннею силою, для которой никакія уступки, никакія сдѣлки съ дѣйствительностью, ни даже соображенія съ условіями современности, не были возможны. Шумно огласились Московскія литературныя гостиныя необычайными для нихъ, пылкими его рѣчами, и хотя онъ скоро прослылъ за „чудака", „фанатика", человѣка „съ крайностями" и „идеалиста" (послѣднее, конечно, не безъ основанія), однакоже дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ солидарный, Ю. Ѳ. Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій и самообладанія, чей блестящій и саркастическій умъ хорошо былъ извѣстенъ Московскому обществу.

. . . . . .

Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину недоставало творчества и почина, то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логику не могли подкупить никакія сочувствія и вліянія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но, въ противоположность своему другу, былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другаго и едва ли скоро будетъ.

. . . . . .

Тѣмъ не менѣе, сблизясь съ К. С. Аксаковымъ, когда ему, т. е. Самарину, было только 20 лѣтъ, онъ былъ увлеченъ своимъ старшимъ другомъ, болѣе его надѣленнымъ творческимъ талантомъ, художественностью и силою чувства, и года два находился, какъ говорится, подъ вліяніемъ послѣдняго. Затѣмъ, ставъ зрѣлѣе, натура Самарина, съ прирожденною ей трезвостью ума, предъявила свои права; между ними (какъ видно изъ ихъ переписки, и къ крайнему огорченію К. С—ча), возникли не несогласія, но споры, свидѣтельствовавшіе, что Самаринъ не удовлетворялся для себя умственнымъ процессомъ своего друга и выходилъ на самостоятельный путь внутренняго развитія.

. . . . . .

Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 г., встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но и удивительнымъ гармоническимъ сочетаніемъ противо-

Digitized by Google

положностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ, *въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ*, безъ борьбы и противорѣчія, во свободно и внутренне примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины сомнѣнія, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почивающую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобъ этотъ анализъ былъ доводимъ до конца. Когда и какъ совершился въ немъ этотъ духовный и умственный процессъ, рѣшительно неизвѣстно: въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда его другъ Киреевскій еще издавалъ „Европеецъ", міросозерцаніе Хомякова было, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, положительно тоже, что и въ 1860 г., въ годъ его смерти. Всегда общительный, неутомимый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, онъ, однакоже, не былъ проповѣдникомъ и, строго говоря, до встрѣчи съ Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ, въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ *). Онъ никогда никому не навязывалъ „вѣры", и никогда не выставлялъ ее въ себѣ напоказъ, какъ ни была она въ немъ жизненнымъ ключомъ, а занимался въ обществѣ діалектическими спорами: то съ отрицающими вѣру раціоналистами, то съ псевдо-вѣрующими и съ изувѣрствующими, обличая первыхъ путемъ логики и анализа въ несостоятельности раціонализма, а вторыхъ въ несостоятельности ихъ основаній вѣры, въ ихъ внутреннемъ противорѣчіи. Отъ этого у многихъ онъ прослылъ человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякихъ убѣжденій!

Встрѣча съ Самаринымъ и съ К. С. Аксаковымъ была и для Хомякова полна плодотворныхъ послѣдствій. Молодые люди отважно вступили въ бой съ этимъ атлетомъ діалектики (какъ называлъ его, кажется, въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ). Года два слишкомъ продолжались споры, все тѣснѣе и крѣпче, но постепенно сближая противниковъ. Впрочемъ, споръ шелъ не о значеніи народности вообще и Русской по преимуществу, не о духовной сущности и отличіяхъ Русскаго народа отъ Западной Европы и пр., и пр., а по преимуществу объ отношеніи философіи къ религіи и о Православіи, оправдываемомъ или выводимомъ молодыми людьми изъ началъ Гегеля. Философскія оправданія, на которыхъ они было успокоились, оказались несостоятельными. Хомяковъ раскрылъ имъ свое ученіе о Церкви, расширилъ ихъ собственную точку зрѣнія, исправилъ и поставилъ построенную ими теорію на новыя основы. „Я съ вами болѣе согласенъ, чѣмъ вы сами", часто говаривалъ Хомяковъ К. С. Аксакову. Въ послѣднемъ, впрочемъ, это освобожденіе отъ оковъ Гегеля произошло безъ особенной внутренней борьбы: Гегель какъ

*) Хотя И. В. Киреевскій къ концу 30-хъ годовъ и измѣнилъ свое направленіе, но это измѣненіе совершилось не подъ воздѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ не подъ прямымъ воздѣйствіемъ Хомякова, а инымъ путемъ (какъ объяснено въ біографіи Киреевскаго, помѣщенной въ изданіи его сочиненій). Какъ ни высоко цѣнилъ Хомяковъ его философскіе труды, между ними не было той крѣпкой связи единомыслія, какая установилась, какъ сказано будетъ дальше, между Хомяковымъ, Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ.

Digitized by Google

бы потонулъ въ его любви къ Русскому народу. Самъ онъ, подъ однимъ своимъ стихотвореніемъ „Къ идеѣ“, посвященнымъ Ю. Ѳ. Самарину и писаннымъ въ 1842 г. съ эпиграфомъ: „Es existirt Nichts als Idee“, лѣтъ черезъ 10 сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Въ это время увлекала меня Германская философія, нисколько не заслоняя земскаго дѣла, которому въ служеніе хотѣлъ я принести философію и которому принесъ ее потомъ въ жертву. Жертва была законна. Выраженіе будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что живой голосъ народный освободилъ меня отъ отвлеченности философской. Благодареніе ему“.

Иначе, разумѣется, долженъ былъ произойти этотъ переворотъ въ Самаринѣ. „Голосъ народный“ не могъ заглушить въ немъ совѣсть мыслителя. Долгія ночи проводилъ онъ уже не въ спорахъ, а въ бесѣдахъ вдвоемъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ, вызваннымъ новою работою мысли и тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ первое письмо. Это же письмо свидѣтельствуетъ о близости, которая установилась между 40-лѣтнимъ Хомяковымъ и его молодыми друзьями. Нѣкоторые изъ старыхъ его пріятелей полушутливо, полусерьезно упрекали его въ измѣнѣ, даже въ томъ, что онъ „льститъ молодому поколѣнію“... Этотъ союзъ, духовный, душевный, умственный и нравственный, скоро отразился во всемъ тогда интеллигентномъ и литературномъ мірѣ, какъ особый „толкъ“ или сектантство, пріобрѣлъ немало молодыхъ адептовъ, привлекъ и многихъ старыхъ друзей, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ и несогласіи въ нѣкоторыхъ частностяхъ, къ единству общаго направленія, къ общей работѣ Русскаго народнаго самосознанія, однимъ словомъ, положилъ основаніе „славянофильству“. Это прозвище, данное въ насмѣшку Петербургскою литературою, которымъ обзывали во время оно приверженцевъ Шишкова и князя Шихматова, мало по малу утвердилось и, по общему признанію, уже заняло мѣсто въ исторіи Русскаго общества какъ почетное наименованіе.

Ив. Аксаковъ*).

(*Изъ „Русскаго Архива“ 1879 года*).

---

*) И. С. Аксакову принадлежатъ и примѣчанія къ этимъ письмамъ. Свои отношенія къ Самарину К. С. Аксаковъ выразилъ въ стихахъ:

Не душъ влеченья
Не сердца гласъ;
Цѣпь убѣжденья
Связала насъ. *Изд.*

Digitized by Google

Письма А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину.

1.

1848 г. Сент. 15.
С. Богучарово.

Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ!

Письмо ваше отъ 26 Сентября меня очень обрадовало, не смотря на тяжелое расположеніе духа, въ которомъ оно писано. Благодарю васъ за то, что вспомнили и исполнили свое обѣщаніе писать; радуюсь, что свободное время у васъ не даромъ пропало. Содержаніе вашего письма было для меня не неожиданно. Вы, можетъ быть, вспомните нашъ разговоръ съ вами и Аксаковымъ, когда я вамъ обоимъ обѣщалъ внутреннюю борьбу и даже пророчилъ, что она начнется у васъ прежде, чѣмъ у него. Въ его природѣ болѣе мечтательности и, не въ гнѣвъ ему буди сказано, женственности или художественности, охотно уклоняющейся отъ требованій логики. Вы за дѣло припялись мужественно, сознавшись въ своемъ внутреннемъ раздвоеніи. Я этаго ожидалъ, но, признаюсь, не такъ скоро. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится раздвоеніе сознанное; но хорошо, что оно сознано. Несознанное можетъ вѣкъ продолжаться, и при немъ примиреніе невозможно.

Человѣкъ не имѣетъ права отступиться отъ требованій науки. Онъ можетъ съ утомленія закрыть глаза, насильно на себя наложить забвеніе; но послѣдующій за этимъ миръ есть гробъ поваленный, изъ котораго не выйдетъ никогда ни жизни, ни живаго. Если онъ разъ созналъ раздвоеніе между наукою (анализомъ) и жизнью (синтезомъ), ему остается одинъ только исходъ—въ самомъ анализѣ, ибо синтезъ самъ себя поверять не можетъ. Вѣрны ли положенія науки, вотъ вопросъ.

Digitized by Google

То есть, строго ли вѣренъ былъ самъ себѣ анализъ? Отъ этой повѣрки зависитъ возможность примиренья. При вашей откровенности съ самимъ собою и отчетливости въ мысляхъ, я совершенно увѣренъ въ окончательномъ выводѣ. Наука не вѣрна себѣ до сихъ поръ, смѣшивая признанное съ сознаннымъ и (не смѣйтесь) страдая постоянно тѣмъ недугомъ, въ которомъ она упрекаетъ мистиковъ. Это бросается въ глаза у Шеллинга, за котораго вы и заступаться не станете; это мнѣ кажется яснымъ въ Гегелѣ въ противоположеніи сознаннаго Seyn съ непосредственнымъ Seyn, изъ котораго первое выходитъ съ характеромъ отрицанія въ видѣ Nichts, и которое непозволительно потому, что сознанное противуполагается законно только сознанному. Иначе отношеніе (какое бы оно ни было) носитъ опять только характеръ признаннаго и не должно имѣть мѣста въ наукѣ сознанія. Впрочемъ это только между прочимъ. Найдете еще многое и многое, что̀ не уйдетъ отъ васъ и вполнѣ возвратитъ вамъ свободу жизни, уличивъ во лжи чрезмѣрныя притязанія науки—анатоміи духа.

Я не знаю судьбы вашей диссертаціи *). Желаю ей добра и успѣха, потому что нахожу въ ней много истины и даже готовъ защищать ее противъ васъ. Едва ли вы теперь къ ней справедливы; если же и справедливы, то она тѣмъ важнѣе мнѣ кажется. Въ ней нѣтъ любви откровенной къ Православію. Да наука и не требуетъ любви. Въ Православіи вы видите только сторону отрицательную, его антагонизмъ съ другими ученіями, и въ этомъ-то безпристрастномъ взглядѣ проявляется тѣмъ сильнѣе его внутренняя гармонія, какъ обличеніе дисгармоніи другихъ ученій. Это единственное право науки на жизнь. Тайникъ жизни и ея внутренніе источники недоступны для науки и принадлежатъ только любви. Отъ того-то вашъ трудъ, искренній или нѣтъ въ смыслѣ Православія внутренняго и духовнаго, представляетъ по моему мнѣнію выводы по большей части истинные и искренность ученаго, хотя и не искренность вѣ-

*) Дѣло идетъ о диссертаціи Самарина: „Стефанъ Яворскій и пр.“. Въ это время она была уже написана и представлена Самаринымъ университету. Изъ трехъ частей диссертаціи только одна дозволена была въ печати и была предметомъ диспута.

Digitized by Google

рующаго, которой требовалъ Киреевскій. Для меня вашъ трудъ дорогъ, и полагаю, былъ бы полезнымъ, если бы могъ быть извѣстенъ; можетъ быть, полезнѣе внѣ Россіи, чѣмъ у насъ.

Мимоходомъ говорите вы о взглядѣ Гегеля на одинъ изъ основныхъ фактовъ Христіанства. Вы съ нимъ не соглашаетесь или, лучше сказать, признаете взглядъ его несогласнымъ съ ученіемъ Церкви. Вы совершенно правы. Но Гегель виноватъ не въ дурномъ толкованіи, а въ дѣтской довѣрчивости, съ которою онъ принялся толковать о текстѣ такъ, какъ этотъ текстъ ходитъ давно по философскимъ школамъ, т. е. въ усѣченномъ видѣ. Французы, Англичане, Нѣмцы уже разсуждали немало о древѣ познанія и постоянно оставляли въ сторонѣ прибавку: добра и зла. Съ этимъ связывается нашъ давнишній споръ съ вами. Простите, если повторю уже сказанное мною; но, кажется, оно было сказано не при васъ, а при Аксаковѣ и Бобарыкинѣ *).

Изъ двухъ человѣкъ одинъ знаетъ про свѣтъ только то, что онъ свѣтитъ, а другой разсказываетъ вамъ всѣ законы преломленія, раздробленія, отраженія лучей и т. д. Изъ двухъ говорящихъ о любви одинъ знаетъ только слово любить, а другой объясняетъ всѣ дѣйствія любви такъ ясно, что можно вывести безошибочно, какъ любящій поступитъ въ данномъ случаѣ. Вы скажете, что вторые гораздо лучше знаютъ свѣтъ и любовь, чѣмъ первые. Такъ. Но великій знатокъ свѣта — слѣпорожденный профессоръ, а знатокъ любви—чортъ. Знаютъ ли они? Очевидно менѣе первыхъ. У нихъ знаніе внѣшнее, у тѣхъ знаніе внутреннее, гораздо полнѣйшее, не смотря на отсутствіе логическихъ опредѣленій. Дерево знанія есть во всякомъ случаѣ имѣетъ о знаніи добра и зла посредствомъ закона какого бы то ни было. Жизнь непосредственная, инстинктивная, не была опредѣлена для существа разумнаго. Законъ проявляетъ свободу. Свободное нарушеніе закона открывало дверь познанія такъ же, какъ и свободное исполненіе; но въ одномъ случаѣ человѣкъ получалъ положительное знаніе зла и узналъ добро какъ отрицаніе, въ другомъ наоборотъ. Вы видите дальнѣйшее раз-

*) Николаѣ Николаевичѣ, котораго стихотворенія изданы особою книжкою.

Digitized by Google

витіе. Знаніе же, какъ знаніе логическое, не имѣетъ ничего общаго съ знаніемъ добра и зла. Истинно же знаемъ мы только то, въ чемъ живемъ и чѣмъ живемъ. Ошибка Гегеля (оставляя въ сторонѣ усѣченіе текста) происходитъ отъ односторонняго и школьно-гордаго понятія о знаніи вообще. А по правдѣ, смѣшно подумать, какъ ученые съ одной стороны и хвалители невѣжества съ другой, по разнымъ причинамъ, старались пріучить и отчасти пріучили людей понимать разсказъ Моисея объ законѣ въ смыслѣ болѣе или менѣе справедливой сатиры на знаніе.

Какъ-то мы увидимся? Въ какой точкѣ пути вашего найду я васъ? Дай Богъ, чтобы вы поскорѣе получили предчувствіе внутренняго примиренія, если еще не примиреніе полное. Но позвольте дать вамъ совѣтъ. Не оставляйте себя безъ труда, кромѣ труда, который вы теперь предпринимаете для уясненія собственной мысли. Трудъ посторонній будетъ для васъ отдохновеніемъ и облегчитъ главную умственную работу. Прощайте, до свиданія, которому я еще срока назначить не могу. Еще вѣроятно пройдетъ мѣсяцъ, а можетъ быть и съ хвостикомъ: дорóги совсѣмъ уже не существуютъ.

P. S. Какой бы ни былъ вашъ теперешній или будущій выводъ изъ полнаго изученія науки, не жалѣйте о подвигѣ мыслителей, какъ будто пропавшемъ даромъ. Правда, все это могло бы и не быть, какъ могла бы и не быть исторія; но сѣмена, посѣянныя давнымъ давно, должны дать плодъ, и не даромъ пропадаетъ трудъ того, кто приближаетъ время спѣлости.

2 *).

Очень трудно мнѣ отвѣчать вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, потому, что во всемъ почти согласенъ съ вами. Нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ я не согласенъ, взяты уже другими.

*) Числá и года не обозначено, но очевидно писано незадолго до диспута Ю. Ѳ. Самарина, бывшаго 3-го Іюня 1844 г., и служитъ вѣроятно отвѣтомъ Самарину на приглашеніе принять участіе въ публичномъ ученомъ спорѣ. Однакоже, сколько намъ извѣстно, Хомяковъ не выступалъ на диспутѣ оппонентомъ, да едва ли бы и могъ выступить по недостатку времени.

Digitized by Google

Если время позволитъ, я думаю на васъ напасть за то, что вы ставите въ упрекъ Стефану отсутствіе сочувствія съ вопросами современными и эти сочувствія ставите въ похвалу Ѳеофану. Стефанъ не могъ говорить противъ Реформы, ибо она дѣлалась во имя разума; а Ѳеофанъ могъ говорить противъ старовѣровъ, ибо они дѣйствовали во имя Церкви—слѣдовательно Церковь обязана была отъ нихъ отречься. Также Ѳеофанъ въ похвалу Петру говоритъ, что онъ епископовъ хотѣлъ простосердечныхъ. Изъ этого выходитъ: не ученость, а полнота духовная нужна Христіанину; ибо Христіанство не наука и наукообразнымъ быть не можетъ. Слѣдовательно онъ вполнѣ Православенъ. Такъ и его богословіе названо «полемика». Изъ этаго также видно, что положительнаго богословія онъ не принимаетъ, а только отрицательное. Поэтому, собственно-Протестантства въ немъ нѣтъ.

3 *).

Октября 10-го (1844 г.).

Ваши письма меня очень утѣшили. Я не боялся за васъ Петербурга: онъ представлялъ по моему мнѣнію только одну, такъ сказать, механическую опасность. Общество, служба, пріятели, театръ и пр. могли расхватать у васъ время такъ совершенно, что на себя остались бы только часы сна и обѣда. Вы эту опасность знали и слѣдовательно должны были ея избавиться легко, выгородивъ себѣ часть дня въ полное и неприкосновенное владѣніе. Другая опасность, вѣрованіе въ какую бы то ни было существенность службы, въ какую бы то ни было практическую пользу (разумѣется не для себя, а для другихъ) для васъ не существуетъ. Я знаю примѣръ, что люди добросовѣстные, съ душою доброю и благородною, были обмануты этимъ призракомъ: они повѣрили и погибли. Но это время прошло. Даже истые Петербургеры уже опомнились; а вамъ, узнавшимъ Русь и Русскую жизнь и ея отношенія къ механизму бумагоправленія до вступленія въ великую Петербургскую

*) Послѣ блистательнаго диспута Самаринъ, въ началѣ Августа того же 1844 года, отправился въ Петербургъ на службу. Его личное намѣреніе было избрать себѣ ученое поприще, но онъ повиновался въ этомъ случаѣ желанію своего отца.

Digitized by Google

фабрику, ошибка была невозможна ни на минуту. Что же оставалось? Обаяніе общества и его успѣховъ? Объ этомъ и думать нечего при такомъ обществѣ. Вотъ что я думалъ, когда вы поѣхали; а все-таки весело слышать отъ васъ, что именно все сбылось по моимъ предположеніямъ, что вы человѣкъ свободный по прежнему, что вы трудитесь и что мы увидимъ плоды этаго труда.

Когда кончите свой Новгородскій подвигъ [1]), не замедлите прислать и дайте позволеніе имъ воспользоваться. Первая просьба моя, вторая Валуева [2]). Да скажите: разбирая лѣтопись, не замѣтили ли вы слѣдъ Запада въ Новгородѣ? Мнѣ вліяніе Запада явно (въ равнодушіи религіозномъ, въ знакомствѣ съ Нѣмецкими загами о Дитрихѣ и т. д.); но замѣтно ли оно въ остаткахъ юридическаго быта? Намеки были бы драгоцѣнны. Они должны находиться въ послѣдней эпохѣ Новгорода; въ первой ихъ искать нельзя. Еще любопытно бы было знать отношенія Новгорода къ области. Имѣли ли областные жители право гражданства полное? Вопросъ очень важный. Нѣтъ ли намековъ для разрѣшенія его? Если области не имѣли полнаго права гражданства, то паденіе Новгорода объясняется легко. Впрочемъ, я думаю, по общему ходу Русскихъ обычаевъ, что области не были унижены, а что города находились только въ подчиненности, т. е. семейной. Новгородъ былъ господинъ не въ смыслѣ слова господинъ - владыка, а въ смыслѣ «господинъ - батюшка». Виноватъ за эту страницу Погодинскаго слога.

---

[1]) Самаринъ занимался тогда исторіей Новгорода и началъ писать изслѣдованіе о Князѣ и Вѣчѣ.

[2]) Дм. Александр. Валуевъ, племянникъ Хомякова по женѣ, молодой человѣкъ высокихъ, чистыхъ стремленій, полный любви къ наукѣ, скончавшійся въ слѣдующемъ 1845 году. Онъ успѣлъ издать при жизни два сборника „Историческій“ и „Симбирскій“, помѣстивъ въ послѣднемъ большое самостоятельное свое изслѣдованіе, цѣнное и до сихъ поръ „о мѣстничествѣ“. Кромѣ того ему принадлежитъ брошюра „о Христіанствѣ въ Абиссиніи“, и онъ же издавалъ „Библіотеку для воспитанія“, при содѣйствіи Хомякова, П. Г. Редкина и многихъ ученыхъ. См. ниже письмо Хомякова объ его смерти.

Digitized by Google

Еще веселѣе мнѣ отъ другого вывода, который я позволяю себѣ сдѣлать изъ вашего письма. Для васъ не прошло еще время борьбы и не наступило примиреніе Оно вамъ попрежнему кажется невозможнымъ. Такъ и должно быть. Оно невозможно, покуда хоть одна препона остается, покуда логическій міръ не отдѣлится въ мысли совершенно отъ міра жизни и факта, покуда онъ не познается какъ законъ отношеній, т. е. внѣшній. Придетъ непремѣнно время, когда вамъ представится онъ въ своей ограниченности и когда вы будете негодовать на гордость его притязаній точно такъ же, такъ вы теперь уже негодуете на притязанія формализма общественнаго въ его стремленіи подчинить себѣ живую свѣжесть вольной жизни, наприм. когда Киселевъ (чтобы ему ни дна, ни покрышки) замѣняетъ нестройную сходку правильною баллотировкою. Каково? Поистинѣ, народы дикіе любятъ порядокъ! Покуда еще не наступило примиреніе, мнѣ весело и болѣе чѣмъ весело видѣть, что механическій процессъ, которому подверглась ваша жизнь въ Петербургѣ, приноситъ добрые плоды. Вамъ становится яснымъ, что воля человѣка имѣетъ великое вліяніе на его мышленіе даже тогда, когда оно, повидимому, старается удержаться въ предѣлахъ необходимой, неуклончивой логики. Вы совершенно правы и даже вѣроятно въ отношеніи къ самому себѣ; но не судите себя слишкомъ строго и не обвиняйте совершенно свою волю. Вспомните, пожалуйста, мои слова предъ вашимъ отъѣздомъ и какого добра я ждалъ для васъ отъ Петербурга. Постоянныя занятія въ области чистаго умозрѣнія дѣйствуютъ на мысль, какъ усиліе что нибудь вспомнить. Не вспомнишь, покуда не поѣдешь съ собаками или не пройдешься пѣшкомъ. Кромѣ того жизненный законъ проявляется не только въ выводахъ философскихъ: онъ дѣлается явнымъ изъ законовъ исторіи, изъ художества, изъ права, изо всего, что̀ есть. Всѣ эти выводы, которые вамъ являлись отдѣльными, покуда вы критически изучали всякій предметъ отдѣльно, сольются для васъ въ одну общую гармонію, въ одинъ общій выводъ освобожденной жизни. Видите какъ хорошо я разсуждаю о пользѣ вашего отсутствія; а едва ли вы повѣрите, какъ оно мнѣ досадно, какъ мнѣ часто хочется высказать вамъ мысли, которыя мнѣ безпрестанно приходятъ при чтеніи при разговорахъ и

Digitized by Google

пр.; именно вамъ: не потому только, что вамъ они были бы понятнѣе, чѣмъ кому либо, но и потому, что вы болѣе всѣхъ выражаете общую потребность человѣческаго ума въ нашъ вѣкъ, потребность мысли умиренной. Знаете ли, что мнѣ просто стало досадно, когда вы въ своемъ письмѣ вспомнили объ нашихъ прошловесенникъ бесѣдахъ?

Кстати взглянувъ на эти строчки и увидѣвъ слово художество, я вспомнилъ, что N [1]) продолжаетъ питать гнѣвъ противъ меня и жаловался на меня Киреевскому, «Вообразите, онъ говоритъ, что Баварская церковь въ Византійскомъ стилѣ просто-пастишъ! Не понимаю, какъ цензура пропустила». Это его подлинныя слова. Сколько грѣховъ прикрывается такою милою невинностью!

Велика нелѣпость указа, предлагаемаго Панинымъ [2]). Въ немъ выказывается совершенное незнаніе не только историческаго, но и современнаго міра. Впрочемъ давно уже можно ожидать какого нибудь подобнаго предложенія. Аристократическая партія растетъ и крѣпнетъ съ нѣкоторыхъ лѣтъ и, разумѣется, какъ на ноги станетъ, такъ родитъ намъ какую нибудь новую организацію государства. Таково правило всѣхъ партій въ Россіи. Государственный Совѣтъ Россіи существующей не признаетъ, или признаетъ ее только географически существующей и вѣчно хочетъ ее организировать. Собраніе и Сводъ Законовъ были въ его глазахъ только статистическою работою, какъ перепись или кадастръ. Для нашего невѣжества они казались услугою оказанною поданнымъ, упрощеніемъ судопроизводства; въ глазахъ Совѣта они были справкою. «Мы знаемъ пространство и народонаселеніе области: надобно узнать, какими она законами управляется». Жаль, что вы не пишете, кто возражалъ. Возраженіе о будущемъ раздорѣ между чиновникомъ-властью и дворяниномъ (почетнымъ дармоѣдомъ) очень дѣльно и вѣрно; но любопытно, что никому въ голову не пришло возражать

---

[1]) О комъ упоминается неизвѣстно. *Изд.*

[2]) О какомъ проектѣ графа Панина (министра юстиціи) идетъ здѣсь рѣчь, неизвѣстно. Кажется, объ ограниченіи для чиновниковъ права пріобрѣтенія дворянскихъ населенныхъ имѣній.

Digitized by Google

святостью самаго факта, неприкосновенностью обычая и исторической жизни. Вѣчная революція такъ безусловно признана за законъ, что никому и не вздумается выразить сомнѣніе въ ея законности. Зная мои мнѣнія, вы можете вообразить, какъ предложенный указъ мнѣ пріятенъ; но съ другой стороны я вижу въ немъ только лишній промахъ безъ большихъ послѣдствій, досадный и едва-ли вредный. Жизнь свое возьметъ. Убавка покупщиковъ на дворянскія имѣнія и покупщиковъ самыхъ важныхъ, чиновниковъ-воровъ (единственныхъ соперниковъ воракупца) уронитъ цѣну имѣній. Требованія Экономіи Политической заставятъ отдѣлить права на землевладѣніе отъ правъ дворянскихъ, и скоро останется голый миѳъ, который умретъ незамѣченный никѣмъ. Слово дворянинъ перейдетъ въ разрядъ такихъ словъ какъ «разныхъ орденовъ кавалеръ», годныхъ только къ расширенію подписи подъ дѣловыми бумагами, но ничего незначащихъ. А все-таки очень досадно.

Я поневолѣ нынѣшній годъ рано пріѣхалъ въ Москву и остался безъ осени и безъ охоты. Многіе еще въ городъ не пріѣзжали. Я продолжаю свою многолѣтнюю работу и кромѣ этого написалъ только одну пьесу стиховъ, вѣроятно не имѣющихъ быть напечатанными: Исповѣдь Русскихъ. Она вызвана досадою на П. Вас. Киреевскаго [1]). Литературнаго движенія мало. Погодинъ и Киреевскій торгуются объ Москвитянинѣ, но нѣтъ почти надежды на успѣхъ. Съ одной стороны желаніе получить прибыль, хоть и умѣренную, но вѣрную; съ другой робость и тайное желаніе найти предлогъ для бездѣйствія. Досадно. Шевыревъ хорошъ, какъ и всегда (вы знаете, что я говорю безъ шутки): ревностенъ и готовъ къ дѣятельности. Страннѣе то, что, Павловъ [2]) сильно принимается за литера-

---

[1]) Петра Васильевича, родного брата Ив. В.—ча, извѣстнаго собирателя Русскихъ пѣсенъ и безусловнаго поклонника Русской старины, обладавшаго въ тоже время обширнымъ Европейскимъ образованіемъ. Поэтъ Языковъ называлъ его великимъ печальникомъ о Русской землѣ. Стиховъ Хомякова подъ названіемъ „Исповѣдь Русскихъ“ въ печати не имѣется; вѣроятно здѣсь разумѣются стихи: „Не говорите-то былое“, вызвавшіе отвѣтъ К. С. Аксакова. См. Р. Архивъ 1879, I, 218.

[2]) Николай Филипповичъ, извѣстный авторъ Ятагана и другихъ повѣстей.

Digitized by Google

турный интересъ; а все-таки едва ли что нибудь удастся. У насъ здѣсь, какъ вы знаете, Итальянская опера; очень недурна: голоса хорошіе и богатый репертуаръ, а театръ—пустыня. Не понимаю этаго отсутствія интереса; но не знаю, надобно ли жалѣть объ этомъ или нѣтъ, и хорошо ли музыкальное воспитаніе публики посредствомъ Итальянской оперы съ ея чисто-женскимъ характеромъ?

Теперь вотъ нѣсколько сплетень. Давыдовъ [1]) похитилъ протоколъ объ вашемъ диспутѣ и сгоряча въ этомъ признался, за что его Нахимовъ [2]) назвалъ виртуозомъ. Причина похищенія—самолюбіе, оскорбленное тѣмъ, что вы у него не были.—Глинко-Коптевская фаланга [3]) меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила, уходя, хозяйкѣ: Mais il n'a rien dit de si horrbile [4]). Она воображала меня апокалипсическимъ дракономъ, разѣвающимъ пасть только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастіе на репутацію домашнюю; за то за границею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ наприм.: elend und eckelhaft [5]), что вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ славъ.

Первая часть Валуево-Редкинской Библіотеки для дѣтей вышла. Пожалуста хвалите и распространяйте. Аксаковъ готовитъ туда статью: Князь Д. М. Пожарскій [6]). Обѣщаютъ Жуковскаго и Гоголя. На васъ надѣемся. Дѣло истинно-доброе.

Прощайте покуда. Мнѣ весело слышать, что вы сошлись съ Веневитиновыми, съ княземъ Вяземскимъ; весело не столько за васъ, сколько за нихъ. Это хорошія и чистыя души, требующія

---

[1]) Иванъ Ивановичъ, профессоръ Русской Словесности и деканъ словеснаго факультета.

[2]) Инспекторъ студентовъ.

[3]) Глинка Ѳеодоръ Николаевичъ; Коптевы братья.

[4]) Но онъ ничего не сказалъ такого страшнаго.

[5]) Жалкій и наводящій тошноту.

[6]) Статья осталась ненаписанною.

Digitized by Google

поддержки. Все тотъ же ли голосъ у А. О.[1]), пріятный и вредный какъ Итальянская опера, и таже ли способность понимать и не сочувствовать? Я ее люблю и не виню: Петербургъ можетъ творить только Петербургское. Октяб. 10 дня.

P. S. Знаете ли, что недавно напечатана рукопись Лейбница, до сихъ поръ скрываемая Нѣмцами, гдѣ онъ себя признаетъ чистымъ Славяниномъ и объявляетъ антипатію ко всему Нѣмецкому? Это славное пріобрѣтеніе для Славянъ.

Окончательная насмѣшка судьбы надо мною: И. И. Давыдовъ и Терновскій[2]), прочитавъ «Ѳ. Ивановича» въ Дѣтской Библіотекѣ[3]), объявили, что они мнѣ сочувствуютъ. C'en est fait, mon malheur passe mon espérance,

Киреевскій взялъ Москвитянина[4]). Важная новость. Если будетъ издавать, мы на васъ надѣемся, и вы насъ конечно не посрамите.

Бѣдный Поповъ[5]) въ Университетѣ не находитъ мѣста. Онъ вамъ кланяется. Узнайте, пожалуста, не найдется ли ему каѳедры въ Университетѣ Петербургскомъ или Академіи Художествъ, или гдѣ нибудь по части просвѣщенія. Жаль будетъ, если и ему придется бросить науку. Прощайте. Читали ли La Russie envahie par les Allemands[6]), и дѣлаетъ ли она шумъ?

---

[1]) А. О. Смирновой. *Изд.*

[2]) Проѳ. Богословія въ Университетѣ.

[3]) Статья Хомякова въ Библіотекѣ для воспитанія, Валуевскаго изданія.

[4]) Ив. Вас. Киреевскій принялъ на себя редакцію Москвитянина на 1845.

[5]) Александръ Никол. Поповъ, тогда даровитый магистръ Московск. Университета, блистательно защитившій въ томъ же 1844 г. свою диссертацію о Русской Правдѣ. Не получивъ мѣста въ Университетѣ, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ напечаталъ въ „Р. Архивѣ“ изслѣдованіе о 1812 г. Скончался 16 Ноября 1877.

[6]) Извѣстная брошюра Вигеля.

Digitized by Google

4 [1]).

До сихъ поръ я еще не отвѣчалъ вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на ваше письмо ко мнѣ и къ Аксакову; во-первыхъ потому, что узналъ слишкомъ поздно про одну оказію, а во вторыхъ потому, что на многое иначе нельзя было отвѣчать какъ черезъ нѣсколько недѣль. Временная буря прошла. Ея истинная причина была не въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ того или другаго изъ насъ, а въ появленіи нѣсколькихъ статей за границею объ «mouvement slave» и «mouvement moscovite». Истинной опасности не было до сихъ поръ, и если ничто не перемѣнится, ея и не будетъ; но при проснувшихся подозрѣніяхъ можно добиться неосторожностью до опасности. Между тѣмъ нелѣпая строгость цензуры, особенно къ Москвитянину [2]), была единственнымъ слѣдствіемъ всего Петербургскаго перепуга; да и тутъ не знаю, не происходила ли отъ давняго и личнаго мнѣнія NN [3]). Статья моя объ желѣзныхъ дорогахъ подвергалась столькимъ мытарствамъ, что она не попадетъ въ 1-й нумеръ, а отложена до втораго и пропущена только по усильнымъ стараніямъ и просьбамъ. Чуть-чуть не послалъ я ее въ Петербургъ, не смотря на протестъ Константина Сергѣевича.

---

[1]) Писано въ самомъ началѣ 1845 года въ отвѣтъ на письмо Самарина къ Хомякову и К. С. Аксакову, въ которомъ, передавая воззрѣніе Петербургскаго общества и правительства на славянофильство, Самаринъ просилъ ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и письмахъ, чтобы не подавать повода къ напраснымъ недоразумѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, открыто выражавшееся сочувствіе къ Русской народности, мнѣніе о необходимости принимать въ соображеніе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики истинные національные интересы, призваніе Русской мысли къ самостоятельной работѣ въ сферѣ науки и т. п., сочтены были тогда многими за опасное повѣрье: доносовъ было немало. Точно также враждебно отнеслась къ Славянофиламъ и „либеральная“ литература, по преимуществу Петербургская.

[2]) Въ это время, по уговору съ М. П. Погодинымъ, редакція Москвитянина перешла въ руки Ив. В. Кіреевскаго, при участіи Хомякова и всего круга его друзей; но выдано было только три книги, и затѣмъ Москвитянинъ опять перешелъ къ Погодину.

[3]) Графа С. Г. Строганова? *Изд.*

Digitized by Google

Положеніе наше уяснилось во многомъ. Мы въ одно время и признаны (полиціею, Отечеств. Записками, Библіотекой для Чтенія) и не сосланы. Это выгода великая и неоспоримая: руки развязаны для всякаго осторожнаго дѣйствія. Публика, читая, будетъ понимать то, чего бы не поняла безъ этихъ коментаріевъ и слуховъ. Цвѣтъ или, лучше сказать, общій очеркъ мысли опредѣлился, вниманіе пробуждено. Всякій высказанный принципъ получаетъ новую важность. Теперь надобно и должно высказывать принципы, и чѣмъ болѣе они будутъ высказываться, тѣмъ яснѣе будетъ, что они ни для кого не опасны, что они не новое что нибудь, не налагаемое нами на общество, но безсознательно въ немъ живущее, и что они до сихъ поръ составляли лучшую часть нашей умственной жизни. Надобно показать всѣмъ, что они (т. е. принципы) такъ же далеко отъ консерватизма въ его нелѣпой односторонности, какъ и отъ революціонности въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности; что они, наконецъ, составляютъ начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженія.

Шевыревъ (кто бы изъ васъ ожидалъ отъ него такой удали? я самъ ожидалъ не вполнѣ) сдѣлалъ подвигъ великій: онъ опредѣлилъ многое и опредѣлилъ съ каѳедры [1]), опредѣлилъ публично, въ услышаніе трехъ сотъ слушателей, съ тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, съ тою смѣлостію и съ тою теплою любовію, которыя ему свойственны. Его изложеніе могло бы, разумѣется, быть лучше; но оно недурно, иногда очень хорошо и поправляется со дня на день. Его успѣхъ, по моему мнѣнію, превосходитъ успѣхъ Грановскаго [2]). Успѣхъ Грановскаго былъ успѣхомъ личнымъ, успѣхомъ оратора; успѣхъ Шевырева— успѣхъ мысли, достояніе общее, шагъ впередъ въ наукѣ. Это истинный успѣхъ профессора. Даже явное несогласіе большинства (вы видите, что я не обманываю себя) есть торжество. Это поднятые вопросы, это недовѣріе, это критика, переходящая въ умственную жизнь публики. Другая и не менѣе важная

[1]) С. П. Шевыревъ читалъ въ это время публичныя лекціи о древней Русской словесности.

[2]) Грановскій въ первый разъ читалъ публичныя лекціи въ 1844 г. въ началѣ.

Digitized by Google

выгода та, что, при уясненіи самихъ вопросовъ, мнѣніе каждое могло счесть своихъ послѣдователей или, по крайней мѣрѣ, людей склонныхъ къ нему. Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь Университетъ (или почти весь, это все равно) держится другой стороны. Публика не держится покуда никого, но колыхается и должна пристать куда нибудь. Покуда большинство глядитъ къ Западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе станутъ ее пробуждать отъ ея умственной апатіи. Надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападенія Давыдова, который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, Новосильцова [1]), который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и врагомъ Славянъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное [2]). Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство.

Что съ вами, т. е. что съ вашими трудами? Увидимъ ли, услышимъ ли ихъ? Дайте свое имя въ Москвитянинѣ хоть подъ эфемерною статьею. Насъ немного, и каждый обязанъ сказать хоть слово. Вѣроятно, никто въ Петербургѣ не получаетъ здѣшнихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Достаньте ихъ хоть изъ министерства и отыщите статью Панова [3]) о лекціяхъ Шевы-

---

[1]) Въ то время Московскій вице-губернаторъ.

[2]) Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти знаменательныя, пророческія слова, писанныя 35 лѣтъ тому назадъ, когда водруженное Хомяковымъ и его друзьями знамя Русской народности не насчитывало и десяти человѣкъ приверженцевъ. Никто изъ нихъ не дожилъ до жатвы, да и теперь до жатвы далеко. Не совершенъ и еще неизмѣримо-дологъ тягостный трудъ полотья!

[3]) Пановъ, Вас. Алексѣевичъ, родственникъ Валуева и, какъ онъ, Симбирскій помѣщикъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, кандидатъ Моск. Университета, сопутствовавшій Гоголю въ 1841 г. въ поѣздкѣ по чужимъ краямъ, посѣтившій также Славянскія земли. Объ этомъ посѣщеніи онъ издалъ бро-

Digitized by Google

рева и пустите ее сколько можно въ ходъ. N[1]) ея не пропустилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Она слаба и слабо писана, но она имѣетъ смыслъ и важность, особенно по вопросамъ современнымъ и потому, что непропущеніе ея показываетъ, каковъ гнетъ цензуры. Впрочемъ она и не безъ достоинства. Статья Киреевскаго, въ Москвитянинѣ, о движеніи литературъ Европейскихъ, вещь превосходная и Европейской важности. Въ библіографіи его же статьи очень хороши, хотя цензура ихъ окромсала безбожно.

Прощайте, дайте знать о себѣ и не забывайте Москвитянина. Отъ васъ самая малая статья будетъ дорога, потому, что она будетъ оживлена мыслію. Это не помѣшаетъ большимъ трудамъ, только чтобы глаза не болѣли, какъ у меня. Сказать ли вамъ, какъ я благодаренъ за ваше письмо? Оно и до сихъ поръ служитъ нѣкоторымъ memento mori нашему общему другу[2]). Будьте здоровы и не забывайте.

5.

28 Февраля 1845. Москва.

Только нынче поутру узналъ я, что вечеромъ можно къ вамъ писать, а я говѣю: времени мало, и глазъ болитъ. Поэтому и не могу вамъ многое писать. Благодарю за письмо, какъ и всегда, за дружескую память; но какъ благодарить за статью[3]), не знаю: такъ она меня обрадовала и утѣшила. Конечно, это еще не статья, а только очеркъ статьи; ее печатать нельзя (да вы и сами не хотите), не потому только, что она не додѣлана, но и потому что ее поймутъ превратно и сочтутъ похвалою тому, чему она дѣйствительно произноситъ строжайшій приговоръ. Все это, я думаю, и вы знаете не хуже насъ; но статья чудная и по строгости многихъ выводовъ, и по истинѣ взгляда, и по необычайно-живому выраженію мысли во многихъ мѣстахъ. Я съ вами совершенно согласенъ, также и Аксаковъ

шюру. Онъ же былъ издателемъ Московскихъ Сборниковъ 1846 и 1847, органовъ Славянофильскаго направленія. Скончался, кажется, въ 1851 году.

[1]) Графъ С. Г. Строгановъ. *Изд.*

[2]) То есть предостереженіемъ для К. С. Аксакова быть воздержнѣе въ рѣчахъ.

[3]) Это статья о Князѣ и Вѣчѣ. Она не была напечатана.

Digitized by Google

и кое-кто еще, напр. братья Елагины *). Я согласенъ, можно сказать, до радости: такъ мнѣ весело видѣть такое торжество въ результатахъ, къ которымъ мы стремимся порознь и по разнымъ путямъ мысли. Это показываетъ, какъ мало произвола у насъ въ основахъ мысли, и какъ мало страсти или тайныя желанія имѣютъ надъ нами власти. Весело мнѣ видѣть, какъ вы остаетесь вѣрными умственному труду и его строгимъ требованіямъ; ибо въ Петербургѣ труднѣе было, чѣмъ въ Москвѣ дойти до тѣхъ результатовъ, до которыхъ вы дошли. Видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все-таки признать принципъ: это точно нравственный подвигъ. Съ вами многіе или не согласны, или согласны вполовину; вполовину Поповъ, Валуевъ, Пановъ, кажется Погодинъ, который впрочемъ не былъ при чтеніи; совсѣмъ несогласны Киреевскіе. Но всѣ эти несогласія болѣе имѣютъ корень въ возмущенномъ сердцѣ, чѣмъ въ разумѣ. Доказательство то, что они вполнѣ признаютъ отрицательную часть и слѣдовательно должны бы принять и весь выводъ, да силъ не достаетъ.

Впрочемъ общее начало вашей статьи не совсѣмъ прилагается къ Исторіи Русской и едва ли гдѣ нибудь прилагалось вполнѣ къ какой нибудь Славянской Исторіи. Понятіе о князѣ жило болѣе какъ законъ, какъ требованіе, чѣмъ какъ историческій фактъ. Во всякомъ случаѣ вотъ какъ мнѣ представляется схема Русской Исторіи. Скажу кратко, потому что спѣшу. Частные князья прежнихъ, до-историческихъ временъ, можетъ быть, осуществляли идею о Князѣ (князья Древлянскіе, Радимичей и т. д.), можетъ быть, и нѣтъ; но Варяги уже этой идеи не осуществляли, особенно для Сѣверной Руси. Они были явленіемъ внѣшнимъ, военнымъ, по условію на Сѣверѣ и вза-

*) Василій и Николай Алексѣевичи, родные братья Киреевскихъ по матери, Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. Н. А. Езагинъ, издатель „Бѣлевской Библіотеки“, содержащей въ себѣ Бѣлевскую писцовую книгу, † 11 Февраля 1876. Василій Алексѣевичъ (старше Николая) скончался 11 Іюля 1879 г. Это былъ человѣкъ обширныхъ свѣдѣній, дарованій и мысли всегда самобытной. Къ сожалѣнію онъ мало писалъ и еще меньше печаталъ, но все имъ напечатанное было замѣчательно. Его статьи были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. и въ Бесѣдѣ, изданіи С. А. Юрьева.

Digitized by Google

мѣнъ Казаръ на Югѣ. Но требованіе жило, и законъ стремился къ проявленію. Такъ Великій Князь растетъ въ значеніи, поглощаетъ удѣлы и переходитъ въ Цари. (Точно также и въ Сербіи). Такъ какъ нормальное отношеніе, котораго требованіе жило, предполагаетъ полную независимость лица и полную его связь съ свободнымъ обществомъ, то очевидно оно осуществляется только при сильномъ и цѣльномъ обществѣ; иначе лицо изъ свободнаго переходитъ въ произвольное, Русь распадается внутри себя (доказательства: Расколы, Годуновъ, Салтыковъ, какъ требователи просвѣщенія и пр.). Вотъ моя схема; какъ объ ней скажите? Во всякомъ случаѣ извините мой Погодинскій слогъ.

Вы уже вѣроятно слышали о диспутѣ Грановскаго. Неловкостей была бездна: Бодянскій и Шевыревъ попались впросакъ. Грановскій защищался слабо. Р. [1]) осрамился впухъ. Лавры всѣ пожалъ И. И. Давыдовъ: передернулъ весь факультетъ какъ колоду, всѣхъ надулъ и всѣхъ утопилъ волнами академическаго краснорѣчія. Впрочемъ симпатіи народныя и студентскія выразились ярко и несомнѣнно. Вечеромъ NN потиралъ руки и говорилъ у Васильчиковыхъ: les Slaves sont battus.

Затѣмъ прощайте. Дайте что нибудь въ Москвитянинъ, хоть безъ имени. Рекомендую вамъ во 2-мъ нумерѣ мою статью объ охотѣ. Горжусь ею. Объ Тургеневѣ (И. С.) есть статья, котораго автора вы сейчасъ угадаете: кажется, въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ можетъ говорить о Тургеневѣ серіозно [2]). Прощайте: ячмень на глазу мѣшаетъ писать.

6.

Іюня 28-го 1845 г.

Хорошо осрамилась наша Москва, любезный Юрій Ѳеодоровичъ: не умѣла таки сохранить журналъ. Погодину были дѣланы съ нашей стороны всѣ возможныя уступки; наконецъ, даже рѣшались отягчить будущій годъ кредитомъ въ десять ты-

---

[1]) Профессоръ П. Г. Редкинъ? *Изд.*

[2]) Это статья К. С. Аксакова, подписанная Имрекъ. Въ то время Тургеневъ еще не издалъ Записокъ Охотника, въ которыхъ, можно сказать, впервыя обнаружилась сила его таланта.

Digitized by Google

сячъ и сохранить ему пай въ сборѣ сверхъ тысячи подписчиковъ. Онъ не пошелъ ни на что. Киреевскій также отказался рѣшительно, не смотря на всѣ моленія, не смотря на ревность нѣсколькихъ купцовъ (вещь особенно дорогая для Киреевскаго), предлагавшихъ денежное обезпеченіе, и даже на мнѣніе всей семьи (кромѣ жены и брата П. В. К.), сказавшей ему безъ обиняковъ, что для него отказаться отъ журнала и отказаться отъ всякой умственной дѣятельности все равно. Я еще не видалъ 5 и 6 № Москвитянина; говорятъ, что они порядочны, но на долго это идти не можетъ: онъ долженъ рухнуть. За что приниматься послѣ этой неудачной попытки, не знаю; а что непремѣнно надобно и должно что нибудь предпринять, это для меня несомнѣнно, и надеждъ терять не слѣдуетъ. Всѣ отказываются отъ участія въ Москвитянинѣ. Я этаго нисколько не охуждаю; онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки, но мнѣ еще нужно написать двѣ статьи, и я на дняхъ принимаюсь за одну изъ нихъ. Разумѣется, ужъ это не ради журнала, а потому только, что хочу досказать недосказанное. А многое надобно досказать; боюсь только желчи своей, которая безпрестанно раздражается невѣжествомъ и нелѣпостями съ одной стороны и Европейскимъ обезьянствомъ лучшихъ людей, такихъ людей, которымъ слѣдовало бы идти съ нами за одно. Досадно, когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ (ибо Загоскинъ выраженіе инстинкта), а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ. Еще досаднѣе, когда видишь, что пробужденное въ насъ сознаніе нисколько не останавливаетъ безсмыслицу.

Я знаю, что все перемелится и будетъ мука, что всѣ ошибки исправятся силою жизни, что писанное у насъ не такъ сильно, какъ живое; а нельзя безъ горя видѣть, какъ безпрестанно увеличиваютъ уже существующую норчу и какъ это дѣлаютъ съ самыми благими намѣреніями, просто вслѣдствіе совершеннаго незнанія Руси. Указъ о производствѣ въ дворяне *), вну-

*) Указъ о томъ, что потомственное дворянское достоинство (съ правомъ владѣнія крѣпостными людьми) пріобрѣтается чиновниками, не дворянами по происхожденію, лишь съ чиномъ статскаго совѣтника, а не колежскаго ассесора, какъ было прежде.

Digitized by Google

шенный мнимымъ аристократизмомъ Петербурга, соединяетъ въ себѣ всѣ условія для укрѣпленія разрыва уже существующаго, для увѣковѣченія начавшейся борьбы. Конечно онъ не будетъ въ исполненіи своемъ такъ дуренъ, какъ можно бы было предполагать по его логическимъ послѣдствіямъ; но при всемъ томъ онъ дѣлаетъ величайшій вредъ. Я не говорю ни о нарушеніи справедливости въ отношеніи къ людямъ, уже бросившимъ лѣтъ двадцать жизни своей для полученія колежскаго асессорства и слѣд. дворянства, ни объ увеличеніи взяточничества, ни объ уменьшеніи капиталовъ могущихъ обращаться въ поземельную собственность, и слѣд. объ уменьшеніи самой цѣнности дворянскихъ имѣній; ни объ убіеніи духа въ солдатахъ; но меня грустно поразило одно обстоятельство, котораго ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ не замѣтишь: это увеличившееся мгновенно чванство всѣхъ моихъ деревенскихъ сосѣдей. Они просто распухли отъ гордости. Ихъ всѣхъ произвели въ статскіе совѣтники, они стали вдвое дворянственнѣе противъ прежняго, вдвое далѣе отъ недворянскаго міра, и эта гордость переходитъ въ жизнь и перейдетъ въ наслѣдство. Между тѣмъ она обращается только противъ низшихъ: высшій, т. е. властъ, т. е. чиновникъ, все также страшенъ, все также имѣетъ право преклонять ихъ статско-совѣтническія головы. Мнѣ жаль, что не рѣшились наши друзья напечатать вашу статью объ «Тарантасѣ» [1]). Можетъ быть, они и не должны были ее отдавать Погодину; но въ ней такъ много истиннаго и такъ много противъ современнаго, что ей слѣдовало быть напечатанною. Я это говорю особенно по поводу чиновника. Лѣстницу сдѣлали длиннѣе, но смыслъ ея не только не измѣненъ, но утвержденъ. Въ будущей своей статьѣ я намѣренъ былъ сказать тоже самое что вы сказали, и вы не прогнѣваетесь, если я намѣренія своего не измѣню. Будетъ ли напечатана ваша статья, или нѣтъ, все равно: такія вещи должны быть не только высказываемы, но повторяемы. Вѣрьте, что мнѣ не хотѣлось бы мѣшаться въ эту современную дѣятельность, и что мнѣ сто разъ веселѣе бы было догматизировать въ такъ называемой Семирамидѣ [2]) о древностяхъ, языкахъ и т. д.; но движеніе жизни

[1]) Статья Самарина о „Тарантасѣ“ графа Соллогуба напечатана въ Московскомъ Сборникѣ, изд. Пановымъ, 1846 года.

[2]) Такъ называлась у друзей въ шутку работа Хомякова надъ всемірною исторіей, изданная послѣ его смерти.

Digitized by Google

увлекаетъ въ другія занятія, не смотря на собственное горе и на горе Абиссинца-Валуева[1]). Такъ напр., меня втянули въ переписку съ Пальмеромъ[2]). Предметъ этой переписки (если вамъ извѣстно его печатное письмо ко мнѣ) безспорно такъ важенъ, что я и не могу роптать на необходимость продолжать ее, но пользы большой не ожидаю и досадую особенно на то, что имя мое тутъ примѣшано. Мнѣ хотѣлось бы лучше оставаться безъименнымъ въ этомъ дѣлѣ: болѣе бы было свободы, болѣе смѣлости и, можетъ быть, болѣе даже пользы, когда бы устранены были всѣ невольныя притязанія личности. Между тѣмъ я чувствую и глубоко убѣжденъ, что должно продолжать и что споръ религіозный заключаетъ въ себѣ всю сущность и весь смыслъ всѣхъ предстоящихъ намъ жизненныхъ споровъ. Вопросъ объ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ есть безъ сомнѣнія единственный истинно-всемірный вопросъ нашего времени.

Моя къ вамъ просьба: нельзя ли достать въ Питерѣ описаніе машины, изобрѣтенной прошлаго года Французомъ Андро, для движенія по рельсамъ посредствомъ сжатаго воздуха? Я ее знаю только по догадкамъ, но не знаю, какъ впускается сжатый воздухъ въ двигающій механизмъ; а въ Москвѣ ничего не достанешь. Въ Питерѣ это должно быть или при Корпусѣ Путей Сообщеній, или при Университетѣ. Если вамъ не слишкомъ будетъ хлопотливо, то постарайтесь достать. Мнѣ бы оно было нужно. Въ Англіи уже предложены тѣ употребленія сжатаго воздуха, которыя я предсказалъ въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ [3]). Ни журналисты, ни публика наша этаго не замѣтили.

Я живу теперь въ деревнѣ. Погода славная, житье легкое и веселое. На дняхъ были мнѣ двѣ радости: изъ пяти выстрѣловъ я попалъ три раза въ цѣлковый на разстояніи пятидесяти ша-

---

[1]) О какомъ горѣ своемъ и Валуева упоминаетъ Хомяковъ, мы не догадываемся. Не о цензурныхъ ли притѣсненіяхъ „Библіотеки для Воспитанія“? Д. А. Валуевъ написалъ разслѣдованіе объ Абиссиніи и ея церкви. *Изд.*

[2]) Англійскій ученый богословъ, который, признавая неправильность Англиканской церкви, искалъ первоначально сближенія съ церковью Греко-восточною. См. 2-й томъ. *Изд.*

[3]) Напечатана въ Москвитянинѣ, въ началѣ 1845 года.

Digitized by Google

говъ. Вы, какъ стрѣлокъ, это оцѣните [1]). Вторая радость: я открылъ несомнѣнное свидѣтельство о житьѣ Славянъ на Кавказѣ въ IV-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Этимъ разрѣшаются многія историческія задачи. Прощайте, будьте здоровы, веселы и дѣятельны.

7.

1845. Дек. 17.

Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ я собираюсь къ вамъ писать въ отвѣтъ на ваше письмо, но горькія заботы меня заставляли откладывать со дня на день. Вы знаете, какъ онѣ кончились. Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ [2]), котораго никто мнѣ никогда не замѣнитъ, человѣкъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для насъ всѣхъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ, его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастію Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Тысячу разъ благодарю я васъ за ваши хлопоты о дозволеніи перевоза тѣла его въ Москву. Намъ отрадно будетъ его имѣть около себя, ибо всѣ мы теперь или позже, а принадлежимъ Москвѣ, какъ мѣсту нашей умственной дѣятельности; да и ему прилично лежать въ Москвѣ: онъ ей принадлежалъ, ибо есть такія направленія и такой характеръ мысли и жизни, которыя теперь нигдѣ кромѣ Москвы невозможны. Мѣсто ему назначаемъ мы въ Даниловскомъ монастырѣ возлѣ Венелина. Кажется, такъ всего лучше. Какое-то духовное сродство и безъ сомнѣнія единство цѣлей существовало между ними, не смотря на великія разницы въ жизни и чистотѣ. Вы конечно сочувствуете

---

[1]) Хомяковъ, подобно многимъ современникамъ своимъ, былъ отличный стрѣлокъ изъ пистолета. *Изд.*

[2]) Дмитрій Александровичъ Валуевъ.

Digitized by Google

моему горю; но никто не можетъ вполнѣ оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моею совѣстію, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.

Вы видите, что я теперь не совсѣмъ способенъ отвѣчать на ваше письмо, т. е. дать вамъ совѣтъ и мнѣніе: послѣ потери Валуева мнѣ кажется, что я легко могу увлечься эгоистическимъ желаніемъ приближать къ тому мѣсту, гдѣ самъ живу, тѣхъ людей, съ которыми связанъ глубокимъ сочувствіемъ и дружбою. Поэтому, если вы это замѣтите въ моемъ совѣтѣ, помните, что я самъ себя оподозрѣлъ. Вамъ, разумѣется, надобно выѣхать изъ Петербурга; но куда? Всего бы лучше, если бы можно на годъ или болѣе за границу; но по вашему письму это, кажется, совершенно невозможно. Мой совѣтъ выбрать (если уже въ Москву нельзя или можно только съ какою нибудь невозможною секретарскою должностію) одну изъ ближайшихъ губерній. Мнѣ кажется, намъ всѣмъ надобно быть довольно близко другъ отъ друга. Насъ слишкомъ мало, чтобы намъ расходиться по бѣлусвѣту. Еще нуженъ намъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась бы наша мысль, согрѣвая взаимно другъ друга, укрѣпляя наши личныя силы и устремляя ихъ къ одному направленію. Лучинки разрозненныя горятъ да и гаснутъ: вмѣстѣ связанныя онѣ передаютъ огонь цѣлому костру. Ни мы сами, ни Россія еще не дошли до той степени, въ которой разрозненіе и разсѣяніе наше по ея лицу могло бы быть полезно, возбуждая просвѣщеніе и мысль въ разныхъ точкахъ ея великаго пространства. Для изученія же Россіи пункты ближайшіе къ Москвѣ далеко не хуже другихъ, ибо теперешняя сила и жизнь Русская принадлежатъ исключительно Великой Руси, и если вы думаете, что Кострома или Вологда важнѣе Тулы и Рязани (въ чемъ я не поспорю), то съ другой стороны пустынность этихъ

Digitized by Google

областей дѣлаетъ ихъ изученіе невозможнымъ для человѣка, котораго должность привязываетъ къ одному мѣсту. Изъ областей не Велико-Русскихъ я могъ бы еще похвалить развѣ Харьковъ, какъ узелъ будущаго сращенія мысли Мало-Россійской съ Великою Русью. Конечно лучше и несравненно лучше всего было бы житье въ Москвѣ и служба по просвѣщенію, т. е. Университету, но воля вашихъ близкихъ противъ этаго, и слѣдовательно говорить нечего . . . . . Что же дѣлать? Во-первыхъ, не унывать; во-вторыхъ, трудомъ внутреннимъ, который требуетъ мало времени и всегда возможенъ, замѣнить невозможный трудъ внѣшній. Пожалуста не забывайте, что Бэконъ былъ канцлеромъ, а въ васъ я предполагаю довольно силы, чтобы сохранить себя вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ крѣпкимъ и неприкосновеннымъ; а какъ подумаю, о многомъ и многомъ надобно-бы съ вами поговорить! Не будете-ли вы въ Москвѣ зимою? Еще совѣтъ, и важный: берегите свое здоровье, которое я считаю совсѣмъ не богатырскимъ. Говорятъ, бѣдный И. В. Киреевскій очень боленъ. Дай Богъ, чтобы онъ поправился, или чтобы слухи объ немъ были преувеличены. Прощайте. Когда будете писать, дайте вѣсть и о Поповѣ. Какъ нашъ кругъ разрядѣлъ!

Вы знаете уже и о смерти Тургенева *). Жаль и его. Много милаго, добраго и любящаго было въ его душѣ. Его Европейское сплетничанье было не безполезно и не безъ достоинства; а любовь его къ такимъ людямъ какъ Неандеръ и др., показываетъ, какъ сильно въ немъ было сочувствіе со всякою духовною жизнію, хотя самъ онъ не могъ никогда углубиться въ себя.

8.

Апрѣля 6-го (1846 г.).

Поздравляю васъ съ наступающимъ и, когда письмо дойдетъ, уже наступившимъ праздникомъ. На дняхъ получили мы вѣсть объ васъ отъ Чижова, и вѣсти все хорошія, какъ вы въ Питерѣ все держитесь Московскихъ обычаевъ и пр. и пр. Одно грустно, что все таки въ Питерѣ. Я было за васъ порадовал-

*) Александра Ивановича.

Digitized by Google

ся, что вы оттуда выбираетесь хоть въ Чухляндію настоящую [1]), а теперь опять, кажется, не то выходитъ. Хоть комитетъ вашъ и устроенъ по Чухонскимъ дѣламъ, да совсѣмъ не то дѣйствовать на мѣстѣ, видѣть своими глазами, бороться съ наличными страстями, наконецъ, дѣлать самому справки, или дѣйствовать издали, по бумажнымъ донесеніямъ, по чужимъ справкамъ, нападать на заглазныя страсти и заглазныхъ людей и заступаться также за людей, которыхъ отъ роду не видывалъ. Все это дѣло мертвое и холодное, и скучное; добро бы было легкое и сопряжено съ бо́льшимъ досугомъ, а этаго и ждать нельзя. Такъ что мы можемъ радоваться вѣстямъ объ васъ, но не за васъ, потому что положеніе ваше крайне не завидно. Терпи казакъ, хоть и атаманомъ не будешь.

Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ я не увѣренъ, совершенно ли безъ пользы пропадаетъ ваше время въ Петербургѣ [2]). Разумѣется, что тамъ ни прозелитовъ мысли, ни истиннаго сочувствія искать не должно (это было бы дѣтскою мечтою); но твердость высказанныхъ убѣжденій и вѣрность этимъ убѣжденіямъ въ жизни, во сколько она отъ насъ зависитъ, могутъ быть не совсѣмъ безплодными. Если другаго плода не будетъ, то уже какое-то невольное уваженіе къ мысли, даже скрытое иногда подъ личиною самодовольной насмѣшки, можетъ родиться хоть въ нѣкоторыхъ и приготовитъ ихъ къ будущему сочувствію. Въ васъ довольно смѣлости, чтобы выговаривать мысль явно, довольно твердости, чтобы устроивать свою жизнь по нормѣ, которая вамъ кажется лучшею; сверхъ того, въ васъ столько воздержности, что вы не на каждомъ шагу будете разбрасывать мысль, слѣдовательно есть возможность нравственнаго дѣйствія, хоть я убѣжденъ, что изо всѣхъ почвъ въ мірѣ, за исключеніемъ можетъ быть Вѣнской, самая неблагодарная почва Петербургская.

---

[1]) Т. е. въ Ригу. Самаринъ, прослуживъ около года въ Сенатѣ, перешелъ на службу въ М-во Вн. Дѣлъ помощникомъ дѣлопроизводителя въ открытомъ тогда комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ и предполагалъ отправиться въ Ригу, откомандированнымъ къ вновь назначенному генералъ-губернатору Е. А. Головину.

[2]) Самаринъ въ письмѣ своемъ къ Хомякову горько сѣтовалъ на безплодность своего пребыванія въ Петербургѣ.

Digitized by Google

Да по правдѣ (и съ позволенія Аксакова) неужели наша Московская почва не только хороша, но хоть сколько нибудь сносна? Неужели это не совершенная пустыня въ нравственномъ и даже умственномъ отношеніи? Понимаете ли ту глупость, которая поздравляетъ васъ (какъ это недавно случилось со мною) при пятидесяти свидѣтеляхъ, на вечерѣ, и съ самою наивною благонамѣренностью, съ глупымъ движеніемъ Галицкихъ дворянъ [1])? Что же здѣсь могутъ понять, когда не понимаютъ, что между всѣми мыслями общественными или политическими Запада и моими убѣжденіями столько же симпатіи, сколько между чортомъ и ладономъ? Это меня взбѣсило, потому что тутъ открылась передо мною цѣлая бездна неисповѣдимой глупости. Впрочемъ, разумѣется, я отвѣчалъ очень умѣренно и только спросилъ (зная уже про реакцію крестьянъ): «А вы всѣ что по этому случаю намѣрены дѣлать?» Отвѣтъ: «Какъ мы? Да намъ-то какое дѣло!» На это я возразилъ: «Есть пословица: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а я прибавлю: громъ грянетъ, а дворянинъ все-таки не перекрестится». На это послѣдовали помахиваніе головами и взгляды, полные необыкновенно глубокомысленной тупости. Вы видите, что здѣсь или въ Питерѣ утѣшеніе почти одинаково, съ тою только разницею, что здѣсь менѣе гнусныхъ явленій общественной роскоши и самодовольства и болѣе свободы для умственныхъ трудовъ; но, право, была бы воля, будетъ и возможность труда, и тѣмъ болѣе силы въ трудѣ, чѣмъ болѣе онъ вырывается изъ подъ внѣшняго гнета.

Собою я отчасти недоволенъ. Двѣ статьи, одна для Сборника [2]), другая для Библіотеки для Воспитанія: вотъ все, что я сдѣлалъ, кромѣ весьма небольшихъ прибавокъ къ своему постоянному труду. Впрочемъ кое-что въ розысканіяхъ историческихъ подвинулось, и поэтому я только отчасти недоволенъ, но каюсь въ лѣни. Курсъ Грановскаго [3]) слабъ, и публика холод-

[1]) Извѣстное движеніе Польскихъ дворянъ, вызвавшее реакцію со стороны крестьянъ, или возстаніе противъ помѣщиковъ (даже рѣзню), чѣмъ и воспользовалось Австрійское правительство къ своей выгодѣ.

[2]) Для Московскаго Сборника 1846 года.

[3]) Грановскій снова читалъ рядъ публичныхъ лекцій.

Digitized by Google

новата. Изложеніе мѣстами очень хорошо и доходитъ до высокаго, художественнаго эффекта своей необычайной простотой; но изслѣдованій никакихъ, мыслей никакихъ, кромѣ взятыхъ на прокатъ, и отъ этаго все вмѣстѣ какъ-то вяло и безжизненно. Лекціи Шевырева выходятъ, первыя пять вышли; онѣ выдерживаютъ чтеніе гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Книга будетъ хороша и занимательна, и полезна. Филаретъ благословилъ его за нее образомъ; представьте радость Шевырева!

Не знаю, слышали вы, что въ изданіи Сборника встрѣтилось замедленіе. Панова мать умерла, и онъ поскакалъ въ Симбирскъ; впрочемъ ждемъ его скоро назадъ.

Скажите Попову [1]), что я съ нимъ заочно христосуюсь, а не пишу, потому что онъ давно знаетъ, каковъ я корреспондентъ; но скажите ему и очень грустную вѣсть, которой онъ еще, можетъ быть, не знаетъ: Алексѣй Андреевичъ Елагинъ [2]) кончилъ ударомъ. Это страшная потеря для семьи и истинная потеря для друзей. Въ этомъ человѣкѣ, повидимому грубомъ и неотесанномъ, много было теплоты чувства и ума. Попову вѣрно будетъ тяжела эта вѣсть. Прощайте, будьте здоровы. Жена моя вамъ кланяется и тѣмъ дружественнѣе, что слышала, что вы постились помосковски.

9 [3]).

Изъ письма вашего къ К. А. Свербеевой вижу, что братецъ вашъ [4]) вѣроятно поѣдетъ въ чужіе края и поэтому спѣшу писать къ вамъ о порученіи, которое мы желали бы дать ему. Спросите его, согласится ли онъ взять на себя это порученіе? Покойный Д. А. Валуевъ нашелъ Греческую рукопись (кѣмъ писанную, Грекомъ или другимъ какимъ Православнымъ, неизвѣстно), содержащую въ себѣ изложеніе Православнаго ученія, и везъ ее въ чужіе края съ намѣреніемъ напечатать, находя

---

[1]) Александру Николаевичу, перешедшему уже на службу въ Петербургъ.

[2]) Мужъ Авдотьи Петровны Елагиной и отецъ Василія и Николая Елагиныхъ.

[3]) 1846 года.

[4]) Братъ Самарина, Михаилъ Ѳедоровичъ, отправился по болѣзни за границу и тамъ скончался.

Digitized by Google

ее весьма замѣчательною. Къ ней придѣлалъ онъ маленькое предисловіе по-латыни, и вся рукопись составила бы около двухъ печатныхъ листовъ *). Мы, то-есть здѣшніе друзья Валуева, желали бы исполнить его намѣреніе и напечатать рукопись, которая въ Россіи можетъ встрѣтить цензурныя затрудненія, а въ Германіи можетъ или принести пользу, или по крайней мѣрѣ обратить на себя вниманіе. Если Михаилъ Ѳедоровичъ остановится на пути своемъ черезъ Германію хоть дней пять или шесть въ какомъ-нибудь изъ книжныхъ городовъ, онъ могъ бы отдать рукопись въ печать безъ дальнихъ хлопотъ. Еще бы лучше было, если бы онъ велѣлъ сдѣлать къ ней Нѣмецкій переводъ, но это не необходимо. Книгопродавцу (такъ какъ изданіе дѣлается не изъ барышей) можно предоставить до сорока процентовъ, а объ употребленіи остальныхъ денегъ онъ получитъ отсюда назначеніе отъ Панова. Если Михаилъ Ѳедоровичъ согласится принять на себя эти хлопоты, онъ сдѣлаетъ намъ истинное одолженіе, и мы поспѣшимъ выслать къ нему и рукопись, и деньги нужныя на изданіе. Пожалуста увѣдомьте насъ объ согласіи или отказѣ братца вашего и напишите объ этомъ или К. А. Свербеевой или Панову, потому-что я на дняхъ уѣзжаю въ деревню.

---

*) Эта Греческая рукопись—мистификація. Дѣло шло объ извѣстномъ трудѣ Хомякова, напечатанномъ во II-мъ томѣ его сочиненій подъ названіемъ: „Опытъ катихизическаго изложенія ученіе о церкви“. Впрочемъ на рукописи стояло другое названіе: „Церковь одна“. Въ секретъ, кажется, былъ посвященъ только одинъ Валуевъ; вѣроятно онъ же или кто-нибудь по его заказу перевелъ ее на Греческій языкъ, съ цѣлью напечатать въ Аѳинахъ или за границей. Она нѣсколько времени ходила по рукамъ въ Москвѣ въ рукописи съ Русскимъ текстомъ, выдаваемымъ за переводъ, и даже самые близкіе друзья не знали настоящаго автора. Говорятъ, покойный митрополитъ Филаретъ не далъ ся въ обманъ и, признавъ ее вполнѣ замѣчательною, выразилъ однакоже мнѣніе, что она писана не Грекомъ, и не лицомъ духовнаго званія, а свѣтскимъ (вѣроятно по оригинальности нѣкоторыхъ мыслей и по своеобразію пріемовъ, чуждыхъ нашей, офиціальной, богословской школѣ). Впрочемъ, кажется, черезъ годъ секретъ раскрылся. Причина, почему Хомяковъ скрывалъ свое авторство, понятна: ему нужно было узнать мнѣніе свободное отъ всякаго предубѣжденія въ пользу или противъ его имени, да и не хотѣлось въ дѣло такаго рода вмѣшивать невольныя притязанія личности.

Digitized by Google

Сборникъ [1]) готовъ и скоро выйдетъ. Полагаю, что на него поднимается буря немалая. Онъ бы вышелъ уже недѣли двѣ тому назадъ, но ваша статья о «Тарантасѣ» удостоилась долгихъ сомнѣній со стороны С., также какъ статья Линовскаго [2]), и возставила противъ себя Голохвастова. Однакоже все прошло съ не слишкомъ большими пожертвованіями. Впрочемъ у насъ все похоже на застой, и только замѣтно, что Западъ свирѣпѣетъ болѣе и болѣе каждый день противу лицъ Восточныхъ. На обѣдѣ у Грановскаго Герценъ учинилъ въ этомъ явное признаніе въ отношеніи ко мнѣ, объявивъ, что любитъ меня за то, что я имѣю сочувствіе ненависти. Забавно то, что они предполагаютъ въ насъ свои чувства; еще забавнѣе, что признаются. Съ другой стороны слышно, что Грановскій какъ будто начинаетъ сомнѣваться въ правотѣ своего направленія, и что Соловьевъ почти готовъ поворотить оглобли. Если бы эти двое отстали, что же у нихъ останется? Зачѣмъ нѣтъ здѣсь ни васъ, ни Попова? Надобно и непремѣнно надобно вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій, постоянный и горячій трудъ можетъ это сдѣлать. Насъ очень мало, и мы всѣ врознь.

А. О. [3]) все еще здѣсь гоститъ. Она умна, мила, она понимаетъ многое такъ какъ никто, можетъ быть, въ обществѣ не понимаетъ; но къ несчастію она только гостья въ Москвѣ. Я хочу сказать не о томъ, что она никогда не будетъ здѣсь жить, но о томъ, что она никогда не будетъ здѣшнею.

Попову буду писать вскорѣ. Скажите ему, что я было принялся живо за свою работу, но съ недѣлю перервалъ ее за глазною болью. Послѣднее, чѣмъ я занялся, исторія Меровинговъ, представило мнѣ бездну новаго. Этотъ, повидимому, глупый періодъ представляетъ бездну новыхъ выводовъ и содержитъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, исторію почти всѣхъ вѣковъ. Какъ много еще надобно сдѣлать! Впрочемъ наука пой-

---

[1]) Московскій Сборникъ 1846 г.

[2]) Профессоръ Сельскаго Хозяйства.

[3]) Смирнова ур. Россетъ.

Digitized by Google

детъ. Скажите, подумайте, какъ взяться за искусство? Меня наша школа [1]) доводитъ до отчаянья, хоть идетъ она и недурно для безтолковой публики.

Прощайте, будьте здоровы и не слабѣйте въ трудахъ.

10 [2]).

Петербургъ, Мая 30 1847 г.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и не находя мѣста въ Штеттинскомъ пароходѣ, я рѣшился ѣхать въ дилижансѣ на Ригу и слѣдовательно былъ въ полной увѣренности видѣться съ вами и поговорить о многомъ и многомъ. Вотъ почему я и не писалъ къ вамъ. Вышло иначе. Уговорили меня, и отчасти доводами весьма дѣльными, что мнѣ надобно ѣхать на Любскомъ пароходѣ и что я избѣгну великихъ хлопотъ, а особенно избавлю жену отъ трехъ или четырехъ дней самой скучной и непріятной дороги. Эта причина меня принудила рѣшиться: для болѣзней нервическихъ всего хуже мелкая скука и мелкія непріятности; я обязанъ ихъ избѣгать для жены, для которой совершаю свое путешествіе. И такъ мы еще не увидимся теперь.

Письменно много не скажешь, но хоть нѣсколько словъ скажу вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо и кое о чемъ еще. Во-первыхъ, объ вашихъ статьяхъ [3]). Въ Москвѣ ихъ печатать негдѣ кромѣ Москвитянина, въ Петербургѣ не слѣдуетъ. Въ Москвитянинѣ онѣ пропадутъ, а этаго опять не должно допускать; слѣдовательно остается ихъ или печатать отдѣльною брошюркою, или напечатать въ Москвитянинѣ съ тѣмъ, чтобы экземпляровъ сто были отпечатаны отдѣльно. Какъ рѣшитесь? Объ статьяхъ самихъ я почти готовъ сказать, что онѣ во мнѣ оставили нѣкоторое чувство досады: у васъ столько силъ противъ такой слабости, что бой какъ будто бы едва законенъ.

---

[1]) Школа Живописи и Ваяніи.

[2]) Для укрѣпленія здоровья своей жены, сильно потрясеннаго смертію племянника Валуева и роднаго брата Языкова Н. М. (поэта), Хомяковъ отправился съ нею на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. Въ это путешествіе онъ посѣтилъ Англію и былъ принятъ въ Оксфордѣ съ большимъ почетомъ. Надо замѣтить, что онъ говорилъ и писалъ по-англійски, какъ Англичанинъ.

[3]) „О мнѣніяхъ Современника“; напечатано въ Москвитянинѣ 1847 г.

Digitized by Google

Съ другой же стороны вспоминаешь, что такова слабость всѣхъ нашихъ противниковъ и что эта слабость нисколько не ручается за нашъ успѣхъ; ибо къ ихъ пошлости пристаетъ или, лучше сказать, ее вдохновляетъ пошлость всеобщая нашего читающаго, аки бы думающаго міра. Необходимость этой борьбы съ умственнымъ безсиліемъ въ числительной силѣ внушаетъ грусть и досаду. Статьи превосходны по изложенію, по мыслямъ, по добросовѣстности и строгости анализа; но кто поймете ихъ вполнѣ, не смотря на ихъ ясность? А надобно, непремѣнно надобно ихъ напечатать. Я говорю: необходимо надобно, потому что въ первый разъ въ нихъ выставлены съ нашей стороны опредѣленные тезисы, и слѣдовательно полагается начало положительной наукѣ, и мы выходимъ изъ того повидимому отрицательнаго направленія, въ которомъ намъ попрекаетъ безтолковость нашихъ читателей. Съ своей стороны я, можетъ быть, васъ упрекну только въ излишнемъ уваженіи къ одному изъ противниковъ, къ Никитенкѣ; но вы его, кажется, нѣсколько любите, и кромѣ того, безстрастіе и даже снисходительность, можетъ быть, необходимы, особенно при излишней страстности однаго изъ нашихъ ратоборцевъ[1]). Первую вашу статью оставилъ я у Аксакова; вторую получилъ садясь въ дилижансъ, не могъ съ нею разстаться и привезъ сюда къ Попову, который доставитъ ее, куда скажете. Кстати надобно будетъ, кажется, или выкинуть, или измѣнить слова объ Никитенкѣ, что онъ самоучка: едва ли можно входить въ такую подробность, тѣмъ болѣе, что вы его далеко не безусловно хвалите. Кажется, легко на это намекнуть, не выговаривая вполнѣ; совершенно выкинуть трудно, потому что вы связываете эту идею съ его характеристикою. Рѣшите, пожалуста, поскорѣе, что дѣлать съ вашими статьями. На новый Сборникъ надѣяться нельзя, да и критика въ Сборникахъ запрещена. Журналъ будетъ или нѣтъ, неизвѣстно. Здѣсь видѣлъ я Чижова. Онъ совершилъ ускоренное путешествіе отъ границы сюда съ провожатыми, потомъ получилъ квартиру на 12 дней съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ[2]); наконецъ, уѣхалъ въ Малороссію, получивъ почти благодарность отъ Его Величества, который объ-

[1]) Т. е. К. С. Аксакова. *Изд.*

[2]) Ѳ. В. Чижовъ путешествовалъ по Славянскимъ землямъ; возвращаясь, онъ, вслѣдствіе доноса Австрійскаго правительства, былъ арестованъ и при-

Digitized by Google

явилъ себя его цензоромъ впередъ. Слава Богу! Онъ писалъ, и Государь прочелъ его и, разумѣется, видѣлъ, какъ неосновательны всѣ подозрѣнія. Увы! О многихъ, кажется, этаго сказать нельзя. Малороссіянъ повидимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видѣть такую нелѣпость и отсталость. Когда общественный вопросъ только поднятъ и не только не разрѣшенъ, но даже и не близокъ къ разрѣшенію, люди, повидимому умные, хватаются за политику! Это похоже на Одоевскаго съ его пріютами. Не знаю, до какой степени было преступно заблужденіе бѣдныхъ Малороссіянъ *); а знаю, что безтолковость ихъ очень ясна. Время политики миновало. Это Кирѣевскій напечаталъ тому ужъ два года, а люди все толкуютъ про старыя дрожжи. Право, книги печатаются не для чтенія. Впрочемъ я имѣю полную причину такъ думать: здѣсь пріятели мнѣ доказали это, говоря со мною о моихъ статьяхъ. Всего человѣка три прочли ихъ; да и тѣ почти ничего не поняли.— Петербургъ выросъ въ великолѣпіи, въ громадности размѣровъ, въ художественномъ безвкусіи (здѣсь только и художниковъ, что Витали), въ пустотѣ и пошлости. Сначала на меня напалъ смѣхъ при видѣ всего, потомъ досада, потомъ грусть; но видно первое чувство лучше: въ послѣдніе дни я нашелъ нѣкоторое утѣшеніе. Очевидно, не только прежнія направленія теряютъ силу въ мнѣніи, но иногда слышится отзывъ Москвы, безсознательный, затерянный во всякомъ вздорѣ или даже скрываемый самолюбивыми оговорками, но все-таки слышится. Не должно слабѣть. Наше дѣло—борьба нравственная, а въ такой борьбѣ побѣда покупается не днями, а годами труда и самоотверженія. Если бы христіанство было понято, у насъ не было бы борьбы. Въ Берлинѣ увижу, понимаютъ ли его Шеллингъ и Неандеръ или могутъ ли его понять. Не знаю только, найду ли Шеллинга; не на водахъ ли онъ?

Вы изъ Москвы вѣроятно имѣли извѣстія часто. Кирѣевскій былъ при смерти, теперь выздоравливаетъ. Аксаковъ драму

везенъ жандармами въ Петербургъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ III-мъ отдѣленіи и подвергнутъ допросу. См. рѣчь о немъ въ засѣданіи Славянскаго Общества, помѣщенную въ 1-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1878 года.

*) Извѣстная исторія въ Кіевѣ, за которую пострадали, каждый въ свою мѣру, Шевченко, Кулишъ, Костомаровъ, Аѳанасій Марковичъ и другіе.

Digitized by Google

свою довелъ до пятаго дѣйствія, и много чуднаго и великолѣпнаго далось ему его глубокою любовію къ народу. Соловьевъ обѣщаетъ славнаго дѣятеля въ Исторіи, какъ вы сами знаете, по его диссертаціямъ, и еще болѣе бы увидѣли изъ его разговоровъ. Все покуда хорошо. Что-то будетъ съ журналомъ? Онъ очень и очень нуженъ. Завтра сажусь на пароходъ. Три мѣсяца проживу на чужбинѣ. Въ Сентябрѣ надѣюсь васъ видѣть въ Ригѣ, если только все совершится по желаніямъ.

11 [1]).

Еще нѣтъ и мѣсяца, любезный Юрій Ѳеодоровичъ, какъ я пріѣхалъ въ Москву, получилъ письмо ваше, а ужъ мы получили одинъ, а можетъ быть и два урока практической мудрости, которые должно намъ имѣть въ виду для всѣхъ своихъ дѣйствій. Вы спрашиваете, не раздѣляю ли я вашего мнѣнія о томъ, что можно и должно намъ дѣйствовать за одно съ N.[2]) или, напротивъ, не думаю ли, какъ другіе, что никогда съ нимъ дѣйствовать не должно. Кажется мнѣ, ни того, ни другаго мнѣнія принимать нельзя. Второе мнѣніе по мнѣ совершенно безразсудно; его даже и опровергать не для чего: такъ невозможно держаться его въ практикѣ кому нибудь, кромѣ чистыхъ Западниковъ. Но и первое, т. е. ваше, можетъ быть принято только съ ограниченіями. Положимъ, что Павловъ и Погодинъ нынче такого-то мнѣнія: вы рады его поддержать, надеждъ вамъ дается много, вы ѣдете туда-сюда справляться, какъ проектъ исполняется; не успѣли вы доѣхать до недалекой Риги, а уже мнѣніе пріятеля измѣнилось вслѣдствіе страха или интриги; обѣщанія берутся назадъ, и вамъ хоть въ воду броситься, если вы на пріятеля надѣялись. Вы были въ Москвѣ; на васъ, какъ слышу, косились немало; съ злостію ловили ваши слова, и пр. и пр. Отъ чего? Отъ того, что вы дѣйствовали хоть и по совѣсти (въ этомъ вамъ отдаютъ справедливость), но также и въ смыслѣ того же многосулящаго пріятеля, который, на этотъ случай, былъ противникомъ Западной стихіи, хотя и не про-

---

[1]) По всей вѣроятности въ половинѣ 1848 года.

[2]) М. П. Погодинымъ. Далѣе онъ же называется „пріятелемъ“. *Изд.*

Digitized by Google

тивникомъ истинной Европейской мысли. Чтожъ? Выдержанъ ли планъ? Додѣлывается ли дѣло? По всему видимому и слышимому, нѣтъ: смыслъ всѣхъ порученій измѣненъ, и отъ васъ готовы отказаться, оставя на васъ нареканія и гнѣвъ общества. Положимъ, что вамъ до мнѣнія этаго дряннаго общества дѣла нѣтъ; но по крайней мѣрѣ эти уроки практической мудрости, данные въ такой короткой срокъ, показываютъ, какъ мало можно полагаться на вышерѣченнаго пріятеля. И такъ, думать объ дѣйствіи съ нимъ за одно просто невозможно; для этаго надобно бы было, чтобы у него было мнѣніе какое нибудь, а этаго-то и нѣтъ. Но именно потому, что у него мнѣнія нѣтъ, и можно, во-первыхъ, дѣйствовать на него; во-вторыхъ помогать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ согласенъ съ нами. Развѣ онъ не запутанъ, какъ и все общество? Развѣ отчасти не страдалецъ, какъ и всѣ мы? Я вамъ это могу сказать; иной бы разсмѣялся надо мною: я имѣю къ нему состраданіе. Смотрѣть на него, какъ на союзника, нельзя; онъ на это слишкомъ безхарактеренъ, но пользоваться имъ для пользы общей должно, когда онъ случайно стремится къ добру. Часто можетъ случаться, что онъ пройдетъ даже далѣе чѣмъ хотѣлъ, и одинъ шагъ можетъ быть задаткомъ будущихъ. Но въ этомъ во всемъ одно условіе: сохранить свою независимость и не обращаться въ мертвое орудіе въ рукахъ пріятеля. Дѣло возможное. Вы видите, что я раздѣляю ваше мнѣніе и даже вполнѣ, хотя сначала оговорился какъ будто не вполнѣ. Оговорка относилась къ безусловной формѣ, въ которой представленъ былъ вопросъ, а согласіе—къ вашему истинному мнѣнію. Еще одна причина оговорки: маленькая досада, которую вы мнѣ простите. Мнѣ показалось, будто бы въ вашемъ письмѣ есть что-то похожее на обманутыя надежды, и что вы обращаетесь къ пріятелю потому, что немножко сердиты на общество и на его глупость. Это было бы не совсѣмъ справедливо. Пріятель немного чѣмъ толковѣе, если и толковѣе общества, и точно также можетъ обмануть, что онъ и постарался доказать въ недавнее время; а съ другой стороны умственная шкура общества не совсѣмъ такъ непроницаема, какъ вы думаете. Вы спрашиваете: не вижу ли я, что наши статьи намъ же повредили? Я вамъ скажу: и да, и нѣтъ. Но тутъ опять вопросъ становится слож-

Digitized by Google

нымъ, и объ немъ пришлось бы говорить слишкомъ долго. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ, которое я и Попову писалъ. Мысли и моды очень другъ на друга похожи; въ отношеніи къ обществу онѣ имѣютъ значеніе авторитета. Успѣхъ мысли и моды измѣряется не числительно. Числительный успѣхъ есть часто признакъ упадка: платье перешло отъ двадцати герцогинь къ сотнѣ тысячъ гризетокъ, а герцогини ужъ надѣваютъ новое. Есть умственныя герцогини и, глядя, на нихъ, мы не можемъ сказать, что мы въ упадкѣ, тогда какъ видимый успѣхъ Запада у насъ явно ограничивается торничными. Потомъ Наполеонъ былъ совершенно правъ: повтореніе есть рѣшительно самая сильная изо всѣхъ фигуръ краснорѣчія. Повторите и убѣдите. Любовь глубокая, истинная, терпѣливая (не смотря на порывистыя проявленія) получила свою награду въ Аксаковѣ. Его драма есть награда ему самому; но надобно помнить, что онъ художникъ и что его дѣйствіе истинное можетъ быть только художественнымъ. Это дѣйствіе велико, но недостаточно. Теоретическому сознанію отъ него пойти трудно: у него анализъ слишкомъ въ зависимости отъ внутренняго синтеза, и это очевидно для всѣхъ, и во всѣхъ это возбуждаетъ недовѣріе. Напр. его Православіе, хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности, слѣдовательно не вполнѣ достойный. Опять же Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ. Будущее для него должно непремѣнно сей же часъ перейти въ настоящее, а про временныя уступки настоящему онъ и знать ничего не хочетъ; а мы знаемъ, что безъ нихъ обойтись нельзя. Уступки въ началахъ непозволительны, онѣ губятъ самыя начала; но никакое начало съ другой стороны не можетъ проявляться въ совершенной чистотѣ и безпримѣсности. Христіанство само только указало на свой законъ въ Іерусалимѣ въ первые дни Апостольской проповѣди и отступилось отъ своей строгой формы для того, чтобы быть возможнымъ въ свѣтѣ и чтобы мало-по-малу въ теченіе вѣковъ подвинуть свѣтъ. Я говорю о комунистическомъ началѣ церковнаго общества. Можно даже утверждать, что всякое начало, которое способно проявиться въ жизни безъ всякой уступки, просто не стоитъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую

Digitized by Google

безъ всякой уступки, просто не стоитъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую я смотрю, какъ на положительную обязанность: дѣятельность наукообразнаго изложенія теоріи (съ полемикою), какъ бы общество ни встрѣчало это изложеніе холодно и тупо, и дѣятельность практическаго приложенія, какъ бы оно ни было затруднительно и перехвачено всякими препятствіями. Наша эпоха, можетъ быть, по преимуществу зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ это вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни. Для насъ Русскихъ теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно *). Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить елико возможно ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такаго же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе обсолютномъ смыслѣ въ частныхъ случаяхъ право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже и княжеской собственности,—по крайней мѣрѣ по-

*) Вопросъ крестьянскій. Въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя при комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ, Самаринъ составилъ историческую записку о „мѣропріятіяхъ“ по этому устройству, и въ заключеніи выразилъ мысль о нераздѣльности крестьянъ съ землею и о возстановленіи права Лифляндскихъ крестьянъ на землю. Однимъ словомъ, здѣсь (еще въ 1846 г.) впервыя логически формулована мысль, проведенная впослѣдствіи во всѣ его сочиненія и наконецъ въ дѣло,—т. е. мысль объ освобожденіи крестьянъ не иначе какъ съ землею. Вѣроятно онъ сообщилъ эту записку въ свое время Хомякову, и именно ее и разумѣетъ Хомяковъ въ своемъ письмѣ. Записка напечатана во 2-мъ томѣ сочиненій Самарина.

Digitized by Google

земельной. Наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ, и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу—общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа; а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этаго начала. Нельзя вамъ высказать эту мысль печатно въ ея реальной формѣ; но вы можете это высказать въ теоретическомъ отношеніи, и у васъ есть предлогъ. Отвѣчайте Кавелину, разумѣется не отвѣчая ему, а пользуясь только имъ какъ вызовомъ къ дальнѣйшему развитію и покажите (это необходимо), что юридическая антиномія разрѣшается, какъ антиномія во всякомъ живомъ фактѣ, только самою жизненностію факта и можетъ разрѣшаться въ будущемъ только духовнымъ тождествомъ собственниковъ и владѣльцевъ. Если же собственники не рѣшатся на это, то они, становясь въ прямой враждѣ съ другимъ болѣе строго-историческимъ правомъ, должны напередъ раскланяться съ своимъ правомъ. Вы видите, что я не отвѣчаю на одинъ изъ вашихъ вопросовъ (не успѣлъ); но, позволяя себѣ вамъ дать совѣтъ, отчасти показываю, какъ я понялъ этотъ вопросъ. Покуда прощайте.

P. S. Читали ли вы статью Бѣляева въ Москвитянинѣ о поземельномъ правѣ въ Россіи? Она не полна, но вѣрна.

12.

Марта 1-го (1849 г.).

Правда ли, нѣтъ ли, а говорятъ, что сраженіе проигранное вами въ Ригѣ противъ *, любезный Юрій Ѳеодоровичъ, еще не совсѣмъ невозвратно погубило дѣло, и что теперь есть надежда возобновить войну съ большими падеждами на успѣхъ. Таковъ здѣсь слухъ, не знаю на чемъ основанный, и я ему очень порадовался бы, если бы могъ ему вѣрить. Великое дѣло эта Остзейская борьба: важная сама по себѣ и по началамъ, ко-

Digitized by Google

торыя другъ съ другомъ сражаются, она получила еще большую важность отъ обстоятельствъ, и исходъ ея можетъ отчасти служить образцомъ того, чего намъ приходится ждать во всякомъ другомъ случаѣ, гдѣ встрѣтились бы тѣже обстоятельства и тѣже начала [1]). Очевидно, правительство въ отношеніи къ своимъ матеріальнымъ выгодамъ почти въ дѣлѣ не заинтересовано, и такъ оно не могло и не можетъ пользоваться тою простою опекою разсудочнаго расчета, которою болѣе или менѣе вѣрно или невѣрно управляются его дѣйствія... Покуда являлись на сцену только мѣстные интересы или даже интересы сословные въ противорѣчіи противъ начала обобщающаго (какъ въ началѣ спора), рѣшеніе было не трудно: такими интересами у насъ не дорожатъ. Но въ дѣло вмѣшались другія силы, именно силы общества. Все общество, во всей цѣлости своихъ притязаній на Европеизмъ и на просвѣщеніе, почувствовало или почло себя затронутымъ, отъ Св.[2]) и Жуковскаго до самыхъ недосягаемыхъ кружковъ: оно вступило въ бой, и дѣло приняло другой оборотъ. * явился уже не представителемъ правительства, но чиновникомъ общества, имѣющимъ силу отъ власти, но въ тоже время способнымъ и къ той глухой оппозиціи противъ власти, которая всегда скрывается въ нашемъ полу-европейскомъ бонъ-тонѣ. Дѣло наше, въ противоположность этому общественному направленію, получило значеніе простой правды, направленія духовнаго и народнаго. Олимпу пришлось выбирать между этими двумя направленіями, которыя безсознательно онъ самъ въ себѣ заключаетъ. Сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ общества, теперь говорятъ о новомъ переломѣ. Справедливо ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю только то, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ бы для меня очень утѣшительнымъ пророчествомъ: ибо вся наша возможная дѣятель-

---

[1]) Слухъ былъ совершенно ложенъ. Въ первыхъ же числахъ этого мѣсяца Ю. Ѳ. Самаринъ, вслѣдствіе доносовъ со стороны своихъ Остзейскихъ антагонистовъ и Русскихъ ревнителей Остзейскихъ привилегій, о распространеніи имъ въ публикѣ своихъ превосходныхъ Рижскихъ писемъ (въ рукописи), былъ посаженъ въ крѣпость, откуда впрочемъ вскорѣ былъ выпущенъ съ повелѣніемъ ѣхать на службу въ Москву. Но въ Москвѣ на службѣ его не оставили, и послѣдовало новое повелѣніе ѣхать на службу въ Симбирскъ.

[2]) Свербеева? *Изд.*

Digitized by Google

ность должна быть ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ столкновеніемъ съ обществомъ. Что бы ни вышло изъ этой борьбы, а вы видите теперь, что вамъ въ Сибирь уѣзжать не приходилось. Я очень понимаю то чувство унынія, которое поневолѣ овладѣваетъ человѣкомъ, попытавшимся дѣйствовать и почувствовавшимъ почти невозможность дѣйствія; но нашъ мотто теперь долженъ быть въ Русской пословицѣ: дѣла не дѣлай, да отъ дѣла не бѣгай.

Конецъ прошлаго года и начало нынѣшняго показали намъ, что никогда нельзя угадать, что̀ откуда возмется. Примѣръ великолѣпнѣйшій этой истины находится въ Окружномъ Посланіи [1]) и въ той тревогѣ, которая поднята имъ въ нашемъ духовномъ мірѣ. Кто ждалъ такого явленія? Кто повѣрилъ бы, что инстинктъ церковной истины дойдетъ до такаго яснаго сознанія въ духовенствѣ мало просвѣщенномъ и глубоко-испорченномъ внѣшними обстоятельствами и своею схоластическою наукою? То, что̀ мы говорили между собою и чего никто не смѣлъ и не могъ сказать или напечатать явно, высказывается во всемірное услышаніе: самое анти-іерархическое ученіе (разумѣя іерархію по западному) проповѣдуется высшими іерархами нашей Церкви, и такъ просто, съ такою несомнѣнною увѣренностью, что, кромѣ добровольно слѣпаго, всякій, слышащій слово, долженъ мгновенно увидѣть всю внутреннюю и свободную жизнь Православія. Это очень важно для насъ; надѣюсь, что это будетъ еще важнѣе для Запада, во сколько тамъ еще есть люди ищущіе правды. Я объ этомъ пишу Пальмеру. Истина духовная, разъ допущенная и сознанная, не ограничится и не можетъ ограничиться одною только областью догматики. Вѣра имѣетъ въ себѣ силу необходимо охватывающую всю жизнь; признаніе народа церковнаго хранителемъ истины, чѣмъ-то цѣлымъ и духовно-живущимъ, и погруженіе самой іерархіи

[1]) Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ въ отвѣтъ папѣ Пію IX, изданное въ Русскомъ переводѣ нашимъ Св. Синодомъ отдѣльною книжкою въ 1850 г. черезъ два года по его появленіи въ подлинникѣ. См. выше письмо къ А. П. Кошелеву. Въ немъ говорится между прочимъ, что „у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть тѣло Церкви, т. е. народъ“.

Digitized by Google

въ народъ повлекутъ за собою другія послѣдствія не только въ жизни церковной, но и въ жизни общественной и гражданской; наконецъ, самый фактъ Окружнаго Посланія и проявленіе вселенства спокойнаго, самоувѣреннаго и живаго въ минуту всеобщей разрозненности и борьбы, подѣйствуютъ какъ весьма сильный толчокъ въ сферѣ духовной, хотя разумѣется, что мы не должны ждать отъ него мгновенныхъ послѣдствій, какъ отъ журнальной статьи или правительственной мѣры во Франціи. Вообще мы не можемъ ничего ожидать скораго, ибо всегда должны помнить, что борьба наша не къ крови и плоти. Тѣ, которые посвятили себя великому всемірному труду Христіанскаго воспитанія (а внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ), тѣ прежде всего должны быть терпѣливы. Скажите это пожалуйста Ивану Сергѣевичу [1]): онъ это забываетъ; забываетъ въ прекрасныхъ стихахъ, а все-таки забывать не должно.—Не знаю, какъ взяться за хлопоты по извѣстному вамъ исповѣданію [2]). Надобно что нибудь сдѣлать у Филарета, да боюсь испортить.

Помня обѣщаніе, данное вамъ въ деревнѣ, я записалъ кое-что въ программѣ у Александра Николаевича [3]). Чувствую, что этаго мало и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще менѣе можетъ пойти въ дѣло; но что же дѣлать? Мы не привыкли думать, и отъ того и придумать не умѣемъ. Польза по крайней мѣрѣ та, что все-таки мы можемъ быть небезполезными другъ другу и наводить другъ друга на иную незамѣченную стежку. Что одинъ замыслитъ, то другой домыслитъ. Главное дѣло у насъ: не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ правдою и истиннымъ Христіанствомъ. Вотъ вамъ еще маленькій намекъ. Въ программѣ упомянулъ я объ exprorriation forcée въ отношеніи къ крѣпостнымъ художникамъ [4]).

---

[1]) Аксакову.

[2]) Разумѣется та статья, которая выдавалась прежде за переводъ съ Греческой рукописи. Была мысль испросить у митрополита Филарета разрѣшенія для напечатанія ея, но, кажется, оставлена.

[3]) Попова.

[4]) Помнится, былъ какой-то случай, что правительство хотѣло выкупить у помѣщика замѣчательнаго художника изъ крѣпостныхъ; помѣщикъ заломилъ

Digitized by Google

Нормою кажется надобно бы поставить слѣдующее: правительство не можетъ давать того, чего само не имѣетъ. Разумѣется, этотъ considérant остается при насъ; но такъ какъ умственныя и нравственныя силы лица не принадлежатъ праву принудительному (правительство можетъ отъ меня требовать, чтобы я былъ солдатомъ, но не полководцемъ), очевидно помѣщикъ можетъ получить отъ правительства только физическую нормальную силу крѣпостнаго человѣка; а представленіе ея передъ закономъ есть въ своемъ maximum рекрутъ. И такъ свыше рекрутской квитанціи (кромѣ случая особыхъ издержекъ со стороны помѣщика) никакого требованія быть не можетъ. Это правило, безъ сомнѣнія, пригодится при многихъ законахъ, а при какихъ, вамъ въ Питерѣ виднѣе.

Еще: пожары нынѣшняго года причинили убытки неимовѣрные. Полиція вездѣ оказалась недостаточною по собственному ея сознанію; временная полиція была введена отъ обывателей и пр. Въ городахъ пристанныхъ, каковы Самара, Елецъ, Козловъ и др., также и въ сильноторговыхъ, должно бы ввести постоянную констабельную полицію отъ жителей, весьма немногочисленную, безплатную, никому неподсудную, съ своими центрами, гдѣ разборъ проступковъ словесный и совѣстный. Наказаніе, т. е. исполненіе наказаній, поручается казенной полиціи, но судъ городовой. Мундировъ нѣтъ, кромѣ гривны на шеѣ; служба очередная понедѣльно, начальники по выбору отъ каждой части города на годъ, а они уже чередуются. Эта мѣра, покуда еще невозможная въ губернскихъ городахъ и почти безполезная въ большей части уѣздныхъ, была бы очень полезною въ уѣздныхъ складочныхъ и торговыхъ, гдѣ великій полицейскій разбой, а полиціи все-таки нѣтъ. Она же могла бы быть и приготовительнымъ опытомъ для введенія городовой полиціи въ большемъ размѣрѣ. Ее бы надобно представить въ видѣ опыта, обѣщающаго экономическія выгоды.

Я опять принялся довольно крѣпко за свою работу, и меня это веселитъ. Пожалуста, пишите Аксакову, чтобы онъ тру-

---

страшную цѣну, и возникъ „юридическій вопросъ“ объ „отчужденіи собственности“ этаго рода и о нормѣ вознагражденія.

Digitized by Google

дился. Онъ сдѣлалъ кое-какія весьма остроумныя и важныя открытія въ первомъ періодѣ нашей Исторіи, которымъ онъ до сихъ поръ не занимался.

Чтеніе драмы графа Сологуба [1]) было не безъ успѣха; конецъ не годится никуда. Система ложная, но разговоръ живъ во многихъ мѣстахъ и вѣренъ. Скажу съ Аксаковымъ, что талантъ явенъ, но убитъ пустотою Петербургской жизни. Отъ этаго у него раскольники гадкіе и смѣшные пискуны; здѣсь они не таковы, а у Сологуба они списаны съ Петербургскимъ мѣнялъ-скопцовъ.

Слухи о Славянахъ въ Австріи идутъ страшные, будто они проданы Австріею. Правда или нѣтъ, не знаю; но я боюсь, какъ бы ихъ не погубили, хоть не навсегда, да опять на неизвѣстный срокъ.

Эманципаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что нибудь назвать у насъ общимъ мнѣніемъ. Кошелевъ много помогаетъ, какъ человѣкъ признанный практическимъ.

Объ Москвѣ сказать вамъ нечего. Общее неудовольствіе на г. губернатора [2]). Признаютъ въ немъ пашу честнаго и благороднаго, но крайне необразованнаго и окруженнаго самымъ гнуснымъ гаремомъ, такъ что выходитъ гадость на гадости.

Меня Поповъ очень было озадачилъ моими ошибками въ правописаніи; я не признаю въ себѣ даже и возможности такихъ ошибокъ. Вы объяснили ихъ, и вотъ мое оправданіе: *Не*сколько не имѣетъ ничего общаго съ нѣкій, нѣкоторый. Эти два слова имѣютъ корнемъ Санскр.: эка, экатара, а Санск. *э* у насъ соотвѣтствуетъ почти всегда буквѣ *н*. Несколько содержитъ въ себѣ чистое отрицаніе. «Много ли было тутъ народа?» Крестьянинъ отвѣчаетъ: «Да несколько, баринъ». Таково же мнѣніе и Шевырева.

---

[1]) „Стрѣлецкій бунтъ“.

[2]) Графа Закревскаго.

Digitized by Google

13.

6 Авг. (1852 г.).

Какъ благодаренъ я вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, за ваше письмо! Какъ давно прямой вѣсти отъ васъ не имѣлъ и какъ пріятно было ее получить! Но за то, какъ ужъ и не во̀ время попали ваши похвалы моей твердости! Письмо ваше я получилъ при самомъ отъѣздѣ въ Смоленскую деревню. Не знаю, слыхали ли вы, какое чудное мѣсто эти Липицы, какъ они, можно сказать, ненаглядно-хороши? Катя[1]) любила ихъ еще болѣе моего; она говаривала, что не отдала бы ихъ за Ричмондъ, который за границею нравился ей болѣе всего. Много я тамъ сдѣлалъ посадокъ при ней, но еще болѣе въ послѣдніе три года, въ которые ей не удавалось тамъ быть, и всѣ удались, и я думалъ ее обрадовать ими неожиданно, потому, что она обо многихъ не слыхала. И все принялось, и все разрастается! Невѣроятная тоска напала на меня. Я старался не поддаваться, работалъ усердно, упрямо; ничто не помогало. Сердце не хотѣло отъ нея отступиться и передать ее иной высшей жизни. Долго длилась эта борьба, наконецъ миновалась; но никогда я не испытывалъ такъ сильно того, что̀ можно назвать ревнивымъ эгоизмомъ любви: ибо горе было наперекоръ разуму и всѣмъ его убѣжденіямъ. Слава Богу, прошло. А письмо ваше обрадовало меня и по другой причинѣ: оно напомнило мнѣ письмо, которое давно уже получилъ я отъ васъ, совершенно неожиданно, въ минуту, когда вамъ яснѣе стали выказываться ваши внутреннія требованія. Мы его перечитывали вмѣстѣ нѣсколько разъ, и она взяла его къ себѣ на сохраненіе и очень имъ радовалась. Многое въ нынѣшнемъ напомнило мнѣ прежнее письмо. Да, я могу сказать, что я точно поработалъ въ это время: и Семирамиду двинулъ впередъ значительно, и статью написалъ для Сборника, хотя существованіе самаго Сборника подвергается еще немалому сомнѣнію[2]). Прежде меня взялъ

[1]) Покойная супруга А. С. Хомякова. *Изд.*

[2]) Въ 1852 г. выданъ Московскій Сборникъ и изготовлялся къ изданію Сборникъ на 1853 г., въ которомъ и должна была быть помѣщена статья Хомякова. Но Сборникъ, представленный въ цензуру въ полномъ составѣ въ ру-

Digitized by Google

бы смѣхъ, если бы такое сомнѣніе существовало (такъ неразумно всякое подозрѣніе насчетъ этаго изданія), но теперь береть досада или, лучше сказать, горе. Когда жизнь потеряла свою чисто-личную прелесть и когда только то, что̀ можетъ быть полезнымъ, осталось доступнымъ: тогда грустно, что нельзя пользы приносить; а какую же пользу можемъ мы принести, если намъ нельзя будетъ другихъ людей наводить на добрый путь, тогда когда все сбиваетъ всѣхъ на ложныя дороги? Объ моей статьѣ и ея содержаніи вы уже вѣроятно слышали. Она отвѣтъ Киреевскому, и отчасти можно назвать ее оправданіемъ современнаго противъ старой Руси, не какъ лучшаго, но какъ законнаго и въ этомъ смыслѣ высшаго вывода изъ дурныхъ началъ, таившихся въ старинѣ. Безусловно хорошею современность себя признать не можетъ; но ясно, что если она въ себѣ не сознаетъ хорошаго и дурнаго, она можетъ также впередъ пойти по дурному, какъ и по хорошему пути, ибо она не можетъ не идти какъ нибудь. Дурное начало, взятое ею изъ старины, или то, что̀ дѣлало хорошее дурнымъ, она должна исключать изъ своей мысли, чтобы хорошее могло приносить плоды. Поэтому статья моя, чисто-историческая и нисколько не касающаяся прямо-современныхъ вопросовъ, могла бы быть полезною особенно въ томъ отношеніи, что она совершенно безстрастна и могла бы успокоить сдавленныя, но непогаснувшія страсти. Грустно, если не пустятъ въ ходъ изданія, которое принесло бы непремѣнно добрые плоды. Теперь пишу другое, для кого? Не знаю, хотя очень знаю, для чего. Это въ родѣ Исповѣданія Вѣры, или лучше сказать введенія въ исповѣданіе. Оно содержитъ отвѣтъ на обвиненія, дѣлаемыя Православію, и указанія на его характеръ, въ противоположности съ

кописи, былъ запрещенъ и удержанъ. По личному объясненію, данному издателю, онъ запрещенъ, „не столько за то, что̀ въ немъ сказано, сколько за то, что умолчено“... Вмѣстѣ съ симъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ Сборника, Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Киреевскому, не иначе печатать свои статьи, какъ проведя черезъ Главное Управленіе Цензуры въ Петербургѣ (что̀ равнялось запрещенію); кромѣ того всѣ они отданы подъ полицейскій надзоръ. Эти мѣры были отмѣнены въ началѣ 1856 г., при новомъ царствованіи.

Digitized by Google

характеромъ Запада [1]). Думаю, по общему отзыву слышавшихъ, что въ ней много новаго. Даже Свербеевъ хвалитъ. Скоро ее кончу, и опять за Семирамиду. Вотъ моя словесность. Жизнію своею доволенъ ли я? Нѣтъ; но кажется, что я не совсѣмъ такъ плохъ и слабъ, какъ былъ и боялся снова сдѣлаться; но все еще лѣнивъ, лѣнивъ, и напряженіе тяжело. Другое дѣло у меня хорошо ладится: это уничтоженіе барщины. Даже неожиданно удалось сдѣлать сдѣлку, гдѣ и думать не могъ—въ Смоленской губ. съ двумя деревнями. Тутъ очень ясно оправдалась мысль Кошелева о нравственной пользѣ хозяйства. Сдѣлка вышла возможною вслѣдствіе удачнаго хозяйственнаго оборота, и какъ это меня порадовало и какъ это порадовало бы ее!

P. S. Я и забылъ вамъ сказать, что я пишу проѣздомъ черезъ Москву, отправляясь въ Тулу, а что медлилъ отвѣчать потому, что хотѣлъ писать черезъ васъ къ Княжескому [2]); но для этого жду отвѣта Кошелева, который еще не пишетъ.

Вы въ мірѣ богослововъ. Скажите имъ мою догадку, отчасти сходную, отчасти несходную съ св. Максимомъ Исповѣдникомъ. Я всегда предполагалъ въ первой части «Отче Нашъ» особенный смыслъ, и вотъ мнѣ кажется нѣкоторое объясненіе его. Павелъ говоритъ, что Духъ называетъ Бога отцомъ (Авва-отче); Иринеи говоритъ: Духъ кладетъ вѣнецъ на божество, называя Отца отцомъ, и Сына сыномъ. Въ Символѣ, какъ и вездѣ, Сыну приписывается царство. И такъ «да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое» и пр. значитъ: «да будешь прославленъ, какъ начало Духа имянующаго, да будешь прославленъ, какъ Отецъ Сына царствующаго и да будешь прославленъ какъ Самосущее и Самоначальное лицо, источникъ всего». Какъ вы думаете? Мнѣ кажется, это дѣло.

---

[1]) Здѣсь разумѣется Французская статья Хомякова: отвѣтъ г. Лорансе. Она была напечатана за границей, и въ Русскомъ переводѣ вошла во 2-й томъ его сочиненій.

[2]) Болгаринъ Княжескій, бывшій учителемъ въ своей странѣ и едва ли не первый изъ Болгаръ, появившійся въ Московскомъ обществѣ. Онъ пріѣзжалъ, чтобъ познакомиться съ Россіей, завязать сношенія съ обществомъ и найти поддержку для изданія Болгарскихъ книгъ для Болгарскихъ школъ.

Digitized by Google

14.

Сентября 1-го 1852 г.

Посылаю вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, 200 руб. сер. для бѣднаго Княжескаго. Объ миссіонерахъ Русской мысли грѣхъ сказать, чтобы они обогащались, какъ говорятъ объ Англичанахъ. Въ барышахъ не будешь съ нашею проповѣдью. Бѣдный Княжескій! Сколько лишеній, сколько заботъ, трудовъ и пожертвованій, а какая же награда? Ни сочувствія, ни уваженія. Много много, если кто нибудь взглянетъ на него съ тѣмъ сострадательнымъ почтеніемъ, которое внушаютъ юродивые. Впрочемъ болѣе или менѣе мы всѣ въ этомъ похожи на Княжескаго съ тою только разницею, что мы еще находимся подъ подозрѣніемъ злоумышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ душу человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть разумѣется не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ вѣроятно нашелъ бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ безполезна и способна придать мнѣ терпѣнія и крѣпости. Я вполнѣ понимаю того Австрійскаго солдата-Словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фрýнта и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили: «чему же ты хохочешь?»—«А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фрунта то высунулся не я, а сосѣдъ мой». Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишаться своего внутренняго смѣха. Сознаюсь однако, что теперь во мнѣ менѣе противъ прежняго способности находить утѣшеніе въ комизмѣ, и часто беретъ досада и нетерпѣніе. За то, можетъ быть, болѣе противъ прежняго чувствуется потребность идти впередъ неослабно, и увѣренность, что убѣжденіе истинное сдѣлается общимъ, и что скажутъ спасибо даже многіе изъ тѣхъ, которые по простому непониманію сгнетаютъ насъ, еще болѣе на зло себѣ, чѣмъ намъ. Князь Львовъ отставленъ отъ цензорства, какъ слышно, не за пропускъ «Записокъ Охотника» Тургенева, но

Digitized by Google

какъ предполагаютъ—за Сборникъ [1]). Жаль, что мы лишаемся хорошаго и разумнаго, и благонамѣреннаго цензора, но онъ конечно не пропадетъ. Думаю, что дѣло обошлось не безъ N.[2]), хотя Коссовичъ и распинается за него; вѣдь наивность Санскритолога извѣстна, и онъ не можетъ видѣть ничего дурнаго въ главнокомандующемъ пяти сотъ тысячъ книгъ, особенно же въ человѣкѣ, который купилъ для храненія въ Москвѣ все древлехранилище Погодина; впрочемъ, за это и всякій скажетъ спасибо.

Когда-то мы съ вами увидимся? Богъ вѣсть. А очень хотѣлось бы прочесть вамъ и статью, которую я далъ для Сборника, и которой вѣроятно никто изъ современниковъ не увидитъ въ печати, и Французскую статью, которая, какъ я вамъ сказалъ, служитъ какъ будто введеніемъ въ «Исповѣданіе Вѣры». Я думаю, она могла бы быть очень полезною; она чисто-полемическая противъ Западныхъ исповѣданій, особенно же противъ Католицизма. Если бы была какая нибудь возможность ее напечатать, я бы очень радовался; но разумѣется не могу имѣть на этотъ счетъ никакой надежды, а между тѣмъ Пальмеръ, возвратясь изъ Греціи, огорченный и раздосадованный, попалъ въ настоящую осаду. Римляне очень ловко повели нападеніе и просятъ только одного: «Съѣзди въ Римъ! Ты былъ въ Петербургѣ, Аѳинахъ и Царьградѣ; справедливость требуетъ, чтобы ты побывалъ въ Римѣ». А ужъ только попадись онъ, такъ конечно онъ живымъ не выѣдетъ, развѣ Католикомъ [3]). Я къ нему пишу, но не могу надѣяться на успѣхъ, тогда когда всѣ тѣ, которые обязаны бы были содѣйствовать доброму дѣлу, ревностно стараются объ его неудачѣ.

15.

11-го Декабря (1853 г.).

На сей разъ пишу вамъ только нѣсколько строкъ. Пріѣхавъ на дняхъ изъ Ивановскаго, узналъ я про ваше горе [4]) и не могу вамъ не сказать, что я глубоко и отъ всей души ему со-

---

[1]) Т. е. за Московскій Сборникъ.

[2]) Барона М. А. Корфа. *Изд.*

[3]) Такъ и вышло.

[4]) Кончина Ѳ. В. Самарина, отца Юрія Ѳедоровича (род. 10 Авг. 1774, ум. 26 Нояб. 1853).

Digitized by Google

чувствую. Болѣе сказать нечего; но я былъ бы непокоенъ въ душѣ, если бы этаго вамъ не сказалъ. Много новыхъ заботъ и вѣроятно много новыхъ и, можетъ быть, не совсѣмъ легкихъ обязанностей должно вамъ будетъ принять теперь на себя; но вы имѣете силу со всѣмъ справиться, а мы всѣ рождены дѣйствовать по силамъ въ томъ кругѣ, въ который насъ Богъ послалъ. Всякій стоитъ на высшей службѣ, и Богъ вамъ поможетъ во всякомъ добрѣ. Будьте здоровы и крѣпки.

Отъ Пальмера получилъ на дняхъ письмо; брошюра печатается въ Парижѣ, по величайшему его содѣйствію и хлопотамъ, въ отвѣтъ на Laurentie.

16 *).

Съ Богомъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на новый нежданный путь! Новое время возвращаетъ насъ къ древности, когда служба государственная не дѣлилась еще на гражданскую и военную. Да будетъ воинъ вооруженнымъ гражданиномъ! Съ Богомъ! Мнѣ письмо ваше было только отчасти неожиданнымъ (помните, что вы почти ожидали этого выбора), но впечатлѣніе было очень странно. Грустно мнѣ было, да и не совсѣмъ грустно. Вашей жизни слѣдовало какъ-то пройти черезъ какое нибудь потрясеніе, чтобы выйти еще свѣжѣе и крѣпче. Отъ того-то на васъ въ послѣднее время и набѣгалъ не совсѣмъ законный сплинъ. Ваше письмо въ отношеніи ко мнѣ слишкомъ дружески-пристрастно. Мнѣ самому какъ-то сдается, что я свое дѣло въ общественной жизни почти отдѣлалъ, и поэтому мнѣ особенно хочется видѣть васъ всѣхъ крѣпкими и добрыми. По моему мнѣнію Богъ помогъ намъ, посредствомъ самыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, пробить ту вѣковую стѣну, за которую забили въ Россіи все земское начало; но въ пробитую брешь пройдете отчасти вы, а вполнѣ послѣдующіе за вами. Мои сверстники, также какъ и я самъ, дойдемъ только до гребня, если дойдемъ. Вотъ какъ говоритъ разсудокъ, а все-таки я признаюсь, что самое пристрастіе вашей дружбы ко мнѣ меня тронуло и обрадовало. Что еще сказать вамъ о вашемъ новомъ

*) Лѣтомъ 1855 года Ю. Ѳ. Самаринъ поступилъ, по избранію, въ Сибирское ополченіе офицеромъ.

Digitized by Google

поприщѣ? Отъ души желаю, чтобы ни вамъ, ни И. С. Аксакову [1]) не быть подъ пулями; но мнѣ весело и очень весело, что вы такъ охотно идете на это дѣло. Берегите здоровье, сближайтесь съ кѣмъ только можно. Простите мнѣ, если теперь напомню вамъ давнишній упрекъ. Вы слишкомъ легко пренебрегаете людьми, конечно не людьми, какими ихъ Богъ дѣлаетъ, а людьми такими, какими ихъ дѣлаетъ общественная глупость. Не пренебрегайте и тѣми. Сѣйте гдѣ можно и сколько можно; гдѣ взойдетъ, того никто не возмется сказать. Время дѣла земскаго. Война внѣшняя должна породить миръ внутренній. Вѣрьте мнѣ, я вамъ вдущимъ завидую. Ополченіе не армія, и если есть что нибудь мнѣ въ ополченіи ненравящееся — такъ это ополченіе дворцовыхъ стрѣлковъ. Всѣ ими радуются, и дѣйствительно прелесть на видъ; но это не то, что нужно, это— jeunesse dorée, какое-то исключительное и аристократическое явленіе. Всѣ пляшутъ и поютъ порусски, но слишкомъ много пляски и пѣсни: тутъ нѣтъ думы народной, какъ будто Карловы кавалеры. Но и то правда, все это такъ молодо, что пожалуй иначе и быть не можетъ. За всѣмъ тѣмъ отсутствіе серьезности въ нихъ едва ли не происходитъ отъ отсутствія мѣстной стихіи. Сбродное, можетъ быть, всегда немного ненравственно. Кто у васъ начальникомъ? Благонадеженъ ли? Кто дружинный? Можно ли будетъ добиться бороды? Всѣ эти мелочи важны.

Ваше порученіе на счетъ ружей [2]) хотѣлъ я исполнить тотъ часъ, но не скоро добьешься толка. Нынче опять посылалъ, еще отвѣта не имѣю, а завтра самъ вторично ѣду въ Тулу и постараюсь переговорить съ начальникомъ завода Самсоновымъ. Его очень хвалятъ; но я предупреждаю васъ, что надежды мало. Заказовъ бездна. Если назначутъ слишкомъ дальній срокъ, то я не рѣшусь заказывать. На всякій случай отвѣчайте мнѣ по теперешнему письму, чтобы времени не терять для заказа; а мое ружье все еще не готово [3]), хотя Гольтяковъ и увѣ-

---

[1]) И. С. Аксаковъ также поступилъ въ Серпуховскую дружину Московскаго ополченія.

[2]) Самаринъ просилъ Хомякова заказать нѣсколько десятковъ штуцеровъ для своей роты.

[3]) Хомяковъ пишетъ объ изобрѣтенномъ имъ ружьѣ. *Изд.*

Digitized by Google

ряетъ, что онъ пробовалъ его на 1200 шаговъ въ полподъемѣ прицѣла, да ему вѣрить нельзя. O for an hour of Dundee! говоритъ старый горецъ въ арміи Маг'а. О хоть на двѣ недѣли Суворова въ Крыму! Pelissier просится, чтобы его побили, а мы вездѣ зѣваемъ, страшимся и теряемъ пушки. Боюсь, какъ бы не дозѣвались до сильнаго пораженія, и этотъ страхъ и все волненіе этой борьбы мѣшаетъ всякому разумному труду. Легче, сто разъ легче быть на мѣстѣ. Жаль и болѣе чѣмъ жаль, что мнѣ не удалось васъ видѣть. Письмо ваше меня не застало, и все таки я бы успѣлъ къ вамъ прокатиться; но здѣшніе, разсудивъ, что мнѣ нужно доставить письмо поскорѣе, послали ко мнѣ нарочнаго. Нарочный со мною разъѣхался, и письмо ваше обратно изъ Донкова пришло только подъ Покровъ; а хотѣлось бы сказать вамъ тысячу вещей, о которыхъ писать нельзя.—Прощайте покуда. Будьте здоровы. Да сохранитъ васъ Богъ! Матушка вамъ поручила сказать, что она за васъ молится.

Князь Львовъ снова назначенъ цензоромъ.

17.

Окт. 17-го 1855 г.

Хлопоталъ я объ вашемъ порученіи немало, любезный Юрій Ѳедоровичъ, и совсѣмъ было потерялъ надежду исполнить его; вдругъ вчера получилъ при семъ прилагаемое письмо отъ начальника завода, и, уже не ожидая вашего отвѣта, чтобы только не терять времени и добраго случая, я рѣшился объявить свое согласіе, потому что вся разница въ цѣнѣ 9 р. сер.; а вещи вѣроятно гораздо лучше исполнены, чѣмъ обыкновенные штуцера. Я увѣренъ, что вы мое рѣшеніе одобрите. Въ отвѣтъ Самсонову я только поставилъ слѣдующее условіе: или мою браковку, или отвѣтственность завода за вѣрность и бой на 900 шаговъ по меньшей мѣрѣ. Объ доставкѣ къ вамъ я еще съ Самсоновымъ переговорю, а вы увѣдомьте меня, куда доставить.

Имѣете ли вы извѣстіе, куда именно васъ назначаютъ? Да напишите мнѣ подробнѣе о составѣ дружины, т. е. офицерахъ и начальникахъ: все это мнѣ крайне хочется знать, чтобы

Digitized by Google

сколько нибудь обрисовать себѣ вашу будущую жизнь. И. С. Аксаковъ уже теперь близокъ къ непріятелю, и не диво, если на дняхъ будетъ участвовать въ дѣлахъ. Странная высадка около Кинбурна. Зимовать тутъ, кажется, нельзя, потому что лиманъ замерзаетъ; подняться по Бугу или Днѣпру и напасть на Николаевъ, кажется, вовсе невозможно. Какая же цѣль высадки? Мнѣ кажется, что у Англо-Французовъ намѣреніе отъ Кинбурна двинуться къ Перекопу съ Сѣвера, одновременно съ такимъ же движеніемъ съ Юга изъ Евпаторіи. Дай-то Богъ! Хоть мало-мальски будь смысла у нашихъ, и тогда ихъ можно будетъ уничтожить. Вѣдь до сихъ поръ въ глупостяхъ очередовались, а по моему соображенію очередь за ними, и Pelissier по своему характеру, если ужъ сдѣлаетъ глупость, сдѣлаетъ ее въ крупныхъ размѣрахъ. Слухи о смѣнѣ Горчакова и о назначеніи его военнымъ министромъ идутъ довольно сильно.—Вы, знаете, что я неожиданно попалъ въ переписку съ А. О. Смирновой по поводу статьи о Польшѣ *); знаете также, что я корреспондентъ неусердный; но думаю, что совершенно разрывать не должно, особенно, если мнѣ придется ѣхать въ Питеръ. Многое обѣщаетъ сильныя перемѣны. Я не говорю о томъ, о чемъ теперь всѣ говорятъ, о смѣнѣ Клейнмихеля. Но для меня важнѣе мелкія примѣты. Замѣтили ли вы въ Моск. Вѣд. въ статьѣ о Грановскомъ похвалу ему какъ общественному Русскому человѣку? Похвала эта была совсѣмъ не справедлива въ отношеніи къ нему; но очень важно то, что это смѣли сказать и напечатать. Царство Николая кончилось. Бѣдный Грановскій! Вы вѣрно о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ, даже въ лучшихъ, нѣтъ ничего такого, чтобы отвѣтить требованіямъ Россіи, особенно современной. Но жаль въ немъ прекраснаго таланта, благороднаго сердца, и любви къ просвѣщенію и способности согрѣвать другихъ. Жаль добраго врага. Его въ вѣдомостяхъ помянули хорошо, и это весело видѣть; но забавно видѣть и ту хитрость, съ которою они своей партіи даютъ общественное значеніе, такъ сказать,

*) Эта статья была доставлена А. О. Смирновой для передачи въ высшія сферы. Она не напечатана.

Digitized by Google

исключительное. Конечно въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета.

Досадно и очень досадно, что годъ такъ для меня скверенъ въ хозяйствѣ. Приходится еще посидѣть въ деревнѣ, а хотѣлось бы въ Москву и похлопотать кое о чемъ въ дѣлѣ общемъ. Кошелевъ сильно возится съ журналомъ *). Нынче я отъ него объ журналѣ получилъ письмо. Что-то изъ всего движенія выйдетъ, а двигаться надобно.

18.

У насъ съ вами, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на счетъ штуцеровъ вышла, можетъ быть, катавасія, хотя можетъ и то быть (я даже это думаю), вы будете результатомъ довольны. Вы помните, что вы мнѣ писали: «не хлопочите уже о штуцерахъ; можно ихъ имѣть сколько угодно по 14 руб. сер. (что между прочимъ едва ли справедливо; за эту цѣну можно только имѣть продороженныя ружья, которыя похуже) и пр.» Я, уже закупивъ 30 штуцеровъ, стукнулъ себя по лбу, вскрикнулъ ай! и бросился къ начальнику завода. Вотъ дескать такъ и такъ: «Отъ заказа не отказываемся; но если можете, безъ потери для завода, сбыть ихъ кому другому, мы рады». А между тѣмъ я все таки ихъ буду пробовать. Пробовалъ не разъ; здѣсь пробнаго станка нѣтъ (какова еще дикость!), а пробуютъ съ руки. Я повыучился стрѣлять и пріобрѣлъ нѣкоторую славу; но штуцерами я далеко не былъ доволенъ и тѣмъ болѣе желалъ оные сбыть. Думаю, и вы также. За всѣмъ тѣмъ я уже отказаться не могъ, тѣмъ болѣе, что уже работали надъ пятью новыми. Вдругъ письмо отъ Шишкова (знакомый Аксакову): уступите вами заказанные штуцера! Я радъ-радехонекъ и сейчасъ далъ знать заводскому правленію. Въ тотъ же день получаю я отъ васъ письмо, что вы деньги высылаете на 25 штуцеровъ, а вскорѣ и извѣщеніе изъ Серпухова (куда по ошибкѣ онѣ адресованы), что деньги получены на мое имя. Я не ви-

*) А. И. Кошелевъ хлопоталъ тогда о дозволеніи издавать Русскую Бесѣду, которую и началъ издавать съ 1856 г. Новое царствованіе, какъ весна, обновило тогда всю Русскую жизнь, и все зацвѣло надеждами.

Digitized by Google

далъ тутъ никакой причины отказаться отъ своего согласія на передачу Шишкову: 1-е, потому, что вамъ они, кажется, не очень-то нужны (и я васъ считаю въ этомъ совершенно правымъ); 2-е, потому, что ихъ больше, чѣмъ требуется; 3-е, потому, что я ими далеко не доволенъ. Деньги же отдамъ въ Москвѣ вашей конторѣ, такъ какъ я туда на дняхъ буду. Надѣюсь, что вы этимъ будете довольны, хотя все таки тутъ нѣкоторая произошла катавасія. Впрочемъ ничьего имени кромѣ своего я не вмѣшивалъ. Объ своемъ же штуцерѣ скажу вамъ просто чудеса. Всѣ расчеты мои оправдались. Во первыхъ, Гольтяковъ далъ ему такую вѣрность, что на 400 шаговъ онъ у меня два раза сряду безъ промаха попалъ въ сухую ивку или лозинку въ $4^1/_2$ вершка толщины; во вторыхъ, на версту пробиваетъ четырехъ-вершковой щитъ на вылетъ, и пуля еще уходитъ въ неизвѣстныя страны. Мятели помѣшали до сихъ поръ его испытать далѣе версты, но по всѣмъ вѣроятностямъ изъ него можно будетъ стрѣлять по астрономическимъ выкладкамъ изъ Перекопа въ любую сторону Крыма, гдѣ бы ни былъ непріятельскій лагерь. Каково будетъ положеніе Пелисье? Впрочемъ честь и слава Гольтякову: не смотря на медленность работы, онъ очевидно ею дорожилъ. Разумѣется штуцеръ въ 23 фунта вѣсу не для стрѣльбы съ руки, а съ хорошихъ подсошекъ съ подушкою, чтобы удержать отдачу, впрочемъ не изъ рукъ вонъ сильную. Вотъ мой успѣхъ по военному дѣлу. Будетъ ли успѣхъ въ Питерѣ по военному вѣдомству? А по вѣдомству министерства просвѣщенія успѣха нѣтъ, какъ вы уже вѣроятно знаете и какъ я отчасти ожидалъ. Намъ еще не отказали [1]), но и не разрѣшили, и очевидно желаніе есть отказать, между тѣмъ какъ Каткову разрѣшено. Предлогъ, по которому Кошелевскій журналъ признается неблагонадежнымъ, тотъ, что Кошелевъ связался съ людьми опальными, между тѣмъ изъ этихъ опальныхъ двое Аксаковыхъ допущены въ объявленіи отъ Каткова [2]). По этому собственно боятся только духа журнала, который будетъ нами опредѣленъ, а статьи наши могутъ

---

[1]) Въ изданіи Русской Бесѣды.

[2]) Въ объявленіи объ изданіи Русскаго Вѣстника въ числѣ сотрудниковъ названы „Аксаковы“.

Digitized by Google

быть допущены въ изданіяхъ осреднесоливающихъ нашу кислоту. Но чего же просить отъ Н. и Д?[1]) Что-то скажетъ Питеръ? Не скрываю, что у меня надеждъ мало. Гильфердингъ прислалъ мнѣ два экземпляра моей второй брошюры [2]). Противъ Французскаго изданія опечатокъ многонько, но изданіе хорошо. Не скрою, что мнѣ особенно было весело прочесть примѣчаніе о рабствѣ. За границею ея не читаютъ, хотя она во всѣхъ мѣстахъ. Вопросъ Восточный надоѣлъ, а по заглавію думаютъ, что она о вопросѣ Восточномъ. Я думаю, что если бы знали, что она чисто-богословская, читали бы и того меньше. Гильфердингъ совѣтуетъ перевести и напечатать для Славянъ. Жаль денегъ, а едва ли это не обязанность хоть испытать. Какъ вы думаете?

19 [3]).

Ждали мы васъ, ждали, любезный Юрій Ѳедоровичъ, а теперь вамъ и ѣхать сюда нельзя. А какъ вы были бы здѣсь нужны[4])! Вы меня знаете; знаете, что я не совсѣмъ дифирамбическаго расположенія, какъ нашъ общій другъ, и нелегко поддаюся увлеченіямъ; но все же долженъ признаться, что время довольно живое. Одинъ обращикъ даже и то, что объ моей поѣздкѣ въ Питеръ напечатана въ le Nord шутовская статья. Очевидно, наша общественная жизнь получаетъ какое-то новое значеніе. На долго ли? Къ добру ли? Это вопросы, которыхъ рѣшеніе предоставлено времени; но слава Богу, что хоть до вопросовъ дожили. Кошелевъ утопаетъ въ радости, не успѣваетъ все перехлопотать; Аксаковъ нѣсколько подгулялъ и съ Сакенскаго обѣда [5]) не совсѣмъ протрезвляется, а Погодинъ

[1]) Норова и Дубельта.

[2]) Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, молодой пріятель Хомякова, только въ 1852 окончившій курсъ въ М. Университетѣ. Вторая Французская богословская статья Хомякова напечатана была не въ Парижѣ, какъ первая, а въ Лейпцигѣ въ 1855 г., но также какъ первая была не дозволена ко ввозу въ Россію.

[3]) Писано, вѣроятно, въ Апрѣлѣ 1856 года.

[4]) „Дочитавъ письмо, увидите, что не нужны". Приписка подъ страницей самого Хомякова.

[5]) Обѣдъ, данный въ Москвѣ начальнику Севастопольскаго гарнизона графу Остенъ-Сакену, на которомъ К. С. Аксаковъ провозгласилъ тостъ „за обще-

Digitized by Google

просто пьянъ и наслаждается своимъ пьянствомъ. Разумѣется, во всемъ этомъ много излишества, и скажу болѣе, много опасности для самой чистоты и трезвенности мысли, но все-таки небезрадостно видѣть это оживленіе; тѣмъ болѣе, что во многихъ оно пробудило охоту къ занятію серьезному и дѣльному. Чудная вещь, вообразите: еще Бесѣда не выходила, а ужъ бесѣды въ Москвѣ сдѣлались попрежнему крикливы съ одной программы. Что же будетъ, когда она выйдетъ въ силѣ? Западъ сначала очень къ ней казался благосклоннымъ; но была ли это только маска или недолговѣчная добродѣтель, а ужъ теперь перемѣнилось. Впрочемъ, К.[1]) и другіе порядочные изъ нихъ говорили мнѣ въ Питерѣ: «мы съ вами несогласны и не будемъ согласны, а это признаемъ: отъ васъ только можетъ услышаться первое серьезное слово, намъ оно рѣшительно не дается». Вслѣдствіе этого ли убѣжденія или отъ чего другого, Современникъ (котораго первые нумера истинно славные) зоветъ къ себѣ въ критики рѣшительнаго Славянофила, Григорьева[2]). Впрочемъ еще есть другое объясненіе: не выдумали ли Петербургскіе политики, что такъ какъ ужъ нельзя избавиться отъ славянофильства, такъ нельзя ли сдѣлать свое, ручное, въ противоположность нашему, дикому? Slavenophilismus ad usum freilinarum. Замѣнить натуральную оспу коровьею. Какъ вы думаете? Господи, сколько бы хотѣлось вамъ разсказать, и эффектъ произведенный дерзостью моего зипуна въ Петербургскихъ салонахъ, и пугливую дружбу Норова... Впрочемъ это все комеражи; а гораздо серьознѣе, какія статьи намъ даютъ въ Бесѣду и что за сокровище мой филологическій комаръ[3]), обратившійся въ пчелку златую и принесшій изъ путешествія своего истинныя сокровища, напр. письмо современника о великомъ

ственное мнѣніе", принятый съ шумнымъ, единодушнымъ восторгомъ. Это считалось тогда истиннымъ завоеваніемъ, чѣмъ-то необычайнымъ, и чтобъ провозгласить подобный тостъ, потребна была отвага Кистантина Сергѣевича! Письмо Хомякова живо характеризуетъ эту эпоху обновленія и возрожденія послѣ тридцатилѣтняго удушья.

[1]) К. Д. Кавелинъ.

[2]) Аполлона Александровича.

[3]) Подъ „комаромъ" Хомяковъ разумѣетъ здѣсь А. Ѳ. Гильфердинга, имѣвшаго очень тонкій голосъ. Онъ проѣзжалъ лѣтомъ по Славянскимъ землямъ.

Digitized by Google

князѣ св. Владимирѣ и Печенѣгахъ!!! Другое, его собственное письмо о Лужичахъ, просто чудо. А сказать ли вамъ всю правду, хоть нелестную? Были бы вы и И. С. Аксаковъ здѣсь, я былъ бы очень, очень радъ; а что васъ обоихъ здѣсь нѣтъ, я едва ли не болѣе еще радъ. Во первыхъ, за васъ: поохотитесь на Волжскомъ разливѣ, вѣдь это чудо, дохните тихимъ воздухомъ степей, право будетъ вамъ веселое воспоминаніе; а потомъ, за васъ обоихъ и за насъ. Вамъ скучненько, и это хорошо. Здѣсь ходитъ маленькій хмель, отъ котораго трудно отбиться (самъ я боюсь, вполнѣ ли я свободенъ, и даже нѣтъ ли слѣдовъ его въ моемъ письмѣ; о другихъ и говорить нечего). Вы, И. С. Акс. и И. В. Киреевскій въ деревнѣ. Я думаю, вы насъ отрезвите, когда подъѣдете. Средства не затемнили бы намъ цѣли, той тихой, строгой, исторической, можно сказать, святой цѣли, которая была намъ ясна въ тишинѣ посланнаго намъ испытанія, не огневаго, сгнетающаго,—ледянаго. Я отчасти предвидѣлъ теперешнее искушеніе и осенью писалъ объ немъ къ К. С. Аксакову съ текстомъ: «нѣсть наша брань къ плоти и крови и пр.». Онъ, разумѣется, соглашался и теперь соглашается, но на дѣлѣ удержу ужъ нѣтъ. Эпиграфы наши хороши. Одинъ вамъ извѣстный, предложенный Аксаковымъ: «только кореньемъ дерево крѣпко и пр:» [1]) а другой отъ Филиппова [2]): «Господь дастъ благость, и земля дастъ плодъ свой». Страшно подумать, что̀ надобно поворотить и откуда! Какой прочтъ канонъ покаянія, какое нужно упорство воли, строгость занятій, жаръ любви, и какъ мы всѣ привыкли жить, какъ живется. Счастливы тѣ, которые этаго не видятъ или, видя, не падутъ духомъ. Будьте здоровы и не скучайте, а любуйтесь на Божій міръ, да пишите что нибудь передъ нимъ и передъ собою [3]). Не шутя, я жду отъ васъ отрезвленія для насъ.

Въ Пит. уже слишкомъ 400 проектовъ эманципаціонныхъ и просятъ болѣе и болѣе. Тутъ много утѣшительнаго, хотя ужъ

---

[1]) „Только кореньею основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?“ Изъ окружнаго посланія патріарха Гермогена. Одинъ только этотъ эпиграфъ и былъ принятъ редакціей Русской Бесѣды и стоялъ на всѣхъ ея 20 томахъ.

[2]) Тертія Ивановича.

[3]) Вѣроятно, это значитъ: вдали отъ внѣшнихъ суетныхъ вліяній. *Изд.*

Digitized by Google

по числу сочувствующихъ, хотя бы въ самыхъ проектахъ и мало было толку.

20.

Письмо ваше, любезный Юрій Ѳедоровичъ, уже не застало вашей статьи. Она вмѣстѣ съ моею отправлена была къ Бартеневу[1]), впрочемъ съ оговоркою, что вы, можетъ быть, пришлете другой экземпляръ съ измѣненіями. (Вѣдь вы мнѣ такъ въ Москвѣ говорили). Впрочемъ она такъ хороша, что, кажется, и мѣнять нечего. За свою статью боюсь гнѣва Кошелева: скажетъ, слишкомъ зла. Я всячески старался быть вѣжливымъ, но какъ-то самому сдается, что за вѣжливость мою спасибо не скажутъ.— Шеншинъ [2]), который былъ у меня 28 числа, вашимъ письмомъ нѣсколько оскорбился. Будто бы онъ въ пессимизмѣ недорослъ! Увѣряетъ, что не хуже вашего можетъ все видѣть въ самомъ мрачномъ видѣ; а по правдѣ онъ довольно бодръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ черезчуръ крѣпко засыпаетъ подъ чтеніе пріятельскихъ статей, что я испыталъ, когда читалъ его женѣ отрывки изъ брошюры, еще не конченной по милости Соловьева, но уже близкой къ концу. Въ ней очень много новаго, и я надѣюсь, что Нѣмцы, читая ее, не разъ приставятъ указательный палецъ къ концу носа или ко лбу въ самомъ глубокомъ раздумьи.

Дмитрій [3]), къ крайнему удивленію всѣхъ рясоносцевъ, поступилъ на мѣсто Иннокентія. Необычайное повышеніе. Ему же поручится Болгарское дѣло[4]). Я объ немъ уже говорилъ[5]) и нашелъ большое сочувствіе. Намъ, можетъ быть, можно будетъ

---

[1]) П. И. Бартеневъ завѣдывалъ Р. Бесѣдою въ лѣтніе мѣсяцы 1857 г. *Изд.*

[2]) Николай Васильевичъ, бывшій во время войны адъютантъ военнаго министра и въ этомъ званіи исполнившій опасное порученіе: переодѣтый рыбакомъ, пробрался онъ на лодкѣ въ Бомарзундъ, уже окруженный непріятелемъ, чтобъ передать повелѣнія Государя. Въ памяти всѣхъ его друзей сохранился свѣтлый, симпатичный образъ этого чистаго, благороднаго человѣка. Онъ скончался въ 1858 г., когда только что начались работы въ Петерб. Губернскомъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ онъ принялъ самое горячее участіе. Его біографія въ Р. Архивѣ 1864.

[3]) Тульскій епископъ.

[4]) Т. е. церковное дѣло Болгаръ съ Греками.

[5]) Графу А. П. Толстому, об.-прокурору Св. Синода. *Изд.*

Digitized by Google

сильнѣе за это дѣло приняться, чѣмъ прежде. Дмитрій не эгоистъ, какъ его предшественникъ. Любопытна одна подробность смерти Иннокентія. Онъ выѣзжалъ, хотя чувствовалъ себя не хорошо и принималъ гостей. Сидѣлъ у него Строгановъ вечеромъ, и разговоръ шелъ обыкновенный. Вдругъ ударили въ колоколъ ко всенощной въ его крестовой церкви. Онъ обратился къ Строганову: «Слышите? Ударили къ панихидѣ»·— «Что вы, ваше преосв., это ко всенощной».—«Нѣтъ, это къ панихидѣ: звукъ очень пріятенъ». Это былъ какъ будто минутный бредъ. Затѣмъ онъ съ гостьми простился, прилегъ спать и кончилъ.

Аксаковъ проклинаетъ Молву: хотя подписка идетъ хорошо, но вражда кипитъ, журналы ругаются, и это его разстроиваетъ. Я отчасти этому радъ. Его premier Moscou объ общественномъ мнѣніи очень недуренъ или, лучше сказать, просто хорошъ, и очень смѣлъ. Пошлите хоть что нибудь въ Молву. Я туда маленькіе вклады посылаю.

Отъ стараго Гильфердинга получилъ письмо. Сынъ его славную выкинулъ штуку въ Сараевѣ: взялъ всякія рекомендательныя письма отъ филологовъ къ своимъ со-консуламъ и теперь, подъ предлогомъ лингвистики, получаетъ отъ нихъ всякое содѣйствіе. Вотъ каковы мы, филологи! А что я открылъ? Какое сокровище! Я сообщаю Аксакову: процессъ составленія Греческаго medium и Латинскаго депонента. Каково!

21.

Октября 3-го (1858 г.).

Sumas
Historiae Senatus Anglici temporibus Tudor quolibet autore librum
Misce fiat cum
Historiae Germaniae seculo XVII-mo.
Recipe paginam pro dosi *).

Вотъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, лѣкарство для васъ, за которое ручаюсь. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ современной

*) Возьми книгу какого-нибудь автора исторіи Англійскаго Сената временъ Тюдоровъ, вели смѣшать съ исторіею Германіи XVII вѣка, принимай каждый разъ по страницѣ.

Digitized by Google

исторіи и, забывая исторію, требуемъ не-историческихъ явленій. Я глубоко понимаю и чувствую ваше чувство; думаю, что оно то самое, которое выражено мною въ пьесѣ[1]), можетъ быть, самой личной изо всѣхъ мною писанныхъ (словъ не помню, но прошу Бога послать пророка и дать людямъ уши для слушанія его). Дурно бы было, когда у насъ не было бы этаго чувства; нехорошо, когда этому чувству мы позволяемъ преобладать. Медленнаго явленія жизни міровой не довольно для насъ. Давай, Господи, чуда! Изъ темнаго гноища Цареградской патріархіи вышло слово вдохновеннаго Христіанства[2]); изъ цвѣтнаго гноища Петербургской ямы вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную: это чудеса. Мало! Давай, Господи, чудесъ по нашему рисунку, и людей для пониманія этихъ чудесъ, и для воспріятія ихъ въ свои сердца! Вѣковая апатія, со дня на день усиливавшаяся, должна исчезнуть въ одинъ мигъ?! Привычки, устарѣвшія или, лучше сказать, уматорѣвшія и въ тоже время еще питаемыя всѣмъ современнымъ строемъ, должны быть брошены разомъ?! На всѣхъ язвахъ должно вдругъ нарости румяное тѣло?! Возможно ли? Правда, пророкъ говоритъ: «ты очистишь меня, и проказа моя ссыплется съ членовъ моихъ какъ мука, и плоть моя выйдетъ изъ-подъ нея румяна, какъ плоть новорожденнаго младенца» (что-то въ этомъ смыслѣ; подлинныхъ словъ не помню), но такое личное обновленіе не принадлежитъ обществамъ. Простите меня, что я такъ рѣзко вамъ отвѣчаю; но вы сами пишете о себѣ, какъ о больномъ, а болѣзнь ваша моя болѣзнь: это вы конечно знаете безъ всякихъ отъ меня увѣреній. Въ васъ, говорите вы, есть чувство саморазложенія, вѣрю; но кромѣ того знаю, что это чувство обманчиво и что его начало—недостатокъ вѣры въ силу правды. Не въ правдѣ сомнѣваетесь вы, а въ ея силѣ; и это сомнѣніе растетъ у васъ въ то самое время, когда вы напрягаете всѣ свои личныя силы на ея службу въ данномъ, теперешнемъ случаѣ. Разумѣется, это сокрушитъ

---

[1]) „Какъ часто во мнѣ пробуждалась“ и т. д. т. IV, стр. 253. Замѣчательно, что, при своей необыкновенной памяти, А. С. Хомяковъ вовсе не обладалъ памятью на стихи, что и подтверждаетъ самъ въ этихъ словахъ. *Изд.*

[2]) Намекъ на окружное посланіе патріарховъ.

Digitized by Google

хоть кого; но гдѣ же право на сомнѣніе? «Magna est veritas et praevalebit» *), сказано давно и сказано навсегда. Горько, тяжело современное, но говорю съ полнымъ безпристрастіемъ. Тѣло, оголившееся отъ мазей, которыми его смазывали или штукатурили, далеко еще не такъ гнусно, какъ я ожидалъ. Правда, общество пляшетъ, дворянство играетъ въ карты, чиновникъ крадетъ, попъ мѣняетъ каноны на гривенники; да вѣдь это дѣлали всегда; разомъ не перемѣнишься. И тогда, когда придетъ Сынъ Человѣческій, развѣ не тоже Онъ найдетъ міръ, плетущійся по своимъ привычнымъ колеямъ. Изъ чего же биться? Если бы вы не полагали лучшаго возможнымъ, если бы вы нигдѣ его не видали на землѣ: вы не приходили бы ни въ негодованіе, ни въ уныніе, когда вы не видите его въ Россіи. Правда, это лучшее только сравнительно лучше и разумнѣе; но къ нему обязаны мы стремиться; и оно будетъ достигнуто. Надежда такъ же обязательна, какъ вѣра и любовь. Горькое чувство современныхъ болѣзней и особенно безчувственности больныхъ къ своимъ болѣзнямъ въ васъ теперь особенно сильно. Думаю, что это приписать можно двумъ причинамъ: во-первыхъ, двумъ ударамъ, поразившимъ насъ почти одновременно и, правду сказать, это такіе два удара, которые не легко перенести (смерть Шеншина меня съ ногъ сбила); во-вторыхъ, силѣ, съ которой вы, къ великой похвалѣ вашей, обратились къ труду. Если съ трудомъ не растетъ надежда, онъ гнететъ человѣка, и дурное, противъ котораго борешься, кажется съ каждымъ днемъ и грознѣе, и хуже. Но я не могу повѣрить, чтобы въ васъ надежды не было; мнѣ кажется только, что въ васъ надежда подавлена нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Невольно забываете вы, что та борьба, въ которую мы вступили, есть только отрывокъ не только вѣковой, но и вѣчной борьбы, на которую осуждено человѣчество, и что въ каждую эпоху побѣда правды отхватываетъ отъ лжи такія маленькія лехи, что современники ихъ почти не замѣчаютъ: только наростаніемъ составляютъ они что нибудь важное. Я скажу болѣе: плохо дѣло, когда эпоха радуется какому нибудь великому пріобрѣтенію; того и смотри, слѣдующимъ придется дорого за него поплатиться. Только медленно и едва

*) Велика истина и превозможетъ.

Digitized by Google

замѣтно творящееся полезно и жизненно; все быстрое идетъ къ болѣзнямъ. Пусть будутъ балы вечеромъ и молебны поутру, какъ прежде, бѣга и скачки; пусть все идетъ своимъ путемъ или хоть безпутіемъ: дѣло общественное совершится съ успѣхомъ. Я радуюсь малой пробужденности общества (полной летаргіи не признаю). При теперешнихъ умственныхъ данныхъ бо́льшая пробужденность пугала бы меня: она была бы явленіемъ лихорадочнымъ. Строй общественный долженъ быть приложеніемъ внутренней жизни народовъ къ ихъ жизни внѣшней. Но готова ли внутренняя жизнь къ проявленію? Воспитана ли она? На сколько въ ней зрѣлости? Вспомните ее за 25 лѣтъ. Вы, Акс., Кир., Кошелевъ и всѣ мы, были ли возможны? Недавнее время воспитало насъ, а мы очевидно опередили другихъ, и такъ—все дѣло въ воспитаніи. Мы передовые; а вотъ правило, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями своей эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли. Разумѣется, люди во власти (какъ Петръ) составляютъ исключеніе; но и это даже сомнительно, ибо и они дѣлаютъ не то что̀ хотятъ въ смыслѣ положительномъ, а успѣхъ ихъ по преимуществу выражается въ фактическомъ отрицаніи. Мы (я возвращаюсь къ состоянію общественнаго здоровья, которое можно видѣть изъ частныхъ случаевъ) еще счастливы. Добро пробивается сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. То невольное признаніе, которое нашего милаго Шешина призвало къ дѣлу *), Кошелева, Черкасскаго, васъ, развѣ оно ничего не значитъ? Или это безсознательно? Утвердительно говорю, что оно вполнѣ сознательно; это очень ясно изъ рѣчи, говоренной Государемъ Московскимъ предводителямъ. Неужели не важно то обстоятельство, что имена ваше и Кошелева сдѣлались притчами, привлекая или отталкивая, по всей Великороссіи? Я знаю это не по догадкѣ, а потому что̀ было говорено громко десятками на выборахъ. Конечно наши выборы были не хороши, но гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Напр. Бѣлевскій уѣздъ

*) Т. е. по устройству крестьянъ.

Digitized by Google

выбралъ трехъ самыхъ отъявленныхъ эманципаторовъ, Елагина Н. А., Черкасова и Павлова (брата Берейскаго предводителя); и много другихъ обстоятельствъ было весьма успокоительныхъ. Прямыхъ дѣйствій мы не видимъ или мало отъ нашихъ усилій, но косвенныхъ и въ тоже время несомнѣнныхъ мы не можемъ отрицать. Посмотрите, напр., на одно: Кокоревъ [1]) причисленъ къ намъ, и насъ попрекаютъ Кокоревымъ, и заставляютъ его крѣпче за насъ держаться. Кокоревъ беретъ огромный откупъ, и какое же его первое дѣйствіе?—Уничтоженіе откупа. Вотъ дѣло государственное, проходящее Богъ знаетъ какимъ неправильнымъ путемъ изъ области нравственной (а не правительственной) теоріи въ практику и обѣщающее огромное развитіе. Поглядите въ даль: общины признаны какъ необходимость, а дворянство удержано. Увидите непремѣнное послѣдствіе: ихъ придется связать временною формою попечительства (вѣроятно избирательною), и нравственная связь возникнетъ. Я ее считаю необходимою теперь для придачи силы общинѣ, которая въ попечителѣ получитъ единство и смѣлость противъ своихъ собственныхъ негодяевъ, которые ее пугаютъ угрозою пожаровъ или порчъ и т. д.[2]) Все это повлечетъ опять полную перемѣну судовъ и администраціи. Очень важно отстраненіе уѣздныхъ губернаторовъ [3]); кажется, оно вѣрно, а это была страшная попытка упирающагося дисциплинаризма. Правда, всѣ перемѣны пойдутъ какъ будто случайно, какъ будто наудачу; но дѣйствительно онѣ будутъ связаны между собою логикою тайной несознанной теоріи, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ охватятъ самый важный, до сихъ поръ неприступный и неколебимый, но уже теперь встревоженный міръ духовенства. Мы съ вами еще увидимъ хлѣбъ въ краскѣ, хоть зеленей еще настоящихъ не увидимъ.

Какъ горько мнѣ вспомнить о Шеншинѣ! Что-то въ его смерти мнѣ напоминаетъ смерть Валуева. Области ихъ внутренней жизни, т. е. ихъ стремленій, были разныя. Одинъ,

---

[1]) В. А. Кокоревъ жилъ тогда въ Москвѣ, гдѣ очень сблизился съ Погодинымъ, черезъ котораго и познакомился со многими изъ лицъ такъ называемаго „Московскаго направленія“.

[2]) Слова, не потерявшія, кажется, и до нынѣ своего значенія. *Изд.*

[3]) Былъ проектъ учредить губернаторовъ по уѣздамъ.

Digitized by Google

чисто-отвлеченный, другой чисто-практическій; но въ обоихъ какая-то младенческая чистота и преданность дѣлу. Не знаю, то ли вы чувствуете; но мнѣ кажется, что я выразилъ бы ихъ отношеніе къ намъ Французскимъ словомъ: c'étaient les enfants de la famille. Въ Валуевѣ было гораздо болѣе самодѣятельности и инициативы, область его была шире; но мысль моя невольно сближаетъ объ потери. Не легка и смерть Иванова; но онъ, слава Богу, уже совершилъ великое, и я увѣренъ, что для художества онъ не умеръ. Мы другъ друга очень полюбили; по крайней мѣрѣ за себя-то я ручаюсь: я и теперь безпрестанно вижу его большіе, задумчивые глаза, всегда что-то разглядывающіе въ себѣ или внѣ себя, но чего въ окружающихъ предметахъ не было. Они странно мнѣ напомнили при первой встрѣчѣ глаза схимника Амфилохія, котораго я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Ростовѣ. Странно сплетается духовный міръ при всей кажущейся разрозненности.

Вы требуете отъ меня философскихъ писемъ; я въ долгу и собираюсь свой долгъ выплатить. Кромѣ того Кошелевъ требуетъ разбора Гогоцкаго [1]); это идетъ прямо къ дѣлу. Разумѣется, я разбора писать не могу, но напишу по случаю Гогоцкаго. Я уже цѣлый мѣсяцъ стараюсь уяснить себѣ задачу и самую точку отправленія. Трудно и головоломно, но уже принимаюсь за перо. Только Веневитиновъ и Комаровскій [2]) найдутъ меня темнымъ, какъ они мнѣ объявили въ Петербургѣ.

Прощайте покуда, любезный Юрій Ѳедоровичъ; будьте здоровы и бодры. Охотьтесь при этомъ, если можно, и дайте нѣкоторыя минуты физической жизни: я думаю, это необходимо. Я дѣлаю любопытные опыты по земледѣлію. Одинъ очень удался, постараюсь обобщить его результатъ.

Что за уморительная исторія вашего Самарскаго перепуга [3])?

---

[1]) Философскаго лексикона Гогоцкаго, профессора Кіевскаго Университета.

[2]) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ, братъ поэта, другъ дѣтства А. С. Хомякова; графъ Комаровскій, Евграфъ Евграфовичъ.

[3]) Исторія въ томъ, что въ одномъ изъ восточныхъ уѣздовъ Самарской губ. крестьяне двухъ сосѣднихъ селъ подрались между собою на сѣнокосѣ, заспоривъ о межѣ. Побитые, удалились, похвалялись, что „нагонять въ отме-

Digitized by Google

Московск. Вѣдом. ее напечатали, не воображая, какой это великолѣпный памятникъ для исторіи. Гдѣ же были помѣщики? Становой и станціонный чудныя лица, но попъ просто совершенство. Я въ него влюбился. Вѣдь онъ прямо выскочилъ изъ среднихъ вѣковъ; онъ видитъ опасность и не относится къ властямъ, а просто, какъ пастырь, зоветъ вооруженныхъ Христіанъ-казаковъ. Наивная и трогательная карикатура Гермогена. Въ этомъ смѣшномъ явленіи есть много хорошаго in der Potenz.

. . . . . .

Письмецо это доставитъ вамъ Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ, братъ Евг. С. Шеншиной, славный человѣкъ и во многомъ, если не ошибаюсь, напоминающій нашего милаго Николая Васильевича. Онъ вамъ передастъ бумаги отъ сестры, бумаги весьма интересныя, и вѣроятно будетъ васъ уговаривать принять немедля приглашеніе въ Питеръ [1]). Я думаю, что на это и уговаривать нечего. Вамъ нельзя не ѣхать. Съ вами будутъ Милютинъ, Соловьевъ [2]), князь Черкасскій въ одномъ отдѣленіи. Не замедлите, пожалуста. Меня при этомъ радуетъ, что я васъ скоро увижу и что знаю, что вы ѣдете уже на настоящее дѣло: это отрада послѣ нашей неудачи въ другомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ Парохода. Пришлось отказаться отъ этаго, почти необходимаго изданія и отъ новаго, весьма заманчиваго имени—Сла-

---

стку Орду". Эта угроза смутила побѣдителей, и призракъ идущей Орды до такой степени овладѣлъ ихъ воображеніемъ, а равно и всего околотка, что все населеніе, съ дѣтьми, женами, стариками, съ возами, нагруженными домашнимъ добромъ, двинулось къ Самарѣ. Вѣсть о нашествіи Орды произвела всеобщую панику, которой отдались не одни крестьяне, но даже нѣкоторыя помѣщицы, а одинъ изъ священниковъ послалъ, кажется, приглашеніе къ Уральскимъ или Оренбургскимъ казакамъ явиться на защиту. Болѣе 40 тыс. человѣкъ спасающагося отъ Орды населенія появилось у самой Самары, и едва-едва удалось губернскимъ властямъ успокоить ихъ и убѣдить возвратиться во свояси.

[1]) Т. е. приглашеніе въ составъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу.

[2]) Яковъ Александровичъ, бывшій потомъ членомъ Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ и окончавшійся въ званіи сенатора.

Digitized by Google

вянскій Вѣстникъ [1]). Мнѣ было это странно досадно и сверхъ того грустно...

Кошелевъ не назначенъ въ Комитетъ. Это просто возмутительно. Какъ объяснить это со стороны Ростовцева? Просто уступкою озлобленію общему и отсутствіемъ поддержки со стороны придворныхъ эманципаторовъ; Ростовцеву хотѣлось его призвать, но онъ не рѣшился. Надобно будетъ выдумать средство дѣлу пособить. Его это огорчитъ, и мнѣ за него больно, тѣмъ болѣе, что независимое содѣйствіе посредствомъ журнала [2]) затрудняется съ каждымъ днемъ.

---

[1]) Было предположеніе издавать газету Пароходъ или Славянскій Вѣстникъ, котораго отвѣтственнымъ редакторомъ былъ бы Ѳ. В. Чижовъ, а дѣйствительнымъ И. С. Аксаковъ. М-во Ин. Дѣлъ признавало тогда сближеніе съ Славянами и такое изданіе полезнымъ, даже нужнымъ въ политическихъ видахъ, и само предлагало начать подобное изданіе.

[2]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ, независимо отъ Р. Бесѣды, издававшейся на его счетъ, при первомъ появленіи знаменитыхъ рескриптовъ дворянству, положившихъ начало работамъ по эманципаціонному дѣлу, предпринялъ изданіе „Сельскаго Благоустройства“, исключительно посвященнаго этому дѣлу. Онъ же былъ и редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ этого преизходнаго журнала, поставившаго и разъяснившаго много вопросовъ и содѣйствовавшаго разрѣшенію задачи. Въ томъ же журналѣ помѣщались статьи братьевъ Самариныхъ, кн. Черкасскаго и другихъ. Журналъ издавался въ теченіи всего 1858 г. и частью въ 1859 г. Съ открытіемъ Редакціонныхъ Коммиссій онъ прекратился.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

Александру Ѳедоровичу

Гильфердингу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Письма А. С. Хомякова къ Александру Ѳедоровичу Гильфердингу [1]).

1.

(1853).

Благодарю васъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за вашъ добрый и крайне замѣчательный трудъ; благодарю васъ за ваше дружеское и милое посвященіе. Отмѣтки мои уже показали вамъ, что я серьезно перечиталъ вашу диссертацію, и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вамъ пригодиться. Весь же трудъ имѣетъ, по моему, ту великую важность, что это первый опытъ сравнительной филологіи, въ которомъ основа не матеріальная, а принято въ соображеніе органическое развитіе мысли, облекающейся въ словесныя формы. Именно этаго-то я и жду отъ филологіи Русской, и этимъ-то она должна отличиться отъ Нѣмецкой. Безъ этаго отличія никогда не будетъ самостоятельности, а только составится отдѣльная конторка землекоповъ, принадлежащая вполнѣ великому Нѣмецкому ученому банку. Дай вамъ Богъ подвизаться! Еще этотъ путь покуда не запертъ. А съ нами вы уже знаете какая невзгода, какія подозрѣнія, какія угрозы. Что имъ мерещится, Богъ знаетъ. Покуда кончилось ничѣмъ: взяли съ меня, Аксаковыхъ, князя Черкасскаго и Киреевскаго [2]) подписку, что мы никуда ничего

---

[1]) Отецъ А. Ѳ. Гильфердинга, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ товарищемъ, по службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ старшимъ братомъ Хомякова, Ѳедоромъ Степановичемъ (рано умершимъ). Съ этого начались дружескія отношенія Хомякова съ Ѳ. И. Гильфердингомъ; дружбу эту Хомяковъ перенесъ и на его сына, который еще въ Московскомъ университетѣ умѣлъ ее поддержать и усилить своими занятіями по Славянской исторіи и языкознанію. Гильфердингъ род. въ 1831 году, умеръ въ 1872-мъ.

[2]) Ивана Васильевича. Преслѣдованіе началось изъ-за Московскаго Сборника 1852 года. См. выше, стр. 231—283, въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину.

Digitized by Google

представлять не будемъ, кромѣ какъ высшей цензурѣ. Послѣдніе два въ большомъ негодованіи, особенно Киреевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ нибудь оподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Я, разумѣется, смѣюсь, потому что ожидалъ даже худшаго и увѣренъ, что худшее устранено только добрыми людьми. Разумѣется также, что я не сержусь нимало: во-первыхъ это не въ моемъ характерѣ, а во вторыхъ знаю, что теперь время революціонное, и слѣд. всякое правительство, какъ и всякій народъ, долженъ имѣть свою категорію des suspects [1]), въ которую человѣкъ попадаетъ самъ не зная почему, иначе просто потому, что ничего не ищетъ и ничего не добивается. Потомъ, мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое бы ни было ихъ направленіе.

Одинъ изъ нашихъ великихъ мужей, котораго батюшка вашъ вѣроятно очень знаетъ и который былъ недавно здѣсь, б. М. [2]) характеризовалъ очень остроумно систему князя Шихматова [3]). «Ce brave homme croit que la bêtise est la meilleure arme défensive contre l'abus de l'esprit» [4]). Неправда ли очень мило сказано? О себѣ могу только то сказать, что убѣжденія многихъ такъ ко мнѣ благосклонны, что, когда бѣднаго Павлова [5]) схватили, велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно ли себѣ представить что нибудь смѣшнѣе этаго, а это фактъ. Въ тоже время признаюсь, что прежде я бы этому больше смѣялся. Теперь мнѣ это немного скучненько. Покуда продолжаю свою работу, но въ Москвѣ она идетъ какъ-то медленно. Нынѣшній же годъ у меня накопилось пропасть дѣлъ хозяйственныхъ всякаго рода, и это много похищаетъ времени и подавляетъ работящія способности ума.

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Скажите мой дружескій поклонъ батюшкѣ и попрекните за то, что Царяграда не взяли. Вся дипломація виновата. Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Подозрѣваемыхъ людей.

[2]) Такъ въ подлинникѣ. Не баронъ ли Мейндорфъ?

[3]) Тогда министра народнаго просвѣщенія.

[4]) Этотъ добрый человѣкъ полагаетъ, что глупость есть лучшее оборонительное орудіе противъ злоупотребленія разумомъ.

[5]) Николай Филипповичъ Павловъ былъ въ то время сосланъ въ Пермь.

Digitized by Google

У насъ здѣсь холера не совсѣмъ дурная. Бьюсь, не добьюсь, чтобы мнѣ позволили испытать свое лѣкарство, которое очень вѣрно, сколько мнѣ кажется. Но форма медицинская не позволяетъ людей ни морить, ни вылѣчивать безъ патента. Кстати: въ Вильсонѣ я нашелъ два слова, въ которыхъ корень *бгу* измѣненъ вставкою гласной между *б* и аспирацiей. Это оправдываетъ мое мнѣніе о словѣ Богъ. Скажите пожалуйста мой поклонъ Каетану Андреевичу [1]).

2.

Любезный другъ Александръ Ѳеодоровичъ.

Посылаю вамъ трудъ свой, о которомъ я уже вамъ говорилъ въ Москвѣ. Совершенъ онъ при всѣхъ возможныхъ препятствiяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособiй, частью въ деревнѣ, частью на почтовыхъ станцiяхъ и на заводѣ, между фабричныхъ работъ. Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ Санскритскихъ съ Русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ для яснѣйшаго показанiя сродства этихъ двухъ языковъ и удерживая только сходства самыя разительныя за исключенiемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ бо́льшаго знакомства съ перерожденiемъ звуковъ [2]). Если исключитъ сомнительныя и обозначенныя мною вопросительнымъ знакомъ и словъ съ пятокъ Малорусскихъ или Церк.-словянскихъ, которыя мною помѣщены по разсѣянности, останется еще болѣе тысячи, изъ коихъ многiя перешли черезъ цѣлый рядъ многосложныхъ развитiй, какъ напр. *кхуранась*, *джалабгу*, *ґавака* и др. Я не принялъ въ соображенiе ни одного областнаго слова (кажется, за исключенiемъ *мара*), ни Малорусскаго нарѣчiя, ни даже Бѣлорусскаго. При нихъ это число—тысяча—конечно болѣе бы чѣмъ утроилось. Присоедините потомъ все богатство Словянскихъ нарѣчiй южныхъ и западныхъ, и тогда явно будетъ такое сход-

[1]) Коссовичу.

[2]) Говорится о „Сравненiи Русскихъ словъ съ Санскритскими", вышедшемъ отдѣльно въ Спб. въ 1855 г. и напечатанномъ сначала въ Извѣстiяхъ II-го Отдѣленiя Акад. Наукъ. См. приложенiе къ V-му тому нынѣшняго изданiя.

Digitized by Google

ство, которое доходитъ почти до тождества въ лексическомъ отношеніи. Такимъ образомъ трудъ мой, какъ онъ ни недостаточенъ (въ чемъ, разумѣется, я не сомнѣваюсь), служитъ явнымъ подтвержденіемъ теоріи, вами высказанной. Точно также изъ него явно выходитъ, что языкъ Словянскій и Русское его нарѣчіе суть остатки первичной формаціи и (кромѣ Литовскаго) единственные въ мірѣ уцѣлѣвшіе остатки этой формаціи. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усомнится поставить звуковое сродство языковъ Санскритскаго и Русскаго внѣ всякаго сравненія съ сродствомъ другихъ языковъ, даже Эллинскаго, съ Санскритскимъ (опять, разумѣется, за исключеніемъ Литовскаго).

Прибавлю еще два примѣчанія.

1) При своемъ теперешнемъ трудѣ я былъ еще болѣе прежняго пораженъ звуковымъ сходствомъ языка Латинскаго съ Санскритскимъ и сродствомъ его съ восточнымъ отдѣленіемъ Индо-Европейскихъ нарѣчій (Санскр., Сл. и Литовск.). Мое всегдашнее и, какъ вы знаете, давно уже записанное убѣжденіе подтвердилось; но это сходство именно принадлежитъ той части Латинскаго языка, которая принадлежитъ восточной стихіи. Ее отдѣлить не трудно въ отношеніи лексическомъ и не совсѣмъ трудно въ отношеніи грамматическомъ. Напримѣръ, значеніе предлога co, Л. *cum*, какъ обозначающаго дѣйствіе быстрое и совершенное, не трудно узнать въ conclamare, combrerere, concidere и др., которыя конечно не представляютъ идеи совокупности, а идею быстро и вполнѣ совершаемаго, именно вскрикнуть *), сжечь, упасть или спасть; также въ несовершенномъ bam нетрудно узнать нашего участительнаго или продолжительнаго *ватъ*: rancabam—рыкивалъ, vertebam—верчивалъ и т. д. Также въ давнопрошедшемъ Словянск. форма *ивъ* или *авъ* (т. е. причастная на *вый*) *есмь*—amav esam. Въ прошедшемъ таже форма безъ вспомогательнаго глагола. Также въ

*) Напр. въ Т. Л. (Титѣ Ливіи) conclamant omnes, значитъ всѣ вскрикиваютъ, а совсѣмъ не „всѣ вмѣстѣ кричатъ“, выраженіе очень вялое, котораго даже и предполагать нельзя. *Примѣчаніе А. С. Хомякова.*

Digitized by Google

формахъ *bundus* явно Слов. *будый* или *будущій*. И такъ далѣе. Но все это относится только къ одной изъ стихій, вошедшихъ въ составъ Латинскаго языка. Не должно забывать, что онъ языкъ сплавной, такъ же какъ и народъ. Это уже знали и древніе и засвидѣтельствовали весьма рано. Римляне, какъ плебеи, такъ и патриціи, были colluvies*) gentium по словамъ одного изъ первыхъ трибуновъ, если не ошибаюсь, Канулея.

2) Признавая вполнѣ справедливость полодовитой мысли моего любезнаго друга, К. С. Аксакова (мысли, которой частичку хотѣли у него оттягать) о томъ, что норма Русскаго спряженія заключается въ идеѣ качества, а не времени, я долженъ прибавить, что, по моему убѣжденію (еще болѣе утвердившемуся въ продолженіе моего теперешняго труда), эта норма не создана Русскимъ или Словянскимъ племенемъ: она существовала издревле въ совокупности съ нормою спряженія по времени, въ томъ коренномъ языкѣ, котораго богатства мы уже почти не въ силахъ себѣ представить. На это много указаній въ кристаллизированныхъ формаціяхъ всѣхъ Индо-европейскихъ нарѣчій и особенно Санскритскаго. Русскій языкъ утратилъ одну норму, сохранивъ и развивъ другую; а прочія нарѣчія утратили норму, сохраненную нами.

Вы высказали печатно мое мнѣніе о значеніи нашихъ безгласныхъ, и я вамъ за то искренно благодаренъ, особенно потому, что самъ никогда бы не собрался; но позвольте пополнить вами сказанное. Наша система буквъ значительно разнится отъ другихъ Европейскихъ системъ, и корень этаго различія лежитъ очень глубоко. Другіе приняли грамату, мы приняли грамотность. Не вхожу въ разборъ, кто, чѣмъ, какъ воспользовался; но дѣло ясно, и различіе, можетъ быть, зависѣло отъ существованія древнихъ резъ. (Впрочемъ это только предположеніе). Гласныя у насъ распались на двѣ лѣстницы или скалы—густыхъ и острыхъ, *а*, *о*, *у* и *а*, *е*, *и*, которыя могутъ переходить

*) Colluvies—сливъ, т. е. то, что слито вмѣстѣ. Тождество еще яснѣе при предположеніи, что Латинское *и* часто произносилось какъ наше *ы*, чѣмъ объяснились бы и мысль Клавдія, и архаическія формы maxumus, optumus и пр. *Примѣчаніе А. С. Хомякова.* Въ числѣ трехъ буквъ, которыя императоръ Клавдій хотѣлъ ввести въ употребленіе, была одна, средняя между *і* и *и*. *Изд.*

Digitized by Google

въ рядъ согласныхъ посредствомъ йотаціи, какъ у насъ и въ Индостанѣ (переходъ острыхъ), или посредствомъ уотаціи, какъ у Англичанъ черезъ w (переходъ густыхъ). Согласная, по своему внутреннему опредѣленію, непроизносима и безхарактерна; характеръ свой получаетъ она не отъ предшествующей, а отъ послѣдующей гласной, или, за отсутствіемъ гласной, отъ густаго или остраго придыханія, которое есть опять не что иное, какъ неразвитая вполнѣ гласная. Безъ обозначенія придыханія согласная не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Такова весьма разумная система, лежащая въ основѣ нашей письменности, и такова причина, почему согласная (если за нею не слѣдовала гласная) не могла явиться безъ обозначенія придыханія, выражающаго скалу гласныхъ, отъ которыхъ согласная получаетъ свой характеръ. Законъ остается тотъ же, будь согласная въ концѣ или серединѣ слова. Обычай отмѣнилъ употребленіе знака ъ въ серединѣ словъ, но разумность прежняго обычая явна; и хотя возвратъ къ нему былъ бы неразуменъ, онъ помогаетъ намъ понять самый смыслъ и разумность употребляемыхъ нами знаковъ ъ и ь. Прибавлю еще, что двѣ скалы гласныхъ у насъ сходятся въ двухъ точкахъ, въ *а*, который можно назвать полюсомъ полнозвучія и въ ы, который можно назвать полюсомъ глухимъ. Не говорю о другихъ сочетаніяхъ двухъ скалъ, которыя легко можно прослѣдить почти во всѣхъ Европейскихъ нарѣчіяхъ.

И такъ, вотъ вамъ, любезный другъ, мой небольшой трудъ и маленькая приписка къ нему. Распорядитесь всѣмъ этимъ какъ хотите. Если бы Академія удостоила ихъ помѣщенія въ прибавленіяхъ къ своимъ ученымъ трудамъ, она оказала бы великую честь мнѣ и, думаю, принесла бы нѣкоторую пользу труженикамъ филологіи.

3.

Простите меня, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Давнымъ давно слѣдовало бы мнѣ отвѣчать вамъ. Сначала вообразилъ я себѣ, что вамъ особенно нужно указать на Quellen, которыхъ, разумѣется, я никогда не помню. Для этаго справлялся я съ нѣсколькими каталогами; но не нашелъ многаго, что помню вообще, безъ опредѣленной памяти о заглавіяхъ; потомъ, когда

Digitized by Google

узналъ, что вамъ хочется знать мои мысли, не могъ писать въ продолженіе двухъ недѣль отъ ушиба при паденіи съ изломанныхъ дрожекъ (при чемъ сильно расшибъ колѣно и повредилъ жилы въ шеѣ), отъ чего и не могъ наклонять голову безъ боли; наконецъ, медлилъ потому, что хотя очень ловко разсказывать свои мысли въ разговорѣ или письменно, когда онѣ представляются въ цѣльности, или вводятся хотя и отрывочно, но связью рѣчи, очень трудно выразить ихъ отдѣльно въ письмѣ, въ одно время безъ введенія и безъ полноты. За всѣмъ тѣмъ повторяю: виноватъ.

Вы выбрали прекрасный и прелюбопытный предметъ*) который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ разсмотрѣнъ со вниманіемъ и добросовѣстностью. Дѣйствительно, судьба Славянскаго Поморья и Запада, и особенно отношенія его къ Христіанству, представляютъ много явленій крайне непохожихъ на то, что видимъ въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Вотъ сводъ того, что я могъ въ этой исторіи понять. Ваше дѣло будетъ сказать, согласны ли вы съ моимъ взглядомъ.

Во-первыхъ, о внутреннемъ расположеніи или нерасположеніи Славянъ Поморскихъ къ Христіанству. Вы предполагаете и, кажется, совершенно справедливо, довольно крѣпкое аристократическое сословіе, можетъ быть, связанное съ жреческимъ званіемъ; на это есть указанія; но не знаю, до какой степени они ясны и опредѣлительны. Нѣмецкіе лѣтописцы, а потомъ и составители актовъ, могли часто давать ложное аристократическое значеніе явленіямъ, происходящимъ изъ общиннаго быта, смѣшаннаго съ стихіею родовою. Впрочемъ я готовъ допустить сильный зародышъ аристократіи въ землѣ, подверженной безпрестаннымъ нападеніямъ и въ которой слѣдовательно дружина должна была мало по малу получить особенную силу, еще увеличенную приливомъ Германской стихіи или Скандинавскими союзами, о которыхъ упоминается весьма часто въ сагахъ. Главная же преобладающая особенность въ этихъ Славянахъ есть безъ сомнѣнія бо́льшая опредѣленность религіозныхъ понятій или учрежденій и жреческой касты, которой было поручено ихъ храненіе. Этаго и доказывать нечего; но причина такой особенности заключается, какъ мнѣ кажется, въ двухъ обсто-

*) Исторію Прибалтійскихъ Славянъ. *Изд.*

Digitized by Google

ятельствахъ. Одно—безпрестанныя сношенія съ Скандинавіею; другое—постепенное отпаденіе другихъ Словянъ отъ язычества. Религія древняя отступала передъ новымъ ученіемъ, сосредоточиваясь мало по малу въ тѣсномъ пространствѣ, но за то скрѣпляя себя болѣе и болѣе твердыми формами. Въ этомъ отношеніи Поморье представляетъ нѣкоторую аналогію съ Литвою. Безъ сомнѣнія въ Литвѣ жреческій характеръ былъ преобладающимъ издревле; но кажется, изъ Тацита можно заключить, что и въ Поморьѣ была издревле сильна какая-то таинственная религія, и сверхъ того она могла и должна была получить новыя силы изъ самой борьбы съ наступающимъ Христіанствомъ. За всѣмъ тѣмъ я не могу никакъ признать въ Поморьѣ рѣшительнаго отвращенія отъ новой вѣры или даже горячаго фанатизма или, наконецъ, такого преобладанія аристократіи и жрецовъ, которое могло-бы положить слишкомъ сильныя преграды духовному завоеванію. Значеніе городовъ, которому множество доказательствъ, не позволяетъ предположить такого перевѣса сословія однаго надъ другими. (Вспомните напр. отвѣтъ жителей однаго города или пригорода, который на проповѣдь христіанскую отвѣчаетъ, что послѣдуетъ примѣру старшаго города, если не ошибаюсь, Штеттину). Самый разсказъ о проповѣди далеко не представляетъ намъ борьбы съ ожесточеніемъ фанатизма; напротивъ того, жители сохраняютъ въ отношеніи къ новымъ учителямъ какое-то добродушное терпѣніе, которое часто употребляется во зло глупостью или дикостью наставниковъ. Вспомните того монаха, который, не зная ни слова по-словянски, отправляется прямо въ храмъ и ну рубить кумиръ. Его хватаютъ и преспокойно выпроваживаютъ за границу, думаю, не безъ пиньковъ. Не унялся: пришелъ опять и опять молча ну рубить кумиръ. Его бросили въ лодку и пустили въ море, которое принесло дурака къ христіанскимъ берегамъ. Право, въ этомъ нѣтъ ни на волосъ фанатизма. Какъ мнѣ кажется, не было ни въ Поморьѣ, ни въ Западныхъ Словянахъ вообще, никакого внутренняго препятствія къ распространенію Христіанства, хотя вслѣдствіе причинъ, о которыхъ я сказалъ, была довольно рѣзкая опредѣленность религіи и слѣд. не могло быть того внутренняго позыва къ Христіанству, который виденъ въ другихъ Словянскихъ семьяхъ.

Digitized by Google

2-е. До нѣкоторой степени можно предположить, что та форма Христіанства, которую Германія предлагала Поморью, была несогласна съ его требованіями. Конечно, трудно повѣрить, чтобы народъ, котораго прежняя религія, вѣроятно довольно неразумная, заключалась по преимуществу въ обрядѣ, могъ найти новую вѣру слишкомъ обрядовою, и даже должно бы предположить, что преобладаніе обряда должно бы привлекать дикаря; но едва ли можно считать Поморянъ дикарями (противъ этаго говорятъ современные посѣтители Поморья, удивлявшіеся его земледѣлію и торговлѣ), и сверхъ того іерархизмъ Латинства, разорвавъ связь жизни и обряда религіознаго, отнималъ у него его поэтическую привлекательность и налагалъ на него печать чужеземности. Такъ мы знаемъ, что Поморяне смѣялись надъ Латинскими молитвами, пародировали ихъ и передѣлывали напр. припѣвъ Киріе Элейсонъ въ Корь Ольшаный (если не ошибаюсь). Употребленіе Латинскаго языка еще было невыгодно и въ томъ отношеніи, что долго не могло позволять назначать туземцевъ въ духовное званіе и слѣд. лишало ихъ выгодъ, сопряженныхъ съ саномъ священника или епископа, принуждало поручать паству ненавистнымъ иноземцамъ, оскорбляло гордость и эгоизмъ естественные всякому человѣку и отнимало у народа возможность находить себѣ ревностныхъ защитниковъ въ своихъ пастыряхъ. Вспомните напр., какъ много Саксонцы выиграли тѣмъ, что Ѳома Бекетъ былъ родомъ не изъ Норманновъ *); и вы, я думаю, согласитесь въ томъ, что безпрестанная рѣзня духовныхъ у Нѣмецкихъ Словянъ была бы явленіемъ или вовсе невозможнымъ, или весьма рѣдкимъ, если бы эти духовные были народу единокровными.

3-е. Способъ распространенія Христіанства и отношенія его къ обществу государственному служили еще большею препоною его успѣхамъ. Во-первыхъ, оно шло съ мечемъ въ рукахъ; во-вторыхъ, оно сопровождалось явленіями крайне дикими. Не помню, кто изъ современниковъ (не Дитмаръ ли?) разсказываетъ черту очень характеристическую съ насмѣшкою еще болѣе характеристическою. «Поморяне», говоритъ онъ, «такъ глупы и дики, что не могутъ понимать правосудія и бранятъ насъ, христіянъ, за то, что мы преступниковъ строго казнимъ. Они увѣ-

*) О происхожденіи Бекета—два преданія. По одному отъ Норманнъ. Близость его къ народу несомнѣнна. *Изд.*

Digitized by Google

ряютъ, что наши казни преступнѣе самыхъ преступленій. Такова ихъ тупость». Разумѣется, я подлинныхъ словъ не помню; но таковъ смыслъ, и въ немъ явно отвращеніе къ свирѣпости Германскихъ нравовъ вообще.—Всего же важнѣе отношенія религіи къ государству. Вы знаете мое мнѣніе, что измѣненія Символа и отторженіе Запада отъ общенія съ Востокомъ были не дѣломъ папъ (хотя папы содѣйствовали) и не явленіемъ чисто-религіознымъ (хотя невѣжество въ вопросѣ религіозномъ имѣло свое важное значеніе въ разрывѣ). Отторженіе Запада было слѣдствіемъ его политическаго усиленія. Оно должно было совпасть съ основаніемъ Имперіи, сосредоточившей силы Германскаго племени на Римской почвѣ (и дѣйствительно, оно произошло при Карлѣ Вел. и съ его воли). Обособленіе въ смыслѣ религіозномъ было главнымъ симптомомъ внутренней, самосознавшейся силы Германской, получившей Римское направленіе и стремившейся къ созданію религіи государственной, отдѣльной отъ религій другихъ государствъ. Такъ построилось мгновенно то историческое зданіе, которое извѣстно подъ именемъ Tota Christiānitas, въ которомъ никогда не считали Грековъ и которое есть дѣйствительно повтореніе Римской имперіи съ тою только разницею, что она стояла на Jus Romanum, а Всехристіанство—на религіозномъ обособленіи. Имперія Карла можетъ назваться христіанскимъ калифатомъ, но не калифатомъ первой эпохи, а второй эпохи, когда Исламъ уже имѣлъ двухъ верховныхъ представителей: одного духовнаго, калифа, а другого свѣтскаго или военнаго подъ разными названіями (какъ напр. Ата-бегъ или Эмиръ-аль-Муменнинъ, или другое). Такъ и въ Христіанствѣ явились также два представителя: одинъ—жрецъ-папа, а другой—меченосецъ-императоръ. Такимъ образомъ объясняется, почему войны Карла имѣли характеръ религіозный (какъ напр. война противъ Саксонцевъ), не смотря на то, что онѣ въ тоже время были явленіями міра чисто-политическаго. Тѣмъ же объясняется и легендарный характеръ Карла. Борьба двухъ центровъ была неизбѣжна, ибо каждый долженъ былъ считать себя источникомъ права верховнаго, и эта борьба составляетъ главный смыслъ Средневѣковой исторіи (хотя этаго еще не сознали писатели западные). Но до борьбы (сдѣлавшейся впослѣдствіи возможною отъ усиленія духовнаго

Digitized by Google

центра и союзнаго съ нимъ элемента Романскаго), свѣтскій глава далеко превосходилъ духовнаго могуществомъ, опредѣлительностью, сочувствіемъ народнымъ и энергіею дѣятельности (ибо ничтожество папъ не дозволило имъ воспользоваться ничтожествомъ послѣднихъ Карловинговъ). Западъ сплавился въ одно церковно-политическое цѣлое, и стихіи были такъ слиты, что ни одна изъ нихъ не считала себя въ правѣ дѣйствовать отдѣльно отъ другой. Побѣды меча императорскаго должны были распространять область креста; побѣды креста должны были распространять область, подвластную императорскому мечу. Всякая земля, прилегающая къ Имперіи, примыкая къ міру христіанскому, считалась въ тоже время присоединяющеюся къ Имперіи; отъ того и происходили притязанія императоровъ на вассальство Польши и Венгріи и гнѣвъ ихъ, когда папа благословилъ короною королей, не признававшихъ этаго вассальства. Эти отношенія не находились въ правѣ писанномъ, но коренились въ глубокихъ убѣжденіяхъ Германо-романскаго міра. Обращеніе Словянъ въ Христіанство было поэтому въ тоже время шагомъ къ утратѣ ихъ независимости; оно клало основаніе завоеванію, и Германцы сознавали это также, какъ и Словяне. Словяне, обращаемые въ Христіанство, должны были примкнуть къ Имперіи, а такъ какъ они не хотѣли лишаться свободы, они должны были быть принуждены къ покорности, и орудіемъ принужденія являлись Саксы, издавна сосѣди ихъ и по сосѣдству—враги. Таково было значеніе Христіанства для Словянъ вслѣдствіе совоплощенія вѣры съ государствомъ Германскимъ. (Позднѣе церковь сама, ставъ на первое мѣсто, обратила государства и народы въ свои орудія; но до Гейнриха IV-го и Григорія VII-го она была орудіемъ государства). Завоеваніе было особенно тяжело для завоеванныхъ потому, что въ самомъ государствѣ преобладала идея племени, и народы Словянскіе должны были поступать въ подданство не къ главѣ Имперіи только, но къ народу, котораго онъ былъ представителемъ и котораго силами онъ побѣждалъ упорство своихъ новыхъ вассаловъ. Польша отстоялась отъ подобной судьбы долгими войнами; Чехія спаслась отъ нея тѣмъ, что приняла Христіанство съ Востока и билась не хуже Польши. Для сравнительно-слабыхъ народовъ Поморія и при Эльбѣ и Одерѣ не

Digitized by Google

было спасенія. Внутреннее чувство ихъ возмущалось противъ религіи, которая непремѣнно должна была лишить ихъ всякой свободы и подчинить ихъ игу чужаго правительства и чуждаго народа. Разумѣется, самое завоеваніе было сопровождаемо страшными угнетеніями, и хотя духовенство иногда и старалась смягчить тяжесть ига, налагаемаго Саксонскою дружиною Имперіи, но оно само было слишкомъ слабо, слишкомъ равнодушно къ дѣлу по своему чужеземному происхожденію, а иногда и недоброжелательно по своимъ родственнымъ союзамъ съ дружинниками Германскими. (Этому очень явный примѣръ въ спорахъ епископовъ съ папою объ епархіяхъ въ Чехіи, Моравіи и въ Южныхъ Словянахъ вообще). Самые же духовные жаловались на Саксовъ не столько за то, что они грабятъ Словянъ-христіанъ, сколько за то, что они грабежомъ своимъ лишаютъ ихъ возможности платить церковную десятину и другіе церковные поборы. Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина сопротивленія, оказаннаго Западными Словянами Христіанству.

Вопросъ, который вы задали мнѣ, навелъ меня на разрѣшеніе другаго весьма важнаго вопроса, о которомъ я давно думаю, именно о томъ явномъ превосходствѣ Магометанства передъ Христіанствомъ въ земляхъ, въ которыхъ и то и другое были распространены мечомъ. Новые магометане вездѣ вступали въ братство къ побѣдителямъ, а новые христіане въ рабство. Я очень радъ тому, что я наконецъ понялъ логику этаго явленія, повидимому унижающаго Христіанство, а дѣйствительно показывающаго его превосходство. Въ характерѣ Ислама было дѣйствительно стремленіе къ распространенію посредствомъ войны; Исламъ былъ вооруженною религіею, и слѣд. война была добросовѣстна. Побѣжденный принималъ Магометанство; онъ долженъ былъ быть и дѣйствительно былъ принимаемъ въ религіозное братство и становился полноправнымъ гражданиномъ общества религіознаго. Христіанство по сущности своей чуждо насилію; оно не составляетъ государства. Искусственно могли его срастить съ идеею государства, могли эти двѣ, совершенно различныя, области слить въ одну; но коренная разница не исчезала: она сохранялась въ темномъ сознаніи и въ явленіяхъ жизни. Война, явленіе міра политическаго, прикрывала себя

Digitized by Google

предлогомъ религіознымъ; но ея плоды не поступали къ религіи, которая ея чуждалась, а къ обществу вещественному и политическому. Внутренняя недобросовѣстность обличала себя въ угнетеніи побѣжденныхъ (хотя и обратившихся), тогда какъ въ мірѣ магометанскомъ добросовѣстное уравненіе побѣжденныхъ съ побѣдителями было слѣдствіемъ добросовѣстной религіозной войны. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ Исторіи, сохраняется законъ, по которому высшее начало, искаженное, становится ниже низшаго, выражающагося въ цѣлости и стройной послѣдовательности. Христіанство завоевательное должно было быть отвратительнымъ потому самому, что оно было грубою ложью въ отношеніи къ самому себѣ. Вотъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что могу вамъ сказать объ этомъ предметѣ. Не взыщите: чѣмъ богатъ, и тѣмъ и радъ.

Какъ мнѣ благодарить васъ за вашу книжицу *), за дружеское упоминаніе обо мнѣ! Выраженія ваши считаю слишкомъ лестными и думаю, что вы меня разглядываете въ увеличительное стекло дружбы; но благодарю васъ вдвойнѣ и какъ человѣкъ, которому отрадно доброе сочувствіе, и какъ лингвистъ, которому весело видѣть въ печати мысль, которую считаетъ дѣльною и полезною, а самъ никогда бы не собрался пустить въ ходъ.—Книгу просмотрѣлъ я бѣгло; вижу, что въ ней очень много богатства, что въ ней удержанъ тотъ характеръ живой филологіи, которая должна составить эпоху новую и отличную отъ прежняго чисто-матеріальнаго воззрѣнія; но подробно просмотрѣть не успѣлъ, а надѣюсь вамъ сообщить со временемъ нѣкоторыя замѣчанія (напр. *чесаться* выводите вы отъ *k r s*; оно происходитъ, кажется, отъ *кеса*, какъ будто волоситься или sich haaren), которыя, можетъ быть, пригодятся, если вы это передадите болѣе ученымъ народамъ: ибо у насъ цѣнителей немного.

4.

(1854).

Вотъ какъ давно и не писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, и не отвѣчалъ на ваши милыя и дружескія письма; даже и не поблагодарилъ за ваше электрическое поздравленіе, которое меня несказанно порадовало. Можетъ быть, и даже по-

*) Объ отношеніи языка Славянскаго къ языкамъ родственнымъ 1853. *Изд.*

Digitized by Google

лагаю навѣрное, вы знаете о моихъ странныхъ, хотя и не совсѣмъ неожиданныхъ, тревогахъ; признаюсь, онѣ меня таки волновали и не давали писать какъ слѣдуетъ, съ спокойствіемъ, приличнымъ добропорядочному человѣку. Онѣ еще и теперь не кончились и чѣмъ кончатся еще неизвѣстно; но по крайней мѣрѣ развязка уже недалеко [1]). Какая бы ни была (хоть и желаю мирной), я чувствую, что я правъ передъ добрыми и разумными людьми. Вы не обвините меня въ гордости, если скажу, что я хоть сколько нибудь возвратилъ человѣческому слову у насъ слишкомъ забываемое благородство. Разумѣется, въ этомъ не столько участвовали мои стихи, сколько шумъ, отчасти неожиданный, произведенный ими; но все таки слово возвышено самымъ тѣмъ шумомъ, который оно почти нехотя произвело. Теперь здѣсь еще говорятъ, что о брошюркѣ, которую вы знаете, ходятъ не совсѣмъ добрые слухи. Не вздоръ ли это? Я не отпираюсь отъ нея, но и не признаю; не видалъ, слѣдовательно и не знаю. Какъ и что̀ слышали вы объ ней? И точно ли о ней говорятъ? Или все это пустой Московскій слухъ? Смутное время вызываетъ на живое слово и ничего такъ не боится какъ живаго слова, а живое слово ему единственное лѣкарство.—Кстати, живы ли мои мертвыя Санскритскія слова или схоронены? Простите, что такъ мало вамъ пишу. Сейчасъ узналъ, что ѣдетъ Левъ Ивановичъ Арнольди, женихъ Свербеевой [2]), и посылаю эти строчки съ нимъ; онѣ пишутся во второмъ часу ночи. Какъ-то идутъ ваши труды? Великая радость мнѣ знать, что есть трудящіеся съ неусыпною любовью и ставить васъ въ первомъ ряду; это самому придаетъ и бодрость, и силу. Ваши статьи о Болгарахъ и хороши, и живы, и популярны; но отчего, упомянувъ о медѣ у Гунновъ, вы не сказали о стравѣ и ячменномъ квасѣ? Прощайте покуда. Батюшкѣ скажите поклонъ и благодарность за дружбу.

---

[1]) А. С. Хомяковъ подвергался допросамъ графа Закревскаго по поводу извѣстныхъ стиховъ своихъ къ Россіи: „Тебя призвалъ на брань святую“. Его обязали не печатать стиховъ своихъ и даже не читать ихъ. „А матушкѣ можно?“ спросилъ Хомяковъ издавна знавшаго его и его семейство генералъ-губернатора. „Матушкѣ можете читать“, сказано въ отвѣтъ, „и пожалуста передайте ей мое почтеніе“. Это было великимъ постомъ 1854 года.

[2]) Варвары Дмитріевны.

Digitized by Google

5.

(1854).

Простите мнѣ мое молчаніе, любезный Александръ Ѳеодоровичъ; вы, человѣкъ порядочный и сжившійся съ послѣдовательностію въ занятіяхъ, не совсѣмъ поймете того, что я еще только начинаю справляться съ вашими задачами и далеко ихъ не кончилъ. Началъ же я съ вашего труда, потому что онъ спѣшнѣе моего. Прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ ваше предисловіе или проектъ Лексикона. Страшный трудъ, великолѣпный, если вамъ Богъ дастъ его совершить и совершенно полный, если, какъ вы намѣрены, приложите къ нему алфавитный списокъ словъ. Такое дѣло подвинетъ на безконечное разстояніе впередъ всю филологію, не говорю уже о Словянской, которая этимъ опередитъ всѣ остальныя. Одно, кажется, еще замѣчаніе должно прибавить. Въ развитіи корней надобно еще держаться хронологическаго порядка. Отъ этаго виднѣе будетъ исторія развитія въ каждой вѣтви. Если же новѣйшая форма (что иногда случается) древнѣе древнѣйшей, то это должно оговаривать: ибо иногда новѣйшая происходитъ отъ древней, не сохранившейся въ памятникахъ письменныхъ. Какъ вы думаете? Теперь объ исторіи Поморія. Вамъ за нее всѣ будутъ очень и очень благодарны, если только (въ чемъ крѣпко сомнѣваюсь) цензура позволитъ вамъ заслужить общую благодарность. Изложеніе очень хорошо, просто и тепло. Кошелевы, менѣе меня съ чтеніемъ такого рода свычные, нашли нѣкоторую сбивчивость въ порядкѣ предметовъ. Я съ ними несогласенъ и думаю, что и они бы не нашли сбивчивости, если бы вы приложили указанія на поляхъ: «о томъ-то». Я имъ это сказалъ, и они не отрицали. Своихъ примѣчаній я много написалъ на поляхъ. Почти всѣ относятся къ слогу, въ который вкрались, кажется, нѣкоторыя небрежности при общей его чистотѣ и легкости. Кажется, въ раннюю эпоху, въ свидѣтельствѣ Птоломея, есть одно обстоятельство, на которое вы не обратили вниманія. Между Эльбою и Вислою онъ помѣщаетъ много городовъ, *между тѣмъ какъ по остальной Германіи ихъ почти вовсе нѣтъ*. Окончаніе ихъ именъ на *tunum*, соотвѣтствующее нашему *градъ*, какъ и

Digitized by Google

Эдда называется, кажется, *Новоградъ—Neotun* *). Посмотрите, не ошибаюсь ли я въ этомъ замѣчаніи, которое пишу съ памяти. До быта собственно вы еще не дошли. Пожалуста, выставьте поярче доказанное свидѣтельствами земледѣльческое превосходство Поморія, изъ котораго долго еще Германія брала учителей и колоніи земледѣльческія, переселяемыя даже на Майнъ и Рейнъ. Это послужитъ сильнымъ опроверженіемъ мнѣнія, будто бытъ общинный не благопріятствуетъ земледѣлію. Доброе и прекрасное дѣло предприняли вы. Совершайте его и порадуйте всѣхъ друзей науки; трудъ живой—а таковъ будетъ вашъ трудъ—великое пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ вопросы разсматриваете вы съ новой и неизвѣстной еще въ западномъ воззрѣніи точки.

Теперь нѣсколько словъ о Лексикончикѣ. Быть можетъ, я былъ неправъ въ томъ, что не различалъ долгихъ и краткихъ. Я не счелъ этаго за нужное именно потому, что смотрю на этотъ трудъ, какъ на мелкій опытъ; но если вы думаете, что тѣмъ навлеку на себя нареканіе, будьте такъ добры и поставьте знаки. Насчетъ употребленія Русскихъ буквъ я считаю себя правымъ. Кто по-русски не знаетъ, тотъ и пользоваться этимъ словаремъ не можетъ; а для Русскаго или знающаго по-русски тождество звуковъ и яснѣе, и нагляднѣе, когда они писаны тѣми же знаками. Это обстоятельство важное. Разумѣется, я очень признаю неудобство Русской азбуки для начертанія звуковъ иностранныхъ, но едва ли не тоже и съ знаками Латинскими. Главное дѣло въ аспираціи. Что же? Можно, кажется, обозначить ее апострофомъ—*б'*, *г'*, *д'* и т. д. Г мягкое не есть *h*, и его можно въ примѣчаніи назвать г Малороссійскимъ. Кажется, это будетъ вѣрно. А краткое въ концѣ глаголовъ выкиньте, и если какую другую неправильность замѣтите, пожалуста исправьте. Насчетъ нѣкоторыхъ разногласій нашихъ въ выводахъ, я думаю надобно оставить такъ, какъ они у меня, развѣ бы было какое нибудь явное превосходство въ вашей догадкѣ. А вотъ напр. насчетъ Сварога я считаю себя рѣшительно правымъ. Свар-гъ̃ слово позднѣйшее—солнце-ходъ. Его составныхъ частей у насъ нѣтъ, а Сва-рогъ равно возможенъ у насъ, какъ и въ Санскритѣ. Ава-

*) Въ Эддѣ Noatun.—Слово *тынъ* тоже что *городъ*, ограда. *Изд.*

Digitized by Google

рога (небо) доказываетъ это, и очень легко можно предположить (какъ вы думаете), что Сварогъ дѣйствительно значилъ небо какъ и Аварога, составленъ на тѣхъ же законахъ, но даетъ небу болѣе космогонический смыслъ. Я это говорю только какъ примѣръ тѣхъ разногласій, за которыя я стою.

Предисловьице хочу написать на дняхъ; но полно нужно ли къ опыту и не лучше ли мое коротенькое къ вамъ посланіе, чтобы не сказали: «parturit mons?» [1]) Право, такъ!

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Всѣ здѣсь сходятъ съ ума на политикѣ; но мнѣ это нестрашно потому, что я ею не позволяю себѣ заниматься. Батюшка вашъ похвалитъ меня за это, да и вы также. Гдѣ нельзя дѣйствовать, лучше и не думать. Значило бы что нибудь общественное мнѣніе, другое бы дѣло; а то всѣ толки вздоръ, и чѣмъ дѣльнѣе, тѣмъ вздорнѣе, потому что больше мутятъ. Брошюрку [2]) запретили. Это такъ и слѣдовало; а на нее не нападаютъ, это досадно. Впрочемъ другая попытка еще возможна.

..

6.

(1854).

Опять я виноватъ, и вы простите меня. Думаю, что никогда я не писалъ такъ искренно, и это очень понятно. У меня и помышленія нѣтъ о печати. Всѣ пьесы выливались почти невольно, особенно послѣдняя и безъ сомнѣнія лучшая, «къ Россіи». Этой не для чего скрывать; но объ остальныхъ, пожалуста, не говорите. Таково состояніе нашей печатной словесности, что я не хотѣлъ бы, чтобъ мой голосъ былъ слышанъ даже и въ чтеніи кромѣ какъ моими друзьями. Другимъ нѣтъ до меня дѣла. Въ наукѣ—другое. А все еще я предисловія не написалъ. Да нельзя ли въ Ученыхъ Извѣстіяхъ безъ него обойтись? Вѣдь Лексиконъ пропустятъ, а предисловіе застрянетъ. Право, не сумѣю такъ написать, чтобы не вцѣпилось уже такъ сильно заронившееся подозрѣніе. Легко сказать: надобно выразить мой особенный взглядъ на филологію для народовъ Словянскихъ, т. е. затронуть вопросъ народности и той

[1]) Родила гора (т. е. мышь).

[2]) Первую богословскую.

Digitized by Google

живой струи, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ Словянскихъ, дѣлая ихъ явленіемъ особеннымъ и рѣзко отдѣленнымъ отъ другихъ народовъ. Да куда это меня заведетъ? И что подъ этимъ всѣмъ разумѣть будутъ? Обыкновенно вступленіе пишется ad captandam benevolentiam, а тутъ начало будетъ ad damnationem merendam [1]). Подумайте объ этомъ.

Какъ мнѣ васъ благодарить и вашего батюшку за дружбу вашу? Желаю себѣ успѣха для того, чтобы и вы могли не пожалѣть о своемъ участіи, брошенномъ безъ пользы. Если бы вы думали, что другой путь, именно черезъ Journal de Fr., былъ полезенъ, при неудачѣ уже избраннаго, перемѣните смѣло, что нужно бы было еще о Пр. и Ав. [2]); я дорожу только главными чертами. Но признаюсь вамъ, кажется мнѣ, что тутъ все остановитъ: и братство, и папа, и вообще крайняя рѣзкость. Впрочемъ вамъ ближе знать. Вѣдь я журналовъ никогда не читаю.

7.

(1855).

И грустно, и весело было мнѣ читать ваше послѣднее. Во-первыхъ грустно, что батюшка такъ постоянно боленъ нынѣшній годъ, во-вторыхъ приходится мнѣ отказаться отъ свиданія съ вами въ продолженіе лѣта, а меня эта надежда очень веселила. Вмѣстѣ гулянія по Боучаровскимъ лѣсамъ и садамъ, по огородамъ Индо-Европейскихъ корней, толки на досугѣ, можетъ быть, даже пробужденіе въ вашей душѣ какихъ-нибудь еще дремлющихъ благородныхъ побужденій, т. е. склонности къ какому-нибудь спорту (впрочемъ, кажется, вы лодочникъ, и вѣроятно рыболовъ) и пр. и пр.! Грустно отъ всего этаго отказаться; но признаюсь, мнѣ болѣе веселія чѣмъ грусти, когда подумаю, что вы ѣдете въ чужіе края. Это для батюшки вашего не только здорово, но, я увѣренъ, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Ему съ вами будетъ весело и свѣтло на душѣ, а для васъ самихъ какъ хорошо побывать за границею, подышать мягкимъ воздухомъ Запада и ученымъ воздухомъ Герма-

[1]) Для снисканія благосклонности. Для того, чтобы заслужить наказаніе.

[2]) О Православіи и Австріи.

Digitized by Google

ніи! Я это говорю съ искреннимъ убѣжденіемъ. Терпѣть не могу людей-охотниковъ до заграничнаго шатанья, да и не люблю людей равнодушныхъ къ путешествію по области, гдѣ умъ пробужденъ, гдѣ цвѣтутъ или цвѣли науки и художества. Я за васъ радуюсь во всѣхъ отношеніяхъ; но куда же писать къ вамъ? Если будете въ Прагѣ, отдайте два экземпляра моего С. Р. Словаря Ганкѣ и Шафарику, да лучше возьмите поболѣе; можетъ быть, увидите Штура и другихъ. Первымъ двумъ скажите мое почтеніе, а всѣмъ говорите, чтобы они сами себя любили хоть столько, сколько мы ихъ любимъ. — Какъ мнѣ благодарить васъ за ваше нянчанье съ моими дѣтками? Всѣ ваши распоряженія хороши какъ нельзя лучше, а вѣсть, которую вы мнѣ даете, хотя еще сомнительная, очень меня радуетъ. Пожалуста, не подумайте, что я вашихъ порученій не помнилъ. Я хоть и не писалъ вамъ объ этомъ, а хлопоталъ объ рекомендованномъ вами наставникѣ, но не писалъ вамъ потому, что ничего не нашелъ.

Теперь о дѣлѣ Словаря. У меня червь съѣлъ хлѣбъ, вода сорвала полотину, огонь спалилъ деревню цѣлую, и финансы мои въ гнуснѣйшемъ положеніи; поэтому я ничего сдѣлать не могу. Кошелева и Самарина здѣсь нѣтъ; но когда пріѣдете, т. е. къ Сентябрю, напомните мнѣ слово Француза королевѣ: «Si ce n'est qu'impossible, cela se fera» *), и будетъ дѣло слажено; вы въ этомъ можете быть увѣрены. До времени, по вашему желанію, я никому не скажу. Кстати, не къ Болгарину, а къ вашему прежнему наставнику: если онъ еще не помѣщенъ, а безъ васъ я открою что-нибудь для него, какъ его отыскать и пр. и пр.? Напишите коротенькое свѣдѣньице и пришлите. Эти вещи иногда улаживаются невзначай.—Пишу къ вамъ почти въ тарантасѣ, который стоитъ на дворѣ и готовится меня везти въ деревню, куда дѣти уже отправились вчера. Пора на свѣжій воздухъ! По крайней мѣрѣ ѣду повеселѣе: послѣднія вѣсти изъ Крыма сколько нибудь да потѣшили. Дай только Богъ, чтобы туда еще войскъ отправили. Выдержать это лѣто до зимы, и тогда дѣла наши еще уладятся. Если бы мы отдѣлались отъ Англіи и Франціи и освободились

*) Если это только невозможно—исполнится.

Digitized by Google

отъ Австріи, мы бы стали выше чѣмъ когда либо, не смотря на уступки. Дай Богъ теперь мира съ Австріей, но даже война лучше чѣмъ союзъ. Война — страданіе для тѣла; союзъ съ Австріей—продажа души и всего будущаго.

8.

(1855).

Таскался я по свѣту, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, въ послѣднее время: то въ Тулу черезъ ломающійся ледъ и разливъ Оки, то въ Смоленскъ по топямъ и грязямъ. Послѣднюю поѣздку совершилъ я по случаю прорвы мельничной, которая заставляетъ меня отправить въ Питеръ повѣреннаго, доставителя сего моего посланія. Онъ же доставитъ вамъ и мою посылку. Обѣщался я вамъ доставить три непропущенныя статьи. Посылаю ихъ. Надули меня, рекомендовавши переписчика; вышелъ предрянной: и ошибокъ пропасть, и рука скверная, а я спохватился только тогда, когда уже были статьи переписаны. Не взыщите. Я особенно дорожу послѣднею, которую, не знаю по дѣлóмъ или нѣтъ, считаю своимъ капитальнымъ произведеніемъ и которую грустно не видать въ печати. Чортъ знаетъ, и именно чортъ глупости одинъ только и знаетъ, почему эти статьи, а особенно послѣдняя, не пропущены. Неужели и теперь не позволятъ? Какъ бы то ни было, для большей полноты прилагаю вамъ портретъ автора. Вы этого не сочтете слишкомъ самолюбивою затѣею; хотѣлъ съ вами похристосоваться этимъ въ Пасху, да не поспѣлъ. Портретъ очень похожъ и славно сдѣланъ фотографіею; нѣсколько суровъ и далъ поводъ къ милой злости Ив. Вас. Киреевскому: «C'est Kh. subissant le silence» *). Неотъемлемое право друзей острить надъ друзьями. Примите мое солнечное обличеніе. Какъ назовете вы такое Словянское названіе фотографіи? Эта шутка на словѣ напоминаетъ мнѣ то, что безъ васъ и Коссовича я просто давлюсь этимологіями: никого нѣтъ, кому бы можно было хоть зацкнуться объ нихъ.

Что вашъ батюшка? Выздоровѣлъ ли онъ? Что вы сами? Для лѣченія наступило лучшее время—весна. Вы спрашивали моего

*) Это Хомяковъ, осужденный на молчаніе.

Digitized by Google

совѣта: симптомы не совсѣмъ такъ описаны, какъ бы, слѣдовало; но изъ нихъ я только одинъ могу сдѣлать выводъ. Возьмите Nux Vomica dil. 2-a, guttis; примите три дня поутру и ввечеру по одной каплѣ въ ложкѣ воды и выждите три дня дѣйствія; потомъ Sulphur попрежнему недѣлю. Если увидите перемѣну къ лучшему, продолжайте; если первый день или второй будетъ хуже, не пугайтесь. Смотрите, что скажетъ третій и четвертый день. При большой перемѣнѣ къ лучшему, не спѣшите принимать Sulphur, а дайте Nux время поработать. Если не будетъ перемѣны, возьмите Pulsatilla dil. 2-a, guttis и поступите также и потомъ увѣдомьте меня. Заглазно трудно попасть сразу на вѣрное лѣкарство, но вылѣчить васъ навѣрное я долженъ.

Много перемѣнъ и мало перемѣнъ. Смерть Царя меня оправдала въ моемъ о немъ сужденіи: я не ошибался. Его ошибки были ошибки въ понятіяхъ и въ ложной системѣ; но онъ былъ честный труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно-приложеннымъ нравственнымъ закономъ, и слѣд. онъ правъ передъ судомъ совѣсти. Человѣкъ отвѣчаетъ только за свою волю. Дай Богъ такой же доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому Государю! Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозрѣваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милости однаго — умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми. Здѣсь всѣ радуются проявленію стремленія къ народному и Русскому. Не знаю, какъ въ Питерѣ. Освобожденіе отъ наружнаго подражанія важно какъ знамя, вызывающее освобожденіе мысли отъ чужаго авторитета, какъ вызовъ къ самомышленію. Въ добрый часъ молвить!

Слава Богу, кажется, участь Севастополя рѣшена. Честь и слава кому слѣдуетъ! Эта защита разогрѣла всѣ сердца; это происшествіе, носящее на себѣ характеръ жизни, и жизни народной. Что бы ни было впереди, а головы Русскія приподнялись законною гордостью. Теперь говорю всѣмъ одно: трудъ, трудъ и трудъ, чтобы не посрамить себя и не подвергнуться великой отвѣтственности. Вамъ этаго говорить нечего. Вамъ надобно напротивъ сказать: не трудитесь черезъ мѣру!

Digitized by Google

А что? Не попробовать ли статьи снова въ цензуру? Какъ вы думаете? Нѣтъ ли слуха о Брокгаузѣ?

9.

Получилъ я ваше письмо, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за нѣсколько д. до отъѣзда изъ Москвы. По вашему порученію справлялся я объ Сербскихъ грамотахъ; но оказывается, что ихъ еще не печатали. По крайней мѣрѣ, никто не могъ мнѣ сказать объ нихъ ничего удовлетворительнаго, и кажется, что ихъ нѣтъ въ печати; развѣ не были ли изданы прежде? Но по вашему письму я справлялся объ новомъ изданіи. Если я не понялъ, то извините. У меня было тѣмъ болѣе желанія отыскать эти грамоты для васъ и доставить ихъ къ вамъ, что я чувствую, какъ хорошо бы было съ такимъ изданіемъ ѣхать къ нашимъ южнымъ братіямъ. Лѣто провелъ я глупѣйшимъ образомъ. Во-первыхъ у насъ и лѣта не было, а холодная осень съ конца Іюня; во-вторыхъ, я все былъ въ разъѣздахъ. Сперва грустная поѣздка съ Елагинымъ (нужно ли вамъ говорить, какъ меня и всѣхъ насъ срѣзала смерть Киреевскаго? Не только другъ дорогой намъ и особенно Кошелеву и мнѣ, но еще и великій дѣятель, и незамѣнимая спеціальность философская, и истинно мыслитель необыкновенный). Потомъ, по дѣламъ въ Рязанскую деревню; потомъ къ Кошелеву на хозяйственный съѣздъ для обсужденія нѣсколькихъ эманципаціонныхъ плановъ; потомъ, наконецъ, на коронацію отчасти для себя, но особенно для дѣтей. О коронаціи только два слова. Въѣздъ былъ удивителенъ, и я радъ, что его видѣлъ... просто, какой-то волшебный сонъ. Золото, Азіатскіе народы, великолѣпные мундиры и старые Нѣмецкіе парики. Тысяча и одна ночь, пересказанная Гофманомъ. За всѣмъ тѣмъ чудно хорошо! Самой коронаціи я не видалъ. Досталъ мѣста старшимъ дѣтямъ и послалъ ихъ; досталъ еще два билета себѣ и меньшой дочери; тутъ явились двое Сербовъ изъ Тріеста, пріѣхавшихъ собственно для этаго. У нихъ билетовъ не было; я отдалъ свои и, разумѣется, не могъ не отдать. Оставшись дома, написалъ стихи, которыя посылаю къ вамъ. Барыня одна критиковала

Digitized by Google

послѣднюю строфу: «Съ чего онъ вздумалъ про душу говорить? Объ этомъ и Филаретъ не говорилъ». Вѣдь не дурно! *).

Вотъ вамъ почти все, что я о себѣ могу сказать. Статьи мои безъ подписи въ Бесѣдѣ вы читали, слѣд. и объ этомъ сказать нечего; и такъ лучше поговоримъ о васъ. Мнѣ весело, что вы такъ хорошо и съ такимъ толкомъ и пользою путешествуете. Какъ много привезете вы впечатлѣній, и какъ живительно они будутъ дѣйствовать на васъ! Хорошо совершенное путешествіе есть истинный капиталъ для жизни, не только какъ воспоминаніе, но еще какъ сила, возбуждающая мысль посредствомъ расширенныхъ сочувствій. Для васъ равно могутъ служить возбужденіемъ и оживившіеся Лужичи, и эти несчастные Прибалтійскіе Словяне, которыхъ вы застали въ самую минуту замирающей народности. Какое тяжелое впечатлѣніе должно производить не на Славянофила, но на всякаго безпристрастнаго человѣка, это грустное и истинно-прозаическое вымираніе старины и всѣхъ ея слѣдовъ въ жизни цѣлаго племени, оторваннаго судьбою отъ сообщества ему родныхъ племенъ! Разумѣется, ихъ спасти или задержать отъ денаціонализаціи нельзя; но великъ долженъ быть урокъ другимъ, какая предстоитъ опасность всѣмъ отдаленнымъ племенамъ. Знаютъ ли они, или не знаютъ (а надобно втолковать): всѣхъ спасаетъ великій Русскій резервъ. Славно осмотрѣли вы остатки Сѣверо-Западныхъ Словянъ, и вѣроятно вамъ можно будетъ посредствомъ найденныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ нарѣчій и историческихъ показаній, этнографію старую возстановить почти въ полнотѣ. Этотъ отдѣлъ тогда будетъ конченъ, и вамъ будетъ принадлежать честь дѣла. Радуюсь и за васъ, и за себя, какъ предвидѣвшаго, что вы совершите трудъ, за который взялись съ такою любовію. Многимъ это будетъ очень кисло.

Какъ мнѣ васъ благодарить за ваши дружескія заботы объ моихъ богословскихъ книжицахъ? Все, что вы сдѣлали, сдѣлано, разумѣется, какъ нельзя лучше. Объ изяществѣ хлопотать

*) А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца принявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

Digitized by Google

нечего; въ этомъ нуженъ только вѣрно сохраненный смыслъ. Досадно только, что Смоларъ такъ небрежно дѣло сдѣлалъ. Неужели онъ не понимаетъ его важности? Вѣроятно, что дѣйствительно не понимаетъ. Мнѣ со всякимъ днемъ яснѣе становится положеніе религіознаго вопроса въ Германіи и во всей Европѣ: онъ проникаетъ во всѣ вопросы и въ тоже время нигдѣ самостоятельной важности не имѣетъ (кромѣ Англіи). Въ скоромъ времени, можетъ быть, примусь я и за третью брошюрку по случаю Бунзеновыхъ Zeichen der Zeit [1]). Курьезное произведеніе! Впрочемъ, тутъ же хочу я приплести и гадкую книжонку Гагарина: La Russie sera-t-elle catholique [2]). Вся цѣль этой дрянной штуки одна: сказать нашему правительству que tout le mouvement orthodoxe et panslaviste de Moscou n'est que la révolution déguisée sous une forme orientale, forme bien plus profondément conçue, bien plus puissante et plus élastique que toutes celles qu'a pu inventer l'Occident [3]). Каковъ подлецъ-Іезуитъ! Отвѣчать на это я конечно не стану потому, что оправданіе я считалъ бы уже униженіемъ; но хочется мнѣ негодяя потаскать въ его собственной грязи. Что это только можетъ Іезуитизмъ сдѣлать изъ человѣка! Вѣдь вѣроятно была же въ немъ и добросовѣстность, и какая нибудь вѣра, и теплота душевная. Безъ всякихъ внутреннихъ побужденій не броситъ же человѣкъ всѣ выгоды общественнаго положенія, и удобства жизни, и роскошь, къ которой съ дѣтства привыкъ. Глядя на это, понимаешь, какъ ложно-понятое чувство религіозное жгло, рѣзало, развращало и унижало человѣка ниже скота. Tantum religio potuit suadere malorum [4]). Я разбранилъ Гагарина и не пощажу печатно, если буду писать; а мнѣ очень жаль его. Надобно признаться, что въ протестантахъ нѣтъ такихъ скверныхъ явленій, но за то пропасть безсознательнаго и самодовольнаго комизма, даже въ такихъ людяхъ, каковы Сталь и Бунзенъ.

Дай Богъ вамъ счастія и успѣха въ вашей поѣздкѣ на Югъ. Что вы богатую соберете дань для науки, въ этомъ сомнѣнія

[1]) Знаменія времени.

[2]) Будетъ ли Россія католическою?

[3]) Все движеніе православное и всеславянское въ Москвѣ есть не что иное какъ революція въ восточной формѣ, которая гораздо глубже обдумана, гораздо сильнѣе и растяжимѣе, нежели всѣ формы, какія могъ придумать Западъ.

[4]) Столько религія можетъ внушить бѣдствій.

Digitized by Google

нѣтъ (только главное, будьте здоровы); что ваши поѣздки полезны не для одной науки, а и для тѣхъ людей, съ которыми васъ сводятъ ваши странствованія, я въ этомъ увѣренъ; но не стали бы вамъ мѣшать, вотъ я чего боюсь. Меня очень обрадовало то, что вашъ батюшка поправился. Я бы желалъ для него еще нѣсколько прогулокъ за границею; неужели нельзя ему какъ нибудь это уладить? Прощайте, любезный Леярдъ [1]) Славянскихъ народовъ и языковъ.

Сентября 12 дня (1856).

Въ Москвѣ познакомился я съ Американцами и Американками. Совсѣмъ особенное племя; въ нихъ что-то дикое при просвѣщеніи: одичалые gentlemen u ladies. Меня полюбили очень. They havent met any body half so funny in Europe. Why, they would have run after him (т. е. за мною) in Amerika [2]). Я не ожидалъ такой характеристики.

10.

(1859).

Про себя я вамъ до сихъ поръ ничего не писалъ. Причина та, что и писать нечего. Какъ-то я оглупѣлъ сильно, точно будто въ высокіе чины пошелъ. Утѣшаю себя надеждою, что это явленіе временное и не обязательное для будущаго. Приписать его занятіямъ охотою и хозяйствомъ не могу потому, что не замѣчалъ такаго вліянія прежде; скорѣе можно приписать его большой вознѣ съ Комитетомъ и безпрестанному соприкосновенію съ представителями дворянства. Здѣсь Комитетъ идетъ довольно скверно, не смотря на присутствіе многихъ дѣльныхъ и хорошихъ людей. Теперь возимся съ полученіемъ согласія Комитета на публичность засѣданій. Я говорю, какъ будто самъ участвую; дѣйствительно я безпрестанно въ Тулѣ и въ совѣщаніяхъ домашнихъ. Князь Черкасскій (депутатъ отъ правительства) великолѣпенъ: образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора. Въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже враги.

Каково мое положеніе! Кошелевъ и Самаринъ требуютъ отъ меня философской статьи, и когда? Въ то самое время, какъ я чувствую отливъ умственныхъ способностей. Обливаюсь потомъ и пишу.

---

[1]) Леардъ—изслѣдователь клинообразныхъ надписей. *Изд.*

[2]) Они не встрѣчали никого въ Европѣ, кто бы и на половину былъ такъ забавенъ какъ я. Въ Америкѣ бы за нимъ (т. е. за мною) просто бѣгали.

Digitized by Google

11.

Видите, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что я захотѣлъ съ вами лично похристосоваться [1]), о чемъ васъ удостовѣритъ и прилагаемый сверху ликъ мой. На дняхъ послалъ я къ вамъ Сербовъ [2]), которыхъ Самаринъ долженъ былъ вамъ доставить уже съ подписями. Ни слова не успѣлъ я написать по милости Погодина, который до ночи то подписывалъ, то нѣтъ. Просто надоѣлъ разнымъ вздоромъ. Должно быть, былъ не въ духѣ по случаю своего неславнаго боя съ Костомаровымъ. Срамъ: какое ясное дѣло, и не умѣлъ его выиграть такъ, чтобы и слѣпые видѣли, кто побѣдилъ! Что публика была безсмысленная, вовсе не отговорка. Нѣтъ публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова въ пухъ и прахъ. Это обида для Москвы.—Какъ васъ благодарить за вашу статью? [3]) Статья капитальная. Едва ли она встрѣтитъ цензурныя препятствія. Въ духовномъ смыслѣ противъ нея сказать нечего, а въ соціальномъ, котораго духовенство не пойметъ, пройдетъ она, по самому этому непониманію. Впрочемъ, когда я говорю, что въ духовномъ смыслѣ она не встрѣтитъ препятствій, вы уже видите, что мы таки далеконько подвинулись впередъ.

Какъ мнѣ хотѣлось бы прочесть вамъ свое письмо къ Бунзену! Да никакъ нельзя. Переписывать его слишкомъ долго. Нужно, чтобы или самъ я переписалъ, или Митя. И такъ онъ бѣдный его уже разъ переписалъ для заграничнаго напечатанья, если только удастся напечатать, а вещь очень серьезная и, кажется мнѣ, удачная. Тутъ удалось мнѣ и съ корнесловіемъ поразгуляться, и съ философіею, и съ историческою критикою. Всего вдоволь.

11.

22-го Февраля 1860 г.

Я кругомъ виноватъ передъ вами, такъ долго задержавъ вашъ переводъ [4]), тѣмъ болѣе виноватъ, что и измѣнять-то въ немъ я почти ничего не нашелъ кромѣ нѣсколькихъ, по моему, сомни-

[1]) На письмо наклеенъ врохотный свѣтописный портретъ А. С. Хомякова.

[2]) Т. е. Посланіе къ Сербамъ изъ Москвы, сочиненіе А. С. Хомякова, появившееся въ Лейпцигѣ въ 1860, перепечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1876 и нынѣ въ 1-мъ томѣ. М. П. Погодинъ подписался подъ нимъ вторымъ послѣ А. С. Хомякова.

[3]) Сличи ниже въ письмѣ къ И. С. Аксакову. *Изд.*

[4]) Изъ Гавличка.

Digitized by Google

тельныхъ словъ. Онъ и легокъ, и передаетъ веселую шутливость оригинала; только мнѣ кажется, иногда вы безъ нужды измѣняете порядокъ словъ. Конечно, черезъ это вы выигрываете въ отношеніи къ плавности (чего вы искали); но переводъ стиховъ въ прозу долженъ не только быть (точенъ), но и отзываться переводомъ, и потому бо́льшая близость къ обороту оригинала едва ли не была бы выгодою. Какъ вы думаете? Я этаго и не отмѣчалъ и не измѣнялъ потому, что хорошее перемѣнять въ худшее нѣтъ крайней надобности; но по системѣ такъ бы выходило. Согласны ли вы только на самую систему? Знаете ли тоже, что̀ отчасти меня задержало? Вы были предложены въ члены Общества Люб. Р. Словесности и, разумѣется, выбраны единогласно; но мнѣ хотѣлось васъ за одно уже увѣдомить о томъ, остаюсь-ли я предсѣдателемъ; а это зависѣло отъ отвѣта министра на счетъ нашихъ цензурныхъ правъ или, лучше сказать, отъ рѣшенія Государя по нашей просьбѣ. Тутъ же я хотѣлъ и переводъ переслать. Рѣшеніе пришло неблагопріятное; признаюсь, я ожидалъ другаго. Въ публичномъ засѣданіи я это объявилъ членамъ; а такъ какъ недовѣріе къ Обществу въ этомъ случаѣ особенно падаетъ на предсѣдателя, котораго подпись узакониваетъ печатаніе, я просилъ Общество уволить меня отъ званія моего. Я считалъ долгомъ такъ поступить; но Общество, въ частномъ засѣданіи 6-го Февраля, меня единогласно одобрило, и я опять остался. Вотъ вамъ, при объявленіи объ вашемъ избраніи, и краткій докладъ о происшествіяхъ въ Обществѣ. Затѣмъ, хотя и положено уже не печатать отдѣльныхъ трудовъ, но мы надѣемся приступить къ нѣкоторымъ ученымъ изданіямъ, а на васъ надѣемся, что вы что нибудь дадите для чтенія въ собраніяхъ публичныхъ или частныхъ. Знаете ли что? Вы бы могли, и никто лучше васъ, составить краткій обзоръ современной Словянской филологіи. Это была бы прекрасная вещь; печатать же вы можете гдѣ хотите. Разумѣется, кандидатомъ на это будетъ сборникъ Русской Бесѣды... Будетъ, думаю, у насъ еще маленькая буря въ Обществѣ завтра. Вы можетъ быть видѣли крайне неловкую статью однаго изъ нашихъ сочленовъ Селиванова, въ Вѣдомостяхъ. По этому случаю оскорбленные члены Общества хотѣли, чтобы я высказалъ ихъ оскорбленіе. Какъ предсѣдатель (никогда не могу безъ смѣ-

Digitized by Google

ха этаго сказать или написать), я отъ инициативы отказался, но другіе, кажется, горячо за дѣло возмутся. Проба отказа съ моей стороны имѣла, если не ошибаюсь, хорошія послѣдствія: увидѣли, что Обществу нужны серьозные труды, и я надѣюсь они будутъ. Много зависитъ отъ завтрашняго засѣданія.

Я сознаю всю мелочность нашей здѣшней дѣятельности и въ тоже время увѣренъ, что безъ нея никакого grand ton'a имѣть нельзя. Надобно будетъ за Словянское дѣло взяться серьезно.

Странная и, по моему мнѣнію, любопытная теперь эпоха у насъ. Подъ видомъ самыхъ пошлыхъ, незначительныхъ движеній закладываются начала самыхъ важныхъ и едва ли не міровыхъ явленій. Говорить о нихъ съ видомъ важнымъ нельзя: все видимое такъ мелко. Говорить о нихъ шутя нелѣпо: подъ ними кроется весьма и весьма много. Кому въ Европѣ нужно знать про смерть Ростовцева? Хорошъ герой! А отъ этой смерти наступилъ новый фазисъ въ вопросѣ, котораго разрѣшеніе отзовется сильно не у насъ однихъ. Поневолѣ зачешется въ затылкѣ, когда объ этомъ подумаешь. Не знаю, какъ у васъ въ Питерѣ, а здѣсь только и толку объ этомъ и, къ несчастію, злыя страсти сильно радуются. Спасибо Павлову: онъ въ «Нашемъ Времени» сказалъ объ этомъ нѣсколько добрыхъ словъ.

Самъ я довольно сильно трудился и, не смѣйтесь, кое чему учился въ Еврейскомъ языкѣ. Разумѣется, я столько же языкъ этотъ знаю, сколько и прежде; но убѣдился, что только Русскій изо всѣхъ Европейцевъ можетъ понять восточные языки. Тамъ рѣшительно преобладаетъ, какъ у насъ, видовая или, лучше сказать, качественная флексія. Не знаю только ея собственнаго центра; у насъ это существительное. Впрочемъ, эти всѣ мои изученія шли отъ письма къ Бунзену. Я думалъ написать коротенькое и легонькое; вышло порядочно-длинное и весьма для меня трудное. Посылаю за границу; какъ напечатаю, не знаю. Кстати, что? Подается ли переводъ? Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Кланяйтесь батюшкѣ. Вашъ А. Хомяковъ. А не менѣе батюшкѣ кланяйтесь супругѣ.

Digitized by Google

Два письма къ Ѳедору Ивановичу Гильфердингу.

1.

(1855).

Какъ грустно было не мнѣ одному, но намъ всѣмъ, любезный и старый другъ, узнать о болѣзни Александра Ѳеодоровича! Хоть мы и знали, что опасность миновалась, хоть надѣемся, что выдержанная сильная болѣзнь въ его лѣтахъ можетъ имѣть самыя полезныя послѣдствія и укрѣпить здоровье, а все таки съ горемъ слышали, что онъ боленъ былъ и осужденъ на многонедѣльное заключеніе. За васъ особенно мнѣ было больно: сколько душевнаго волненія, сколько тревоги перенесли вы въ это время, сами едва оправившись отъ болѣзни! Богъ милостивъ. Теперь вы отдохнули, но теперь за то надобно вамъ крѣпко предписать юношѣ осторожность, а потомъ потребовать отъ него, чтобы нынѣшнее лѣто онъ посвятилъ болѣе жизни физической, чѣмъ умственной. Сама природа (хоть болѣзнь, можетъ быть, и была отчасти случайная) требуетъ этаго и указала на это требованіе. Еще совѣтъ: пусть принимаетъ Александръ Ѳеодоровичъ всякій день по одной каплѣ Pulsatilla dil. 2-a, guttis на ночь. Это спецификъ противъ кори и противъ всѣхъ ея Nachkrankheiten *). Въ его лѣта, разумѣется, уже онъ не подверженъ послѣ кори изліяніямъ серознымъ; но Puls. оберегаетъ дыхательные и пищеварительные органы отъ острыхъ началъ, которыя корь приводитъ въ броженіе, не всегда вполнѣ выгоняя ихъ наружу. Это, повѣрьте, въ высшей степени полезно.

*) Болѣзненныхъ послѣдствій.

Digitized by Google

Возвращаю листокъ корректурный; съ какою искреннею благодарностію, говорить нечего. Кое-какія неисправности отмѣтилъ я черточками на поляхъ; ихъ мало. Погодину я говорилъ три раза; онъ увѣряетъ, что послалъ уже корректуру къ автору, а правда ли, не знаю. Что могъ, то сдѣлалъ, и сверхъ того срамилъ Погодина. Ну да вѣдь онъ хоть и хорошій человѣкъ, но страшно толстокожъ: нескоро прохватишь словомъ.

На дняхъ Аксаковъ отправитъ къ вамъ (если еще не отправилъ) статью свою о глаголахъ. Темно выражено, но вещь сама по себѣ великолѣпная, и если будетъ переведена, дастъ Германіи гораздо яснѣйшее понятіе о геніи Словянскихъ нарѣчій и объ нхъ особенности. Думаю, что впрочемъ это качество, которымъ они отличаются въ этомъ отношеніи, нѣкогда было свойствомъ первоначальной общей Индо-Европейской рѣчи, утраченное другими тогда, какъ мы утратили богатство временнаго спряженія. На это есть указаніе въ Санскр. и въ Греческомъ, а Нѣмецкое ge-worden, ge-schützt есть тоже качественное измѣненіе; но тамъ только обломки. Я думаю, Александръ Ѳеодоровичъ со мною согласится, и Германіи ученой будетъ любопытно сохраненіе этаго живого явленія въ организмѣ живаго языка. Господи, хоть бы мы свою Грамматику поняли! Можетъ быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни и то, что для насъ нѣтъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ Европа, а свои, и что вся система питанія, лѣченія и слѣд. общественной жизни должна быть своя. Много, много практической науки въ наукѣ отвлеченной.— Что-то у насъ дѣлается въ мірѣ политическомъ? Что въ военномъ? Тяжело, но не безнадежно; а все-таки дай Богъ мира. Однако Горч. и Титовъ не совсѣмъ такъ осрамились, какъ мы боялись. Документъ хорошъ, но не достало немножко художественнаго выраженія и педовольно выпуклости въ выставленіи нашей правоты. Впрочемъ и за то спасибо. Замѣтна перемѣна къ лучшему противъ прежнихъ нотъ, и общественное мнѣніе приписываетъ это Государю. Что-то скажутъ объ этомъ въ чужихъ краяхъ?

Digitized by Google

2.

Никогда, любезный другъ, такъ ясно не видалъ я правды Латынскаго crescit eundo [1]), какъ теперь. Пріѣхавъ въ Москву, я встрѣченъ цѣлою стаею мнѣній объ моемъ Петербургскомъ пребываніи. Я чуть-чуть не ежедневно обѣдалъ во дворцѣ, я горячо стоялъ за миръ (этотъ миѣ отъ Фонтона [2]) и чуть-чуть не подвергъ меня участи первомученика св. Стефана), я съ Орловымъ почти закадычный другъ и т. д. Трезвый мой разсказъ никого не удовлетворяетъ; а вѣдь всѣ эти миѣи вылупились изъ яичекъ, снесенныхъ въ Петербургѣ и о которыхъ я въ Питерѣ уже слышалъ. Crescit eundo! Можете вообразить, какъ это меня забавляетъ, меня, такого записнаго охотника до человѣческой комедіи, которая такъ странно всегда сплетается съ Божественною драмою міра. Быть можетъ, не совсѣмъ мною довольны нѣкоторые мои друзья Московскіе за то чувство благодарности искренней, которое я вынесъ изъ Питера, и про которое пожалуста скажите всѣмъ (не исключая даже и того хитраго дипломата, который, какъ я сказалъ, подвергалъ меня камнепобитью). Тому, котораго я всѣхъ горячѣе благодарю, вамъ, не придется ничего разсказывать, а только скажите его любезному сынку, что я истинно горюю, что не могъ его дождаться. При отъѣздѣ я забылъ спросить, прочтена ли вами моя черновая статья и взять ее (если прочтена). Теперь оказывается необходимость ее здѣсь переписать; пожалуста перешлите ее хоть по тяжелой почтѣ; да если Данилевскій (кажется, секретарь при Вяземскомъ) не заѣзжалъ за своимъ альбомомъ, оставшимся въ моей комнатѣ, то передайте его и простите за неаккуратность. Она на сей разъ простительна по многимъ причинамъ.

Признаюсь, не безъ отрады возвратился я въ свой мирный уголъ (дѣтей нашелъ всѣхъ здоровыми), и кажется мнѣ, такъ уже привыкъ я къ домосѣдству, что я совершилъ какое-то ве-

[1]) Растетъ на ходу.

[2]) Извѣстный дипломатъ, знакомый еще по Турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ А. С. Хомякову, о которомъ онъ сочувственно упоминаетъ въ своихъ изданныхъ за границею Запискахъ. *Изд.*

Digitized by Google

ликое путешествіе. Москву нашелъ я грустною, какъ ожидалъ, но не унылою. Здѣсь какъ-то чувствуютъ и вѣрятъ въ жизнь: soit dit, sans faire de tort à une autre ville [1]). Вѣрьте мнѣ, всѣ другіе разсказы—ложь, распускаемая или глупцами, или... да Богъ съ ними, съ этими разсказами!

Прощайте, любезный другъ. Будьте здоровы и не забывайте вами пріюченнаго и преданнаго А. Хомякова.

1856. Янв. 29. [2]).

---

[1]) Будь сказано не во гнѣвъ другому городу.

[2]) А. С. Хомяковъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ хлопотать о снятіи цензурнаго запрещенія съ его сочиненій, безъ чего нельзя было издавать „Русскую Бесѣду“, которая началась въ этомъ году и въ которой онъ принялъ дѣятельное участіе.

Digitized by Google

ПИСЬМА

КЪ

Аксаковымъ.

Digitized by Google

С. Т. Аксаковъ род. 20 Сентября 1791, ум. 30 Апрѣля 1859 года.

К. С. Аксаковъ род. 29 Марта 1817, ум. 7 Декабря 1860 года.

И. С. Аксаковъ род. 26 Сентября 1823, ум. 27 Января 1886 г.

Digitized by Google

Къ С. Т. Аксакову.

Мартъ (1853).

1.

Дѣло затѣваете вы весьма доброе, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ; и не только я мысль вашу нахожу прекрасною, но и всячески готовъ ей содѣйствовать прямо какъ соучастникъ изданія, и косвенно какъ вербовщикъ соучастниковъ [1]). Время для меня строгое [2]), и занятія ему должны соотвѣтствовать; но я понимаю пользу добраго и невиннаго удовольствія и считаю дѣломъ хорошимъ все то, что̀ можетъ возвращать человѣка къ удовольствіямъ, сдружающимъ его съ природою и отрывающимъ его отъ той вялой жизни, въ которой тонетъ наше общество. Англійскій журналъ весьма серьозно говоритъ: «если въ человѣкѣ нѣтъ хоть искры *спортсмена*, въ немъ природа искажена, не только физическая, но и духовная»; а религіозный журналъ Оксфордскій замѣчаетъ, что изъ университета Оскфордскаго много вышло не только людей замѣчательныхъ по наукамъ или государственному правленію, но еще и по дѣлу проповѣди и ученія богословскаго; что они же отличались и строгостью нравственной жизни, а это все онъ приписываетъ развитію гимнастики, кулачнаго боя, охоты и особенно катанья на лодкахъ. Имѣя такіе авторитеты, я въ полномъ правѣ предполагать, что и охота во всѣхъ ея отрасляхъ должна имѣть немалое вліяніе на доброкачественность жизни. И въ правду,

---

[1]) Рѣчь идетъ о журналѣ охоты. С. Т. Аксаковъ намѣревался издавать его, но не получилъ на то дозволенія! *Изд.*

[2]) По кончинѣ супруги. *Изд.*

Digitized by Google

сравните румяный ликъ двадцатилѣтняго юноши, возвратившагося, скажемъ, хоть съ пороши, съ блѣдною фигурою его ровесника, просидѣвшаго за лото и протаскавшагося въ маскарадѣ: какъ-то невольно вѣришь, что молодость лица обозначаетъ такую же молодость и свѣжесть души. И такъ, по всѣмъ соображеніямъ считаю участіе въ вашемъ изданіи дѣломъ истинно хорошимъ и готовъ къ услугамъ. Что-то скажетъ цензура? Это другое дѣло, а объ успѣхѣ сомнѣваться нельзя.—Третьяго дня сгорѣлъ Большой Театръ, и человѣкъ, какъ кажется, за двадцать; въ томъ числѣ и дѣтей довольно. Вечеромъ въ Маломъ Театрѣ, по приказанію изъ С.-Петербурга (по телеграфу), были живыя картины; только зрителей не было. Кто говоритъ, что случай, кто другое; но вотъ что мило. Человѣкъ было погибалъ, охваченный пламенемъ на крышѣ. Маляръ перекрестясь влѣзъ по жолобу съ веревкою и спасъ погибающаго. Народъ плакалъ и накидалъ ему денегъ въ шапку, рублей 200 сер. Тутъ адъютантъ Закревскаго подошелъ и позвалъ его къ графу, разумѣется для награды. Бѣдный герой завопилъ: «Помилуйте, за что меня къ графу? Я ничѣмъ не виноватъ», а народъ кричитъ: «не даднмъ его въ полицію» и пр. На силу уговорили ѣхать. Это разсказывалъ тотъ самый адъютантъ, который повезъ героя къ градоправителю.

Кстати, хижина Дяди Ѳомы строжайшее запрещена безусловно.—Павлова *) допрашивали съ увѣщаніемъ іерея, и грозятъ большою грозою. Главная вина запрещенныя книги.

Прощайте, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ. Грустно, что не могу какъ нибудь урваться къ вамъ на денекъ. Скажите мое почтеніе Ольгѣ Семеновнѣ и поклонъ любезнымъ дѣтямъ вашимъ. Вашъ А. Хомяковъ.

---

*) Н. Ф. Павловъ вскорѣ за тѣмъ былъ сосланъ въ Пермь. Запрещенныя книги были только предлогомъ, а удаленіе изъ Москвы послѣдовало по жалобѣ супруги на разорительную для семейства карточную игру, что А. С. Хомякову могло быть неизвѣстно. *Изд.*

Digitized by Google

2.

Тяжело было мнѣ разстаться съ матушкою*). Я и ожидалъ и не ожидалъ ея кончины. Давно уже силы ея упадали, но въ ней была такая обманчивая живость чувствъ и мысли, что, казалось, ей можно бы было еще долго пожить; а это удаляло отъ меня ту увѣренность въ приближающемся концѣ, которую я долженъ бы былъ болѣе имѣть, если бы смотрѣлъ только на физическія измѣненія. Я объ ней могу сказать безпристрастно, что она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя конечно не совсѣмъ принадлежали тому вѣку, но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ. Такъ наприм. нынѣшній годъ она послѣ тарифа нѣсколько дней не хотѣла даже, чтобъ у нея спрашивали про ея здоровье и очень удивила Свербееву тѣмъ, что на ея вопросъ отвѣчала: «Что вы тутъ толкуете о здоровьи старухи, когда разоряютъ всѣхъ купцовъ! Вотъ вы объ чемъ должны теперь горевать!» Въ ней было дѣйствительно что-то благородное и облагородствующее.

(1857).

3.

Дорогóй и почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ! Недоброе затѣяли вы дѣло хворать. И что же глядитъ Гольденбергъ! Какъ онъ это допускаетъ? Вѣдь такая его слабость наноситъ нѣкоторый позоръ гомеопатіи. Если же вы сами его не призываете, то право съ вашей стороны нехорошо. Если человѣкъ имѣетъ

*) Мать Хомякова, Марья Алексѣевна, скончалась въ Москвѣ 24-го Іюня 1857 года. *Изд.*

Digitized by Google

какую нибудь возможность быть здоровымъ, онъ не имѣетъ права хворать. Пожалуста, не допускайте себя до такой дурной привычки.—Замедлилъ я отвѣчать вамъ и доставить условія, которыя вы желали получить. Причина вотъ какая. Я знаю, что мои здѣшнія условія съ крестьянами вамъ не идутъ, и сверхъ того они не тѣ, которыхъ дѣйствіе знаетъ и одобряетъ Перфильевъ[1]). Поэтому я писалъ въ тѣ конторы, чтобы мнѣ выслали одинъ изъ подлинниковъ, здѣсь велѣлъ списать, и два списка къ вамъ теперь посылаю. Отъ души желаю, чтобы они вамъ пригодились при тѣхъ перемѣнахъ, на которыя вамъ укажетъ ваше собственное и подробное знаніе своей мѣстности. На будущій годъ, если Богъ поможетъ, я кончу вездѣ: нынѣшній годъ не удалось за отсрочкою въ межеваніи по одной деревнѣ. Крестьяне нетерпѣливо ждутъ этаго, и я едва могъ ихъ уговорить для собственной же пользы отложить.

Петербургская перемолчка[2]) ничего не значитъ. Я имѣлъ вѣрнѣйшее доказательство, что тамъ объ этомъ думаютъ и постоянно. Не знаю, ошибаюсь ли, но кажется мнѣ, что близость ревизіи имѣетъ нѣкоторое вліяніе на кажущееся усыпленіе: время это будто бы неудобно для перемѣнъ. Здѣсь слышно, что графъ ***[3]) какъ-то устроился и будто бы даже другой, Шевыревскій врагъ, тоже что-то сдѣлалъ; но этотъ, будучи либераломъ, говорятъ, въ чемъ-то крестьянъ надулъ. Дѣло вѣроятное и на которое я его считаю крайне способнымъ. Но что за милая вещь—губернія! Всѣ ждутъ перемѣны, большая часть боится ея, и что же? Поѣзжайте къ помѣщикамъ: они знаютъ (по крайней мѣрѣ думаютъ, что знаютъ) интриги придворныя, разсказываютъ анекдоты про то, что дѣлается въ уѣздахъ (напр. что въ Ефремовскомъ уѣздѣ докторъ прописалъ барынѣ микстуру

[1]) Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, тогдашній начальникъ жандармскаго управленія въ Москвѣ; онъ пользовался общимъ уваженіемъ. *Изд.*

[2]) Т. е. нѣкоторая остановка въ движеніи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Мысль эта была вполнѣ и гласно выражена въ Ноябрѣ 1857 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, нежели писано это письмо. *Изд.*

[3]) Графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій, въ Январѣ этаго 1857 года высланный изъ Москвы за свою исторію съ профессоромъ Шевыревымъ. Кто другой врагъ сего послѣдняго, намъ неизвѣстно. *Изд.*

Digitized by Google

ру съ надписью: «передъ пріемомъ встряхивать», и домашніе поняли это такъ, что надобно всякій разъ передъ пріемомъ встряхивать больную, отъ чего она чуть-чуть не умерла); а про опыты, дѣлаемые помѣщиками въ отношеніи къ измѣненію отношеній съ крестьянами, скорѣе узнаете въ Москвѣ, чѣмъ за десять верстъ отъ тѣхъ деревень, гдѣ производятся опыты. Что за гнилое сословіе! Право, хуже поповскаго. Когда я буду въ Москвѣ, я вамъ разскажу про одинъ интересный вечеръ, проведенный мною на постояломъ дворѣ въ распиваніи чая съ Лебедянской чиновницею и откупившимся на волю крестьяниномъ-прасоломъ. Безстрастный смыслъ этаго человѣка меня порадовалъ: въ немъ удивительно высказывалась та особенность крестьянина, которую я давно въ немъ вижу, не смотря на сомнѣнія многихъ, и которой иначе нельзя назвать какъ историческимъ чутьемъ. Отъ этаго-то чутья, по моему мнѣнію, происходитъ и самое безстрастіе и какая-то важность въ толкованіи о вопросахъ общественныхъ. Была когда-то эта способность вѣроятно и въ другихъ сословіяхъ; но ее утратили, а сохранилась она по закону правосудія только въ сословіи обиженномъ. Я радъ, что мы ихъ презрителю С. отпѣли пѣсенку. Ну да это покуда въ сторону! Читали ли вы въ «Молвѣ» статейку мою о современномъ вопросѣ и довольны-ли? Не знаю, напечатана ли моя статья о Чичеринѣ? Мнѣ хотѣлось покончить ту полемику, которая шла у насъ съ Западниками. Я дѣлаю вопросы; не привезетъ ли Константинъ Сергѣевичъ отвѣта? Какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ. У васъ теперь и Европейскій путешественникъ *). Говорятъ, что его отказались возстановить въ правахъ литературнаго гражданства. Если это правда, значитъ противъ насъ злопамятны. Опять скоро въ Москвѣ полный сборъ. Не соберемся-ли съ силами для большей дѣятельности? Всѣмъ вашимъ передайте поклонъ мой; а вы, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, похлопочите о своемъ здоровьи. Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

---

*) Возвратившійся изъ чужихъ краевъ И. С. Аксаковъ.—Намъ неизвѣстно, кто вышеупоминаемый С. *Изд.*

Digitized by Google

Къ К. С. Аксакову.

1.

Любезный Константинъ Сергѣевичъ! Благодарю васъ за письмо и за брошюрку. Не понимаю трусости Погодина: чего онъ испугался? Чего пугался цензоръ? Храбрость была только съ вашей стороны и то въ смыслѣ литературномъ, а не политическомъ. О Петербургѣ вы не говорите ничего, отстраняете его,—и только. Положимъ, что это не совсѣмъ лестно, да и вѣдь не революціонно. Право, Погодинъ самъ не понимаетъ своихъ выгодъ: ему во всякомъ случаѣ слѣдовало напечатать вашу статью, уже не для того, чтобы было въ критикѣ имя не однаго изъ редакторовъ, а для того, чтобы публика видѣла оцѣнку серьозную, безстрастную (т. е. безъ личной страсти) и чтобы Петербургскіе журналы видѣли, что вопросъ о Гоголѣ ими не понятъ, даже и тѣми, которые его хвалятъ. Кстати скажу, что въ О. З. похвалы относятся болѣе къ уму журналиста, чѣмъ къ генію писателя, и что ровно никакого смысла нѣтъ въ самомъ разборѣ.

Вамъ великое спасибо! Вы высказали смѣло свою мысль: вы указали на достоинство поэмы и на ея народное значеніе, и вы не побоялись насмѣшекъ за фанатическую любовь къ Гоголю, или за еще бо̀льшую любовь къ В. *) Русскому началу. Я, какъ вамъ извѣстно, вполнѣ раздѣляю съ вами мнѣніе о М. Душахъ и объ авторѣ и о томъ, что въ немъ замѣтно воскресеніе первобытной искренней поэзіи; но не прогнѣвайтесь за нѣкоторыя критическія замѣчанія. Жаль, что вы не назвали нѣсколькихъ

*) Велико-Русскому. *Ред.*

Digitized by Google

именъ великихъ поэтовъ, задавшихъ себѣ большія задачи, но не вполнѣ разрѣшившихъ свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговѣніе, съ которымъ вы назвали бы Гёте или Шиллера или Байрона, показало бы, что въ васъ не пристрастіе, а чисто-эстетическое чувство. Краткій разборъ котораго нибудь изъ нихъ былъ бы крайне поучителенъ: онъ содержалъ бы новое воззрѣніе на искусство и на его объективность, весьма возможную даже при полномъ преобладаніи субъективности въ самомъ поэтѣ (напр. въ лирикѣ). Эту искренность поэзіи можно приписать Русской словесности во многихъ случаяхъ болѣе, чѣмъ другимъ, гораздо богатѣйшимъ и высшимъ въ другихъ отношеніяхъ.

Говоря о повѣсти какъ эпосѣ, вы совершенно правы, ограничивая ее только эпосомъ. Элементъ драматическій можетъ преобладать въ ней безъ ущерба ея достоинства и только измѣняя ея характеръ. Таковъ родъ повѣстей Павлова, которыхъ нельзя называть анекдотами и въ которыхъ интересъ недостаточной завязки не пополняется описаніями. Я не говорю собственно о Павловѣ, но о повѣсти, возможной въ этомъ родѣ. Наконецъ,вы совершенно правы сказавъ, что М. Россія получила возможность полнаго выраженія только подчинивъ себя В.-Русскому началу; но вы не сказали ничего лестнаго для М. Россіи, а она заслуживаетъ особую похвалу. Она имѣетъ то, чего мы не имѣемъ, да и имѣть не будемъ: бо́льшую грацію, бо́льшую склонность къ объективности, бо́льшую художественность. Сравненіе В.-Россіи съ головою справедливо, но унизительно для другихъ областей. Быть можетъ, ее скорѣе можно сравнить съ высшими органами головы по черепословію. Въ нихъ низшіе органы получаютъ свою общую гармонію; но они не заключаютъ въ себѣ весь смыслъ головы.

Вотъ вамъ мои замѣчанія не на ошибки, а на недоска-зы. Чтобы вамъ пустить въ ходъ нѣсколько брошюръ по той-же части? Опираясь на М. Души, какъ Лессингъ на Лаокоона, вы могли бы обнять многіе вопросы объ эстетикѣ и о другихъ наукахъ (философіи, исторіи Русской и Европейской и пр. и пр.) Форма диссертаціонная не-Русская; въ отдѣльныхъ же брошюрахъ вы принимаете какую угодно форму, афоризма, анекдо-

Digitized by Google

та, поясняющаго мысль, лирики (какъ у васъ о Р. пѣсни) и другія, смотря по ходу самаго разсужденія, по расположенію минутному или по преобладающему чувству. Съ величайшимъ разнообразіемъ можно бы соединить единство и сильнѣе дѣйствовать на публику, обходя журналы и не связываясь никакими условными цѣпями. Подумайте объ этомъ.

Прощайте покуда. Благодаримъ васъ за Московскіе поклоны. Прошу васъ сказать мое почтеніе батюшкѣ и матушкѣ вашей. Жена и матушка кланяются и благодарять за память. Отъ Митиньки и Маши не говорю ничего: черезъ чуръ будетъ невѣроятно. За нихъ благодарять отецъ, мать и бабушка. Бабушки же, какъ уже давно замѣчено, имѣютъ особый даръ понимать, что говорятъ внучки, когда они еще говорить не умѣютъ. Прощайте.

Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что о статьѣ моей были толки велики, и она-де не ко времени пришлась. Не понимаю что бы это значило; но если сердятся, такъ хорошо.

Іюля 24 дня 1842.

2.

Любезный, Константинъ Сергѣевичъ! Говорить нечего, что я очень радъ участвовать въ подпискѣ, и что я считаю ее и полезною. (Такая уже начиналась въ Одессѣ, прежде бомбардировки). Письмо къ Закревскому очень хорошо, и разумѣется я покуда о немъ не скажу ни слова. Но не вините меня въ томъ, что я еще этой подписки не открывалъ. Во-первыхъ, я ждалъ васъ въ концѣ Святой недѣли и хотѣлъ съ вами объ ней переговорить; а во-вторыхъ, по общему слуху ждалъ всякій день невольнаго путешествія въ Питеръ или куда нибудь подальше (подписка тогда пропала бы), а теперь нѣсколько дней какъ сижу дома съ растроеннымъ желудкомъ. Дня черезъ два примусь за нее, ибо надѣюсь отдѣлаться отъ своего недуга.

Признаюсь, раздѣляя вполнѣ вашъ восторгъ насчетъ Болгарскаго письма, никакъ не могу любоваться манифестомъ. Пожалуй онъ и лучше другихъ нашихъ документовъ, но искренности никакой въ немъ нѣтъ. Меня заваливаютъ по городской почтѣ безымянными пасквилями (даже съ онѣрами извощичьей рѣчи), а въ клубѣ называли даже измѣнникомъ, подкупленнымъ Англи-

Digitized by Google

чанами[1]). Одесса теперь уже вѣроятно не существуетъ. Бомбардировалъ ее флотъ въ полномъ составѣ, а наши пушки *полевыя не доставали до непріятеля.* Каково? Это случилось на Пасху. Прощайте. Меня перепугали было насчетъ Ольги Семеновны[2]). Слава Богу, что она выздоравливаетъ. Отъ души радуюсь. Посылаю статейку.

3.

Отъ братца вашего получилъ я письмо, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ объ отставкѣ кн. Львова [3]). Я объ ней до того времени ничего не слыхалъ и, признаюсь, былъ огорченъ за насъ, а не за него. Его вознаградятъ безъ сомнѣнія лучшимъ мѣстомъ; но насъ подчиваютъ такимъ журавлемъ, что всѣхъ насъ бѣдныхъ квакуновъ уничтожитъ. Я полагаю имѣстѣ съ Московскою публикою, что Тургеневъ былъ отчасти предлогомъ, особенно потому, что б. Корфъ отзывался весьма недружелюбно о Сборникѣ и по преимуществу объ вашей статьѣ[4]). Впрочемъ его слова объ ней очень забавны: «Аксаковъ правъ и, кажется, вѣрно понялъ старый бытъ; статья могла бы быть очень полезною, но такъ какъ онъ не показалъ тѣхъ причинъ, по которымъ бытъ измѣнился и замѣненъ лучшимъ, то статья вышла вредною и крайне-опасною». Такой глупости по заказу не выдумаешь. Очевидно, дѣло не въ статьяхъ, а въ тонѣ и еще болѣе въ именахъ. Кажется, надежда на 2-й томъ очень плоха.

Перемѣны въ министерствахъ очень важны. Скажите вашему братцу, что я очень раздѣляю его прискорбіе объ удаленіи Пер. [5]); но вѣдь все дѣлается не такъ какъ думаютъ и гадаютъ дѣлатели. Крутой нравомъ и волею Бибиковъ въ тоже время отецъ инвентарей и пожалуй, въ одномъ отношеніи такъ можетъ дѣйст-

---

[1]) Вѣроятно по поводу стихотворенія „Къ Россіи.“ *Изд.*

[2]) Матери К. С. Аксакова. *Изд.*

[3]) Московскій цензоръ князь Владиміръ Владиміровичъ Львовъ (авторъ „Сѣраго Армяка“) былъ временно уволенъ отъ должности за допущенныя яко бы послабленія печати. *Изд.*

[4]) О древнемъ бытѣ у Славянъ. *Изд.*

[5]) Льва Алексѣевича Перовскаго; онъ замѣщенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ. *Изд.*

Digitized by Google

вовать, что самъ А. Н. Р. [1]) сказалъ бы спасибо. Я не желалъ бы никакихъ рѣзкихъ мѣръ по этой части. Но чтоже дѣлать, когда никто не хочетъ разрѣшать задачу по мѣрѣ силъ и въ своемъ кругу? Все лучше чѣмъ застой крѣпостнаго вопроса и безнравственность теперешнихъ отношеній, а особенно безнравственность равнодушія общаго къ нимъ. За Попова не боюсь даже и тогда, когда Блудовъ, сдѣлавшись канцлеромъ, будетъ отстраненъ отъ законодательной стряпни. Нашъ малютка не пропадетъ [2]), прошмыгнетъ куда нибудь и хвать! очутится еще выше, чѣмъ теперь сидитъ; но бѣда, если законодательство будетъ поручено Требоніяну-Панину. Онъ съумѣлъ бы перепутать даже Римское право, еслибъ его допустили запустить туда пальцы.

Если вы или братецъ вашъ въ Москвѣ, спросите у Елагиныхъ конецъ статьи моей на Французскомъ діалектѣ. Я имъ очень доволенъ. Некому поручить хлопотать объ ней, то я прошу В. А. Елагина поискать, не найдется ли какой нибудь оказіи изъ Москвы, чтобы не прибѣгать къ Петербургскимъ знакомымъ; хорошо, если безъ нихъ удастся обойтись. Она очень была бы нужна, именно теперь. Пальмеръ, отъ котораго я недавно получилъ письмо изъ Англіи, находится въ настоящей осадѣ. Католики, пользуясь глупостію Грековъ, приступаютъ къ нему и очень ловко: просятъ объ одномъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Римъ, а тамъ разумѣется ужъ его не выпустятъ. Я желалъ бы поспѣшить дать ему помощь, но скоро ли удастся передать ему слово совѣта? Все это очень и очень грустно.

Прощайте, любезный Константинъ Сергѣевичъ; скажите мой поклонъ всѣмъ вашимъ.

Сентября 15 дня.

Скажите батюшкѣ, что какъ онъ видѣлъ страннаго бѣляка, такъ я недавно видѣлъ страннаго русака; но травить не удалось: пропалъ неизвѣстно куда. Русакъ огромной величины, съ темной полосой на спинѣ, съ бѣлыми пятнами на бокахъ и

---

[1]) Не Александръ ли Николаевичъ Раевскій? *Изд.*

[2]) А. Н. Поповъ былъ малъ ростомъ, какъ видно по картинкѣ, приложенной къ „Русскому Архиву“ 1884 года: „Хомяковъ и его пріятели.“ *Изд.*

Digitized by Google

бѣлою шеею, при томъ весь лохматый. Никто изъ охотниковъ такого не видалъ. Досадно, что не удалось затравить.

4.

Что это, любезный Константинъ Сергѣевичъ, ни отъ васъ, ни отъ братца вашего нѣтъ ни слуха, ни послушанія. Доволенъ ли братецъ вашъ, довольны ли вы отвѣтомъ моимъ на сдѣланный мнѣ запросъ? Кошелевъ былъ сильно взволнованъ, писалъ ко мнѣ, говорилъ Самарину. Я ему писалъ про содержаніе моего отвѣта; не знаю, будетъ ли онъ доволенъ. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ я отправилъ къ вамъ свое философствованіе и уже начинаю сомнѣваться получили ли вы его. О себѣ мнѣ почти нечего писать. Гильфердингъ благодарилъ меня за сообщенное мнѣніе объ исторіи Прибалтійскихъ Словянъ и очень меня обрадовалъ тѣмъ, что оно совершенно совпадаетъ съ его розъисканіями, и онъ этимъ дѣломъ занимается съ особымъ тщаніемъ. Въ этомъ я вижу оправданіе моего историческаго метода, приводящаго къ вѣрнымъ выводамъ даже при ограниченныхъ данныхъ. Теперь перебираю корни Санскр. въ сравненіи съ Русскими; это дѣло скучное и утомительное, но оно представляетъ большія выгоды, полагая начало опредѣленію сродства языковъ по звучной физіономіи, и непремѣнно отдѣлитъ Славяно-Литово-Латинскую семью отъ остальныхъ. Любопытны и частныя явленія, напр. *трика*-трава объясняетъ намъ нашу поговорку народную; *сіяна-сакуни*, т. е. соколъ-птица, объясняетъ нашъ *ясень соколъ* и наконецъ, глаголъ *чела*-думать даетъ намъ лучшую и единственно разумную этимологію слова человѣкъ, какъ *огневикъ*, *паровикъ* и т. д. съ аффиксомъ *викъ*, обозначающимъ жизненный характеръ или его процессъ или его исходное начало. *Человыкъ*—мыслитель, мыслеживущій. Я вижу васъ: вамъ это нравится, и вы осклабляетесь, созерцая такую глубокую мудрость нашихъ предковъ. Quantum mutati ab illis! Увы, потомки Карла Великаго дожили до семейнаго кретинизма. Deus avertat omen! а что-то похоже.

Прощайте, любезный Константинъ Сергѣевичъ. Лѣто мое уходитъ въ скучныхъ заботахъ. Изъ чужихъ краевъ нѣтъ никакого отвѣта. На дняхъ ѣду верстъ за 50 посаженымъ отцомъ къ А. Н. Попову, который, какъ вы уже вѣроятно знаете, же-

Digitized by Google

нится на Мосоловой. Я радъ его счастію, но плохаго онъ выбралъ посаженаго отца. Прощайте опять. Будьте здоровы, кланяйтесь вашему батюшкѣ, братцу и всѣмъ вашимъ.

1854 г.

5.

Любезный, Константинъ Сергѣевичъ! Меня сильно зовутъ въ Петербургъ. Разумѣется, я и не думаю ѣхать; но говорю вамъ объ этомъ обстоятельствѣ какъ объ указаніи (можетъ быть) бо́льшей къ намъ благосклонности. Поэтому очень будетъ хорошо кому нибудь изъ насъ попробовать броды цензурные и, кажется, вы всѣхъ готовѣе на такую попытку. Не знаю, говорилъ ли Иванъ Сергѣевичъ, что я совѣтую вамъ попробовать отвѣчать Соловьеву на его нападеніе по вопросу о родовомъ бытѣ. Дѣло само по себѣ удобное и невинное и къ цензурѣ способное; да сверхъ того вы, разумѣется, должны сказать, что первая статья напечатана *тамъ-то*: тутъ еще будетъ заключаться опытъ, пропустятъ ли въ цензурѣ имя оподозрѣннаго изданія. Все это не безполезно, а между тѣмъ безопасно. Статью о Воспитаніи по предмету я бы очень совѣтовалъ представить, но не очень помню подробности; кажется, она нѣсколько отвлеченна, да это опять не бѣда. Смѣшно подумать, что мы ищемъ возстановленія правъ, которыхъ лишены вслѣдствіе безтолковѣйшаго подозрѣнія. Это подозрѣніе напоминаетъ мнѣ барина, который во снѣ руку отлежалъ, да случайно съ просонокъ, ощупавъ ее другою, закричалъ караулъ. Своей руки не узналъ! Насилу догадался; догадаются ли у насъ? Изъ Питера все слышно доброе. Ермоловъ прянятъ великолѣпно. Авось дастъ онъ какіе нибудь добрые совѣты по дѣламъ военнымъ. Какъ ихъ сумѣли испортить! И скоро ли поправятъ? И едва ли можно ждать мира.—Напрасно Иванъ Сергѣевичъ не послушался моего совѣта и не поѣхалъ въ Питеръ. Если будутъ, а навѣрное будутъ, въ министерствахъ перемѣны, ему надобно быть на лицо, и во всякомъ случаѣ хорошо бы пройти лѣтомъ по теченіямъ и отмелямъ; да и доброе слово, сказанное во время, можетъ быть очень полезно.

Прощайте, любезный Константинъ Сергѣевичъ; будьте здоровы. Скажите мой поклонъ и почтеніе батюшкѣ и матушкѣ. Я

Digitized by Google

на дняхъ ѣду въ Тулу, чтобы передъ выборами кое съ кѣмъ поговорить.

Марта 12 дня (1855).

6.

(1855).

Дѣла принимаютъ новый оборотъ, но оборотъ также не безопасный. Нѣкоторый духъ жизни и свободы пробудился, очевидно вызываемый правительствомъ. Это уже видно изъ крайне замѣчательнаго приказа В. К. К. Н. *), хотя я не знаю, на какую именно онъ записку ссылается (говорятъ, будто это записка Истомина). Но теперь что же? Всѣ молчавшіе, всѣ рабствовавшіе въ то время, какъ мы одни смѣли небезопасно для себя просить свободы и протестовать противъ офиціальнаго одурѣнія, всѣ встрепенулись, и кричатъ, и поютъ про свободу мысли. Западъ встрепенется, правда, уже лишенный своей рѣзкой особенности, но тѣмъ не менѣе опасный, потому что опасность его состоитъ не столько въ его цвѣтѣ, сколько въ его безцвѣтности. Что же тогда? Развѣ не тотъ же вздоръ, не таже фривольность? Разумѣется, надобно благодарить Бога за свободу слова, но благодарить какъ Аяксъ за свѣтъ дневной, т.-е. какъ за возможность сражаться и слѣдовательно приниматься сильно за борьбу. Вѣрьте мнѣ, все что мы сдѣлали для пробужденія общественнаго сна, весь нашъ протестъ или забудется, или же забытъ. Если мы теперь не выступимъ съ силою, нашъ нравственный авторитетъ (хоть и небольшой, но все-таки уже пріобрѣтенный) пропадетъ въ мигъ. Вспомните, что я сказалъ у Елагиныхъ, кажется, при васъ: «*Для насъ* Николай Павловичъ умеръ слишкомъ рано». Этаго забывать не должно. Да: теперь дѣло идетъ завоевать Россію, овладѣть обществомъ, и все это не невозможно. Слѣдовательно, задачу надобно выразить иначе: дѣло идетъ дать обществу если не серьозность, то зачатки серьозности, заготовить торжество нашей мысли тѣмъ, чтобы люди нѣсколько привыкли мыслить и подчинить жизнь мысли и убѣжденію; наконецъ, дѣло идетъ—ввести нравственное начало, опредѣленное и строгое, въ шаткость общественной и частной жизни. Нѣсть наша борьба крови и плоти.

---

*) См. этотъ приказъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, III, 201. *Изд.*

Digitized by Google

7.

Вотъ вамъ, любезный К. С., письмо мое къ Г.[1]), дружеское и кредитивное, и работа моя. Кажется, она не мертвая, не смотря на видимую сухость предмета и (какъ вы, къ дѣлу привычные, сами увидите) не безтрудная. Можете представить, чего стоило иногда одно слово, котораго выводныхъ или корня надобно было искать по цѣлому лексикону, подъ разными буквами. Впрочемъ, оставимъ это. Вы сами скажете мнѣ свое мнѣніе. Перейду къ другому, важнѣйшему.

Хочу вамъ писать о вашемъ письмѣ. Очевидно (и я это говорю съ особеннымъ удовольствіемъ), мы совершенно одинаковаго мнѣнія насчетъ главнаго вопроса. Вы, съ совершенною ясностью и съ справедливою оцѣнкою слабости человѣческой и правъ чувства передъ сухою логикою, расширяете кругъ частныхъ прошеній; но, по моему мнѣнію, вы тутъ увлекаетесь опять слишкомъ далеко. Кажется, человѣческой личности и ея естественной ограниченности вы даете излишній просторъ. Съ одной стороны, это меня радуетъ, потому что вы были склонны слишкомъ утѣснять эту бѣдную личность, напр. хоть въ искусствѣ, гдѣ вы стояли за полную безымянность (забывая слѣпаго старика и всю поэзію Евреевъ, въ высшей степени народную, и другихъ). Какъ я говорю, эта реакція меня радуетъ; но, съ другой стороны, вы уже опять даете лицу въ молитвѣ права, которыхъ оно не имѣетъ. Оговорка «да будетъ воля Твоя» существуетъ, правда, въ самой идеѣ христіанской молитвы; но ея еще недостаточно. Шутливый противникъ Іезунтовъ[2]) говорилъ, что они учатъ людей (разумѣется, благовоспитанныхъ), какъ просить у Бога не только «le pain quotidien» (хлѣба насущнаго), mais encore du pain beurré (но еще и хлѣба съ масломъ). Въ этой шуткѣ много глубокой правды. Безъ сомнѣнія, въ минуты тяжкой скорби и невыносимаго страданія, просьба человѣка будетъ носить характеръ этой минуты: ибо тогда она совпадаетъ съ молитвою о насущномъ хлѣбѣ, которую излишняя духовность напрасно толковала въ смыслѣ молитвы о дарахъ

---

[1]) Гильфердингу. *Изд.*

[2]) Паскаль, котораго Хомяковъ часто называлъ своимъ учителемъ. *Изд.*

Digitized by Google

духовныхъ (въ эту натяжку впадали и иные изъ Св. Отцевъ). Но пусть вы въ дѣтствѣ просили у Бога слоёныхъ пирожковъ: дѣтство имѣетъ передъ Богомъ свои права; теперь такой молитвы вы себѣ не позволите, и никто не позволитъ. Почему же? Потому что молитва, кромѣ покоренія волѣ Божіей, требуетъ обновленнаго сердца и не рабствуетъ плоти, съ ея даже невинными желаніями. Не грѣхъ предпочитать вино водѣ и слоёный пирогъ черствому хлѣбу (этому служитъ доказательствомъ чудо въ Канѣ Галилейской и слова Павла о ѣдѣ и постѣ), но грѣхъ переносить требованія или услажденія жизни земной (разумѣется своей, а не чужой) въ молитву. Христосъ обратилъ воду въ вино не для Себя, а для другихъ, и тѣмъ научилъ насъ стараться не только о сытости, но и о комфортѣ братій нашихъ (опять наперекоръ нашимъ псевдоаскетамъ).

Поэтому, нимало не отвергая, что молитва есть и просьба, я полагаю, что кругъ ея въ этомъ смыслѣ весьма тѣсенъ и что слѣдовательно личности въ ней не должно быть излишняго простора.

За этимъ, не скажу возраженіемъ, но поясненіемъ (ибо полагаю, что такова же была и ваша, только недосказанная, мысль), разумѣется, я съ вами во всемъ согласенъ. Прибавлю нѣсколько словъ о чудѣ. Во-первыхъ, я нахожу, что вы совершенно вѣрно называете видимое чудо еще грубымъ проявленіемъ воли Божіей (точнѣе, проявленіемъ для грубыхъ). Св. Писаніе называетъ его *знаменіемъ*. Помните, что́ я писалъ въ другомъ, вамъ извѣстномъ, письмѣ о страсти нѣкоторыхъ людей къ чудесамъ извѣстнаго рода. Такова причина, почему я не допускаю или, лучше сказать, съ досадою отвергаю въ Христіанствѣ всѣ эти *періодическія чудеса* (яйцо пасхальное, воду Богоявленскую, и пр.), до которыхъ много охотниковъ. Это все, мало-по-малу, дало бы, разъ допущенное, самому Христіанству характеръ идолопоклонства и, какъ вы говорите, немало было и есть еще попытокъ обращать вѣру въ магію или, по моему названію, въ Кущитство. Къ этому особенно склонны паписты; но изъ нихъ нѣкоторые постигали опасность и возставали противъ зла, напр. Боссюетъ смѣло сказалъ: «il y en a qui du Christ même se font une idole» (есть люди, которые даже изъ

Digitized by Google

Христа дѣлаютъ себѣ идола). Но вообще, о чудѣ, miraculum, можно сказать только то, что̀ сказано въ самомъ его названіи: вещь удивительная. Теперь, почему вещь удивительная должна считаться частнымъ нарушеніемъ общихъ законовъ, я не вижу. Въ Америкѣ вамъ показываютъ толстый брусъ желѣза, который виситъ на воздухѣ. Приглашаютъ васъ его опустить; вы налегаете, онъ подается и потомъ васъ поднимаетъ, и происходитъ забавная борьба между вами и висящимъ брусомъ. Ну не чудо ли это? Нѣтъ, говоритъ Б..., это гальванизмъ. Правда; но оно не чудо, потому что вы знаете силу, которою производится частное явленіе, повидимому, нарушающее общій и непреложный законъ тяжести. Отнимите ваше знаніе, и остается дѣло колдовства, магіи, чудо. Исцѣленъ слѣпой; вы говорите—чудо, и правы: оно удивительно, но оно точно также проявленіе силы, о которой вы еще не имѣете полнаго знанія.

Чтобы дѣло яснѣе понять, надобно бы сперва спросить: что̀ такое сила, сила вообще? Это вопросъ очень важный и который непремѣнно ставитъ втупикъ матеріалиста. Вещество является намъ всегда въ пространствѣ, въ атомистическомъ состояніи. Очевидно, никакая частица вещества не можетъ дѣйствовать внѣ своихъ предѣловъ, т. е. дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Итакъ никакой частной силы быть не можетъ, и сила является принадлежностью не дробнаго вещества, но *все-вещества*, т. е. уже не вещества, но идеи, уже не дробимой, но всецѣлой, не рабствующей чему иному, но свободно творящей силу. Итакъ сила сама есть только иное названіе воли. Какой? Самая плохая логика доводитъ уже тогда до идеи, что эта воля есть воля Божія. Тутъ явно исчезаетъ всякій споръ, всякое несогласіе между чудомъ и обычнымъ ходомъ міра. И въ этомъ мірѣ воли Божіей, свободной, ходитъ опять свободная наша воля, всегда свободная въ себѣ, хотя всегда подчиненная (какъ вы сказали) высшей волѣ въ отношеніи своего проявленія или послѣдствій своего проявленія. Такъ желающій вредить можетъ помочь нехотя, и желающій помочь—вредить нехотя. Но воля Божія проявляется не для себя, а для разумнаго творенія, человѣка, и когда воля человѣка, по своимъ чистымъ и святымъ побужденіямъ (всегда любви), совпадаетъ съ характеромъ воли Божіей (т. е.

Digitized by Google

любви и святости), происходятъ новыя явленія, повидимому, чуждыя общему порядку вещей. Въ этомъ, для меня, проявляется нравственный характеръ того, что̀ мы вообще называемъ силою. Не знаю, ясно ли высказалъ я свою мысль; но для меня ясно, что всякое явленіе міра физическаго есть только непонятное нами проявленіе—грамота—воли святой, Божіей. Очевидно, мы съ вами согласны.

Замѣтьте, возвращаясь къ молитвѣ, что всякое исполненіе молитвы есть чудо, и что, по тому самому, ея исполненіе обусловливается, какъ и всякое чудо, совпаденіемъ *характера* просьбы съ *характеромъ воли* Божіей въ любви и святости. Христосъ ходилъ хозяиномъ въ мірѣ воли Божіей, по совершенству своего духовнаго существа; но Онъ отвергъ всякое чудо ненужное, въ отвѣтѣ, обличавшемъ сатану: «не искушай Господа Бога».

Вотъ вамъ отвѣтъ на ваше письмо, а толки еще будутъ впереди.

Digitized by Google

Къ И. С. Аксакову.

1.

Благодарю васъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ, за письмо и за самый вопросъ, къ которому вы въ немъ приступили[1]). Вы совершенно правы въ томъ, что не смущаетесь общепринятымъ мнѣніемъ. Такъ называемое мнѣніе есть весьма часто пустая или неясная формула, допущенная въ обиходъ для устраненія мнѣній, которыя подъ нею притаиваются, нерѣдко разнотлася между собою и связываясь съ формулою тонкими нитями діалектики, допускающими почти совершенное отрицаніе. Вотъ причина, почему я позволяю себѣ не соглашаться во многихъ случаяхъ съ *такъ называемымъ* мнѣніемъ Церкви и почему вы, съ своей стороны, могли, съ нѣкоторою справедливостью, сказать такое строгое слово о Церкви исторической. Въ тоже время я увѣренъ, что добросовѣстное мнѣніе имѣетъ полное право высказаться, и что, если оно справедливо, оно, до нѣкоторой степени, оправдаетъ общепринятую формулу, уясняя ее и не встрѣтивъ того осужденія, которое вы предвидите со всѣхъ сторонъ, отъ Грека и Скиѳа, отъ мірянина и духовнаго.

Я отчасти испыталъ это съ своимъ «Исповѣданіемъ». Многіе, предубѣжденные ходячими формулами, думали, что духовные меня осудятъ чуть-чуть не на костеръ; а на повѣрку вышло, что всѣ тѣ, которые прочли, согласились, что оно вполнѣ православно и только къ тисненію неудобно или сомнительно[2]). Убѣжденія или мнѣнія и формулы обиходныя далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ, и я считаю себя въ правѣ быть смѣлымъ въ отношеніи къ формулѣ, вполнѣ преклоняясь предъ убѣжденіемъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, письма И. С. Аксакова, на которое здѣсь отвѣчаетъ А. С. Хомяковъ, мы не имѣемъ. *Изд.*

[2]) А. С. Хомяковъ говоритъ о своемъ „Опытѣ Катихизическаго изложенія ученія о Церкви". „Церковь одна". См. 2-й томъ.

Digitized by Google

Вѣрую Церкви, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ошибки или лжи.

Прежде чѣмъ приступлю къ самому вопросу, я позволю себѣ сдѣлать вамъ маленькій упрекъ, по случаю одного отдѣльнаго выраженія. Вы, оправдывая горе и отчасти невольный ропотъ (въ чемъ конечно васъ обвинять нельзя), приводите въ примѣръ слова Христа: «вскую Мя еси оставилъ?». Вы въ этомъ неправы. Въ словахъ Спасителя мы никогда ничего не можемъ видѣть кромѣ истины, безъ примѣси какой бы то ни было гиперболы чувства. Христосъ на крестѣ судится, такъ сказать, съ Богомъ, т. е. съ неумолимою логикою міроздания. Онъ, невинный, жертва этой логики. Онъ одинъ оставленъ милосердіемъ Божіимъ, именно для того, чтобы никто кромѣ Его не былъ оставленъ и не могъ роптать, и эту-то высокую истину Онъ выразилъ въ Своемъ скорбномъ обращеніи къ Отцу. Вы за это замѣчаніе на меня пѣнять не будете.—Еще другое вводное слово. Вы обвиняете Винѣ (Vinet), съ нѣкоторою досадою, за выраженіе, что человѣкъ, часто испытанный страданіемъ, имѣетъ причины считать себя «особенно любимымъ» и т. д. Я не стану оправдывать выраженія, можетъ быть не вполнѣ строгаго; но смыслъ его вы оправдали, сами того не замѣчая. Въ серединѣ письма вы говорите: «счастливцу легче забыть Бога, чѣмъ страдальцу, которому нѣтъ другаго утѣшенія». Избавленіе отъ искушенія не есть ли милость, и не оправданъ ли нашъ общій другъ Винѣ?

Перейдемъ къ самому вопросу. Онъ, повидимому, самостоятеленъ; но дѣйствительно, по отношенію молитвы къ грѣху, грѣха къ судьбѣ человѣчества, разумѣнія и познанія къ волѣ и дѣйствію, онъ входитъ въ разрядъ тѣхъ неисчислимыхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія свободы человѣческой и Божьяго строительства (или необходимости) и которые надѣлали столько хлопотъ человѣческому уму, что Мильтонъ считаетъ ихъ наказаніемъ для чертей въ аду*). Эти отношенія

*) Others apart sat on a hill retired
In thoughts more elevate and reasoned high
Of Providence, foreknowledge, will, and fate,
Fixed fate, free will, foreknowledge absolute;

Digitized by Google

можно покуда отстранить, и тогда вопросъ значительно упрощается. Общія или обиходныя формулы: человѣкъ наказывается за грѣхи несчастіемъ, или посредствомъ жизненнаго горя освобождается (положимъ, хоть отчасти) отъ отвѣтственности за свои проступки. Кромѣ послѣдняго положенія (не общепринятаго и чисто-Латинскаго), эти формулы можно принять и, будучи ясно поняты, онѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно согласны съ истиною. Затрудненія ваши возникаютъ, если не ошибаюсь, изъ двухсмысленнаго употребленія слова *грѣхъ* въ общемъ разговорѣ и даже въ ученіи духовныхъ писателей. Это слово обозначаетъ: или собственно проступокъ личный человѣка, противный законамъ Божіей правды, или общее отношеніе человѣчества къ Богу, возникшее изъ первоначальнаго нарушенія закона, предписаннаго человѣку. Міръ есть твореніе, мысль Божія и, самъ по себѣ, онъ представляетъ полную и строгую гармонію красоты и блаженства. Духъ, нарушающій законъ Божественной правды, становится, по необходимости, въ состояніе вражды съ Божіею мыслію, съ гармоніею мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, если бы оно не умѣрялось постоянно благостью Божіею. Высшее или полнѣйшее выраженіе этого страданія—смерть, проходящая черезъ всю земную жизнь человѣка, въ разнообразіи своихъ частныхъ и неполныхъ проявленій, отъ расшибленнаго лба, занозы и даже самой легкой непріятности, до нестерпимаго страданія и горя. Человѣкъ, каждый, дольникъ грѣха, по необходимости дольникъ

And found no end in wandering mazes lost.
Ogood and evil much they argued then,
Of happiness and final misery,
Passion and apathy, and glory and shame.
Vain wisdom all and false philosophy.
(Milton. Paradise Lost, 2 Book, v. 557).

Другіе (бѣсы), болѣе возвышенные въ мысляхъ, сидѣли поотдаль на уединенной горѣ, сладко между собою бесѣдуя о промыслѣ, о предвѣдѣніи, о волѣ, о судьбѣ. Они опредѣляли, что есть судьба, свобода воли, безусловное предвѣдѣніе и не могли наговориться, путаясь въ сѣтяхъ своихъ умственныхъ построеній. Много они тогда наговорились о добрѣ и злѣ, о счастьи и о конечномъ бѣдствіи; о страсти и объ апатіи, о славѣ о позорѣ. Все это было суемудріе и любомудріе ложное... (Мильтонъ, Потер. Рай, книга 2 ст. 557). *Изд*

Digitized by Google

страданія и, слѣдовательно, страдаетъ *вслѣдствіе, но не въ мѣру* своей доли нравственной нечистоты. Не страданіе человѣка, а его полное счастіе было бы въ высшей степени явленіемъ антилогическимъ. Итакъ, совершенно справедливо говоритъ обиходная формула, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя бы, можетъ быть, яснѣе было сказать *за грѣхъ*, т. е. *за грѣховность свою*. Одинъ только Христосъ, не будучи дольникомъ грѣха и подчинившись добровольно логикѣ человѣческихъ отношеній къ Божіему міру, т. е. страданію и смерти, осудилъ эту логику, сдѣлавъ ее несправедливою къ человѣку вообще, котораго Онъ въ Себѣ представлялъ, хотя безъ Него она была бы справедлива къ каждому отдѣльному человѣку. Онъ безъ грѣха, изъ любви, принялъ всѣ условія земной жизни, не принимая даже заслуженнаго блаженства, чтобы не разлучиться съ братьею, обращая такимъ образомъ добровольно-принятый грѣхъ человѣческаго неповиновенія и неправды въ добродѣтель и высшую правду любви. Я не привожу текстовъ, подтверждающихъ это вѣрованіе по самой простой причинѣ: если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво. Человѣкъ страдаетъ какъ дольникъ грѣха. И такъ совершенно справедливо сказать, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя крайне неразумно было бы думать, что онъ страдаетъ по мѣрѣ своей доли, какъ нѣкоторые думаютъ, и какъ можно бы предположить изъ отдѣльныхъ выраженій Св. Отцовъ. Мѣра каждаго *безмѣрна*, какъ грѣхъ вообще, и въ каждомъ она облегчается милостію Божіею, по закону Его общаго строительства, неизвѣстному ни намъ, ни даже высшимъ Его созданіямъ, какъ можно заключить изъ однаго мѣста посланія къ Ефесеямъ [1]). Вы совершенно правы, говоря, что Богъ не наказываетъ человѣка, а что зло само себя наказываетъ по неотразимому закону логики и, въ этомъ случаѣ, я вамъ дамъ текстъ для оправданія противъ тѣхъ, которые стали бы васъ обвинять. Апостолъ Іаковъ говоритъ: «какъ самъ Богъ не искушается зломъ, такъ и не искушаетъ Онъ никого» [2]), а напротивъ того: «всякое даяніе благо

---

[1]) Гл 3, ст. 10.

[2]) Іак. гл. 1, ст. 13.

Digitized by Google

и всякъ даръ совершенъ свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ» [1]). Зломъ тутъ называетъ онъ не страсти, а всякое зло жизненное; ибо онъ прежде сказалъ: «блаженъ человѣкъ, претерпѣвшій искушеніе» [2]). Что человѣкъ страдаетъ не по той мѣрѣ личнаго грѣха, т. е. видимаго проступка, которую мы склонны ставить въ соотношеніе съ страданіемъ, въ томъ намъ свидѣтельствуетъ Самъ Христосъ, когда на вопросъ: почему человѣкъ боленъ, по своимъ ли грѣхамъ или по грѣхамъ родителей, Онъ отвѣчалъ: «ни по тѣмъ, ни по другимъ, но да явится на немъ сила Божія». Если, въ одномъ случаѣ Онъ такъ сказалъ, то ни въ какомъ случаѣ намъ нельзя искать того отношенія между грѣхомъ и страданіями, которое многими предполагается. Разумѣется, что больной, о которомъ говорилъ Спаситель, все-таки страдалъ какъ дольникъ грѣха, и словами Спасителя отстраняется только ложная идея мѣры; ибо иначе мы должны бы были предположить, что больной страдалъ сверхъ мѣры, т. е. несправедливо. Самъ же грѣхъ наказываетъ себя логическимъ выводомъ—страданіемъ, всегда умѣряемымъ милосердіемъ Божіимъ. Итакъ сознаніе, что человѣкъ страдаетъ за свой грѣхъ (какъ дольникъ грѣха), и сознаніе грѣха въ каждомъ страданіи, какъ бы оно ни было ничтожно, совершенно справедливо. Тоже самое относится и ко всякому неразумію, которое есть только одна изъ формъ духовнаго страданія. Въ сужденіи о Вине не должно забывать, что онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «les péchés sont le péché» (грѣхи суть грѣхъ) и чрезъ это отстраняетъ идею мѣры, которая васъ, мнѣ кажется, сбила; ибо, отстранивъ ее, выдетъ, что вы согласны и съ Вине, и съ ученіемъ всего Христіанства, кромѣ Латинствующихъ.

Вине говоритъ о страданіи какъ воспитателѣ, данномъ намъ отъ Бога. Когда вы признаёте, что счастливцу легче забыть Бога чѣмъ страдальцу, не тоже ли вы говорите? Но почему этотъ воспитатель дается одному, а не дается другому? Кто скажетъ, почему не всѣмъ людямъ одна судьба? Въ похвалѣ страданію вообще много риторства, это правда; но не должно его оставлять и безъ похвалы. Вы совершенно правы, а что

[1]) Тамъ же, ст. 17.
[2]) Тамъ же, ст. 12.

Digitized by Google

еще лучше, правы съ теплотою душевною, когда говорите, что Богъ учитъ всѣмъ, скорбью и радостью, солнцемъ и бурею. Но что жъ изъ этого? Пословица все-таки права: «громъ не грянетъ, мужикъ (человѣкъ) не перекрестится». По крайней мѣрѣ часто такъ бываетъ.

О страданіи и счастіи я готовъ сказать то, что Павелъ о постѣ: «ты не ѣшь и благодаришь Бога; другой ѣстъ и благодаритъ Бога, и оба дѣлаютъ хорошо». Вине говоритъ: «если ты много страдаешь, думай, что тебя Богъ много любитъ», а кого же Онъ любитъ немного? Или кого не любитъ Онъ, если человѣкъ только позволяетъ Богу любить его? Вине не правъ, ибо дозволяетъ какую-то гордость страданія. Объ этой гордости сказать можно тоже, что Варсонофій о гордости поста: «Ты постишься, а братъ твой ѣстъ, и ты этимъ хвалишься. Постъ—лѣкарство для души. Чѣмъ же ты хвастаешься, что съ помощію лѣкарства достигаешь здоровья, которое братъ твой имѣетъ не лѣчившись? Развѣ больные могутъ хвастаться?» Но они могутъ и должны благодарить Цѣлителя, понимая Его явную любовь. Богъ не *посылаетъ* страданія, логическаго послѣдствія грѣховности нашей; нѣтъ, Онъ постоянно умѣряетъ его ѣдкость; но Онъ не устраняетъ его, дабы человѣкъ не впалъ въ тупое довольство собою и міромъ. Страдалецъ благодаритъ Бога, счастливецъ также; оба равно Богу угодны. Въ этомъ я согласенъ и даже думаю, что благодарность счастливаго человѣка лучше и святѣе. Вине говоритъ (словъ не помню, но смыслъ таковъ): «Ты всталъ сытый изъ-за стола и взглянулъ на небо, и мысленно благодарилъ Бога—ты еще не благодарилъ. Удѣлилъ ли ты часть своей трапезы голодному? Или подумалъ ли умомъ и сердцемъ, какъ бы его насытить? Или, если все это тебѣ недоступно, поскорбѣлъ ли ты искренно объ его голодѣ? О, тогда ты благодарилъ». Страданіе способнѣе къ состраданію, чѣмъ счастіе (я говорю вообще, ибо иногда оно ожесточаетъ), и поэтому благодарность, т. е. выраженіе ея въ дѣятельности любви къ ближнему, труднѣе счастливому, чѣмъ несчастному. По этому самому человѣкъ, признавая страданіе за послѣдствіе и слѣдовательно за наказаніе грѣха, долженъ благодарить Бога, допустившаго это страданіе и убавившаго, такъ сказать, тягость счастія, которой онъ не умѣлъ носить.

Digitized by Google

Вы видите, что мысль моя очень похожа на вашу и что вообще разница между вами и общепринятою формулою заключается собственно въ томъ, что въ нее вводятъ идею не только зависимости скорби отъ грѣха, но еще какого-то ариѳметическаго отношенія скорби къ грѣху, т. е. чистую и явную нелѣпость. Отстраните ее, и вы согласитесь, что если бы человѣкъ былъ безгрѣшенъ, Богъ бы не могъ его посѣщать страданіемъ или смертію: смерть обратилась бы въ преображеніе. Это служитъ отвѣтомъ на безумное мнѣніе, недавно возведенное въ догматъ папою, о полной безгрѣшности Божіей Матери.

Но тутъ снова встрѣчается тотъ безконечный вопросъ, о которомъ я уже говорилъ, вопросъ о совмѣщеніи свободы и необходимости. Какимъ образомъ можетъ человѣкъ, такъ сказать, требовать и вытребовать измѣненія логическихъ законовъ мірозданія? Какимъ образомъ можетъ онъ отъ Бога, всегда умѣряющаго строгость логическаго закона, т. е. враждебность міра (Его мысли) къ человѣку, отвергшему святость этой мысли, исмросить еще бо̀льшаго умягченія закона въ частномъ случаѣ? Вопросъ очевидно неразрѣшимъ вполнѣ; но, въ тоже время, душа какъ-то чувствуетъ, что различіе между закономъ мысли Божіей въ отношеніи ко всему міру и въ отношеніи той же мысли къ каждому данному случаю выдумано бредомъ нашей слѣпоты и не имѣетъ никакой существенности. Законы нравственнаго міра также непреложны какъ и законы физическаго міра (который есть въ тоже время и нравственный); а между тѣмъ мы чувствуемъ, что наша воля (разумѣется подъ благодатію) измѣняетъ насъ самихъ и, слѣдовательно, наши отношенія къ Богу. Почему же таже воля, выраженная въ молитвѣ, не могла бы измѣнить и отношеній нашихъ къ міру внѣшнему? Скажете ли, что въ одномъ случаѣ молитва, явно законная (ибо есть требованіе улучшенія), не можетъ не быть исполнена, а въ другомъ ея исполненіе было бы, такъ, сказать, незаконнымъ, ибо оно нарушило бы логику всеобщихъ явленій? Тутъ болѣе кажущейся, чѣмъ истинной правды. Я гордъ и прошу исправленія отъ гордости; я тону и прошу спасенія отъ воды. Гордость моя есть, такъ же какъ и опасность моя, логическій выводъ изъ цѣлаго ряда предшествовшихъ, внутреннихъ проступ-

Digitized by Google

ковъ, увлекающихъ меня къ новымъ проступкамъ или порокамъ; а за всѣмъ тѣмъ воля, подъ Божіимъ благословеніемъ, останавливаетъ мое паденіе. Съ меньшею явностью относится этотъ законъ и къ физической опасности, но онъ остается тотъ же.

Однажды двѣ дамы говорили цѣлый вечеръ о чудесахъ; покойная жена моя, бывшая при этомъ, вернулась въ дурномъ расположеніи духа и на вопросъ мой, «чѣмъ она недовольна?» разсказала мнѣ весь разговоръ. «Я всё-таки не вижу, чѣмъ ты недовольна?» — «Видно, онѣ никогда не замѣчали, сколько чудесъ Богъ совершаетъ въ насъ самихъ, что столько хлопочутъ о чудесахъ внѣшнихъ».—Просите царства Божіяго, и все приложится вамъ. Всякая молитва заключается въ «Отче нашъ»; но, мнѣ кажется, вы ошибаетесь невольно, когда идею воли Божіей вы ограничиваете логическимъ развитіемъ міровыхъ законовъ. Они—выраженіе Его воли, но не оковы, наложенныя на Его волю. Къ чему же просить нарушенія законовъ, которымъ я подчинился вслѣдствіе грѣховности, т. е, законовъ страданія внѣшняго, которое часто спасительно? Къ тому, что естественно просить избавленія отъ него и улучшенія внутренняго въ жизни безскорбной. Это естественно. Хороша покорность въ страданіи, еще лучше благодареніе за страданіе; но искренно пропѣтый благодарственный гимнъ (выражающійся всею жизнію) за избавленіе отъ скорби точно также великолѣпенъ, какъ Іовово терпѣніе; а душа проситъ всякаго счастія.

Видимое улучшеніе жизни физической, происходящее отъ простаго напряженія умственныхъ способностей (въ Англіи), будущее усовершенствованіе жизни земной, которое вы предвидите, по моему, весьма справедливо, ставятъ въ вашихъ глазахъ всѣ эти явленія внѣ зависимости отъ закона нравственнаго. Это едва ли справедливо. Множествоороковъ, въ ихъ явной отвратительности и уродливости, дѣлаются невозможными въ образованной землѣ, такъ же какъ засуха или чума. Слѣдуетъ ли изъ этого, что нравственный законъ также подчиненъ необходимому развитію? Англія выше Россіи въ жизни физической и общественной—правда; но она и выше ея и въ приложеніи своихъ нравственныхъ законовъ (хотя самые

Digitized by Google

законы могутъ быть и ниже). Человѣкъ гадитъ свою внутреннюю жизнь, также какъ и зажигаетъ домъ свой, часто изъ невѣдѣнія. Во всѣхъ случаяхъ мы просимъ разумѣнія и мудрости и во всѣхъ, кромѣ Божіей милости, идемъ и путемъ внѣшнимъ, размышленіемъ, чтеніемъ, бесѣдою и т. д. Я скажу болѣе: самое улучшеніе въ физической жизни народовъ едва ли не находится въ прямой зависимости отъ чувства взаимной любви, старающейся приложить всякое новое знаніе къ пользѣ другихъ людей-братій; не даромъ всякое просвѣщеніе дается только христіанскимъ народамъ. «Всякое даяніе благо (въ мірѣ физическомъ) и всякъ даръ совершенъ (въ мірѣ нравственномъ) свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ». Трудъ для пользы другихъ, безкорыстный (хотя отчасти), есть молитва, и молитва не только высшая, чѣмъ лепетаніе Славянскихъ словъ въ уголкѣ, передъ Суздальскою доскою, но высшая многихъ, гораздо болѣе разумныхъ молитвъ, въ которыхъ выражается какой-то загробный эгоизмъ болѣе, чѣмъ любовь. Молитвѣ, такъ сказать, нѣтъ предѣловъ. Отрывать ее отъ жизни, формулировать, заключать ее въ отысканіи «серединной точки» и проч., все это нелѣпо. Она цвѣтъ жизни. Какъ всякій цвѣтъ, она обращается въ плодъ; но она не лѣзетъ съ своимъ великолѣпнымъ вѣнкомъ изъ лепестковъ и сѣмянныхъ пучковъ, безъ стебля, листьевъ и корней, прямо изъ сухаго песка, лишеннаго всякой растительности. Она можетъ возникнуть, какъ нѣкоторыя тропическія растенія, почти въ одинъ мигъ, съ необыкновенною красою и блескомъ, или развиваться медленно, какъ Cactus Zeherit (или столѣтній цвѣтъ); въ обоихъ случаяхъ у нея были жизненные корни. Кому въ голову придетъ отдѣлить молитву Іисуса отъ Его проповѣди, отъ Его исцѣленій, отъ Его крестнаго подвига? А впрочемъ всякое счастіе нужно человѣку и всякое дается Богомъ: вспомните чудо въ Канѣ Галилейской.

Искренно благодарю васъ за ваше письмо. Оно много вытребовало размышленій; оно само проникнуто тѣмъ жаромъ и любовью къ истинѣ, которые одни только и могутъ оплодотворять жизнь. Видите, въ чемъ мы не совсѣмъ согласны, и что нигдѣ прямаго разногласія нѣтъ. Вы немножко слишкомъ много приписываете общему закону; но это очень естественно, пото-

Digitized by Google

му что вообще слишкомъ много даютъ простора *партикуляризму*. «Голова разболѣлась—это оттого, что на Кузьму и Демьяна я къ обѣднѣ не ходила». Жаль только, что ни одинъ помѣщикъ, когда у него болятъ зубы или спина, не подумаетъ, что это—вознагражденіе за оплеуху, данную камердинеру или за синяки на спинѣ крестьянина. Если бы я видѣлъ партикуляризмъ, принявшій тоже направленіе, грѣшный человѣкъ—не сталъ бы и возставать противъ него, хотя въ душѣ и отвергалъ бы.

Прощайте. Кажется, ереси въ васъ нѣтъ, а только нѣкоторый маленькій стоицизмъ и боязнь вмѣшивать Бога въ суету жизни земной. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы со мною согласитесь.

2.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Посылаю вамъ окончаніе Лютера [1]). Вы ждете отъ меня примѣчаній; но о примѣчаніяхъ я ни отъ Кошелева, ни отъ Макс. [2]) ничего не слыхалъ. По моему же они не нужны. Иное бы было дѣло—введеніе съ опредѣленіемъ Реформаціи и эпохи реформаціонной; да вѣдь это была бы цѣлая статья, и статья многотрудная. Мнѣ было поручено исправить то, что могло подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, и всѣ слова и выраженія, которыя Новиковымъ употреблены неосторожно, по неясному пониманію отношеній Католицизма и Реформаціи къ древнему понятію о Церкви. Это я и сдѣлалъ. Болѣе, думаю, не нужно. Вы увидите, что я въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлалъ весьма важныя перемѣны. Одно мнѣ сомнительно: вторая, мною теперь посылаемая вамъ, половина не была бы слишкомъ огромна для одного №. Статья о Лютерѣ много ниже статьи о Гусѣ; она уже и тѣмъ ниже, что она собственно обнимаетъ жизнь Лютера только до его истинной дѣятельности и собственно должна бы называться «Meister Luther's Lehrjahre»; но она все-таки высокаго интереса и для многихъ нашихъ читателей важна,

---

[1]) Гусъ и Лютеръ, диссертація Е. П. Новикова, печатавшаяся въ „Русской Бесѣдѣ" 1858 года. *Изд.*

[2]) М. А. Максимовича, извѣстнаго, писателя, изслѣдователя исторіи и быта Малой Россіи; въ 1858 году онъ жилъ въ Москвѣ. *Изд.*

Digitized by Google

показывая христіанина искренняго и горячаго въ человѣкѣ, котораго привыкли считать чуть-чуть не извергомъ рода человѣческаго.

Приглашеніе къ участію въ дѣлахъ конгресса о книгопечаніи по моему слѣдуетъ оставить безъ отвѣта. Во-первыхъ, еще Общество [1]) не утверждено; во-вторыхъ, участіе наше въ этомъ дѣлѣ будетъ ничтожно и, наконецъ, некому поручить представительство Общества. Если Общество утвердится, то я думаю при первомъ собраніи (для избранія членовъ) можно будетъ предложить отнестись къ Вяземскому [2]), такъ какъ онъ за границею—не захочетъ ли онъ принять это представительство на себя. Тогда же можно будетъ и quasi-конгрессу объяснить, почему ранѣе мы отвѣчать не могли.

Объ Ивановѣ я статью началъ. Послужитъ ли она къ чему нибудь, не знаю. Быть можетъ, она только раздражитъ многихъ; но я пишу ее для себя и для него собственно, не полагая нисколько, чтобы рекомендація моя могла служить къ чему нибудь предъ предержащими.

Былъ я въ Тулѣ, хотѣлъ собрать справки объ эманципаціонномъ вопросѣ, и ничего не могъ дознать. Одно ясно: дворяне всѣ противъ, и ни за что бы не тронулись, да боятся правительства и подличаютъ ему. Такъ Крапивенскій предводитель объявилъ губернскому, что всѣ дворяне отказываются [3]) и показалъ ему ихъ отказъ; а потомъ, когда побывалъ у губернатора [4]), и тотъ на него крикнулъ, сталъ увѣрять, что его не поняли, что, напротивъ, всѣ согласны, и дѣйствительно черезъ недѣлю привезъ согласіе всего уѣзда. Довольно важно то, что всѣ мировившіе дворянамъ (въ томъ числѣ и губернскій нашъ) столько получили оскорбленій отъ ультра-консерваторовъ, что сдѣлались жаркими эманципаторами съ досады. Есть и кромѣ

---

[1]) Общество Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, возобновленное въ 1858 году подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова. *Изд.*

[2]) Князю Петру Андреевичу, въ то время товарищу министра народнаго просвѣщенія. *Изд.*

[3]) Вѣроятно участвовать въ Комитетѣ. *Изд.*

[4]) Тульскимъ губернаторомъ былъ тогда генералъ-маіоръ Дараганъ. *Изд.*

Digitized by Google

этихъ соображеній примѣты, что вопросъ въ Комитетѣ будетъ разсмотрѣнъ довольно дѣльно съ хозяйственной стороны.

Объ крестьянахъ выхожу я опять правъ и противъ Самарина, и противъ многихъ. Они такъ мало надѣются на всю землю и даже на всю свою землю, что многіе навоза не вывозятъ, не по причинѣ заливныхъ дождей, а потому, что говорятъ: «не знаемъ, что̀ достанется намъ въ крѣпость». Съ одной стороны это невыгодно для хозяйства, а съ другой весьма хорошая примѣта. Изъ дворянъ многіе за собственность крестьянскую (разумѣется, съ выкупомъ) и полагаютъ, что другаго выхода нѣтъ. Такъ сказывалъ мнѣ Арсеньевъ [1]); а самъ я въ этомъ удостовѣриться не могъ, но вѣрю. Скажите Елагину [2]), что стыдно будетъ, если онъ не постарается въ депутаты по Бѣлеву.

Извѣстіе ваше о батюшкѣ, по моему мнѣнію, весьма хорошее, и по всей вѣроятности было бы еще лучшее, если бы погода была поблагопріятнѣе; но теперешніе безпрестанные потопы вовсе не благопріятны для лѣченія. Я твердо увѣренъ, что продолженіе водянаго и гомеопатическаго курса переработаетъ хроническія привычки организма и дастъ г. . . . . правильный исходъ, что̀ именно и нужно Сергѣю Тимоѳеевичу. Кланяйтесь ему, пожелайте ему добраго лова рыбьяго; я и самъ хочу уженіемъ заняться и готовлю удочки. Ловить же буду, если погода не перемѣнится, прямо изъ окошекъ. До этаго ужъ недалеко: луга̀ по вечерамъ какъ-то странно пищатъ, до того напитаны сыростью. При этомъ такая теплынь, какой я не запомню.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ; будьте здоровы. Что-то дѣлаетъ братецъ? Я же читаю то, чего не успѣлъ прочесть въ Москвѣ—Устрялова и восхищаюсь его всесовершенной глупостью. Впрочемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ одномъ: всѣ ошибки Петра оправдываются (т. е. объясняются) страннымъ безмысліемъ до-Петровской, Романовской, Московской Руси. Еще разъ прощайте. Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Тульскій губернскій предводитель. *Изд.*

[2]) Николаю Алексѣевичу, единоутробному брату Ивана и Петра Васильевичей Киреевскихъ. Н. А. Елагинъ позднѣе былъ избранъ депутатомъ. *Изд.*

Digitized by Google

3.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Виноватъ я передъ вами и передъ Бесѣдой[1]), но не столько, сколько кажется. Я по крайней необходимости ѣздилъ въ Донковъ и конченную статью велѣлъ отправить къ вамъ, а ея не отправили, въ чемъ я все-таки нѣсколько виноватъ по неопредѣленности оставленнаго мною предписанія. Такъ пропало дней десять, и вы имѣли полное право негодовать на меня. Посылаю ее, и въ одно время самъ ею доволенъ и огорченъ. Мнѣ хотѣлось было, чтобы Ивановъ ее прочелъ. Тяжело класть какой-бы то нибыло вѣнецъ на гробъ, будь это хоть вѣнецъ святости или мученичества. На бѣду еще я познакомился съ нимъ[2]) и почувствовалъ, что онъ точно былъ нашъ, всею душею нашъ сродни. Подите-ка, спросите у Константина Сергѣевича, какъ это такіе люди могутъ родиться въ Петербургѣ, а родятся же! Впрочемъ я ему въ нѣкоторое утѣшеніе скажу, что Ивановъ, хотя и не бывалъ никогда въ Москвѣ, но признавался въ заглазной любви и влеченіи къ ней. Надѣюсь, что друзья его скажутъ мнѣ спасибо за мою статью, которая впрочемъ писана совершенно по совѣсти.—А, вотъ нѣтъ и Шепшина[3])! У меня просто кровью сердце залило при вѣсти объ его кончинѣ. Славная, чистая, добрая, нѣжно-любящая и дѣтская натура! Онъ простудился и едва уже ноги таскалъ; и какъ его Гильфердингъ[4]) и докторъ ни отговаривали, поѣхалъ въ Комитетъ, потому что «засѣданіе важное, а насъ, стоящихъ за крестьянъ, мало». Гильфердингъ справедливо говоритъ: «Il est mort sur la brèche»[5]). Меня радуетъ, что его какъ будто оцѣнили, и какое-то приходитъ странное, вѣроятно мечтательное, убѣжде-

---

[1]) И. С. Аксаковъ въ 1858—1860 годахъ занимался изданіемъ „Русской Бесѣды“. *Изд.*

[2]) Т. е. съ Ивановымъ. *Изд.*

[3]) Флигель-адъютантъ, Николай Васильевичъ Шепшинъ, членъ С. П. б. Комитета по освобожденію крестьянъ. См. объ немъ „Р. Бесѣда“ 1858, кн. 3, замѣтку М. П. Погодина и біографическій очеркъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г. *Изд.*

[4]) Ѳедоръ Ивановичъ, отецъ слависта Александра Ѳедоровича. *Изд.*

[5]) Онъ умеръ на приступѣ.

Digitized by Google

ніе, что лучшія чувства заговорятъ послѣ его смерти даже въ душѣ тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались въ жизни. Но бѣдная жена! Я объ ней даже думать не могу: становится страшно. А я къ ней имѣю какое-то особенное чувство, какъ будто къ дочери; иначе я его назвать не могу. Кажется мнѣ теперь, что самое лучшее, что объ ней мнѣ могутъ сказать, это то, что она не пережила мужа. Мнѣ за нее въ сердцѣ холодно, какъ будто туда ледъ попалъ. Она, говорятъ, не уронила ни одной слезы, не простонала ни разу; а умри она, мнѣ бы казалось, что смерть ее укачала, какъ огорченнаго ребенка. Дай ей Богъ силы! [1])

Вы не совсѣмъ довольны отвѣтомъ синодальной критикѣ [2]). Я очень это понимаю и готовъ съ вами согласиться, а въ тоже время полагаю, что я былъ правъ въ своемъ воздержаніи. Полемика непечатная по моему имѣетъ вовсе другую цѣль съ полемикою печатною. Ея обязанность удалять раздраженіе, не теряя правъ своихъ на правду, которую сознаешь за собою. Убѣдить въ этомъ случаѣ почти невозможно, особенно потому, что мы сами были бы въ страшномъ затрудненіи, если бы отъ насъ потребовали наставленія для Толстаго [3]), какъ ему дѣйствовать. Положеніе Каткова и Крузе легче нашего, и по моему Кошелевъ былъ правъ, придавая своимъ отношеніямъ нѣкоторую елейность. Я очень сочувствую вашему негодованію и въ тоже время нахожу выраженіе его вреднымъ. Замѣтьте, что я говорю вреднымъ, вовсе не въ смыслѣ политическаго расчета, а въ другомъ—высшемъ. Негодованіе съ одной стороны отрицаетъ исторію (первая несправедливость), съ другой не признаетъ умственнаго безсилія тѣхъ людей, на которыхъ оно обращается. Иное дѣло—критика ровныхъ; иное дѣло—воспитаніе низшихъ. Наше дѣло—воспитательное, и мы должны быть снисходительными, потому что мы имѣемъ дѣло не съ ровнею,

[1]) Вдовѣ Н. В. Шепшина, Евгеніи Сергѣевнѣ (ур. Арсеньевой) А. С. Хомяковъ послалъ стихи свои: „Подвигъ есть и въ сраженьи“.

[2]) Говорится о письменномъ отвѣтѣ, составленномъ Хомяковымъ на запросъ цензуры по поводу статьи Даскалова. См. т. III, стр. 455.

[3]) Графа Александра Петровича Толстаго, тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода.

Digitized by Google

а съ людьми, которыхъ надобно учить. Дѣйствительно, наши отношенія къ нашему духовному міру странны; да ихъ не перемѣнишь, а надобно, если можно, перемѣнить самое настроеніе духовенства, искаженное цѣлымъ рядомъ злыхъ историческихъ вліяній. Теперь у Синода схватка съ Географическимъ Обществомъ по случаю статьи Гильфердинга о Босніи; неизвѣстно, чѣмъ кончилась или кончится.

Въ Донковѣ видѣлъ я нѣсколькихъ дворянъ. Настроеніе не совсѣмъ дурно. У многихъ склоняется расчетъ къ отчужденію земли въ собственность крестьянамъ, но разумѣется дорожатся. Иначе и быть не можетъ: крестьяне, какъ вездѣ, хороши; но хозяйство помѣщиковъ разстраивается вслѣдствіе трусости самихъ помѣщиковъ и ихъ представителей. Я у себя это замѣтилъ и былъ принужденъ облечься въ грозу для поправленія сдѣланныхъ упущеній.

Радуюсь очень извѣстіямъ вашимъ о батюшкѣ. Что боли возвращаются, это должно было ожидать. Многолѣтняя привычка мѣстнаго раздраженія не могла же исчезнуть мгновенно; но укрѣпленіе силъ и освѣженіе организма, вотъ что важно. Боли будутъ уступать постепенно. Скажите батюшкѣ, Константину Сергѣевичу и всѣмъ мой поклонъ. Будьте сами здоровы и не слишкомъ пеняйте на меня. Вашъ А. Хомяковъ.

Если Лонгинова [1]) увидите, поблагодарите за статью. За присланную мою брошюру поклонъ въ поясъ. Тютчеву [2]) поклонъ.

4.

Меня очень порадовало ваше письмо, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ; признаюсь, мнѣ очень хотѣлось, чтобы статья была хороша: какъ будто была какая-то обязанность въ отношеніи къ покойному [3]) объяснить его дѣло, которое, того и смотри,

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ, извѣстный библіографъ, первый секретарь возобновленнаго подъ предсѣдательствомъ Хомякова Общества Россійской Словесности.

[2]) Ѳеодоръ Ивановичъ, извѣстный поэтъ, впослѣдствіи тесть И. С. Аксакова.

[3]) Александръ Андреевичъ Ивановъ скончался въ Петербургѣ 3 Іюля 1858 г. Хомяковъ началъ, какъ видно, статью свою о немъ при жизни его и узналъ объ его кончинѣ до окончанія ея.

Digitized by Google

нескоро бы оцѣнилось вполнѣ. Перемѣны, которыя вы предлагаете, очень справедливы, а въ словѣ *иконописью* безъ сомнѣнія ошибка переписчика. А вотъ моя просьба: пошлите отдѣльный оттискъ въ Академію къ Іордану съ надписью: *по назначенію отъ автора*. Онъ любилъ Иванова, и у него я съ Ивановымъ познакомился. Я очень радъ, что Погодинъ пишетъ о Шеншинѣ, но, пожалуста, будьте осторожны. Вы говорите-статья горяча, даже можетъ быть слишкомъ. Этаго намъ всячески избѣгать надобно, не ради какой опасности, а потому что сдержанность есть несомнѣнная сила, а всякая лишняя горячность роняетъ авторитетъ; да и грустно бы было, если бы наша горячность отозвалась какъ-нибудь нехорошо въ комъ-нибудь изъ читателей (порядочныхъ) для памяти покойнаго. Онъ безъ сомнѣнія былъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ; но не должно объ немъ вспоминать такъ, чтобы говорили объ немъ какъ объ un homme de parti; чѣмъ святѣе память объ немъ, тѣмъ полезнѣе она будетъ дѣйствовать на другихъ, устраняя всякое раздраженіе.

А каковъ Т.... Ф... противъ Даскалова [1]) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ!» Вотъ истинное поповство. Досадно и смѣшно. Не знаете ли, можно ли отвѣчать? Разумѣется, мы не можемъ за недостаткомъ данныхъ; но Даскаловъ могъ бы. Только надобно его направить. Думаю однако, что отвѣчать не позволятъ. Статья въ высшей степени оскорбительна для Болгаръ и произведетъ по всей вѣроятности дурное дѣйствіе. Греки спасибо не скажутъ, а Болгары еще болѣе отшатнутся.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ. Я говѣю и читаю Шеллинга и Гогоцкаго [2]). Батюшкѣ и Константину Сергѣевичу мой поклонъ. Вашъ А. Хомяковъ.

5.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Во время моей поѣздки въ Донковъ пришли два пакета на имя А. Ѳ. Гильфердинга; ихъ туда послали, а я уже выѣхалъ

---

[1]) Статья Даскалова въ „Русской Бесѣдѣ" 1858, кн. 2, подъ заглавіемъ *Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи.*

[2]) Философскій Лексиконъ проф. Кіевскаго Университета Гогоцкаго. См. отзывъ объ этой книгѣ въ III томѣ сочиненій А. С. Хомякова.

Digitized by Google

обратно. Такъ гуляли они немало. Теперь, по возвратѣ въ Богучарово этихъ писемъ, спѣшу отправить ихъ къ вамъ, потому что не знаю, куда ихъ адресовать; а если Гильфердинга и нѣтъ въ Москвѣ, вы по крайней мѣрѣ знаете навѣрное, гдѣ онъ.

Я прискакалъ изъ Донкова въ Тулу къ выборамъ [1]) по чувству долга, и не жалѣю. Общая физіономія собранія была лучше, чѣмъ ожидали. Въ первый день встрѣча мнѣ была свирѣпа до комизма; во второй придрались къ тому, что я во фракѣ и потребовали моего удаленія; я возвратился въ чужомъ мундирѣ.

Въ послѣдній день у меня же спрашивали совѣта тѣ, которые сначала хотѣли меня повѣсить. Въ уѣздѣ нашемъ выбраны негодные депутаты, въ томъ числѣ Коптевъ, братъ воспѣтаго; за то въ Бѣлевѣ Елагинъ, б. Черкасовъ и Павловъ, братъ Верейскаго. Вообще итогъ депутатовъ очень сносенъ, хотя есть и большіе негодяи и много плантаторовъ. Большинство сомнительно. Отъ правительства князь Черкасскій и Самаринъ [2]). Черкасскій пріобрѣлъ доброе мнѣніе почти всѣхъ и привелъ въ истинное благоговѣніе Д. Н. Свербеева ловкостью своего поведенія. Пять дней собранія подвинули дѣло эманципаціи па основаніи собственности части земли для крестьянъ весьма значительно. Теперь вопросъ, что̀ будетъ въ Комитетѣ.

6.

(1859).

Скажите братцу, что его статья о Бѣлевской В. [3]) превосходная, и что онъ вопросъ поставилъ въ совершенно новомъ видѣ. Еще одно нужно, что̀ въ ней нѣтъ: именно историческое движеніе и показаніе послѣдовательныхъ перемѣнъ. Потомъ вотъ мое замѣчаніе: разница *бѣжалъ* и *сошелъ* не значитъ ли *съ согласія или безъ согласія* помѣщика? Дѣло тогда принимаетъ еще другой видъ. Благодарю Константина Сергѣевича за эту статью и за письмо, на которое переѣзды помѣшали мнѣ отвѣчать. Разногласія у насъ нѣтъ ни въ чемъ, и съ его оговор-

---

[1]) Дворянскимъ.

[2]) Петръ Ѳеодоровичъ.

[3]) Библіотекѣ, изд. Н. А. Елагинымъ. Статья о ней К. С. Аксакова напечатана въ I-мъ томѣ его сочиненій.

Digitized by Google

ками на счетъ моей статьи объ Ивановѣ я вполнѣ согласенъ. Самъ не пишу ничего, но крѣпко собираюсь на философскую статью. Намъ нужно все идти въ глубь, но это тяжкая работа. Какъ-то справлюсь! Прощайте покуда. Сейчасъ опять ѣду въ Донковъ дней на десять, а погода и дорога отвратительны. Скажите, пожалуста, мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ и всѣмъ вашимъ. Вашъ А. Хомяковъ.

Сентября 6-го дня.

7.

Вотъ приписочка, которую надо прибавить къ моему письму о Глаголицѣ.

Я не говорилъ о томъ, можно ли букву *ш* считать займомъ Кириллицы изъ Глаголицы по весьма простой причинѣ. Буквы *щ* и *ш* въ Кириллицѣ связаны между собою такою явною связью, что сказанное объ одной непремѣнно относится и къ другой. Можно поспорить о томъ, какая буква вошла въ составъ буквы *щ*, червь ли, *ш*, *ч*, *тч*? или твердое *ш*, *т*, *шт*? (послѣднее ближе къ Болгарскому произношенію); но зависимость одной буквы отъ другой, т. е. *щ* отъ *ш*, не подлежитъ сомнѣнію, и поэтому ясно, что обѣ приняты рѣзами (Глаголицею) въ одно время отъ Кириллицы.

Еще слово о буквѣ *ц*. Ея форма въ Глаголицѣ довольно проста, и Кириллица могла ее принять; почему отвергла она ее? Мнѣ кажется, что тутъ выразилось филологическое соображеніе разумныхъ составителей Церковно-Словянской азбуки. Они хотѣли указать на нее какъ на измѣненіе буквы ч: ибо связь ихъ явна въ Словянскомъ словѣ, въ которомъ цоканье составляетъ характеристику многихъ нарѣчій. Отъ того *цы*—*ц*—есть только *червь* ч, съ отодвинутымъ къ сторонѣ хвостикомъ Ч. Быть можетъ, сохраненію буквы Глагольской помѣшало также излишнее сходство съ ижицею.

1859 г. 17 іюля. Боучарово.

Пожалуста, такъ какъ у меня теперь изъ Москвы посылка, доставьте мнѣ, если можно, вторую часть *Мелкотравчатыхъ* въ Р. Словѣ (буде вышла) и Хвольсона о Вавилонскихъ надписяхъ, а я по почтѣ ихъ вамъ доставлю.

Digitized by Google

На днях я письмо пошлю объ эманципаціи; но не знаю какъ; чтобы лучше слѣдъ скрыть, оно переписано не моею рукою.

8.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Въ послѣдній разъ я вамъ писалъ при спазмахъ въ желудкѣ; становилось легче, но все еще онѣ не проходятъ совершенно, что̀ меня сердитъ; а тогда онѣ еще такъ были сильны, что я даже не отвѣчалъ на нѣкоторое ваше обвиненіе, падающее на Кон. Сер., но, какъ и вы говорите, не совсѣмъ миновавшее и мою голову. Обвиненіе—въ обвиненіи ближняго съ успокоеніемъ совѣсти разными, не совсѣмъ добросовѣстными, оговорками. Мнѣ кажется, вы неправы, можетъ быть даже болѣе въ отношеніи къ братцу, чѣмъ въ отношеніи ко мнѣ; потому что онъ обвиняетъ вообще не такъ легко какъ я, и какъ будто всегда съ принужденіемъ или насиліемъ надъ собою. Но лица въ сторону: вопросъ о самомъ обвиненіи. Можно ли какому нибудь обществу существовать безъ общественнаго мнѣнія? Назовите это общество церковью или какъ угодно. Гдѣ стихія общественнаго мнѣнія? Не въ откровенномъ ли мнѣніи частномъ? Христіанское начало не вводитъ въ жизнь новыхъ началъ вещественныхъ или формальныхъ; оно только измѣняетъ ихъ внутренній смыслъ. Осужденіе, которое было дѣломъ гордости, самоуслажденія и такъ далѣе, является какъ дѣло необходимости и, въ весьма хорошихъ натурахъ, необходимости тяжелой. Палачъ-волонтеръ является палачемъ отъ общины (предполагаю необходимость казни. Кстати: какъ это люди, пишущіе объ уголовныхъ законахъ, еще не догадались, что тюремщикъ и часовой при тюрьмѣ тѣже палачи?) Я тутъ не говорю о другомъ отличіи обвиненія христіанскаго отъ всякаго другаго, именно о томъ, что оно допускаетъ признаніе осуждаемаго лучшимъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, хотя и преступникомъ въ частномъ значеніи,—такимъ, что ему нужно привязывать ярлыкъ, какъ у Римлянъ сѣно бодливой скотинѣ на рога. Но это, разумѣется, остается между Богомъ и совѣстью человѣка, произносящаго судъ надъ ближнимъ своимъ, и поэтому неподвѣдомо никому: самый же фактъ осужденія есть дѣло общественнаго служенія,

Digitized by Google

отъ котораго по моему мнѣнію даже нельзя отказываться. Развѣ бои, и вѣхи, и маяки не ставятся на отмеляхъ и камняхъ, и не дѣло ли человѣколюбія ихъ ставить? Молодежъ, которая вступаетъ въ жизнь, да и мужъ совершенный въ обществѣ мало ему извѣстномъ не нуждаются ли въ этихъ вѣхахъ и бояхъ, которые выражаются такими словами, какъ подлецъ, негодяй и пр.? Вотъ, мнѣ кажется, полное оправданіе осужденія въ смыслѣ христіанскомъ, и какъ бы мы ни исправляли эту службу (вы улыбаетесь), я и Константинъ Сергѣевичъ, мы попреку не подвергаемся. Затѣмъ остается, разумѣется, вопросъ внутренній; но кто же его разрѣшитъ? Часто, думаю, при полнѣйшей откровенности, самъ человѣкъ данныхъ для его разрѣшенія не могъ бы представить.

Другой вашъ вопросъ труднѣе. Это вопросъ о дуэли. Онъ входитъ въ другой, болѣе общій, а именно: при возникающемъ или не усовершенствовавшемся обществѣ, имѣетъ ли христіанинъ право самосуда, въ тоже время протестуя противъ него? Я не стану объ этомъ говорить, потому что чувствую всю многосложность и сомнительность вопроса, поставленнаго въ такихъ широкихъ размѣрахъ; но я думаю, вы признаетесь, что его такъ именно и должно ставить. Въ молодости, когда возможность дуэли была мнѣ ближе, я себѣ поставилъ одно правило: всегда отказываться отъ дуэли кромѣ одного случая— когда дѣло коснется чести женщины. Правъ ли я былъ, не знаю; но и теперь убѣжденіе мое не измѣнилось. Мужчина себя всегда оградить можетъ, а женщина нѣтъ.

Вотъ хоть поздній отвѣтъ вамъ, но отвѣтъ; а поздній потому, что недѣли полторы я отъ болей въ желудкѣ вечеромъ лежалъ, а я могу браться за перо только вечеромъ. Теперь я почти вовсе здоровъ, благодаря Stannum и Staphysagria.

Безсоновъ просилъ у меня увѣдомленія о судьбѣ его записки, и я ему отвѣчаю; но адреса его не найду. Пожалуста доставьте. Еще просилъ я васъ объ имени Жансенистскаго епископа Утрехтскаго; если нельзя его найти въ Le Nord, нельзя ли какъ нибудь отнестись объ этомъ къ самому издателю? Письмо-то у меня написано: жаль такъ оставить.

Прилагаю стихи на оборотѣ. Не знаю каково, исполненіе, а мысль мнѣ нравится. *Сти.*

Днемъ наигравшись и т. д.

Digitized by Google

9.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Пишу вамъ только нѣсколько строкъ по поводу письма къ Loos'у. Не годится его теперь печатать: мнѣ хочется отнестись къ нему серьезно, какъ къ человѣку. Напечатать, значитъ раздражать и даже дать поводъ къ неотвѣчанію. Надобно, чтобы онъ видѣлъ во мнѣ человѣка, а не литератора, журнальнаго сотрудника.

Если пройдетъ мѣсяца полтора безъ отвѣта, тогда надобно будетъ напечатать какъ апелляцію къ Жансенистамъ противъ ихъ епископа. А теперь пожалуста пошлите по такому адресу прямо: A Monseigneur Henri de Loos, archevêque de l'ancienne communion Catholique-Romaine. A Utrecht.

Важно знать, будетъ ли онъ отвѣчать.

Прощайте, до свиданія въ Москвѣ. Будьте здоровы. Вамъ преданный А. Хомяковъ.

10.

Только что получилъ вашу первую посылку, любезный Иванъ Сергѣевичъ, пришлось мнѣ ѣхать въ Донковъ, а вторая пришла безъ меня и на почтѣ ждала. Третьяго дня я оттуда возвратился и посылки возвращаю съ величайшею благодарностію. Протоколы очень любопытны; изъ нихъ видно, что Черкасскій играетъ важную роль. Нельзя не узнать во многихъ мѣстахъ его оборота мысли и слова, его критическихъ пріемовъ и многихъ особенностей. Направленіе, при всей кажущейся неподвижности, или по крайней мѣрѣ, медленности комитетскихъ работъ, довольно ясно: очевидно идетъ работа двойная. Комитетъ разработываетъ un pis aller на случай, если съ выкупомъ не сладить, а за тѣмъ скрывается надежда на выкупъ. Но эта двойственность портитъ все дѣло; вслѣдствіе ея не выработывается многими проекта послѣдовательнаго, хотя бы и не безупречнаго, а только несвязныя мѣры, изъ за которыхъ выглядываетъ: авось что нибудь придумаемъ, авось деньги найдемъ и развяжемся. За всѣмъ тѣмъ общій духъ хорошъ: уступокъ мало. Административныя предположенія могутъ дать просторъ жизни народной; хотя и тутъ, такъ же какъ и въ юридическихъ сообра-

Digitized by Google

женіяхъ, еще нѣсколько преобладаетъ формальность, но вообще все лучше того, что можно бы было ждать. Для меня это чтеніе было въ высшей степени интересно и очень оправдало меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я разумѣю отправку своего письма, которое я отдалъ на почту дня за четыре до полученія протоколовъ.

Странное совпаденіе обстоятельствъ. Въ Тулѣ теперь поговариваютъ о многихъ изъ тѣхъ мѣръ, которыя я предлагаю, какъ о намѣреніяхъ Ростовцова. Если тутъ есть какая нибудь правда, то я вдвое болѣе собою доволенъ: тѣмъ охотнѣе приметъ онъ мои соображенія и пополнитъ ими собственныя мысли. Болѣе всего дорожу я предложеніями о немедленномъ приступѣ къ освобожденію посредствомъ отписки къ казеннымъ дачамъ и простаго взноса извѣстной нормы отъ самихъ крестьянъ. Я увѣренъ, что такой приступъ къ дѣлу мгновенно перемѣнитъ все нравственное настроеніе обоихъ сословій, крестьянскаго и дворянскаго, и подѣйствуетъ на правительство самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Это все равно, что окунуться: покуда не окунешься, чувствуешь, что еще можно уйти домой, не выкупавшись, хотя бы уже стоялъ по поясъ въ водѣ.

Долго писать, а то я разсказалъ бы вамъ нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною надъ казенными крестьянами. Я пришелъ къ убѣжденію, что имъ во многихъ случаяхъ *слишкомъ хорошо*, и что они часто отъ этаго не богатѣютъ. Въ нихъ, говорю, въ цѣлыхъ волостяхъ, зарождается та самая безпечность и сонливость ума, которая составляетъ характеристику степнаго помѣщика. Слишкомъ обширное общинное владѣніе дѣлаетъ каждаго крестьянина какимъ-то владѣтельнымъ принцемъ, потому что внѣ пахатной десятины все уже общее, и каждому кажется, что все его. По моему слѣдуетъ ихъ привести къ общимъ правиламъ съ помѣщичьими, для того, чтобы возбудить личную дѣятельность. Такъ напр. на верховьяхъ Вороны села Телехово, Калинкино, Губы и др., благословенный край, которымъ бы батюшка вашъ могъ восхищаться какъ прежнимъ Оренбургомъ, рѣшительно баринъ отъ богатства. У нихъ напр. цѣлыми деревнями заводятся споры и ссоры по утрамъ, чтобы вечеромъ мириться съ запивкою. И отъ этаго народъ даже на взглядъ—дрянь.

Digitized by Google

Я стою на своемъ прежнемъ положеніи, которое для меня все яснѣе и яснѣе оправдывается. Случайное дѣленіе на дачи всей Россіи также гибельно какъ и крѣпостное состояніе: оно отнимаетъ у жизни ея подвижность, переливчатость и свободу въ распредѣленіи силъ. Народъ безъ поземельной собственности общинной—не народъ. Земля, разрѣзанная всецѣло на случайныя собственности, хотя бы общинныя, изуродуетъ живущій на ней народъ, заковывая его въ случайность этой собственности. Перемѣнить положеніе казенныхъ крестьянъ также необходимо, какъ и помѣщичьихъ.

Возвращаю вамъ статью о Глаголицѣ. Въ ней только и было серіозной ошибки, что *ѳ* вмѣсто *о*. *О* назвалъ я длиннымъ, потому что это *омега*. Статья, писанная о Космосѣ, есть не что иное, какъ та, которая была и въ наборѣ; но въ наборѣ есть выпуски для тогдашней цензуры. Тутъ Космосъ отчасти придирка. Библіотека для Воспитанія у меня зачитана, а статей черновыхъ у меня нѣтъ.

Я очень радъ, что братецъ принялся за статью полемическую; авось его кто вгонитъ опять въ дѣйствительную жизнь; а сверхъ того я убѣжденъ, что статья будетъ очень хороша. Одно изъ призваній Конст. Сер. состоитъ въ томъ, чтобы внести жизнь въ безжизненность нашей грамматики. Тутъ есть даже какой-то особенный законъ, сближающій его съ Сергѣемъ Тимоѳѣевичемъ, какъ теорію съ практикою.

Вчера хотѣлъ я къ вамъ писать, да не могъ отъ желудочныхъ спазмъ, которыя и теперь продолжаются хотя легче.

Прощайте покуда. Будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

Что нашъ споръ съ типографіею? Есть ли какіе слухи? Да вотъ просьба. Хранится ли у васъ Nord прошлогодній? Если хранится, то не найдутъ ли ваши сестрицы въ извѣстіяхъ съ половины Октября до половины Декабря экскомуникацію Утрехтскаго Жансенистскаго епископа папою. Кажется его имя Henry de Loos; но къ несчастію я тогда не записалъ, а теперь не увѣренъ, такъ ли.

Хвольсонъ очень любопытенъ. Я убѣжденъ, что все это не что иное какъ поддѣлка, которая обманула Ибнъ-Вашеею; но любопытна громадность этой поддѣлки. Она показываетъ, что Халдеи временъ Римскихъ были шарлатанами въ огромныхъ размѣ-

Digitized by Google

рахъ. Во всемъ Восточномъ, даже въ плутняхъ, есть какое-то величіе, котораго Европа не имѣетъ.

11.

(1859).

Грустно было читать описаніе ваше теперешняго положенія дѣлъ Бесѣды; грустно, но для меня неожиданно. Къ несчастію, для меня такой годъ, что я никоимъ образомъ не могу ее поддержать. Выше той цифры, которую я назначилъ, идти мнѣ нельзя. Вы повѣрите мнѣ на слово, что тутъ говорятъ и не скупость, и не равнодушіе къ дѣлу. Но вопросъ теперь, чтожъ далѣе?

Бесѣда не можетъ существовать сама по себѣ, и причина этому очень грустная. Для нея нѣтъ въ Россіи читателя! Дабы Бесѣда могла существовать; нужно, чтобы она только отдалась болѣе обширной и общедоступной дѣятельности литературной. Будь Парусъ*), вѣроятно и Бесѣда имѣла бы лишнихъ подписчиковъ, потому что Парусъ былъ бы, такъ сказать, ея толкователемъ и показывалъ бы читателю связь между ея, повидимому, отвлеченными положеніями и жизнью дѣйствительною, и потому что онъ не допускалъ бы того заговора молчанія, который составленъ противъ нея всѣми другими изданіями. Замѣтьте, что Константинъ С. и въ этомъ случаѣ имѣлъ чувство болѣе всѣхъ практическое, когда онъ въ одно время хотѣлъ газеты и предпочиталъ сборникъ журналу. Польза, принесенная Бесѣдою, несомнѣнна, но продолженіе ея мнѣ просто кажется невозможностью. Опять скажу: при газетѣ, м. б., она и была бы возможною (хотя и то сомнительно); безъ газеты никакихъ средствъ къ ея существованію не вижу. Мнѣ кажется это ясно. Все, что еще возможно, это открыть подписку и до Января посмотрѣть ея движеніе. Если бы разница не оказалась противъ прежнихъ годовъ *значительною*, тогда можно бы рискнуть и употребить удвоенныя усилія всякаго рода, т. е. дойти до кредитовки. Въ противномъ случаѣ закрыть подписку и возвратить подписныя деньги. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ исходъ во сто разъ вѣроятнѣе всѣхъ другихъ.

---

*) Газета И. С. Аксакова, въ началѣ 1859 года остановленная цензурою на 3-мъ выпускѣ.

Digitized by Google

Существованіе Бесѣды я считаю покончennымъ [1]).

Въ этомъ еще не было бы совершенной бѣды, если бы только дозволена была газета; но если не будетъ газеты, то дѣло очень плохо; а, кажется, и газеты ожидать нельзя. Пожалуста, когда получите отвѣтъ объ Думѣ [2]), увѣдомьте меня. Послѣдняго слова до того времени сказать, нельзя; но газеты, кажется, еще можно и должно добиться.

Посылаю вамъ письмо свое къ Р. [3]) при письмѣ къ Кошелеву. Пакетъ не запечатанъ. Прочтите и пошлите къ Кошелеву, а мнѣ напишите хоть нѣсколько словъ о томъ, какъ вы находите и то и другое. Посылаю также не запечатанное письмо къ Жансенистскому епископу. Если вы еще не написали къ издателю le Nord, чтобы узнать имя и адресъ Голландскаго святителя, то не обратитесь ли къ нему отъ имени моего, т. е. подъ псевдонимомъ Ignotus? Этимъ отстранилась бы нѣкоторая странность самаго вопроса, и на это довольно бы было десяти строкъ. О самомъ письмѣ прошу мнѣнія вашего и вашихъ.

Я пишу мало и сжато. Ходьба стала гораздо легче, но писать мнѣ очень трудно: именно то положеніе, въ которомъ приходится сидѣть, возобновляетъ боль и заставляетъ бросать перо [4]). Прощайте, будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

Посланіе къ Сербамъ скоро будетъ готово. Какъ обрадовали меня послѣдніе слухи о Самаринѣ! Слава Богу, можно, кажется, быть покойнымъ на счетъ его.

12.

Много вы сказали, о многомъ спросили въ послѣднемъ письмѣ своемъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ. Первое о Бесѣдѣ. Нумеръ таковъ, что безъ злости я объ немъ говорить не могу: вѣдь одного такого нумера достаточно бы было для прославленія любаго журнала, а кто это оцѣнитъ? Я не говорю объ од-

---

[1]) Въ слѣдующемъ 1860 году вышло только двѣ книги „Русской Бесѣды.“ Въ 1859 году ея вышло 6 книгъ.

[2]) Вѣроятно предполагалось газетѣ дать названіе „Дума.“

[3]) Т. е. въ спискѣ. Письмо къ графу Я. И. Ростовцову о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ было отослано къ нему еще ранѣе (см. выше, стр. 374). Оно напечатано въ 3-мъ томѣ сочиненій А. С. Хомякова.

[4]) А. С. Хомяковъ ушибъ себѣ ногу на охотѣ.

Digitized by Google

нихъ Запискахъ Держ., или, говоря объ нихъ, не обращаю даже вниманія на смѣлость ихъ напечатанія, а смотрю на нихъ просто, какъ на историческій памятникъ[1]). Подобнаго памятника въ Россіи еще не издано. Когда подумаешь о лицахъ выведенныхъ на сцену или, пожалуй, на позоръ, который я считаю вполнѣ заслуженнымъ (Кочуб. и Сперан.), о близости эпохи, объ ясномъ представленіи Александра Пав., именно такимъ, какимъ онъ былъ и какимъ его еще никогда у насъ не представляли, и особенно о томъ характерѣ добросовѣстности, съ которымъ все это передано старикомъ Державинымъ, очевидно вовсе не государственнымъ человѣкомъ, но честнымъ и прямодушнымъ свидѣтелемъ: нельзя не сказать, что это у насъ невиданное явленіе и пріобрѣтеніе весьма важное даже для Европейскихъ публицистовъ. Какъ жаль, что нѣтъ его записки о третейскомъ судѣ! Лично для меня это было бы очень любопытно. Не сошлись ли мы въ общей мысли? [2]) О другихъ статьяхъ не говорю: только скажу, что не диво Безсонову и Ордынскому ею [3]) восхищаться; а моя просьба, хоть въ концѣ 2-й книги нѣсколько розогъ Бус.[4]): вѣдь онъ теперь наставникъ, такъ ему будетъ полезно и не такъ больно покажется съ радости. Честное слово, тутъ во мнѣ злости нѣтъ, а только глубокое убѣжденіе, что безъ этаго публика не пойметъ. А вотъ что о Степномъ Цвѣткѣ: я рѣшительно имъ восхищаюсь и радуюсь, но только какъ словомъ прекрасной, глубоко-художественной и сочувственной души. Я радъ, что Сох. хотѣла и могла такъ посмотрѣть на Пушкина; но остаюсь при своемъ. Вспомните, что тѣ чудные стихи, которые Сох. приводитъ и которые дѣйствительно составляютъ какъ бы связь между другими, совершенно отрывочными, переведены изъ Данта. Они-то и имѣютъ по преимуществу характеръ басовой ноты. Пророкъ, безспорно великолѣпнѣйшее произведеніе Русской по-

---

[1]) Записки Державина съ примѣчаніями пишущаго эти строки помѣщены были въ первыхъ пяти книгахъ „Русской Бесѣды“ 1859 года.

[2]) Написанное Державинымъ о третейскомъ судѣ нынѣ напечатано въ 6 и 8 томахъ академическаго изданія его сочиненій.

[3]) Т. е. восхищаться книгою „Русской Бесѣды.“

[4]) Т. е. Буслаеву, который тогда преподавалъ Русскій языкъ Великому Князю Наслѣднику Николаю Александровичу.

Digitized by Google

эзіи[1]), получилъ свое значеніе, какъ вы знаете, по милости цензуры (смѣшно, а правда). Вглядитесь во все это безпристрастно, и вы почувствуете, что способности къ басовымъ аккордамъ недоставало не въ головѣ Пушкина и не въ талантѣ его, а въ душѣ, слишкомъ непостоянной и слабой, или слишкомъ рано развращенной и уже никогда не находившей въ себѣ силъ для возрожденія [2]). Оттого-то вы можете имъ восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговѣйно кланяться. Конечно, приводя Шиллера, вы какъ будто правы; въ немъ нехудожественное начало отнимаетъ много достоинства у его серьезности; въ немъ, какъ вы говорите, звукъ басовой струны есть не что иное какъ гудѣніе философской мысли. Это такъ, но скажете ли вы тоже о Гёте? О томъ

Was unbewusst
Oder unbewacht,
In dem Labirynth der Brust
Wandelt durch die Nacht?

Хвалите, браните этихъ людей; но какъ бы къ нимъ ни относились въ художественномъ сочувствіи, вы не можете не признавать въ нихъ строгихъ, мужественныхъ, мужскихъ душъ, духовныхъ борцевъ, передъ которыми невольно преклоняешься. Не такъ ли? И все таки я очень радъ, что Сох. прослѣдила, прочувствовала ту способность въ Пушк., которой онъ не развилъ, тѣ звуки, которые у него разбросаны болѣе какъ вздохи временнаго ропота на себя, чѣмъ какъ слова сознательнаго достоинства. Соханскую самую я вдвое полюбилъ и долженъ признать въ ней кромѣ высокаго художественнаго творчества рѣдкую силу анализа. Я радъ, что она сверхъ того высказалась и что

---

[1]) Первоначально Пушкинскій Пророкъ кончался четырьмя стихами политическаго содержанія:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Въ позорны ризы облекись,
Иди, и съ вервіемъ вкругъ выи
Къ . . . . явись.

Послѣ свиданія съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ 8 Сентября 1826 года Пушкинъ прекрасно замѣнилъ эту строфу нынѣшнею.

[2]) Пушкинъ измельчался не въ развратѣ, а въ салонѣ. *Примѣчаніе А. С. Хомякова.*

Digitized by Google

ее будутъ бранить. Мнѣ за нее совѣстно становилось, что ее, пожалуй, будутъ хвалить какъ Гончарова или Писемскаго. Ей такія непристойно-дружескія отношенія къ журналамъ не приличны. Вѣдь для нихъ уже К. Павлова слишкомъ серьезна. Я точно также радуюсь будущей враждѣ нашей литературы противъ Сох., какъ радуюсь, что Катковъ купается на островѣ Wight, дышетъ тѣмъ же воздухомъ какъ королева Викторія и окунается въ тѣже волны, которыя омываютъ тѣлеса ея министровъ *); а что покуда Р. Вѣстникъ дѣлаетъ подлости, это опять въ порядкѣ. Что касается до Бесѣды, я увѣренъ, что если бы она издавалась какъ журналъ - газета, число ея подписчиковъ прибавилось бы значительно, но никакъ не надѣюсь, чтобы вамъ дозволили быть ея редакторомъ. Самъ не знаю даже, желать ли этаго; мнѣ, даже при большомъ успѣхѣ, было бы жаль васъ: столькихъ потраченныхъ дней и силъ, столькаго труда и такаго все-таки рабскаго отношенія къ публикѣ. Дай Богъ успѣха, а если при этомъ еще успѣхъ будетъ сомнителенъ или не полонъ!.. Впрочемъ это бы еще ничего; а всего важнѣе то, что дѣятельность редакторская можетъ вамъ скоро наскучить, что вамъ самимъ почти будетъ невесело оглядѣться на свою дѣятельность, а, пожалуй, можетъ даже вообразиться, что вы трудились даромъ. Ваше желаніе уединеннаго труда и сосредоточенной мысли очень понятны, и я точно также радовался бы, какъ и всѣ ваши домашніе, если бы это желаніе исполнилось, но не на такой длинный срокъ. Я знаю васъ и увѣренъ, что вы такъ бы компактно устроили этотъ трудъ, что вамъ далеко меньше двухъ лѣтъ понадобилось бы для прекрасныхъ результатовъ; но чего желать для пользы общей, право не знаю. Странно наше, такъ сказать, островное положеніе въ Русскомъ обществѣ. Чувствуешь, что мы болѣе всѣхъ другихъ люди Русскіе и въ тоже время, что общество Русское нисколько намъ не сочувствуетъ. Чувствуешь, что нельзя по совѣсти не стараться образумить это общество, а въ тоже время, что это чисто внѣшнее дѣйствіе не можетъ быть нашимъ призваніемъ; а насъ такъ мало, что никому нельзя отлучаться отъ своего дѣла: не кѣмъ замѣнить. Вотъ и теперь Самаринъ уѣхалъ и, слава Богу; пусть отдохнетъ, окрѣп-

*) Въ это время идеаломъ для М. Н. Каткова была еще Англійская конституція. *Изд.*

Digitized by Google

нѣтъ, освѣжится; пусть хоть сколько нибудь въ жизни погуляетъ; а все-таки чувствуешь, что есть уже для насъ потеря въ одномъ дѣятелѣ, если не литературномъ, то общественномъ. (Надѣюсь, что онъ будетъ въ Бесѣду письма писать). Но его отсутствіе изъ Петербурга уже для общаго дѣла нехорошо, и я за Кошелева больше боюсь, чѣмъ при немъ. Очевидно онъ (т. е. Кошелевъ) нѣсколько запутался; но что же Черкасскій? Этотъ другихъ путаетъ, да вѣдь не трудно при этомъ и самому сбиться съ толку.

Вы жалѣете, что я раньше не послалъ копіи съ своего письма*); не знаю, не лучше ли такъ? Если можетъ быть польза, что̀ очень сомнительно, то кажется всего скорѣе ея можно ожидать тогда, когда всѣ перекружатся и будутъ рады такому исходу, который всѣхъ примиритъ, потому что не заключаетъ въ себѣ уступки какой нибудь другой партіи, а равно чуждъ всѣмъ. Впрочемъ, исполняя обязанность, я очень мало надѣюсь на успѣхъ, просто потому что я предлагаю *цѣлый планъ*, а мы отъ плановъ давно отвыкли и перебиваемся отрывочными мѣрами, которымъ предоставляемъ склеиться или не склеиться, какъ уже тамъ судьба рѣшитъ. Потомъ и то покажется страннымъ, что я требую полной откровенности съ народомъ. Какъ бы то ни было, надеждъ у меня крайне мало.—Не велика и на Жансенистовъ; но вы сами видите, что мое намѣреніе втянуть ихъ въ полемику, и потомъ заставить прочесть свои бропюрки. Потомъ самую полемику можно будетъ напечатать. Все, можетъ быть, какая нибудь польза. Къ Сербамъ посланіе, какъ мнѣ кажется, надобно никакъ въ Россіи не печатать прежде, чѣмъ оно не появится по сербски: иначе оно получитъ характеръ литературный, а не серіозно-общительный. Изъ этого письма вы видите, что мнѣ лучше и что я могу сидѣть довольно долго; но ходьба очень еще плоха, и боли часто возобновляются, хотя не сильно. Прощайте, будьте здоровы. К. Серг. и всѣмъ вашимъ кланяюсь. Вашъ А. Хомяковъ.

А я и забылъ поблагодарить за справку объ епископѣ.

---

*) Т. е. письма къ графу Ростовцову. См. выше, стр. 373 и 377.

Digitized by Google

13.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Благодарю васъ за статью Сох., хотя она меня ставитъ въ большое затрудненіе. Не знаю, какъ и совѣтовать. Главное, боюсь, какъ бы не стали ее обвинять въ раздраженіи и въ самолюбіи, хотя ни того, ни другаго не замѣчаю. Оправданіе Власа Никанд. едва ли вѣрно, не потому чтобы я не соглашался *отчасти* съ нею, но потому, что это лицо введено слишкомъ эпизодически. Босой попъ ничего: онъ тоже введенъ эпизодически и прекрасно, но онъ не описанъ. Вниманіе слишкомъ останавливается на Власѣ, и поэтому онъ не долженъ исчезать вовсе безъ слѣда; вотъ маленькій недостатокъ въ повѣсти, а въ объясненіи онъ идеализованъ, и едва ли вѣрно. За то въ статьѣ пропасть прекраснаго, глубокаго, живо прочувствованнаго, а въ итогѣ жалко не печатать. Кое-что можно перемѣнить, объ женщинахъ оговорку сдѣлать, а кажется надобно напечатать. Конечно ей достанется послѣ отъ журналовъ; ну, да что за бѣда? Ея на то хватитъ, чтобы съ ними справиться, и тогда ихъ брань сдѣлается стихіею большаго успѣха.

Скажите, получили ли вы мои стихи и длинное письмо; съ тѣхъ поръ я отъ васъ уже имѣю два извѣстія, а объ немъ ни слово. Не пропало ли? Тогда, хоть я въ другой разъ письма и не напишу, по крайней мѣрѣ напишу и пришлю другой списокъ стиховъ.

Я все еще не оправляюсь и даже вовсе недоволенъ своей ногой: подозрѣваю внутренній разрывъ въ сухожильѣ. Впрочемъ жду снѣга, да все задерживаютъ здѣсь открытія. Кажется, я напалъ на слѣдъ, на признаки богеда, котораго ищутъ для газа. На дняхъ узнаю повѣрнѣе[1]).

Я очень радъ, что было публичное засѣданіе общества, и безъ меня. Мнѣ кажется, это для разнообразія лучше. А хоть и кланяюсь Шиллеру глубоко, Нѣмцевъ бы не потѣшилъ. «Möge Ihnen auch ein Schiller entstehen». Чувствуете тутъ скрытое свинство? Черта съ два! Будетъ, дескать, у васъ дураковъ Шиллеръ. Ну да все таки хорошо [2]).

[1]) А. С. Хомяковъ открылъ залежи каменнаго угля и началъ его разработывать при селѣ Обидимѣ близъ Тулы.

[2]) Это относится къ отвѣту, присланному изъ Германіи, на привѣтствіе Общества Любителей Россійской Словесности по поводу столѣтняго юбилея Шиллера. Привѣтствіе было послано вопреки горячему возраженію К. С. Аксакова.

Я насчетъ дѣла о печатаніи[1]) не совсѣмъ согласенъ съ вами. Вы правы, потому что вами предлагаемый путь лучше въ юридическомъ смыслѣ, но онъ опасенъ. Что будетъ, если Сенатъ скажетъ въ рѣшеніи: Уставъ яснаго права не даетъ, а почему вы имъ пользовались, не наше дѣло. Такъ, дескать, просто вамъ терпѣли. Что намъ тогда дѣлать? Все будетъ испорчено, а Государь самъ едва ли рѣшится отказать.

Прощайте покуда; будьте здоровы. Мнѣ очень хочется въ Москву. Вашъ А. Хомяковъ.

Письмо-то мое уже можно теперь послать. Выходитъ, что имя-то я помнилъ (Henry de Loos), да только боялся перепутать.

13.

Сердце у меня іокнуло, любезный Иванъ Сергѣевичъ, когда получилъ я заключительное слово. Очень хорошо составлено; но больно читать, и все таки не скроешь ни отъ себя, ни отъ другихъ, что насъ подрѣзало равнодушіе общества, подобнаго «аспиду глуху, иже не обавается отъ премудра». Этаго я ожидалъ уже съ прошлаго года; но надобно намъ всѣмъ думать, что Бесѣда издается и она будетъ издаваться, даже еще лучше, только не въ журнальной формѣ. Жаль однихъ Славянъ. Кончила Бесѣда со славою, потому что статьи были къ концу превосходныя, и съ скандаломъ по милости Якушкина, что я считаю тоже не совсѣмъ дурнымъ. Кстати о скандалѣ: очень жаль, что допустили Безобр. до скандала. Его надобно было бы осрамить, но втихомолкъ; а теперь онъ въ глазахъ губернскихъ дворянъ мученикъ, пострадавшій отъ Никоніянцевъ.

Сербовъ[2]) вчера кончилъ; надѣюсь, что вы всѣ будете довольны и подпишите охотно. За одного подписчика даже ручаюсь— за Константина Серг. Впрочемъ и за всѣхъ почти ручаюсь: думаю, что согласитесь всѣ, но буду просить строгаго суда. Дѣло общее и серьозное.

Снѣжокъ порошитъ. Только бы до утра, и можно будетъ денька черезъ два тронуться въ путь. Пора! Невыгода шоссе та, что оно хуже снѣгъ держитъ, чѣмъ простая дорога. Прощайте, авось только на нѣсколько дней. Вашъ А. Хомяковъ.

А каковъ почеркъ! Превесело, когда попадется хорошее перо.

[1]) Изданій Общества Любителей Словесности безъ цензуры; этимъ правомъ Общество нѣкогда пользовалось.

[2]) Посланіе къ Сербамъ. См. I томъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА

къ

графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ

Блудовой.

Digitized by Google

Digitized by Google

Замѣтка графини А. Д. Блудовой.

Въ 1849 году я въ первый разъ познакомилась лично съ А. С. Хомяковымъ, хотя около года или двухъ передъ тѣмъ черезъ сестру мою получила отъ него книжечку, первое изданіе его стихотвореній, и это было поводомъ къ первой съ нимъ перепискѣ. 1849 годъ былъ временемъ знаменательнымъ. Среди волненій и ломки политической по всей Европѣ, среди какого-то наитія духа злобы, рѣзни и насилія, одна Россія стояла тверда и спокойна, а Славяне въ Австріи явились единственною опорою государства въ своей совокупности, единственно-вѣрными присягѣ защитниками мирнаго политическаго развитія своей угнетенной народности, подъ главнымъ предводительствомъ бана Хорватскаго Елачича. Это было первое проявленіе той борьбы Юго-восточнаго, загнаннаго, христіанскаго духа противъ такъ называемой Западной цивилизаціи, борьбы, тогда почти безсознательной, которая теперь принимаетъ всемірное значеніе. Въ это время мы пріѣхали въ Москву; я—въ первый разъ. Батюшка былъ въ числѣ приглашенныхъ покойнымъ Государемъ на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Поручая ему постоянно литературно-историческія работы и разыскапія, которыми самъ очень дорожилъ, Государь хотѣлъ и въ эту знаменательную историческую минуту имѣть его при себѣ и дать отцу моему радость пережить съ нимъ эту минуту. Мы остановились въ красивомъ домѣ на Малой Дмитровкѣ, у гостепріимнаго Москвича, роднаго племянника батюшки, П. П. Писемскаго, и я прямо очутилась въ средѣ для меня новой, но душевно-близкой, средѣ тогдашняго блистательнаго круга Московскихъ умственныхъ знаменитостей изъ разныхъ литературныхъ партій, сходившихся мирно и дружелюбно у насъ. Изъ нихъ Хомяковъ былъ блистательнѣйшій. Впечатлѣніе это оставалось у меня всегда одинаковое, какъ въ первые дни, такъ и во всѣ послѣдующіе годы знакомства и дружбы. Вотъ что я писала о немъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ:

Digitized by Google

Nous voyons beaucoup Хомяковъ, dont la verve et l'esprit sont vraiment incomparables. C'est un feu d'artifice continu, et cependant il y a toujours quelque bonne et profonde pensée qui éclate au milieu de tout ce feu et de toutes ces paillettes et qui reste dans la mémoire ou dans le coeur, comme il arrive quelquefois qu'une étoile semble se mêler aux chandelles romaines et en faire partie, jusqu'à ce que, la fête finie, on la voie se détacher seule sur l'obscurité du ciel et y briller pûre et limpide dans son éternelle clarté [1]).

Письма А. С. Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой.

1.

Совѣстно было мнѣ передъ вами, графиня, что такъ долго не посылалъ я къ вамъ печатнаго экземпляра моего письма объ Англіи; а въ тоже время совѣстно было и посылать. Вы статью уже знали, и слѣдовательно она не могла имѣть для васъ интереса новости; сама же статья въ моихъ собственныхъ глазахъ не представляла чего-то полнаго и самостоятельнаго. Она и была писана съ этимъ намѣреніемъ. Это было слово недосказанное, которое мнѣ хотѣлось досказать. Теперь, хорошо ли, дурно ли, я это слово досказываю въ новой статьѣ, и посылаю уже полную фразу на вашъ милостивый судъ [2]). Не знаю, будетъ ли ко мнѣ снисходительна строгая привратница нашей печатной словесности,—цензура, и удастся ли мнѣ всю свою мысль высказать передъ читающимъ людомъ; по крайней мѣрѣ вамъ она будетъ извѣстна и, признаюсь, это радуетъ меня. Журнальная дѣятельность никогда меня не веселила, и никогда

---

[1]) Мы часто видаемъ Хомякова. Его живость и умъ поистинѣ несравненны: точно безпрерывные потѣшные огни. И тѣмъ не менѣе всякій разъ, посреди всей этой сверкающей блестками игры, свѣтитъ какая нибудь добрая и глубокая мысль, которая остается у васъ въ памяти и въ сердцѣ. Такъ иногда, глядя на фейерверкъ, не различишь настоящей звѣзды отъ взвивающихся ракетъ, пока праздникъ кончится, и звѣзда явственно обозначится на темномъ небѣ, чистая и свѣтлая, въ вѣчномъ сіяніи своемъ.

[2]) Относится къ статьѣ: „По поводу Гумбольдта", нынѣ вошедшей въ полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. I. Статья эта появилась въ печати въ первый разъ уже въ 1861 году, т. е. по смерти автора.

Digitized by Google

бы, можетъ быть, не напечаталъ я и строки въ журналѣ; но я не умѣлъ придумать другаго пути для удобнаго выраженія своей мысли и печаталъ статьи въ никѣмъ нечитаемомъ «Москвитянинѣ». Я хотѣлъ, я долженъ былъ высказать завѣтную мысль, которую носилъ въ себѣ отъ самаго дѣтства и которая долго казалась странною и дикою даже моимъ близкимъ пріятелямъ. Эта мысль состоитъ въ томъ, что, какъ бы каждый изъ насъ ни любилъ Россію, мы всѣ, какъ общество, постоянные враги ея, разумѣется, безсознательно. Мы враги ея, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крѣпостныхъ соотечественниковъ, потому что одуряемъ народъ и въ тоже время себя лишаемъ возможности истиннаго просвѣщенія, и такъ далѣе. Вопросы политическіе не имѣютъ для меня никакого интереса; одно только важно, это вопросы общественные. Напр. у насъ правительство самодержавно, это прекрасно; но у насъ общество деспотическое: это ужъ никуда не годится. Вотъ приблизительный перечень того, что я хотѣлъ сказать въ статьяхъ своихъ, разумѣется во сколько это возможно при цензурѣ, которая сама зависитъ столько же отъ общества, сколько отъ правительства. На пути моемъ Англія, кромѣ собственнаго интереса, послужила мнѣ удобною притчею, и къ ней привязалъ я послѣднюю свою статью.

Посылая къ вамъ свой словесный трудъ, я совершенно спокоенъ: во многомъ надѣюсь на ваше сочувствіе, а въ томъ, съ чѣмъ вы не согласитесь, увѣренъ въ снисходительномъ сужденіи. Чувствую, что за вашъ ласковый пріемъ, за вашъ дружескій привѣтъ, я долженъ бы былъ благодарить не ирѣсною и, такъ сказать, дѣловою прозою, но живымъ и сердечнымъ стихомъ. Да что же дѣлать? Заржавѣли ли во мнѣ стихотворныя струны, или уже таково вліяніе строгаго вѣка, а стиховъ нѣтъ какъ нѣтъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Самъ царь отъ своей Россіи не потребуетъ ананасовъ и мангустановъ, а приметъ простую хлѣбъ-соль. Примите благосклонно, графиня, и мое приношеніе и увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми и пр.

1848 года Ноября 26-го.

Digitized by Google

2.

Примите, графиня, мою искреннюю блогодарность за ваше доброе воспоминаніе обо мнѣ и за вѣсти печатныя и письменныя, которыя вы мнѣ прислали. Давно ли, кажется, мы видѣлись, а сколько новаго? Французовъ побили въ Римѣ, мы собрались бить Мадъяровъ; Прусскій король, нареченный Нѣмецкій императоръ, грозитъ перебить своихъ Нѣмцевъ,—и наконецъ въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое, боевое время! Боюсь, право, какъ бы оно не подѣйствовало на всѣхъ насъ. Каково будетъ это? Безпечный, веселый Хомяковъ, который отъ роду никакой претензіи не имѣлъ кромѣ неудачной претензіи на бороду, вдругъ сдѣлается хмурымъ и серіознымъ Безбородкою. Я и такъ замѣчаю, что каждые два дня я сержусь по цѣлому получасу (когда бреюсь). Ну какъ эта лихорадка испортитъ мнѣ характеръ! И такъ, на дняхъ, я какъ-то горячился случайно въ разговорѣ съ пріятелемъ, и пріятель мнѣ объявилъ очень важно: Mon cher, vous souffrez d'une barbe rentrée» *).

Еще разъ благодарю васъ за свѣдѣнія, которыя вы дали мнѣ объ Елачичѣ. Въ вашемъ мнѣніи онъ вѣроятно ничего не потерялъ, а въ моемъ выигралъ онъ сто на сто. Поступокъ его (т. е. поданная записка) прямодушенъ, честенъ и рѣшителенъ. Если Австрія и тутъ не захочетъ понять положеніе дѣлъ своихъ, не онъ ужъ виноватъ. Я убѣжденъ въ томъ, что, сдѣлавъ эту записку общеизвѣстною, онъ принималъ единственно возможную мѣру къ утвержденію вѣрности въ народахъ Сербской крови, и грустно мнѣ видѣть, что едва ли его поступокъ оцѣненъ кабинетомъ Австрійскимъ. Одно только дурно въ его запискѣ: то, что онъ забылъ о Румынахъ или Валахахъ. Православный не забылъ бы и ихъ. Тутъ была бы справедливость и даже ловкость: путь, и путь единственный, къ совершенному

*) Не мѣшаетъ припомнить, что въ это время (подъ вліяніемъ революціонной моды во Франціи) возобновилось гоненіе на бороду, и Хомякову приказано было сбрить ее.

Digitized by Google

уничтоженію Мадъярскаго единства, разрѣзаннаго Волошскимъ населеніемъ на двѣ половины, былъ бы указанъ. Впрочемъ все-таки дай Богъ здоровья честному бану [1])!

Что вамъ сказать про здѣшніе толки объ вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? [2]) Слухи объ намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ внушаетъ состраданіе. Вообще разсказы очень темны, и иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр. и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни (къ несчастію, не тетки моей), что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ Русскихъ до единаго, а для заселенія Россіи выписать Французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ. Я подозрѣваю, что мнѣніе этой барыни нѣсколько преувеличено, и думаю, что вы со мною будете въ томъ согласны; но, оставивъ въ сторонѣ толки и пересуды Москвы, а можетъ быть и Петербурга, не худо бы было постараться открыть истинную причину того страшнаго развитія коммунизма въ школахъ, которое положило начало открытымъ клубамъ. Болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины. Позволяю себѣ сообщить вамъ свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало семейное воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ (вѣроятно единственное злоупотребленіе во всей Россіи), оно отмѣнило ихъ и потребовало ото всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено: для студента оставалась возможность оставаться еще при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи, всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть чуть не изъ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и навсегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія и что образо-

[1]) Императоръ Николай Павловичъ былъ въ личной перепискѣ съ Хорватскимъ баномъ Елачичемъ. *Изд.*

[2]) Такъ называемая исторія Петрашевскаго. *Изд.*

Digitized by Google

ваніе слугъ правительственныхъ можетъ совершаться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; премія дана коммунистическому началу, и сальнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами, ваше сердце и вашъ разумъ; но даю вамъ слово, что сынъ мой (если Богъ дастъ ему жизнь) не будетъ лишенъ семьи, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой службы государственной. Этаго требуетъ отъ меня совѣсть, этаго требуютъ начала Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ.

Простите мнѣ неприличную и непривычную для меня серьезность тона. Я рѣдко впадаю въ этотъ грѣхъ; да ужъ, видно, время такое.

Мая 16 д. 1849 (Москва).

3.

Повидимому, мнѣ бы надобно приняться за перо, чтобы писать къ вамъ, графиня, съ краскою стыда на лицѣ и съ глубокими угрызеніями совѣсти въ сердцѣ, а я берусь за перо безъ стыда и безъ совѣсти. Вы слышали про мою глазную болѣзнь; вообразите, каково было бы вамъ удовольствіе, если бъ я къ вамъ вздумалъ писать ранѣе, и вы получили бы отъ меня письмо, омоченное потокомъ горячихъ слезъ изъ болящихъ глазъ; а безъ этаго никакъ бы не обошлось. Хоть я и родился въ день пророка Іереміи [1]), все таки не считаю приличнымъ напоминать о себѣ плачемъ, или слезы свои выставлять напоказъ; да и вообще они не идутъ къ моему слогу и составили бы странную дисгармонію съ шуткою, безъ которой нельзя, по моему мнѣнію, ни говорить, ни писать. Какъ мнѣ достаточно благодарить васъ за всю вашу дружбу? Кажется, гдѣ-то въ Шекспирѣ говорится: «You will make me a bankrupt in gratitude» [2]). Лучше этаго сказать не умѣю, хоть оно и по англійски; а не знаю, прилично ли теперь говорить по англійски. Я и за себя, и за своихъ друзей (особенно Коссовича) въ страшномъ долгу благодарности у васъ; повѣрьте однакоже, что сердце мое нисколько не чувствуетъ необходимости быть такимъ злостнымъ банкрутомъ.

---

[1]) 1 Мая 1804 года. *Изд.*

[2]) Вы сдѣлаете меня банкрутомъ въ благодарности.

Digitized by Google

Еще благодарю васъ, что вы даете намъ, т. е. мнѣ и домашнимъ, возможность показать сколько нибудь участія въ бѣдствіи нашей Сербской братіи [1]). Въ скоромъ времени надѣюсь вамъ доставить свою долю приношенія. Примите ее тогда не въ уплату долга или даже процентовъ, а какъ малую ленту, вносимую для дѣла, которое у насъ общее и въ которомъ исчезаетъ всякая разница между направленіями, не совсѣмъ согласными во многомъ. Прошу васъ также замѣтить, что я не даромъ прозванъ papa Grandet [2]) и что слогъ мой сильно отзывается этимъ прозвищемъ. Однакоже я долженъ еще оправдать Москву. Она не скупа на пожертвованія: еще прежде бѣдствій Сербскихъ, уже тому лѣтъ пять, послала она отъ себя утварь и книги церковныя въ церкви Далматскія и Сербскія [3]); но теперь дѣло совсѣмъ иное. Я не говорю уже о томъ, что всякое вольное движеніе въ пользу нашей Славянской братіи сдѣлалось невозможнымъ при общемъ страхѣ передъ однимъ прозвищемъ Славянофила; но прошу васъ замѣтить, что ваши дѣйствія въ Петербургѣ совершаются съ знаніемъ дѣла, нуждъ и путей къ вспоможенію имъ, такъ сказать, съ открытыми глазами; а здѣсь все дѣлается въ темнотѣ и съ глубокимъ сомнѣніемъ, слѣдовательно успѣхъ былъ невозможенъ. Теперь дѣло перемѣняется. Графъ Закревскій [4]) взялся за этотъ сборъ и слѣдовательно за купцовъ. Сборъ будетъ успѣшенъ: если общество въ Петербургѣ умѣло сочувствовать Сербамъ, Московское купечество будетъ имъ сострадать. Видите ли, графиня, что и тутъ, въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, выходитъ недоразумѣніе между обычаемъ Сѣвернымъ и обычаемъ Московскимъ. У васъ общество многочисленно и сосредоточено, здѣсь оно все въ разбродѣ; купечество и мѣщанство сильнѣе такъ называемаго общества. Все это съютить въ одно общее дѣло невозможно

---

[1]) Мадъяры (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ тогдашняго Русскаго посольства въ Вѣнѣ и по письмамъ священника М. Ѳ. Раевскаго) сожгли, разорили и уничтожили передъ тѣмъ большинство православныхъ храмовъ въ Сремѣ и Банатѣ. *Изд.*

[2]) Скупецъ въ романѣ Бальзака. *Изд.*

[3]) Эти вещи и утварь доставлялъ въ приморскій городокъ Полу покойный Ѳ. В. Чижовъ. *Изд.*

Digitized by Google

въ гостиныхъ, и путь нуженъ совершенно иной. Открытый сборъ, открытое дѣло—и Москва отзовется. Въ Ростовѣ на ярмаркѣ дѣлается большой торгъ колоколами. Повѣренный отъ какого нибудь бѣднаго прихода даетъ задатокъ за колоколъ и вывѣшиваетъ свою покупку на площади. Подъ колоколомъ блюдечко, подлѣ колокола сторожъ, объявляющій цѣну его и состояніе прихода. Въ блюдечко падаютъ гроши и гривенники, а иногда и тысячи рублей. За каждое приношеніе, будь оно грошъ или тысяча, колоколъ, слегка тронутый сторожемъ, отзывается благодарнымъ звономъ; съ утра до вечера звенитъ вся Ростовская площадь, и часто, частехонько приходъ получаетъ свой колоколъ даромъ, да еще и съ приплатою. Вотъ простые обычаи Московской земли. Пожалуйста, не вините же ея тогда, когда она не отзывается на чужой обычай, котораго она и понять не можетъ. Быть можетъ, хотя я, разумѣется, этаго не утверждаю, подобное же недоразумѣніе показываетъ намъ въ превратномъ видѣ и дѣйствія нашихъ Славянъ при-Дунайскихъ. Быть можетъ, Раячичъ по особеннымъ обстоятельствамъ не можетъ содѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлъ, возстановленію церквей въ области, которая была временно отдана въ его управленіе; а Елачичъ можетъ дѣйствовать свободнѣе. Я это предположеніе выдаю только за предположеніе, самъ же въ душѣ гораздо болѣе склоненъ къ мірянину Хорвату-Католику [1]), который поднялъ славу и значеніе своего племени, чѣмъ къ духовному и православному Сербу, который постыднымъ образомъ принялъ санъ патріарха отъ милости инородца и иновѣрца. Душа у меня не лежитъ къ нему, но все-таки боюсь быть несправедливымъ въ обвиненіи [2]).

Глаза мои заставили перервать письмо на нѣсколько дней; но теперь я могу его снова продолжать, и вотъ опять вижу, что мнѣ надо оправдываться въ другомъ молчаніи моемъ. Правда, что А. Н. Поповъ писалъ мнѣ объ измѣненіяхъ, возможныхъ въ направленіи Русскаго воспитанія, и спрашивалъ моего мнѣнія; но или онъ неясно сказалъ, или я не понялъ, что этотъ вопросъ былъ не отъ него. Правду сказать, хотѣлось бы мнѣ

[1]) Т. е. бану Елачичу. *Изд.*

[2]) Іосифъ Раячичъ, патріархъ Австрійскихъ Сербовъ. *Изд.*

Digitized by Google

выразить мысли свои объ этомъ важномъ дѣлѣ; но вижу какъ трудно поставить вопросъ въ ясности, не для другихъ только, а для самаго себя, и какъ еще труднѣе отвѣчать на него удовлетворительно. Критика легка; легко въ подробностяхъ чувствовать и даже показать, что вотъ это не такъ, и то не хорошо и пр. и пр.; но когда хочешь дать себѣ отчетъ въ полной системѣ и построить ее на основаніяхъ разумныхъ и здравыхъ, тутъ вопросы рождаются за вопросами, сомнѣнія за сомнѣніями, и робѣешь приступить къ дѣлу. Вотъ опять наша Московская черта: мы такъ привыкли къ міру отвлеченностей, что всякое положительное требованіе ставитъ насъ почти въ тупикъ. Мы тогда похожи на профессора механики, который славно судитъ о законахъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и объ ихъ равновѣсіи; а толкни его въ воду, онъ готовъ тонуть, потому что не можетъ рѣшить, какое движеніе рукъ и ногъ согласнѣе съ правилами науки. Однакоже нечего дѣлать: вы приказываете, поплыву и черезъ нѣсколько времени пришлю вамъ свои мысли о воспитаніи. Сами тогда разсудите, добрался ли я до берега или потонулъ на полъ-рѣкѣ. Все-таки проза какъ-то еще возможнѣе поэзіи. Въ жизни все дробится на такія мелкія части, общество такъ разсыпается и пустѣетъ, что никакое вдохновеніе невозможно, кромѣ комическаго, а оно дается немногимъ, и теперь, какъ видите изъ «Банкрута» *), не изсякаетъ у насъ.

Грустное явленіе эта комедія, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуютъ еще о внутренней жизни, которая когда нибудь еще можетъ устроиться и развиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ. А покуда что? Вотъ что. Здѣсь есть молодой человѣкъ съ истиннымъ и даже великимъ дарованіемъ поэтическимъ; который впрочемъ ничего не пишетъ и сильно пьетъ. Ему друзья попрекали въ этомъ. «Эхъ, братцы! Въ старину было два источника, живой и мертвой воды. Вы сами видите, что первый утраченъ. Не мѣшайте же мнѣ тянуть мертвую, покуда вы ищете живой воды». Плохая и горькая шутка, но въ ней есть своя доля истины. Пожалуй, вы попрекнете мнѣ въ грѣшномъ унынiи; а скажите по совѣсти, графиня, совсѣмъ ли вы

*) Комедія А. Н. Островскаго. *Изд.*

Digitized by Google

свободны отъ этаго грѣха, и дѣла Славянскія, послѣ нашей счастливой и блистательной войны, не наводятъ ли тѣни уныніе на васъ? Оно, кажется, неизбѣжно; только воли ему давать не слѣдуетъ, и я не теряю надежды даже на себя. Какъ-то еще вѣрится, что когда нибудь опять отзовусь стихомъ на какое нибудь чувство или мысль, и если это будетъ, то много и много придется мнѣ васъ благодарить за то, что вы не позволяете мнѣ теперь разстаться навсегда съ поэзіею.

Рекомендую вамъ, если вы сами не видали еще или не замѣтили, рисунокъ въ Punch, Марта 23-го. Punch наказываетъ Англійскаго льва за то, что онъ обидѣлъ Грековъ. Премилая карикатура и превеселая. Весело мнѣ, что Англичане протестуютъ противъ мерзостнаго грабежа, предписаннаго Пальмерстономъ. Не даромъ же люблю я Англію. Но скажите пожалуста, неужели еще будутъ вѣшать пиратовъ; а если будутъ, неужели не повѣсятъ Паркера? *) Научите полюбить что нибудь...

Апрѣля 2-го 1850. Москва.

4.

Іюля 14 дня 1850 (Боучарово).

Вообразите себѣ, графиня, что Коссовичъ поручаетъ мнѣ выразить его благодарность вамъ, вашему батюшкѣ и вашей сестрицѣ, а того сообразить не можетъ, что я для своей собственной словъ не найду. Прошу васъ, примите невысказанную, какъ будто выраженную самымъ краснорѣчивымъ перомъ. Богъ помогъ вамъ въ добромъ дѣлѣ; я сказалъ бы, что Богъ и наградитъ; да, кажется, такое выраженіе не совсѣмъ вѣрно: для тѣхъ, которые дѣлаютъ добро съ такими добрыми намѣреніями и такъ просто, какъ графъ Дмитрій Николаевичъ и вы, самое добро ужъ есть награда.

...Знаете ли однако, что устроеніе дѣлъ Коссовича навело меня на мысль, можетъ быть, странную, но отъ которой я не вдругъ откажусь... Какъ нибудь, какими нибудь косвенными путями, выдетъ на повѣрку, что много добрыхъ сѣмянъ разовьется у нашей южной братіи. Какъ это будетъ? Какимъ об-

*) Бомбардировавшаго Пирейскую гавань. *Изд.*

Digitized by Google

разомъ? Разумѣется, угадывать невозможно, но по моему все-таки должно быть. Прошу васъ быть увѣренною, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни пустыхъ фразъ, ни преувеличеній, а простое, можетъ быть и не совсѣмъ разумное, но искреннее убѣжденіе. Жизнь народовъ, какъ и жизнь людей, строится не только не одними расчетами, но даже и не преимущественно расчетами. Чувства идутъ съ ними по крайней мѣрѣ наравнѣ, хотя разумѣется ихъ дѣйствія гораздо неуловимѣе. Думаю, что это правило особенно справедливо въ отношеніи къ Славянамъ.

Вы вѣрно пожалѣли объ Пилѣ, какъ и всѣ объ немъ жалѣютъ. Мнѣ жаль его, какъ великаго историческаго лица; жаль и какъ благороднаго покровителя благородной охоты конской и псовой, но въ тоже время весело и за него, и за Англію. Онъ умеръ оплаканный, и отечество его умѣетъ понимать свою потерю. Партіи, въ самомъ пылу спора и битвы, соединяются въ общемъ сожалѣніи, въ общемъ чувствѣ уваженія къ великому гражданину. Тутъ Англія внутренняя, которой нельзя не любить; въ бездушномъ Пальмерстонѣ, подло оправданномъ Нижнею (истинно, низкою) Палатою, Англія внѣшняя, которой нельзя любить. Скажите, нѣтъ ли такихъ земель, которымъ бы не мѣшало приберечь свои добродѣтели для внутренняго обихода? Разумѣется, я говорю это на счетъ Франціи, хоть Гишпаніи.

Пишу къ вамъ въ землю Чухонскую [1]), а совершенно безъ досады, хотя мои болѣе строгіе пріятели подвергли меня эпитиміѣ за такое хладнокровіе. Я увѣренъ, что такія посѣщенія какъ ваши въ Чухонскую землю небезполезны. Это нравственное завоеваніе, которому легче поддаются люди, чѣмъ насильственному. Пусть бѣдный Латышъ [2]) видитъ, что Русскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ поставленъ высоко, сохраняетъ тѣ человѣческія чувства, которыхъ Нѣмецъ ему не показывалъ никогда. Да и что же? У васъ море и рощи, и, говорятъ, прекра-

---

[1]) Графъ Блудовъ и его дочь проводили лѣто этого года въ Ревелѣ, гдѣ тогда былъ губернаторомъ Бенкендорфъ. Это былъ вопреки общему мнѣнію объ отношеніи Нѣмцевъ къ мѣстному населенію, человѣкъ отмѣнно добрый и привѣтливый къ простолюдинамъ. *Изд.*

[2]) Это описка: мѣстное населеніе въ Ревелѣ не Латышское, а Эстонское (между ними большая разница въ языкѣ и нравахъ). *Изд.*

Digitized by Google

сные виды. Гдѣ же лѣтомъ лучше? На дачахъ около Питера? Не таже ли Чухна, только съ полусибирскою природою? Надѣюсь, что вы не заподозрите никакой вражды къ Петербургу: это, просто, правда. Въ Москвѣ или подъ Москвою? Москва, разумѣется, лѣтомъ невозможна. Сады взяты подъ казенныя заведенія, и осталось только гулянье, что въ тѣни домовъ и заборовъ, по кирпичнымъ тротуарамъ; да на Прѣсненскихъ прудахъ, которые только потому и могутъ называться цвѣтущимъ гуляньемъ, что цвѣтутъ нестерпимо. Подъ Москвою было бы и недурно, мѣста премилыя; да, во-первыхъ, дороги непроходимыя, во-вторыхъ, какъ бы намъ Москвичамъ ни весело было избавлять дорогихъ гостей отъ скуки болѣе или менѣе неизбѣжной, насъ самихъ всѣхъ лѣто разгоняетъ, и подмосковныя дѣлаются нѣсколько пустынными. За то будущій годъ будетъ исключеніемъ, и мы васъ отъ души зовемъ и ждемъ [1]).

5.

Получили ли вы, графиня, работу, сдѣланную по вашему приказанію и довольны ли вы ею? По крайней мѣрѣ яснѣе ли она и понятнѣе ли моей печатной прозы? Я очень желалъ бы, чтобъ вы были ею сколько нибудь довольны, не потому, чтобы я ждалъ отъ нея пользы, а просто для того, что мнѣ хотѣлось бы имѣть ваше одобреніе и доброе мнѣніе вашего батюшки о моихъ мнѣніяхъ по этому важному предмету. Съ другой стороны, я нисколько не удивляюсь, если вы и совершенно будете недовольны изложеніемъ моихъ мыслей [2]). Я старался совершенно отстранять отвлеченность, привычную мнѣ неясность и то, что вы называете во мнѣ Нѣмчизною; а человѣку рѣдко удается разомъ вырваться изъ своихъ привычекъ и перемѣнить складъ своихъ мыслей и своего языка. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что вы откровенно скажете свое мнѣніе.

---

[1]) На празднество двадцатипятилѣтія царствованія Николая Павловича. *Изд.*

[2]) Относится къ запискѣ Хомякова объ общественномъ воспитаніи въ Россіи (см. томъ I-й). Она была написана по вызову графини А. Д. Блудовой, которую просилъ о томъ Я. И. Ростовцовъ, начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. *Изд.*

Digitized by Google

Чудное было у насъ лѣто, правда не для хозяевъ, которые остались безъ хлѣба для людей и безъ корма для скота и называютъ годъ гибельнымъ, но для праздношатающихся любителей природы, охотниковъ до прогулки, до лѣсныхъ тѣней и прочихъ сельскихъ увеселеній и красотъ. Мнѣ бы слѣдовало, какъ хозяину, сердиться и бранить нынѣшній годъ; но способность праздношатанья сильнѣе во мнѣ, чѣмъ голосъ хозяйственнаго расчета и свойственное мнѣ, какъ père Grandet, корыстолюбіе. Я не могу безъ удовольствія вспоминать нынѣшнее лѣто: такая была теплота, такой воздухъ, такіе чудные вечера, такія прозрачныя и свѣтлыя и мягкія ночи. Если бы я еще могъ писать стихи, то написалъ бы непремѣнно; но нѣтъ, ничѣмъ не удалось мнѣ оставить хоть для себя память этаго лѣта, кромѣ однаго дѣла полувходящаго въ кругъ хозяйственный, полувыходящаго изъ него. Впрочемъ это дѣло для меня утѣшительнѣе всѣхъ стиховъ и, надѣюсь, будетъ помниться многими: мнѣ удалось въ одной деревнѣ сдѣлать съ крестьянами добровольную ряду навсегда. Сцена стоила бы описанія, если бы я вообще не думалъ, что всѣ эти описанія никуда не годятся, да сверхъ того жизнь портятъ, пріучая людей обращать въ сцену лучшія минуты ихъ дѣятельности. Обстановка была очень простая: голыя стѣны просторной избы, да образъ въ углу. Но серьозность или, лучше сказать, разумная торжественность, съ которою крестьяне приступали къ дѣлу, искренность съ ихъ стороны и благодарность, съ которою они встрѣчали искренность во мнѣ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хоть я совсѣмъ не принадлежу къ разряду людей чувствительныхъ. Разумѣется, что pара Grandet не забылъ своихъ выгодъ, а за всѣмъ тѣмъ крестьяне двухъ другихъ деревень просятъ той же сдѣлки (въ одной уже въ главныхъ условіяхъ мы сошлись), а сосѣдніе помѣщики бранятъ меня напропалую: такъ дорогъ человѣку произволъ и такъ досадно видѣть, что другой рѣшается отъ него отказаться. За всѣмъ тѣмъ, я имѣю нѣкоторыя причины думать, что примѣръ останется не совсѣмъ безъ послѣдователей. Многаго вдругъ сдѣлать нельзя, и время наше таково, что добрымъ людямъ остается только одно правило: «Не угашайте духа».

Digitized by Google

От Коссовича я часто получаю письма, всѣ полны благодарности и радости [1]). Онъ совершенно счастливъ, и къ его счастію примѣшивается только одна досада, и та относится болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ нему. Ему обѣщанъ, какъ вамъ извѣстно, отпускъ въ Англію, но все еще отсрочивается, и онъ боится не безъ причины, что опоздаетъ заказать модель моей паровой машины [2]) къ выставкѣ и взять на нее патентъ. Впрочемъ, не знаю, слыхали ли вы объ этой затѣѣ моей. Въ ней столько сумасбродства, что ее почти можно назвать поэтическою. Я хочу перемѣнить систему всѣхъ паровыхъ машинъ и надѣюсь на успѣхъ, потому что я совсѣмъ не механикъ, а за патентомъ посылаю Коссовича, потому что онъ не знаетъ ни механики, ни дѣлъ никакихъ, кромѣ Санскритскаго языка, а съ Англичанами долженъ объясняться смѣсью Санскритскаго съ древне-Саксонскимъ. Не знаю только, не опоздаетъ ли онъ. Какъ вамъ покажется вся эта затѣя моя?

Ноября 19-го дня
(1850, Боучарово).

6.

Трудное дѣло загадывать о будущемъ, графиня, и даже едва ли возможное, если только верченіе столовъ и ихъ ясновидѣніе [3]) не дадутъ намъ ключа, котораго до сихъ поръ мы не имѣемъ. Вотъ вамъ примѣръ. Я обѣщалъ Попову и Коссовичу побывать въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ Мая. Тоже самое обѣщалъ я и себѣ. Хорошо, что всѣ эти обѣщанія были даны въ условной, хотя нисколько не іезуитской, формѣ: «если и пр.» Тому дней 18 или 20 я уже самъ себя считалъ на отъѣздѣ, и что же? Передняя ось дрожекъ сломалась на довольно скорой ѣздѣ, правымъ колѣномъ пропахалъ я мостовую, лѣвой рукой

[1]) Знаменитый Санскритологъ нашъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, черезъ посредство графа Д. Н. Блудова, получилъ въ это время должность редактора ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, бывъ передъ тѣмъ преподавателемъ Греческаго языка во 2-й Московской Гимназіи. *Изд.*

[2]) Описаніе этой машины помѣщено къ приложеніи къ III-му тому настоящаго собранія сочиненій А. С. Хомякова. *Изд.*

[3]) Въ это время стали очень распространяться первые зачатки позднѣйшаго спиритизма. *Изд.*

Digitized by Google

ударился также въ камень, при этомъ камни оказались тверже чѣмъ жилы колѣна и плеча; и хотя не произошло никакого излома (кромѣ вышесказанной оси), но я нѣсколько дней пролежалъ хромой и кривошея и потомъ недѣли двѣ былъ совершенно неспособенъ къ предпринятію какой бы то ни было дальней поѣздки. Такимъ-то образомъ прошло то единственное время, которое было для меня почти свободнымъ, которое я надѣялся провести въ Петербургѣ и которое пришлось посвятить интереснымъ, но не совсѣмъ пріятнымъ, опытамъ надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ арники. Однажды Англичанинъ обѣщался пріѣхать къ пріятелю на вечеръ. Случилась съ нимъ бѣда, кабріолетъ сломался; у Альбіонца переломлены рука и нога; онъ все-таки себя велѣлъ везти, чтобы имѣть право сказать: «I am as good as my word» *); но я увѣренъ, что вы меня уволили бы отъ такаго доказательства, и во всякомъ случаѣ радуюсь, что обѣщаніе давалъ условное и что никто не можетъ мнѣ сказать, что я менѣе въ словѣ твердъ, чѣмъ Англичане.

Правда ли, графиня, что вы будете сюда? Какъ бы я радъ былъ васъ видѣть; а самому ѣхать въ Питеръ мнѣ нѣтъ никакой возможности. Дѣлъ накопилось бездна въ Москвѣ, а отъѣздъ въ деревню приближается; увѣряютъ даже многіе, что лѣто наступаетъ, хотя, глядя на погоду, я этому плохо вѣрю; но если это правда, то непремѣнно хозяину надобно будетъ спѣшить отъѣздомъ.

Тревожитъ ли васъ Восточный вопросъ? Онъ здѣсь сильно въ ходу; мнѣ уже извѣстны объ немъ пари, доходящія до гривенника; видите, какіе мы Москвичи, люди рискливые! Доходитъ ли въ Петербургѣ интересъ политическій до такой страстной напряженности? Или все ваше вниманіе поглощено верченіемъ столовъ? Вѣдь это должно быть дѣломъ очень важнымъ для административнаго центра. Что скажетъ начальникъ департамента, если неисправный столоначальникъ будетъ оправдываться тѣмъ, что столъ у него убѣжалъ? И наконецъ не можетъ ли столъ (котораго ясновидѣніе признано многими) замѣнить съ выгодою столоначальника, особенно въ дѣлахъ судебныхъ? Вѣдь

*) Я крѣпокъ своему слову.

Digitized by Google

онъ могъ бы, какъ Англинскій *jury*, отвѣчать: *by yes or no* [1]). Это заслуживало бы вниманія графа Панина [2]). Какъ вообще милостива судьба, что посылаетъ столько интересныхъ занятій человѣку!

Ждать ли васъ, графиня, къ намъ или перемѣнили вы свое намѣреніе? Такъ какъ я надѣюсь, что нѣтъ, то кончаю словомъ «до свиданія».

Москва, 23 д.
(1853).

7.

Получено 4-го Марта 1853 г.

Я вамъ очень благодаренъ, графиня, за книги, присланныя отъ васъ. Одна изъ нихъ—изданіе прекрасное и крайне полезное для Славянской филологіи, но объ ней говорить нечего; другая *The Future* Alison'а [3]) очень любопытна. Я не раздѣляю мнѣнія вашего объ ней и не могу видѣть въ ней злоупотребленія книгопечатанія, хотя и признаю въ ней очень смѣшныя черты сумасбродства. Это сумасбродство особеннаго рода: оно представляетъ карикатуру чисто-Англинскаго направленія мысли въ томъ забавномъ смѣшеніи вопросовъ политическихъ и религіозныхъ, которое составляетъ самую основу книги, напр. въ убѣжденіи, что успѣхи Христіанства зависятъ отъ *Free Trade, Septennial Parlaments* [4]) и такъ далѣе. Но сумасбродство это не мѣшаетъ личному достоинству автора; оно, т.-е. сумасбродство, передано ему, такъ сказать, отъ общества; самъ же онъ сохраняетъ и благородство чувства, и высокое нравственное настроеніе, и даже большую свѣтлость ума. Превратное и сбивчивое понятіе о Христіанствѣ въ Alison'ѣ происходитъ отъ его крайне-протестантскаго воззрѣнія, отъ борьбы съ католицизмомъ, болѣе же всего отъ глубокаго нравственнаго негодованія на разногласіе между именемъ христіанскаго общества и бытомъ этаго общества. Ложь въ Alison'ѣ есть только одностороннее пониманіе правды, въ одно и тоже время досадное и внушающее уваженіе къ автору. Прибавьте еще и то,

---

[1]) Да или нѣтъ.
[2]) Тогдашняго министра юстиціи. *Изд.*
[3]) „Будущее", сочиненіе Алисона. *Изд.*
[4]) Отъ свободной торговли, семилѣтняго парламента.

Digitized by Google

что въ немъ есть страницы, писанныя прекрасно и съ истиннымъ увлеченіемъ и что въ Англіи онъ принятъ многими съ сочувствіемъ или по крайней мѣрѣ со вниманіемъ. Серьезные журналы, каковы Blackwoods M. и Edinburgh R. цитуютъ его и смотрятъ на него какъ на основателя или дѣльнаго представителя новой теоріи налога, именно системы прямаго налога, *Direct Taxation*, какъ единственной разумной и нравственной. Еще недавно было время, когда прямой налогъ считали въ высшей степени безнравственнымъ и неразумнымъ; есть люди, которые и теперь придерживаются этаго мнѣнія. Пусть они спорятъ себѣ съ Alison'омъ; вѣроятно одна крайность исправитъ другую. Во всякомъ случаѣ я считаю самую книгу далеко небезполезною.

8.

При посылкѣ стиховъ «Къ Россіи». (На шестой недѣлѣ Великаго поста 1854 года).

Эти стихи написалъ я, графиня, на дняхъ. Какъ стихи, они вамъ понравятся; надѣюсь, что они понравятся, какъ чувство. Во всякомъ случаѣ они сказались у меня невольно. Какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь тѣмъ яснѣе, чѣмъ самый подвигъ лучше и чище, такъ и обществу. Странна была бы рѣчь о смиреніи (а не это ли чувство уважаемъ мы въ Россіи по премуществу?), если бы смиреніе не выражалось сознаніемъ слабыхъ сторонъ или пороковъ въ тѣ минуты, которыя призываютъ къ великому и опасному служенію. Отъ печати я удаленъ *); но мнѣ кажется, такіе стихи должны быть полезными, призывая къ серіозному пониманію великаго дѣла, къ которому мы идемъ. Разумѣется, если бъ можно было думать о печати, я сказалъ бы, что слова: *И игомъ рабства клеймена* (слишкомъ рѣзко опредѣляющія крѣпостное состояніе) можно замѣнить: *И двоедушьемъ клеймена.* Также поставить другое—на мѣсто *всякой мерзости полна.* Но вообще полагаю, что нельзя и воображать,

*) Хомяковъ хочетъ сказать, что ему запрещено печатать свои произведенія. Его стихотворенія: „къ Россіи“, „Покаявшейся Россіи“, „Судъ Божій“ и др. появились въ печати уже по его кончинѣ. *Изд.*

Digitized by Google

чтобъ такой канонъ покаянія могъ быть напечатанъ. А все-таки скажу: въ минуту тяжелой войны конечно не время ни человѣку, ни обществу исправляться, а время искренно сознаваться въ своихъ грѣхахъ обществу, такъ же какъ и человѣку. Согласитесь ли вы со мною? Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистическаго фрондёрства. Война предстоитъ не шуточная, и размѣры, которыхъ она можетъ достигнуть, еще неизвѣстны никому. Должно смотрѣть впередъ бодро, но и трезвенно. Право, предполагать во мнѣ фрондёрство или что-нибудь подобное, значитъ меня вовсе не знать. Не думаю, чтобъ я когда-нибудь заслужилъ такое подозрѣніе, а теперь просто стыдно было бы его заслуживать.

Изъ письма отъ 4-го Апрѣля 1854 г. къ А. Н. Попову съ приложеніемъ стиховъ „Покаявшейся Россіи“ [1]).

Я написалъ стихи, изъ которыхъ конечно добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хоть и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ, и если другіе прочли и, любя Россію, въ тоже время не слишкомъ разсердились на меня: развѣ ужъ это не покаяніе, или не знакъ постояннаго, хотя и не выражаемаго, покаянія? Я написалъ другую піесу вчера и посылаю ее вамъ передъ говѣніемъ.

9.

Простите меня, графиня, въ томъ, что я ваше имя долженъ былъ упомянуть въ официальномъ актѣ. Судите сами, могъ ли я иначе поступить? Сегодня былъ я призванъ къ графу Закревскому, который отъ имени графаОрлова [2]) спросилъ у меня: «признаю ли я своими двѣ пьесы къ Россіи, ходящія подъ моимъ именемъ». Разумѣется, я отрекаться и не думалъ. Я прибавилъ, что мое желаніе было ихъ напечатать и что я даже посылалъ ихъ въ Петербургъ съ изъявленіемъ этаго желанія и съ согласіемъ на нѣкоторыя перемѣны въ томъ случаѣ, если цензура того потребуетъ. Графъ Закревскій сказалъ мнѣ слова

[1]) Эти строки сохранились въ спискѣ у графини А. Д. Блудовой. *Изд.*

[2]) Тогдашняго шефа жандармовъ. *Изд.*

Digitized by Google

свои записать и потомъ спросилъ: «къ кому я стихи послалъ?» Я назвалъ васъ и А. Н. Попова, такъ какъ первая пьеса была мною послана дѣйствительно къ вамъ, а вторая къ А. Н. Простите меня, что я ваше имя вмѣшалъ въ офиціальность; сами видите, что я иначе не могъ поступить, да вы же и знаете, что я не умѣю обходить правду; а за всѣмъ тѣмъ мнѣ и досадно, и передъ вами совѣстно.

Вотъ какія приключенія навлекаетъ стихотворство! А право, хоть вашъ батюшка и былъ мною недоволенъ, хоть слова мои и были рѣзки, но я чувствую, что, столько хваливъ Россію и ея духовную основу всегда, я не могъ не высказать ей того, что̀ сказалъ, когда мы были затоплены такимъ наводненіемъ похвалъ, не хотящихъ ничего знать кромѣ ея матеріальныхъ силъ. И вы не прогнѣваетесь, если я скажу, что вы немножко неправы, полагая, что писатель самъ себя исключаетъ изъ своего осужденія, когда обращается къ отечеству. Въ одномъ стихѣ, по крайней мѣрѣ, онъ очевидно себя чарочкой не обнесъ.

И лѣни мертвой, и позорной.

10.

Нынче въ Москвѣ прошелъ слухъ, кажется, несомнѣнный Судьбы Божіи неисповѣдимы и неотразимы. Есть человѣкъ, котораго сердце исполнено теперь глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы сумѣли ему сказать слово отрады; дай Богъ, чтобы его успокоили. Пусть только вѣритъ онъ Россіи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего Государя. Будутъ мундирныя, будутъ форменныя молитвы; но, не дожидая ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячи станутъ на колѣни въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло, за него, за его счастіе и крѣпость въ подвигѣ жизни. Не думаю, чтобъ такія молитвы были безплодны.

Суббота, полночь. 19 Февраля 1855 (Москва).

Digitized by Google

11.

Матушка передала мнѣ вашъ добрый и милый совѣтъ побывать въ Пальмирѣ Сѣвера, и что̀ грѣха таить? Признаюсь, многое множество разныхъ чувствъ заговорило во мнѣ, все подговаривая на эту поѣздку. Да не выходить! Мнѣ ужъ суждено сидѣть сиднемъ въ своемъ уголкѣ. Вотъ ужъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ я отказался вовсе отъ свѣта и одинаково отъ его удовольствій, какъ и отъ его требованій. Зипунъ по будняхъ и долгополое пальто по праздникамъ, право, не Петербургскій нарядъ. Намъ все это незамѣтно; но вамъ это очень замѣтно. П.-бургъ городъ свѣтскій по преимуществу, и нѣтъ никакой возможности соваться въ него съ своимъ уставомъ. Это было бы крайнимъ неприличіемъ, а я такъ же мало желаю поступать неприлично, какъ твердо положилъ себѣ не отступать отъ своего устава. Я старикъ, отказавшійся отъ свѣта, хотя, разумѣется, нисколько не отказавшійся отъ жизни общественной; но этаго никто не обязанъ признавать, а мнѣ нѣтъ никакой охоты выставлять себя странникомъ. Видите, что мнѣ въ П-бургъ не дорòга, какъ бы ни хотѣлось повидаться съ тѣми, кого въ П-бургѣ люблю. Вѣрьте мнѣ, что если желаніе мое побесѣдовать съ друзьями не можетъ меня заставить отказаться отъ того образа жизни, который мною выбранъ, или лучше сказать, который единственно мнѣ возможенъ, меня также не заставитъ измѣнить своего намѣреніе желаніе видѣть или показать дѣтямъ непріятельскій флотъ передъ Кронштадтомъ. Положимъ, что видъ и хорошъ; но онъ хорошъ только для тѣхъ, кто можетъ стать на батарею съ фитилемъ въ рукахъ. Мнѣ нельзя, Митѣ не слѣдуетъ смотрѣть на это съ равнодушнымъ любопытствомъ; вѣдь всетаки это оскорбленіе. Даже на сраженіе, чѣмъ бы оно ни кончилось, я не хотѣлъ бы глядѣть. Для сражающихся оно подвигъ, для зрителей оно гладіаторскій бой. Впрочемъ, кажется вы немножко дипломатически поступили и флотъ выставили болѣе, какъ предлогъ, чѣмъ какъ настоящую причину; повѣрьте, что мнѣ и безъ всякихъ предлоговъ искренно хотѣлось бы побывать въ П-бургѣ и видѣться съ вами, и нелегко мнѣ отказаться отъ этаго удовольствія.

Digitized by Google

Здѣсь сильные слухи о мирѣ. Дай Богъ въ добрый часъ! Испорченнаго не поправишь, и теперь можно только желать подешевле отдѣлаться, въ надеждѣ со временемъ поправиться. Если мы поняли свои ошибки и твердо рѣшились идти по новымъ, болѣе естественнымъ путямъ, нетрудно будетъ намъ воротить съ лихвою то, что теперь потеряемъ вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ или, лучше сказать, вслѣдствіе ошибочной системы, какъ дипломатической, такъ и внутренней политики.

Но о прошломъ говорить нечего. Оно должно служить урокомъ, а не предметомъ какихъ бы то ни было укорительныхъ и праздныхъ пересудовъ. На будущее всѣ смотрятъ съ надеждою: это чувство общее. У насъ, какъ всегда, тишь и гладь; что у насъ ново, то у васъ уже старо, а своего новаго ничего не имѣемъ, кромѣ торжественнаго въѣзда, устроеннаго оберъ-полицеймейстеромъ генералъ-губернатору. Просто, говорить не о чемъ. Ждемъ вѣстей изъ Севастополя, ждемъ вѣстей изъ Петербурга, и только; а между тѣмъ я собираюсь завтра въ путь-дорогу на Тульскіе выборы по ополченію съ горькимъ чувствомъ, что мнѣ въ немъ участвовать нельзя.

14 Марта 1855 (Москва).

Что вамъ сказать о Дядѣ Ѳомѣ? *) Надъ нимъ плачутъ здѣсь такъ же усердно, какъ и вы вѣроятно плакали въ Петербургѣ; и здѣсь такъ же, какъ и у васъ, находятъ, что многое знакомо и намъ, хотя не совсѣмъ въ томъ черномъ видѣ, какъ въ Америкѣ, а тому лѣтъ за сорокъ, когда семьи продавались по частямъ, немного даже и уступало Американскимъ формамъ невольничества; но до меня это не касается. Безстрастно изучивъ вопросъ домашній, я очень понимаю различіе крѣпостнаго состоянія и рабства въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя разумѣется и перваго нисколько не одобряю. Нравственная основа другая, и слѣдовательно всѣ явленія ея различны, не смотря на видимое сходство во многихъ частныхъ случаяхъ, доходящихъ до отвратительной жестокости, или показывающихъ еще болѣе

*) Хижина Дяди Тома, извѣстное сочиненіе Бичеръ-Стоу, облетѣвшее въ то время оба полушарія. Когда у насъ начались работы по отмѣнѣ крѣпостнаго права, появилось нѣсколько переводовъ этой книги, возбудившей столько сочувствій и столько ненавистей. *Изд.*

Digitized by Google

отвратительное равнодушіе къ человѣчеству. Меня въ романѣ поразило одно лицо, которое, по моему мнѣнію, упрочитъ славу писательницы; это не Томъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличенный, и не маленькая Эва: она только граціозная сестра Поля Домби (и слава созданія принадлежитъ Диккенсу), но Августинъ Сенъ-Клеръ. Онъ намъ всѣмъ близокъ своимъ пящнымъ просвѣщеніемъ, своею художественною природою, мягкостью и кротостью нрава, лѣнивымъ человѣколюбіемъ, Сибаритскимъ эгоизмомъ, слабостью нравственныхъ убѣжденій и нехристіанскимъ равнодушіемъ къ общественному добру, искусно оправдываемымъ посредствомъ ловкихъ софизмовъ. Онъ въ душѣ вѣдь осуждаетъ зло; чего же болѣе? Онъ правъ передъ собою и передъ Богомъ. Этотъ характеръ очерченъ мастерски и поддержитъ славу автора даже тогда, когда пройдетъ время минутнаго восторга. Впрочемъ, я увѣренъ, что романъ г-жи Stowe подвинетъ значительно вопросъ о рабствѣ черныхъ. Общественныя улучшенія зависятъ отъ сердца болѣе, чѣмъ вообще думаютъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ отъ ума. Отъ того-то, по моему мнѣнію, женщины такіе же великіе дѣятели въ исторіи народовъ, какъ и мужчины, хотя роль ихъ менѣе видна.

Что̀ сказать вамъ о нашей Москвѣ? И не найду, что̀ сказать. Я начинаю догадываться, что я совсѣмъ не въ Москвѣ живу, а только на Собачьей площадкѣ своей, которая случайно находится въ Москвѣ. Впрочемъ, и Москва нынѣшній годъ не безъ литературной новости. Я говорю о замѣчательной драмѣ *Не въ свои сани не садись*. Успѣхъ огромный и вполнѣ заслуженный. Жаль только, что въ сценѣ на постояломъ дворѣ нѣтъ того развитія и той постепенности, которыя должны были дать полноту художественному творенію. Авторъ забылъ, что купеческая дочь представляетъ благородному жениху капиталъ во сто тысячъ, и что онъ не можетъ и не долженъ вдругъ терять надежду на аферу. Какъ бы то ни было, драма все-таки очень хороша, и Островскій оправдываетъ надежды, которыя подалъ первыми своими произведеніями.

Прилагаю постные стихи, которые не считаю стихами.

Digitized by Google

Къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Милостивая государыня Александра Осиповна. Можете ли вы себѣ представить положеніе непріятнѣе моего? Вамъ извѣстно мое всегдашнее глубокое отвращеніе отъ всякаго политическаго вопроса, а я теперь затравленъ, заѣденъ политикою. Куда ни выѣду, куда ни повернусь, въ мужское или дамское общество, все рѣчь одна: «Каковъ Ламартинъ или Ледрю-Роллень, и что Пруссаки и что Познань?» Просто навожденіе! Меня беретъ злость. Если бы вы, молодцы, думаю я, ходили въ зипунѣ да въ косовороткѣ, вы бы думали о своихъ домашнихъ да семейныхъ дѣлахъ, а не объ вздорѣ, до котораго вамъ дѣла нѣтъ, и сами были бы умнѣе и мнѣ бы не надоѣдали. Видно, ужъ таково вдохновеніе кургузаго фрака. Но вотъ что еще досаднѣе: мнѣ до того прожужжали уши политикою, что дома мнѣ отъ нея покоя нѣтъ. По цѣлымъ часамъ о ней думаетъ голова противъ воли ума. Пробовалъ я самъ себя отчитывать разными самыми кроткими книгами (какъ напр. Лассена о клинообразныхъ надписяхъ), и все не въ прокъ. Рѣшился на самое геройское средство—написать за одинъ разъ всѣ мои мысли, да и раздѣлаться съ ними навсегда. Примите милостиво мои мечты.

Вотъ извлеченіе изъ послѣднихъ мною слышанныхъ рѣчей: «Познань поднялася, или поднимается, или скоро поднимется; она непремѣнно затронетъ насъ. Загорится война, Германія съ радостію вышлетъ всѣхъ своихъ праздношатающихся республиканцевъ, Франція броситъ для своего собственнаго спасенія всѣхъ своихъ голодныхъ работниковъ на промыселъ военный, и Нѣмцы имъ охотно дадутъ путь. Борьба будетъ страшная. Россія устоитъ, но прольются потоки крови и крови, слишкомъ дорогой». Вотъ толки самые новѣйшіе, и на первый взглядъ все это кажется истиннымъ и едва ли не неизбѣжнымъ. А полно

Digitized by Google

такъ ли? Россія сильна, непоколебима; поэтому она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и властна сказать слѣдующее всему міру.

Она никогда не принадлежала Европейской системѣ народовъ. Милостію Божіею, разумомъ государей и силою народа она возвращена и возвеличена, она владѣетъ всею землею отъ Балтики до Тихаго океана, она сильна и людьми, и землею; но она всегда жила особнякомъ. Такъ было, есть и будетъ. Въ дѣла Европы вмѣшивалась она только случайно и вслѣдствіе внѣшняго вызова.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Польша, разорванная, разграбленная, окровавленная своеволіемъ своихъ аристократовъ, грозила спокойствію своихъ сосѣдей и губила свой народъ. Державы восточной Германіи и Россіи взяли ее подъ временный интердиктъ для общаго мира, при чемъ Россіи возвращены были ея старыя области, удѣлъ Рюрикова рода, населенныя народомъ одноязычнымъ съ Россіею, а не съ Польшею. Въ 1815 году, послѣ долгихъ и кровавыхъ смутъ, интердиктъ былъ возобновленъ на общемъ совѣтѣ; но одна Россія, въ лицѣ своего государя, противъ воли многихъ, показала, что она считаетъ эту мѣру только временною и не хочетъ гибели Польской народности. Въ 1830-мъ году своевольное возстаніе наименѣе угнетенной Польши противъ общаго приговора и общихъ трактатовъ принудило Россію возстановить силою оружія интердиктъ, наложенный съ совѣта всѣхъ державъ... Державы Европейскія измѣнились: нѣтъ уже ни прежней Австріи, ни прежней Пруссіи; интердиктъ Польши безполезенъ для нихъ. Онъ ни теперь ни прежде не былъ нуженъ Россіи; ему не для чего продолжаться.

Вотъ, кажется, прямой и простой взглядъ на фактъ историческій. Выводъ былъ бы ясенъ.

Пусть возстановится Польша, во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ (Данцигъ), княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое слу-

Digitized by Google

чайное различіе между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетѣ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ, и т. д. Даже отсутствующіе могутъ быть всѣ допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ, въ Польшѣ по-польски, въ Литвѣ по-литовски (совершенно непонятно для Поляковъ), въ Галичѣ по-галицки (т. е. почти по-русски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. Тоже право должно быть распространено къ Славянамъ Лузаціи и Шлезіи; тоже право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ Венгерскимъ на Славянъ, Хорватовъ, Словаковъ, Руснаковъ и другихъ.

Такимъ образомъ будущая судьба Славянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими; а, кажется, роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса.

Россія надѣется, что это предложеніе будетъ принято и приведено въ скорое исполненіе: она готовитъ списки всеобщіе къ половинѣ Іюня нашего стиля. До тѣхъ поръ границы ея (т. е. до рѣшенія вопроса), или лучше сказать границы, ввѣренныя трактатами ея храненію, должны быть неприкосновенны.

Если же, не смотря на это предложеніе, кто-нибудь осмѣлится своевольно или насильно, предупреждая голосъ народа, вторгнуться въ предѣлы, охраняемые государемъ, того встрѣтитъ сила Россіи. За насъ будетъ честность нашего намѣренія, правота нашего дѣла, Богъ и даже совѣсть нашихъ враговъ.

Такое объявленіе могло бы быть сообщено всѣмъ правительствамъ и народамъ и напечатано во всѣхъ газетахъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни уступки, ибо исполняется только намѣреніе покойнаго государя, и тутъ же смѣлый вызовъ на бой. Это было бы громовымъ ударомъ, который ошеломилъ бы весь міръ. Всѣ будутъ сбиты съ толку: ни одна собака не осмѣлится брехнуть на Государя, и врагамъ останется только

Digitized by Google

молчать или хвалить, хотя бы имъ пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Вѣроятныя послѣдствія. При уничтоженіи аристократическаго вліянія и уменьшеніи городоваго вліянія въ Польшѣ, въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по сродству языка, и особенно по духовному сродству) было бы или за насъ, или по крайней мѣрѣ за отдѣльное существованіе, и этимъ самымъ Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ тоже, или почти тоже, вслѣдствіе употребленія Литовскаго языка.

Вѣрныя послѣдствія. Государь нашъ сталъ бы выше всей Европы. Предлогъ къ войнѣ устраненъ: Франція задохнулась бы въ своемъ банкротствѣ, Германія запуталась бы въ вопросахъ о Данцигѣ и въ своихъ неразрѣшимыхъ задачахъ. Мадьяры и Славяне принялись бы драться черезъ двѣ недѣли и отвлекли бы всѣхъ западныхъ Славянъ. Частный вопросъ о Польшѣ потерялся бы въ вопросѣ общемъ, міровомъ; и Русскій Царь, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, былъ бы рѣшителемъ и законодателемъ всего Европейскаго движенія.

Часть практическая проста. Добросовѣстное заготовленіе списковъ, запрещеніе всѣхъ манифестацій для сохраненія порядка и объявленіе, что всякій безпорядокъ будетъ наказанъ какъ преступленіе противъ законовъ, противъ Государя и противъ народа; сильная охрана границъ, строгая казнь противъ зажигателей и разбойниковъ, изгнаніе заговорщиковъ и *освобожденіе* ихъ имѣній, если они дворяне, и *передача имѣній ближайшимъ родственникамъ* въ городахъ, и тому подобное. Дальше моего ума не хватаетъ.

Виноватъ: замечтался! Простите великодушно. Общій недугъ заразителенъ; но за то я отъ него отдѣлался разомъ. Дружба ваша, которою я горжусь, извинитъ длину этаго скучнаго письма ради почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга А. Хомяковъ.

М. 21-го 1848 г. Москва.

Digitized by Google

Къ Евгеніи Сергѣевнѣ Шеншиной.

(По кончинѣ ея супруга, 1858).

Вы у меня спрашиваете совѣта, дорогая Евгенія Сергѣевна, о томъ, что̀ вамъ дѣлать и чему посвятить жизнь свою, а я и не отвѣчалъ, и не умѣю отвѣчать. Никогда, кажется, не сумѣешь придумать такаго совѣта для другаго, и еще менѣе придумаетъ мужчина для женщины. Что дѣлать въ жизни?—Знаете, это все равно что сказать: чѣмъ святить жизнь свою для будущей? Кто на это отвѣтитъ для другаго? Пусть ухо прислушивается къ голосу Бога въ сердцѣ своемъ, а отвѣтъ будетъ; и во всякомъ сердцѣ розно Богъ говоритъ, смотря по тому на что онъ создалъ каждаго человѣка, такъ или иначе поставилъ его въ такихъ, или иныхъ обстоятельствахъ, и наложилъ на него такой или иной крестъ. Слава Богу, я слышу, что вы не дождались чужихъ слѣпыхъ совѣтовъ, а настроили уже отчасти жизнь и совершенно душу на подвигъ жизненный, святя свое горе покорностію и служеніемъ тѣмъ человѣческимъ, Христіанскимъ сочувствіямъ и попеченіямъ, которыя наполняли сердце покойника, никогда не умирающаго для васъ. Черезъ васъ продолжится его дѣятельность къ добру въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, но можетъ быть тѣмъ съ большею и болѣе проникающею силою. Великое утѣшеніе для мысли то, что добрый не умираетъ даже на землѣ: въ немъ есть сила, переживающая, укрѣпляющая тѣхъ, которые имѣли счастье любить его.

Сами вы знаете, какое пережилъ я горе или, лучше сказать, въ какомъ горѣ живу. Пережить горе настоящее нельзя, да и не дай Богъ; но мнѣ часто въ утѣшеніе приходитъ чувство и ясное сознаніе того, чѣмъ и какъ многимъ внутри себя обязанъ я моей покойной Катенькѣ, и часто слышатся мнѣ внутренніе упреки за то, что я далеко не разработалъ и не разработываю все наслѣдство духовнаго добра, которое я получилъ отъ нея. Дай Богъ вамъ свой подвигъ совершить лучше моего.

Digitized by Google

Изъ писемъ къ М. С. Мухановой [1]).

1.

Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы дали мнѣ случай хоть сколько-нибудь похлопотать за васъ. Я нисколько не знакомъ съ Калайдовичемъ; но, получивъ ваше письмо, написалъ сейчасъ къ И. С. Аксакову, который навѣрно его знаетъ [2]), и я убѣжденъ, что все сдѣлается какъ слѣдуетъ. Онъ же законы знаетъ, и его не проведутъ; а онъ, безъ сомнѣнія, будетъ справляться о ходѣ дѣла. Болѣе я сдѣлать не могъ и крайне жалѣю, что моя услуга должна ограничиться такою малостью.

Благодарю васъ также за извѣщеніе о статьѣ въ Rembrance и за обѣщаніе ее доставить. Жаль, что теперешніе безпорядки въ церкви Константинопольской и Греческой могутъ подать поводъ къ дурнымъ толкованіямъ; особенно жаль, что духовенство въ Греціи, кажется, суется въ дѣла политическія. Дай Богъ, чтобы я ошибался, а мнѣ что-то кажется, будто и бунтъ Майны идетъ отъ духовенства. Трудно людямъ умѣть понимать Христіанскій долгъ; но есть слово, которое можетъ насъ утѣшить: «не спитъ, стражаяй Израиля».

Почти такимъ же словомъ кончаю я статью, которую послалъ въ Сборникъ. Мнѣ и всегда съ цензурою мало удачи. Боюсь, что съ цитатой изъ царя Давида будетъ еще хуже. По крайней мѣрѣ я потрудился; впрочемъ я и вообще начи-

---

[1]) Дѣвица Марья Сергѣевна Муханова, двоюродная сестра братьевъ Мухановыхъ, пріятелей А. С. Хомякова, извѣстная была въ Москвѣ умомъ своимъ, многостороннею образованностью и благотвореніями. *Изд.*

[2]) И. С. Аксаковъ и Калайдовичъ (сынъ археолога) служившій въ Московскомъ Сенатѣ, окончили курсъ наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. *Изд.*

Digitized by Google

наю быть на этотъ счетъ нѣсколько добропорядочнымъ. Между тѣмъ кисть также не лѣнится, и я кончаю теперь портретъ жены въ большомъ размѣрѣ. Кажется, будетъ очень живъ.

Іюля 9 дня, с. Липицы.

2.

Изъ рукъ вонъ стыдно мнѣ возвращать вамъ вашу книгу, такъ любезно вами сообщенную, въ такомъ гнусномъ видѣ, съ обгорѣлыми краями. Простите меня, милостивая государыня Марья Сергѣевна; но повѣрьте, что я не только небреженіемъ, даже и неосторожностью не былъ виноватъ. Я только на нѣсколько минутъ вышелъ изъ комнаты, вѣтромъ сорвало нагаръ со свѣчи и бросило его на бумаги, которыя отъ свѣчки были далеко. Вспыхнулъ весь лѣвый флангъ моего бюро (стиль Крымскій), бумаги испепелились (впрочемъ неважныя), сгорѣли двѣ книжки, и опалило нѣсколько книжекъ на лѣвой этажеркѣ, въ томъ числѣ и вашу. Если вы и послѣ моего разсказа еще не простили, то простите ради того, что это было очевидное предзнаменованіе, что Англичане обожгутся (и обожглись) на лѣвомъ нашемъ флангѣ въ Севастополѣ. Это дѣло утѣшительное, первое съ начала войны вполнѣ утѣшительное. Дай Богъ, чтобы впереди были такія же.

3.

Очень благодарю васъ за книги и стихи. Стихи бойки и живы: они въ старомъ манерѣ князя Вяземскаго, но не имѣютъ его прежней веселости и немного черезъ-чуръ выкрашены кваснымъ патріотизмомъ; но онъ теперь тѣмъ болѣе въ ходу по наружности, чѣмъ менѣе онъ признается законнымъ въ убѣжденіяхъ общества. Напр., кто такой врагъ чужимъ Нѣмецкимъ землямъ какъ Ник. Алексѣевичъ? *) А ужъ куда какъ не торопливъ онъ возвратомъ на хваленую родину! Все это не мѣшаетъ стихамъ быть очень милыми, а имя автора, вполнѣ Русское, и его умственное настроеніе, издавна вполнѣ Французское, не смотря на теперешнее желаніе передѣлаться на Русскій ладъ, все вмѣстѣ представляетъ довольно забавный контрастъ для безпристрастнаго наблюдателя. Для меня эти стихи

*) Мухановъ; письма къ нему Хомякова см. выше. *Изд.*

Digitized by Google

очень радостны. Видно, милый авторъ ихъ совершенно выздоровѣлъ, а вѣсти объ немъ какъ долго были неутѣшительны! Вѣдь онъ теперь послѣдній остается отъ своей литературной эпохи.

Пожалуйста, скажите мой поклонъ Николаю и Владимиру Алексѣевичамъ. Не знаю, напишу ли къ нимъ. Мы такъ давно не видались и такъ много для меня перемѣнилось съ тѣхъ поръ, что легче написать томъ, чѣмъ нѣсколько строкъ. Простите меня, что возвращаю только одинъ № Edinburgh R. Всѣ остальные доставлю вамъ на дняхъ. Прилагаю вамъ четыре Blackwood's M. Бѣдный очень теперь пріунылъ съ паденія Дерби. На дняхъ буду имѣть честь быть у васъ съ тетрадкой, которую я желаю отдать вамъ на судъ и съ объясненіемъ тѣхъ странныхъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ мнѣ не позволили явиться съ нею къ вамъ.

4.

Простите меня въ томъ, что я замедлилъ вамъ отвѣчать и васъ благодарить. У меня была надежда, почти увѣренность, что я буду имѣть счастіе побывать у васъ во время проѣзда моего черезъ Москву, и что мнѣ удастся васъ поблагодарить лично. Да не такъ дѣлается, какъ хотѣлось бы. Три дня провелъ я въ Бѣлокаменной, теперь долженъ спѣшить въ Смоленскъ по случаю непріятности (пожара хозяйственныхъ заведеній) и не могу улучить четырехъ или пяти часовъ, чтобы съѣздить къ вамъ на дачу. Не вините меня пожалуйста и примите благодарность за вашу добрую память и за любезное ходатайство въ пользу моего дикаря, филолога Микуцкаго.

5.

Когда я заѣзжалъ къ вамъ на дняхъ, мнѣ сказывали, что вы нездоровы; но я никакъ не воображалъ, чтобы это было такъ серіозно. Слава Богу, что прошло. Простите меня, если я еще не могу исполнить своего обѣщанія: Аксаковъ все это время былъ такъ занятъ, что не могъ самъ достать своей статьи. У него только одинъ черновой и неудобочитаемый списокъ, а порядочный былъ въ чужихъ рукахъ, и онъ только еще обѣщается

Digitized by Google

мнѣ достать его. Все это время мы съ нимъ трудились для *будущей* (если она будетъ) Р. Бесѣды. Тридцатилѣтнее же царствованіе даже не было у меня: я слышалъ его чтеніе, но самъ не читалъ. Похлопочу у знакомыхъ, нельзя ли гдѣ нибудь получить списокъ и поспѣшу, если можно, доставить его къ вамъ. Простите невольное неисполненіе обѣщанія.

6.

Очень вамъ благодаренъ за Англійскій журналъ. Дѣйствительно, статья о Пальмеровыхъ брошюрахъ для меня была очень любопытна и тѣмъ болѣе любопытна, что добродушный Англичанинъ мнѣ послалъ два экземпляра своего сочиненія, не догадываясь, что ихъ перехватитъ сторожевой полкъ, который охраняетъ наше умственное спокойствіе и нашу нравственную чистоту отъ зловреднаго прикосновенія мысли Западной. Разумѣется, я этихъ двухъ экземпляровъ не получалъ и не получу. Я радъ, что послалъ ему свою Французскую книжку (о которой, скажу мимоходомъ, нѣтъ ни слуху, ни духу): она можетъ ему быть небезполезною. Многое и многое еще нужно имъ объяснять, а у насъ заткнуты рты. Такъ, видно, Богу угодно; но еще надобно всѣ пути перепробовать, прежде чѣмъ отступиться отъ дѣла полезнаго. Кстати: говорятъ, что Григорій Казанскій по доносу г. л. Анненкова *) въ коммунистическомъ направленіи проповѣдей, будетъ удаленъ отъ Синода, хотя и оправданъ. Можно бы подумать, что знакомство со мною имѣетъ особенно вредное дѣйствіе. Если бы я зналъ содержаніе брошюръ Пальмеровыхъ, я бы въ письмѣ къ нему доказалъ ему, что онъ еще слишкомъ снисходителенъ къ Латинству въ богословскомъ отношеніи. Надѣюсь, что если только моя книжечка выйдетъ въ свѣтъ и вызоветъ возраженіе, я еще буду имѣть случай высказать имъ все. Авось! Грустно какъ-то: погода ужасная, которая сама по себѣ ничего, наводитъ уныніе, когда общій неурожай, двойное рекрутство безъ

*) Анненковъ (братъ извѣстнаго критика) былъ членомъ негласнаго цензурнаго комитета. Извѣстно, до чего доходило тогда стѣсненіе слова; въ этомъ комитетѣ замышляли даже процензуровать Библію.—Письмо Хомякова къ архіеп. Григорію см. ниже. *Изд.*

Digitized by Google

войны и холера подаютъ поводъ къ горести разумной. Холера меня просто сердитъ. Столько опытовъ доказали мнѣ всю сравнительную ничтожность этой болѣзни (напр., на дняхъ я лѣчилъ и вылѣчилъ больнаго, имѣющаго всѣ признаки періода смертельнаго, отъ черныхъ пятенъ на лицѣ и полнаго отсутствія пульса до оледенѣлаго языка и закатившихся глазъ), и нельзя остановить холеры потому, что не позволяютъ дѣйствовать. Эта невозможность быть полезнымъ, при многихъ данныхъ, для пользы людской напоминаетъ мнѣ самые тяжелые сны моего дѣтства и производитъ впечатлѣніе ужаснаго кошмара на яву.

7.

Я очень передъ вами виноватъ: все собирался къ вамъ послать журналъ и писать, да отлагалъ посылку и поэтому отлагалъ и письмо. Я точно виноватъ, да вы же меня и наказали подозрѣніемъ, будто бы я нѣсколько посѣтовалъ на ваше замѣчаніе о второй моей брошюрѣ. Вѣрьте мнѣ, я говорю не о формѣ вашего выраженія, которое не затронуло бы даже самаго раздражительнаго самолюбія (а его во мнѣ нѣтъ); но всѣ ваши замѣчанія для меня драгоцѣнны. Я могу съ ними иногда не соглашаться, но я отъ васъ не слыхалъ такаго, объ которомъ не пришлось бы задуматься. Ваша критика есть одолженіе для всякой, не совсѣмъ пустой головы. Такъ и теперь. Я не только понялъ вашу дружбу въ томъ, что вы мнѣ сообщаете замѣчаніе, съ которымъ вы согласны и которое очень для меня важно, но я понялъ и справедливость самой критики. Самъ я перечелъ свою брошюру и не могъ не сознаться, что впечатлѣніе, которое она должна производить на Русскаго читателя, можетъ быть не совсѣмъ выгоднымъ для меня. Почему? Вотъ вопросъ, который вы во мнѣ возбудили. Нападеніе на Протестантство въ обѣихъ книжечкахъ весьма сильно, и думаю даже едва ли было когда-нибудь сильнѣе выражено, а впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ что-то Протестантское. Мнѣ кажется причина та, что я у православнаго отнялъ не только Папу, но и всякую замѣну Папства (Синодъ ли, монахъ ли, или духовникъ, или что бы то ни было). Я выставилъ свободу не только какъ право, но еще какъ обязанность, и въ этомъ я считаю себя правымъ; но я не сказалъ ни слова о предѣлахъ

Digitized by Google

свободы Хрпстіанской и въ этомъ себя подвергъ осужденію. Иные будутъ меня обвинять потому, что боятся быть свободными; другіе потому, что имъ лѣнь быть свободными; но не совсѣмъ мною будутъ довольны и тѣ, которые, не боясь и не лѣнясь быть свободными, чувствуютъ, что эта свобода не безусловна. Вы меня не обвиняете, но вамъ за меня больно, что книга не такъ прочтется, какъ слѣдуетъ. Я въ этомъ чувствую и вашу любовь къ дѣлу Церкви, и вашу дружбу ко мнѣ, и тѣмъ живѣе чувствую недостатокъ,— не книги самой (которая имѣетъ цѣль полемическую), но своего труда. Его надобно пополнить. Вы въ этомъ совершенно правы. Я буду ждать и искать случая, который бы далъ мнѣ поводъ къ новому объясненію; но я надѣюсь, что вы меня оправдаете въ моемъ убѣжденіи, что именно надобно искать случая и что безъ него трудно надѣяться на вниманіе современныхъ намъ читателей въ вопросахъ, къ которымъ они къ несчастію слишкомъ равнодушны. Надѣюсь также, что въ Москвѣ еще позволите мнѣ изустно возвратиться къ этому предмету. Въ Christian R. есть любопытная статья, возраженіе на Wilberforce'ову защиту Папства *). Чудное дѣло человѣкъ и особенно католикъ! Какъ можно такъ безбожно лгать, такъ безсовѣстно повторять уже изобличенные обманы, и въ тоже время думать (и вѣроятно отъ души), что эта ложь, этотъ обманъ служатъ правдѣ и Богу?

Не радуютъ извѣстія изъ Севастополя. Много тамъ льется дорогой крови и безъ плода, и безъ пользы: наслѣдство des incapacités, оставленное покойнымъ Государемъ своему преемнику, тяжело отзывается для Россіи. Что-то Богъ дастъ впередъ?

8.

Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу дружбу и сочувствіе. Покойная матушка душевно любила и уважала васъ; она дорожила вашимъ расположеніемъ, и всякое посѣщеніе ваше было для нея праздникомъ. Вы это знаете; знаете также, что и жена моя умѣла васъ цѣнить, но едва ли можете знать,

*) Робертъ Вильберфорсъ, братъ извѣстнаго Самуила, епископа Оксфорскаго. Онъ обратился въ Римское католичество. *Изд.*

Digitized by Google

до какой степени она цѣнила вашу дружбу. Ради этихъ двухъ покойницъ и ихъ чувствъ къ вамъ, когда я буду въ Москвѣ, вы мнѣ позволите привезти къ вамъ внучку одной и дочь другой и попросить васъ, чтобы вы приняли ее въ свое доброе расположеніе. Это было всегдашнимъ желаніемъ и надеждою матушки.

Тяжела мнѣ моя послѣдняя потеря, можетъ быть болѣе, чѣмъ я самъ думалъ. Ея лѣта, ея со дня на день слабѣющее здоровье заставляли меня ожидать ея кончины, и ожиданіе должно бы, повидимому, притуплять до нѣкоторой степени самую горесть; но въ матушкѣ была еще такая живость чувства и мысли, что, казалось, смерть еще не такъ близка и что сперва отзовется ея приближеніе на умъ и сердце, а потомъ только возметъ она всѣ свои права. Вышло не такъ. Тѣло разрушилось, а душа до послѣдняго дня сохраняла всѣ свои силы. Разумѣется, я не говорю о послѣднихъ уже часахъ; но за сутки съ небольшимъ она разсуждала о дѣлахъ домашнихъ, о строеніи церкви *), о судьбахъ Россіи, какъ и прежде въ полномъ здоровьи. Много настрадалась она въ жизни, и тяжело было ея поприще, прежде чѣмъ она пришла къ отдыху; но и не безполезна была эта жизнь, и много добрыхъ воспоминаній связано съ нею. Она, смѣю это сказать, была благороднымъ и чистымъ обращикомъ своего времени; и въ силѣ ея характера было что-то принадлежащее эпохѣ болѣе крѣпкой и смѣлой, чѣмъ эпохи послѣдовавшія. Что до меня касается, то знаю, что, во сколько я могу быть полезенъ, ей обязанъ я и своимъ направленіемъ, и своею неуклончивостью въ этомъ направленіи, хотя она этаго и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, а въ тоже время какой урокъ смиренія даетъ такое убѣжденіе! Какъ мало изъ того добраго, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему? И мысли по большей части сборныя, и направленіе мыслей заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія. Что же его-то собственно?

---

*) Марья Алексѣевна Хомякова въ 1812 году дала обѣтъ построить церковь въ благодарность за избавленіе отъ Французскаго нашествія. Церковь при селѣ Ивановскомъ (Данковскаго уѣзда) освящена въ 1878 году. *Изд.*

Digitized by Google

На дняхъ кончилъ я свою третью брошюрку, которая мнѣ далась съ немалымъ трудомъ. Вопросы затронуты всѣ, которые только могъ я придумать для строгаго опредѣленія отношеній Церкви къ Богу, къ своимъ собственнымъ чадамъ и къ кажущемуся историческому развитію ея. При этомъ постоянное сопоставленіе двухъ ея отличительныхъ свойствъ, крайней свободы и совершеннаго единства, въ противуположность Протестантской свободы и Римскаго единства. Что то изъ этого будетъ? Въ Германіи до сихъ поръ нѣсколько объявленій газетныхъ о первыхъ двухъ, ни одного возраженія или разбора; но по нѣкоторымъ отзывамъ видно, что они озадачены. Журналъ Repertorium говоритъ: «Книга стóитъ отвѣта; но совѣтуемъ возражателямъ приняться за дѣло, сильно обдумавъ свои возраженія. Она похожа на укрѣпленія Севастопольскія, и ея легкимъ боемъ не возьмешь. Во всякомъ случаѣ, должно признаться, что Россія крѣпка не одними вещественными силами». Это лестно, но мнѣ бы хотѣлось настоящихъ отвѣтовъ: тогда лучше можно бы ихъ пронять. Добьюсь ли этаго третьею брошюрою?

Дѣла много, а я къ несчастію и лѣнивъ, и разсѣянъ другими дѣлами. Дай Богъ помощниковъ! Но къ несчастію такъ трудно Русскому человѣку проснуться, да взяться за работу; такъ мало еще людей, желающихъ духовной и мысленной жизни, что иногда руки отпадаютъ. Одно утѣшеніе—смотрѣть, какъ дубы тихо ростутъ. Можетъ быть, такъ и надобно для крѣпкаго роста.

Когда будете опять въ Москвѣ (вѣдь нынѣшняя осень хоть кого выживетъ изъ деревни), не познакомитесь ли вы съ духовнымъ путешественникомъ—Англичанином rev. Arthur Stanley? Говорятъ, очень замѣчательный человѣкъ; привезъ ко мнѣ письмо, но едва ли мнѣ удастся съ нимъ видѣться: вѣроятно онъ уѣдетъ до меня.

Сентября 10 д. 1857 г.

Digitized by Google

Къ Е. А. Свербеевой [1]).

Почтенная и любезная Екатерина Александровна!

Несправедливы вы, увѣряя, что я никогда вамъ не отвѣчаю. Я помню, что я отвѣчалъ всегда или почти всегда; но именно на сей разъ отвѣчать не могу, или лучше сказать, отвѣчаю не своею рукою. Меня такъ искусно кучеръ вышвырнулъ изъ тарантаса, что я три дня могъ только лежать и то съ большими болями въ лѣвомъ вертлугѣ. Не переломлено, и я думаю, не вывихнуто; но всѣ бедренныя сухожилья такъ растянуты, что въ нихъ стоитъ постоянная боль, какъ будто бы ихъ вымолотили цѣпами. Теперь немного могу сидѣть, но вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы можно было писать. Не будь только этаго, я, хотя не ожидая вашего письма, а по извѣстію отъ Аксакова, уже написалъ бы тому дня три то письмо, на которое вы меня вызываете.

Извѣстіе о болѣзни Самарина [2]) меня очень огорчило, хотя я увѣренъ, что послѣдствій никакихъ не будетъ. Еще прежде, т. е. зимою, когда неизвѣстно еще было, что онъ поступитъ въ Петербургскій комитетъ, я совѣтовалъ ему отдохнуть въ чужихъ краяхъ отъ Самарскаго комитета и признавалъ это необходимымъ.

Человѣкъ этотъ не можетъ работать черезъ пень-колоду: онъ весь въ своемъ дѣлѣ и умомъ, и душею. Во всемъ видитъ онъ

---

[1]) Воспѣтая Е. А. Баратынскимъ и Н. М. Языковымъ, Екатерина Александровна Свербеева (урожденная княжна Щербатова, дальняя родственница А. С. Хомякова по его матери)—супруга Дмитрія Николаевича, котораго Записки недавно изданы въ свѣтъ. *Изд.*

[2]) Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ для участія въ трудахъ такъ называемыхъ Редакціонныхъ Комиссій, тяжко заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать на нѣкоторое время лечиться въ чужихъ краяхъ. *Изд.*

Digitized by Google

исполненіе долга. Самолюбіе въ теперешнемъ дѣлѣ онъ конечно къ дѣлу не примѣшиваетъ; затерянный въ толпѣ сорока человѣкъ, которые сами затеряны въ Ростовцвоской фирмѣ, конечно онъ вовсе не думаетъ о прославленіи себя. Имъ управляетъ глубокое чувство человѣческое и христіанское, и вотъ почему работа и неудовлетворенное желаніе добра опасны для его жизни. Да, вы совершенно правы, говоря о моемъ братскомъ или отеческомъ чувствѣ къ нему. Мнѣ кажется, что эта натура выработавшая въ себѣ волею и совѣстью всю чистоту, которая Валуеву была прирожденна (разумѣется, я въ прочемъ знаю, что они другъ на друга вовсе не похожи). Скажите только, какъ этотъ другой, любезный фанатикъ долга не любитъ его? Развѣ какъ Кальвинъ не любилъ Сервета?

Душевно васъ благодарю за ваше доброе дѣло. Если Богъ дастъ, дня черезъ два, мнѣ можно будетъ сѣсть къ письменному столу, первыя мои строки будутъ къ вашему назначенію. Еще разъ, душевно благодарю васъ и за него, и за себя. Ваша добрая дружба никогда не измѣняется.

Digitized by Google

Къ Николаю Дмитріевичу Свербееву *).

1.

Получ. въ Портъ-Аянѣ 11 Августа (1852).

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Дмитріевичъ, когда увидите преосвященнаго Иннокентія, спросите у него, не помнитъ ли онъ въ Москвѣ Хомякова, у коего онъ былъ на крестинахъ дочери Марьи. Тогда еще онъ не былъ въ епископскомъ санѣ. Если онъ сколько нибудь меня по-

---

*) Николай Дмитріевичъ Свербеевъ, старшій сынъ Дмитрія Николаевича Свербеева, родился въ Кіевѣ 27-го Августа 1829-го года. Воспитанный въ Москвѣ, окончивъ свое университетское образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1850-мъ году, онъ поѣхалъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей на службу въ Иркутскъ (куда прибылъ 28-го Августа 1851-го года). Графъ Н. Н. Муравьевъ 2-го Декабря того же года отправилъ его на должность совѣтника Губернскаго Правленія въ Якутскъ, гдѣ онъ познакомился и сблизился съ преосв. Иннокентіемъ, епископомъ Якутскимъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ), съ которымъ и состоялъ въ перепискѣ до своей смерти. Изъ Якутска Свербеевъ былъ два раза командированъ по дѣламъ службы въ Удской край, и командировки эти были имъ описаны въ двухъ „Сибирскихъ письмахъ", напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" того времени. Въ Январѣ 1853-го года Свербеевъ вернулся въ Иркутскъ и въ 1854 и 1855 годахъ сопутствовалъ графу Муравьеву въ первой и второй Амурскихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью присоединенія Амурскаго края, и принималъ, въ качествѣ секретаря по дипломатической части, дѣятельное участіе въ переговорахъ съ Китайскими представителями. Во время первой экспедиціи, совпавшей съ Крымской кампаніей, вся наша флотилія съ трудомъ избѣжала преслѣдовавшаго ее въ Охотскомъ морѣ Англійскаго военнаго судна. Въ концѣ 1856 го г. Н. Д. Свербеевъ возвратился въ Москву, а въ 1860-мъ г. 6-го Декабря скончался въ Орлѣ. *Изд.*

Digitized by Google

мнитъ и жену мою, скажите ему, что съ самаго того времени всякій день я молюсь за него и за успѣхъ его Апостольскихъ трудовъ; теперь же въ своемъ горѣ *) я прошу у него молитвъ за усопшую и за себя, чтобъ горе могло быть не только наказаніемъ, но и урокомъ мнѣ самому. Я надѣюсь, что онъ и заочно не откажетъ въ своемъ благословленіи мнѣ и дѣтямъ. Та дочь, на крестинахъ которой онъ былъ, на дняхъ еще была при смерти и теперь еще не вышла изъ опасности. Примите пожалуста, дружескій поклонъ и увѣреніе въ совершенномъ уваженіи. Вамъ преданный А. Хомяковъ.

2.

Не знаю почему, любезный Николай Дмитріевичъ, хотѣлъ я къ вамъ писать изъ Москвы, а не изъ деревни. Письмо бы было, вѣроятно, совершенно того же самаго содержанія, но вѣдь самъ не знаешь, отъ чего западаетъ въ голову какая-нибудь мысль или фантазія. Только по милости этой фантазіи я промедлилъ слишкомъ полтора мѣсяца, проведенныхъ мною въ деревнѣ, поневолѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, а особенно по налету вѣтряной оспы на всѣхъ дѣтей по очередно. Вотъ пишу вамъ почти подъ Новый годъ и поздравляю васъ съ нимъ. Конечно, вы получите эти строки, когда ужъ годъ будетъ давно не новый, но все равно. Узна́ете, что кто нибудь, очень отъ васъ далеко, въ это время, отъ всего сердца пожелалъ вамъ всякаго добра и счастія, успѣховъ, здоровья и веселой, слѣдовательно и небезплодной дѣятельности. Благодарю васъ и искренно благодарю за ваше милое письмо и за то, что беретесь передать мою просьбу Иннокентію. Добрая мысль пришла вамъ отправиться на службу въ Сибирь. Не даромъ спорилъ я съ вашимъ батюшкою, когда онъ (едва ли впрочемъ съ убѣжденіемъ) нападалъ на такую центробѣжную прихоть, какъ онъ ее называлъ. Вамъ не придется никогда въ этомъ раскаяться: это видно и изъ вашихъ писемъ, и изъ любопытныхъ статей. Много хорошихъ и живительныхъ и серьезныхъ воспоминаній вынесете вы изъ того края, много сохраните силъ, такъ легко растрачиваемыхъ въ молодости; но надобно признаться, что добрая мысль въ васъ вознаграждена

*) Смерть супруги. *Изд.*

Digitized by Google

счастіемъ неожиданнымъ: близкимъ знакомствомъ съ такимъ человѣкомъ, каковъ Иннокентій. Вездѣ такіе люди не на всякомъ перекресткѣ; но у насъ, встрѣтить героя, въ землѣ, отличающейся стереотипнымъ безсмысліемъ взгляда и улыбки и стереотипною пустотою сердца и головы—это удача, которою можно смѣло назвать милостію Божіею. Она не можетъ не отозваться на всю жизнь: въ ней цѣлое воспитаніе ума и души.

Пожалуста, не лѣпитесь писать и печатать о томъ краѣ, и если можно пріобрѣтите нѣкоторыя познанія въ языкахъ (составляя краткіе словари). Этотъ трудъ, ничего не стоющій, никогда не остается безплоднымъ. Сборъ словъ совсѣмъ не то, что наборъ словъ: онъ всегда ведетъ къ мысли и къ выводамъ часто вовсе неожидаемымъ. Вы улыбнетесь этому выводу филолога, а все-таки повѣрьте.

Прощайте и будьте здоровы. Пользуйтесь своею теперешнею бодрою жизнью. Вялаго времени много впереди. Вамъ отъ души преданный А. Хомяковъ.

Декабря 28 дня 1853 г.

Довольно забавно, что почти по той же почтѣ, по которой я получилъ ваше письмо, пришло ко мнѣ письмо изъ Америки съ береговъ Миссиссипи *). Цѣлый обхватъ земли безъ малаго!

---

*) Отъ однаго изъ представителей тамошнихъ Унитаровъ, доктора Паркера. Отвѣчалъ ли на него А. С. Хомяковъ, мы не знаемъ. *Изд.*

Digitized by Google

Къ протоіерею Евгенію Ивановичу Попову.*)

Получ. 29 Марта 1848 года.

Милостивый государь Евгеній Ивановичъ!

Помните ли вы или нѣтъ Русскаго путешественника, который имѣлъ счастіе познакомиться съ вами проплаго года, въ Августѣ мѣсяцѣ? Если уже и забыли, все-таки будьте такъ добры—не сердитесь за то, что онъ теперь письменно навязывается вамъ на память: ему смертельно не хочется, чтобы вы его совершенно забыли.

Оставивъ Лондонъ, гдѣ мнѣ было во многихъ отношеніяхъ такъ хорошо и отрадно, гдѣ я находилъ такъ много добраго и поучительнаго, побывалъ я въ Парижѣ, который я уже издавна зналъ, но не любилъ. Жена моя порадовалась тамъ на картинную галлерею, а города также не полюбила. Лондонъ ей испортилъ Парижъ. Слава Богу, что васъ судьба не призвала въ этотъ городъ. Грустна бы вамъ была въ немъ жизнь; не нашли бы вы въ немъ никакого сочувствія, ничего серіознаго и достойнаго обратить на себя вниманіе человѣка понимающаго достоинство человѣческое. Все мелко и какъ-то размельчаетъ душу. Потомъ, черезъ Бельгію, въ которой я убѣдился, что Католицизмъ мало-по-малу вытѣсняется такъ называемымъ либерализмомъ, т.-е. равнодушіемъ религіознымъ, переѣхалъ я опять въ Германію; поскучалъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, въ которомъ не нашелъ ни Шеллинга, ни Неандера, и воротился сухимъ путемъ на Святую Русь.

---

*) Настоятель посольской нашей церкви въ Лондонѣ, Е. И. Поповъ род. въ 1813 г., ум. 15 Октября 1875 г. *Изд.*

Digitized by Google

Кажется, мнѣ путешествіе принесло нѣкоторую пользу, не столько въ томъ отношеніи, что я узналъ многое мнѣ неизвѣстное (особенно въ Англіи), сколько въ томъ, что, отдѣлившись на время отъ своего домашняго, я опять могъ взглянуть на домашнее освѣженнымъ глазомъ и съ бо́льшимъ безпристрастіемъ.

Петербургъ обратилъ первый мое вниманіе. Для человѣка, прокатившагося по Европѣ, очень разительна въ Петербургѣ вся нелѣпость его притязаній быть городомъ Европейскимъ. Даже въ вещественномъ смыслѣ онъ уже и потому не Европейскій городъ, что ровно ничего въ немъ нѣтъ для удобствъ житейскихъ. Все въ немъ дорого, въ три раза дороже дорогаго Лондона, и все неудобно: нѣтъ ни одного порядочнаго трактира не только Англійскаго, но даже Московскаго. Вонь, грязь и безпокойство. Въ умственномъ отношеніи другое дѣло. Я думаю и даже увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ общества просвѣщеннѣе Петербургскаго; но это просвѣщеніе своего рода. Оно ограничивается однимъ пониманіемъ. Все понимаютъ, ничему не сочувствуютъ. Такое просвѣщеніе грустнѣе невѣжества. Администрація идетъ своимъ ходомъ, своимъ отчасти канцелярскимъ, отчасти государственнымъ ходомъ; торговля идетъ своимъ ходомъ; наука (въ тѣсномъ смыслѣ заучиванія чужихъ знаній и мыслей) своимъ ходомъ, а общество не идетъ совсѣмъ. Умственное праздношатаніе, сопряженное съ насущнымъ удовлетвореніемъ житейскихъ потребностей, вотъ и все. Для послѣдняго есть Россія, которой соки притягиваются къ Петербургу; для перваго—Европа, которой умственныя произведенія туда же приливаютъ для праздныхъ досуговъ лѣнивой мысли. Торговля есть въ Петербургѣ, но онъ не торговый городъ; есть наука, но онъ равнодушенъ къ наукѣ и такъ далѣе. Петербургъ есть совершеннѣйшій дармоѣдъ въ цѣломъ мірѣ. Правительственные люди, которыхъ я тамъ видѣлъ и изъ которыхъ я многихъ уважаю, внушили мнѣ глубокое состраданіе. Я, проѣзжій, имъ сочувствовалъ; а то, что́ окружаетъ ихъ, не сочувствуетъ нисколько ни трудамъ ихъ, ни цѣлямъ. Очень странное положеніе.

Digitized by Google

Наконецъ, воротился я въ свою Москву, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Я, право, горд Москвою, и, странно сказать, я чувствую въ ней какое-то родство съ Лондономъ и Англіею, не смотря на то, что нѣтъ между ними никакого видимаго свойства. Теперь начался Великій Постъ, и онъ мнѣ напоминаетъ Англійское Воскресенье; но у насъ выраженіе духовности въ жизни торжественнѣе, полнѣе и разумнѣе (ибо праздникъ не долженъ бы глядѣть постомъ). Встрѣчаю своихъ знакомыхъ раскольниковъ и вспоминаю, какъ я слышалъ недалеко отъ Беркелей-сквера поученіе какого-то бродящаго диссидента, окруженнаго толпою слушателей изъ простаго народа. Въ обоихъ мѣстахъ религіозный интересъ хотъ и дурно направленъ, но очевидно серьозенъ и живъ, т.-е. люди вѣруютъ или, по крайней мѣрѣ, искренно желаютъ вѣрить. Наконецъ, въ обществѣ есть довольно сильная умственная дѣятельность. Недавняя перемѣна въ начальствѣ Университета*) была происшествіемъ для города не потому, чтобы у этаго начальства были значительныя связи, а потому, что общество дорожитъ Университетомъ и его успѣхами. До сихъ поръ не умолкаютъ вопросы, конечно мелкіе, объ общественной благотворительности, о богоугодныхъ балахъ, о нравственномъ вредѣ отъ баловъ для дѣтскаго возраста, о неприличіи общественныхъ увеселеній во время поста и т. д. Конечно болѣе или менѣе эти явленія неважныя, но все-таки они свидѣтельствуютъ о требованіи вопросовъ нравственныхъ и о желаніи участвовать въ нихъ. Есть и дѣятельность литературная, хотя безъ сомнѣнія недостаточная, но хорошо направленная и исходящая отъ безкорыстной любви къ правдѣ и добру. Между прочимъ недавно вышла весьма дѣльная статья Шевырева въ оправданіе его лекцій о Русской словесности противъ нападковъ Надеждина; «Москвитянинъ» сталъ выходить исправнѣе прежняго; въ Петербургѣ молодые люди, вышедшіе изъ здѣшняго Университета, стали издавать журналъ «Сѣверное Обозрѣніе» въ духѣ нашего направленія; обѣщаютъ газету въ томъ же смыслѣ и пр.

---

*) Д. П. Голохвастовъ заступилъ графа С. Г. Строгонова въ должности попечителя Московскаго учебнаго округа. *Изд.*

Digitized by Google

Конечно, такая дѣятельность все еще мелка: люди здѣшніе не Пальмеры; но должно принимать въ соображеніе особенности положенія и обстоятельствъ. Важно не количество явленій, а направленіе; и это-то направленіе можно смѣло похвалить. Сколько людей, сколько обществъ порадовалъ я разсказами про Англію, про ея духовную жизнь, про ея теперешнее стремленіе! Съ радостію могу сказать, что я встрѣтилъ особенное сочувствіе въ нашемъ пастырѣ Филаретѣ. Онъ спросилъ у меня, между прочимъ, знаю ли я васъ, и на мой утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что считаетъ особеннымъ счастіемъ ваше пребываніе въ Лондонѣ въ теперешнее время. Я вамъ это сообщаю потому, что знаю, что и вы не можете быть равнодушны къ отзыву такаго человѣка. Важность его дѣятельности и общее къ нему уваженіе возрастаютъ съ каждымъ годомъ*).

За всѣмъ тѣмъ не скрою, что много и другаго проявляется безпрестанно, что у насъ идетъ борьба, и борьба не легкая; да вѣдь такова общая судьба человѣчества. Есть по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ, а этаго нельзя сказать ни объ одной землѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи; да и Англія не устоитъ безъ помощи отъ насъ, т.-е. отъ того Божественнаго начала, которое Провидѣнію угодно было поручить Россіи.

Извините меня въ томъ, что я взялъ смѣлость приложить здѣсь письмо къ любезному нашему Пальмеру и не откажитесь доставить его и взять трудъ прочитать.

Жена моя и дѣти просятъ вашего заочнаго благословенія. Надѣюсь, что вы не откажете въ немъ и вашему преданному

А. Хомякову.

Февраля 21 дня 1848 года.

Если вы будете такъ добры, что вздумаете отвѣчать, то адресъ мой: Москва, у Николы въ Пескахъ, на Собачьей площадкѣ, собств. домъ, Алексѣю Степ. Хомякову.

---

*) Отношенія А. С. Хомякова къ м. Филарету были позднѣе нарушены какимъ-то доселѣ неуясненнымъ обстоятельствомъ: въ письмѣ его къ архимандриту Антонію (т. 4-й, стр. 41) вскользь упоминается о „суемудріи г-на Хомякова“, безъ объясненія, въ чемъ оно состоитъ. *Изд.*

Digitized by Google

Къ В. А. Елагину*).

(Бучарово, 1852).

Любезный Василій Алексѣевичъ! Посылаю вамъ совершенно готовый списокъ брошюрки, которую желалъ бы видѣть напечатанною за границею, и письмо къ Пальмеру. Вамъ, можетъ быть, любопытно будетъ видѣть конецъ твореньица, котораго болѣе половины я вамъ прочелъ. Надѣюсь, что вы будете имъ довольны; кажется, не смотря на рѣзкость выраженій, конецъ такъ миротворенъ и доброжелателенъ, что не долженъ оставлять въ читателѣ дурныхъ чувствъ. Что вы скажете объ этомъ?

По какому же случаю письмо къ Пальмеру? А вотъ какъ. Я совершенно неожиданно получилъ отъ него отвѣтъ съ извѣщеніемъ, что всѣ мои посланія дошли до него. Онъ очень благодаритъ, а толку нѣтъ. Его такъ бѣднаго ошибло Православіе глупымъ упрямствомъ патріарховъ и непонятнымъ равнодушіемъ Синода, что онъ уже не знаетъ что дѣлать. За нимъ католики сильно ухаживаютъ, бомбардируютъ его письмами, представляютъ въ самомъ хитромъ видѣ все то, чѣмъ мы виноваты въ теперешнее время противъ всего, можно сказать, человѣчества, и зовутъ его настойчиво въ Римъ. Онъ очевидно колеблется, не смотря на то, что его умъ осуждаетъ Римскія измѣненія въ догматахъ. «Но развѣ я не могу ошибаться?» говоритъ онъ. «Церковь лучше человѣка должна понимать истину; и такъ нужно прежде всего сказать себѣ, гдѣ Церковь? Можетъ ли

*) Василій Алексѣевичъ Елагинъ (род. 2 Іюня 1818, сконч. въ Дерптѣ 11 Іюля 1879), старшій сынъ Авдотьи Петровны и Алексѣя Андреевича Елагиныхъ и единоутробный братъ Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ, человѣкъ обширнаго и самостоятельнаго ума, отличный знатокъ Средневѣковой исторіи, помѣщавшій статьи свои (большею частью безъ подписи) въ „Русской Бесѣдѣ“ (о Венгріи) и въ „Днѣ“. *Изд.*

Digitized by Google

она быть въ своемъ не-невольномъ, но произвольномъ рабствѣ (въ Россіи) истинною Церковью? Ибо о Греціи говорить теперь нечего: она сама отталкиваетъ насъ. Свобода и любовь къ человѣчеству и къ каждому человѣку не-неотъемлемые-ли признаки ея? А этаго нѣтъ въ двухъ отдѣлахъ Православія. Умъ мой противъ Рима; но нравственныя убѣжденія противъ Греціи, если она не измѣнитъ своей упрямой безчувственности къ духовнымъ требованіямъ человѣковъ-братіевъ, и противъ Россіи, если она не покажетъ хоть какихъ нибудь признаковъ своей духовной свободы». Страшныя слова! Въ письмѣ моемъ къ Пальмеру я стараюсь доказать ему, что онъ не совсѣмъ правъ; но, можетъ быть, брошюрка подѣйствуетъ сильнѣе письма.

Это дѣло общее, и поэтому я, не церемонясь, васъ прошу принять на себя нѣкоторый трудъ. Конечно я найду какое нибудь средство отправить статью изъ Петербурга, по крайней мѣрѣ надѣюсь найти; но если бы можно найти эти средства прямо изъ Москвы, было бы еще лучше. Нѣтъ ли какихъ нибудь благонадежныхъ Англичанъ, отъѣзжающихъ къ себѣ? Если можно, поговорите или съ консуломъ Англійскимъ, объясняя ему, что вы избѣгаете почтоваго расхода и потому желали бы посылку послать съ оказіею, или съ пасторомъ, которому можете сказать, что посылка содержитъ въ себѣ богословскія разсужденія. Если бы нашлась оказія вѣрная, это было бы лучше возни съ Петербургомъ; но по теперешнему положенію Пальмера желательно бы было эту посылку доставить ему поскорѣе; и если бы въ теченіе двухъ недѣль не было въ виду никакой благонадежной оказіи, я бы попросилъ васъ меня увѣдомить, и тогда я уже рѣшусь попробовать успѣха въ П-гѣ черезъ княгиню Волконскую [1]), или кого нибудь другого. Я у васъ не прошу извиненія въ томъ, что утруждаю васъ, ибо знаю, что это дѣло вашему сердцу такъ же близко какъ и моему.

Какъ-то вы поживаете въ Москвѣ? Каково здоровье ваше и Катерины Ивановны? [2]) Какова матушка ваша и Марья Васильев-

---

[1]) Княгиня Софья Григорьевна Волконская, супруга министра императорскаго двора, часто ѣздила въ чужіе края. *Изд.*

[2]) Супруга В. А. Елагина, урожденная Мойеръ. *Изд.*

Digitized by Google

на?[1]) Я же въ деревнѣ живу себѣ помаленьку; не совсѣмъ лѣнюсь и не совсѣмъ доволенъ своимъ трудолюбіемъ; но мало-по-малу; кажется, начинаю чувствовать, что напряженность труда становится мнѣ легче и что позывъ на пустоту и праздность становится меньшимъ противъ прежняго. Впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобы успѣхъ трудовъ помогалъ бы мнѣ въ борьбѣ съ привычкою къ лѣни. Кажется, Пальмеръ уйдетъ, а съ другой стороны слышно (не знаю, прада-ли?), что 2-й № Сборника запрещенъ. Не слыхали ли вы про это? А все-таки должно трудиться, хоть и безъ надеждъ. Впрочемъ что бы ни было въ сношеніяхъ съ Угличанами [2]), а признаюсь, меня любопытство беретъ узнать, что скажутъ на мою статью и какъ отвертываться будутъ западныя ученія. Вѣдь эта собственно перчатка, брошенная имъ, а особенно Католицизму съ предложеніемъ поля, свободнаго для битвы, безъ вмѣшательства силъ политическихъ. А то какъ-то нечестно идетъ бой, перестрѣлка изъ засады. Наши палятъ въ Россію подъ прикрытіемъ власти свѣтской; а они стрѣляютъ подъ прикрышей Австріи или другихъ державъ, и невольно вспомнишь, не смотря на всю важность дѣла: «Моя рубиться любитъ честь. Моя колоться. Что жъ? Дуэль не состоялась». Впрочемъ они безспорно трусливѣе насъ. Я недавно узналъ, что вѣдь папа-то отказался отъ своей энциклики и объявилъ, что дескать знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, откуда она взялась и кто напечаталъ и кто распустилъ. Хорошъ! Не правду ли я говорю, qu'ils ont une callosité à l'endroit de la vérité; но за то что за мастера заманивать! Хоть бы теперь съ Пальмеромъ. «Мы съ вами не споримъ; но только будьте скраведливы. Вы перебывали въ П-бургѣ, въ Аѳинахъ, въ Царьградѣ, побывайте въ Римѣ». А послушайся, такъ ужъ едва ли живаго выпустятъ, если не удастся соблазнить или подкупить. Я бы ему не посовѣтовалъ ѣхать, но неловко писать такое предостереженіе.

Вотъ затрудненіе, любезный Василій Алексѣевичъ. Надобно по обѣщанію писать къ Григорію о письмѣ Пальмера; какъ

---

[1]) Дѣвица Марія Васильевна Киреевская, единоутробная сестра В. А. Елагина (род. 1811, ум. 1859). *Изд.*

[2]) Такъ Хомяковъ называетъ Англичанъ. *Изд.*

Digitized by Google

же объяснить повѣжливѣе, что̀ удерживаетъ его отъ присоединенія къ Русской церкви? Собственно-то говоря, выходитъ, что Пальмеръ называетъ Синодъ соборомъ . . . , и это я долженъ сказать члену Синода, а совѣсть не позволяетъ скрыть. Помогите! Риторика и книга како писати комплименты. Ужъ не попросить-ли Свербеева? [1])

Слышали вы, что древнехранилище Погодина куплено казною для Москвы? Коссовичъ пишетъ и, разумѣется, присоединяетъ диѳирамбъ бар. Корфу. Корфъ говоритъ, что статьею И. В. [2]) онъ доволенъ, но Аксакова статья вредна, а чѣмъ именно? Тѣмъ, что онъ не объяснилъ, почему общинный бытъ уже теперь не годится, т. е. виновать не тѣмъ что̀ сказалъ, а тѣмъ, чего не сказалъ. Хороши эти судьи! Кстати, не знаетъ ли Погодинъ, какъ бы рукопись перевезти въ Англію?—Вамъ мой приказчикъ принесетъ вексель переводный въ Англію (250 р. сер.); пожалуста вложите его въ пакетъ Пальмеру и запечатайте.

---

[1]) Д. Н. Свербеевъ нѣкогда служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. *Изд.*

[2]) Киреевскаго. *Изд.*

Digitized by Google

Къ Степану Петровичу Шевыреву.

1.

Сколько вамъ препорученій![1]) Да не спрашивайте у Итальянцевъ о Славянахъ: мы для нихъ варвары. Любезный Степанъ Петровичъ, полюбите Италію, наберитесь ея воздуха, ея воспоминаній и привезите ихъ намъ. Я немного ее видѣлъ, и мало времени удалось мнѣ ею напитываться; за то теперь съ горемъ чувствую, что я ее уже утратилъ. Но, проѣзжая черезъ Славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями: васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напоминать имъ иногда о Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ. Прощайте, веселитесь, благодарите судьбу и пожалѣйте о насъ. Здѣсь ужаспое однообразіе.

Приписка Венелина. Не слушайтесь нашего любезнаго Хомякова; хотя бы Славянъ Италійскіе Латыны и почитали варварами, но если они сами просвѣщенны, непремѣнно сумѣютъ сказать о нихъ свое просвѣщенное мнѣніе; это для того, что, можетъ быть, не возвратитесь черезъ землю Славянъ: у обстоятельствъ свои причуды.

2.

Посылаю тебѣ, любезный Шевыревъ, еще переводъ для доставленія Мармье. Этотъ переводъ сдѣланъ, какъ ты знаешь, Павловою и весьма вѣренъ. Можетъ быть, ему любопытно будетъ знать, чѣмъ мы желаемъ блеснуть, и что матеріальная сила для насъ не идолъ.

3.

(1846).

Аксакову досталось отъ О. З.[2]); да онѣ, кажется, уже готовы и отъ Гоголя отступиться. Что за глупый народъ! У

[1]) Это письмо относится къ первой поѣздкѣ С. П. Шевырева въ Италію (до 1830 г.). *Изд.*

[2]) Отечественныхъ Записокъ.

Digitized by Google

нихъ на одномъ ряду Сервантесъ, Байронъ, Жоржъ-Зандъ и Берапже. Аксаковъ уалекся далеко; но если онъ будетъ продолжать брошюрку свою, то полагаю выйдетъ дѣльное. Онъ поясшитъ то, что̀ безъ поясненія кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мысль его̀ главная слѣдующая: «Искусство утратило вездѣ свою беззаботную свободу; въ немъ болѣе придуманнаго, чѣмъ самосозданнаго. Гоголь (какъ древніе и Шекспиръ) есть художникъ поневолѣ и безъ намѣренія». Въ этомъ много правды. О. З. говорятъ: «Гоголь зарожденъ В. Скотомъ; безъ В. Скота онъ былъ бы невозможенъ». Это просто безсмыслица. Ничего общаго нѣтъ между ними.

Первая статья твоя о Гоголѣ отличная. Я истинно благодаренъ тебѣ за нее; она можетъ многихъ образумить и поаснить странныя дисгармоніи въ душѣ многихъ читающихъ.

Читалъ ли ты Павскаго? Часть механизма языка порядочная, но что̀ за этимологія! Просто смѣхъ. Мы отъ Римлянъ, отъ alec взяли слово лось, а въ Испаніи нѣтъ лосей, и alec Римскій животное почти баснословное. Отъ Нѣмцевъ (изъ слова Erz) составилось наше руда, между тѣмъ какъ оно въ прямомъ отношеніи къ слову жила и пр. Что за тупость! А трудъ великій и не совсѣмъ безполезный.

Еще хорошо: слово стерлядь у насъ не свое, а занято отъ западныхъ; а у нихъ стерлядей и нѣтъ.

4.

Начинаю поздравленіемъ: дай Богъ твоему маленькому Петру вырости большимъ Петромъ, милымъ, добрымъ, похожимъ на тебя: лучше трудно, безъ комплиментовъ. Замѣть, что я не сказалъ великимъ Петромъ, потому что по правдѣ не увѣренъ, не было ли у насъ и такъ лишняго великаго Петра.

О самомъ твоемъ посланіи скажу, что просто не понимаю, что̀ за обѣщаніе мое, котораго я, кажется, Вяземскому не давалъ; что̀ за пѣсня Русская, которой я и предмета не знаю и которую долженъ переложить на ноты Мейерберъ. Просто, какъ говоритъ Гоголь, не понимаю,—ничего не понимаю. Да по правдѣ сказать, если бы и понималъ, то ничего бы не могъ сдѣлать теперь.

1 Октября 1846 года.
С. Богучарово.

Digitized by Google

5.

(1847).

Виноватъ, любезный другъ, что пропустилъ почту, не отвѣчавъ тебѣ. Собрался было, а тутъ погода вышла теплая и тихая: пришлось ѣхать въ поле, а къ вечеру отъ скачки всего переломало, такъ и прогулялъ почту. Мнѣ очень досадно, что тебя не удалось мнѣ видѣть; мы обо многомъ поговорили бы съ тобою; ну, да это еще будетъ, когда пріѣзду на зиму въ Москву. Впрочемъ, если ты полагаешь, что я уѣхалъ такъ проворно, чтобы не выговориться, а собраться съ силами, да написать, такъ ты ошибаешься. Я смертельно радъ все высказать на словахъ, а къ письму не чувствую ни малѣйшаго позыва, и если бы ты потребовалъ отъ меня разсказа о моемъ путешествіи, то я просто не былъ бы въ состояніи исполнить это требованіе. Поэтому и статьи никакой обѣщать не могу; да и правду сказать, кажется, я кончилъ свое статейское поприще. Былъ у меня циклъ мысли, который мнѣ хотѣлось или, лучше сказать, который я считалъ себя обязаннымъ высказать: я это сдѣлалъ и не чувствую ни малѣйшаго желанія бесѣдовать съ публикою, для которой, кажется, все равно, что ни писано. Едва ли Петрушка не первообразъ Русской публики. По крайней мѣрѣ невольно склонишься къ этому мнѣнію, когда прислушаешься къ ея толку и суду. Такъ напр., я недавно слышалъ, что статьи Самарина хороши-дескать, да темны и неосновательны, а Кавелинская, хоть и не такъ хорошо писана, за то основательна и послѣдовательна. Горе беретъ съ такими читателями. Впрочемъ, конечно, не то причиною, почему я отказываюсь отъ статей. Будь поводъ или предлогъ къ статьѣ истинно-важной, я бы охотно взялся за перо и если напишется сводная статья для пополненія прежнихъ, то разумѣется я ею поклонюсь Москвитянину. Только не знаю, годится ли она, такъ какъ она будетъ, въ видѣ изслѣдованія, а слѣдов. едва ли годится въ журналъ. Впрочемъ это увидимъ тогда. Но, любезный другъ, вы для меня непонятны. Скажите пожалуйста, слыхано ли, чтобы человѣкъ, который собирается вербовать въ деревнѣ вольницу, ходилъ по улицѣ, да по щекамъ билъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы къ нему пойти въ охотники? Гдѣ будетъ вашъ

Digitized by Google

полкъ, когда *** отхваталъ на славу и безъ всякой вины съ ихъ стороны лучшихъ работниковъ? Меня зло взяло, когда я услышалъ про всю эту продѣлку. Я увѣренъ, что Чижовъ съ нынѣшняго года не можетъ приняться за изданіе, но съ другой стороны и не понимаю, какъ можетъ пойти изданіе у ***. Не думай, чтобъ я оправдывалъ отвѣты, напечатанные ему; однакожъ я долженъ признаться, что извинительны тѣ, у кого терпѣніе лопнуло. Я совсѣмъ бы не сталъ говорить про всю эту брань, если бы не говорили мы о журналѣ; говоря же о журналѣ, не могу не спросить: какія вы нашли новыя средства, лишивши себя всѣхъ прежнихъ? Не сердись за то, что я пишу вы. Я очень знаю, что ты тутъ ничѣмъ невиноватъ; но знаю также, что, взявшись за дѣло, ты потянешь изо всѣхъ силъ и вижу тебя къ концу будущаго года исхудалымъ, изможженнымъ и растратившимъ свои силы на безнадежный трудъ. Скажешь: не сложить же руки и глядѣть, какъ со всѣхъ сторонъ бьютъ и ругаютъ! Правда, да нѣтъ ли другихъ путей? Не лучше ли тебѣ или кому другому пустить еще въ ходъ книги двѣ Сборника. Критика запрещена въ Сборникахъ. Хорошо! При книгѣ объявить продажу за пятачекъ такого-то и такого-то разбора [1]) отдѣльными брошюрами. Я не совѣтую такъ сдѣлать, я только на твое сужденіе представляю одно средство; а можетъ быть вы придумаете десять другихъ лучше. Но на Москвитянинъ надѣяться мнѣ кажется невозможнымъ. Впрочемъ я всегда буду вашимъ, во сколько могу. Если я и тебѣ и Чижову отказываю въ статьяхъ, конечно это не по равнодушію къ дѣлу или къ людямъ, стоящимъ за это дѣло. Къ несчастію, я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго [2]), и поэтому я долженъ только тогда позволять себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необходимость высказать свою мысль.

Живу я въ деревнѣ хорошохонько и тихохонько. На дняхъ пишу къ Жуковскому и посылаю ему предисловіе и введеніе къ вещицѣ (не моей), которую онъ хочетъ перевести и издать въ Германіи [3]).

---

[1]) Т. е. критическаго. *Изд.*

[2]) Т. е. отъ Записокъ о всемірной исторіи. *Изд.*

[3]) Говорится о „Церковь одна“, см. II-й томъ. *Изд.*

Digitized by Google

6.

Лѣто (1856).

Да, любезный другъ, кругъ нашъ уменьшается, и какой человѣкъ изъ него выбылъ! Потеря невознаградимая, не говорю для насъ, а для мысли въ Россіи. Какъ судьбы Божіи ведутъ наше просвѣщеніе, не сообразишь; но не должно слабѣть или унывать. Смерть Киреевскаго была почти внезапная: съ сыномъ обѣдалъ очень легко (у него было маленькое разстройство желудка, продолжавшееся нѣсколько дней); послѣ обѣда легъ отдохнуть; черезъ часъ вскрикнулъ отъ боли; началась холера съ корчами. Доктора нескоро достали; передъ ночью пріобщался, а къ утру кончилъ. При смерти были Веневитиновъ и Комаровскій. Вотъ и все.

Кажется мнѣ, объ изданіи его сочиненій и думать нельзя. Первыя запрещены, послѣднія заподозрѣны и почти запрещены; но собрать ихъ надобно*). Бѣдная мать! Бѣдный Петръ Васильевичъ! Я больше всѣхъ боюсь за него. У него здоровье плохо, а душа нѣжнѣе женской. Съ Киреевскимъ для насъ всѣхъ какъ будто порвалась струна съ какимъ-то особенно мягкими звуками, и эта струна было въ тоже время мыслію. И когда же порвалась? Въ ту самую минуту, когда съ нея снята была тяжесть, мѣшавшая ей звучать. Странная судьба! Ты узналъ изъ газетъ, а я вотъ какъ. Я изъ Смоленской деревни пріѣхалъ въ 10 часовъ въ Понедѣльникъ и по расчету думалъ Киреевскаго найти въ Москвѣ; вхожу и спрашиваю: «Киреевскій здѣсь?»—«Какъ же. Его вчера привезли». Я долго не могъ понять. Грустно; но все же онъ не даромъ пожилъ и въ исторіи философіи оставилъ глубокій слѣдъ, хоть, можетъ быть, и не додѣлалъ своего дѣла.

---

*) Двѣ книги сочиненій И. В. Киреевскаго позднѣе были изданы; третья обѣщана въ печати, но до сихъ поръ не появилась. *Изд.*

Digitized by Google

Къ Николаю Филиповичу Павлову *).

Безконечно благодаренъ я тебѣ, любезный Павловъ, за твои милые стихи и за то, что ты меня этимъ дружески вспомнилъ; но эти стихи, они уже почти не ко мнѣ, не ко *мнѣ теперешнему*, а къ прежнему, дѣтски счастливому и отъ этаго помогавшему другимъ изрѣдка противъ скуки жизни. Этотъ *я* кончился, и странно тебѣ покажется, что я уже и не хотѣлъ бы его воротить, хотя могу о немъ поплакать. Странно тебѣ покажется, что я съ жизнью не желалъ бы связаться снова не только новымъ счастьемъ, которое, разумѣется, невозможно и даже воображенію противно, но возвратомъ прежняго счастья, если бъ онъ былъ дозволенъ волею Провидѣнія. Это не résignation, совсѣмъ нѣтъ: это глубокое и душевное одобреніе случившагося. И это тоже не недовольство жизнію (хотя разумѣется всякая любовь къ ней остыла), но новое пониманіе жизни и недовольство своими внутренними отношеніями къ ней. Это чувство, что *поживать* даже въ совершеннѣйшемъ счастіи (а совершеннѣе моего, кажется, не было) не значитъ еще *жить*.

Бѣдный мой Павловъ! На тебя много обрушилось сразу. Не нужно тебѣ говорить, какъ я тебѣ сочувствовалъ съ самаго начала и что я говорилъ и дѣлалъ все, что могъ сказать и сдѣлать. Видно такъ уже устроено, что человѣку не прожить на землѣ безъ ударовъ по головѣ или оплеухъ по лицу. И тѣ, которые повидимому счастливы во всемъ, уже получали, а другіе получатъ, а другіе уже получаютъ свои весьма болѣзненныя оплеухи. Такъ всѣмъ назначено. Хорошо, коли кто можетъ сказать себѣ: «получилъ, да не заслужилъ». Одно жаль, что никто объ себѣ этаго сказать не можетъ. Поэтому остается еще одно хорошее сказать себѣ: «получилъ не безъ заслуги, да и

*) Н. Ф. Павловъ (Грузинъ по своей матери), отмѣнно-даровитый сочинитель повѣстей, имѣвшихъ большой успѣхъ, издатель газеты „Наше Время“ и основатель „Русскихъ Вѣдомостей“. Изъ Перми, куда онъ былъ сосланъ, прислалъ онъ А. С. Хомякову стихи на день его рожденія (см. „Русскій Архивъ“ 1877, I, 264). Павловъ род. въ 1800 г. ум. 29 Марта 1864 г. *Изд.*

Digitized by Google

не безъ пользы». Въ этомъ всякій воленъ. Для этого нужно только нѣсколько разсужденія, да нѣсколько твердости. У тебя и того и другаго достатокъ, если захочешь. Была бы воля приняться за самаго себя. Грустишь ты, и какъ не грустить! Но, пожалуста, сохрани бодрость въ своей грусти. Дай ей большіе размѣры. Пусть она вызоветъ въ тебѣ художника, мыслителя; пусть вызоветъ она въ тебѣ все лучшее. Что впереди, то Богъ знаетъ; но подумай, чтобы не стыдно было вернуться, когда Богъ приведетъ вернуться. Всякое горе—родъ эмиграціи, а самое злое, что сказано было про эмигрантовъ это: «ils n'ont rien oublié et rien appris». Изъ горя человѣкъ не долженъ выходить Французскимъ эмигрантомъ.

Однакоже я вѣдь совсѣмъ не то хотѣлъ тебѣ писать, когда взялся за перо, а написалось. Я хотѣлъ тебѣ гораздо болѣе выразить, какъ глубоко я былъ тронутъ твоимъ дружескимъ воспоминаніемъ о моемъ нѣкогда такомъ веселомъ праздникѣ[1]). Говорятъ, въ счастіи трудно вспоминать; я думаю, въ горести труднѣе: она склоннѣе къ эгоизму, чѣмъ счастіе. Хотѣлъ еще сказать, что стихи твои очень милы, что они повторяются съ удовольствіемъ не однимъ тѣмъ, для кого они написаны и кто слѣдовательно нѣсколько подкупленъ, что тебѣ должно и очень должно заставлять насъ помнить о себѣ, а это совсѣмъ не то что просто не забывать.

А мы-то что? А мы себѣ здѣсь ничего. Былъ у насъ гость и гость дорогой, Титовъ. Дней десять провели вмѣстѣ; онъ какъ будто милѣе и сочувственнѣе сталъ, чѣмъ въ послѣдній пріѣздъ. Должно-быть отъ того, что нѣсколько мѣсяцевъ отсталъ отъ политики. А объ чемъ говорили? Легко вообразить по моему прощальному слову: «Видишь, другъ Титовъ, столько лѣтъ ты царилъ въ Константинополѣ-Стамбулѣ, а мы тебя познакомили съ старою Византіею». Поэтому ты можешь вообразить, что гораздо болѣе было рѣчи о Златоустѣ, чѣмъ объ Аполлонѣ[2]). Прощай покуда. Мы тебя не забываемъ и не забудемъ. Твой Ал. Хомяковъ. Мая 28 (1853).

---

[1]) Къ А. С. Хомякову, въ день его рожденія и именинъ (1-е и 20-е Мая), обыкновенно собирались на вечеръ и ужинъ его пріятели. *Изд.*

[2]) Въ стихахъ Н. Ф. Павлова сказано, что Хомякова благословили при рожденіи Златоустъ и Аполлонъ. *Изд.*

Digitized by Google

Къ Сергѣю Михайловичу Сухотину [1]).

Долго не отвѣчалъ я вамъ, любезный Сергѣй Михайловичъ. Письмо ваше получилъ я наканунѣ отъѣзда въ Данковъ. Парижане [2]) устроили такъ, что во всякомъ случаѣ протестъ нашъ опоздалъ бы, слѣдовательно, торопиться было не къ чему, а я кое-что хотѣлъ еще вамъ послать (что и посылаю): вотъ причины замедленія. А сплутовали Сушковъ и К°, да и сметали свою плутню на живую нитку такъ, что нельзя не замѣтить; впрочемъ бѣды въ этомъ большой нѣтъ. Можно будетъ впослѣдствіи напечатать отдѣльно три письма. Это мнѣ нужно, чтобы не казаться участникомъ въ духѣ ихъ журнала; но и тогда я оговорю, что жалѣю о недоразумѣніи, а въ плутнѣ своихъ передъ чужими обвинять не хочу. Надобно и то сказать, что они препорядочно безтолковы: не хотятъ печатать письмо къ епископу Жансенисту, потому что Жансенисты съ ними хороши, а того не разсуждаютъ, что именно поэтому-то и должно ихъ поставить въ безвыходное положеніе: пусть рѣшаются! Если у нихъ есть сочувствіе къ намъ, то можно надѣяться, что многіе изъ нихъ рѣшатся въ нашу пользу, и это шагъ огромный, а теперешнее ихъ сочувствіе ровно ни къ чему не ведетъ. Вообще журналъ будетъ имѣть тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе будетъ тонъ его. Хоть и пишетъ Сушковъ, что они Гагарина уничтожаютъ, но статей ихъ не вижу и боюсь не только ихъ слабости, но еще болѣе непониманія. Слово «Каѳоликъ» всѣ у насъ привыкли переводить въ смыслѣ всеобщаго, а истинное значеніе, значеніе Православное, забыто. Едва ли Сушковъ и догадаться-то можетъ въ чемъ оно состоитъ, а Васильевъ [3]) немножко вѣтренъ. Вотъ

---

[1]) Гофмейстеръ С. М. Сухотинъ † 25 Мая 1886 г. Его Записки см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г. Въ 1860 году онъ находился въ Парижѣ и былъ въ сношеніяхъ съ С. П. Сушковымъ, однимъ изъ издателей богословскаго журнала „Union Chrétienne“. *Изд.*

[2]) Издатели журнала „Union Chrétienne“. *Изд.*

[3]) Іосифъ Васильевичъ, тогдашній протоіерей Парижской церкви. *Изд.*

Digitized by Google

почему я рѣшился написать прилагаемое письмецо. Если можно, пожалуста доставьте. Надѣюсь, что они не найдутъ его слишкомъ жестокимъ: Гагарина щадить нельзя. Сушковъ пишетъ, что они рѣжутъ Гагарина *тупыми* ножами. Ужъ не лучше ли *острыми*? Не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за всѣ хлопоты, которыя вы уже приняли ради нашихъ писаній, и совѣстно бы было просить васъ еще объ оныхъ; но думаю, что, сочувствуя самому дѣлу, вы на меня пенять не будете за мою навязчивость, и этимъ себя передъ собою извиняю.

Послѣ письма вашего получено извѣстіе объ Аксаковѣ. Кажется, онъ рѣшительно внѣ опасности и долженъ поправляться; жаль только, что онъ того и гляди заупрямится и не поѣдетъ заграницу, что возстановило бы его здоровье вполнѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы онъ на время вырвался изъ окружающихъ его предметовъ, такъ сказать, прервалъ бы цѣпь воспоминаній, гнетущихъ его. Отъ него можно ждать многаго и добраго. Я говорю теперь какъ бы чужой ему и нисколько не какъ другъ, но только какъ человѣкъ, которому дорога правда и просвѣщеніе. Я увѣренъ, что въ наукѣ слова онъ очень еще подвинетъ нашу литературу и что ему отдадутъ справедливость даже тѣ подлые журналы, которые до сихъ поръ молчатъ объ его Грамматикѣ.

Что за житье въ деревнѣ, любезный Сергѣй Михайловичъ! Что за лѣто! Не знаю, природа не празднуетъ ли эманципацію; только бы эмансипація не подгорѣла какъ гречиха въ степяхъ. Здѣсь ни о чемъ не слыхать. Деревня Русская внѣ всякаго политическаго міра.

Прощайте. Примите дружескій поклонъ и увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Хомяковъ.

Іюля 16 д., 1860 г.

Если братецъ Михаилъ Михайловичъ въ Москвѣ, пожалуста кланяйтесь ему отъ меня.

Digitized by Google

Къ графу Александру Петровичу Толстому[1].

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ!

Когда вы нынѣшній годъ посѣтили меня болящаго въ Москвѣ, вы распрашивали меня объ нашемъ Тульскомъ архіереѣ Димитріѣ [2]). Я сказалъ вамъ свое мнѣніе, но теперь считаю обязанностью къ своему личному мнѣнію о немъ прибавить разсказъ о томъ, какъ выразилось мнѣніе общественное. Можетъ быть, вамъ уже это извѣстно; но разскажу на всякій случай.

Пріѣхалъ я въ деревню въ концѣ Іюня, и бездна хлопотъ долго мѣшала мнѣ быть въ Тулѣ, чтобы проститься съ нашимъ пастыремъ. Наконецъ, за три дня до его отъѣзда, былъ я у него вечеромъ наединѣ. Разговоръ, разумѣется, скоро обратился на его будущія дѣйствія въ Одессѣ по дѣламъ нашихъ единовѣрцевъ. Горячее его участіе въ нихъ жалкой судьбѣ, увлеченіе, съ которымъ онъ говорилъ объ нихъ, меня истинно порадовали, и вамъ пріятно будетъ знать, что вы будете въ немъ имѣть ревностнаго дѣлателя, совершенно чуждаго всякимъ личнымъ видамъ, всякимъ *любіямъ*, кромѣ человѣко- и правдолюбія. Особенно же, думаю я, будетъ пріятно вамъ слышать, какъ онъ говорилъ объ отношеніяхъ Грековъ къ Славянамъ. «Первое дѣло въ самомъ церковнослуженіи есть его дѣйствіе на душу и нравственную жизнь христіанъ. Если языкъ не понятенъ народу, мы впадаемъ въ Латинство, и въ одно время разрушаемъ единство молитвы между пастырями и паствою, и лишаемъ церковную службу всякаго духовнаго вліянія на домашнюю жизнь Христіанъ. Это важно во всѣхъ случаяхъ, а особенно въ народахъ непросвѣщенныхъ или неграмотныхъ».

---

[1]) Въ то время оберъ-прокурору Св. Синода, близкому знакомцу А. С. Хомякова еще по Турецкому походу 1828—1829 гг. *Изд.*

[2]) Преосв. Димитрій (въ міру Климентъ Ивановичъ Муретовъ), докторъ богословія, род. въ 1806 г., скончъ. 14 Ноября 1883 г. *Изд.*

Digitized by Google

На это я ему отвѣчалъ, что вѣдь тутъ еще важенъ вопросъ о Вселенствѣ, ибо народность и провинціализмъ не должны съ нимъ входить въ соперничество. «Именно такъ», сказалъ онъ: «это-то всего важнѣе. Отъ этаго самаго и не должно допускать совершеннаго преобладанія одной народности надъ другой; ибо такое порабощеніе въ дѣлахъ духовныхъ было бы полнымъ торжествомъ провинціализма, совершенно противнаго Христіанству и Вселенству». Меня поразилъ такой, кажется мнѣ, новый и высокій взглядъ на отношеніе Вселенства къ народамъ. Я оставилъ его очень поздно и съ чувствомъ удвоенной къ нему любви.—Но это все личныя мои впечатлѣнія, а вотъ какъ выразилось чувство общее. Три дня сряду отъ обѣдни до темнаго вечера приходили къ нему прощаться всѣ горожане и деревенскіе жители, случайно пришедшіе въ городъ. Ему положительно не давали даже обѣдать. Всѣ оружейники, всѣ мѣщане, женщины и мужчины, перебывали у него. Этого не довольно: всѣ, кажется, дѣти приходили просить благословенія. Онъ роздалъ имъ до пяти тысячъ крестиковъ. Наконецъ, въ день отъѣзда (онъ захотѣлъ уѣхать прямо изъ церкви, такъ какъ и пріѣхалъ прямо въ церковь), соборъ былъ биткомъ набитъ. Кремль также, площадь передъ воротами и низъ Кіевской улицы также. Онъ служилъ, какъ и всегда, съ большимъ чувствомъ. Священники и діаконы безпрестанно останавливались, чтобы отирать глаза. Послѣ обѣдни онъ вышелъ проститься: благодарилъ за любовь, которой не заслужилъ; потомъ просилъ прощенія за все, чѣмъ могъ передъ кѣмъ-нибудь провиниться. «Простите меня, вашего брата, какъ и сами просите, чтобы Господь васъ простилъ», прибавилъ нѣсколько словъ наставленія и увѣщанія и, наконецъ, просилъ, чтобы его не забыли въ молитвахъ,— живаго, чтобы Богъ далъ ему силы для исполненія долга на немъ лежащаго, или мертваго, дабы Господь простилъ ему его слабость въ исполненіи этаго долга. Онъ былъ сильно тронутъ самъ, и столько было слышно искренности въ его словахъ, что весь соборъ плакалъ навзрыдъ. Отъ собора до воротъ Кремля дошелъ онъ только часа черезъ два: такъ къ нему толпились. Губернаторъ и полиціймейстеръ хотѣли раздвигать народъ, но не могли. Мѣщане добродушно обнимали его, упрашивая, чтобы имъ не

Digitized by Google

мѣшали проститься съ своимъ епископомъ. Въ воротахъ онъ сѣлъ въ дорожную карету и ѣхалъ шагомъ въ густой толпѣ. Она его провожала не только до шлагбаума, но еще версты съ двѣ, и тогда только остановилась, когда онъ вышелъ, просилъ, чтобы его не огорчали видомъ такого труда, принимаемаго изъ любви къ нему, и еще разъ далъ общее всѣмъ благословеніе. Тутъ было что-то напоминающее первые вѣка церкви, и, конечно, одна уже такая сцена облагораживаетъ и очищаетъ общую жизнь.

Этаго не будетъ въ газетахъ, и слава Богу. Тамъ такъ много всякой лжи, оффиціальной и неоффиціальной, что такой прекрасной правдѣ тамъ не мѣсто; но я счелъ обязанностью разсказать ее вамъ, особенно послѣ разговора нашего о преосвященномъ Димитріѣ. Я увѣренъ, что эти подробности будутъ вамъ пріятны.

Къ своему разсказу присоединю просьбу, за которую вы на меня сѣтовать не будете. Въ Москвѣ производите вы, и великое вамъ за то спасибо, сильную реформу въ Синодальной Типографіи и ея чиновномъ людѣ. Хорошіе и способные люди нужны вездѣ, а изъ нихъ тѣ полезнѣе, которые еще къ тому спеціалисты. Есть въ Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ нѣкто Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, кандидатъ Московскаго Университета, человѣкъ души благороднѣйшей, нравственный и искренно вѣрующій, ума замѣчательнаго, *серьезно-ученый*, что у насъ очень рѣдко; филологъ первоклассный, какъ по древнимъ языкамъ, такъ и по Славянскимъ нарѣчіямъ и особенно по Церковно-Славянскому; наконецъ, человѣкъ, которымъ могъ бы гордиться любой Университетъ иностранный, а котораго у насъ въ Университетѣ съ ожесточеніемъ гонитъ вся партія «Русскаго Вѣстника» и пр. именно за его твердость въ направленіи религіозномъ и Русскомъ. Если вы его примите какъ совѣтника, или даже какъ столоначальника, вы и ему откроете путь, и мнѣ окажете величайшее одолженіе и сдѣлаете драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Конечно, вы можете усомниться, не увлекаетъ ли меня пріязнь; но я увѣренъ, что къ кому вы ни обратитесь изъ ученыхъ или духовныхъ, вы услышите тотъ же отзывъ. Такихъ людей, какъ Безсоновъ, у насъ очень немного.

Digitized by Google

Въ грустное время для меня пишу я къ вамъ, любезнѣйшій графъ. Я теперь, какъ и всегда въ постъ, говѣю, но въ нынѣшній разъ я нахожу въ этомъ трудѣ особенное и нужное мнѣ утѣшеніе. Я только что пріѣхалъ изъ Москвы, куда меня вызвала матушка; возвратился же я уже съ ея гробомъ, который поставленъ въ склепъ подъ прекрасною церковью *) ея строеніемъ, ея радостью. Конечно, естественна судьба дѣтей переживать своихъ родителей, еще естественнѣе было ожидать смерти послѣ осмидесяти-семи-лѣтней жизни; но такова была еще внутренняя живость и дѣятельность покойницы, такова свѣжесть сочувствій въ вопросахъ общественныхъ, во всемъ, что̀ касалось отечества и особенно вѣры, что, не смотря на слабость тѣлесную, казалось, ей еще не пришла пора умирать. И теперь еще какъ-то плохо вѣрится, что такое живое слово навсегда замолчало и такая горячая душа уже не будетъ бесѣдовать съ своими близкими. Въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе. Впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать.

Прощайте, будьте здоровы и Богомъ хранимы въ вашихъ трудахъ и заботахъ. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности и дружескій поклонъ отъ вашего покорнѣйшаго слуги Алексѣя Хомякова.

(Іюнь 1857).

*) Мать Хомякова, Марья Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 24 Іюня 1857 г., похоронена въ селѣ Богучаровѣ Тульской губерніи и уѣзда. *Изд.*

Digitized by Google

To the reverend G. Williams *).

Dear Sir,

I have been a long time without answering your kind and friendly letter, but I am sure you will excuse my silence. Since your departure from Moscow I have been visited by almost the greatest mis fortune, that could have happened to me, by the loss of my dearest friend and nephew Valouieff. The developement of his mind had certainly been directed by me, though he had lost nothing of that independance and originality of ideas which alone gives importance and power to the mental faculties of a man; but the rapid growth of his intellect, the seriousness of his disposition, the firmness of his character had soon brought us to a level of equality, where the difference of master and student disappeared. He was at once a son and a brother to me, so much, that in the last years his restless activity and his deep fee-

*) Подробныхъ свѣдѣній о г. Вильямсѣ у насъ не имѣется. Знаемъ только, что онъ былъ хорошо знакомъ Д. А. Валуеву и очень любимъ А. С. Хомяковымъ, къ которому заѣзжалъ въ деревню, по пути на Востокъ, въ пятидесятыхъ годахъ. Вильямсъ близко зналъ Востокъ, и ему обязаны мы изданіемъ послѣдняго тома капитальнаго труда Нила (Neale)—Исторія Восточной Церкви, на предисловіе къ которой (два тома) ссылается Хомяковъ во второй богословской книжкѣ своей. Послѣдній, посмертный томъ Нила вышелъ въ 1873 году и заключаетъ въ себѣ исторію Антіохійскаго патріархата; къ нему приложено на 90 страницахъ введеніе, составленное Вильямсомъ, въ которомъ особенно цѣнны свѣдѣнія объ архитектурѣ въ Средней Сиріи, гражданской и церковной (подробное описаніе церкви, сооруженной вокругъ столпа Св. Симеона Столпника). Вильямсъ былъ Кэмбриджскій воспитанникъ, тогда какъ Пальмеръ „an Oxford man“; такимъ образомъ Хомяковъ черезъ нихъ былъ въ сношеніи съ двумя разсадниками Англійской науки. Въ книгѣ Нила, изданной Вильямсомъ, онъ именованъ такъ: Rev. George Williams, vicar of Ringwood; Late fellow of King's Colledge, Cambridge. *Изд.*

Digitized by Google

ling of Christian duty exerted on me perhaps a greater control, than I had ever exerted on him. And what shall I say about the angelic purity of his soul and the exquisite tenderness of his heart? A deep and extensive learning, an independent and powerful intellect, a serious an ardent love of truth, a total absence of egotism, a complete devotion to the moral interests of his country and still more of mankind, a warm Charity which was always, ready to relieve and soothe every misfortune and to externate every reproach, a virginlike chastity of life and thought, which could fear no seduction and a manly firmness of soul which no struggle could have frightened or broken,—such were the qualities of the friend I have lost. I knew, that I possessed all his affections, and you may judge what a blessing it was to have such a friend and what a sorrow to have lost him. He was generally beloved and appreciated, and the following words of a letter which I have lately received from one of our most distinguished young men, shows the extent and character of his influence on those who know him more particularly: «We have had our Revolution; we have fallen under a foreign and fatal influence (from the time of Peter); now the period of that influence is drawing to an end. Our mental fetters are breaking; our mental freedom is coming on rapidly; but the battle is not yet finished. Every one of us feels in himself either an inward struggle or at least the traces of it. Valoujeff alone seemed to belong to a future generation. In him the struggle was over and seemed to have left no sears. He was nothing but faith and love. That was the reason, why his activity could be so bold and indefatigable, why his action could be at the same time so powerful and so mild». I should dwell no longer on this subject, but I must add some words in explanation of a theological question. By the opinion I have expressed about Valouieff you can judge, how far inferior to him I think myself in all moral respects and how far more able I consider him to pray for me, that I am able to pray for him, and yet I do pray for his departed soul. Will the time come at last when the idea of love during life and love after death will banish the

Digitized by Google

un christian considerations of roman utilitarism in prayers? I am very thankful for the books, you have had the goodness to send me. Yet I think, that the work of M-r Williams about Resurrection is not quite, what it should have been. He seems to have mistaken darkness of mysticism for depth of doctrine and far fetched subtleties of scholastic theology for sound and undoubted explanations of the mysteries of faith. I know very well, that he may have been misled by the example of many holy Fathers of the earlier Church: but we should never forget, that though pure in life, sound in faith and often powerful in intellect, they paid a tribute to their age, which was an age of bad taste, and to their country, which was infected with a disordered passion for subtleties in science and for concettis and puns even in the expression of the most serious thoughts. Sparks of genuine feeling and warm christian love shine indeed in many places of M-r Williams work, but they are drowned in a flood of mystical divinations and loose their otherwise useful power. I readily admit, that some explanations, though certainly hypothetical, (f. e. about Mary Magdalene) are very ingenious aud show a brilliant intellect in the Author; but at the same time very important circumstances such as the fact of Christ's partaking of food and the prophecy to St. Peter and to St. John seem to be touched too slightly and not quite understood, though the difference of characters between the two great Apostles is finely and even patheticaly delineated. The other work «about historical unity» is much superior in its way and may be boldly commanded as a very useful one. It is certainly a very short extract of general history and composed without pretentions to high and deep learning, but shows in the author a vast deal of lecture, a perfect acquaintance with the present state of science and, excepting some weak parts, an enlightened Spirit of criticism. I am sorry, that the shortness of my leisure time does not allow me the liberty of entering into a more particular critic of the Work; but the faults which, I now remember as having been noticed by me during the first and rapid lecture, are the following: The Author has shown more justice, than is generally the case to

Digitized by Google

the emperors of Rome from Trajan to Constantine. Indeed no country perhaps can show in its history such a number of great or at least distinguished Sovereigns, as Rome. The tyrants (the persecution of Christians being out of the question), fools and even the princes which do not rise above the common level, do not make out a half of the emperors, and such a proportion is certainly seldom, if even, to be found. This circumstance is a very important one; as it shows, how deep rooted was the illness, which brought Rome to her fall, notwithstanding the virtues, bravery, genius and extraordinary exertions of her emperors. All this is very good, but the evil which corroded the strength of Rome, is not mentioned, and, what is still more important, the division of the empire in two halves is neither explained, nor almost spoken of, though certainly the most prominent fact in the history of reman decay. The migration of the German race into Western Europe, which forms the link between ancient and modern history and has given a new character to the world, is almost unnoticed. I must add, that this migration is commonly misunderstood. The direction of the first migration was evidently towards south-east (Goths, Vandals, Sueves, Alans, Burgundians, Herules, Gepids and others), and it continued so for more than two centuries: then it was turned suddenly and with an irresistible impulse towards west and south west bearing down the opposition not only of the Roman, but of the more potent German nations (Allemans and Francs). It was nothing indeed but a flight before the rebellion of the inhabitants of eastern Europe, i. e. of the sclavonic nations, who after a long suffering got rid at last of an oppressive and foreign aristocracy. No mention is made of the Byzantine empire and that is unjust. Its boundaries were weaker, longer and more exposed, than those of the western one; its enemies were mightier (Persia, the Caucasus, all the German tribes excepting the Francs and Allemans, all the Sclavonic tribes, the Avars, the Turkish Kurds), and more frightful, than all together; the whole strength of the Mahometan world—rushed on Byzance. Its population was thin and unwarlike, its Sovereigns with a few

Digitized by Google

brillant excéptions rather below than above the common level, and yet it withstood far more, than a thousand years longer, than the West. There was evidently a source of strength in that empire too generally and too deeply despised by the children of the Roman world. The author seems not to have remarked it, and yet Europe has been saved from the Arabs much more by the resistance of Bysance against the centre of Mahometan power, than by the victory of Pipin's son over a detached force. These are the remarks which now occur to my memory as being particulary important. I will not accuse the Author of a fault, which pervades the whole work. I mean his historical system which is nothing, but particularism, or—relating facts as they appeared in the order of time without any link between them excepting the will of Providence or Chance (as you may prefer to call it). The tendency of mankind towards unity is indeed supposed, but rather as a phenomenon (a Deus ex machina) than as a rational necessity. This is no fault of the historian. The logic of History or rather the necessity of such a logic has been forseen by some chosen minds (such as Vico, Bossuet, Hegel); but it has till now no existence and its absence cannot be considered as an accusation. The book is certainly one which merits commendation and esteem.

I say nothing of your two sermons, dear sir, and can only thank you for them. There is evidently between us more links of sympathy and mutual intelligence than is generally supposed. Time will do its work and these good feelings, though almost latent now, will bring their fruits.

Strange news are afloat. The see of Rome seems to rouse itself from a long sleep and to try if it cannot gain some profit by contemporary cravings for spiritual unity. This is certainly a wise and deep policy, and England, being in fact the most serious country in Europe, has been well chosen as the mark, towards which the first efforts must be directed. I have no very particular details about the question, but as much, as I can understand, a sort of Union is proposed, very much like the Greek Union in Poland and Hungary. This is evidently a confirmation of the principle which I have expres-

Digitized by Google

sed in my first letter to M-r Palmer: Rome can propose Union, and Unions are possible with the Church of Rome, as between nation and nation or sovereign and sovereign. Such contracts and treaties of peace are possible because they do not imply an inward and spiritual unity. They are not preceded by a deep, moral or dogmatical change in the feelings or ideas, nor do they require such a change. Rome will henceforward tolerate England: England will henceforward tolerate Rome, and in some questions (I suppose nomination to dignities, or solutions of disputes in law or some like business) a President, the Pope, will give his decisions. It will be a Church-Confederation not unlike the United States of America in political governement. No moral link is required, no inward Harmony sought for of even supposed. Warfare and quarrels are at the end. To speak seriously, though perhaps harshly, all this looks, in my opinion, like the carricature of the Angel's promise: peace and good will on earth»: the peace of tired enmity instead of the blessed unity of brotherly embrace, and the cold good will of philanthropy instead of the warm feeling of christian love.

My forebodings, expressed now more than fifteen yearsago, seem true in so far, as the work of protestantism is drawing to a conclusion. The protestant communities are rapidly thawing at both ends, towards romanism on one side, towards experimental analyzis (or infidelity) on the other; towards the Pope and Spinosa. In that respect it would seem, that this great historical event shall have passed away without any serious traces. In itself (as a Church) Protestantism finds its condemnation, for it ceases to exist. In its influence on Rome it appears evidently null; for the principles of Rome stand unchanged though linked with a greater Tolerance, which is at best (I mean in the higher regions of sciences and faith) nothing but doubt and indifference. Yet the result of Protestantism will evidently be immense, but only in a political sense: it will have given the right of civil liberty to infidelity and severed the State from the Church, which is right in the cotemporary ideas about State (I do not say they are the right ones). In another respect it will not be

Digitized by Google

quite useless in a negative sense. It will leeve Romanism torn and patched up and self covicted of inward weakness and rationalism; but will that be all.? I had expected another result, nor have I quite given up my hopes.

Is our century, too, spoiled by the sybaritism of Material comfort, able of a moral renovation? I do not think it worse, than any of the preceding ones; but it is and will always be a difficult thing for man to break off his habits and traditions and to undertake the task of penitence. Half measures, half concessions are much more easy than total renovation. That was the reason why a conditional return to Rome was more to be expected in the majority at least of English and other protestants, than a decided step towards the restoration of ancient unity which existed between East and West in the earlier centuries. Such was the thought I expressed in my first letter to M-r Palmer, and the events seem ready to justify my suppositions. The history of our time will in all probability show, that the difference in the Symbol*) is more important, though so seldom remarked or spoken off, and generally very lightly treated, than all the other differences in rites, ceremonies and doctrines between Protestant and Roman Communities which have so much been spoken or written about. The line of moral duty as well as of dogmatical truth seems to me quite evident; but passions (individual, national or hereditary) have a greater sway, than is generally supposed.

What is your opinion, dear sir, about all that? What are your expectations of good or evil from these essays of conditional alliances in matters of Faith? Will you be so kind as to let me hear of You and Your occupations? The loss of Valouieff has given a great shock to my health. Fits of ague, bilious affections and inflammation of the eyes have condemned me for some time to a painful idleness, though at present I feel myself restored to a comparatively good health. Do not, if you please, quite forget Your most devoted Alexis Khomecoff

J. 14, 1846. Moscow.

*) Creed. *Изд.*

Digitized by Google

Переводъ.

М. Г.!

Я очень долго не отвѣчалъ на ваше любезное и дружеское письмо, но я увѣренъ, что вы извините мое молчаніе, когда узнаете, что послѣ отъѣзда вашего изъ Москвы меня посѣтило чуть ли не самое ужасное горе, какое я могъ когда либо испытать: я лишился своего добраго друга и племянника Валуева.

Умъ его развился, конечно, подъ моимъ руководствомъ; но онъ ничего не утратилъ изъ той независимости и своеобразности мысли, которыя однѣ придаютъ умственнымъ способностямъ силу и значеніе. Развитіе его было такъ быстро, въ немъ было столько природной зрѣлости, такая твердость характера, что между нами скоро установилось то равенство, при которомъ исчезаетъ всякое различіе между учителемъ и ученикомъ. Онъ былъ для меня въ одно и тоже время и братомъ, и сыномъ. Даже въ послѣдніе годы онъ своею неусыпною дѣятельностью, своимъ глубокимъ сознаніемъ христіанскихъ обязанностей сильнѣе на меня дѣйствовалъ, чѣмъ я когда-либо на него. А что̀ сказать объ ангельской чистотѣ его души, о чуткой нѣжности его сердца? Глубокія, многосторонніе познанія, независимый умъ, зрѣлая и горячая любовь къ истинѣ, совершенное отсутствіе эгоизма, всецѣлая преданность нравственнымъ интересамъ своего отечества и еще болѣе — всего человѣчества, горячая любовь къ ближнимъ, всегда готовая пособить чужому горю, смягчить всякій упрекъ, дѣвственная чистота жизни и мыслей, недоступная никакимъ искушеніямъ, мужественная твердость, которой не устрашила и не сокрушила бы никакая борьба—таковы были качества моего покойнаго друга. Я зналъ его привязанность ко мнѣ, и вы можете судить, какое было для меня счастіе имѣть такого друга, какое горе лишиться его. Всѣ его любили и цѣнили, и слѣдующія строки изъ письма, недавно мною полученнаго отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ юношей, дадутъ намъ понятіе о значеніи и силѣ его вліянія на близкихъ ему людей *).

«У насъ была своя революція: мы подпали подъ чуждое и пагубное вліяніе (со времени Петра), но пора этого вліянія приходитъ къ концу. Наши умственныя оковы спадаютъ; минута нашего умственнаго освобожденія приближается, но битва еще не окончена: каждый изъ насъ чувствуетъ въ себѣ самомъ или внутреннюю борьбу, или, по крайней мѣрѣ, слѣдъ ея

*) Вѣроятно Кавелина, тогда еще очень близкаго къ Хомякову и Валуеву. См. письма Кавелина къ Валуеву въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900. *Изд.*

Digitized by Google

Одинъ Валуевъ какъ будто принадлежалъ будущему поколѣнію. Въ немъ борьба уже прекратилась и, повидимому, не оставила слѣдовъ. Онъ весь былъ любовь и вѣра. Вотъ причина, почему дѣятельность его была такъ смѣла и неутомима, почему онъ дѣйствовалъ такъ сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ кротко».

Я бы не сталъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ, но я долженъ прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе одного богословскаго вопроса. Изъ высказаннаго мною мнѣнія о Валуевѣ, вы можете судить о томъ, насколько я ставлю себя ниже его въ нравственномъ отношеніи, насколько считаю его достойнѣе молиться обо мнѣ, чѣмъ мнѣ о немъ, и однако я молюсь за упокой его отшедшей души. Наступитъ ли, наконецъ, время, когда мысль о любви въ продолженіи жизни и о любви послѣ смерти изгонитъ антихристіанскія понятія Римскаго утилитаризма въ молитвѣ?..

Благодарю васъ за присылку книгъ. Мнѣ кажется, что книга Вильямса*) о Воскресеніи Спасителя не совѣмъ такова, какою ей слѣдовало быть. Онъ, повидимому, принялъ темноту мистицизма за глубину ученія и изысканныя утонченности схоластическаго богословія за трезвое и несомнѣнное объясненіе таинствъ вѣры. Я знаю, что его могли завлечь въ такое заблужденіе примѣры многихъ Св. Отцевъ первобытной Церкви. Но мы не должны забывать, что и отцы Церкви, не смотря на твердость ихъ вѣры, на святость ихъ жизни и на нерѣдкую между ними замѣчательную силу разума, все же платили дань своему вѣку и отечеству, и что вѣкъ этотъ отличался дурнымъ вкусомъ, отечество было заражено страстью къ утонченностямъ въ наукѣ, къ игрѣ словъ и стихоплетеніямъ, къ которымъ прибѣгали даже для выраженія самыхъ серьезныхъ мыслей. Во многихъ мѣстахъ сочиненія г-на Вильямса есть однако проблески искренняго чувства и теплой христіанской любви; но они теряютъ свою плодотворную силу, исчезая въ потокахъ мистическихъ гаданій. Я готовъ допустить, что нѣкоторыя объясненія (хотя весьма гадательныя), какъ, напримѣръ, о Маріи Магдалинѣ, все-таки остроумны и показываютъ въ сочинителѣ блестящій умъ; но, въ тоже время, другія очень важныя событія затронуты слишкомъ легко и не вполнѣ поняты, какъ, напримѣръ, принятіе Спасителемъ пищи и пророческія слова, обращенныя къ апостоламъ Петру и Іоанну, хотя надобно прибавить, что различіе между характерами двухъ апостоловъ обрисовано тонко и даже драматично.

Другое сочиненіе «*объ историческомъ единствѣ*» гораздо замѣчательнѣе въ своемъ родѣ и можетъ быть смѣло признано

*) Однофамилецъ того, который переписывался съ А. С. Хомяковымъ. *Изд.*

Digitized by Google

за весьма полезную книгу. Это, конечно, только краткій очеркъ всеобщей исторіи, составленный безъ всякаго притязанія на высшую и глубокую ученость, показывающій впрочемъ, что сочинитель человѣкъ весьма начитанный, совершенно знакомый съ современнымъ состояніемъ науки и (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей) обладающій даромъ тонкой критики. Жалѣю, что краткость досуга не позволяетъ мнѣ приняться за болѣе обстоятельный критическій разборъ книги; приходятъ теперь мнѣ на память слѣдующіе недостатки, замѣченные мною во время перваго и весьма бѣглаго ея чтенія.

Авторъ показалъ болѣе справедливости, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, въ отношеніи къ Римскимъ императорамъ отъ Траяна до Константина. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли другое государство можетъ представить такое значительное число великихъ или, по крайней мѣрѣ, замѣчательныхъ государей; тираны (конечно, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ гоненіе на христіанъ), безумцы и даже государи, стоявшіе не выше посредственности, не составляютъ даже половины всѣхъ императоровъ. Такая пропорція рѣдко, да и едва ли когда нибудь, встрѣчалась въ исторіи. Это обстоятельство очень важно; оно доказываетъ, какъ глубоко вкоренилась та болѣзнь, которая причинила паденіе Рима и которой не могли устранить ни добродѣтели, ни мужество, ни геній, ни необыкновенные подвиги императоровъ. Все это справедливо; но болѣзнь, истощившая силу Рима, нигдѣ не изслѣдована, и, что всего важнѣе, раздѣленіе Имперіи на двѣ половины не только не объяснено, но даже осталось почти неупомянутымъ, хотя нельзя не признать, что это событіе есть одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи паденія Рима. Переселеніе Германскихъ племенъ на Западъ Европы, составляющее связь между древнею и новою исторіею, давшее міру новое направленіе, также осталось почти неизслѣдованнымъ. Я долженъ прибавить, что переселеніе это понимается почти всегда ошибочно. Первое переселеніе, очевидно, направилось къ Юго-востоку (Готѳы, Вандалы, Свевы, Аланы, Бургунды, Герулы, Гепиды и другіе) и продолжалось болѣе двухъ вѣковъ. Потомъ, оно внезапно перемѣнило направленіе и неудержимымъ напоромъ устремилось къ Западу и Юго-западу, уничтожая передъ собою всякое сопротивленіе, не только со стороны Римскихъ, но даже и самыхъ сильныхъ Германскихъ племенъ (Алемановъ и Франковъ). Это, въ сущности, было не что иное, какъ бѣгство передъ подъемомъ обитателей восточной Европы, т.-е. племенъ Славянскихъ, которыя, послѣ многолѣтнихъ страданій, свергли съ себя, наконецъ, тяжкій гнетъ чуждаго имъ господства. Нигдѣ также не упоминается о Византійской имперіи, а такое умолчаніе есть не-

Digitized by Google

справедливость. На границахъ своихъ, болѣе протяженныхъ, чѣмъ границы Западной Имперіи, она была слабѣе и болѣе открыта врагамъ; защита ея была труднѣе. Враги Византіи были могущественнѣе враговъ Рима. Персія, Кавказъ, всѣ Германскія племена, кромѣ Франковъ и Алемановъ, всѣ племена Славянскія, Авары, Турецкія шайки и, что̀ всего ужаснѣе, вся сила Магометанскаго міра: все бросилось на Византію. Ея народонаселеніе было малочисленно и невоинственно; ея государи, за весьма немногими блестящими исключеніями, были ниже посредственности, и однако Византія продержалась цѣлымъ тысячелѣтіемъ долѣе Западной Имперіи. Очевидно, что въ ней былъ источникъ той терпѣливой, выдерживающей испытанія силы, которая была вообще въ слишкомъ глубокомъ презрѣніи у дѣтей Римскаго міра. Кажется, авторъ не замѣтилъ того факта, что стойкое сопротивленіе Византіи ударамъ, шедшимъ изъ центра Магометанскаго могущества, гораздо болѣе содѣйствовало спасенію Европы отъ Арабовъ, чѣмъ побѣды Пипина надъ отдѣльными ихъ силами. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя приходятъ мнѣ на память и кажутся мнѣ важными. Я не стану осуждать автора за недостатокъ, преобладающій во всемъ его сочиненіи: я разумѣю его историческую систему, которая есть не что иное, какъ партикуляризмъ, или изложеніе фактовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они являлись во времени, безъ всякаго связующаго звена между событіями, кромѣ случая или воли Провидѣнія (какъ кому угодно называть его). Правда, что стремленіе человѣчества къ единству все-таки подразумѣвается имъ, но скорѣе какъ deus ex machina, чѣмъ какъ раціональная необходимость. Здѣсь историкъ невиноватъ. Логика исторіи, или скорѣе необходимость такой логики, была предчувствуема нѣкоторыми избранными умами (каковы Вико, Боссюетъ, Гегель); но она до сихъ поръ не существуетъ, и отсутствіе ея не можетъ быть вмѣнено въ осужденіе. Книга, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ несомнѣнной похвалы и уваженія.

Я не говорю о вашихъ двухъ проповѣдяхъ; я только могу благодарить васъ за нихъ. Очевидно, что между нами болѣе точекъ соприкосновенія, болѣе взаимнаго согласія и сочувствія, чѣмъ вообще предполагается. Время сдѣлаетъ свое дѣло, и эти добрыя, почти еще непризнанныя чувства принесутъ свои плоды.

Странные ходятъ слухи. Римская каѳедра какъ будто пробуждается отъ долгаго сна и пытается извлечь какую нибудь выгоду изъ современныхъ стремленій къ духовному единству; политика, конечно, умная и глубокая, и выборъ Англіи, какъ самой серьезной Европейской страны, на которую направлены

Digitized by Google

первые удары, вполнѣ удачены. Я не имѣю подробныхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ; но, насколько я его понимаю, предполагается здѣсь что-то въ родѣ Греческой Уніи, существующей въ Польшѣ и Венгріи. Это видимое подтвержденіе того начала, о которомъ я выразилъ свое мнѣніе въ первомъ письмѣ моемъ къ Пальмеру. Римъ можетъ предлагать Унію, и Унія возможна въ Римской церкви, какъ возможны союзы между двумя народами или государями. Такіе мирные трактаты возможны потому, что они не предполагаютъ и не требуютъ внутренняго и духовнаго единства. Они не подготовляются глубокимъ, нравственнымъ и догматическимъ обновленіемъ въ чувствахъ и мысляхъ; они также не требуютъ такихъ перерожденій. Отнынѣ вѣротерпимость Рима распространяется на Англію. Англія отплатитъ Риму подобною же вѣротерпимостью, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ (какъ я полагаю: въ назначеніи духовныхъ сановниковъ, въ разрѣшеніи законодательныхъ или иныхъ подобныхъ вопросовъ) папа-президентъ будетъ давать свои рѣшенія. Это будетъ церковная федерація, нѣсколько похожая на политическое управленіе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь не только не ищутъ нравственнаго союза, не домогаются внутренняго единства, но даже существованія такого единства не предполагаютъ. Войнѣ и раздорамъ положатъ конецъ. Говоря серьезно, хотя можетъ быть и нѣсколько рѣзко, не похоже ли это на пародію на Ангельское благовѣстіе «на земли миръ, человѣкамъ благоволеніе»? Это миръ утомленной непріязни, а не святое единство братскаго объятія; это холодное благоволеніе филантропіи, а не горячее чувство христіанской любви.

Предчувствія, выраженныя мною болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, повидимому, оправдываются въ томъ, что дѣло Протестантства приходитъ, какъ кажется, къ концу. Протестантскія общины быстро разлагаются съ двухъ концовъ, исчезая съ одной стороны въ Латинствѣ, съ другой вдаваясь въ испытующій анализъ, иначе, въ полное безвѣріе, склоняясь къ папѣ или къ Спинозѣ. Можно полагать, что такимъ образомъ великое историческое событіе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ глубокихъ слѣдовъ.

Протестантство, какъ церковь, само себя осуждаетъ уже тѣмъ, что перестаетъ существовать. Въ отношеніи къ Риму его вліяніе очевидно ничтожно; ибо начала Римской церкви остаются неизмѣнными, хотя онѣ соединяются съ большею противъ прежняго долею вѣротерпимости, но эта вѣротерпимость (я говорю въ высшихъ областяхъ знанія и вѣры) есть не что иное, какъ сомнѣніе или равнодушіе. Послѣдствія Протестантства будутъ громадны только въ смыслѣ политическомъ: оно

Digitized by Google

дало невѣрію право гражданской свободы, отдѣливъ государство отъ церкви, что̀ кажется справедливымъ при современныхъ понятіяхъ о государствѣ (не говорю, чтобы понятія эти были вѣрны). Съ другой стороны, Протестантство не будетъ безполезно въ отрицательномъ смыслѣ. Оно оставитъ Римскую церковь растерзанною, кое-какъ сплоченною и уличенною во внутренней своей слабости, въ раціонализмѣ. Но неужели это все? Я ожидалъ другихъ результатовъ и еще не отказался отъ своихъ надеждъ.

Способенъ ли нашъ вѣкъ, избалованный матеріальнымъ удобствами, къ нравственному возрожденію? Я не думаю, чтобы онъ былъ хуже другихъ предшествовавшихъ вѣковъ; но всегда было и будетъ трудно для человѣка переломить свои привычки и преданія и приняться за трудное дѣло покаянія; полумѣры, полууступки гораздо удобнѣе, чѣмъ полное возрожденіе.

Вотъ почему нужно было скорѣе ожидать (по крайней мѣрѣ отъ большинства Англиканскихъ и другихъ протестантовъ) условнаго возвращенія къ Риму, чѣмъ рѣшительнаго шага къ возобновленію того древняго единства, которое въ первые вѣка Христіанства существовало между Востокомъ и Западомъ. Я выразилъ туже мысль въ моемъ первомъ письмѣ къ Пальмеру и, кажется, событія готовятся оправдать мое предположеніе. По всѣмъ вѣроятностямъ, исторія нашего времени докажетъ, что различіе въ символѣ вѣры, на которое такъ мало обращали вниманія, о которомъ такъ мало говорили, о которомъ упоминали лишь вскользь, важнѣе всѣхъ тѣхъ особенностей, отличающихъ Римскую церковь отъ Протестантской въ ученіи, обычаяхъ и обрядахъ, о которыхъ такъ много говорили и писали. Путь нравственнаго долга и догматической истины кажется мнѣ совершенно яснымъ; но страсти (личныя, народныя, наслѣдственныя) имѣютъ гораздо больше силы, чѣмъ вообще предполагаютъ.

Что̀ думаете вы обо всемъ этомъ? Какой ожидаете вы пользы или какого вреда отъ этихъ попытокъ условныхъ союзовъ въ дѣлахъ вѣры?

Потрудитесь увѣдомить меня о себѣ и о занятіяхъ вашихъ. Потеря Валуева сильно потрясла мое здоровье. Лихорадочные припадки, желчныя страданія и воспаленіе глазъ осудили меня на время на тягостное бездѣйствіе; но теперь я чувствую, что возвращается сравнительно-доброе здоровье.

(1846)

Digitized by Google

Къ М. А. Максимовичу [1]).

24 Ноября 1839 г.

Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе *Кіевлянина*, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отзываться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями.

Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала [2]) и которые (дурны ли, хороши ли) вылились изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце успокоились отъ недавнихъ ударовъ [3]). Желаю, чтобы полученіе этой пьесы [4]) было вамъ хотя въ половину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее.

---

[1]) Изъ книжки Максимовича: „Письма о Кіевѣ", не вошедшей въ Собраніе его сочиненій и напечатанной Н. П. Барсуковымъ (С. П. Б. 1871, стр. 16).

[2]) „Кіевлянинъ" не былъ журналомъ, а только сборникомъ. *Изд.*

[3]) Кончина дѣтей и единственной сестры, Анны Степановны. *Изд.*

[4]) Это было стихотвореніе „Кіевъ". *Изд.*

Digitized by Google

Къ неизвѣстному лицу.

Эмсъ 8 Іюля 1847 г.

Я оставилъ у Ганки еще другую пьесу, начинающуюся такъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва! и пр. и пр.

Такъ что очевидно Прага на меня подѣйствовала очень сильно *). Ганка просто чудный человѣкъ. Онъ мнѣ обрадовался и меня обрадовалъ. Ничего не могло быть лестнѣе его привѣта. Когда я ему сказалъ свое имя, онъ мнѣ только сказалъ: «Неужели тотъ самый?» Я это вамъ пишу очень добродушно и увѣренъ, что вы не оподозрите меня въ самолюбіи, цѣнящемъ людей только потому, что «ils m'estiment», какъ говоритъ нашъ Московскій знакомый. Ганка всѣхъ помнитъ, всѣмъ посылаетъ поклонъ, но вамъ съ попрекомъ. Ему везли какую-то книгу, а вы удержали посылку, увѣривъ, что эта книга у него уже есть. Съ Шафарикомъ провелъ я вечеръ и былъ какъ сыръ въ маслѣ. Славный, живой, умный, дорожитъ Лимбургскимъ сыромъ, т.-е. старою старинкою, этимологіею и всѣмъ. Прелесть! Я бы прожилъ охотно цѣлую недѣлю въ Прагѣ, а былъ только полтора дня. Отъ Шеллинга, Неандера ровно ничего не добился. Рѣшительные шмерцы! Впрочемъ я очень полюбилъ Неандера. Еще былъ я у Гримма. Нѣмецъ, но хорошъ. Здѣсь въ Эмсѣ житье мнѣ славное. Мѣсто милое. Гоголь погостилъ четыре дня. Жуковскій здѣсь; пропасть написалъ и прекрасныя вещи. Гоголь бодръ и хорошъ; но нисколько нельзя предвидѣть, что онъ будетъ писать или дѣлать. Самъ не знаетъ. Рекомедую вамъ славную Нѣмецкую книгу *Aus der Gegenwart*. Что за глупая земля теперешняя Германія!

---

*) Первая пьеса: „Беззвѣздная полночь"; вторая ошибочно отнесена нами къ 1852-му году (см. томъ IV-й). *Изд.*

Digitized by Google

Къ Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ [1]).

Милостивый государь Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ Оржистовъ [2]) послалъ я вамъ стихи; писалъ также съ береговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до васъ. Въ этомъ сомнѣніи повторяю то, что̀ уже писалъ.

Пріѣхавъ изъ Оржиствъ или, лучше сказать, на дорогѣ сочинилъ я слѣдующую пьесу. Хороша ли, дурна ли — все-таки посылаю ее вамъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ... и т. д.

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать; но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Прагскомъ воздухѣ: меня вмѣсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною. Я вспоминалъ ваши послѣднія слова объ единствѣ вѣры, безъ котораго нѣтъ полнаго единства въ народахъ, и не то во снѣ, не то на яву написалъ слѣдующіе стихи:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой... и т. д.

---

[1]) Заимствуемъ это письмо изъ перваго выпуска Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета 1896 года. (Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ Исторіи Русско-Чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка). Любопытный и обильный матеріалъ этотъ найденъ профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ въ Чешскомъ національномъ музеѣ, въ Прагѣ лѣтомъ 1895 года. На этотъ разъ помѣщены лишь письма къ Ганкѣ О. М. Бодянскаго (15), А. С. Хомякова (1), С. М. Соловьева (1), Н. И. Греча (2); всѣ они затрогиваютъ вопросы науки, литературы и жизни Славянской. Приложенныя къ сборнику замѣтки Шафарика о Русской литературѣ, записанныя со словъ Погодина въ 1835 году, показываютъ степень знакомства даровитаго Чешскаго ученаго съ Русской литературой и исторической наукой. *Изд.*

[2]) Вѣроятно это—Obrzysko, мѣстечко Познанскаго округа, на лѣвомъ берегу Варты, въ Пруссіи.

Digitized by Google

Послѣ нашего свиданія проѣхалъ я въ короткое время много и много земель, наслушался и наглядѣлся довольно. Вездѣ нашелъ я всесовершенное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми срослась наша жизнь. Если бы міръ Славянскій былъ какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изрѣдка оказываемое, есть или чистое лицемѣріе, или слѣдствіе какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тѣ изъ нашихъ братій, которые ищутъ сочувствія внѣ насъ. Съ другой стороны наука понимаетъ многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуетъ намъ, наприм., крестьянской общинѣ въ Россіи и у южныхъ Славянъ. Это понимаютъ Нѣмцы и даже нѣкоторые Французы. Общину Славянскую изучаютъ и пишутъ объ ней, какъ я уже сказалъ, съ завистью; но зависть — не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашелъ я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей Церкви. Трудно повѣрить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Вѣрьте мнѣ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ Славянской души. Одно уходитъ въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнѣ кажется, мой сонъ будетъ когда-нибудь не сномъ. Дай Богъ поскорѣе. Покуда скажу я, что отраднѣйшимъ днемъ моего путешествія былъ день въ Прагѣ, и что вашъ привѣтъ и ласки почтеннаго Шафарика мнѣ отогрѣли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить васъ и благословлять за вашу любовь къ доброму дѣлу. Примите увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Берлинъ (1847).

Digitized by Google

Къ Казанскому архіепископу Григорію [1]).

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Съ полною надеждою обращаюсь къ вашему высокопреосвященству, и какъ ни странно такое обращеніе человѣка, который не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ на ваше вниманіе, я убѣжденъ, что вы благодушно примите просьбу мою; ибо я дѣйствую по обязанности, отъ которой не могу и не смѣю уклониться.

Вашему высокопреосвященству извѣстно движеніе мысли въ Англиканскомъ исповѣданіи и какъ мало-по-малу сердца, неудовлетворенныя отвлеченностію Протестантства и умы, оскорбленные вещественностію Латинства, стали обращаться къ Восточной церкви. Главнымъ двигателемъ былъ Пальмеръ, вице-президентъ Коллегіума св. Маріи Магдалины въ Оксфордѣ. Тому лѣтъ семь, случайныя обстоятельства [2]) ввели меня въ переписку съ нимъ и, разумѣется, предметомъ ея были тѣ вопросы, которые составляли исключительное его занятіе. Онъ сообщалъ мнѣ свои сомнѣнія, недоумѣнія и возраженія противъ ученія и обрядовъ Церкви. Я объяснялъ ему, что̀ могъ и какъ умѣлъ, съ желаніемъ искреннимъ добра и съ искреннею любовью къ человѣку прямодушному и ревностному въ дѣлѣ вѣры. Былъ ли я Пальмеру полезенъ, сказать не могу; но знаю, что онъ мнѣ былъ благодаренъ за доброе намѣреніе и охотно продолжалъ переписку. Въ 1847 году познакомился я съ нимъ лично въ Оксфордѣ, и дружескія отношенія наши стали еще

[1]) Передъ тѣмъ архіепископу Рязанскому, потомъ Тверскому и напослѣдокъ митрополиту С.-Петербургскому. Его отвѣты А. С. Хомякову см. въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ. *Изд.*

[2]) Сколько намъ извѣстно, первое движеніе вопроса о соединеніи Англіи съ Россіею въ дѣлѣ вѣры начато было Англійскимъ пасторомъ въ Кронштадтѣ. *Изд.*

Digitized by Google

тѣснѣе. Въ бытность мою въ Англіи, понялъ я всю важность значенія этаго человѣка. Я узналъ отъ его же товарищей въ Оксфордѣ и отъ учителей богословія и другихъ членовъ Кембриджскаго университета, что его нѣсколько лѣтъ считали какъ бы сумасшедшимъ именно за его постоянное стремленіе къ Православію; но что неутомимая ревность, разумная дѣятельность и жизнь, посвященная единственно служенію истинѣ и Богу, побѣдили всѣ предубѣжденія и внушили всѣмъ глубокое къ нему почтеніе, а многимъ сердечное сочувствіе. Отъ души радовался я такому успѣху. Но самъ Пальмеръ жаловался на равнодушіе своихъ соотечественниковъ и особенно высшаго духовенства; жаловался онъ отчасти и на православныхъ, но съ крайнимъ смиреніемъ, говоря, что въ смыслѣ Православія онъ человѣкъ еще совершенно новый и, можетъ быть, принимаетъ за равнодушіе необходимую осмотрительность и осторожность церкви, совершенно чуждой всякому честолюбію или властолюбію.

Въ послѣдующіе годы переписка наша продолжалась. Превосходная книга Церникава, другія произведенія нашихъ духовныхъ писателей и собственныя изслѣдованія разрѣшили всѣ сомнѣнія Пальмера: онъ принялъ ученіе Православной церкви во всей его полнотѣ. Но этимъ не могла довольствоваться его ревность. Истину, которую ему Богъ далъ узнать, долженъ онъ былъ сообщить своимъ соотечественникамъ. Онъ обратился сперва къ епископамъ въ Англіи и былъ встрѣченъ съ отталкивающей холодностью; потомъ къ Англиканскимъ епископамъ въ Шотландіи и къ ихъ синодамъ. Синоды приняли его записку объ исхожденіи Духа Святаго и о таинствахъ съ одобреніемъ, но не приступили ни къ какому рѣшенію и отложили дѣло Божіе въ сторону: у нихъ были другія дѣла. Огорченный Пальмеръ рѣшился оставить отечество и искать на Востокѣ пристанища и покоя душевнаго.

Но не такъ было угодно Богу. Въ то самое время, какъ Пальмеръ уже собрался выѣхать изъ Англіи, стали созрѣвать плоды его ревностныхъ трудовъ. Сердечное сочувствіе, которое онъ уже успѣлъ внушить многимъ достойнымъ людямъ, обратилось въ полное согласіе мысли, и немногочисленная, но силь-

Digitized by Google

ная своимъ нравственнымъ достоинствомъ паства была готова вступить въ общеніе Православной церкви. Я слышалъ (и отчасти изъ писемъ Пальмера предполагаю, что это правда), что онъ и его друзья обращались съ прошеніемъ по сему предмету въ Святѣйшій Синодъ; но, можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки съ своей стороны, никакого удовлетворительнаго отвѣта не получили. Пальмеръ поѣхалъ въ Аѳины, занялся трудами по предметамъ богословскимъ и историческимъ и обратился въ тоже время къ патріарху Константинопольскому съ прошеніемъ о принятіи его въ нѣдра Православной церкви. Патріархъ отказалъ въ прошеніи, требуя отъ него крещенія, какъ отъ обливанца, основываясь на обычаѣ Греческой церкви, слѣдующей въ этомъ дѣлѣ положеніямъ (если не ошибаюсь) помѣстнаго Карѳагенскаго собора. Пальмеръ подалъ новое прошеніе, въ которомъ излагалъ, что, согласно съ постановленіями Русской церкви, отмѣнившей, по Богомъ данной ей свободѣ, обрядъ перекрещенія для обливанцевъ, онъ проситъ быть принятымъ безъ новаго крещенія не вслѣдствіе какого-нибудь упорства или желанія сохранить какіе-нибудь обряды или положенія общины, впавшей въ расколъ, но потому, что согласившись принять снова крещеніе, онъ остановитъ отъ перехода въ Православіе многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, а можетъ быть и всѣхъ тѣхъ, которые готовы къ этому богоугодному дѣлу. Снова послѣдовалъ отказъ. Въ тоже время, т.-е. около половины прошлаго года, поступило, какъ извѣстно вашему высокопреосвященству, прошеніе людей съ нимъ единомыслящихъ въ Святѣйшій Синодъ о томъ же предметѣ. Подписей довольно, и кромѣ подписавшихся множество людей, принадлежащихъ къ самому высокому образованію и, слѣдовательно, могущихъ увлечь своимъ примѣромъ еще большее число своихъ соотечественниковъ, готово примкнуть къ начинающейся паствѣ; но и до сихъ поръ ничего уѣшительнаго не слыхалъ Пальмеръ.

Наконецъ, прошлаго года, въ началѣ зимы, получилъ я отъ него письмо, и съ какимъ горемъ читалъ его, не могу даже выразить вашему высокопреосвященству. Изъ этаго письма видно, что онъ хотѣлъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, но былъ

Digitized by Google

удержанъ болѣзнію въ южной Россіи и далѣе Кіева проѣхать не могъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя, подалъ онъ третье прошеніе патріарху, повторяя прежнія слова свои, но прибавляя еще, что, по великому желанію своему присоединиться къ единой истинной Церкви, онъ согласенъ даже принять снова крещеніе, съ тою только оговоркою, которая дѣлается для младенцевъ, о крещеніи которыхъ есть сомнѣніе. Такой оговорки онъ просилъ для устраненія соблазна, который могъ бы удалить всѣхъ его соотечественниковъ отъ обращенія въ Православіе и для успокоенія своей совѣсти; ибо не только по его убѣжденію, но и по мнѣнію всей церкви Русской, совершенное надъ нимъ крещеніе достаточно для того, чтобы дать ему право на вступленіе въ нѣдра Православія. Кажется, бо̀льшаго и ожидать нельзя было; но патріархъ снова отказалъ, говоря, что мнѣніе Русской церкви необязательно для Греціи въ дѣлѣ обряда. Съ этимъ, конечно, должно согласиться; но для Пальмера ударъ былъ ужасенъ. Всѣ надежды его рушились, и за всѣмъ тѣмъ, въ глубокой горести своей, предчувствуя и мое огорченіе, онъ еще говоритъ съ глубочайшимъ смиреніемъ: «И мы все-таки не должны осуждать пастырей Церкви, ибо имъ поручено церковное правленіе и сужденіе объ обрядѣ; судъ же надъ ними предоставимъ Высшему Судьѣ». Какъ будто для того, чтобы ударъ былъ еще тяжелѣе и болѣзненнѣе, онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ однаго изъ лучшихъ своихъ друзей (котораго имя я разобрать не могъ). Вотъ содержаніе этого письма: «Ты знаешь мою дружбу и согласіе нашихъ мнѣній; всѣ убѣжденія наши одинаковы. Я ждалъ только твоего принятія въ церковь Православную, чтобъ не медля послѣдовать твоему примѣру; но нѣтъ, мой другъ! Дверь, которая не отворяется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, дверь, которая слишкомъ два года остается запертою передъ твоими жаркими моленіями, не можетъ быть дверью церкви Христовой. Однаго *этаго нравственнаго убѣжденія* достаточно, чтобы пересѝлить всѣ убѣжденія моего ума и даже стремленія моего сердца. На дняхъ вступаю я въ Римскую церковь». Удрученный скорбью, Пальмеръ проситъ у меня утѣшенія и, если можно, помощи.

Digitized by Google

На дняхъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, по волѣ Божіей, похоронилъ я, на шестнадцатомъ году нашего брака, жену молодую, прекрасную, добрую, какъ, кажется, только возможно человѣку быть добрымъ, единственную любовь моей жизни и величайшее счастіе, какое можетъ дать жизнь земная. Совѣстію свидѣтельствуюсь, что я не осмѣлюсь сравнить своей сердечной болѣзни, своей неисцѣлимой раны съ духовнымъ страданіемъ Пальмера. Но какое утѣшеніе могу я дать ему или какую оказать помощь?

Я узналъ, что ваше высокопреосвященство, какъ членъ Святѣйшаго Синода, находитесь теперь въ Петербургѣ. Архіепископъ Рязанскій и Тверской оставилъ по себѣ такія воспоминанія въ прежнихъ паствахъ, что я обращаюсь къ нему съ полною надеждою, и, какъ христіанинъ, смѣло передаю пастырю паствы Христовой дѣло, котораго самъ исполнить не могу. Вы не откажете страдающей душѣ, просящей вступленія въ церковь Христову, въ словѣ утѣшенія. Вы не откажете ей въ помощи, которую можете оказать, какъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ церкви, не только по своему высокому званію, но и по общему къ вамъ почтенію. Я не прошу у васъ извиненія въ своей смѣлости, ибо исполняю обязанность, которую не исполнить счелъ бы непростительнымъ грѣхомъ. Передавъ вамъ скорбь Пальмера, я уже покоенъ на его счетъ. Простите меня, если я прибавлю, что во мнѣ невольно пробуждается надежда (и Богъ такую надежду благословитъ), что имя Григорія, съ которымъ связана память о первомъ обращеніи Англіи къ Христу, будетъ два раза для нея благодѣтельнымъ.

Февраль 1852 г.

Digitized by Google

Къ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову.

I.

14 Мая 1854 г.

Милостивый государь Абрамъ Сергѣевичъ!

Вашему высокопревосходительству извѣстно, что третьяго года съ нѣсколькихъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника», и въ томъ числѣ съ меня, *взята по высочайшему повелѣнію* подписка въ томъ, что мы не будемъ впредъ представлять свои сочиненія въ мѣстныя цензуры, но будетъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ Санскрито-Славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Константина Сергѣевича Аксакова о Русскихъ глаголахъ прошла черезъ полуторагодовое мытарство; то-есть мы должны себя считать почти удаленными отъ всякой литературной дѣятельности. При этомъ встрѣчается еще другое затрудненіе, которое важнѣе всего: медленность цензурнаго разсмотрѣнія. Вашему высокопревосходительству, немало трудившемуся на поприщѣ словесности, болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что почти никакой серьезный трудъ въ области науки не выходилъ въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера сочинителя: множество перемѣнъ и поправокъ вводятся въ текстъ во время цензурованія и печатанія. Для меня такія поправки невозможны. Я вижу нѣкоторыя ошибки и пропуски свои по корректурному листку, который былъ мнѣ сообщенъ изъ Петербурга, хотѣлъ бы исправить и пополнить и долженъ согласиться на изданіе ошибочное и неполное, которымъ самъ

Digitized by Google

недоволенъ, потому только, что иначе и совсѣмъ не увижу своего труда въ печати; а полагаю, что этотъ трудъ не безполезенъ. Наконецъ, ни возражать, ни отвѣчать критикѣ я не могу. Однимъ словомъ, мы осуждены на полное бездѣйствіе въ мірѣ науки и словесности.

Не могу не надѣяться, что не таково было намѣреніе правительства, когда оно обязало меня подпиской, которая, кажется, была единственно послѣдствіемъ недоразумѣній, и потому беру смѣлость обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой, дабы вы благоволили для меня исходатайствовать право, которымъ пользуются всѣ: обращаться къ мѣстнымъ цензорамъ.

Ваше высокопревосходительство, позвольте мнѣ надѣяться, что высшій комитетъ, покровитель просвѣщенія и сотрудникъ его труженникамъ, не откажется принять благосклонно мою просьбу, такъ какъ и увѣренія въ томъ глубочайшемъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть и пр. А. Хомяковъ *).

II.

6 Марта 1856 года.

Въ бытность мою въ Петербургѣ я имѣлъ честь представить на ваше разсмотрѣніе статью, нѣкогда писанную мною въ отвѣтъ Киреевскому. Вашъ лестный отзывъ былъ, что вы готовы бы были ее подписать не только какъ цензоръ, но и какъ авторъ. На мой вопросъ, можно ли ее передать въ цензуру, вы сказали, чтобы я ее подалъ, а что цензоръ передастъ ее вамъ же и что вы тогда разрѣшите ее напечатать. Ободренный вашимъ высокопревосходительствомъ, я еще разъ прочелъ ее внимательно и всѣ сколько нибудь сомнительныя выраженія замѣнилъ вполнѣ несомнѣнными, и потомъ представилъ ее цензору, который передаетъ ее теперь въ ваше вѣдомство.

Въ полной надеждѣ на ваше одобрительное мнѣніе о моей статьѣ и на вашу благосконность ко мнѣ, беру смѣлость об-

*) На письмѣ написано опредѣленіе Главнаго Управленія Цензуры: „Отказать и не увѣдомлять объ отказѣ. 17 Іюня 1855 г.“. *Изд.*

Digitized by Google

ратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: ускорьте, сколько возможно, разрѣшеніе о напечатаніи моей статьи и благоволите сообщить это позволеніе нашей Московской цензурѣ. Ею долженъ начаться первый нумеръ журнала, къ напечатанію котораго мы уже приступили, и отъ ея пропуска зависитъ самая возможность изданія *).

Вашъ ласковый пріемъ и постоянно дружескій отзывъ даютъ мнѣ увѣренность, что вы не откажете въ моей просьбѣ. Понятно, что не только я, но и никто изъ насъ, участниковъ въ «Русской Бесѣдѣ», не захотѣлъ бы неосторожнымъ или дурно направленнымъ словомъ оказаться недостойнымъ вашего покровительства.

Примите благосклонно увѣреніе въ душевной признательности и глубочайшемъ почтеніи, и пр. А. Хомяковъ.

---

*) Т.-е. первой книги „Русской Бесѣды". *Изд.*

Digitized by Google

Къ барону Модесту Андреевичу Корфу *).

Милостивый государь Модестъ Андреевичъ!

Г-нъ Коссовичъ передалъ мнѣ лестное желаніе вашего высокопревосходительства имѣть въ Императорской Библіотекѣ экземпляръ изданныхъ мною заграницей брошюрокъ о вопросахъ религіозныхъ. Грустно мнѣ, что я не умѣлъ сохранить тайну своего авторства въ дѣлѣ, въ которомъ я хотѣлъ бы быть свободнымъ отъ всякаго личнаго побужденія; но не сумѣлъ. Ужъ этому пособить нельзя, и я поспѣшилъ бы переслать къ вамъ свое скудное приношеніе, если бы не встрѣтилось тутъ затрудненія. Не безъ труда добылъ я два экземпляра, а третій у меня присланный Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ, по порученію Государыни Императрицы. Разумѣется, объ этомъ экземплярѣ не могло быть и рѣчи, а оба остальные были въ чтеніи и чуть-чуть не зачитаны. Я наскоро бросился ихъ отыскивать, а тутъ пришло говѣніе, набѣжали хлопоты съ полиціею, которая меня таскала къ себѣ по случаю бороды и Русскаго платья; все это меня позадержало. Насилу вчера высвободилъ одинъ экземпляръ, который и поспѣшаю препроводить вашему высокопревосходительству. Простите его невзрачность; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Примите благосклонно мое приношеніе, а съ тѣмъ и увѣреніе и пр. А. Хомяковъ.

Апрѣля 12 дня 1856 г.

---

*) Изъ 6-й книжки журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ 1890 г.

Digitized by Google

Къ Леониду Матвѣевичу Муромцову.

Долго не отвѣчалъ я вамъ, любезный и дорогой сосѣдъ; но впрочемъ самая интересная часть моего отвѣта вѣроятно уже дошла къ вамъ давно. Медленность же моя вотъ какъ произошла [1])... Я все боялся, какъ бы не опоздать; я самъ однажды испыталъ непріятность быть безъ денегъ въ просвѣщенной, но увы! корыстолюбивой Европѣ:

Le ciel est sans azur, le jour est sans soleil.

Извините, что не могъ собрать болѣе, а если разсчетъ будетъ прежде вашего возвращенія, то напишите, пожалуста, порядкомъ управляющему, какъ оный разсчетъ учинить такъ, чтобы онъ мнѣ таковое предписаніе показалъ или сообщилъ на случай, если бы меня самаго въ то время въ Ивановскомъ не было.

Вотъ, вы тамъ гуляете себѣ въ Италіи, веселяся и потѣшаяся, радуясь особенно поправленію здоровія Катерины Николаевны [2]), чему я очень и очень сочувствую; а мы брошены единымъ словомъ Царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней, кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. Дадеся ми Царь по сердцу моему [3]), великій ловецъ передъ Господомъ, какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей, какъ Маккавей. Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить. Батюшка вашъ [4]) очень

---

[1]) Далѣе рѣчь идетъ о высылкѣ денегъ, которыя А. С. Хомяковъ былъ долженъ Л. М. Муромцову, своему сосѣду по Данковской деревнѣ (Ивановскому), тогда жившему въ чужихъ краяхъ. *Изд.*

[2]) Супруги Л. М. Муромцова (ур. княжны Голицыной). *Изд.*

[3]) Государь Александръ Николаевичъ былъ, какъ извѣстно, страстный охотникъ; А. С. Хомяковъ будучи самъ таковымъ же, высоко цѣнилъ въ молодомъ еще въ то время Царѣ его охотничьи наклонности. *Изд.*

[4]) Матвѣй Матвѣевичъ. Его Записки см. въ „Русск. Архивѣ“ 1890 г. *Изд.*

Digitized by Google

сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но увы! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ *) нисколько не приходитъ въ восторгъ, и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько, или по крайней мѣрѣ слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ какъ за дѣло взяться. Нужно подумать; а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, и мы вымѣщаемъ свою досаду фрондёрствомъ. Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить, какъ словомъ— историческое чувство. Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ. И, не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся! Кто винтуетъ, кто засѣкаетъ по прежнему: просто гадко! Дворъ старается парализовать добрыя намѣренія Государя, мнимые аристократы хотятъ выбарышничать невозможные барыши, надувая народъ и Царя; а за всѣмъ тѣмъ, я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здоровью.

Говорятъ, Катеринѣ Николаевнѣ стало гораздо лучше и почти безъ леченія; я радъ и нисколько не дивлюсь. Всѣ подозрѣнія на счетъ грудной болѣзни я считалъ вовсе неосновательными, и слѣд. развлеченіе, природа, можетъ быть, освѣжающая волна морская, наконецъ, что-нибудь въ Европѣ должно было подѣйствовать цѣлительно. Про себя вы ничего не говорите; но я увѣренъ, что и вамъ очень нескучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему Славянофильскому званію, но отъ которой и я не прочь.

Прощайте; укрѣпляйтесь здоровіемъ, запасайтесь веселіемъ и не забывайте преданнаго вамъ домосѣда. Вашъ отъ души

А. Хомяковъ.

---

*) Извѣстный сельскій хозяинъ, одинъ изъ основателей сахароваренія въ Россіи, сосѣдъ А. С. Хомякова и Л. М. Муромцова по Данковскому уѣзду. *Изд.*

Digitized by Google

Къ князю Владимиру Александровичу Черкасскому.

Получено на Камен. Островѣ въ Іюнѣ 1860 г.

Любезный князь!

Послѣ многихъ треволненій, кажется, Комиссія не далека отъ пристани, и при входѣ въ нее едва ли можно ожидать слишкомъ опасныхъ подводныхъ камней. Послѣдніе шквалы только доказали, что есть рѣшительное теченіе, пособляющее вашему пути.

Вы знаете, и я ни мало не скрывалъ, какъ во многомъ я несогласенъ съ направленіемъ Комиссіи, какъ досадно мнѣ, что она нигдѣ не утвердила правъ крестьянина на поземельную собственность, не утвердила за нимъ инициативы въ дѣлѣ освобожденія, не утвердила за нимъ значенія *непосредственнаго* гражданина, не утвердила за общиной ея естественной и исторической автономіи и т. д. Все это было возможно только при обязательномъ выкупѣ. Все уже переговорено не безъ большихъ споровъ и маленькихъ раздраженій; но, во-первыхъ, я признаю, что вашъ проектъ помимо выкупа *изъ худыхъ лучшій*, а, во-вторыхъ, желаю успѣха всякому принятому проекту, лишь бы онъ давалъ свободу не безземельную и не разъединенную. Вотъ почему я вамъ теперь посылаю предложеніе о финансовой штучкѣ, которая, по моему, крайне нужна; ибо весь успѣхъ эмансипаціи зависитъ отъ финансовой жизни во всемъ обществѣ. Пожалуста сообщите ее вашимъ финансовымъ сотрудникамъ, и, если вамъ будетъ не скучно, сообщите мнѣ свое и ихъ мнѣніе. Лично я увѣренъ въ ея успѣхѣ и боюсь только, какъ бы она не показалась слишкомъ простою. (Не погнѣвайтесь на сію Московскую иронію). Если же вы будете согласны съ нею, т.-е. не съ штучкою, съ которою не согла-

Digitized by Google

ситесь, а съ предлагаемою операціею, то употребите всѣ силы для ея осуществленія. Повѣрьте, она все или почти все уладитъ. Это доказательство въ родѣ Владимира Ивановича Хитрово[1]): если ничто не береть, такъ онъ прибѣгаетъ къ крайнему средству, къ слову.

Впрочемъ финансовый вопросъ останется въ приложеніяхъ, на другомъ листѣ, съ своими глубокомысленными соображеніями, а здѣсь о житейскомъ. Будете ли вы къ намъ въ Тулу, хоть въ концѣ Іюля?[2]) О княгинѣ говорили, что она выѣзжаетъ въ концѣ Мая въ наши стороны. Правда ли это? Если правда, то не вспомнитъ ли она, что ей можно бы отдохнуть не доѣзжая до Тулы въ домѣ, гдѣ бы ей очень обрадовались? Надѣюсь, что она чужда политическимъ страстямъ и не казнитъ гнѣвомъ своимъ диссидентство по вопросамъ современнымъ.

Если же княгинѣ нельзя будетъ завернуть для отдыха не доѣзжая Тулы, а остановится она сколько-нибудь въ богохранимомъ градѣ, то очень бы доброе дѣло сдѣлала она, увѣдомивъ о томъ жителей новаго Ньюкастля, углеобильнаго Богучарова. Передайте ей пожалуста эту просьбу съ поклономъ отъ меня и дочери.

Я ѣду дня черезъ три въ деревню съ радостью немалою и жалѣю о тѣхъ, которыхъ что-либо задерживаетъ въ городахъ. Весна чудная, хлѣба обѣщаютъ славную жатву. Одно еще желательно, чтобы на гниломъ Западѣ было похуже! Чтобы сколько нибудь извинить такое дикое славянофильство, скажу, что благорастворенiе воздуховъ должно сопровождать освобожденіе столькихъ православныхъ (въ томъ числѣ и раскольниковъ). Кстати, многіе хлопочутъ узнать, отъ чего отъ насъ уходятъ Татары: я открылъ причину, которую подвергаю вашему сужденію. Дикіе сыны Азіи не могутъ вынести страшное развитіе Европейской цивилизаціи въ нашемъ отечествѣ. Злые люди увѣряютъ, что это симптомъ своего рода Татарскаго славянофильства; но шутки въ сторону, не любопытное ли это

---

[1]) Сосѣдъ А. С. Хомякова по Тульской деревнѣ. *Изд.*

[2]) Княгиня Екатерина Алексѣевна, супруга князя В. А. Черкасскаго, урожд. Васильчикова. *Изд.*

Digitized by Google

стремленіе народностей къ сосредоточенію и выдѣленію себя изъ другихъ?

Самаринымъ я остался очень доволенъ: здоровье его поправилось. Словесная борьба и волненіе ему полезнѣе, чѣмъ эта кропотливая и бюрократическая работа, на которую вы были осуждены въ продолженіе цѣлаго года. Вы яснѣе его понимали вредъ ея, но опытъ доказываетъ, что перемѣна въ ходѣ занятій немедленно перемѣнила все его настроеніе и даже физическое здоровье. Я бы радовался; но меня беретъ однакоже страхъ, за который вы сердиться не можете. Мнѣ кажется, что мы васъ обоихъ потеряли. Возьметъ васъ Питеръ къ себѣ. Хотите ли, не хотите ли, а онъ овладѣетъ вами, и поминай какъ звали! И винить-то нельзя, а не досадовать съ горемъ тоже нельзя; да и не знаешь даже, чего желать, помимо своего личнаго эгоизма.

Прощайте, любезный князь; будьте здоровы и не забывайте вамъ преданнаго А. Хомякова.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Письмо къ А. С. Хомякову отца его *).

3 (15) Mai 1826. Lipitzi.

Cher et bien aimé Alexis.

J'ai reçu ta dernière lettre, avec les fragments de ta tragédie. Ils m'ont paru très énergiques et très naturels, quoique le manque de rimes et le mélange de mètre me paraissent une pierre d'achoppement pour les acteurs et les oreilles des spectateurs, accoutumées à attendre la cadence des rimes. Je suis très impatient de lire le tout. Le dernier monologue de Ermak mourant est très naturel; c'est justement le langage qu'il devait tenir, et son exaltation en parlant de la gloire est d'un sentiment sublime. Le premier fragment, qui est une allusion à la vocation d'un poëte, n'est pas si éminent. Ne te rebutes

*) Это письмо Степана Александровича Хомякова къ его сыну, любопытное само по себѣ, какъ изложеніе подробностей воцаренія императора Николая Павловича, написано для распространенія въ Парижѣ и имѣло цѣлью опроверженіе ложныхъ слуховъ, распускавшихся Французской печатью. Нѣкоторыя замѣчанія по адресу самаго Алексѣя Степановича интересны для уясненія тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ началѣ своего поприща. Въ политикѣ, какъ и во всемъ остальномъ, убѣжденія А. С. Хомякова не измѣнялись во всю его жизнь. Изъ этаго позволительно заключать, что они въ немъ самомъ были чѣмъ-то не надуманнымъ, а живымъ плодомъ непосредственнаго общенія вѣры и мысли со средою и народомъ, изъ которыхъ онъ вышелъ. Его умъ и обширная образованность придали его ученію строго-логическую форму и научное обоснованіе; но настоящая сила его направленія заключается именно въ томъ, что оно болѣе всѣхъ другихъ можетъ почитаться выраженіемъ міровоззрѣнія по преимуществу Русскаго, т. е. того, которое сложилось и живетъ вѣками въ душѣ Русскаго человѣка. *Изд.*

Digitized by Google

pas par l'ennui et tâche de copier le tout et de me le faire parvenir.

Tes descriptions de Paris, ton jugement sur Talma et les autres acteurs, comme aussi sur les tableaux, m'ont été très agréables. Tes leçons de peinture vont très bien, je t'en félicite; mais ne t'y adonnes pas trop. Tu sais que ta vocation n'est pas celle d'un artiste, mais que tu es appellé à jouer dans la patrie le rôle d'un membre utile à la société; tes principes sûrs et raisonnables, ton jugement sain et juste sur l'infâme complot peuvent te présager une possibilité de carrière plus honorable, surtout sous un Souverain, qui, à son début, nous donne les espérances les plus brillantes.

Il y a une foule d'anecdotes très intéressantes sur son compte, que les journaux, je ne sais par quelle négligence ou réticence impardonnable, ne communiquent pas au public, qui n'en est informé que par des récits de personnes authentiques. Comme tu me dis que les papiers publics à Paris font circuler les bruits les plus ignorants et les plus ridicules, je prends sur moi la tâche de te communiquer quelques détails circonstanciés sur toute la suite des événements qui ont eu lieu, d'après le dire des personnes bien instruites et des témoins irrécusables.

Tu sais déjà, que feu l'Empereur gagna sa maladie par un refroidissement de la tête, pendant une excursion dans les montagnes de la Crimée. Sa maladie au commencement fut peu grave, mais prit un caractère dangereux, quand il reçut un avis très circonstancié de la trâme infernale qui s'ourdissait et de l'attentat projeté contre sa personne. L'avis vint, dit-on, de Wittgenstein et confirmé par des nouvelles de France, qu'on y faisait imprimer un projet de constitution. Son médecin Willié lui proposa des remèdes, qu'il refusa, disant que ce n'était pas le physique, mais le moral, qui le tuait*), et qu'il ne désirait pas survivre à la dégradation de la nation: preuve qu'il crut la ramification du complot plus sérieuse et ne se doutait nullement que le tout n'était qu'un complot d'imberbes. Ce ne

*) Сбоку приписано А. С. Хомяковымъ: „Въ первый разъ слышу и не вѣрю".

Digitized by Google

fut qu'aux supplications de son confesseur qu'il consentit à des sangsues et des vésicatoires; mais il était déjà trop tard.

Après son décès, le général Dibitsch envoya la dénonciation à Varsovie; mais comme l'adresse portait à l'empereur Constantin, lui, fidèle et persistant strictement dans sa renonciation au trône, n'ouvrit pas le rapport et l'envoya à Pétersbourg. Sur ces entrefaites le général Dibitsch fit l'acte méritoire de rassembler un conseil des généraux les plus marquans à Taganrog, qui conclut à l'unanimité de sévir en qualité de l'état-major-général contre les conspirateurs, et envoya ordre d'arrêter quelques colonels, entre autre le plus taré, Pestel 2. Cela fit éclater l'insurrection de Mouraview-Apostoll, avec une partie du régiment de Tchernigoff; mais sans cette mesure il y aurait eu peut-être cinq à six régiments à soumettre, au lieu de quelques compagnies. Gloire en soit à Dibitsch d'avoir prévenu une plus forte commotion.

A Pétersbourg le nouvel Empereur, par une magnanimité sans exemple, ne voulait pas profiter du manifeste posthume d'Alexandre et de la renonciation du Grand-Duc, et fut le premier à prêter serment à l'empereur Constantin, pendant que celui-ci en prêtait un à Varsovie à l'empereur Nicolas; et, persistant dans sa déférence aux arrangemens pris avec son défunt frère, il réitéra avec instance sa renonciation formelle au trône. D'après cela le nouveau Monarque songeait à concilier son manifeste avec des mesures qui ne pussent pas choquer le serment prêté tout récemment par tout l'Empire; mais le gouverneur-général Miloradowitsch vint lui annoncer qu'on remarquait des menées sourdes, indiquant quelque projet sinistre, et qu'il fallait se prononcer plus promptement. Là-dessus parut le nouveau manifeste de Nicolas I-er et toutes les pièces y attenantes, et le 14 (26) décembre fut désigné pour la prestation de serment et d'hommage à la cour. Toute la cour était en grand galà, l'Empereur et tous les généraux en grande tenue, avec toutes leurs décorations, quand tout à coup on vint annoncer au Monarque que le régiment de Moscou s'était refusé au serment, avait maltraité le général Frédérichs et se dirigeait sur la place du Sénat avec des mouvemens séditieux. L'Empereur descend au corps de garde, fait charger

Digitized by Google

les fusils des fonctionnaires et donne des ordres pour faire arriver plusieurs régimens de la garde et le bataillon des sapeurs, auquel il confie les avenues du palais. Il envoie le comte Miloradowitsch apaiser les insurgés, auxquels s'étaient jointes plusieurs personnes de différens services et en fracs, quelque peu de soldats de l'équipage marin et des leibgrenadiers.

Le comte s'approcha des insurgés, dont les soldats avaient été séditionnés par une soi-disant fidélité au serment prêté à Constantin et criaient: hourra Constantin! Le comte commença à les sommer de se rendre à la raison, en leur disant, que s'il était question de dévouement à Constantin, il aurait été le premier à le témoigner, puisqu'il a été toujours comblé des bienfaits de ce prince; que toutes les distinctions, dont lui, comte, était honoré, ont été accordées à la recommandation du Grand-Duc, et même cette épée pour la valeur. En même tems il y porta la main pour la faire voir. Le prince Obolensky, qui se trouvait auprès de lui, craignant sans doute que cela n'eût d'influence sur l'hésitation des soldats, lui tira dans ce moment un pistolet à bout portant, qui, perçant le cordon de S-t André, lui fit une blessure mortelle, et arrachant le fusil d'un des soldats, lui porta un coup de bayonnette. Telle fut la fin de ce brave militaire, sans peur et sans reproche. La nouvelle en parvint à l'Empereur, quand il était déjà sorti du palais et se dirigeait sur la place avec tout son cortège.

Le premier régiment qu'il rencontre est celui d'Izmaïlowsky; il s'en approche et lui demande, s'il est pour lui ou contre lui Quelques hourras lui apprirent, qu'il y régnait de l'incertitude. Alors il lui ordonne de charger les fusils à balles, et quand les armes furent chargées, il s'adressa de nouveau au régiment, lui disant: Je suis devant vous, vos fusils sont chargés; eh bien, répondez: êtes vous pour, êtes-vous contre moi? Un hourra unanime répondit à cette interpellation et le paya de son énergie et de son courage. Alors il se rendit sur la place où étaient les insurgés, les fait sommer, et en même tems il apperçoit un individu, portant le chapeau militaire de travers; il l'appelle et lui en demande la raison; l'autre lui fait voir

Digitized by Google

une blessure au front. C'était le scélérat Yacoubowitch; il faisait alors des signes au colonel Boulatoff, apposté derrière l'Empereur, pour décharger contre lui des pistolets, qu'on lui avait donnés à cet effet. Mais Boulatoff (d'après son propre aveu, quand il se remit lui-même le lendemain à la Commission d'Enquête) dit, que la contenance ferme et courageuse de l'Empereur lui avait paralysé les bras. Yacoubowitsch, persévérant à lui donner des signes d'intelligence, s'approcha de l'Empereur, simula un repentir, disant qu'il était aussi des insurgés. Le Monarque lui dit: Pour preuve de ton repentir, va mettre à la raison ces insensés. Mais l'émissaire, s'approchant d'eux, leur dit: ne craignez rien, on a peur de vous; et retournant vèrs le Souverain rapporta, qu'on ne l'écoutait pas. L'Empereur lui ordonna de nouveau d'aller leur annoncer qu'on allait procéder à les soumettre par la force armée e qu'il les sommait de nouveau. Yacoubowitsch partit, mais ne revint plus, parce qu'il vit que Boulatoff ne faisait plus attention à ses signes.

Dès lors les insurgés commencèrent à tirer, mais non avec ordre, mais à la billebaude; les balles sifflaient autour de l'Empereur. Kükhelbéker avait ajusté son pistolet contre le grand-duc Michel, mais un soldat lui fit sauter le pistolet des mains, et la balle ne fit que raser la terre. Le Monarque ne s'en tint pas là dans ses intentions de prévenir l'effusion du sang: il prit la résolution téméraire d'aller lui-même les haranguer; mais le général Wassiltschikoff retint son cheval par la bride et lui annonça avec fermété qu'il ne le laisserait pas aller exposer sa personne. Les pourparlers avaient duré plus de quatre heures. Une charge de cavalerie par votre ci-devant régiment fut ordonnée; par le manque d'espace, elle ne fut qu'au trot et fut repoussée. Alors l'Empereur, se retirant un peu, ordonna à l'artillerie d'agir. Huit coups à mitrailles furent tirés; le premier dirigé par-dessus les têtes fut répondu par les insurgés par une acclamation de; vive la liberté! Le second mieux dirigé modifia un peu les hourras; mais le troisième les culbuta et mit en fuite, qu'ils dirigèrent par la Galernaya; le 4-e, 5-e et 6-e en firent un affreux carnage, en plongeant dans leur masse encombrée dans cette rue étroite;

Digitized by Google

le 7-e et le 8-e dirigés contre quelquels pelotons, qui se réformaient sur la glace de la Néva, ne les atteignirent pas, parce que ce n'était pas à boulets.

Alors on procéda à les capturer. On fit des recherches dans le domicile des plus tarés et des plus notoires; on saisit leurs papiers, on y trouva leurs plans, projets de constitution, partage en douze républiques, nomination des consuls et dictateurs, la liste des conjurés; enfin, toutes leurs sottes et infâmes machinations furent découvertes. Après cela les arrestations furent très nombreuses. Les deux jeunes Konownitzine, le prince Wolkonsky, frère cadet de Repnine, en sont aussi, et beaucoup de personnes à Moscou ont été saisies; mais pas une seule d'un âge et d'un caractère solide, si ce n'est Michel Orloff. En Russie, les arrestations semblent avoir cessé; à présent c'est dans la Pologne, et même à Dresde, qu'on s'empare de quelques complices.

Vous aurez peut-être lu dans le Journal de S-t Pétersbourg un détail plus ample des aveux de ces infâmes conspirateurs et de leurs plans absurdes et homicides. Leur crime est un crime de lèze-nation; mais ce qu'on ne publie pas, au grand étonnement de tout le monde, ce sont les beaux traits de l'Empereur, qui vraiment montre un caractère des plus grands et des plus généreux.

Boulatoff, qui avoue lui-même son attentat, demande à voir ses enfans; les plus jeunes ne le reconnaissent pas: tant il est défiguré par son crime avorté. Cela produit sur lui une si forte impression, que spontanément il devint fou et meurt le quatrième jour à l'hôpital. L'Empereur dit alors: il a sévi contre ma personne, je lui pardonne. Il lui fait rendre par son convoi les honneurs militaires et prend sa famille sous sa protection.

La femme de Rylèeff et la mère des Bestougeff implorent sa miséricorde pour elles et leur pauvre existence. On leur accorde des pensions. L'un des cinq frères Bestougeff, pris à Cronstadt, où il s'était réfugié, amené devant l'Empereur pour l'interrogatoire, commence par demander à manger; on le lui accorde; après il a eu l'effronterie de débiter plusieurs réponses

Digitized by Google

très impertinentes, frondant le gouvernement de feu l'empereur et son choix des ministres, alléguant pour exemple Moller, qui a entre ses mains la marine, tandis que Séniavine, qui s'est aquis une réputation europeénne, par une prévention personnelle est délaissé. L'Empereur l'écoute patiemment. Le lendemain Séniavine est rappellé et fait aide-de-camp-général, et on dit que le Souverain proféra ces paroles mémorables, qu'il n'espérait pas dans tout le cours de son régne entendre autant de vérités, que Bestougeff lui en a dit. Mais ceci n'est pas authentique, comme les autres nouvelles; ce ne sont que des bruits.

Quelques jeunes cadets impliqués ont été relâchés dans l'instant. L'Empereur lui-même les a vu, gourmandé, consolé et pardonné.

Un des dignitaires de Moscou, questionné par le Monarque, si on ne craignait pas qu'il fût trop sévère, répondit: «au contraire, Sire, on craint que vous ne soyez trop clément». «Ni l'un, ni l'autre, répliqua l'Empereur; je suis dans la rigoureuse nécessité de faire des exemples; mais on ne me contestera pas, je crois, le plus beau droit des souverains, celui de faire grâce». Il dit à un autre: «Je ne régne pas encore, mais je me mets au courant, en débrouillant les papiers de feu l'Empereur». Il accorde un douaire d'un million à l'impératrice Élizabeth, l'ordonne au ministre des finances, qui demande, si on ne leverait par des nouveaux impôts. «Comment des impôts! s'écrie le Souverain; il n'y en a déjà que trop. Je vais vous assigner les sources d'où vous pouvez puiser. Mille roubles sont assignés journellement pour ma table; 500 suffiront et même feront vivre les fournisseurs». L'Impératrice n'accepta que 600 m., douaire fixé par la loi, et Kamennoy Ostrof, dont l'Empereur lui fit présent; elle le céda au grand-duc Michel, et d'autres disent,—à l'Héritier. On dit qu'elle demande à passer le reste de sa vie à Moscou ou aux alentours et qu'elle ne veut plus retourner à Pétersbourg. Elle a montré un caractère plus qu'humain; sa fermeté, sa résignation sont héroïques, et sa douleur concentrée est des plus fortes. Je joins ici une copie de sa lettre à l'Impératrice-Mère.

Digitized by Google

L'Empereur s'occupe des affaires avec une assiduité persévérante, bien avant dans la nuit; aucune affaire ne reste sans décision. Le gouverneur civil de Twer demanda la démission d'un conseiller de la régence, celui-ci se disculpe; le Conseil et le Sénat n'infligent qu'une reprimande. L'Empereur décide, que d'après les loix, la peine, que l'on veut attirer sur quelqu'un, doit retomber sur le solliciteur injuste, donne la démission au gouverneur lui-même, avec une remarque très rigoureuse au Conseil et au Sénat.

On ne sait pas au juste quand sera le couronnement: les uns disent, le 29 mai; d'autres, au mois de Septembre, après avoir fini le procès des conspirateurs. Pour procéder à leur jugement, on a exhibé des archives la procédure de Mirowitsch, l'affaire du czarévitsch Iwan et celle de Pougatscheff.

Je vous écris tout ceci en français, contre mon ordinaire, pour que, dans l'occasion, vous puissiez démentir les faux bruits des gazettiers parisiens et faire briller dans un jour véritable les espérances que la Russie fonde avec raison sur son nouveau Souverain. Je n'ai pu que rassembler à la hâte les traits de courage, de magnanimité et de générosité que je vous ai rapportés; mais combien d'autres qui ne me sont pas encore parvenus à la campagne! On s'accorde unanimement à dire qu'il surpasse l'attente de tout le monde, et que son énergie n'est surpassée que par sa bonté, sa douceur et son affabilité. Justesse de jugement, équité, appréciation des personnes de mérite, tout se réunit dans sa noble conduite. Il consolidera la gloire et le bonheur de la Russie.

Vous avez parfaitement raison en disant que pour faire la critique de cette infâme et absurde conspiration, il ne faudrait que faire l'énumération de l'âge de tous les conspirateurs; mais leur plan d'organisation pour la Russie n'est-il pas aussi d'une ignorance crasse de l'esprit du peuple? Partage en douze républiques fédérées; des provinces cédées (à la Pologne sans doute, car quelle autre puissance voisine aurait voulu profiter d'une pareille infamie?), des consuls, un dictateur: comme cela s'assortirait bien dans l'étendue de notre patrie! N'ont-ils pas lu dans Karamzine les suites funestes qui ont eu lieu du par-

Digitized by Google

tage de la Russie entre les ci-devant grands-ducs? (Il sont) plus coupables que les Jacobins français, qui n'ont jamais pensé au démembrement de l'état. La liberté pour les paysans russes consisterait dans la liberté de s'énivrer. Il faut entendre leurs idées sur la liberté! Ils disent: nous ne payerons rien, nous ne dépenderons plus de personne, nous aurons l'eau-de-vie à meilleur marché, et quand ils auraient vu qu'il faut pourtant payer, et peut-être plus qu'à présent (comme vous le remarquez bien à l'égard des impôts constitutionnellement imposés), quand pourtant ils se veraient astreints à l'obéissance aux loix d'administration et de morale: ils se seraient bientôt révoltés et auraient massacré consuls et dictateurs. Pour les réprimer ou les prévenir, la police surveillante des nobles n'existerait plus; la force militaire ne serait pas suffisante et peut-être ne voudrait pas agir contre la classe dont elle est prise et qui lui tient de si près; et alors tout tomberait dans l'anarchie et la barbarie; le massacre des autorités, des gens de lettres serait leur premier exploit. Car voyez dans toute la Russie, quelle est la civilisation du peuple. Elle est nulle, et ceux qui ont quelques petites notions, c'est à dire, savent lire, sont les plus dépravés, ou tombent dans une irréligion parfaite, ou dans les sectes schismatiques des rascolniks, et leur lecture se confine dans les bouquins schismothéologiques. Vous connaissez la plupart de leurs monstrueuses erreurs; leurs dogmes autorisent l'inceste, toutes les prostitutions possibles, absence de tout culte et toutes sortes d'infamies. Pour ce qui s'agit des connaissances dans les arts, le peu d'artisans qu'il y a, ont été formés par les seigneurs gentils-hommes. Écoles, hospices, hôpitaux, tout cela ne se trouve institué que par des nobles et le gouvernement, et jamais dans aucune propriété de la couronne, où le paysan est presque constitutionnel.

A propos de constitution, je vous dirai une anecdote plaisante, sans en garantir la véracité. Au 14 Décembre, quelques chefs des insurgés parlaient de constitution; un des soldats qui les écoutait, demande à un bas-officier ce que c'est que la constitution, et l'autre lui répond: «Sôt que tu es, c'est la femme de Constantin». La constitution! Et pourquoi? Pour mettre des limites à la volonté du Souverain, à celle de faire les

Digitized by Google

bienfaits. Le convoi depuis Taganrog a été le plus bel éloge funebre d'Alexandre; le dévouement le plus parfait, la vénération la plus profonde, la tranquillité, et même un silence morne, des regrets les plus sincères, des sanglots, des pleurs de détresse pour avoir perdu un père et un Monarque bien aimé, ont accompagné la marche funèbre dans tous les lieux; et après cela, qu'on dise que le peuple souffre du pouvoir absolu du Souverain! A présent une opinion unanime se répand parmi le peuple, les marchands et les bourgeois: on dit, qu'on connaît à présent la cause des impôts: ils ont été conseillés par des gens, qui voulaient pousser à la révolte, mais que l'Empereur n'y a jamais consenti de bonne grâce. Assurément qu'il serait à désirer, qu'il y eût quelque institution ou quelque chambre de comptabilité pour les opérations des ministres, dont quelques abus, non aperçus du Souverain, pourraient y être discutés et mis en évidence.

Ce qu'il y a de fâcheux et de plus mortifiant dans la dernière insurrection, c'est qu'elle a été projetée par des gentilshommes qui devaient y perdre le plus. Mais au reste la chose est très naturelle: les gens d'esprit qui y ont participés n'avaient puisé leur connaissance que dans des écoles et dans des livres, n'avaient jamais étudié l'esprit de la nation, qui ne se trouve bien décrit dans aucun ouvrage. L'exemple de la France, où quelques personnes d'esprit et de talens ont surnagé sur les flots de sang de la révolution (événement totalement impossible en Russie), les a séduit; et puis le carbonarisme et l'illuminatisme des sectes, dont les ramifications s'étendent dans toute l'Europe; et puis le luxe et l'état délabré de finances des Hidalgos russes, qui depuis longtems exigeraient des loix somptuaires,—toutes ces circonstances leur faisaient désirer une possibilité d'amélioration de leur existence. Ah qu'ils se seraient cruellement trompés, les malheureux! Ils auraient été tous égorgés. Nous en avons vu des echantillons dans la révolte de Pougatscheff. C'est vraiment une protection évidente de la Providence Divine, qui a découvert et anéanti cet infâme complot et qui a placé sur le trône un Monarque, doué de toutes les qualités énergiques qui sont nécessaires pour couper le mal jusque dans les racines. L'Empereur défunt, qui a su

Digitized by Google

employer pour la réussite de ses plans en 1813 l'effervescence des sectes de l'Allemagne, était en quelque sorte entravé par une espèce de reconnaissance, qu'il leur devait; son successeur actuel n'est plus astreint aux mêmes ménagemens, et une surveillance stricte et sévère sur les sociétés secrètes préviendra toutes les machinations, qu'elles pourraient produire. J'en reviens pourtant toujours à l'opinion du feu comte Rastoptschine, qu'il faudrait une réorganisation totale pour les postes aux lettres, avec une espèce de purification espagnole pour les préposés à cette partie. La seule perlustration ne suffit pas; il faudrait une assurance complète du non-carbonarisme de ceux qui s'en occupent. Vous vous étonnerez peut-être, qu'en parlant de perlustration, j'ai osé vous donner des détails aussi exacts sur toutes les affaires; mais je crois n'avoir rien dit au détriment du gouvernement; d'autant moins le pouvais-je, qu'il n'y a qu'une voix pour faire l'éloge du nouveau Monarque, dont le début lui pronostique le surnom de sage. Son courage, sa fermeté, sa perspicacité et sa modération sont d'autant plus méritoires, qu'on n'a jamais remarqué qu'il se soit préparé au rôle brillant qu'il joue. Son éducation n'a été que militaire, et point administrative; il n'a jamais eu part aux affaires civiles, et ses talens sont pour ainsi dire spontanés. Personne ne s'y est attendu, et d'autant plus grande est l'admiration, qu'on a pour lui. Mais le plus beau de ses attributs c'est qu'il entend la vérité: elle ne se cachera plus dans un puits; pour l'éviter, il la reçoit de partout, d'où elle se fait jour jusqu'à lui. Si ceux qui l'entourent et dont personne encore ne peut se vanter d'avoir captivé sa confiance entière, si ces gens pouvaient devenir des Sullys, Henri IV est là pour les entendre. Un *mais* se présente à mon esprit, en pensant aux ministres et grands dignitaires; pourtant un autre *mais* peut redonner des espérances. Les qualités du Monarque influent sur son entourage, et des qualités qui peut-être se trouvaient comprimées par les circonstances dans le fond des esprits de ces gens-là, peuvent en ressortir, en voyant qu'elles sont accueillies et prisées à leur juste valeur par le Souverain. La Russie est grande; et il y a beaucoup d'individus, dont le coeur et l'esprit sont en diapason; peut-être leur rang, leur état de retraite ne correspond pas au poste qu'ils pourraient

Digitized by Google

occuper; mais c'est au Souverain à savoir leur procurer la possibilité d'être utiles à la patrie, dont il est le véritable père.

Mais trève à ces raisonnemens, qui sont peut-être hors de propos dans ma bouche. Revenons à quelques sujets plus à notre portée. Le titre de la comédie *Горе отъ ума* s'est vérifié. Son auteur Griboédoff *) est coffré aussi. Le nombre de ces misérables révolutionnaires qu'on a happés est assez considérable et monte selon les bruits circulants à plus de 9000; mais je me plais à croire qu'il y a plus de séduits que de séducteurs. Tous ces jeunes gens imberbes, que les infâmes ont subornés, verront avec horreur l'abyme, où on les avait entraînés et deviendront peut-être de grands Condés pour la patrie, et non contre elle. Ces Catilinas manqués auront reçu une leçon dont ils pourront profiter pour redresser leurs opinions absurdes et criminelles. Ce sera pour eux une seconde éducation pratique. Mais ce pauvre Odoewsky dont le domestique s'était jété à ses genoux pour le retenir et qu'il a menacé de lui brûler la cervelle, est, à ce qu'il paraît, fortement impliqué. Son civisme mal entendu l'a perdu. Sans atténuer l'horreur que j'ai pour les forfaits projetés par Bestoujeff, je n'en regrette pas moins ses talens littéraires et son Étoile Polaire. Ce qui a paru cette année dans ce genre fait sentir plus vivement la perte que la littérature a faite dans un homme, qui, au lieu de s'en tenir au culte des Muses, s'est lancé dans la guerre des Titans et a attiré la foudre sur lui et ses adhérens.

La citadelle a été sauvée par une paire de pantalons, qui ont manqué à un des complices, qui devait y monter la garde, et par la présence d'esprit d'un fonctionnaire, qui a hissé le pont-levis en voyant une troupe en désordre en approcher. Avez-vous connu le jeune Panoff? C'est lui qui avec un détachement de leibgrenadiers, après avoir tué Sturler, devait effectuer le massacre de la famille impériale. L'infâme, il allait se marier, et il quitte sa promise pour aller à un crime abominable. Les sapeurs n'ont prévenu l'attentat que de cinq minutes, dit-on.

*) Недавно выпущенъ.

Digitized by Google

Après des affaires publiques, je ne conçois pas, comment vous ne recevez pas mes lettres. C'est la quatrième que je vous écris de retour dans mes foyers; j'en soupçonne la cause dans votre genre de vie retirée; on n'a pas de notions sur vous à la chancelerie de l'ambassade, et peut-être votre frère les aurait-il adressé à ses soins obligeants.

Maman désirerait votre retour pour que vous puissiez, en revenant par Würzbourg, y engager le manipulateur Kimetti, de l'institut de Heyne, à venir avec vous: il est très nécessaire à Annette. Je ne suis pourtant pas de son avis: je ne voudrais pas déranger le plan de vos voyages que je ne connais pourtant plus. Kimetti pourrait arriver tout seul. Mais la seule remarque que je vous ferai c'est de bien compter vos fonds et leur suffisance; n'étant pas dans la possibilité de vous en fournir encore, je voudrais qu'en les voyant décroître, vous vous arrangiez tellement que le restant pût vous suffire pour le retour en Russie.

Adieu, mon bon ami; je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime. Mes complimens au cousin Chatiloff et à son compagnon. A propos, on parle que le ministère de la guerre passera à Zakrewsky. Ceci dénote la non-existance de la faveur gigantesque du comte Arakchéeff. C'était pourtant un homme intègre et laborieux. Cher ami, porte-toi bien et continues par ta conduite à être la consolation de ton vieux père Chomiakoff.

Перевод.

8 (15) Мая 1826 года, Липицы *).

Дорогой и любезный Алексѣй.

Съ послѣднимъ письмомъ твоимъ я получилъ отрывки твоей трагедіи, и они показались мнѣ очень выразительными и есте-

*) Липицы, старинное помѣстье Хомяковыхъ, нынѣ принадлежащее внуку Степана Александровича (писавшаго это письмо), Николаю Алексѣевичу Хомякову, находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Панинскимъ Дугинымъ, гдѣ тогда проживалъ политическій изгнанникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, по связямъ своимъ съ Петербургомъ имѣвшій возможность получать достовѣрныя извѣстія о событіи 14 Декабря. Графъ Панинъ и С. А. Хомяковъ жили добрыми сосѣдами и видались другъ съ другомъ. Зимніе мѣсяцы С. А. Хомяковъ обыкновенно проводилъ въ Москвѣ, гдѣ, по общественному положенію своему, могъ знать о ходѣ современныхъ дѣлъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей Англійскаго клуба).

Digitized by Google

ственными; однако я думаю, что отсутствіе риѳмъ и разнообразіе размѣра будутъ служить камнемъ преткновенія для актеровъ и зрителей, привыкшихъ ждать отъ стиховъ размѣренной риѳмы. Мнѣ очень хочется поскорѣе прочесть все. Послѣдній монологъ умирающаго Ермака очень естественъ: именно такъ онъ долженъ былъ выражаться, и его пылкость, когда онъ говоритъ о славѣ,—чувство необыкновенно возвышенное. Первый отрывокъ, намекающій на призваніе поэта, не представляетъ такихъ достоинствъ. Не побойся скуки и постарайся списать и прислать мнѣ все.

Твои описанія Парижа, твои сужденія какъ о Тальмѣ и другихъ актерахъ, такъ и о картинахъ, были мнѣ очень пріятны. Поздравляю тебя съ успѣхами въ живописи, но не предавайся ей слишкомъ. Ты знаешь, что не твое призваніе быть художникомъ, и что ты предназначенъ занимать мѣсто полезнаго члена общества въ твоемъ отечествѣ; твои вѣрныя и разумныя убѣжденія, твои здравыя и правильныя сужденія о недостойномъ заговорѣ *) предвозвѣщаютъ тебѣ возможность болѣе почетнаго поприща, особенно при Государѣ, который съ самаго начала подаетъ уже блестящія надежды. О немъ ходитъ множество интересныхъ разсказовъ, которыхъ журналы, по небрежности или по непростительному замалчиванью, не предаютъ гласности и которые извѣстны только изъ показаній свидѣтелей. Въ виду того, что, по твоимъ словамъ, Парижскія газеты разносятъ самые невѣжественные и смѣшные слухи, я постараюсь сообщить тебѣ, со словъ хорошо

*) Молодой Хомяковъ, отправлявшійся осенью 1825 года въ чужіе края, проѣздомъ черезъ Петербургъ, бывалъ у Рылѣева, у котораго обыкновенно собирались тогдашніе словесники, принимавшіе участіе въ прекрасномъ сборникѣ „Полярная Звѣзда“, выходившемъ съ 1823 года. Ея издателями были, какъ извѣстно, Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ (позднѣе писавшій подъ именемъ Марлинскаго). Первыя стихотворенія Хомякова появились въ печати именно въ „Полярной Звѣздѣ“. Еще Пушкинъ смѣялся надъ Рылѣевымъ, говоря, что онъ ходитъ въ книжную лавку Оленина изучать политику по Русскимъ газетамъ; но образъ мыслей Рылѣева и Бестужева былъ нѣкоторое время сочувственъ Пушкину; Хомяковъ же рѣшительно съ ними не сходился въ понятіяхъ политическихъ и однажды на вечерѣ у Рылѣева до того раздражилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру. (Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ Сѣверо-американской Компаніи, и въ домѣ ея у Синяго моста имѣлъ помѣщеніе). Хомяковъ говорилъ будущимъ Декабристамъ, что дѣло ихъ вовсе не есть дѣло свободы, а напротивъ дѣло насилія, такъ какъ они не имѣютъ права располагать судьбами отечества, замѣняя единоличную власть деспотизмомъ немногихъ.

Digitized by Google

знающихъ людей и достовѣрныхъ свидѣтелей, нѣсколько обстоятельныхъ подробностей обо всемъ ходѣ только что происшедшихъ событій.

Ты знаешь уже, что покойный Государь заболѣлъ, простудивъ себѣ голову во время поѣздки по горамъ Крыма. Въ началѣ болѣзнь его не была тяжела, но потомъ приняла опасный оборотъ, когда онъ получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о возникавшемъ адскомъ заговорѣ и о покушеніи, замышлявшемся противъ его особы. Свѣдѣнія эти, говорятъ, шли отъ Витгенштейна и подтверждались вѣстями изъ Франціи, что тамъ печатается проектъ конституціи. Врачъ Государя, Вилье, прописалъ ему лѣкарства; но онъ отказался, говоря, что не тѣлесная болѣзнь, а нравственная убиваетъ его *) и что онъ не хочетъ пережить народнаго уничиженія: доказательство, что онъ считалъ заговоръ обширнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и не подозрѣвалъ, что все это было не болѣе, какъ заговоръ молокососовъ. Лишь склонясь на убѣжденія духовника, онъ согласился поставить піявки и нарывной пластырь; но было уже поздно.

По кончинѣ его, генералъ Дибичъ послалъ донесеніе въ Варшаву, но такъ какъ на адресѣ значилось: „Императору Константину“, то Константинъ, вѣрный и настойчивый въ своемъ отреченіи отъ престола, не распечаталъ донесенія и отослалъ его въ Петербургъ. Въ этихъ обстоятельствахъ генералъ Дибичъ поступилъ достохвально: онъ собралъ въ Таганрогѣ совѣтъ изъ наиболѣе значительныхъ генераловъ, который постановилъ, по единогласному рѣшенію, въ качествѣ главнаго штаба, строго наказать заговорщиковъ и послалъ приказъ арестовать нѣкоторыхъ полковниковъ, между прочими самаго вреднаго, Пестеля 2-го. Это вызвало бунтъ Муравьева-Апостола, съ частью Черниговскаго полка; но безъ такой мѣры вмѣсто нѣсколькихъ ротъ пришлось бы усмирять пять или шесть полковъ. И такъ, слава Дибичу, умѣвшему предупредить болѣе сильное возмущеніе.

Въ Петербургѣ новый Государь, по безпримѣрному великодушію, не хотѣлъ воспользоваться посмертнымъ манифестомъ Александра и отреченіемъ Великаго Князя, и первый присягнулъ императору Константину, тогда какъ этотъ присягнулъ въ Варшавѣ императору Николаю и, оставаясь настойчиво вѣренъ своему соглашенію съ покойнымъ братомъ, снова формально отрекся отъ

*) Съ боку приписка А. С. Хомякова: Въ первый разъ слышу и не вѣрю.

Digitized by Google

престола [1]). Послѣ этого новый Государь началъ обдумывать мѣры, которыя объяснили бы его манифестъ и не были бы въ противорѣчіи съ присягою, только что принесенной всей страною. Но генералъ-губернаторъ Милорадовичъ заявилъ ему, что примѣтно глухое броженіе, указывающее на какое-то зловѣщее намѣреніе и что надо скорѣе объявить себя Государемъ. Тогда появился новый манифестъ Николая I-го, со всѣми къ нему приложеніями, и 14 (26) Декабря было назначено для принесенія присяги и представленія двора. Весь дворъ былъ въ мундирахъ, Государь и генералы въ парадной формѣ со всѣми орденами. Вдругъ приходятъ сказать Государю, что Московскій полкъ отказался присягать, взбунтовался противъ генерала Фридрихса и идетъ на Сенатскую площадь, мятежно волнуясь. Императоръ входитъ въ караульную комнату, велитъ караулу зарядить ружья и отдаетъ приказъ прибыть нѣсколькимъ гвардейскимъ полкамъ и батальону сапёровъ, которому поручаетъ охранить выходы дворца. Онъ посылаетъ графа Милорадовича умиротворить бунтовщиковъ, къ которымъ присоединилось много военныхъ разнаго рода оружія и штатскихъ, нѣсколько матросовъ морского экипажа и лейбгренадеры. Графъ подошелъ къ мятежникамъ, у которыхъ солдаты были взбунтованы внушеніемъ соблюдать присягу Константину и которые кричали „ура, Константинъ“. Графъ началъ требовать, чтобы они опомнились, говоря имъ, что если бы дѣло шло о преданности Константину, онъ первый показалъ бы ее, потому что всегда былъ взысканъ милостями Великаго Князя, что всѣ отличія, которыми онъ, графъ, почтенъ, были даны ему по представленію Великаго Князя, и даже эта сабля за храбрость... Въ это время онъ положилъ руку на саблю, чтобы показать ее. Князь Оболенскій, который стоялъ близъ него, боясь, чтобы это не подѣйствовало на колеблющихся солдатъ, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета; пуля, пробивъ Андреевскую ленту, смертельно ранила графа и, вырвавъ ружье у одного солдата, Оболенскій прокололъ Милорадовича штыкомъ [2]). Таковъ былъ конецъ этого храбраго воина безъ страха и упрека.

---

[1]) Образъ дѣйствій Николая Павловича, въ это слишкомъ трехнедѣльное междуцарствіе, еще и до сихъ поръ иногда возбуждаетъ недоумѣніе; между тѣмъ онъ поступалъ вполнѣ сообразно своей прямой и строго-честной природѣ. Онъ зналъ о завѣщаніи, сдѣланномъ въ его пользу, но не желалъ царствовать по завѣщанію, а по праву, которое предоставлялось ему „Уставомъ Императорской Фамиліи“, въ силу самопроизвольнаго отреченія брата Константина.

[2]) По донесенію Слѣдственной Комиссіи (см. „Русскій Архивъ“ 1881 года,

Digitized by Google

Вѣсть объ этомъ дошла до Государя, когда онъ вышелъ уже изъ дворца и направлялся на площадь со всею свитой. Первый полкъ, который онъ встрѣтилъ, былъ Измайловскій. Государь подъѣзжаетъ къ нему и спрашиваетъ, за него онъ или противъ него. Рѣдкое ура засвидѣтельствовало о нерѣшительности. Тогда онъ приказываетъ полку зарядить ружья и, когда это было сдѣлано, обращается снова къ полку и говоритъ: „Я передъ вами, ваши ружья заряжены; такъ отвѣчайте же, вы за меня или противъ меня?“ Единодушное ура было отвѣтомъ на эти слова и данью его твердости и мужеству. Тогда онъ прибылъ на площадь, гдѣ находились бунтовщики, и приказалъ убѣждать ихъ. Въ это время онъ замѣтилъ человѣка въ военной фуражкѣ, надѣтой накриво. Государь подозвалъ его и спросилъ о причинѣ этаго, и тотъ показалъ ему рану на лбу. Это былъ злодѣй Якубовичъ. Онъ дѣлалъ тогда знаки полковнику Булатову, стоявшему сзади Государя, чтобы тотъ выстрѣлилъ въ Государя изъ пистолетовъ, данныхъ ему для этой цѣли. Но Булатовъ, когда онъ на другой день самъ явился въ Слѣдственную Комиссію, признался, что твердая и мужественная осанка Государя ему связала руки. Якубовичъ, не переставая дѣлать ему знаки, приблизился къ Государю и притворился раскаявшимся, говоря, что онъ тоже принадлежитъ къ бунтовщикамъ. Государь сказалъ ему: „въ доказательство твоего раскаянія поди и уговори этихъ безумцевъ“. Но Якубовичъ, подошедши къ нимъ, сказалъ: „не опасайтесь ничего, васъ боятся“ и, вернувшись къ Государю, донесъ, что его не слушаютъ. Государь опять послалъ его сказать, что противъ нихъ станутъ дѣйствовать вооруженной силой и что онъ еще разъ ихъ убѣждаетъ смириться. Якубовичъ ушелъ, но не вернулся, такъ какъ видѣлъ, что Булатовъ не обращаетъ вниманія на его знаки.

Съ этой минуты бунтовщики начали стрѣлять, но не въ порядкѣ, а какъ попало, и пули свистали вокругъ Государя. Кюхель бекеръ прицѣлился изъ пистолета въ В. Князя Михаила; но солдатъ вышибъ ему пистолетъ изъ руки, и пуля только взбороздила землю. Государь и на этомъ не остановился въ своемъ намѣреніи предупредить кровопролитіе: онъ принялъ безстрашное рѣшеніе самъ идти убѣждать бунтовщиковъ; но генералъ Васильчиковъ удержалъ его лошадь за узду и твердо объявилъ, что не пуститъ его подвергаться опасности. Переговоры длились болѣе четырехъ

II, 326 и 327) смертельно ранилъ графа Милорадовича Каховскій, а князь Евгеній Петровичъ Оболенскій ткнулъ его штыкомъ.

Digitized by Google

часовъ. Вашему бывшему полку [1]) приказано было произвести атаку. По недостатку мѣста она была сдѣлана на рысяхъ и отбита. Тогда Государь, отступивъ немного въ сторону, приказалъ дѣйствовать артиллеріей. Было сдѣлано восемь выстрѣловъ картечью. На первый выстрѣлъ, пущенный поверхъ головъ, бунтовщики отвѣчали крикомъ: „да здравствуетъ свобода!“ Второй выстрѣлъ, лучше направленный, нѣсколько ослабилъ крики „ура“, а третій смѣшалъ бунтовщиковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство: они направились по Галерной [2]). Четвертый, пятый и шестой выстрѣлы, врѣзавшись въ ихъ безпорядочную толпу по этой узкой улицѣ, произвели страшное опустошеніе. Седьмой и восьмой, направленные противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кучекъ, собиравшихся на льду Невы, не достигли ихъ, потому что стрѣляли не ядрами. Тогда начались аресты. Сдѣлали обыскъ въ квартирахъ самыхъ опасныхъ и замѣтныхъ бунтовщиковъ; забрали ихъ бумаги и нашли ихъ планы, проекты конституціи, раздѣленіе Россіи на двѣнадцать республикъ, назначеніе консуловъ, диктаторовъ, списокъ заговорщиковъ: однимъ словомъ, всѣ ихъ глупые и недостойные замыслы были открыты. Аресты были очень многочисленны: двое молодыхъ Коновницыныхъ, князь Волконскій, младшій братъ Репнина—также въ числѣ заговорщиковъ. И въ Москвѣ было взято много людей, но между ними ни одного въ зрѣломъ возрастѣ и характерѣ, если не считать Михаила Орлова. Въ Россіи аресты, кажется, кончились; теперь отыскиваютъ въ Польшѣ и даже въ Дрезденѣ нѣкоторыхъ соумышленниковъ.

Ты, можетъ быть, читалъ въ Journal de S-t Pétersbourg большія подробности о признаніяхъ этихъ гнусныхъ заговорщиковъ и объ ихъ безсмысленныхъ и человѣкоубійственныхъ планахъ. Ихъ преступленіе есть оскорбленіе націи. Но объ чемъ не печатаютъ,

---

[1]) А. С. Хомяковъ, въ очень ранней молодости, началъ службу въ Конногвардейскомъ полку (гдѣ явнѣ возникла мысль поставить его портретъ въ полковой залѣ). Алексѣй Степановичъ вспоминалъ позднѣе, что однажды ночью стоялъ онъ на карауле, и къ нему подошелъ Николай Павловичъ, тогда еще великій князь. У Хомякова надолго осталась въ памяти величавая красота этого человѣка. Читатели припомнятъ вышенапечатанныя прекрасныя письма Хомякова по поводу кончины Николая Павловича; онъ сочувственно говорилъ о немъ, вопреки цензурнымъ нелѣпымъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался въ послѣдніе годы его царствованія. Государь же сознавалъ значеніе богословскихъ сочиненій Хомякова и въ частныхъ отзывахъ не только отдавалъ ему полную справедливость, но однажды приказалъ благодарить его за нихъ.

[2]) Пули по Галерной долетали до самаго конца ея, и одна изъ нихъ сохранилась въ домѣ графа А. А. Бобринскаго.

Digitized by Google

къ великому удивленію всѣхъ, это о прекрасныхъ поступкахъ Государя, который поистинѣ выказываетъ характеръ величавый и благороднѣйшій.

Булатовъ, сознающійся въ своемъ покушеніи, проситъ повидаться съ дѣтьми своими; самые младшіе не узнаютъ его: до такой степени его исказило неудавшееся преступленіе. Это производитъ на него до того сильное впечатлѣніе, что внезапно онъ сходитъ съ ума и на четвертый день умираетъ въ больницѣ. Государь сказалъ тогда: „онъ жестоко поступилъ относительно меня; я ему прощаю", велѣлъ отдать ему при погребеніи воинскія почести и взялъ подъ свое покровительство его семью.

Жена Рылѣева и мать Бестужевыхъ молятъ о милосердіи къ себѣ и къ своей бѣдности; имъ даютъ пенсію. Одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, взятый въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ скрывался, и приведенный передъ Государя на допросъ, начинаетъ съ того, что проситъ ѣсть; ему даютъ. Послѣ этого онъ имѣетъ безстыдство много разъ отвѣчать очень дерзко, порицая царствованіе покойнаго государя и его выборъ министровъ, приводя въ примѣръ Моллера, у котораго въ рукахъ морское дѣло, тогда какъ Сенявинъ, который пріобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность, отстраненъ по личному предубѣжденію. Государь терпѣливо его слушаетъ. На другой день Сенявинъ былъ призванъ и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, и, говорятъ, Государь произнесъ замѣчательныя слова, что онъ не надѣется во все время своего царствованія услышать столько правды, сколько сказалъ ему Бестужевъ. Но это не доподлинно извѣстно, какъ другіе разсказы; это только слухи.

Нѣсколько замѣшанныхъ въ дѣло молодыхъ кадетовъ были немедленно отпущены. Государь самъ видѣлъ ихъ, пожурилъ, утѣшилъ и простилъ.

Одинъ изъ Московскихъ сановниковъ *), когда Государь спросилъ его, не боятся ли, что онъ будетъ слишкомъ суровъ, отвѣчалъ: „напротивъ, Государь, боятся, что вы будете слишкомъ милостивы".—„Ни то, ни другое, возразилъ Государь; я нахожусь въ настоятельной необходимости дать урокъ, но надѣюсь, у меня не станутъ оспаривать лучшее право государей—прощать и смягчать наказаніе". Другому онъ сказалъ: „я еще не царствую, но вникаю въ дѣло, разбирая бумаги покойнаго государя". Онъ назна-

*) Вѣроятно Сергѣй Ильичъ Мухановъ.

Digitized by Google

чаетъ вдовью часть императрицѣ Елисаветѣ въ милліонъ рублей и отдаетъ объ этомъ приказаніе министру финансовъ, который спрашиваетъ, не новыми ли налогами собрать эти деньги. „Какъ налоги! восклицаетъ Государь, ихъ и такъ слишкомъ много. Я укажу вамъ источники, откуда вы можете взять. Тысяча рублей ежедневно ассигнована на мою кухню; 500 р. будетъ достаточно и даже дастъ барыши поставщикамъ". Императрица приняла только 600.000 рубл., вдовью часть, положенную закономъ, и Каменный островъ, который ей подарилъ Императоръ; она уступила его Великому Князю Михаилу, а другіе говорятъ, Наслѣднику. Говорятъ, что она просится провести остатокъ жизни въ Москвѣ или ея окрестностяхъ и не хочетъ опять возвращаться въ Петербургъ. Она выказала характеръ сверхчеловѣческій; ея твердость и безропотность героическія, а сосредоточенное горе очень сильно. Я прилагаю здѣсь списокъ съ ея письма Императрицѣ-матери *).

Государь занимается дѣлами съ постояннымъ усердіемъ до глубокой ночи, ни одно дѣло не лежитъ дня безъ рѣшенія. Гражданскій губернаторъ Твери проситъ объ увольненіи одного изъ совѣтниковъ правленія; этотъ представляетъ оправданія. Совѣтъ и Сенатъ опредѣляютъ сдѣлать только выговоръ. Государь рѣшаетъ, что по законамъ наказаніе, которое хотятъ наложить на кого-нибудь, должно обратиться на несправедливаго истца, и увольняетъ самого губернатора, при строгомъ замѣчаніи Совѣту и Сенату.

Навѣрное не знаютъ, когда будетъ коронація. Одни говорятъ 29 Мая, другіе, что въ Сентябрѣ, по окончаніи судебнаго дѣла надъ заговорщиками. Чтобы приступить къ суду надъ ними, изъ архива достали судопроизводство надъ Мировичемъ, по дѣлу царевича Ивана, и судопроизводство надъ Пугачевымъ.

Противъ моего обыкновенія, пишу тебѣ все это по-французски, чтобы при случаѣ ты могъ опровергнуть ложные толки Парижскихъ газетчиковъ и выставить въ настоящемъ свѣтѣ тѣ надежды, которыя Россія не безъ основанія возлагаетъ на своего новаго Государя. То, что я тебѣ сообщаю, это только на спѣхъ записанные поступки мужества, великодушія и щедрости, а сколько еще такихъ, которые не дошли до меня въ деревню. Но всѣ единодушно сходятся во мнѣніи, что Государь превосходитъ всякія ожиданія и что одна лишь его доброта, мягкость и сердечность способны превысить его дѣятельность. Правильность сужденія, оцѣнка

*) Это извѣстное письмо (нашъ ангелъ на небесахъ).

Digitized by Google

людей достойныхъ—все это соединяется въ благородствѣ его поступковъ. Онъ упрочитъ славу и счастіе Россіи.

Ты совершенно правъ, говоря *), что для оцѣнки этого недостойнаго и нелѣпаго заговора достаточно было бы перечислить возрастъ всѣхъ заговорщиковъ. Но ихъ организаціонные планы для Россіи не отличаются ли тоже грубымъ незнаніемъ народнаго духа? Раздѣлить ее на двѣнадцать союзныхъ республикъ, уступить области (вѣроятно, Польшѣ, ибо какая другая сосѣдняя держава захотѣла бы воспользоваться такою низостью?), учредить консуловъ, диктатора, — какъ это все вяжется съ обширностью нашего отечества! Не читали ли они у Карамзина о гибельныхъ послѣдствіяхъ раздѣла Россіи между прежними великими князьями? Они болѣе виновны, чѣмъ Французскіе Якобинцы, никогда не помышлявшіе о расчлененіи государства. Для Русскихъ крестьянъ свобода заключалась бы въ свободѣ напиваться. Надо знать ихъ мысли на счетъ свободы! Они говорятъ: мы не будемъ платить ничего, мы ни отъ кого не будемъ зависѣть, у насъ водка будетъ дешевле. А когда они увидятъ, что приходится однако платить и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ теперь (ты дѣлаешь вѣрное замѣчаніе въ этомъ смыслѣ относительно налоговъ, конституціонно налагаемыхъ), и когда вмѣстѣ съ этимъ они себя увидятъ подчиненными законамъ о порядкѣ и нравственности, они скоро возмутятся и перебьютъ консуловъ и диктаторовъ. Для того, чтобы ихъ усмирять или заблаговременно предупреждать, уже не будетъ бдительнаго управленія дворянъ; военной силы будетъ недостаточно, и даже она, можетъ быть, не пожелаетъ дѣйствовать противъ сословія, изъ котораго она набрана и которое ей такъ родственно. Тогда все будетъ поглощено анархіей и варварствомъ; избіеніе властей и образованныхъ классовъ будетъ первымъ шагомъ на этомъ пути. Взгляни, пожалуста, каково просвѣщеніе народа въ Россіи—оно ничтожно; а тѣ, которые имѣютъ нѣкоторыя небольшія свѣдѣнія т. е. грамотны, болѣе другихъ развращены или впадаютъ въ совершенное безвѣріе, либо въ схизматическія секты раскольниковъ, у которыхъ чтеніе ограничивается однѣми схизматически-богословскими книжонками. Ты знаешь бо́льшую часть ихъ безобразныхъ заблужденій: ихъ догматы допускаютъ развратъ и всякія возможныя распутства; нѣтъ у нихъ никакого богослуженія, но всяческія безобразія. Что же касается до развитія ремеслъ, то немногіе имѣющіеся у насъ ремесленники обязаны своимъ образо-

*) Къ сожалѣнію, не имѣемъ мы тогдашнихъ писемъ А. С. Хомякова къ его родителямъ.

Digitized by Google

ваніемъ исключительно помѣщикамъ-дворянамъ. Школы, богадѣльни, больницы—все учреждено только дворянами и правительствомъ: ничего подобнаго нѣтъ у казенныхъ крестьянъ, которые однако почти что на конституціонномъ положеніи.

По поводу конституціи я тебѣ разскажу забавный анекдотъ, не отвѣчая однако за его достовѣрность. 14-го Декабря нѣсколько начальниковъ возмущенія разговаривали о конституціи; одинъ солдатъ, слышавшій ихъ разговоръ, спросилъ унтера-офицера, что̀ такое конституція? а тотъ ему отвѣчалъ: „дуракъ—это жена Константина!“ Конституція! А для чего? Для того, чтобы ограничить свободу Государя, свободу оказывать благодѣянія. Проводы отъ Таганрога были самымъ краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ Александру; похоронное шествіе вездѣ встрѣчало совершенную преданность, глубочайшее почитаніе, спокойствіе и даже грустное молчаніе, искреннѣйшую скорбь, плачи и рыданія объ утратѣ отца и возлюбленнаго Государя. Пускай скажутъ послѣ этого, что народъ страдаетъ отъ самодержавнаго правленія. Въ настоящее время распространяется общее убѣжденіе въ средѣ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ: извѣстна-де причина налоговъ, ихъ присовѣтовали люди, желавшіе вызвать безпорядки, но Государь на нихъ никогда охотно не соглашался. Конечно, нельзя не пожелать какого нибудь учрежденія или какой нибудь учетной палаты для наблюденія за министрами, въ которой могли бы обсуждаться и выясняться нѣкоторыя злоупотребленія таковыхъ, незамѣчаемыя самимъ Государемъ.

Всего прискорбнѣе и обиднѣе въ послѣднемъ возстаніи это то, что оно задумано дворянами, которые болѣе всего должны были отъ него пострадать; но, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство вполнѣ естественно: умные люди, которые въ немъ участвовали, почерпали свои свѣдѣнія только въ школахъ или въ книгахъ, никогда не изучали народнаго духа, ни въ одномъ сочиненіи хорошо не описаннаго. Примѣръ Франціи, въ которой нѣсколько умныхъ и даровитыхъ людей спаслись отъ кровавыхъ потоковъ революціи (что̀ въ Россіи совершенно невозможно), ихъ увлекъ, ихъ прельстилъ, а потомъ карбонарство и иллюминатство сектъ, охватившихъ своими отпрысками всю Европу, затѣмъ роскошь и жалкое состояніе Русскихъ Гидальго, которые давно уже нуждались въ стѣснительныхъ по этой части законахъ—всѣ эти обстоятельства побуждали желать возможнаго улучшенія ихъ быта. О, какъ эти несчастные были бы обмануты; ихъ бы всѣхъ передушили. Примѣромъ тому Пугачевскій бунтъ. Очевидно, Божественному Про-

Digitized by Google

мыслу обязаны мы открытіемъ и подавленіемъ этого подлаго заговора и тѣмъ, что на престолѣ оказался Государь, одаренный всѣми качествами, потребными для пресѣченія зла въ самомъ его корнѣ. Покойный императоръ, умѣвшій воспользоваться для своихъ успѣховъ въ 1813 г. броженіемъ сектъ въ Германіи, былъ до нѣкоторой степени связанъ нѣкоего рода благодарностью къ нимъ; но его преемникъ уже не находится въ томъ же положеніи, и строгое, неукоснительное наблюденіе надъ тайными обществами предупредитъ всѣ подвохи, которые они могли бы устроить. Я однако все-таки возвращаюсь къ мнѣнію покойнаго графа Растопчина *), что надо было бы совершенно преобразовать почтовое учрежденіе, на основаніи нѣкоей Испанской „пурификаціи“ чиновниковъ этого вѣдомства. Одной перлюстраціи недостаточно; потребна полная увѣренность въ „не-карбонаризмѣ“ занимающихся ею. Ты удивишься, можетъ быть, что, говоря о перлюстраціи, я рѣшился тебѣ сообщать такія точныя подробности обо всѣхъ дѣлахъ; но я думаю, что мною ничего не сказано во вредъ правительству; тѣмъ менѣе могъ я это сдѣлать, что всѣ въ одинъ голосъ восхваляютъ новаго Государя, первые шаги котораго предвѣщаютъ ему въ будущемъ напменованіе мудраго. Его храбрость, твердость, прозорливость и умѣренность тѣмъ болѣе почтенны, что онъ никогда не подавалъ вида человѣка, готовившагося занять свое теперешнее блестящее положеніе. Его воспитаніе было чисто-военное, а не административное; никогда онъ не занимался гражданскими дѣлами, въ области коихъ его дарованіе проявляется какъ бы внезапно. Никто этого не ожидалъ, и тѣмъ сильнѣе восторгъ, который онъ вселяетъ; но лучшее изо всѣхъ его качествъ—чуткость къ правдѣ: она уже не будетъ скрываться на днѣ колодца; чтобы избѣжать этого, онъ ее привѣтствуетъ, откуда бы она къ нему ни приходила. Если бы окружающіе его, изъ которыхъ еще ни одинъ не можетъ разсчитывать на его полное довѣріе, если бы эти люди могли сдѣлаться подобными Сюлли, то Генрихъ IV налицо, чтобы внимать имъ. Одно „но“ представляется мнѣ, это, когда я думаю о министрахъ и сановникахъ; однако другое „но“ можетъ оживить надежды. Свойства Государя дѣйствуютъ на его окружающихъ, и достоинства, которыя могли бы быть подавлены обстоятельствами, въ умахъ этихъ людей могутъ также проявиться, когда на нихъ будетъ запросъ и имъ будетъ достойная опѣнка со стороны Государя. Россія велика: въ

*) Графъ Ѳ. В. Растопчинъ скончался въ Москвѣ, въ Январѣ этого 1826 года.

Digitized by Google

ней немало людей, у которыхъ умъ и сердце въ полномъ согласіи. Можетъ быть, по чину, по нахожденію въ отставкѣ, они не соотвѣтствуютъ должностямъ, которыхъ были бы достойны; дѣло Государя пріискать для нихъ возможность быть полезными отечеству, коего онъ истинный отецъ.

Но довольно разсуждать о предметахъ, можетъ быть, въ устахъ моихъ неумѣстныхъ. Возвратимся къ нѣкоторымъ предметамъ, болѣе намъ доступнымъ. Названіе комедіи „Горе отъ ума" оправдалось. Авторъ ея, Грибоѣдовъ тоже арестованъ *). Число этихъ несчастныхъ революціонеровъ, подвергшихся аресту, довольно велико и по слухамъ превышаетъ 9000; льщу себя мыслью, что совращенныхъ однако больше, чѣмъ совратителей. Всѣ эти безбородые юноши, которыхъ злодѣи увлекли, увидятъ съ ужасомъ бездну, въ которую ихъ заманили и сдѣлаются, можетъ быть, великими Конде на пользу отечества, а не во вредъ ему. Эти неудавшіеся Катилины получатъ урокъ, которымъ будутъ имѣть возможность воспользоваться для исправленія своихъ нелѣпыхъ и преступныхъ мнѣній. Это будетъ для нихъ второе воспитаніе— практическое. Но этотъ бѣдный Одоевскій, слуга коего бросился передъ нимъ на колѣна, чтобы его остановить и которому онъ грозилъ застрѣлить его, повидимому, очень сильно замѣшанъ. Ложно понятый цивизмъ погубилъ его. Не скрывая отвращенія, которое я питаю къ задуманнымъ Бестужевымъ злодѣяніямъ, я чувствую, тѣмъ не менѣе, утрату его литературныхъ талантовъ и его Полярной Звѣзды. Нынѣшній годъ заставилъ особенно почувствовать утрату для литературы такого человѣка, который промѣнялъ служеніе Музамъ на борьбу Титановъ и навлекъ перуны на себя и своихъ послѣдователей.

Крѣпость была спасена благодаря панталонамъ, которые исчезли у одного изъ заговорщиковъ, имѣвшаго быть тамъ дежурнымъ, а также благодаря смѣтливости одного служащаго, который вздернулъ подъемный мостъ при видѣ подходившей безпорядочной толпы. Зналъ ли ты молодого Панова? Онъ долженъ былъ, съ отрядомъ лейбъ-гренадеровъ, послѣ убійства Стюрлера, перебить всю императорскую фамилію. Злодѣй — онъ собирался жениться и бросить невѣсту, чтобы идти на отвратительное преступленіе. Говорятъ, что сапёры предупредили это покушеніе только пятью минутами.

Покончивъ съ общественными дѣлами, не понимаю, какъ это ты не получаешь моихъ писемъ. Вотъ уже четвертое пишу тебѣ

*) Недавно выпущенъ.

Digitized by Google

по возвращеніи во-свояси. Подозрѣваю причину въ твоей отчужденности: о тебѣ не имѣютъ свѣдѣній въ канцеляріи посольства, а можетъ быть, твой братъ [1]) адресовалъ письма мои туда.

Твоя мать желала бы возвращенія твоего для того, чтобы ты могъ по пути черезъ Вюрцбургъ пригласить костоправа Киметти изъ института Гейне пріѣхать съ тобою: онъ очень нуженъ для Анеты [2]). Я однако не раздѣляю ея мнѣнія и не желалъ бы разстраивать планъ твоего путешествія, въ настоящее время мнѣ впрочемъ неизвѣстнаго. Киметти могъ бы пріѣхать одинъ. Единственное замѣчаніе, которое я тебѣ сдѣлаю, — сочти хорошенько твои средства и ихъ достаточность; не имѣя возможности послать тебѣ новыхъ, я бы желалъ, чтобы умаленіе ихъ было согласовано съ возможностью возвратиться въ Россію. Прощай, мой добрый другъ; цѣлую тебя столь же нѣжно, сколь и люблю тебя. Поклонись братцу Шатилову и его спутнику. Между прочимъ, говорятъ о переходѣ военнаго министерства къ Закревскому. Это указываетъ, что чрезвычайная сила графа Аракчеева миновала. Это однако былъ человѣкъ честный и трудолюбивый. Дорогой другъ, будь здоровъ и продолжай твоимъ поведеніемъ быть утѣхою твоего стараго отца Хомякова [3]).

---

[1]) Старшій братъ А. С. Хомякова, Ѳедоръ Степановичъ; онъ состоялъ въ службѣ при Парижскомъ посольствѣ, а въ это время, кажется, былъ въ отпуску въ Россіи.

[2]) Единственная сестра А. С. Хомякова Анна Степановна, († 1838), мать Ивана и Степана Васильевичей была въ замужествѣ за Василіемъ Ивановичемъ Хомяковымъ же.

[3]) Степанъ Александровичъ Хомяковъ, человѣкъ обширной начитанности, знатокъ въ словесности и въ тоже время занимавшійся много математикою, скончался въ 1856 году.

Digitized by Google

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. С. Хомякову.

(Б. Баденъ, 1847).

Видно, что я заживое зацѣпилъ вашу Русскую совѣсть, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, что вы съ такою Нѣмецкою аккуратностью исполнили свое обѣщаніе, данное мнѣ въ Эмсѣ. Вѣдь знаете ли: я получилъ отъ васъ извѣстную вамъ рукопись, право получилъ. Не вѣрю глазамъ своимъ, а оно такъ. Тѣмъ живѣе моя къ вамъ благодарность: я радъ этому присланному мнѣ манускрипту, первое потому, что онъ — онъ; второе потому, что онъ памятникъ для меня нашихъ Эмскихъ вмѣстѣ проведенныхъ часовъ; наконецъ, третье, потому, что онъ представитель вашей мнѣ милой дружбы, которая и заочно такъ же памятлива мнѣ какъ и на лицо. Я только вчера получилъ отъ Вяземскаго, а онъ отъ Попова, рукопись, еще не принялся за чтеніе, начну его послѣ Новаго года. Но что же вы будете съ нею дѣлать? Я все стою на томъ, что надо ее перевести на Нѣмецкій (а не на Французскій) языкъ и напечатать въ Германіи. Теперь именно та минута, въ которую она здѣсь произведетъ великое дѣйствіе. Но переводъ можетъ быть сдѣланъ только у васъ на глазахъ. Къ переводу бы приложить и подлинникъ. Жаль, что объ этомъ не подумали вы до вашего отъѣзда за границу; теперь книга была бы у всѣхъ въ рукахъ. Ея появленіе было бы радостно и для протестантовъ вѣрующихъ *).

Вяземскій пишетъ ко мнѣ, что въ конституціи Москвитянина произошло измѣненіе, что онъ теперь управляется дуумвирами и что Шевыревъ подалъ могучую свою руку Погодину. Я этому радуюсь: Москвитянинъ всегда былъ честнымъ журналомъ. Теперь онъ будетъ и блистателенъ, и привлекательнѣе

*) Говорится о Хомяковскомъ Православномъ Катихизисѣ, которымъ начинается второй томъ его сочиненій. *Изд.*

Digitized by Google

прежняго. Жалѣю весьма, что въ эту минуту нѣтъ у меня ничего такого, что̀ бы могло быть принесеннымъ въ дань новому издателю. Изъ Одиссеи я ничего не могу дать, потому что она должна вся сполна явиться, чтобы произвести дѣйствіе свое въ цѣломъ. На отрывки она не годится; ибо въ ней ничего нѣтъ блестящаго: она можетъ быть привлекательна только общею, тихою гармоніею всѣхъ частей своихъ, совокупно взятыхъ. Первый томъ печатается здѣсь въ Карлсруэ. Второй томъ еще не родился. Когда печатаніе всѣхъ томовъ кончится, буду имѣть счастіе предложить вамъ свое поэтическое дитя, котораго лепетаніе вы уже слышали. А pгоров: не слишкомъ спѣшите съ вашими обѣщанными мнѣ примѣчаніями. Въ первомъ изданіи Одиссеи ихъ пельзя будетъ напечатать, ибо это первое изданіе выйдетъ вмѣстѣ со всѣми другими моими твореніями. Я печатаю здѣсь только ихъ собраніе. Одни только самыя необходимыя примѣчанія будутъ прибавлены къ Одиссеѣ.

Простите, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ. Хорошо бы и весьма хорошо бы было, если бы вы написали мнѣ страничку о себѣ и страничку о Москвѣ. Я буду у васъ весною, то-есть лѣтомъ (веснуя въ Петербургѣ), одинъ или съ женкою, если ея здоровье позволитъ. Эмсъ помогъ, но не совсѣмъ. Она вамъ и Екатеринѣ Михайловнѣ дружески кланяется, а я у васъ обоихъ жму руки. А дѣтей вашихъ снова благодарю за лестное вниманіе, оказанное ими Ивану Царевичу и Сѣрому Волку.

*

Въ Январѣ 1841 года, когда Жуковскій, передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ за границу и женитьбою, пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ родными, А. С. Хомяковъ устроилъ для него вечеръ у себя въ домѣ, и въ альбомъ ему написалъ слѣдующіе стихи:

Москва-старушка васъ вскормила,
Восторговъ сладостнымъ млекомъ,
И въ свѣтлый путь благословила
За поэтическимъ вѣнкомъ.

За пѣсень вдохновенныхъ сладость,
За вѣчно-свѣжій вашъ вѣнецъ,
За вашу славу,—нашу радость,
Спасибо, нашъ родной пѣвецъ!

Да будетъ ваше небо ясно;
Да будетъ свѣтелъ міръ труда,
И да сіяетъ вамъ прекрасно
Любви негаснущей звѣзда.

Ал. Хомяковъ.

Digitized by Google

Два письма Василія Дмитріевича Олсуфьева къ А. С. Хомякову.

I.

17 Мая 1855 г.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица, узнавъ, что вы написали продолженіе сочиненія вашего: Quelques mots d'un Chrétien Orthodoxe, желаетъ прочитать оное. Почему и обращаюсь къ вамъ съ просьбою прислать мнѣ вашу рукопись, для представленія Ея Величеству. Ей угодно было приказать сообщить вамъ, что покойный Государь Императоръ съ удовольствіемъ читалъ вышеписанное сочиненіе и остался имъ доволенъ.

Пользуясь симъ, честь имѣю и пр.

В. Олсуфьевъ.

II.

29 Іюня 1855 г. Петергофъ.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица Марія Александровна повелѣть мнѣ соизволила препроводить къ вамъ Нѣмецкій переводъ книги вашей, по волѣ великой княгини Ольги Николаевны сдѣланный нашимъ Стутгардскимъ священникомъ. Исполняя симъ такую высочайшую волю, покорно прошу о полученіи не оставить меня увѣдомленіемъ.

Вамъ вѣроятно не безызвѣстны распри Западной церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятыя Богородицы (immaculée conception). Посылаю отъ себя, для прочтенія, протестъ аббата Лаборда противъ сего новаго догмата. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ уже и въ духовенствѣ ослабѣвающее вѣрованіе въ непогрѣшительность папъ. Прилагаю также № «Аугсбургской Газеты», заключающій любопытную статью о исповѣди. Не знаю что, а что-то творится въ вѣрованіяхъ Запада.

Пользуясь симъ, имѣю честь и пр.

В. Олсуфьевъ.

Digitized by Google

Два письма архіепископа Григорія къ А. С. Хомякову.

1.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Благодарю васъ за довѣренность, которую мнѣ оказали, хотя не знаете меня лично, и молю Господа Бога, чтобы Онъ утѣшилъ васъ въ вашей семейной скорби для той любви, которую оказываете вашему ближнему, подъ бременемъ собственнаго горя.

Получивъ ваше письмо, переговорилъ я о Пальмерѣ и его дѣлѣ съ общимъ нашимъ знакомымъ—А. Н. Муравьевымъ, который имѣлъ случай видѣть Пальмера прошедшею осенью на Югѣ Россіи и въ подробности знаетъ какъ частныя его обстоятельства, такъ и церковныя въ Англіи. Желалъ бы подать утѣшеніе Пальмеру; но, не зная его лично и не имѣя отъ него письма, не могу. Очень сожалѣю о его горькомъ духовномъ положеніи, въ которое онъ поставилъ себя. Его другъ пишетъ ему, что онъ «вступаетъ въ Римскую церковь по тому убѣжденію, что дверь, которая не отворяется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, какъ онъ, Пальмеръ, не можетъ быть дверью церкви Христовой». Убѣжденіе неправильное! Этому другу должно было знать, и онъ безъ сомнѣнія зналъ, что у насъ дверь для нихъ отперта. Причиною означенной неправильности Пальмеръ.

Вникните въ образъ дѣйствованія Пальмера. Когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, тогда, при всемъ своемъ расположеніи къ Православію, онъ былъ еще напитанъ своими частными мнѣніями, спорилъ объ исхожденіи Св. Духа и о пресуществленіи, и хотѣлъ, чтобы церковь Россійская, въ лицѣ его, безусловно признала правовѣріе Англійской, въ которомъ будто бы никогда не могла сомнѣваться, имѣя столкновеніе только съ Рим-

Digitized by Google

скою. Возвратясь въ отечество, Пальмеръ, по своей христіанской ревности, лучше изучилъ Православіе, убѣдился въ чистотѣ нашего символа и сдѣлавшись, можно сказать, почти православнымъ въ душѣ, поѣхалъ на Востокъ. Тамъ думалъ онъ найти болѣе свободный пріемъ у патріарховъ, но ошибся: патріархи стали требовать отъ него вторичнаго крещенія. Это очень прискорбно, но понятно. Находясь въ тѣснотѣ, живя въ разобщеніи со всѣми исповѣданіями Запада и видя у себя на Востокѣ въ ихъ представителяхъ, особливо въ настоящее время, жесточайшихъ враговъ Православія, патріархи стали сомнѣваться даже въ ихъ христіанствѣ, и стараются оградить себя отъ нихъ. Могли ли эти патріархи довѣрить ревности Англійскаго діакона, которая, при нынѣшнихъ дипломатическихъ хитростяхъ, могла показаться странною всякому, кто не зналъ ея такъ отчетливо, какъ вы и теперь я? Ежели Пальмеръ подлинно убѣдился въ Православіи и, соглашаясь на все, просилъ только объ одномъ, чтобы не повторяли надъ нимъ крещенія: то зачѣмъ ему было силою врываться въ запертыя двери Греческой церкви, когда ему совершенно отворены были двери церкви Русской, болѣе знакомой съ духомъ западныхъ иновѣрцевъ? Когда дѣло шло о душевномъ спасеніи его и людей единомысленныхъ ему въ Англіи, тогда его ли дѣло было неблаговременно и неосторожно поднимать запутавшійся вопросъ, который, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, распутался бы самъ собою? Мы приняли бы его безъ вторичнаго крещенія, и братія наши на Востокѣ сообщились бы съ нимъ безъ всякаго сомнѣнія; а домашнія недоумѣнія мы рѣшили бы и безъ его вмѣшательства. Что дѣлаетъ онъ теперь въ Аѳинахъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить въ Англіи за направленіемъ умовъ къ Православію, котораго онъ былъ первымъ двигателемъ.

Что касается до просьбы о соединеніи, которую будто бы прислали къ намъ люди благонамѣренные изъ Англіи, то ея у насъ нѣтъ; она существуетъ здѣсь только въ проектѣ, и эти люди, въ отсутствіе Пальмера, какъ слышно, остановились подписывать ее. Конечно нельзя будетъ безъ вниманія оставить такого прошенія, если оно будетъ написано въ православномъ духѣ; но надобно будетъ разбирать его съ большою осторож-

Digitized by Google

ностію, дабы, сближаясь съ единовѣрцами новыми, не удалиться отъ старыхъ и дабы послѣднее не сдѣлалось, по слову Евангелія, горше перваго.

Вотъ, что могъ я написать съ любовію къ вамъ и съ искреннимъ душевнымъ желаніемъ добра всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ войти въ разумъ истины и которыхъ никогда не чуждается Православная церковь, только бы они не чуждались ея особенностію своего взгляда.

Моля Господа Бога объ утѣшеніи вашему сердцу, остаюсь съ чувствомъ совершеннаго къ вамъ уваженія вашего высокородія покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

5 Марта 1852 г. (Спб.).

2.

Алексѣй Степановичъ, милостивый государь!

Винюсь, что не отвѣчаю долго. Препятствовали частію собственная болѣзнь, частію разныя потребности, отъ которыхъ нельзя было отбиться.

Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи да утѣшитъ васъ во дни радости полнымъ утѣшеніемъ!

Въ отношеніи къ Англійскому вопросу, къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего болѣе сказаннаго. Намъ было бы очень пріятно, если бы Пальмеръ и его единомысленники приняли Православіе; но дѣлать имъ въ этомъ отношеніи какія-либо предложенія нахожу неудобнымъ. Того, чтобы они не знали нашихъ чиноположеній и обычаевъ, не могу думать. Пальмеръ двукратно посѣщалъ Россію и издавалъ на своемъ языкѣ догматическія книги съ своими объясненіями. Ежели его единомысленники имѣютъ какія-либо сомнѣнія, то, при ихъ довѣренности къ нему, онъ легко можетъ уничтожить ихъ. Главное затрудненіе для Пальмера заключается въ томъ, что онъ самъ колеблется между двумя церквами, и хотя убѣжденъ въ истинѣ догматовъ Православной церкви, но увлекается внѣшностію Римскою. Тутъ предложеніе, чего просить, неумѣстно. Это предложеніе трудно особенно теперь, когда онъ такъ неосторожно возбудилъ на Востокѣ вопросъ о крещеніи. Этотъ

Digitized by Google

вопросъ, въ своё время конечно, рѣшится благопріятно; не легкое наше сближеніе съ иновѣрцами въ настоящее время удобно можетъ произвести на Востокѣ касательно насъ сомнѣніе. Говорю не о нуждѣ новаго крещенія со стороны Пальмера съ его соотечественниками, но о затруднительности, въ какую Пальмеръ поставилъ насъ въ отношеніи къ Востоку. До прояснения возбужденнаго имъ вопроса (что конечно не можетъ продолжиться слишкомъ долго) намъ должно опасаться, чтобы, заключая новый союзъ, не разорвать стараго.

Желая вамъ всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, съ душевнымъ уваженіемъ есмь вашъ покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

16 Апрѣля 1852 г. (Спб.).

Digitized by Google

Дополненія къ третьему тому.

Хомяковъ пишетъ Ю. Ѳ. Самарину (см. выше, стр. 295): „Пошлите хоть что-нибудь въ „Молву“. Я туда маленькіе вклады посылаю“. Эти строки напомнили намъ объ участіи Хомякова въ „Молвѣ“ 1857 года, которую издавалъ С. М. Шпилевскій, а главнымъ сотрудникомъ былъ К. С. Аксаковъ. Нѣсколько запоздалая справка съ „Молвой“ (сдѣлавшеюся нынѣ библіографическою рѣдкостью) показала, что, во-первыхъ, двѣ статьи, напечатанныя въ III-мъ томѣ нынѣшняго изданія сочиненій Хомякова, „Современный вопросъ“ и „По поводу г. Чичерина“ появились первоначально въ „Молвѣ“, первая съ подписью автора, а вторая съ подписью „Т-къ“ (Тулякъ); и во-вторыхъ, что пропущены были въ прежнихъ изданіяхъ одна маленькая замѣтка въ № 1 по поводу Н. Ф. Павлова (безъ подписи), а въ № 17 отвѣтъ г. Буслаеву съ подписью имени. Перепечатываемъ еще изъ „Молвы“ двѣ замѣтки, за принадлежность которыхъ Хомякову ручаться не можемъ, но которыя обѣ намъ кажутся очень напоминающими его литературные пріемы. Пусть они составятъ при настоящемъ возможно-полномъ изданіи отдѣлъ „dubia“. *Изд.*

I.

(„Молва“ 1857 г., стр. 11).

Въ Аѳинахъ, одинъ молодой человѣкъ поступилъ, для изученія краснорѣчія, къ софисту (это было почетное названіе) на слѣдующихъ условіяхъ: если выиграетъ онъ первую свою тяжбу, то заплатитъ учителю 500 минъ серебра. А если проиграетъ, то ничего.

Окончивши курсъ своего ученія, онъ подалъ искъ на своего учителя, говоря судіямъ: если я выиграю, то по вашему приговору не заплачу ничего; а если проиграю, то опять не плачу ничего, потому что, по условію, учитель не будетъ въ правѣ съ меня требовать денегъ.

Digitized by Google

Учитель отвѣчалъ вѣроятно въ томъ же родѣ. Г-нъ Н. Ф. Павловъ, въ своей статьѣ: «Біографъ-оріенталистъ», пользуется тѣмъ же древнимъ способомъ въ отношеніи къ Россіи, и говоритъ, что ей не слѣдуетъ быть самостоятельной по такимъ причинамъ: если она будетъ самостоятельна, то она уподобится народамъ западнымъ, которые всѣ таковы; если же она будетъ имъ во всемъ подражать, то она тогда только будетъ самостоятельною. Иначе: она будетъ самостоятельною, когда будетъ всѣмъ подражать, и подражательницею, когда вздумаетъ быть самостоятельною. Нельзя не порадоваться въ нашемъ остроумномъ писателѣ такому преизбытку Аттической соли. У насъ онъ называется даже «пересоломъ».

II.

Отвѣтъ г. Буслаеву.

Господинъ Буслаевъ въ статьѣ *Индо-Германы* (Отеч. Зап., Іюнь, 1857), вспомнивъ случайно обо мнѣ, сказалъ:

«Этой методы (т.-е. Шишковской) держится г. Хомяковъ и въ своемъ сочиненіи: «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», возвращается къ Шишковскому толкованію Русскаго слова *ночь*, забывая форму Церковно-Славянскую и явно ей противорѣча.

Во-первыхъ, я не возвращаюсь къ Шишковскому толкованію (ибо случайное сходство тутъ ничего не значитъ) по той причинѣ, что метода моя вовсе другая. Я показываю, что почти во всѣхъ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ слово *ночь* представляетъ соединеніе отрицанія *н* съ корнемъ, указывающимъ на зрѣніе (nox, oc-ulus, nacht, achten); и сверхъ того возвращаю разумный корень Санскритскому слову, котораго объясненіе въ лексиконахъ до сихъ поръ было безсмысленно. Г-нъ Буслаевъ не въ состояніи показать мнѣ противное.

Во-вторыхъ, предположеніе, что человѣкъ Русскій, ходящій въ церковь, могъ забыть форму Церковно-Славянскую, само по себѣ безсмысленно; а еще безсмысленнѣе, когда относится къ человѣку, который и самъ въ стихахъ грѣшилъ риѳмою *рощи* и *нощи* или *полунощи*.

Въ-третьихъ, если бы г-нъ Буслаевъ понялъ то, что̀ читалъ, онъ бы видѣлъ, что именно эта-то Церковно-Славянская

Digitized by Google

форма и лежитъ въ основѣ моей этимологіи, какъ форма причастная на *щ*, которой въ Русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ (особенно въ прилагательныхъ отглагольныхъ) форма на *ч* (*гулячій*, *видучій* и т. д.). Я писалъ не для учениковъ, а для лингвистовъ, въ которыхъ я предполагаю хоть малое понятіе о пріемахъ разумной этимологіи.

Но былъ ли глаголъ *очить*? Я бы на такой вопросъ могъ сказать, что такого глагола не нужно для произведенія причастнаго *ощь* или отглагольнаго *очь*; что слово *отчимъ* (поставленный въ отца) происходитъ причастнымъ переходомъ отъ слова *отецъ* черезъ подразумѣваемый глаголъ *отчить*; а *очень* (въ народномъ языкѣ правильно *оченно*, т.-е. видимо) происходитъ, какъ и *ночь*, отъ корня *ок* черезъ подразумѣваемый глаголъ *очить* *). Я бы могъ сказать, что всякій корень первобытный есть въ тоже время существительно-глагольный, а не исключительно-глагольный, какъ думаютъ ошибочно отцы лингвистики — Германцы; и что по духовному свойству племени Славянскаго, существительная основа преобладаетъ въ Славянскомъ языкѣ точно также, какъ, по иному свойству Индусовъ, въ Санскритѣ преобладаетъ основа глагольная. Я бы могъ показать, что одно изъ самыхъ характеристическихъ свойствъ Русскаго языка состоитъ въ его способности создавать существительныя отъ существительныхъ посредствомъ подразумѣваемаго глагола и глаголы отъ глаголовъ посредствомъ подразумѣваемаго существительнаго. Точно также могъ бы я показать, что вся критика г-на Буслаева на мой опытъ сравнительнаго лексикона (удовлетворителенъ ли онъ, это другое дѣло) истекаетъ изъ прямаго непониманія самыхъ простыхъ правилъ сравнительной филологіи, и что даже въ статьѣ объ г-нѣ Вельтманѣ онъ приписалъ Готѳскій корень слову *серьга* просто потому, что вѣроятно принялъ *г* за тождественное съ *s*-мъ въ Готѳскомъ ausahrings, между тѣмъ какъ оно дѣйствительно тождественно съ Готѳскимъ *h* въ словѣ *hrings*. Серьга значитъ просто кольцо безъ всякаго отношенія къ уху; вотъ почему всякая кольцеобразная или круглая кадка называется серьгою и всякое свободно висящее кольцо также серьгою. Германскому «hrings» соотвѣтствуетъ (разумѣется, не происходя отъ него)

*) Сравн. Анг. oggle. *Ощій* форма сжатая, какъ *вьющій* и другія.

Digitized by Google

срега и слѣдовательно *серьга* и *срязь*, *серязь*. Носовой звукъ утраченъ, и гласная передвинута; сравни *сред* и *серд* *).

Это соотвѣтствіе шипящихъ съ предыхательными потворяется безпрестанно въ сравненіи Нѣмецкихъ и Славянскихъ нарѣчій, и безъ него шагу ступить нельзя (сравни: *hwit* и *свѣтъ*, *hase* и *заяцъ*, *halm* и *солома*, *heil* и *сила*, *helm* и *шеломъ* или *шлемъ* и т. д.). Серьга также первобытна, какъ *krings*, а *усерязь* было уже развитіемъ слова. Со мною согласится всякій разумный филологъ. Все это могъ бы я объяснить г-ну Буслаеву, но...

Въ той же статьѣ (Индо-Германы) г-нъ Буслаевъ говоритъ: «Чѣмъ менѣе народъ развивался исторически, тѣмъ ближе его языкъ къ общему сродству. Такъ Литовцы и Славяне, далеко уступающіе въ образованности не только древнимъ классическимъ народамъ, но и племенамъ Нѣмецкимъ, предлагаютъ въ своихъ языкахъ ближайшее сродство съ Санскритомъ. Языкъ въ этомъ случаѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ образованности. Слѣдовательно, значительная близость нашего языка къ Санскриту... тѣмъ самымъ изобличаетъ юность и незрѣлость или, по крайней мѣрѣ, свѣжесть умственныхъ и нравственныхъ силъ народа» и т. д.

«Незрѣлость или, по крайней мѣрѣ, свѣжесть». Хорошо логическое соединеніе мыслей!

«Чѣмъ менѣе народъ развивался исторически, тѣмъ ближе его языкъ къ общему сродству... Языкъ въ этомъ случаѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ образованности». Языкъ уцѣлѣлъ: онъ молодъ. Развалился и перегнилъ: онъ старъ. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что пирамида моложе развалившейся мазанки, и крѣпкій баобабъ моложе сгнившей ветлы. Но оставимъ сравненія и сдѣлаемъ прямой выводъ, въ которомъ бы не было ни малѣйшей тѣни натяжки. Языкъ Готоскій ближе къ общему корню, чѣмъ Англо-Сакскій. Неужели Готы были менѣе развиты, чѣмъ Саксы? Болѣе чѣмъ сомнительно. Языкъ Шипетаровъ Албанскихъ и Кельтовъ Ирландскихъ далѣе Геллинскаго отъ Санскрита; слѣдуетъ, что Шипетары и Кельты развитіе Гелленовъ? Разсмѣешься поневолѣ. Но, можетъ быть, тутъ вошли

*) Въ словѣ *серьга* ерикъ послѣ *р* означаетъ, что выпавшая или передвинутая гласная принадлежала къ лѣствицѣ острыхъ гласныхъ: ибо характеръ гласной обыкновенно остается при согласной, даже когда гласная уже выпала.

Digitized by Google

другія стихіи. Посмотримъ на другое: во время Августа цвѣла еще Санскритская словесность въ полномъ блескѣ и была крайне близка къ общему сродству, а Германскія нарѣчія уже отклонились далеко. Слѣдуетъ, что Индія, которой словесность едва ли не богатѣйшая въ цѣломъ свѣтѣ, была менѣе развита, чѣмъ дикари Германскихъ лѣсовъ. Посмотримъ, наконецъ, ближе къ себѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія. Церковно-Славянскій языкъ и народъ, которому онъ принадлежалъ и который уже имѣлъ во II-мъ вѣкѣ, какъ мы знаемъ, богатую словесность, были менѣе развиты, чѣмъ Саксонцы Беовульфа? Но и этаго мало: Русскій языкъ, намъ современный, несравненно ближе къ Санскриту, чѣмъ языкъ Беовульфа: слѣдуетъ, что Русскіе нашего времени менѣе развиты, чѣмъ Саксы, когда они пѣли Беовульфа. Вотъ выводы прямые и не подверженные никакому сомнѣнію. А это выводы изъ правилъ, положенныхъ человѣкомъ, который занимается языкознаніемъ.

Не дурно!

«Литовцы и Славяне». Они стоятъ у г-на Буслаева въ одной категоріи. Онъ даже и не подозрѣваетъ разницы. Онъ не знаетъ, что Литовское нарѣчіе, при своей близости къ Санскритскому, представляетъ только развалину, едва кое гдѣ поросшую скудною растительностью стѣннаго мха; а Славянскія, при той же близости, имѣютъ свою самобытную жизнь и свое богатое развитіе, не уступающія никакому языку въ мірѣ. Да какъ же это случилось, что такая неизмѣнность соединена съ такою жизненностью? Очень просто. Оно случилось отъ того, что наше слово, единственное на земномъ шарѣ, крѣпко какъ гранитъ, а прозрачно и переливчато какъ ключевая струя. Оно случилось отъ того, что Славяне самое словесное племя изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ, не исключая даже Индусовъ, какъ видно изъ сличенія Индостана съ Санскритомъ. Г-нъ Буслаевъ, преподаватель сравнительной филологіи въ Россіи, не подозрѣваетъ даже свойствъ своего роднаго языка и народа, который въ этомъ языкѣ высказывается.

Итакъ, я объясню то *но*, на которомъ я было остановился. Я бы многое могъ объяснить г-ну Буслаеву по случаю слова *ночь*; но какъ же я объясню что-нибудь критику, который высказываетъ такую невѣроятную запутанность въ самыхъ простыхъ и первоначальныхъ понятіяхъ? Ссылаюсь на всякаго

Digitized by Google

ученаго: вѣдь это просто невозможно. Онъ меня избавилъ отъ труда впредъ возражать ему. Но г-нъ Буслаевъ въ своей статьѣ приглашаетъ Славянофиловъ побесѣдовать съ Гриммами, Боппомъ, Бенфеемъ и иными филологами. Это другое дѣло: это можетъ быть; не потому, чтобы были въ Россіи филологи имъ равные, но потому, что они показали путь, а мы ближе къ источнику по милости наслѣдства нашихъ предковъ Русскаго языка.

Кстати о филологіи: скажу слово о происхожденіи одной изъ сказокъ, ходящихъ въ народной словесности.

Когда Пушкинъ, первый (если не ошибаюсь) сказалъ, что «Бова-Королевичъ» переведенъ съ Итальянскаго языка (что совершенно справедливо) и есть сказка Итальянская, я встрѣтился съ нимъ и доказалъ ему, что хотя сказка перешла къ намъ изъ Италіи, но въ Италію перешла она изъ Англіи, своей родины. Онъ хотѣлъ это напечатать, но, кажется, забылъ; съ тѣхъ поръ не знаю, сказалъ ли кто-нибудь тоже самое.

Городъ Антонъ не Анкона, а Англійскій Гамптонъ, весьма извѣстный въ Англіи, гдѣ нѣсколько городовъ носятъ это имя (Southhampton, Northhampton и др.). Вотъ родина Бовы, поанглійски Бевиса (быть можетъ, не чуждаго древнѣйшему Беовульфу). Такъ объясняется и война съ Датчанами (the Danes). Противникъ и потомъ другъ Бовы, исполинъ Лукоперъ, поанглійски Аскапардъ, былъ съ нимъ изображенъ на двухъ половинкахъ городскихъ воротъ котораго-то изъ Гамптоновъ, но котораго, не помню. Происхожденіе это не подлежитъ сомнѣнію.

Въ Бовѣ мы находимъ Датчанъ подъ ихъ подлиннымъ именемъ, отъ Итальянской формы Danese и Аглійской Danes. Откуда произошла Русская: Датчане? Гриммъ думаетъ, что это память, сохраненная Славянами о томъ, что Датчане нѣкогда назывались Даками. Такому великому труженнику въ наукѣ, каковъ Гриммъ, можно простить мелкія ошибки, происшедшія отъ народнаго самолюбія, ищущаго военной славы заднимъ числомъ. Объясненіе формы Датчане очень просто. Точно также какъ Англичане назвали не Нѣмцевъ, а Голландцевъ по преимуществу Dutch, точно также мы назвали не Нѣмцевъ, а Данскій народъ Датчанами. Оба слова совершенно одинаковы, и оба суть только измѣненія слова Дейтисъ (Deutsch): отъ того

Digitized by Google

Дейтчане (Датчане) и Датскій. У Англичанъ это слѣдствіе Рейнской, а у насъ Любской торговли.

Въ Англо-Саксонскихъ сказкахъ были два героя, особенно любимые, Бевисъ изъ Гамптона и Гви (или Гай) изъ Варвика, котораго противникъ и другъ, также исполинъ, звался Кольбрантъ. Норманны-завоеватели не допускали Англо-Саксонскихъ героевъ въ свою поэзію. Собственныхъ героевъ изъ Скандинавіи они перезабыли такъ же, какъ и все Скандинавское въ бытѣ, устройствѣ и законѣ (что уже ясно доказалъ Пальгревъ). Они пѣли Французскаго Роланда и его товарищей; но скоро къ нимъ присоединили Кельтскихъ—Артура и его сподвижниковъ. Бевисъ и Гви мало-по-малу забывались, и теперь едва ли Россія не лучше помнитъ Англо-Сакскаго богатыря Бову, чѣмъ его родина. *А. Хомяковъ.*

III.

Замѣтка.

(„Молва“ 1857 г., стр. 119).

Есть въ нашемъ разговорѣ много употребительныхъ словъ, образованіе которыхъ не совсѣмъ ясно, напримѣръ *намедни* или иначе *онамедни*: слово, вѣроятно, образовавшееся изъ *оными дни* и указывающее на древній творительный падежъ множественнаго числа. Такъ *весьма* есть тоже особый творительный народный отъ *весь*, и, вѣроятно, древнѣйшій. Творительному *весьма* соотвѣтствуютъ тоже древняя форма *болма*, а также доселѣ употребительныя въ народѣ формы, какъ: *ревма* реветъ, *валма* валитъ и пр. Это все, думаемъ мы, форма (и форма древняя) творительнаго падежа. Слово *паки* тоже не очень ясно. Вѣроятно, оно образовалось изъ *кой*, *кій* и повторительнаго предлога: *по*, переходящаго часто въ *па*(*сокъ-пасока*; *токъ-патока*), *кій*, *пакій* (какъ *вся-кій*, *ка-кой*, *та-кой* и пр.; но *пакій* неупотребительно). Формѣ *паки* соотвѣтствуетъ форма *таки*; кромѣ этой формы встрѣчается и форма *пакъ*, соотвѣтственно формѣ *такъ*. Здѣсь аналогія подтверждаетъ предположеніе, что *паки*, *пакъ* произошло отъ *пакій* (*пакой*), какъ *таки-такъ* произошло отъ *такой* (*такій*). Есть еще форма *паче*, и хотя рѣдко встрѣчающаяся, соотвѣтственная ей форма *таче*. Форма *паче* еще болѣе утверждаетъ наше мнѣніе, что *паки* происхо-

Digitized by Google

дить отъ мѣстоименнаго прилагательнаго *пакій*, ибо это форма сравнительная, какъ *прытче*, *слаще*; сюда же относится *иначе*, при которомъ впрочемъ сравнительный оттѣнокъ слабо сохраняется. Но что же тако *паки*? *Паки*, равно и *таки*, образовались изъ *пакій*, *такой* (или лучше изъ первообразнаго: *пакъ*, *такъ*, соотвѣтствующаго напр. первообразному *добръ*),какъ, напр., *молодецки*, *дѣтски*, образовалось отъ *молодецкъ*, *дѣтскъ*. Но что же это за форма? Думаемъ, что это древній предложный безъ предлога или мѣстный какъ: *явѣ*, *добрѣ (добрѣ)* и пр. Буква *ѣ* въ *и* легко переходитъ, особенно когда она на концѣ, и не на ней удареніе. Замѣчательно, что иногда при этихъ формахъ употребляется предлогъ *по*; напр. *по-дѣтски*, *по-молодецки*. Впрочемъ здѣсь можно возразить, что въ этомъ случаѣ скорѣе приличенъ дательный, ибо говорится напр. *по добру*, *по здорову;* однако возможенъ и предложный и есть подобное употребленіе: говорится, напр., онъ пошелъ *по братѣ* и *по брату*. Быть можетъ, что въ этомъ разсматриваемомъ случаѣ удержалось употребленіе предложнаго. По крайней мѣрѣ, вотъ наши догадки.

IV.

Изъ письма къ редактору „Молвы".

Рѣдко случается мнѣ заглядывать въ «Русскій Вѣстникъ», но долженъ сознаться, что всякій разъ выношу я изъ чтенія этого журнала какую-нибудь новую и любопытную мысль.

Недавно читая, во второй Апрѣльской книжкѣ, статью г-на Соловьева «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе», я былъ пораженъ слѣдующимъ страннымъ изреченіемъ: «Русскій человѣкъ XVII вѣка, говоритъ онъ, явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспринятію новаго, однимъ словомъ, явился ребенкомъ, ребенкомъ, чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго настала пора ученія, пора подражанія; ибо что̀ такое ученіе, какъ не подражаніе?» (стр. 466).

Признаюсь я до сихъ поръ полагалъ, что ученіе въ этомъ смыслѣ свойственно только такимъ твореніямъ Божіимъ, каковы обезьяны и попугаи, а что человѣкъ, существо разумное, придаетъ ученію болѣе высокое значеніе, не считая его простымъ подражаніемъ, но сознавая въ немъ живую искру, за-

Digitized by Google

жигающую огонь его собственнаго мышленія, духовную силу, устремляющую его на путь самобытнаго развитія.

Однако, можетъ быть, что до сихъ поръ люди ошибались, придавая столько важности такому легкому дѣлу; поэтому очень желательно, чтобы г-нъ Соловьевъ развилъ поболѣе свою замѣчательную теорію. И тогда, если ему удастся доказать, что ученіе есть не что иное, какъ подражаніе, можно будетъ по чисто-математическому дѣйствію (замѣненіе равнаго равнымъ) замѣнить старую Русскую пословицу «ученіе свѣтъ, а неученіе тьма», новою болѣе ясною, поговоркою: «подражаніе свѣтъ, а неподражаніе тьма».

Притомъ же г-нъ Соловьевъ не только обогатитъ Русскій языкъ новою пословицею, но и придетъ къ очень лестному для насъ выводу, который поставитъ подражательницу-Россію въ самомъ яркомъ свѣтѣ, тогда какъ не подражающая никому Англія останется «во тьмѣ и сѣни смертнѣй». И по дѣломъ ей, этой лукавой Англіи!

Digitized by Google

Записка А. С. Хомякова о Шумлинской позиціи. 1854 *).

Планъ кампаніи за Дунаемъ или случайности войны могутъ привести наши войска снова подъ Шумлу: поэтому считаю не безполезнымъ дать нѣкоторую извѣстность слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ 1828 году, послѣ удачнаго нападенія на Костежское ущелье, я стоялъ на правомъ флангѣ отряда въ третьемъ эскадронѣ гусаръ принца Оранскаго, около версты отъ ущелья. Болѣе десяти дней у насъ не было ничего съѣстнаго, кромѣ сухарей. Въ это время указалъ мнѣ унтеръ-офицеръ на нѣсколько коровъ, которыя паслись на Шумлинской горѣ. Я попросилъ у полковника Плаутина позволенія отбить этихъ коровъ. Онъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ: «Развѣ вы не знаете, что это Шумлинская гора? Впрочемъ, пожалуй, попробуйте». При скотѣ видно было человѣкъ восемь вооруженныхъ пастуховъ. Я спустился съ 30-ю охотниками къ рѣчкѣ, которая называется, если не ошибаюсь, Балтаджи-дере, а по-болгарски Врана. За крутостью горы пастухи уже меня видѣть не могли. Я проѣхалъ нѣсколько саженъ рѣчкой по каменистому дну, увидѣлъ влѣво стёжку не слишкомъ крутую и довольно широкую для прохода двухъ лошадей, легко поднялся въ верхъ и къ самому верху пустился вскачь. Захваченные въ расплохъ пастухи выстрѣлили на удачу, разумѣется, ни въ кого не попали, бросились направо въ кусты, куда преслѣдовать ихъ было нельзя и безполезно. Коровъ я велѣлъ отогнать въ полкъ

*) Князь М. Д. Горчаковъ сдѣлалъ на этой запискѣ помѣтку: „любопытное свѣдѣніе“.

Digitized by Google

(который имп впослѣдствіи лакомился), а самъ, бросивъ пикеты на опушку къ сторонѣ Трусовскаго ущелья, пустился крупной рысью поперекъ горнаго хребта. Подъемъ былъ весьма легкій, почти равнина. Проѣхавъ около версты одинъ, я доѣхалъ до такого мѣста, гдѣ былъ переломъ хребта и вдали увидѣлъ Шумлу, стоящую въ углубленіи гораздо ниже меня. Въ это время раздался выстрѣлъ однаго изъ пикетныхъ солдатъ, и я принужденъ былъ поспѣшить возвратомъ; собралъ солдатъ и благополучно спустился подъ гору, опередивъ на четверть версты Турецкій отрядъ человѣкъ въ триста, который спѣшилъ отъ Трусовскаго ущелья, чтобы насъ отрѣзать.

Подъемъ на Шумлинскую гору съ версту вправо отъ Костежа весьма легокъ для пѣхоты и для кавалеріи и даже не труденъ для артиллеріи, разумѣется, съ помощію пѣшихъ солдатъ. Это мѣсто нисколько не было укрѣплено въ 1828-мъ году, и такъ какъ оно нападенію не подвергалось, то немудрено, что оно не укрѣплено и теперь.

Едва ли не я одинъ въ Русской арміи былъ на Шумлинской горѣ; но дорога, мною найденная, осталась никому неизвѣстной, потому что свитскіе офицеры, которымъ я объ ней говорилъ, на это не обратили никакого вниманія, а изъ Костежа Турки насъ проводили невѣжливо по милости генерала Ридигера, который ни въ Костежѣ не укрѣпился, ни пути возвратнаго черезъ лѣса не обезпечилъ.

Въѣздъ мой на Шумлинскую гору и успѣшная добывка коровъ могутъ быть засвидѣтельствованы всѣми моими товарищами и генераломъ Плаутинымъ. Во время фуражировокъ за Эски-Стамбуломъ видѣлъ я также влѣво отъ Костежа два другіе въѣзда, которые мнѣ также показались удобными, и тоже самое мнѣ было подтверждено Болгарами. Но такъ какъ я видѣлъ эти черныя дорожки издали посредствомъ маленькой зрительной трубки, отвѣчать за вѣрность моего наблюденія не могу. Впрочемъ, всѣ эти обстоятельства, можетъ быть, и могутъ къ чему-нибудь послужить; поэтому и нахожу нужнымъ ихъ сообщить.

Эта записка А. С. Хомякова (изъ Мартовской книжки „Русскаго Вѣстника“ 1889 года) сообщена намъ И. В. Новицкимъ. *Изд.*

Digitized by Google

(Къ IV-му тому).

Записочка А. С. Хомякова.

Ѣдунъ плохой, поэтъ смиренный
Къ вамъ явится всенепремѣнно
И съ благодарностью; но только, можетъ быть,
Онъ льготныхъ полчаса попроситъ униженно,
Чтобъ отъ Чадаева обратный путь свершить.

А. Хомяковъ.

21-го Мая 1854 г.

Записочка писана къ Степану Дмитріевичу Нечаеву, въ отвѣтъ на приглашеніе къ обѣду. С. Д. Нечаевъ жилъ въ Москвѣ, въ началѣ Дѣвичьяго поля (въ домѣ, гдѣ нынѣ Усачевско-Чернявское учебное заведеніе), т. е. въ многоверстномъ разстояніи отъ Новой Басманной, гдѣ (въ домѣ нынѣ Прохорова) у П. Я. Чадаева каждый Понедѣльникъ бывали утреннія собранія, неизмѣнно посѣщаемыя пріятелемъ его А. С. Хомяковымъ (жившимъ на Собачьей площадкѣ). *Изд.*

Digitized by Google

Письмо А. С. Хомякова къ Петру Яковлевичу Чаадаеву.

Я очень радъ, что вамъ лучше и надѣюсь на хорошую погоду, что она васъ совершенно поправитъ, ибо имѣю твердое намѣреніе съ вами долго и долго вести дружескіе споры, которые нисколько не мѣшаютъ еще болѣе дружескому согласію. Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ впрочемъ я ошибокъ не нахожу и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія.

Что касается до моего дьякона *), то его повѣренный говорилъ мнѣ вчера: Protestantism is absolutly drawing to an end. Это мнѣ было очень пріятно слышать: очевидно движеніе религіозное въ Англіи, не смотря на свои странныя формы, имѣетъ ясное сознаніе современной эпохи. Какая страшная реакція противъ XVIII-го вѣка!

Жены моей дома нѣтъ, и поэтому я беру на себя благодарить васъ за вашъ любезный поклонъ. До свиданія; не знаю, когда именно, но твердо вѣрю, что на здѣшнемъ свѣтѣ: въ немъ еще такъ много любопытнаго, что не для чего съ нимъ разставаться. Вашъ А. Хомяковъ.

*) Т.-е. дьякона Англиканской церкви, Пальмера. П. Б.

Digitized by Google

Письмо А. С. Хомякова къ И. В. Кирѣевскому [1])

Видно, мы съ тобою плохо собираемся слово держать, любезный Иванъ Васильевичъ, когда первый срокъ уже пропустили. Я не потому пропустилъ, чтобы не вспомнилъ,—нѣтъ, а просто потому, что писать было нечего. Ты почему?... И теперь пишу отъ стыда, чтобы какъ нибудь оправдать себя. Новаго ничего нѣтъ ни во мнѣ, ни около меня. Москва пуста, всѣ разъѣхались. Павловъ одинъ еще въ Москвѣ или, лучше сказать, въ Дворянскомъ клубѣ. Мои увѣщанія принесли ту пользу, что онъ сталъ играть еще рѣзвѣе, и уже имя его произносится на ряду съ Нилусами. Жаль для него и для насъ. Тургеневъ[2]) уѣхалъ грустный; кажется мы ему оказали плохую услугу и частыми нападеніями почти увѣрили, что всѣ великолѣпныя явленія жизни Запада чуть-чуть не шутка, не исключая ни брошюрокъ Лакордера, и мыслей Жубера; а человѣкъ вообще любитъ свою игрушку, покуда онъ еще вѣритъ, что она дѣло, и что кукла живой человѣкъ. Сюда, между прочихъ великихъ людей, пріѣхалъ С. С. Уваровъ, котораго я еще не видалъ и который, по слухамъ, невыразимо величественъ въ отсутствіе Строганова, и Ефимовичъ, съ бакенбардами и бородою, который преважно увѣряетъ, что главная теперь задача Синода состоитъ въ примиреніи Православія съ ученіемъ Шлейермахера, и что Протасовъ этимъ очень занимается. Вѣроятное дѣло [3]). Между прочимъ почти вѣрно, что поповъ поставятъ на ругу или на жалованье. Откуда возмутъ потребныя на это 30,000.000 ежегодно, и лучше ли? Прежде я думалъ priori, что къ этому всячески надобно стремиться; теперь сомнѣваюсь. Для народа хлѣбопашественнаго священники-хлѣбопашцы почти хороши: даютъ добрый примѣръ, учатъ хозяйству, живутъ общею съ народомъ жизнію и, слѣдственно, болѣе ему сочувствуютъ. Но это только умствованіе, однакоже подтвержденное для меня опытомъ. У меня три попа на ругѣ, два на пашнѣ, и *сіи* лучше *оныхъ*. Праздность беззаботная, безъ занятій необходимыхъ, безъ общества нѣсколько просвѣщеннаго ведетъ ихъ къ обжорству, къ пьянству и разврату; а деньга, которая представляетъ для нихъ и хлѣбъ, и все нужное въ жизни, пріучаетъ къ корыстолюбію. Попу на пашнѣ можно жить хорошо безъ денегъ трудолюбіемъ и хозяйствомъ; но деньги знаютъ только одно хозяйство—процентъ и спе-

[1]) Изъ приложеній ко II-го тому книги Н. П. Колюпанова: „Біографія А. И. Кошелева“ М. 1892, стр. 108—110. *Изд.*

[2]) Александръ Ивановичъ. *Изд.*

[3]) Сверхъ того Ефимовичъ пріобрѣлъ великое почтеніе къ Полевому.

Digitized by Google

куляціи. То и другое болѣе развращаетъ, *чѣмъ хлѣбопашественныя занятія*. Изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительно пашня приличнѣе была для попа жизни спокойной; но слѣдуетъ только то, что при теперешнемъ бытѣ поповскомъ она приличнѣе. Перемѣна частная не будетъ ни на что годна; но перемѣна общая, систематическая, можетъ быть очень полезна. Дайте жалованье, но требуйте катехизаціи и сдѣлайте эту катехизацію возможной: тогда не жалко будетъ заплатить по 1000 каждому изъ 30,000 поповъ приходскихъ въ Россіи. Вотъ какъ я предложилъ бы учредить эту катехизацію. Приходъ дѣлится на число деревень. Изъ года вычитается Страстная, Свѣтлая недѣля, святки, сѣнокосъ и жатва. Остальное время дѣлится на число деревень, и всякая имѣетъ свои положенныя 4 или 5 или 6 недѣль, сколько придется. Въ продолженіе этихъ недѣль попъ пріѣзжаетъ всякій вечеръ или утро и учитъ словесно въ общей избѣ дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Въ продолженіе того же времени дѣти изъ той же деревни, подъ предводительствомъ старика или старухи, приходятъ слушать поученіе послѣ воскресной обѣдни или послѣ праздничныхъ обѣдень, а дѣти прочихъ деревень могутъ и не приходить къ ученію воскресному, хотя всѣ приглашаются. Вотъ, мнѣ кажется, одно средство, чтобы катехизація была возможною, а жалованье безъ рѣшительнаго поворота въ жизни болѣе можетъ сдѣлать вреда, чѣмъ пользы. Также толкуютъ объ уничтоженіи сословія дьячковъ и пономарей и о вольнонаемномъ замѣщеніи ихъ должностей. Плохо вѣрю; хотя стихарь и не требуетъ рукоположенія, однакоже дьячка нанимать, какъ дворника, странно.

Съ твоего отъѣзда не дѣлалъ я ровно ничего и только читалъ всякій вздоръ, да всякій вечеръ каялся въ утраченномъ днѣ. Я такъ часто исповѣдуюсь въ лѣни безъ исправленія, что готовъ съ Лютеранами полагать, что лучше не исповѣдаться: сохраняешь стыдъ и еще можешь исправиться, а когда признался, отложилъ всякій стыдъ, того и смотришь, что въ грѣхѣ погрязнешь.

Тургеневъ ѣдетъ знакомиться съ новымъ королемъ*) и, по словамъ Свербеева, встрѣтить мощи Наполеона.

Петру Васильевичу, которому кланяюсь, слѣдуетъ заказать пальто, palleton, houppelande Vendienne et Bretonne. Адамъ Бременскій говоритъ, что Славяне Поморскіе торгуютъ холщевыми плащами, которые у нихъ называются Paldonis, народный костюмъ. Любопытный фактъ!

---

*) Со вступившимъ на престолъ (1840) королемъ Прусскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ IV-мъ. П. Б.

Digitized by Google

Записка Леонида Матвѣевича Муромцова о послѣднихъ минутахъ А. С. Хомякова.

23-го Сентября (1860) въ 8 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я наскоро захватилъ съ собою лѣкарства, которыми довольно успѣшно лѣчилъ въ околодкѣ и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 часовъ взошелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицомъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзни сразу бросились мнѣ въ глаза. «Что съ вами, Алексѣй Степановичъ?» спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе. «Да ничего особеннаго, приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылѣчилъ, а себя вылѣчить не могу». И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода.

Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лѣкарства, послать за докторомъ и, слѣдовательно, сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной гомеопатической аптечки то *veratrum*, то *mercurium*. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексѣй Степановичъ уже страдалъ поносомъ; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21-го въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письмо. Въ 3-му часу онъ легъ спать и

Digitized by Google

приказалъ человѣку приготовить къ утру горчичникъ, собираясь ѣхать со мной въ засѣданіе Лебедянскаго Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9 часовъ, когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ всѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимовѣрную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больного утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: «очень, очень радъ». Во все время совершенія таинства онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шепотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое время, онъ принялъ нѣсколько капель моего лѣкарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ.

Часа въ три, при усиліи встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали) онъ впалъ въ сильный обморокъ; ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ кажется, что этаго онъ и не слыхалъ и не замѣтилъ: ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крѣпко заснулъ. «Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего-нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете, но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно».—«Не могу говорить», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Очень тяжело». Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не могъ его безпокоить и тревожно ждалъ, что̀ Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что они сдѣлались легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго, обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самаго утра, началъ показываться. Однѣ только руки оставались холодными какъ ледъ. Все, какъ будто, шло къ лучшему: я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича; я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше». «Faites-vous responsable de cette

Digitized by Google

bonne nouvelle, je n'en prends pas la responsabilité», сказалъ онъ, почти шутя. «Право хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись и глаза просвѣтлѣли». *«А завтра какъ будутъ свѣтлы!»* Это были его послѣднія слова. Онъ яснѣе нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни.

Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ $7\frac{3}{4}$ час. вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины онъ твердо и вполнѣ сознательно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Digitized by Google

Мѣста, выпущенныя И. С. Аксаковымъ въ письмахъ къ Ю. Ѳ. Самарину *).

Стр. 255. Письмо V. «Доказательство: расколы, Годуновъ, Салтыковъ, какъ требователи просвѣщенія, и потому-то несдержанный Царь переходитъ въ Императора».

Стр. 256. Письмо VI. Послѣ: *Онъ не пошелъ ни на что.* «Мнѣ кажется, тутъ болѣе всего примѣшалось какое-то тупое самолюбіе и нежеланіе передать журналъ въ руки молодежи; можетъ быть примѣшались и другія худшія страстишки».

Стр. 258. Послѣ *Всемірный вопросъ нашего времени.* «Виноватъ, что такъ долго къ вамъ не писалъ о дѣлѣ по портрету. Съ Лужинымъ я говорилъ, и онъ рѣшительно обѣщалъ удовлетвореніе; но нужна письменная просьба, на которую я никакого права не имѣлъ. Напишите къ нему письмо съ объясненіемъ дѣла и пошлите къ нему всего лучше черезъ Попова, который его знаетъ.... самому объясните нѣсколько дѣло, и тогда, я думаю, все уладится».

Стр. 261. Письмо VII. Послѣ *и слѣд. говоритъ нечего.* «Я его считаю неправымъ, но въ его заблужденіи есть много прекраснаго и даже истиннаго. Онъ ошибается только въ томъ, что не хочетъ принимать въ соображеніе вашъ личный характеръ, для котораго путь, который ему кажется лучшимъ, вовсе не годится».

Стр. 279. Письмо XII. Послѣ *таково же и мнѣніе Шевырева.* «Что гр. Блудову я назвалъ Антуанетой, а не Антониной, очень понятно: я нѣсколько разъ слыхалъ въ Петербургѣ, что дамы ее называли заочно Антуанетой Дмитріевной. Знаю, что ея имя должно быть по крещенію Антонина, но Апполинарія Михайловна себя перемѣновала въ Апполину Мих., и всѣ Агланды въ Россіи называютъ себя Аделаидами и Аделя-

*) Эти письма были помѣщены И. С. Аксаковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г.; приводимое здѣсь онъ не счелъ нужнымъ или возможнымъ напечатать.

Digitized by Google

ми. Вы видите, что логика моя была вѣрна, хотя выводъ и ошибоченъ.

Стр. 285. Письмо XVI. Послѣ *Въ Россіи все земское начало.* «Между прочимъ я получилъ почти офиціальное дозволеніе явиться ко Двору въ своемъ средневѣковомъ платьѣ».

Стр. 291. Письмо XVIII. Въ концѣ: «Какъ это Акс. попалъ къ Каткову?».

Стр. 292. Письмо XIX. Послѣ *Впрочемъ есть еще другое объясненіе.* «Современникъ полупридворный журналъ». Къ этимъ словамъ Хомякова замѣчаніе И. С. Аксакова: «Этого нельзя оставить, т. к. «Современникъ» скоро былъ закрытъ, и редакторъ сосланъ въ Сибирь. Затѣмъ, если кто его и читалъ при Дворѣ, такъ только Конст. Ник. и, можетъ быть, Елена Павловна. Хомяковъ часто смѣшиваетъ «дворы».

Послѣ *Норова* «И какъ я его пугнулъ на вечерѣ и натравливалъ на 3-е Отдѣленіе и пр.; а особенно про мужество Блудова и про то, какъ рѣчь, имъ неговоренную, а сочиненную для него на досугѣ мною, принялъ П—гъ за его рѣчь, и какъ храбро онъ принялъ за нее отвѣтственность и даже хотѣлъ, чтобы ее начертили на его надгробномъ памятникѣ».

Стр. 293. Послѣ *Не падутъ духомъ.* «Миръ, и манифестъ уже вышелъ пошлый, полубезграмотный, обмазанный медомъ на кончикѣ. Очевидно Государь хотѣлъ говорить и говорить довольно откровенно; но... его до этаго не допустили. Стародавнее дипломатствованіе Царя съ подданными сдѣлалось вѣрою въ П—ѣ. Блудовъ отказался писать манифестъ о постыдномъ мирѣ, и это дѣлаетъ ему честь, хотя конечно онъ бы и не могъ задачу разрѣшить удовлетворительно; а прочія перья тупы, какъ и всѣ тамошнія головы. Въ П—ѣ дивились нашей Московской любви къ Царю, которой я нисколько не скрывалъ, и говорили мнѣ это прямо. Я имъ однажды сказалъ очень откровенно, что ихъ благородное лакейство не понимаетъ его простой человѣчности и совершенно въ этомъ убѣжденъ. Но справится ли онъ съ ними и самъ съ собою какъ человѣкъ? Всѣмъ трудна истина; какъ много труднѣе тому, у кого нѣтъ ни досуга ее искать, ни человѣка, отъ котораго ее слышать. Что Богъ дастъ?».

Послѣ *мало было толка.* «Въ Царѣ есть одно уже проявившееся достоинство: несказанная скромность (discrétion).

Digitized by Google

Это не въ отца, а въ дядю. Эпоха будетъ называться: des deux neveux».

Стр. 294. Письмо XX. Послѣ *въ самомъ глубокомъ раздумiи.* «Шеншинъ ѣдетъ на Волгу и надѣется васъ тамъ видѣть. Изъ Питера пріѣхалъ зять мой, котораго болѣзнь сына воротила съ дороги въ чужіе края. Говоритъ, что Елисавету [1]) тамъ терпѣть не могутъ и не скрываютъ; а Шеншинъ увѣряетъ, что тамъ знаютъ, что она любимица Аксакова и моя, но что Долгорукій [2]) приводитъ это въ доказательство нашей страшной хитрости. Муравьевъ говоритъ, что эмансипація неизбѣжна потому, что Государь рѣшился, во что бы то ни стало, привести ее въ исполненіе. Пожалуста подогрѣвайте и когда онъ (т.-е. Елисавета) воротится, сдѣлайте такъ, какъ Кошелевъ, хоть въ маломъ размѣрѣ, въ видѣ опыта.»

Стр. 302. Письмо XXI. Послѣ *и сверхъ того грустно.* «Потому что истинное сочувствіе находили мы въ..... не смѣйтесь и не называйте Александрой Ивановной В.[3]) Какъ же не грустно видѣть эту невозможность выбиться на разумный путь! И мы же будемъ казаться упрямцами, когда истинная невозможность принять предложеніе, начинающееся слѣдующими словами: «Всякая идея о самостоятельномъ развитіи народностей должна быть устранена изъ журнала». А между тѣмъ было дѣйствительно съ его стороны благоволеніе, но не достало вѣры въ собственную мысль, и онъ покорился тупому озлобленію большинства Совѣта. Что за гнусное наслѣдство ему оставлено, и какъ ловко отходящіе старики ему подсовываютъ новобранцевъ, готовыхъ идти тѣми же путями.

Стр. 302. Послѣ *придворныхъ эмансипаторовъ*, «т.-е. вел. княг. Елены П. и другихъ».

Въ концѣ письма: «Мухановъ былъ здѣсь и отъ меня прятался. Чичеринъ въ большой чести у него и у Тимашева. Филипповъ въ Москвѣ никому изъ насъ не показался. Синодалы очень бранятъ мою третью брошюру».

---

[1]) Здѣсь подъ Елисаветой разумѣется гос. Ал. Ник—чъ. *Изд.*

[2]) Шефъ жандармовъ, кн. Василій Андреевичъ. П. Б.

[3]) Т. е. Васильчиковой. П. Б.

Digitized by Google

Примѣчаніе къ стр. 204-й.

Для доказательства своей мысли Алексѣй Степановичъ приводитъ фактъ «оплеухи», данной Вильгельмомъ Ногаретомъ папѣ Бонифацію VIII (1303 г.), фактъ, въ настоящее время опровергаемый историками.

Со временъ полемики Хомякова съ Грановскимъ, нерѣдко повторялись противъ него обвиненія въ томъ, «что ему, какъ поэту, привычнѣе въ сферѣ свободныхъ вымысловъ» (ср. 1 т. Соч. Хомякова, стр. 153); и потому приведеніе факта невѣрнаго для построенія на немъ выводовъ обобщительныхъ могло бы служить подкрѣпленіемъ для обвиненій, подобныхъ тому, которое было высказано Грановскимъ.

Какими источниками пользовался Хомяковъ для признанія факта «оплеухи», данной Ногаретомъ, мы не знаемъ; вѣрно лишь то, что признаніе этаго факта за достовѣрный было настолько распространено, что позднѣйшимъ ученымъ приходилось этотъ фактъ категорически опровергать. Нѣкоторые стали приписывать «оплеуху» не Ногарету, а его товарищу Шарра (Sciarra) Колоннѣ; но наконецъ остановились на томъ, что «оплеуха» вообще не доказана. Такъ v. Reimont въ Gesch. d. S. Rom. т. 2, стр. 667, говоритъ: Die Mishandlung durch den Franzosen (Nogaret), die durch den rohen Sciarra... ist unerwiesen. Gregorovius идетъ дальше и говоритъ: Die Ohrfeige Nogarets ist sicher unwahr (Gesch. d. S. Rom 5 т.). Но, говоря это, онъ тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что до него были и утверждавшіе опровергаемый ими фактъ заушенія именно Ногаретомъ. Ясно, что Хомяковъ пользовался для своей версіи событія въ Ананьи источниками, допускавшими нынѣ опровергаемый фактъ, а вовсе не позволялъ себѣ «поэтической вольности».

Digitized by Google

Но, спрашивается, можно ли затѣмъ почесть невѣрнымъ сдѣланный Хомяковымъ выводъ изъ факта насилія надъ папой *потому только*, что форма этого насилія оказывается, можетъ быть, не точно опредѣленной? Кажется, что законность дѣлаемаго имъ вывода нисколько не измѣнится, если, опустивъ сомнительную подробность «оплеухи», удовольствоваться болѣе общимъ опредѣленіемъ поступка Ногарета, которое находимъ, наприм., у Неандера (Kirch. Gesch. IV. 684): Er erlaubte sich gegen ihn unwürdige Schmähungen und Spottreden; или выраженіемъ Michelet (Hist. de France 407 стр., изд. 1840 г.): Nogaret lui (au pape) adressa des paroles qui vallaient un glaive. Образчикъ этихъ рѣчей приводитъ Hefele въ своей Conciliengeschichte (VI, 330): Sofort soll Nogaret den Papst unter dem Hohnrufe seiner Begleiter maledictus, malefacius, von Thron herabgezogen; а результатъ всего инцидента такъ выражаетъ G. Capponi въ своей Storia di Firenza (1, 113): Era morto Bonifacio VIII dell'insulto avuto a Anagni per mandato di Filippo il Bello, re di Francia. Несомнѣнно, что Ногаретъ угрожалъ папѣ «связать его и въ цѣпяхъ привести на судъ Собора»; ему не удалось исполнить своей угрозы лишь по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Очень можетъ быть, что, употребляя для краткаго охарактеризованія поступка Ногарета слово «оплеуха», А. С. Хомяковъ вовсе даже и не имѣлъ въ виду придавать значенія самому дѣйствію, этимъ словомъ означаемому, а хотѣлъ только кратко охарактеризовать самый духъ событія; и въ такомъ случаѣ трудно было бы найти другое выраженіе «образное», болѣе вѣрно и осмысленно выражающее дикую расправу Филиппа съ Бонифаціемъ. Самый полный сводъ матеріала по этому дѣлу можно найти у Drumann Gesch. Bonifacius VIII, 1852 г. *Изд.*

Digitized by Google

Errata.

Стр. 107. Прим. Ликейскихъ, читай Ликійскихъ.

„ 141. Прим.2-е. Письмо „о страданіи и молитвѣ“ напечатано не во II-мъ, а въ настоящемъ томѣ, стр. 356 и сл.

[illegible] расширить.

„ 436. прим. 1. Д. Н. Свербеевъ почитаемъ былъ друзьями за большаго любителя и знатока всякихъ дипломатическихъ тонкостей.

Digitized by Google